

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

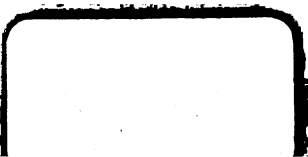
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929341 9

Callan
1361

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐπιθεὶς τι ἀλοχρῖν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δεῖσθαι περὶ
ἑσὸς τὰ δίκαια μῆτι γινῆσαι μῆτι ποῖσθαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προηγουμένων ἀνδράων
ἐν τοῖς ἐκζητούμενοις οὐχ ἔμολον καταλιπομένην οὐδ'
τι ἀδικημάτων καὶ τῶν ἀδικημάτων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

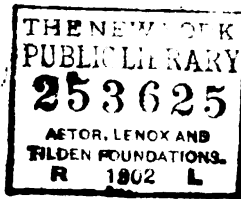
73

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

=
1845.

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

если, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1845 года, октября 30 дня.

Ценсоръ А. Вихтенко.
Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯГО
ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Современная сказка. <i>Н. Третьякова</i>	5.
Простонародныя мелодіи. <i>Виноградова</i>	15.
Лизистрата. Комедія <i>Аристофана</i>	

ПРОЗА.

Петербургъ днемъ и ночью. <i>Е. П. Ковалевскаго</i>	
Часть третья.....	17.

Три періода. <i>Н. В. Кукольника</i>	65.
Часть вторая и послѣдняя.....	133.
Воспоминанія <i>Фаддея Булгарина</i>	133.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Графъ Монте-Кристо. Романъ Александра Дюма....	
Часть третья.....	1.
Часть четвертая.....	89.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Англійскія путешественники.....	1.
Писатели и ученые предъидущаго пятидесяти лѣтъ. <i>Сочиненіе лорда Брума</i>	
Вольтеръ и Руссѣ.....	
Статья первая.....	23.
Статья вторая Юмъ и Робертсонъ.....	63.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Успѣхи теоріи сельскаго хозяйства. <i>О. Комстадіусъ</i>	1.
Самый простой и самый выгодный способъ обдѣлки прядильныхъ растений.....	15.
О развитіи торговаго сообщенія между Обью и Печорою. <i>Г. Богуслава</i>	21.

V.

КРИТИКА.

Инквизиція. Сочиненіе <i>Галлоа</i>	1.
---	----

Notathi etc. (Замѣтки изъ музыкальнаго путешествія во Германіи).....А.....	17.
---	-----

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Октябрь, 1845. Новыя книги и брошюры.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	21.
Ноябрь, 1845. Новыя книги и брошюры.....	23.
— — Разныя извѣстія.....	57.

VII.

СМѢСЬ.

ОКТАВРЬ.

Литературныя новости во Франціи. Послѣдніе фран- цузскіе «лѣтоны». I. Пора! или Нѣтъ худа безъ добра. Романъ Фредерика Сулів.....	1.
II. Львица. Романъ, его же.....	63.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	67.
Новыя французскія книги.....	71.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	74.
Моды.....	77.

НОВАБРЬ.

Планета Марсъ. Измѣненіе въ ея наружномъ видѣ. Авдцать-пятая небесная облачность Гершеля, ви- димая въ телескопъ лорда Росса.....	87.
Новые металлы. Орбій и тербій. Ніобій. Пелоній. Рутеній.....	88.
Изоузоріи въ каменныхъ породахъ, называемыхъ вулканическими.....	89.
Прусская геронія.....	90.
Проектъ паровой почты и паровыхъ телеграфовъ...	91.
Книгопечатаніе въ Германіи.....	—

Рудники алмазовъ въ Бразиліи.....	92.
Москва.....	93.
Литературныя новости во Франціи. Последніе французскіе фельетоны. Браки для того свѣта. Романъ господъ Мишеля-Масона и Фредерика Тома.....	101.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	222.
Музыкальныя новости.....	230.
Новыя французскія книги.....	234.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	237.
Моды.....	240.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Вотъ вамъ, друзья, простая небылица,
Похожая на быль: въ ней вычуръ нѣтъ,
Въ ней встрѣтите встрѣчаемыя лица,
Увидите не на ходуляхъ свѣтъ,
А таковымъ, какимъ онъ есть и будетъ.
Она, быть-можетъ, хоть на мигъ разбудитъ
Воспоминанье въ вашихъ старикахъ
О шалостяхъ, и о другихъ дѣлахъ.

II.

Она, быть-можетъ, также позабавить,
 Въ досу́жій часъ, столичныхъ шалуновъ;
 Иныхъ она отъ шалостей исправитъ,
 Другихъ шалить она заставитъ вновь.
 Мы безъ проказъ не проволочимъ вѣка;
 И что за жизнь была бы человѣка,
 Друзья мои, согласны съ этимъ вы,
 Безъ шалостей, бездѣля, безъ любви?

III.

Достигъ или нѣтъ моей желанной цѣли,
 Мнѣ всё-равно, — я для себя писалъ;
 Мнѣ похвалы в брани надобли:
 Я не ищу ни брани, ни похвалъ.
 Пишу затѣмъ, что пишется невольно.
 Вотъ я одинъ, — вдругъ, самодовольно,
 Сажуся я за старое бюро,
 И съ жадностью хватаюсь за перо.

IV.

Пишу, пишу..... Читаю, вновь читаю,
 Пишу опять, и строку за строкой
 Нижу-себѣ, а самъ еще не знаю,
 Что будетъ дальше! Знаю — мой герой
 Большой шалунъ — и только! А прозванья
 Не выдумалъ — и просто наказанье,
 Для авторовъ романовъ, небылицъ,
 Именоватъ вамъ дѣйствующихъ лицъ!

V.

Какъ назову героя небылицы?
 Съ какимъ его прозваньемъ поведу,
 Я по домамъ извѣстныхъ лицъ столицы?
 Въ романѣ новомъ, можетъ-быть, найду
 Ему названье.... Нѣтъ! ищу напрасно;
 Здѣсь пмя всякое старо ужасно —
 Мой умъ не быстръ на выдумки именъ!
 Такъ назовемъ героя: князь N. N.

VI.

Усталый князь, отъ жизни, и отъ бала,
Покоится еще въ пуховникахъ.
Его всю ночь сегодня занимала,
Въ игривыхъ снахъ, и въ радужныхъ мечтахъ,
Красавица, которую на балъ
Всѣ волокиты жадно окружали,
Чтобъ въ вальсѣ станъ рукою страстной сжать,
И устъ ея дыханіемъ дышать.

VII.

Ему приснилось — предпочтенъ онъ ею
Большой толпѣ столчныхъ волокитъ;
Что онъ боа накинулъ ей на шею;
Что онъ коснулся пламенныхъ лавитъ,
Нечаянно, горящими устами.
Не оскорбясь, веселыми очами
Она взглянула князю N. въ лицо,
И подала — вѣнчальное кольцо.

VIII.

Вотъ онъ стоитъ съ невѣстой предъ амвономъ,
Вотъ кончился торжественный обрядъ,
И съ пѣснями и съ колокольнымъ звономъ
Ведутъ его съ княгинею назадъ.
Вотъ дома князь; онъ отъ любви трепещетъ,
И взоръ его безумной страстью блещетъ,
Еще минута — и навѣки связь.....
Но вдругъ проснулся утомленный князь.

IX.

Межъ-тѣмъ въ передней жмутся кредиторы;
Онъ позвонилъ. Къ нему вошелъ слуга.
«Подай мнѣ туфли; подыми-ка сторы!»
И, туфлею обутая, нога
Спустилась тихо на коверъ съ узоромъ,
Князь въ зеркало взглянулъ туманнымъ взоромъ,
Халатъ накинулъ; въ креслахъ развалился,
Свой туалетъ приготовляетъ князь.

X.

Слуга Иванъ, красуясь въ отдаленнѣ,
 Съ осанкой гордой, въ модномъ сюртукѣ,
 Почтительно ждетъ князя новелѣнцѣ,
 А мой герой, со щеточкой въ рукѣ,
 Сидитъ за дѣломъ — занять не бездѣлкой:
 Онъ занялся ногтями своихъ отдѣлкой;
 А нынче ногти, зубы, волоса —
 Всѣхъ нашихъ франтовъ лучшая краса.

XI.

А мой герой похвастать могъ зубами,
 Ихъ бѣлизной, и дивной красотой,
 И мой герой хвалился волосами,
 Ихъ мягкостью, арабской чернотой.
 Простившись на ночь съ суетой и свѣтомъ,
 Все утро князь сидѣлъ за туалетомъ,
 Романъ читалъ, или припоминалъ,
 Куда онъ званъ къ обѣду, или на балъ.

XII.

Въ уборной князя смѣсь произведеній
 Европы всей. Къ нему изъ всѣхъ столицъ,
 Въ парижскомъ фракѣ, меркантильный геній
 Приноситъ кучи дорогихъ вещицъ,
 И на столѣ, орѣховомъ, съ рѣзбою,
 Онъ сыплетъ ихъ искусною рукою.
 Доволенъ князь — вещамъ всѣмъ каталогъ,
 Онъ въ цѣлый годъ составить бы не могъ.

XIII.

Усѣвшись важно въ мягкомъ оттоманѣ,
 Онъ кофе пьетъ. Ему все сладкій сонъ
 Является, въ таинственномъ туманѣ,
 И онъ сигарнымъ дымомъ окруженъ,
 Мечтаетъ сладко о своей царницѣ,
 Ужъ слышатъ онъ какъ въ сѣверной столицѣ,
 Объ немъ во всѣхъ гостиныхъ говорятъ —
 Онъ хмурится, а самъ душевно радъ.

XIV.

Пока онъ пьетъ напитокъ арабскій,
 Слуга ему безмолвно подаетъ,
 То отъ графини душистая записка,
 То кредитора безконечный счетъ.
 Записки дамъ читаетъ онъ прилежно;
 А счетъ въ бюро бросаетъ онъ небрежно,
 И у него всегда готовъ отвѣтъ:
 Графинямъ: да, а кредиторамъ: лжѣ!

XV.

Въ нашъ мудрый вѣкъ нѣтъ кредиторамъ счастья!
 Они еще не убѣдились въ томъ,
 Что въ нихъ никто не хочетъ взять участья,
 Хотя по-миру ходи они съ мѣшкомъ,

XVI.

Вотъ близко полдень, князь не одѣвался.
 Онъ занялся романомъ новымъ Сю;
 Тогда весь свѣтъ Матильдой восхищался —
 Свела она съ ума Европу всю.
 Хотя не люблю я повѣстей французскихъ,
 Но иногда, за немѣньемъ русскихъ,
 Читаю Сю, Бальзака и Виньи
 И всѣхъ дѣтей нестовой семьи.

XVII.

И часто мнѣ бываетъ больно, грустно,
 Что Русскіе не щегольнуть умомъ.
 Иной романъ задумаетъ искусно,
 Да говоритъ татарскимъ языкомъ;
 Иной напишетъ много, очень много,
 Да мыслей нѣтъ, ни чувства и ни слова;
 Немногихъ мы, межъ нами, назовемъ
 Людей съ талантомъ, вкусомъ и умомъ.

XVIII.

Но эти люди—наши самоцвѣты,
 Въ вѣнци Россіи лучшіе листы!
 Ужъ многихъ цвѣтъ — увянули поэты,
 Какъ осенью роскошные цвѣты!
 Теперь мы рѣдко встрѣтимся въ журналахъ
 Съ талантомъ яркимъ, и не такъ ли въ залахъ.
 Мы видимъ рѣдко неподдѣльный станъ,
 Или красу встрѣчаемъ безъ румянъ?

XIX.

У насъ поэтовъ списокъ безконечный;
 Но многихъ ли мы любимъ отъ души?
 Найдёмъ ли въ нихъ хотя огонь сердечный?
 Прочтемъ стихи, и скажемъ: «Хороши,
 «Всѣ стопы есть, и даже рѣзмы звонки,
 «Да мысли, мысли такъ щелушны, тонки,
 «Что длинную піесу, безъ грѣха,
 «Мы заключили бѣ смѣло въ два стиха.

XX.

А публика все требуетъ обнови,
 И публику должны мы занимать.
 Вотъ ей даютъ Сенсацыи Курдюковой,
 И съ жадностью ихъ начала читать;
 Она, сначала, очень хохотала,
 Творца Сенсацій розами вѣнчала;
 Но, признаюсь, тамбовскому пѣвцу,
 Вѣнокъ изъ розъ былъ очень не къ лицу.

XXI.

Потомъ одинъ искусникъ знаменитый,
 Пустилъ въ нее рой цѣлый Комаровъ;
 Но Комары мгновенно перебиты
 Безжалостной хлопущей остряковъ.
 Но вотъ явился съ книгою огромной,
 И, говорятъ, съ позмой многотомной,
 Рассказчикъ умный острыхъ повѣстей
 И поднялъ шумъ поэмою своей.....

XXII.

Но княземъ N пора намъ признаться;
 Онъ въ чтеніе романа погружонъ;
 Ужъ онъ Матильдой началъ восхищаться,
 Ужъ онъ въ нее безъ памяти влюбленъ;
 Но вдругъ Иванъ вошелъ къ нему съ докладомъ.
 Метнулъ въ него князь недовольнымъ взглядомъ,
 Пробормотавъ. «Что нужно?» — «Третій часъ;
 Въ передней ждутъ всѣ кредиторы васъ.»

XXIII.

Съ досадою князь, отбросивъ томъ романа,
 Лѣниво всталъ: «Я выйду», онъ сказалъ,
 Сѣлъ за рояль, и что-то изъ Адана,
 Потомъ галопъ онъ Листа проигралъ;
 Взялъ нѣсколько аккордовъ безъ вниманья,
 Закрывъ рояль, а между-тѣмъ, молчанье
 Смѣнило шумъ въ передней, вышелъ князь
 Къ займодавцамъ, отъ души сердясь.

XXIV.

Въ передней было много кредиторовъ
 (Кредитомъ нынче существуетъ свѣтъ),
 Онъ насаждалъ имъ много, много вздоровъ,
 А результатъ всего, что денегъ нѣтъ.
 Того просилъ онъ подождать полгода,
 По случаю нежданнаго расхода;
 Другаго—мѣсяцъ; третьему сказалъ,
 Что онъ его немного обсчиталъ.

XXV.

Но сказано все такъ придворно, ловко,
 Что всѣ довольны. Князь умѣлъ всегда,
 Безъ платежа своей монеты звонкой,
 Безъ униженья, даже безъ труда,
 Уладить дѣло съ добрымъ кредиторомъ;
 Его потѣшить онъ невиннымъ вздоромъ.
 И кредиторъ несчастный, хоть не радъ,
 Идетъ всегда съ улыбкою назадъ.

XXVI.

Въ передней пусто. Князь спросилъ Ивана:
 «Уѣхала ль, съ визитомъ, со двора,
 «Старушка-тѣтушка, княжна Татьяна,
 (Временъ забытыхъ Фрейлина Двора)?
 —«Нѣтъ-съ, у себя: закладывать карету
 Велѣли тотчасъ.» — «Узнавать секреты
 Поѣдетъ, вѣрно, по большимъ домамъ,
 Да что жъ и дѣлать тѣтушкамъ-княжнамъ?»

XXVII.

Но обратимся къ князя малолѣтству,
 Посмотримъ мы, каковъ онъ прежде былъ;
 Какъ проводилъ онъ дорогое дѣтство,
 И кто его во всемъ руководилъ.
 Наклонности его узнаемъ тонко.
 Изъ прихотей невиннаго ребенка,
 Изъ шалостей, изъ нѣкоторыхъ словъ,
 Грядущее я въ немъ узнать готовъ.

XXVIII.

Княжны Татьяны—князь родной племянникъ;
 Его отецъ старушкѣ братъ родной,
 Онъ, говорятъ, престрашный былъ забавникъ,
 Но тѣмъ не меньше малый дѣловой:
 Училищъ былъ почетный попечитель,
 Былъ славенъ, какъ губернской предводитель,
 Дворянствомъ всѣмъ онъ уважаемъ былъ,
 И общую любовь онъ заслужилъ.

XXIX.

Хотя служилъ, по выборамъ дворянства,
 Онъ съ честію почти пятнадцать лѣтъ,
 Но, кажется, за службы постоиство,
 Не заслужилъ, чтобы его портретъ
 Висѣлъ всегда въ большой дворянской залѣ,
 Хотя давно въ собраньи предлагали
 Его друзья, что надобно портретъ,
 Его списать; былъ толкъ: и да, и князь.

XXX.

И положили, при большомъ собраньи,
 Благодарить — и дѣло рѣшено;
 А объ его портретѣ совѣщанье
 На краткій срокъ еще отложено.
 Но кончилось все очень тихо, гладко:
 Отъ страннаго какого-то припадка,
 Скончался князь — и малолѣтній сынъ
 Его имѣнья полный властелинъ.

XXXI.

Княжна Татьяна въ вѣкъ Екатерины
 Прославилась своею красотой,
 И то сказать — она была картина
 Наружностью, и ангелъ добротой.
 Но, вѣдь судьба причудлива бываетъ:
 Она, подѣль-часть, красавицъ надѣлаетъ
 Престранной долей, и моя княжна
 Была ко всѣмъ исканьямъ холодна.

XXXII.

Дѣвицею она осталась вѣчно;
 Вотъ умеръ братъ (самъ лѣтъ онъ былъ вдовцомъ),
 И князя N., съ горячностью сердечной,
 Княжна Татьяна приняла въ свой домъ.
 Наслѣднику единственнаго брата,
 Ея открыта пышная палата;
 Monsieur Факэ, отличный гувернёръ,
 Взялъ князя N. подѣль-чательный надворъ.

XXXIII.

У насъ давно вошли Французы въ моду,
 Для нихъ всегда готовъ у насъ пріемъ,
 И умному французскому народу
 Мы предпочтеніе и нынче отдаемъ.
 Его удѣлъ — лелѣять наше дѣтство,
 Насъ приучать искусно съ малолѣтства
 Какъ чувствовать, и какъ смотрѣть на свѣтъ,
 Какъ кланяться, и какъ лощить паркетъ.

XXXIV.

Недавно я, въ одномъ стихотвореньи,
 Негодованье высказалъ свое,
 Что мы не любимъ собственнаго мнѣнья,
 Что мы смѣнили русское житье
 На легкій быть французскаго народа,
 Что насъ гнетётъ прельстительница-мода,

XXXV.

Иной изъ насъ Москвы еще не знаетъ;
 Онъ только видѣлъ Павловскъ, Петергофъ,
 А русское безжалостно ругаетъ.
 Встрѣчалъ я много этихъ мудрецовъ!
 Не поглядѣвъ на родину сначала,
 Они стремятся, кто куда попало,
 Въ чужіе края. Для чего? Они,
 Или богаты, или умомъ больны.

XXXVI.

Но князя N. такъ важно воспитанье
 Для нашей сказки, что намѣренъ я
 Подробное составить описанье,
 Теперь же я усталъ, мои друзья;
 А если слушать дальше захотите,
 Одну страницу вы переверните.
 А вотъ, пока, вамъ первая глава,
 Но ужъ не знаю, право, какова?

Н. ТРЕТЬЯКОВЪ.

=

ПРОСТОНАРОДНЫЯ МЕЛОДИИ.

=

I.

Не зарей щебечетъ ласточка
 Увиваясь вокругъ гнѣздышка;
 Не дубрава стонетъ темная,
 Не труба гудитъ военная:
 То горюетъ красна дѣвица
 Надъ убитымъ добрымъ молодцемъ.

Не роса въ часъ утра майскаго
 На цвѣточки, траву шелкову
 Упадаетъ крупнымъ жемчугомъ.
 Ахъ! то плачетъ красна дѣвица,
 Слезы падаютъ горючія,
 На грудь полную, лебязю.

Не въ поднебесьѣ касаточки
 По зарѣ воркуютъ, бѣлыя,
 То рыдаютъ всѣ подруженьки
 И слезами заливаются
 Надъ умершей, красной дѣвицей....

II.

Разлюбила красна дѣвица
 Мои кудри, глаза ясные,
 Разлюбила, ненаглядная,
 Мои пѣсни, рѣчи красныя.

Затуманились всѣ радости,
 Будто цвѣтики завянули;
 Ласки пѣжныя, любовныя,
 Слово камнемъ въ воду-канули.

Что жъ мнѣ дѣлать отъ кручинушки?
Полечу я въ высь небесную:
Запою тамъ о своей любви
Пѣсню звонкую, чудесную....

ВИНОГРАДОВЪ.

=

ПЕТЕРБУРГЪ

ДНЕМЪ И НОЧЬЮ.

=

Е. П. КОВАЛЕВСКАГО.

=

Часть третья.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПОХИЩЕНІЕ.

Старушка Бенская, положивъ къ себѣ на грудь русую головку дочери, колебала ее своимъ дыханіемъ. Дѣвушка глядѣла сквозь полузакрытыя вѣки и улыбалась ей; она утопала въ радужныхъ мечтахъ, которыя просвѣтлѣли, благодаря не многимъ словамъ Назара Назаровича. Пирожковъ былъ занятъ своими мыслями, не спокойными, тревожными мыслями. Обрвышъ опустилъ книгу, но которой учился читать и смотрѣлъ безмолвно, задумчиво на группу двухъ женщинъ. Прежній его видъ, разгульный, дерзкій, уже исчезъ и самыя черты лица какъ-то сгладились и не выдавались такъ рѣзко.

Т. LXIII. — Отд. I.

2

— Что, Ваня, сказала Ольга: не собираешься ли опять испугать насъ какими-нибудь зловѣщими новостями?

— Кто его знаетъ, злыя ли это новости или добрыя, а есть!

Мать пугливо оборотила голову всторону; дочь оставалась въ прежнемъ положеніи и мѣла въ нѣгѣ чувствъ.

— Что же?

— Вчера вечеромъ, уже въ сумеркахъ, шелъ я домой; было темно и непогодно, и я совсѣмъ наткнулся на человѣка: стоитъ-себѣ, какъ пень, на панеляхъ; я мимо; — нѣтъ, стой! говоритъ: я тебя только и поджидалъ.—А что? — Вотъ что, говоритъ: посмотри на себя, что ты за человѣкъ такой! Прямой Обдѣрышъ, по шерсти клочка! — Я было къ нему съ кулаками, да онъ стиснулъ мои руки словно клещами. Молчи, да слушай, говоритъ. У тебя былъ отецъ, — пропалъ, сгибъ какъ собака на соломѣ, и ты такъ пропадешь.... У тебя есть мать, а ты ее и знать не знаешь; умрете оба, не увидѣвшись въ этой жизни, а если увидите, то какъ чужіе: она плюнетъ на тебя: ты вѣдь тряпичникъ! грязный, гадкой! А ты съ досады облаешь ее. Вотъ вамъ и встрѣча, вотъ тебѣ и мать! — Ну, такъ что жъ мнѣ дѣлать; я чѣмъ же тутъ виноватъ? сказалъ я.—Виноватъ тѣмъ, что растешь какъ скотина, ни о чемъ не думаешь. А смерть батьки была изъ такихъ, что тебѣ надо было призадуматься. Что тебѣ дѣлать, я еще и самъ не знаю. Приходи завтра въ эту пору, сюда.... можетъ-быть я и надумаю. — Ладно, говорю я. Мы такъ и разошлись. Вотъ притча, такъ притча.

— Что жъ ты думаешь дѣлать, Ваня? сказала Ольга приподнимая свою отяжелѣвшую голову и обращаясь быстро отъ свѣтлаго предмета своихъ мыслей къ судьбѣ Обдѣрыша, потому что доброе сердце ея не знало эгоизма и трогалось участію другаго какъ своею собственною.

— Не ходи на это свиданіе, сказала старушка: чтобъ не было худо.

— А что жъ можно худаго сдѣлать со мною? съ меня зятки гладки!

— Да какъ говорилъ съ тобою этотъ, что встрѣтился...

хорошо, ласково? сказалъ въ свою очередь Пирожковъ: ты ничего не видишь такого.....

— Да что увидишь въ потемкахъ..... ничего..... хорошо....

Всѣ призадумались.

— Пойду, пойду! вскрикнулъ Обдърышъ, съ рѣшимостью: коли и вправду есть у меня мать, такъ я готовъ на все для нея..... хоть животъ свой положить..... Можетъ быть и бѣдная мать моя гдѣ-нибудь въ богадѣльнѣ..... не даромъ меня тотъ называлъ скотиной. Скотина и есть! Ни о чемъ не думаю, мнѣ хорошо, а можетъ бѣдная съ-голоду умираетъ. Волкъ я этакой! жру себѣ, а мать гдѣ-нибудь на улицѣ въ грязи валяется..... Пойду, пойду хоть бы меня тамъ извели..... Если бъ Се-ня узналъ, что у меня есть мать! дожилъ до пятнадцати лѣтъ, да и не зналъ, что у такого урода, голыша, какъ я, можетъ быть мать, ровно у порядочнаго человѣка.

— Не сокрушайся, Ваня, не вини себя понапрасно, сказала Ольга, не могшая безъ состраданія глядѣть на эти двѣ крупныя слезы, которыя колючая горестъ выжала изъ большихъ черныхъ глазъ Обдърыша:—Вѣдь у насъ есть еще средство узнать что-нибудь о твоёмъ происхожденіи, и если я не ошибаюсь, средство довольно вѣрное.

— Моя добрая барышня, ради Христа сжаьтесь надо мною и скажите есть ли у меня родъ и племя, есть ли у меня мать; вы сами знаете, какое сокровище для человѣка мать. Саме видите, меня коритъ всякой кто хочетъ, всякой надѣвается... и все потому что у меня ни отца ни матери, ни брата ни сестры.

Обдърышъ повалился въ ноги дѣвушкѣ. Такъ онъ еще никогда ни о чемъ не проситъ, такъ еще никогда не чувствовала его душа, умягчившаяся отъ сообщества съ этими вѣжными, кроткими, любящими существами; она уже выработалась въ непрерывныхъ приключеніяхъ, которыя если не имѣли своего обыкновеннаго дѣйствія, то все же не могли проскользнуть, не оставивъ на ней своего впечатлѣнія.

— Полно, Ваня, полно убиваться. Видишь ли какъ мы можемъ узнать о твоёмъ происхожденіи. Ты не забывь о

сверткѣ бумагъ, что отдалъ мнѣ на сохраненіе. Онѣ отъ твоего отца; это или переписка его, можетъ-быть съ матерью, или послѣдняя воля; во всякомъ случаѣ изъ нихъ можно узнать его отношенія, его значеніе въ свѣтѣ. Тогда я не посмѣла коснуться этихъ бумагъ, но теперь такой необыкновенный случай, свиданіе, на которое тебя зовутъ, самое твое отчаяніе, все навело меня на мысль распечатать ихъ, если позволитъ маменька и если хочешь ты, Ваня; теперь же ты и самъ, хоть по складамъ, а всё-таки можешь кое-какъ читать. Вѣдь ты очень успѣлъ въ послѣднее время.

Всѣ рѣшили, что надо непременно посмотреть бумаги Обѣрвыша, и если что можно узнать изъ нихъ, то вступить за него всю силою своего ограниченнаго вліянія въ свѣтѣ. Ольга пошла за ними въ свою комнату. Долго ждали ее и, наконецъ, она возвратилась въ смущеніи, въ страхѣ, едва дышущая.

— Что съ тобою, Олинька? вскрикнула мать.

— Бумаги пропали! отвѣчала она прерывистымъ отъ сильнаго волненія голосомъ.

— Быть не можетъ! ты вѣрно не нашла ихъ, не вездѣ искала.

— Все перерыла—напрасно.... Бумаги лежали въ божницѣ, я это твердо помню, я сама ихъ спрятала,—и онѣ не могли никуда выпастъ, не могли пропасть.

— Значитъ, онѣ украдены.

— Не знаю; не смѣю никого обвинять; въ комнату кромѣ меня ходитъ только Таня; а вы знаете, какъ она мнѣ предана.

— Непостижимо.

— Ваня, милый Ваня, я буду, можетъ-быть, виновницей твоего сиротства, твоего горькаго положенія, потому что не умѣла уберечь этихъ бумагъ, а въ нихъ, вѣрно, хранились свидѣтельства твоего происхожденія; не можетъ быть, чтобы отецъ твой не подумалъ о тебѣ въ часъ смерти, когда разумокъ возвратился къ нему по волѣ самого Господа. Богъ не забываетъ сиротъ.

— Нѣтъ, барышня, не вы виноваты; виноваты злые люди: имъ на что-то понадобился нашъ покой, наша жизнь,

Бумаги, вѣрно, украдены. Намедни я видѣлъ Оедулку недалеко отсюда; гнался за нимъ, да не догналъ: чертѣнокъ не даромъ тутъ бродилъ. Онъ знаетъ, что если попадетъ мнѣ въ руки, такъ не выпущу пока не вымещу на немъ всѣхъ своихъ бѣдъ: такъ напрасно не станеть подвертываться мнѣ подъ руки.

— Но никто посторонній не могъ войти въ мою комнату, особенно теперъ, когда я почти не выходила изъ дому.

— Ужъ видно Оедулка за-одно съ нечистымъ; отъ него это станеться!

— Не говори такъ, сказала старушка, набожно перекрестясь.

— А можетъ онъ-то самъ и есть нечистый. Всяко бываетъ!

— Ваня!

— Не сердись, барыня, я такое говорю, что и самъ не знаю. А вы, барышня, не горюйте, а то мнѣ вдвое будетъ горе. Молчите, ужъ, вотъ я пойду, да разузнаю отъ того, чтó вѣчоръ къ себѣ звалъ. Разузнаю все толкомъ, такъ и бумага не понадобится.

— А если чтó случится съ тобою, Ваня? Какъ можно отпустить тебя одного! Богъ знаетъ чтó это за человѣкъ твой-то, сказала старуха.

— И точно, подхватилъ Пирожковъ, надобно ему кого-нибудь придать въ проводники.

— Да кого же? кромѣ Тани у насъ никого нѣтъ.

— На это вѣдь есть блюстители порядка.....

— Вахмистры, сказала старуха, которая еще помнила военныхъ подручниковъ своего мужа.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ вахмистры, а чтó-то въ родѣ того....

— Да гдѣ жъ мы достанемъ такихъ?

— Вездѣ.... это вѣдь ихъ дѣло, оберегать беззащитныхъ, преслѣдовать злонамѣренныхъ....

— Не падо мнѣ никого..... Я и одинъ пойду..... только можетъ промаюсь долго, ужъ сдѣлайте милость, тово..... покарауйте барышню..... Ночь такая разбойничья.... Оедулка мальчикъ изъ воровъ.... эта ночь по немъ; пожалуй, наведетъ такихъ.... ну, да при барынь не годит-

ся поминать.... Пуще всего глядите, чтобы не пробрался кто изъ саду.... ворота за мною закройте хорошенько.... вотъ я говорилъ, чтобы завели собаку.... такъ вишь некогда.... все книги, да книги; а что въ нихъ толку!.... Ужь вы эту ночь, пожалуйста, въ сторону ихъ; возьмите изъ монхъ дубинокъ, ваша дрянь.... да про садъ по-чаще навѣдывайтесь....

— Ужь будъ покоенъ, Ваня, я не смигну глазомъ всю ночь.... Да и гдѣ тутъ спать, когда ты пускаешься въ такую опасную экспедицію. Бывало по недѣлямъ тебя не видишь, и заботы нѣтъ; а тутъ непостижимое сдѣшленіе обстоятельствъ, пропажа бумагъ, безпрестанныя угрозы, Богъ знаетъ откуда и за что: это представляетъ такой сложный механизмъ, такую непонятную комбинацію частей, что не скоро и разберешь....

— Ну, тамъ какъ сами знаете съ кабаляціями; а вотъ барышню-то, пожалуйста, берегите мнѣ.... а то я всё какъ-то боюсь, чтобы знаете.... чего не прилучилось....

— Какъ тебѣ не стыдно, Ваня!...

— Ладно, ладно.... Такъ прощайте. Перекрестите меня, барыня: я буду думать, что мать перекрестила, такъ на душѣ легче станетъ.... Барышня, не забывайте запереть ставень щеколдой, а двери на ключъ, да не пускайте и Таню, если станетъ стучаться ночью.... Вишь какая ночь!

Дѣйствительно, ночь была не хорошая. Вѣтеръ вылъ волкомъ и стоналъ какъ домовой. На взморьѣ онъ трепалъ бѣлые парусы, въ городѣ бѣлесоватыя тучи, которыя двигались густыми массама на черномъ небѣ и разметывалъ ихъ клочками вправо и влево, а въ садикѣ, что прилегалъ къ сѣренькому дому, издѣвался надъ гибкими березами: то гнулъ ихъ къ землѣ, то сбивалъ трепетные листочки. Ночь была, какія сплошь и рядомъ бывають въ Петербургѣ, особенно подъ осень.

— Ваня, мы будемъ ждать и молиться за тебя.

— Часа два ждите, а не приду, значитъ сегодня и не приду; коли не дождется и завтра, такъ совсѣмъ не ждите. Ахъ, кабы Сенюха, оставилъ бы его здѣсь, ни о чемъ бы я не думалъ.

— Да не беззвонкойся, пожалуйста, о насъ; думай о себѣ, Вяня.

— Прощайте!

И напутствуемый благословеніемъ женщины, онъ отправился въ путь.

Первый разъ сердце Оббръвша ёкнуло. Оно трепетало такъ странно и такъ продолжительно, какъ еще никогда не трепетало въ этой груди, выставленной самою судьбою на произволъ бури, непогоды и житейскихъ бѣдъ, которыя разрушались на ней, не задѣвая сердца. Правда, раза два кое-какое чувство промелькнуло въ немъ и исчезло мгновенно, безъ слѣда; теперь же Оббръвшъ сжималъ грудь, боясь чтобъ сердце не выбилось изъ него; напрасно хотѣлъ онъ заглушить его вопль пѣснью; пѣснь прервалась.... прервалась потому, что эта заунывная русская пѣсня теперь впервые нашла откликъ въ его душѣ, а прежде пѣсня дилась-себѣ, безъ всякаго участія души. Богъ знаетъ что такое творилось съ бѣднымъ мальчикомъ. Онъ было сначала думалъ, что холодъ заставляетъ его дрожать, но голова горѣла; кѣму же онъ былъ одѣтъ гораздо теплѣе обыкновеннаго, благодаря заботливости Бенской; это не былъ и страхъ: Оббръвшъ представлялъ въ своемъ воображеніи самыя ужасныя вещи, но онѣ не пугали его, и если онъ оглядывался, такъ только длятого, чтобы еще взглянуть на стрѣшной домикъ: тамъ порою мелькали тѣни и долго останавливались у оконъ, вѣроятно прислушиваясь къ непогодѣ.... Хорошо, думалъ Оббръвшъ: старикъ не за книгой.... караулить.... И при мысли объ этихъ женщинахъ, Оббръвшу представлялась мысль о матери, о сестрѣ.... Что если бъ и у меня была мать, сестра! думалъ онъ.... какъ онѣ любили бы меня, когда вотъ и тѣ.... а что онѣ ины!...

Какъ странно, какъ непостижимо развивается природа, по-видимому самая грубая! и откуда у ней берутся эти чувства, эти душевныя вѣрованія! кто научаетъ имъ!... Кто научаетъ цвѣтокъ обращать свою головку къ солнцу и согласоваться съ его теченіемъ на небѣ!...

Тихо, глухо кругомъ; только порывистый дождь съ-

четыре длинный рядъ заборовъ, да вѣтеръ распѣваетъ осеннюю пѣснь, заглушая шаги прохожаго. Оббрышь дошелъ до конца Болотной Улицы; онъ повернулъ направо и чуть-чуть не споткнулся на что-то живое, движущееся за угломъ улицы. Вглядѣлся — человѣкъ! не тотъ ли это таинственный незнакомецъ, который назначилъ ему ночное свиданіе? но тотъ долженъ бы быть въ концѣ другой улицы. Вскорѣ Оббрышь увидѣлъ другую тѣнь на заборѣ: тутъ только онъ замѣтилъ, что эти два человѣка были видны ему потому что на нихъ упалъ свѣтъ потаеннаго фонаря, который былъ въ рукѣ одного изъ нихъ, между-тѣмъ какъ Оббрышь оставался въ тѣни. Недоумѣніе его еще больше увеличилось, когда онъ разслышалъ голоса.

— Куда ты свѣтишь, Крыса, не видишь развѣ, что тутъ заборъ, а не ворота!

— Чорта увидишь, въ этой темнотѣ.... Ну, вотъ тебѣ и ворота. Поди, читай. •

— Онъ и есть: Но 41, а вотъ и Болотная Улица.... Теперь смотри жъ ты, Крыса, держи ухо остро; я въ минуту все покончу.... лѣстницу сюда къ балкону, такъ....

И при сильныхъ ударахъ вѣтру, при быстромъ поворотѣ фонаря, иногда при блескѣ молніи, передъ Оббрышемъ то мелькала фигура человѣка, котораго заставлялъ читать товарищъ, то все покрывалось мракомъ и тишиною, то доходили до него отрывистыя слова. Незвѣстность его длилась недолго. Онъ не успѣлъ сообразить, что ему дѣлать, какъ изъ окна показалось что-то бѣлое.... Только слабый, какъ-будто душливый стонъ раздался.... Оббрышь поднялъ крикъ и со своею дубиною кинулся къ тому мѣсту, гдѣ совершалось воровство или преступленіе. Но фонарь потухъ.... зги не было видно.... все смолкло, притаяло дыханіе.... Только съ противоположнаго конца улицы раздался шагъ, и вскорѣ кто-то отозвался:

— Что тутъ за крикъ?... одурѣли вы, проклятые, что ли?

Оббрышь не зналъ, что это были за люди: пришли ли они на помощь къ нему или къ его противникамъ; но

голосъ казался ему знакомымъ, именно тотъ самый, который онъ слышалъ наканунѣ, который назначилъ ему свиданіе.... и Оббрьвышь обрадовался.

— Помогите, поюгите, кричалъ онъ, это я, Оббрьвышь: я шелъ-было къ вамъ, да вотъ....

Онъ не договорилъ, какъ общій залпъ смѣху заглушилъ самый вѣтеръ.

— Ну, ладно, ладно.... гдѣ жъ ты, дружище? Въ потемкахъ не скоро ошупаешь тебя, а эти дурачье, задули фонарь со страху. Сейчасъ видна крысья порода.

Оббрьвышь догадался съ какими людьми имѣеть дѣло. Онъ кинулся назадъ и хотѣлъ бѣжать; но тутъ наткнулся опять на человѣка и сильный ударъ въ грудь повалилъ его на-земь. Онъ едва могъ вскрикнуть и лишился силъ.

— Экъ ручка! сказалъ кто-то, словно молотокъ стукнулъ по немъ.

— Чтò раззвонился! На колокольнѣ чтò ль? закричалъ грозно тотъ, кто нанесъ такой славный ударъ:—Къ дѣлу... Тсъ.... слышите, стучать колеса.... Кой чортъ развѣзнулся въ этомъ мѣстѣ и въ такую пору!... Ужъ не подкараулили ль насъ?

Дѣйствительно, коляска мчалась во всю конскую прыть и прямо къ тому мѣсту откуда раздался крикъ.

Ночь немного просвѣтлѣла. Кучеръ, вѣрно, примѣтилъ пританвшуюся у забора группу. Обращаясь къ окну коляски, онъ сказалъ: «Ихъ, сударь, кажется, много:

— Стой!.... закричалъ кто-то изъ коляски.

Кучеръ неохотно повиновался.... Тотъ, кто сидѣлъ въ коляскѣ, самъ себѣ отперъ дверцы, потому что лакея не было; однимъ скачкомъ очутился на улицѣ и смѣло пошелъ на встрѣчу видимой опасности. Ночные бродяги, примѣтивъ съ кѣмъ имѣють дѣло, вышли изъ засады и принялись за дѣло. Одинъ изъ группы, именно тотъ, что такъ грозно распоряжался, отдѣлился отъ другихъ; еще прѣхавшій въ коляскѣ не успѣлъ подойти къ мѣсту, какъ сильный ударъ сзади повергъ его на землю.

— И этотъ ударъ не изъ послѣднихъ! Чортъ меня возьми, если это хуже того, чтò ты сейчасъ отпустилъ щенку.... Славный ударъ, Голова!

— Молчи! да работай живѣе!

Тотъ, къ кому относились эти слова Головы, схватилъ дубину Обфрвыша и кинулся къ коляскѣ. Кучеръ, замѣтивъ это движеніе, ударилъ по лошадямъ, но пущенная ему въ догонку дубина задѣла его, кучеръ свалился съ козелъ и едва успѣлъ удержаться на подножкѣ. Лошади понесли.

— Скорѣе въ путь, закричалъ Голова. *Баринъ* не троньте. Онъ, не скоро однется отъ моего поцѣлунъ!

И полупьяная ватага съ шумомъ отправилась; только приближаясь въ улицамъ, болѣе населеннымъ, она притихла.....

Человѣкъ, оставшійся на улицѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ, не такъ скоро очнулся. Ударъ ошеломилъ его; шатаясь, какъ пьяный, сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ и опять принужденъ былъ прислониться къ забору. Онъ съ трудомъ могъ припомнить кое-какія обстоятельства происшествія.... Голова кружилась, въ глазахъ рябѣло. Не постучаться ли въ эти ворота, думалъ онъ.... Но видно домъ необитаемъ; ничто въ немъ не шелохнулось, несмотря на то, что вся шумная сцена происходила чуть не подъ окнами его; правда, ставни были закрыты; но крикъ, стоны... неужели ихъ не слышали въ домѣ, если тамъ есть люди или если они не за-одно съ этими разбойниками..... Большой обвелъ кругомъ глазами..... Знакомыя мѣста..... да, точно, въ концѣ этой улицы живетъ Назаръ Назаровичъ. Чего лучше..... можетъ кое-какъ и дотащусь къ нему. И онъ поплелся, придерживаясь за заборъ и безпрестанно останавливаясь, чтобы перевести дыханіе. Не безъ большихъ усилій достигъ онъ наконецъ знакомаго ему сѣренбгаго домика.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ИРАЗГАДАННОЕ ЧУВСТВО ПРОЯСНЯЕТСЯ.

Описанная нами сцена разыгралась быстрѣе чѣмъ мы ее рассказали; но *баринъ*, какъ называлъ его Голова, пролежалъ довольно долго безъ чувствъ и потому, когда онъ

дотащился до сѣренькаго домика, было уже за-полночь. Тѣмъ не менѣе въ окнахъ свѣтился огонѣкъ и Назаръ Назаровичъ, въ точности исполнявшій порученіе Обдѣрвыша, не сходилъ со своего поста. Едва раздался стукъ, онъ закричалъ такъ громко, такъ грозно, какъ только могъ— кто тамъ? и поспѣшилъ къ воротамъ, въ надеждѣ найти Обдѣрвыша. Но Пирожковъ невольно попятился назадъ, узнавши пришельца. Какъ, это вы?.... произнесъ онъ..... въ такомъ видѣ.....

— Я, Невскій! Отоприте..... я едва держусь на ногахъ.....

Пирожковъ поспѣшно отперъ дверь и взявши чуть не на руки Невскаго, который совсѣмъ обезсилялъ, отправился къ дому. На крыльцѣ его ждали дамы, также въ полной надеждѣ встрѣтить Обдѣрвыша.

— Что съ нимъ? спросила заботливо мать, не могшая различить кого велъ Пирожковъ.

— Худо! Онъ лишился чувствъ....

Ольга кинулась къ страдальцу, и, внезапно пораженная неожиданностію встрѣчи, уронила свѣчку..... — Это не Ваня..... едва могли она произнести.

— Да кто жъ вамъ сказалъ, что это Ваня!.... Это мой другъ.... Невскій....

— Не надо же его оставлять такъ долго безъ пособій. Олинъка, позови скорѣе Таню, пускай пособить проводить его наверхъ, къ Назару Назаровичу.

— Наверхъ.... высоко.... ему не дойти.... и для большаго безпокойно у Назара Назаровича.

— Такъ гдѣ жъ мы помѣстимъ его?

— Можно здѣсь.....

— Въ нашей квартирѣ.... Мужчина! Подумай, Олинъка, какъ можно!...

— Это не мужчина..... это умирающій!

— Однако, что скажутъ злые люди?

— Что намъ до людскихъ толковъ, когда мы можемъ облегчить страданія.... хоть одного.

— Конечно, у Назара Назаровича ему голуби не дадутъ покоя, да и гдѣ тамъ уложить его, когда ему самому не на чемъ спать!

— Такъ ведите нашего друга сюда, добрый Назаръ Назаровичъ, сказала поспѣшно и съ примѣтною радостью Ольга, и сама пособляла поддерживать больного.

— Въ гостиную, на диванъ сказала мать.

— Какъ-можно, маменька! Диванъ жесткій, будетъ безпокойно..... да и став ей нѣтъ..... свѣтло! Совсѣмъ не годится для больного.

— Такъ куда же?....

— Ну, хоть въ мою комнату. И если бѣ не потухла свѣчка, мать увидѣла бы, что Ольга поалѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

— Чтѣ ты, чтѣ ты!..... съ ужасомъ проговорила старушка.

— Чтѣ жѣ за бѣда, маменька!.... Будто моя комната сдѣлается хуже отъ того, что въ ней пріютится страждущій.

— Вѣдь ты не знаешь?

— Знаю, знаю..... Невскій, другъ Назара Назаровича, такъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ.

— Да и кто жѣ за нимъ станетъ ухаживать? Вани нѣтъ!

— Еще бы кто!.... Когда я уходила далеко, чтобы присматривать за больнымъ, такъ развѣ оставлю того, чтѣ въ моей комнатѣ.

— Да какъ можно!..... и на твоей постели!

— Чтѣ жѣ! она очень покойна..... Такъ вы согласны, милая маменька..... согласны..... добрая, безподобная маменька..... Ужѣ вы ничего не бойтесь..... Въ домѣ не будетъ никакого безпорядка..... Я сама обо всемъ буду хлопотать..... Назаръ Назаровичъ, сюда, сюда!.... А вотъ и Таня! Танечка, дружочикъ, по-скорѣе горячей воды!.... Надо напоить чаемъ больного.... Такъ, вѣдь, маменька?...

— Нѣтъ, лучше бузиннымъ цвѣтомъ!

— Такъ бузиннаго цвѣту, Таня!

И Ольга суетилась, уложивъ больного на свою дѣвичью постель, хлопотала, и вовсе забывала, что она не спала всю ночь. Мать только сомнительно покачивала головою. Добрая, она ни въ чемъ не могла отказать своей дочери. Да и чтѣ жѣ тутъ за грѣхъ, Боже мой, дать пріютъ страж-

дущему. Опасности никакой быть не могло: мать вѣрила въ добродѣтель своей Ольги и, конечно, не безъ основанія. При томъ же она сама не знала какъ дала позволеніе на помѣщеніе Невскаго въ комнату своей дочери; все это случилось такъ быстро, что ея робкій умъ не успѣлъ еще хорошенько сообразить всего происходившаго на ея глазахъ.

Въ сѣрнскомъ домикѣ мало-по-малу возстановилась тишина. Старушка, взнеможенная безпокойствомъ ночи, которую провела безъ сна, прилегла на своей постелѣ, оставивъ больнаго на попеченіе дочери и поручивъ дочь почтенному Назару Назаровичу; его присутствіе въ комнатѣ Ольги спасало ее отъ людскаго нареканія, а мать берегла не только прекрасную душу своей дочери, но и самое нмя ее отъ всякаго пятнышка. Кромѣ-того Пирожковъ былъ полезенъ и для самого больнаго: онъ убѣдилъ женщину не безпоковтъ его, ни чѣмъ не поить, и обмывъ его рану, оставить въ постелѣ на попеченіе благодѣтельной натурѣ, которая лучшій врачъ для молодости. Дѣйствительно, Невскій, впавшій въ лихорадочный бредъ, мало-по-малу успокоился и благодатный сонъ осѣнилъ его. Назаръ Назаровичъ также дремалъ въ своихъ креслахъ.

Одна Ольга не спала. Не смыкая глазъ, не сводя ихъ съ блѣднаго, страдальческаго лица больнаго, она сидѣла безмолвная, пританывъ самое дыханіе, на краю постели Невскаго. Долго сидѣла она неподвижно, между-тѣмъ какъ внутри ея разъягивалась цѣлая драма жизни девятнадцатилѣтней, неопытной дѣвушки, драма, которой конецъ не можетъ предвидѣть ни зритель ни самый дѣйствователь ея. Наконецъ Ольга робко приподняла свою руку и горячую, трепещущую, положила на высокое, благородное, мощное мыслью чело страдальца; въ качествѣ сидѣлки больнаго, она считала эту мѣру очень позволительною: надо же было ей знать уменьшился ли жаръ или нѣтъ. Отъ чего жѣ она такъ трепетала, отъ чего сердце ея билось сильнѣе, чѣмъ сердце больнаго! Отъ того, что у больнаго была лихорадка тѣла, а у нея лихорадка души.

Бѣдная, бѣдная Ольга! понимаешь ли ты себя хотя те-

перы! Вѣрно нѣтъ, потому что ты считаешь себя счастливѣйшею женщиною въ мірѣ, потому что ты думаешь, что это состояніе продлится во всю жизнь!.... А что же, если бы Ольга прикоснулась устами къ этому воспламененному челу..... О, сколько блаженства въ такомъ поцѣлѣ! Но Ольга никогда бы не отважилась на это..... страшно.... Отчего же? Вѣдь никто не видитъ..... Назаръ Назаровичъ и бодрствующій мало что замѣчаетъ; притомъ же все, что бы ни дѣлала его любимица, ему казалось прекраснымъ, а тутъ онъ еще спитъ.... Ночь и тишь кругомъ, а въ комнаткѣ только лампадка озаряетъ слабо прекрасное лицо Невскаго, стѣсненное болѣзнію и земными помыслами. Почему бы не поцѣловать? Ольга съ стѣсненнымъ вздохомъ отняла руку отъ головы больного. Можетъ-быть, она замѣтила, что продержала ее долѣе, чѣмъ сколько нужно было для наблюдений за ходомъ болѣзни. Видно, природное чувство стыдливости даже и этимъ оскорбилось. Ольга все смотрѣла на Невскаго, прислушивалась къ его дыханію и, казалось, жадно впивала его въ себя. Боже мой, что съ тобою, моя бѣдная Ольга?... А какъ ты прекрасна сама!.... Но вотъ Невскій вздохнулъ, шевельнулся, открылъ глаза..... И южная ночь, звѣздометная, полная упительной нѣги, роскоши, явилась передъ Ольгою во всемъ своемъ великолѣпнн..... Ольга готова была лишиться чувствъ отъ страха, что Невскій увидитъ ее тутъ, возлѣ себя..... Но глаза больного опять сомкнулись. Ольга вздохнула отъ счастья и осталась въ прежнемъ, созерцательномъ положеніи.

Такъ засталъ ее разсвѣтъ, утро, такъ нашли ее мать и проснувшійся Назаръ Назаровичъ.

Варугъ раздался стукъ экипажа у подѣзда и въ комнату Ольги вошла два новыхъ лица.

Впереди шла дѣвушка съ озабоченнымъ видомъ, взволнованная; она шла торопливо и остановилась на порогѣ комнаты, съ трудомъ различая предметы въ полусвѣтѣ, который прокрадывался сквозь ставень окна и черезъ растворенную дверь. Лицо этой дѣвушки было не то, чтобы прекрасно, но чрезвычайно выразительно; большіе, круглые голубые глаза были ясны, полны жизни, полны ума; ка-

кой-то золотистый отсвѣтъ вокругъ зрачковъ придавалъ имъ чрезвычайную игру. Если ямочки на щекахъ, по словамъ поэтовъ, вдавлены поцѣлуемъ Амура, то ямочки на верхней губѣ и на подбородкѣ вошедшей дѣвушки, конечно, были вдавлены перстомъ Венеры; особенная свѣжесть лица, на которомъ слегка игралъ румянецъ, вѣроятно, отъ излишней заботливости, придавала ему не только молодость, но даже дѣтство; вся головка была создана плѣнительно; волосы русые, мягкіе, ниспадали кругомъ ея длинными буками, какъ вѣнокъ; плечи круглыя, матовой бѣлизны, ручки изящныя. Дѣвушка была въ пестромъ кисейномъ платьѣцѣ; шляпка висѣла на рукѣ; во всѣхъ движеніяхъ ея была торопливость, нетерпѣніе, такъ что шедшій сзади пожилой мужчина, едва поспѣвалъ за нею. Дѣвушка наконецъ разглядѣла постель больного и быстро подошла къ ней.

— Модестъ!... сказала она тихо, боясь-разбудить его...
Боже мой, что съ нимъ?...

И она искала взоромъ, къ кому бы обратить этотъ вопросъ, и взоръ ея остановился на Ольгѣ, всё-еще неподвижной, не замѣчавшей ничего происходившаго вокругъ нея. Этотъ вопросъ однако вывелъ ее изъ самозабвенія. Она подняла свою голову и взоры двухъ дѣвушекъ встрѣтились..... Въ недоумѣніи, въ смущеніи, глядѣли эти дѣвушки одна на другую; онѣ были молоды, чисты думами, и потому первое чувство, которое проникло ихъ при этой неожиданной встрѣчѣ, было не зависть одна къ другой, но состраданіе, участіе и къ этому прибавлялась еще благодарность незнакомки... Онѣ же скоро бывшіи изъ своего затруднительнаго положенія, если бы къ постели не подошли прочія бывшія тутъ лица и не вмѣшались въ разговоръ. Назаръ Назаровичъ разсказалъ, хоть не совсѣмъ обстоятельно, какимъ образомъ и въ какомъ видѣ пришелъ къ нему Невскій. Пожилой мужчина съ своей стороны и гораздо подробнѣе объяснялъ, что случилось съ Невскимъ до появленія его въ этомъ гостепріимномъ домикѣ, и что мы уже знаемъ, какъ свидѣтели происшествія, а онъ узналъ отъ кучера, съ которымъ ѣхалъ Невскій. Экипажъ принадлежалъ пожилому человѣ-

ку и лошади принеслись съ избитымъ кучеромъ, прямо къ нему во дворъ.

Больной проснулся. Назаръ Назаровичъ шупаль его пульсъ и, наблюдая за ходомъ болѣзни, объявилъ торжественно, что лихорадка миновалась и что Невскій почти здоровъ. Невскій и самъ чувствовалъ это; онъ только никакъ не могъ прійти въ себя, не могъ сообразить, что съ нимъ случилось, гдѣ онъ теперь и дико осматривался кругомъ.

— Модестъ, милый Модестъ! вскричала дѣвушка, пріѣхавшая съ пожилымъ чловѣкомъ: если бы ты зналъ, какъ мы напугались! Погляди, папа самъ пріѣхалъ.

— Какъ вы добры, какъ ты добра, мой ангелъ, Мери.... Но ради Бога, скажите, гдѣ я; что со мною, на яву ли или во снѣ все это происходитъ.

— О, да, на яву, развѣ ты не чувствуешь моихъ поцѣлуевъ.... И Мери цѣловала Невскаго, съ горячностью, съ любовію.

Что тогда чувствовала бѣдная Ольга? Она не способна была кого-нибудь ненавидѣть; ктому жъ Марія была такъ мила, видѣ ея былъ такъ кротокъ, что у Ольги не стало бы сердца, чтобы ненавидѣть ее.... Но зачѣмъ же она цѣлуетъ его.... при всѣхъ, когда Ольга, бѣдная Ольга, не смѣетъ даже теперь смотрѣть ему въ глаза.

— Такъ это не сонъ!.... Что жъ такое было ночью?.... Тоже не сонъ? спрашивалъ Невскій, не могли прійти въ себя.

— А что?

— Всю ночь я видѣлъ возлѣ себя ангела-хранителя.... То уносился я на небо, то падалъ въ бездну, — и мой ангелъ былъ всегда со мною; онъ поддерживалъ меня на полетѣ, онъ подставлялъ мнѣ крылья при паденіи, и я не чувствовалъ боли, ушибу.... Раскрывалъ ли я глаза, и со мною было почти то же. Я видѣлъ того же ангела, кроткаго, свѣтлаго, прекраснаго; онъ глядѣлъ на меня съ такою добротою, онъ держалъ мою горящую руку съ такою вѣжностью, что мнѣ становилось самому легко отъ его присутствія и я забывалъ боль.... Мнѣ кажется, я почти увѣренъ, что безъ этого чуднаго видѣнія, я никогда бы

ше исторгся изъ того, невыносимо-тяжелаго состоянія, въ какомъ находился. Охъ, какъ мнѣ было тяжело: голова моя трепетала, мозгъ горѣлъ....

— Мой Модестъ, ты вѣчно въ своемъ фантастическомъ мірѣ, сказала добрая Марія, скорѣе угадывавшая, чѣмъ примѣтившая смущеніе Ольги.

Ольга трепетала, горѣла.... Она придерживалась за кровать, чтобы не упасть.

— Такъ это была игра фантазій!.... сказалъ тихо Невскій съ виднымъ сожалѣніемъ.... Да, конечно, игра фантазій!

Зачѣмъ же онъ такъ больно терзалъ бѣдное сердце Ольги, которая готова была вскрикнуть: нѣтъ, это не игра фантазій; это была я!.... твой ангель-хранитель на землѣ!...

— Ну, Модестъ, сказалъ отецъ Маріи, обращаясь къ больному: почтенный докторъ,—онъ былъ увѣренъ, что Назаръ Назаровичъ почтенный докторъ,—докторъ говоритъ, что ты можешь ѣхать. Мы увлечемъ тебя изъ этого фантастическаго міра въ міръ существенный, гдѣ, право, не такъ дурно, какъ ты обыкновенно говоришь.

Невскій глубоко вздохнулъ.

Пожилой человѣкъ обратился къ Бенскимъ.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить..... произнесъ онъ съ разстановкою, какъ человѣкъ, который желаетъ вывѣдать, можно ли расплатиться за оказанное добро деньгами.... Вы съ такой заботливостью, съ такимъ радушіемъ помогли моему больному племяннику. Невскій мой племянникъ....

— Вашъ племянникъ! вскрикнула Ольга. Такая смѣлая выходка была вовсе несвойственна ей и обратила на себя общее вниманіе.

— Да, это мой двоюродный братъ! произнесла Марія: я люблю его, какъ роднаго.... и такъ благодарна, такъ благодарна вамъ, что и сказать не умѣю.

Ольга кинулась къ ней въ объятія и пламенные ея щеки касались лица Маріи и горячая слеза тихо скатилась на него.... Марія чувствовала эту слезу.... можетъ-быть поняла

ей, но во всякомъ случаѣ, угадала сердцемъ, сочувствовавшимъ этому чистому, этому прекрасному сердцу.

— Я не оставлю васъ, сказала она, пока вы не дадите мнѣ слова бывать у насъ.

— Я очень рада.... если мамонька.... промиссела глубоко взволнованная дѣвущка.

— О, ваша мамонька не откажетъ намъ въ этой просьбѣ, прибавилъ пожилой человекъ.

— Да, не откажетъ.... и чтобъ доказать это, вы будете у насъ сегодня же вечеромъ.... Не правда ли?

Марія просила такъ искренно, что дѣйствительно нельзя было отказать. Сердце Ольги, уже страдавшее, замершее отъ разлуки, которую считала вѣчною, опять встрепенулось, воскресло: она предчувствовала, что опять встрѣтится съ Невскимъ и не далѣе какъ вечеромъ.

Всѣ перешли въ гостиную, пока Невскій одѣнется; онъ не заставилъ себя ожидать и вскорѣ вошелъ опираясь на плечо Пирожкова.

Уманскіе, — такъ они сказали свою фамилію новымъ знакомцамъ, — уѣхали, разсыпаясь въ благодарности передъ Бенскими и Назаромъ Назаровичемъ, который чрезвычайно разсмѣялся, когда ему предложили деньги, по званію доктора. Ольга, оставшись одна, вбѣжала въ свою комнату и кинулась на ту подушку, на которой еще недавно лежала горячая голова Невскаго, и цѣловала ее и орошала обильными слезами.... О, теперь она вполне поняла свое неясное чувство.... Все что было теплаго, великаго въ ея чистой, благородной душѣ, всплыло наверхъ, обратилось въ одно чувство и это чувство поглощало ее всю, живило и мертвило ее, это чувство—была любовь!...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СУДЬБА.

Ольга была рада своему открытію, какъ Коломбъ, впервые опознавшій берега твердой земли. Въ восторгѣ побѣжала она въ комнату старушки и кинулась къ ней на шею:

— Маменька, я счастлива, произнесла она задыхающимся отъ сильнаго волненія голосомъ: я счастлива!

— Отчего же тебѣ быть несчастной, отвѣчала нѣсколько удивленная мать: благодаря Бога, ты ни въ чемъ не нуждаешься; есть даже лишнее, для бѣднѣхъ.

— Все это было и прежде, а я не была вполне счастлива.

— Ты грѣшишь противъ Господа Бога... или я не умѣла доставить тебѣ того, что ты называешь счастьемъ. Знаю, я проста, не слодобилась наукой: видно, теперь Господь Богъ надоумилъ меня. Но что съ тобою, дитя мое? Ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ! сказала старушка, которая сначала нѣсколько обидѣлась, а потомъ испугалась.

— Все отъ избытка счастья.

— Что же такое необыкновенное случилось?

— Маменька, я люблю!...

Старушка смотрѣла въ глаза дочери, не понимая словъ ея, не вѣря ушамъ.

— Ты любишь?... развѣ ты меня прежде не любила?...

— Тебя, моя ненаглядная! О, я тебя очень любила, очень люблю.... но теперь я люблю какъ-то иначе....

— Меня?

— Тебя—по-прежнему, горячо, всею душой. Я понимаю какъ люблю тебя, но *ею* иначе.

— Кого?

— Невскаго.

Бенская, въ испугѣ, отступила на нѣсколько шаговъ отъ дочери.

— Отчего же ты разсердилась? Развѣ ты не хочешь моего счастья?... Нѣтъ, этого не можетъ быть! Видно, я не такъ высказала, что чувствую, или ты, добрая маменька, не такъ поняла.

— Видно, такъ!... Не хочу вѣрить, чтобы ты, мое дитя, богобоязливое, кроткое, рѣшилась влюбиться въ человѣка, котораго едва видѣла, мелькомъ, влюбиться какъ какая-нибудь кокетка.... О, не можетъ быть, я обидѣла тебя, Оливька, назвала кокеткой, насакала такихъ словъ, что ужасъ!... Прости меня!

— Да, какъ же это сдѣлалось? произнесла Ольга въ за-

думчивости:... право не понимаю.... Я не кокетка, это вѣрно, а между-тѣмъ... и ты права и я не виновата.... Видать Богъ, я ничего худого не замышляла, а если что случилось, то противъ моей воли....

— Нѣтъ, мой ангелъ, ты ничего худого не сдѣлала. Ты обмолвилась, вотъ и все. Или пошутила... шалунья!... Этакъ испугать свою маменьку!... Вѣдь ты не влюблена?... Неправда ль, нѣтъ?... Тò-то же!...

— Да какъ же это.... я, право, не знаю....

— Не знаешь.... плутовочка, вся въ батюшку.... Тотъ любилъ пугнуть меня....

Ольга стояла въ смущеніи.... Она не постигала, что мать находила дурнаго въ ся любви.... Первый разъ духъ недо-вѣрія смутилъ ее.... и кому же недо-вѣрять? матери! кто же не до-вѣрять? Ольга, такая добрая, такая покорная дочь!.... Что же дѣлать, когда она вѣрила своей любви больше чѣмъ матери.

Мать и дочь не понимали другъ друга. Въ связи ихъ между собой оборвался самый крѣпкій узелъ, который соединяетъ женщинъ: безусловная откровенность. Ольга должна была искать другаго, кому бы могла передавать свои чувства, свою любовь, иначе эта любовь переполни-ла бы душу, захлестнула бы ее.

— Ну, полно задумываться, моя милая, пошутила, да и только! И я вѣдь въ шутку разсердилась. Позаботимся лучше о твоёмъ туалетѣ для сегодняшняго вечера. Вѣдь Уманскіе знатные, богатые! Надобно приварядиться, какъ слѣдуетъ: я не хочу, чтобъ на тебя пальцами указывали. Поговоримъ серьезно, какое бы тебѣ платье надѣть?

При мысли о вечерѣ, который обѣщаль ей что-то очень пріятное, Ольга пробудилась.

— Какое, маменька? Право, не знаю; какъ вы думаете?

— Не лучше ли кисейное, съ розовыми цвѣточками?

— То что я надѣвала въ ваши именины: вѣдь его Назаръ Назаровичъ забрызгалъ чернилами.

— Ахъ, ужъ этотъ Назаръ Назаровичъ, такой неловкій! А платьице такъ шло къ тебѣ! Такъ ужъ развѣ бѣ-дое, съ фальбалами?

— Хорошо ли? лѣтъ высокъ, и, говорятъ, фальбалы больше не въ модѣ.

— Такъ голубое со шпензеромъ....

— Въ немъ я блѣдна какъ привидѣніе: а я и то не совсемъ здорова.

— Ну, такъ Богъ съ нимъ: я хочу, чтобъ ты была лучше всѣхъ!

— Какъ можно, маменька.... я такая простая....

— Разумница ты моя!... Полно притворяться простенькою... Но что же мы надѣнемъ сегодня вечеромъ?... а, знаю, знаю... батистъ-линовое съ фестончиками.

— Оно такое длинное. Помните, маменька, Невзгодинъ запутался въ немъ, чуть самъ не упалъ и меня не свалилъ.

— Шалунья! Ну, такъ какое же?

— Не лучше ли сѣренькое, съ разрѣзнымъ корсажемъ.... знаете... внизу черныя бархатныя ленты въ три ряда....

— А, знаю, знаю... прекрасно... И Иванъ Ивановичъ говорилъ, что оно очень идетъ къ тебѣ; такой вѣтренникъ этотъ Невзгодинъ!.. Потомъ еще батистовую манишку съ воротниками, и кружевами....

— Хорошо.

— А еще что?

— Да что же больше?

— Ну, такъ платочекъ, какой сама знаешь, а главное, смотри, чтобъ Тапя голову поглаже причесала: не лучше ли мнѣ самой это сдѣлать?

— Что вы, не безпокойтесь, милая маменька. Ужо я сама все улажу.

Дѣйствительно, Ольга занялась своимъ туалетомъ съ такимъ рвеніемъ, съ какимъ еще никогда за него не принималась. Не надобно однако думать, чтобы наши дамы вовсе забывши о Ванѣ. Правда, сердце Ольги было полно другими ощущеніями, которымъ предавалась она, паединѣ въ своей комнатѣ; но мысль о судьбѣ бѣднаго сироты не разъ приходила ей въ голову. Были даже совѣщанія по этому случаю съ Назаромъ Назаровичемъ и рѣшились поговорить обо всемъ вечеромъ съ Невскимъ и даже просить помощи самаго Уманскаго. Ольга вошла къ матери уже совсемъ одѣтая въ свое сѣренькое платьице; старушка Бен-

ская долго глядѣла на нее съ истинною радостію; наконецъ, лицо ея, дышавшее удовольствіемъ, мало-по-малу приняло печальное выраженіе; слеза покатилаь по немъ.

— Помнишь, Оленька, сказала она, была ты въ этомъ платьицѣ, когда мы подобрали на улицѣ полуживаго Ваню.

Ольга отвернулась, чтобы не выдали ее глазъ.

Вечерній кружокъ Уманскихъ былъ не великъ. Въ маленькой гостиной сидѣли двѣ дѣвушки, Бенская и Уманская, которыхъ обращеніе между собою было такъ искренно, будто вѣкъ знакомы; тутъ были еще Финскій, Ленинъ и Невскій. Ольгѣ было хорошо, весело. Сначала, правда, она какъ-то дичилась въ этой длинной анфиладѣ обширныхъ комнатъ, привыкнувъ къ своей уютной комнаткѣ; какъ-то чуждалась людей, такъ не похожихъ на Назара Назаровича, господина Невзгодина, — единственныхъ мужчинъ, которыхъ обществомъ она до того пользовалась. Но вскорѣ эти лица прилились по ней: какъ-будто всѣ сговорились примѣнить себя въ уровень съ нею. Обращеніе Ольги было такъ мило, наивно, дышало такою свѣжестью, чистотой, откровенностью, что нельзя было не плѣниться имъ, а потому маленькой кружокъ, который собирался въ этой гостиной очень часто, принялъ Ольгу какъ стараго, какъ дорогаго члена. Небольшое общество было въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; минувшія опасенія всегда пріятѣе въ воспоминаніи, а ихъ было такъ много, воспоминаніе о нихъ такъ свѣжо. Притомъ же какъ ни тѣсенъ былъ этотъ кружокъ, для нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ немъ, тутъ были заключены всѣ ихъ надежды, на счастье, которыя въ минуту заблужденія, кажутся, такъ возможными, такъ близкими къ осуществленію.

Рядомъ, въ другой гостиной, чинно вели между собою бесѣду старики: тутъ были Уманскіе, мужъ и жена, старушка Бенская, Назаръ Назаровичъ, какой-то пожилой человекъ въ черномъ парикѣ и съ бакенбардами, бѣлыми, какъ пухъ; Бронницына, женщина лѣтъ тридцати-пяти, но еще свѣжая, еще увлекательная: она мало виѣшивалась въ разговоръ Уманской и Бенской, потому что разговоръ былъ совсѣмъ не по ней; но по ея безпрестаннымъ дви-

женіемъ, по знакамъ потерѣнія какія выказывала она, прислушиваясь къ словамъ доходившимъ изъ маленькой гостиной, видно было, что она съ радостію вѣдалась бы въ тотъ разговоръ или по-крайней-мѣрѣ слушала бы его со вниманіемъ, и только изъ тажкой спусходительности сидѣла тутъ, чтобы не оставить хозяйку одну съ гостью, которая была, по ея словамъ, совсѣмъ изъ другаго міра.

Страшно было слышать разговоръ пожилаго человѣка съ Уманскимъ: первый съ удивительнымъ ожесточеніемъ нападалъ на все человѣчество, хотя его добрая, кроткая фizioномія рѣзко противорѣчила словамъ; Уманскій защищалъ человѣчество, какъ защищаютъ въ совѣтахъ спорное дѣло, въ которомъ принимаютъ участіе только изъ приличія. Для нихъ обонхъ вопросъ этотъ былъ посторонній; а кому охота мѣшаться въ постороннія дѣла. Назаръ Назаровичъ сидѣлъ, погруженный въ свои задушевные мысли, и не обращалъ никакого вниманія на все происходившее кругомъ, отчего случились такіа выходки съ его стороны, отъ которыхъ не разъ краснѣла старушка Бенская.

У дверей, на рубежѣ двухъ гостиныхъ, стоялъ человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ и неопредѣленнаго званія. На него столько же обращали вниманія, какъ на половую щетку, — меньше: половую щетку приказали бы убрать, а его никто не трогалъ; нето чтобы совсѣмъ не трогалъ: проходящіе мимо часто задѣвали его, а онъ только кланялся; иногда развѣвалъ ротъ чтобы говорить и даже обращалъ къ стоявшимъ возлѣ нѣскольکو словъ; но никто не отвѣчалъ; онъ часто подходилъ къ людямъ, которые говорили тихо, останавливался противъ нихъ въ неподвижномъ, безмысленномъ положеніи и несмотря на ясныя намеки на слова, не выходилъ изъ своей апатіи; нерѣдко продолжали при немъ тотъ же разговоръ, точно какъ бы тутъ стояла какая-нибудь мебель, которую не стоило убирать. Существо это прозывалось Яжелбицынымъ; оно было такого свойства, что вы увидите его и не обратите вниманія; встрѣтитесь съ нимъ въ пятый разъ на ходѣлѣ и не узнаете. Такія лица очень драгоценны для

ролей пресмыкающихся и, къ счастью, ихъ достаточно у насъ. Кто они? Какія мѣста занимаютъ въ обществѣ или въ службѣ? Думаю, никакихъ; они только числятся, гдѣ и какъ, то ихъ тайна....

Въ маленькой гостиной разговоръ былъ на столько живѣе и одушевленнѣе, на сколько лица, участвовавшіе въ немъ, были моложе тѣхъ, что сидѣли въ другой гостиной: можетъ-быть, даже больше того, потому что есть люди, которые въ одинъ день издержатъ больше жизни, чѣмъ другіе въ годъ, въ одномъ разговорѣ больше жару души, чѣмъ другіе въ самыхъ завѣтныхъ чувствахъ: чувства чувствамъ рознь!

Невскій былъ въ лучшей минутѣ своей жизни. Ему было легко, весело послѣ болѣзни — а тутъ нѣжная заботливость, которою всегда окружали его въ этомъ домѣ, еще больше настроивала къ веселости. Кромѣ-того положеніе дѣлъ, которое доводило его до отчаянія, теперь принимало удивительный оборотъ. Сибирскія золотыя россыпи, о которыхъ прежде и рѣчи не было въ Петербургѣ, вдругъ сдѣлались предметомъ общаго разговора и удивленія. Указывали на одинъ, два блестящихъ примѣра быстро, почти фантастическаго обогащенія и всѣ сулили того же компаніи князя, Невскаго и Ленина; предположеніе было тѣмъ основательнѣе, что они уже владѣли россыпью, судя по молвѣ, чрезвычайно богатою, — а какъ приобрѣла компанія, едва возродившаяся, эту россыпь за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своего пребыванія, о томъ никто не заботился, да если бы наконецъ и стали допытываться, то и на этотъ разъ былъ готовъ отвѣтъ. Предусмотрительный Ленинъ, на всякій случай, взялъ разрѣшеніе на поиски золотыхъ россыпей, едва только разнесся слухъ объ нихъ, самъ не зная, что онъ будетъ дѣлать съ нимъ. Въ силу этого-то разрѣшенія была объявлена открытая еще въ прошломъ году россыпь на имя Ленина и передана имъ, Ленинымъ; на законномъ основаніи, компаніи. Вы видите, все дѣлалось на прочныхъ началахъ: слова тутъ ничего не значили. Нужны были дѣла, факты. Люди увлекавшіеся видностью, предлагали компаніи большіи деньги, чтобы она допустила ихъ къ участию въ дѣлахъ;

но компанія ничего не хотѣла, никого не принимала въ долю и тѣмъ возбуждала больше довѣренности къ себѣ и зависти къ своему предпріятію: всѣ считали ее въ милліонахъ. Профаны, не умѣя приняться за дѣло, говорили, что компанія пользуется монополіей, завладѣла одна всею Сибирью и такъ далѣе. Въ силу такихъ толковъ, Невскій прибрѣталъ права гражданства въ обществахъ, и даже важнѣе тѣхъ, которыя ему вѣкогда дали европейскую извѣстность: то былъ только мимолетный успѣхъ, а настоящая слава, вотъ она—милліоны, деньги!...

Въ минуты вечерней тишины, когда беззвѣздная темная ночь глядится въ окно, когда кружокъ не великъ, а люди, составляющіе его, тѣсно связаны между собою, — особенно если внезапныя чувства ихъ, еще не совсѣмъ разгаданы одни другими, — эти люди бываютъ какъ-то особенно расположены къ разговорамъ таинственнымъ, задумчивымъ; нашъ же кружокъ былъ настроенъ къ тому и самымъ происшествіямъ, которыя, подобно сильной бурѣ, потрясей съ основанія волны рѣки, оставили ее къ вечеру спокойною, слегка трепещущею.

— Я не фаталистъ, говорилъ Невскій: ни зачѣмъ не хотѣлъ бы поддаться постороннему вліянію; но какое-то невольное, внутреннее, нудящее чувство безирепадно напоминаетъ мнѣ о томъ, что есть сила въ меня самого. Я не знаю покоя, настоящей душевной тишины: вето чтобы душа отказывалась отъ нея, нѣтъ, она проситъ мира, она жадно желаетъ его: но едва желанный покой настаетъ, какой-то демонъ смѣется надъ нимъ, пздѣвается надъ моимъ мимолетнымъ счастіемъ, называетъ его глупымъ бездѣйствіемъ, лѣнью, обрываетъ съ сердца всѣ мирныя чувства, манитъ самого на тревожное поле дѣйствія и терзаетъ меня, бичуетъ, какъ ловкій конюхъ дикую взнузданную лошадь, которая попала въ его руки.

— Поучись у нашего общаго друга, сказалъ Ленинъ: пусть весь міръ провалится, но если этотъ всемірный обвалъ не задѣнетъ его, онъ останется спокойно докуривать сигару, доживать свой вѣкъ. Ужъ его, конечно, судьба, оставила въ покоѣ, когда даже люди не трогаютъ больше,

когда даже пожилыя невѣсты не преслѣдуютъ его, а онъ завидный женихъ.

Стрѣла была метнута ловко; но Невскій, увлеченный порывомъ откровенности, не обратилъ на то вниманія. Финскій не отвѣчалъ, хотя его легкое движеніе на стулѣ, показало, что стрѣла достигла по назначенію.

— Въ самой искренней радости уже кроется для меня зародышь горя; я увѣренъ, что радость передъ какимъ-нибудь несчастіемъ, и потому не могу предаваться ей вполне; не могу быть веселымъ безотчетно, какъ бывають другіе.

— И все потому, что ты никакъ не хочешь выбросить изъ головы этой несчастной мысли, которая лишаетъ тебя покоя, сказала Мери.

— Нѣтъ, эта мысль слилась со мной, со всѣмъ существомъ моимъ, и я напрасно бы старался истребить ее.

— Мечты воображенія, замѣтилъ Ленинъ: я уже тебѣ разъ сказалъ, что это недостатокъ практической жизни: ты живешь воображеніемъ, а не умомъ. Ну, самъ посуди, что было бы въ свѣтѣ, если бъ каждый далъ волю слѣбу воображенія; если бы не было мощнаго руководителя въ жизни, который приводитъ въ порядокъ, создаетъ, возстановляетъ, если бъ не было того, что мы привыкли называть умомъ, котораго магическаго вліянія нельзя не признавать надъ собой; до того нельзя, что многіе вмѣсто его признають силу привычки, силу лѣни, только бы не подчиняться бурямъ сердца, каленому жару воображенія. Счастливы тѣ многіе: жизнь ихъ безмятежна, безстрашна, жизнь ихъ, право, завиднѣе твоей, Модестъ.

Ироническая улыбка, мимолежный взоръ, дополняли смыслъ словъ. Ленинъ, ободренный безотвѣтностію Финскаго, преслѣдовалъ его во весь вечеръ. Мери замѣтила это и не могла себѣ представить, какимъ образомъ мужчина можетъ сносить безмолвно подобные упреки; этотъ мужчина или чувствуетъ всю справедливость ихъ или трусь: а для женщины нѣтъ въ мужнинѣ чувства отвратительнѣе трусости, — развѣ пьянство. Но Мери вспомнила поступокъ Финскаго съ Ольгой, о которомъ Невскій самъ разсказалъ, и можетъ быть не безъ умыслу, хотя онъ этимъ такъ нѣ-

ко ронялъ себя. Этотъ поступокъ еще недавно заставлялъ ее смотрѣть на Финскаго съ чувствомъ уваженія и даже находить достоинство въ его безстрастномъ, неподвижномъ лицѣ.

— Если бъ даже я на-время и увлекся своею радостію, продолжалъ Невскій, забываясь въ ней, то какое-то внутреннее чувство, скажу болѣе, какой-то голосъ, говоритъ извнѣ, который я слышу ясно, слышу органомъ своего слуха, — да смѣйтесь: этотъ голосъ вывелъ бы меня изъ забвѣнья, этотъ смѣхъ выдавилъ бы опять холодный потъ на челѣ моемъ и заставилъ меня обратиться къ горькой сущест-венности, къ внѣшней подчиненности, въ которой я никакъ не могу выбиться.

— Но, мой милый, мой добрый Модестъ, замѣтила Ольга съ внѣжнымъ участіемъ друга и сестры: вѣдь ты самъ говорилъ, что наконецъ открылъ человѣка, котораго го-лосъ, котораго смѣхъ такъ часто поражалъ тебя.

— И это еще больше увѣрило меня въ невѣдомой, неодолимой силѣ судьбы или, какъ хотите назовите, таинственно управляющаго мною существа. Этотъ человѣкъ не можетъ имѣть никакого вліянія на мою жизнь: старикъ, отжившій вѣкъ свой, играющій съ дѣтьми, пресмыкающійся въ домѣ князя, говорятъ, даже очень добрый! Между нимъ и мною нѣтъ ничего общаго, а между-тѣмъ, странное дѣ-ло, если я иногда хочу себя представить страшное сущест-во, издѣвающееся надъ моею жизнію, свою судьбу, я придаю ей видъ именно этого старика; даже когда я его не видалъ, воображеніе рисовало мнѣ судьбу именно такую, каковъ онъ: отвратительный, опускающій глаза свои передъ свѣтомъ и людьми.

— Судьба, судьба, произнесла тихо Ольга, какъ-будто говоря сама съ собою: но зачѣмъ она? гдѣ она? Не она ли возстала на насъ съ такимъ ожесточеніемъ: люди не мо-гутъ быть такъ злы.

— Бѣдненькая! сказалъ Ленинъ тихо, обращаясь къ Ме-ри: она не знаетъ людей и горе ей, если внесетъ въ свѣтъ это бѣдное неопытное сердце.

— Вы жестоки къ свѣту.

— Я только справедливъ; я не обвиняю его безусловно,

какъ часто Модестъ; но съ увѣренностію скажу, что свѣтъ такой водоворотъ, на которомъ надобно опытнаго кормчаго, чтобы управлять челномъ жизни. Счастлива будетъ эта бѣдненькая, если найдетъ себѣ такого кормчаго; кому же ея сердце, ненадежная ладья.

Ольга слышала тихо произнесенныя слова; сердце ея готово было сказать:—Моя вѣра будетъ коричнимъ; но уста молчали; блѣдныя, онѣ шептали: судьба! страшная судьба; но какова бы она ни была, ея судьба будетъ и моею...

— Модестъ! Неужели же ты не въ силахъ сбросить съ себя вліяніе чуждое, постыдное..... Ты, Модестъ..... Это мнѣ непостижимо.... сказала Мери, съ чувствомъ истинной скорби, потому что глубоко уважала Невскаго.

— Гафизъ сказалъ: *Будь твой конь быстрѣе вътру пустыннаго, отъ судьбы не уйдешь!*

— Гафизъ былъ мусульманскій поэтъ, возразилъ Левинъ: одинъ изъ европейскихъ философовъ, кажется Кантъ, сказалъ: *не тотъ человекъ, кто ходитъ за судьбой, какъ слѣпой нищей за вожатымъ или рабъ за господиномъ, а тотъ человекъ, кто ведетъ судьбу за собой!*

И странно, эти два человѣка волновали сердца двухъ женщинъ: это были струны, на которыхъ Невскій и Левинъ выражали аккорды такіе хотѣли; но струны дотого натянулись, что готовы были оборваться, и въ сладостномъ трепетѣ издать послѣдній звукъ. Финскій оставался совершенно въ тѣни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Приходъ новаго гостя въ большую гостинную произвелъ въ ней общую суматоху, которая отозвалась и въ нашемъ тѣсномъ кружку, несмотря на все увлеченіе разговора.

— Модестъ, сказала Мери, слышите, это голосъ графа: идите скорѣе, а я распорядюсь часомъ. Невскій поспѣшавъ исполнить ея просьбу. Ольга, боявшаяся оставаться безъ своей подруги, но можетъ-быть и увлекаемая сердцемъ, по-

сѣдовала въ гостиную подъ кровъ матери. Финскій замѣтилъ, что остался одинъ на одинъ съ Ленинымъ, быстро обернулся къ нему спиной и вышелъ.

— Предурная погода! сказалъ Яжелбицынъ, очутившись возлѣ Ленина.

На этотъ разъ Ленинъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Скажите, графъ часто бываетъ у Уманскихъ?

— Иногда разъ, иногда два въ мѣсяць. Кажется, будетъ осень.

— А что, у него съ Невскимъ ничего новаго не затѣвается?

— Чему затѣваться! Развѣ на новолуніи перестануть дождики. Тогда можно будетъ надѣяться и перемѣны погоды.

Ленинъ вышелъ въ гостиную.

Графъ Лавръ-Сокольникъ сидѣлъ на диванѣ, окруженный самымъ заботливымъ вниманіемъ хозяевъ. Онъ говорилъ съ Невскимъ и дружескій тонъ его странно противорѣчилъ съ тѣмъ гордымъ видомъ, съ тою холодностію, которую онъ выказывалъ ко всѣмъ бывшимъ тутъ, кромѣ самихъ хозяевъ: къ нимъ онъ даже былъ почтителенъ. Надо замѣтить, что Уманскій вѣкогда составлялъ одну изъ важныхъ пружинъ общаго государственнаго управленія; тогда онъ сошелся съ графомъ, едва ли даже не былъ его начальникомъ: онъ понялъ его характеръ, его способности и, несмотря на всю наружную строптивость графа, умѣлъ оцѣнить молодого человѣка и далъ направленіе его дарованіямъ. Впослѣдствіи Уманскій, утомленный трудами, сошелъ съ поля дѣйствія, и занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ, которое было наградой его заслугамъ, офіцерскимъ вполнѣ. Между-тѣмъ графъ, поддерживаемый въ свѣтъ своимъ положеніемъ, связями, богатствомъ, умомъ, быстро возвысился и сталъ играть одну изъ важнѣйшихъ ролей. Несмотря на скорую перемѣну своего званія, которая часто кружитъ головы выскочкамъ, графъ хранилъ всегда привязанность къ своему бывшему начальнику и выказывалъ ее при всякомъ случаѣ. По его просьбѣ, онъ открылъ служебную каррьеру Невскому; впослѣдствіи, увлекшись его блестящимъ дарованіемъ и находя въ его поло-

женѣмъ какое-то сходство съ собственнымъ своимъ, онъ вслѣдствіе выставилъ его впередъ: выискивалъ ему порученія, которыхъ частный успѣхъ, надѣлавшій столько шуму въ свѣтѣ, могъ даже затмить на время собственные его успѣхи въ службѣ. Но графъ былъ чуждъ зависти и не боялся соперничества. Лавръ-Сокольникъ былъ молодъ, высокъ, не дуренъ собою. Манеры его, обыкновенно сухія и холодныя, какъ-то странно противорѣчили ему, когда онъ обращался къ Уманскимъ, съ знаками возможнаго почтенія и поражали своей новостію.

Подали чай и вслѣдъ за тѣмъ вошла Мери.

— Довольно ли сладко? спросила заботливо хозяйка.

— Да, отвѣчала Мери, вы сами приготавливали чай, а я знаю вкусъ графа.

— Постараюсь изучить вашъ, отвѣчалъ графъ, чтобъ съ такою же заботливостію предупреждать ваши желанія.

— Графъ! Можетъ-быть, вы и не одобрите ея вкусу, когда узнаете.

— Это почему? спросила Мери, вся вспыхнувъ и надувши розовыя губки, хотя замѣчаніе Невскаго, казалось, не заключало въ себѣ ничего особеннаго и могло проскользнуть въ общемъ разговорѣ.

— Почему? это мой секретъ, до тѣхъ поръ, пока ты будешь имѣть свои отъ друзей.

Мери поалѣла, какъ платочекъ, который былъ на ея бѣлыхъ, прекрасно округленныхъ плечикахъ.

— Невскій, вы нападаете на свою кузину: не хорошо, смотрите, я возьму ея сторону.

— И что съ нимъ случилось вдругъ? сказала Мери, чуть не сквозь слезы: онъ былъ такой добрый....

— Не сердись, моя добрая кузина: ты знаешь, я ни за что въ свѣтѣ не захочу тебя обидѣть съ намѣреніемъ.

— Добрый Модестъ! Такъ зачѣмъ говорить такія вещи! Признайся, ты сказалъ безъ всякой цѣли.

— Пускай и такъ! отвѣчалъ Модестъ, цѣлуя свою кузину.

— А, такъ вотъ зачѣмъ вся эта маленькая сцена, ска-

завъ графъ свѣясь и любясь молодой четой: чтобъ окончить ее примиреніемъ и поцѣлуемъ. Мери убѣжала.

— Невскій! Теперь я обращаюсь къ вамъ: въ городѣ, говорятъ, что вы вдругъ ужасно разбогатѣли; радуюсь, но вы знаете, съ этимъ также тѣсно связана *наша слава*. Скажите откровенно: одна изъ подобныхъ прежнимъ экспедиція пришла ли бы вамъ еще теперь по-сердцу: говорите прямо, вы знаете, что я не выжимаю силою ни труда, ни успѣху, ни дарованія изъ своихъ подчиненныхъ; васъ же особенно не для чего покупать: я пользуюсь только минутами вашего вдохновенія.

— Графъ! дѣла мои теперь въ полномъ разгарѣ... впрочемъ....

— Довольно, Невскій! Мы повременимъ, даже обязаны повременить, потому что некому мнѣ поручить этой экспедиціи, кромѣ васъ.... и если вамъ вовсе нельзя будетъ взять ее на себя, то она не состоится: для успѣха ея нуженъ человекъ надежный. Я не боюсь этого высказать вамъ, потому что привыкъ дѣйствовать откровенно, и увѣренъ, вы не измѣните моей откровенности.

— Графъ....

— Скажу больше: если предпріятіе ваше по золотопромышленности удастся въ той степени, какъ объ немъ говорить въ городѣ, я буду радоваться успѣху, и не захочу воспользоваться вами для отчаянныхъ предпріятій, которыя впрочемъ доставили вамъ столько славы: кчему отрывать васъ отъ свѣта, который представитъ столько наслажденій; кчему возбуждать ропоты вашего сердца, которое все будетъ устремлено къ Петербургу.... а раскаяніе.... оно возстанетъ при первыхъ лишеніяхъ! А жажда жизни свободной, независимой, полной радости,—она возмутится при первой опасности. Я не хочу брать всего этого на свою душу, не хочу носылатъ васъ туда, куда бы и самъ не поѣхалъ при независимости въ службѣ и въ свѣтѣ. Надо трудиться по собственному душевному убѣжденію въ сильной пользѣ, по увлеченію, а не изъ нужды: таково было всегдѣшнее мое мнѣніе при выборѣ чиновниковъ и вотъ, можетъ-быть, почему мы пришли другъ по другѣ. Остальное довершасть, конечно, дарованіе.

— О, какъ мало цѣнить ваше великодушіе....

Графъ съ презрѣніемъ улыбнулся. Онъ обратился къ Уманскимъ. Разговоръ принялъ обыкновенное направленіе и черезъ нѣсколько минутъ Лавръ-Сокольникъ уѣхалъ, оставивъ хозяевъ весьма довольными такимъ нечаяннымъ посѣщеніемъ. Вернувшись изъ передней, куда провожалъ дорогаго гостя, Невскій увидѣлъ въ отдаленномъ уголку Мери, вдвоемъ съ Лешнымъ, о чемъ-то жарко разговаривающихъ; онъ хотѣлъ пройти мимо, не показывая вида, что замѣталъ ихъ, но Мери встрѣтилась съ нимъ взоромъ, смѣшалась, и вскочила съ мѣста; подбѣжавши къ нему и положивъ обѣ руки на его плеча, она глядѣла на него съ улыбкою нѣжною, доброю; потомъ, желая его умиловить, какъ-будто была въ чемъ виновата, сказала:—Модестъ, не сердись... ну, хочешь, я буду пѣть? Да? Что же ты хочешь слышать? А, вотъ твой другъ, пускай онъ назначитъ, что мнѣ пѣть. Мосѣ Александръ, мы рѣшились пѣть: волею-неволею вы должны насъ слушать. Скажите жъ, что съ большимъ терпѣніемъ вы станете слушать, потому что я хочу вамъ угодить.

Вопросъ былъ очень простъ въ устахъ молоденькой дѣвушки, но онъ уязвилъ Финскаго до глубины души. Ему казалось, что одно состраданіе заставило обратиться къ нему Мери, которая втеченіи всего вечера не показала даже, что замѣтила его, и это состраданіе проникло насквозь душу, на которую даже колкія стрѣлы Ленина не имѣли силы.

— Что бы вы ни пѣли, все будетъ прекрасно, отвѣчалъ отрывисто Финскій.... и очень великодушно.

— Вы хотите, чтобъ я ничего не пѣла... хорошо же. Боже мой, хоть вы, Ольга Петровна выберите что мнѣ вѣть; потому что я буду пѣть на-перекоръ всѣмъ.

Ольга, перебиравшая въ это время ноты, остановилась на серенадѣ Шуберта.—Ахъ, ее, эту прелестную *Ständchen*, спойте, пожалуйста.

Мери сѣла за фортепiano. Она пѣла безъ всякой претензіи на глубокое изученіе музыки; но голосъ ея, чистый, серебристый, и чудные мотивы этой серенады, доходили до души Ольги, страстной къ музыкѣ, угадывающей ее боль-

ше душою, чѣмъ конниающей умомъ. Ольга стояла недвижимо за стуломъ поющей; слухъ ея принякъ къ фортепиано, но глаза, гдѣ были глаза? Направленные развѣжившимся, восторженнымъ сердцемъ, они устремились на блѣдное лицо Невскаго и тонули въ глубокомъ взорѣ молодого человѣка, безмолвно, въ разсвѣяности прислонившагося къ двери.

Нѣкоторыя лица, физиономіи, остаются въ памяти по одной какой-нибудь рѣзкой чертѣ, по большому носу, лисьимъ глазамъ, толстымъ губамъ, и по этой отличительности вы только и можете представить себѣ человѣка; другіе люди паматны по имени; третій, наконецъ, по пестрому узорчатому жилету, большимъ тисненымъ пуговицамъ фрака, по галстуху, доходящему до ушей. Вы, вѣрно, не можете себѣ вспомнить Ивана Ильича иначе какъ съ перегнутою въ дугу спиною и сладенькою улыбкой на устахъ; Сидора Сидоровича, медленно, съ наслажденіемъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ нюхающаго табакъ, и такъ далѣе. Но есть лица, которыя разъ увидите и вся физиономія навсегда запечатлѣется въ вашей памяти. Почему? Вы не можете отдать себѣ отчета. Къ числу такихъ принадлежало лицо Невскаго. О, какъ сладко, съ какимъ самозабвеніемъ глядѣла на него Ольга! Она стояла съ полуоткрытымъ ртомъ, съ неподвижными глазами, съ выраженіемъ глубокаго наслажденія въ лицѣ. Въ это время пара другихъ глазъ, черныхъ, пронзительныхъ, впивалась въ Невскаго. Магнитическая сила ихъ подѣйствовала; онъ невольно оборотился назадъ; черные глаза встрѣтились съ его взоромъ и всё-таки остались неподвижными, потому ли что не имѣли силы оторваться отъ него, или потому что имѣли силу удерживаться на немъ; но они всё были устремлены на Невскаго, который безпечно всталъ въ прежнее положеніе. Эти глаза принадлежали Бронницкой.

Мери кончила серенаду. Восторженная Ольга кинулась къ ней и поцѣловала ее.

— Милая, милая Мери, какъ ты прелестна! вскрикнула

Т. LXXIII. — Отд. I.

она и вдругъ, опомнившись, произвела робко, сѣвша-
вшись:—Простите меня.... я такъ невѣжлива.... осмѣлилась
васъ обнимать, даже назвала....

— О, ангель мой, будь со мною всегда такъ, и ты бу-
дешь прелестнѣе обыкновеннаго, и я буду любить тебя
еще больше, если только это возможно.

Новремя шло, а Назаръ Назаровичъ всё-еще не собрался
съ духомъ посоветоваться со своими друзьями о судьбѣ
Оборвыша, ничего не предпринималъ, чтобы открыть его
слѣды. Пирожковъ, то боялся прервать разговоръ Невскаго,
то не рѣшался нарушить его задумчивость. Наконецъ, когда
старушка Бенская дала знать, что пораѣхать, онъ рѣшился
дѣйствовать смѣлѣе. Невскій ходилъ по комнатамъ съ У-
манскимъ: старикъ любилъ своего молодаго родствен-
ника искренно, хотя не разъ сокрушался отъ пыкости
его характера, отъ проказъ, какъ говорилъ онъ, которыя
такъ дорого обходились въ матеріальномъ значеніи сло-
ва. И теперь онъ готовъ былъ пожурить Невскаго за не-
умѣстную выходку на улицѣ; но сколько недавнія опас-
ности, столько особенно милостивое вниманіе графа, ко-
торый бесѣдовалъ съ молодымъ человѣкомъ, какъ съ
равней, не только примирили съ нимъ старика, но заставили
его обходиться съ нимъ съ особеннымъ снисхожденіемъ и
почти уваженіемъ. Уманскій рассказывалъ послужной спи-
сокъ Лавра-Сокольника; Невскій слушалъ съ наружнымъ
вниманіемъ. Назаръ Назаровичъ давно уже кружился око-
ло нихъ, покашливая. Наконецъ его замѣтили. Онъ раз-
сказалъ, какъ могъ, происшествіе съ Оборвышемъ. По
сближенію обстоятельствъ и мѣста дѣйствія, можно было
довольно положительно заключить, что ночное нападеніе
и крикъ, на который пріѣхалъ Невскій, были въ тѣсной
связи съ судьбою бѣднаго Вани. Рѣшились дѣйствовать
по горячимъ слѣдамъ и на слѣдующій же день обо всемъ
дать знать полиціи и просить ея содѣйствія. Невскій вы-
звался самъ сопровождать Назара Назаровича въ присут-
ственное мѣсто. Уманскій замѣтилъ-было, что подобнаго
роду исторія можетъ скомпрометировать его, выставивъ
акъ свидѣтеля въ дѣлѣ ночныхъ воровъ и разбойниковъ,

не убѣдившись, что это свидѣтельство едва-ли не единственное средство къ возможности раскрытія преступленія и, можетъ-быть, къ спасенію бѣднаго мальчюка, рѣшился самъ врснть кою слѣдуетъ по этому дѣлу. Такъ и положилъ.

Разъѣхались. Черезъ часъ уже въ домѣ Уманскихъ было темно: только въ спальнѣ Мери еще тускло стѣтла нагорѣвшая свѣча. Нераздѣтая, сидѣла въ креслахъ Мери, неподвижно, приложивъ пальцы къ губамъ, устремивъ глаза безъ цѣли, безъ мысли. У дверей, прислонившись, стояла горничная, повѣреннная кое-какихъ мыслей, не совсѣмъ тайныхъ, не совсѣмъ гласныхъ, — и дремала. Вдругъ свѣчка брызнула искорками и всыхнула ярче; горничная вздрогнула, пробудилась.

— Мать Пресвятая Богородица! Что это съ вами!... Марья Михайловна, Марья Михайловна, пѣтухи пропѣли, а вы какъ были, одѣты съ утра, такъ и теперь. Марья Михайловна!

— А, что?

— Давно за-полночь: хоть бы выплатье-то сняли по-крайней-мѣрѣ.

— Зачѣмъ? Что? Ахъ, это ты, Феня!

— Да какъ это вамъ не грѣхъ... разстегните корсетикъ.

— Что, я спала?

— Гдѣ спали! Развѣ добрые люди спятъ съ раскрытыми глазами.

— Ахъ, что мнѣ грѣзилось!

— Что же такое? спросила съ любопытствомъ горничная.

Мери вдохнула глубоко, приподняла свою прекрасную голову, стряхнула локоны, которые полу-развелись и рассыпались по лицу и плечамъ, невольно взглянула въ зеркало и быстро закрыла лицо руками.

— Нѣтъ, Феня, произнесла она, чуть не сквозь слезы: это былъ сонъ: вѣдь я не хороша.

— Что вы, что вы, барышня! Господь съ вами! А ну-те, раскройте лицо... поглядите сюда... Пусть я не дожи-

ву до Рождества, если вы не лучше всѣхъ барышень, что къ намъ ѣздить... вежнужко блѣдны; да еще бы! За-пѣ-туховъ сидятъ. Вставайте, я раздѣну!...

И нѣжное, атласистое, не тронутое ни грѣховной мыслью, ни жаркой страстью личико Мери, просіяло сквозь туманъ грусти и дремоты.

Феня снимала съ своей барышни что слѣдуетъ, и та въ истомѣ, въ полузабытѣ предавалась ея артистическимъ рукамъ; не замѣчала, какъ Феня закручивала ея волосы въ завитки и завертывала въ бумажки, не помнила какъ опустилась въ постель и тамъ продолжала свои грезы, то во снѣ, то на яву, въ какомъ-то неопредѣленномъ полусвѣтѣ, въ какомъ-то непонятномъ состояніи. — Феня задушила свѣчку и вышла полусонная, въ свою комнату.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ДОПРОСЫ.

Предсѣдатель присутственнаго мѣста, куда вошли Невскій и Пирожковъ, прервалъ свой допросъ и выслалъ на время допрашиваемыхъ, которые однако очень занимали его. Онъ поспѣшилъ принять неожиданныхъ посѣтителей, тѣмъ больше, что они объявили важное, нетерпящее отлагательства дѣло. Невскій рассказывалъ. Къ удивленію его, предсѣдатель прерывалъ рассказъ такими вопросами, которые показывали, что это дѣло ему не совсѣмъ чуждо. Онъ спросилъ, не слыхалъ ли Невскій также женскаго крику при ночномъ нападеніи.

— Да, дѣйствительно, сначала мнѣ послышался женскій крикъ, и на этотъ-то крикъ я пріѣхалъ; потомъ уже раздался вопль мальчика, должно быть непременно Оббръвыша.

— Сближеніе обстоятельствъ весьма подкрѣпляетъ ваше мнѣніе... Но этотъ женскій крикъ?.. Не примѣтили ль вы на улицѣ женщины или какихъ-нибудь вещей, жен-

скаго платья, чего-нибудь, что бы свидѣтельствовало о преступленіи, совершившемся надъ женщиной.

— Нѣтъ.... Если бы я и видѣлъ подобное, то, думаю, что сильный ударъ въ голову, который впоследствии лишилъ меня памяти, изгладилъ бы слѣды воспоминанія. Вся эта сцена мнѣ кажется какъ во снѣ... Однако... позвольте... Я дѣйствительно помню какой-то бѣлый узелъ... что было въ немъ, какой онъ формы, не помню! Не стану даже утверждать, чтобъ я видѣлъ дѣйствительно наяву, а не въ лихорадочномъ бреду, впоследствии.

— Да, ваше показаніе... Я принимаю вашъ рассказъ за оффиціальное показаніе... Позвольте?

— Безъ-сомнѣнія.

— Ваше показаніе должно быть въ тѣсной связи съ тѣмъ, что я сейчасъ слышалъ... Мѣсто, время, сближеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, все подтверждаетъ мою догадку, несмотря на сбивчивость показаній женщины, которую я допрашивалъ передъ вами. Но я еще потолкую съ молодымъ человѣкомъ. Это небывалое преступленіе, совершенное безъ всякаго грабежа надъ двумя бѣдными существами, должно имѣть цѣль особенную, внѣ круга этихъ преступниковъ: у нихъ не достало бы дерзости покуситься на такое отважное предпріятіе, безъ причинъ слишкомъ побудительныхъ. Вѣрьте, господа, что я употреблю всѣ усилія къ раскрытію дѣла; я не хочу оставаться на своемъ мѣстѣ, если не раскрою его!....

Предсѣдатель позвонилъ.—Позовите тѣхъ, прежнихъ, сказалъ онъ вошедшему человѣку. А васъ я попрошу остаться здѣсь, чтобъ можно было сличить различныя показанія и дополнить однѣ другими. Только попрошу стать немного въ сторонѣ, съ тѣмъ, чтобы не конфузить этихъ людей. Сбивчивость словъ ихъ и то приводитъ меня въ отчаяніе.

Въ присутствіе ввели женщину среднихъ лѣтъ, одѣтую очень бѣдно. Читатели видѣли уже ее, но только не долго, почти мелькомъ; притомъ же она была теперь въ такомъ видѣ, что и узнать ее трудно бы было по той униженной женщинѣ, которая вымаливала пять рублей у Смольнева.

За нею шелъ молодой человѣкъ, въ поношеномъ сюртукѣ, но этотъ сюртукъ со всѣмъ не достигалъ своей цѣли, прикрывать человѣческое тѣло, отъ непогоды и нескромныхъ взглядовъ; молодой человѣкъ выдавался весь изъ него, ползя всѣми выпуклостями тѣла, растянулъ его по всѣмъ швамъ, и всё-еще эта проклятая одежда жала и тѣснила его. Подъ-стать сюртуку было и прочее платье: панталоны съ оборванными штрипками спускались немного ниже колѣнъ, женская косыночка на шеѣ, да еще кое-что на груди,—вотъ и все! И это все ясно свидѣтельствовало, покровомъ и видомъ, что было не на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Предсѣдатель сѣлъ съ видомъ человѣка, обрекающаго себя на всевозможное терпѣнiе.

— Теперь, не благоугодно ли будетъ вамъ въ свою очередь разказать все происшествiе, которое мы слышали отъ вашей.... спутницы, сказалъ предсѣдатель, обращаясь къ молодому человѣку.

— Что жъ, вы думаете, что онъ иначе разкажетъ, вы не вѣрите мнѣ, что ли? возразила женщина, которой воспламененное лицо показывало ясно, сколько жару, сколько страсти издержала она, объясняяши происшествiе, слишкомъ близкое ея сердцу....

— Я это спрашиваю для вашей же пользы.... и убѣдительно прошу васъ не прерывать разказа. Вы видѣли, что послѣ вашихъ первыхъ словъ, я послалъ на мѣсто преступленiя изслѣдовать все дѣло и поискать слѣдовъ его. Это дѣло я принялъ такъ же близко къ сердцу какъ и вы, хотя по другимъ побудительнымъ причинамъ.

— Нѣтъ и нѣтъ! Ни кому въ свѣтѣ оно не будетъ такъ близко какъ мнѣ! Оно у меня вотъ здѣсь, и здѣсь, и здѣсь, она указала рукою на грудь, на горло и на голову, и я буду кричать о немъ всему свѣту.

— Напрасно; это только повредитъ нашимъ розыскамъ, потому что преступники примутъ свои мѣры.

— Такъ что жъ, прикажете мнѣ молчать, что ли? Не благодарить ли васъ еще?

— Нѣ-зачто!

— Я думаю, что не-зачто.

— Позвѣрьте, я вселенъ уважаю вашу горестъ, цѣню вашу потерю.... и убѣдительно прошу васъ, для вашей пользы, успокоиться и дать мнѣ возможность узнать происшествіе во всѣхъ его подробностяхъ, по-крайней-мѣрѣ тѣхъ, которыя вамъ извѣстны.

— Не прерывайте насъ, Настасья Ивановна, замѣтилъ молодой человекъ, съ признаками сюртука: если нужна будетъ извѣстность этому происшествію, я представлю его въ картинѣ, увѣковѣчу, передамъ въ вѣкомство.

— Ну, говорите, говорите, Федоръ Ивановичъ.

Молодой человекъ началъ свой рассказъ не безъ отступленій, которыхъ мы большую часть здѣсь выпускаемъ.

— Въ Болотной улицѣ, въ одномъ деревянномъ домѣ, въ верхнемъ этажѣ, въ самомъ верхнемъ, нѣсколько лѣтъ къ живеть ряду Настасья Ивановна....

— Кажется, Елкина?....

— Госпожа Елкина!... Всѣ сосѣди ее знаютъ и одобряютъ.

— Это мимо, Федоръ Ивановичъ, замѣтила Елкина.

— Это мимо..... продолжалъ Федоръ Ивановичъ.... Настасья Ивановна помѣщается въ комнаткѣ съ наперстокомъ величинной.

— Ну, хоть и больше....

— Конечно, по-больше наперстка..... такъ что въ ней стоятъ двѣ кровати, не касаясь одна другой.... а еще было бы мѣсто для стола, да стола нѣтъ... недостатки наши....

— Но скажите мнѣ, кто вы сами, какія отношенія ваши къ этой женщицѣ?.... замѣтилъ очень ласково предсѣдатель.

— Кто онъ самъ!.... возразила Елкина: Это честиѣйшая душа, какой еще не бывало у насъ во всемъ городѣ.... это.....

— Вѣрю, вѣрю, однако въ судебномъ показаніи одного такого названія недостаточно.

— Я Миллеръ, по званію артистъ-художникъ.

— Но этотъ сюртукъ.....

— Это другая исторія, она къ дѣлу не идетъ....

— Очень хорошо.... Я так только спросилъ.... замѣтилъ председатель, имѣвшій другія средства разузнать о Миллерѣ. Вы, конечно, близкій родственникъ этой дамѣ?

— Онъ мнѣ отецъ родной, братъ, сынъ..... съ жаромъ сказала Елкина: онъ для меня все что есть дорогого на свѣтѣ; онъ не далъ мнѣ умереть съ голоду, отъ болѣзни, на улицѣ, когда у самого не было куска хлѣба, когда самого хотѣли выгнать изъ квартиры.

— Такъ ваша связь....

— Чтò!... Связь?...Вы что такое думаете?...

— О, ничего дурного, повѣрьте. Продолжайте, молодой человекъ, продолжайте, сказалъ поспѣшно председатель, боявшійся новой вспышки Елкиной....

— Въ комнаткѣ, на одной кровати спала обыкновенно Настасья Ивановна, на другой Женни....

— То есть Евгени!...

— Женни.... Если бы вы знали, что за созданіе была эта Женни!... Видали вы Рафаэлевыхъ ангеловъ: вложите въ нихъ душу Женни, но душу Женни непременно, потому что другой такой души не найдется, и вы будете имѣть понятіе о моей, то есть о нашей, Женни хотѣлъ я сказать!...

— Мое дорогое, мое безцѣнное дитя, воскликнула бѣдная женщина, съ воплями, которыми наполнялся весь прежній рассказъ, несвязный, несмысленный, дотога что председатель едва могъ узнать изъ него, что въ ночь третьяго дня похитили у нея изъ комнаты дѣвочку.

— Глаза ея, ясныя, голубыя, глубокія какъ небо, но не это, сѣверное небо, на которомъ нельзя подмѣтить ни одной свѣтлой краски, нельзя уловить ни одной счастливой мысли,—глаза....

— Далѣе, далѣе.....

— Волосы, прекраснаго каштановаго цвѣта, шелковистые, мягкіе, такіе мягкіе, что я, бывало, часто утиралъ ими свое лицо.... такъ, шутя, и ничего.... словно бархатомъ утираешься, нѣжно....

Председатель съ отчаяніемъ вертѣлся на стулѣ.

— Почтеннѣйшій, сказалъ онъ наконецъ: все это пред-

мать, конечно, очень близкіе, дорогіе для васъ; въ другое время я охотно буду слушать, но теперь мнѣ, право, не дотого: время не терпитъ, а я бьюсь вотъ уже около двухъ часовъ.... сначала съ этой дамой....

— Съ Настасьей Ивановной, вы хотите сказать.

— А потомъ съ вами, и по сию пору еще не знаю что такое эта дѣвочка, Женни, какъ вы ее называете, или Евгенія, какъ станемъ называть мы....

— Женни....

— Пусть Женни. Отвѣчайте мнѣ только на вопросы; другаго я знать не хочу.... сказалъ предсѣдатель, выведенный изъ терпѣнія. Ея отчество, фамилія?

Миллеръ посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ, вопросительно, на Елкну.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ ея отчество, фамилія?...

— А кому какое дотого дѣло! Какъ мое прозвище, такъ и ея.

— Конечно, отвѣчалъ Миллеръ, а потомъ обращаясь къ предсѣдателю прибавилъ: какъ Настасья Ивановны прозвище, такъ и нашей Женни.

— Бѣдненькая, моя Женни!... Гдѣ-то она теперь?

И опять тотъ же вопль отчаянія женщины раздался въ присутственной комнатѣ.

— Женни спала вмѣстѣ съ Настасьей Ивановной? спросилъ опять предсѣдатель, которому и досадно было на этихъ людей и жалко.

— Конечно съ ними, отвѣчалъ Миллеръ..

— Женни, дочь ея?

— Конечно, дочь ихъ.... позвольте... Настасья Ивановна?... Вѣдь такъ.... или можетъ-быть....

— Дочь или не дочь—всѣ-равно! Конечно, она мнѣ дочь, больше чѣмъ дочь.

Предсѣдатель отмѣтилъ у себя что-то карандашомъ и, останавливаясь на этомъ довольно важномъ обстоятельстве, продолжалъ:

— Ночью, съ понедѣльника на вторникъ, пришли въ ихъ комнату люди.... какъ, откуда, какого рода люди?...

— Вотъ еще что стали спрашивать!... Развѣ я выпустила бы ихъ къ себѣ, когда бы видѣла, прервала Елизавета....

— Молчите уже! сказала художникъ: я буду говорить... Я вѣдь человѣкъ бывалый въ разныхъ казусахъ.... какъ, какъ женщины, испривично, не хорошо....

— Ну, говорите, говорите, Федоръ Ивановичъ, вы такой ученый, только все, какъ слѣдуетъ....

— Будьте покойны... Люди ворвались, вѣроятно, въ окно, потому что на другой день я нашелъ окно отвореннымъ, а дверь запертой, какъ наканунѣ заперла сама Настасья Ивановна.

— Въ которомъ это было часу?

— Часу въ одиннадцатомъ.

— Эта дама сказала въ двѣнадцатомъ.

— Ну, у меня нѣтъ часовъ.... кѣмъ прежде и былъ: все обобрали, проклятый... Она удержалась назвать имя: Можетъ въ одиннадцатомъ, можетъ въ двѣнадцатомъ, можетъ и въ первомъ; только знаю, что пересыпала первый сонъ.... а въ это время я ужасно крѣпко сплю....

— Должно полагать, что людей было порядочное число. Когда крики Женни разбудили Настасью Ивановну, она не успѣла вскочить съ постели и кинуться на разбойниковъ,—и, я ручаюсь, что она не пожалѣла бы себя, чтобъ спасти Женни....

— Конечно....

— Не успѣла къ нимъ кинуться, какъ они набросили ей мѣшокъ на голову, завязали.... Настасья Ивановна ни кричать, ни видѣть не могла.... привязали къ кровати.... Въ такомъ положеніи я нашелъ ее, когда при мнѣ на другой день Женни не было.... О, моя сердечная, моя милая Женни!... Изъ вещей только я пронала простынька, на чемъ спала Женни....

— Скажите же, пожалуйста, отчего вы не дали мнѣ знать вчера объ этомъ происшествіи?

— Сначала надо было оживить Настасью Ивановну: бѣдная, совсѣмъ было валялась въ мѣшкѣ.... Самы знаете, какое неловкое положеніе.... Потомъ мы долго плакали

и убивались.... потѣмъ разъискивали по-сосѣдствѣ.... такъ день и прошелъ....

— Жаль! а дѣлать нечего!... Не можете ли вы еще чего прибавить къ своимъ показаніямъ?

— Да что же тутъ прибавить, развѣ портретъ Женни.... Погодите, я сбѣгаю домой.... у меня они въ различныхъ видахъ....

— И это понадобится; но вы принесете послѣ.... Теперь позвольте слышать ваши показанія съ показаніями этихъ господъ: можетъ-быть взаимныя объясненія пояснятъ еще что-нибудь или припомнятъ забытое.

Предсѣдатель оглянулся къ сторонѣ, гдѣ стояли Невскій и Пирожковъ; но послѣдняго тутъ уже не было; предсѣдатель посмотрѣлъ кругомъ: за секретарскимъ столомъ, въ углу, сидѣлъ Назаръ Назаровичъ и что-то писалъ, углубленный въ свои занятія: для него не существовали ни предсѣдатель, ни всѣ тутъ присутствовавшіе, ни весь существенный міръ: намъ ученый былъ въ другомъ, въ своемъ мірѣ. Служитель правосудія крайне удивился такой свободѣ дѣйствій въ его присутствіи; онъ всталъ, желая посмотреть, что могъ писать этотъ человекъ? Вѣроятно, записывалъ допросныя пункты и отвѣты.... вещь совершенно невозможительная: должна быть на это цѣль.... Пошла соображенія, но всѣ онѣ разлетѣлись, когда предсѣдатель увидѣлъ цѣлыя столбцы исчерканныхъ Назаромъ Назаровичемъ на листѣ бумаги съ оффиціальной заголовкой; онъ взглянулъ на самого Пирожкова и невольно улыбнулся.

Между-тѣмъ Невскій подошелъ къ столу, у котораго стояли другіе дѣйствователи этой сцены. Елкина тутъ только пригнѣтила его. Нѣсколько времени она глядѣла, раскрывъ свои большіе глаза, въ недоумѣніи, въ страхѣ, указывая на него пальцемъ и ярвико упираясь на руку Миллера, не имѣя силъ ни говорить ни стоять. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на цѣную сцену. Невскій невольно сѣпнулся подъ обаятельнымъ вліаніемъ неподвижно

устроенныхъ на него глазъ и всеобщаго вниманія. Наконецъ Елкина разразилась словами:

— Вотъ онъ, закричала несчастная, вотъ онъ!... Кли-нись вамъ, онъ погубилъ мою Женни; сама Заступница Великая привела его сюда.... А, красавецъ мой, думаешь, что я не запримѣтила тебя, когда провожалъ свою пышную барышню ко мнѣ, на чердакъ, когда потомъ воротился и дожидался ее въ коляскѣ; ты плотно кутался въ свой плащъ, да всё-таки я видѣла тебя; а разъ увидѣвши не позабуду во всю жизнь: самъ больно красивъ.... Ремесло-то твое не совѣмъ красиво...

И съ этими словами Елкина подходила ближе и ближе къ Невскому въ угрожающемъ положеніи, съ сверкающими глазами.

Воспоминаніе промелькнуло быстро въ памяти Невскаго: оно представило ему много возмутительнаго; но Невскій ничего не могъ понять, разгадать вполнѣ и потому совершенно недоумѣвалъ отъ странной выходки женщины, которой гнѣвъ вскипался сильнѣе и сильнѣе и Богъ знаетъ чѣмъ бы кончился, если бъ Миллеръ не остановилъ ее.

— Удержитесь, сдѣлайте милость удержитесь, Настасья Ивановна, шепталъ онъ, схватившись за рукавъ ея платья: исторія можетъ худо кончиться; васъ схватятъ, посадятъ въ нехорошее мѣсто, можетъ-быть еще что сдѣлаютъ съ вами....

— Что бы ни сдѣлали, только пускай прежде поступятъ съ нимъ такъ какъ я захочу.

Предсѣдатель принялъ тонъ строгій.

— Послушайте, сударыня, именемъ закона требую, чтобы вы вспомнили наконецъ гдѣ находитесь и вели себя какъ слѣдуетъ. Я былъ слишкомъ снисходителемъ, уважая вашу горестъ, но теперь предупреждаю: если вы забудетесь на-мигъ, я вышлю васъ отсюда; больше, я посажу васъ въ смирительный домъ или предамъ суду за несохраненіе уваженія къ тому мѣсту, гдѣ находитесь. Говорите, безъ всякихъ околичностей, а болѣе всего удер-

живайтесь отъ обидныхъ выраженій. По какому случаю вы обвиняете господина Невского въ преступленіи, которое не имѣетъ имени по своей гнусности?

Угрозы предсѣдателя подѣйствовали на женщину, которая не столько впрочемъ боялась за себя, сколько за свою Женни:—Тогда-то ужъ она пропадетъ совершенно, когда меня упрячутъ, думала Елкина, и смирилась. Миллеръ сзади безпрестанно напоминалъ ей шопотомъ, чтобъ была сколько возможно благоразумиѣе.

« Недѣля три тому, можетъ и по-больше: я еще была больна, поправлялась только: слышу стукъ экипажей подъ окномъ. У насъ въ Болотной, сами знаете, экипажи за рѣдкость; Женничка моя кинула работу и къ окну. Маменька, говорить, коляска, къ намъ!—Что ты, дурочка, какъ это можно, развѣ мало народу живетъ въ домѣ? Кому до насъ какое дѣло, да еще изъ тѣхъ, что ѣздить въ коляскѣ! Прежде было иначе; и ты бы прежде ѣздилла у меня въ коляскѣ. — Къ кому же больше какъ не къ намъ? Въ домѣ, кромѣ бабки-повитушки, никого нѣтъ.

«Я привстала, гляжу въ окно. Точно, коляска у крыльца, барыня въ ней сидитъ, словно принцесса какая; жду, что будетъ: вотъ баринъ вернулся со двора; видно, о чемъ-то развѣдывалъ,—и къ ней; высадилъ изъ коляски, повелъ на крыльцо. У насъ съ Женничкой духъ занялся, когда мы услышали ихъ шаги у самой двери. Кого бы это Богъ послалъ? спрашиваю я.—«Не знаю, маменька.»—Да чего же ты боишься, душенька? Поди, отопри. Отперли. Барыня, важная, какъ пава какая, вошла, баринъ что-то ей шепнулъ и пошелъ назадъ. Ушелъ скоро, да, видите ль—я запримѣтила этого барина, потомъ видѣла его когда онъ дождался въ коляскѣ своей красотки, а лицо у него такое, что женщина, увидѣвши разъ не забудетъ никогда. Вотъ онъ, этотъ баринъ! Какъ теперь вижу глаза, что сверкнули въ мою комнату, словно бѣсовскими свѣтичами. Барыня съѣла, долю глядѣла на мою голубушку, потомъ позвала къ себѣ, обняла ее и стала цѣловать.... я было подумала сначала, что она немножко вслащивалась....

Потомъ она завела со мною разговоръ, да ужъ такъ сладко, словно соловей поетъ.—«Послушайте, милая Настасья Ивановна», — и откуда имя узнала, — «вѣдь мнѣ извѣстно, что Женни не ваша дочь»...—Меня будто что-то въ бокъ кольнуло.—«Знаю, что ей у васъ хорошо, что вы ее любите, но посмотрите на нее, такой ли участи она заслуживаетъ? Видите, какъ она прекрасна'...» И Женничка, разжалобленная ласками знатной дамы, бывавъ ту пору еще лучше чѣмъ всегда... Что же дѣлать, матушка, сказала я въ отвѣтъ ей, достатки наши таковскіе!—«Отъ васъ, говорить, зависитъ улучшить ея состояніе!—Какъ быють меня?—«Да! Отдайте дѣвочку мнѣ, и она будетъ ходить вся въ шелку, жить въ палатахъ, наслаждаться всѣми радостями жизни.... «Меня словно варошъ обдало! Женничка покинула барыню, и повисла у меня на шеѣ....—Чтобъ я тебя оставила, ни за что на свѣтѣ?.. закричала дитя мое... Барыня было туда, сюда, просить, грозиться и судомъ и друмишъ.... Я также начала горячиться. Она мнѣ было вздумала припоминать съ какимъ условіемъ взяла къ себѣ Женничку, упрекая за чѣмъ-де не сдержала его, и всё дальше и дальше: я, въ отвѣтъ, что Богъ наказалъ меня и за то, что я дала такое сатанинское условіе,—да что дѣлать, была молода, а нужда такъ жала, что душу изъ тѣла выжимала,—такъ наказалъ Богъ..... только за обѣщаніе, хорошо-что не выполнила условія, правда и не думала выполнять его когда давала.... Вотъ теперь Женничка и отмолятъ мои грѣхи, а ее-то Богъ, вѣрно, послушаетъ..... какъ ее, мою сердечную, не послушать!

«Ужъ тамъ что было у насъ съ этой барыней, того не перескажешь, и сказывать не за чѣмъ. Кончилось тѣмъ, что она разсердилась, выбѣжала изъ комнаты и была такова.... Да слѣдокъ-то по себѣ оставила.... Женни не миновала ея рукъ; на-вѣрное не миновала; барыня или украла ее или извела, чтобъ мнѣ надосадить... А этотъ баринъ, непременно съ нею за-одно.»

Предсѣдатель слушалъ съ большимъ вниманіемъ рассказъ Елѣкной, незамѣтно поглядывая по временамъ на Невскаго, какъ человекъ опытный въ знаніи человеѣче-

снѣго сердца; но лицо Невскаго, сначала вспыхнувшее негодованіемъ, по-прежнему стало безстрастно, холодно, какъ лицо человѣка привыкшаго къ возможнымъ опасностямъ и угрозамъ, хотя всё-еще не потерявшаго способности чувствовать боль и муки души.

— Только сердце матери, отъискивающей повсюду, видящей во всемъ причину своей горькой утраты, могло впасть въ подозрѣніе такого рода, сказалъ кротко председатель. Неужели вы могли подумать, что эта барыня, кто бы она ни была, а мы всё-таки узнаемъ кто она такова: чтобъ она могла содержать у себя похищенную съ насиліемъ дѣвочку, и это бы могло укрыться отъ всѣхъ? Неужели вы могли подумать, чтобы, наконецъ, сама Женни не рвалась къ вамъ и не обнаружила такого преступленія, а держать ее въ заперти, мучить ее—невинную дѣвочку.... Какъ могли вы это подумать?... Кого бы не удержалъ отъ такого гнуснаго преступленія страхъ наказанія, если уже не отвѣтственность передъ судомъ Божиимъ. Председатель не безъ намѣренія далъ такой оборотъ своей рѣчи; онъ вперилъ глаза въ Елкину, чтобы та могла хорошенько разобратъ и понять отвѣтъ.

Елкина призадумалась, молчала....

— Вы добрый человѣкъ, сказала она наконецъ председателю: но не знаете, что это за женщина.... Дайте мнѣ объ этомъ подумать хорошенько.... А между-тѣмъ, мы съ Федоромъ Ивановичемъ, станемъ дѣлать свое дѣло, вы дѣлайте свое.... Полжизни, всю жизнь отдамъ вамъ за Женни.

Председатель успокоилъ ее какъ могъ, обѣщалъ постоянно уведомлять объ успѣхахъ своихъ поисковъ, и освѣдомляться о ней самой; на этотъ разъ онъ окончилъ свой продолжительный допросъ, поджидая тѣхъ, кого послалъ для розысканій на самомъ мѣстѣ ночнаго преступленія. Оставшись одинъ, онъ разсматривалъ показанія со всѣхъ сторонъ и никакъ не могъ постигнуть откуда эта связь, эта одновременность похищенія дѣвочки,—которой происхождение, какъ онъ увидѣлъ изъ отвѣтовъ Елкиной, было

такъ запутано, — и простаго уличнаго тряпичника, и точно ли были оба похищены въ одну ночь, въ одно время: доказательства такъ слабы, что онъ почти не допускалъ этого предположеніи и взялся за него только по неимѣнію другихъ.

=

ТРИ ПЕРІОДА.

=

СОЧИНЕНІЕ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

«Alle Schuld rücht sich auf Erde».
СОУТНЕ.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НАЧАЛО ВТОРОГО ПЕРІОДА.

Наступилъ сентябрь 1774 года. Не только въ Нидекѣ, но и во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ знали, что старшая дочь господина комиссара Леонгарда выходитъ замужъ за юстиць-чиновника вельмерсенскаго, Готфрида Августа Бюргера; срокъ свадьбы назначенъ; оставался до этого срока только одинъ день; Бюргеръ весь этотъ день провель у невесты и воротился въ свою квартиру весьма поздно.

— И такъ завтра!.. сказала Діана принимая шляпу и палку Бюргера: завтра вы будете совершенно счастливы.....

— Богъ знаетъ!... Діана, мнѣ кажется я поспѣшилъ!

— Что такое?

— Да! Мнѣ кажется....

— Что тамъ вамъ кажется, неблагодарный человекъ! Давно ли вы считали себя недостойнымъ Луизы....

— Именно, Діана, мнѣ и сегодня то же кажется. Ты ко-

Т. ЛХХІІІ. — Огд. I.

5

ротко знаешь меня, Діана.... Я пылокъ, я страстенъ, я не могу согрѣваться этимъ сѣвернымъ сіяніемъ красоты; яркимъ, блистательнымъ, но холоднымъ. Я могу удивляться Луизѣ и удивляюсь; я люблю ея невинностію, ея живымъ умомъ, ея милымъ кроткимъ характеромъ....

И....
— Чтò нѣ?... И не любите Луизы....

— О нѣтъ! Я не могу этого сказать. Я скажу тебѣ откровенно, Діана. Мысль что я буду обладать Луизой—льститъ моей гордости, но....

— Но не осражу! Подите вы! Я васъ же люблю послѣ этого! Я взялась быть у вашей жены слугой, но теперь я на ногой въ вашъ домъ....

— Отъ чего Діана?

— Оттого, что на душѣ вашемъ не будетъ благословія Божія!

— Чтò же мнѣ дѣлать?

— Застрѣлиться, если у васъ нѣтъ силы признаться въ вашихъ чувствахъ отцу и дочери....

— Діана, ты меня приводишь въ восторгъ, милая Діана....

— Отстаньте! Я не люблю васъ!

— Говорю тебѣ, я пошутилъ, я хотѣлъ только видѣть какое впечатлѣніе на тебя сдѣлаетъ мое ложное призваніе....

— Вы шутили?

— Право шутилъ.... Не вѣришь, побожусь....

— О, какъ я рада! Луиза такой ангелъ! Теперь я могу спать спокойно....

— Спать, такъ рано! А съ кѣмъ же я буду ужинать....

— О! наканунѣ свадьбы вы думаете объ ужинѣ.... плохо, плохо!

Бюргеръ внимательно посмотрѣлъ на опечаленную Діану....

— Наканунѣ свадьбы — вы ищете собесѣдницы, когда ваши мысли должна занимать прекрасная невѣста. Нѣтъ, вы не шутили, злой человѣкъ....

— Полно, Діана! Вспомни, что я привыкъ къ разгульной студентской жизни; вспомни, что завтра — всему ко-

пецъ. Я въ клѣткѣ. Я не привыкъ къ поволѣ, я не знаю
никъ слабу съ моимъ новымъ положеніемъ; а тутъ еще
и денежныя хлопоты; Листе и глазъ не камень; всѣ мои
письна остаются безъ отвѣту; онъ проигралъ мои день-
ги....

— Полноте! Господниъ комиссаръ платитъ всѣ расхо-
ды; Листе отыграется и возвратитъ деньги. Все это уверт-
ки. Тутъ кроется чтѣ-нибудь другое. Вы вѣрно видѣли
другую красавицу; вы вѣтреный любовникъ; Діана мо-
жетъ сказать это....

Много труда и хитрости стоило Бюргеру, чтобы успо-
коить Діану..... На другой день Бюргеръ провелъ все утро
дома и вышелъ тогда только, когда приглашенные быть
ассистентами при бракосочетаніи пріѣхали звать его въ
церковь. Тамъ былъ уже весь Нидекъ со всѣми окрестны-
ми деревнями. Между любопытными Бюргеръ замѣтилъ
Матильду и не смутился; напротивъ, подошелъ къ ней и
заставилъ поздравить себя съ вступленіемъ въ супруже-
ское состояніе. Въ особеннети свадьбой Бюргера доволь-
ны были Куно и Бруно. Наперерывъ одинъ передъ дру-
гимъ они хвалили Бюргера и сожалѣли, зачѣмъ онъ оста-
вилъ Геллигаузенъ.

— Угѣшите ихъ, прекрасная Матильда!

— О, гордый человекъ! прошептала она съ чувствомъ:
вы даже не умѣете быть великодушнымъ....

Бюргеръ смутился, покраснѣлъ, не зная чтѣ сказать;
но прибытіе невѣсты со всѣмъ семействомъ, заставило его
оволчиться и поспѣшить на встрѣчу.... Луиза была дивно
хороша въ свадебномъ костюмѣ. Ангельская улыбка при-
дала ей такое очарованіе, противъ котораго не устоялъ
и самъ Бюргеръ. Въ эту минуту онъ былъ безъ памяти
влюбленъ, съ жаромъ схватилъ онъ руку и судорожно
сжималъ ее, повелъ Луизу къ алтарю.... Еще онъ не про-
изнесъ священнаго обѣта; еще онъ не былъ супругомъ,
когда случайно взеръ его остановился на четырнадцатилѣтней
дѣвушкѣ, стоявшей возлѣ господина Леонгарда съ
другою дѣвочкой лѣтъ шести, семи. Не трудно было узнать
что эти дѣвушки—дочери комиссара, сестры Луизы. О
третьей никогда и разговора не было: вторую хвалилъ

отецъ, второю восхищалась Луиза; но всѣ эти похвалы относились къ нравственнымъ качествамъ Августы. Никто не говорилъ, да и что можно было сказать о красотѣ этой очаровательной дѣвушки. Ярко-блестящіе глаза такъ жарко смотрѣли на Бюргера, можетъ-быть изъ одного любопытства видѣть мужа любимой сестры.... Бюргеръ задрожалъ и сдѣлалъ надъ собою усиліе, отвернулся, но увы, згибъ уже вошелъ въ внутреннее сердце.... Судьба Бюргера была уже рѣшена. Не безъ труда произнесъ онъ супружескій обѣтъ; въ эту самую минуту онъ боролся съ собою, онъ хотѣлъ броситься въ ноги отцу, признаться что любить не Луизу, но Августу; но тайный невольный взглядъ брошенный имъ на Луизу, возбудилъ въ немъ жалость, стыдъ; онъ повторилъ обѣтъ страннымъ голосомъ; ослышавъ слухъ разобралъ бы въ звукахъ рѣчей Бюргера тайное отчаяніе.... Но обрядъ совершился.... Посыпались поздравленія..... Отецъ подвелъ обѣихъ дочерей къ Бюргеру....

— Вотъ тебѣ, Готфридъ, еще родня. Двѣ сестры твоей Луизы. Онѣ сегодня пріѣхали изъ пансіона нарочно для вашего праздника. Поцѣлуй ихъ какъ старшій братъ, какъ отецъ....

То, за что во всякое другое время Бюргеръ пожертвовалъ бы годомъ, двумя своей жизни — теперь ему показалось грѣхомъ, преступленіемъ.... Горячка разливалась по всѣмъ жиламъ несчастнаго; но слѣдовало исполнить приказаніе отца. Въ полномъ смыслѣ горячія уста его прикоснулись къ устамъ Августы; хотя поцѣлуй ихъ былъ такъ шибень, какъ только себѣ вообразить можно. Казалось они не соприкоснулись устами, а поцѣловали тончайшую, раздѣлявшую ихъ струю воздуха. Все такъ, но этотъ поцѣлуй значилъ гораздо больше, чѣмъ супружеская клятва Бюргера. Взоры сквозъ слезъ встрѣтились, сердца сказались... Бѣдная Луиза! Она весело принимала поздравленія; она переходила изъ объятій одной притворщицы въ объятія другой, и когда встрѣтилась съ мужемъ, онъ былъ уже спокоенъ, даже веселъ; слеза играла въ глазахъ его, правда; но Луиза считала ее своею....

Началась и свадебная пирушка. Напрасно Бюргеръ, тай-

конь, какъ воръ, искалъ Августы; ея не было въ комна-
тѣ. Онъ хотѣлъ спросить, но замиралъ голосъ; хотѣлъ
войти, посмотрѣть гдѣ она, но недоставало воли.... За
ужиномъ онъ видѣлъ ее, но далече за другимъ столомъ;
она сидѣла съ дѣтми, спиною къ главному столу... Паръ
кончился... Прошла и ночь. Поутру, когда молодые во-
шли въ залу, тамъ былъ уже отецъ, нѣкоторые городскіе
гости; Августы не было....

— Гдѣ сестры? спросила счастливая, веселая Луиза....

— Просто удивительный ребенокъ. Какъ пристала ко
мнѣ: надо ѣхать папа, отошлите насъ; мы еще застанемъ
лекцію госпожи Фуксманъ; я ужасно много потеряю....
Пустяки! сказалъ я.... Наверстаешь.... Она заплакала; я
не устоялъ, приказалъ заложить лошадь и отправилъ лю-
бознательныхъ дѣтей... Что ты прикажешь дѣлать съ та-
кимъ пылкимъ и своенравнымъ ребенкомъ....

— Странно! сказала Луиза: теперь мое счастье не такъ
полю! Мнѣ некому хвалить моего мужа....

— Ну, отъ этого и мои старыя уши не откажутся.

Все утро прошло въ обычной болтовнѣ, поздравленіяхъ,
пріемахъ и проводахъ гостей. Наступилъ срокъ при-
няться за новую службу. Молодые, отецъ, Діана и еще
нѣсколько человекъ короткихъ знакомыхъ старика от-
правились въ деревню Вельмерсенъ; тамъ для юстицъ-чи-
новника не нашли даже порядочнаго дома; наняли и убра-
ли вѣ-скоро избу у поселянина и устроились съ бѣдой по-
поламъ. Первый годъ супружества прошелъ быстро. Діа-
на служила усердно и была весьма довольна поведеніемъ
Бюргера. Богъ благословилъ бракъ первенцемъ. Бюргеръ
былъ бы вполне счастливъ, если бы денежные дѣла его бы-
ли въ порядкѣ. Но дѣдушка не присылалъ ничего, да ужъ
и не могъ присылать, потому что переселился въ вѣчность;
Листе и не думалъ платить; литература не оплачивала рас-
ходовъ на одну переписку съ геттингенскими соучениками
своими, и нѣкоторыми другими учеными, Бистеромъ, ба-
рономъ фонъ-Кильмансегге, Шпренгелемъ, Гельти, Мил-
леромъ, Фоссомъ, графомъ фонъ-Штольберсъ, Крамеромъ,
другимъ Миллеромъ, Ганомъ, Лейзевицемъ, Клозеномъ
Шприкманномъ, а больше всего съ Вейе, котораго Бюр-

геръ безошибочно, считалъ своимъ другомъ. Удивительно, право удивительно какъ честнымъ литераторамъ трудно жить на свѣтѣ. Кажется вся германская литература знала и уважала талантъ Бюргера; всѣ лучшія головы придумывали, какъ бы помочь Бюргеру, а онъ всё-еще оставался въ той же деревушкѣ, въ такой же бѣдности, можно сказать нищетѣ; тогда какъ какой-нибудь Шлегель, отъявленный мерзавецъ, котораго каждый презиралъ, обществомъ котораго каждый гнушался; надъ которымъ публично издѣвались, вѣщая его петрушкой и величая его Швейнигелемъ; этотъ Шлегель, получалъ большія деньги за свое литературное маразмъ: Когда Фортуна, испытывая человѣческую философію, благопріятствовала Шлегелю, въ деревнѣ Вельмерсенъ — Бюргеръ проводилъ безсонныя ночи надъ переводомъ *Иліады*; пятая пѣснь была уже напечатана въ «Нѣмецкомъ музеѣ» который издавали Бойе и Домъ (Dohm) въ 1776 году. Не было уже на свѣтѣ комиссара Леонгарда. Бюргеръ остался опекунномъ всего семейства. Старикъ жилъ бережливо, но и получалъ весьма мало. Едва стало капитала на похороны и на уплату въ пансіонъ за Августу и третью дочь покойнаго Леонгарда. Луиза сама отвезла деньги госпожѣ Фуксманнъ и воротилась безъ сестеръ, въ Нидекъ, гдѣ Бюргеръ продалъ всѣ вещи покойнаго и ждалъ только жены и сестеръ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Вельмерсенъ. О, какъ онъ ждалъ ихъ! какъ онъ боялся, чтобъ онѣ въ самомъ дѣлѣ не пріѣхали; какъ обрадовался, когда узналъ что Августу рѣшилась остаться въ пансіонѣ госпожи Фуксманнъ помощницей, за что госпожа Фуксманнъ обязывалась безплатно содержать и учить меньшую сестру... Обрадовался! Но-крайней-мѣрѣ ему показалось, что камень упалъ съ сердца; что молнія, которая такъ долго висѣла надъ нимъ — разлилась надъ далекимъ моремъ и небо опять стало свѣтло. О, какъ горячо цѣловалъ онъ Луизу, какъ искренно восхищался благоразуміемъ Августы.... Но не успѣли они пріѣхать въ Вельмерсенъ, какъ письмо отъ госпожи Фуксманнъ перепугало всѣхъ и уничтожило всѣ мѣры благоразумія.

«Любезная Луиза! такъ писала госпожа Фуксманнъ:

«Довно уже замѣчала я, что милая моя Августа лишилась веселья и спокойствія. Можно считать со дня вашей свадьбы. Когда она воротилась къ намъ, я тотчасъ замѣтила, что она не такъ здорова. Болѣзнь ея имѣла самое странное направленіе. День лучше, день хуже; то слишкомъ весела, то слишкомъ печальна.... Но ученье шло какъ-нибудь лучше. До послѣдняго вашего посѣщенія Августа кое-какъ держалась; но едва вы уѣхали, она впадала въ такую меланхолію, что иногда приходится руками будить ее отъ этого сна на-яву. Я говорила съ нашимъ докторомъ. Онъ рѣшилъ, что учительскія занятія для молодой и красивой дѣвушки въ тягость; что ей надо разсѣяніе и, я не стану скрывать отъ васъ, что докторъ сказалъ мнѣ по-тихоньку: и жениха.... Вы знаете, что и тѣнь мужчины не заходитъ въ нашъ монастырь. И такъ если хотите снасти вашу сестру отъ сумасшествія—присылайте за нею по-скорѣе, потому что въ два дня болѣзнь сильно увеличилась; мнѣ страшно смотрѣть на нее.... Не беспокойтесь объ маленькой сестрицѣ. Я принимаю ее себѣ вмѣсто дочери и знаю что это доброе дѣло не останется безъ вознагражденія. Присылайте за Августой какъ-можно скорѣе....»

— Готфридъ! Что ты на это скажешь?

— Я? Право, не понимаю отъ чего бы она могла захворать....

— Вѣроятно на нашей свадьбѣ увидѣла кого-нибудь, который ей понравился. Пылкій, романтическій характеръ Августы не перенесъ мысли, что она должна провести всю жизнь въ этомъ монастырѣ. Никто ее не уговаривалъ; напротивъ, я всѣми силами возставала противъ такой жертвы; но теперь я не стану слушать ея мечтательныхъ разсужденій,—я ей мать; я пошлю за нею сегодня же....

— Что ты хочешь дѣлать Луиза, спросилъ Бюргеръ и поблѣднѣлъ.

— Я хочу, чтобы она была при мнѣ. Я разсѣю ея меланхолію....

— Луиза! Но вспомни, что и у насъ иногда нѣтъ двухъ чашекъ кофе....

— Готфридъ! Ты ли говоришь это?

— Прости, Луиза, но вспомни, что наши дѣти живутъ въ кухнѣ. Гдѣ же мы помѣстимъ Августу?

— Ты можешь спать въ своемъ кабинетѣ, гдѣ ты всегда спишь послѣ обѣда, а сестра со мною....

— Но, Луиза, не лучше ли просить нашего родственника....

— Ни за что! Онъ отказалъ тебѣ въ десяти талерахъ, когда у насъ ѣсть нечего было, а ты хочешь чтобы онъ согласился принять Августу, дать ей помѣщеніе, столъ, одежду....

— Но въ такомъ случаѣ, позволь, Луиза, чтобы я окончилъ Иліаду.... Я получилъ на этотъ счетъ весьма выгодныя предложенія....

Луиза презрительно улыбнулась и тотчасъ съ лаской обратилась къ мужу:

— Другъ мой! Иліада твоя прекрасна; стихотворенія твои, которыя ты собралъ и приготовилъ къ печати — гордость Германіи: но развѣ ты Шпегеръ, развѣ ты за нихъ надѣешься получить больше, нежели сколько они тебѣ самому стоятъ?

— Какъ самому стоятъ?

— А время, мой другъ, ты его не считаешь? Ты не успѣваешь окончивать дѣлъ, за которыя тебѣ законъ назначаетъ награду; время которое для того нужно, ты употребляешь на труды литературныя. Произведенія твои безцѣнны, но, въ-существѣ, они стоятъ только того, что бы ты получилъ занимаясь службой. Вѣрь мнѣ, Иліада и стихотворенія не извлекутъ насъ изъ бѣдности, а милая Августа ея не увеличитъ. Впрочемъ, я удивляюсь тому, что ты сталъ разсчитывать такъ экономически. Не понимаю, за что ты не любишь Августы....

Будто аспидъ укусилъ Бюргера въ самое сердце. Онъ чуть не вскрикнулъ и уже не прекословилъ женѣ; въ уныніи, какъ цыпленокъ за своею заботливой матушкой, Бюргеръ ходилъ слѣдомъ за Луизой, когда она снаряжала въ путь Діану, наняла въ деревнѣ лошадей, стала устроить квартиру согласно съ новыми требованіями.... Отъѣздъ Діаны былъ причиною, что всѣ обязанности кухарки, няньки и горничной, пали на Луизу.... Когда она стала ку-

пять ребенка, Бюргеръ сѣлъ за Илиаду, но вмѣсто греческихъ гекзаметровъ, онъ сталъ читать въ своемъ сердцѣ. Но тамъ появилась такая тѣна загадочныхъ іероглифовъ, что Бюргеръ сидѣлъ два битыхъ часа и не прочелъ ничего. Когда Луиза принесла въ его кабинетъ скромный ужинъ, онъ не могъ ничего ѣсть, онъ смотрѣлъ на нее взоромъ безумца, несчастливца въ отчаяннѣ... Луиза замѣтила это странное выраженіе глазъ и спросила:

— Готфридъ, что съ тобой! Ты, кажется, мною недоволенъ!...

— Нѣтъ, Луиза, нѣтъ, ангелъ мой! Я недоволенъ собою!...

— Что случилось?

— Что? Бюргеръ сталъ передъ нею на колѣни: Луиза! Не спрашивай! Я далъ моей музѣ обѣтъ молчанія, пока не кончу моей баллады! О! Я несчастный! Я не знаю какъ я ее кончу.... Чѣмъ разрѣшится эта исторія....

— Вѣроятно страшно....

— Не приведи Господи!

— Смертью!...

Бюргеръ закрылъ лицо руками и горячія слезы лились на колѣни Луизы!...

— Я еще никогда не видала тебя въ такомъ поэтическомъ припадкѣ. Ты знаешь какъ я люблю тебя и твою литературную славу, но отъ послѣдней я готова отказаться, если ты долженъ такъ опасно платить за часы созданія. Больше, я готова умереть, лишь бы ты былъ счастливъ...

— Господи! съ отчаяньемъ закричалъ Бюргеръ: «этого только не доставало. Умилосердись, Луиза, надъ моимъ несчастіемъ!...»

— Ты похожъ на ребенка...

— На злодѣя! на изверга! на.... О, нѣтъ, Луиза! Ты меня разлюбишь, ты меня будешь ненавидѣть....

— Э, мой другъ! Да ты боленъ, у тебя горячка....

— Спасай меня, лечи!...

Съ трудомъ подняла Луиза на ноги Бюргера. Голова и руки его пылали, она помогла ему раздѣться, уложила въ постель, заварила бѣзину. Бюргеръ начиналъ бредить, забываться; Луиза успѣла позвать доктора; успѣла, говорю,

потому что доктор засталъ его съ бритвой въ рукахъ... Скорость медицинскихъ пособій прервала горючку; утромъ Бюргеръ чувствовалъ только слабость; два или три дня не выходилъ изъ дому. Наконецъ по совѣту доктора пошелъ прогуляться и прямо на большую дорогу въ Нидекъ.... Не успѣлъ онъ выйти за деревню, какъ увидѣлъ знакомую бричку, которая медленно приближалась къ деревнѣ. Бюргеръ бѣгомъ бросился назадъ; вбѣжалъ въ свою комнату, заперся и сѣвъ за письменный столъ развернулъ Гомера.... Луиза была въ кухнѣ; не видала, не слышала этого страннаго возвращенія.... Но зато услышавъ стукъ колесъ на дворѣ, опрометью бросилась навстрѣчу Августѣ, обняла ее горячо, залилась слезами и отъ радости кричала: Готфридъ! Готфридъ! Августа прѣѣхала! Ахъ, да, Готфридъ пошелъ гулять.... Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ! Онъ скоро воротится! — Нѣтъ! онъ сидѣлъ за столомъ и дрожалъ какъ преступникъ.... онъ горѣлъ какъ на угольяхъ..... прислушивался къ каждому шороху..... онъ боялся выйти, а сердце просилось къ Августѣ.... Наконецъ рассудокъ и уединеніе помогли Бюргеру; онъ одолѣлъ и страхъ и страсть и вошелъ въ комнату жены....

— Вотъ онъ! Вотъ мой Готфридъ! Не правда ли, онъ весьма переѣвился....

— Да.... трепетно отвѣчала Августа.

— Здравствуйте, сестрица... сказала Бюргеръ потупивъ глаза. Луиза посмотрѣла на мужа и на сестру; вскрикнула и безъ чувствъ упала на землю....

Этотъ неожиданный обморокъ заставилъ опомниться обонхъ. Какъ-будто условясь, они бросились на помощь несчастной; какъ-будто имъ стало стыдно передъ Луизой, едва она пришла въ себя и Бюргеръ и Августа старались быть веселыми, шутить, уничтожить подозрѣнія насчетъ чувствъ каждаго. Не было сомнѣнія, Бюргеръ любилъ Августу, она любила Бюргера; но ни тотъ ни другая не знали о взаимномъ чувствѣ; одна Луиза угадала, сообразила, перевѣрила въ умѣ своемъ все происшедшее, въ одно мгновеніе, быстрѣе молніи и душа ея сторѣла до тла. Луизу подняли живую, но души у нея уже не было. Въ это мгновеніе смерть какъ-будто убилъ ду-

шу; остался автоматъ. Съ участіемъ спрашивали ее и мужъ и сестра какъ она себя чувствуетъ.

— Какъ-нельзя лучше! отвѣчала она ангельски улыбаясь.... Боюсь одного, не услышалъ ли ребенокъ.... Его спокойствіе мнѣ такъ дорого.... Онъ меня такъ любитъ, добрый малютка.... Потолкуйте здѣсь, а я сбѣгаю, посмотрю....

Но она и подняться не могла со стула. Ноги были холодны какъ ледъ....

— Странный припадокъ! сказала она весело: пройдетъ, но представьте, мнѣ снилось что-то похожее.... Только во снѣ я кашляла.... Но это еще впереди.... Слава Богу, ноги отходятъ! Діана! Діана! помоги мнѣ!...

Бюргеръ съ горячностью обнялъ Луизу и сказалъ съ чувствомъ:

— Будь спокойна, моя Луиза!

— Я уже спокойна! Обо мнѣ не заботься.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МѢСЯЦЪ.

Думаю, соображаю. Сердце болитъ стараюсь почувствовать страданія Луизы. Обыкновенные люди легко огорчаются, легко и забываютъ огорченія; легко привязываются сердцемъ къ другому сердцу, но оторваться отъ любимца имъ такъ же легко, какъ переодѣться въ другое платье. Но Луиза, по несчастію, была необыкновенная женщина и Бюргеръ инстинктивно чувствовалъ ея высокое достоинство и тайный стыдъ снѣдалъ его сердце. Вотъ уже три дня прошло съ-тѣхъ-поръ какъ Августа переѣхала къ нимъ; Бюргеръ выходилъ только къ обѣду, и на минуту вечеромъ, чтобы проститься съ женою и дѣтми и сказать холодное слово обычнаго привѣта.... Поздно. Луиза не могла уже болѣе обманываться; она какъ-будто не слѣдила за мужемъ и Августой; она, обыкновенно важная, величавая, теперь представляла изъ себя ребенка, рѣзвилась не по лѣтамъ, хохотала надъ такими словами,

которыя прежде не возбудили бы въ ней и улыбки. Видъ совершеннаго равнодушiя обманулъ Августу, обманулъ и Бюргера. Онъ считалъ себя преступникомъ, онъ рѣшился любить Августу въ мечтахъ поэтическихъ, однимъ воображенiемъ, и на столѣ его появилось множество недокончанныхъ стихотворенiй съ надписью къ Молли. Въ этомъ странномъ имени онъ находилъ какое-то тѣлесное сходство съ личностью Августы; она была такъ роскошна; все въ ней дышало вѣгой, упоенiемъ, очарованiемъ.... Одну изъ этихъ пѣсень знаетъ русская публика въ бѣдномъ моемъ переводѣ, но зато она облечена вдохновенною музыкаю Глявки. «Не требуй пѣсень отъ пѣвца» останется надолго однимъ изъ любимѣйшихъ романсовъ нашихъ меломановъ. Луиза никогда не входила въ кабинетъ мужа, избѣгая неприятнаго объясненiя.... Это еще болѣе мучило Бюргера и невольно умножало страсть къ Августѣ, какое-то неопредѣленное, но дурное чувство къ Луизѣ.... Страсть, какъ чудовищныя грезы, возрастаютъ до такихъ размѣровъ, что надо или проснуться или задохнуться. Наступили безсонныя ночи. Никто не мѣшалъ сближенiю Бюргера съ Августой, но невидимая, безграничная пропасть лежала между ними.... Бюргеръ каждый день старался казаться болѣе и болѣе равнодушнымъ къ Августѣ; Августа чуть не съ грубостью отвѣчала на обычные здравствуй и прощай; но красныя глаза, но запекшiяся уста, пламя въ щекахъ, въ голосѣ странные звуки; Луиза читала ихъ романъ свободно и видѣла, что она дочтывается до страшной развязки....

Однажды вечеромъ, войдя въ свой кабинетъ, Бюргеръ схватилъ себя за голову, зарыдалъ и бросился на жесткiй диванъ служившiй ему постелью.....

— Нѣтъ! сказалъ онъ громко: я не могу переносить долѣе этого ужаснаго ада. Луиза, я не люблю тебя. Ты, ты причину, что Августа меня ненавидитъ! Но, конечно... Богъ съ вами!... Живите себѣ какъ сумѣете! Я буду помогать вамъ издалече. Но быть здѣсь, вмѣстѣ съ вами.... терзаться, мучиться каждое мгновенiе.... Не могу. Не снесу.... Прощай, Августа!.... Нѣтъ другаго средства....

И Бюргеръ сѣлъ къ столу, схватилъ перо и началъ писать письмо....

Въ то же время въ спальнѣ Луизы, на супружескомъ ея ложѣ рыдала Августа. Страсть къ Бюргеру достигла своего зенита....

— Нѣтъ, сказала она, я не могу.... Я не перенесу этой жизни! Мнѣ и плакать нельзя.... Ночью, я должна глотать слезы, чтобы счастливая сестра не услышала моихъ рыданій. Я боюсь заснуть, чтобы коварный сонъ не измѣнилъ моей тайнѣ.... И каждый день видѣть, что онъ не любитъ меня, не можетъ переносить моего присутствія, избѣгаетъ встрѣчи со мной.... Августъ, Августъ, что я тебѣ сдѣлала?... Нѣтъ, Августъ, я тебѣ докажу какъ я могу, какъ я умѣю любить! Прощай, Августъ, прощай весь свѣтъ! Я знаю, я замѣтила дорогу.... Ночь свѣтла!

И Августа привстала; но услышавъ шаги, она спрятала голову въ подушки, и притворилась спящею.... Вошла Луиза съ Діаной....

— Снить! сказала Діана.

Луиза покачала головой отрицательно и приложила къ губамъ палецъ....

— Діана, сказала она тихо: «Завтра ты не буди меня. Я ужасно устала.»

— И я то же, мы будемъ спать какъ убитые....

— Надѣюсь. Мой Готѣрдъ пишетъ?

— Пишетъ.

— Будетъ спать дѣ-поздна. Завтракъ поспѣетъ раньше чѣмъ онъ встанетъ. Надо намъ, Діана, въ городъ съѣздить на-дняхъ. Не дастъ ли сосѣдъ своей лошади. Надо купить кое чего. У насъ по всѣмъ шкафамъ пусто....

— Да я въ карманѣ....

— Пусто, Діана! Но я надѣюсь на кредитъ у стараго Фрица. Онъ мнѣ самъ намекалъ на это....

— Въ кредитъ или за деньги, всё-равно, когда нужно...

— Ну, такъ попроси у сосѣда лошаля....

— Попрошу, а если не дастъ, выругаю...

— Какъ тебѣ не стыдно....

— Я имѣю на то свои причины.

— Дѣлай какъ хочешь, только достань лошадей... Прощай пока!

— Сните покойно!

Диана ушла; луна освѣтила спальню; Августа прислушивалась ко вздохамъ Лунзы; наконецъ убѣдилась что она спитъ, таше тѣни снялась съ постели, прошла по корридо-ру на цыпочкахъ, отворила задвижку, вышла на крыльцо и упала на колѣни.....

— Господи! сказала она заливаясь слезами: благослови мой подвигъ!...

Августа ожила; слезъ не стало; легко, свободно пошла она въ путь; миновавъ деревню, она сошла съ большой дороги и пробиралась по опушкѣ лѣсу, стараясь укрыться отъ любопытныхъ глазъ проезжающихъ поселянъ; прошла она такъ довольно далеко; лѣсъ кончился; развивалась передъ глазами ея обширная поляна: надо было выйти изъ гостепріимной тѣни и продолжать путь въ явѣ... Какое-то невольное чувство удерживало ее; вдругъ вблизи послышались шаги; она оглянулась; къ ней, прямо къ ней шелъ мужчина, размахивая огромной палкой. Она бросилась въ лѣсъ, присѣла въ кустахъ, но поздно; мужчина замѣтилъ ее и открылъ въ ненадежномъ тайникѣ....

— Кого ожидаешь, красотка? спросилъ онъ отвѣдя рукою густыя вѣтви: ужъ не меня ли!..

— Боже мой!.. Августъ!...

— Кого я вижу? Молли!...

То былъ Бюргеръ. Оба ушли одинъ отъ другаго, но ужасная судьба свела ихъ на зло имъ самимъ. Опасность придала силы Августѣ.... Она вскочила, крикнула. Прощайте, господинъ Бюргеръ! и бросилась было бѣжать.... Но Бюргеръ успѣлъ схватить ее за руку....

— Оставайтесь! сказалъ онъ печально: «Я ухвужу, Молли! ухажу! Я не буду болѣе мучить васъ моимъ присутствіемъ....

— Меня!

— Васъ, Молли!

— Молли! Вы ошибаетесь, господинъ Бюргеръ! Молли не я!

— Ваша правда! Я не имѣю права называть васъ этимъ

поэтическимъ именемъ, созданиемъ моего большого воображенія....

— Вы называли меня Молли! Скажите, что значить это ужасное слово, объясните мнѣ его обидный смыслъ.

— Обидный!

— Да не всё ли равно. Я спрошу, я узнаю.... Впрочемъ, чему мнѣ и знать что вы обо мнѣ думаете. По-крайней-мѣрѣ оставляя домъ вѣнъ навсегда, я считаю себя въ правѣ сказать вамъ, господинъ юстиць-чиновникъ, что я не подаю ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Эти поводы вы сочинили сами. Но теперь вы должны быть вполне довольны....

— Боже мой, Боже мой! Я ничего не понимаю....

— И я не понимаю за что вы меня ненавидите!

— И? Васъ?... Молли, я тебя ненавижу!... Молли! о нѣтъ, нѣтъ; я не скажу, я не долженъ, мой долгъ... Нѣтъ! Прощайте! Бѣгите домой, прочтите письмо, которое я оставилъ моею ужасной Луизѣ....

— Ужасной! Неужели она меня оклеветала?

— Кто? Луиза! Этотъ ангелъ, который убилъ мое счастье! Она способна ко всему, только не къ клеветѣ....

— Слава тебѣ Господи! Но какое письмо? Куда бѣжите вы....

— Туда, гдѣ ни Луиза, ни вы меня не найдете! Но къ винугу этой, можетъ-быть, вѣчной разлуки, позвольте сказать и вамъ, что я ничѣмъ не заслужилъ вашей ненависти.

— Моей ненависти.... Я опять ничего не понимаю.... Я не смогла, я.... О, нѣтъ! Никогда, никогда вы не узнаете моея тайны....

— Тайны? У васъ есть тайна! И вы могли подумать, что я буду препятствовать вашему счастью. Скажите, скорѣе скажите кто оны! Знаю, что мое сердце разорвется на много частей, знаю что можетъ-быть я не перенесу этой потери.... Потери! Божумецъ.... Да развѣ Молли моя! Развѣ я имѣю малѣйшее право на ея любовь.

— Любови! О спасите меня, силы небесныя!

Августа упала на колѣни и простирала руки къ деревнѣ, возшла: Луиза! Луиза! Ужасная сестра! Милая Луиза! Спаси меня, выручи! Я.... Ты видишь, я не искала....

Судьба вмѣшалась въ наше несчастіе.... Августъ! Августъ! Теперь я погибла! Теперь уже никто не спасетъ меня.....

— Успокойся, Августъ! Клянусь, я докажу тебѣ любовь мою на дѣлѣ! Я вырву образъ твой изъ моего сердца, я съумѣю одолѣть безумную страсть.... Я забуду тебя, лишь бы ты была счастлива! Признавайся, Августъ, кто онъ....

— Нѣтъ! Этого языкъ мой никогда не выговорить.... Не хвались великодушіемъ! Нѣтъ, Августъ, никогда, никогда не измѣню моей гайнѣ.... Я слишкомъ люблю Луизу,...

— Я съума сойду, если догадка моя справедлива....

— Не догадывайся! Не правда, не правда!

— Ты любишь меня, Молли!

— Не правда, не правда!

Но послѣднія слова были произнесены почти шопотомъ, и замерли вмѣстѣ съ чувствами. Всякое сомнѣніе исчезло; Бюргеръ пламенно обхватилъ Августу и прижалъ ее къ груди; когда она очнулась, пальціе поцѣлуй безъ числа сыпались на влажныя щеки, горячія уста, лилейную шею.... Туманъ страсти поглотилъ счастливецевъ въ глубокой темнотѣ своей.... Кромѣ любви, всѣ чувства, всѣ способности разбѣжались. Первая оставила ихъ память... но первая и воротилась....

— Луиза! съ крикомъ отчаянія сказала Августъ и вырвалась изъ пламенныхъ объятій....

— Луиза! печально повторилъ Бюргеръ: «Молли, Молли! Зачѣмъ эта Луиза....»

Молли зажала Бюргеру уста и сказала:

— Стыдись, Августъ! Луиза—мать твоей дочери! Ты говорилъ, ты клялся....

— Ложная клятва, Молли! Я не могу жить безъ тебя....

— И мнѣ тоже, Августъ, жизнь безъ тебя кажется могиллой. Но всё-равно. Мы должны разстаться—и навсегда.. .

— Молли! Такъ длятого ли судьба свела насъ, чтобы убить насъ теперь двойною смертію.

— Но подумай самъ, развѣ мы можемъ жить въ одномъ домѣ, видаться....

— Можемъ и должны. Мы скроемъ отъ Луизы наше счастье. Мы будемъ жить счастливо, весело; мы будемъ

утѣшать Луизу нашею радостью, какъ-будто она источникъ этой радости.... Мы создадимъ ея счастье.

— Прекрасная мысль! Неправда ли, Августъ, съ насъ довольно и одной мысли что мы любимъ другъ друга....

— Да можетъ ли быть на свѣтѣ счастье полнѣе нашего.....

— Милый Августъ! Это невинный обманъ, неправда ли....

— Напротивъ, заслуга! Мы не нарушимъ семейнаго блаженства такого достойнаго, высокаго существа какъ Луиза. Я замѣтилъ, что въ душѣ ея сбилось что-то страшное.

— И я замѣтила это....

— Поселилась подозрѣнія....

— Мы вырвемъ ихъ.

— Развѣемъ кручины....

— Луиза будетъ вдвое любить насъ; но, Августъ, надо намъ поспѣшить домой.... Могутъ замѣтить наше отсутствіе. Тогда все поггло....

— Твоя правда, Молли....

И оба, какъ дѣти, схватившись за руки побѣжали въ Вельмерсенъ.

— Молли! Двери открыты! Никто не замѣтилъ!

— Слава Богу! Добрая Луиза, уходя, мы уносили твое счастье, но въ-время опомнились; возвращаясь мы приносимъ тебѣ прежнее блаженство. И ты стоишь того, Луиза....

Луиза; да, она стояла гораздо больше того, чѣмъ награждать ее хотѣли влюбленные безумцы. Едва ушла Августа, Луиза уже была на ногахъ; она видѣла какъ ушелъ мужъ и все время сторожила, чтобы Діана какъ-нибудь не проснулась и не заперла дверей.... Возлѣ наружныхъ дверей было окошко. Луиза видѣла ихъ возвращеніе и улеглась на своей постели, и притворилась спящею. Едва улеглась Августа, Луиза опять встала; ей пришло на умъ, что влюбленные въ забытіи могли не запереть дверей, а это возбудило бы подозрѣніе Діаны. И точно. Двери были не заперты. Луиза поправила ошибку влюбленныхъ.

Рано поутру встала Луиза, разбудила Диану, приготовила въ саду завтракъ и пришла будить Бюргера....

— Вставай, мой другъ.

— Луиза, ты ли это?

— Кому же быть какъ не мнѣ! Вставай! Сегодня день нашей свадьбы! Видишь ты какой! Забылъ.... Позавтракаемъ и пойдемъ въ церковь.... Ну, полно гнѣдиться; не то я стану щекотать вашу милость, какъ русалка....

Бюргеръ обнялъ Луизу....

— У вашей милости глаза заплаканы; но, кажется, веселыми слезами. Давно бы такъ! Ну, одѣвайся Готфридъ, а я пойду разбужу Августу.... Да! Я давно тебѣ хотѣла сказать и просить; но ты не сдѣлаешь....

— Все на свѣтѣ, милая Луиза!

— За что ты не любишь моей Августы?...

— Съ чего ты это взяла....

— Полно: я лучше понимаю вещи, нежели ты думаешь! Ну, скажи, за что такое холодное обращеніе? Во-первыхъ, ты долженъ съ нею обращаться точно такъ какъ со мною; ласкать ее какъ меня, какъ дитя свое ласкаешь, а ты — точно гонишь ее изъ нашего дому.... Дай мнѣ слово, что ты перемѣнишься; хоть для сегодняшняго дня....

— Милая Луиза, право не понимаю чего ты отъ меня требуешь....

— Такъ ты и этого не хочешь для меня сдѣлать....

— Охотно, только не знаю какъ....

— А вотъ увидишь!

«Дурочка! Жаль мнѣ тебя! Какъ люди могутъ обманываться!» такъ думалъ Бюргеръ и обманывался. Онъ не могъ, не умѣлъ постигнуть высокой души своей Луизы... Завтракъ былъ самый веселый. Луиза смѣялась уже не притворно, а отъ души; заставляла мужа любезничать и шутить съ Августой, и затѣяла въ концѣ бесѣды общее лобызаніе. Когда Бюргеръ, какъ-будто по принужденію, подошелъ къ Августѣ — Луиза смотрѣла на ихъ братскій поцѣлуй со слезами умиленія....

— Чудная ты женщина, Луиза, сказалъ взволнованный Бюргеръ.

— Можетъ-быть, но-Готфридъ — цѣль моей жизни, толь-

ко твое счастье. Я объ этомъ только думаю и вѣрь мнѣ не останешься ни передъ какой жертвой!

Слова эти были сказаны съ бывалой важностью Луизы. Влюбленные поняли ихъ тайный смыслъ, но не могли и подумать чтобы ихъ отношенія могли быть уже извѣстны Луизѣ. День прошелъ въ полномъ веселіи и удовольствіи. Домъ Бюргера вчера и сегодня какъ-будто вмѣщалъ два разные семейства. Хозяйка часто уходила то въ кухню, то въ огородъ, то къ дочери и оставляла мужа съ сестрой однихъ иногда на цѣлый часъ. Ввечеру Бюргеръ прочелъ множество стихотвореній къ Молли, объясняя, что Молли — поэтической идеалъ музы. Луиза очень спокойно отвѣчала, что такіе идеалы и на бѣломъ свѣтѣ водятся.

— Вотъ возьми, заключила она, въ образецъ нашу Августу: точь-въ-точь Молли твоя! И признаюсь, мой другъ, мнѣ бы гораздо было пріятнѣе, если бы стихотворенія твои относились къ моей сестрѣ, нежели къ посторонней дѣвушкѣ....

— Это почему?

— Старъ будешь, посѣдѣешь, если все знать захочешь! Но ты знаешь мою откровенность; и вѣрь мнѣ, что ты не понимаешь Августы. На твоемъ мѣстѣ я влюбилась бы въ нее по-уши....

— Полно шутить....

— Луиза! покраснѣвъ, съ упрекомъ сказала Августа...

— Не шучу, говорю правду и повторяю, что пламенное сердце можетъ любить не одинъ разъ въ жизни. Такъ протительно мнѣ желать, чтобы второй предметъ твоей любви была моя сестра.... Одного боюсь, прибавила она съ простосердечной улыбкой, что этотъ второй предметъ не будетъ послѣднимъ.... Тогда впрочемъ обязанность заботиться о дальнѣйшемъ твоемъ счастіи падеть на Августу....

— Чтò съ тобой, Луиза! Право, ты говоришь такъ странно....

— Еще скажу тебѣ, Готфридъ, въ день нашей свадьбы другое и не менѣе важное замѣчаніе. Ты рѣшительно плохой хозяинъ. На Илиаду и стихотворенія нечего надѣяться. Надо подумать гдѣ и чѣмъ намъ жить. — Здѣсь нельзя. Дѣ-

ла ты запускаешь, доходовъ никакихъ; я за тебя работать не могу, а тебѣ надо такую должность, чтобы она не мѣшала твоей любви и поэзіи, а я могла бы исполнять твои обязанности.

— Право, Луиза, тебѣ сегодня приходятъ такіа фантазіи....

— Слушай! Главное — чтобы ты былъ совершенно счастливъ. Ты уже на пути къ этому счастью; остается отбросить послѣднія препятствія. Здѣсь — жить нельзя. Въ городѣ — еще хуже: много глазъ, много языковъ: не каждый — Луиза. Такъ вотъ что надо и можно сдѣлать. Бросимъ службу; возьмемъ въ аренду небольшую мызу — и тогда — иди себѣ къ Молли сколько угодно, я управлюсь съ хозяйствомъ... Подумай объ этомъ, Готфридъ! У меня есть славная мыза на примѣтѣ. Подъ самымъ Аппенроде. Только скажи, что согласенъ, завтра же поѣду и слажу дѣло.

— Ты?

— Да ужъ вѣрно не ты. Я и Діану возьму съ собой, а за дочкой вы съ Августой присмотрите. Ну, пора ужинать. Если ѣхать завтра, такъ надо пораньше....

Луиза ушла. Удивленные Бюргеръ и Молли смотрѣли другъ на друга молча.

— Какъ понять ее? наконецъ спросилъ Бюргеръ: я боюсь....

— Я трепещу, Августъ! Если она догадалась, я брошусь въ воду....

— Молли! Молли! Вспомни обо мнѣ.... У меня на этомъ свѣтѣ уже никого не останется....

— Но она увѣзжаетъ, но она беретъ съ собою Діану; можетъ — быть и въ ней поселился странный умыселъ. Я не пушу ее въ городъ.

— Я самъ съ нею поѣду....

— Поѣзжай, Августъ! Я умру отъ страха....

— Вотъ и ужинъ! сказала Луиза входя съ Діаной и подносами.

Ужинъ прошелъ въ обыкновенныхъ разговорахъ; въ нихъ Луиза описала во всей подробности мызу, располо-

женіе дома, доходы, все, все, съ такимъ хладнокровіемъ, что и Августа стала покойнице....

— Я поѣду съ тобою, Луиза! сказалъ Бюргеръ.

— Ни за что! Я даже не скажу твоей фамиліи. Ни какой владѣлецъ не отдастъ своей мызы въ аренду поэту. Я улажу дѣло подъ именемъ чужимъ, надежнымъ, и знаешь ли кого я выбрала для этого дѣла?

— Любопытно....

— Вашего Плаксу, Германна! Хотя я и не совсѣмъ хорошо поступаю: онъ и теперь еще влюбленъ въ меня; но я хочу воспользоваться дурачествомъ и богатствомъ моего селадона. Онъ женатъ на купчихѣ, денегъ у нихъ много, можетъ дать въ займы, а изъ доходовъ—заплатимъ....

Бюргеръ поблѣднѣлъ.

— Неумѣстная ревность, мой другъ! Я тебѣ безъ всякихъ фразъ, по-мужицки объявляю, что я люблю тебя, одного тебя, люблю безъ памяти и живу только для твоего счастья....

— Но я не хочу чтобы....

— Мало ли чего не хотѣла бы и я.... Да въ двухъ золь надо избирать меньшее. А тутъ и зла нѣтъ. «Милостивый государь! Пожалуйста денегъ!— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Вотъ деньги.—Покорнѣйше благодарю.—Но, милостивая государыня, съ тѣмъ вмѣстѣ я обожаю васъ.— Можете.—Ищу вашей взаимности.—Подите прочь.—Слушаюсь». И пойдетъ прочь. Вотъ и все тутъ.—Ну теперь, господинъ Бюргеръ! Прощайте! Садитесь писать стихи, а мы пойдемъ спать. — Завтра третій переворотъ въ нашей жизни....

— Какой третій....

— Разумѣется третій.... Что ты споришь о томъ чего не знаешь. Предсказываю тебѣ что еще будутъ два переворота и оба, заключила она со вздохомъ, въ твою пользу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ДВОЕЖЕНЕЦЪ.

Деревня близъ Аппенроде соотвѣтствовала всѣмъ планамъ Луизы; большой домъ, хорошія поля, два огорода,

прудъ, путь было все необходимое для хозяйства и спокойствія. Но спокойствія не могло быть въ этой семьѣ, въ которой великодушнѣ Луизы, движенія совѣсти, порывы страсти въ цѣпяхъ, волновали ежодневно, ежеминутно Бюргера и Августу.... Поведеніе Луизы не измѣнилось, но въ этой деревнѣ она была уже совсѣмъ не та, что въ Вельмерсенѣ... Глаза ея блистали болѣзненнымъ свѣтомъ; изрѣдка она покашливала, жаловалась на стѣсненіе въ груди, но не хотѣла лечиться больше потому, что не желала въ домѣ своемъ видѣть какого-бы то ни было гостя. Ктому же и гостей принимать было очень трудно, вслѣдствіе страннаго хозяйственнаго распорядженія Луизы, о которомъ тотчасъ узнаете....

Въ одно утро усталость и увеличившаяся боль въ груди заставили Луизу воротиться раньше обыкновеннаго съ поля, гдѣ подъ ея личнымъ смотрѣніемъ окапывали картофель. Діана была съ дочкой также въ полѣ; дома оставался Бюргеръ и Августа. Сдавъ надзоръ за работниками Діанѣ, Луиза возвращалась домой въ глубокой грусти.— Приблизясь къ дому, она сѣла у воротъ и боялась войти въ свою обитель; но головокруженіе усиливалось. Она побоялась чтобы не упасть на улицѣ и тихо взошла на крыльцо, прошла боковыми комнатами къ своей спальнѣ, хотѣла отворить дверь, дверь была заперта; она вздрогнула; оглянулась,— Бюргеръ сидѣлъ въ углу комнаты, голова была закрыта руками, а руки упирались въ колѣни.

— Кто заперъ спальню? спросила Луиза....

Бюргеръ вскочилъ; волосы его были въ безпорядкѣ; глаза страшно сверкали; лицо въ огнѣ.... Онъ съ упрекомъ взглянулъ на жену.

— Кто заперъ спальню?... повторила Луиза.

— Не знаю! отвѣчалъ Бюргеръ и ушелъ.

— Августа! тихо сказала Луиза: Отвори! Это я, Луиза, твоя сестра....

Дверь мгновенно распахнулась и Августа бросилась въ ея объятія.

— Что у васъ тутъ случилось? спросила она съ кроткою улыбкой....

— У насъ, ничего! Ты знаешь что я такъ боюсь твоего

дома. Здѣсь такъ пусто! Кругомъ не видно ни одного жилья; гдѣсь, да пригорки. Ты далече, Луиза... О! Молю тебя, не оставляй меня одну. Я заперлася! Мой страхъ беззаконить твоего мужа, отвлекаетъ его отъ работы; онъ проспидѣлъ все утро въ той комнатѣ....

— Зачѣмъ же ты не сидишь въ его кабинетѣ? Ты знаешь, онъ любитъ чтобы дитя даже играло, когда онъ работаетъ!...

— Дитя, такъ! Но я, Луиза, я посторонняя почти!...

— Стыдись, Августа! Ты ребячишься! Я понимаю въ чемъ дѣло и кончу все сегодня же....

— Луиза! Что ты хочешь дѣлать?

— Что мнѣ указываетъ совѣсть и любовь къ мужу.... Ахъ, эта Діана опять идетъ. Я не могу смотрѣть на нее. Это лавутчигъ въ домѣ.... Надо и это кончить?

И Луиза, не дожидаясь дальнѣйшихъ вопросовъ, вышла.

Дочь весело бѣжала на встрѣчу матери; Діана ворчала; Луиза поцѣловала дѣвочку и отослала къ Августѣ, а сама вошла въ кухню, гдѣ Діана собиралась что-то стряпать.....

— Милая Діана! сказала она садясь на скамейку и качая : мнѣ надо съ тобой переговорить о весьма важномъ дѣлѣ..

— Вы знаете, что я люблю васъ....

— Тѣмъ хуже.

— Отъ чего хуже?

— Оттого, что намъ надо разстаться.

— Разстаться! Что я вамъ сдѣлала? Да развѣ я у васъ что украдала? развѣ я не смотрѣла хорошо за вашей дочерью, за вашимъ хозяйствомъ; развѣ у меня въ кладовой нѣтъ порядка. О, моя экономія....

— Мой другъ! Все такъ, но мы должны разстаться....

— Помилуйте, за что? Да развѣ я требую съ васъ жалованье? Все-то я во сколько лѣтъ получила отъ васъ три талера. И тѣ вы мнѣ пожаловали насильно....

— Не о томъ рѣчь! Я люблю тебя какъ сестру, я никогда тебя не забуду; я всегда буду тосковать по моей Діанѣ, но... всё-таки мы должны разстаться....

— Что за чудеса такіа! Да объясните мнѣ, ради Бога, за что?

— Этого я и сама не знаю.

— Да вы просто больны, милостивая госпожа! Ужъ не сонъ ли вы видѣли....

— Именно сонъ! Страшный, ужасный! Но то не былъ сонъ, нѣтъ, я не спала; я смотрѣла на полную луну, которая глядѣлась въ мою одинокую комнату; вдругъ.... Во все окно явилось привидѣніе....

— Господи, Боже мой!

— Въ бѣломъ саванѣ, съ горящими очами, съ красными волосами.

— Небесный Отче!

— Я думала сначала, что это разбойникъ, но скоро убѣдилась, что это безплотный гость; онъ не вошелъ въ окно, а какъ-то влился, вплылъ въ комнату, не отворяя окна; отъ глазъ его стало свѣтло какъ на пожарѣ. Онъ остановился у самой кровати....

— Такъ это былъ мужчина!....

— Съ красной бородой....

Діана заперла на ключъ двери и вытянулась какъ-будто желая лучше слушать....

— Что же дальше? спросила она дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Горе, горе, горе! такъ началъ красный старикъ: въ домѣ твоёмъ уже много лѣтъ живетъ дѣвушка»... Вѣдь это ты, Діана.

— Конечно, я, тутъ не можетъ-быть сомнѣнія.

«Знаю, что тебѣ трудно будетъ съ нею разстаться. Но жизнь и дочери твоей и этой дѣвушки въ опасности, если она останется въ домѣ твоёмъ два дня»....

— Два дня! Ахъ, онъ злой старикъ....

— Ты ошибаешься Діана! Онъ твой тайный покровитель. Это было третьяго дня....

— Третьяго дня! И вы ничего мнѣ не сказали....

— Признаюсь, я думала, что это пустая греза; привидѣлось и только... Но вчера видѣніе повторилось. Старикъ былъ строгъ, настойчивъ; все утро я собиралась съ силами, чтобы сказать тебѣ, но, Діана....

— Ахъ, милостивая госпожа! И вы могли сомнѣваться во мнѣ....

— Нѣтъ, но мнѣ было такъ страшно подумать объ этой разлукѣ.... Ты можетъ-быть замѣтила какъ въ полѣ стало мнѣ дурно.... Какъ я ушла поспѣшно....

— Даже дочку не поцѣловали. Признаюсь, я удивилась....

— Едва пришла я домой, едва успѣла броситься на постель... То же явленіе, днемъ! Старикъ былъ въ сильномъ гнѣвѣ! «Непослушная, сказалъ онъ: шесть часовъ до рокового срока, а ты еще медлишь!»

— Шесть часовъ. Да не прошли ли уже. Гдѣ она? Не случилось ли чего съ нею?...

— Діана! Милая Діана!

— Правда, правда, вѣдь это случилось теперь!... Сейчас!— О, мнѣ не долго собираться въ дорогу... Прощайте, добрая госпожа! Позвольте проститься мнѣ съ моимъ добрымъ....

— Нѣтъ, Діана! Я забыла тебѣ сказать, что нашъ подвигъ долженъ быть тайной....

— Понимаю! Но скажите, не говорилъ ли старикъ : навсегда, или....

— На-время, Діана! На-время.... Я дамъ тебѣ знать....

— О, такъ что это за разлука! Это отпускъ... Студентская ферія.... Прощайте! Да не забудьте, что у меня три насадки сидятъ.... Присматривайте за сѣрой курицей: она еще беспокойна.... А вотъ вамъ ключи отъ кладовой и отъ шкафовъ. Этотъ въправую сторону отпираетъ.... Ахъ, Боже мой, какъ-бы не опоздать... А вы всего не знаете. Я посолила немного огурцовъ; на чердакѣ; въ банкѣ, ну, да вы сами осмотритесь.... Прощайте, прощайте! А господи-нубюргеру скажите, что-нибудь, зачѣмъ я ушла... Только надо условиться.... Да, скажите, что сестра моя умираетъ! У меня есть сестра. Онъ знаетъ.... Онъ даже.... Прощайте, прощайте.

— Прощай, милая Діана!

Горячо обнялись госпожа и служанка; Діана мгновенно собралась въ путь и ушла. Луиза проводила ее съ искренними слезами.

Не допуская никакой прислуги въ домъ свой, исполняя всѣ обязанности, няньки, кухарки, ключницы, служанки—Луиза въ короткое время добѣжала до могилы.

Бюргеръ и Августа опомнились когда надо было уже думать не о спасеніи Луизы, о честномъ погребеніи... Вечеръ казался спѣшилъ покрыть своимъ сумракомъ послѣднія минуты жизни чудной Луизы. Она запретила дочери быть у постели своей, потому что слышала будто чахотка заразительна. Кухарка, нанятая въ деревнѣ, также не мало беспокоилась о больной. А Бюргеръ и Молли?... Могли ли они думать о Луизѣ? Вечерній сумракъ дышалъ любовной нѣгой; никого не было въ комнатѣ, а они перешептывались. Вдругъ будто свѣтъ луны пролился въ комнатѣ; будто въ окно пролетѣло, мимо нихъ что-то не видимое, но жаркими крылами пахнуло въ лицо обонмъ.... Тяжелый, продолжительный вздохъ раздался и умеръ почти возлѣ нихъ, въ двухъ шагахъ, не болѣе.... Вслѣдъ за тѣмъ послышались шаги, крикъ дитяти....

— Маменька умерла! Маменька умерла!...

Бюргеръ и Августа бросились въ уединенную комнату, гдѣ лежала больная; но Луизы уже не было. Съ улыбкой на устахъ она лежала на одрѣ своемъ.

— Бѣдная! сказалъ Бюргеръ. Много она перенесла въ этой жизни. Надо озаботиться о ея похоронахъ, а у меня и денегъ нѣтъ! — Право, такая бѣда.... Нѣтъ конца этимъ расходамъ. Не дождусь я изъ этого Геттингена профессуры.... Но, кажется, ждать не долго. Ганна! Скажи пастору что госпожа Бюргеръ умерла; онъ лучше знаетъ, что надо дѣлать... Пойдемъ, Молли! Я знаю какъ видъ смерти долженъ быть для тебя страшенъ!... Притомъ же ты и въ такомъ положеніи. Пойдемъ!

Пасторъ зналъ Луизу, зналъ и трудныя обстоятельства Бюргера. Но и самъ былъ бѣденъ. Положили Луизу въ бѣдный гробъ, отнесли въ церковь.

Луизу похоронили. Луизу забыли. Бюргеръ не шелъ, а бѣжалъ домой; дитя едва за нимъ успѣвала. Дома ждалъ его пріятный гость.... Полицейскій чиновникъ съ судейскими депутатами встрѣтилъ его на крыльцѣ.... Объясне-

ніе было очень коротко и ясно. Въ послѣдній годъ во время болѣзни Луизы, всѣ доходы, остановившись. Чтò было собрано ея заботливостью, разошлось на содержаніе дома. Аренда не была уплачена; заплатити было не чѣмъ. Полиціи чтò за дѣло, что Луиза былъ больна, что Бюргеръ наслаждался любовью, что никто въ полѣ не работалъ. Кромѣ необходимой одежды все было заарестовано, опечатано. Бюргеру съ семействомъ позволено было только переночевать въ домѣ. Рано поутру нашли какого-то страдательнаго поселанина, который рѣшился отвезти изгнанниковъ въ ближайшій городокъ. Тамъ нашелъ Бюргеръ нѣсколько человѣкъ старыхъ знакомыхъ по университету.... Товарищи тотчасъ сдѣлали коллекту и, когда Молли благополучно разрѣшилась отъ бремени, снарядили Бюргера въ дорогу....

— Все къ-лучшему сказалъ Бюргеръ вѣзжая въ Биссендорфъ, не правда ли, Молли, какъ мила эта сельская церковь....

— Живописна! Нечего сказать!

— Знаешь, Молли, намъ нельзя такъ жить, да и незачѣмъ. Денегъ у меня еще довольно. Съиграемъ нашу свадьбу здѣсь.

— Августъ! Я не смѣла говорить объ этомъ....

— О, какъ я радъ, что ты согласна. Тутъ и свадебные расходы ничтожны.

И въ мѣстечкѣ Биссендорфъ совершился второй бракъ Готфрида-Августа Бюргера съ дѣвицей Августой-Молли Леонгардтъ. Нѣсколько дней провели молодые сунруги въ Биссендорфѣ. Проблаженствовали бы и долѣе; но письма изъ разныхъ мѣстъ отправленныя съ нарочными, настагли Бюргера въ заколдованномъ его убѣжищѣ. Друзья сослужили ему службу и выхлопотали ему профессуру въ геттингенскомъ университетѣ.

— Молли! кричалъ онъ съ восторгомъ: Молли! Я зналъ, я предугадывалъ, что ты источникъ моего счастья... Посѣишность чуть было не погубила меня! Любовь моя къ Луизѣ была только предчувствіемъ любви къ тебѣ, не-

сравненная Молли! Дорого я купилъ это счастье, но зато это счастье будетъ прочно!

Посмотримъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЭЛИЗА.

Въ Швабiи, на берегу Некара, есть небольшая деревня, живописно раскинутая на красивомъ пригоркѣ. Въ этой деревнѣ и теперь еще есть домъ, въ которомъ жила дѣва-поэтъ, Элиза съ больною и слабою матерью. Сцѣпленіе странныхъ случаевъ завело сюда Діану... Добрая дѣвушка еще была хороша собою, здорова, весела и чрезвычайно довольна тѣмъ, что спасла дочь любезныхъ супруговъ отъ неминуемой бѣды. Діана умѣла нравиться; опытность исключила молодежь изъ списка обожателей: она искала себѣ не любовника страстнаго, пылкаго, а степеннаго, добраго друга. И хотя такіе чрезвычайно рѣдки, но Діана стояла такого счастья. Нашла друга по-себѣ; степеннаго, но не угрюмаго; веселаго, но не разгульнаго; добраго, но строгаго въ правилахъ; который, къ особенному удивленію, былъ не что иное какъ простой кочующій музыкантъ. Ремесло свое онъ любилъ уже по привычкѣ, потому что бережливостью своею собралъ себѣ небольшой капиталъ; можетъ-быть онъ никогда бы и не оставилъ своего ремесла, если бы не встрѣтилъ Діаны; но и степенные люди попадаютъ въ силки красотѣ и женскому уму. Въ трактирѣ, гдѣ наигрывалъ Эрнстъ и служила Діана, народу всегда было такъ много, что трактирщикъ не успѣвалъ удовлетворять требованіямъ гостей... Онъ долго не могъ рѣшить, что привлекало къ нему толпу—скрыпка ли Эрнста или красота Діаны. Правда, Эрнстъ игралъ такъ хорошо, что ему во многихъ оркестрахъ предлагали мѣсто и почетное и выгодное; но на всѣ предложенія Эрнстъ улыбался и начиналъ играть на скрыпкѣ. Діана своимъ поведеніемъ приводила въ отчаяніе всѣхъ волокитъ. Всегда мила, любезна, разговорчива, но ни одного лишняго слова, ни одного не-

умістнаго взгляда. На шутки невпняныя она отвѣчала съ очаровательно непринужденностію; на дерзкіе намѣки убійственнымъ молчаніемъ. Въ цѣломъ Аугсбургѣ знали про гордую Діану и были очень почтенные люди, которые познакомились съ ней, искали ея руки.... Діана улыбалась, присѣдала и благодарила за честь.... Эрнстъ часто оставался послѣдній въ трактирѣ и за немѣніемъ другаго близкаго человѣка, Діана жаловалась ему на своихъ жениховъ и обожателей.... Нечувствительно между ними завязалась дружба, которая достигла нѣкотораго значенія любви. Однажды ввечеру гости засидѣлись въ трактирѣ долѣе обыкновеннаго. Между ними у Діаны былъ одинъ старій знакомій, но Діана не хотѣла узнать его; Германнъ и самъ боялся узнать Діану, потому что съ нимъ сидѣлъ какой-то весьма почтенный стутгартскій чиновникъ, котораго Германнъ подчивалъ на-убой....

— Эрнстъ! оказалъ Германнъ, вотъ тебѣ за твою игру, на, только перестань играть: ты намъ мѣшаешь разговаривать....

— Спрячьте ваши деньги, милостивый государь! Я играю для всего общества и перестану играть когда это будетъ угодно здѣшнему хозяину....

— Играй, играй, Эрнстъ! кричали другіе гости: здѣсь ни для кого не бываетъ исключеній....

Германнъ долженъ былъ уступить и, желая скрыть смущеніе, обратился къ чиновнику....

— Вы полагаете, сказалъ онъ, что паша Элиза никогда не выйдеть замужъ....

— Ручаться не могу; кто поручится за этихъ сумасшедшихъ! По-крайней-мѣрѣ я имѣю причины такъ думать.

— Неужели ей никто не нравится?..

— Нѣтъ, ей нравятся всѣ писатели; она ихъ знаетъ назусть; сама пишетъ прекрасные стихи; но еще лучше импровизируетъ. Когда она пріѣзжаетъ въ Стутгартъ, что случается весьма рѣдко, и то когда я настоятельно того требую, я собираю у себя нашихъ ученыхъ, поэтовъ, и, говорите мнѣ она умѣе всѣхъ. Вы сами были свидѣтелемъ какъ она загоняла моихъ ученыхъ гостей. Въ этотъ разъ она была не въ духѣ, но въ предпослѣдній пріѣздъ она

безъ всякаго приготовленія слишкомъ часть говорила самыми отборными стихами. Скажу вамъ откровенно, любезный другъ, хотя я и опекунъ Элизы, но никогда бы не совѣтовалъ взять ее за себя человѣку, который не можетъ писать самъ лучше ея, не въ-состояніи ее переспорить въ ученыхъ матеріяхъ. Она непременно сдѣлается головой въ домѣ....

— Нѣтъ, вочтенный другъ, не головой, а украшеніемъ.... Она можетъ обратить на неизвѣстнаго человѣка вниманіе не только ученаго міра, но и коронованныхъ особъ.

Чиновникъ улыбнулся.

— Теперь я понимаю вашъ расчетъ. Вы любите на своемъ вѣку; были женаты; достатка у васъ довольно; дѣтей также; васъ теперь ужалилъ змѣй честолюбія....

— Меня одолѣла скука, почтенный другъ! Разъясненія молодости меня уже не обольщаютъ, они надобны мнѣ какъ эта несносная скрышка. Конечно, красота въ женѣ не лишнее: Элиза недурна собой, и весьма не дурна; но съ такими талантами, согласитесь, она взволнуетъ Вѣну и Берлинъ. Неправда ли? Это одушевитъ жизнь. Назовите это тщеславіемъ; но мнѣ кажется, въ этой жизни мнѣ не остается другаго утѣшенія....: Вы можете меня сдѣлать опять счастливымъ, какимъ вы знали меня въ Нидекѣ, когда я женился....

— Я могу только облегчить вамъ средства къ сближенію съ Элизой.... Но сомнѣваюсь въ успѣхѣ.... И вотъ что мы сдѣлаемъ. Притворитесь ученымъ путешественникомъ, который хочетъ описать на примѣръ нашу Швабію; я вамъ дамъ рекомендательное письмо къ матери Элизы; дочь заступитъ больную матушку; будетъ вашимъ путеводителемъ, а вы съумѣете воспользоваться этимъ случаемъ.

— Превосходно! Завтра же ѣду...

— А сегодня пора успокоиться; мы только двое и остались въ трактирѣ....

— Ступайте, почтенный другъ! Я только распоряджусь и переговорю съ хозяиномъ, не можетъ ли онъ мнѣ рекомендовать надежнаго слугу.

Друзья престigliлись. Германнъ подозвалъ служанку для расчета.

— Діана! сказаль онъ, и Діана вздрогнула.... Какъ ты вопала сюда?

— Случай!

— И весьма пріятный! Ты не откажешься по-крайней-мѣрѣ здѣсь подарить меня твоимъ милымъ знакомствомъ.

— Я не знаю, что вы подъ этимъ разумѣете и должна сказать вамъ откровенно, что послѣ Бюргера—я никого не любила и любить не буду.

Германнъ нахмурился.

— Не говори мнѣ про этого изверга! Я могъ быть счастливымъ только съ одной Луизой! Она была моя, но впутался Бюргеръ и я получилъ отказъ; растерялъ жизнь Богъ знаетъ какъ, измучился, изстрадалъ... Дошелъ до скуки... А Луиза? Что, сдѣлалъ онъ ее счастливою?... Внезапная любовь къ другой сестрѣ свела въ гробъ Луизу!...

— Что вы говорите! закричала Діана и усѣлась на стулъ возлѣ Германна. Эрнстъ пересталъ играть.... Судорожно сжималъ онъ въ рукахъ смычокъ и скрипку, но не смѣлъ прервать бесѣды.

— Что я говорю! сказаль Германнъ съ чувствомъ: заплатилъ онъ ей, неблагодарный, за ея самоотверженіе подлою невнимательностью. Повѣришь ли, Діана! — О! мнѣ страшно вспоминать объ этихъ ужасахъ. Я нарочно ѣздилъ на мѣсто. Мнѣ рассказывала старая кухарка, въ какихъ мукахъ провела она послѣдніе дни. По цѣлымъ днямъ не видала она ни мужа, ни сестры....

— Вы клеветаете....

— Клянусь Богомъ, Діана, что говорю горькую, страшную правду.... Волоса встають дыбомъ, когда подумаю что должна была перенести Луиза, слыша какъ въ другой комнатѣ смѣются, радуются приближенію ея кончины....

Діана протянула руку и со слезами сказала:

— Добрый Германнъ! О, какъ она любила Бюргера. Страшно, страшно....

Разговоръ прекратился самымъ неожиданнымъ образомъ. Скрипка хруснула въ рукахъ Эрнста. Діана и Гер-

маннъ посмотрѣли на него съ удивленіемъ; но онъ успѣлъ отвернуться и сказалъ громко:

— Хозяинъ! Въ которомъ часу въ Штуттгардѣ запраютъ трактиры!...

— Твоя правда, Эрнстъ! Что ты тамъ дѣлаешь, Діана?...

— Сижу и разговариваю съ старымъ знакомымъ. Но лучше бы не начинала этой бесѣды....

— Гораздо лучше.... замѣтилъ Эрнстъ вполголоса....

— Гдѣ же, что же теперь Бюргеръ? спросила Діана, вставъ и собирая приборы....

— Женился на сестрѣ Луизы и читаетъ лекціи философіи въ геттингенскомъ университетѣ.

— Хорошъ наставникъ! Доброму научить; но увидите, такъ ему не пройдетъ смерть моей доброй Луизы. Богъ накажетъ!

— А пока онъ блаженствуетъ....

— Ну, не думаю. Жаль, жаль моей бѣдной Луизы! Но теперь я должна подумать о себѣ, теперь я свободна.... Богъ съ нимъ! Смерть Луизы поссорила насъ на-вѣки.... Прощайте!

Діана присѣла и ушла. Германнъ рассчитался и также ушелъ. Хозяинъ заперъ трактиръ, потушилъ свѣчи, оставилъ одну передъ музыкантомъ и сказалъ:

— Діана! Подай ужинать этому доброму Эрнсту.

— Несу. И Діана явилась съ подносомъ....

— Вотъ вамъ, Эрнстъ! Кушайте! Я сегодня не буду, не могу ѣсть! Горе убilo аппетитъ....

— Горе? Какое горе? Вѣроятно, удаленіе этого наряднаго господина.

Діана расхохоталась.

— Оно, конечно, смѣшно....

— Смѣшно и очень смѣшно! Ужъ не вздумали ль вы ревновать меня къ этому господину?

— Этого никто не можетъ запретить мнѣ, если бы и вздумалось....

— Напротивъ! Это означало бы, что вы ко мнѣ неравнодушны.

— И очень.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ я очень рада. Только что же

взъ этого можетъ выйти хорошаго? Конечно, я теперь совершенно свободна; я любила ее, я была ей другомъ, сестрой. Изъ каждаго города я писала къ ней гдѣ я, и просила, чтобы написала хоть строчку. Нигдѣ я не могла принять постоянного мѣста, потому что я дала обѣтъ служить ей, одной ей.... Она умерла и мнѣ пора пристроиться. Завтра стану искать службы....

— Діана! Видишь ли ты мою скрыпку!

— Имѣю неудовольствіе.

— Я сломалъ ее въ припадкѣ ревности.

— Вы поступили неблагоразумно.

— Я думалъ, что этотъ господинъ....

— За мной волочится, какъ и всѣ другіе гости....

— Діана, я люблю тебя....

— Это очень ясно. Но изъ этого я не могу вывести никакого заключенія.

— Ты меня не любишь.

— Неправда. Люблю и уважаю....

— Діана! Мы можемъ быть счастливы....

— Безъ всякаго сомнѣнія. Кто намъ мѣшаетъ?

— Ты меня не понимаешь. Ты можешь осчастливить меня....

— Ну, не думаю....

— Почему?

— Потому, что я никогда не соглашусь ни на какія шашни. Я уже не ребенокъ. И, признаюсь, мнѣ обидно....

— Діана! Твоей руки прошу я....

— И въ этомъ должна я отказать вамъ. Чтò за супружество, когда вы будете наигрывать въ трактирѣ, а я день и ночь служить какой-нибудь барынѣ, потому что я завтра же ухожу отсюда....

— О, если за этимъ дѣло стало, успокойся, Діана! У меня есть домъ на берегу Некара и большой клочъ хорошей земли....

— Право?

— У меня есть порядочный капиталаецъ.

— Неужели?...

— Мы можемъ жить безбѣдно.

— И безконечно любить другъ друга....

Т. LXXIII. — Отд. I.

— И такъ ты согласна?

— Благословляю Промыслъ за это счастье, которое мнѣ иногда только снилось....

— Вина! закричалъ Эрнстъ и хозяинъ выскочилъ въ колпакъ и халатъ.

— Чтò случилось?

— Сватьба, хозяинъ, я женюсь на Діанѣ!

— Bravo! прекрасная партія! Давно бы такъ! Я самъ радъ вашему счастью и самъ съ вами выпью....

Напрасно обрадовался хозяинъ. На другой же день Діана разчиталась съ нимъ и отошла. Музыкантъ тоже; на третій день ужинало только двое; трактиръ заглохъ и хозяинъ терялся въ догадкахъ, кто причиною его разоренія: скрышка Эрнста или красота Діаны....

Молодые супруги, потому что жениться не долго, пѣшкомъ отправились изъ Штуттгарда на родину Эрнста. Некаръ, какъ вамъ извѣстно, не вездѣ судоходенъ, но въ плодородной долинѣ, гдѣ находилась деревушка, родина Эрнста, Некаръ носилъ уже порядочныя барки. Діана не могла налюбоваться прелестью окрестнаго вида. Виноградники, деревни, многолюдство, паруса, жизнь, дѣятельность, все увѣряло ее, что она будетъ жить въ довольствѣ, веселомъ обществѣ и что руки ея, привыкшія къ труду, не будутъ работать даромъ. Весело обняла она мужа и разспрашивала про каждую усадьбу....

— Это чтò? спросила она указывая на красивый домъ, который въ семьѣ раскидистыхъ деревь, съ небольшого пригорка прямо глядѣлся въ Некаръ.

— Это мой домъ!

— Нашъ домъ! Ахъ, какъ я буду счастлива въ этомъ домѣ!... А черезъ мостъ отъ насъ кто живетъ?...

— Жилъ тутъ очень почтенный человекъ, владѣлецъ многихъ виноградниковъ, господинъ Ганъ, но померъ. Не знаю тутъ ли его супруга, и дочь. Они остались послѣ смерти Гана въ Штуттгардѣ. Не знаю, гдѣ они теперь.... Я ихъ совсѣмъ не знаю....

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ молодые пришли наконецъ на свою усадьбу. Но увы, помѣститься было негдѣ. Тѣтка, управлявшая домомъ и виноградникомъ

Эриста, сама жила въ небольшомъ флигелѣ въ одну комнату и въ два окна; а домъ, въ которомъ также было много и комнатъ и оконъ, уступила за хорошую плату какому-то путешественнику на все лѣто.... Эрнстъ нахмурился, но Діана развеселила его и поцѣлуями и разсужденіями....

— Стоитъ ли печалиться! Лѣто—невѣчності! Проживемъ съ тетушкой, а пройдетъ срокъ, всѣ туда переѣдемъ. Да и лѣтомъ работы сколько: и не увидишь какъ промелькнетъ это время. А между-тѣмъ путешественникъ платитъ деньги....

Всѣ успокоились, осмотрѣлись, устроились: въ первые же дни подъ бдительнымъ надзоромъ Діаны работы пошли особенно удачно. Эрнстъ не разставался съ нею: а когда вечеръ разгонялъ работниковъ, Эрнстъ принимался за скрышку и скоро у пригорка, на которомъ стоялъ домъ Эриста, завелось гулянье. Скрышка Эриста и красота Діаны скоро прославились по всей долинѣ и господа прѣзжали въ экипажахъ послушать Эриста, посмотреть на Діану. Въ первые же дни Эрнстъ и Діана узнали своего постояльца. То былъ Германнъ. Почтенный его другъ не ошибся: рекомендательное письмо сдѣлало его домашнимъ чело въ домъ у госпожи Ганъ. За болѣзнію старушки, дочь взялась быть чичероне Германна. Они уже совершили нѣсколько ученыхъ прогулокъ; всѣ достопримѣчательности долины, которыя раздѣлялъ Некаръ, были совершенно извѣстны Германну, онъ прослушалъ уже всѣ стихотворенія Элизы и рѣшился сдѣлать вступленіе въ собственный романъ. Для этой цѣли онъ избралъ воскресное гулянье, когда около Эристовой пригорки толпились всѣ жители долины; дальше гости гуляли на лодкахъ. Эрнстъ игралъ съ жаромъ; Діана угощала родственниковъ мужа, которые очень хвалили Эриста и за женитьбу и за возвращеніе. На легкой лодкѣ Зиза и Германнъ поднимались вверхъ по Некару. Солнце клонилось къ западу; въ тишинѣ вечера звуки Эристовой скрышки разливались чудной мелодіей. Вдругъ изъ величественнаго *largo* онъ перешелъ къ веселому *allegretto* и послѣ краткой прелюдіи заигралъ любимую пѣсню Бюрго ра, которую въ то время рѣшительно пѣла вся Германія.

Германнъ вспыхнулъ, Элиза покраснѣла и задумалась. Веселые гости подхватили пѣсню и громкій хоръ огласилъ долину.... Весла остановились въ рукахъ Германна.

— Что съ вами? спросила Элиза.

— Такъ, ничего; усталъ; рѣка очень быстра....

— Пустите лодку по теченію. Шумъ весель не будетъ мѣшать слушать эту превосходную пѣсню.... Завидна слава этого человѣка. Какъ должна быть счастлива Молли!...

— И какъ была несчастлива Луиза!

— Сама виновата....

— Кто, Луиза? Ахъ, вы не знали этого ангела! Это было небо на земли. Сама поэзія, но высокая, возвышенная, какъ пѣсни Мильтона....

— Такъ могла ли она нравиться такому характеру, какъ Бюргеръ? Она хотѣла быть гувернѣромъ страстнаго, пыллаго ребенка; и, не умѣла.... Ему нуженъ былъ живой, страстный восторгъ, а она умничала....

Душа горячая души горячей ищетъ,

Холодный ледъ и пламя охладить;

Пожаръ живыхъ страстей въ степи не разомется,—

Его морозное дыханье умертвить....

О, надо умѣть отвѣчать такому человѣку какъ Бюргеръ! Можно владѣть, управлять имъ, но онъ не долженъ замѣчать благодѣтельной тягости супружескаго ига...

— И вы находите въ себѣ столько силъ, чтобы исполнить то, о чемъ говорите?

— Безъ всякаго сомнѣнія! Вы будете смѣяться, но когда дошли до меня слухи про смерть Луизы, я не знала еще что Бюргеръ женится на Молли; я сама себя предложила въ жены....

— Что вы говорите!

— Что жъ онъ отвѣчалъ на это?...

— Онъ—не могъ отвѣчать на мое предложеніе, онъ и досихъ-поръ не знаетъ объ этомъ. Видите, это стихотвореніе, шутка и больше нечего.... Хотите, я вамъ прочту?...

— Слушать васъ я готовъ по цѣлымъ недѣлямъ....

— Перестаньте говорить пустые комплименты, иначе я съ вами рассорюсь. Вотъ мое стихотвореніе....

И Элиза прочла извѣстное посланіе къ Бюргеру Шваб-

стой Дѣвы. Стихотвореніе не понравилось Германну, не потому, чтобы оно было не хорошо, а потому что онъ захѣчалъ въ каждомъ стихѣ искренность, любовь, страсть. Чтеніе, голосъ, вздохи, жаръ въ очахъ, игра во всей физиономіи Элизы убѣждали Германна, что она по-уши влюблена въ Бюргера....

— Гдѣ же вы видѣли поэта? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— Вездѣ вижу его, онъ всегда со мной....

— Но гдѣ вы видѣли его самого, лично?...

— Нигдѣ! И не хочу видѣть! Теперь моя страсть, моя любовь—капризъ сердца. Миѣ весело съ моей любовью, но если эта поэтическая страсть обратится въ дѣйствительную. Что станется съ моимъ счастьемъ.... Признаться ли вамъ, я потому и не живу въ Штуттгардѣ. Нечаянно Бюргеръ можетъ захватить туда—а я не хочу его видѣть....

— Но, чудная Элиза! Неужели вы надѣетесь такъ прожить всю жизнь!

— Отчего же и нѣтъ? Право, покойнѣе чѣмъ замужемъ за какимъ-нибудь свѣтскимъ человѣкомъ, который, пожалуй, изъ меня захочетъ сдѣлать также свѣтскую даму... Конечно, все въ моей волѣ. Я умѣла бы самага вѣтренаго покорить моимъ правиламъ и обратить въ мужа степеннаго и постояннаго. Я умѣла бы вырвать изъ его сердца любовь къ суетѣ свѣта и украсить для него сельское уединеніе; но стоить ли труда хлопотать о воспитаніи чело-вѣка, котораго я не хочу любить....

— Но неужели только одинъ Бюргеръ?...

— Одинъ, одинъ; перестанемъ говорить объ этомъ предметѣ.

— Богъ съ тобой, гордая женщина! подумалъ Германнъ: ты не невѣста Германну. Но неужели нельзя подстрекнуть твоего честолюбія?... Попытаемся....

И это средство оказалось бесполезнымъ. Элиза смѣялась надъ честолюбіемъ женщинъ блистать мужескими талантами, но признавалась, что владѣть сердцемъ Бюргера, это честолюбіе позволительно и даже похвально.... Германнъ отказался отъ своего проекта и безъ особеннаго неудовольствія. Конечно, Элиза, по правиламъ красоты,

была очень хороша собой, довольно молода: ей только что исполнилось двадцать лѣтъ, умна, начитана, съ талантами, но при всемъ томъ она не привлекала къ себѣ. Напротивъ, отталкивала чѣмъ-то.... И такъ Германнъ отъказался отъ Элизы; но неудача внушила ему другое чувство, отомстить Бюргеру за двухъ невѣсть, отомстить Элизѣ за предпочтеніе, и это чувство стало съ-тѣхъ-поръ главнымъ, единственнымъ....

— Какъ подумаю, сказалъ онъ, такъ вы правы! Вы не разсердитесь, Элиза, если я попрошу васъ повторить ваше остроумное посланіе.

Читать свои стихи—общая слабость и хорошихъ и плохихъ поэтовъ. Элиза прочла и нѣкоторыя куплеты даже повторила, по просьбѣ Германна, по нѣскольку разъ....

— Счастливецъ! сказалъ Германнъ, подѣзжая къ пристани. Я всегда полагалъ, что повѣсть о Донъ-Жуанѣ сказка.... Но теперь вѣрю и удивляюсь только тому, что можно вскружить женскую голову не личною красотой, не личными достоинствами, а стихами! Положимъ еще, образованная дѣвушка можетъ насильно очаровать себя побасенками и приемами. Но неужели эти приемы могли доставить ему, столько незавидныхъ побѣдъ въ ниснихъ сферахъ человѣчества! Этимъ побѣдамъ счету нѣтъ!....

— Люди любятъ поносить всѣхъ тѣхъ, которыхъ возвышаетъ само небо.

— Это не клевета, Элиза. Вы теперь въ сосѣдствѣ съ одною изъ тѣхъ счастливицъ, которыя пользовались любовью и дружбою Бюргера даже тогда, когда онъ былъ уже отцомъ семейства. Діана добрая, милая женщина, и не скрываетъ своихъ шалостей....

— Діана!

— Берегъ! Позвольте проводить васъ до дому, поблагодарить за гостепрѣимство и увѣрить, что если я проѣздомъ буду въ Штуттгардѣ, то поставлю въ непремѣнную обязанность засвидѣтельствовать вамъ искреннѣйшее почтеніе....

— Вы уѣзжаете?

— Сегодня же....

— Вы, кажется, хотѣли провести у насъ все лѣто?...

— Я забылъ сказать, что письма, которыя получилъ, требуютъ моего скорого отъѣзда изъ Швабін....

— Счастливаго пути! сказала Элиза, примѣтно смущенная. Она какъ-будто догадалась, что послѣдняя бесѣда перемѣнила всѣ мысли и мнѣнія въ Германнѣ..... Но уже было поздно.... Онъ откланялся, ушелъ; она въ размышленіи долго еще стояла на террасѣ своего сада... Какое-то тяжелое предчувствіе лежало на сердцѣ.... Она видѣла, какъ солнце утонуло въ черныхъ тучахъ; почная птица пронзительнымъ крикомъ радовалась наступившему мраку. Двѣ свѣчи зажглись на сосѣдней усадьбѣ и будто два любопытные глаза, стали пристально смотрѣть на Элизу; она испугалась и убѣжала въ комнаты....

Германнъ, воротясь домой, приказалъ закладывать лошадей, а самъ сѣлъ за столъ, сталъ чтѣ-то писать, лукаво улыбаясь; написалъ, свернулъ, спряталъ въ карманъ и приказалъ позвать хозяйку..... Діана пришла, но съ мужемъ.

— Чтѣ вамъ угодно?....

— Расплатиться съ вами, добрые люди, и уѣхать! А передъ отъѣздомъ, въ качествѣ стараго знакомаго, предостеречь тебя, добрая Діана.... Ты любишь Бюргера.

— Любила, а теперь люблю моего Эрнста.

— Васъ не разберешь, кого вы любите. А потому, про случай, я долженъ тебѣ сказать, что у тебѣ есть сосѣдка-соперница.... Она также по-уши влюблена въ Бюргера....

— Не стѣбитъ онъ общей любви, это правда, и жаль, чтѣ его всѣ любятъ.

— Твоя сосѣдка немного помѣшана. Будь осторожна, Діана! Она влюбляется во всѣ таланты. Берегись, чтобы она не полюбила талантъ твоего мужа.

— Дамъ я ей! пусть попытается!... Благодарю васъ, добрый господинъ! Будьте покойны; я съ нею управлюсь... Съ поклонами проводили добрые люди Германна. Онъ щедро расплатился, уѣхалъ. Діана тотчасъ же устроилась въ новой обители..... Все пошло своимъ порядкомъ.... Утромъ, когда Діана съ Эрнстомъ воротились съ поля, тѣтка сказала, чтѣ въ ихъ отсутствіе была тутъ гостя, дочь сосѣдки. Это очень не понравилось Діанѣ....

Мужъ хотѣлъ-было послѣ обѣда остаться дома и отдохнуть, но жена не позволила и утащила на поле; тамъ уложила его спать, а сама принялась за работу. Эрнстъ смѣялся. На другой день та же исторія. Эрнстъ обидѣлся. На третій—сталъ скучать и косо поглядывать на жену.... Семейное счастье рушилось отъ одного неосторожнаго слова мстительнаго Германна. На-бѣду, Діана какъ-то не усмотрѣла; послѣ трудовъ спала крѣпко, а тѣтки не было. Элиза посѣтила ихъ усадьбу. Эрнстъ въ это время сидѣлъ на дворѣ и склеивалъ запасную скрипку.

— Ты нашъ соловей? спросила Элиза.

— Вы очень милостивы....

— О, нѣтъ, твои пѣсни доходятъ до-сердца.... право, я весьма люблю тебя слушать..... Гдѣ жена твоя?....

— Спать! Я разбужу ее....

— О, нѣтъ, ни зачѣмъ! Чтѣ ты это дѣлаешь?

И Элиза сѣла возлѣ Эрнста. Ему стало какъ-то неловко. Діана была краше, милѣе, но Діана была гораздо старше. И чтѣ Діана? простая служанка, бродяга; и у Діаны старыхъ грѣховъ много! И Бюргеръ и этотъ Германнъ, а Элиза благородная дѣва, стройная, гордая, недоступная, нисходитъ къ бѣдному музыканту, ласкаетъ его самолюбіе; Эрнстъ слышалъ, что сила музыки чудеса творить. У каждаго свое тщеславіе, основанное на его личности. А тутъ еще и разговоръ тайный, сердечный....

— Чтѣ ты это дѣлаешь?

— Склеиваю мою старую скрипку. О, она мнѣ долго служила и какъ служила! я тогда былъ счастливъ....

— А теперь?

— О, теперь, въ это мгновеніе, я опять счастливъ....

Эрнстъ занкнулся, смутился и не могъ кончить. Элиза улыбулась самодовольно и, любуясь, играя смущеніемъ вольнаго скрипача, позволила себѣ продолжать неумѣстную шутку....

— Отчего же ты счастливъ, въ это мгновеніе! ты вѣрно слышалъ, что и у меня есть своя музыка; что мы съ тобою родня по Аполлону. Вѣрь, я никогда не буду краснѣть, что у меня такой родственникъ.

Бѣдный Эрнстъ, онъ со слезами, жалобно взглянулъ на Элизу и опять потушилъ взоры....

— Ты не вѣришь, продолжала гордая шалунья: чѣмъ же тебя увѣрить?...

— Подарите мнѣ.....

— Чтò подарить?

— Я право не смѣю! меня убьетъ Діана....

— Я не удивляюсь ея ревности.... Но чтò же подарить тебѣ?...

— Подарите мнѣ этотъ цвѣтокъ, чтò на груди вашей.

— Охотно! чтò же ты съ нимъ сдѣлаешь?

— Спрячу, спрячу, спрячу....

— Вотъ тебѣ цвѣтокъ, а если время позволить, заходи къ намъ со скрипкой; я такъ много говорила матушкѣ про твою игру.... она будетъ очень благодарна.... она наградитъ тебя.

— И вамъ не стыдно?...

— Прости! я забыла, что и ты художникъ.... Но мы заболтались! я жду писемъ изъ Геттвингена. Я зайду къ вамъ въ другое время....

— Нѣтъ, нѣтъ.... ради Бога нѣтъ! Я приду самъ принять ваши приказанія....

— Эрнстъ! послышался голосъ Діаны....

— Уходите! Умоляю васъ уходите! Не сдѣлайте меня несчастнымъ! Простите!...

И Эрнстъ убѣжалъ въ комнаты, чтобы не дать времени женѣ встать и выйти на крыльцо. Это ему удалось, но зато въ попыхахъ онъ забылъ спрятать цвѣтокъ....

— Милый Эрнстъ! сказала Діана: прости меня, не сердись; я заспалась не много, сегодня много работала... Благодарю тебя, Эрнстъ, за твою внимательность! Но гдѣ ты досталъ такой прекрасный цвѣтокъ?

Эрнста окатило будто варомъ. Рука сулорожно рванулась къ карману, но вдругъ отскочила какъ-будто отброшенная электрической силой и цвѣтокъ очутился въ рукахъ Діаны. Она или не замѣтила или не хотѣла замѣтить страннаго движенія, понюхала цвѣтокъ и сказала:

— Райскій запахъ! Благодарю еще разъ. Но скажи, гдѣ ты взялъ?

— Мальчишка ... продавалъ ихъ много....

— Жаль, что я спала....

Прошло дня три. Діана ослабила присмотръ за Эрнстомъ. Сосѣдка не являлась. Эрнстъ былъ покоенъ. Ревность уступила и, казалось, спокойствіе водворилось..... Случилась надобность съѣздить въ городъ. Предвидя ее, онъ притворился больнымъ. Діана, безъ всякаго подозрѣнія, отправилась въ городъ съ тѣткой, а Эрнстъ, оставшись одинъ, тотчасъ разрядился какъ-только могъ лучше, схватилъ смычокъ и скрипку и явился съ первымъ визитомъ къ сосѣдкѣ. Элиза въ это время сочинила стихи и была очень недовольна, что ей помѣшали. Въ досадѣ вышла она къ музыканту....

— Чтò вамъ угодно? спросила она разсѣяннò....

— Вы приказывали!

— Ахъ, да! Потрудись, любезный, въ другое время зайти къ намъ. Право, теперь не до сельской музыки. До свиданія!

Элиза ушла. Нѣсколько мгновений Эрнстъ стоялъ какъ вкопанный. Блѣдность его смѣнялась быстро багрянымъ румянцемъ; онъ вздохнулъ или, лучше сказать, простоналъ, со всей силы бросилъ скрипку объ полъ; Элиза въ испугъ выбѣжала въ пріемную и съ изумленіемъ смотрѣла на музыканта....

— Чтò съ тобой? спросила она не безъ трепету.

— То же, чтò когда-нибудь будетъ и съ тобой!..... Ты меня обманула! Играй съ кошкой, а не съ дикимъ тигромъ! Голова моя еще цѣла! Но не дай Богъ намъ встрѣтиться! Я чувствую, что разумъ мой уходитъ! Не просишь я твоей ласки, не перенесу и презрѣнія!... Прощай! Мы больше съ тобою не увидимся!....

Элиза вспыхнула.

— Прочь, дерзкій!

— Не слышу, не слышу! кричалъ онъ, убѣгая и сжимая обѣими руками горящую голову....

Діана съ тѣткой воротилась домой поздно вечеромъ, но не нашла ни мужа, ни двухъ его скрипкокъ.... Наврасно обошла она всѣхъ сосѣдей; никто не видалъ Эрнста. Преодолевъ чувство тайнаго отвращенія, она зашла и на со-

сѣднюю усадьбу. Но тамъ длинный лакей сухо объявилъ ей, что у нихъ Эрнста никогда не видали.

Нѣсколько дней Діана искала своего мужа, нѣсколько дней поджидала, но время искусный врачъ. Она привыкла къ своему случайному вдовству и предалась прибыльному хозяйству.... Можно даже сказать, что и въ этомъ положеніи Діана умѣла быть счастливою. Она боялась всякой переменѣны; но этотъ страхъ былъ—предчувствіе; это предчувствіе болѣе и болѣе усиливалось. Неожиданный гость посѣтилъ долину Діаны..... Но мы должны возвратиться въ Геттингенъ, безъ чего дальнѣйшая повѣсть была бы мало понятна.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ПЕРІОДА. НАЧАЛО ТРЕТЬЯГО.

Зимой 1785 года, въ красивомъ домикѣ, на одной изъ лучшихъ геттингенскихъ улицъ, часу въ шестомъ пополудни, собрались ученые товарищи Бюргера, по его приглашенію, на новоселье. Онъ, окончивъ вечернія свои занятія, веселый, бодрый, встрѣчалъ друзей съ лаской и представлялъ ихъ очаровательной женѣ своей. Молли сидѣла на диванѣ и не могла казаться гостямъ такую красавицей какою она была въ самомъ дѣлѣ. Беременность въ исходѣ девятаго мѣсяца уродуетъ женщину и портитъ контуръ фигуры..... Но зато каждый могъ убѣдиться, что Бюргеръ не могъ устоять противъ такого милаго, свѣтлаго ума, противъ этой ангельской улыбки. Бюргеръ и теперь глядѣлъ на нее будто онъ ее видитъ впервые. Слеза блаженства орошала глаза, улыбка умиленія не сходила съ устъ его; онъ любилъ Молли, какъ онъ самъ выражался въ письмѣ къ Бойе: «любилъ безгранично, безконечно, невыразимо....» Онъ хотѣлъ чтобы все точно такъ же любилъ Молли, чтобы понимали какъ много достойна она такой любви.

— Мы теперь не хороши, сказалъ онъ глядя страстно на Молли: мы собираемся удвоить блаженство наше. Воздѣланный часъ такъ близокъ.... Не сердись, Молли! Она

не любить своего положенія. Она даже охотнѣе толкуеть со мной о философіи....

— Кто теперь о ней не толкуеть! сказала Молли: философія теперь то же что похижденія любовныя.... Только и слышишь: Кантъ, всеразрушающій Кантъ, идеализмъ, трансцендентальныя фразы, категоріи.... Словомъ, философія теперь въ модѣ. Я всё добиваюсь отъ мужа, чтобы онъ мнѣ объяснилъ въ чемъ заключается эта кенгсбергская философія...

— Я, мой другъ, на лекціи публично объявилъ, что теперь изучаю критику чистаго и практическаго ума, и дотѣхъ-поръ не скажу объ ней слова, пока не изучу этого труднаго трактата; пока не дамъ себѣ отчета положительнаго въ каждомъ словѣ; пока совѣсть скажетъ мнѣ: Ну, господинъ профессоръ, теперь мы съ вами поняли мысль великаго философа въ совершенствѣ и можемъ служить ему толмачами въ геттингенской аудиторіи.... Что съ тобою Молли?

Странное выраженіе страха и удивленія исказило лицо Молли, глаза ея шли за какимъ-то невидимымъ предметомъ и остановились на дверяхъ спальни. Молли поблѣднѣла, задрожала и почувствовала сильныя боли, которыя не оставляли сомнѣнія, что наступилъ часъ опаснаго блаженства.... Гости мгновенно исчезли; на ихъ мѣсто явилась бабка, которая уже нѣсколько дней жила въ красномъ домикѣ. Хотѣла перенести Молли въ спальню....

— Нѣтъ! нѣтъ! шептала она: тамъ Луиза, она ждетъ меня.... Бюргеръ не понималъ своей Молли; ему казалось что весь свѣтъ кругомъ идетъ, потолокъ трещить, полъ колеблется, трехъ акушеровъ притащилъ Бюргеръ... Ночью семейство Бюргера умножилось еще одною дочерью.... Но бѣдная родильница дорого заплатила за счастье быть матерью втораго ребенка; никакія медицинскія пособія не помогли: въ пятнадцатый день послѣ родовъ, Молли угасла... Вы извините меня, если я не представляю вамъ картины отчаянія Бюргера. Потерять обыкновенную жену, — в туть отчаянія не опишешь... а Молли!

Три дни Бюргеръ плакалъ надъ трупомъ обожаемой супруги. Когда пришли за гробомъ ея, Бюргеръ бросился на

своего друга, который занимался похоронами и чуть было не задушил его.... Цѣлый мѣсяць не читалъ лекцій, писалъ Богъ знаетъ чѣмъ. Воздухомъ и печалью. На шестой день, въ припадкѣ горячки, онъ разнесъ всѣхъ дѣтей своихъ къ женатымъ товарищамъ и тамъ ихъ оставилъ. Въ то же самое время онъ писалъ къ друзьямъ своимъ письма, которыя можетъ-быть лучше всѣхъ сочиненій Бюргера. Мы приведемъ изъ нихъ самое короткое: «И вторая жена моя любезная Августа-Марія-Вильгельмина-Евва, урожденная Леонгардъ,—истинная супруга души моей, она, въ чьей жизни заключалась моя бодрость, моя сила, мое все, въ пятнадцатый день послѣ родовъ, которыя начались благополучно, убита ужасною, неодолимою горячкою. О, краткой мигъ моего высочайшаго блаженства! Я не могу вмѣстить въ слова ни моей невыразимой, ахъ, столь несчастной любви, ни безымянной горести, которой предается мое бѣдное навѣки овдовѣвшее сердце. Боже! Упаси всякое сердце, способное чувствовать отъ моего горя. Геттингенъ, десятаго января. 1786 года».

Страсти везерѣчивы! Онъ изъясняется лаконически только въ минуту катастрофы; чѣмъ далѣе отъ нея отходить, тѣмъ болѣе и болѣе говорятъ о своей потерѣ. Письмо къ Боиѣ, написанное двумя мѣсяцами позже, когда горе должно бы казаться примереть, притихнуть, составлять небольшую поэму искренней печали. Молли умерла, но не оставляла воображенія Бюргера. Здоровье его притѣнно разстроивалось. По счастью, онъ жилъ не въ деревнѣ. Друзья принялись за него съ истиннымъ усердіемъ дружбы. Увеличили его къ повѣстическимъ трудамъ. Онъ кончилъ свою давно начатую высокую пѣснь, изучилъ Канта до той степени, какой отъ него требовала совѣсть; на лекціяхъ раздавались шумныя рукоплесканія; Бюргеръ оживалъ, оправлялся.

Женатые товарищи, кому онъ такъ странно отдалъ дѣтей своихъ, уговаривали его собрать ихъ около себя, заняться ихъ воспитаніемъ; изрѣдка намѣкали ему, что не мѣшало бы для дѣтей прискаты и мать, а для дома хозяйку.... Время было въ заговорѣ съ друзьями. Бюргеръ иногда охотно разговаривалъ съ ними объ этомъ предметѣ.... Вдругъ....

Было уже поздно. Бюргеръ донисывалъ письмо къ Марианнѣ Эрманнъ, мужъ которой издавалъ «Штуттгардскаго Наблюдателя», а сама она «Досуги Амалии». И мужъ и жена хотѣли завлечь Бюргера въ сотруднички; Бюргеръ соглашался и писалъ именно объ этомъ. Вдругъ приносятъ къ нему двадцатую книжку этого же «Наблюдателя....»

— Нѣтъ ли тутъ чего? сказалъ Бюргеръ съ улыбкой и развернулъ журналъ. Какъ же изумился онъ, когда нашелъ свое имя надъ однимъ стихотвореніемъ. Что это такое? подумалъ онъ и сталъ читать.

Мы не хотимъ и не любимъ переводить стихами, потому что какъ бы искусно ни вымѣнить перевода, всё-таки онъ будетъ не вѣренъ; мы рѣшились представить переводъ въ прозѣ и такимъ образомъ сохранить всю точность подлинника, лишивъ его только наружной формы, которая, между нами сказать, была очень не дурна. И такъ, Бюргеръ прочелъ слѣдующее:

Элиза Бюргеру.

«О Бюргеръ, Бюргеръ, благородный мужъ! — Ты поешь пѣсни, какъ никто ихъ пѣть не можетъ — отъ Рейна до Балтійскаго моря. — Напрасно я стараюсь скрыть чувство, — которое, когда ты играешь на арфѣ — волнуешь грудь мою. — Мой взоръ видѣлъ только — очеркъ твоего лица — а я — люблю тебя! — Потому что твоя душа, кроткая и добрая — и сила твоихъ пѣсень — чаруютъ меня. — Такъ во всей роцѣ мужъ, — изъ всѣхъ пѣвцовъ и великихъ и малыхъ — ни одинъ не наполнялъ моей груди. — Она волнуется, какъ море въ приливъ. — Радость и горе бурно бушуютъ — горе и радость. — Въ блаженствѣ, со слезами — сколько разъ восклицала я: о, какъ бы я могла любить — и цѣловать тебя! — Подобно пѣнію твоему — измѣнялись движенія моихъ чувствъ — и все имъ покорялось. — О Бюргеръ, Бюргеръ, любезный мужъ. — Ты можешь очаровать и слухъ и сердце — разумнымъ и ласковымъ словомъ. — Моя похвальная пѣсня, конечно, не умножитъ твоей славы; — но слушай, что говоритъ мое сердце — и кто я. — Въ Швабин, на берегу Некара, цвѣтеть — прекрасная, благословенная земля — на которой я родилась. — Земля, на которой съ древнихъ

лѣтъ, — старая вѣмецкая честность — обитаетъ. — Тамъ въ довольствѣ возрастала я — и путь моей тихой жизни — достигъ двадцати лѣтъ. — Рано палъ въ могилу мой отецъ, — небо оставило мнѣ только ту — которая меня родила. — Свѣтлый умъ, веселый нравъ, — доброе и кроткое сердце, — вотъ чѣмъ одарилъ меня Господь. — Оно готово покориться только благородной любви, — а что оно полюбитъ, то любить вѣрно и дорожить тѣмъ. — Моя наружность — не представляетъ можетъ-быть для взору — ни уродливости, ни образцоваго совершенства — творчества природы. — Я не бѣдна и не богата — происхожденіе мое, согласно состоянію — изъ средняго класса. — Вотъ я! — И я — люблю тебя! — Найдешь меня въ прекрасномъ Штуттгардѣ, — любезный вдовецъ! — Если хочешь подарить твою руку — женщинѣ исполненной любви къ тебѣ, — приходи туда; — потому что если бы тысячи жениховъ, — приходилъ съ мѣшками золота, — а ты захочешь взять меня женой — я отдамъ тебѣ и руку и сердце — и даже любезную родину, — промѣняю на тебя. — Если тебѣ нравятся швабская любовь и вѣрность — то приходи, возлюбленный, сюда — и сватай меня. — Но берешь ли ты меня или нѣтъ, — всё-равно, любовь моя къ тебѣ не измѣнится. — Тебя люблю! Тебя! —

Бюргеръ расхохотался. Еще разъ прочелъ; задумался; еще разъ прочелъ, всталъ и послалъ за однимъ искреннимъ и строгимъ другомъ.

— Вотъ исторія! сказалъ онъ ему: читай!

Тотъ прочелъ и расхохотался; еще разъ прочелъ, задумался....

— Что ты на это скажешь?

— Я изъ одного любопытства поѣхалъ бы завтра въ Штуттгардъ.

— И я тоже изъ одного любопытства поѣхалъ бы, но мнѣ кажется на такую штуку слѣдовало бы отвѣчать тѣмъ же....

— Стихами?

— Именно....

— Пожалуй!

И Бюргеръ тутъ же сѣлъ къ столу; импровизировалъ посланіе, приложилъ къ письму къ Маріаннѣ Эрманнъ,

которая не мало удивилась, прочитавъ отвѣтъ Бюргера.

— Теофль! сказала она мужу: прочитай что пишеть нашъ другъ!

Представь, онъ принялъ шутку за правду; онъ умоляетъ меня узвать кто его невѣста; онъ не прочь отъ женитьбы.... Кто доставилъ тебѣ эти глупые стихи?

— Я получилъ ихъ при письмѣ; въ которомъ именно сказано, что это шутка....

— Такъ слѣдовало напечатать примѣчаніе. Какъ мы теперь отъ него отдѣлаемся?....

— Какаѣ-то дама желаетъ переговорить съ вами, сказалъ слуга.

— Проси....

Вошла Элиза. Глаза ея горѣли досадою; она вся была встревожена; въ движеніяхъ замѣтны были мужскія хватки....

— Элиза! Вы опять пріѣхали украшать наши общества вашей бесѣдой, сказала Маріанна.

— Нѣтъ, я пріѣхала ссориться!

— Что такое?

— Кто вамъ далъ право печатать сочиненія безъ согласія автора?

— Какія сочиненія?

— А посланіе къ Бюргеру....

— Такъ это ваше? вскрикнули и мужъ и жена. О Элиза! Вы не будете сердиться на насъ, а благодарить....

— За что?....

— О, да подобнаго романа и не выдумать самой изобрѣтательной головѣ. Читайте!

Элиза прочла и письмо и стихи Бюргера, покраснѣла, съ важностью сказала:—Глупости, дѣтская шалость! и небрежно бросила бумаги на столъ....

— Послушайте, Элиза! Но если эти глупости примуть другою оборотъ?

— Перестаньте шутить!

— Значитъ, вы уже не любите Бюргера; такъ зачѣмъ же его дурачить. Я напишу къ нему, что все это шутка...

— Кто васъ проситъ, милая Маріанна, мѣшаться въ это дѣло. Оставьте дѣйствовать судьбу....

— Пожалуй, если вамъ угодно; но вы позволите напечатать отвѣтъ Бюргера.

— Если напечатали одну глупость, такъ навечатайте и другую.... Но кто могъ доставить вамъ мои стихи?...

Эрианъ отыскалъ письмо, при которомъ были доставлены стихи. Рука неизвѣстная. Все осталось тайной. Элиза была задумчива, грустна; хотѣла что-то сказать, но не могла; повертѣлась и уѣхала, въ сильномъ разсѣяннн забывъ опахало и платокъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Діана видѣла какъ ея сосѣдка возвратилась изъ города, какъ ходила каждый день по берегу Некара, какъ часто останавливалась на террасѣ и глядѣла на большую дорогу, долго, долго, какъ будто поджидая кого то.... Странное дѣло! Діана и сама стала поджидать незнакомаго гостя. Гость же какъ-будто спѣшилъ оправдать ихъ ожиданія. Большая дорога шла подъ пригоркомъ, на которомъ стояла усадьба Діаны. Невзрачный дорожный экипажъ остановился у самой усадьбы. Человѣкъ, уже не молодой, но чисто одѣтый, вышелъ и замѣтивъ въ огородѣ Діану, махнулъ ей рукой и громко спрашивалъ: гдѣ здѣсь мыза госпожи Ганъ....

— Господи, Боже мой? что я вижу! вы ли? Быть не можетъ! Господинъ Бюргеръ! нѣтъ! Вы отецъ, что ли, нашему Бюргеру! Нѣтъ! Вы! вы! Какими судьбами?

— Діана!

И вся прошедшая жизнь развернулась панорамой въ его воображеніи. Уста сжались; онъ потупилъ глаза и не находилъ предмета, съ котораго бы могъ начать рѣчь.

— Кого, за чѣмъ, вы ищете въ нашихъ краяхъ? продолжала разспрашивать Діана. Бюргеръ молчалъ и не смотрѣлъ на Діану.

— Вы, кажется, недовольны, господинъ Бюргеръ, что встрѣтили меня?

Бюргеръ протанулъ ей руку—и, о слабость доброй женщины, когда-то любившей Бюргера! она схватила эту руку, поцѣловала и облила слезами. Этотъ поцѣлуй, эти слезы, загля въ душѣ Бюргера новую бурю; онъ обнялъ Діану, онъ поцѣловалъ ее въ уста и опомнился.

— Боже мой! Боже мой! Какъ это было недавно, и какъ сѣбалось давно....

— У кого ты теперь служишь, Діана?

— У себя! Вотъ мой домъ, мои огороды, тамъ у меня небольшой виноградникъ. Заверните къ намъ. Погостите. Мѣста довольно, но, можегъ-быть, вы спѣшите.

— И спѣшу и медлю....

— Куда же вы ѣдете?

— Къ моей невѣстѣ....

Діана въ полномъ смыслѣ отскочила.

— Да, мой другъ, право мнѣ и самому странно; но, видно, судьбѣ угодно было избрать меня своей игрушкой. Ты видишь, я крѣпко постарѣлъ; лишился двухъ женъ. Дѣти подрастаютъ, хозяйство въ безпорядкѣ.... Теперь уже не страсть, а благоразуміе заставляетъ жениться....

— Правда ваша! Гдѣ вамъ усмотрѣть за дѣтьми! А можно спросить на комъ вы женитесь?

— На Элизѣ Гавъ....

— Bravo! Такъ Германнъ не обманулъ меня!

— Какой Германнъ?...

— А помните, тотъ съумасшедшій женихъ вашей Лунзы. Онъ и тутъ сватался, да грибъ сѣлъ.... Дѣвушка, кажется, хорошая. Мы съ нею познакомились. Она прежде заходила ко мнѣ часто и спрашивала про мужа....

— Такъ ты замужемъ?...

— Была, да теперь вдова. Мужа моего укусила видно дурная муха; пропалъ безъ-вѣсти. Богъ съ нимъ! Насильно милъ не будешь. А дѣвушка прекрасная, ужъ не такъ и молодая, притомъ же круглая сирота; недавно матушку схоронила. Дурнаго про нее ничего не слышно. Такъ и кстати! Давайте, я проведу васъ къ невѣстѣ.... Ступайте за мной! Вотъ ея мыза! Черезъ мостъ.... Бюргеръ послѣдовалъ за Діаной, которая дорожкой показывала ему всѣ свои достатки и заведенія. Трудъ благодаренъ. Вездѣ цвѣло довольство на усадьбѣ Діаны: Бюргеръ съ удовольствіемъ узналъ, что Діана въ короткое время такъ разбогатѣла, что считается самою зажиточною мызницею во всей долигѣ; наемщики бьются изъ того, чтобы работать у Діаны; что она хочетъ прикупить большое поле и

распространить свое хоряйство. Въ такихъ разговорахъ дошли они до мызы. Элиза обѣдала, и въ ожиданіи пока принесуть слѣдующее кушанье, что-то читала. Бюргеръ узналъ свою рукопись. То была «Исповѣдь челоуѣка, который не хочетъ ввести въ заблужденіе благородную дѣвушку». Элиза не слыхала, не видала какъ вошли гости....

— Здравствуйте, сосѣдка! сказала Діана.

— Здравствуй, милая; отвѣчала Элиза не глядя на нестѣ твой Эрнстъ?

— Богъ съ нимъ! не стѣтъ онъ доброй памяти. Вотъ у васъ мужъ будетъ не моему чета.... Я привела его къ вамъ....

— Боже мой! Чтѣ такое! Бюргеръ!

— Именно-съ! Діана присѣла и легонько толкнула Бюргера впередъ....

— Я.... Какъ я встревожена!... удивлена!... Извините....

— Прекрасная Элиза! Намъ ли чиниться! Наша участь рѣшена, кажется....

Элиза посмотрѣла на Бюргера задумчиво и молчала....

— Я имѣю ваше письменное согласіе, Элиза; но если сердце ваше....

Элиза опомнилась и съ веселою улыбкою протянувъ Бюргеру руку сказала:

— Простите мгновенному безпокойству! Послѣ объясню я вамъ причину моей задумчивости.... Не угодно ли со мной откушать?...

— Ужъ, конечно, я теперь лишняя, сказала Діана, присѣла и ушла. Долго поджидала она Бюргера на своей усадѣбѣ; а между-тѣмъ какъ добрая хозяйка озаботилась о кучерѣ и лошадахъ чужаго гостя.... Поздно ввечеру позвали на мызу Діану. Женихъ и невѣста сидѣли рядкомъ на диванѣ и, казалось, оба были довольны....

— Любезная сосѣдка! сказала Элиза: мы должны уѣхать отсюда какъ-можно скорѣе; приличіе того требуетъ. Но я не знаю какъ оставить мою мызу....

— А чтѣ вы хотите съ нею сдѣлать?

— Продать, въ наймы отдать, какъ случится....

— Могу я и нанять и купить вашу мызу; — купить бѣднѣе, потому что сколько труда ни положишь, знаешь,

что въ своей землѣ лежить.... Но, милостивая госпожа, я могу заплатить вамъ ту самую цѣну, которую давали вашей матушкѣ винодѣльцы, не иначе, какъ въ два срока; половину теперь, а половину черезъ годъ....

— Я согласна....

— Господинъ Бюргеръ въ городѣ велитъ сдѣлать законный актъ, вы подпишете, и пришлете мнѣ съ вѣрнымъ человѣкомъ, а я ему деньги выплачу....

— Все это прекрасно. Такъ мы можемъ уѣхать отсюда сегодня же?... Разумѣется, въ разныхъ экипажахъ. Приглаше того требуетъ.

— Милая Элиза! Да ужъ развѣ не всё-равно! Нашъ бракъ не за горами....

— Нѣтъ! нѣтъ! Я не хочу подать и малѣйшаго повода клеветѣ. Извольте сейчасъ же ѣхать; а я отправлюсь черезъ нѣсколько часовъ, на разсвѣтъ....

— Нечего дѣлать, а признаюсь, ѣхать одному не весело, когда оставляешь такую милую, прекрасную невѣсту.... И такъ, простите!

Бюргеръ хотѣлъ обнять Элизу; но она протянула ему руку и онъ долженъ былъ удовольствоваться поцѣлуемъ, которымъ Элиза могла надѣлать cadaго посторонняго.... При всемъ томъ Бюргеръ былъ доволенъ. Возвращаясь на усадьбу Діаны, съ старой своей подругой, Бюргеръ шелъ весело и говорилъ:

— Признаюсь, я боялся, чтобы моя невѣста не была дурна. Я желалъ только найти обыкновенную миловидность, а нашелъ прекрасную женщину съ пухлыми щеками, роскошныхъ формъ. У меня такъ сердце и запрыгало. Видно кровь моя не состарѣлась....

Діана остановилась.

— Господинъ Бюргеръ! То-то ваше и несчастье, что въ женщинахъ вы никогда не обращали вниманіе на душу! Вамъ бы надо ослѣпнуть и тогда жениться; тогда бы по-своему вы любили душевные качества вашей супруги.... Шора перебѣситесь. Вы ужъ не студентъ. Не дай Богъ, а вы когда-нибудь попадетесь съ вашими страстями въ глу-бокую пропасть....

— Не пророчъ бѣды, Діана!

— Я буду молиться, чтобы бѣда эта не посѣтила моего вѣтренаго друга.

Оба смолкли; молча воротились на усадьбу; Бюргеръ просилъ уживать. Діана, по неизвѣстнымъ причинамъ, прислала съ ужиномъ старую тѣтку, а сама ушла по дѣламъ въ сосѣднюю деревню.... Бюргеръ не засыпая, отъужиналъ, сѣлъ въ свой невзрачный экипажъ и уже на выѣздѣ встрѣтилъ Діану.

— Прощайте, господинъ Бюргеръ! Желаю вамъ всякаго счастья! Не забудьте прислать акты!

— Прощай, милая Діана!

На разсвѣтъ Діана присутствовала при отъѣздѣ Элизы, приняла отъ нея всѣ бумаги и ключи, проводила до повозки и вступила въ управленіе весьма обширнаго владѣнія. Не прошло и недѣли, пріѣхалъ на мызу какой-то чиновникъ, привезъ акты, получилъ деньги, увѣдомилъ о благополучномъ совершеніи брака и отъѣздѣ молодыхъ въ Геттингенъ, и уѣхалъ....

Въ Геттингенѣ уже по письмамъ знали о третьей свадьбѣ Бюргера. День пріѣзда молодыхъ былъ извѣстенъ. Въ красивый домикъ собрались друзья, принесли дѣтей Бюргера, комнаты убрали цвѣтами. Наняли музыку. Молодые сдержали слово. Пріѣхали чуть не въ назначенную минуту. Бюргеръ былъ совершенно счастливъ и доволенъ. Съ торжествомъ ввелъ онъ молодую супругу въ красивый домикъ. Она улыбалась, хотя опытный глазъ въ этой улыбкѣ могъ бы замѣтить нѣкоторое притворство. Въ залѣ, гдѣ скончалась Молли, заиграла музыка; но тотчасъ же и прекратилась. У первой скрипки лопнули всѣ струны отъ судорожнаго удара смычкомъ. Эрнстъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и отвернулся. Элиза поблѣднѣла, но мгновенно пришла въ себя и, благодаря учредителей торжества, просила уволить ее въ этотъ день отъ музыки. Отъ дороги, у нея страдали нервы. Ей нуженъ былъ отдыхъ. Музыка ушла, а гости ужинали въ кабинетѣ Бюргера.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КОНЕЦЪ ВСѢХЪ ТРЕХЪ ПЕРИОДОВЪ.

Наступилъ годичный срокъ втораго платежа за мызу, и Діана за день до назначеннаго времени пріѣхала въ Геттингенъ, остановилась въ гостинницѣ на выѣздѣ; принялась; взяла мѣшки съ деньгами и отправилась къ Бюргеру. Не безъ труда отыскала она красивый домикъ, гдѣ жилъ Бюргеръ; долго стучала она въ калитку; на-сплу достучалась; ей отворила двери старуха и не хотѣла впустить на дворъ....

— Дома господинъ Бюргеръ?...

— А тебѣ на что?

— Это ужъ мое дѣло. Миѣ нужно его видѣть....

— Да нужно ли ему видѣть тебя?

— Думаю, что нужно. Я привезла ему деньги,...

— А, это дѣло другое. Милости просимъ. .. Я сейчасъ ему доложу.... Пожалуйте за мною....

Діана вошла на крыльцо, на которомъ не всѣ половицы были надежны. Въ прихожей, гостиной и небольшой залѣ, гдѣ умерла Молли, вся мебель была въ порядкѣ, но покрыта толстымъ слоемъ пыли. Діана съ трепетомъ оглядывалась, ожидая увидѣть дѣтей, но и голоса ихъ слышно не было. Оставшись одна, она замѣтила на каминѣ свитокъ завязанный розовой лентой; она не обратила бы на него вниманія, если бы во всей комнатѣ одинъ этотъ свитокъ не былъ вещью случайною; все прочее было какъ-будто построено вмѣстѣ съ домомъ. Діана, сама не зная почему, поглядывала на этотъ свитокъ съ невольнымъ любопытствомъ. Она уже протянула руку къ камину, какъ послышался легкій кашель и тяжелые, медленные шаги въ сосѣдней комнатѣ.... Бюргеръ вышелъ въ глубокой задумчивости. Хотя ему было всего сорокъ три года, но онъ показался Діанѣ совершеннымъ старикомъ; кашель довершалъ обманъ. Діана не смѣла или, лучше сказать, не могла прервать молчанія. Правда, семнадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ какъ она познакомилась съ Бюргеромъ въ видекскомъ трактирѣ; правда, много случилось съ-тѣхъ-поръ и перемѣнъ, потрясающихъ существо чувствительнаго человѣка: онѣ должны были оставить свои

разрушительные слѣды на лицѣ Бюргера, но не согнуть его въ дряхлаго, больнаго старика.... И у Діаны было много горя на этомъ свѣтѣ; но бѣда съ нею, какъ съ гуся вода. И въ тридцать осемь лѣтъ она была и свѣжа и румяна; никто бы не угадалъ ея возраста. Трудъ пошелъ ей въ прокъ; она стала дородная, роскошная матрона, на которую не безъ чувства заглядывались и молодые и старыя холостяки. Какая разница между Бюргеромъ и Діаной! Онъ былъ не по лѣтамъ старъ, она не по лѣтамъ молода.... Молчаніе было не продолжительно. Бюргеръ горько улыбнулся, махнулъ рукой и хотѣлъ уже воротиться въ свою рабочую комнату, но при этомъ движеніи замѣтилъ Діану....

— Діана! Милая Діана! голосъ Бюргера еще болѣе перепугалъ ее: свпльй, дрожащій, болѣзненный, опъ прервался отъ кашля ...

— Вы нездоровы? спросила она съ участіемъ.

— Нѣтъ, такъ.... простудился, охрипъ.... Здорова ли ты, моя добрая Діана?

— Чтò мнѣ дѣлается! Слава Богу. Дордгой я еще больше поправилась. Признаюсь, далеконько; да я хотѣла имѣть удовольствіе еще разъ видѣть васъ, супругу вашу и милыхъ моихъ дѣтокъ....

— Діана! Лучше бы ты не пріѣзжала, лучше бы ты не будила меня отъ сладкаго сна; въ книгахъ я забываю о моихъ несчастіяхъ.... Діана, я въ третій разъ — вдовецъ!...

— Господи! Элиза скончалась!...

— Хуже! Присядемъ. Я знаю какое живое участіе ты принимаешь во мнѣ; знаю, что ты меня осудила за Луизу, за Молли.... Боже мой, Боже мой! Молли скончалась на томъ мѣстѣ, на которомъ ты сидишь. Это мѣсто было для меня предметомъ какого-то благоговѣнія и оно.... Охъ! Тяжело вспоминать, не только рассказывать..... Бюргеръ закашлялся.

— Перестаньте! Перестаньте! Въ другой разъ!... Вы теперь нездоровы.... Сильное волненіе повредитъ вамъ. Получите деньги....

— Отнеси ихъ несчастной Элизѣ; она въ нихъ нуждается.

— Такъ она здѣсь?...

— Здѣсь, чтобы мучить, терзать меня.... Первые двѣ недѣли мы были совершенно счастливы, не-и-райней-мѣ-рѣ я. Но эти двѣ недѣли протекли въ праздникахъ, обѣ-дахъ и тому подобное. То мы въ гостяхъ, то у насъ гости. Элиза вездѣ блистала своими талантами. Пора было за-няться хозяйствомъ, дѣтьми — и тутъ раскрылся адъ, ка-кого себѣ представить невозможно. Расточительная, лег-комысленная, она ктому еще обнаружила такую нево-мѣрную злость, что не только люди насъ оставили, но се-сѣди чуть не начали со мной процесса. Бѣдныя мои дѣти! Чтѣ имъ доставалось! Когда я приходилъ съ лекціи, то заставлялъ ихъ непременно въ слезахъ. Между-тѣмъ они не только не лѣзли ей въ глаза; напротивъ, избѣгали встрѣ-чи съ нею.... Нѣсколько дней сряду я замѣчалъ, что они хотятъ мнѣ сказать чтѣ-то; но какъ-будто боялись, какъ-будто имъ было стыдно и жаль меня.... Ахъ, да вотъ и онъ здѣсь!..

Бюргеръ взялъ съ каминна свитокъ и сѣвъ на прежнее мѣсто, продолжалъ.

Разъ, утромъ, жены моей не было. Она постоянно каж-дый день уходила на рынокъ и проводила внѣ дома иногда два и три часа.... Такъ случилось и въ тотъ день; ея не было; дѣти принесли мнѣ этотъ свитокъ....

— Чтѣ такое? спросилъ я.

— Это къ маменькѣ отъ музыкальнаго учителя.

— Отъ какого музыкальнаго учителя?

Дѣти смутились, посмотрѣли другъ на друга и не знали чтѣ отвѣчать мнѣ. Я повторилъ вопросъ и узналъ, что каж-дый разъ когда я ухожу на лекцію, приходитъ музыкаль-ный учитель и даетъ моей женѣ уроки пѣнія и игры на арфѣ; это было мнѣ извѣстно; случилось же все это неза-долго до моего рожденія: я подумалъ что Элиза готовитъ мнѣ пріятную нечаянность и успокоился.

— Отдайте же этотъ свитокъ маменькѣ.... сказалъ я.

Дѣти опять сомнительно посмотрѣли на меня и другъ на друга. Невольно любопытство проснулось и во мнѣ.... Я развернулъ свитокъ.—Ноты и записочка; тѣмъ же размѣ-ромъ, какъ и куплеты для пѣнія, написано четыре стиха. Вотъ они....

За нами смотреть; до свиданья!...
 А завтра уберу дѣтей;
 По-дальше разошли людей;
 А я приду для оправданья....

Можешь себѣ представить, какое впечатлѣніе на меня сдѣлали эти стихи, тѣмъ болѣе, что ихъ содержаніе никакъ не влеклось съ содержаніемъ пѣсни. Волоса у меня встали на головѣ отъ ужасу? Мысль объ извѣстнѣйшей женщины никогда еще не посѣщала меня: я всегда былъ любимъ такъ вѣрно, такъ горячо.... Нечего было медлить. Желая скрыть отъ дѣтей такую тайну, я свернулъ бумаги, завязалъ и велѣлъ отдать Элизѣ когда она воротится. Самъ я по-скорѣе одѣлся, пошелъ къ Альтгофу и къ моему доктору, доброму Егеру; сообщилъ имъ мое печальное открытіе и просилъ совѣта. Тутъ только узналъ я отъ Альтгофа, что онъ давно уже замѣтилъ странныя отношенія какого-то неизвѣстнаго ему человѣка, съ моею женою; подозрѣнія навели его на слѣды ежедневныхъ свиданій Элизы съ этимъ человѣкомъ: одинъ день когда я бываю на лекціи у меня въ домѣ, другой день недалеко отъ рынка, въ небольшомъ домѣ, гдѣ живетъ башмачница. Боясь испугать меня, мой добрый Альтгофъ рѣшился прежде убѣдиться въ этой связи и наканунѣ того дня былъ у башмачницы. Она смѣшалась, покраснѣла, когда мой другъ сталъ ее допрашивать; но при всемъ томъ отвѣчала, что госпожа Бюргеръ заказываетъ у нея башмачи для всего дому, такъ и не удивительно, что часто заходитъ. Содержаніе стиховъ объяснилось. Мы составили планъ какъ раскрыть истину; и я возвратился домой. На крыльцѣ еще я услышалъ страшный крикъ; голоса моихъ дѣтей. Вбѣгаю, дѣта мечутся изъ угла въ уголъ, а Элиза съ желѣзнымъ локтемъ въ рукахъ бѣгаетъ за ними въ бѣшенствѣ.... Она успѣла уже ударить меньшую дочь мою и ушибить ее до-крови. По счастью, я пришелъ во-время. — Элиза! закричалъ я: что ты дѣлаешь!

— Бью твоихъ щенятъ! завизжала Элиза: и если ты ихъ не пересѣчешь, не уймешь, отъ шалостей, я за себя не ругаюсь....

— Что же они тебѣ сдѣлали, мои добрые....

— Добрые!.. Старый эдакой дуракъ!.. Въ разбойникахъ добряковъ видѣть.... Вели ихъ высѣчь, а нето, я другой разъ на нихъ жаловаться не буду....

Элиза исчезла. Не стану тебѣ рассказывать какъ мы провели этотъ ужасный день. У насъ служила одна кухарка. И ту Элиза побила и заставила отойти отъ дому.... Три раза въ этотъ страшный день она порывалась бить дѣтей и я, боясь за ихъ жизнь, отослалъ ихъ всѣхъ къ Егерю.... Мы остались одни. Ссора продолжалась. Въ припадкѣ непомѣрной злобы, она плевала на меня, бросала на полъ все, что ей попадалось подъ руку. — Ночь насъ разлучила и успокоила. Утромъ она была добра, мила, кротка, такъ, что я сталъ сомнѣваться въ моихъ догадкахъ, приписывая все легкомыслію и бурному характеру. Она такъ непритворно каялась въ своей горячности, такъ мило просила прощенія, что мы разстались друзьями. Я поспѣшилъ не на лекцію, а къ Альтгофу; Егеръ ужъ былъ тамъ. По условію я отперъ задвижки въ окнѣ моего кабинета, который тогда былъ на улицу. Середь бѣла дня, къ общему соблазну, мы какъ воры влѣзли въ этотъ домъ; тутъ, гдѣ ты сидишь, музыкальный учитель давалъ мнѣ ужасный урокъ. Звукъ поцѣлуевъ былъ слышенъ въ кабинетѣ; мы вошли сюда поспѣшно.... Элиза была въ объятіяхъ музыкальнаго учителя....

Бюргеръ зарыдалъ и расплакался.....

— Перестаньте! перестаньте! сказала взволнованная разсказомъ Діана. Я понимаю, чѣмъ кончилось....

— Чѣмъ кончилось! Еще ни чѣмъ! Она не соглашается на разводъ. Она всѣ мои усилія обращаетъ въ ничто.... Отъ ея согласія все зависитъ....

— Если такъ, вы сегодня получите это согласіе! сказала Діана съ рѣшительностію, вставъ съ мѣста.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ увидите! Надо мнѣ поспѣшить, чтобы застать дома. Гдѣ она живетъ?

— У той же башмачницы. Старуха тебя проводитъ.....

Діана на-скоро простилась съ Бюргеромъ и въ сопровожденіи старухи, въ узкомъ переулкѣ, нашла башмачницу, нашла и Элизу. Она что-то писала.....

— Здравствуйте, милостивая госпожа!

— Вотъ кстати! вскрикнула Элиза: а я только-что начала писать письмо къ тебѣ, чтобы ты успѣшила выслать мнѣ деньги....

— Какія деньги? съ удивленіемъ спросила Діана. Элиза смутилась.

— Я не постигаю твоей шутки....

— Я совѣмъ и не думаю шутить. Не угодно ли вамъ вспомнить содержаніе нашего контракта. Тамъ явственно изображено и написано, мызу продалъ мнѣ мужъ вашъ, господинъ Бюргеръ, которому я и обязана уплатить по условію. А срокъ завтра. Я привезла деньги; хотѣла вручить ихъ господину Бюргеру, да не застала....

Элиза поблѣднѣла и не знала что сказать на замѣчаніе Діаны....

— Господину же Бюргеру, говорятъ, теперь деньги очень нужны. У него какой-то процессъ....

— Процессъ! постыдный, унизительный для всякаго человѣка! Но такому извергу какое дѣло до чести. Старикъ, развѣ онъ не зналъ себя, развѣ онъ не чувствовалъ, что буйная, жизнь состарила его преждевременно. О женѣ онъ не разсуждалъ! онъ думалъ достать себѣ ключницу и гувернантку для плодовъ его супружеской любви и самому глотать пыль старыхъ фоліантовъ! Процессъ! Но онъ его не выиграетъ, онъ обезпечитъ безбѣдное содержаніе мое и нашего ребенка.

— Завтра же заплатитъ, милостивая госпожа, деньгами, которыя я привезла....

— Моиими!....

— Ужъ этого я не знаю. Законъ въ буквѣ.... Да изъ этихъ денегъ вамъ-то придется только третья часть! Вѣдь у вашего мужа, больше нѣтъ никакого состоянія....

Элиза задумалась. Діана продолжала.

— Возьмите, милостивая госпожа, лучше всѣ деньги....

— Но какъ это сдѣлать?

— Очень легко. Подпишите согласіе на разводъ безъ всякаго со стороны Бюргера обезпеченія и я уже берусь уладить это дѣло; я выманю у него согласіе отдать всѣ деньги вамъ....

— И ты, думашь, что этотъ извергъ согласится?

— Увѣрена! Даже скажу вамъ больше, что если вы пожелаете мнѣ законное свидѣтельство въ вашемъ согласіи, я тотчасъ же заплачу вамъ деньги, онѣ со мною; вотъ онѣ!

И Діана позвонила мѣшками съ золотомъ. Соблазнительный звонъ убѣдилъ Элизу. Послала башмачницу за адвокатомъ; тотъ пришелъ, составилъ актъ. Элиза подписала; не доставало только третьяго свидѣтеля.

— Не сходить ли за....

Башмачница не кончила. Элиза съ живостью перебила.

— Зачѣмъ? Діана сама можетъ свидѣтельствовать. Адвокатъ одобрилъ эту мѣру и Діана подписалась. Отдавъ деньги Элизѣ и получивъ квитанцію, Діана съ прежнею легкостью полетѣла къ Бюргеру.... Безъ доклада вошла къ нему въ рабочую и какъ-будто семнадцать лѣтъ тому назадъ, шутливо присѣла и подала ему обѣ бумаги. Бюргеръ нѣжно благодарилъ Діану и примѣтно обрадовался в помолодѣль. Діана просила позволенія видѣть дѣтей. Старушка привела ихъ; старшая дочь узнала Діану. Весь день вся семья провела вмѣстѣ. Ввечеру Діана стала прощаться и Бюргеръ плакалъ какъ ребенокъ, какъ-будто онъ разставался навсегда съ любимой женой.

Діана уѣхала. Богатство ея возрастало не по днямъ, а по часамъ; но тоска по старомъ другѣ, по дочери милой Луизы, не покидала еѣ. Каждого проѣзжаго разспрашивала она, не бывалъ ли въ Геттингенѣ, не слыхалъ ли о Бюргерѣ; но, по несчастію, ни одинъ изъ нихъ не былъ тамъ. Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Діана получила, чрезъ посредство главнаго штуттгардскаго суда приглашеніе явиться въ геттингенскую консисторію, для личнаго свидѣтельства по дѣлу господина Бюргера съ женою егѡ, урожденною Элизою Ганъ. Діана знала, что она можетъ отказаться отъ путешествія, представивъ другое свидѣтельство, облеченное судебными формами; но желаніе видѣть Бюргера и дѣтей, было слишкомъ сильно. Сверхъ-того и нѣкоторые неувольствія съ сосѣдами, которые насильно хотѣли поправиться сосѣдкѣ и лишить ее независимости посредствомъ брака, тогда какъ ей уже было сорокъ лѣтъ;—наконецъ и

возможность весьма выгодно сбыть обѣ мызы, богатому джордану, который два раза заѣзжалъ къ ней съ этимъ предложеніемъ; все это невольно увлекло Діану. Она продала обѣ мызы и въ весьма порядочномъ экипажѣ отправилась въ Геттингенъ. Располагая устроиться здѣсь на постоянное жительство, Діана не остановилась въ гостиницѣ, а отъискала небольшую квартиру по близости красиваго домика, такъ, что изъ окна могла видѣть окна Бюргера. Дряхлая тѣтка, полюбившая Діану какъ родную дочь, стала распорядиться въ новой обители, какъ на мызѣ Эрнста, а Діана приодѣлась и пошла къ Бюргеру.... Къ удивленію калитку нашла она не запертою; въ прихожей уже почувствовала сильный запахъ отъ разныхъ лекарственныхъ снадобій; въ гостиной было все по-прежнему, какъ будто въ эти два года никто не прикасался ни къ одному стулу; но въ залѣ было темно: одно только окно было полузакрыто сторою. При слабомъ свѣтѣ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ умерла Молли, въ перинахъ и полушкахъ, утонувшее тѣло Бюргера. Лицо его было желто; губы заеклись; признаки жизни обнаруживались только слабымъ кашлемъ. У этого дивана сидѣлъ Альтгофъ и докторъ Егеръ.—Діана, вошедъ, остановилась и не знала идти ли ей дальше или уйти по-тихоньку домой. Неожиданнымъ появленіемъ своимъ, она боялась возмутить спокойствіе Бюргера.... Но было уже поздно. Альтгофъ замѣтилъ гостью. Всталъ и подошелъ къ ней. — Что вамъ угодно? спросилъ онъ!

— Я хотѣла засвидѣтельствовать мое почтеніе господину Бюргеру....

— Діана! раздавался тихій голосъ больного. Это ты, Діана, или голосъ твой меня обманываетъ?

— Я, господинъ Бюргеръ!

— Гдѣ ты! я слабо вижу.... дай руку.... Это, господа, истинный другъ мой! Я очень радъ, что она меня вспоминала. И кстати. Здоровье мое весьма поправляется.... Не правда ли, добрый другъ?...

— Да, отвѣчалъ грустно Егеръ: не много лучше.... Теперь я васъ оставляю, а вечеромъ найду....

— Господа, сказала Діана: если у васъ есть дѣла, такъ

позвольте отпираться: я теперь совершенно свободна, переехала сюда жить на покой; мнѣ нечего дѣлать и я почти себя счастливою, если вы мнѣ позволите быть сидѣлкою у нашего больного....

— О! подъ такимъ надзоромъ я скоро и совершенно оправлюсь....

Егеръ и Альтгофъ воспользовались предложеніемъ Діаны и ушли.... Діана проводила ихъ и узнала отъ Егера, что часть кончины Бюргера очень близко; что можно ему позволить все, чего ни пожелаетъ.... Можно себя представить каково ей было услышать такой приговоръ изъ устъ врача и друга Бюргера. Скрѣпя сердце, возвратилась Діана къ больному. Онъ капризничалъ; просилъ то того, то другаго; голосъ его примѣтно слабѣлъ и когда ввечеру Альтгофъ и Егеръ воротились къ его постели, Бюргеръ едва могъ говорить.

— Нѣтъ! сказалъ онъ или, лучше, прошепталъ: Надо умереть.... Только бы умереть легко, безъ страданій, вотъ мое послѣднее желаніе.... Нѣтъ.... еще, еще есть у меня желаніе. Альтгофъ оповѣсти всѣхъ друзей моихъ, что я умираю. Когда замѣтишь, что начнутся предсмертныя страданія, пошли, дай имъ знать. Пусть соберутся. Кончина моя будетъ торжественна. Это облегчитъ мученія смерти...

Бюргеръ, приподнялся съ помощію Діаны и Альтгофа; ему подложили за спину подушки; Бюргеръ сидѣлъ....

— Что такъ темно здѣсь?... Зажгите свѣчку...

Но свѣчка была зажжена. Діана вдругъ сдѣлала иллюминацію и зажгла всѣ свѣчки, сколько ихъ ни было въ комнатѣ....

— Я бы желалъ... сказалъ Бюргеръ и всѣ окружили его, стараясь разслушать послѣднюю волю.... но уста двигались безъ звуку. Бюргеръ онѣмѣлъ. Альтгофъ подаль ему карандашъ и бумагу и тутъ же замѣтилъ, что больвой совершенно ослѣпъ.... На лицѣ примѣтно стало напряженіе что-то провзнести; уста раскрылись; сложились, опять раскрылись—и Бюргера не стало....

— Умеръ! сказалъ докторъ Егеръ и отеръ слезу... Альтгофъ и Діана также тихо плакали.

Умеръ Бюргеръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скончалась

Молли. Докторъ Егеръ, опекунъ дѣтей Бюргера, распорядился какъ слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ. Бюргера вохорѣли, собрали до трехъ сотъ талеровъ на памятникъ—и забыли покойника. Онъ живъ въ памяти признательнаго потомства, онъ живъ въ прекрасныхъ поэтическихъ произведеніяхъ; но жизнь его, страданія, остались въ біографіяхъ. Не прошло и недѣли, въ Геттингенѣ перестали говорить объ немъ. Одна только Діана не могла забыть своего стараго друга. Геттингенъ сталъ ей скученъ, противенъ, въ-особенности когда и старушка-тѣтка, мѣсяць спустя послѣ кончины Бюргера, переселилась въ вѣчность. Діана долго думала, что ей дѣлать на свѣтѣ; наконецъ придумала,—рѣшилась путешествовать. Обладая значительнымъ капиталомъ, она позволила себѣ нѣкоторыя выгоды. Взяла компаньонку, нашла слугу и пустилась въ путь. Недалеко отъ Вѣны, въ небольшомъ городкѣ, остановилась Діана на ночлегъ.... Слуги гостиницы со свѣчою встрѣтили гостью; но въ номеръ надо было проходить черезъ главную залу, гдѣ множество народу толпилось около небольшого возвышенія, на которомъ игралъ кто-то на скрышкѣ.

— Пожалуйте сюда! сказалъ слуга указывая на боковую дверь.

— Нѣтъ! Проводите Эмму и моего человѣка, а я послушаю этого виртуоза. И Діана подошла къ толпѣ. Легко догадаться, что виртуозъ былъ не кто иной какъ Эрнстъ, мужъ Діаны. Онъ былъ и теперь еще не дуренъ собой, а игралъ несравненно лучше прежняго. На томъ же возвышеніи сидѣла женщина; но такъ какъ она сидѣла опершись руками на столъ и закрывъ лицо, то нельзя было угадать кто она и какую роль играетъ въ этомъ представленіи. Послѣдніе финальные аккорды скрыпача были заглушены рукоплесканіями; этотъ шумъ разбудилъ спутницу его; она схватила арфу и стала наигрывать прелюдію.... Тише! Тише! раздалось со всѣхъ сторонъ.... Публика смолкла, и спутница стала мѣрно говорить стихи подъ рѣдкіе аккорды арфы. Діана узнала въ ней Элизу....

— Вотъ что! подумала она: теперь для меня все ясно, и сѣгство Эрнста, и музыкальный учитель и такъ далѣе.

Глупый Эрнстъ! Ты влюбился въ змѣю.... Скоро, скоро она тебя ужалить въ самое сердце....

Импровизация Элизы была принята съ такимъ же шумнымъ восторгомъ. Представленіе кончилось. Діана прекрасѣла. Ей стало жалко видѣть своего мужа, какъ онъ схватилъ ноты и потупивъ взоры обходилъ ряды слушателей и собиралъ добровольное давленіе. Она весьма скоро разсчитала, что приговорокъ съ усадьбой она продала за три тысячи талеровъ. И когда потупивъ взоры Эрнста подошла къ ней за подачкой, билетъ голландскаго банка въ три тысячи талеровъ былъ уже въ рукахъ Діаны.

— Эрнстъ, сказала она в Эрнстъ какъ-будто окаменѣлъ, увѣщавъ его такою:—Возьми свое назадъ! Я продала твою мѣзу. Возьми свои деньги! прощай!

Билетъ остался на нотахъ. Діана ушла въ свой номеръ и разсказала своей компаньонкѣ, что случилось.

— Напрасно! замѣтила Эмма: я не сдѣлала бы этого. Теперь вы сами обѣдѣли....

— Я ему возвратила его собственность, которая единственно составляла четвертую часть моего капитала.

— Но онъ, пожалуй, станетъ къ вамъ привязываться....

— Нѣтъ, Эмма, онъ уйдетъ, убѣжитъ отъ меня....

Діана угадала. На другой день узнала она, что Эрнстъ съ Элизой уѣхалъ въ ту же ночь неизвестно куда. Долго, долго еще послѣ смерти Бюргера Элиза импровизировала по разнымъ городамъ. Спутники перемѣнялись. Эрнстъ пропалъ безъ вѣсти; но Діана не могла имѣть объ нихъ свѣдѣній, потому что полюбила берега живописнаго Комо, и тамъ пріятно дождала до тихой кончины, оставивъ еще немалый капиталъ своей вѣрной Эммѣ.

И. КУКОЛЬНИКЪ.

=

ЛИЗИСТРАТА.

XII =

КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА.

=

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО ЕВГЕНІЯ КАРНОВИЧА.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЛИЗИСТРАТА.

КАЛОННКА.

ИПЕРРИНА.

ЛАМПИТО.

ХОРЪ старцовъ.

ХОРЪ женщннъ.

СТРАТЯЛИНСА.

НАЧАЛЬНИКЪ.

ЖЕНЩИНЫ.

КИКЕСІЙ.

ДѢТЯ.

ВЪСТНИКЪ лакедонскій.

СТАРШИНА лакедонскій.

ПРАЗДНОВАЮЩІЯСЯ.

СЛУГА.

АФИНЯНИНЪ.

(Дѣйствіе происходитъ на одной изъ афинскихъ улицъ.)

ЛИЗИСТРАТА.

Вотъ, если бы кто-нибудь ихъ пригласилъ
На праздникъ Колиады, или Пана,

Г. АХХИ. — Отд. I.

Или Генстишды, то навѣрно
 Отъ ихъ тимпановъ не было бѣ прохода;
 Теперь же ни одна изъ женщинъ не пришла;
 Но вотъ сюда идетъ моя сосѣдка.
 А! здравствуй Калоника!

КАЛОНИКА.

Здравствуй, Лизистрата!

Да отъ чего ты такъ сердито смотришь?
 Не морщся, полно; ты не хороша
 Когда нахмуришь брови.

ЛИЗИСТРАТА.

Калоника!

Отъ гнѣву я горю, и всякій равъ
 Стыжусь, когда подумаю, что женщинъ
 Ничтожными мужчины почитаютъ!

КАЛОНИКА.

Такими какъ мы въ самомъ дѣлѣ.

ЛИЗИСТРАТА.

Я

Сюда велѣла имъ прійти, чтобъ разсуждать
 О дѣлѣ важномъ; но онѣ нейдутъ,
 А спать.

КАЛОНИКА.

Но, милая, онѣ придутъ.

Вѣдь женщинамъ уйти изъ дому трудно:
 Одна изъ нихъ заботится о мужѣ,
 Другая будить слугъ, а та ребенка
 Укладываетъ спать, другая моетъ
 Его, а третья кормитъ.

ЛИЗИСТРАТА.

Но у нихъ

Другія есть дѣла, важнѣе этихъ.

КАЛОНИКА.

Какія, Лизистрата? и за чѣмъ
Ты созывала насъ? какое дѣло,
И важное оно?

ЛИЗИСТРАТА.

О, очень важно!

КАЛОНИКА.

А занимательное?

ЛИЗИСТРАТА.

Чрезвычайно!

КАЛОНИКА.

Такъ почему жъ онъ неидутъ?

ЛИЗИСТРАТА.

Другое

Ты думаешь, для этого навѣрно
Онъ пришли бы скоро; нѣтъ не то
Я замышляю; я намѣренье мое
Въ бессонныя обдумывала ночи.

КАЛОНИКА.

Должно быть важно, если по ночамъ
Обдумывала ты его!

ЛИЗИСТРАТА.

Такъ важно,

Что счастье Греціи во власти женщинъ.

КАЛОНИКА.

Во власти женщинъ? Такъ оно не трудно!

ЛИЗИСТРАТА.

Отъ насъ зависитъ жребій государства —
Мы можемъ истребить Пелопонесцевъ.

КАЛОНИКА.

Ихъ истребить! О, это превосходно!

ЛЕЗИСТРАТА.

И уничтожить Беотійцевъ.

КАЛОНИКА.

Но не всёхъ,

Которые въ Копансѣ живутъ,
Тѣхъ пощади.

ЛЕЗИСТРАТА.

Я такъ не угрожаю

Аенниамъ; но согласись со мной,
Что ежели условимся всё вмѣстѣ
И мы Аеннянки и Беотійки,
И женщины Пелопонесса, словомъ, всё,
То общими усилиями можемъ
Спассти отчизну.

КАЛОНИКА.

Неужели могутъ

Такое дѣло женщины исполнить?
Онѣ, которыя сидятъ всё дома
Нарядныя и нарумяненныя, въ длинныхъ,
Прозрачныхъ платьяхъ, въ обуви богатой.

ЛЕЗИСТРАТА.

А я такъ думаю, что намъ послужать
Спаснемъ—благовонія, наряды,
Румяны, обувь пышная, хитоны
Прозрачные.

КАЛОНИКА.

Но какъ же это будетъ?

ЛЕЗИСТРАТА.

Да такъ, что ни одинъ мужчина не возьметъ
Меча.

КАЛОНИКА.

О, если такъ, я надѣваю
Богатыя наряды.

ЛЕИСТРАТА:

Не возьмешь щита.

КАЛОНИКА.

Я въ драгоценныя одѣнусь платья.

ЛЕИСТРАТА.

Конья.

КАЛОНИКА.

Я обувь пышную куплю.

ЛЕИСТРАТА.

Не время ли вѣзмъ женщинамъ прійти?

КАЛОНИКА.

Нѣтъ, не прійти—а прілетѣть.

ЛЕИСТРАТА.

Вотъ ты замѣть,

Какъ медленны Аонянки; но я
 Не вижу ни одной изъ Саламина
 И съ берега нѣтъ ни одной.

КАЛОНИКА.

Я знаю,

Что тѣ еще съ утра усѣлись въ лодку.

ЛЕИСТРАТА.

И Ахарнянокъ еще не видно;
 Я думала, что первыя онѣ
 Придутъ.

КАЛОНИКА.

Да, Феагенова жена,

Предъ тѣмъ какъ ей сюда итти, ходила
 Къ оракулу съ вопросомъ, посмотри—
 Вотъ тамъ однѣ, а тамъ другія;
 Ой, ой! откуда же онѣ?

ЛЕИСТРАТА.

Изъ Анагирь.

КЛЕОНИКА.

Ты правду говоришь: пришла въ движеніе
Вся Анагира.

МИРРИНА.

Не ужъ-то мы
Пришли позднеько, Лизистрата?
Но ты молчишь?

ЛИЗИСТРАТА.

Миррина, не могу
Я похвалить тебя за то, что поздно
Приходишь ты.

МИРРИНА.

Но я едва могла
Найти въ потемкахъ поясъ, если жъ дѣло
Такъ важно, то скорѣе намъ скажи.

ЛИЗИСТРАТА.

Нѣтъ, подождемъ, куда соберутся
И изъ Беотіи и изъ Пелопонесса.

МИРРИНА.

Ты говоришь умно, да вотъ идетъ Лампито.

ЛИЗИСТРАТА.

А, здравствуй, милая моя Лампито!
Какъ ты бѣла, какая нѣжность тѣла,
Какой здоровый цвѣтъ лица! да ты
Быка убьешь.

ЛАМПИТО.

О, я съ тобой согласна;
Я бѣгаю и занимаюсь пляской.

ЛИЗИСТРАТА.

Какая шея у тебя!

ДАМИНТО.

Какъ жертву

Ты шунаешь меня.

ЛЕИСТРАТА.

А эта дѣвушка откуда?

ДАМИНТО.

Она скромнѣйшая изъ Београдскъ,
Которыя приходятъ къ вамъ.....

ЛЕИСТРАТА.

А та?

ДАМИНТО.

А та хоть изъ Коринеа, но всѣ честной
Семьи.

ЛЕИСТРАТА.

Изъ честной, какъ и всѣ онѣ!

ДАМИНТО.

Но кто же созывалъ собранье женщинъ?

ЛЕИСТРАТА.

Я!

ДАМИНТО.

Скажи, чего же ты отъ насъ желаешь?

ЛЕИСТРАТА.

Скажу.

ДАМИНТО.

Скорѣ, если это дѣло важно.

ЛЕИСТРАТА.

Сейчасъ, но напередъ я васъ спрошу.....

ЛЕИСТРАТА.

О чемъ?

ЛЕИСТРАТА.

Ужели не печалитъ васъ,
Что вашихъ сыновей отцы ушли

Въ походъ; я знаю, что мы всѣ разстались
Съ мужьями нашими.

КАЛОНИКА.

Пять мѣсяцевъ назадъ
Какъ мой во Фракію уѣхалъ.

МЕРРИНА.

А мой семь мѣсяцевъ живею въ Филосѣ.

ЛАМПИТО.

А мой едва успѣлъ домой вернуться,
Какъ взялъ свой щитъ и снова удалился.

ЛИЗВОГРАТА.

Намъ никакой утѣхи не осталось,
Съ тѣхъ поръ какъ намъ Милезцы измѣнили;
Но захотите ли вы мнѣ помочь,
Когда съумѣю я войну окончить?

МЕРРИНА.

Клянусь богиней, если бъ даже мнѣ
Пришлось мой плащъ отдать въ залогъ и деньги
Пропить сегодня же.

КАЛОНИКА.

А я готова
Себя какъ раковину на двѣ части
Разрѣзать, я готова половину
Себя отдать.

ЛАМПИТО.

А я готова лѣзть
Наверхъ Тайгета, если бъ тамъ могла
Я миръ найти.

ЛИЗВОГРАТА.

Пожалуй, я признаюсь.
Зачѣмъ отъ васъ скрывать? Когда желаемъ мы
Мужчинъ принудить къ миру, то какъ должно
Забывать.....

МИРРИНА.

Но что? скажи!

ЛИЗИСТРАТА.

Исполните?

МИРРИНА.

Исполнимъ, если бѣ даже привелось
Намъ умереть.

ЛИЗИСТРАТА.

Вы позабыть должны —

Мужчинъ.... но почему вы отвернулись?
Куда идете вы?... Кусать вы стали губы?
Качаете вы головами и въ лицѣ
Мылаетесь? Вы плачете? Ну, что?
Намѣрены исполнить, или нѣтъ?

МИРРИНА.

Я не исполню, пусть они воюютъ —

КАЛОНИКА.

И я, пускай они ведутъ войну!

ЛИЗИСТРАТА.

Есть раковина, какъ ты говоришь,
За долго ль ты хотѣла половину
Себя отдать?

КАЛОНИКА.

Да, за другое я готова
И сквозь огонь идти; но, Лизистрата,
Я отъ мужчинъ не въ-силахъ отказаться!

ЛИЗИСТРАТА.

А ты?

КАЛОНИКА.

Я тоже лучше сквозь огонь
Пройду.

ЛИЗИСТРАТА.

О нерѣшительное племя!

Не удивляюсь я, что насъ выводить
 Въ трагедіяхъ — мы жь одному лишь годны.
 О милая Лампито, можешь ты
 Спасти насъ, если ты соединишься
 Со мной.

ЛАМПИТО.

Я признаюсь, что слишкомъ тяжело
 Жить безъ мужчинъ; но надо согласиться:
 Миръ главное.

ЛИЗИСТРАТА.

О лучшая изъ женщинъ!

МИРРИНА.

Но если мы поступимъ такъ, какъ ты
 Намъ говоришь, какая польза будетъ —
 Дождемся мира мы?

ЛИЗИСТРАТА.

О, непременно,

Когда мы наругаемся и сбросимъ
 Богатые наряды, и въ однѣхъ
 Останемся туникахъ, легкихъ и прозрачныхъ,
 То вѣрно мы поправимся мужчинамъ,
 И если мы тогда отвергнемъ ласки ихъ,
 То можно ль сомнѣваться, чтобъ они
 На миръ не согласились?...

ЛАМПИТО.

Это правда.

Вѣдь Менелай же бросилъ тяжкій щитъ,
 Когда взглянулъ случайно на Елену.

МИРРИНА.

Но если насъ мужья оставить безъ вниманья?

ЛЕВИСТРАТА.

Тогда....

МИРРИНА.

А если жъ насъ насильно

Изъ дому выведутъ?

ЛЕВИСТРАТА.

Держись за дверь.

МИРРИНА.

А если станутъ бить?

ЛЕВИСТРАТА.

Ну, уступив;

Но только съ неокотой; страсть исчезнетъ
 Когда сопротивленіе встрѣтитъ; мы должны
 Употребить усилія; мужичны
 Устанутъ скоро; нѣтъ для нихъ отрады
 Въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыхъ мы
 Не раздѣляемъ съ ними.

МИРРИНА.

Если такъ

Ты думаешь, то я съ тобой согласна.

ЛАМПИТО.

Съумѣемъ мы мужей увѣрить,
 Чтобы они скорѣй на миръ склонились,
 Но какъ намъ совладать съ толпою?

ЛЕВИСТРАТА.

Ничего.

Я на своихъ надѣюсь.

ЛАМПИТО.

Не надѣйся—

Покуда будутъ паруса на корабляхъ
 И деньги въ храмовой казнѣ.

ЛЕВИСТРАТА.

Немалуй такъ;

Но крѣпостію мы сегодня жъ овладѣемъ:

Я пожилымъ ужъ это приказала,
Пока мы здѣсь на совѣщаніи, онъ,
Какъ-будто бы для жертвоприношенья,
Займутъ ее.

ЛАМПИТО.

Да, хорошо, когда такъ будетъ,
Какъ ты намъ говоришь.

ЛИЗИСТРАТА.

Но почему жъ
Намъ всѣмъ не дать взаимной клятвы?

ЛАМПИТО.

Ты начни,

Мы за тобою будемъ клясться.

ЛИЗИСТРАТА.

Справедливо

Ты говоришь; но гдѣ жъ служанка Скекеа?
Куда же смотришь ты? скорѣе щить
Передо мною положи и дайте
Хоть что-нибудь для жертвоприношенья.

МИРРИНА.

Но, Лизистрата, какъ мы будемъ клясться?

ЛИЗИСТРАТА.

Ты спрашиваешь? Такъ какъ у Эскилла
Клялись надъ жертвою и надъ щитомъ.

МИРРИНА.

Зачѣмъ же надъ щитомъ о мирѣ клясться?

ЛИЗИСТРАТА.

Надъ чѣмъ же клясться?

МИРРИНА.

Если бъ было можно
Для жертвы блага коня достать.

ЛИЗИСТРАТА.

Но гдѣ же взять его?

МИРРИНА.

Надъ чѣмъ же клясться?

ЛИЗИСТРАТА.

Послушай, если хочешь, я скажу —
 Поставимъ мы огромный черный кубокъ,
 Волею въ него вина большую мѣру
 И поклянемся никогда его
 Не разбавлять водой.

ЛАМПТО.

Прекрасно! Я

Не знаю даже словъ, какъ выдумку твою
 Хвалить. Пусть принесутъ вина и кубокъ.

ЛИЗИСТРАТА.

О, женщины! какой огромный кубокъ!
 Онъ всѣмъ намъ радость принесетъ; поставь
 Его в руку положи на жертву.
 Божественное убѣжденье, кубокъ,
 Свидѣтель нашей дружбы, благосклонно
 Вы примите жертвы слабыхъ женщинъ.

МИРРИНА.

Какъ кровь чиста! какъ брызнула она!

ЛАМПТО.

Какой пріятный запахъ! вы меня
 Пустите первую поклясться.

МИРРИНА.

Нѣтъ!

Пусть по жребію достается.

ЛИЗИСТРАТА.

Лампто и вы всѣ, коснитесь кубка!
 И пусть одна изъ васъ мои слова
 За мною повторяетъ; послѣ вы
 Обѣтъ дадите клятву соблюдать:
 Клянись, что ни любовнику, ни мужу —

МИРРИНА.

«Клянусь, что ни любовнику, ни мужу»

ЛИЗИСТРАТА.

Я не позволю подойти.... Скажи —

МИРРИНА.

«Я не позволю подойти».... Ой, ой!
Я чувствую колѣна подкосились!

ЛИЗИСТРАТА.

И цѣломудренно я стану жить,

МИРРИНА.

«И цѣломудренно я стану жить».

ЛИЗИСТРАТА.

И о нарядахъ буду я стараться.

МИРРИНА.

«И о нарядахъ буду я стараться.»

ЛИЗИСТРАТА.

Затѣмъ, чтобъ въ мужѣ возбудить любовь.

МИРРИНА.

«Затѣмъ, чтобъ въ мужѣ возбудить любовь.»

ЛИЗИСТРАТА.

Но отвѣчать на ласки я не буду.

МИРРИНА.

«Но отвѣчать на ласки я не буду.»

ЛИЗИСТРАТА.

А если принуждать меня онъ станетъ.

МИРРИНА.

«А если принуждать меня онъ станетъ.»

ЛИЗИСТРАТА.

Не буду я ему повиноваться.

МИРРИНА.

«Не буду я ему повиноваться».....

ЛЕЗИСТРАТА.

И если я вѣрна останусь клятвѣ,
То этого вина могу отвѣдать.

МИРРИНА.

«И если я вѣрна останусь клятвѣ
То этого вина могу отвѣдать.»

ЛЕЗИСТРАТА.

Но если не сдержу обѣта, пусть
Наполнится водою этотъ кубокъ.

МИРРИНА.

«Но если не сдержу обѣта, пусть
Наполнится водою этотъ кубокъ.»

ЛЕЗИСТРАТА.

Вы всѣ готовы такъ поклясться?

КАЛОНИКА.

Всѣ!

ЛЕЗИСТРАТА.

Такъ я его замажу.

МИРРИНА.

Не совсѣмъ,

Другимъ поклясться надо.

ЛАМПИТО.

Что за крики?

ЛЕЗИСТРАТА.

А это то, о чемъ я говорила вамъ:
Навѣрно женщины вступаютъ въ крѣпость.
Лампито! ты теперь иди домой.

А этихъ намъ въ заложницы оставишь.
А мы тѣмъ женщинамъ поидемъ на помощь,
Которыя хотятъ ворота запереть.

МИРРИНА.

Ты думаешь, что противъ насъ мужчины
Не поспѣшатъ?

• ЛИЗИСТРАТА.

О, объ этомъ я не безпокоюсь,

И ежели они не согласятся
 На наше предложенье, то воротъ
 Имъ не отворять ни угрозы, ни огонь.

МИРМИНА.

Клянуся Афродитой — никогда;
 А если нѣтъ, то пусть мы просльвемъ.
 За женщинъ невинственныхъ и злобныхъ.

=

ВОСПОМИНАНІЯ

ОАДДЕЯ ВУЛГАРНА.

=

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ВІДЪВНАГО, СЛЫШАНАГО И ИСПЫТАНАГО ВЪ
ЖИЗНИ).

=

I.

ПЕРВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА. — РАЗБОЙНИКИ И ОСВОБОДИТЕЛИ. — ПЕР-
ВЫЙ ОЧЕРКЪ ТОГДАШНИХЪ ПОЛЬСКИХЪ ПРАВОВЪ. — ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ
РУССКИМИ ВОИНАМИ.

Пріятно вспоминать первые годы дѣтства! Человѣку въ
лѣтахъ они кажутся заманчивымъ сновидѣніемъ. Вообще,
все связанное или важное, изъ дѣтскихъ лѣтъ, остающееся
въ памяти, почерпнуто изъ разказовъ родителей или дру-
гихъ свидѣтелей нашего младенчества, слышанныхъ по-
слѣ. Но и дѣтскія воспоминанія и слышанное, наконецъ
сливается въ одно и составляетъ общую картину, въ ко-
торой, впоследствии, трудно отдѣлить свое отъ чужаго.
Рѣдкій человѣкъ не припоминалъ своего дѣтства, особен-
но въ кругу своего семейства, помышляя о будущей уча-
сти своихъ дѣтей! Мои дѣтскія лѣта протекли среди не-
обыкновенныхъ событій, входящихъ въ составъ исторіи,
и мнѣ суждено было, какъ малой каплѣ водѣ, волновать-

ся виѣсть съ огромными валами, въ разъяренномъ морѣ, пока брызгами не выбросило меня на берегъ. Много необыкновеннаго видѣлъ я въ жизни, много испыталъ хорошаго и дурнаго, зналъ много великихъ и геніальныхъ мужей и много пустоцвѣтовъ — и намѣренъ, не трогая никого, рассказывать кое-что изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго.

Родился я въ бывшемъ минскомъ воеводствѣ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго (въ которомъ предки мои издревле были княжескими боярами, имѣвшими одно значеніе съ древними боярами Русскими) въ имѣніи Перышевѣ, принадлежавшемъ матери моей, урожденной Бучинской (герба Стреля). Годъ моего рожденія (1789) ознаменованъ началомъ переворота, ниспровергнувшаго древнюю французскую монархію, и, подобно землетрясенію и волканическимъ взрывамъ, измѣнившаго видъ и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки. Искры французской революціи попали въ Польшу, какъ въ пороховой магазинъ. Умы холодные, утомленные польскимъ безначаліемъ, и умы пламенные, жаждущіе новостей, эгоизмъ и патриотизмъ равно воспламенились и вспыхнули, одни изъ собственныхъ выгодъ, другіе въ надеждѣ исцѣлить недужное отечество, не вѣря, въ простотѣ души своей, чтобъ оно было неисцѣлимо, и не догадываясь, что уже антоновъ огонь проникъ до его сердца! Пишу я не исторію паденія Польши, слѣдовательно не обязанъ рассказывать всѣхъ предшествій до разбитія Костюшки подъ Маціевицами и взятія штурмомъ Праги Суворовымъ. Припоминаю о тогдашнихъ польскихъ событіяхъ на столько, на сколько онѣ входятъ въ составъ разсказа о моемъ дѣтствѣ. Въ это время, мать моя уже продала имѣніе свое Перышевѣ, и, намѣреваясь очистить отъ долговъ имѣніе отца моего, Грицевичи, въ минской губерніи, въ слудкомъ уѣздѣ, и поселиться въ немъ, отдала предварительно капиталъ свой помѣщику Дашкевичу, подъ залогъ и въ уплату процентовъ (по тогдашнему польскому обычаю) имѣніа Маковищъ, въ нынѣшнемъ бобруйскомъ уѣздѣ, верстахъ въ пяти отъ мѣстечка Глуска. — Костюшко уже былъ взятъ въ плѣнъ; большая часть войска Польскаго уже

положила оружіе, но возстаніе въ Литвѣ еще не прекратилось. Мы жили тогда въ Маковищахъ. Однажды, утромъ, весною 1795 года, прикащикъ прибѣжалъ въ комнаты съ гумна, и сказалъ матушкѣ, что слышалъ пушечные выстрѣлы. Мать моя, двѣ старшія сестры и я, съ нянькою, побѣжали на гумно, и, по совѣту прикащика, прилегли на току, приложивъ ухо къ землѣ. Вдали точно раздавались удары и глухой подземный гулъ. Послѣ узналъ я, что это были остатки отряда генерала Грабовскаго, разбитаго прошлою осенью княземъ Циціановымъ, подъ Любаромъ. Нѣкоторые отчаянные патріоты, собравъ разсѣянныхъ солдатъ, и присоединивъ къ нимъ вооруженную шляхту, намѣревались снова возмутить край, и объявили конфедерацію. Отрядъ русскихъ войскъ при первой встрѣчѣ разгромилъ ихъ, картечью, и тѣмъ все кончилось. Это было, кажется, послѣднее сраженіе на земляхъ бывшей Польши въ эту войну, и происходило верстахъ въ двадцати отъ нашего тогдашняго мѣстопробыванія. Отца моего не было дома; онъ, по обязанности своей, находился тогда или въ Слуцкѣ или въ Нѣсвижѣ, и матушка моя чрезвычайно испугалась близости войны. Рѣшено было: всему семейству, съ драгоценнѣйшими вещами, спрятаться въ лѣсу, угнать туда же домашній скотъ и лошадей, и послать немедленно нарочнаго къ отцу, чтобъ онъ пріѣхалъ поскорѣе домой, и привезъ съ собою, если возможно, *эолоу* и *охранительный листъ* отъ русскаго генерала, изъ Нѣсвижа. Тотчасъ начали укладываться и суетиться; не обошлось при этомъ безъ слезъ, и я, видя общую суматоху и слезы, слыша безпрестанныя повторенія: «пропали мы, погибли», самъ заплакалъ громче всѣхъ, воображая, что пропадутъ и погибнутъ всѣ мои игрушки, садъ, въ которомъ я игралъ, и вообще все, что утѣшало и забавляло меня. Наконецъ нагрузили нѣсколько телегъ лучшими вещами и съѣстными припасами, и матушка, двѣ сестры мои, панна Клара, нѣсколько служанокъ, лаксѣвъ и стрѣльцовъ съ ружьями пошли пѣшкомъ въ лѣсъ, почти примыкающій ко двору. На одной телегѣ, нагруженной пуховиками и подушками, поѣхалъ я съ моею нянькою, обложенный своими игрушками. Отецъ мой былъ большой охотникъ, и

имѣлъ нѣсколько отличнѣйшихъ стрѣльцовъ, которые знали всѣ тайники въ обширныхъ лѣсахъ, покрывавшихъ въ то время весь этотъ край отъ Глуска до границы Волынской губерніи, отчего и страна называлась *Польсьемъ*. Пройдя лѣсомъ съ часъ времени, нашъ обозъ долженъ былъ остановиться, потому что телѣгъ нельзя было провезти въ чащѣ. Мы оставили телѣги, навьючили всю поклажу на людей и лошадей, и пошли далѣе. Меня несли на рукахъ, попеременно, любимые стрѣльцы отца моего, Семенъ и Кондратій, а нянька должна была нести мои игрушки и постель. При этомъ должно замѣтить, что я былъ послѣднее, любимое и балованное дитя у моихъ родителей. Не знаю, долго ли мы шли и далеко ли ушли, потому что я заснулъ на рукахъ у моихъ носильщиковъ, но когда проснулся, было уже утро, и я увидѣлъ, что мы находимся на полянѣ, среди лѣса, возлѣ небольшого ручья. Люди наши рубили сучья и поправляли шалаши, сдѣланные, видно, съ-вечера на скорую руку, и строили новые шалаши. Въ одномъ только мѣстѣ горѣлъ огонь, въ ямѣ. На полянѣ паслись лошади и нѣсколько коровъ. Поваръ разбиралъ кострюли и ощипывалъ живность; служанка варила кофе, и мнѣ все это показалось такъ хорошо и такъ весело, что я прыгалъ отъ радости. Это былъ настоящій бивакъ! Матушка сказывала мнѣ послѣ, что она всю ночь не могла уснуть, хотя въ шалаши разостланы были пуховушки, и что она еще до зари послала домой человека узнать, что тамъ дѣлается. Послѣ обѣда, когда солнце начало уже прятаться за высокими деревьями, возвратился посланный съ корчмаремъ нашимъ, Евреемъ Йослемъ, который за свою исправность и услужливость былъ въ большой милости у матушки. Йосель пріѣхалъ верхомъ, и привезъ полный мѣшокъ припасовъ, сахару, зеленого чаю (безъ котораго моя матушка не могла обойтись), булокъ, свѣжаго мяса и, какъ всегда, для меня гостинца—на этотъ разъ пряниковъ. Йосель успѣлъ побывать въ Глускѣ, куда перевезъ всѣхъ женщинъ и дѣтей своего семейства, и узналъ отъ губернатора замка, что Русскихъ жаутъ къ вечеру или на другое утро въ Глускъ, и надѣются, что вслѣдствіе покорности губернатора и усиленной его прось-

бы, городъ не будетъ разграбленъ, и жители не подвергнутся обидамъ и притѣсненіямъ. Но, по словамъ Юселя, предстояла всѣмъ большая бѣда, потому что, при общемъ недостаткѣ въ съѣстныхъ припасахъ, трудно будетъ прокормить солдатъ, если весь русскій отрядъ остановится въ городѣ, и что непременно потребуютъ помощи въ съѣстныхъ припасахъ отъ помѣщиковъ, а денегъ, какъ, водится, отъ Евреевъ. Юсель, при этихъ словахъ покачалъ головою, завопилъ: «Ой вей миръ, ой вей миръ»—и сталъ утирать слезы рукавомъ. Матушка и сестры также заплакали, не о съѣстныхъ припасахъ и не о деньгахъ, а о своемъ положеніи. Я опять заревѣлъ громче всѣхъ, смотря на плачущихъ. На вопросъ матушки, не слышно ли чего объ отцѣ моемъ, Юсель отвѣчалъ, что губернаторъ замка послалъ за нимъ четырехъ гонцевъ, въ четыре разныхъ стороны, чтобъ просить его прибыть какъ-можно скорѣе, для необходимыхъ распоряженій въ этой крайности. Юсель пробылъ у насъ до ночи, и поѣхалъ обратно, обѣщая дать знать, что дѣлается у насъ дома и въ окрестностяхъ, и уведомить немедленно отца моего о нашемъ положеніи.

Прошли двое сутокъ, и мы не получали ни какого извѣстія. На третій день, въ полдень, пришла въ нашъ бивакъ крестьянка изъ чужаго имѣнія, у которой мать моя вымечила ребенка, и бросаясь въ ноги рассказала, что она слышала, что сосѣдніе мужики собираются убить всѣхъ насъ въ Яѣсу, чтобъ завладѣть нашимъ добромъ, предполагая, что маменька имѣетъ при себѣ много денегъ и всякихъ дорогихъ вещей. Можно себѣ представить положеніе моей матери, сестеръ и всей нашей прислуги! Я хотя не постигалъ всей опасности, но зналъ хорошо, что значить *убить* и *умереть*, слыша часто о битвахъ и о смерти нашихъ знакомыхъ, и видя общее безпокойство, былъ въ страхѣ, однако жъ просилъ, чтобы мнѣ дали ружье, для защиты матушки. «Она улыбалась сквозь слезы, прижимая меня къ сердцу. Наконецъ, матушка собрала на собѣтѣ всю нашу прислугу мужескаго пола, и спросила, нагнѣрены ли они защищать господъ своихъ. «До послѣдней капли крови!» отвѣчали всѣ единогласно и бросились

цѣловать руки и ноги маменьки и сестеръ. Стрѣлецъ Се-
шенъ взялъ меня на руки, и сказалъ, что не выдастъ ме-
ня, хотя бы его растерзали на части. Съ нами было всего
девять человѣкъ сильныхъ молодыхъ людей, искусныхъ
стрѣлковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и двойное число разбой-
никовъ не одолѣло бы ихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ лю-
дей изъявляли даже желаніе встрѣтиться съ разбойника-
ми, чтобъ проучить ихъ порядкомъ.

Матушка наградила добрую женщину, извѣстившую
насъ объ угрожавшей опасности, обѣщая на всю жизнь
привзрѣть ея семейство, и поручила ей отдать нашему при-
кащику записку, написанную карандашомъ (помню, по-
тому что *можмъ*), въ которой матушка требовала, чтобъ
онъ немедленно поспѣшилъ на помощь съ вѣрными кре-
стьянами, оставивъ домъ на произволъ судьбы.

Въ юности нашей начитавшись о римской и греческой
республикахъ, о людяхъ, иногда самыхъ мелочныхъ умомъ
и душою, но надѣлавшихъ нуму своею дерзостью и пыл-
кими рѣчами, и за то произведенныхъ въ великіе мужи
краснорѣчивыми писателями, мы часто предаемся мечтамъ
и желаемъ переворотовъ, потрясеній, бредимъ о вольно-
сти и равенствѣ (которыя, сказать мимоходомъ, никогда
не существовали въ мірѣ и не будутъ никогда существо-
вать для массы народа), и завидуемъ такъ называемымъ
героямъ народнымъ!... Школьничество — и только! Эти
пародные герои вообще или простаки, увлеченные мечта-
ми воображенія, порожденными впечатлѣніями юности,
или хитрецы и честолюбцы, то есть или тетерева, или
лисыцы. Лучше спустить съ цѣпи голоднаго тигра или
гіену, чѣмъ снить съ народа узду повиновенія властямъ и
законамъ. Нѣтъ звѣря свирѣпѣе разъяренной черны! Всѣ
услія образованнаго сословія должны клониться къ про-
свѣщенію народа на счетъ его обязанности къ Богу, къ
законнымъ властямъ и законамъ, къ водворенію въ серд-
цахъ человѣколюбія, къ искорененію врожденнаго чело-
вѣку звѣринаго эгоизма, а не къ возбужденію страстей,
не къ порожденію несбыточныхъ надеждъ. Кто дѣйстви-
тельно иначе, тотъ преступникъ предъ законами человѣче-
ства. Видѣвшій народное возстаніе знаетъ, что это зна-

чить! Наполеонъ заслуживаетъ вѣчную благодарность всѣхъ благородныхъ сердецъ за то, что не хотѣлъ дѣйствовать мятежемъ противъ своихъ непріятелей, когда имѣлъ полную власть въ своихъ рукахъ. Въ Италіи онъ долженъ былъ повиноваться директорівъ.

Въ Польшѣ исконныя вѣковы толковали о вольности и равенствѣ, которыми на дѣлѣ не пользовался никто. Только богатые паны были совершенно независимы отъ всѣхъ властей, но эта была не вольность, а *своеволіе*. Даже порядочная и достаточная шляхта должна была придерживаться какой-нибудь партіи, то есть, быть подъ властью какого-нибудь безпокойнаго магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвѣщенная, находилась всегда въ полной зависимости у каждаго, кто кормилъ и помѣлъ ее, и даже поступала въ самыя низкія должности у пановъ и богатой шляхты, и терпѣливо переносила побой, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ быть битымъ не на голой землѣ, а на коврѣ, презирая однако жъ, изъ глупой гордости, занятіе торговлею и ремеслами, какъ неприличное шляхетскому званію. Поселяне были вообще угнетены, а въ Литвѣ и Бѣлорусіи положеніе ихъ было гораздо хуже негровъ. Когда въ послѣднее время (то есть, съ 1791 года) Польшу возмутили мечтами о вольности, равенствѣ и политической независимости, были въ ней люди истинно благородные, даже съ большими дарованіями и геройскимъ мужествомъ, которые пламенно желали перерожденія своего несчастнаго отечества и утвержденія въ немъ порядка на основаніи прочихъ законовъ и наследственной монархической власти. Но эти желанія и усилія благородныхъ людей не могли увѣнчаться успѣхомъ, потому что въ Польшѣ не было для этого никакихъ стихій. Все было въ разстройствѣ: правительство безъ всякой силы, народъ безъ единодушія. Магнаты враждовали между собою, и безпокоили сосѣднія державы просьбами о покровительствѣ своей партіи. Ни одна изъ партій не имѣла къ Королю ни малѣйшей довѣренности, испытывъ его малодушіе. Порядочное дворянство приставало къ различнымъ партіямъ, но вообще дѣйствовало болѣе словами, нежели дѣломъ, а мелкая шляхта вооружалась на счетъ пановъ, бушева-

ла, пьянствовала, грабила и обращалась въ бѣгство при встрѣчѣ съ непріателемъ. Надъ этимъ возстаніемъ мелкой шляхты всѣ благоразумные люди шутили и насмѣхались, утверждая, будто при встрѣчѣ съ непріателемъ они говорятъ: «Въ лѣсъ, господа! Это не шутки—стрѣлятъ пулями!» Сами Поляки подучали русскихъ мародеровъ къ грабежу, раздѣляя съ ними добычу, и доносили ложно на своихъ соотчичей Русскимъ начальникамъ, соблазняли нѣкоторыхъ пользоваться обстоятельствами. Иные изъ мелкой шляхты грабили даже или похищали общественную казну*. Регулярнаго войска было чрезвычайнаго мало, едва ли двадцать пять тысячъ человѣкъ въ цѣломъ королевствѣ, о это войско, сперва упавшее духомъ, потомъ воспламененное Костюшкою, могло только со славою умереть. Поселенцы въ коренной Польшѣ, особенно Краковляки, приняли сильное участіе въ возстаніи, обладаемые Костюшкою въ улучшеніи своей участи; но крестьяне въ Литвѣ, въ Вольніи и Подоліи, если не были принуждены силою къ вооруженію, оставались равнодушными зрителями происшествій, и болѣею частью даже желали успѣха Русскимъ, изъ ненависти къ своимъ панамъ, чуждымъ имъ по языку и по вѣрѣ. Вообще, въ такъ называемое костюшевское возстаніе, шуму, разглагольствія, похвальбы, приготовленій, было слишкомъ много, но дѣла чрезвычайно мало: вся дѣятельность сосредоточена была въ Варшавѣ и Вильнѣ, а провинціи были оставлены на произволъ судьбы. Негодяи пользовались разстройствомъ края, наѣзжали на дворы, грабили и даже убивали, хотя рѣдко, безвзвѣжныхъ, провозглашая ихъ измѣнниками. Никто не слушалъ вла-

* Въ мнској губерніи, два самые бѣдные шляхтича возвратились на родину послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки. съ огромными суммами. Одинъ изъ нихъ всегда носилъ парикъ, закрывавшій лобъ. Объ этихъ людяхъ распространились самые неблагоприятные слухи, именно будто они ограбили польскую военную казну. Отецъ мой, раздраженный гордостью одного изъ этихъ богачей, однажды сорвалъ съ него парикъ и оказалось, что у него на лбу клеймо: висѣлица! Говорятъ, что похитивъ казну, одинъ изъ нихъ ушелъ, а другаго поймали, и генералъ Сѣраковский велѣлъ его заковать. Я еще не видѣлъ обидѣ. Они потеряли уже лѣтъ за сорокъ.

стей, не имѣющихъ силы. Русскіе въ насмѣшку говорили, что Поляки *проспали Польшу!* Это несправедливо: не проспали, а *проболтали!* Ораторовъ было множество, а не было воиновъ, и бодрствовали не для дѣла, а для интригъ и собственныхъ выгодъ.

При самомъ началѣ переворота въ Польшѣ (съ 1791 года), когда варшавскіе дѣльцы стали провозглашать права французскаго конвента (*la Convention*), объявили Польшу вольнымъ пристанищемъ для всѣхъ бѣглецовъ изъ сосѣднихъ государствъ, стали порицать узаконенія своихъ сосѣдей и форму ихъ правленія, даже провозглашать личности противъ государей, и возбуждать сосѣдніе народы къ возстанію, для шествованія къ одной цѣли съ Польшею,—тогда сосѣднія государства, по предложенному сперва плану Фридрихомъ Великимъ, рѣшились на крайнее средство, какъ бываетъ при пожарахъ, то есть *вознамѣрились разобрать домъ, угрожающій зажечь сосѣдніе дома.* Послѣдній порывъ геронизма, возбужденный Костюшкою, не спасъ Польши, которую уже отравили всегубительныя теоретики и гнусные эгоисты. Я засталъ, такъ сказать, послѣдній вздохъ умирающей Польши....

Обращаюсь къ повѣствованію.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, отецъ мой выгналъ изъ службы помощника нашего приказчика, за дурное поведеніе и, кажется, за воровство. Онъ былъ шляхтичъ, и оставшись безъ мѣста, осѣдлалъ своего коня и опредѣлился въ такъ-называемую *рухавку* (конную милицію изъ шляхты), формировавшуюся въ Новогрудкѣ. Былъ ли онъ на войнѣ или нѣтъ, не знаю, но послѣ плѣненія Костюшки онъ возвратился на родину съ деньгами, началъ мотать по корчмамъ, съ подобными ему негодяями, и грозилъ заочно местию моему отцу, что было уже намъ извѣстно. Этотъ-то человекъ, узнавъ, что наше семейство прячется въ лѣсу, *вознамѣрился насъ ограбить и, вѣроятно, всѣхъ перебить, чтобъ прикрыть слѣды злодѣйства, и, таскаясь по корчмамъ, подговорилъ на этотъ подвигъ нѣсколько цѣльныхъ шляхтичей и десятка два самыхъ развратныхъ мужиковъ, увѣряя, что Русскіе, занявъ край, не станутъ разыскивать объ убійствѣ или грабежѣ пановъ, съ кото-*

рыми они воюють. Въ тотъ же день, какъ злодѣи съ шайкою своею отъправился въ лѣсъ насъ отыскивать, но со стороны нашей усадьбы, къ которой онъ не смѣлъ приблизиться, но изъ далека, черезъ болото, крестьянка, благодарная моеи матери, узнавъ объ этомъ отъ сосѣдки, которой мужъ принадлежалъ къ шайкѣ, побѣжала въ Маковищи, и боясь сказать объ этомъ прикащику, не довѣряя ему, распросила у коровницы, какимъ путемъ пошло наше семейство въ лѣсъ, и по слѣдамъ нашимъ нашла насъ. Этой женщиной матушка дала лошадь, чтобъ она скорѣе поспѣла въ нашъ домъ, и наши люди стали готовить-ся къ защитѣ отъ разбойниковъ.

Семень, не любившій корчмаря Юселя зато, что онъ, по приказанію отца моего, не давалъ ему въ долгъ водки, и пользуясь милостью господъ, иногда грубо обходился съ дворнею, сказалъ, что онъ подозрѣваетъ Юселя въ измѣнѣ. Это мнѣніе раздѣляла вся наша прислуга, по врожденной ненависти своей къ жидамъ — и Семень клялся, что при первой встрѣчѣ убьетъ его, какъ зайца. Въ нашемъ лагерьѣ раздались проклятія и угрозы противъ Юселя, котораго защищала одна моя матушка. Вскорѣ увидимъ, какое участіе принималъ онъ въ этомъ дѣлѣ.

Кондратій, бывшій съ моимъ отцомъ въ походъ, имѣлъ первенство въ совѣтѣ; онъ предлагалъ составить родъ укрѣпленія изъ земли и сучьевъ, и засѣсть въ немъ, закрывъ сверху-того отъ пуль матушку, сестеръ и меня пуховиками. Другіе совѣтовали возвратиться домой, какъ-можно скорѣе, что и матушкѣ казалось лучше, но страхъ отъ встрѣчи съ Русскими удержалъ ее... Богъ вѣсть, что тогда рассказывали о Русскихъ, хотя въ самомъ дѣлѣ война ведена была въ то время не такъ какъ теперь. Побѣдители почитали врагомъ каждаго жителя непріятельской стороны, не различая ни возраста ни пола. Подвиги Древича и другихъ были въ свѣжей памяти; Прага еще дымилась, и отъ одного имени Суворова бросало въ лихорадку! Я спалъ спокойно, но никто въ нашемъ лагерьѣ не смѣжалъ глазъ. Люди наши съ ружьями, рассказывали вокругъ поляны. На разсвѣтѣ, матушка велѣла вычистить лошадей, и мы отъправились въ обратный путь. Матушка хотя не рѣ-

сталась возвратиться домой, но вознамѣрилась приблизиться къ опушкѣ лѣса. Мы шли въ тишинѣ около двухъ часовъ времени, какъ внезапно, впереди, шагахъ въ двухъ стахъ, въ авангардѣ, составленномъ изъ Семена и Кондратія, послышался шумъ и говоръ. Матушка сказывала мнѣ послѣ, что ноги у нея подкосились, въ глазахъ потемнѣло, и она сперва присѣла на сломанное дерево, а потомъ лишилась чувствъ. Она боялась болѣе за дѣтей своихъ! Меня отнесли въ сторону, а сестры, сами чуть живыя, бросились съ служанками помогать матушкѣ. Панна Клара отъ страху почти лишилась ума, и кричала изо всей силы. Вдругъ раздался громкій и внятный голосъ Семена: «Не бойтесь! это добрые люди!» Сквозь чащу лѣса, однако жъ, нельзя было ничего и никого видѣть. Матушку привели въ чувство, но она была такъ слаба, что не могла вставать съ мѣста. Слова Семена оживили всѣхъ, но не надолго..... Вдругъ изъ-за кустовъ и между деревьями мелькнули русскія гренадерскія шапки и свѣтлые мундиры. Всѣ женщины какъ курицы, при появленіи коршуна, немедленно сбились въ кучу, и бросились на колѣни вокругъ матушки, сидѣвшей на обрушенномъ деревѣ, склонясь на руку моей няньки. Я сидѣлъ у ногъ матушки. Женщины не смѣли поднять глазъ, и были какъ полумертвыя, и только одна панна Клара продолжала вопить :о, Боже мой умлюсердись!—и потомъ начинала громко пересчитывать всѣхъ святыхъ, которые приходили ей на память.... Минута была рѣшительная и ужасная, и въ самое это время, на тропинкѣ показался нашъ корчмарь Юсель, а съ нимъ Семень и Кондратій. «Не бойтесь, не бойтесь, пани!» кричалъ Юсель, махая руками: ничего не будетъ худо; это добрые Москали— я самъ привелъ ихъ сюда, чтобъ спасти васъ!.... Не бойтесь — и пана ожидаютъ сегодня въ Глуस्कѣ; онъ вѣрно къ вечеру будетъ дома!.....» Мать моя ожила, а съ нею всѣ другіе. Сестры мои отъ радости стали обнимать и цѣловать Юселя; у матушки слезы полились гладомъ, а у панны Клары сдѣлались страшныя спазмы: она смѣялась и плакала вмѣстѣ и валялась по землѣ. Юсель, поцѣловавъ руку сперва у матушки, а потомъ у меня, и вынувъ изъ кармана пряникъ, подавъ

мнѣ, какъ было въ прежнее время. У матушки брызнули изъ глазъ слезы. «Юселя! сказала она: этого пряника я во всю жизнь не забуду!»

Дѣлю объяснилось. Юселя, узнавъ отъ пріятеля своего корчмара, что толпа негодяевъ вознамѣрилась перебить всѣхъ насъ, чтобъ завладѣть нашими вещами, рѣшился просить помощи у русскаго капитана, пришедшаго наканувѣ на квартиры въ Маковищи, и капитанъ немедленно отиравился къ намъ, съ пятидесятью гренадерами, взявъ съ собою Юселя, для указанія дороги и чтобъ повѣситъ его на первомъ деревѣ, если бѣ онъ обманулъ его и ввелъ въ какую-нибудь засѣду. Жиды вели связаннаго и развязали только при встрѣчѣ съ нашими людьми.

Едва Юселя успѣлъ кончить свой разсказъ, явился капитанъ, молодой человекъ, весьма красавый собою, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ, съ красными отворотами, въ красныхъ панталонахъ, въ щегольской гренадерской шапкѣ. Никогда я не забуду ни лица его, ни голоса, ни имени. Это былъ капитанъ Палицынъ, фанаторійскаго гренадерскаго (если не ошибаюсь) полка. Онъ подошелъ къ моей матушкѣ, успокоилъ ее, изъвѣилъ сожалѣніе, что она, изъ опасенія его земляковъ, подвергнулась такой опасности; увѣрилъ, что никому даже послѣднему мужику, солдаты его не сдѣлаютъ ни малѣйшей обиды; потомъ, обратясь къ сестрамъ, сказалъ съ улыбкою, что онъ сберегъ ихъ ноты, фортепіано и гитары, и оставилъ ихъ комнаты не занятыми, и наконецъ, увидѣвъ меня уже на колѣняхъ у матушки, взялъ на руки, поцѣловалъ и спросилъ, хочу ли я съ нимъ подружиться. Видя, что появленіе его всѣхъ успокоило, я крѣпко обнялъ его за шею и сердечно расцѣловалъ, отвѣчая, что хочу быть его другомъ, если онъ не убьетъ никого изъ насъ. «Я, дружокъ, тогда только убиваю, когда на меня нападаютъ, и защищаю тѣхъ, кому нужна моя помощь». Это сказано было не для меня, а для всѣхъ. «До дому еще далеко, сказалъ капитанъ дамамъ: и вы не дойдете пѣшкомъ. Прошу покорно подождать, я помогу дѣлу.....» и капитанъ, посадивъ меня на колѣни матушки, удался, оставивъ всѣхъ въ удивленіи и недоумѣніи. Тогда такъ боялись Русскихъ, что матушка

ноя не вѣрила, чтобъ капитанъ былъ природный Русскій, и сказала: «На счастье наше, это или Полякъ или Лифляндецъ, или Курляндецъ! (albo Polak, albo Liflandczyk, albo Kurlandczyk)». Впрочемъ, капитанъ Палицынъ весьма по дурно говорилъ по-польски; онъ провелъ долгое время въ Польшѣ, и какъ послѣ сказывалъ, имѣлъ искреннихъ пріятелей между Поляками. Еще бы такому человѣку не имѣть пріятелей! Да онъ нашелъ бы ихъ и между Ирокойдами!

Черезъ полчаса возвратился капитанъ. За нимъ шестидцать гренадеровъ несли четверо носилокъ, на-скоро сдѣланныхъ изъ сучьевъ. Я не спускалъ глазъ съ солдатъ; они имѣли ружье за плечемъ, на ремнѣ, по-охотничьи. Капитанъ просилъ дамъ (въ томъ числѣ и панну Клару, которая была больна отъ испуга), сѣсть на носилки. Сначала матушка и сестры противились и отговаривались, но наконецъ согласились. Положили на носилки подушки; дамы сѣли; меня взялъ на руки саженный гренадеръ, съ предлинными усами, и, по командѣ капитана; впередъ! шествіе двинулось. Шагахъ въ пятидесяти, на небольшой площадкѣ, стоялъ отрядъ. «Пѣсенники впередъ!» сказалъ капитанъ, и часть солдатъ отдѣлилась. Остальные солдаты, по одному, шли за нашимъ обозомъ, и мы весело пошли впередъ, подъ звуки русскихъ пѣсень. Впервые услышалъ я тогда русскія пѣсни и солдатскіи хоръ; нѣкоторыя изъ тогдашнихъ пѣсень я послѣ часто слышалъ, и онѣ остались у меня въ памяти.

Прибывъ домой, матушка чрезвычайно удивилась, что капитанъ съ поручикомъ заняли комнаты въ гостининомъ флигелѣ, не сдвинувъ даже стула съ мѣста въ нашемъ домѣ. Явился нашъ управитель, и объявилъ, что по приказанію капитана, онъ пригналъ во дворъ скотъ и привелъ лошадей, и что капитанъ приказалъ только кормить солдатъ въ деревнѣ и давать имъ винную порцію, обѣщая, что все будетъ смирно и тихо, какъ въ мирное время. Приказчикъ прямолинейно, что онъ самъ хотѣлъ ѣхать за нами, съ извѣстіемъ, что въ Москаляхъ Богъ послалъ намъ такихъ добрыхъ людей, когда Юсель явился къ ка-

питану съ извѣстіемъ о разбойникахъ, и капитанъ въ ту же минуту собралъ команду и отправился....

Матушка испросила у капитана позволеніе дать каждому солдату по рублю серебромъ и угостить на другой день всю роту во дворѣ, примолвивъ, что она надѣется, что избавитель ея и всего нашего семейства не откажется раздѣлять съ нами столъ и все, чѣмъ только она можетъ съ нимъ подѣлиться. Капитанъ согласился быть нашимъ гостемъ, и во все время своего квартированія въ Маковцахъ, проводилъ цѣлый день въ нашемъ семействѣ. Это былъ милый, образованный и добрый человекъ. Солдаты обожали его.

Хотя Юсель сказалъ, что отецъ мой пріѣдетъ скоро домой, но онъ возвратился черезъ недѣлю, къ самому обѣду, и зная уже все случившееся, бросился въ объятія капитана, со слезами благодарилъ его за благородное обхожденіе, покровительство и избавленіе насъ отъ величайшей опасности. Отецъ любилъ жить весело: онъ тотчасъ послалъ приглашеніе къ сосѣдямъ, прося ихъ пріѣхать на вѣсколько дней, съ семействами, повеселиться, передъ отъѣздомъ всего нашего семейства въ Нѣсвижъ. Въ этомъ городѣ вѣрно ему было проживать, по его должности, и онъ не хотѣлъ разставаться съ своимъ семействомъ, чтобъ не подвергать насъ снова подобнымъ приключеніямъ. Наѣхало гостей множество, и какъ погода была теплая, то дамы помѣстились въ комнатахъ, а мужчины, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, устроили себѣ живяще на гумнѣ. Привезли изъ Глуска музыку графа Юдицкаго. Капитанъ Палицынъ, по просьбѣ отца моего, пригласилъ пріятелей своихъ офицеровъ—и пошла пируха! Каждый день прогулки, большой обѣдъ, танцы, ужинъ, музыка, пѣніе—и такъ пропировали цѣлую недѣлю. Тутъ я увидѣлъ въ первый разъ такъ-называемую *лодку*, представляемую русскими пѣсенниками, увидѣлъ русскую пляску, и такъ полюбилъ лихихъ русскихъ солдатъ, что не отходилъ отъ нихъ, носилъ имъ водку, виноградное вино, булки, пироги, и давалъ даже деньги, выпрашивая у родителей. Зато и солдаты полюбили меня, и говорили пророчески: «этотъ будетъ нашъ!» Я бросилъ всѣ мои игрушки, и игралъ

штыками и тесаками. Въ карманахъ у меня были пули, черезъ плечо золотой шарфъ капитана Палицына. Черезъ недѣлю, онъ, послѣ бала, продолжавшагося до утра, выступилъ съ ротою въ походъ, въ Слуцкъ, провожаемый съ музыкою всѣмъ обществомъ, верстъ за пятнадцать, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ на прощанье, а послѣ него, на третій день, выѣхали мы въ Нѣсвижъ. Передъ выѣздомъ не досчитались панны Клары. Она прикинула къ фанаторійскому гренадерскому полку, но только не подъ покровительство добраго Палицына—и безъ него нашелся другой охотникъ до этой дичи!

II.

СТАРИННЫЙ ПОЛЬСКІЙ ДОРОЖНЫЙ ПОВЗДЪ. — ПОВЪДТЕЛЕ КОСТЮШКИ
ГРАФЪ ФЕРЗЕНЪ. — ПЕРВОЕ СОБСТВЕННОЕ ОРУЖІЕ. — ЖИЗНЬ РУССКИХЪ
ОФИЦЕРОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ. — ПОЛЬКИ. — ИСПУГЪ.

Удивительно, какъ все измѣнилось въ короткое время! Въ Польшѣ было тогда какое-то молодечество, отъ котораго никто не смѣлъ уклониться. Подраться на сабляхъ значило почти то же, что чокнуться стаканами. Каждый мужчина долженствовалъ быть отличнымъ ѣздокомъ и стрѣлкомъ изъ ружья и пистолета. Погасить свѣчу пулею, попасть въ туза или убить на лету, пулею, ласточку—нынѣ причисляемое къ рѣдкостямъ, почиталось тогда дѣломъ обыкновеннымъ. Мужчина не смѣлъ ѣздить въ каретѣ или въ коляскѣ: это предоставлялось большимъ и женщинамъ. Семидесятилѣтніе старики ѣздили верхомъ въ дальній путь, напримѣръ, съ береговъ Березины въ Варшаву. Только нѣкоторые богатые модники, возвратясь изъ извѣстнаго Царяжа, презирали старинные обычаи; во такихъ людей было весьма немного, и ихъ преслѣдовали сатирою и насмѣшками. Такимъ образомъ, какъ наше семейство ѣхало въ Нѣсвижъ, ѣзжали тогда всѣ порядочныя шляхетскія фамиліи. Роскошь магнатовъ, особенно многочисленность ихъ прислуги и лошадей, превосходила всякое вѣроятіе. Напримѣръ, князь Карлъ Радзивилъ выѣзжалъ, иногда, въ тысячу коней!...

Маршрутъ нашъ назначенъ былъ предварительно, и бричка, въ четыре лошади, съ кухонными снарядами, съ поваромъ и поваренками, шла впереди, шестью часами передъ главнымъ поѣздомъ. На назначенныхъ мѣстахъ поваръ готовилъ обѣдъ и ужинъ. Завтракъ и полдникъ везли съ собою. Матушка съ сестрами и со мною ѣхала въ четверомѣстной огромной каретѣ, на *пасахъ* (то есть на ремняхъ, потому что рессоры тогда мало употреблялись), запряженной цугомъ, въ шесть сивыхъ лошадей, безъ форейтора. Кучеръ правилъ съ лошади, а не съ козелъ. Передъ каретою и за нею ѣхали верхомъ четыре стрѣльца съ ружьями на-перевѣсъ, съ кортиками и съ охотничьими рогами; на запяткахъ стояли два огромные лакея, одѣтые по-венгерски, съ высокими волчьими шапками. Эти лакеи назывались *гайдуками*. За каретою шла коляска, запряженная цугомъ четырьмя карими жеребцами, и кучеръ также правилъ съ лошади, безъ форейтора. Збруя была краковская, то есть, высокіе хомуты съ бубенчиками; но въ городѣ употребляли англійскія шоры съ серебромъ. Въ коляскѣ сидѣлъ камердинеръ батюшки, а на запяткахъ казачокъ, бандуристъ. Потомъ ѣхалъ пякеръ (по-польски *дольжачій*) и его помощникъ, ведя гончихъ и борзыхъ собакъ на сворахъ. Нѣсколько брикъ (кажется три), каждая въ четыре лошади, также цугомъ, съ постелями, туалетомъ, столовымъ сервизомъ и разными вещами, шли за коляскою. Въ бричкахъ сидѣли служанки и такъ-называемые *поковцы*, то есть, комнатная прислуга, изъ молодыхъ и красивыхъ людей. При бричкахъ ѣхали, также верхомъ, офиціантъ, носившій въ Польшѣ названіе *маршалка*, и конюшій. Первый былъ то же, что въ Испаніи *majordome*, то есть завѣдывалъ кухней, буфетомъ и прислугою, а второй управлялъ конюшнею и охотою. За бричкой ѣздовой, верхомъ, велъ парадную верховую лошадь батюшки, полъ богатою попоною съ гербами, а въ замкѣ тянулись крестьянскія подводы съ съѣстными припасами, мукою, крупкою, разнымъ копченымъ мясомъ, водками, ликерами, вареньями, сырами, и тому подобномъ. Отецъ мой ѣхалъ верхомъ на сѣромъ жеребцѣ, а за нимъ ѣздовой (по-польски *лѣзакъ*, *luzak*) въ курткѣ съ галунами, въ шпакѣ съ

перьями, съ кортикомъ; онъ везъ длинный турецкій чубукъ и весь трубочный припасъ. Весь поѣздъ ѣхалъ обыкновенно шагомъ, или, по хорошей дорогѣ (что тогда была рѣдкость), малою рысцею. Безъ этой свиты не могъ выѣхать порядочный человѣкъ, шляхтичъ, bene natus et possessionatus! Подѣзжая къ усадьбѣ или мѣстечку, кучера хлопали бичами, ѣздовые трубили въ рога и стрѣляли на воздухъ изъ ружей и пистолетовъ, чтобъ дать знать, что ѣдетъ панъ.

Всѣ польскія власти были тогда въ разбродѣ; страну управляли русскіе-генералы и поставленные ими офицеры. Начальники были ради-радѣшеньки, если могли ухватиться за кого-либо изъ туземцевъ, и отецъ мой, въ званіи народнаго гражданско-военнаго комиссара *, долженъ былъ поневолѣ исправлять обязанности маршала (предводителя дворянства), судьи и всѣхъ полицейскихъ властей. Не знаю, на какое пространство простиралась эта принужденная власть его, но офиціально онъ былъ комиссаромъ Воеводства Новогрудскаго.

Польша вздревле славилась безпорядками всякаго рода, особенно дурными дорогами и мостами. На этотъ счетъ существуетъ даже насмѣшливая пословица **. Верстахъ въ двадцати отъ Нѣсвижа надлежало проѣзжать черезъ ручей, который въ полную воду былъ довольно широкъ и быстръ. Осмотрѣвъ мостъ, люди наши увѣрились, что онъ не подниметъ кареты, а потому стали искать брода. Отецъ мой первый проѣхалъ въ бродъ, но не остался на другомъ берегу, а воротился, чтобъ распорядиться при спускѣ кареты. Карета прошла черезъ воду благополучно, но при подъемѣ переднія лошади стали путаться, и карета нагнулась на сторону. Сестры отъ испуга закричали, и отецъ мой, ѣхавшій возлѣ кареты, далъ шпоры лошади:

* Komisarz ciwilno-wojskowy. Это было нѣчто въ родѣ французскаго *représentant du peuple, en mission*. Онъ долженствовалъ наблюдать за вооруженіемъ народа и порядкомъ въ странѣ, и дѣйствовалъ отъ имени временнаго правительства, учрежденнаго въ Варшавѣ.

** Польскій мостъ, жидовскій мостъ, турецкое богомолье — все это бездѣлье. Но-польски это въ стихахъ: *Polski most, Żydowski post, Tureckie nabożeństwo, to wszystko błazeństwo*.

она рванулась на берегъ, и, не зная какъ, оступившись или заляпнувшись въ грязь, упала на бокъ. Отецъ погнавъ подъ лошадь, и ударившись о камень, переломилъ ногу. Мы всѣ выскочили изъ кареты, и съ крикомъ и плачемъ подняли его; стрѣльцы перевязали ногу между двумя досками, положили въ коляску, и поскакали во весь духъ въ Нѣсвижъ. Мы также поѣхали во всю рысь....

Дошъ для насъ былъ приготовленъ магистратомъ. Когда мы пріѣхали, отецъ мой былъ уже перевязанъ покупнымъ докторомъ, и лежалъ въ постели. Докторъ успокоилъ матушку, и увѣрялъ, что черезъ шесть недѣль отецъ мой будетъ совершенно здоровъ и встанетъ съ постели, и что не предвидится ни малѣйшей опасности.

Въ Нѣсвижѣ была тогда временная главная квартира генерала графа Ферзена, который побѣдою, одержанною надъ Костюшкою, и ввятиемъ его въ плѣнъ, стяжалъ себѣ всемірную славу. Въ это время онъ наслаждался ею въ полной мѣрѣ, награжденъ былъ щедро Императрицею Екатериною Второй * и союзными дворами, и пользовался особеннымъ уваженіемъ всей русской знати.

Нѣкоторые изъ польскихъ офицеровъ, бывшихъ въ сраженіи подъ Маціевщиками, приписываютъ, однако жъ, побѣду генералу Денисову, впрочемъ весьма несправедливо, на томъ основаніи, что въ началѣ сраженія Поляки одержали верхъ въ центрѣ, гдѣ начальствовалъ самъ генералъ Ферзенъ, который уже началъ ретироваться, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько пушекъ; но генералъ Денисовъ, стремительно бросившись, съ своею кавалеріею, на лѣвый флангъ польскій, смаялъ его, обратилъ въ бѣгство, и этимъ внезапнымъ ударомъ привелъ весь корпусъ Костюшки въ разстройство. Тогда уже генералъ Ферзенъ сталъ громить центръ польскій своею артиллеріею, и ударилъ въ штыки. Какъ бы то ни было, но слава побѣды принадлежитъ всегда главнокомандующему. Очевидцы и иностранные на-

* Онъ пожалованъ графомъ (изъ барона), получилъ чинъ генералъ-аншефа, андреевскую ленту и второй степени Георгія, богатые жемчуга на Украйнѣ, и отъ австрійскаго и прусскаго дворовъ ордена и богатые подарки.

затели должны вспомнить, что безъ счастливаго движенія генерала Десе (Desaix) Наполеонъ не одержалъ бы побѣды при Маренго, однако жъ слава принадлежитъ Наполеону. Вѣдь и Костюшку взялъ въ плѣнъ не самъ Ферзенъ, а мы должны говорить и писать, что Костюшко взятъ Ферзеномъ.

Разумѣется, въ общемъ разстройствѣ страны, при безпрерывныхъ переходахъ войскъ, продовольствіе его было сопряжено съ величайшими затрудненіями. Брали, гдѣ могли взять, и наконецъ выбрали все, что было на виду, а между-тѣмъ большая часть запасовъ сохранялась помѣщиками и крестьянами въ ямахъ, въ дѣсахъ, между неприступными болотами. Надлежало имѣть человѣка, который бы зналъ мѣстность и средства каждаго помѣстья, и умѣлъ распределить, такъ называемую, реквизицію (контрибуцію провіантомъ и фуражемъ), справедливо, безъ излишняго отягощенія жителей и сообразно состоянію каждаго помѣщика. Для этого Ферзенъ вытребовалъ отца моего въ Нѣсвижъ, и весьма былъ огорченъ случившимся съ нимъ несчастіемъ, которое замедляло предположенное учрежденіе временной провіантской комиссіи.

Лишь-только язвенная горячка (Wundfieber) у отца моего миновалась, графъ Ферзенъ навѣстилъ его, присылая прежде ежедневно адъютанта, освѣдомляться о его здоровьѣ. Въ эту самую пору у отца моего былъ докторъ, и потому матушка приняла графа въ гостиной, и по польскому обычаю, представила ему все наше семейство. Графъ Ферзенъ, послѣ первыхъ вѣжливостей, сказалъ матушкѣ, что она, будучи матерью русскаго воина, какъ Русская, имѣетъ полное право на покровительство русскаго правительства, и просилъ ее, чтобъ она избрала его въ предстатели передъ трономъ Великой Монархини. Матушка, разумѣется, приняла это за комплиментъ, однако жъ все наше семейство было обворожено ласковостью, хорошимъ тономъ и добродушіемъ графа Ферзена. Замѣтивъ привязанность матушки ко мнѣ, державшей меня на колѣняхъ, графъ Ферзенъ обратился ко мнѣ, а матушка велѣла мнѣ подойти къ графу и привѣтствовать его. Графъ поцѣловалъ меня въ лобъ, и обещалъ привезти конфетовъ и

игрушекъ. Я столько слышалъ въ домѣ нашемъ о графѣ Ферзенѣ, о Костюкѣ (котораго обожали въ нашемъ семействѣ), что съ недоумѣнностью слушалъ графа и съ величайшимъ любопытствомъ разсматривалъ его; Графъ Ферзенъ былъ уже старъ, лѣтъ шестидесяти, но по лицу казался еще стърѣе. Онъ былъ сухощавый, весь въ морщинахъ и согнутый; щурилъ глаза и закрывалъ ихъ рукою отъ свѣта. Особенно помню, что онъ весьма было былъ напудренъ, и имѣлъ трость съ набалдашникомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями. Посидѣвъ съ дамами съ полчаса, графъ пошелъ въ комнату отца, гдѣ пробылъ долго, и съ другаго же дня, въ спальнѣ отца моего началъ собираться ежедневно комитетъ, составленный изъ нѣсколькихъ помѣщиковъ и русскихъ штабъ-офицеровъ, для учрежденія земской полиціи и установленія правительнаго продовольствія войска.

Графъ Ферзенъ занималъ весь замокъ или дворецъ (palas) князя Радзивила, властителя Нѣсвижа, жилъ роскошно, по-царски. разумѣется, по тогшанему обычаю, на счетъ города и помѣщика, который былъ за границею. Вся оставшаяся въ домѣ прислуга княжеская и все, что оставалось въ цѣлости—домашніе снаряды, сервизы, лошади и экипажи, находились въ распоряженіи графа Ферзена. Два черезъ два послѣ своего посѣщенія, графъ Ферзенъ снова пріѣхалъ къ намъ, просить матушку съ сестрами на вечеръ: на концертъ, балъ и ужинъ. Матушка отговаривалась всячески, и наконецъ должна была обѣщать, что будетъ, если какія особенныя обстоятельства не помѣшаютъ.

Послѣ узналъ я причину, по которой матушка не хотѣла ѣхать на вечеръ къ такому важному человѣку. Графъ Ферзенъ, не взирая на преклонныя свои лѣта и хилость, былъ страстнымъ обожателемъ прекраснаго пола, и имѣлъ при себѣ трехъ юныхъ собесѣдницъ, Полекъ. Тогда былъ нвой вѣкъ, и русскіе вельможи, а за ними и ихъ подчиненные, не скрывали того, что въ наше время, если и дѣлается, то лишь тайно и съ нѣкоторыми приличіями. Русская знать всё еще жила въ вѣкѣ Людовика Пятнадцатаго. Всѣ богатые и достаточные люди въ Россіи давно держали любов-

ницъ, хвастали ими, какъ нынѣ хвастаютъ мебелью или лошадыми, и никто не обращалъ на это вниманія. Пѣкоторые богачи, поселившись въ деревнѣ, имѣли цѣлыя хоры пѣвицъ, танцовщицъ или цѣлый заводъ кружевницъ, и все это было въ порядкѣ вещей. Въ Польшѣ, гдѣ все дворянство, исключая должностныхъ при Дворѣ, проживало большую часть года въ своихъ помѣстьяхъ, въ семейномъ кругу, между родными, соблюдалось болѣе приличій въ этомъ отношеніи. Любовныя интриги хотя и существовали, но тайно и благопристойнѣе, и невзирая на вольное обращеніе между полами, никто не дерзалъ похвастать тѣмъ, что имѣетъ любовницу. Женщина подозрительнаго поведенія не смѣла даже показаться въ люди. Русскіе офицеры, особенно пожилые, вели себя непринужденно, разобрали по рукамъ всѣхъ хорошенькихъ служанокъ изъ шляхтянокъ, всѣхъ пригожихъ дочерей экономовъ и даже женъ многихъ шляхтичей, словомъ, всѣхъ легкомысленныхъ дѣвушекъ и женщинъ, получившихъ нѣкоторую наружную образованность въ господскихъ домахъ, и умѣвшихъ искусно подражать всѣмъ манерамъ своихъ прежнихъ барынь и барышень, и жили съ ними явно, какъ съ женами. Надобно сознаться, что Польша соблазнительна! Одинъ польскій поэтъ сравниваетъ ихъ, по граціозности, съ *молодыми кошечками*! Польша ловки, любезны, кокетки отъ природы, и умѣютъ принимать на себя всѣ отбѣнки различныхъ характеровъ, сообразно нраву того, кому хотять нравиться. Трудно противостать ихъ искушенію, въ чемъ сознался и великій Суворовъ! Въ противоположность этому, женская ловкость, развязность и любезность сосредоточивалась тогда въ Россіи только въ высшемъ обществѣ, а въ обыкновенномъ дворянскомъ кругу женщины были манерны, застѣчивы, неловки и старались казаться въ высшей степени чинными и степенными. Приманка въ Польшѣ была слишкомъ велика, и покорителя Польши щедро вознаграждали себя за понесенные труды и за скуку съ русскими женщинами, и жили въ Польшѣ, какъ въ Магометовомъ раю, съ тою разницею, что въ польско-магометовомъ раю было сверхъ всѣхъ благъ — венгерское вино! Многія любовницы совершенно овладѣли

е войны обожателями, и они, повинуясь ихъ волѣ, вводили своихъ любовницъ въ порядочный кругъ, возили на балы, приглашали къ себѣ гостей, словомъ, всели ихъ во всѣ права законныхъ женъ. Пока кипѣла война и каждый вооруженный человекъ былъ страшенъ, тогда всѣ терпѣли и даже искали покровительства любовницъ; но когда громы войны замолки и Императрица Екатерина Вторая рѣшила присоединить къ Россіи Литву, то съ мирными и покойными жителями велѣла поступать снисходительно и ласково — они ободрились. Ктому же, многіе Поляки уже находились при Дворѣ російскомъ, и обѣщали землякамъ своимъ защиту и покровительство. И такъ, хотя страхъ русскаго имени еще не исчезъ вовсе въ Польшѣ, но уже значительнѣйшіе изъ жителей заняли прежнія мѣста свои въ обществѣ и не покорялись слѣпо волѣ cadaго, носившаго русскій мундиръ. Многія дамы не ѣздили даже въ церковь, чтобъ не встрѣчаться съ русскими собесѣдниками, щеголявшими нарядами и экипажами. Эти собесѣдницы русскихъ воиновъ приводили въ соблазнъ своею роскошью, и не появлялись въ люди иначе, какъ осыпанныя алмазами и жемчугомъ. И такъ, матушка моя боялась унизиться, или, какъ говорится, скомпрометироваться, понавъ въ общество этихъ собесѣдницъ, тѣмъ болѣе, что слышно было, будто и наша панна Клара разъѣзжаетъ по городу въ богатомъ экипажѣ какого-то маіора. Матушка созналась въ этомъ доктору, лечившему отца моего, и какъ этотъ докторъ, землякъ графа Ферзена, былъ съ нимъ фамиліаренъ и пересказалъ ему справедливыя опасенія матушки, то графъ Ферзенъ былъ такъ деликатенъ, что въ тотъ же день прислалъ матушкѣ списокъ всѣхъ знаныхъ гостей. Разумѣется, что матушка послѣ этого поѣхала съ сестрами, на вечеръ, на которомъ младшая сестра, Антонина, приобрѣла похвалы за отличное свое пѣніе и ловкость въ танцахъ.

Поляки, подобно Богемцамъ, народъ музыкальный — и Богемцы потому только превосходятъ въ музыкѣ всѣ славянскія племена, что имѣютъ въ Прагѣ консерваторію, распространяющую вкусъ и образующую учителей. Въ Польшѣ также въ каждомъ шляхетскомъ домѣ занимаютъ

са музыкою. Почти каждая бѣдная швайтляночка играла, въ то время, на польской гитарѣ (съ семью желѣзными струнами), и во всѣхъ помѣщичьихъ домахъ всѣ дамы играли на фортепіанѣ, на арфѣ и даже на гусляхъ, которыя тогда были въ большомъ употребленіи. Всѣ Польки учились пѣнію въ женскихъ монастыряхъ. Младшая сестра моя, Антонина, была одарена необыкновеннымъ талантомъ къ музыкѣ, имѣла прелестный голосъ, пѣла съ удивительнымъ чувствомъ и выраженіемъ и играла отлично на фортепіанѣ, на арфѣ, на гитарѣ и на гусляхъ. Старшая сестра, Елисавета, воспитанная, какъ и младшая, по тогдашнему обыкновенію, въ монастырѣ Сестеръ Бенедиктинокъ, въ Минскѣ, гдѣ наша родственница была настоятельницею, Елисавета, по странному вкусу, избрала для себя кларнетъ, и играла на немъ очень хорошо, участвовала прежде въ монастырскомъ музыкальномъ хорѣ. — Домъ нашъ сдѣлался мѣстомъ собраній всѣхъ русскихъ офицеровъ, и всѣхъ семействъ, съѣхавшихся въ Нѣсвижъ, для избѣжанія опасностей отъ мародеровъ, и почти каждый вечеръ у насъ занимались музыкою и танцами, и играли въ карты. Страшно вспомнить объ этой игрѣ: червонцы ставили на карту не счетомъ, а *мьрою*—стаканами. Въ офицерскихъ квартирахъ, какъ рассказывалъ отецъ мой, играли также на вещи: на жемчугъ, алмазы, серебряную и золотую посуду, часы, перстни, серьги, драгоценное оружіе и конскую збрую. Шайки варшавскихъ и виленскихъ шулеровъ разъѣзжали изъ одного штаба русскихъ войскъ въ другой штабъ, и прибирали къ рукамъ добычу. Многіе игроки сдѣлались богачами, хотя и съ переломанными костями, безъ глаза или безъ зубовъ; нѣкоторые лишились жизни за карточнымъ столомъ. Тогда на все смотрѣли сквозь пальцы! Благоразумнѣе всѣхъ поступали русскіе офицеры изъ Нѣмцевъ: они отравили свои сокровища домой, потомъ закупили мызь въ Лифляндіи и Эстляндіи, и вошедъ бѣдняками въ службу, оставили дѣтямъ богатое наслѣдство. Большая часть Русскихъ, что нажили въ Польшѣ, то въ ней и прожили. Славянская кровь! Почти то же было и съ Поляками въ Россіи, во

время Самозванцевъ, съ тою разницею, что Поляки прегрывали своихъ и чужеплеменникамъ.

Графъ Ферзенъ былъ ежедневнымъ нашимъ гостемъ, и полюбилъ искренно наше семейство. Я былъ его любимцемъ, ходилъ къ нему почти каждое утро завтракать, бѣгалъ по комнатамъ, игралъ съ его попугаями, моськами и съ его оружіемъ, и весьма часто оставался обѣдать. Въ шутку называлъ онъ меня своимъ полуадъютантомъ, и посылалъ черезъ меня бумаги къ моему отцу. И онъ самъ, и собесѣдницы его, и адъютанты и даже прислуга, забавлялись мною, потому что я былъ рѣзвъ, смѣль, всегда веселъ, разговорчивъ, и заставлялъ ихъ часто хохотать моими дѣтскими рѣчами и простодушіемъ. Однажды, когда графъ Ферзенъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а я дразнилъ его попугая, грозя ему маленькимъ ятаганомъ, который былъ у меня въ рукахъ, графъ спросилъ: — Что ты хочешь, чтобъ я подарилъ тебѣ: попугая или эту саблю? — Попугай мнѣ чрезвычайно нравился, но я, взглянувъ на него и на ятаганъ, сказалъ: «Дай саблю!» — Зачѣмъ тебѣ она? примолвилъ графъ. — «Бить всѣхъ, кого дядя Костюшко прикажетъ!» отвѣчалъ я. Разумѣется, что я говорилъ точно такъ, какъ попугай, съ которымъ я игралъ, то есть повторялъ то, чего наслушался дома, а въ то время только и толковъ было, что о безпредѣльномъ повиновеніи избранному вождю и неповиновеніи королю. — «А развѣ ты не знаешь, что у тебя есть король, и что ты долженъ слушать его, а не Костюшку?» примолвилъ графъ. Я отвѣчалъ затверженною мною и тогда общепоговоркою: (Król Poniatowski, kiej z łaski Woskieu) *. Ферзенъ и всѣ присутствовавшіе расхохотались, и графъ сказалъ: «Возьми же эту саблю, я дарю тебѣ ее, а попугая отнеси отъ меня матушкѣ.» Я бросился къ графу, вспрыгнулъ къ нему на колѣни, сталъ обнимать и цѣ-

* Я слышалъ, будто знаменитый князь Карлъ Гадзивилъ велѣлъ вычеканить нѣсколько сотъ червонцевъ съ изображеніемъ короля и этою надписью, и что эта монета была въ обращеніи въ Варшавѣ. Примѣръ разлады и неустройства! Могло ли существовать государство при такомъ своеволіи!

ловать, замарался весь пудрой, и сказалъ: Тебя не убью, хоть бы дядя Костюшко велѣлъ! — «Спасибо, очень благодаренъ», отвѣчалъ графъ, смѣясь. Я тотчасъ попросился домой, чтобъ похвастать моею саблей, и пробѣгая рядъ комнатъ въ переднюю, не могъ удержаться, чтобъ не хватить саблей по лбу мраморнаго сатира, который стоялъ въ нишѣ, въ карикатурномъ положеніи, высунувъ языкъ. Со мною былъ мой дядька, который разсказалъ матушкѣ все происшедшее, и она чрезвычайно испугалась, чтобъ графъ Ферзенъ не заключилъ изъ словъ моихъ о неприязненныхъ чувствахъ нашего семейства къ настоящему порядку дѣлъ. Лакей графа привнесъ, вслѣдъ за мною, попугая, а вечеромъ пріѣхалъ и самъ графъ, и когда матушка начала объясняться насчетъ моихъ рѣчей, графъ Ферзенъ, какъ она мнѣ послѣ сказывала, возразилъ. Неужели вы почитаете наше правительство столь неблагоразумнымъ, чтобъ оно послѣ всего, что здѣсь случилось, требовало отъ васъ *внезапной* любви? Наша Великая Монархія *созидаетъ дѣла вѣковыя*, и что вѣками было расторгнуто, то вѣками и соединится. Здѣсь была нѣкогда Русь—и будетъ современемъ! Мы требуемъ только, чтобъ вы были спокойны и не порывались на невозможное, для собственнаго вашего блага. Есть русская пословица: сила и солому ломить—не забывайте ее, а мы перестанемъ говорить объ этомъ.» Такъ думалъ, и сообразно съ своими правилами, такъ поступалъ графъ Ферзенъ; но, по несчастію, были и такіе, которые думали и поступали иначе, или не понимая видовъ правительства русскаго, или не исполняя ихъ изъ собственныхъ выгодъ.

Отецъ мой совершенно выздоровѣлъ, и хоть еще подпирался тростью, но выѣзжалъ со двора. Однажды, когда все семейство наше было отозвано куда-то на вечеръ, а я уже спалъ, вдругъ какой-то ужасный ревъ разбудилъ меня. Комната моя была освѣщена внѣшнимъ блескомъ. Няньки не было въ спальнѣ; я вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну, взглянулъ—и вся кровь во мнѣ застыла. Вижу, что во всю длину улицы тянутся какія-то страшныя лица, въ бѣлой и черной длинной одеждѣ, по два въ рядъ

съ факелами, и режутъ во все горло, а по срединѣ, между множествомъ знаменъ, толпа этихъ же чудовищъ несетъ гробъ*. Няньки и служанки натолковали мнѣ прежде о вѣдьмахъ, колдунахъ, чертахъ, мертвецахъ, и тому подобномъ; въ моемъ разгоряченномъ воображеніи представилось что-то такое ужасное, что я не могъ двинуться съ мѣста отъ страху, упалъ за-мѣртво, и больше ничего не помню. Когда я пришелъ въ чувство, два гайдука качали меня на простынѣ, какъ въ койкѣ, среди комнаты. «Маменька, гдѣ ты?» спросилъ я — и она бросилась ко мнѣ со слезами и прижала къ сердцу. — «Дай мнѣ ѣсть, я голоденъ!» Матушка чуть держалась на ногахъ отъ радости. Тотчасъ послали за докторомъ и за отцомъ, котораго призвалъ къ себѣ по дѣламъ графъ Ферзенъ. Докторъ обрадовалъ родителей, сказавъ, что теперь онъ отвѣчаетъ за жизнь мою. Послеъ рассказала мнѣ, что я девять дней пролежалъ въ горячкѣ, съ бредомъ, и что всѣ лишались надежды на мое выздоровленіе. Пришелъ въ чувства, я былъ однако жъ такъ слабъ, что не только не могъ стоять на ногахъ, но и едва шевелился. Черезъ три недѣли я съ трудомъ ходилъ по комнатѣ.

Во время моей болѣзни, графъ Ферзенъ уѣхалъ въ Петербургъ. Лѣтомъ 1795 года началось окончательное присоединеніе бывшей Литвы, Вольніи и Подолія къ Россіи. Генераль-губернаторомъ въ Литвѣ былъ генераль-аншефъ князь Рѣпинъ, прежній посолъ при польскомъ королѣ, или правильнѣе правитель всей Польши; минскій губернаторомъ назначенъ былъ генераль-поручикъ Тутолминъ. Главная квартира дивизіи войскъ, занимавшихъ часть Литвы, прилежащую къ Бѣлороссіи, переведена въ городъ Минскъ, и начальство надъ этою дивизіею поручено генералу Денисову. Повсюду стали приводить къ присягѣ дворянство, духовенство и мѣщанъ всѣхъ исповѣданій, и въ концѣ іюня обнародованъ генераломъ Тутолминнымъ знаменитый манифестъ Императрицы Екатерины Второй, подтверждающій всѣ права и привилегіи, которыми эти области пользовались прежде. Въ новоутвержденныхъ губерніяхъ,

* Это были похороны пастыря католическаго монастыря.

мѣсто прежнихъ воеводствъ, вводили русское управленіе, оставляя прежній порядокъ касательно избирательныхъ мѣстъ, но только въ казенныхъ мѣстахъ и по польской части опредѣляли русскихъ чиновниковъ, и когда ¹²/₂₄ октября, 1795 года, между тремя державами рѣшено было раздѣлить между собою бывшую Польшу— въ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, уже введено было новое устройство и принесена присяга, хотя король польскій, проживавшій въ Гроднѣ, подписалъ актъ отреченія отъ престола только ¹³/₂₅ ноября того же года. При введеніи новаго порядка вещей, обязанности отца моего по званію военно-гражданскаго комиссара кончились: онъ отправился въ Минскъ, для сдачи отчетовъ генералу Тутольману, а семейство наше возвратилось въ деревню.

III.

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ ПОСЛѢДНЕЙ ЭПОХИ ДРЕВНЕЙ ПОЛЬШИ. — ИЕЗУИТЫ. — ШЛЯХЕТСКІЕ АНЕКДОТЫ. — ПОПЫТКИ СПАРТАНСКАГО ВОСПИТАНІЯ.

Не желаю никого оскорбить въ моихъ воспоминаніяхъ, особенно не намѣренъ задѣвать народнаго самолюбія; но надобно быть болѣе нежели несправедливымъ, надобно быть жестцомъ, чтобъ не сознаться въ томъ, что втеченіе всего осьмнадцатаго вѣка, когда всѣ европейскія государства возвышались и совершенствовались, Польша безпрерывно склонялась къ упадку, то есть лежала на смертномъ одрѣ и въ пароксизмахъ ожидала смерти. Если никто не рѣшился взять Польшу, то единственно изъ уваженія къ памяти вестфальскаго мира, обезпечившаго равновѣсіе въ Европѣ, низъ опасенія общаго въ ней замѣшательства, какъ то было въ Семилѣтнюю Войну. Нельзя раскрыть Исторію безъ сожалѣнія и негодованія. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ Польша занимала одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ христіанскомъ мірѣ, славилась учеными мужами и воинами, и на свои земныя произведенія вымѣнивая всѣ условныя сокровища, имѣла даже запасы драгоцѣнныхъ металловъ и дорогихъ камней. При вступленіи на престолъ Сигизмунда Третьяго, Польша имѣла шестнадцать

милліоновъ жителей, на обширномъ пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ Морями, Двиною и Одеромъ. Въ XVI вѣкѣ во всей Европѣ было весьма мало регулярнаго войска, и силу государства составляло вездѣ земское ополченіе, то есть, дворяне съ своими вассалами и горожане, вооружавшіеся на время войны. Въ Польшѣ, до избираемыхъ королей, пѣхота была наемная изъ Нѣмцовъ, Венгровъ и Шотландцевъ, а всю силу составляла конница изъ шляхты, или *общее возстаніе* (*pospolite ruszenie*). При Владиславѣ Второмъ, противъ ливонскихъ рыцарей сто пятьдесятъ тысячъ сѣло на копъ; при сынѣ его, Казимирѣ, шестьдесятъ тысячъ вооружились при первомъ воззваніи къ защитѣ отечества, а при Юаннѣ Албрехтѣ выступило въ поле осемьдесятъ тысячъ конной шляхты. Но когда всѣ государства, удостовѣрясь въ важности пѣхоты и въ необходимости содержать постоянное войско, устроили регулярныя арміи, воздвигли крѣпости, завелись артиллерією, въ Польшѣ все осталось по старому. Говорили много на сеймахъ и говорили хорошо, составляли умные проекты—понапрасну, и наконецъ, едва дошли до того, что устроили двѣнадцать тысячъ регулярнаго войска и артиллерію! Во всемъ государствѣ не было ни одной порядочной крѣпости! Безъ денегъ самый мудрый король не могъ ничего предпринять къ благосостоянію государства, а подати зависѣли отъ сеймовъ, на которыхъ послы, то есть депутаты, тогда только были согласны между собою, когда належао произнести *veto* (не позволяю) противъ предложенія о податяхъ. При бѣдности государственной казны, короли были рады, что богатое духовенство, владѣя огромными помѣстьями, приняло на себя воспитаніе юношества; но когда съ восшествіемъ на престолъ Сигизмунда Третьяго, іезуиты овладѣли почти исключительно воспитаніемъ, прежній свѣтъ въ Польшѣ померкъ, и насталъ мракъ, въ которомъ бѣольшая часть шляхты уже не видѣла прямыхъ выгодъ государства. Іезуиты систематически истребляли истинное просвѣщеніе, и помрачали даже здравый разумъ, на основаніи правила Омара, сжегшаго Александрійскую Библіотеку! Они держали въ своихъ школахъ людей отъ юношескаго до

зрѣлаго возраста, шпигуя ихъ память латынью и отягчая умъ ложными понятіями о наукахъ, искажая истину, когда она не согласовалась съ ученіемъ Римской Церкви, и только тѣхъ изъ учениковъ допускали въ святилище наукъ, которые соглашались вступить въ ихъ братство. Основаніемъ іезуитскаго воспитанія былъ самый изступленный религіозный фанатизмъ, безусловная преданность папской власти, интолеранція (нетерпимость другихъ исповѣданій) и пропаганда, то есть распространеніе католицизма. Іезуиты и ихъ достойные воспитанники ненавидѣли всѣхъ Христіанъ не римско-католической вѣры и не признающихъ папы главою Церкви, и почитали ихъ ниже Мусульманъ, Евреевъ и даже идолопоклонниковъ. Изъ этого ученія, глубоко укорененнаго въ сердцахъ, возстала Унія, лишившая Польшу главной ея опоры — Малороссіи, и произошло отчужденіе всѣхъ не-католиковъ отъ Польши. Почти вся Литва и лучшее литовское шляхетство были православнаго греческаго исповѣданія; но когда не только православныхъ, но даже униатовъ отдалили отъ занятія всѣхъ важныхъ мѣстъ въ государствѣ, и стали приманивать въ католическую вѣру знатную православную шляхту пожалованіемъ староствъ, ленныхъ и амфитеутическихъ имѣній, и когда въ присутственныхъ мѣста, въ школы и дворянскія дѣла вообще ввели польскій языкъ, все литовское шляхетство мало-по-малу перешло къ католицизму. При Сигизмундѣ Третьемъ и наша фамилія перешла въ католическую вѣру, и получила нѣсколько имѣній подъ различными титулами, изъ коихъ одно, амфитеутическое имѣніе, Рудавка, возлѣ Свислочи (въ гродненской губерніи, волковыскомъ уѣздѣ) и понынѣ находится въ нашемъ родѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ существовать.

И такъ, первая и главная, а лучше сказать единственная, радикальная причина упадка Польши была власть іезуитовъ, истребившихъ истинное просвѣщеніе и укоренившихъ въ умахъ нетерпимость (*intolérance*). Вторая причина, слѣдствіе первой, была слабое правленіе избираемыхъ королей (послѣ Ягеллонова роду), а особенно послѣднихъ королей саксонскаго дома. Вольтеръ сказалъ

въ шутку: «*Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre!*» Это судяя истина! Со времени Августа Второго, пьянство жестоко распространилось между шляхтой, и, наконецъ, Венгрія все свое вино продавала въ Польшѣ. За пшеницу, ленъ и пеньку, продаваемые въ Данцигѣ, Ригѣ и Мемелѣ, помѣщики покупали почти исключительно пряности и крѣпкія виноградныя вина. Псовая охота, карточная игра, попойки и рыцарскія упражненія, то есть гарцованіе на коняхъ и поединки, составляли обыкновенное препровожденіе времени. Дворянскіе выборы въ должности (сеймики) и въ послы, то есть депутаты на сеймы, и безпрерывные и безконечные процессы были единственнымъ важнымъ занятіемъ шляхты. Впрочемъ, страсть къ процессамъ происходила вовсе не отъ жкбостязанія; процессы всегда почти рождались или изъ ложнаго честолюбія, или вслѣдствіе личной ссоры. Хоть бы лишиться послѣдняго куска хлѣба, лишь бы поставить на своемъ! Кромѣ того, процессы замѣняли театр и литературу въ провинціяхъ. Рѣчи адвокатовъ (голоса, *głosy*), такъ называемые манефесты, то есть изложеніе претензій, печатались и разсылаемы были ко всѣмъ пріятелямъ. Судопроизводство было открытое, и привлекало въ запутанныхъ дѣлахъ, или когда тягались значительные люди, множество слушателей въ суды. Сами тяжущіеся говорили иногда рѣчи, и это занимало умы и убивало время. На выборы свозили десятками мелкую шляхту (потому что каждый шляхтичъ имѣлъ право избирать и быть избираемымъ), кормили и поили ихъ на убой, и въ случаѣ спора заставляли драться между собою. Рѣдкій шляхтичъ не имѣлъ рубцовъ на щекахъ и на головѣ. Искатели мѣсть старались блеснуть краснорѣчіемъ, роскошью и щедростью, разорялись на пустякахъ. Приговоры суда, по процессамъ, рѣдко исполнялись безъ употребленія силы со стороны выигравшаго процессъ, и если проигравшій тяжбу защищался, тогда происходила формальная война. Иногда случалось, что по самымъ пустымъ притязаніямъ, богатый панъ, собравъ пьяную шляхту, выгонялъ изъ имѣнія бѣднаго или смирнаго помѣщика, и потомъ начиналъ процессъ. Это изгнаніе называлось *зайэдомъ* (*zaiadz*), и случалось весьма часто.

Законныя власти не въ силахъ были ни предупредить зла, ни удержать его, когда непослушный принадлежалъ къ могущественной партіи или фамиліи. Оливныя словонъ, законы въ Польшѣ были безсильны, и отъ безчисленныхъ процессовъ богатыли одни адвокаты. Правда, во всей Польшѣ не слышно было о *взяткахъ*, и въ польскомъ языкѣ даже нѣтъ настоящаго слова для выраженія *лихоимства*; во весьма часто случалось, что судьи судили несправедливо изъ страха, во духу партій, ради покровительства вельможъ, что выходило на одно и то же. И что значило государство безъ просвѣщенія, безъ государственной казны, безъ полиціи (въ Польшѣ никогда не допускали учрежденія ея), безъ силы законовъ, безъ войска, безъ всякой промышленности? Государство, омраченное фанатизмомъ, разстроенное во всѣхъ своихъ частяхъ своеволіемъ шляхты, деспотизмомъ вельможъ и самымъ тяжкимъ рабствомъ земледѣльцевъ! Странно подумать! Послѣдній король, Станиславъ Августъ (Понятовскій), былъ человекъ умный, любезный, добродушный, даже ученый, страстный любитель литературы и художествъ, но слабago характера—нерѣшительный и несмѣлый; нравственно онъ былъ, однако жъ, полезенъ своему несчастному отечеству. Не имѣя средствъ истребить зла, онъ, по-крайней-мѣрѣ, употребилъ все отъ него зависящее, чтобъ положить основаніе добру. Онъ далъ другое, сообразное съ вѣкомъ, направленіе воспитанію юношества въ варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ, и имѣлъ усерднаго помощника въ аббатѣ Конарскомъ (монашескаго ордена Ціаровъ). Ціарскія школы противодѣйствовали іезуитскому воспитанію. Князь Чарторійскій (дядя короля), основалъ учебныя заведенія въ имѣніи своемъ, Пулавахъ, для шляхты обоихъ половъ, и изъ этихъ-то школъ вышли всѣ достойные люди послѣдняго времени Польши. Литература воскресла; художества оживили; но это были только блистательныя звѣзды на мрачномъ горизонтѣ. Въ Варшавѣ и Вильнѣ была уютность Парижа, а въ провинціяхъ, особенно въ Литвѣ и на Украинѣ, господствовали фанатизмъ среднихъ вѣковъ, своеволіе степей аравійскихъ и пьянство и прощор-

ливность дикарей Америки. Тутъ было въ полномъ смыслѣ: кто кого смога, тотъ того въ рога!

Отецъ мой былъ весьма далекъ фанатизма, напротивъ, былъ сильнымъ приверженцемъ вѣротерпимости и всѣхъ нововведеній. Онъ былъ воспитанъ просвѣщеннымъ католическимъ аббатомъ, родомъ изъ древней польской Пруссіи (Вармій) Нѣмцемъ, и любилъ философское, политическое и историческое чтеніе. Отецъ мой былъ не только уменъ, но даже остроуменъ, весельчакъ въ полномъ смыслѣ слова, чрезвычайно добродушенъ, честенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, но имѣлъ несчастный характеръ: былъ чрезвычайно вспыльчивъ, увлекался первымъ впечатлѣніемъ, и при наружной популярности былъ чрезвычайно гордъ въ душѣ. Для удовлетворенія этой гордости, онъ жертвовалъ и жизнью, и имѣніемъ. Онъ готовъ былъ обниматься и сидѣть рядомъ съ самымъ убогимъ шляхтичемъ, который подчинялся его волѣ, но за одинъ косою взглядъ равнаго или почитавшаго себя высшимъ, за одно слово, которое казалось ему оскорбительнымъ, вызывалъ на дуэль или мстилъ явнымъ оскорбленіемъ. Онъ былъ, какъ нынѣ говорятъ, человекъ эксцентрическій, и поступалъ во всемъ не такъ, какъ другіе. Этотъ пагубный характеръ навязывалъ ему безпрестанно хлопоты и безпокойства, и былъ причиною его собственнаго несчастія, а отчасти и всего семейства. Щедрость его не имѣла предѣловъ: онъ дарилъ все, что правилось его друзьямъ и при деньгахъ сыпалъ ими безъ всякой нужды, какъ-будто обладалъ неисчерпаемыми сокровищами! Роста онъ былъ высокаго, сложенія крѣпкаго, силы необыкновенной, но по лицу, какъ говорятъ всѣ знавшіе его, я живой его портретъ. Расскажу о немъ нѣсколько анекдотовъ, которые въ нынѣшнее время покажутся невѣроятными, и вмѣстѣ послужатъ характеристикой тогдашней шляхты.

Отецъ мой остался малолѣтнимъ сиротою послѣ смерти родителей, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и опекунами его были родной дядя и знаменитый князь Карлъ Радзивиль—оригиналъ, какихъ мало было на свѣтѣ, но самый добрый и благородный человекъ, прозванный по любимой поговоркѣ: *пане коханку* (*panie kochanku*, по-рус-

ски почти то же что *любезный*). Это слово повторялъ онъ безпрестанно, говоря и съ дамами и съ королемъ, и съ своимъ лакеемъ и съ жидомъ! Отецъ мой, пріѣхавъ по дѣламъ своимъ въ Слуцкъ, принадлежавшій князю Радзивилу, встрѣтилъ на улицѣ богатаго Жида, содержавшаго въ городѣ винный откупъ (то есть, всѣ корчмы), торговавшаго притомъ виноградными винами, и пользовавшагося особенною милостью князя. Жидъ этотъ хотя звалъ хорошо отца моего, но избалованный фамилярностію другихъ помѣщиковъ, прошелъ мимо не поклонившись. Отецъ мой, вспыхнувъ закричалъ: «Долой шанку, жидъ!» и бросился къ нему; но жидъ, отвѣтя грубо, скрылся въ толпѣ радзивиловскихъ слугъ, и заперся въ домъ. Отецъ мой велѣлъ немедленно запрячь своихъ лошадей, и поѣхалъ прямо въ Несвижъ, къ князю, который весьма любилъ его. Онъ пробылъ у него нѣсколько дней, и своими остротами и шутками привелъ князя, большаго охотника до фарсовъ, въ самое веселое расположеніе духа. Между нами было состязаніе въ этомъ отношеніи, что весьма нравилось старому князю. На третій день передъ отъѣздомъ, отецъ мой сказалъ, что князь можетъ оказать ему большую милость, но онъ не смѣетъ просить его. «Скажи, чего хочешь, я все для тебя сдѣлаю», отвѣчалъ князь. — «Отдайте мнѣ въ аренду вашъ фольварокъ (маленькую мызу или усадьбу) въ полумилѣ отъ Слуцка, сказалъ отецъ мой. — «Зачѣмъ тебѣ эта мелочь? Я бы и подарилъ тебѣ, если бъ этотъ фольварокъ лежалъ на моей границѣ, а не въ срединѣ моихъ помѣстьевъ!» — Я началъ торговать украинскими волами, отвѣчалъ отецъ мой (а это была выдумка): и мнѣ нужно мѣсто подъ городомъ, для сгона разныхъ партій. Князь раскохотался, зная, что отецъ мой вовсе неспособенъ къ торговымъ дѣламъ. — «Теперь не стану ѣсть другаго мяса, какъ твоихъ воловъ, примолвилъ князь шутя: однако боюсь, что ты заставишь меня долго поститься!» Въ шуткахъ и прибауткахъ князь подписалъ арендный контрактъ, и отецъ мой поскакалъ въ Слуцкъ, взявъ немедленно въ свое управленіе фольварокъ, поставилъ своего управителя, купилъ бочекъ сто водки, и велѣлъ продавать вполонину дешевле, чѣмъ продавали въ

Слуцкѣ. Всѣ горожане стали, разумѣется, покупать водку на фальваркѣ, и въ корчмахъ продажа остановилась. Жидъ-откупщикъ былъ въ отчаяніи, но дѣлать было нечего, потому что отецъ, по польскимъ законамъ, имѣлъ полное право продавать вино въ своемъ имѣніи, по какой угодно цѣнѣ. Черезъ нѣсколько дней отецъ мой нарочно пріѣхалъ въ Слуцкѣ, и жидъ-откупщикъ, въ сопровожденіи княжескаго управителя и почетнѣйшихъ гражданъ явился къ отцу моему съ повинною, и просилъ прощенія въ неумышленномъ оскорбленіи. Отецъ мой принялъ богатаго жида хладнокровно, безъ воспоминанія о прошломъ, не издѣляя ни малѣйшихъ признаковъ гнѣву. Тогда богатый жидъ завелъ рѣчь о дѣлѣ. — Зачѣмъ вамъ, такому пану, держать фальварокъ? Уступите мнѣ аренду, я вамъ дамъ *евоес*. — «Теперь не время объ этомъ толковать, отвѣчалъ отецъ мой: пріѣзжай ко мнѣ завтра, въ полдень, на фальварокъ, тамъ кончимъ дѣло. Я даю тебѣ слово, что уступлю аренду по моей цѣнѣ: я не хочу барышей, и мнѣ эта штука уже наскучила». Жидъ обрадовался, и на другой день явился въ назначенный часъ. Контрактъ уже былъ готовъ, и оба они тотчасъ подписали его. Но отецъ мой не передалъ княжескаго контракта, а отдалъ имѣніе въ аренду отъ *своего имени*. Когда дѣло кончилось, отецъ мой хлопнулъ въ ладоши — и явились шесть дюжикъ царней. «Бери его!» закричалъ отецъ, и слуги схватили жида, растянули и влѣпили двѣсти ударовъ кожаными постромками. Жидъ едва остался живъ. Его положили за-мертво въ бричку, сунули контрактъ за пазуху, и отецъ мой сказалъ ему, что это только *первый* урокъ вѣжливости, а за другимъ и третьимъ уроками дѣло не станетъ, если жидъ отъ перваго *не исправится*. Лишь-только въ Слуцкѣ разнеслась вѣсть объ этомъ поступкѣ моего отца, весь жидовскій кагалъ поскакалъ въ Нѣсвижъ, къ князю съ жалобою. Князь ужасно разсердился, и клялся примѣрно отмстить моему отцу за самоуправство въ его владѣнія, и послалъ къ нему нарочнаго съ приглашеніемъ въ Нѣсвижъ. Друзья умоляли отца не ѣздить къ князю, пока гнѣвъ его не утихнетъ, и совѣтовали немедленно отправиться въ Варшаву и искать покровительства у короля; но отецъ мой не слушая никого

вооружился съ головы до ногъ, воѣхалъ немедленно въ Нѣсвижъ, и явился къ князю въ пріемный часть, при множествѣ посѣтителей. Всѣ смотрѣли съ удивленіемъ и страхомъ на моего отца, предполагая, что эта исторія должна дурно кончиться. Князь вышелъ въ пріемную залу, окинулъ взоромъ собраніе, и увидѣвъ отца моего, раскраснѣлся отъ гнѣва, и прямо пошелъ къ нему. — «Какъ вы, сударь, смѣли бить моего арендатора? воскликнулъ князь: я пойду съ сумою по-міру, но не допущу, чтобъ кто-нибудь дернулъ оскорблять меня такъ нагло. Или вамъ жить или мнѣ, или вамъ гнить въ тюрьмѣ или мнѣ!.... Я вамъ покажу, что я значу!....» Князь отъ гнѣва не могъ болѣе говорить и задыхался, а отецъ мой прехладнокровно отвѣчалъ: — Прошу только меня выслушать, а тамъ дѣлайте что угодно. Не только я не осмѣлился бы никогда прикоснуться пальцемъ къ *вашему* арендатору, но если бъ даже кто другой тронулъ его, то я, какъ вѣрный и усердный вашъ приверженецъ, вступился бы за него, не жалѣя собственной жизни!... — «И такъ вы не били моего арендатора?» спросилъ князь, нѣсколько успокоившись. — «Нѣтъ не билъ *вашего* арендатора, возразилъ мой отецъ: я билъ *моего* арендатора, потому что выпустилъ Мошкѣ въ аренду *мою* *пессею* (то есть, временную собственность), въ чемъ удостоивъричь васъ вотъ этотъ контрактъ, и билъ притомъ *моего* арендатора по принадлежащей *мнѣ* половинѣ его тѣла, а не по *вашей* половинѣ, которой я вовсе не тронулъ. — Князь отступилъ на три шага, смотрѣлъ пристально на моего отца, и требовалъ истолкованія загадки. Отецъ объяснилъ дѣло. — «Неужели все это правда, что ты говоришь?» спросилъ князь. — Жидъ здѣсь, прикажите справиться, отвѣчалъ отецъ мой. Послали разспросить жидка, в посланецъ объявилъ, что жидъ точно получилъ двѣсти ударовъ по одной половинѣ тѣла. Эта плохая шутка чрезвычайно понравилась князю; онъ расхохотался и держался за бока, расхаживая по комнатѣ. Разумѣется, что и всѣ захохотали — в мѣсто предполагаемой трагедіи, вышла комедія. — «Ахъ ты, проказникъ! сказалъ князь: на тебя и сердиться нельзя; но въ наказаніе ты долженъ пробыть у меня цѣлую недѣлю въ Нѣсвижѣ. А что твои волю?» при-

могвиль князь.—Вмѣстѣ со мною такъ испугались вашего гнѣва, что отъ страха разбѣжались! отвѣчалъ мой отецъ.—«А вмѣсто воловъ, ты поѣдешь со мною завтра ловить медвѣдей».—Отецъ мой пробылъ у князя не одну, а двѣ недѣли, получилъ въ подарокъ четыре жеребца; а чтобъ успокоить жида, князь уступилъ ему на годъ, безвозмездно, всю аренду Слуцка, и тѣмъ кончилось дѣло. Отпуская домой моего отца, князь взялъ однако жъ съ него слово не трогать жида.

Однажды отецъ мой ѣхалъ въ Минскъ изъ Глуска проселочною дорогою на Житинь. День былъ знойный, и онъ, отдохнувъ въ полдень въ лѣсу, поздно пріѣхалъ на ночлегъ. Корчма была новая и съ виду обѣщала удобное пристанище, но по осмотрѣ оказалось, что въ конюшнѣ не было ни яслей, ни рѣшетокъ, и все жилье состояло изъ двухъ грязныхъ комнатъ. Корчма принадлежала помѣщику Пузинѣ.—«Жидъ! что стоить твоему барину эта корчма?» спросилъ мой отецъ.—Тысячу золотыхъ, отвѣчалъ корчмарь.—«Гей! отсчитай сейчасъ тысячу золотыхъ жиду!» сказалъ отецъ своему камердинеру. Жидъ не понималъ что это значить, и не хотѣлъ брать денегъ, но принужденъ былъ взять, когда отецъ мой прикрикнулъ на него.—«Прибавь еще пятьсотъ золотыхъ, примолвилъ отецъ, обращаясь къ камердинеру, у котораго хранились ключи отъ шкатулки: а ты, жидъ, отнеси эти деньги къ своему пану; скажи ему, чтобъ онъ выстроилъ на нихъ корчму по-удобнѣе, и между-тѣмъ выноси всѣ свои вещи, потому что сейчасъ не будетъ твоей корчмы. Ребята, поджигай корчму съ другаго конца!» сказалъ отецъ мой своимъ людямъ, которые, зная, что надлежало повиноваться безусловно, зажгли немедленно корчму и бросились выносить вещи жида. Черезъ часъ не было корчмы, и только дымилась ея остатки. Отецъ мой расположился бивакомъ, и легъ спать въ коляскѣ, а жидъ побѣжалъ на господскій дворъ съ пзвѣстіемъ о происшедшемъ. Черезъ нѣсколько времени прискакалъ отъ пана Пузины посланецъ съ письмомъ, въ которомъ сказано было, что онъ не принимаетъ денегъ, по памѣренъ расправиться съ отцомъ моимъ въ уголовномъ судѣ, какъ съ разбойникомъ.—«Сѣдай коней!»

закричалъ мой отецъ, и носкакалъ съ нѣсколькими удалыми стрѣльцами прямо во дворъ къ пану Пузинѣ. Всѣ уже спали въ домѣ, но отецъ мой заставилъ отпереть себѣ двери, угрожая, что зажжетъ домъ. Панъ Пузина выбѣжалъ въ шлафоркѣ, и протестовалъ противъ насилія; но отецъ мой положилъ на столъ два пистоleta, и сказалъ Пузинѣ, что онъ долженъ непремѣнно стрѣляться съ нимъ сію же минуту, чтобъ смыть обиду; въ противномъ случаѣ, отецъ грозилъ застрѣлить его, какъ медвѣдя. Панъ Пузина не имѣлъ вовсе охоты стрѣляться, и зная характеръ моего отца, старался его успокоить. Прибѣжали дамы, жена и дочери пана Пузины, стали упрашивать отца моего, чтобъ онъ помирился, и отецъ мой сдался, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ панъ Пузина взялъ деньги за свою корчму, выстроилъ новую, удобную, и отказался отъ всѣхъ претензій на моего отца. Все это немедленно написалъ и подписалъ панъ Пузина, и отецъ мой, невзирая на усиленныя просьбы Пузины, чтобъ перевочевать въ его домъ, возвратился на свой бивакъ, къ экипажамъ, и отправляясь утромъ въ путь, подарилъ жида пятьсотъ золотыхъ, въ вознагражденіе за хлопоты. Жидъ остался очень доволенъ!

Во время пребыванія отца моего въ Варшавѣ, отправился онъ однажды, на большой лодкѣ на Фейерверкъ. Въ лодкѣ было много разнаго народа, и между прочими двѣ милостивныя дѣвушки, съ пожилою женщиною. Два молодые франта, одѣтые по-польски, начали приставать къ дѣвцамъ съ пошлыми комплиментами и, наконецъ, съ дерзкими насмѣшками, и до того оскорбили ихъ, что молодыя дѣвушки заплакали. Отецъ мой былъ на другомъ концѣ лодки, но услышавъ о происходящемъ, закричалъ: «Тотъ безчестенъ, кто оскорбляетъ женщину, кто бы она ни была!»—А ты что за указъ намъ? отвѣчалъ одинъ изъ фанфароновъ: сяди смиренно, если не хочешь выкупаться въ Вислѣ!—Отецъ мой какъ тигръ бросился къ дерзкому молодому человѣку, не далъ ему опомниться и схвативъ одною рукою за поясъ, а другою за-воротъ, перебросилъ черезъ бортъ, какъ щепку. Гребцы хотѣли помочь утопающему.—«Греби, и впередъ!» закричалъ отецъ мой, обна-

живъ саблю, и гребцы повиновались. Другого фанарона отецъ мой заставлялъ просить прощенія, на колѣняхъ, у оскорбленныхъ имъ дамъ, угрожая также выбросить за бортъ въ случаѣ сопротивленія. Тотъ безпрекословно повиновался. По счастью, выброшенный въ воду молодой человекъ умѣлъ хорошо плавать. Онъ держался на водѣ нѣсколько минутъ, пока другая лодка не подошла къ нему на помощь. Выброшенный въ Вислу молодой человекъ былъ сынъ какого-то важнаго городского чиновника, который подалъ на отца моего жалобу. Завязался уголовный процессъ, кончившійся, однако жъ, въ пользу моего отца, потому что онъ дѣйствовалъ для охраненія беззащитныхъ женщинъ. Иначе и судить было нельзя въ странѣ, гдѣ не было никакой полиціи.

Бѣдный шляхтичъ пришелъ просить покровительства и защиты у моего отца, противъ богатаго еврея, жившаго въ мѣстечкѣ (кажется въ Уздѣ), принадлежавшемъ генералу Завишѣ, сосѣду нашему въ Перьшевѣ и родственнику моей матери. Этотъ богатый еврей купилъ у шляхтича жару лошадей, далъ задатокъ, и уѣхалъ на нихъ въ Вильну, а испортивъ лошадей въ дорогѣ, не хотѣлъ платить установленной суммы, и отослалъ лошадей обратно шляхтичу. Отецъ мой написалъ письмо къ генералу Завишѣ, прося принудить жида удовлетворить шляхтича, но Завиша отвѣчалъ, что не хочетъ вовсе вмѣшиваться въ это дѣло. Мимо Перьшева пролегаетъ дорога, по которой ѣздить на ярмарку въ какое-то другое мѣстечко. Отецъ мой велѣлъ сторожить жида, обидѣвшаго шляхтича, остановить и привести къ себѣ. Но жидъ остался дома, отпустивъ на ярмарку жену. Товаръ высланъ былъ впередъ. Жидовка ѣхала въ бричкѣ, съ дѣтьми и прикащикомъ своимъ. Ее остановили стрѣльцы наши на дорогѣ, и привели къ отцу моему. Она была въ жемчугахъ, въ турбанѣ изъ богатой шали, въ атласѣ и бархатѣ. — «Заплати сейчасъ шляхтичу за лошадей, если не хочешь, чтобъ тебѣ было худо,» сказалъ мой отецъ. — Это не мое дѣло, а моего мужа, отвѣчала жидовка. — «Хорошо, пусть же мужъ заплатитъ, а до тѣхъ поръ ты просидишь у меня въ своемъ хлѣву!» Жидовка думала, что отецъ мой шутитъ,

во бѣдную жидовку въ самый дѣль потащили въ свиной хлѣвъ и заперли, а } припавшаку велѣно возвратиться къ жидовкѣ и разказать все видѣнное, объявляя притомъ, что жидовка до тѣхъ поръ будетъ въ этомъ мѣстѣ, пока шыхтичъ не получитъ своихъ денегъ, а жидъ не возьметъ обратно лошадей. Дѣтей жидовскихъ отецъ отослалъ въ тюрьму, и приказалъ содержать ихъ какъ можно лучше. Въ ноцѣ возвратился припавшакъ съ деньгами, и жидовку выпустили на волю. Вся шляхта изъ селенія (околицы) пришла благодарить моего отца; но генералъ Завиша оскорбился и позвалъ отца моего въ судъ. Дѣло, по аппелляціи, перешло въ литовскій трибуналъ, котораго маршаломъ былъ тогда двоюродный братъ отца моего, Павелъ Булгаринъ. Разумѣется, маршалъ по родству не судилъ дѣла, въ которомъ со стороны Завиши употреблены были всевозможныя искательства (по-польски *forays*), чтобъ унижить гордаго противника. Завиша требовалъ не только заключенія отца моего въ тюрьму, за самоуправство, но и вознагражденія жиды издержекъ процесса, что составляло, по его счету, нѣсколько тысячъ червонцевъ. Трибуналъ имѣлъ засѣданіе въ Гроднѣ, куда съѣхалось множество любопытныхъ, чтобы увидѣть, чѣмъ кончится эта тяжба. Туда же прибыли и депутаты изъ шляхетскаго селенія, котораго почетный житель былъ причиною процесса. Одинъ изъ этихъ депутатовъ, одаренный отъ природы краснорѣчіемъ, произнесъ предъ трибуналомъ рѣчь, которая тронула всѣхъ судей. Онъ изобразилъ несчастное положеніе беззащитнаго человѣка въ Польшѣ, угнетаемаго не только богатыми панами, но и жидами; исчислялъ всѣ оскорбленія и обиды, нанесенныя ихъ свленію не только генераломъ Завишей, но и его слугами, и представлялъ безкорыстный поступокъ моего отца въ самомъ блестящемъ видѣ, провозглашая его защитникомъ несчастныхъ и безземельныхъ. По краткомъ разсужденіи, судьи объявили моего отца *безвиннымъ*, и присудили Завишу заплатить ему за тяжбыя издержки три тысячи червонныхъ. Многіе изъ членовъ нашей фамиліи были тогда въ Гроднѣ, и жили всѣ въ самомъ тѣсномъ еомѣ между собою. Всѣ они торжествовали побѣду своего родственника.

ка объѣдами и балами, на которыхъ венгерское вино дѣлось рѣвкой. Но для отца моего этого было недостаточно. Объявленіями, прибитыми къ наружнымъ стѣнамъ костеловъ и на перекресткахъ, онъ запросилъ весь городъ на полдникъ. Присужденное взысканіе съ генерала Завиши отецъ мой передалъ какому-то ростовщику за тысячу червонцевъ, и на эти деньги (а по тогдашней дешевизнѣ это была большая сумма) купилъ разныхъ напитковъ, нѣсколькихъ быковъ, барановъ, множество домашней птицы и дичи, велѣлъ изжарить и запечь пироговъ и хлѣбовъ, и въ назначенный день уложить на телѣги. Дядя мой, Павелъ Булгаринъ, рассказывалъ мнѣ объ этомъ угощеніи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Началось торжественнымъ шествіемъ, или процессіей. Впереди шли музыканты, какихъ только можно было достать въ Гроднѣ и въ окрестностяхъ, Христіане и жиды, и раздѣлясь на хоры, играли по-очередно. За ними стрѣльцы, въ ливреѣ, ѣхали верхомъ за гербовыми знаменами. Потомъ ѣхали (верхомъ же) отецъ мой, всѣ его родные и друзья, а въ замкѣ тянулись телѣги, украшенные флагами, съ съѣстными припасами и бочками винограднаго вина, водки, пива и меду. Прошедъ по главнымъ улицамъ, процессія остановилась на площади, и по данному знаку началось угощеніе. Раздавали каждому, что кто хотѣлъ. Народу собралось множество, но все происходило чинно (какъ сказывалъ дядя), пока площадные гости не перепились. Тогда уже разобрали насильно оставшее, разбили бочки — и пиръ кончился, какъ водится, дракой. Но отецъ мой не хотѣлъ быть свидѣтелемъ послѣдствій этого угощенія: экипажи его и свита уже отправлены были въ путь, и онъ, простясь съ друзьями, ускорилъ изъ города верхомъ.

Впослѣдствіи отецъ мой помѣрился съ генераломъ Завишей, и отказался отъ полученія присужденныхъ съ него тяжёбныхъ издержекъ, заплативъ ростовщику изъ собственныхъ денегъ взятую у него сумму.

Вотъ какъ жили и проматывали нѣвніе отцы наши! Теперь посмотримъ, какъ отецъ мой воспитывалъ меня. Это также весьма оригинально.

Отецъ мой весьма часто отлучался изъ дому, любя присутствовать на всѣхъ сеймикахъ, на судахъ, участвовать въ большихъ охотахъ, словомъ, бывать вездѣ, гдѣ собиралось много помѣщиковъ. Онъ также навѣщалъ стараго князя Радзивила, который весьма любилъ его общество. Последняя моя болѣзнь отъ испуга возбудила въ отцѣ моемъ мысль закалить меня. Ни слезы матушки, ни советы докторовъ и друзей не могли смягчить его на этотъ счетъ: не постигаю, какъ я остался живъ, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мною испытаній! Напримѣръ, онъ будилъ меня отъ сна или ружейными выстрѣлами надъ самою моею кроватью, или холодною водою, выливаемою на меня во снѣ. Сказавъ мнѣ однажды, что только бабы и глупцы вѣрятъ въ чертей, колдуновъ, вѣдьмъ и бродящихъ мертвецовъ, онъ посылалъ меня одного въ полночь, зимою и осенью, на гумно, приказывая принести пукъ колосьевъ или горсть зерна. Надобно знать, что за нашимъ гумномъ было сельское кладбище, съ ветхою униатскою деревянною церковью. Одинъ взглядъ отца заставлялъ меня безропотно повиноваться. Слезь онъ терпѣть не могъ, и отговорокъ не слушалъ. Съ перваго раза, когда меня облези въ постелѣ холодною водою, я заболѣлъ лихорадкою, и отъ перваго ружейнаго выстрѣла надъ моею головою едва не лишился употребленія языка; но въ полгода привыкъ ко всему, и съ радостію бѣгалъ въ темную ночь на гумно, забавляясь страхомъ матушки и сестеръ. При этомъ отецъ приучалъ меня къ самой грубой пищѣ: бралъ съ собою на охоту, на которой мы проводили иногда по вѣсколку дней въ лѣсу, и будучи только семи лѣтъ отъ роду, я галопировалъ за нимъ на маленькой лошаденкѣ, и даже стрѣлялъ изъ ружья, нарочно для меня сдѣланнаго. Сперва я былъ весьма слабъ и изнѣженъ, боялся всего, не могъ вынести малѣйшей простуды, и даже кусокъ чернаго хлѣба разстроивалъ мой желудокъ, а послѣ вѣсколкихъ мѣсяцовъ спартанскаго воспитанія, я чрезвычайно укрѣпился; лакомился чернымъ хлѣбомъ съ лукомъ или рѣдькой, предпочиталъ капусту и кашу, изготовляемыя для прислуги, всѣмъ сливочнымъ кашкамъ и бульонамъ, которыми прежде кормили меня, и вмѣсто кофе и чаю,

Тилъ или стакашъ молока, или ключевой холодной воды; бѣгалъ по лужамъ, а на охотѣ по болоту, не чувствуя ни какихъ послѣдствій отъ замоченія ногъ. Отецъ мой торжествовалъ, а матушка каждый день боялась за жизнь мою, и со слезами повиновалась ему. Онъ страстно любилъ матушку, но въ волѣ своей былъ непреклоненъ. Хотя эта внезапная перемѣна въ моемъ физическомъ воспитаніи, не только не повредила мнѣ, а напротивъ, послужила въ пользу, я однако жъ, самъ не слѣдовалъ этой системѣ, да и никому не совѣтую слѣдовать. Гораздо лучше закаливаетъ дѣтей постепенно и сообразно съ ихъ сложениемъ. Мы живемъ не въ Спартѣ, и въ наше время голова важнѣе туловища!

При мнѣ былъ учитель, который обучалъ меня читать и писать по-польски, по-французски, по-нѣмецки, по-латыни и первымъ четыремъ правиламъ ариметки. Младшая сестра моя, Антонина, обучала меня играть на фортепіанѣ и на гитарѣ и пѣть. Наконецъ, въ слѣдующемъ году разразилась гроза надъ нашимъ семействомъ, и оно разбѣлось — *навсегда!*...

IV.

ВНЕЗАПНОЕ И НЕОЖИДАННОЕ БѢДСТВІЕ. — СТРАННОЕ СВАТОВСТВО. — ВЗГЛЯДЪ НА ТОГДАШНЮЮ ПРИРОДУ И СОСТОЯНІЕ ТОГДАШНЕЙ ЛИТВЫ. — ОСВОБОЖДЕНІЕ. — ЗАВЪЗЪДЪ, ИЛИ EXPULSIA ET VIOLENTIA. — ИЗГНАННИКИ.

Отецъ мой уѣхалъ, въ сентябрѣ 1796 года, въ Вильну по своимъ дѣламъ, кажется, для свиданія съ бывшимъ польскимъ генераломъ Вендорфомъ, которому онъ продалъ часть имѣнія своего Грицевичъ. Недѣли черезъ двѣ, матушка получила извѣстіе, что отецъ мой взятъ подъ стражу.

Вотъ что разсказывала мнѣ, въ послѣдствіи, матушка объ этомъ событіи. Въ Минскѣ былъ адвокатъ Герддорфъ, изъ старинныхъ лифляндскихъ выходцевъ. Онъ участвовалъ въ народномъ возстаніи, и послѣ взятія члѣнъ Костюшки, ушелъ въ Турцію, принявъ магоме-

такую вѣру, и получилъ какое-то важное званіе въ турецкой артиллеріи. Слыхалъ я, будто этотъ ренегатъ былъ впоследствии трехбунчужнымъ пашею, и что одинъ изъ литовскихъ уроженцевъ въ русской службѣ, будучи посланъ парламентеромъ въ турецкую армію, въ послѣднюю войну при Императорѣ Александрѣ Первомъ, явившись къ нему, удивился, когда онъ, спросивъ его о прозваніи, заговорилъ съ нимъ по-польски, сказавъ, что зналъ его родныхъ, и сталъ разспрашивать о старинныхъ своихъ пріятеляхъ въ Литвѣ. Не знаю, правда ли это, но то вѣрно, что Герсдорфъ принялъ магометанство и былъ въ турецкой службѣ. Этотъ Герсдорфъ, человѣкъ необыкновеннаго ума, былъ, по словамъ знавшихъ его, веселаго нрава, пріятнаго обхожденія, и потому былъ принимаемъ съ удовольствіемъ въ лучшихъ обществахъ. Онъ обучался вмѣстѣ съ отцомъ моимъ въ новогрудскихъ школахъ, и они съ дѣтства подружились. Дружба эта продолжалась и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и Герсдорфъ, предъ отъѣдомъ въ армію къ Костюшкѣ, занялъ нѣсколько сотъ червонцевъ изъ монастырскихъ суммъ какого-то католическаго монастыря, въ Минскѣ, подъ порукою отца моего. Почитая Герсдорфа погибшимъ, отецъ мой далъ на себя-заемное письмо монастырю, и никогда не надѣялся на возвращеніе этихъ денегъ, какъ вдругъ, въ Вильнѣ, явился къ нему Грекъ, пріѣхавшій изъ Константинополя съ товарами (турецкимъ табакомъ, бакаліями, чубуками, и тому подобнымъ), сталъ разспрашивать всѣхъ объ отцѣ моемъ, и узнавъ что онъ въ Вильнѣ, отдалъ письмо отъ Герсдорфа и должныя деньги. Герсдорфъ въ письмѣ благодарилъ отца моего за поручительство, увѣрялъ въ вѣчной дружбѣ, описывалъ свое положеніе самыми блистательными красками, и просилъ усердно навестить его въ Константинополь, въ его гарейѣ, говоря, что теперь въ столицѣ Турціи много Поляковъ, что важнѣйшіе сановники Порты принимаютъ ихъ очень хорошо, и что они живутъ весело и независимо. Вѣроятно, въ письмѣ Герсдорфа были разсужденія насчетъ тогдашняго политическаго состоянія Европы, выходяи противъ Россіи и какіе-нибудь намеки на положеніе Польши, потому что нельзя предполагать, чтобъ такой от-

чаянный патриотъ, какимъ былъ Герсдорфъ, воздержался отъ толковъ о политикѣ, которая въ то время кружила всѣмъ голову. Отцу моему надлежало или сжечь письмо и тѣмъ прекратить всѣ сношенія съ ренегатомъ, или отдать письмо начальству, объяснивъ дѣло. Но умъ и благоразуміе не одно и то же. Отецъ мой сталъ показывать письмо всѣмъ пріятелямъ, забавлялся насчетъ блаженства, которое, по словамъ Герсдорфа, нашелъ бы въ Константинополѣ, говорилъ въ-шутку, что хочетъ навѣстить его въ гаремѣ, и тому подобное. Однажды отецъ мой хотѣлъ кому-то прочесть письмо, и не нашелъ его. Перерылъ всѣ бумаги, искалъ въ своихъ карманахъ, и не отыскавъ подумалъ, что выронилъ гдѣ-нибудь печально, и вовсе объ этомъ не беспокоился.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда отецъ мой былъ гдѣ-то на вечерѣ, камердинеръ его далъ ему знать, что какой-то незнакомый господинъ ожидаетъ его въ квартирѣ, *по весьма важному дѣлу*, и проситъ повидаться съ нимъ немедленно. Возвратясь въ квартиру, отецъ мой, вмѣсто одного незнакомаго, нашелъ нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ, занимающихся укладкою всѣхъ его бумагъ и вещей, и офицера съ командою. На дворѣ разставлены были часовые, и стояли двѣ кибитки съ почтовыми лошадьми. На вопросъ отца моего, что это значитъ, ему отвѣчали, что они ничего не знаютъ, но что получено приказаніе доставить его въ Гродно, со всѣми бумагами. Въ одну изъ кибитокъ сѣлъ отецъ мой, съ офицеромъ и солдатами, и помчались во всю конскую прыть. По прибытіи въ Гродно, отца моего помѣстили въ католическомъ монастырѣ, подъ стражу.

Мѣра эта извиняется тогдашними обстоятельствами. Всѣ дѣла должно вести послѣдовательно (*il faut être conséquent*). Взявъ Польшу, надлежало водворить въ ней порядокъ и спокойствіе, и слѣдовательно должно было лапнуть безпокойныхъ людей возможности къ возмущенію народа, и быть строгимъ съ тѣми, которые нехотѣли покориться добровольно. Одно прістекаетъ изъ другаго. Въ это время въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Константинополѣ было много польскихъ эмигрантовъ значительныхъ фамилій, ста-

равшихся возбудить правительства къ войнѣ противъ Россіи, и какъ Порта, несмотря на мирный трактатъ, сохранила вражду къ Россіи за понесенныя потери въ послѣднюю войну, и, побуждаемая другими Дворами, надѣялась загладить побѣдами свое уничтоженіе, то польскіе эмигранты старались раздувать искры этой тайной злобы, и общали взволновать всю Польшу, при первомъ вторженіи Турковъ въ русскіе предѣлы. Русское правительство знало обо всѣхъ интригахъ въ Константинополѣ, и наблюдало въ Польшѣ брльшую осторожность, устранив всѣ сношенія эмигрантовъ съ жителями присоединенныхъ областей. Но помѣщики присоединеннаго края тогда еще не знали подлинно ни законовъ русскихъ, ни порядка русскаго, ни обязанности властей и подчиненныхъ, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнувъ къ прежнему своеволю. Отецъ мой, почитая это письмо ничтожнымъ, полагалъ, что и всѣ должны такъ думать, и былъ, какъ говорится, безъ вины виноватъ. Впрочемъ, и послѣ даже, его бы не задержали, если бъ онъ самъ не навязалъ себѣ бѣды. При допросахъ онъ то шутилъ не кста-ти, то горячился, и безъ всякой надобности входилъ въ политическія разсужденія. По рѣчамъ сочин его опаснымъ — и упряталъ!... Душевно сожалѣю о несчастіи, постигнувшемъ моего родителя, и готовъ былъ бы собственною кровью искупить его страданія; но, по справедливости и для примѣра другихъ, не могу оправдывать его тогдашняго поведенія. Надлежало поступать хладнокровно, объяснить дѣло, доказать свою неприкосновенность къ заграничнымъ интригамъ и не пренебрегать властью. Конечно, надобно принять въ соображеніе тогдашнія обстоятельства. Съ одной стороны патріоты воспламеняли умы, а съ другой нѣкоторые изъ Поляковъ оскорбляли человѣческое чувство неслыханною низостью!... Трудно было сохранить хладнокровіе честному и прямодушному человѣку, одаренному пылкимъ характеромъ! Эти пылкіе люди, въ каждомъ потрясеніи гибнутъ первые, гоняясь за правдою и честью, гибнутъ какъ бабочки, принявъ заженную свѣчу за солнечный свѣтъ.... Одинъ возжигаетъ пламя, а тысячи гибнутъ въ немъ. Поздно приходитъ разочарова-

ніе и раскаяніе! При этомъ позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступление.

Нѣкто Самуилъ Бемфордъ (Bamford), бывшій однимъ изъ участниковъ политическихъ движеній, обезпечивавшихъ Англію отъ 1816 до 1821 года, издалъ недавно описаніе важнѣйшихъ своихъ приключеній, подъ названіемъ: *Записки радикала* (*Mémoires d'un radical*), разборъ которыхъ и извлеченіе изъ нихъ я читалъ въ *Revue Britannique*, въ мартовской книжкѣ 1845 года, и считая статьи, уже при печатаніи моихъ *Воспоминаній*, привестъ здѣсь правила Бемфорда, внушенныя ему опытностію и благоразуміемъ. Честолюбцы и эгоисты, употребляя Бемфорда какъ орудіе, для достиженія своихъ личныя выгодъ, до тѣхъ поръ льстили ему и обнадеживали его помощію, представляя въ будущемъ блистательную участь, пока онъ имъ былъ нуженъ, а потомъ бросили съ презрѣніемъ, какъ выжатый лимонъ. Это общая участь честныхъ людей въ революціяхъ! Хорошо еще, что Бемфордъ этимъ отдѣлался. Французская революція рѣзала все честное и благородное. Разказавъ всѣ низости начальниковъ революціонныхъ партій, Бемфордъ составилъ себѣ слѣдующій политическій катихизисъ, который бы надлежало учить наизусть юношеству, особенно въ западной Европѣ.

«Трудолюбивый и небогатый человѣкъ не можетъ лучше служить отечеству, какъ исполняя обязанности въ своему семейству, и онъ не въ состояніи оказать болѣе дѣйствительной пользы, какъ приготовляя для отечества достойныхъ гражданъ. Участіе каждаго гражданина въ правленіи есть повиновеніе законамъ и управленіе, съ любовью и добродушіемъ, своимъ семействомъ, которое должно быть его царствомъ. Лучшая и единственная реформа, которою онъ можетъ заняться, это усовершенствованіе въ своемъ домашнемъ быту. Самые полезныя митинги (*meetings*); то есть народныя собранія, суть тѣ, которыя отбываются въ семейномъ кругу, а лучшія рѣчи (*speech*) тѣ, которыя клонятся къ водворенію спокойствія, мира, любви и снисхожденія къ человѣчеству. Лучшія прошенія (*petitions*) суть тѣ, которыя возносятся съ сокрушеннымъ серд-

дѣтъ къ Царю Небесному, не презирающему гласа смиренія, и тѣ, которыя представляются сильнымъ земли, для исходатайствованія у нихъ, мпролебивымъ путемъ, улучшеній для страждущихъ собратій. Кто хочетъ успѣха, долженъ научиться страдать. Кто хочетъ быть героемъ, долженъ умѣть управлять собою. Кто хочетъ управлять, пусть научится повиноваться.»

Сколько людей съ умомъ, съ дарованіями, съ добрымъ сердцемъ были бы спасены отъ гибели, если бъ эти правла укоренены были въ нихъ съ юности!

Матушка, получивъ печальное извѣстіе, немедленно выѣхала въ Минскъ со всѣмъ семействомъ, и явилась къ генералу Тутолмину, просить совѣта и покровительства. Тутолминъ жаловалъ моего отца, соболѣзновалъ о его участи, но совѣтовалъ подождать, пока пройдетъ первый жаръ, общая за него вступиться и даже писать въ Петербургъ. Между-тѣмъ пришло извѣстіе о смерти Императрицы Екатерины Второй (скончавшейся 5 ноября 1796 года) и возшествія на Престолъ Императора Павла Петровича. Многіе изъ значительнѣйшихъ чиновниковъ и генераловъ русскихъ уѣхали въ Петербургъ, и въ томъ числѣ Тутолминъ, и матушка рѣшилась подождать его возвращенія въ Минскъ, гдѣ у насъ былъ собственный домъ, или, какъ тогда называли, юрисдикція, то есть домъ съ мѣстомъ, подчиненные не городской власти, а своей, шляхетской.

Не помню, наканунѣ какого большаго праздника матушка взяла меня въ церковь къ вечернѣ. Народу было въ церкви бездна, и въ тѣспотѣ меня какъ-то оттерли отъ матушки и вытолкнули за двери. Я обрадовался, что выбрался изъ удушливой тѣспоты, въ которой едва не задохнулся, и вознамѣрился возвратиться домой; но, не зная улицъ, забрелъ въ конецъ города, блуждалъ въ темнотѣ, не встрѣчая ни одной души, и наконецъ, не зная что дѣлать, принялся плакать. Фонарей тогда не было на улицахъ, какъ теперь, и я шелъ на-обумъ, по поясъ въ слѣгу, содрогаясь отъ лая собакъ. Вдругъ, при поворотѣ, вижу вдали огонь. Я побѣжалъ туда изъ всѣхъ силъ, и попалъ на гауптвахту! Часовой вызвалъ унтеръ-офицера, который проводилъ меня въ офицерскую комнату. Я рассказалъ

офицеру мое приключеніе, назвалъ мою фамилію, но не умѣлъ наименовать улицы, на которой находился нашъ домъ. Офицеръ совѣтовалъ мнѣ прилечь на скамьѣ, обѣщая на другой день отыскать нашъ домъ и отвезти меня къ матери. Нечего было дѣлать, я согласился. Въ это время вошелъ молодой человѣкъ въ губернскомъ мундирѣ. — «Я дежурный чиновникъ губернаторской канцеляріи, сказалъ онъ офицеру: и пришелъ просить васъ о смѣнѣ часоваго у кассы, который заболѣлъ ужаснымъ колющимъ въ бокахъ, такъ что не можетъ дышать.» Пока офицеръ распоряжался, чтобъ выслать людей за больнымъ солдатомъ и очереднаго на смѣну, молодой чиновникъ спросилъ меня, кто я таковъ и что здѣсь дѣлаю. Я рассказалъ ему мое приключеніе. Чиновникъ сказалъ офицеру, что знаетъ нашъ домъ, и взялся отвезти меня немедленно. Мы сѣли въ санн, и чрезъ нѣсколько минутъ я уже находился въ объятіяхъ матери, которая была въ ужасномъ отчаяніи, воображая, что меня украли жидаы! Тогда еще вѣрили въ Литвѣ, что жидаы употребляютъ христіанскую кровь для печенія опресноковъ (то есть, мацы) въ праздникъ Пасхи. Можно себѣ представить, какъ благодарна была матушка чиновнику и какъ его приняла. Было уже около одиннадцати часовъ ночи, и потому гостя не удерживали, но матушка запросила чиновника, на другой день къ обѣду; онъ явился — и съ этого дня сталъ безвыходнымъ нашимъ гостемъ и другомъ семейства, а черезъ четыре мѣсяца женился на старшей сестрѣ моей, Елисаветѣ, которая прожила съ-нимъ счастливо лѣтъ тридцать. Зять мой впоследствии называлъ меня, въ-шутку, *свatomъ*.

Туголмннъ не возвращался. Матушка однако жъ не была въ бездѣйствіи; она писала письма къ братьямъ своимъ въ Бѣлоруссію, въ Петербургъ къ сыну и ко всѣмъ, кого только знала; писала и къ графу Ферзену. Въ концѣ февраля, матушка нарочно выѣхала въ деревню, чтобъ не быть на сѣздѣ дворянства, на контрактахъ. Подъѣзжая къ дому, и на крыльцѣ встрѣчаетъ насъ—отецъ мой! Онъ возвратился наканунѣ; въ четыре мѣсяца онъ ужасно переиѣнился: похудѣлъ, постарѣлъ десятью годами и

продѣлать. Всѣ мы расплакались! Съ этой поры отецъ не отпускалъ меня отъ себя ни на мишуту. Онъ, какъ дядька, ходилъ за мною, и я даже спалъ въ его комнатѣ.... Кажется, онъ предчувствовалъ нашу вѣчную разлуку и мое сиротство. Съ удивленіемъ и горестью замѣтили всѣ въ домѣ, что отецъ мой перемѣнился столько же въ нравственномъ, сколько и въ физическомъ отношеніи. Веселость его исчезла; онъ не шутилъ уже, и не занималъ своего семейства бесѣдою, но былъ молчаливъ и мраченъ, никуда не выбѣжалъ и никого не принималъ, прячась отъ людей, и если не игралъ со мною, то ходилъ одинъ, съ ружьемъ, вокругъ дома или по опушкѣ лѣсу. Матушка тайнѣ плакала, видя такую печальную перемѣну въ нравѣ отца моего, и опасалась, чтобъ это не было предвѣстникомъ тяжелой болѣзни. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, начала развиваться какая-то желчная болѣзнь, которая навела на него меланхолію и привила къ душѣ мизантропію. Матушка сказывала мнѣ, что замѣтила это по одной чертѣ. Пришелъ къ намъ проситься въ службу стрѣлецъ, и привелъ съ собою отличную охотничью собаку; отецъ мой отвѣчалъ: «человѣка не надобно, а собаку куплю: собаки не измѣняютъ и не торгуютъ своею породой!»

Съ седьмага марта (въ день Святаго Іосифа) начинались, такъ называемые, *контракты* въ Минскѣ. Самое названіе означаетъ, что контракты есть время, назначенное для различныхъ *сдѣлокъ*. Въ это время покупали, продавали и брали въ аренду имѣнія, занимали и отдавали въ займы деньги, платили долги и проценты. Въмѣстѣ съ тѣмъ была тогда же и ярмарка и время увеселеній. Кушцы пріѣзжали съ товарами изъ всѣхъ большихъ городовъ и изъ-за границы. Каждый вечеръ бывали театральныя представленія, концерты, частныя и публичныя балы, а кромѣ-того богатые помѣщики давали обѣды. Это было дѣловое и веселое время. И теперь существуютъ контракты, но это уже тѣмъ прежнихъ; теперь уже знаютъ въ западныхъ губерніяхъ, что такое кредитныя установленія въ Россіи, банки и ломбарды; но тогда всѣ денежныя обороты происходили въ провинціи: брали деньги у частныхъ лицъ, и отдавали капиталъ на проценты въ частныя же руки; слѣдо-

вательно, весьма немногіе помѣщики не имѣли надобности быть на контрактахъ, тѣмъ болѣе, что тутъ заключались условія на поставку въ Ригу хлѣба, корабельнаго лѣса, пеньки, льна, сѣмени львянаго, и тому подобнаго. Тогда Англія, Швеція, Голландія и даже Америка вывозили хлѣбъ, болѣею частію, изъ Россіи и Польши, и земледѣліе было за границей не въ такомъ состояніи, какъ теперь. Что тамъ произведено усиліемъ и наукою, то у насъ разсыпала щедрою рукою природа. Всѣ замѣчаютъ, однако жъ, что втеченіи полувѣка не только климатъ, но даже мочва и наружный видъ земли во многихъ странахъ весьма перемѣнились, особенно въ Восточной Европѣ, то есть въ Польшѣ и Россіи. Многія озера, рѣчки и ручьи прсыхли, большія судоходныя рѣки мельчаютъ, особенно при устьяхъ. Почва истощилась, и лѣса или уже исчезли, или исчезаютъ. Человѣкъ долженъ непременно всегда бороться съ природою или содѣйствовать ей, удерживать воду или спускать ее, углублять рѣки, разводить лѣса или очищать ихъ, изсушать болота и удобрять землю, иначе природа въ заселенныхъ мѣстахъ непременно истощится, а съ нею обнищаютъ и люди. Не знаю, какъ теперь, но я еще помню, когда минская губернія была богата и плодородна. Пшеница росла въ ростъ человѣка, рожь и яровые хлѣба давали всегда обильную жатву. Рѣки и озера изобиловали рыбою; на берегахъ Березины и впадающихъ въ нее рѣчекъ водились бобры (которые теперь вовсе исчезли). Гастрономы, особенно католическіе монахи, лакомились бобровымъ хвостомъ, состоящимъ изъ одного пѣжнаго и хрушкаго жиру, но боброваго мяса не употребляли въ пищу. Замѣчательно, что жирный бобровый хвостъ почитался *постною пищею*, какъ-будто бобръ рыба! На болотахъ водились, такъ называемыя, *земноводныя черепахи*, которыхъ мясо сохраняло запахъ душистыхъ травъ, особенно майорана. Это также была лакомая пища. Дичи была бездна въ обширныхъ лѣсахъ. Кабановъ ловили, за одинъ разъ по нѣскольку десятковъ, западнями; лосей, оленей, дикихъ козъ вездѣ было множество. Пчеловодство процвѣтало, и бобруйскій уѣздъ производилъ торговлю медомъ-липцемъ (бѣлымъ) и воскомъ. Дубы от-

правиляли въ Ригу, сосну въ Кременчугъ. Плодовыя деревья не требовали ни какого хожденія за ними, и произращали превосходные плоды. Въ лѣсахъ и на межахъ росли дикія групи яблони, изъ которыхъ дѣлали превкусное питье. Сверхъ всего этого, щедрая природа, безъ всякаго воздѣлыванія, производила манну на болотахъ; она походитъ стеблемъ и колосомъ на просо, только меньше и мельче. Женщины, въ концѣ лѣта, выходили на зарѣ на болото, пока еще роса держалась на колосьяхъ, и сбивали зерно въ рѣшето; изъ этого зерна дѣлали крупу, вовсе не похожую вкусомъ на ту крупу, которую нынѣ продають подъ именемъ манны; за настоящую манну дорого платили въ Ригѣ. Собирали также большое количество вольнорастущаго на лугахъ тмину. Даже испанскія мухи водились во множествѣ, доставляли доходъ, равно какъ и червецъ, или такъ-называемая польская кошениль. И такъ, безъ рациональнаго хозяйства, встарину было во всемъ изобиліе, и хлѣбъ былъ въ запасѣ и у помѣщика и у хорошаго крестьянина. Не даромъ въ русскомъ народѣ велась поговорка: «въ Польнѣ хлѣба больше.» Посѣтивъ этотъ край въ 1807 году, я уже нашелъ во всемъ большую перемену; но хорошее осталось въ памяти туземцевъ.

Зимы были постоянны, и весна въ бобруйскомъ и сосѣднемъ мозырскомъ уѣздѣ начиналась рано. Въ полѣ работали въ мартѣ, а въ апрѣлѣ все уже цвѣло. Припоминаю все происшествія, потому что это была послѣдняя весна, проведенная мною въ семействѣ, при отцѣ и матерп. Ни какое блаженство въ жизни не вознаграждаетъ ласкъ родителей! Помню, какъ въ этомъ году, отецъ самъ устранивалъ для меня лубокъ; съ котораго я скатывалъ на траву красныя пасхальныя яйца, въ Свѣтлый Праздникъ! Я жилъ или въ полѣ или въ саду, и былъ вполне счастливъ. Все меня любили, ласкали, нѣжили, какъ обыкновенно бываетъ съ младшимъ въ семьѣ. — Весна обѣщала урожайный годъ.

Въ одно утро, отецъ мой выѣхалъ верхомъ въ поле, вмѣстѣ со мною. Мы ѣхали шагомъ по дорогѣ, какъ-вдругъ послышался за рощицей звукъ колокольчика...

Отецъ мой быстро позоротылъ коня, и поскакалъ домой, я за нимъ.....

Едва мы успѣли слѣзть съ коней и войти въ комнаты, на дворъ нагрпнула цѣлая ватага. На тройкѣ подѣхалъ къ крыльцу засѣдатель, съ своимъ писаремъ и какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ, въ польскомъ платьѣ; на другой тройкѣ вѣхали на дворъ унтеръ-офицеръ и двое солдатъ земской полиціи (она тогда имѣла небольшую команду изъ солдатъ выслужившихъ срокъ); на нѣсколькихъ крестьянскихъ подводахъ привкатили, такъ называемые, понятые, то есть старосты деревень, съ бляхой на груди. Разумѣется, все семейство наше испугалось, думая, что снова пріѣхали брать подѣ стражу отца моего. Онъ стоялъ неподвижно у окна, и помню, что былъ блѣденъ, какъ полотно. Наконецъ вошелъ въ комнату засѣдатель, влача за собою огромный, брячущій палашище. За нимъ вошелъ незнакомый намъ шляхтичъ. Засѣдатель, не поклонившись никому, хотя матушка и сестры прибѣжали къ отцу моему и ухватились за него, спросилъ по-русски: «Кто здѣсь хозяинъ?»—Отецъ рассказалъ намъ послѣ, что этотъ самый человѣкъ служилъ провентовымъ писаремъ (то есть, по части винокуренія и продажи водки) у князя Карла Радзивилла, въ Слуцкѣ, и просился къ нему въ службу.—«Развѣ вы не знаете меня?» отвѣчалъ хладнокровно отецъ мой. Засѣдатель былъ крѣпко на-веселѣ. «Я никого не знаю, и знать не хочу, отвѣчалъ онъ гордо: а вы должны знать, кто я. Объявляю вамъ, что вы должны сейчасъ выбраться изъ Маковицъ и сдать имѣніе повѣренному пану Дашкевича—и вотъ указъ.» При этомъ онъ одною рукою указалъ на шляхтича, а другою подавъ отцу моему бумагу. Это было предписаніе уѣзднаго суда нижнему земскому суду ввести немедленно пана Дашкевича во владѣніе его родовымъ имѣніемъ, Маковищами, потому что сумма, за которую оно заложено, уже внесена въ судъ на контрактахъ, и какъ послѣ трехъ извѣщеній (сوماцій) никто не явился для полученія денегъ, то судъ, на основаніи законовъ, велитъ исполнительной власти возвратить вотчиннику его собственность. Тутъ я долженъ пояснить дѣло.

Деньги, данныя пану Дашкевичу подъ залогу имѣнія, принадлежали исключительно матушкѣ, и закладная сдѣлана была на ея имя. По желанію отца моего, имѣвшего свое собственное имѣніе и притомъ свои собственные долги, въ закладную внесень былъ особый пунктъ, что панъ Дашкевичъ долженъ выкупить имѣніе *наличными деньгами*, не скупая ни какихъ долговъ (*bez nabycia wlewkow*). Вопреки этому, панъ Дашкевичъ выдалъ отъ себя заемныя письма кредиторамаъ отца моего, а его заемныя письма перевелъ на свое имя, и съ частью наличныхъ денегъ представилъ въ судъ, требуя возврата имѣнія. Судъ, незавѣстно по какимъ причинамъ, пропустивъ важный пунктъ въ закладной и предписавъ отдать имѣніе вотчиннику, невзирая на протестацію нашего повѣреннаго. Имя въ рукахъ рѣшеніе суда и предписаніе нижнему земскому суду къ исполненію его, панъ Дашкевичъ не обратилъ вниманія на протестъ нашего повѣреннаго и на позывъ въ судъ, и рѣшился, по *старопольскому* обычаю, на *наездъ*, то есть, на *изнаніе насъ насильно изъ имѣнія*. Овъ забылъ, что времена перемѣнились, что русское правительство употребило всѣ усилія, чтобъ истребить прежнее своеволие и прежніе беспорядки. Панъ Дашкевичъ думалъ, что объявленная неприкосновенность прежнихъ правъ и привилегій долженствовала состоять въ сохраненіи всего, что дѣлалось во время польскаго правленія, *правильнаго управления*. Ему не мудрено было подговорить засѣдателя, который, кромѣ-того, что былъ человекъ сомнительной нравственности и придерживался чарочки, жестоко серчалъ на моего отца. Встрѣтясь въ Глускѣ на улицѣ, при нѣсколькихъ помѣщикахъ, засѣдатель фамиліарно протянулъ руку моему отцу, какъ старому знакомому, чтобъ поздороваться; но отецъ мой, измѣривъ его взглядомъ, не далъ руки, и сказалъ хладнокровно: «я не танцую на улицѣ!» Теперь засѣдатель нашелъ случай отмстить за оказанное ему презрѣніе. Да и вообще при началѣ учрежденія русскаго управленія въ новыхъ областяхъ, губернаторы, желая угодить помѣщикамъ составленіемъ земской полиціи изъ туземцевъ, нисколько произвели противное дѣйствіе. Изъ людей порядочныхъ, изъ помѣщиковъ ува-

жаемыхъ, не было охотниковъ къ занятію полицейскихъ должностей, и потому брали въ заѣдатели между плыхту, а въ капитанъ-исправники выбирали людсїи большюю частію изъ Бѣлоруссїи, уже находившихся въ русской службѣ. Выборъ рѣдко соотвѣтствовалъ ожиданію—и эта часть администраціи не пользовалась тогда уваженіемъ помѣщиковъ.

— «Изъ Маковищъ я не выберусь, сказалъ мой отецъ: потому что мы подали позывъ пану Дашкевичу о неисполненіи условія, и будемъ ждать рѣшенія высшаго суда.—«Что вы мнѣ толкуете о вашихъ позывахъ! сказалъ заѣдатель: не выберетесь добровольно, такъ мы выгонимъ насильно!»... Я видѣлъ, что матушка и сестры держали за руки отца моего, и наконецъ матушка повисла у него на шеѣ, и что-то шептала на-ухо. Страшно было смотрѣть на моего отца! Посинѣлыя губы его дрожали, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ: видно было, что онъ ужасно боролся съ собою; наконецъ онъ захохоталъ такимъ смѣхомъ, что я задрожалъ. — «А! вы хотите выгнать насъ насильно!» сказалъ отецъ мой прерывающимся голосомъ. — «Непремѣнно, въ силу указа! возразилъ повѣренный пана Дашкевича. — «И такъ, выгоняйте!» сказалъ отецъ мой. Заѣдатель съ повѣреннымъ вышелъ изъ комнаты.

— «Для васъ только, для вашего спокойствія я перенесу эту обиду!» сказалъ отецъ мой, обращаясь къ матушкѣ и къ сестрамъ: «Но мы не должны уступить добровольно, пусть выгоняютъ насъ силою,» примолвилъ онъ—и въ это время услышали мы ржаніе нашихъ коней, которые бѣгали по двору: ихъ выпустили изъ конюшни. Понятые вытаскивали экипажи изъ сарая. Отецъ мой надѣлъ шапку и плащъ, взялъ ружье и вышелъ на крыльцо, сказавъ матушкѣ и сестрамъ, чтобъ слѣдовали за нимъ, а меня повелъ съ собою за руку. Вскорѣ явились матушка и сестры въ салопахъ. Заѣдатель кричалъ и бѣсновался возлѣ конюшни, а потомъ со всей своей командой пришелъ къ крыльцу, и сказалъ понятымъ:—«Ступайте въ домъ, и сложите всѣ вещи въ одну комнату, а я запечатаю.» Повѣренный вошелъ въ комнаты вмѣстѣ съ мужиками. Матушка и сестры дрожали отъ страха. Въ комнатахъ слышны

были стукъ и ломка мебели, звонъ посуды.... — «Вы видите, что здѣсь намъ дѣлать печего — пойдемъ!» сказалъ отецъ мой, и мы вышли за ворота. — Куда же намъ дѣваться, куда приклонить голову! сказала матушка рыдая. — «Пойдемъ къ пріятелю нашему, пану Струмилю,» отвѣчалъ отецъ мой, сохраняя удивительное, невиданное до того хладнокровіе.

Панъ Струмило (дядя по матери генерала С—х—та,) держалъ въ арендѣ имѣніе мпляхъ въ двухъ отъ Маковищъ, и наши семейства были весьма дружны между собою. Мы отправились къ нему пѣшкомъ. Слуги и служанки догна-ли насъ, и сказали, что они не оставятъ насъ, развѣ ихъ убьютъ на мѣстѣ. Моя нянька съ крикомъ бросилась ко мнѣ, и взявъ на руки обливала слезами. Отецъ приказалъ только двумъ человѣкамъ и нѣсколькимъ служанкамъ слѣдовать за нами, а прочихъ отослалъ въ Глускъ, къ пріятелю, пану Ржимовскому, сказавъ, что онъ распорядится послѣ. Отецъ мой шелъ впереди съ ружьемъ на плечѣ, и молчалъ.

Мы прошли верстъ съ пять, какъ-вдругъ за нами поднялась пыль. Бричка въ три лошади мчалась быстро по дорогѣ. Женщины испугались. — «Они хотятъ убить насъ!» воскликнула матушка. Отецъ, не говоря ни слова, только взвелъ курокъ своего ружья и осмотрѣлъ полку. Бричка приближалась, и отецъ мой остановился и велѣлъ всѣмъ стать позади. Накопецъ бричка поровнялась съ нами — въ ней сидѣлъ нашъ корчмарь Юсель!.... Онъ выпрыгнулъ изъ брички, бросился къ ногамъ моихъ родителей, и зарыдалъ. — «Ты добрый человѣкъ, Юсель!» сказалъ отецъ мой отворотившись, чтобъ не видали слезъ его. Юсель не могъ промолвить слова: онъ рыдалъ, и только знаками показывалъ, чтобъ мы сѣли въ бричку. Мы уѣлись, простившись съ Юселемъ, и слуга его, также Еврей, потянулъ лошадей. Слуги и служанки наши продолжали путь пѣшкомъ.

Можно себѣ представить, какъ удивилось семейство пана Струмилы, когда увидѣло насъ въ этомъ экипажѣ! Выслушавъ разсказъ объ этомъ происшествіи, панъ Струмило благодарилъ отца за довѣренность къ нему, и отвелъ

намъ нѣсколько комнатъ. Мы вышли изъ дому передъ обѣдомъ, и семейство пана Струмилы уже пообедало. Для насъ состряпали обѣдъ, за которымъ отецъ мой былъ такъ спокоенъ, какъ дома. Матушка и сестры были ужасно разстроены и почти больны отъ испуга; онѣ не прикасались къ кушанью. Панъ Струмило не могъ надвинуться хладнокровію моего отца, зная его характеръ—и я слышалъ, какъ онъ, въ его отсутствіи, говорилъ матушкѣ, что надобно непременно посоветоваться съ докторомъ, потому что нѣтъ сомнѣнія, что отецъ мой страдаетъ какою-то болѣзнію..... На другой день панъ Струмило послалъ въ Глускъ за докторомъ, а между-тѣмъ почти всю ночь онъ провелъ съ моими родителями въ совѣщаніяхъ. Вслѣдствіе общаго совѣта, отецъ мой написалъ просьбу къ губернатору и другую въ судъ, опираясь на важнѣйшій пунктъ польскаго законодательства: *Expulsia et violentia*. На другой день выслали нарочнаго въ Минскъ, къ нашему повѣренному.

V.

СТАГИПА. — РАЗСКАЗЪ СОВРЕМЕННОЙ О КАРЛѢ ДВѢНАДЦАТОМЪ И ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. — ЗНАМЕНИТЫЙ ГАРНЕЦЪ ЖЕМЧУГУ. — ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ БѢЛОРУССІЮ. — ДАНЬ БЛАГОДАРНОСТИ ПЕРВОМУ УЧИТЕЛЮ. — ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Не стану описывать подробностей процесса, продолжавшагося слишкомъ двѣнадцать лѣтъ во всѣхъ инстанціяхъ, и кончившагося въ нашу пользу. Это было бы и длинно и для многихъ скучно. Процессъ этотъ надѣлалъ, въ свое время, много шуму въ Литвѣ и въ петербургскомъ юридическомъ мірѣ, и важенъ тѣмъ, что представилъ Сенату совершенно новые вопросы, и произвелъ въ новоприсоединенныхъ областяхъ благотворное впечатлѣніе, убѣдивъ, что въ Россіи *есть правосудіе*. Этому дотошъ тамъ не вѣрили, воображалъ, что судъ и расправа продаются съ молотка! Расскажу только обстоятельства, предшествовавшія важнѣйшему событію въ моей жизни, имѣвшему вліяніе

на всю мою участь, а именно: переселенію въ Петербургъ.

Недѣли черезъ полторы, мы отправились въ экипажахъ пана Струмилы, въ Минскъ; но прежде заѣхали въ Руссиновичи, вмѣстѣ бабушки моего отца (то есть, родной сестры его дѣда (*grand'-père*), пани Онуховской. Эта почтенная дама представляла собою живой историческій памятникъ важнѣйшихъ событій въ краѣ, втеченіи цѣлаго столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняла остатки старопольскихъ обычаевъ первой половины осемнадцатаго вѣка. Такіе люди рѣдко встрѣчаются, и я долженъ поговорить о ней.

Бабушка отца моего родилась въ 1697 году, слѣдовательно, въ это время сїи было ровно *сто лѣтъ*. Скажу предварительно, что она умерла скоростижно отъ испуга, въ 1812 году, то есть ста пятнадцати лѣтъ отъ рожденія, когда партія казаковъ внезапно и съ шумомъ вѣхала ночью въ ея дворъ. Она была необыкновенно высокаго росту, держалась всегда прямо, носила снуровку до послѣдней минуты, и всю жизнь управляла сама хозяйствомъ, вела переписку, не употребляя очковъ. Во всю жизнь свою она никогда не была дотога больна, чтобъ лежать въ постелѣ. Имѣя весьма порядочное состояніе и будучи вдовою президента гродскаго (то есть уголовного) суда, она занимала почетное мѣсто въ обществѣ; но втеченіи почти сорока лѣтъ только однажды, и то по важному дѣлу, выѣзжала изъ своей деревни, охотно принимая гостей и даже славясь радушіемъ и гостеприимствомъ. Въ домѣ ея все устроено было на старинную ногу, и многіе ѣздили къ ней нарочно, чтобъ насмотрѣться на старопольскіе обычаи, отъ которыхъ она не отступала ни на волосъ. Она не перемѣняла никогда покроя своей одежды, и одѣвалась такъ, какъ одѣвались польскія дамы въ началѣ осемнадцатаго вѣка, то есть въ длинную бѣлую кофту (въ обыкновенные дни канфасную, а въ праздники коленкорovou) до колѣнъ, съ фалбалами и съ узкими рукавами. Корсажъ состоялъ изъ снуровки, съ черными лентами накрестъ, какъ въ швейцарскомъ жѣтскомъ костюмѣ. Бѣлая верхняя исподница до колѣнъ, была общи-

та Фалбалами, и между ними одною широкою черною лентою. На головѣ носила она высокую чепецъ, перевязанный широкою черною лентою (въ знакъ вдовства). Черныя башмаки были съ пряжками и вътокми красными каблучками. Она всегда имѣла высокую трость съ золотымъ набалдашиникомъ, на которомъ вырѣзано было изображеніе Богородицы. При встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ или при какой-нибудь опасности, она крестилась и цѣловала это изображеніе. Взглядъ ея былъ серьезный, голосъ громкій и нѣсколько грубый. За нею, въ родѣ вѣстового, ходила всегда любимая ея служанка, съ ключами и съ мѣшкомъ, въ которомъ были куски сахара, пряники, мелкія серебряныя деньги для раздачи дѣтямъ слугъ и сиротамъ, воспитываемымъ въ ея домѣ. У нея былъ одинъ только сынъ (давно уже скончавшійся), который извѣстенъ былъ во всей провинціи подъ именемъ *короля*, потому что мать не называла его иначе, какъ *мой король* (*mój król*). Она баловала своего *короля* до такой степени, что онъ былъ гораздо счастливѣе настоящаго короля, Станислава Августа, хотя и былъ предметомъ шутокъ и, такъ сказать, притчей во языцѣхъ въ цѣлой Литвѣ. Мать обходилась съ нимъ до старости, какъ съ малолѣтнимъ. Природа дала ему и умъ и доброе сердце, и вообще онъ былъ любимъ всѣми, кто зналъ его близко. Мать не дала ему ни какого воспитанія, опасаясь науками повредить здоровью, и онъ едва зналъ грамоту. Самоучкой и по слуху онъ игралъ на фортепіанѣ, и даже весьма пріятно, съ чувствомъ и выраженіемъ. За *королемъ* ухаживали безпреставно нѣсколько лакеевъ и молодыхъ служанокъ, и должны были забавлять его. Для него ежедневно варили болѣе десяти кушаньевъ въ малыхъ кастрюлькахъ и горшечкахъ, чтобъ угодить его вкусу по внезапному желанію и требованію. Сама мать не употребляла никакого лекарства, но разстроила здоровье своего *короля*, подчивая его безъ нужды всякаго рода медикаментами, и держа почти круглый годъ въ-заперти, чтобъ не подвергнуть простудѣ. Во всѣхъ дѣлахъ женщина умная, она, отъ излишней и дурно постигнутой материнской нѣжности, была причиною и тѣлесной слабости, и умственнаго закоснѣнія единственнаго своего

сына, и сдѣлала его даже смѣшнымъ. Когда король польскій былъ въ Нѣсвижѣ, въ гостяхъ у князя Карла Радзивилла, то слышался такъ много изъ разсказовъ объ эгомъ королѣ, что для шутки велѣлъ представить себѣ, какъ онъ говорилъ, *своего товарища*. Мать выслала своего короля въ Нѣсвижъ съ родственникомъ, наемъ Горациномъ (отпустивъ его отъ себя въ первый разъ въ жизни), и снарядила такъ великолѣпно, что онъ явился, точно какъ удѣльный принцъ. Польскій король принялъ его очень милостиво, убѣдившись, что смѣху достоинъ не онъ, а что смѣшна мать его, и онъ смѣшанъ только при ней. Онъ даже нашелся передъ королемъ. «Привѣтствую. (witam) васъ, какъ равнаго!» сказалъ король, при первой встрѣчѣ. — «Наияснѣйшій король, отвѣчалъ Онуховскій: по шляхетству мы были равны, и по смерти будемъ равны, а теперь я царствую (króluje) только въ сердцѣ моей матери!» Всѣ удивились этому отвѣту. Но я уже сказалъ, что онъ былъ умнѣе отъ природы, и умъ его былъ только угнетенъ тяжестью материнскихъ предразсудковъ и предубѣжденій.

Прабабушка моя, пана Онуховская, одарена была удивительною, рѣдкою, непостижимою памятью, и помнила не только все происходившее въ ея дѣтствѣ и молодости, но даже и то, что прозвело на нее сильное впечатлѣнiе впечатлѣнiи всей жизни. Она была по двѣнадцатому году отъ рожденія, когда шведскій король Карлъ Двѣнадцатый проходилъ съ войскомъ изъ Сморгонь въ Борисовъ, въ 1708 году. Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ этого событiя, когда я былъ у нее въ 1807 году, она разсказывала мнѣ про Карла Двѣнадцатаго, который нѣсколько дней квартировалъ въ домѣ ея родителей, какъ-будто она видѣла его наканунѣ. Вотъ разсказъ ея, хотя и не слово въ слово.

«Когда родители мои узнали, что шведское войско идетъ въ Россiю на Молодечно, они хотѣли выѣхать внутрь края, и выслать всѣ дорогiя вещи, потому что имѣнiе наше лежало на большой дорогѣ въ Борисовъ, а Шведы были ужасные грабители. Въ мащфестахъ Шведы называ-

* Этимъ самымъ путемъ проходилъ Наполеонъ, съ своимъ несчастнымъ войскомъ, отъ Березины до Вильны, въ 1812 году.

ли себя нашими *приятелями* и защитниками, а обдирали до послѣдней нитки. Русскіе такъ же называли себя нашими друзьями и защитниками, и тоже не щадили насъ. Наши Полки, придерживаясь то партіи Станислава Лещинскаго, то партіи Августа Втораго, то есть, то Шведа, то Москаля, разоряли насъ не хуже чужихъ. Время было тяжелое, и только благость Божія удержала тогда отъ погибелн край, открытый для всѣхъ и каждаго, какъ заѣздная корчма! Всѣ наши дорогія вещи уже уложены были на фуры, и мы ждали только извѣстія о приближеніи Шведовъ, чтобъ выѣхать, оставивъ домъ на произволъ судьбы. Другъ отца моего, панъ Волловичъ, находившійся при кбролѣ шведскомъ, прислалъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что въ нашемъ домѣ назначена квартира для Карла Двѣнадцатаго.—«Король, вѣрно, не ограбитъ насъ, сказалъ мой отецъ, а напротивъ, защититъ. Зачѣмъ намъ таскаться по чужимъ домамъ: останемся!» Мать моя согласилась, и мы остались. Родители мои приготовили комнаты, велѣли даже обить мебель въ двухъ комнатахъ новымъ бархатомъ и адамашкомъ (старинною шелковою тканью, весьма прочною), запаслись лучшими съѣстными припасами и винами, и ждали гостя, хотя и не весьма спокойно. Наконецъ, намъ дали знать, что Шведы приближаются, и къ вечеру пріѣхали къ намъ двадцать четыре человека трабантовъ съ офицеромъ, который поставилъ у воротъ двухъ конныхъ часовыхъ, а на воротахъ вывѣсилъ большой желтый флагъ съ шведскимъ гербомъ, въ знакъ того, что здѣсь королевская квартира. Для трабантовъ и офицера отвели комнаты во флигелѣ, но Шведы не хотѣли занять ихъ, и провели ночь среди двора, возлѣ огня, и даже не разсѣдывали лошадей, хотя ночи были еще довольно холодны, потому что это было въ половинѣ марта, а зима того года была продолжительная. Всю ночь вокругъ и по дорогѣ безпрестанно разѣзжали трабанты и подавали сигналы, крича изъ всей силы, не давая намъ уснуть. Со свѣтомъ потянулось войско шведское мимо нашего дома, и при видѣ королевскаго знамени были въ барабаны. Полка два пѣхоты и нѣскольکو эскадроновъ конницы остановилась за нашимъ гумномъ лагеремъ, а въ

самою гумноу помѣстившись офицеры. Матушка, я и двѣ покойныя мои сестрицы принарадились; отецъ надѣлъ свой парадный кунтушъ, и мы не отходили отъ окна, чтобъ встрѣтить короля у крыльца. Около полудня вѣхали во дворъ два шведскіе офицера, а за ними конный солдатъ. «Неужели это адъютанты шведскаго короля, такъ бѣдно одѣтые?» замѣтилъ отецъ мой. Офицеры слѣзили съ лошадей и вошли въ переднюю, а потомъ въ залу, окнами въ садъ: ихъ встрѣтилъ маршалекъ нашего дома (мажоръ-домъ), потому что всѣ мы были въ столовой, окнами на дворъ. Маршалекъ доложилъ батюшкѣ, что офицеры спрашиваютъ хозяйна дома. Мы всѣ перешли въ залу, приказавъ служанкѣ дать знать, когда король вѣдетъ въ ворота.—«Вы ли хозяйинъ дома?» спросилъ вѣжливо, по-нѣмецки, офицеръ по-моложе другаго. — Къ вашимъ услугамъ; что вамъ угодно? отвѣчалъ отецъ. — «Здѣсь королевская квартира: укажите, пожалуйста, комнаты короля,» примолвилъ офицеръ. — Весь мой домъ и все, что въ немъ, къ услугамъ его величества, возразилъ мой отецъ.—«Для него довольно и одной комнаты, отвѣчалъ офицеръ; а комнаты двѣ прошу я для канцелярціи, для королевскаго министра и двухъ адъютантовъ.» — Распожарайтесь какъ вы знаете—весь домъ мой принадлежитъ его величеству! отвѣчалъ батюшка. Но позвольте узнать, скоро ли король прибудетъ, чтобъ встрѣтить его, какъ подобаетъ, у крыльца? Офицеръ улыбнулся: «Вы уже его встрѣтили, и гораздо покойнѣе для васъ и для него—я король!»—Мы остолбенѣли. Отецъ мой хотѣлъ извиниться, но не нашелъ словъ, и только кланаясь провелъ его въ парадныя комнаты. Какъ теперь вижу его передъ собою, этого страшнаго короля, о которомъ написали столько книгъ! Въ три дня я насмотрѣлась на него въволю. Онъ напугалъ весь свѣтъ, а самъ былъ смиренъ, какъ агнепокъ, скромнъ, какъ монахиня. Онъ былъ довольно высокаго росту, тонокъ и поджаръ. Лицо у него было маленькое, совсѣмъ несоразмѣрное цѣлому туловищу и даже головѣ. Красавцемъ онъ не былъ; нельзя однако жъ сказать, чтобъ онъ былъ дуренъ лицомъ, хотя былъ работать. За то темно-голубые глаза блестѣли какъ алмазы.

Тогда всё, носившіе нѣмецкое платье, покрывали голову огромными париками, что нашимъ Полякамъ казалось и смѣшно и неприлично; но король шведскій не носилъ парика. Волосы у него были каштановаго цвѣта *, легко наудренные, остриженные коротко и взбитые или взерошенные вверхъ, а съ тыла связанные въ небольшую косу. Онъ казался очень моложавымъ **. Онъ всегда былъ въ синемъ мундирѣ съ желтымъ подбоемъ и краснымъ воротникомъ, въ желтомъ лосиномъ нижнемъ платьѣ и огромныхъ сапожникахъ съ преобладающими шпорами. Налаштъ его, лосиные перчатки, доходившія до локтей, сапоги и шпоры были вовсе не по его росту, и мы, дѣвчцы, насмѣхались надъ этихъ голлаовскихъ вооруженіемъ. Шляпу носилъ онъ маленькую, безъ галуна, да и во всемъ его нарядѣ не было на одинъ шелягъ золота или серебра. Родители мои безпрестанно говорили намъ: «Разсмотрите короля! Это великій мужъ, какъ нашъ Янъ Собіескій и Стефанъ Батори!» Отецъ мой, не любя Нѣмцевъ, весьма уважалъ Карла Дѣвѣнадцатаго за то, что онъ вытѣснилъ короля Августа Второго изъ Польши, и посадилъ на престолъ шляхтича, Станислава Лещинскаго.

«Черезъ часъ прѣѣхали двѣ коляски и двѣ крытыя фуры съ людьми королевскими. Съ этимъ обозомъ прѣѣхали королевскій министр *** и другой адъютантъ. Между королевскими людьми былъ и переводчикъ, и мать моя черезъ него стала разспрашивать камердинера, какое кушанье король болѣе любитъ. — «Всякое жареное мясо, свинину и дичь, стѣвчалъ камердинеръ; изъ зелени шиповать, а изъ приправъ *петрушку* и *руту*. Свѣжихъ фруктовъ

* На многихъ портретахъ и въ кабинетахъ восковыхъ фигуръ Карла Дѣвѣнадцатаго изображаютъ *блѣдкурчавъ* и небольшого роста. Остатію въ подлинникѣ рассказъ прабабушки, въ свѣдѣніи котораго удостовѣрился, во время путешествія моего въ Швецію. Въ домѣ графа Брагге я видѣлъ портретъ Карла Дѣвѣнадцатаго съ каштановыми волосами.

** Ему тогда былъ двадцать-шестой годъ отъ-роду; родился онъ въ 1682 году, въ іюнь.

*** Графъ Шперъ, поавшійся въ плѣнъ въ сраженіи подъ Полтавой.

теперь иѣтъ, но если у васъ есть лимоны, положите передъ нимъ на столъ. Король очень любитъ ихъ.» — А какое вино пьетъ Король? спросила матушка. — «Ни какого! отвѣчалъ камердинеръ: король не пьетъ даже пива; онъ пьетъ одну воду.» — У насъ всего было въ запасѣ; матушка умѣла даже сохранять цѣлый годъ свѣжіе яблоки. — Обѣдъ былъ готовъ въ два часа, и матушка спросила у камердинера, на сколько особъ прикажетъ король накрывать столъ. Камердинеръ доложилъ королю, и потому объявилъ матушкѣ, что Король будетъ кушать за однимъ столомъ со всѣмъ нашимъ семействомъ. Это всѣхъ насъ обрадовало, и отецъ сожалѣлъ, что братьевъ моихъ не было дома: они тогда были въ Вильнѣ, въ школѣ. Я не спускала глазъ съ короля во время стола. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, и особенно ему понравилась голова дикаго кабана (*la hure*) въ студени: Онъ ѣлъ охотнѣе жирное, и вообще употреблялъ много хлѣба. Во время обѣда онъ разсиранивалъ батюшку о положеніи края, и сказалъ, между прочимъ, что война скоро кончится, и онъ дастъ средства королю Станиславу Лещинскому вознаградить Польшу за все, ею претерпѣнное. — Передъ обѣдомъ пріѣхали къ Королю три генерала, которыхъ батюшка упрощалъ остаться съ нами откусать, и они также помѣстившись за общимъ столомъ. Всѣ Шведы порядочно пили вино, похваливали его и нисколько не стѣснялись присутствіемъ короля. Но онъ пилъ одну воду, жевалъ безпрестанно хлѣбъ, и не обращалъ на другихъ вниманія. Съ нами, то есть съ женщинами, онъ не промолвилъ ни словечка, и только сказалъ complimentъ матушкѣ, насчетъ ея хозяйства, когда узналъ, что яблоки изъ нашего сада. На другой день камердинеръ сказалъ матушкѣ, что Король всѣмъ очень доволенъ, но проситъ, чтобъ за столомъ было не болѣе четырехъ блюдъ, и чтобъ обѣдъ продолжался не больше четверти часа. На ужинъ король пилъ стаканъ сладкаго молока, *припѣшавъ въ него соли*, и съѣдалъ большой кусокъ хлѣба. Все утро онъ проводилъ за бумагами. Камердинеръ сказалъ намъ, что король для того только и остановился у насъ на трое сутокъ, чтобъ написать бумаги, которыя съ нарочнымъ должно

отослать въ Швецію. Послѣ обѣда онъ прогуливался въ саду, по большой аллеѣ, съ своимъ министромъ, а мы разсматривали его изъ бесѣдки.—Отъѣзжая, король изъ своихъ рукъ подарилъ отцу моему золотую табакерку съ своимъ вензелемъ изъ алмазовъ, и велѣлъ заплатить за все забранное для его людей и лошадей. Отецъ мой обидѣлся этимъ, и сказалъ адъютанту, что онъ шляхтичъ, а не трактирщикъ, и *угощаетъ* короля, а не *торгуетъ* съѣстными припасами и фуражемъ. — Когда мы узнали о несчастіи Карла подъ Полтавой, мы душевно сожалѣли о немъ, хотя и не потеряли надежды, что онъ еще поправится, а когда къ намъ пришло извѣстіе о его смерти — мы всѣ плакали!

«Видала я также и соперника Карла, московскаго Царя Петра, примолвила прабабушка: это было въ 1711 году, также въ половинѣ марта. Въ Слуцкѣ стоялъ русскій фельдмаршалъ Шереметевъ (прабабушка называла его *Шереметь*), и мы пріѣхали со всѣмъ семействомъ въ Слуцкъ, чтобъ просить у него залогъ, потому что его казаки и разные дикіе народы, Башкиры и Калмыки, производили страшные грабежи. Въ это время разнеслась вѣсть, что самъ Царь будетъ въ Слуцкѣ, вмѣстѣ съ супругою своею, которую тогда *впервые* назвали царицею.— Въ Польшѣ говорили, что новая царица родомъ польская шляхтянка, изъ фамиліи, оставшейся въ Лифляндіи отъ времени Сигизмунда, и впослѣдствіи обидѣвшейся. Всѣ наши дамы весьма любопытствовали видѣть царицу, и подговорили мужей своихъ дать балъ для Царя. Для этого убрали огромную залу на Радзивиловской поясной фабрикѣ*, и приготовили великолѣпное угощеніе. Царь прибылъ съ царицею и своими генералами и офицерами. Онъ былъ великанъ ростомъ, молодецъ собою и красавецъ; съ черными усами и орлинымъ взглядомъ, только огромный парикъ весьма вредилъ его красотѣ. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, и казался ловокъ и развязенъ. Говорилъ онъ громко, шутилъ и смѣялся. Ему было уже подъ сорокъ лѣтъ, но

* Эта фабрика польскихъ поясовъ давно уничтожена. Такой разноцвѣтной парчи я не видывалъ нигдѣ, какую видывалъ на этой фабрикѣ. Мастеръ былъ родомъ изъ Турціи.

по лицу онъ казался моложе. Меня весьма удивило, что и у Царя, точно какъ и у его соперника, Карла, лицо, по росту, казалось несообразно малымъ. Царица была очень недурна собою, съ большими черными глазами и прелестными плечами, бѣлыми какъ снѣгъ. Она была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ малиновымъ бархатнымъ верхомъ, впереди разстегнутымъ и съ шлейфомъ, и вся въ алмазахъ и въ жемчугахъ. Волосы были наудрены, и нагъ высокою прическою была маленькая алмазная корона. Она говорила нарядно по-польски, хотя и прииѣмивала русскія слова, но по-нѣмецки объяснилась хорошо. Царь Петръ, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ, и похваливъ мой ростъ, спросилъ сколько мнѣ лѣтъ, а потомъ примолвилъ, что если я хочу итти за-мужъ, то онъ доставитъ мнѣ жениха по моему росту. Потомъ подозвалъ гренадерскаго офицера, такого же великана, какъ и онъ самъ, и представилъ его мнѣ. Понимая шутку, я отвѣчала, что напротивъ, я хочу маленькаго мужа. — «Чтобъ держать въ рукахъ, не правда ли? сказалъ Царь улыбаясь: Ой, вы, Польки!»—Съ этимъ онъ оставилъ меня.—Царь и Царица танцевали польскій и остались ужинать. За столомъ Царь пилъ вино изъ большаго покала, за здравіе короля польскаго Августа Втораго и за благоденствіе республики, называя себя другомъ ея, и былъ весьма фамильяренъ съ Поляками. Наши пили за здоровье Царя, Царицы и русскаго войска. Одинъ изъ нашей шляхты, выпивъ порядкомъ, сказалъ, что если бъ онъ дожилъ до выборовъ, то далъ бы голосъ на избраніе Царя въ короли польскіе, что весьма ему понравилось, и онъ провозгласилъ тостъ за здоровье польской шляхты. Потомъ провозглашены были тосты за здоровье дамъ, и, наконецъ, нашъ знаменитый народный тостъ: *kochałtu się* *. — Когда всѣ встали при этомъ, по старинному обычаю, и начали обниматься и цѣловаться, Царь также цѣловался и обнимался со всѣми. Разъѣхались по домамъ поздно, и всѣ мужчины, уже порядочно на-веселѣ. Наши Поляки весьма полюбили Царя за его популярность, что именно въ нашемъ народномъ духѣ, и

* То есть, будемъ любить другъ друга, или будемъ дружны.

жаловались ему по любвица его, князя Меншикова, матерью протачкала безобразіемъ, и забрала всё драгоценности даже у пани Огниской, тётки пана Огниского, самого ослѣпца царскаго приверженца, воевавшего за него противъ Шведовъ. Царь сказалъ, что все это дѣлается противъ его воли, и что Меншикову не пройдетъ это дерзнь, а пани Огниская получитъ обратно все у нея взятое.—Царь съ Царицею пребыли въ Слуцкѣ пять дней, и я видѣла его ежедневно на улицахъ и въ домѣ мама Хлещенского. Безъ большого парика онъ былъ красавецъ. Онъ узналъ меня при первой встрѣчѣ, неслѣ бала, и повторилъ свою шутку, утверждая, что я непременно должна быть его гренадершей, то есть, женою его исполнскаго капитана.—Но всё-же скромный и задумчивый Карлъ мнѣ болѣе нравился!.....»

Хотя Петру Великому и не удалось выдать замужъ мою прабабушку за исполнскаго гренадера, но въ домѣ ея была настоящая гренадерская субординація. Она страстно любила вышиваніе по канвѣ и въ тамбурѣ, и будучи уже не въ состояніи сама работать, находила наслажденіе въ руководствѣ работами, и имѣла въ домѣ своемъ родъ мануфактуры. Болѣе двадцати крѣпостныхъ дѣвушекъ, съ помѣщиками сиротъ и воспитанницъ и нѣсколько бѣдныхъ шалтаночекъ ежедневно занимались вышиваніемъ ковровъ и обоевъ. Всѣ стѣны и всѣ мебели въ ея домѣ обиты были превосходнѣйшимъ шитьемъ, едва-ли уступающимъ Гобеленовымъ обоямъ. Этихъ ковровъ и обоевъ она никогда не продавала, но не только редичимъ, а даже и значительнымъ людямъ, не по ихъ силѣ, а по ея выбору, и самому королю польскому посылала она въ подарокъ свои надѣлія, которыя высоко цѣнились знатоками. На выписываніе рисунковъ она не жалѣла денегъ. На большихъ стѣнныхъ коврахъ рисунки изображали битвы, охоту; фигуры были въ натуральной ростъ. На старинныхъ массивныхъ мебелихъ, надъ дверьми, надъ окнами и даже на печахъ, и на всей домашней посудѣ и утвари были вырѣзаны или нарисованы гербы нашей фамиліи. Въ портретной залѣ была коллекція портретовъ нашихъ предковъ съ шестнадцатаго вѣка. Словомъ, это былъ въ ея

нѣтъ смысла думѣ историческій, и если бѣ Литва имѣла своего Вальтеръ-Скотта, то Руссиновичи и вочленица этого имѣнія непременно играли бы роли въ историческомъ романѣ.

Обычай въ Руссиновичахъ также принадлежалъ къ исторіи. Русское: *бью челомъ* и польское: *padam do nog* (то есть, *упадаю къ ногамъ вашимъ*) не суть пустыя выраженія, или одни комплименты. Вездѣ, встарину, бѣднѣйшій и слабѣйшій бросался къ ногамъ богатаго и сильнаго и *блии передъ ними челомъ съ землю*, какъ это и до сихъ поръ ведется на Востокѣ. И теперь еще, даже у богатыхъ купцовъ и дворянъ русскихъ, придерживающихся старины, молодая пара, передъ вѣнцомъ, бросается въ ноги родителямъ, и проситъ благословенія. Въ Польшѣ, въ прошломъ вѣкѣ, всѣ родные съ *исходящей линіи* должны были падать на колѣни передъ старшими родными, и цѣловать ноги родителей. У моей прабабушки, пани Онуховской, этотъ обычай велся до ея смерти. Когда мы пріѣхали къ ней, она сидѣла въ большихъ креслахъ. Мои родители и сестра пали къ ногамъ ея, заставивъ и меня сдѣлать то же, и она протянула ногу, которую мы поцѣловали. Потомъ она приказала намъ встать, и дала обѣ руки для облобызанія, и уже послѣ этой операціи приподнялась съ кресель, поцѣловала всѣхъ насъ въ лицо, благословила и велѣла родителямъ моимъ сѣсть, а мнѣ и сестрѣ стать возлѣ ея кресель.

Отецъ мой рассказалъ ей обо всемъ случившемся съ нами, не забывъ и того, что всѣ вещи наши остались въ рукахъ наѣздяниковъ, и что мы имѣемъ только то, что на насъ. Прабабушка не сказала въ отвѣтъ ни слова, а только покачала головою. Мы пріѣхали утромъ. — «Ступайте же въ ваши комнаты, и отдохните, сказала прабабушка: а я займусь хозяйствомъ.» Любимая ея дѣвка отвела насъ въ назначенныя намъ комнаты, и тотчасъ явился поварь, чтобъ разспросить о любимыхъ блюдахъ каждаго изъ насъ. Черезъ часъ лакеи внесли къ намъ кипы. Тутъ былъ холстъ, батистъ, шелковыя матеріи въ кускахъ, кружева, платки, даже сукно. Не забыты были и ковры. По старопольскому обычаю, все это принадлежало имѣть въ запасъ въ порядочномъ домѣ. При каждой покупкѣ зем-

ныхъ произведеній у помѣщика, купецъ, по обычаю, долженъ былъ дарить хозяйку и, кромѣ-того, на каждой ярмаркѣ покупались новые товары, хотя безъ нужды, чтобъ только купить что-нибудь, и оттого кладовыя въ домахъ были полны. По счастію, во время послѣдней войны, начальникъ войскъ русскихъ, человѣкъ образованный, узнавъ, что моя прабабушка лично знала Петра Великаго, нарочно ѣздилъ къ ней, и изъ уваженія къ памяти великаго мужа, хотѣвшаго сдѣлать ее своею гренадершею, далъ ей залогъ и охранительный листъ, и домъ ея остался неприкосновеннымъ. Любимая служанка прабабушки объявила, что барыня проситъ насъ принять все это *на первый случай*.

Мнѣ ужасно хотѣлось побѣгать въ саду, но отецъ мой сказалъ, что здѣсь нельзя гулять въ саду безъ особаго позволенія хозяйки. Всѣ находившіеся подъ крышею дома должны были сообразоваться съ волею хозяйки; таковъ былъ старинный обычай! Пей, ѣшь, спи и прогуливайся не когда хочешь, а когда велеть! Каждый былъ въ своемъ домѣ властелиномъ, а въ чужомъ домѣ подданнымъ. Насъ позвали къ обѣду, и родители мои снова хотѣли повторить обрядъ колѣнопреклоненія, но прабабушка не допустила до этого; довольно было и одного раза! Изъявленіе благодарности моихъ родителей она выслушала хладнокровно, и отвѣчала только пословицею, соответствующею русской поговоркѣ: «свой своему поневоле другъ.» Всѣ кушанья стояли на столѣ, по старинному обычаю. Обыкновенныя кушанья для всѣхъ, были въ серебряныхъ крытыхъ блюдахъ, а кромѣ того передъ каждымъ гостемъ и передъ сыномъ прабабушки, *королемъ*, стояли маленькіе красивые горшечки и кастрюльки съ отборнымъ кушаньемъ, по вкусу каждаго. Прабабушка сама указала намъ мѣста: по правую руку посадила матушку, по лѣвую своего *короля*, за матушкою меня и сестру, а возлѣ своего *короля* отца моего. Далѣе сидѣли панны (то есть шляхтянки, служащія въ домѣ), и поживальницы или резидентки, комиссаръ, экономъ и нѣсколько бѣдныхъ шляхтичей, пріѣхавшихъ съ почтеніемъ или за дѣломъ. Передъ мужчинами стояли кружки съ пивомъ. При концѣ обѣда, лакей поднесъ отцу моему бокалъ

венгерскаго впа. За столомъ всѣ молчали и только отвѣчали на вопросы хозяйки. Послѣ обѣда я пошелъ гулять въ садъ, съ королеми. Онъ хотя уже тогда былъ въ возрастѣ, однако жъ игралъ со мною какъ ребенокъ, и пускалъ воздушный змѣй. Онъ былъ близорукъ, оттого что въ дѣтствѣ его держали въ комнатахъ, закрытыхъ занавѣсами, чтобъ не испортилъ зрѣнія; притомъ онъ сильно занкался.

Пріѣхалъ нашъ адвокатъ изъ Минска, и сказалъ, что при просьбѣ надлежало представить списокъ всѣмъ вещамъ, оставленнымъ въ Маковницахъ, то есть всей движимости, съ примѣрною оцѣнкою ея. Родители мои и сестра Антонина занялись этимъ, и на другой день, отъ всѣхъ представлены были адвокату списки, изъ которыхъ онъ долженъ былъ сдѣлать общій сводъ. Къ общей повѣркѣ списковъ призваны были наши слуги и служанки. Не могу забыть сцены, когда адвокатъ, начавъ читать списокъ, подашпый матушкою, вдругъ бросилъ его на столъ съ своими очками, вскочилъ со стула и, отступивъ на шагъ, поднялъ руки съ удивленіемъ, воскликнувъ: «гарнецъ жемчуга!» — Что это значитъ? спросилъ батюшка. — «Тутъ написано, что у вашей супруги былъ цѣлый гарнецъ жемчуга, не въ дѣлѣ, а просто какъ горохъ въ мѣшкѣ!» сказалъ адвокатъ. — Отецъ мой посмотрѣлъ съ удивленіемъ на матушку, и сказалъ: — «Объ этомъ я ничего не знаю, и теперь впервые слышу!» — «Потому, что я объ этомъ никому не говорила, и хранила этотъ жемчугъ, какъ послѣднюю помощь, въ случаѣ несчастія. Анна! примолвила матушка, обращаясь къ моей нянькѣ (самой вѣрной изъ всѣхъ слугъ и ея молочной сестрѣ, то есть, дочери ея кормилицы): помнишь ли тотъ мѣшокъ, который мы зарывали съ тобою въ землю, ночью, подъ большимъ дубомъ, возлѣ пруда, когда разнеслись вѣсти, что наши снова будутъ воевать съ Русскими? — «Какъ не помнить, сударыня, отвѣчала нянька: вѣдь это было въ третьемъ году; мѣшокъ былъ желтый, сафьянный, точно такой, въ какихъ для барина привозятъ курительный табакъ, а вырыли мы его только пынѣшеною вссною.» — Это былъ мѣшокъ съ моимъ жемчугомъ,

даннымъ мнѣ братьями моими въ приданое, при вторичномъ моемъ замужствѣ, сказала матушка. — Адвокатъ началъ головою, и возразилъ: «Помните, что въ этомъ вы должны *прислунуть*.» — Присяга не страшна въ правомъ дѣлѣ; я и братья мои присягнемъ, что у меня былъ *цѣлый гарнецъ жемчуга!* — «Какъ угодно,» сказалъ адвокатъ, сбѣвъ на свое мѣсто. Отецъ мой надѣлъ шапку, и вышелъ на крыльцо, взявъ меня за руку. Онъ смотрѣлъ вверхъ и посвистывалъ, а это означало, что онъ недоволенъ. Онъ не сомнѣвался въ истинѣ показанія матушки, но ему досадно было, что она передъ нимъ скрывала это.

Когда прабабушка узнала объ этомъ *гарнцѣ жемчуга*, она ни мало не усомнилась, и сказала: «Если бъ изъ дома Бучинскихъ данъ былъ и цѣлый корецъ жемчуга, то я бы не удивилась, зная, что этотъ домъ изстари славился богатствомъ и порядкомъ, а что Анѣля (имя моей матушки) не сказала объ этомъ моему пану Венедикту, за это похваляю ее. Знаю я хорошо его девизъ: день мой — вѣкъ мой, сегодня жить, а завтра гнить!» — Въ самомъ дѣлѣ, отецъ мой повторялъ это, когда его упрекали въ излишней щедрости и хлѣбосолюбствѣ.

Проживъ нѣсколько дней въ Русиновичахъ, мы отправились въ Минскъ. Передъ отъѣздомъ повторились колѣнопоклоненіе, цѣлованіе въ погу и въ руки и благословенія. Прабабушка дала моей матери кожаный мѣшочекъ со ста червонцами, завязанный и запечатанный; сестри подарилъ десять червонцевъ, а мнѣ одинъ червонецъ, на конфеты. Отца моего она только погладила по головѣ, и сказала: «Живи скромнѣ!» — Когда мы усѣлись въ коляску, отецъ ощупалъ подъ ногами мѣшокъ; онъ приводилъ его; мѣшокъ былъ съ рублями и надписью: «500 рублей.»

Мои родители не могли надвинуться щедрости прабабушки: она весьма рѣдко дарилъ деньгами родныхъ, и подарокъ ея никогда не превышалъ ста злотыхъ польскихъ. Видя насъ въ несчастномъ положеніи, она отступила отъ своего правила. Семейная гордость восторжествовала надъ всѣми чувствами и правилами. Она даже не одобряла смиренія отца моего, и сказала, что надлежало пустить

будно въ лѣбѣ дорвану, сибѣлешенуел беззаконнѣ шлжт-
тнча въ его домѣ! Таковы были польскія женщины встар-
рину. Онѣ поджигали мужей и сыновей своихъ на битвѣ.

Прибывъ въ Минскъ, матушка подала просьбу съ при-
ложеніемъ инвентаря оставшихся въ Маковицахъ вещей,
и черезъ недѣлю уѣхала со мною съ сестрою въ Бѣлорус-
сію, къ своимъ роднымъ, а отецъ мой остался лечиться
у доктора Марбурга, въ Минскѣ.

Въ могилевской губерніи, въ оршанскомъ уѣздѣ, жилъ
блжскій родственникъ матушки, Викентій Кукевичъ, мар-
шалъ (дворянскій предводитель) оршанскій, въ имѣніи сво-
емъ, называемомъ *Высокое* (принадлежащемъ нынѣ князю
Любомирскому). Кукевичъ былъ холостъ и уже болѣе не-
желалъ въ среднемъ возрастѣ. Это былъ самый честный и
благородный человѣкъ, какой только можетъ быть между
людьми, но имѣлъ нѣкоторыя непостижимыя странности.
Онъ любилъ уединеніе, и проводилъ большую часть дня
или въ своей комнатѣ, или въ полѣ, въ лѣсу, *въ раздворатѣ*
съ самимъ собою. Мы нѣсколько разъ смотрѣли съ сест-
рою въ замочную скважину, чтобъ узнать, чѣмъ онъ за-
нимается. Онъ ходилъ по комнатѣ сперва тихо, потомъ
тихо, говорилъ громко, щелкалъ пальцами, смѣялся, хо-
хоталъ, взявшись за бока, садился, кланялся, шаркалъ,
потомъ пѣлъ и наконецъ, уставъ, ложился, а отдохнувъ,
являлся въ общество, какъ-будто ничего не бывало; былъ
чрезвычайно любезенъ, снисходителенъ и вѣжливъ со
всеми. Онъ былъ въ одно время опекуномъ князей Лю-
бомирскихъ и племянницы своей, богатой сироты Куров-
ской, которая и воспитывалась въ его домѣ. Рѣшено было,
чтобъ сестра моя и я остались въ домѣ Кукевича, сест-
ра для бесѣды и надзора за родственницею Куровскою, а
я для моего воспитанія. Отецъ мой, хотя неохотно, но со-
гласился на это, намѣреваясь пріѣхать къ намъ. Въ домѣ
Кукевича проживало цѣлое семейство ошолога, занимав-
шагося воспитаніемъ дѣтей въ домахъ. Онъ назывался
Цырка. Старикъ былъ человѣкъ ученый и превосходный
музыкантъ, права кроткаго, характера веселаго. Сынъ
его, Дудовикъ, немного старѣе меня, былъ въ послѣдствіи
знаменитымъ виртуозомъ на гитарѣ. Старшій сынъ пре-

подавалъ уроки исторіи, географіи и арифметики. Старикъ Цыхра, человекъ чрезвычайно добрый и ласковый, полюбилъ меня какъ родное дитя, и умѣлъ возбудить во мнѣ мало сказать охоту, нѣтъ, страсть къ ученію. Подъ его руководствомъ и чтобъ ему нравиться, я оказывалъ удивительные успѣхи въ языкахъ и въ музыкѣ, а исторію и географію полюбилъ до того, что меня надлежало силою отрывать отъ книгъ, географическихъ картъ и глобусовъ. Много, весьма много, чтобъ не сказать *все*, зависитъ отъ учителя, отъ его усердія, отъ его характера и отъ обращенія съ дѣтьми. Глубокая ученость въ учителя не принесетъ пользы, если онъ не обладаетъ искусствомъ передавать своихъ познаній, дѣлать ихъ понятными для дѣтей, и если не умѣетъ привязать къ себѣ дѣтей, не можетъ заставить ихъ полюбить науку, возбудить въ нихъ жажду познаній, представить науку въ занимательномъ видѣ. Хорошихъ учителей весьма мало на свѣтѣ!... Добрый Цыхра! Прими и за гробомъ дань моей благодарности. Ты былъ образецъ учителей, учитель, какихъ я мало встрѣчалъ въ жизни!... Боюсь сказать, что вовсе не встрѣчалъ. Все твое честолюбіе, почтенный мой наставникъ, и наслажденіе сосредоточивались въ успѣхахъ, которые дѣлали въ наукахъ и музыкѣ дѣти твои и мы, твои воспитанники....

Между-тѣмъ процессъ кипѣлъ въ Минскѣ.—Отецъ мой былъ нелюбимъ многими изъ, такъ-называемыхъ, *выскочекъ* (parvenus) и новыхъ богачей, составившихъ себѣ состояніе карточною игрою, торговлею совѣсти, грабежемъ народнаго достоянія въ общемъ замѣшательствѣ края или обкрадываніемъ польскихъ вельможъ, при управленіи ихъ дѣлами и вотчинами. Особенно оскорбилъ онъ одного новаго богача, на послѣднихъ сеймикахъ (дворянскихъ выборахъ), желавшаго быть дворянскимъ маршаломъ.—«Если вы выкопаете изъ могилы его дѣда, сказалъ отецъ мой шляхтѣ: то на его черепѣ еще найдете *ермолку*!»—Я уже сказывалъ о сятѣтомъ парикѣ.—Нѣкто, разбогатѣвшій въ службѣ князя Карла Радзивила, игралъ уже важную роль и занималъ какое-то мѣсто въ службѣ. Онъ обошелся слишкомъ фамильярно съ отцомъ моимъ, въ боль-

шеть обществѣ, у губернатора Тутолмина. — «Мы часто вѣдались съ вами въ домѣ князя Карла Радзивила,» сказалъ съ-высока отцу моему новый богачъ. «Правда, отвѣчалъ отецъ мой: присматриваясь къ порядку въ домѣ князя Радзивила, я иногда заглядывалъ и въ кухню, и въ конюшню и въ лакейскую!» Этого не могъ никогда забыть оскорбленный выскочка! Словомъ, отецъ мой часто говорилъ горькія истинны въ глаза, и за чванство наказывалъ жестокими эниграммами. Теперь все это обрушилось на него, и за него — на матушку! Процессъ принялъ дурное направленіе, особенно послѣ отъѣзда въ Петербургъ Тутолмина. На его мѣсто назначенъ губернаторомъ въ Минскъ дѣйствительный статскій совѣтникъ К^{***}, человекъ добрый и правосудный, но не знавшій ни польскаго языка, ни польскихъ законовъ, ни польскаго порядка сдѣлокъ. На первыхъ порахъ онъ невольно долженъ былъ увлечься, какъ говорится, теченіемъ, которому новыя люди, прильнувшіе къ правительству, давали направленіе. *Гарнецъ жемчуга*, о которомъ никто не зналъ въ домѣ, ни мужъ, ни дѣти, послужилъ предметомъ къ шуткамъ, насмѣшкамъ и, наконецъ, къ обвиненію матушки въ *кривоприсяжествъ!* Ее отдали подъ уголовный судъ, и къ дому ея приставили часовыхъ. Примѣръ единственный и небывалый съ польскою дамою!

Лишь-только сестра Антонина узнала это, немедленно отправилась къ дядямъ нашимъ, роднымъ братьямъ матушки, Крайчему и Президенту главнаго витебскаго суда, Бучинскимъ, и объявила намѣреніе свое ѣхать немедленно въ Петербургъ, броситься къ ногамъ Государя и просить правосудія. Дяди снабдили ее деньгами, а Кукевичъ вызвался провожать ее. Они немедленно пустились въ дорогу, а я остался въ Высокомъ.

Черезъ два мѣсяца сестра моя прискакала на почтовыхъ въ Минскъ, съ указомъ объ освобожденіи матушки изъ-подъ ареста, и о возвращеніи ей Маковицъ въ закладное владѣніе, до разсмотрѣнія дѣла формою суда. Отецъ мой остался въ деревнѣ, для новаго устройства хозяйства, а матушка съ сестрою пріѣхали въ Высокое, навѣстили дядей, и взявъ меня съ собою, отправились въ Петербургъ,

просить удовлетворенія за незаконный арест безъ выслушанія свидѣтелей и безъ разсмотрѣнія доказательствъ насчетъ *гарницъ жемчуга*, и за несправедливое обвиненіе въ *кривовѣрствѣ*.

Никогда я такъ не плакалъ и не грустилъ, какъ разставаясь съ учителемъ моимъ, Цыхрою. Насильно вырвали меня изъ его объятій и посадили, почти безъ чувствъ, въ экипажъ. Старикъ также проливалъ слезы. Меня успокоили только обѣщаніемъ, что мы скоро возвратимся въ Высокое, и что я куплю въ городѣ новую трубку для Цыхры. Родители, особенно матушка, нѣжли и баловали меня, угождая даже моимъ прихотямъ; но Цыхра умѣлъ занять мой умъ и овладѣть душою. Мнѣ хотѣлось все знать, и я безпрестанно мучилъ его вопросами: это зачѣмъ, это что такое—и старикъ объяснялъ мнѣ съ величайшимъ терпѣніемъ, сообразуясь съ моими лѣтами и понятіями; онъ никогда не показывалъ, что я ему надобляю моею неотвѣзчивостью, а напротивъ, черезъ нѣсколько дней спрашивалъ меня, помню ли я, что онъ мнѣ рассказывалъ и повторялъ объясненіе свое, если замѣчалъ, что я забываюсь. Гдѣ вы найдете такого гувернера? Я прежде игралъ игрушками, а съ Цыхрой игралъ наукою, и пристрастился къ этой забавѣ.

Два впечатлѣнія остались въ моеї памяти изъ нашего путешествія въ Петербургъ. Въ какомъ-то городишкѣ, кажется въ Суражѣ, гдѣ мы пробыли двое сутокъ, ожидая возвращенія челоука, посланнаго съ письмомъ къ какому-то родственнику, квартировалъ полкъ или баталіонъ. Я видѣлъ ученье. На выгонѣ, за самою заставою, выстроены были баталіонъ въ одну шеренгу, и дѣлалъ ружьемъ приемы, по флигельману, который *стоилъ на крышѣ* небольшого сарая или бани. Для флигельмана устроена была платформа изъ досокъ. Полковникъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ фронта въ креслахъ и курилъ трубку. Нѣсколько офицеровъ стояли возлѣ него, и разговаривали съ нимъ, а майоръ командовалъ. Это остатки военной дисциплины Екатерининскихъ временъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, уже никто не увидитъ. Въ Могилевѣ, гдѣ мы проживали цѣлую недѣлю, потому что братья матушки

прѣехали къ ней нарочно для свиданія и совѣщанія, одинъ родственникъ повелъ меня въ іезуитскую школу. Я удивился, увидя усатыхъ школьниковъ: одного изъ этихъ усачей, профессоръ (какъ называли себя іезуитскіе учителя) поставилъ на колѣни. Возвратясь домой, я сказала нагушкѣ: Если ты отдашь меня къ Іезуитамъ — я убѣгу. — «Куда?» спросила она. — Въ Высокое, къ Цыкры! — «А если онъ тебя не приметъ?» — Пойду въ солдаты, отвѣчала я рѣшительно.

Въ Петербургѣ мы остановились у Осипа Антоновича Козловскаго, друга нашей фамиліи, бывшаго директоромъ театральной музыки. Онъ жилъ въ домѣ Льва Александровича Нарышкина, на Мойкѣ, противъ Новой Голландіи, рядомъ съ домомъ, который занималъ самъ Левъ Александровичъ, гдѣ нынѣ Демидовскій Домъ Трудящихся. Тогда этотъ домъ былъ храмомъ роскоши, гостепріимства и благотворенія, и какъ-будто въ память прежняго благодѣтельнаго хозяина превращенъ въ богоугодное заведеніе! Разумѣется, у тогдашнихъ русскихъ вельможъ въ домахъ не отдавались квартиры въ наемъ, и Осипъ Антоновичъ жилъ въ домѣ Нарышкина безвозмездно, занимая цѣлый этажъ.

VI.

ПЕТЕРБУРГЪ ЗА ПОЛВѢКА ПЕРЕДЪ СЕБЯ. — НАРУЖНЫЙ ВИДЪ СТОЛИЦЫ. — ОБЩЕСТВО. — ВЕЛЬМОЖИ ДВОРА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ. — БЫСТРЫЯ ПЕРЕМѢНЫ И ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА. — ПОЛЯКИ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВЫСШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ. — ОПРЕДѢЛЕНІЕ МОЕ ВЪ СУХОПУТНЫЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ.

Со времени кончины Императрицы Екатерины Второй, Петербургъ совершенно измѣнился, и въ наружномъ своемъ видѣ, и во внутреннемъ устройствѣ, и въ нравахъ и въ обычаяхъ. Только нѣкоторые памятники зодчества припоминаютъ прежнее — все прочее новое или возобновленное. Все великолѣпіе города, за пятьдесятъ лѣтъ передъ сего, сосредоточивалось на набережной Невы и въ центрѣ

его, въ окрестностяхъ Зимняго Дворца; но и въ этой части города было весьма много высокихъ домовъ. Почти всѣ каменные дома были или двухъ-этажные, или одноэтажные съ подземельемъ, то есть, жильемъ, углубленнымъ въ землю. Только на Невскомъ Проспектѣ, между Полицейскимъ и Анничковымъ мостами, въ двухъ Морскихъ и двухъ Миллионныхъ не было вовсе деревянныхъ домовъ, а во всѣхъ прочихъ улицахъ деревянные дома перемѣшаны были съ каменными, и вообще едва ли только не десятая часть домовъ были каменные. Но и прежніе каменные дома, втеченіи этого времени, почти всѣ, или перестроены, или надстроены, такъ что ихъ нельзя узнать. Многіе прежніе дома, почитавшіеся великолѣпными, вовсе сломаны, и на ихъ мѣстѣ воздвигнуты новыя, огромныя зданія. Теперь на Невскомъ Проспектѣ изъ старыхъ домовъ остались въ прежнемъ видѣ: домъ Васильчикова, гдѣ англійскій магазинъ (существующій на одномъ мѣстѣ болѣе полулѣта), домъ Косиковскаго у Полицейскаго моста (бывшій домъ, *тогда новый*, князя Курякина), домъ (pallazo) графовъ Строгоновыхъ, дома католической Церкви, господъ Лубье и Меньшиковыхъ и Гостинный дворъ. Всѣ прочіе дома приняли другой видъ или сломаны. На Игалианской улицѣ, противъ Михайловской Площади, съ одной стороны (съ правой) были частію каменные, а частію деревянные дома, а съ другой стороны улицы, во всю ея длину, была каменная стѣна (заборъ), ограждавшая дворцовый огорода, принадлежавшій къ Лѣтнему Саду. На Литейной, во Владимірской, въ Коношенныхъ, въ Троицкомъ переулкѣ, въ Моховой и въ окружающихъ ихъ улицахъ, равно какъ въ Малой и Средней Мѣщанскихъ, въ Подьяческихъ, на Вознесенскомъ Проспектѣ, Екатерингофскомъ Проспектѣ и прилежащихъ къ нимъ улицахъ, большая часть домовъ были деревянные. Части города, называемыя Московскою, Рождественскою, Коломенскою, были почти исключительно застроены деревянными домами, и большая часть улицъ въ нихъ не имѣла мостовой. Козье Болото, въ Коломнѣ, было настоящее болото, непроходимое и смрадное, покрытое зеленою тиной. Такихъ болотъ было тогда много въ мѣстахъ, вы-

нѣ превосходно застроенныхъ, какъ напримѣръ, по Липовкѣ, въ Грязной, на Новыхъ Мѣстахъ и за каретнымъ рядомъ. Еще и до-сихъ-поръ остались образцы прежнихъ петербургскихъ домовъ, а именно: на Невскомъ Проспектѣ, за Аппчиковымъ мостомъ, по правой сторонѣ (считая отъ Невы). Васильевскій Островъ только на набережной Невы и по Первой и Кадетской линіямъ походилъ на столычннй городъ, но далѣе застроенъ былъ почти исключительно деревянными домами. Пески, Выборгская и Петербургская Стороны, съ лучшими улицами походили на плохіе уѣздные городишки, а Ямская была настоящая деревня. Даже православныхъ церквей было не много каменныхъ, а великолѣпная одна только, именно Александровская Лавра. Казанскій соборъ былъ деревянный, низкій, съ высокою деревянною колокольней и выкрашенъ желтою краской. Исакиевскій соборъ, отстроенный въ царствованіе Императора Павла Перваго, представлялъ какую-то мрачную массу, безъ всякой архитектуры. Адмиралтейскій шпигъ существовалъ, но башня не была окружена колоннами и статуями, а зданіе Адмиралтейства было низко, не оштукатурено, и не вмѣщало въ себя жилья, а служило единственно для склада кораблестроительныхъ матеріаловъ. Съ трехъ сторонъ Адмиралтейство обнесено было тремя фасадами (въ прямыхъ линіяхъ) землянаго вала и водянымъ ровомъ. Гдѣ нынѣ находится Инженерный Замокъ, тамъ стоялъ деревянный лѣтній дворецъ Императрицы Елисаветы Петровны, и на мѣстѣ его, Императоръ Павелъ Первый воздвигнулъ свое царское жилище, названное тогда Михайловскимъ дворцомъ. Этотъ дворецъ какъ-бы волшебствомъ возникъ въ годъ, съ небольшимъ, времени. Онъ тогда окруженъ былъ валомъ и водянымъ ровомъ, съ подъемными мостами. Желѣзныхъ мостовъ вовсе не было: каменные мосты были только на Фонтавкѣ и на Екатерининскомъ каналѣ, а на Мойкѣ мосты Полицейскій, Свнй, Красный и Поцѣлуевъ были деревянные. Ныѣшній Александринскій театръ, тогда называвшійся Малымъ, не имѣлъ ни какой вышней архитектуры: это было низкое и безобразное зданіе, родъ сарая. Большой театръ былъ безъ портика и гораздо ниже, и походилъ бо-

лѣе на магазинъ, чѣмъ на храмъ искусства. Дворцовая Площадь окружена была тогда частными домами, между которыми отличался домъ Кушелева (на мѣстѣ главнаго Штаба Его Императорскаго Величества), выстроенный полудругомъ, отъ углового дома бывшаго Вольнаго Экономическаго Общества до нынѣшней арки, тогда не существовавшей. Домъ Кушелева для Петербурга былъ то же, что Пале-Рояль для Парижа, только въ миниатюрѣ. Тутъ были и лавки, и трактиры, и маскарадныя залы, и театръ, на которомъ играли нѣмецкіе актеры. Гдѣ теперь Экзерциргаузъ и промежутокъ у Пѣвческаго Моста, тутъ были дома музыканта Булана и Бѣлорусскаго дворянина Древоваго. Помню эти дома потому, что въ нихъ жили мои знакомые. Тротуаровъ вовсе не было въ городѣ. О нынѣшней чистотѣ не имѣли даже понятія. Многія улицы были непроходимы, на другихъ все лѣто стояли лужи. Въ отдаленныхъ частяхъ города (нынѣ великолѣпныхъ), на улицахъ паслись коровы и расхаживали свиньи. Ночью собаки цѣлыми стаями бродили возлѣ рынковъ, и лай ихъ и вытье раздавался далеко. Отъ оборванныхъ мальчишекъ, игравшихъ въ бабки и въ городки, на улицахъ не была проходу ни въ центра города, и отъ нихъ надлежало откупаться, чтобъ не быть забрызганнымъ грязью. На поворотѣ съ Невскаго Проспекта во Владимірскую, былъ такъ называемый *Обжорный Рядъ* (перевесенный послѣ къ Каменному Мосту, въ Апраксинѣ переулокъ). Тутъ сидѣли рядами бабы съ хлѣбомъ, пирогами, жаренымъ и варенымъ мясомъ или рыбою—и весь рабочій народъ толпился тутъ два раза въ сутки. У Синяго Моста стояли толпы людей обоого пола и различнаго возраста, съ дворецкими и прикащиками. Здѣсь нанимали работниковъ, слугъ, служанокъ, и даже покупали въ вѣчное и потомственное владѣніе. Тогда это было позволено, что можно видѣть изъ объявленій въ единственной тогда газетѣ, С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Можно смѣло сказать, что только вокругъ Зимняго дворца, на Невскомъ Проспектѣ до Аничкова Моста, въ двухъ Морскихъ и въ двухъ Миліонныхъ была Европа; далѣе повсюду выглядывала Азія

и старинная *предпетровская* Русь, съ своею полудикостью и полужаваарствоу.

Здѣсь мнѣ приходитъ на мысль разговоръ, который я имѣлъ съ однимъ просвѣщеннымъ и ученымъ вельможей (графомъ Е. Ф. Канкринимъ) на счетъ Русской Исторіи, лѣтъ за десять передъ симъ. «Если разсудить, то мы, по справедливости, вмѣсто-того чтобъ называться *Русскими*, должны называться *Петровцами*,» сказалъ графъ Егоръ Францовичъ.—«Что сдѣлали для насъ *Варяго-Руссы*, въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ Петръ Великій? При варяго-русскихъ правителяхъ мы были варягами, азіатцами, и какъ встарину Монголы покорили Россію, такъ втеченіи времени растерзали бы ее наши европейскіе сосѣди, если бъ не родился Петръ! Всѣмъ: славою, силою, довольствомъ и просвѣщеніемъ обязаны мы роду Романовыхъ, и изъ благодарности должны были бы переимѣнить наше общешлеменное названіе *Славяны* на имя творца Имперіи и ея благоденствія. Россія должна называться *Петровіей*, а мы *Петровцами*, или, Имперія—*Романовой*, а мы *Романовцами*.»—Идея оригинальная, и въ существѣ справедливая! Всевышній, сотворивъ землю, опредѣлялъ на вѣки вѣковъ мѣсто ея по вселенной и ходъ въ небесномъ пространствѣ; Петръ Великій, создавъ Имперію, назначилъ ей мѣсто въ политическомъ мірѣ, и далъ направленіе, во которому ей должно слѣдовать, для достиженія высочайшей степени славы и могущества. Присоединеніе къ Россіи старинныхъ русскихъ княжествъ и Литвы, приобрѣтеніе Курляндіи, завоеваніе Тавриды, утверженіе русскихъ границъ на Дунаѣ, приобрѣтеніе береговъ Каспійскаго Моря, населеніе поворосійскихъ стеней; каналы, дороги; усиленіе флота и войска—все это есть только исполненіе предначертаній Петровыхъ, слѣдствія направленія, даннаго имъ своей Имперіи. Все, что было сдѣлаемо вслѣдствіе этого направленія — велико и полезно; все, сдѣланное вопреки его видамъ, упало само собою!

Отъ кончины Петра Великаго (въ 1725 году) до восшествія на престолъ Императора Павла Петровича (въ 1796 году) почти шестьдесятъ осемь лѣтъ сряду, царствовали въ Россіи женщины. Два Императора, Петръ Второй и

Петръ Третій, не занимали престола и четырехъ полныхъ лѣтъ. Перевороты, бывшіе при утвержденіи власти за правительницею Анною Леопольдовою, при восшествіи на престолъ Императрицъ: Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины Второй, возносили ихъ приверженцевъ и участниковъ переворота почти надъ обыкновенною сферою подданныхъ, и съ ними возвышались ихъ родные, друзья и прислужники. Всѣ хотѣли управлять по своей волѣ, и изъ видовъ честолюбія и корыстолюбія образовались партіи. Правленіе приняло олигархическія формы.

Въ краткое регентство правительницы Анны Леопольдовны, въ царствованіе Императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны партіи явно боролись между собою, и, вреда себѣ взаимно, наносили вредъ государству. Отъ кончины Петра Великаго до половины царствованія Екатерины Второй всё-еще существовала сильная партія, противная быстрому ходу нововведеній, партія, составленная изъ людей, вздыхавшихъ по старинѣ и ненавидѣвшихъ чужеземцевъ. За эти чувствованія Вольнскій заплатилъ жизнью при Аннѣ Іоанновнѣ, но воспоминаніе о Биронѣ впоследствии еще болѣе укоренило эту ненависть. Императрица Екатерина Вторая, будучи Великою Княгинею, изучила характеръ Двора и русскаго народа, и привязала къ себѣ сердца изъявленіемъ особенной любви ко всему русскому, народному. Въ ея царствованіе расцвѣла русская словесность, изъ сѣмянъ, насажденныхъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; появились русскіе художники, русскіе ученые, и всѣ первыя мѣста въ государствѣ были заняты природными Русскими. Русскіе полководцы водили наши войска къ побѣдамъ, русскіе сановники управляли всѣми частями государственнаго механизма. Всѣ новыя учрежденія и всѣ званія получали русскія наименованія, извлеченныя изъ духа русскаго языка. Вездѣ вводимо было однообразное русское управленіе, и Остзейскія Провинціи и Финляндія, вмѣсто своихъ феодальныхъ, устарѣлыхъ правъ, получили русскіе законы. Сама Государыня казалась Русскою въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ жизни: одѣвалась по-русски, говорила всегда на-

роднымъ языкомъ съ Русскими, и даже участвовала своими трудами въ русской литературѣ. Все это льстило народному самолюбію, ободряло народъ русскій, и онъ обожалъ ее и не называлъ иначе, какъ *матушкой*. Это слово было нераздѣльно съ именемъ Государыни. Царствованіе ея было, въ полномъ значеніи слова, блистательное и славное! Приобрѣтены новыя и богатыя области, во всемъ мірѣ гремѣли побѣды, одержанныя Русскими, на сушѣ и на морѣ; построены новые города и старые украшены; дано движеніе промышленности и торговлѣ, словомъ, Россія сіяла, какъ солнце, но и это блистательное положеніе не было изъято отъ недостатковъ. Такова участь всѣхъ дѣлъ человѣческихъ! Многое еще оставалось довершить, усовершенствовать, исправить.....

Императоръ Павелъ Петровичъ, будучи еще Великимъ Княземъ, видѣлъ это и соболѣзновалъ, а вступивъ на престолъ, оказалъ великое благодѣяніе отечеству, водворивъ новую дисциплину въ войскѣ, отчетливости въ управленіи казною и строгаго правосудія въ судахъ. Чувство правосудія въ душѣ Императора Павла Петровича преобладало надъ всѣми другими чувствованіями, и даже одинъ изъ непріязненныхъ Россіи писателей сказалъ о немъ: «Онъ былъ справедливъ даже въ политикѣ!»—Если онъ ошибался, то явно сознавался въ ошибкахъ, и исправлялъ ее по-царски, но не прощалъ обмана, криводушія, лжонимства, непослушанія. Государь началъ улучшенія съ войска. Всѣ, такъ называемые тогда, *лежни*, то есть матушкины сынки и бабушкины внуки, *записанные* въ военную службу и получавшіе чины не выдавъ съ-роду своего полка, были исключены изъ службы. Кто хотѣлъ служить, тотъ долженъ былъ явиться въ полкъ и исполнять всѣ предписанія военной дисциплины, нести всѣ обязанности службы, не смотря ни на связи, ни на породу. Это возвысило духъ въ войскѣ. Каждое неправосудіе, каждое отступленіе отъ законовъ и отъ законнаго порядка въ гражданскихъ дѣлахъ, подвергалось немедленно наказанію и каждое своевольное или безотчетное употребленіе казенныхъ денегъ влекло за собою взысканіе и отвѣтственность. Всѣ подданные сдѣлались равными предъ Престо-

домъ, и ни знатность, ни высокія чины, ни сильное родство не могли избавить виновнаго отъ наказанія за самоуправство, злоупотребленіе власти и ослушаніе. Россія быстро встрепенулась, и это движеніе было для нее значительно впоследствии. Я убѣжденъ въ душѣ, что въ этомъ отношеніи царствованіе Императора Павла Петровича было чрезвычайно благотвительно, и что постепенно невозможно было бы излечить Россію отъ нѣкоторыхъ ея недуговъ. Въ быстромъ измѣненіи прежняго порядка Императоромъ Павломъ Петровичемъ вижу много добра. Вельможи, сановники, даже дамы, въ прежнія времена, не стыдились дежурить въ передней временщиковъ и ихъ любимцевъ, и расточать передъ ними лести и непростительную снисходительность, перенося терпѣливо грубости или небрежность, а между-тѣмъ, не отдавали надлежащей почести тѣмъ, которые имѣли на то полное право, и потому Государь учредилъ новый этикетъ. Прежніе офицеры рѣдко надѣвали мундиръ, и еще рѣже появлялись передъ фронтомъ. Государь приказалъ всемъ офицерамъ ежедневно являться на виновъ учрежденныхъ вахтпарадахъ, то есть, на разводѣ карауловъ, передъ которыми было ученіе. Одежда придворныхъ и вообще людей, посѣщавшихъ общества, разоряла цѣлыя семейства множествомъ алмазовъ (на пряжкахъ, пуговицахъ, орденахъ, ефесахъ шпагъ, и т. п.), кружевъ и дорогихъ тканей, вышиваемыхъ изъ-за границы — и Государь предписалъ для чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ мундиръ, уничтожилъ одежду якобинцевъ и террористовъ, фраки и круглыя шляпы. Самъ Государь не хотѣлъ говорить языкомъ, на которомъ произнесенъ былъ смертный приговоръ несчастному Лудовику Шестнадцатому и его безвинному семейству, и при Дворѣ перестали говорить по-французски, а вслѣдствіе этого исчезли и всѣ французскія наименованія. На вывѣскахъ, вмѣсто *magazinъ*, написано было: *лавка*. Развратъ и пьянство обуяли мелкихъ чиновниковъ и вообще среднее сословіе. Цѣлую ночь раздавались въ трактирахъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ гѣси, звуки музыки и стакановъ и неистовые вопли пьющихъ; слѣдствіемъ этого бывали драки, даже смертоубійст-

ва, пожары (при множествѣ деревянныхъ домовъ), и наконецъ употребленіе непозволенныхъ средствъ на пріобрѣтеніе денегъ. Государь приказалъ, чтобъ по прѣбитіи вечерней зари, всѣ огни въ частныхъ домахъ были погашены, всѣ трактиры заперты, чтобъ въ трактирахъ не было ни какой карточной игры, и чтобъ женщины не впускать вовсе въ трактиры. Азардныхъ карточныхъ игръ, какъ въ публичныхъ заведеніяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ, строжайше были запрещены во всемъ государствѣ. Балы и всякія вечернія семейныя собранія были позволены, но надлежало впередъ давать знать полиціи, чтобъ она могла распорядиться немедленно, въ случаѣ какого-нибудь нечаяннаго происшествія. Каждый человѣкъ имѣть свой собственный вкусъ, и то хорошо, что кому нравится. Государь одѣлъ войско по образцу войска Фридриха Великаго: въ длинныя мундиры съ отворотами, открытыя отъ груди, въ короткое нижнее платье желтаго или бѣлаго цвѣта, въ суконныя черныя штіблеты, за колыни, зимою, и бѣлыя холщевыя, лѣтомъ. Мушкетеры имѣли шляпы, гренадеры каски (какъ нынѣ Лейбъ-Гвардія въ Павловскомъ полку). Офицеры и солдаты должны были пудриться, носить длинныя косы и пукли (прежде пудрились и носили пукли и косы или кошельки одни офицеры). Во фронтѣ офицеры вооружены были эскантонами (родъ алебарды) а унтеръ-офицеры алебардами. Полки, исключая гвардейскихъ, назывались по именамъ своихъ шефовъ. Кирасиры и драгуны носили куртки, перья бѣлыя, вторюю зеленую, лосиное исподнее платье и шляпы съ бѣлыми султанами. Латъ не было. Гусары одѣты были по-венгерски: гвардейскіе имѣли мѣховыя шапки, армейскіе кивера съ крыломъ, и носили длинныя косы и локоны, висѣвшіе до плечъ по вискамъ.

Дѣла вообще приняли быстрый ходъ. Все исполнялось скоро, безъ малѣйшаго отлагательства, а между-тѣмъ и общество петербургское, при всеобщемъ преобразованіи, приняло совершенно другой видъ. Многіе изъ вельможъ Двора Императрицы Екатерины Второй и обогатившіеся дѣльцы уѣхали за границу, или поселились въ деревняхъ и въ Москвѣ. Рядомъ съ старою знатью и съ вельможами,

созданными Екатериною, водворилась новая знать изъ старыхъ слугъ Государя. Изъ старинныхъ коренныхъ вельможъ, представителей блистательнаго вѣка и Двора Екатерины Второй, остались въ прежнемъ положеніи Графъ Александръ Сергіевичъ Строгоновъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Изъ дѣловыхъ людей, возвышенныхъ Императрицею Екатериною въ званіе Государственнаго Савоиника пользовался милостію Государя Графъ Безбородко, а изъ новыхъ, вовсе до того неизвѣстныхъ людей, Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ и Графъ Алексій Андреевичъ Аракчеевъ. Графъ Ростопчинъ, бывший Каммергеромъ при Дворѣ Императрицы Екатерины Второй, и часто дежурившій при Великомъ Князѣ, въ Гатчинѣ, имѣлъ счастье заслужить его благосклонное вниманіе, и также пользовался особенною милостію Государя Императора. Государь Наслѣдникъ Александръ Павловичъ былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ * Петербурга. Это мѣсто занимали послѣ графъ Аракчеевъ, а потомъ графъ Паленъ. Первымъ оберъ-полиційместеромъ въ царствованіе Императора Павла былъ генералъ Архаровъ, знаменитый заведеніемъ въ Москвѣ полицейскаго порядка, при Императрицѣ Екатеринѣ Второй, и очищеніемъ древней столицы отъ множества накопившихся въ ней воровъ и разбойниковъ. Сначала дозволено было каждому подавать лично прошеніе Государю. Но неотвязность просителей, заступавшихъ вездѣ дорогу Государю, заставила его отмѣнить это постановленіе, и въ одной комнатѣ Зимняго Дворца устроены были ящики, для принятія прошеній, которыя разсматривались статсъ-секретарями, для доклада Государю. Это было первымъ основаніемъ учрежденной

* Царственный военный генералъ-губернаторъ былъ ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ, и жилъ только для добра. Бывшій при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ камердинеромъ Геслеръ, рассказывалъ мнѣ, въ послѣдствіи, что онъ, поль своимъ именемъ, напималъ двѣ комнаты въ трактирѣ, имѣвшемъ названіе *Благодѣлности* (на Гороховой, на углу, у Каменнаго Моста, въ домѣ, бывшемъ Калмыкова, гдѣ нынѣ зеленыя лавки и русскій трактиръ). Въ этихъ комнатахъ царственный военный генералъ-губернаторъ назначалъ свиданіе просителямъ, которыхъ не хотѣлъ разспрашивать при свидѣтеляхъ, утѣшалъ ихъ, помогалъ имъ и ходатайствовалъ за нихъ. Истинно ангельская душа!

впослѣдствіи Коммиссіи Прошеній. Рѣшенія Государя Императора печатались въ Вѣдомостяхъ, черезъ нѣсколько дней послѣ подачи просьбы. За несправедливые доносы или жалобы подвергались наказанію просители, а по правдивымъ жалобамъ подвергались наказанію злоупотребители власти и законопреступные судьи. Послѣ отрѣшенія отъ мѣста нѣсколькихъ губернаторовъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, всѣ стали осторожнѣе и внимательнѣе къ дѣламъ. Прошеніе, поданное сестрою моею, поступило къ Государю черезъ Статсъ-Секретаря Мелединскаго-Мелецкаго, бывшаго впослѣдствіи сенаторомъ, и оставившаго почетную память по себѣ въ Русской Литературѣ, какъ поэта эротическаго, творца прелестныхъ въ свое время русскихъ пѣсень. Черезъ него же доставлено было и рѣшеніе Осипу Антоновичу Козловскому, для передачи просительницѣ.

Образъ жизни вельможъ Двора Императрицы Екатерины Второй теперь принадлежитъ къ области вымысла, къ романамъ и повѣстямъ! Кто не видалъ, какъ жили русскіе вельможи, тотъ не повѣритъ! Я уже засталъ это сіяніе на закатѣ, и видѣлъ послѣдніе его лучи. Въ коренномъ русскомъ вельможѣ было соединеніе всѣхъ утонченностей, всѣхъ общежительныхъ качествъ, весь блескъ ума и остроумія, все благородство манеровъ вѣка Лудовика Четырнадцатаго и вся вольность нравовъ эпохи Лудовика Пятнадцатаго; вся щедрость и пышность Польскихъ магнатовъ, и все хлѣбосошество, радушіе и благодѣтельность старинныхъ Русскихъ бояръ. Цѣль жизни состояла въ томъ, чтобъ наслаждаться жизнію и доставлять наслажденія, какъ можно большому числу людей, не имѣющихъ къ тому собственныхъ средствъ, и чтобы среди наслажденій дѣлать какъ возможно болѣе добра и всею силою поддерживать дарованія и заслугу. Въ домѣ Льва Александровича Нарышкина принимаемы были не однѣ лица, имѣющія пріѣздъ ко Двору, или принадлежащія къ высшему кругу по праву рожденія или счастливою случайностію. Каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженный офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ Л. А. Нарышкину, и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. Ли-

територовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобъ украсить ими свое общество. Въ девять часовъ утра можно было узнать отъ швейцара обѣдаетъ ли Левъ Александровичъ дома, и что будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія являться къ нему. Но на вечера прѣзжали только хорошо знакомые въ домѣ. Ежедневно столъ накрывался на пятьдесятъ и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи, и всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ. Кто умѣлъ блеснуть остроуміемъ, или при случаѣ выказалъ свой умъ и познанія, тотъ пользовался особенною милостію хозяина, и того онъ уже помнилъ. На вечерахъ была музыка, танцы, *les petits jeux*, то есть игры общества, но карточной игры вовсе не было. На парадные обѣды и балы были приглашенія, и тогда уже званы были гости только по назначенію хозяина. На этихъ балахъ расточаема была азіятская роскошь, подчиненная европейскому вкусу, и званые обѣды удовлетворяли требованіямъ самой причудливой гастрономіи; но въ обыкновенные дни столъ былъ самый простой. Обѣдъ состоялъ изъ шести блюдъ, а ужинъ изъ четырехъ. Съ первыми зимнимъ путемъ приходили къ богатымъ людямъ огромные обозы изъ ихъ деревень съ провизіей: мясомъ, домашними птицами, ветчиною, солониной, масломъ, всякою крупкою и мукою, съ медами и наливками — и все это было съѣдаемо и выпиваемо до весны. На обыкновенныхъ обѣдахъ кушанье стряпалось, болѣею частію, изъ домашней провизіи; на столѣ стояли кувшины съ кислыми щами, пивомъ и медомъ, а вино (обыкновенно французскіе или франконское) разливали лакеи, обходя вокругъ стола, два раза во время обѣда. Рѣдкія и дорогія вина подавали только на *парадныхъ* обѣдахъ или на малыхъ *званыхъ*. У Графа Александра Сергіевича Строгонова было то же, съ тою разницею, что къ столу его имѣли право являться только тѣ, которыхъ онъ именно приглашалъ, и онъ въ этомъ отношеніи былъ разборчивѣе, приглашая только тѣхъ, *разъ навсегда*, которые ему особенно нравились. На дачѣ

Два Александровича Нарышкина, называвшейся *Га, та!**, (на петергофской дорогѣ) и на дачѣ Графа Александра Сергѣевича (на Выборгской Сторонѣ, за Малой Невкой), въ каждый праздничный день былъ фейерверкъ, играла музыка, и если хозяева были дома, то всѣхъ гуляющихъ угощали чаемъ, фруктами, мороженымъ. На дачѣ Строгонова даже танцовали въ большомъ павильонѣ не званые гости, а прїѣзжіе изъ города повеселиться на дачѣ — и эти танцоры привлекали особенное благоволеніе графа Александра Сергѣевича Строгонова, и были угощаемы. Кромѣ того, отъ имени Нарышкина и графа А. С. Строгонова ежедневно раздавали милостыню убогимъ деньгами и провизіей и пособия нуждающимся. Множество бѣдныхъ семействъ получали отъ нихъ пансіоны. Дома Графа А. С. Строгонова и Л. А. Нарышкина вмѣщали въ себѣ рѣдкое собраніе картинъ, богатая бібліотека, горы серебряной и золотой посуды, множество драгоценныхъ камней и всякихъ рѣдкостей. Императрица Екатерина Вторая въ шутку часто говорила: «Два челоуѣка у меня дѣлаютъ все возможное, чтобъ разориться, и никакъ не могутъ!» И точно, и Л. А. Нарышкинъ и графъ А. С. Строгоновъ оставили послѣ своей смерти огромное состояніе и весьма незначительные долги относительно къ имѣнію, долги, которыхъ стоить въ наше время не почитался бы даже долгомъ! Ни когда я не слышалъ, чтобъ Л. А. Нарышкинъ пользовался щедротами Государыни, но знаю на-вѣрное, что графъ А. С. Строгоновъ всегда довольствовался одною царскою милостію.

Съ того времени, какъ Станиславъ Понятовскій (впослѣдствіи Король Польскій) былъ Посломъ Польской Респуб-

* Дача эта, находившаяся противъ большой дачи Нарышкиныхъ, Левенталя, получила это прозваніе отъ восклицанія Императрицы Екатерины Второй, удивившейся, что дача построена въ такое короткое время и съ такимъ вкусомъ. Въ ознаменованіе посѣщенія Государыней, воздвигнуть была передъ Левентальскимъ домомъ памятникъ — ирландская колонна съ вензелевымъ именемъ Императрицы наверху. Не знаю, кому принадлежитъ теперь эта дача, но колонна уже на существуетъ. Тогда на петербургской дорогѣ были аристократическія лѣтнія жилища, принадлежащая теперь огородинкамъ, трактирщикамъ, купцамъ и счастливымъ чиновникамъ.

лики при Россійскомъ Дворѣ, Польская знать и съ нею лучшая шляхта стали посѣщать Петербургъ, и находили отличный приѣмъ и при Дворѣ и въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ. Пріѣзжали въ Петербургъ Поляки образованные, богатые, или по крайней мѣрѣ тароватые, путешествовавшіе въ чужихъ краяхъ, видѣвшіе свѣтъ, люди отличные. Впослѣдствіи, когда политическія партіи, при королѣ Станиславѣ Понятовскомъ, начали вчужѣ искать помощи для пріобрѣтенія первенства и уничтоженія своихъ противниковъ, и когда Императрица Екатерина Вторая стала управлять дѣлами Польши, въ Петербургъ стекались всѣ Польскіе честолюбцы и всѣ интриганты, для снисканія покровительства и милости Государыни. Пріѣзжали также люди честные и благородные съ намѣреніемъ склонить Государыню на переѣмъ стариннаго Польскаго безтолковаго правленія и введеніе улучшеній, сообразно съ вѣкомъ. Многие изъ знатныхъ Поляковъ имѣли русскіе военные, гражданскіе и придворные чины, и уже по званію занимали почетныя мѣста въ обществѣ. Послѣ присоединенія Бѣлорусіи къ Имперіи нѣкоторые Польскіе вельможи, какъ то: Князь Карлъ Радзивилъ, Михаилъ Огинскій и другіе отказались отъ своихъ имѣній и удалились, а большую часть богатыхъ Бѣлорусскихъ помѣщиковъ Государыня привлекла въ Петербургъ своими милостями, и посредствомъ браковъ старалась укрѣпить соединеніе единоплеменниковъ. Браки Русскихъ съ Поляками, а Поляковъ съ Русскими дѣвцами были особенно покровительствуемы Государынею. Соллогубъ (Графъ), Князь Любомирскій и Князь Понинскій женились на трехъ дочеряхъ Л. А. Нарышкина. Графъ Віельгоргскій женился на Графинѣ Матюшкиной, дочери Графа Михаила Дмитріевича и Княжны Гагаринной, бывшей Фрейлины Императрицы Екатерины Второй. Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ женился на Княжнѣ Маріи Антоновнѣ Четвертинской, Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ на Потоцкой (бывшей потомъ въ замужествѣ за Генераль-Адъютантомъ Уваровымъ), и кромѣ того множество генераловъ и высшихъ чиновниковъ и Польскихъ помѣщиковъ (которыхъ именъ не упомяну), вошли въ кровные союзы съ Русскими фамиліями. Родите-

дѣль предоставлено было на волю избирать вѣроисповѣданіе для ихъ дѣтей, въ той увѣренности, что въ третьемъ поколеніи дѣти отъ Русскихъ отцовъ или матерей примутъ православную вѣру, что и исполнилось почти безъ исключеній. Сынъ Графа Соллогуба былъ католикъ, а внукъ его, выѣшній писатель, уже Православный, равно какъ и Князь Любомирскіе. На первыхъ порахъ, когда обуреваемая партіями Польша еще имѣла союзницами Францію, Швецію и Турцію, надлежало дѣйствовать осторожно и съ предусмотрительностью, и Императрица Екатерина Вторая старалась составить сильную Русскую партію въ самой Польшѣ, въ чемъ и успѣла совершенно. По уничтоженіи Польской Республики и присоединеніи къ Россіи, на вѣчныя времена, Литвы и старинныхъ Русскихъ Княжествъ на западѣ и югѣ Россіи, множество Польскихъ дворянъ, особенно изъ фамилій знатныхъ, но небогатыхъ, бросились въ Петербургъ искать счастья—и всѣ получили мѣста при Дворѣ, въ гвардіи или гражданскомъ вѣдомствѣ, съ значительнымъ содержаніемъ. При учрежденіи Третьяго Департаментна въ Сенатѣ, для Польскихъ дѣлъ, нѣкоторые извѣстные люди изъ Поляковъ получили званіе Секретарей. Однимъ словомъ, Поляковъ ласкали вездѣ, принимали и покровительствовали. Императоръ Павелъ Петровичъ также былъ особенно милостивъ къ Полякамъ. Немедленно по восшествіи на престолъ, Государь далъ свободу всѣмъ Польскимъ узникамъ *, заключеннымъ въ Петропавловской крѣпости, и лично объявилъ эту милость Генералу Костюшкѣ. Главныя лица изъ Поляковъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, были: Иллиньскій (Графъ), бывшій при Наслѣдникѣ Престола безсмыннымъ дежурнымъ камергеромъ, въ Гатчинѣ. Онъ находился въ Петербургѣ во время кончины Императрицы, и отправившись немедленно въ Гатчину, первый поздравилъ Наслѣдника Пре-

* Нѣцкевичу и Фишеру, бывшимъ адъютантами Костюшки, Закревскому, бывшему Президенту Варшавы, Игнатію Потоцкому, бывшему Маршалу послѣдняго Сейма, Мостовскому, бывшему Каптелану Раціонжскому, Вавржецкому, главнокомандующему въ Польшѣ, послѣ Костюшки, Соколыницкому (бывшему послѣ генераломъ), Килевскому, Полковнику Варшавской Народной Гвардіи, Каюостасу, и другимъ.

стола Императоромъ. За усердіе и приверженность, оказанныя при этомъ случаѣ, Иллинскій получилъ отъ Государя нѣсколько тысячъ душъ. Въ послѣдствіи онъ былъ Сенаторомъ. Это былъ чрезвычайно добрый и благородный человекъ, весьма набожный, но холодный и нѣсколько надменный съ низшими. Онъ былъ необыкновенно высокаго роста, сухощавъ, держался всегда прямо, и отъ этого казался неловокъ. Онъ много дѣлалъ добра Полякамъ, и при Александрѣ Павловичѣ, вначалѣ его царствованія. О немъ я буду говорить впослѣдствіи. Северинъ Осиповичъ Потоцкій (Графъ) остался бѣденъ послѣ отпаденія своего, лишившагося огромнаго состоянія на спекуляціяхъ. Северинъ Осиповичъ прибылъ въ молодыхъ лѣтахъ въ Петербургъ искать счастья, и нашелъ его *. Сначала онъ былъ Каммергеромъ, потомъ Сенаторомъ и Попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа. Северинъ Осиповичъ былъ человекъ честный и благородный, отличнаго ума и образованія, всегда прилежно занимался дѣлами сенатскими, и возвысилъ Харьковскій Университетъ своимъ управленіемъ. За что только онъ ни брался, исполнялъ усердно и совѣстливо. Въ частной жизни онъ былъ весьма оригиналенъ. Онъ никогда не заводился домомъ и не принималъ гостей, но жилъ всегда на холостую ногу, въ трактирѣ, и всѣ вечера проводилъ въ гостяхъ. Лѣтъ двадцать сряду прожилъ онъ на Мойкѣ, въ домѣ Варварина. Въ обществѣ онъ былъ пріятель и остроумецъ, но въ своемъ домѣ капризенъ и брюзга. Онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Северинъ Осиповичъ былъ въ молодости красавцемъ, а подъ старость чрезвычайно худощавъ, но всегда бодръ и свѣжъ. Графъ Віельгорскій пользовался особенною милостью Императ-

* Графъ А. С. Ржевускій рассказывалъ мнѣ, что онъ, возвращаясь домой изъ Петербурга, встрѣтилъ на станціи Графа Северина Потоцкаго, ѣхавшаго въ Петербургъ. Это было въ началѣ Польской революціи, въ 1793 году. Они были пріатели, и Ржевускій спросилъ его: зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ? — «Въ Польшѣ у меня ничего не осталось», отвѣчалъ Потоцкій а теперь единственная пора, что человекъ съ именемъ можетъ все приобрести при Русскомъ Дворѣ. *Вду за вьмъ!*» примолвилъ онъ, сѣясь. Графъ Северинъ Осиповичъ служилъ отдѣчно, и приобрѣлъ отъ Монаршихъ щедротъ значительное состояніе.

рицы Екатерины и Императора Павла Петровича. Онъ отличался познаніями, тонкостью ума и свѣтскостью. Я только два раза видѣлъ его. Графъ Адамъ Станиславовичъ Ржевускій (бывшій потомъ Сенаторомъ), принадлежитъ къ числу самыхъ отличныхъ, самыхъ благородныхъ людей *, которыхъ я зналъ въ жизни. Умный, просвѣщенный, добродушный, честный и благородный во всѣхъ дѣлахъ своихъ, онъ былъ, кромѣ-того, чрезвычайно пріятель въ обществѣ, а въ короткой бесѣдѣ увлекателенъ. Князья Адамъ и Константинъ Чарторійскіе служили въ гвардіи при Императрицѣ Екатеринѣ, и были Камергерами Двора. Въ началѣ царствованія Императора Павла Петровича, Константинъ уѣхалъ къ родителямъ, а Адамъ, будучи Посланникомъ при Сардинскомъ Дворѣ, возвратился въ Петербургъ при восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, и занималъ званіе Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Князь Понинскій, прекрасный мужчина, особенно когда онъ былъ въ своемъ красномъ мальтійскомъ мундирѣ; Графъ Соллогубъ, также весьма пріятной наружности и чрезвычайно обходительный и вѣжливый; Князья Любомирскіе, Князья Четвертинскіе, все люди высшаго образованія, ежедневно посѣщали домъ Нарышкина. Въ началѣ царствованія Императора Александра Павловича, прибылъ въ Петербургъ Михайлъ Огнискій (сперва Графъ, потомъ Князь и Сенаторъ). Онъ былъ въ началѣ революціи отчаяннымъ патріотомъ, и участвовалъ въ возстаніи, подъ начальствомъ Костюшки; потомъ скитался по чужимъ краямъ, тщетно испрашивая вмѣшательства въ дѣла Польскія у Порты, у Англіи и Франціи, и удостовѣрясь, что онъ гонимъ за привидѣніемъ, обратился къ великодушію Императора Александра, который позволилъ ему возвратиться въ отечество. Онъ появился на родинѣ обремененный долгами и безъ гроша

* Изъ трехъ сыновей его, Генрихъ Адамовичъ, историческими и правоописательными романами приобрѣлъ прозваніе Польскаго Вальтеръ-Скотта. Картины Польскихъ нравовъ осемнадцатаго вѣка, подъ заглавіемъ: *Записки Солдаты* — по истинѣ *chef d'oeuvre* Адамъ Адамовичъ служитъ Генераль-Маіоромъ въ Свѣтѣ Его Императорскаго Величества, а Эрнстъ Адамовичъ исполняетъ обязанности по выборамъ дворянства. Дѣти, достойные отца!

денегъ. Огромное имѣніе, сперва конфискованное, было ему возвращено, и по просьбѣ его учреждена комиссія, для приведенія въ порядокъ дѣлъ его и уплаты долговъ. Милость Государя чрезвычайно тронула его, и онъ былъ, до конца своей жизни, искренно преданъ Императору Александру Павловичу. Огинскій былъ одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей своего времени: остроумный, веселый, полный дарованій. Въ музыкѣ онъ былъ истинный знатокъ, и многія изъ его легкихъ композицій, полныхъ чувства и мелодіи, до сихъ поръ имѣютъ высокое достоинство. Кто не знаетъ *полонеза* Огинскаго? Насчетъ этого полонеза написаны были, въ чужихъ краяхъ, длинныя рассказы, въ которыхъ предполагалось, что полонезъ сочиненъ несчастнымъ, умертвившимъ себя отъ любви къ высокой особѣ! Огинскій зналъ давно О. А. Козловскаго, и любовь къ музыкѣ сдѣлала ихъ друзьями. Огинскій ежедневно бывалъ въ домѣ Козловскаго*, и весьма часто навѣщалъ Л. А. Нарышкина. Съ Михаиломъ Огинскимъ пріѣхалъ племянникъ его, Габріель, молодой человекъ отличной образованности; онъ былъ въ большой дружбѣ съ внукомъ Л. А. Нарышкина, Графомъ Солло-

* Здѣсь кстати замѣтить, что едва ли кто писалъ лучше полонезы, какъ оба Огинскіе: Сенаторъ и его дядя, Великій Кухмистръ Литовскій, нѣкогда владѣтель Слоинна, въ которомъ онъ имѣлъ очаровательный дворецъ, и содержалъ огромный оркестръ и Итальянскую Оперу. Рядомъ съ ними стоитъ О. С. Козловскій. Кто не знаетъ, въ свое время, его полонеза съ хорами, сочиненнаго на торжество, данное княземъ Потемкинымъ, въ честь Государыни, въ Таврическомъ Дворцѣ:

«Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россія!» и проч?

Говорили, что слова сочинилъ Державинъ. Въ этомъ полонезѣ есть стихи:

«Воды грознаго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ!
Славься симъ Екатерина,» и проч.

Эти стихи тогда были только *предсказаніемъ*, потому что *воды грознаго Дуная* приобрѣтены уже при немъ благополучно царствующемъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, начертавшемъ предѣлы Россіи по устью Дуная. О. С. Козловскій сочинилъ также полонезъ: «*Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ!*» и мн. др. Вообще въ его полонезахъ настоящій духъ этого рода музыки.

губомъ, отцомъ нынѣшняго писателя. Графъ Солмогубъ (отецъ нынѣшняго) почитался въ свое время первымъ танцоромъ въ обществахъ, игралъ превосходно на домашнемъ театрѣ, пѣлъ очень хорошо, и былъ вообще однимъ изъ блистательнѣйшихъ молодыхъ людей. Прекрасный характеръ и доброта душевная еще болѣе возвышали его пріятныя дарованія. Въ домѣ Нарышкина всегда было множество дѣвицъ, родственницъ, воспитанницъ, поживальницъ, и молодежь, въ то время, обходилась между собою свободно, безъ педантизма и кокетства. Дѣвицы и молодые люди шутили между собою, дѣлали другъ другу разные проказы, мистификаціи, чтобъ послѣ поохотатъ вмѣстѣ, и меня часто употребляли обѣ стороны, какъ орудіе для своихъ проказъ. Сколько я помню, въ то время только Графъ Иллинскій и пожилая Княгиня Четвертинская, имѣвшая значеніе при Дворѣ, жили домами и принимали у себя гостей. Прочіе Поляки жили на холостую ногу, исключая, однако жъ, стараго Графа Солмогуба, который часто проводилъ въ столицѣ всю зиму, а иногда и лѣто. Какъ два драгоценные алмаза въ богатомъ ожерельѣ, блистали въ высшемъ обществѣ двѣ Польки-красавицы, Марія Антоновна Нарышкина и Графиня Зубова (супруга Валеріяна Александровича); между множествомъ русскихъ красавицъ, какъ, на примѣръ, Графиней Вѣрой Николаевной Заводовской, Графиней Самойловой, Графиней Прасковьей Семеновной Потемкиной и другими. Видалъ я въ жизни множество красавицъ, но не видалъ такихъ прелестныхъ женщинъ, какія были Марія Антоновна Нарышкина и сестра Наполеона, Элиза. Это безспорно были двѣ первыя красавицы своего вѣка. Но что всего привлекательнѣе было въ Маріи Антоновнѣ — это ея сердечная доброта, которая отражалась и во взорахъ, и въ голосѣ, и въ каждомъ ея приѣмѣ. Она дѣлала столько добра, сколько могла, и безпрестанно хлопотала за бѣдныхъ и несчастныхъ. Графиня Зубова была небольшого роста, живая, веселая, имѣла въ своемъ характерѣ много амазонскаго и отличалась быстрымъ умомъ. Между мужчинами никто не могъ сравниться съ старикомъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ и его сыновьями, Александромъ и

Дмитріемъ Львовичами. Старикъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но держался всегда прямо, одѣвался щегольски, и никогда не казался усталымъ. Онъ вочитался первымъ острякомъ при Дворѣ Императрицы Екатерины Второй, гдѣ въ умѣ не было недостатка, и это остроуміе перешло къ старшему сыну его, Александру Львовичу, котораго острые слова и эпиграммы повторялись и въ Петербургѣ и въ Парижѣ. Оба брата были прекрасные мужчины, истинно аристократической наружности. Съ перваго взгляда видѣнь былъ вельможа! Родъ Нарышкиныхъ отличался и красотой тѣлесною, и добродушіемъ, и пэнулярностію. У всѣхъ ихъ была кака-то врожденная наклонность къ изящному, и каждый талантъ находилъ у нихъ пріютъ. Въ этомъ же родѣ былъ и Графъ Александръ Сергіевичъ Строгоновъ, старичокъ небольшого роста, всегда веселый, всегда пріятливый, охотникъ до шутокъ и остротъ, покровитель всѣхъ дарованій и обожатель всякой красоты. Всѣ они принимали и покровительствовали мою матушку и сестру, которая своимъ музыкальнымъ дарованіемъ, ловкостью и пріятнымъ обхожденіемъ обращала на себя общее вниманіе. Левъ Александровичъ Нарышкинъ, для шутки, убѣждал мою матушку одѣть меня по-польски, въ кунтушь и жупанъ, и я, будучи застѣнчивымъ, смѣло рассказывалъ, препоясавшись моею саблею (подаренною мнѣ Графомъ Ферзенскимъ), по аристократическимъ гостиницамъ, и забавлялъ всѣхъ моимъ дѣтскимъ простодушіемъ и шутками. Иногда меня заставляли играть на гитарѣ и пѣть Польскія пѣсенки.... Я входилъ смѣло къ дамамъ во время ихъ туалета, пересказывалъ имъ, чему меня научили старшіе, смѣшили ихъ, и всѣ меня ласкали, дарили игрушками, конфетами. Это было мое счастливое время въ Петербургѣ!...

Графъ Ферзенъ былъ тогда Директоромъ Сухотутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Онъ выдвигалъ матушку въ обществахъ, и однажды, разговораясь обо мнѣ, посоветовалъ ей отдать меня въ корпусъ, обѣщая все свое покровительство и родительское попеченіе. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, всѣ стали убѣждать матушку послѣдовать совѣту Графа Ферзена, и особенно подѣйствовали на

нее слова Графа Северина Осиповича Потоцкаго, которыя мнѣ матушка пересказала впоследствии, когда я могъ понимать всю ихъ важность.—«Мы вошли въ составъ государства, сказалъ Графъ Потоцкій, въ которомъ наши фамилыныя заслуги и наше значеніе, въ прежнемъ нашемъ отечествѣ, вѣроятно исчезнутъ! Теперь, нѣкоторыя изъ насъ возвысились, на основаніи прежняго нашего фамилнаго значенія; но пройдетъ тридцать, сорокъ лѣтъ, полвѣка, и каждый безродный чановникъ будетъ выше безчановнаго потомка дигнитарской * Польской фамиліи! Если наше дворянство не захочетъ служить и входить въ связи съ Русскими фамиліями посредствомъ браковъ, то оно упадетъ совершенно. Мы должны подражать дворянству Нѣмецкихъ провинцій, которое всегда имѣетъ на службѣ представителей своего усердія и вѣрности къ престолу. Начните! Вы сдѣлаете добро вашему сыну, докажете вашу преданность къ новому отечеству и подадите полезный примѣръ. Какое поприще для вашего сына въ провинціи?...» Это были мудрыя рѣчи! Графъ Потоцкій убѣдилъ матушку, и она рѣшилась отдать меня въ Корпусъ.

Графъ Ферзенъ взялъ меня къ себѣ, чтобъ приучить къ будущей кадетской жизни. Онъ приставилъ ко мнѣ, въ родѣ гувернёра, маіора Оде-Сіона (бывшаго въ Польшѣ при Графѣ Игельстромѣ и потомъ Инспекторомъ Классовъ въ Пажескомъ Корпусѣ и Генералъ-Маіоромъ), отпускалъ меня въ рекреационное время играть съ кадетами, водилъ смотрѣть военныя экзерциціи и кормилъ конфетами. Мнѣ было очень весело у Графа Ферзена, тѣмъ болѣе, что матушка ежедневно пріѣзжала ко мнѣ, и иногда брала съ собою. Но Графъ Ферзенъ оставилъ Корпусъ прежде, нежели были получены изъ провинціи свидѣтельства о моемъ дворянствѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышло отъ Государя разрѣшеніе объ опредѣленіи меня въ кадеты. Меня отвезли въ малолѣтнее отдѣленіе, 13 ноября, 1798 года.

* Дигнитарскою фамиліею почиталась та, въ которой были члены, облеченные въ высшія придворныя и государственныя званія и кавалеры Бѣлаго Ора (Dignitaire, dignitarz).

VII.

СУХОПУТНЫЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУСЪ.—МАЛОЛѢТНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.—ГОТЫ.—КРЕЩЕНІЕ ВЪ РУССКУЮ ВѢРУ.—МОИ СТРАДАНІЯ И ОСВОБОЖДЕНІЕ.—ОФИЦЕРЫ И УЧИТЕЛИ.—ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ АНГАЛЬТѢ.—М. ИЛ. КУТУЗОВЪ, Ф. И. КЛИВЕРГЕРЪ, ГРАФЪ М. И. ЛАМСДОРФЪ, ГРАФЪ ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ.—ПОСѢЩЕНІЕ КОРПУСА ИМПЕРАТОРОМЪ ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ.—БЫВШІЙ КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ СТАНИСЛАВЪ АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ.—СМЕРТЬ СУВОРОВА.—КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.—ЕГО ПОХОРОНЫ.

До января 1797 года, Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ раздѣлялся на пять возрастовъ, по старшинству лѣтъ, считая съ пятого возраста. Въ четырехъ возрастахъ за поведеніемъ кадетъ смотрѣли офицеры и гувернеры, а въ первомъ возрастѣ гувернантки (или, какъ мы называли, мадамы) и няньки. Только родовые дворяне принимались въ кадеты, для которыхъ при выпускѣ изъ Корпуса открыты были всѣ пути государственной службы. Воспитанники не изъ родовыхъ дворянъ, а изъ оберъ-офицерскихъ и священническихъ дѣтей, иностранцевъ, и т. п., поступали въ *гимназисты**, которыхъ было по нѣскольку въ каждомъ возрастѣ. Только два старшіе возраста имѣли военные мундиры, а прочіе носили французскіе кафтаны, короткое исподнее платье, чулки и башмаки. Военнымъ экзерциціямъ старшіе кадеты обучались только въ лагерное время.

Графъ Федоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, родственникъ Императрицы Екатерины Второй, Генераль-Аншефъ и Генераль-Адъютантъ, не покоришь для Россіи новыхъ областей, не взялъ приступомъ городовъ, не выигралъ генеральныхъ сраженій, не составилъ великихъ плановъ для государственнаго управленія, но будетъ жить въ Исторіи вмѣстѣ съ героями и великими мужами, приобрѣвъ себѣ безсмертіе одною чистою любовью къ человѣчеству! Ка-

* Гимназисты сидѣли отдѣльно въ классахъ и въ столовой залѣ, имѣли особый уголокъ въ спальнѣ, и когда весь Корпусъ получалъ мундиры, они носили зеленые фраки и того же цвѣта камзолы и нижнее платье. Сперва они имѣли трехъ угольныхъ шляпы, а потомъ картузы. Гимназистовъ выпускали изъ корпуса офицерскими чинами въ статскую службу, а лучшихъ опредѣляли учителями въ средніе и нижніе классы въ Кадетскіе Корпуса.

кой великій урокъ для гражданскихъ обществъ, какое униженіе для честолюбцевъ, эгоистовъ и интригантовъ, какое торжество для добродѣтели! Графъ Ангальтъ управлялъ Корпусомъ только семь лѣтъ съ половиною (отъ 8 ноября 1786 до 24 мая 1794), и въ это короткое время управленія незначительною отраслью администраціи, въ сравненіи съ другими важными частями государственнаго состава, приобрѣлъ безсмертную славу, между-тѣмъ, какъ многіе изъ его современниковъ важныхъ, сильныхъ, могущественныхъ — забыты въ могилѣ! Сколько было кадетъ, столько было сердецъ, любившихъ и чтившихъ его, какъ вѣжнаго отца, какъ благодѣтеля, какъ попечительнаго наставника и друга. Теперь память о дѣлахъ его уже истребилась въ Корпусѣ, но имя его извѣстно и теперь каждому кадету, и какъ священное преданіе переходитъ отъ одного кадетскаго поколѣнія къ другому.

Я уже не засталъ въ Корпусѣ порядка, заведеннаго Графомъ Ангальтомъ, но попалъ, такъ сказать, въ разведенный имъ разсадникъ, въ кадетское поколѣніе, котораго болѣе половины еще со слезами вспоминало о немъ. Почти всѣ кадетскіе офицеры были воспитанники Графа Ангальта или прежніе, образованные имъ гувернёры. Корпусъ, подобно сосуду, въ которомъ хранилось драгоценное благоволеніе, еще благоухалъ прежнимъ ароматомъ. Въ рекреационной залѣ еще стояли бюсты великихъ мужей, которыхъ жизнь и подвиги толковалъ Графъ Ангальтъ кадетамъ, возбуждая въ нихъ идеи славы и величія; еще каменная стѣна, вокругъ корпуснаго сада, красовалась эмблематическими изображеніями, поучительными изрѣченіями, афоризмами, нравственными правилами мудрецовъ, и эпохи важнѣйшихъ событій въ мірѣ были начертаны хронологически, для пособія памяти. Довольно было выучить наизусть все написанное на этой стѣнѣ, чтобъ просвѣтитъ разумъ и смягчить сердце юноши. Въ корпусномъ саду еще существовала бесѣдка, въ которой кадеты танцовали, въ праздничные лѣтніе дни. Передъ глазами нашими возвышалось огромное зданіе (jeu de paume), гдѣ, въ присутствіи Графа Ангальта, кадеты упражнялись въ гимнастикѣ. Осталось въ Корпусѣ еще нѣсколько знаменитыхъ

преподавателей наукъ временъ Ангальтовскихъ (математикъ Фусъ, физикъ Крафтъ, и др.), но не было уже отца, благодѣтеля, мудраго Ментора, посвящавшаго кадета всю жизнь свою, все свое время, воѣ способности своей души и разума, не было Графа Ангальта, руководившаго кадетъ къ добру, ободрявшаго прилежныхъ, усовѣщивавшаго лѣнливыхъ, и ласковостью и примѣрами добра возбуждавшаго въ юношахъ чувства чести, благородства и собственнаго достоинства!

Впослѣдствіи Корпусъ составлялъ баталіонъ изъ четырехъ мушкетерскихъ и одной гренадерской роты, и при баталіонѣ было *малолѣтнее отдѣленіе* (прежній первый возрастъ). Кадеты ротные носили уже мундиры, по общему образцу, и пудрились при парадной формѣ. Малолѣтнее отдѣленіе сохраняло прежніе французскіе кафтаны (коричневаго цвѣта), а дома малолѣтніе кадеты носили куртки и шаровары. Всѣ новыя учрежденія и преобразованія начались еще при Императрицѣ Екатерины Второй, во время Директорства Генераль-Поручика Михаила Иларионовича Голицычева-Кутузова (бывшаго потомъ Свѣтлѣшымъ Княземъ Смоленскимъ и Фельдмаршаломъ).

Послѣ Графа Ферзена управлялъ временно Корпусомъ Генераль-Маіоръ Андреевскій, до марта 1799 года, а въ это время назначенъ Директоромъ Генераль отъ Инфантеріи Графъ Матвій Ивановичъ Ламсдорфъ. При Андреевскомъ и Ламсдорфѣ не было большихъ перемѣнъ, и все оставалось на основаніи порядка, введеннаго М. Из. Кутузовымъ.

Въ малолѣтнемъ отдѣленіи не было ничего военнаго: это былъ пансіонъ, управляемый женщинами. Малолѣтнее отдѣленіе раздѣлено было на *камеры* (*chambre*), и въ каждой камерѣ была особая надзирательница, а надъ воѣмъ отдѣленіемъ главная инспектора (*inspectrice*), мадамъ Бартольдъ. Меня отдали къ самой нѣжной, къ самой ласковой, добродушной надзирательницѣ, мадамъ Боньотъ. Графъ Ферзенъ поручалъ меня особенному ея надзору и попеченію, а кромя-того, моя мать, познакомившись съ ею, приобрѣла ея пріязнь. У мадамъ Боньотъ были двѣ дочери (Елисавета и Александра) и старушка-мать, мадамъ

Шювляю, добрымъ и ласковымъ созданію, и всё онѣ меня ласкали и нѣжили. Въ квартирѣ мадамъ Боньотъ были мое фортепіано, гитара, сундукъ съ нотами, книгами и нгрушками, и я имѣлъ право въ каждое время (исключая класнаго) приходить туда какъ домой.

Но, не взирая на материнское обхожденіе со мною мадамъ Боньотъ и на ласку ея семейства, мнѣ было весьма тяжело привыкать къ кадетской жизни. Родители непоиѣрно баловали меня, какъ меньшее дитя и единственное отъ втораго брака. Всѣ знакомые, изъ угожденія родителямъ, также ласкали меня; слуги повиновались безврекословно. Я пользовался полною свободою и въ родительскомъ домѣ, и у Кукевича, а тутъ вдругъ попалъ въ клѣтку! Надлежало ѣсть, пить, спать, играть и учиться не по охотѣ, а по приказанію, въ назначенные часы. Учители были люди холодные, исполнявшіе свое дѣло механически. Знаешь урокъ—хорошо, не знаешь—на колѣни или на записку*. — Когда дежурили другія мадамы, а не мадамъ Боньотъ, то для меня не было ни какого предпочтенія. Напротивъ, меня держали строже, называя *баловнемъ* мадамъ Боньотъ! Кадеты дразнили меня за то, что я дурно произносилъ по-Русски. Няньки обходились со мною довольно круто. Я не понималъ всего, что мнѣ толковали по-Русски учителя, слѣдовательно, и не могъ усѣвать за другими. Меня стали наказывать. Выведенный изъ терпѣнія привязчивостью кадетъ, я сталъ драться съ самыми дерзкими изъ нихъ; наказанія усилились. Наконецъ, я сказалъ что-то непріятное главной инспекторшѣ; меня по сѣли розгами, и я пришелъ въ отчаяніе! Я лишился сна и аппетита, прятался отъ всѣхъ, плакалъ украдкою днемъ и по ночамъ, тосковалъ и грустилъ. Ужасная идея, что родители не любятъ меня, овладѣла мною и мучила меня! Я судилъ по себѣ, и рассуждалъ, что если мнѣ тяжело разставаться съ тѣми, кого я люблю, то и родителямъ мнѣ не надлежало разставаться со мною, если бѣ они меня

* *Запиской* называлась въ Корпусѣ отмѣтка учителя о лѣнивыхъ или шалунахъ. Списавъ ихъ имена, учитель передавалъ записку, въ надолѣтномъ отдѣленіи, дежурной надзирательницѣ, а изъ ротыхъ дежурному офицеру, и по этой запискѣ надѣты наказывались.

любили. Эти мрачныя мысли сокрушали меня и ожесточали. Я былъ холоденъ съ матерью и сестрою, и даже не хотѣлъ ѣздить къ нимъ.... Наконецъ я не могъ выдержать этой внутренней борьбы—и заболѣлъ. Меня отвели въ госпиталь, надъ которымъ начальствовала мадамъ Штадлеръ. У меня открылась изнурительная лихорадка.

Матушка испугалась. Она каждый день навѣщала меня и просиживала по нѣскольку часовъ у моей кровати. Долго я преодолевалъ себя, и наконецъ высказалъ ей все, что у меня было на душѣ. Матушка пришла въ отчаяніе, и хотѣла взять меня немедленно изъ Корпуса; но сестра и всѣ ея пріатели отсовѣтовали ей это. Матушка старалась всѣми силами убѣдить меня въ своей любви, но сомнѣнія мои не разбѣлялись. Признаю теперь весьма уважительными причины, побудившія матушку отдать меня въ Корпусъ, которыхъ я тогда не понималъ; но сознаюсь откровенно, что и теперь не постигаю, какъ родительское сердце можетъ рѣшиться на разлуку съ малолѣтнимъ дитятей! Этотъ героизмъ выше моихъ понятій!

Горе развиваетъ разумъ. Въ госпиталѣ я имѣлъ время на размышленіе, и разбирая мое положеніе, разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ, я рѣшился покориться судьбѣ, побѣдить всѣ трудности, сдѣлаться самостоятельнымъ, и жить впередъ безъ чужой помощи. По выходѣ изъ госпиталя, я сталъ день и ночь учиться, чтобъ догнать товарищей, и, при моей необыкновенной памяти, вскорѣ ихъ перегналъ. Впрочемъ, курсъ наукъ въ нижнихъ классахъ былъ самый ничтожный, и я уже зналъ почти все, чему надлежало учиться. Вся трудность была въ Русскомъ языкѣ, и когда я преодолѣлъ ее, то былъ немедленно переведенъ въ первый классъ.

Между-тѣмъ, матушкѣ надлежало возвратиться домой, и она простилась со мною, отдавъ для меня деньги на руки мадамъ Боньотъ. Тяжела была разлука съ матерью, особенно при укоренившейся во мнѣ мысли (впрочемъ все несправедливой), будто меня не любятъ! Послѣ узналъ я, что меня отдали въ Корпусъ не только противъ воли, но даже безъ вѣдома моего отца. Это рассказалъ мнѣ вѣрный слуга его, Семенъ. Отецъ пришелъ въ отчая-

ше, когда матушка сказала ему, что оставила меня въ Петербургѣ, на чужихъ рукахъ. Въ первый разъ въ жизни онъ заплакалъ и зарыдалъ при людяхъ, требуя, съ воплемъ отчаянія, своего сына! Разлука со мною имѣла пагубное вліяніе на его уже разстроенное здоровье, и ускорила его кончину: это онъ даже написалъ въ предсмертномъ своемъ письмѣ ко мнѣ. Онъ собирался ѣхать въ Петербургъ, но состояніе здоровья не позволяло ему этого. Отъ весны до весны онъ жилъ надеждою на свиданіе со мною, пока смерть не разлучила насъ навѣки! Судьба позволила мнѣ только поплакать на его могилѣ!...

По одностороннему году (въ 1799 году) меня перевели, вслѣдствіе экзамена, въ гренадерскую роту, которою начальствовалъ Полковникъ Пурпуръ.

Не помню я, чтобъ въ нашемъ Корпусѣ былъ хотя одинъ изъ моихъ соотчичей. Кажется, я былъ первый изъ дворянъ новоприсоединенныхъ отъ Польши провинцій. Кадеты гренадерской роты (меньшой) дразнили меня *Костюшкой*, разумѣется, не понимая значенія этого прозванія. Не каждое дитя переноситъ равнодушно оскорбленія — и я съ перваго разу далъ сильный отпоръ цѣлой толпѣ. Кадеты вознамѣрились проучить меня. Въ первую Субботу, когда насъ повели въ корпусную баню, они воспользовались краткимъ отсутствіемъ дежурнаго офицера, и по данному знаку однимъ главнымъ шалуномъ, бросились на меня нагого, повалили и понесли на чердакъ, ухвативъ за руки и за ноги, и крича: «крестить *Костюшку* въ Русскую Вѣру!» Видя, что всякое сопротивленіе съ моей стороны бесполезно, я пересталъ сопротивляться, и замолчалъ. Баня была не высокая, и со стороны сада большіе кадеты старшихъ ротъ насыпали свѣжнюю гору, въ которую они прыгивали съ чердака, распарившись въ банѣ. Въ Корпусѣ, вообще, соблюдалась на дѣлѣ Русская поговорка: «Русскому здорово — Нѣмцу смерть,» и кадетамъ эта экзерциція была не запрещена. Въ эту свѣжнюю массу кадеты сбросили меня съ чердака! У меня почти захватило духъ, и я едва выкарабкался изъ свѣга. Хотя я и не парился, но былъ въ испарищѣ, отъ внутренняго движенія и отъ борьбы, и едва добрелъ до передбанника, дрожа отъ

стужи. Кадеты весьма умно совѣтовали идти на цѣлодь и выпариться, но я, опасаясь новыхъ проказъ, отказался и, схвативъ шайку, грозилъ разгромить голову первому, который приблизится ко мнѣ. Меня оставилъ въ покоѣ. Ночью я почувствовалъ сильную головную боль, и къ утру отнесли меня, безъ чувствъ, въ госпиталь. У меня открылась нервическая горячка, въ которой я пролежалъ шесть недѣль. Когда я сталъ выздоравливать, одинъ добрый фельдшеръ растолковалъ мнѣ, что если бъ я выпарился передъ скачкомъ въ снѣгъ и послѣ скачка, то не только не былъ бы боленъ, но поздоровѣлъ бы. Возвратясь въ роту изъ госпиталя, я послушался этого совѣта, и добровольно еоскочилъ въ снѣгъ, что весьма понравилось кадетамъ. А какъ, кромѣ-того, я не пожаловался на насильственный со мною поступокъ, то старые кадеты рѣшили, что я достоинъ быть принятымъ въ ихъ общество, и перестали дразнить меня. Вѣроятно этой эманципациі много содѣйствовало и мое упорное сопротивленіе!

Но кадетская дружба не избавила меня отъ бѣдствій, которыя я долженъ былъ претерпѣть въ гренадерской ротѣ! Теперь въ Корпусахъ кадеты одѣваются ловко и удобно, и носятъ въ будни зеленыя куртки и сѣрое исподнее платье; но тогда мы носили ежедневно мундиры съ красными лацканами, застегнутые только на груди, жилеты и короткое нижнее платье палеваго цвѣта, бѣлые чулки и башмаки съ пряжками. Каждое утро надлежало связывать волосы въ косу, заплетать плетешки и взбивать *вержетъ**, примазываясь саломъ. Къ парадной формѣ мы надѣвали штблеты (бѣлые лѣтомъ, черные зимою), преносявались португеей съ тесакомъ, надѣвали каску, и если надлежало идти на учење или въ караулъ, то брали суму и ружье. При парадной формѣ надлежало пудриться. Аммуницію, ружья и башмаки чистили для насъ лакеи, и охрили два раза въ недѣлю, камзолы и нижнее платье (охрой съ мѣломъ и отрубями); но мы должны были сами причесываться, чистить безчисленное множество пуговицъ, пряжки и мундиръ. Полковникъ Пурпуръ строго смотрѣлъ за

* Вержетомъ назывались передніе волосы, поднятые вверхъ прическою.

чистоты, и каждая замечательная шутовщина или шутка, каждое пятнышко на лацканахъ или на свѣтломъ камзолѣ и шикшемъ пласть и малѣйшій беспорядокъ въ прическѣ кадета вызвали неизбѣжное наказаніе. Осматривая кадета по утрамъ до отправления въ классы, Пурпуръ отсылалъ каждаго кадета, у котораго замѣчалъ что-либо несправное въ туалетѣ, въ комнату, называемую умывальною. Потомъ вызывалъ кадетовъ по *затискамъ* учителей и дедурныхъ офицеровъ, и отсылалъ туда же, а наконецъ являлся самъ. Тамъ уже стояла на срединѣ скамья, уголъ былъ заваленъ *сѣвжими* розгами, и ждали четыре дюжіе лакеи. Не теряя лишннихъ словъ, безъ всякихъ объясненій и утѣшаній, Полковникъ Пурпуръ угощалъ всѣхъ собранныхъ тамъ кадетъ насущными розгами, потомъ надѣвалъ шляпу и уходилъ со двора. Никогда не видалъ я его улыбки и не слышалъ, чтобъ онъ похвалилъ кого-нибудь, или приласкалъ. Никогда онъ не простилъ ни какой ошибки кадету, и, кромѣ розогъ, не употреблялъ ни какого другаго наказанія. Слезы, просьбы, обѣщанія не обращали на себя ни малѣйшаго его вниманія. Мы называли его *безпardonнымъ*! Пурпуръ былъ высокаго роста, молодецъ и красавецъ собою, и отличался щегольствомъ въ одеждѣ и прическѣ. Слышалъ я, что онъ былъ очень пріятель въ обществахъ. Онъ былъ родомъ изъ Грековъ, и настоящая его фамилія не Пурпуръ, а Пурпура. Не знаю, былъ ли онъ сынъ или однофамилецъ генерала Пурпура, бывшаго Генералъ-Директоромъ Корпуса (отъ 1773 до 1784 года).

Я былъ обыкновенно жертвою Пурпурова розголюбія. Къ бôльшей бѣдѣ, охота къ чтенію превратилась во мнѣ въ непреодолимую страсть. Въ классахъ, вмѣсто-того, чтобъ писать въ тетради, по диктовкѣ учителей, я читалъ книги, и вмѣсто-того, чтобъ учить наизусть уроки, то есть краткія и сухія извлеченія изъ науки, я читалъ тѣ книги, изъ которыхъ учителя почерпали свои свѣдѣнія. Въ тетради я вписывалъ только имена и числа, и дѣлалъ свои замѣтки, для другихъ непонятныя, и не заирая на то, что я зналъ больше, нежели требовалось въ среднихъ классахъ, я прослылъ *ленивымъ*, пото-

Гдѣ каюты умывался.

му что отвѣчалъ на вопросы учителей своими словами, а не повторялъ урока наизусть. Мало этого. Въ классахъ были переиѣшаны кадеты и изъ другихъ ротъ, и разумѣется, что въ среднихъ классахъ изъ старшихъ ротъ оставались самые лѣнныя. Они также дразнили и задирали меня, что доводило насъ частенько до драки. И такъ, по мнѣнію моихъ наставниковъ, я соединялъ въ себѣ три смертныя кадетскіе грѣха (*trois péchés capitaux*). то есть, былъ лѣнникъ, неопрятенъ и шалунъ, а на самомъ дѣлѣ, я любилъ страстно науки, и непрерывно рылся въ книгахъ, какъ червь, ища свѣдѣній; не могъ соблюсти требуемаго порядка въ одеждѣ отъ неумѣнья, и желая мира, по темпераменту не могъ переносить обидъ отъ товарищей. Но кому была нужда изслѣдовать мой темпераментъ, мою натуру, и дать ей направленіе? Кому была надобность знать, что непомерная строгость и дурное обращеніе ожесточаютъ меня, вмѣсто-того, чтобъ исправлять, и что сердце мое жаждетъ ласки и привѣта, какъ слабый цвѣтокъ росы и солнечнаго луча? Я сдѣлался для Пурпура *bête noire*, то есть чернымъ звѣремъ, какъ говорятъ Французы, и онъ, охотясь безпрестанно на меня, довелъ меня до того, что я почти окаменѣлъ сердцемъ! Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бѣ Провидѣніе не спасло меня!

Начался экзаменъ. Товарищи мои полагали, что я вѣрно буду примѣрно наказанъ съ нѣкоторыми другими лѣнниками, потому что у меня было весьма малое число балловъ. Всѣхъ дурно отмѣченныхъ кадетъ вывели впередъ, и учителя стали экзаменовать насъ, въ присутствіи Директора Корпуса, Графа Ламсдорфа, и заступавшаго мѣсто Инспектора Классовъ, Полковника Фёдора Ивановича Клингера, ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ. Здѣсь я долженъ познакомить моихъ читателей съ Клингеромъ.

Онъ принадлежалъ къ малому числу тѣхъ гениальныхъ людей, которые въ послѣдней четверти прошлаго вѣка дали новое направленіе Германской Литературѣ, усовершенствовали Нѣмецкій языкъ, преобразовали слогъ, распространили новыя философскія идеи и создали новыя формы. Клингеръ (*Friedrich Maximilian Klinger*) родился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ 1753 году, въ одномъ домѣ съ Гёте,

съ которыми онъ былъ друженъ отъ юности до кончины. Клингерь принадлежалъ къ среднему сословію (*bürgerlicher Stand*), которому Германія обязана своимъ духовнымъ величіемъ. Отецъ оставилъ его съ матерью и сестрою въ бѣдности, и Клингерь не могъ даже кончить университетскаго курса, а все, что звалъ, изучилъ самъ, руководствуясь своимъ гениемъ. Онъ началъ литературное свое поприще въ молодыхъ лѣтахъ, посвятивъ себя театру. Трагедія его *Близнецы* (*Zwillinge*) произвела удивительный эффектъ въ Германіи, обратила на него общее вниманіе, и дала ему мѣсто между первоклассными писателями. Въ этой трагедіи Клингерь, такъ сказать, разобралъ, поодной, всѣ нѣжившія жилки сердца человѣческаго, истощилъ всѣ силы фантазіи, и, наводя ужасъ на душу и вмѣстѣ съ тѣмъ сокрушая ее, выставилъ въ обнаженномъ видѣ предрасудки, раздѣляющіе людей и ведущіе ихъ въ пучину бѣдствій. Онъ возвысился до Шекспира, и критика, разумѣется, не поощрила его, между-тѣмъ какъ публика присудила ему полное торжество. Нѣсколько подобныхъ сочиненій повлекли за собою толпу подражателей, и этотъ родъ, смѣсь глубокаго чувства съ ѣдкою сатирою, пылкой фантазіею съ нагою существенностью, названъ въ Германіи *Клингеро-вымъ родомъ*. Онъ поселился въ Веймарѣ, тогдашнихъ Германскихъ Аѳинахъ, и при всей твердости характера и силѣ воли, подчинился, однако жъ, вліянію Гёте, который, паря воображеніемъ въ небесахъ, крѣпко держался земли, для пріобрѣтенія ея благъ. Гёте посовѣтовалъ Клингеру наложить удила на свое пылкое воображеніе, скрыть подъ спудомъ свѣтскихъ приличій глубокое чувство, не слишкомъ раздражать общества нагою истинною и анатоміею нашихъ бѣдствій, и употребить умъ свой на постепенное просвѣщеніе рода человѣческаго и пріобрѣтеніе собственной независимости и высокаго мѣста въ обществѣ, безъ которыхъ нельзя спльно дѣйствовать на людей. Съ тѣхъ поръ Клингерь сдѣлался двойственнымъ: поэтомъ и положительнымъ, матеріальнымъ человѣкомъ, скрылъ и глубокое чувство, и богатство идей въ душѣ своей, и уже не расточалъ ихъ, а вливалъ по каплямъ. Изъ Веймара Клингерь отправился въ Петербургъ, искать сча-

сти при Дворѣ Императрицы Екатерины Второй, которой слава наполняла Европу. Императрица вспомнила, что онъ былъ представленъ ей еще въ Германіи, приняла его лично, и предложила избрать въ Россіи каже-нибудь шесто, сообразное съ его характеромъ и родомъ занятій. Государыня чрезвычайно удивилась, когда Клингерь избралъ военное поприще. Онъ былъ принять прямо офицерскимъ чиномъ, въ 1780 году, и вскорѣ потомъ определенъ чтецомъ къ Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Наслѣднику Престола, Павлу Петровичу. Когда Принцъ Вуртембергскій, пріѣхавъ въ Россію, вознамѣрился отправиться въ Тавриду, чтобъ участвовать въ ея покореніи, Клингерь былъ причисленъ къ его штабу, и возвратившись въ чинѣ Маіора, определенъ былъ въ Кадетскій Корпусъ. Императоръ Павелъ Петровичъ уважалъ Клингера, и произвелъ въ Полковники, назначилъ его временнымъ Инспекторомъ Классовъ. Клингерь ничего не печаталъ въ Россіи, но въ Германіи постепенно выходили въ свѣтъ его сочиненія, возбуждавшія общее вниманіе. — Лучшія между ими суть романы: *Der Weltman und der Dichter* (*Свѣтскій человекъ и поэтъ*) и *Die Reisen vor der Sündfluth* (*Предпотопное странствіе*). Но и другіе его романы имѣютъ высокое философическое и литературное достоинство, какъ-то: *Жизнь и дѣянія Фауста и его полюдка въ адъ* (*Fausts' Leben, Thaten und Hölleufahrt, Исторія Джиафара* (*Geschichte Giasfars*), *Исторія Рафаэля Акилы*, *Восточный Фаустъ*, *Исторія одного Нѣмца новаго времени*, и тому подобное. Клингерь никогда не хотѣлъ сообщить ни какихъ біографическихъ о себѣ свѣдѣній, не взирая на просьбы своихъ друзей, какъ многіе полагаютъ, потому только, чтобъ не упоминать о мѣщанскомъ своемъ происхожденіи, о которомъ онъ старался забыть. Въ этомъ упрекасть его, хотя весьма нѣжно, даже другъ его, Гёте, изобразившій характеристику Клингера и духъ его сочиненій самыми блистательными красками. Впрочемъ, Клингеру нечего было опасаться даже полного жизнеописанія, потому что онъ былъ нѣжный сынъ, добрый братъ, благодѣтель своего семейства, и во всѣхъ дѣлахъ отличался честностью и прямодушіемъ. На этотъ счетъ

я совершенно согласенъ съ Гёте, но что касается до сочиненій Клингера, то нахожу въ нихъ много совершенно противоположнаго тому, что написалъ Гёте при имени астера. Высекія идеи, пронизательный умъ, сила характеровъ, богатство воображенія, заманчивость повѣствованія и блестящность слога, все это есть у Клингера, но неподдѣльное чувство и филантропія находятся только въ сочиненіяхъ, писанныхъ въ юности, когда авторъ еще не помышлялъ о земномъ счастіи, и жилъ душою въ идеальномъ мірѣ. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Клингера преобладаетъ горькая сатира на всѣ общественныя отношенія, обнаруживающая въ авторѣ сильное презрѣніе къ человѣчеству и холодъ души. Самыя лучшія картины Клингера разрываютъ сердце, и если вызываютъ улыбку, то улыбку горькую, презрительную; философія его не утѣшаетъ, а возбуждаетъ отчаяніе, и только слабыя мѣста въ его сочиненіяхъ, вставленные для соединенія цѣлаго, успокоиваютъ взволнованное чувство и раздраженный умъ читателя. Весьма замѣчательно, что Клингеръ, будучи Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа и Членомъ Комиссіи Училищъ при Министерствѣ Просвѣщенія, самъ предложилъ, чтобъ сочиненія его были запрещены въ Россіи, желаятѣмъ лишить своихъ недоброжелателей средствъ вредить ему. Пользуясь, въ послѣднее время, знакомствомъ Клингера и даже благосклонностію его, я всегда удивлялся необыкновенному его уму, неистощности его сарказмовъ и эниграмъ, и въ то же время имѣлъ случай удостовериться въ томъ, что я слышалъ еще въ дѣтствѣ, а именно, что онъ не любилъ Россіи и, какъ я замѣтилъ, вовсе не зналъ ея. Послѣ Клингера не осталось ни роду, ни племени, и о немъ можно теперь говорить откровенно. По собственнымъ его словамъ, онъ жилъ *тѣломъ* въ Россіи, *душою* въ Германіи. Двумъ писателямъ Нѣмецкимъ, Зейме и Музеусу, пріѣзжавшимъ въ Россію искать счастья, онъ отговаривалъ остаться у насъ, узнавъ, что они не имѣли отказать отъ литературы. «Здѣсь надобно имѣть только хорошій желудокъ, сказалъ Клингеръ: а съ хорошею головою пейте въ Германіи!»—Говоря о человѣчествѣ, онъ отдѣлялъ всегда отъ него Русскихъ, и я

самъ слышалъ, какъ онъ однажды сказалъ: die Menschen und die Russen, то есть люди, и даже Русскіе, и тому подобное, Клинггеръ почиталъ Русскихъ какою-то отдѣльною порождою, выродившеюся изъ Азіятскаго варварства и поверхностности Европейской образованности, и я, своршивъ съ нимъ; какъ говорится до слезъ, никакъ не могъ убѣдить его въ томъ, что Русскій народъ способенъ ко всему великому и одаренъ необыкновенными качествами. Клинггеръ хотя весьма хорошо говорилъ по-Французски, но никогда не могъ побѣдить дурнаго Нѣмецкаго произношенія, а по-русски, до конца жизни, говорилъ плохо, и не прочиталъ ни одной Русской книги, хотя хорошо понималъ по-Русски. Внутренности Россіи онъ вовсе не зналъ и никогда не сближался съ русскимъ простымъ народомъ. Онъ судилъ о Россіи по нѣкоторымъ согнившимъ ея членамъ. Будучи самъ однимъ изъ жрецовъ просвѣщенія, онъ никогда не старался подвигать его впередъ въ Россіи, говоря, что болѣе нежели довольно и того, что есть! Въ обществѣ ему пріятномъ и въ дружеской бесѣдѣ, Клинггеръ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, былъ чрезвычайно пріятный и занимательный собесѣдникъ, но съ подчиненными и вообще на службѣ былъ холоденъ, какъ мраморный гость въ Донъ-Жуанѣ. Клинггеръ былъ высокаго роста, имѣлъ правильныя черты лица и неподвижную фязіономію. Ни одна душа въ Корпусѣ не впала его улыбки. Онъ былъ строгъ въ наказаніяхъ, и не прощаль никогда. Съ кадетами онъ никогда не разговаривалъ, и никогда никого не ласкалъ. Онъ только тогда обращался съ вопросомъ къ кадетамъ, когда хотѣлъ узнать, наказаны ли они, по его требованію. «Вамъ розги дали?» спрашивалъ онъ обыкновенно. — *Дали!* отвѣчалъ кадетъ. — «Вамъ крѣпко дали?» — *Крѣпко!* — «Хорошо!» — Этими оканчивалась бесѣда. Одно только могло смягчить Клинггера, а именно, когда кадетъ могъ объясняться съ нимъ по-Французски или по-Нѣмецки. Тогда онъ даже выслушивалъ просьбы и жалобы, и тогда можно было удостовѣриться, что если въ сердцѣ его не было отеческой нѣжности къ намъ, то была, по-крайней-мѣрѣ, справедли-

вость. Я еще буду нѣтъ случая говорить о Клингерѣ, а теперь обратимся къ экзамену.

Учители, какъ нарочно, спрашивали меня болѣе, нежели другихъ кадетовъ, и я отвѣчалъ удовлетворительно на всѣ вопросы *своими словами*. Клингеръ заглянулъ въ списокъ, потомъ посмотрѣлъ на меня, и обратясь къ учителямъ, сказалъ: «Если ваши хорошіе балы поставлены такъ же справедливо какъ дурные этому кадету, то вы, господа, не останетесь мною довольны!» Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, и велѣлъ мнѣ перевести съ Русскаго языка на Французскій. Только-что вышелъ изъ рукъ Цыхры и мадамъ Боньотъ и уже понимая хорошо легкія Французскія сочиненія, а перевелъ удовлетворительно.—«Тутъ что-то непонятно! сказалъ Клингеръ, обращаясь къ Директору: этотъ мальчикъ знаетъ все лучше другихъ, а у него самые дурные балы!» Клингеръ подозвалъ меня къ себѣ, погладилъ по щекѣ (это была такая рѣдкость, что всѣ присутствующіе обратили на меня взоръ), и сказалъ по Французски: *Expliquez-vous, mon garçon, ce que cela signifie?* (то есть, объясни намъ, что это значитъ)?—Слезы невольно брызнули у меня въ три ручья, и я зарыдалъ. Мое спротивство, мое уничиженіе, немилосердное обхожденіе со мною Пурпура взволновали меня и я высказалъ все, что у меня было на душѣ, отчасти по Французски, отчасти по-Русски. Учители въ оправданіе говорили, что я не хочу учить *наизусть*, что я не имѣю *тетрадей*, что я *упрямъ*; Пурпуръ объявлялъ, что я *неряха и повѣса*, но чувство справедливости, однажды пробужденное въ Клингерѣ, уже не могло быть ничѣмъ заглушено, и мое чистосердечіе, а можетъ быть и дѣтское краснорѣчіе, отозвались въ душѣ, въ которой подъ ледяною корою таилось чувство! Онъ спросилъ меня, изъ какой я нація, а потомъ велѣлъ мнѣ сѣсть на первую скамью (я сидѣлъ прежде на послѣдней), а самъ подошелъ къ Директору, и сталъ съ нимъ говорить вполголоса. Графъ Ламсдорфъ подозвалъ къ себѣ маіора Ранефта, и указывая на меня, сказалъ ему: «Возьмите къ себѣ въ роту, еще сегодня, этого кадета!» — Экзаменъ, послѣ этого эпизода, пошелъ своимъ чередомъ, а Клингеръ, какъ-будто гордась своимъ

открытѣмъ, всегда велѣлъ спрашивать меня, когда другіе кадеты не отвѣчали на вопросы и я по счастью, всегда удовлетворялъ его. Послѣ экзамена Клиггеръ объявилъ учителямъ, что онъ не доволенъ ими....

При выходѣ изъ классовъ, кадеты окружили меня, поздравляли, обнимали, и я былъ въ восторгѣ! Но когда надобно было строиться, чтобъ идти въ столовую, явился Пурпуръ, какъ тѣнь Банко въ Макбетѣ, и навелъ на меня ужасъ своимъ взглядомъ. Не говоря ни слова, онъ взялъ меня за руку, и повелъ въ свою любезную *умысальную*, и, на прощаніи, такъ выперолъ розгами, что меня полумертваго отнесли въ госпиталь!

Я слышалъ послѣ, что Директоръ слѣлалъ Пурпуру строгій выговоръ и даже погрозилъ отнять роту. Но отъ этого мнѣ было не легче. Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ я въ госпиталѣ, и отъ раздраженія нервовъ едва не сошелъ съ ума. Мнѣ безпрестанно видѣлся, и во снѣ и на яву, Пурпуръ, и холодный потъ выступалъ на мнѣ!...

Пурпуръ давно умеръ.... Черезъ полгода, кажется, послѣ моего выздоровленія, онъ вышелъ изъ корпуса въ армию — и все забыто! Не могу, однако жъ, умолчать при этомъ случаѣ, что года черезъ четыре по выходѣ моемъ изъ Корпуса, встрѣтивъ въ обществѣ человѣка, похожаго лицомъ на Пурпура, я вдругъ почувствовалъ круженіе головы и спазматическій припадокъ. Теперь уже перестали изучать Мифологию, и преданіе о Медузиной головѣ пришло въ забвеніе; но я не забуду этого вымысла, испытавъ смыслъ его на себѣ!

Являсь къ Маіору Ранефту, въ третью мушкетерскую роту, я узналъ, что переведенъ изъ втораго средняго класса, черезъ классъ, въ пятый верхній классъ. Маіоръ Ранефтъ былъ добрый, ласковый человѣкъ и снисходительный начальникъ, который обращался съ нами, какъ съ дѣтьми, а не какъ съ усатыми гренадерами. Капитанъ Шепетковский, человѣкъ скромный, привѣтливый, также съ нами былъ бодръ, невелик хорошкъ. Всѣ прочіе офицеры, какъ водится, обращались съ нами въ духѣ начальниковъ, и я ожилъ душою и тѣломъ въ благословенной третьей мушкетерской ротѣ! Учителя въ верхнихъ классахъ были люди опытные

и свистодительные. Французокому языку обучалъ насъ почтенный старикъ, умный Иллеръ, который зналъ также весьма хорошо Русскій языкъ, и любилъ говорить стихами или въ рѣчю. Два кадета разговаривали между собою; Иллеръ объявилъ имъ наказаніе: «Иглись и Тома-ра не поѣдутъ со двора!» Одинъ кадетъ, призванный на эскадру, споткнулся на ступеняхъ; Иллеръ сказалъ: «У тебя глаза не плоски—вѣдь ты видишь, что здѣсь доски!» Это забавляло насъ, проводившихъ по *осьми* часовъ въ сутки въ классахъ. Но еще болѣе развлекалъ насъ, своими фарсами, учитель Нѣмецкаго языка, добрый и любезный Лампе. Онъ также говорилъ съ нами съ примѣсью разныхъ шуточекъ и поговорокъ. Если кадетъ дремалъ въ классѣ, Лампе будилъ его правоученіемъ, на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ: «отъ соннаго караула храбра дѣла ожидать не возможно!» Однажды, кадетъ Саблинъ громко разговаривалъ въ классѣ. Лампе предостерегъ его пародіей извѣстной русской пѣсни:

Полно, полно, заблнкъ милый,
По невѣрной тосковать,
Пролетѣлъ твой вѣкъ счастливый, и прочая.

Онъ сказалъ:

«Полно, полно, Саблинъ милый,
Тамъ въ углу тебѣ болтать,
Пролетѣлъ твой вѣкъ счастливый,
Будутъ больно, больно драть!»

Но никто такъ не утѣшалъ насъ, не забавлялъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не научалъ такъ пріятно, какъ Гавріилъ Васильевичъ Гераковъ, учитель исторіи. Добрый, честный, благородный человекъ въ полномъ значеніи слова, онъ былъ притомъ величайшій чудакъ. Онъ былъ домашній человекъ у Нарышкиныхъ, у Графовъ Воронцовыхъ * и у нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ фамиліи, вездѣ былъ любимъ, но имѣя въ себѣ много смѣшнаго, то есть оригинальнаго, выходящаго изъ общихъ формъ, онъ невольно

* Онъ даже и скончался въ домѣ Князя Михаила Семеновича Воронцова, гдѣ лѣтъ съ двадцать имѣлъ квартиру, безъ всякой платы.

доставлялъ часто случаи подщучивать надъ собою. Г. В. Гераковъ (правильнѣе Гераки), былъ родомъ изъ Грековъ, воспитывался въ Греческомъ Кадетскомъ Корпусѣ (уничтоженномъ въ 1796 году), и всю свою жизнь былъ смертельно влюбленъ въ древнюю Грецію и во всѣхъ прекрасныхъ женщинъ. Гераковъ имѣлъ большое притязаніе на авторство, но оно ему не далось. Маленькая книжечка, изданная имъ подъ заглавіемъ: *Для Добрыхъ*, была раскуплена добрыми людьми въ пользу бѣдныхъ, и доставила автору съ полсотни эпиграмъ отъ его друзей. Онъ особенно привязанъ былъ къ Сергію Никифоровичу Марину, бывшему потомъ Флягель-Адъютантомъ и Полковникомъ Преображенскаго полка. С. Н. Маринъ былъ также домашній человѣкъ въ домѣ Нарышкиныхъ, и по уму своему, любезности и остроумію былъ отлично принимаемъ во всѣхъ знатныхъ домахъ. Онъ имѣлъ пѣтичесткій талантъ, перевелъ стихами *Меропу*, которую съ успѣхомъ давали на Русской сценѣ, но отличался болѣе сатирами и эпиграмами, которыя, хотя не появлялись въ печати, но ходили по рукамъ, и были извѣстны во всѣхъ кругахъ общества. Пародія его одной изъ Ломоносовскихъ одъ произвела въ свое время удивительный эффектъ. Гераковъ служилъ Марину оселкомъ, на которомъ онъ острилъ свой умъ. У меня осталось въ памяти нѣсколько стиховъ, сочиненныхъ Маринымъ, на день рожденія Геракова. Авторъ послѣ вступленія, говоритъ:

• Родился и раскрычался
Изъ всѣхъ ребячьихъ силъ,
Голосъ въ Тартарѣ раздался,
Древнихъ Грековъ всполошилъ.
Взволновались ихъ души,
Видѣть всѣ дитя хотятъ,
Крылья подвязавъ подъ уши,
Быстро на землю летать. »

Послѣ этого описывается, какъ древніе мудрецы Греціи окружили колыбель, и по совѣщаніи между собою, поручили одному изъ своего круга надѣлать новорожденнаго качествами и земными благами, которыя должны сопут-

ствовать ему въ жизни. Вотъ что говоритъ древній Грекъ:

• Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ,
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчный капитанъ!
Будешь — и судьбы гласили:
Будешь двухъ аршинъ съ вершкомъ.
И съ старцемъ полтвердямъ:
Будешь абы ходить пѣшкомъ!

Все это была сущая правда. Г. В. Гераковъ былъ весьма малаго роста, служилъ весьма долгое время въ капитанскомъ чинѣ, и если не могъ нанять кареты, то ходилъ пѣшкомъ, но никогда не вѣжалъ на дрожжахъ. Хотя въ сочиненіяхъ своихъ онъ былъ точно *тиранъ* своихъ читателей, но произвелъ однажды большую пользу, рассказавъ въ одной изъ своихъ брошюръ о подвигѣ флотскаго капитана Ильина, который, по приказанію графа Алексѣя Григорьевича Орлова, сжегъ турецкій флотъ, при Чесмѣ. Всѣ до того времени думали, что этотъ знаменитый подвигъ совершенъ англійскимъ офицеромъ въ нашей службѣ, Эльфингстономъ, а иностранцы писали даже, что и самое распоряженіе принадлежитъ Англичанину, адмиралу Грейгу. Гераковъ доказалъ, что предположеніе русскаго вождя исполнилъ русскій офицеръ, и бѣдныя дочери Ильина получили пенсію. Вотъ какъ и малые авторы могутъ быть полезны, если въ нихъ пылаетъ любовь къ добру и къ народной славѣ!

Но если Гераковъ не былъ ни поэтомъ, ни отличнымъ прозаикомъ, ни глубокомысленнымъ историкомъ и археологомъ — то былъ отличнымъ учителемъ исторіи, умѣлъ возбуждать къ ней любовь въ своихъ ученикахъ, и воспламенять страсть къ славѣ, величію и подражанію древнихъ героевъ. Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова, и рассказывая намъ событія, увлекалъ насъ и заставлялъ невольно слушать. Тетради его имѣли мало достоинства, но изустное изложеніе было превосходное, и мы, чувствуя недостатокъ связи въ его тетрадахъ, чтеніемъ дополняли то, чего у него не было. Гераковъ охотно

собирали насъ книгами, а бралъ ихъ вездѣ гдѣ могъ достать. Онъ часто навѣщалъ насъ внѣ классовъ, и расхаживая по саду, окруженный кадетами, воображалъ себя Платономъ въ садахъ академіи. Мы много обязаны Г. В. Геракову за развитіе нашихъ способностей и возбужденіе любви къ наукѣ, которая по справедливости, называется царскою!

Русскій языкъ, а въ первыхъ трехъ классахъ и литературу преподавалъ Петръ Семеновичъ Желѣзниковъ (тогда капитанъ). Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ при графѣ Ангальтѣ и также однимъ изъ лучшихъ актеровъ корпуснаго театра. П. С. Желѣзниковъ зналъ русскій языкъ основательно, и притомъ былъ весьма силенъ въ языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ. Еще будучи кадетомъ, онъ перевелъ Фенелона *Телемака*. Переводъ поднесенъ былъ Императрицѣ Екатерины Второй, которая наградила щедро переводчика, приказала напечатать книгу, на казенный счетъ, въ пользу автора, и ввести, какъ классную книгу, во всѣ учебныя заведенія. Желѣзниковъ объяснялся чрезвычайно хорошо и читалъ и декламировалъ превосходно. *Телемакъ* переведенъ имъ стариннымъ, напыщеннымъ слогомъ, но языкъ перевода правильный. Въ это время дѣйствовала новая карамзинская школа, и Желѣзниковъ, какъ человекъ умный и со вкусомъ, призналъ ея превосходство и подчинился ея законамъ. Но о языкѣ и литературѣ я поговорю въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажу только, что кромѣ Н. И. Греча я не зналъ лучшаго преподавателя русскаго языка, какъ П. С. Желѣзниковъ, въ чемъ согласятся со мною всѣ знавшіе его. Всѣ прочіе мои учителя хотя и не имѣли такихъ достоинствъ, но были люди добрые, скромные и ласковые. Правда, что никто не приласкалъ меня особенно, хотя я учился изъ всѣхъ силъ, и никто не занимался мною отдѣльно. Я былъ смѣшанъ въ толпѣ, положеніе мое было весьма сносное.

Я рѣдко ходилъ со двора. Братъ мой былъ въ то время ротмистромъ въ конно-польскомъ полку и адъютантомъ при с. петербургскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Паленѣ. Обязанности службы оставляли ему мало свободна-

го времени. Братъ жилъ въ домѣ музыканта Булава, на Дворцовой Площади *, вмѣстѣ съ майоромъ Тираномъ **, также адъютантомъ графа Палена. Къ нимъ собирались, иногда, офицеры гвардіи и молодые люди, между которыми я помню нѣкоторыхъ, особенно Мелиссимо ***. сына Директора Второго Кадетскаго Корпуса. Я ходилъ также къ нѣкоторымъ Полякамъ, изъ знакомыхъ моимъ родителямъ и къ Осипу Антоновичу Козловскому.

Въ Корпусѣ я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть бывшаго польскаго короля Станислава Августа (Понятовскаго), въ католической церкви, на прогулкѣ и однажды на вахтпарадѣ, въ новопостроенномъ Михайловскомъ Экзерциргаузѣ. Императрица Екатерина Вторая позволила ему жить въ Гроднѣ, назначивъ по условію, при отреченіи отъ престола, двѣсти тысячъ червонцевъ годовой пенсіи, и уплативъ, вмѣстѣ съ Пруссіей и Австріей его долги. Императоръ Павелъ Петровичъ пригласилъ его въ Петербургъ, отдалъ ему для жительства Мраморный Дворецъ, и назначилъ къ его двору нѣсколько придворныхъ чиновниковъ, и въ томъ числѣ, для исправленія должности камергера, бывшаго въ Польшѣ полномочнымъ посломъ, графа Штакельберга, который, какъ всѣмъ извѣстно, обходился въ Варшавѣ съ королемъ не весьма почтительно. Объ этомъ тогда много говорили въ Петербургѣ и выхваляли Государя! Послѣ я былъ коротко знакомъ съ двумя человѣками, весьма близкими къ королю, Швендровскимъ, бывшимъ при немъ секретаремъ и Тремономъ, исправлявшимъ должность казначея. Они мнѣ рассказывали много о королѣ, выхваляя его добродушіе и умъ, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Король жилъ въ Петербургѣ весьма уединенно, занимался чтеніемъ или разговорами съ своими приближенными, и любилъ заводить рѣчь о послѣднихъ событіяхъ, оправдывая себя въ несчастіяхъ,

* Гдѣ нимѣ проѣздъ на Пѣвческій Мостъ, между Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества и Экзерциръ-Гаузомъ.

** Женившися потомъ на дочери Демута, содержатели знаменитой гостиницы, которая и понынѣ существуетъ.

*** Онъ былъ послѣ командиромъ лубевскаго гусарскаго полка.

достатки его отечество, и сваливая всю вину на польскую и даже на народъ. Но моему мнѣнію, и онъ правъ, и тѣ правы, которые обвиняютъ его! Король не могъ перенести равнодушно своего положенія, и тайная тоска съѣдала его. Онъ искалъ утѣшенія въ религіи и даже въ мистицизмѣ (мартинизмѣ), но не могъ побѣдить предубѣжденій юношескихъ лѣтъ и вліянія Вольтеровою философіи, которой онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ. Воспоминанія земнаго величія терзали его душу! Швендровскій подарилъ мнѣ копию съ альбома польскаго короля, то есть выписки изъ разныхъ сочиненій, на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ, собственные его замѣтки и нѣкоторые, нигдѣ не напечатанные стихи и эпитафии. Въ этомъ альбомѣ изображается характеръ короля, или правильнѣе, его безхарактерности! Тутъ самое серьезное и важное перемѣшано съ пошлымъ, и высокая мудрость съ цинизмомъ! Этотъ альбомъ понынѣ хранится у меня. Замѣчательна въ немъ статья о всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ алмазахъ и драгоценныхъ камняхъ, съ рисунками, въ настоящую ихъ величину, съ означеніемъ вѣса, цѣны, Дворовъ или частныхъ лицъ, которымъ они принадлежатъ. Подъ выписками, писанными рукою короля, поставленъ его вензель: S. A. R., то есть Stanislaus Augustus Rex.

Король уже былъ старъ, но въ чертахъ лица его видны были остатки его красоты. Въ церкви я видѣлъ его въ собольей шубѣ, крытой зеленымъ бархатомъ, съ двумя звѣздами на покрывкѣ, а на вахтпарадѣ въ красномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ. Онъ стоялъ всторонѣ, безъ шляпы. Когда я впервые увидѣлъ графа Платона Александровича Зубова, меня удивило сходство его съ польскимъ королемъ, хотя графъ Зубовъ былъ гораздо моложе. Это одинъ очеркъ лица.

Разумѣется, когда король не могъ раздавать чиновъ, орденовъ и старостъ, прежніе его приверженцы оставили его, но нашлись промышленники, которые не только послѣ отреченія его отъ престола, но даже и по его смерти снабжали охотниковъ патентами на званіе Шамбеляновъ (заммергеровъ) его бывшаго двора и на ордонъ Св. Станисла

на, со звѣздою и лентою черезъ плечо! Разумѣется, что это дѣлалось безъ вѣдома короля. Сперва этимъ промысломъ занимался камердинеръ его, а потомъ двое искателей приключеній, изъ бѣдной польской шляхты, прибывшіе въ Петербургъ искать счастья. Одинъ изъ нихъ былъ войманъ, уличенъ и посаженъ въ крѣпость, но слѣпой случай перебросилъ его внезапно съ пути въ Сибирь, на путь къ счастью, и онъ, подъ покровительствомъ одной знатной дамы, вышелъ въ люди! Тогда это надѣлало много шуму между Поляками. Теперь все забыто! Дѣла давно минушихъ лѣтъ!

Король польскій умеръ въ февралѣ 1798 года, и похороненъ великолѣпно, по царскому церемоніалу. Государь присутствовалъ при погребеніи. Requiem, композиціи О. А. Козловскаго, разыгранное въ католической церкви, тогда высоко цѣнилось знатоками, и часто повторялось въ духовныхъ концертахъ.

Похороны короля польскаго привлекли только толпы любопытныхъ, но были другія похороны, которыя наполнили горестью всѣ сердца. Великій Суворовъ, герой народный, вождь въ полномъ значеніи слова *непобѣдимый*, котораго славою гордится каждый Русскій — скончался въ Петербургѣ. Въ Корпусѣ слѣдовали за всѣми его побѣдами, за всѣми подвигами въ послѣднюю его Италіанскую кампанію, и намъ съ кафедры провозглашали о чудныхъ дѣлахъ при Требин, при Нови, при переходѣ черезъ Альпы! Кадеты были воспламенены славою Суворова и завидовали участи тѣхъ, которые могли умереть съ оружіемъ въ рукахъ, въ глазахъ героя. Мы ожидали, что Суворовъ навѣститъ Корпусъ, что мы увидимъ нашъ идеалъ, и узнали, что онъ пріѣхалъ больной, изнеможенный, упавшій духомъ. Горесть была общая.... болѣе нежели горесть, и вѣсть о смерти Суворова встревожила столицу. Плакали и громко жаловались!... Въ день похоронъ, когда печальная колесница проѣзжала по Невскому Проспекту, при многочисленномъ стеченіи народа, Государь пріѣхалъ верхомъ, въ Михайловскаго Дворца, остановился на углу Садовой, возлѣ Императорской Публичной Библіотеки, и когда гробъ поравнялся съ нимъ, снялъ шляпу и уѣхалъ.

Императоръ Павелъ Петровичъ нѣсколько разъ носѣщалъ Корпусъ, и былъ чрезвычайно ласковъ съ кадетами, особенно съ малолѣтними, позволяя имъ многія вольности въ своемъ присутствіи. — «Чѣмъ ты хочешь быть?» спросилъ Государь одного кадета въ малолѣтнемъ отдѣленіи. — Гусаромъ! отвѣчалъ кадетъ. — «Хорошо, будешь! А ты чѣмъ хочешь быть?» приподвигъ Государь, обращаясь къ другому малолѣтнему кадету. — Государемъ! отвѣчалъ кадетъ, смотря смѣло ему въ глаза. — «Не совѣтую, братъ, сказалъ Государь, смѣясь; тяжелое ремесло! Ступай лучше въ гусары!» — Нѣтъ, я хочу быть государемъ, повторилъ кадетъ. — «Зачѣмъ?» спросилъ Государь. — Чтобъ привезть въ Петербургъ папеньку и маменьку. — «А гдѣ же твой папенька?» — Онъ служитъ майоромъ (не помню въ какомъ) въ гарнизонѣ! — «Это мы и безъ того сдѣлаемъ!» сказалъ Государь ласково, потрепавъ по щекѣ кадета, и велѣлъ бывшему съ нимъ генералъ-адъютанту записать фамилію и мѣсто служенія отца кадета. Черезъ мѣсяць отецъ кадета явился въ Корпусъ къ сыну, и отъ него узналъ о причинѣ милости Государя, который перевелъ его въ Сенатскій Полкъ и велѣлъ выдать нѣсколько тысячъ рублей, на подъемъ и обмундировку. Однажды проходя по нашей гренадерской ротѣ, Государь спросилъ у благообразнаго кадета: «Какъ тебя зовутъ?» — *Приказный*, отвѣчалъ кадетъ. — «Я не люблю *приказныхъ*, возразилъ Государь: и съ этихъ поръ ты будешь называться.... Государь задумался, и взглянувъ на бывшаго съ нимъ Михаила Никитича Муравьева *, сказалъ: ты будешь называться *Муравьевымъ!*» Потомъ обратясь къ Михаилу Никитичу, Государь приподвигъ: «Прошу извинить меня, ваше превосходительство, что я далъ этому кадету вашу фамилію: это послужитъ ему поощреніемъ къ подражанію вамъ, а мнѣ такіе люди, какъ вы, весьма нужны!» М. Н. Муравѣвъ низко поклонился Государю, и черезъ нѣсколько дней вышелъ сенатскій указъ о переименованіи *Приказныхъ* въ *Муравьевыхъ*. Въ другой разъ Государь, проходя по галереѣ,

* Извѣстный русскій прозаикъ, бывшій при воспитаніи ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей.

уронилъ трость. Толпа кадетовъ бросилась поднимать ее, нѣкоторые падали, и вырывая трость другъ у друга, стали толкаться и чуть не драться между собою. Офицеры были въ страхѣ, не зная какъ приметъ это Государь, но онъ былъ чрезвычайно доволенъ. — «Вижу, что вы будете усердно служить мнѣ!» сказалъ Государь, поцѣловавъ того кадета, которому удалось схватить трость и представить ему, а всему Корпусу велѣлъ раздать фрукты и распустить всѣхъ на три дня со двора. Въ мартѣ 1800 года, Государь лично объявилъ Корпусу, что онъ будетъ называться впредь *Первымъ* Кадетскимъ Корпусомъ, въ знакъ Царской къ намъ милости.

Вскорѣ послѣ перехода моего въ третью роту и въ верхніе классы, графъ Ламсдорфъ пазначенъ воспитателемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Павловича (нынѣ благополучно царствующаго Императора) и Михаила Павловича, а на его мѣсто поступилъ генералъ отъ инфантеріи графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ (въ ноябрѣ 1800 года). Въ февралѣ 1801 года, за нѣсколько недѣль до своей кончины, Государь возвысилъ графа Зубова въ званіе Шефа Корпуса, а Ѳ. И. Клингеръ, произведенный въ генералъ-майоры, назначенъ директоромъ. Но при этихъ перемѣнахъ начальниковъ, въ Корпусѣ ничего не перемѣнилось и все шло старымъ порядкомъ. Мы знали графа Зубова потому только, что видѣли множество слугъ его, одѣтыхъ богато и распудренныхъ; на галереяхъ, и что онъ приказывалъ иногда призывать къ себѣ лучшихъ кадетовъ и раздавалъ имъ плоды, которыми всегда были наполнены его комнаты, потому что онъ вѣрилъ, будто испаренія отъ свѣжихъ плодовъ, сохраняютъ свѣжесть лица. Графъ Зубовъ принималъ мало гостей, и самъ рѣдко выѣзжалъ со двора, живя уединенно. Государь, навѣщая Корпусъ, обходился съ нимъ чрезвычайно милостиво.

Двѣнадцатаго Марта 1801 года, едва пробили утреннюю зорю, вдругъ начали бить сборъ (въ шесть часовъ утра). Дежурный офицеръ вбѣжалъ опрометью въ роту и закричалъ: «Вставать и одѣваться! Не надобно пудриться, бери аммуницію и ружья, и стройся!» Пошла суматоха. Мы на-

какъ немогли догадаться, чтобы это значило, потому что этого никогда не бывало. При полной аммуниціи мы всегда пудрились; на ученье насъ не выводили такъ рано.... Едва мы успѣли выстроиться, насъ повели прямо въ Соборную Залу, и въ то же время принесли знамена (а тогда каждая рота имѣла знамя). Наконецъ явился священникъ, въ полномъ облаченіи, и мы присягнули новому Императору Александру Павловичу *! Тутъ только узнали мы, что Государь скончался въ ночь, съ 11 на 12-е марта! Кадеты любили покойнаго Государя и многіе изъ насъ заплакали. Послѣ присяги намъ позволено идти со двора, на двое сутокъ.

Первому Кадетскому Корпусу предоставлена была особая честь содержать караулъ при гробѣ Императора, въ Михайловскомъ Дворцѣ, и занимать первое мѣсто при погребеніи, именно впереди и съ тыла погребальной колесницы, подъ ружьемъ, съ знаменами. Кадеты Второго Кадетскаго Корпуса шли въ черныхъ мантияхъ и распущенныхъ шляхахъ, съ факелами, вокругъ колесницы. Отъ Михайловскаго Дворца, черезъ Царицынъ Лугъ, набережною Невы до Зимняго Дворца, черезъ Исакиевской Мостъ, Кадетскую Лѣвию и черезъ Тучковъ Мостъ, по Петербургской Сторонѣ, до Петропавловской Крѣпости выстроены были, по обѣимъ сторонамъ улицъ, полки гвардіи и арміи, которые, по прошествіи погребальной процессіи, слѣдовали по-взводно за нею, и выстроились за гласисомъ крѣпости, а только одинъ нашъ Корпусъ вошелъ, подъ ружьемъ, внутрь ея. Церемоніаль былъ тотъ же, какъ при погребеніи Императора Александра Павловича.

Началась новая эпоха, новая жизнь для всей Россіи, но во внутреннемъ устройствѣ Корпуса весьма мало было перемѣнъ до моего выпуска.

О. ВУЛГАРИНЪ.

* Тогда кадеты присягали, потому что считались въ службѣ.

II.

ПОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ГРАФЪ МОНТЕ-КРИСТО.

=

РОМАНЪ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

Въ началѣ 1838 года, во Флоренціи жили двое молодыхъ людей, принадлежащихъ къ самому изящному обществу Парижа, — виконтъ Альберъ де-Морсерфъ и баронъ Францъ д'Эпиннѣ. Они намѣревались отправиться на карнавалъ того году въ Римъ, гдѣ Францъ, прожившій въ Италіи уже четыре года, могъ служить Альберу за чичероне. Чтобы не пришлось, пріѣхавши въ вѣчный городъ въ такую пору, ночевать гдѣ-нибудь на площади, они заранѣе написали къ синьору Пастрини, содержателю гостиницы «Лондонъ», на Испанской Площади, и просили приготовить квартиру. Потомъ, чтобы воспользоваться остаткомъ времени, Альберъ поѣхалъ въ Неаполь, а Францъ задумалъ посѣтить островъ Эльбу.

Осмотрѣвъ слѣды гиганта въ Порто-Феррайо, Францъ съѣздилъ въ Піаносу, поохотиться за куропатками, но извѣстія объ изобиліи дичи оказались ложными. Охота была ничтожна. Утомившись напрасно, охотникъ воротился въ наемную лодку въ неприятномъ расположеніи духа.

— Если бы вашему превосходительству угодно было, можно бы поохотиться, не то, что здѣсь! сказалъ хозяинъ лодки, замѣтивъ досаду молодого человѣка.

— Гдѣ же это?

— А вотъ, извольте видѣть островъ? продолжалъ лодочникъ, указывая на конусообразную темно-синюю массу, которая въ отдаленіи торчала посреди моря.

— Вижу. Какой же это островъ?

— Это Монте-Кристо. Дичи бездна, да какой еще! Дикія козы тысячами разгуливаютъ! И позволенія не нужно, чтобы охотиться: островъ необитаемъ.

— Такъ гдѣ жъ тамъ ночевать?

— Въ пещерахъ, если угодно; а нето въ лодкѣ, или можно ѣхать назадъ тотчасъ же послѣ охоты. Вѣдь намъ по Средиземному-то всё-равно ходить, что днемъ, что ночью.

Францъ былъ радъ чѣмъ-нибудь разсѣять досаду и охотно согласился на предложеніе. Ковчинъ приказалъ кормчему переимѣнить направленіе. На это кормчій сдѣлалъ какое-то замѣчаніе и матросы стали вполголоса совѣщаться.

— Ну, что новаго? спросилъ Францъ.

— Ничего, эччеленца. Только..... надобно вамъ сказать, что островъ-то подъ запретомъ.

— Это что значить?

— Да то, что онъ необитаемъ, такъ на немъ часто вѣстаютъ контрабандисты и пираты изъ Корсики, Сардиніи и Африки. Такъ, если узнаютъ, что мы приставаемъ, насъ, по возвращеніи въ Ливорно, заставляютъ выдержать шестидневный карантинъ.

— О! шесть дней! Это много. Мнѣ нельзя прождать столько времени.

— Конечно, неприятно. Да, впрочемъ, кто же скажетъ, что вы изволили быть на Монте-Кристо?

— Ужь, разумѣется, не я! отвѣчалъ Францъ.

— Ну, а мы и по-давно не скажемъ! вскричалъ лодочникъ.

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ на Монте-Кристо.

Рулевой поворотилъ; матросы поставили паруса и лодка понеслась къ синему конусу. Францъ отъ нечего дѣлать продолжалъ разговаривать съ хозяиномъ, который усѣлся въ двухъ шагахъ отъ него.

— Ты, Гаэтано, сказалъ онъ, кажется, говорилъ, что Монте-Кристо служитъ приваломъ контрабандистамъ и пиратамъ. Вѣдь это звѣрь по-краснѣе дикой козы. Неужели въ самомъ дѣлѣ нынче еще есть пираты?

— Какъ же, эччеленца: разумѣется, есть!

— А я думалъ, что со времени взятія Алжира пираты существуютъ уже только въ романахъ Купера и Марриета.

— Да, какъ же! Вотъ, говорятъ также, будто папа Леонъ Дѣвнадцатый истребилъ бандитовъ, а между-тѣмъ они каждый день останавливаютъ путешественниковъ у самыхъ воротъ Рима! Развѣ не изволили слышать, — съ полгода будетъ, — ограбили французскаго посланника во ста шагахъ отъ Веллетри?

— Слышалъ.

— Ну, вотъ! А если бы эччеленца изволили жить въ Ливорно, такъ по временамъ слышали бы, какъ пропадаетъ безъ вѣсти то небольшое судно съ товарами, то англійская яхта, которую ждуть или въ Бастіи, или въ Порто-Феррайо, или въ Чивита-Веккии. Не прійдетъ судно, и говорятъ, — разбилось о какую-нибудь скалу; а скала-то эта просто — узенькая, длинная лодка съ шестью или осемью человѣками, которые въ темную ночь подстерегли голубчиковъ гдѣ-нибудь по близости необитаемаго острова, да и ограбили точно такъ же, какъ бандиты грабятъ почтовую карету на большой дорогѣ.

— Но отчего же ограбленные не жалуются французскому или сардинскому или тосканскому правительству, чтобы наказали разбойниковъ?

— Отчего? возразилъ Гаэтано съ улыбкой: да оттого что некому жаловаться. У пиратовъ первое дѣло — связать экипажъ. Потомъ перегрузятъ, что нужно, въ свою лодку;

потомъ пробуровать въ ограбленномъ суднѣ дну и пошю ко дну. На водѣ слѣда не останется, а связанные не выплывутъ. Кто же докажетъ, что судно не само разбилось?

Если бы Францъ раньше услышалъ подобный разсказъ, онъ, вѣроятно, подумалъ бы прежде нежели согласился ѣхать прямо въ притонъ такихъ осторожныхъ и предусмотрительныхъ промышленниковъ. Но лодка уже шла къ Монте-Кристо и ему казалось, что воротиться будетъ малоудушно. Баронъ Францъ д'Эпиннѣ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые напрасно не навязываются на опасность, но хладнокровно встрѣчаютъ ее, когда она подойдетъ нечаянно. Струсить онъ не могъ.

Вѣтеръ дулъ не крѣпкій, но попутный. Лодка быстро приближалась къ своей цѣли. До Монте-Кристо оставалось миль пятнадцать, когда солнце начало садиться. Остроконечная гранитная масса, на которой Францъ уже начиналъ мѣстами различать зелень миртовыхъ кустовъ и перескочковыхъ растений, опять потемнѣла. Вечерняя тѣнь постепенно разстилалась по морю какъ широкій занавѣсъ. Только на вершинѣ острова послѣдніе лучи еще остановились на минуту, подобно огненному султану на волканѣ. Но скоро и этотъ свѣтъ, подвигаясь всё выше и выше, исчезъ совершенно. Темно-сѣрая каменная глыба болѣе и болѣе чернѣла. Черезъ полчаса настала совершенная ночь. Островъ совсѣмъ утонулъ во мракѣ. Но у Гаэтано и его матросовъ, казалось, были рысьи глаза, которымъ темнота не помѣха. Сверхъ-того, они были коротко знакомы съ каждою скалой тосканскаго архипелага и не обнаруживали ни малѣйшаго замѣшательства. Лодка спокойно шла впередъ. Прошло около часу по захожденіи солнца, когда Францъ увидѣлъ на разстояніи четверти мили влѣвъ темную массу. Полагая, что это можетъ быть туча, онъ ничего не сказалъ. Но вдругъ показался огонь; какъ-будто, отъ костра. Очевидно было, что на островѣ находились люди.

— Что это за огонь, Гаэтано? спросилъ Францъ: ты говорилъ, что островъ необитаемъ!

— Да; но я говорилъ также, что къ нему пристають контрабандисты.

— И пираты?

— И пираты. Затѣмъ—то мы и вливаемъ вино. Видите, огонь уже остался у насъ позади.

— Какъ! развѣ есть опасность? Огонь этотъ, кажется, напротивъ, долженъ бы успокоивать. Люди подозрительные не заглян бы такого малка.

— Э! это ничего не значить! Если бы вы могли въ этой темнотѣ сообразить положеніе острова, вы увидѣли бы, что этотъ огонь не привѣтенъ ни изъ Корсики ни изъ Шаносы: только съ моря.

— Такъ ты думаешь, что этотъ огонь сулитъ намъ неприятную встрѣчу?

— Да нужно удостовѣриться, отвѣчалъ Гаэтано, продолжая вглядываться въ огонь.

Скоро свѣтъ пчезъ за угломъ скалы. Тогда Гаэтано приказалъ рулевому повернуть назадъ и, черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой перемены направленія, лодка подошла къ острову такъ близко, что до берегу оставалось шаговъ пятьдесятъ, не болѣе. Подобрали паруса и остановились. Весь этотъ маневръ исполненъ былъ въ глубочайшемъ безмолвіи. Гаэтано продолжалъ свои распоряженія. Матросы приготовили весла, чтобы, въ случаѣ нужды, скорѣе уйти. Францъ зарядилъ двуствольное ружье и карабинъ пулями и осмѣтрѣлъ замки. Гаэтано между-тѣмъ скинулъ верхнее платье, приложилъ палецъ ко рту, въ знакъ, чтобы товарищи молчали; тихонько спустился въ воду и поплылъ къ берегу. Онъ плылъ такъ осторожно, что не производилъ ни малѣйшаго плеску. Только по блестящей струѣ отъ движеній, можно было видѣть его слѣдъ. Скоро и струя исчезла: Гаэтано вышелъ на берегъ.

На лодкѣ всѣ молчали и не шевелились въ продолженіи получаса. Потомъ вода опять заструилась и черезъ минуту Гаэтано влѣзъ на бортъ.

— Ну что, кто тамъ? спросилъ Францъ вполголоса.

— Испанскіе контрабандисты, да съ ними двое корсиканскихъ бандитовъ. Ничего; можно причалить. Контрабандисты-то вѣдъ свои люди, а бандитовъ они только-что приняли къ себѣ и спасли отъ погони. Нельзя же не по-

ночь человѣку въ бѣдѣ. Иной разъ и бандитамъ приходится спасать нашего брата.

— Такъ, стало-быть, ты и самъ тоже контрабандистъ, Гаэтано? вскричала Францъ съ удивленіемъ.

— Немножко занимаемся и этимъ, отвѣчалъ Гаэтано усмѣхнувшись: надо жъ чѣмъ-нибудь жить!

— Такъ ты думаешь, что можно выйти на берегъ?

— Можно; ничего. Контрабандисты не воры.

— А бандиты?

— Ихъ только двое, да и тѣмъ не до грабежа: спасаются бѣгствомъ. Впрочемъ они даже еще и не бандиты, а только будутъ бандитами. Ихъ преслѣдуютъ за то, что скурку сдѣлали.

— Это что значитъ?

— Да въ мщенія убили человѣка. Послѣ этого что жъ больше дѣлать, какъ не въ бандиты втти?

— Сколько ихъ всѣхъ тамъ?

— Питеро: двое бандитовъ, да трое контрабандистовъ.

— Питеро? Ну, и насъ ровно столько же. Причаливай!

Матросы опять расправили паруса и стали огибать скалу, за которою скрывался огонь. Они нарочно отошли подальше, чтобы не возбудить подозрѣнія, и всё держались внѣ свѣтлой полосы отъ огня. Потомъ, приказавъ править прямо къ тому мѣсту, гдѣ промышленники по-видимому готовили себѣ ужинъ, Гаэтано звонкимъ голосомъ запѣлъ рыбацкую пѣсню. Матросы хоромъ повторяли припѣвъ.

При первомъ словѣ пѣсни сидѣвшіе вокругъ огня встрепенулись и подошли къ водѣ. Высмотрѣвши лодку, которая въ это время входила въ свѣтлую полосу, контрабандисты спокойно воротились на свое мѣсто. Только одинъ остался на берегу и, подпустивъ лодку на двадцать шаговъ, поднялъ карабинъ и закричалъ:

— Кто идетъ?

Францъ хладнокровно взвелъ курки. Гаэтано приказалъ подобрать паруса, чтобы остановиться, и на окликъ отвѣчалъ, что ѣдетъ Французъ, который путешествуетъ для своего удовольствія. Францъ запретилъ сазывать нартамъ свое имя. Получивъ отвѣтъ, сторожевой что-то сказалъ одному изъ сидѣвшихъ у огня. Тотъ всталъ и ушелъ.

Прешло нѣсколько минутъ, продолженіе которыхъ обѣ стороны молча наблюдали другъ за другомъ и не трогались съ мѣста. Наконецъ посланный воротился и крикнулъ одно слово:

— Можно!

Въ четыре весельныхъ удара лодка причалила. Гаэтано вышелъ первый. За нимъ Францъ. Ружье висѣло у него за плечами, по-охотничьи. Карабинъ онъ держалъ въ рукахъ. При шегольскомъ охотничьемъ костюмѣ это оруженіе не возбуждало никакихъ подозрѣній. Гаэтано и его матросы пріятельски поздоровались съ контрабандистами и въ тридцати шагахъ отъ нихъ указали Францу удобное мѣсто между скалъ, гдѣ можно было разложить огонь для него. Видя, что опасаться въ самомъ дѣлѣ нечего, Францъ обратилъ все свое вниманіе на аппетитъ, возбужденный привлекательнымъ запахомъ жареной козы. Онъ приказалъ принести вина, хлѣба и полдюжины куропатокъ, которыя были у него въ лодкѣ, а Гаэтано вздумалъ предложить пару этихъ птицъ контрабандистамъ, чтобы получить взамишъ часть козы, для разнообразія ужина. Покуда онъ ходилъ, Францъ самъ помогалъ матросамъ разводить огонь.

— Ну, что? не хотятъ мѣняться? спросилъ онъ, когда Гаэтано воротился съ пустыми руками.

— Нѣтъ, не то: мѣняться, они, пожалуй, согласны. Да они здѣсь не одни: у нихъ есть начальникъ, которому сказали, что вы французскій дворянинъ, и онъ велѣлъ просить васъ къ себѣ на ужинъ.

— О! да видно, этотъ начальникъ контрабандистовъ человекъ благовоспитанный! вскричалъ Францъ: что жъ? зачѣмъ отказываться? Вѣдь и я принесу свою долю ужина.

— Ну, это не нужно, возразилъ Гаэтано: у него есть что ужинать. Дѣло только въ томъ, что онъ принимаетъ васъ у себя съ страннымъ условіемъ.

— У себя? Стало-быть, у него здѣсь свой домъ?

— Нѣтъ, домъ не домъ, а удобства есть, говорятъ.

— Кто же это? Знаешь ты его?

— Нѣтъ, не знаю, а слышалъ рассказы.

— Что же объ немъ разсказываютъ? хорошее или дурное?

— Да всего по-маленьку.

— А какое же онъ предлагаетъ мнѣ условіе?

— Да требуетъ, чтобы вы позволили завязать себѣ глаза и чтобы не снимали повязки, пока не скажутъ.

— Что жъ ты думаешь, итти?

— Я съ своей стороны съ удовольствіемъ пошелъ бы. Говорятъ, у него тамъ, въ подземельѣ, такія роскошныя палаты, что дворецъ Питти ничего не значить противъ нихъ.

— Неужели? Кто же это говорилъ тебѣ?

— Мой пріятель, Кама, штурманъ Санъ-Фердинанда. Онъ былъ однажды тамъ и говоритъ, что такія чудеса найдешь только въ волшебныхъ сказкахъ.

— Что же здѣсь, подземелье Али-Бабы, что ли?

— Не знаю. Я говорю что слышалъ.

— Такъ ты совѣтуешь итти?

— Нѣтъ, зачѣмъ я стану совѣтовать, эччеленца? Дѣлайте, что вамъ угодно. Я только говорю, что позвои онъ меня, я бы сейчасъ побѣжалъ.

Любопытство барона д'Эпинѣ было возбуждено. Онъ разсудилъ, что даже въ случаѣ обману и грабежа можетъ лишиться только нѣсколькихъ сотъ франковъ, которые имѣлъ при себѣ, и принялъ предложеніе. Гаэтано пошелъ сказать отвѣтъ, а Францъ, желая по-больше развѣдать о гостепріимномъ предводителѣ контрабандистовъ, обратился къ матросу, который ошпыивалъ куропатокъ, и спросилъ, какимъ образомъ пріѣхали эти люди. У берегу не видно было ни какого судна.

— Не знаю, гдѣ оно теперь стоитъ, отвѣчалъ матросъ: а есть судно: я видывалъ его.

— Хорошее?

— Желая вамъ такое имѣть, эччеленца, если вы намѣрены совершить путешествіе кругомъ Свѣта.

— Такъ оно большое?

— Нѣтъ, маленькая яхта: сто тоннъ держитъ. Да только такъ построена, что хоть въ какую хочешь погоду ступай въ море. Въ Генуѣ строили.

— Въ Генуѣ? Какъ же контрабандистъ смѣетъ строить себѣ судно въ Генуѣ?

— Я не говорю, что хозяинъ этой яхты контрабандистъ, отвѣчалъ матросъ.

— Но Газтано говоритъ, замѣтилъ Францъ.

— Нѣтъ, и Газтано не его называлъ контрабандистомъ.

— Такъ кто же онъ?

— Богатый баринъ. Онъ путешествуетъ для своего удовольствія, такъ же какъ и вы.

— Какъ же его зовутъ? спросилъ Францъ съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Между нашею братьей его зовутъ Синдбадомъ-Мореходомъ; но это, конечно, не настоящее его имя.

— Синдбадъ-Мореходъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ обыкновенно живетъ?

— На морѣ, а иногда и здѣсь, въ своихъ подземныхъ палатахъ.

— Какой онъ нація?

— Не знаю.

— А что, изъ васъ никто не пытался проникнуть въ его волшебное жилище на этомъ островѣ?

— Какъ же, случилось! Осматривали и обшаривали каждый уголокъ въ двухъ пещерахъ, которыя есть здѣсь въ горѣ, но не нашли ни какого входа. Говорятъ, что входъ въ подземелье отворяется не ключомъ, а волшебнымъ словомъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! подумалъ Францъ: значить, я вѣвчалъ прамехонько въ сказку изъ Тысячи и Одной Ночи!

— Его сіятельство ожидаетъ васъ, эччеленца! сказалъ позади голосъ, въ которомъ Францъ узналъ сторожеваго.

Вмѣсто отвѣту Францъ вынулъ изъ кармана платокъ и подалъ контрабандисту, который потребовалъ клятвы, что повязка его не будетъ снята преждевременно, потомъ тщательно завязалъ гостю глаза и повелъ его подъ-руку. Черезъ нѣсколько минутъ Францъ ощутилъ перемѣну атмосферы и догадался, что находится въ подземельѣ. Потомъ послышался легкій шумъ и атмосфера опять перемѣнилась, стала теплою и благоухающею. Наконецъ ноги его ступили на

мягкій коверъ. Тутъ вохматый оставилъ Франца и, послѣ минутной тишины, кто-то сказалъ во-французски:

— Добро пожаловать, любезный гость! Снимите вашу повязку.

Францъ не заставлялъ просить объ этомъ дважды и очутился передъ человѣкомъ лѣтъ тридцати-осми или сорока, въ тунисскомъ костюмѣ, то есть, въ красной фескѣ съ длинною синею шелковою кистью; въ черномъ, суконномъ камзолѣ, съ золотомъ; въ широкихъ красныхъ шальварахъ; въ штюблетахъ такого же цвѣту, съ золотымъ шитьемъ, и въ желтыхъ туфляхъ. За великолѣпнымъ кашмировымъ поясомъ торчалъ осьмианый брилліантами кавдзаръ. Лице, хотя почти мертвенно-блѣдное, было однако жъ замѣчательной красоты: живые, пронизательные глаза; прямой, чисто греческій носъ, почти въ уровень со лбомъ; черные красивые усы, изъ-подъ которыхъ видѣлись два ряда зубовъ, бѣлыхъ и ровныхъ какъ жемчугъ, — все это составляло удивительное цѣлое. Только блѣдность была странна: можно было подумать, что этотъ человѣкъ провелъ долгое время въ могилѣ и еще не успѣлъ воротить живой цвѣтъ.

Но болѣе всего Франца удивила пышность убранства въ комнатѣ. Вся она была обита алою турецкою матеріей съ золотыми цвѣтами. Въ небольшомъ альковѣ стоялъ бархатный диванъ, надъ которымъ висѣло арабское оружіе, осыпанное дорогими каменьями. Посрединѣ потолка висѣла люстра изъ цвѣтнаго венеціанскаго стекла. Весь полъ былъ устланъ мягкимъ шелковымъ ковромъ, въ которомъ ноги тонули до лодыжекъ. Дверь, черезъ которую Францъ вошелъ, и входъ въ другую ярко освѣщенную комнату закрывались пышными драпировками.

Хозяинъ далъ гостю-вадивиться, а между-тѣмъ и самъ разглядывалъ его.

— Любезный гость, сказалъ онъ потомъ: сдѣлайте милость, не взъищите за предосторожность, которую я употребилъ, когда васъ вели сюда. Это я дѣлаю оттого, что островъ необитаемъ. Если бы тайна этого жилища открылась, я скоро нашелъ бы мой привалъ въ довольно жалкомъ состояніи. Это было бы неприятно, не потому что

мнѣ жаль потерн, не потому что я лишился бы возможности удалиться отъ свѣта во всякое время, когда вздушаю. Теперь я постараюсь заставить васъ позабыть маленькую неприятность. Вы найдете у меня то, чего, конечно, не надѣялись найти на этомъ островѣ, то есть, порядочный ужинъ и порядную постель.

— Помилуйте! вамъ совсѣмъ не въ чемъ извиняться, возразилъ Францъ: сколько мнѣ извѣстно, глаза обыкновенно завязываютъ всѣмъ, кого вводятъ въ волшебныя замки, и мнѣ не на что жаловаться: то, что вы мнѣ показываете, составляетъ прекрасное продолженіе «Тысячи и Одной Ночи».

— На это я вамъ скажу, что сказалъ Лукуллъ: если бы я зналъ, что вы пожалуете, я приготовился бы. Но теперь мое жилище и мой столъ къ вашимъ услугамъ въ томъ видѣ, какъ есть. Не прогибвайтесь. Али! столъ готовъ?

Въ то же мгновеніе нубійскій негръ въ бѣлой туникѣ двинулся, приподнявъ драпировку изъ другой комнаты и знакомъ отвѣчалъ господину, что все готово.

— Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, сказалъ вотомъ незнакомецъ: но я нахожу, что нѣтъ ничего столь неловкаго какъ положеніе людей, которые проводятъ жизньъ нѣсколько часовъ и не знаютъ, какъ называть другъ друга. Замѣтите, что я уважаю законы гостепріимства и вовсе не требую, чтобы вы сказали мнѣ подлинное имя или титулъ. Я прошу только сказать мнѣ какое-нибудь имя, посредствомъ котораго я могъ бы обращаться къ вамъ рѣчь. Меня обыкновенно зовутъ Синдбадомъ-Мореходомъ.

— А я, отвѣчалъ Францъ: я вамъ скажу, что, какъ мнѣ въ этомъ положеніи, недостаетъ только волшебной лампы, чтобы быть настоящимъ Аладдиномъ, то я не вижу затрудненія, по которому бы мнѣ нельзя было на время носить имя этого сказочнаго героя. Такимъ образомъ мы оставемся въ восточной сферѣ, въ которую меня занесъ, конечно, какой-нибудь добрый духъ.

— Хорошо, синьоръ Аладдинъ, сказалъ странный хозяинъ: такъ милости просимъ. Ужинъ готовъ.

Они вошли въ столовую, куда приглашалъ черный Нубиецъ.

Францъ впалъ изъ очарованія въ очарованіе. Продолговатая комната, въ которой стоялъ роскошно накрытый столъ, была вся изъ бѣлаго мрамору съ дорогими античными барельефами. Въ каждомъ изъ четырехъ угловъ стояла статуя, съ корзиною на головѣ. Въ корзинахъ лежали пирамидальныя груды самыхъ лучшихъ плодовъ, свццлійскіе ананасы, малагскіе гранаты, балеарскіе апельсины, французскія сливы, и тунисскіе финики. Ужинъ состоялъ изъ жаренаго фазана, окруженнаго корсиканскими дроздами; изъ кабаньяго окорока подъ холоднымъ желѣ; изъ четверти козы, приготовленной по-татарски; изъ великолѣпнаго палтуса и колоссальнаго морскаго рака, — не считая множества второстепенныхъ блюдъ. Все это подавалось на серебрянъ и на японскомъ фарфорѣ. Францъ протиралъ глаза, чтобы удостовѣриться, что ему не грезится. Алн одинъ прислуживалъ у стола и исправлялъ эту должность такъ хорошо и расторопно, что гость изъявилъ хозяину свое удивленіе.

— Да! отвѣчалъ Синдбадъ: этотъ бѣднякъ хорошо служить, потому что ояень преданъ мнѣ. Онъ помнитъ, что обязанъ мнѣ жизнью. Онъ, кажется, дорожитъ своей головой и оттого нѣсколько признателенъ мнѣ за ея сохраненіе.

Алн, хотя не понималъ по-французски, однако жъ догадался, что рѣчь идетъ объ немъ, подошелъ къ своему господину и почтительно поцѣловалъ его руку.

— Какимъ же это образомъ случилось, синьоръ Синдбадъ? спросилъ Францъ.

— О! это случай очень простой. Молодчикъ, кажется, слишкомъ близко бродилъ подлѣ серала тунисскаго бея, такъ, что тотъ рѣшилъ отрѣзать ему въ одинъ день языкъ, на другой руку, а на третій голову. Мнѣ давно хотѣлось имѣть для прислуги нѣмага. Я поождалъ пока отрѣзали языкъ, а за руку и голову предложилъ бео двустольное ружье, которое ему очень нравилось. Бей согласился и Алн — мой.

Все это онъ разсказалъ съ такимъ хладнокровіемъ, что

Францъ не зналъ, что подумать. Разговоръ обратился на кочевую жизнь хозяина, который рассказывалъ, что проводитъ большую часть времени въ путешествіяхъ и страстно любить быстро переноситься съ одного мѣста на другое. Между-тѣмъ продолжался ужинъ, который, по-видимому, былъ приготовленъ только для гостя, потому что хозяинъ едва прикасался и то только къ нѣкоторымъ яствамъ. Наконецъ Али принесъ десертъ, то есть, снялъ корзины съ головъ статуи и поставилъ на столъ. Передъ хозяиномъ онъ особенно поставилъ небольшую серебряную кубышку наподобіе сахарницы, съ крышкою. Почтеніе, съ которымъ Али несъ эту кубышку, возбудило любопытство Франца. Онъ открылъ ее и увидѣлъ зеленоватое тѣсто, похожее на мягкій сыръ, но совершенно незнакомое ему.

— Вы хотите знать, что это за кушанье? спросилъ хозяинъ.

— Да, признаюсь, любопытно.

— Это амвросія, которую Гебея подавала на столъ Юпитеру.

— Вѣрю, сказалъ съ улыбкою Францъ: но эта амвросія прошедши черезъ человѣческія руки, вѣроятно, утратила свое олимпійское имя и носить теперь какое-нибудь земное названіе?

— К чему названіе? Если вы человѣкъ положительный и много вашъ золото, отвѣдайте этого тѣста и передъ вами откроются рудники и розсыпи Перу, Гузераты и Голконды. Если вы человѣкъ съ воображеніемъ, если вы поэтъ, отвѣдайте этого и предѣлы возможнаго исчезнутъ: передъ вами откроется область безконечнаго; вы, свободные сердцемъ, свободные умомъ, можете разгуливать въ безграничномъ царствѣ мечты. Если вы честолюбивы и дорожите земнымъ величіемъ, опять-таки отвѣдайте этого и вы черезъ часъ будете царемъ, властителемъ не только какого-нибудь уголка земли въ Европѣ или Азій, и притомъ не правителемъ, обремененнымъ заботами, но спокойнымъ и безопаснымъ властителемъ цѣлаго міра. Отвѣдайте и все будетъ ваше, все будетъ покорно вамъ и малѣйшему вашему желанію. Не правда ли, это привлекательно? И для

всего этого нужно съѣсть только одну ложку.... вотъ такъ, посмотрите.

Онъ взялъ хваленнаго вещества на чайную ложку, положилъ въ ротъ и, закинувъ голову, закрывъ глаза, сталъ медленно жевать. Французъ далъ ему кончить эту операцію и потомъ спросилъ:

— Но, наконецъ, скажите, что это за кушанье? Мнѣ хочется знать....

— Вы слыховали когда-нибудь о Старомъ Горцѣ? возразилъ хозяинъ: о томъ самомъ, который хотѣлъ убить Филиппа-Августа?

— Слышалъ.

— Ну, такъ вы знаете, что онъ жилъ на роскошной горѣ, отъ которой получилъ свое живописное прозваніе и гдѣ у него были великолѣпныя сады, разведенныя Гассанъ-бенъ-Сабой, а въ садахъ чудесныя уединенныя бесѣдки. Въ этихъ бесѣдкахъ, какъ говоритъ Марко-Поло, Старый Горецъ принималъ своихъ избранныхъ и угощалъ кушаньемъ, которое переносило ихъ въ эдемъ, вѣчно цвѣтущій, вѣчно наполненный зрѣлыми плодами и неувядающими женщинами. То, что счастливыя принимали за дѣйствительность, была мечта, но мечта такая чудесная, такая роскошная, такая упоительная, что они отдавались тѣломъ и душою тому, кто имъ доставлялъ ее. Они не боялись даже смерти, потому что считали ее только переходомъ навѣкъ въ это царство упоенія и блаженства, въ которое на минуты переносились, отаѣдавъ пищу Старого Горца. Пища эта та самая, которая теперь стоитъ передъ вами.

— А! такъ это хашишъ! Да, я знаю.... по имени, по крайней-мѣрѣ: я слышалъ.

— Именно. Это хашишъ, самый лучший александрійскій хашишъ, приготовленный Абу-Горомъ, великимъ мастеромъ, великимъ человекомъ, которому надобно бы воздвигнуть вѣковыя палаты съ надписью: «Продавцу счастья признательное человечество».

— Мнѣ хотѣлось бы испытать на себѣ дѣйствіе этого удивительнаго кушанья, сказалъ Французъ.

— Вы сомнѣваетесь, что оно достойно моихъ похвалъ?

Отвѣдайте и судите сами. Но не останавливайтесь на первомъ опытѣ. Къ этому кушанью надобно привыкнуть, какъ ко всякому новому впечатлѣнію. Человѣческая природа обыкновенно борется съ этою волшебною пищей. Нужно побѣдить природу, нужно чтобы дѣйствительность уступила мечтѣ и тогда мечта станетъ царствовать неограниченно, — тогда мечта сдѣлается жизнью, а дѣйствительная жизнь сномъ. Постигнувъ наслажденія этой жизни въ мечтѣ, вы уже не захотите жить въ дѣйствительности: за это я вамъ ручаюсь. Когда вы перейдете потомъ изъ вашего міра фантазіи въ міръ другихъ людей, вамъ покажется, что вы переноситесь изъ среды неаполитанскаго лѣта въ камчатскую зиму. Отвѣдайте.

Францъ зачерпнулъ чайною ложкой столько же тѣста сколько видѣлъ у хозяина, положилъ въ ротъ и, пожевавши, проглотилъ.

— Не знаю, каковы будутъ послѣдствія, сказалъ онъ, поморщившись, но на вкусъ ваша амбросія вовсе не восхитительна.

— Это оттого, что вашъ вкусъ еще не приучился распознавать всю прелесть этого дивнаго вещества. Скажите, полюбили вы съ перваго разу устрицы, чай, портеръ, трюфли и всѣ подобныя вещи, которыя потомъ чуть не обожали? Понимаете ли вы Римлянъ, которые приправляли своихъ фазановъ асса-фетидой? Понимаете ли вы Китайцевъ, которые съ наслажденіемъ ѣдятъ ласточкины гнѣзда? Конечно, нѣтъ. Ну, такъ и хашишъ. Покушайте его только дней семь-осемь съ-ряду и никакая пища въ мірѣ уже не будетъ для васъ равняться по вкусу съ этимъ зеленатымъ тѣстомъ, которое теперь кажется вамъ непріятнымъ. Но не угодно ли пожаловать въ вашу комнату? Али туда подасть намъ кофе и трубки.

Они вошли въ третій покой, по-меньше двухъ первыхъ и убранный еще проще. Вокругъ стѣнъ тянулся непрерывный широкій диванъ, устланный, такъ же какъ и полъ, дорогими мѣхами, — львиными, тигровыми, медвѣжьими, собольими и бобровыми. Стѣны были обиты тѣмъ же. Это придавало имъ видъ нѣсколько темный, но очень живописный. Полъ и диванъ, съ этою постилкой были мягче

и теплѣ перипть. Хозяинъ самъ указалъ гостю мѣсто по-удобѣе. Али принесъ душистый кофе, приготовленный по-турецки, и трубки съ великолѣпными мундштуками. Францъ уже такъ привыкалъ ко всей этой роскоши, что совсѣмъ забывалъ, гдѣ находится. Постепенно въ немъ самомъ начала совершаться удивительная перемѣна: вся физическая усталость, всѣ мысли о прошедшемъ, исчезли. Онъ началъ чувствовать сладостное приближеніе сна вмѣстѣ съ очаровательными видѣніями. Тѣло его приобрѣло необычайную легкость; умъ чудесно прояснялся, органы чувствъ какъ-будто удвоили свою воспримчивость. Францъ утопалъ въ сіяніи, въ восхитительныхъ благоуханіяхъ и невыразимо-чудесной гармонической музыкѣ. И въ этомъ сіяніи, въ этомъ благоуханіи, въ этой гармоніи ему представлялись видѣнія, въ сравненіи съ которыми всѣ чудеса арабскихъ сказокъ казались блѣдными и холодными. Восторгъ его превосходилъ всякое выраженіе, такъ, что онъ наконецъ измучился отъ избытка наслажденія и впалъ въ безчувственный сонъ.

Когда онъ проснулся, ему показалось, что начинается новый рядъ видѣній, только въ другомъ родѣ. Ему представилось, что онъ лежитъ въ погребальномъ склепѣ, куда посерединѣ мраку, подобно сострадательному взгляду, проникаетъ только одинъ слабый лучъ солнца. Онъ протянулъ руку и ощущалъ камень; окинулъ взоромъ и увидѣлъ, что лежитъ завернутый въ своемъ плащѣ, на грудѣ сухихъ душистыхъ листьевъ, въ пещерѣ. Всѣ призраки мечты исчезли, все волненіе пропало и уступило мѣсто спокойной дѣйствительности. Францъ всталъ и вышелъ изъ пещеры. Небо было ясно, море спокойно. Воздухъ и вода отражали свѣтъ утренняго солнца. На берегу сидѣли матросы, разговаривали и смѣялись. По-дальше, на прозрачныхъ струяхъ, покачивалась на якорѣ легкая лодка.

Францъ нѣсколько времени наслаждался свѣжестью вѣтерка, который обдувалъ ему лобъ; вслушивался въ слабый рокотъ волнъ, медленно приливавшихъ къ гранитному берегу, и, безъ разсужденія, безъ мысли, предался божественному очарованію природы, которое дѣйствуетъ особенно могущественно, когда пробудившись отъ сна и фантасти-

чѣскихъ видѣній. Мало-по-малу эта виѣшняя жизнь, спокойная, чистая, великая, напомнила Францу невѣроятность его видѣній и прошедшее опять начало возникать въ его памяти. Онъ вспомнилъ о своемъ прибытіи на островъ, о представленіи предводителю контрабандистовъ, о великолѣпныхъ подземныхъ палатахъ, о роскошномъ ужинѣ и ложкѣ хашишу. Только ему казалось, что прошло уже около года съ-тѣхъ-поръ какъ все это случилось: такъ сонъ его былъ обилень видѣніями. Впрочемъ, голова у него была совершенно свободна, тѣло отдохнуло. Онъ же ощущалъ ни какой тягости; напротивъ, чувствовалъ особенное довольство и чрезвычайную способность вдыхать въ себя воздухъ. Онъ весело подошелъ къ матросамъ. Они, увидѣвъ его, тотчасъ встали.

— Здравія желаю, ваше превосходительство! сказалъ Гаэтано: сивѣоръ Синдбадъ приказалъ кланяться вамъ и сказать что онъ, къ величайшему своему сожалѣнію, не могъ проститься съ вами. Онъ по весьма важному дѣлу принужденъ былъ уѣхать, не дождавшись вашего пробужденія. Вонъ, тамъ яхта его еще видна.

И Гаэтано указалъ на небольшое судно, которое на всѣхъ парусахъ шло къ южной оконечности Корсики. Францъ вынулъ изъ карману зрительную трубу и направилъ ее. На кормѣ красной венеціанской яхты стоялъ таинственный хозяинъ подземныхъ палатъ, въ томъ же тунисскомъ костюмѣ. Онъ тоже смотрѣлъ въ зрительную трубу и махалъ платкомъ въ знакъ прощанія. Францъ отвѣчалъ тѣмъ же. Черезъ секунду надъ кормою закрубилося бѣлое облачко и, рѣдѣя, медленно поднялось по синему небу. Потомъ послышался слабый звукъ выстрѣла.

— Слышите! онъ прощается съ вами, сказалъ Гаэтано.

Францъ схватилъ карабинъ и также выстрѣлялъ, но не надѣялся, что звукъ этотъ перелетитъ широкое пространство до яхты. Черезъ нѣсколько минутъ потомъ яхта совсѣмъ исчезла изъ виду. Тогда и она и ея хозяинъ, и все, что въ этой встрѣчѣ было дѣйствительнаго, все слилось у Франца съ грезами отъ хашиша. Сходивъ еще разъ въ пещеру и убѣдившись, что черезъ нее, безъ холма, дѣйствительно нѣтъ ни какой возможности про-

шкнутъ въ таинственное подземелье, онъ воротился на лодку и отправился назадъ въ Ливорно. Тамъ онъ на время совершенно забылъ о своемъ приключеніи, потому что нужно было спѣшить въ Римъ.

Виконтъ Альберъ де-Морсерезъ уже ожидалъ своего пріятеля въ гостинницѣ сеньора Пастрини. Римъ уже былъ въ обыкновенномъ лихорадочномъ волненіи, какое предшествуетъ великимъ событіямъ. А въ Римѣ великихъ событій бываетъ четыре въ годъ: карнавалъ, Святая Недѣля, праздникъ Тѣла Господня и день Святаго-Петра. Все остальное время городъ впадаетъ въ глухую неподвижность, въ среднее состояніе между жизнью и смертью, въ состояніе, отъ котораго онъ кажется станціею между этимъ и тѣмъ свѣтомъ, станціею величественною, поэтической и всегда очаровательною.

Французъ не безъ труда пробрался до гостинницы по улицамъ, запруженнымъ экипажами и взадъ и впередъ снующимъ, хлопочущимъ народомъ. Квартира молодыхъ людей состояла изъ двухъ комнатъ и одного кабинета. Остальные покои нхъ этажа были заняты какимъ-то знатнымъ богачомъ, Мальтійцемъ или Сицилійцемъ, — сеньоръ Пастрини и самъ хорошенько не зналъ.

— Ну, хорошо, хорошо, сеньоръ Пастрини, возразилъ Французъ перерывая его объясненія: позаботьтесь теперь, чтобы намъ было что поужинать, а завтра утромъ, чтобы была коляска на весь карнавалъ.

— Ужинъ сію-минуту будетъ поданъ; отвѣчалъ Пастрини: но что касается до коляски....

— Какъ! что касается? вскричалъ Французъ: полноте! полноте шутить, сеньоръ Пастрини! Коляска непременно должна быть.

— Монсеньоръ, отвѣчалъ Пастрини почтительно кланяясь: я сдѣлаю все, что возможно. Больше ничего не могу обѣщать вашему превосходительству.

— Когда же мы узнаемъ, что именно оказалось возможнымъ?

— Завтра утромъ, эччеленца.

— Да о чемъ же тутъ долго толковать? замѣтилъ Альберъ: заплатимъ по-дороже, вотъ и все. Вѣдь извѣстно,

что стóитъ: у Діака и Арона, двадцать пять франковъ за будній день, тридцать или тридцать-пять за воскресенье или праздникъ. Прибавьте пять франковъ за комиссію, по экстренному случаю, и полно объ этомъ.

— Извините, ваше сіятельство, но я боюсь, что и за двойную цѣну не найдете.

— Въ такомъ случаѣ, можно запрячь лошадей въ мою дорожную.

— Лошадей не найдете, вѣчеленца.

Альберъ посмотрѣлъ на Франца какъ человекъ, которому сказали непостижимое слово.

— Понимаете вы это, Францъ? Нѣтъ лошадей! Но развѣ нельзя нанять почтовыхъ лошадей?

— Почтовые лошади всѣ наняты уже двѣ недѣли назадъ.

— Какое! Что вы на это скажете? спросилъ Францъ.

— Я скажу, что, когда что-нибудь превосходитъ мое понятіе, такъ я нибудь привычку не ломать головы по-пустому. Готовъ ли ужинъ, сеньоръ Пастрини?

— Готовъ, вѣчеленца.

— Ну, закъ будемъ ужинать.

— А коляска и лошади? спросилъ опять Францъ.

— Какъ-нибудь, да будутъ. Заплатимъ по-дороже, такъ сеньоръ Пастрини родитъ, да подастъ.

Морсерезъ привыкъ думать, что для полного кармана нѣтъ ничего невозможнаго, и потому хорошо поужиналъ, спокойно уснулъ и видѣлъ во снѣ, что развѣзжаетъ по улицамъ въ коляскѣ, запряженной шестернею.

На-утро, проснувшись первый, Францъ позвонилъ. Колокольчикъ еще не переставалъ звенѣть, когда сеньоръ Пастрини явился. На вопросъ о коляскѣ и лошадяхъ, онъ сдѣлалъ отчаянную гримасу, которая должна была выражать убійственное мълв. Нашелся только одинъ старый кабріолетъ, который единственно по торжественному случаю временно носилъ званіе коляски и который съ паркою лошадей можно было нанять на два дня до начала карнавала. Это былъ отвѣтъ дѣйствительно отчаянный, однако жъ молодые люди не отказались воспользоваться предложеннымъ экипажемъ хоть на эти неважные дни и всё-еще надѣя-

лись, что между-тѣмъ отъищутъ другой къ началу настоящаго праздника. Они хотѣли также нанять окно, которое бы выходило на Корсо, но и это синьоръ Пастрини считалъ невозможнымъ. По его справкамъ оказывалось, что за день до прїѣзду «ихъ превосходительство» послѣднее окно въ палаццо Доріа было нанято однимъ русскимъ княземъ. Виконтъ де-Морсерфъ и баронъ д'Эпиннѣ во всемъ опоздали. Съ отчаянія они принялись завтракать и приказали подавать нанятую коляску, временную и единственную свою утѣху въ прискорбномъ положеніи. Они вздумали съѣздить посмотреть соборъ Святаго Петра. Это заняло почти цѣлый день, такъ, что воротились въ трактиръ обѣдать уже подъ вечеръ. Отпуская извозчика на отдыхъ, Францъ приказалъ ему опять быть тутъ къ осьми часамъ. Онъ хотѣлъ показать своему другу Колизей при лунномъ освѣщеніи и потому далъ извозчику напередъ всѣ нужныя наставленія касательно маршрута.

Синьоръ Пастрини общалъ своимъ гостямъ царское пршество и угостилъ ихъ довольно сноснымъ трактирнымъ обѣдомъ. Жаловаться было не на что. Къ концу обѣда онъ явился и Францъ, полагая, что хозяинъ пришелъ принять благодарность, приготовился держать рѣчь въ италіянскомъ вкусѣ, но скромный синьоръ Пастрини остановилъ его на первомъ словѣ.

— Я очарованъ и восхищенъ одобреніемъ вашего превосходительства, сказалъ онъ; но я не затѣмъ пришелъ.

— Такъ зачѣмъ же?

— А вотъ, изволите видѣть, эччеленца..... Вы приказали подать коляску къ осьми часамъ вечера?

— Да.

— Вы намѣрены посмотреть Колоссео?

— То есть, Колизей.

— Точно такъ. Это всё-равно. Но вы приказали вашему кучеру.....

— Нашему извозчику.

— Точно такъ. Это совершенно одно и то же. Вы приказали вашему кучеру выѣхать черезъ ворота дель-Пополо, объѣхать вокругъ стѣнъ и воротиться черезъ ворота Санъ-Джованни?

— Точно такъ, сеньоръ Пастрини.

— Это невозможно, эччеленца, или по-крайней-мѣрѣ очень опасно.

— Невозможно! вскричалъ Альберъ: невозможно! Да сляжете, ради Бога, что же возможно въ вашемъ вѣчномъ городѣ?

— Все возможно, ваше сіятельство..... до-поры до времени. У насъ, въ Римѣ, если ужъ что можно, такъ можно, а нѣтъ, такъ, что хотите дѣлайте, всё будетъ нѣтъ.

— Ну, такъ у насъ, въ Парижѣ, лучше: у насъ, если что рѣшительно невозможно, такъ заплатишь вдвое и явится.

— Но.... смѣю думать, ваше сіятельство, что и въ Парижѣ не за все можно заплатить, потому что.....

— Ну, далѣе, далѣе! сказалъ Францъ: отчего же невозможно или по-крайней-мѣрѣ опасно ѣхать черезъ ворота дель-Пополо и воротиться черезъ Санъ-Джованни? Кто намъ можетъ помѣшать?

— Какъ кто? А знаменитый Лунджи Вампа!

— А кто таковъ знаменитый Лунджи Вампа? спросилъ Морсеръ: онъ можетъ-быть очень знаменитъ у васъ, въ Римѣ, а у насъ, въ Парижѣ, объ немъ мало слышно.

— Такъ вы не знаете, кто таковъ Лунджи Вампа?

— Къ стыду моему долженъ признаться, нѣтъ.

— О, монсеньоръ! это бандитъ, это знаменитый бандитъ, въ сравненіи съ которымъ Дечесари и Гаспароне просто школьники.

— Слышите, Францъ? вскричалъ Альберъ: вотъ и бандиты! Въ Римѣ есть бандиты! Предупреждаю васъ, почтеннѣйшій хозяинъ, что я не повѣрю ни одному слову изъ того, что вы намъ теперь расскажете. Условившись въ этомъ, вы можете говорить сколько вамъ угодно. Я слушаю. И такъ, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ..... Что же вы не рассказываете?

Сеньоръ Пастрини обратился къ Францу, который показался ему болѣе разсудительнымъ изъ двухъ молодыхъ людей.

— Эччеленца, сказалъ онъ съ важностью: если вы счи-

таете меня лгуномъ, такъ съ моей стороны было бы бесполезно говорить то, о чемъ я намѣревался доложить вашимъ превосходительствамъ.

— Висонтъ вовсе не говорить, что вы лгунъ, любезный сеньоръ Пастрини, отвѣчалъ Францъ: онъ только не повѣритъ вамъ, вотъ и все. Но я повѣрю, будьте спокойны; говорите.

— Однако жъ, эччеленца..... вы понимайте, что, если стануть сомнѣваться въ моей правдивости.....

— И! полноте, любезнѣйшій! вы черезъ-чуръ щекотливы. Кассандра была прорицательница, и то говорила, несмотря что ей никто не хотѣлъ вѣрить. Вы по-крайней-мѣрѣ можете утѣшиться тѣмъ, что имѣете половину слушателей на своей сторонѣ. Говорите же, что это такое Лунджи Вампа?

— Я уже имѣлъ честь доложить, эччеленца: это страшный бандитъ, такой, какого мы не видали со временъ Мастриллы.

— Ну, какое же отношеніе имѣетъ этотъ бандитъ къ поѣздкѣ, которую мы залумали?

— Такое, что можете черезъ одни ворота выѣхать, а въ другія не вѣхать.

— Отчего же?

— Оттого что, какъ ночь настанетъ, такъ въ пятидесяти шагахъ за городскими воротами уже не безопасно.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ Альберъ.

— Монсеньоръ, возразилъ Пастрини, уязвленный до глубины сердца насмѣшливымъ тономъ молодого человека: я говорю это не вамъ, а его превосходительству, барону, который не разъ бывалъ въ Римѣ и знаетъ, что этими вещами не шутятъ.

— Что жъ? и я не шучу, спокойно отвѣчалъ Альберъ. Другъ мой, Францъ! вотъ намъ и приключеніе, совсѣмъ готовое! Мы начнемъ вашу коляску пистолетами, карабинами и двуствольными ружьями. Когда Лунджи Вампа вздумаетъ остановить насъ, мы схватимъ его, приведемъ въ Римъ и подаримъ папѣ, который, за такую услугу, конечно, велитъ намъ самимъ назначить себѣ награду. Тогда мы скромно выпросимъ коляску и пару лошадей

на время нарицала и невозможное сдѣлается возможнымъ. Сверхъ-того можно надѣяться, что вризвительный римскій народъ увѣщаетъ васъ въ Капитоліѣ и, какъ Курція и Горація Коклеса, провозгласитъ спасителями отечества.

Покуда Альберъ говорилъ, синьоръ Пастрини смотрѣлъ на него съ выраженіемъ, котораго главную черту составляло состраданіе, но котораго вполне описать невозможно.

— Вашему превосходительству, я вижу, не извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ путешественники не имѣютъ обыкновенія защищаться, сказалъ онъ потомъ.

— Какъ! не имѣютъ обыкновенія защищаться? вскричалъ Альберъ, которому кровь прилила въ голову отъ одной мысли сдаться безпрекословно.

— Нѣтъ, не защищаются, эччеленца, потому что это было бы бесполезно. Чтѣ вы станете дѣлать одни, или хоть бы и двое, противъ дюжины молодцовъ, которые вдругъ выскочатъ изъ рва или изъ-за какого-нибудь угла и всѣ разомъ прицѣлятся въ васъ винтовками!

— Громъ и молнія! я лучше позволю себя убить чѣмъ спокойно отдаться въ руки мошенникамъ.

Пастрини обратился къ Францу съ видомъ, который выражалъ: «Товарищъ вашего превосходительства, очевидно, сошелъ съ ума!»

— Любезный Альберъ, вашъ отвѣтъ величественъ и стоить Корнелевскаго «*Qu'il tougât!*» Но только Горацій отвѣчалъ это тогда, когда рѣчь шла о спасеніи Рима. Оно стоило чего-нибудь. Чтѣ жъ касается до насъ, то дѣло идетъ только объ удовлетвореніи простой прихоти, для которой смѣшно было бы пожертвовать жизнью.

— *Per Vasso!* вскричалъ Пастрини: вотъ, чтѣ дѣло, такъ ужъ дѣло!

Альберъ налилъ себѣ рюмку лакрима-кристи и ворча чтѣ-то, сталъ по-немногу прихлебывать.

— А о Лунджи Вампа я вамъ доложу, продолжалъ трактирщикъ: я всю его исторію знаю..... самъ бывалъ у него въ рукахъ....

— Ну, исторію его ты намъ послѣ расскажешь, когда будетъ время, перебилъ Францъ: а теперъ намъ пора

ѣхать. Вашъ Лундзи Вампа оставитъ насъ или не оставитъ: это еще вопросъ. Рискнуть можно. Пусть хоть и ограбятъ, не бѣда: мы не много возьмемъ съ собой.

— Такъ вы непременно хотите ѣхать, эччеленца?

— Непременно! непременно! возражали молодые люди въ одинъ голосъ: велите подавать коляску.

Пастрини поклонился и вышелъ. Молодые люди поѣхали.

Францъ, побывавши на островѣ Монте-Кристо и наслушавшись отъ Гаэтано разсказовъ о пиратахъ и бандитахъ, былъ довольно расположенъ вѣрить возможности неприятной встрѣчи съ знаменитымъ Лундзи Вампой. Но всѣ эти мысли исчезли, какъ-скоро передъ нимъ явился мрачный, громадный призракъ Колязея, мѣстами пронизанный, сквозь проломы и арки, блѣдными лучами луны.

Какъ-скоро коляска остановилась, къ услугамъ путешественниковъ тотчасъ явилось нѣсколько чичероне, словно изъ земли выросли. Въ минуту засвѣтили факелы и пошли показывать и разсказывать. Побродивъ нѣсколько времени по внутреннимъ портикамъ, Францъ отсталъ отъ Альбера, которому проводники пошли показывать подробности львиной ямы, ложи гладиаторовъ и сѣдалища цезарей, и сѣлъ помечтать въ тѣни колонны, противъ пролома, черезъ который могъ обнять взоромъ всю гранитную громаду. По-временамъ онъ взглядывалъ на мерцающій свѣтъ факеловъ, который въ отдаленіи то появлялся и освѣщалъ бродившіе подобно привидѣніямъ образы Альбера и его провожатыхъ, то исчезалъ посреди развалинъ. Черезъ нѣсколько минутъ Францъ услышалъ шаги по лѣстницѣ, которая вела на галерею, гдѣ онъ сидѣлъ. Верхъ лѣстницы былъ освѣщенъ луной, а далѣе ступени постепенно терялись въ темнотѣ. Изъ этой темноты поднялся человекъ. Это могъ быть такой же путешественникъ, который предпочиталъ болтовнѣ провожатыхъ уединенное созерцаніе, и появленіе его никого не удивило бы. Но по нѣкоторымъ безпокойнымъ, нетерпѣливымъ движеніямъ Францъ догадался, что этотъ незнакомецъ пришелъ съ какимъ-нибудь особеннымъ намѣреніемъ: онъ очевидно

кого-то поджидалъ. Францъ машинально отступилъ далѣе въ тѣнь, за колонну.

Таинственный незнакомецъ, привлекшій вниманіе Франца, стоялъ въ полутѣни, которая не позволяла разсмотрѣть его лица. Оно притомъ было почти совершенно закрыто сверху широкополою шляпой, снизу полою плаща, перекиннутою черезъ плечо. Косвенный лунный свѣтъ черезъ проломъ падалъ только на ноги, обутыя въ изящные лакированные сапоги и красиво охваченныя черными панталонами. Въ десяти шагахъ отъ обонхъ посѣтителей находилась другая полуразрушенная и, частію, заросшая лианами арка, которая вела на одну изъ внѣшнихъ галерей. Черезъ нѣсколько минутъ нетерпѣливаго ожиданія незнакомца, за этою аркой послышался легкій шорохъ. Вслѣдъ за тѣмъ мелькнула тѣнь и въ отверстіи явился другой человѣкъ, въ одеждѣ поселанна. Онъ съ легкостью кошки перебралъ черезъ груду камней, которыми была завалена нижняя часть арки, и вмигъ очутился подлѣ незнакомца въ плащѣ.

— Извините, ваше сіятельство, если я заставилъ васъ ждать, сказалъ онъ на римскомъ нарѣчій: я опоздалъ немногими минутами. Сейчасъ только пробило десять часовъ на башнѣ Савъ-Джованни-Латеранскаго.

— Это я пришелъ слишкомъ рано, а не ты запоздалъ, отвѣчалъ чисто по-тоскански, тотъ, что былъ въ плащѣ: впрочемъ, я увѣренъ, что если бѣ ты и заставилъ меня прождать, такъ не безъ причины.

— Разумѣется, ваше сіятельство. Я сейчасъ изъ замка Савъ-Анджело, гдѣ съ большимъ трудомъ удалось поговорить съ Беппо.

— Кто это Беппо?

— Беппо одинъ изъ тюремныхъ сторожей въ замкѣ. Онъ у меня на жалованьѣ, и зато обязанъ сообщать мнѣ о всемъ, что происходитъ на его глазахъ.

— Ого! я вижу, ты человѣкъ предусмотрительный!

— Какъ быть, ваше сіятельство! Вѣдь почему знаешь, что можетъ случиться? Можетъ-быть, и я когда-нибудь попадусь въ сѣть какъ бѣдный Пеппино, и мнѣ пригодится крыса, которая можетъ перегрызть веревку.

— Ну, что же ты узналъ?

— Во вторникъ, какъ обыкновенно передъ праздни-
ми, будетъ казнь. Двое осуждены. Одинъ подвергнется
надзолать. Это негодяй, который убилъ своего весиата-
теля и не стѣитъ ни какого вниманія. Другому отрубать
голову. Это несчастный Пеппино.

— Что жъ дѣлать, любезнѣйшій! Ты внушаешь такой
ужасъ, не только папскому правительству, но и сосѣдямъ,
что непремѣнно хотятъ сдѣлать примѣрное наказаніе.

— Но Пеппино даже не принадлежитъ къ моей шайкѣ!
Онъ только тѣмъ и виноватъ, что доставлялъ намъ съѣст-
ные припасы.

— По этому онъ вашъ сообщникъ. За то его и казнить
проще нежели какъ казнили бы тебя, если бъ ты попался.
Впрочемъ, на нынѣшній разъ довольно будетъ и одного
колесованнаго. Надобно разнообразить удовольствія пуб-
лики и давать зрѣлища въ разныхъ вкусахъ.

— Да, и я такъ думаю. Поэтому я хочу дать имъ еще
третье зрѣлище, котораго, конечно, никто не ожидаетъ.

— Любезный другъ, ты, кажется, хочешь сдѣлать на-
кую-то глупость.

— Я хочу только предупредить казнь бѣдняка, который
попалъ въ бѣду, за то что услужилъ мнѣ. Мнѣ совѣстно
будетъ на себя посмотреть, если я ничего не сдѣлаю для
Пеппино.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Я поставлю своихъ людей, человѣкъ двадцать, под-
лѣ эшафота и, когда осужденнаго приведутъ, мы съ кин-
жалами бросимся на стражу, отобьемъ его и похитимъ.

— Это, мнѣ кажется, очень опасно, гораздо опаснѣе
моего плану.

— А въ чемъ же заключается вашъ планъ, ваше сія-
тельство?

— Я дамъ двѣ тысячи піастровъ знакомому человѣку,
который выхлопочетъ отсрочку казни Пеппино до буду-
щаго году, а потомъ дамъ еще двѣ тысячи піастровъ дру-
гому знакомому человѣку, который найдетъ случай вы-
проводить его изъ замка.

— И вы думаете, что это удастся?

— Я думаю, что я съ моннѣмъ золотомъ одинъ могу сдѣлать въ десять разъ больше нежели ты со всею своею шайной и со всѣми кинжалами, пистолетами и винтовками. Положись на меня.

— Но, на случай, если вамъ не удастся, мы будемъ наготовѣ.

— Будь наготовѣ, если это можетъ доставить тебѣ удовольствіе.

— Вторникъ послѣ-завтра, монсеньоръ. Вамъ остается только одинъ день.

— Такъ что жъ? День состоитъ изъ двадцати-четыре-хъ часовъ, часъ изъ шестидесяти минутъ, минута изъ шестидесяти секундъ, а въ осемьдесятъ шесть тысячъ четыреста секундъ много дѣла можно сдѣлать.

— Если вы успѣете, ваше сіятельство, какъ мы узнаемъ?

— Я нанялъ три крайнихъ окна въ кофейной Росполи. Если я выхлопочу отсрочку, въ двухъ боковыхъ окнахъ будутъ вывѣшены драпировки изъ желтой камки, а въ среднемъ бѣлая съ краснымъ крестомъ.

— Ахъ, ваше сіятельство! если вы спасете Пеппино, то найдете во мнѣ уже не преданность, а покорность.

— Смотри, не роняй слова даромъ, любезный. Можетъ-быть, прійдетъ время, я напомию тебѣ это.... можетъ-быть, ты мнѣ понадобишься.

— Я всегда буду готовъ служить вамъ, ваше сіятельство. Въ какомъ бы краю свѣта вы ни были, вамъ стѣдуетъ только написать: «сдѣлай это!» и я сдѣлаю, честное слово...

— Ст! идуть! Это путешественники осматриваютъ Коллизей при факелахъ. Трутни, проводники могутъ узнать тебя, а мнѣ, какъ ни любезно твое знакомство, не хотѣлось бы, чтобы насъ застали вмѣстѣ: это можетъ немножко повредить моему положенію въ обществѣ.

— И такъ, вашъ знакъ?...

— Средняя драпировка бѣлая съ краснымъ крестомъ. Если жъ нѣтъ, такъ всѣ три желтыя.

— Что жъ тогда дѣлать?

— Тогда берись за ножи, я позволяю и буду тутъ, чтобы посмотреть, какъ вы отдѣляетесь.

— Продайте, ваше сіятельство. Я полагаюсь на васъ, располагайте мною.

Съ этими словами поселянинъ исчезъ въ аркъ, черезъ которую пришелъ, а пезнакомецъ въ плащѣ, нахлобучивъ шляпу, спустился по лѣстницѣ на арену. Черезъ полминуты потомъ Францъ услышалъ свое имя подъ сводами галереи. Это Альберъ звалъ его, но онъ не отвѣчалъ на первый окликъ, чтобы не дать знать таинственнымъ посетителямъ, что подслушалъ ихъ разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ Францъ ѣхалъ въ гостиницу и съ непростительною разсѣянностью слушалъ археологическое и живописно-романтическое повѣствованіе своего товарища о достопримѣчательностяхъ дивнаго памятника Флавія-Веспасіана. Его занимало таинственное свиданіе, которое онъ подсмотрѣлъ. Одного изъ этихъ людей онъ, безъ-сомнѣнія, не зналъ и видѣлъ впервые. Зато другой, хотя былъ постоянно закрытъ тѣнью, широкою шляпой и высоко закинутымъ плащомъ, казался ему знакомцемъ. Онъ узнавалъ его по голосу, котораго не могъ забыть, слышавъ однажды. Въ этомъ голосѣ, впрочемъ спокойномъ и ровномъ, было что-то насмѣшливое, острое и металлическое, отъ чего Францъ вздрагивалъ посреди развалинъ Колизея точно такъ же какъ въ подземельѣ острова Монте-Кристо. Онъ былъ убѣжденъ, что этотъ человекъ не кто иной какъ Синдабадъ-Мореходъ. Любопытство его было возбуждено въ высшей степени. Тысячи догадокъ и предположеній не давали ему уснуть почти во всю ночь.

Слѣдующій день прошелъ для молодыхъ людей въ хлопотахъ объ экипажѣ и мѣстѣ, откуда бы можно было видѣть карнавалъ. Францъ отыскивалъ двухъ-трехъ знакомцевъ, черезъ которыхъ надѣялся найти мѣстечко гдѣ-нибудь на балконѣ или въ окнѣ, а Альберъ нашелъ средство обойтись безъ лошадей. Онъ придумалъ запрячь пару воловъ въ телѣжку, нарядиться съ Францомъ неаполитанскими жнецами и такимъ образомъ въ лицахъ представить превосходную картину Леопольда Робѣра. Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей идеи и, опасаясь прозѣвать воловъ, какъ прозѣвали лошадей, тотчасъ же поручилъ ис-

полненіе расторопному и услужливому синьору Пастрини.

Друзья съ хохотомъ и шутками разпывали и обрабатывали этотъ забавный просктъ поздно вечеромъ, когда Пастрини просунулъ голову въ полуотворенную дверь и спросилъ:

— Permesso?

— Безъ-сомнѣнія, позволяется! вскричалъ Францъ.

— Ну, что? нашли телѣжку, наняли воловъ? прибавилъ Альберъ.

— Лучше этого, мопсньюръ, лучше этого!

— Что же такое, говорите по-скорѣе!

— Вамъ извѣстно, что рядомъ съ вами у меня живетъ графъ Монте-Кристо....

— Монте-Кристо! вскричалъ Францъ съ изумленіемъ.

— Точно такъ, эччеленца. Вы изволите знать его сіятельство?

— Я? Нѣтъ. Но меня только удивляетъ, отчего вы раньше не сказали намъ имени нашего сосѣда.

— Помилуйте, эччеленца! когда же было говорить объ немъ? Во-первыхъ, вы не изволили спрашивать, а во-вторыхъ, мы съ вами ни минуты не переставали хлопотать объ экипажахъ и мѣстахъ. Ну, вотъ, и его сіятельство графъ Монте-Кристо узналъ о вашемъ затрудненіи и предлагаетъ вамъ два мѣста въ своей коляскѣ и два мѣста у своихъ оконъ въ палаццо Росполи.

Альберъ и Францъ переглянулись.

— Но, возразилъ Альберъ: какъ принять предложеніе этого иностранца..... человѣка, котораго мы вовсе не знаемъ?

— Кто онъ.... откуда, этотъ графъ Монте-Кристо? спросилъ Францъ.

— Онъ очень знатный баринъ, Сициліецъ или Мальтіецъ, навѣрное не знаю, но онъ благороденъ какъ Боргезе и богатъ какъ золотой рудникъ.

— Миѣ кажется, сказалъ Альберъ Францу: что если графъ хотѣлъ сдѣлать намъ предложеніе, которое бы мы могли принять какъ деликатную услугу, то написалъ бы намъ записку или иначе какъ-нибудь.....

Въ эту минуту тихонько постучали въ дверь.

— Войдите! крикнулъ Францъ.

Дверь отворилась и на порогѣ явился лакей въ изящной ливреѣ.

— Отъ графа Монте-Кристо барону д'Эпиннѣ и виконту де-Морсерфу, сказалъ онъ передавая двѣ визитныя карточки синьору Пастрини, который подалъ ихъ молодымъ людямъ.

— Графъ проситъ позволенія навѣстить господъ своихъ сосѣдей, продолжалъ лакей: и потому имѣетъ честь спросить, когда ихъ можно будетъ видѣть.

— Скажи графу, отвѣчалъ Францъ, что мы сами будемъ имѣть честь навѣстить его завтра утромъ.

Лакей ушелъ.

— Вотъ, что называется изящною любезностью! вскричалъ Альбертъ: теперь я вижу, синьоръ Пастрини, что вашъ графъ Монте-Кристо въ самомъ дѣлѣ знатный баринъ.

— Такъ вы принимаете его предложеніе?

— Безъ-сомнѣнія. Однако жъ, признаться, мнѣ жаль моей телѣжки, воловъ и живописныхъ костюмовъ. Если бы не окна въ палаццо Росполи, я отказался бы отъ коляски и воротился бы къ первой моей идеѣ. Какъ вы думаете, Францъ?

— Да, и меня тоже окна въ палаццо Росполи побуждаютъ принять предложеніе, отвѣчалъ Францъ.

Онъ вспомнилъ о разговорѣ, который подслушалъ въ Колизеѣ; о сигналѣ, который долженъ быть поданъ въ окнахъ палаццо Росполи, и все это вмѣстѣ съ именемъ Монте-Кристо убѣдило его, что незнакомецъ въ плащѣ, приходившій на таинственное свиданіе, гостепріимный Синдбаль-Мореходъ и богатый и любезный сосѣдь Мальтіецъ—одно и то же лицо. Францъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть я, можетъ-быть, разгадать сколько-нибудь этого таинственнаго человѣка, который очевидно обладалъ большимъ богатствомъ, принадлежалъ къ изящному обществу, а между-тѣмъ находился въ связяхъ съ контрабандистами и бандитами, которыхъ обзывалъ, конечно, ддятого что-

бы повелѣвать ими, какъ своимъ нѣмымъ Нубійцемъ, спасеннымъ отъ руки палача.

Настало утро и друзья отправились къ сосѣду. Въ комнатахъ его они нашли роскошное убранство, какого вовсе не предполагали въ домѣ синьора Пастрини. Въ передней ихъ встрѣтилъ тотъ же лакей, который приносилъ визитные билеты. Онъ ввелъ посѣтителей въ гостиную и пошелъ доложить. Хозяинъ не заставилъ себя ждать, тотчасъ явился. Альберъ пошелъ къ нему на встрѣчу, а Францъ, сколько ни былъ приготовленъ, остался на мѣстѣ какъ пригвожденный. Передъ нимъ стоялъ Синбадъ-Мореходъ.

— Господа, сказалъ входя графъ Монте-Кристо: извините, что я позволилъ вамъ предупредить мое посѣщеніе, но явившись часомъ раньше къ вамъ, я могъ бы прійти не во-время. Ктому жъ, вы сами приказали сказать, что пожалуете ко мнѣ, и я счелъ долгомъ ожидать васъ.

— Мы ваши должники, графъ, возразилъ Альберъ: и приносимъ искреннюю благодарность. Вы избавляете насъ отъ большаго затрудненія. Мы съ барономъ уже пускались въ изобрѣтенія и придумывали самыя фантастическія колесницы въ ту минуту, когда получили ваше обязательное приглашеніе.

— Повѣрьте, господа! продолжалъ Монте-Кристо, знаякомъ приглашая молодыхъ людей сѣсть на диванъ: никто какъ Пастрини виноватъ, если я такъ долго оставлялъ васъ въ замѣшательствѣ: зачѣмъ онъ не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ? Я здѣсь на чужбинѣ, живу одинъ и всякій случай познакомится съ сосѣдами мнѣ очень пріятенъ.

Молодые люди поклонились. Францъ еще не нашелся сказать слово. Хозяинъ также ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не обнаруживалъ желанія быть узнаваемымъ и самъ смотрѣлъ на него, какъ на совершенно новое лицо. Францъ не сомнѣвался, что видитъ передъ собою и Синбада-Морехода и таинственнаго господина, который приходилъ въ Колизей на свиданіе съ бандитомъ, однако жъ желалъ какъ-нибудь удостовѣриться въ этомъ и склонилъ разговоръ, согласно съ своимъ желаніемъ.

— Вы были такъ любезны, графъ, что предложили

памъ мѣсто въ вашей коляскѣ и въ палаццѣ Росполи, сѣзаль онъ: но вы знаете, что чѣмъ больше человѣчу дають, тѣмъ болѣе онъ желаетъ. Не можете ли вы намъ хоть при-
совѣтовать, какимъ образомъ найти мѣстечко на площади дель-Пополо?

— Ахъ! да, правда! разсѣянно отвѣчалъ графъ, продолжая вглядываться въ Морсерфа: на площади дель-Пополо, кажется, сегодня будетъ какая-то казнь.

— Да, было объявлено.

— Да, да, постойте; я, кажется, приказалъ вчера моему управляющему позаботиться объ этомъ. Можетъ-быть, я въ состояннн буду оказать вамъ и эту маленькую услугу.

Онъ позвонилъ. Вошелъ управляющій; онъ какъ одна капля воды на другую походилъ на контрабандиста, который завязывалъ Францу глаза на островѣ Монте-Кристо.

— Бертуччо, досталъ ты окно на площади дель-Пополо?

— Досталъ, ваше сіятельство. Но уже было довольно поздно....

— Какъ! вскричалъ графъ нахмуривъ брови: вѣдь я давно сказалъ, что хочу имѣть окно!

— Окно есть, ваше сіятельство. Но всѣ уже были заняты. Я принужденъ былъ заплатить....

— Хорошо, хорошо, сеньоръ Бертуччо, избавь моихъ гостей отъ хозяйственныхъ подробностей. Окно есть, и довольно. Скажи кучеру адресъ и позаботься, чтобы все нужное было тамъ приготовлено. Ступай.

Управляющій поклонился и хотѣлъ идти.

— Да, погоди! сказалъ графъ: спроси у Пастрини, получилъ ли онъ объявленіе о казни, и принеси сюда.

— Не нужно, возразилъ Францъ, вынимая записную книжку: я видѣлъ это объявленіе и списалъ. Вотъ оно слово въ слово.

— Ну, такъ не нужно, сеньоръ Бертуччо. Ты можешь идти. Дай только знать, когда будетъ готовъ завтракъ. Господа, продолжалъ онъ обращаясь къ молодымъ людямъ, вы, конечно, сдѣлаете мнѣ честь, позавтракаете со мною?

— Право, графъ, возразилъ Альбертъ: вы такъ осыпаете насъ любезностями, что намъ совѣстно.....

— Надѣюсь, вы не откажетесь доставить мнѣ это удоволь-

ствіе? Я много путешествую и скоро думаю быть въ Парижѣ. Тогда вы, конечно, тоже окажете мнѣ гостепріимство. Бергуччо, поставь три прибора.

Бергуччо вышелъ. Монте-Кристо взялъ у Франца записную книжку и прочелъ объявленіе о казни съ такимъ же выраженіемъ, какъ читають театральную аффишку:

«Симъ до общаго свѣдѣнія доводится, что сегодня, двадцать-второго февраля, будутъ казнены смертію нѣкто по имени Андреа Рондоло, виновный въ убійствѣ, совершенномъ надъ особою честнаго и достопочтеннаго донъ-Чезаре Торлини, каноника церкви Санъ-Джованни-Латеранскаго, и нѣкто по имени Пеппино, по прозванію Рокка-Пріори, уличенный въ сообщничество съ мерзкимъ бандитомъ «Луиджи Вампой и его шайкою. Первый подвергнется маззлатъ, послѣдній отсѣченію головы».

— Да, такъ было сначала положено, сказалъ Монте-Кристо, прочитавъ: но со вчерашняго дня сдѣлано нѣкоторое измѣненіе въ этомъ церемоніалѣ.

— О! вскричалъ Францъ.

— Да, вчера, у кардинала Роспильози, гдѣ я провелъ вечеръ, шла рѣчь объ отсрочкѣ казни одного изъ осужденныхъ.

— Андрея Рондоло? спросилъ Францъ.

— Нѣтъ, другаго-то... (графъ взглянулъ на записную книжку, чтобы припомнить) Пеппино Рокка-Пріори. Это лишаетъ васъ зрѣлища гильотины. Зато остается маззлата, казнь очень любопытная для того, кто видитъ ее въ первый разъ, даже и во второй: она не такъ проста и однообразна какъ отсѣченіе головы гильотиною. Механическій топоръ не ошибается, не дрожитъ, не повторяетъ ударовъ тридцать разъ, какъ тотъ солдатъ который рубилъ голову графу де-Шалѣ и которому Ришліѣ, быть-можетъ, еще особенно рекомендовалъ осужденнаго. Ахъ, прибавилъ онъ съ презрѣніемъ: не говорите мнѣ о европейцахъ, когда дѣло идетъ о казни: ихъ жестокость истинно находится еще въ дѣтствѣ или, лучше сказать, въ старости.

— Право, графъ, возразилъ Францъ: можно подумать,

что вы дѣлали сравнительныя изысканія и глубокаго изучили казни у всѣхъ народовъ!

— Да, мало такихъ, которыхъ бы я не видалъ, холода отвѣчалъ графъ.

— И вы находили удовольствіе въ этихъ зрѣлищахъ?

— Первое мое чувство было отвращеніе, второе—равнодушіе, третье—любопытство.

— Любопытство? Это страшное слово, графъ.

— Отчего же? Въ жизни есть только одно истинно важное занятіе: это—смерть. Не любопытно ли изучать, какими различными способами душа можетъ отдѣляться отъ тѣла, и какъ люди переносятъ таинственный переходъ отъ жизни къ смерти, сообразно характерамъ, темпераментамъ и даже нравамъ различныхъ странъ. Могу васъ увѣрить, что чѣмъ больше кто видѣлъ смертей, тѣмъ легче самому умирать. Поэтому смерть есть, можетъ-быть, кара; но она еще не достаточное искупленіе.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, возразилъ Францъ: объяснитесь, пожалуйста, потому что вы не повѣрите, какъ ваши рѣчи возбуждаютъ мое любопытство.

— Извольте, сказалъ Монте-Кристо, и на блѣдномъ лицѣ его просвѣчалась краска желчи, какъ у другаго выступила бы краска крови: послушайте. Если бы, напримеръ, кто-нибудь глубокими, невыразимыми, неслыханными терзаніями погубилъ нашего отца, вашу мать, вашу милую,—однимъ словомъ,—какое-нибудь существо, которое, когда его вырвутъ изъ вашего сердца, оставитъ ничѣмъ не исполнимую пустоту, вѣчно-кровавую рану, то удовлетворитъ ли, утѣшитъ ли васъ желѣзо, которое пройдетъ между затылочными позвонками убійцы и причинитъ на нѣсколько секундъ физическую боль тому, кто втеченіи безконечныхъ лѣтъ терзалъ васъ нравственно?

— Да, я знаю, что въ качествѣ утѣшителя человѣческаго правосудіе недостаточно, отвѣчалъ Францъ: оно за кровь можетъ пролить кровь и только. Больше отъ него и требовать нельзя.

— Впрочемъ, продолжалъ графъ: я представляю вамъ еще только случай матеріальный, такой, гдѣ общество, оскорбленное въ одномъ изъ своихъ членовъ, мститъ смертью

за смерть. Но развѣ нѣтъ миллионовъ истязаній, которыя внутренность челоуѣка можетъ быть раздражаема и на которыя общество не обращаетъ ни какого вниманія и не представляетъ за нихъ даже своего обыкновеннаго, недостаточнаго удовлетворенія? Развѣ нѣтъ преступленій, за которыя турецкій колъ, персидская колода и ирокезскій бичъ были бы возмездіями слишкомъ слабыми и которыя между-тѣмъ остаются совершенно безнаказанными?... Отвѣчайте, есть ли такія преступленія?

— Есть, отвѣчалъ Францъ: и для наказанія ихъ нѣкоторыя общества нравственно одобряютъ дуэль.

— А! дуэль! вскричалъ графъ: прекрасное средство! прекрасное мщеніе! Челоуѣкъ похититъ вашу невѣсту; цѣлую жизнь, созданную Богомъ для счастія, превратитъ ее въ скорбь и униженіе; уничтожитъ ваше спокойствіе, вашу радость; наполнитъ вашу голову безуміемъ, сердце отчаяніемъ, и вы сочтете себя отмщеннымъ, когда проколете ему грудь шпагой или пробьете лобъ пулею! Прекрасно! Не считая того, что вамъ же за это достанется, и что часто онъ же выйдетъ побѣдителемъ и оправдается въ глазахъ общества! Нѣтъ, если бы мнѣ случилось мстить, я не удовольствовался бы такою местию.... Но... какой у насъ странный разговоръ для карнавала! Какъ это онъ начался, я право не понимаю... А! да! вы желали имѣть мѣсто на площади дель-Пополо... Хорошо, хорошо; будетъ мѣсто. Но сперва не угодно ли позавтракать? Вотъ уже идутъ доложить.

Дверь въ самомъ дѣлѣ отворилась и вошелъ челоуѣкъ съ докладомъ, что завтракъ готовъ.

Графъ Монте-Кристо угощалъ своихъ гостей съ роскошью, которая, при всей своей изысканности, уже не удивляла Франца послѣ того, что онъ видѣлъ въ подземельѣ необимаемаго острова. Притомъ разсужденія этого страннаго челоуѣка наводили на него неописанный ужасъ. При этихъ рѣчахъ и при видѣ блѣднаго лица, черныхъ волосъ и огненныхъ, сверкающихъ глазъ, ему невольно представлялся Байроновскій кровожадный лордъ Рутвенъ и всѣ старинныя повѣрья о вампирахъ и бродящихъ мертвецахъ-кровопійцахъ. Онъ почти не могъ ѣсть. Графъ Мю-

те-Кристо былъ такъ же умѣренъ какъ и Синдбадъ-Мореходъ: онъ сидѣлъ за столомъ, по-видимому, только для того, чтобы исполнить обязанность хозяина. Одинъ Альберъ де-Морсерфъ дѣйствовалъ какъ человекъ, который былъ осужденъ втеченіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ довольствоваться италіянскою кухней, которая, какъ извѣстно, не очень завидна. По окончаніи завтрака Францъ посмотрѣлъ на часы.

— Развѣ вы куда-нибудь торопитесь? спросилъ Монте-Кристо.

— Извините насъ, графъ, отвѣчалъ Францъ: у насъ еще есть тысяча дѣлъ и заботъ.

— Какія же?

— У насъ еще нѣтъ маскарадныхъ костюмовъ, а сегодня они необходимы.

— Не безпокойтесь объ этомъ: у насъ, на площади дель-Пополо есть, я думаю, особая комната. Я прикажу принести туда костюмы, какіе вамъ угодно будетъ назначить, и мы тамъ же замаскируемся.

— Послѣ казни? вскричалъ Францъ.

— Безъ-сомнѣнія; послѣ, во время или передъ казнью, какъ хотите.

— Въ виду эшафота?

— Эшафотъ принадлежитъ къ празднеству.

— Нѣтъ, право, графъ, я отдумалъ, возразилъ Францъ: покорно васъ благодарю за обязательныя услуги, но.... я удовольствуюсь мѣстами, которыя вы предлагаете мнѣ въ своемъ экипажѣ и въ палацѣ Росполи.

— Но вы лишаете себя очень любопытнаго зрѣлища, увѣряю васъ.

— Вы послѣ расскажете мнѣ, возразилъ Францъ, и я увѣренъ, что вашъ рассказъ произведетъ на меня почти такое же впечатлѣніе какъ и самое зрѣлище. Ктому жъ, я не-разъ уже хотѣлъ посмотрѣть на казнь и никогда не могъ рѣшиться. А вы, Альберъ?

— Я видѣлъ казнь Кастени, отвѣчалъ де-Морсерфъ: но не помню хорошенько, какъ это было. Я, кажется, былъ немножко пьянъ: это случилось въ день моего выхода изъ училища.

— Вы могли не видѣть казни въ Парижѣ, продолжалъ графъ обращаясь къ Францу: но изъ этого еще не слѣдуетъ, что бы вы не должны были видѣть ся и за границей. Путешествуютъ ддя того, чтобы научиться; перемѣняютъ мѣсто ддя того, чтобы видѣть новое. Подумайте же, не странно ли будетъ, когда васъ спросятъ, какъ казнятъ въ Римѣ? и вы отвѣтите: не знаю. Ктому жъ, говорятъ, осужденный — негодий, который злостно убилъ своего благодѣтеля и втораго отца. Если поѣдете въ Испанію, вы будете смотрѣть на бой быковъ, неправда ли? Такъ предположите же, что мы ѣдемъ смотрѣть такой же бой. Вспомните о древнихъ римскихъ циркахъ, гдѣ травили и убивали по триста львовъ и по сотнѣ людей. Вспомните объ осьмидесяти-тысячахъ зрителей, которые тамъ рукоплескали; о важныхъ *матронахъ*, которыя водили туда своихъ дочерей—невѣсть, по прелестныхъ бѣлоручкахъ Весталкахъ, которыя нетерпѣливо подавали пальчиками знакъ гладіаторамъ, чтобы не лѣнились добить издыхающаго звѣря или полумертваго человѣка.

Францъ поддакъ убѣжденіямъ, а Альберъ былъ на все согласенъ. Они поѣхали.

Комната, которую Бертуччо нанялъ для своего барина на площади дель-Пополо, была съ однимъ окномъ, но довольно просторная и совершенно отдѣльная. На стульяхъ лежали приготовленные маскарадныя костюмы, на которые однако жъ Францъ не обратилъ ни какого вниманія. Онъ смотрѣлъ на площадь. Окно выходило прямо на эшафотъ, воздвигнутый подлѣ обелиска, увѣнчаннаго крестомъ. На эшафотѣ стояли два столба, между которыми блестѣлъ полукруглый острый топоръ. Подлѣ этой машины сидѣли два человѣка. Они спокойно разговаривали, завтракали и потягивали вино изъ небольшой фляжки. Это были помощники палача. При одномъ взглядѣ на нихъ, Францъ почувствовалъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу. Отъ эшафота тянулось шпалерами въ два ряда войско до дверей церкви Санта-Марія-дель-Пополо, въ часовню которой были переведены осужденные на послѣднюю ночь передъ казною. Вся площадь и всѣ прилегающія улицы, казалось, были вымощены голо-

вами. Многія женщины держали своихъ дѣтей на плечахъ. Гора Пинчіо казалась огромнымъ амфитеатромъ, на ступеняхъ котораго не оставалось ни одного пустаго мѣста. Не говоря уже о кровляхъ и окнахъ, каждый малѣйшій выступъ на строеніяхъ поддерживалъ свою живую статую. И надъ всею этою толпой стоялъ гулъ отъ говору, криковъ и смѣху.

Вдругъ все затихло. Дверь церкви отворилась и по промежутку между рядами солдатъ потянулась братія кающихся, одѣтыхъ въ сѣрые мѣшки, съ двумя только отверстіями для глазъ. Каждый держалъ въ рукахъ зажженную свѣчу. За ними шелъ дюжій человекъ высокаго росту, въ одномъ исподнемъ платьѣ и сандаляхъ, прикрѣпленныхъ веревками. Грудь и руки его были обнажены. За поясомъ торчалъ длинный ножъ, а на плечѣ онъ несъ желѣзную палицу. Это былъ палачъ. За нимъ шелъ сперва Пеппино, потомъ Рандоло. Пеппино былъ красивый молодецъ лѣтъ двадцати-четырехъ, съ загорѣлымъ, но открытымъ и бойкимъ лицомъ. Онъ шелъ довольно смѣло и держалъ голову прямо, какъ-будто высматривая и выжидая чего-то. Рандоло былъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ дикою, низкою и жестокою фізіономіей, обросшій вкоченною бородой. Движенія его казались совершенно машинальными; ноги подкашивались; голова съ уныніемъ склонялась на плечо.

— Мнѣ кажется, вы говорили о какой-то перемѣнѣ въ церемоніалѣ казни? замѣтилъ Францъ графу Монте-Кристо, который также не спускалъ глазъ съ зрѣлища.

— Да, я говорилъ вамъ правду, спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Однако жъ, вотъ, осужденныхъ уже ведутъ.

— Это ничего. Отмѣна прійдетъ въ свое время.

И дѣйствительно, въ ту самую минуту, когда Пеппино подошелъ къ эшафоту, одинъ кающійся, который по видимому запоздалъ, торопливо пробрался сквозь разступившуюся передъ нимъ стражу и подаль начальнику своего братства сложенную вчетверо бумагу. Тотъ развернулъ ее, прочелъ и поднялъ руку.

— Хвала и благодареніе Господу! сказалъ онъ внят-

нынѣ, громкимъ голосомъ: его святѣйшество милуетъ одного изъ осужденныхъ преступниковъ.

— Помилованіе! помилованіе! вскричала толпа.

При этомъ словѣ Рандоло вздрогнулъ и выпрямился.

— Кто? кто помилованъ? вскричалъ онъ.

Пеппино стоялъ безмолвно, неподвижно и задышался.

— Помилованъ Пеппино Рокка-Приора. Смертная казнь его отменяется, сказалъ начальникъ кающейся братіи, передавая бумагу начальнику стражи.

— Пеппино помилованъ! вскричалъ Рандоло: отчего же онъ помилованъ? Отчего я не помилованъ? Намъ слѣдовало вѣсть умереть! Мнѣ обѣщали, что онъ умретъ прежде меня.... По какому праву меня одного казнятъ? Я не хочу одинъ умирать! Не хочу!..

Онъ вѣдшился въ окружающихъ, рвался, ревелъ и дѣлалъ безумныя усилія, чтобы разорвать веревки, которыми были связаны его руки. Помощники палача соскочили съ эшафота и схватили его.

— Что это значитъ? спросилъ Францъ у графа, не подавъ крику осужденнаго, потому что онъ говорилъ на римскомъ провинціалномъ нарѣчій.

— Что значитъ? повторилъ Монте-Кристо: вы не догадываетесь? Этотъ человѣкъ, осужденный на смерть, бѣснуется, оттого что подобный ему не умретъ. Онъ скорѣе готовъ растерзать своего товарища когтями чѣмъ дозволить ему наслаждаться жизнью, которой самъ лишается. О люди, люди! отродье крокодила! какъ называлъ васъ Карлъ Мооръ. Я узнаю васъ въ этомъ братѣ вашемъ: вы всегда и во всемъ достойны себя!

Палачи наконецъ овладѣли осужденнымъ и потащили его на эшафотъ. Онъ всё продолжалъ кричать: «Я не хочу одинъ умирать! Я не хочу одинъ умирать!»

— Посмотрите, посмотрите! вскричалъ графъ, схвативъ молодыхъ людей за руки: это, право, любопытно! Вотъ человѣкъ, который уже покорился-было своей судьбѣ, былъ готовъ умереть и, если не спокойно, такъ безпрекословно шель на плаху. Знаете, что придавало ему эту твердость? знаете, что утѣшало его?... Мысль, что дру-

гой раздѣлитъ съ нимъ терзаніе казни; мысль, что другой умретъ съ нимъ и прежде его.

И графъ захохоталъ такимъ страшнымъ хохотомъ, что товарищей его обдало холодомъ.

— Ужасная борьба осужденнаго съ палачами всё-еще продолжалась. Вся толпа тоже озлобилась и кричала: «Смерть! смерть злодѣю!» Францъ отшатнулся отъ окна, но Монте-Кристо удержалъ его.

— Чтò вы? вскричалъ онъ: неужели вамъ жаль его? Вотъ умѣстное состраданіе! Какъ вы думаете, если бы вы слышали крикъ, что бѣжить бѣшеная собака, чтò бы вы сдѣлали? Вы схватили бы ружье и застрѣлили бы бѣдное животное, которое виновато только тѣмъ, что его укусила другая собака; а здѣсь вы жалѣете о человѣкѣ, котораго никто не кусалъ, который между-тѣмъ убилъ своего благодѣтеля, и, не будучи уже въ состояніи убивать, яростно рвется и непремѣнно хочетъ видѣть напередъ смерть своего товарища по несчастію. Нѣтъ, нѣтъ; смотрите, смотрите!

Увѣщаніе было почти не нужно: страшное зрѣлище неодолимою силой приковало къ себѣ глаза Франца. Помощники палача, несмотря на неистовые крики и сопротивленіе осужденнаго, поставили его на колѣни. Палачъ держалъ палицу на-готовѣ. Когда, по знаку его, помощники отступили, осужденный хотѣлъ вскочить, но не успѣлъ: палица ударила ему въ високъ....

Тутъ уже Францъ не могъ болѣе выдержать, отскочилъ отъ окна и въ полубморокѣ упалъ на кресло. Альберъ остался, но закрылъ глаза и вцѣпился въ оконный занавѣсъ, безъ котораго навѣрное тоже упалъ бы. Монте-Кристо одинъ спокойно вглядывался во всѣ подробности казни.

Пришедши въ себя, Францъ увидѣлъ, что Альберъ, блѣдный какъ смерть, пьетъ воду, а графъ Монте-Кристо, поверхъ черныхъ брюкъ и лакированныхъ сапоговъ весело надѣваетъ бѣлый костюмъ паяца. На площади этафоть, палачи, осужденные, все исчезло: осталась только шумная, волнующаяся, веселая толпа народу. Колоколъ Монте-Чито-

рію, въ который звонятъ только по случаю смерти папы и при открытіи маскарада, громко гудѣлъ.

— Проворнѣе, проворнѣе; одѣвайтесь. Видите, карнавалъ уже начался, сказалъ графъ Монте-Кристо Францу.

Молодые люди машинально повиновались, надѣли одинакіе съ графомъ костюмы и маски. Коляска уже стояла у подъѣзду, наполненная букетами и конфектами. Они сѣли и пристали къ рядамъ экипажей.

Трудно представить себѣ противоположность разительнѣе той, которая тутъ явилась. вмѣсто мрачнаго и страшнаго зрѣлища смерти, площадь дель-Пополо представляла видъ шумной, разгульной оргіи. Изъ всѣхъ дверей и оконъ показываются толпы масокъ; изъ-за всѣхъ угловъ улицъ выѣзжаютъ экипажи, наполненные палцами, арлекинами, разноцвѣтными домино, маркизами, крестьянами, гротесками и характерными костюмами; все это кричить, хохочетъ, бросаетъ букеты, конфекты и лѣца, наполненныя мукой; нападаетъ словомъ и дѣломъ на знакомыхъ и незнакомыхъ, своихъ и чужихъ, и никто не имѣетъ права сердиться, всякій хохочетъ и отвѣчаетъ тѣмъ же.

Францъ и Альберъ, послѣ сильнаго впечатлѣнія отъ сцены казни, были сначала смущены быстрымъ переходомъ, но мало-по-малу всеобщее обаяніе и ихъ увлекло: они почувствовали потребность принять участіе въ этомъ шумѣ, движеніи и вихрѣ. Горсть конфетовъ и муки, ударившись Альберу въ затылокъ и засыпавъ его и товарищей пылью, окончателно втокнула его въ сраженіе, которое завязалось между всѣми встрѣчными. Онъ запустилъ обѣ руки въ мѣшки съ конфектами и сталъ швырять направо и налево. Францъ послѣдовалъ его примѣру. Суматоха сдѣлалась общею.

Представьте себѣ широкую и прекрасную улицу Корсо, по которой съ обѣихъ сторонъ сплошь тянутся четырехъ и пяти-этажные дворцы; всѣ окна, всѣ балконы увѣшаны коврами и разноцвѣтными драпировками и биткомъ наполнены зрителями и масками, знатными и богатыми, италіянцами и иностранцами, старыми и молодыми. Изъ этихъ оконъ и съ балконовъ женщины горстями сыплютъ конфекты на проѣзжающихъ и обратнѣ получаютъ тучи

букетовъ. Вся атмосфера наполнена градомъ летающихъ во всѣ стороны конфетъ, цвѣтовъ, муки и пыли. А на мостовой пестрая, непрерывная, волнующаяся толпа; пѣшіе смѣшиваются съ экипажами и лошадьми; странные и смѣшные костюмы; здѣсь разгуливаетъ колоссальный кочанъ капусты, тамъ бычачья голова мычитъ на человѣческомъ туловищѣ; тамъ огромная собака ходитъ на заднихъ ногахъ. И посреди всего этого иногда приподнимается маска; вы видите прелестное личико, за которымъ хотите пуститься въ погоню, но не можете, потому что ее отдѣляетъ отъ васъ толпа демоновъ и фантастическихъ уродовъ. Представьте себѣ все это и вы получите слабое понятіе о томъ, что такое карнавалъ въ Римѣ.

При второмъ проѣздѣ черезъ Корсо графъ приказалъ остановиться и просилъ у товарищей позволенія оставить ихъ однихъ въ экипажѣ. Францъ взглянулъ на верхъ. Они находились передъ палацомъ Росполи. Въ среднемъ этажѣ два окна были драпированы желтою камкѣй, а одно бѣлою съ краснымъ крестомъ.

— Господа, сказалъ Монте-Кристо: когда вамъ наскучитъ быть актерами и вы захотите превратиться въ зрителей, такъ вы знаете, что въ этихъ окнахъ вамъ приготовлены мѣста. Между-тѣмъ располагайте экипажемъ по вашему благоусмотрѣнію.

— Мы забыли сказать, что на козлахъ этого экипажа сидѣлъ огромный черный медвѣдь, а на запяткахъ стояли двѣ зеленыя обезьяны, которыя дѣлали всѣмъ встрѣчнымъ гримасы.

— Францъ поблагодарилъ графа за обязательное предложеніе. Альберъ былъ слишкомъ занятъ: онъ любезничалъ съ полною колыской римскихъ поселянокъ, которыя также принуждены были остановиться и которыхъ онъ осыпалъ цвѣтами. Къ-несчастью для него, ряды опять потянулись и они разлѣхались въ разныя стороны.

— Ахъ, Францъ! вскричалъ онъ: видѣлъ ты этихъ римскихъ поселянокъ?

— Нѣтъ.

— Цѣлая гурьба! И я увѣренъ, что всё хорошенькія.

— Какое несчастіе, что ты въ маскѣ, Альберъ! Вотъ былъ бы случай утѣшиться въ давнишнемъ горѣ.

— Да! въ самомъ дѣлѣ, это убійственно! Пять мѣсяцевъ живу въ Италіи и ни одного любовнаго приключенія! Ахъ, теперь, во время карнавала, найдется хоть маленькое утѣшеніе.

Но несмотря на эту надежду, весь день прошелъ, и ничего не случилось кромѣ двухъ-трехъ встрѣчъ съ тѣми же римскими поселянками. При одной изъ этихъ встрѣчъ, случайно или умышленно, у Альбера упала маска. Въмѣсто того чтобы оправиться, онъ схватилъ остатокъ букетовъ и бросилъ къ поселянкамъ. Одна изъ красавицъ, вѣроятно, тронутая любезностью палца, при послѣдовавшей встрѣчѣ, въ свою очередь бросила ему букетъ фіалокъ. Онъ торжественно вдѣлъ его въ петлицу на груди. Поселанка захопала въ ладоши.

— Ну, вотъ и начало приключенія! вскричалъ Францъ: браво! браво!

— Смѣйся, сколько хочешь, возразилъ Альберъ, а поселанка — красавица. Ты не замѣтилъ ея подбородка, который выглядываетъ изъ-подъ маски.

— Не хочешь ли остаться одинъ въ коляскѣ? продолжалъ Францъ: я охотно выйду, чтобы не мѣшать тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ; к чему такъ круто поворачивать? Я не хочу бросаться, какъ новичекъ, на первую приманку. Если прекрасной поселанкѣ угодно пойти дальше, мы завтра встрѣтимся.

— Ты мудръ какъ Несторъ и остороженъ какъ Улиссъ, любезный Альберъ.

Альберъ былъ правъ: прекрасная незнакомка тоже, по-видимому, не располагала продолжать интригу въ тотъ день. Молодые люди проѣхали еще нѣсколько концовъ, но уже не встрѣчали поселанокъ, и отправились къ палаццо Росполя. Въ окнѣ съ краснымъ крестомъ на бѣлой драпировкѣ уже никого не было. Въ другихъ двухъ окнахъ сидѣли незнакомыя лица, вѣроятно, приглашенные графомъ Монте-Кристо. Въ эту минуту загудѣлъ колоколъ, который открывалъ и закрывалъ маскарадъ. Кучеръ, ничего не говоря, поворотилъ экипажъ и молодые люди по-

ѣхали въ гостиницу. Синьоръ Пастрини встрѣтилъ ихъ на порогѣ.

Первою заботой Франца было освѣдомиться о Монте-Кристо, но Пастрини успокоилъ его, сказавъ, что графъ держитъ четыре экипажа, изъ которыхъ одинъ въ назначенный часъ уже отправился за нимъ въ палаццо Росполи. Сверхъ-того ему поручено было передать двоимъ друзьямъ ключъ отъ графовой ложи въ театрѣ Арджентина. Принявши уже столько услугъ, нечего было больше церемониться. Они пообѣдали и отправились слушать оперу, поручивъ напередъ синьору Пастрини приготовить для сѣдущаго дня костюмы римскихъ поселянъ.

На другой день, въ десятомъ часу утра, Альберъ уже примѣрялъ щегольской голубой бархатный камзолъ и шляпу съ пучкомъ лентъ, когда пришелъ графъ Монте-Кристо. Онъ умѣлъ такъ любезно и деликатно уклоняться отъ всякой благодарности, что молодые люди не находили ни какой возможности не принять его предложеній. Экипажъ достался въ ихъ распоряженіе на цѣлую недѣлю. Мѣсто свиданія назначили въ палаццо Росполи. Отъ экипажа Альберъ не отказывался уже и потому, что онъ былъ ему совершенно необходимъ для продолженія интриги съ римскими поселянками, которыя также катались въ великолѣпной коляскѣ. Ему не хотѣлось явиться чѣмъ-нибудь ниже ихъ.

Монте-Кристо провелъ у молодыхъ людей около полчаса, говорилъ много и съ легкостью. Онъ, казалось, былъ очень начитанъ, зналъ литературы почти всѣхъ странъ. Будучи у него, Францъ и Альберъ съ одного взгляду на стѣны могли примѣтить, что онъ любилъ художества. Нѣсколько словъ, оброненныхъ случайно, доказали, что и науки ему не чужды. Въ-особенности онъ занимался химіей. Все это, при замѣчательной фязіономіи, необыкновенно изящномъ обращеніи и колоссальной роскоши, дѣлало его достойнымъ самаго громкаго титула. Виконтъ Альберъ де-Морсерфъ сознался, что никогда не видывалъ человѣка болѣе достойнаго носить званіе дворянина.

Въ два часа, по первому удару въ колоколъ, Альберъ и

Францъ поѣхали опять на Корсо. У Альбера въ петлицѣ торчалъ увядшій букетъ фіалокъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ въ экипажъ упалъ точно такой же, только свѣжій. Онъ прилетѣлъ изъ коляски, наполненной прелестными палссианами. Случай ли то былъ или расчетъ любви, только дамы, съ которыми виконтъ затѣялъ интригу, какъ-будто по условію нарядились въ его костюмъ, такъ же какъ онъ перенялъ нарядъ у нихъ. Альберъ прицѣпилъ свѣжій букетъ въ петлицу, но удержалъ увядшій въ рукахъ и при вторичной встрѣчѣ страстно прижалъ его къ губамъ, что несказанно потѣшило красавицъ. Францъ во всей этой шуткѣ не находилъ себѣ ни какой роли. Онъ былъ не совсѣмъ въ духѣ и потому вскорѣ попросилъ завести себя домой. Альберъ остался одинъ. Шумъ, веселье и бѣснованіе въ этотъ день еще возрасли: по-крайней-мѣрѣ такъ казалось Морсерфу. Вечеромъ, пріѣхавъ домой, онъ былъ въ восторгѣ. Прелестная незнакомка приподняла маску и показала ему лицо свое. Онъ клялся Францу, что никогда не видывалъ ничего прекраснѣе; что дама его сердца очевидно принадлежитъ къ знатному кругу и что онъ положительно влюбленъ. Примѣтивъ всю выгоду одиночества, онъ просилъ Франца уступить ему коляску и на слѣдующій день одному. Францъ охотно согласился и отправился смотрѣть на карнавалъ изъ оконъ палатца Росполи, гдѣ былъ и графъ Монте-Кристо. Очарованный Альберъ уже принялся дѣйствовать рѣшительно и написалъ страстную записку, которую спряталъ въ огромный букетъ камелій. Незнакомку свою онъ встрѣтилъ опять въ костюмѣ поселянки. Она тоже довольно рѣшительно отыскивала его. По возвращеніи съ этой прогулки, Альберъ былъ уже совершенно внѣ себя.

— Посмотри! посмотри! кричалъ онъ, вбѣжавъ въ комнату къ Францу и размахивая красиво сложенною бумажкой.

— Она отвѣчала? вскричалъ Францъ съ удивленіемъ.

— Читай.

{ Францъ взялъ записку и прочиталъ:

«Во вторникъ вечеромъ, въ семь часовъ, выходите изъ вашей коляски противъ улицы Понтефиачи и ступайте за

«римскою поселянкой, которая отниметъ у васъ моколетъ — то, когда вы ступите на первую ступень церкви Санъ-Джакомо. Чтобы она могла узнатьъ васъ, будьте въ вашемъ костюмѣ паяса и перевяжите правое плечо розовою клеветою. До той поры вы не увидите меня.»

«Постоянство и скромность.»

— Ну, что ты думаешь объ этомъ, любезный другъ? спросилъ Альбертъ, когда Францъ дочиталъ.

— Я думаю, что ты счастливеецъ, отвѣчалъ тотъ: что жъ тутъ больше думать?

Это было въ четвергъ. На вторникъ друзья уже были приглашены на балъ къ знаменитому римскому банкиру герцогу Браччяно, такъ же какъ и графъ Монте-Кристо. Но Альбертъ надѣялся не быть на этомъ балѣ, хотя Францъ доказывалъ, что прекрасная незнакомка тоже не можетъ не быть тамъ, если она знатная. Впродолженіи четырехъ дней она въ самомъ дѣлѣ не являлась на Корсо или по-крайней-мѣрѣ не подавала ни какого знаку. Альбертъ сгаралъ отъ нетерпѣнія.

Наконецъ насталъ вторникъ, послѣдній и самый шумный день карнавала, когда веселье Римлянъ доходитъ до истиннаго бѣснованія. Въ этотъ день уже не было ни одного рта, который бы не кричалъ, ни одной руки, которая бы не бросала сахарныхъ и мучныхъ шутихъ. Надъ городомъ стонъ стоялъ отъ бури неистоваго веселья. Въ три часа залпъ ракетъ возвѣстилъ, что начинается скачка. Вслѣдъ за тѣмъ послышался топотъ лошадей и звонъ оружія. Отрядъ карабинеровъ проѣхалъ вдоль Корсо, чтобы очистить дорогу скакунамъ. Потомъ второй залпъ ракетъ возвѣстилъ, что улица чиста, и вслѣдъ за тѣмъ посреди всеобщаго крику и визгу, подъ градомъ сахарныхъ и цвѣточныхъ картечь, подобно тѣнямъ, промелькнули семь или осемь лошадей. Потомъ три пушечныхъ выстрѣла съ замка Святаго-Ангела возвѣстили, что номеръ третій выигралъ, и экипажи и толпы масокъ опять заврудили Корсо. Поднялся новый шумъ, новое движеніе: явились продавцы *мокколи*.

Мокколи или моколетти — различной величины восковыя свѣчки, которыя зажигаются въ заключеніе карна-

вала, и доставляютъ разъяреннейшей толпѣ самую забавную потѣху. Каждый непременно вооружается свѣчю и игра состоитъ въ томъ, чтобы сохранить свой огонь и погасить его у другихъ. Тутъ же являются на сцену колоссальныя мѣхи, гигантскіе щипцы, нечеловѣческіе опахала и тысячи изобрѣтеній для погашенія этихъ огней. Едва смерклося, едва мелькнули надъ толпою два три огонька и зажглась самая великолѣпная иллюминація, какую можно придумать: пятьдесятъ-тысячъ свѣчъ засвѣтились разомъ, какъ отъ удара волшебнаго жезла, словно звѣзды упали съ неба, смѣшались съ толпой и забѣгали назадъ и впередъ по всѣмъ направленіямъ. Поднялся неописанный визгъ, хохотъ, крикъ, и тутъ уже исчезло всякое различіе общественныхъ степеней: факкино пристаесть къ князю, князь къ транстеверину, поселянинъ къ купцу, женщины къ мужчинамъ, мужчины къ женщинамъ; всѣ задуваютъ и зажигаютъ и опять задуваютъ. Эта потѣха продолжалась часа два. Корсо ярко освѣщался до самыхъ крышъ. Альберъ каждые пять минутъ поглядывалъ на часы. Наконецъ стрѣлка указала на семь. Друзья находились противъ самой улицы Понтефичи. Альберъ, съ зажженою мокколеттой въ рукѣ, соскочилъ на землю. Двѣ или три маски пытались погасить у него огонь, но онъ, какъ искусный боксёръ, растолкалъ ихъ и пробрался прямо къ паперти Санъ-Джакомо. Францъ слѣдилъ за нимъ глазами и видѣлъ, какъ римская поселянка подошла и отвела у него мокколетто. Альберъ не только не защищался, но предложилъ ей руку и они исчезли въ толпѣ. Видѣлъ за тѣмъ въ послѣдній разъ загудѣлъ колоколъ Монте-Читоріо и въ ту же минуту всѣ мокколетти разомъ погасли, всѣ крики затихли. Все исчезло въ глубокомъ мракѣ. Слышался только стукъ экипажей, которые развозили гуляющихъ по домамъ. Въ окнахъ изрѣдка только мерцалъ огонь сквозь опущенныя сторы.

Карнавалъ кончился.

Францъ обѣдалъ у Пастрини одинъ въ своей комнатѣ и случалъ, потому что внезапная тишина, которая воцарилась вдругъ послѣ такого шума и веселья, произвела на него грустное впечатлѣніе. Онъ дожидался своего друга

до одиннадцати часовъ п, не дождавшись, одинъ поѣхалъ на балъ къ Браччіано. Во весь вечеръ его не оставляло тревожное безпокойство насчетъ друга, который могъ безразсудно вдатся въ неизвѣстную опасность, попасть въ руки обманщиковъ или навлечь себѣ неприятность своею страстью къ похождениямъ.

Часу въ первомъ одинъ изъ людей герцога Браччіано подошелъ къ Францу и доложилъ, что Пастрини прислалъ просить его домой, потому что пришелъ какой-то человекъ съ письмомъ отъ виконта де-Морсерфа.

— Гдѣ же этотъ человекъ?

— Въ трактирѣ у Пастрини.

— Отчего же онъ не принесъ записку сюда?

— Не знаю. Посланный ничего не сказалъ.

— А гдѣ посланный?

— Ушелъ.

Францъ не сказалъ ни кому ни слова, вышелъ изъ великолѣпныхъ залъ герцога Браччіано на крыльцо и тутъ только вспомнилъ, что отпустилъ свой экипажъ до двухъ часовъ. Надобно было итти пѣшкомъ. Къ счастью, отъ палаца Браччіано, который стоитъ на углу Корсо и площади Святыхъ-Апостоловъ, до гостинницы «Лондонъ» не болѣе десяти минутъ ходьбы. Францъ почти побѣжалъ. Подошедши къ трактиру, онъ увидѣлъ стоявшаго посреди улицы человекъ въ широкомъ плащѣ и, догадавшись, что это, должно-быть, посланный, пошелъ къ нему. И плащъ пошелъ на встрѣчу. Францъ получилъ записку, но таинственный курьеръ ни за что не согласился войти въ домъ. Францъ, предчувствуя недоброе, поспѣшно вошелъ въ свою комнату и по дорогѣ встрѣтилъ Пастрини, на которомъ лица не было. Францъ приказалъ подать огня, развернулъ записку и прочиталъ три раза: такъ его озадачило содержаніе.

«Любезный другъ, получивъ эту записку, потрудись «достать въ моемъ портфѣлѣ, въ среднемъ ящикѣ конторки, кредитное письмо, прибавь свое, если не хватитъ, «поѣзжай къ банкиру Торлонія, возьми четыре тысячи «піастровъ и отдай тотчасъ же подателю. Надобно, чтобы «эта сумма была доставлена ко мнѣ нынѣшнею же ночью.

«Я полагаюсь на тебя такъ, какъ ты можешь полагаться на меня.

«Твой другъ, Альберъ де-Морсерфъ.

«P. S. Я вѣрю въ существованіе италіянскихъ бандитовъ».

Подъ этими строками было написано другою рукою, италіянски:

«Если сказанныя четыре тысячи піастровъ не будутъ доставлены къ шести часамъ утра, то виконтъ Альберъ де-Морсерфъ перестанетъ существовать.

«Луиджи Вампа».

Времени терять было нельзя. Францъ побѣжалъ къ конторкѣ, досталъ кредитное письмо въ шесть тысячъ піастровъ, но изъ котораго болѣе половины было уже истрачено. Своего кредитнаго письма баронъ д'Эппинѣ не имѣлъ на римскихъ банкировъ, потому что не располагалъ долго оставаться въ Римѣ и взялъ съ собою изъ Флоренціи только сотню лупдоровъ. Къ дополненію требуемой суммы не доставало семи или осьми сотъ піастровъ. Францъ могъ, правда, надѣяться на услужливость Торлони, зятя герцога Браччіано, и поспѣшилъ назадъ въ палацъ, чтобы застать банкира. Но вдругъ ему блеснула счастливая мысль.

— Дома графъ Монте-Кристо? спросилъ онъ у Пастрини, который безпокойно прохаживался въ передней.

— Дома, эччеленца; сейчасъ пріѣхалъ.

— Не спитъ еще?

— Не думаю.

— Скажите, что мнѣ очень нужно видѣть его.

Пастрини пошелъ и черезъ минуту воротился съ отвѣтомъ, что графъ проситъ пожаловать.

Монте-Кристо принялъ Франца съ удивленіемъ, но, по обыкновенію, очень вѣжливо. Баронъ извѣщилъ, объяснилъ, что пришелъ поговорить о весьма важномъ дѣлѣ, и подалъ Альберову записку.

— Ого! сказалъ Монте-Кристо, прочитавъ.

— Забѣтили вы записку? спросилъ Францъ.

— Вижу, вижу.

— Чтò жъ вы на это скажете?

— Что надобно выкупить вашего друга, иначе его застрѣлятъ. Есть у васъ требуемая сумма?

— Не достаесть осьми сотъ піастровъ.

— Надѣюсь, что вы не обратитесь ни къ кому кромѣ меня, сказалъ Монте-Кристо и выдвинулъ въ своей конторкѣ ящикъ, до-верху наполненный золотомъ: сдѣлайте одолженіе, возьмите, сколько вамъ нужно.

— Покорно благодарю, графъ. Если бы дѣло касалось меня, я непремѣнно занялъ бы у васъ. Но.... нужно ли посылать эти деньги Лунджи Вампѣ? прибавилъ онъ пристально посмотрѣвъ на графа.

— Я думаю, отвѣчалъ тотъ: приписка довольно ясна и обстоятельна.

— Конечно; однако мнѣ кажется, что если бы вы потрудились поискать, то нашли бы другое средство, гораздо по-проще.

— Какое же? спросилъ Монте-Кристо, съ изумленіемъ и устремилъ на барона свой глубокій, пронизательный взглядъ.

— Напримѣръ, если бы мы съ вами вмѣстѣ отправились къ Лунджи Вампѣ, спокойно отвѣчалъ Францъ: я увѣренъ, что онъ не отказался бы освободить Альбера.

— Я? но какое же, вы думаете, я могу имѣть вліяніе на этого бандита?

— Очень большое. Вы, кажется недавно, оказали ему одну изъ тѣхъ услугъ, которыя не позабываются.

— Какую же?

— Вы спасли жизнь Пеппино.

— А!... Кто вамъ это сказалъ?

— Какая до того надобность! Я знаю.

Графъ на минуту остался безмолвенъ и нахмурилъ брови.

— Если я поѣду къ Вампѣ, вы поѣдете со мной? спросилъ онъ потомъ.

— Если мое общество не будетъ вамъ неприятно.

— Хорошо; быть такъ. Погода прекрасна. Прогулка по окрестностямъ Рима можетъ доставить намъ удовольствіе. А гдѣ человѣкъ, который принесетъ записку?

— На улицѣ.

— Онъ ждетъ отвѣту?

— Да.

— Надобно позвать его, чтобы узнать, куда ѣхать.

— Онъ не войдетъ въ комнату.... не хочетъ войти.

— Къ вамъ, можетъ-быть, но ко мнѣ иное дѣло.

Графъ подошелъ къ окну, отворилъ и свистнулъ особеннымъ образомъ. Человѣкъ въ плащѣ отдѣлился отъ темной стѣны противоположнаго дому и вышелъ на середину улицы.

— Поди сюда! сказалъ графъ такимъ тономъ, какъ сказалъ бы своему лакею.

Посланецъ бѣгомъ вбѣжалъ на крыльцо и въ полминуты явился на порогъ кабинета.

— А! это ты, Пеппино? сказалъ графъ.

Пеппино, вмѣсто отвѣту, упалъ на колѣни, схватилъ руку графа и осыпалъ поцѣлуями.

— Ты еще не забылъ, что я спасъ твою жизнь? Это странно! Это было уже вѣдь съ недѣлю назадъ.

— Нѣтъ, эччеленца, я этого никогда не забуду, отвѣчалъ Пеппино съ выраженіемъ глубокой признательности.

— Никогда?... Ну, встань; отвѣчай.

Пеппино всталъ и безпокойно оглянулся.

— О! ты можешь смѣло говорить передъ этимъ синьоромъ, сказалъ графъ взглянувъ на Франца: это мой пріятель.

— Въ такомъ случаѣ извольте спрашивать, эччеленца.

— Какимъ образомъ виконтъ де-Морсерфъ попалъ въ руки Лунджи?

— Коляска Француза нѣсколько разъ встрѣчалась съ коляскою Терезы.

— Любовницы Лунджи?

— Да, эччеленца. Французъ дѣлалъ ей глазки; Тереза для потѣхи отвѣчала тѣмъ же; Французъ бросилъ ей букетъ, она тоже.... разумѣется съ согласія Лунджи.

— Какъ! вскричалъ Францъ: развѣ Лунджи Вампа тоже сидѣлъ въ коляскѣ съ римскими поселанками?

— Онъ правилъ за кучера, эччеленца.

— Ну, потомъ? спросилъ графъ.

— Потомъ Французъ написалъ записку, просилъ свиданія. Тереза отвѣчала и назначила свиданіе, только вмѣсто ея Беппо явился на паперти Санъ-Джакомо.

— Такъ эта дѣвушка въ костюмѣ поселянки....

— Былъ нашъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцати. Но Французу нечего совѣститься, что попалъ въ просакъ: Беппо не перваго его поддѣлъ.

— Онъ и увезъ его? спросилъ графъ.

— Онъ. Карета дожидалась въ концѣ улицы Мачелло. Беппо уѣхалъ и пригласилъ Француза. Тотъ не заставилъ повторить просьбы и поѣхалъ. Беппо сказалъ, что везетъ его на виллу, въ одной милѣ отъ Рима. Французъ кричалъ, что готовъ ѣхать на край свѣта. Выѣхали за воротъ Санъ-Паоло и прискакали къ катакомбамъ Санъ-Себастіана, гдѣ теперь Лунджи. Примѣтивъ ошибку, Французъ хотѣлъ-было защищаться и даже порядочно подушилъ бѣднаго Беппо за горло, но другіе подоспѣли и уняли молодца. Вслѣдъ за тѣмъ атаманъ послалъ меня, вотъ, къ его милости, съ запиской.

— Такъ Лунджи теперь въ катакомбахъ?

— Точно такъ, эччеленца.

Монте-Кристо позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ, чтобы подавали карету и чтобы Али сѣлся за кучера. Черезъ минуту карету подали. Пеппино, по приказанію графа, сѣлъ на козла, подлѣ кучера. Въ Али Французъ узналъ нѣмага Нубійца, котораго видѣлъ въ пещерахъ острова Монте-Кристо. Поѣхали. На заставѣ часовой не хотѣлъ пропустить такъ поздно ночью, но Монте-Кристо показалъ подписанную губернаторомъ бумагу, въ силу которой ему дозволялось въѣзжать и выѣзжать безпрепятственно во всякое время, и его пропустили.

Они ѣхали по старой Аппіевой дорогѣ, обставленной съ обѣихъ сторонъ могилами. Луна начала всходить. Французъ отъ времени до времени казалось, будто часовые движутся между развалинами и, по знаку Пеппино, опять исчезаютъ въ тѣни. Немного не доѣзжая до цирка Каракаллы, карета остановилась. Пеппино засвѣтилъ факелъ и пошелъ впередъ по извѣстной тропинкѣ между развалинами. Монте-Кристо и баронъ д'Эпиннѣ слѣдовали за нимъ. Минуть

въ пять они пришли ко входу въ катакомбы, гдѣ стоялъ такъ же часовой. Пеппино сказалъ ему слово на-ухо и бандитъ поклонился.

— Здѣсь! сказалъ Пеппино графу: угодно вамъ войти, или прикажете вызвать?

— Нѣтъ, войдемъ. Ступай.

Они спустились въ узкій подземный ходъ, по которому принуждены были пройти шаговъ пятьдесятъ, нагибаясь и по одиночкѣ. Потомъ ихъ опять окликнулъ часовой и на отвѣтъ провожатаго пропустилъ на лѣстницу. Сопедаши ступеней двадцать внизъ, они очутились въ самыхъ катакомбахъ, на перекресткѣ пяти подземныхъ корридоровъ, по стѣнамъ которыхъ находились въ нѣсколько ярусовъ ниши наподобіе гробовъ.

— Хотите посмотрѣть на лагерь бандитовъ въ покое? спросилъ графъ, обращаясь къ Францу.

— Любопытно, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ пойдете.... Пеппино, погаси факель.

Пеппино погасилъ и они остались въ глубокомъ мракѣ. Только въ глубинѣ одного изъ длинныхъ корридоровъ, на разстояніи шаговъ пятидесяти, на черныхъ каменныхъ стѣнахъ начиналъ мелькать багровый отсвѣтъ огня. Они молча пошли къ этому свѣту. Шуму шаговъ почти совсѣмъ не было слышно на мягкомъ пескѣ. Въ концѣ корридора аркады выходятъ въ большую четвероугольную храниву, также окруженную нишами. Посрединѣ этой комнаты лежатъ четыре камня, служившіе прежде алтаремъ, какъ видно по кресту, который возвышается надъ ними. Единственная лампа, поставленная на пьедесталѣ колонны, освѣщала это убѣжище. Передъ лампою, облокотясь и обратившись спиною къ аркамъ, сидѣлъ человекъ и читалъ книгу. Это былъ Лунджи Вампа. Кругомъ, около стѣнъ, на полу и на каменной скамьѣ, сидѣло и лежало въ разныхъ положеніяхъ, человекъ двадцать бандитовъ, закутанныхъ въ широкіе плащи. У каждаго подъ руками находился карабинъ. Въ глубинѣ, едва примѣтно, подобно тѣни, молча, медленно ходилъ взадъ и впередъ часовой.

Когда Францъ достаточно насмотрѣлся на эту живописную картину, Монте-Кристо приложилъ палецъ къ губамъ,

чтобы Пеппино молчалъ, и подошелъ къ Вампѣ. Тотъ былъ такъ занятъ чтеніемъ, что ничего не примѣтилъ. Но часовой, который ходилъ у задней стѣны, увидѣлъ позади атамана высокую тѣнь и вдругъ воскликнулъ:

— Кто идетъ?

Вампа съ живостью поднялъ голову и въ то же время выхватилъ пистолетъ. Всѣ бандиты вмгъ очутились на ногахъ и двадцать карабиновъ прицѣлились въ графа.

— Полно, полно, любезный Вампа! сказалъ графъ съ спокойною улыбкой: такъ ли принимаютъ друзей?

— Отставь! вскричалъ Вампа бандитамъ и почтительно снялъ шляпу.

— Извините, *signor conte!* Ваше посѣщеніе до такой степени неожиданно, что я не узналъ васъ.

— Кажется, что у тебя вообще память коротка, Вампа. Ты забываешь не только лица своихъ знакомцевъ, но и условія, которыя заключаешь съ ними.

— Чтѣ же я забылъ, эччеленца? спросилъ бандитъ, съ видомъ человѣка, который радъ исправить свою ошибку.

— Между нами было, кажется, условлено, чтобы не только я, но и всѣ друзья мои почитались неприкосновенными.

— Когда же я погрѣшилъ противъ этого условія, эччеленца?

— Ты похитилъ сегодня вечеромъ виконта Альбера де-Морсерфа. Этотъ молодой человѣкъ—*мой другъ*, прибавилъ графъ съ такимъ выраженіемъ, что Францъ вздрогнулъ: мало этого, онъ въ продолженіи всего карнавала ѣздилъ на Корсо въ моей коляскѣ. Изъ этой коляски его взяли, привезли сюда и требуютъ выкупа.

— Зачѣмъ меня не предупредили объ этомъ, вы? вскричалъ атаманъ, обращаясь къ бандитамъ, которые отступили отъ его грознаго взгляду: зачѣмъ допустили до такого проступка противъ его сіятельства, у котораго въ рукахъ жизнь всѣхъ насъ? Клянусь, эччеленца, если бы я зналъ что это сдѣлано съ умысломъ, я собственною рукой застрѣлилъ бы виновнаго.

— Вотъ видите, сказалъ графъ, обращаясь къ Францу: я говорилъ вамъ, что это случилось по ошибкѣ.

— Вы не один, эччеленца? спросилъ Вампа съ безпокойствомъ.

— Со мной тотъ, къ кому была адресована записка. Я хотѣлъ доказать ему, что Лунджи Вампа человѣкъ съ крѣпкимъ словомъ. Пожалуйста сюда, эччеленца, прибавилъ графъ, обращаясь къ Францу: вотъ, Лунджи Вампа самъ скажетъ вамъ, что онъ въ отчаяніи отъ своей ошибки.

Францъ подошелъ. Атаманъ бандитовъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Добро пожаловать, эччеленца; милости просимъ, сказалъ онъ: вы слышали, что сказалъ графъ, и что я отвѣчалъ. Будьте увѣрены, что вашъ другъ скваченъ по ошибкѣ.

— Но гдѣ же онъ? Я не вижу его, сказалъ Францъ, оглядываясь съ безпокойствомъ.

— Я надѣюсь, что онъ остался невредимъ? прибавилъ графъ, нахмуривъ брови.

— Онъ здѣсь, отвѣчалъ Вампа, указывая на дверь, перелъ которою ходилъ часовой.

Потомъ Вампа самъ отодвинулъ желѣзную задвижку и они вошли въ другую четверугольную комнату, также освѣщенную одною лампой. Подлѣ лампы лежалъ на соломѣ Альберъ, закутанный въ плащъ бандита. Онъ спалъ глубокимъ сномъ.

— Не дурно! для человѣка, котораго въ семь часовъ утра ожидаетъ залпъ карабиновъ! сказалъ графъ съ улыбкой.

Вампа тоже смотрѣлъ на спящаго съ удивленіемъ и уваженіемъ. Такое доказательство неустрашимости внушало ему невольное почтеніе.

— Вы правы, графъ! сказалъ онъ: этотъ человѣкъ долженъ быть однимъ изъ вашихъ друзей. Эччеленца! не угодно ли встать? прибавивъ онъ, тронувъ Альбера за плечо.

Альберъ протянулъ руки, потеръ и открылъ глаза.

— А! это вы, капитанъ? Чортъ васъ возьми! К чему вы разбудили меня? Я видѣлъ во снѣ, что танцую галопадъ съ прекрасною графиней Г... на балѣ у Браччіано. Который теперь часъ? К чему было такъ рано будить?

— Теперь втораго половина. Я пришелъ сказать вамъ, что вы свободны, эччеленца.

— Любезный другъ, продолжалъ виконтъ съ совершенною свободой ума: на будущее время запомните себѣ правило великаго Наполеона, который сказалъ: «будьте меня только для дурныхъ вѣстей». Если бы вы не разбудили меня, я кончилъ бы галопъ, и былъ бы признателемъ вамъ до гроба.... Такъ вы получили выкупъ?

— Нѣтъ, эччеленца.

— Какимъ же образомъ я свободенъ?

— Нѣкто, которому я ни въ чемъ не могу отказать, пришелъ за вами.

— Сюда пришелъ?

— Сюда.

— А! по чести, этотъ нѣкто очень любезенъ!

Альберъ осмотрѣлся и примѣтилъ Франца.

— Какъ! это ты, любезный другъ? Ты пришелъ за мной?

— Нѣтъ, я ничего не могъ бы сдѣлать. Это нашъ соседъ, графъ Монте-Кристо освобождаетъ тебя.

— А! графъ! вскричалъ Альберъ, вставъ и оправляя свой маскарадный костюмъ: право, вы человекъ истинно неоцѣненный. Я вѣчный вашъ должникъ, во-первыхъ, за экипажъ, во-вторыхъ, за это посѣщеніе.

Онъ подалъ графу руку. Тотъ вздрогнулъ, однако жъ отвѣчалъ тѣмъ же.

— Такъ вы говорите, что я свободенъ, сеньоръ Лунджи? продолжалъ Альберъ, обращаясь къ бандиту.

— Совершенно свободны, эччеленца.

— Въ такомъ случаѣ—счастливо оставаться. Поѣденте, господа, поѣденте. Мнѣ хочется чего-нибудь поужинать. Я плохо обѣдалъ сегодня.

Они вышли. Всѣ бандиты стояли со шляпами въ рукахъ. Вампа самъ взялъ у Пеппино факель и проводилъ гостей до кареты.

— Жаль, что уже такъ поздно, сказалъ Альберъ: я съ удовольствіемъ поѣхалъ бы еще къ Браччіано, чтобы осуществить прекрасный сонъ.

— Чтò жъ? теперь еще можно бы, отвѣчалъ графъ.

— Да! но куда переодѣнешься, куда дойдешь, будетъ поздно.

Стали садиться въ экипажъ.

— Ахъ, позвольте! вскричалъ Альберъ, поспѣшно вынулъ сигару и закурилъ у факела Вампы, потомъ вѣжливо поклонился и прибавилъ: благодарю, сеньоръ капитанъ; прощайте.

— Если вамъ, эччеленца, или вашему другу вздумается когда-нибудь навѣстить меня, гдѣ бы я ни былъ, сдѣлайте милость, пожалуйста, отвѣчалъ Вампа также съ поклономъ: будьте увѣрены, что найдете радушный приемъ. Честное слово Лунджи Вампы.

— При первомъ удобномъ случаѣ не премину навѣстить. До свиданія, сеньоръ капитанъ.

— Простите, эччеленца.

Они поѣхали. Дорогою Альберъ весело продолжалъ разговаривать съ графомъ Монте-Кристо, но воздержался отъ неумѣстныхъ разспросовъ насчетъ своего освобожденія. Тотъ, съ своей стороны не думалъ давать ни какихъ объясненій. Французъ молчалъ и думалъ о странномъ трепетѣ, который пробѣжалъ по членамъ графа, когда онъ подавалъ Морсерфу руку.

На другой день утромъ графъ Монте-Кристо пришелъ проститься съ молодыми людьми. Онъ уѣзжалъ въ Венецію, а потомъ намѣревался побывать въ Парижѣ. Виконтъ де-Морсерфъ также предполагалъ скоро отправиться въ Парижъ и убѣдительно приглашалъ къ себѣ обязательнаго пріятеля. Монте-Кристо далъ слово быть; надѣялся воспользоваться этимъ знакомствомъ, чтобы приличнымъ образомъ войти въ парижское общество, и назначилъ даже день и часъ, когда пріѣдетъ къ виконту де-Морсерфу, — двадцать-перваго мая, утромъ, въ половинѣ одиннадцатаго. Разстались.

Тутъ только де-Морсерфъ примѣтилъ мрачную задумчивость своего друга д'Элине. На разспросы Французъ открылъ свои сомнѣнія насчетъ графа Монте-Кристо. Внезапная дружба и особенная услужливость этого человѣка въ отношеніи къ Альберу казались ему странными и подозрительными, а болѣе всего его занималъ вопросъ: отчего

Монте-Кристо вдрогнулъ, когда въ первый разъ печально принужденъ былъ подать руку. Монте-Кристо никогда, ни прежде ни послѣ, не подавалъ имъ руки, хотя на словахъ былъ всегда любезенъ какъ-нельзя болѣе. Альберъ все это находилъ очень обыкновеннымъ, спорилъ и успокоивалъ своего друга. Тогда Францъ разсказалъ ему первое свое знакомство съ Мореходомъ-Синбадомъ, описалъ сцену въ Колизеѣ и потомъ сталъ говорить объ освобожденіи самаго Альбера изъ рукъ Вампы. Альберъ слушалъ съ напряженнымъ любопытствомъ, но въ сношеніяхъ знатнаго и богатаго человѣка съ контрабандистами и бандитами не видѣлъ ничего новаго, потому что это исконнѣ водилось въ Италіи. Послѣ всего этого онъ съ большимъ еще нетерпѣніемъ сталъ ждать минуты, когда будетъ имѣть удовольствіе ввести въ парижское общество человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ такого необыкновеннаго какъ графъ Монте-Кристо.

Черезъ нѣсколько дней друзья разстались. Баронъ д'Эпиннѣ располагалъ провести еще нѣсколько времени въ Италіи и поѣхалъ во Флоренцію. Виконтъ де-Морсеръ уѣхалъ въ Парижъ.

Двадцать-перваго мая, въ десятомъ часу утра, виконтъ Альберъ де-Морсеръ ожидалъ къ себѣ графа Монте-Кристо. Виконтъ жилъ въ улицѣ Гельдеръ, въ домѣ своего отца, но занималъ квартиру совершенно отдѣльную и меблированную съ роскошью, прилично богатому молодому человѣку, который велъ жизнь совершенно независимую. Онъ не полагалъ навѣрное, что странный гость пріѣдетъ именно въ назначенное время, но какъ обѣщаніе дано съ оригинальною точностью, то и онъ, хоть для шутки, вздумалъ созвать нѣсколькихъ пріятелей и дать великолѣпный завтракъ, который приказалъ приготовить ровно къ половине одиннадцатаго. Въ числѣ приглашенныхъ былъ только одинъ старинный нашъ знакомецъ, Максимилианъ Морель, недавно воротавшійся изъ Африки капитанъ сипаговъ, красивый мужчина съ широкимъ открытымъ лбомъ, быстрыми глазами, черными усами, высокаго, стройнаго роста, въ богатомъ полу-французскомъ полу-восточномъ

мундирѣ, съ крестомъ Почетнаго Легіона на широкой груди. Остальные были Люцій Дебрѣ, секретарь министра иностранныхъ дѣлъ, также высокаго роста, но худощавый, блѣдный молодой человекъ, съ тонкими, холодными губами, съ сѣрыми, неподвижными глазами и вѣчно озабоченнымъ лицомъ; потомъ журналистъ Бошанъ и графъ де-Шато-Ренѣ, богатый молодой человекъ, который, подобно виконту де-Морсерфу, не носилъ ни какого званія кромѣ родоваго и ничѣмъ особенно не занимался, за недосугомъ. Онъ совершилъ только одинъ походъ въ Алжиръ, для прогулки, и тамъ сблизился съ Морелемъ, который при одной схваткѣ спасъ ему жизнь.

Назначенное время приближалось. Собравшіеся приятели понуждали хозяина, чтобы давалъ завтракъ. Особенно торопили Дебрѣ и Бошанъ. Секретарю нужно было послѣ завтраку побывать еще въ одной дѣлѣ, а журналисту предстояло выслушать и выдать рѣчь депутата Данглара. Чтобы оправдать свою занятость, виконтъ де-Морсерфъ сталъ приготовлять ихъ къ знакомству съ ожидаемымъ гостемъ и рассказывать свое похождение въ Римѣ съ бандитами и приключеніе Франца на островѣ Монте-Кристо. Слушатели единогласно рѣшили, что все это сказки, которыми Альберъ, по примѣру мадамъ Ментенонъ, хочетъ замѣнить гостямъ неготовое блюдо. Одинъ не вѣрилъ въ бандитовъ, другой зналъ на-перечетъ всѣ графскія фамиліи въ Европѣ и не слыхивалъ о графѣ Монте-Кристо. Только одинъ Морель не спорилъ: имя Синдаба-Морехода было ему знакомо и объ островѣ Монте-Кристо онъ кое-что слышалъ отъ матросовъ своего отца, прибывшихъ на новомъ «Фараонѣ.» Любопытство его было возбуждено въ высшей степени, но онъ молчалъ.

Столовые часы стали бить половину одиннадцатаго. Собесѣдники рѣшительно зашумѣли. Альберъ просилъ еще пяти минутъ сроку. Журналистъ и секретарь слышать не хотѣли объ отсрочкѣ и грозились уйти безъ завтраку. Но не прошло одной минуты, какъ дверь открылась и камердинеръ Жерменъ доложилъ:

— Его сіятельство графъ Монте-Кристо!

Всѣ собесѣдники невольно вдрогнули и онѣмѣли отъ

изумленія. Всѣ рассказы Альбера о невѣроятныхъ чудесахъ роскоши и странномъ таинственномъ характерѣ новаго гостя вмигъ приобрѣли полный вѣсъ дѣйствительности.

Графъ былъ одѣтъ очень просто, но чрезвычайно изящно и съ такимъ вкусомъ, что первые европейскіе львы принуждены были бы признать его законодателемъ щегольства. Какъ этотъ нарядъ, такъ и необыкновенная ловкость обращенія, тонкая вѣжливость и замѣчательная фizioномія блѣднаго лица съ огненными глубокими глазами, черными волосами и бѣлыми, мелкими, очень острыми зубами, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

— Настоящій лордъ Рутвенъ, настоящій вампиръ! подумалъ Бошанъ, который никогда не вѣрнулъ въ вампировъ.

— Настоящій князь! подумалъ Дебрѣ, который отвергалъ возможность существованія какого-бы то ни было графа Монте-Кристо.

Монте-Кристо съ улыбкою пошелъ прямо къ Альберу, который подавалъ руку свѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Точность — учтивость царей, говаривалъ кто-то изъ вашихъ государей, кажется, сказалъ Монте-Кристо: но путешественники, къ несчастію, не всегда могутъ держаться этого правила, какъ бы тверда ни была ихъ воля. Я надѣюсь, любезный виконтъ, что вы простите мнѣ просрочку двухъ или трехъ секундъ и повѣрите, что я по крайней-мѣрѣ желалъ явиться исправно по вашему приглашенію. Пятьсотъ миль не легко проѣхать безъ всякой остановки, особенно у васъ во Франціи, гдѣ, кажется, запрещено бить почталіоновъ.

— А я только-что предупреждалъ о вашемъ пріѣздѣ нѣсколькихъ пріятелей, которыхъ собралъ, чтобы приготовить вамъ встрѣчу. Позвольте представить ихъ вамъ, графъ. Вотъ графъ де-Шато-Ренѣ, котораго предки сидѣли за Круглымъ-Столomъ и участвовали въ Крестовыхъ походахъ. Вотъ мосьѣ Дебрѣ, секретарь министра иностранныхъ дѣлъ. Вотъ его лучший другъ и страшная гроза его министерства; знаменитый у насъ журналистъ Бо-

шанъ, а вотъ, наконецъ, храбрый капитанъ сиаговъ Максимилианъ Морель.

Монте-Кристо съ каждымъ раскланывался чрезвычайно учтиво и совершенно безстрастно, но при имени Мореля глаза у него сверкнули, верхняя вѣка чуть примѣтно дрогнула. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Капитанъ носитъ мундиръ новыхъ французскихъ побѣдителей? сказалъ онъ: прекрасный мундиръ.

Голосъ его при этомъ звучалъ какъ-то особенно гармонически, но невозможно было опредѣлить отъ какого именно чувства.

— Вы никогда не видывали нашихъ Африкапцевъ, графъ? спросилъ Альберъ.

— Никогда, отвѣчалъ графъ, опять совершенно владея собой.

— Такъ поздравляю васъ съ этимъ первымъ случаемъ. Подъ мундиромъ, который вы видите, бьется одно изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ благородныхъ сердецъ изъ всей арміи.

— Виконтъ! помилуйте..... возразилъ Морель.

— Не перебивайте мою рѣчь, капитанъ..... Увѣряю васъ, графъ, продолжалъ Альберъ, что лучшаго случая вы не могли найти. Прошу полюбить. Я считаю его однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей, потому что онъ геройски спасъ жизнь самому старинному моему другу, графу Шато-Ренд.

— А! у капитана благородное сердце! сказалъ Монте-Кристо: тѣмъ лучше для него.

Это странное и довольно неумѣстное восклицаніе всѣхъ удивило, но между-тѣмъ оно было произнесено такимъ пріятнымъ и почти нѣжнымъ тономъ, что Морелю невозможно было обидѣться.

Вошелъ человекъ и доложилъ, что завтракъ поданъ. Виконтъ де-Морсерфъ повелъ своихъ гостей въ столовую.

Графъ, по обыкновенію, былъ чрезвычайно умѣренъ, едва прикасался къ кушаньямъ. Альберъ замѣтилъ это и изъяснилъ свое сожалѣніе, что при выборѣ блюдъ не умѣлъ понасть на вкусъ дорогаго гостя.

— Не безпокойтесь, виконтъ, отвѣчалъ графъ съ улыб-

кой: завтракъ вангъ очень хороши, а для меня, какъ для космополита, не существуетъ особенной опредѣленной кухни. Странствуя почти всю жизнь, я перепробовалъ ни-щю у всѣхъ народовъ и до-сихъ-поръ ѣмъ все, что вамъ угодно, только ѣмъ мало. Сегодня вы замѣчаете мою воз-держность, между-тѣмъ какъ сегодня именно я въ боль-шомъ аппетитѣ. Я со вчерашняго утра ничего не ѣлъ.

— Какъ! со вчерашняго утра? вскричали всѣ гости: вы ничего не кушали цѣлыя сутки?

— Въ окрестностяхъ Нима мнѣ нужно было сверотить съ дороги, чтобы получить нѣкоторыя свѣдѣнія. Это за-держало меня, а остановиться для обѣда не хотѣлось.

— Такъ вы обѣдали въ каретѣ? спросилъ Морсеръ.

— Нѣтъ, я спалъ. Я всегда сплю, когда скучаю и не чув-ствую довольно твердости, чтобы искать разсвѣнія, или когда голоденъ, а ѣсть не хочу.

— Вы управляете сномъ, графъ? спросилъ Морель.

— Почти.

— У васъ есть средство на это?

— Самое вѣрное.

— Вотъ было бы прекрасно для насъ, Африканцевъ! Съ нами нерѣдко случается, что нечего на зубъ положить и нечѣмъ горло промочить.

— Да, но, къ-несчастью, мое средство, прекрасное для человѣка, который ведетъ такую жизнь какъ я, было бы очень опасно въ примѣненіи къ цѣлой арміи: она не пре-снулась бы тогда, когда нужно.

— Можно узнать это средство? спросилъ Дебрѣ.

— Конечно, я не таю его, отвѣчалъ Монте-Кристо: это смѣсь превосходнаго опиума, — за которымъ я самъ ѣздилъ въ Индію, чтобы навѣрное получить чистаго, — и лучшаго хашишу, какой собирается между Тигромъ и Евфратомъ. Изъ этихъ двухъ веществъ, смѣшанныхъ по равной ча-сти, дѣлаются пилюли, которыя и глотаешь, когда нуж-но.

— И вы всегда носите эти пилюли съ собою? спросилъ Бошанъ.

— Всегда, отвѣчалъ Монте-Кристо и вынулъ изъ кар-мана бонбоньерку, состоявшую изъ одного выдолбленнаго

изумруда, съ золотою крышкой, которая раздвигаясь пропускала по одной зеленеватая пилюли величюною съ горошину. Всѣхъ пилюль бонбоньерка могла заключать въ себѣ съ дюжину. Она пошла по рукамъ. Дивились уже не пилюлямъ, а огромному изумруду.

— Кто же приготовляетъ вамъ это кушанье? вашъ поварь? спросилъ Бошанъ.

— Нѣтъ. Неужели вы думаете, что я лучшее наслажденіе свое поручу недостойнымъ рукамъ какого-нибудь повара. Я довольно хорошій химикъ и готовлю свои пилюли самъ.

— Какой удивительный изумрудъ! вскричалъ Шато-Рено: я никогда не видывалъ такого большаго, хотя у матери моей было довольно много замѣчательныхъ фамильныхъ драгоценностей.

— У меня было три такихъ изумруда, сказалъ Монте-Кристо: одинъ я подарилъ султану, который украсилъ имъ эфесъ сабли, а другой папѣ, тотъ вставилъ его въ тиару. Третій, какъ видите—выдолбленъ. Отъ этого онъ лишился половины цѣны, но зато служить къ чему-нибудь.

Всѣ посмотрѣли на Монте-Кристо съ изумленіемъ. Онъ говорилъ съ такою простотой, что, очевидно, или говорилъ правду или былъ съумасшедшій. Но изумрудъ находился въ рукахъ и первое мнѣніе необходимо взяло верхъ.

— Что же вамъ дали взаменъ этихъ великолѣпныхъ подарковъ? спросилъ Дебрé.

— Султанъ подарилъ мнѣ невольницу, а папа — жизнь человѣка.

— Ужъ не Пеппино ли? вскричалъ Морсерфъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ графъ съ улыбкой.

— Вы не можете себѣ представить, графъ, какое наслажденіе доставляютъ мнѣ всѣ ваши рѣчи! вскричалъ Альберъ: я заранѣе уже говорилъ моимъ друзьямъ о васъ, какъ о человѣкѣ баснословномъ, какъ о волшебникѣ изъ «Тысячи и Одной-Ночи», но Парижане люди такіе тонкіе на разсужденіе, что принимаютъ за мечты воображенія истины самыя неоспоримыя, если эти истины сколько-нибудь несогласны съ условіями ихъ ежедневной жизни. отъ, напримѣръ, Дебрé, который каждый день читаетъ, и Бо-

шанъ, который каждый день печатастъ, что на Бульварѣ, въ прошедшую ночь, такой-то ограбленъ; что въ улицѣ Сень-Дени или въ Сень-Жерменскомъ Предмѣстїи такіе-то двое убиты, и которые между-тѣмъ отвергаютъ существованіе бандитовъ въ Римѣ. Пожалуйста, графъ, скажите мнѣ сами, какъ меня похитили бандиты и какъ, безъ вашего великодушнаго заступничества, я теперь томился бы въ катакомбахъ Санъ-Себастіана, вмѣсто-того чтобы давать мнѣ завтракъ въ моемъ недостойномъ домикѣ въ улицѣ Гельдеръ.

— Вы обѣщали мнѣ не упоминать объ этой бездѣлицѣ, виконтъ, замѣтилъ Монте-Кристо.

— Это не я обѣщаль, графъ! вскричалъ Морсерфъ: вы кому-нибудь другому оказали такую же услугу и того смѣшпваете со мной. Я, напротивъ, прошу васъ, будьте говорить объ этомъ. Вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе, если объясните нѣкоторыя обстоятельства, которыя остались непонятными для меня.

— Но, кажется, возразилъ графъ съ улыбкой: вы сами играли въ этой исторїи такую роль, что можете хорошо знать подробности.

— Да, конечно, все что до меня касается, я знаю и пересказалъ уже вотъ этимъ господамъ. Но мнѣ непонятно, какимъ образомъ вы, графъ, могли внушить такое почтеніе римскимъ бандитамъ, которые никого и ничего не уважаютъ.

— Это очень просто, отвѣчалъ Монте-Кристо: я зналъ Луджи Вампу, десять лѣтъ назадъ, когда онъ еще былъ пастухомъ. Впослѣдствїи онъ попалъ-было на меня и хотѣлъ схватить такъ же, какъ васъ схватили, для выкупа. Но я самъ съ моими людьми связалъ его и десятерыхъ его бандитовъ. Тогда я могъ отдать его римскому правительству, у котораго управа коротка и которое для Луджи Вампы еще больше поторопилось бы, но я отпустилъ всѣхъ.

— Съ условіемъ, чтобы впередъ не шалили? вскричалъ со смѣхомъ журналистъ.

— Нѣтъ, просто съ условіемъ, чтобы впередъ уважали меня и всѣхъ моихъ. Можетъ-быть, вамъ это покажется страннымъ, господа социалисты и прогрессисты, но, при-

знаюсъ вамъ, я нимаю не занимаюсъ моиѣмъ ближнимъ, никогда не забочусь объ общество, которое не заботится обо мнѣ, и,—скажу даже болѣе,—которое бо́льшую частію заботится обо мнѣ только затѣмъ, чтобы вредить мнѣ. Я держусь совершеннаго безпристрастія и нейтралитету между враждебными другъ другу обществами и ближними моими и за это тѣ и другіе не имѣютъ права сердиться; напротивъ, должны быть благодарны мнѣ.

— Bravo! вскричалъ Шато-Ренѳ: вотъ первый отважный человекъ, отъ котораго я слышу откровенное и смѣлое признаніе въ эгоизмѣ. Это мнѣ нравится. Bravo, графъ!

— Да, конечно, это откровенно, замѣтилъ Морель; но я увѣренъ, что графъ нерѣдко отступаетъ отъ правилъ, которыя проповѣдуетъ такъ положительно.

— Когда же я отступилъ отъ этихъ правилъ? спросилъ Монте-Кристо.

— Но, мнѣ кажется, когда освобождали графа де-Морсерфа, чужаго вамъ человекъ, вы служили не себѣ, а своему ближнему и обществу.

— Котораго онъ составляетъ украшеніе, прибавилъ Бопланъ и выпилъ бокаль шампанскаго.

— Видите, графъ! вскричалъ Морсерфъ: и вы, самый тонкій логикъ, какого я знаю, и вы попались въ сѣть логическаго вывода. Вамъ ясно доказали, что вы не только не эгоистъ, но, напротивъ, филантропъ. Но вотъ, что вѣрно, графъ: вы истинный космополтъ. Вы называетесь Туркомъ, Мальтійцемъ, Индѣйцемъ, Китайцемъ, дикаремъ, а едва вступили въ Парижъ, вы уже обладаете важнѣйшимъ свойствомъ или важнѣйшимъ недостаткомъ Парижанъ, то есть, вы приписываете себѣ пороки, которыхъ у васъ нѣтъ, и скрываете свои добродѣтели.

— Любезный вконтъ, возразилъ Монте-Кристо: во всемъ, что я сдѣлалъ или сказалъ, я не вижу ничего, чѣмъ бы заслужилъ похвалы, которыми вы и ваши друзья осыпаете меня. Вы были для меня уже не чужой, потому что мы вмѣстѣ жили и время проводили: я не могъ оставить васъ въ рукахъ бандитовъ. Притомъ я услуживалъ вамъ не даромъ: я тогда уже намѣренъ былъ воспользоваться вашимъ знакомствомъ, чтобы найти входъ въ парижское об-

щество, когда приѣду во Францію, и вотъ, вы видите, что я приѣхалъ напомнить вамъ ваше слово.

— Я сдержу его съ удовольствіемъ, графъ. Жалко только, что буду очень мало нуженъ вамъ. Вы, съ вашимъ именемъ, съ вашею наружностью, съ вашимъ богатствомъ и съ вашимъ умомъ, не имѣете ни какой надобности въ представителѣ. Вы сами собой представитесь и, безъ-сомнѣнія, будете вездѣ приняты какъ-нельзя лучше. Я могу пригодиться вамъ развѣ только на то, чтобы объяснить нѣкоторыя обычаи парижскій жизни, указать наши средства къ комфорту, ваши базары и приискать вамъ приличную квартиру. Я не смѣю предложить вамъ квартиру у себя, какъ вы предлагали мнѣ въ Римѣ. Я не проповѣдаю эгоизма, зато я дѣйствительно эгоистъ по превосходству: у меня, кромѣ меня самого, нѣтъ мѣста и тѣни, развѣ только тѣни женскаго роду.

— А что, вы не женились? спросилъ Монте-Кристо: вы, кажется, въ Римѣ говорили мнѣ, что собираетесь жениться.

— Да, но это всё-еще только предположеніе.

— Въ предположеніи заключается намѣреніе, замѣтилъ Дебрѣ.

— Я съ своей стороны вовсе не имѣю этого намѣренія, возразилъ Морсерфъ; но отецъ хочетъ. Потому я надѣюсь, скоро представить вамъ, графъ, если не настоящую, такъ будущую мою невѣсту, мадамъ Евгенію Дангларъ.

— Евгенію Дангларъ!.. Позвольте... Отецъ ея—баронъ Дангларъ, банкиръ?

— Да, отвѣчалъ Морсерфъ, новопожалованный баронъ.

— Что до этого за дѣло! возразилъ Монте-Кристо: онъ, вѣроятно, оказалъ государству услуги, которыя стоили такого вознагражденія.

— Огромныя услуги, сказалъ Бошанъ: онъ въ 1829 году пополнилъ заемъ для Карла Десятаго шестью милліонами и за это получилъ баронское достоинство и крестъ Почетнаго Легіона, который носить не въ карманѣ, какъ можно бы предполагать, а просто во второй петлицѣ.

— Тише, тише, господинъ журналистъ! вскричалъ Альберъ со смѣхомъ: поберегите это для вашего журнала, а въ моемъ присутствіи пощадите моего будущаго тестя.... Но, прибавилъ онъ, обращаясь къ Монте-Кристо, вы произносите его имя такимъ тономъ, какъ-будто знаете его.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ Монте-Кристо небрежно, но мы, вѣроятно, скоро познакомимся, потому что я имѣю кредитъ на него черезъ банкировъ Ричарда и Блунта изъ Лондона, Арштейна и Эскелеса изъ Вѣны и Томсона и Френча изъ Рима.

— Томсона и Френча! вскричалъ Морель: вы знаете Томсона и Френча?

— Это мои банкиры въ Римѣ, спокойно отвѣчалъ Монте-Кристо: могу я вамъ служить у нихъ чѣмъ-нибудь?

— Ахъ, графъ, вы могли бы, можетъ-быть, помочь намъ въ розыскѣ, который доселѣ оставался безплоднымъ. Этотъ торговый домъ нѣкогда оказалъ намъ большую услугу: но до-сихъ-поръ всегда, не знаю почему, отрекался.

— Извольте, капитанъ, отвѣчалъ Монте-Кристо: что отъ меня будетъ зависѣть, съ удовольствіемъ сдѣлаю.

— Вы чрезвычайно обяжете меня и сестру мою, графъ.

— У васъ есть сестра?

— Есть, добрая и прекрасная сестра.

— Занужемъ?

— Да, девятый годъ.

— Счастливо живеть?

— Такъ счастливо, какъ только позволено быть на землѣ, отвѣчалъ Максимиліанъ: она вышла за человѣка, котораго любила и который остался вѣренъ намъ въ несчастіи, — за Эмануэля Эрбб.

Монте-Кристо чуть примѣтно улыбнулся.

— Однако жъ мы по поводу мосьё Данглара, удалились отъ перваго и самаго важнаго предмету нашего разговору, замѣтилъ Альберъ: рѣчь шла о томъ, чтобы приискать графу приличную квартиру въ нашей столицѣ. Давайте, господа, вкладчину: нѣтъ ли у кого счастливой идеи? Графу Монте-Кристо нельзя же поселиться у насъ гдѣ-нибудь

въ трактврѣ. Я предлагаю Шоссе-д'Антёнъ: это настоящій центръ Парижа.

— На Оперномъ Бульварѣ лучше, возразилъ Бошанъ: тамъ, я знаю, есть прекрасный домъ, совершенно отдѣльный.

— Не трудитесь, господа, перебилъ Монте-Кристо: у меня уже есть квартира. Я послалъ моего управляющаго и моего негра впередъ, нѣсколькими днями раньше, и они уже купили мнѣ домъ и обмобилировали. Я еще не видалъ, потому что боясь опоздать на свиданіе, пріѣхалъ прямо сюда; но вотъ мой адресъ.

Онъ подалъ Морсерфу бумажку и тотъ прочиталъ: «Элисейскія Поля, номеръ тридцатый».

— Вотъ это оригинально! вскричалъ Шато-Ренд.

— И истинно по-княжески, замѣтилъ Дебрё.

— Стало-быть, у васъ уже все въ порядкѣ, сказалъ Морсерфъ: вамъ недостаетъ только обзавестись хозяйкой на время вашего пребыванія въ Парижѣ.

— И это есть, отвѣчалъ Монте-Кристо, съ тою разницей, что вы, господа, ищете себѣ вашихъ хозяекъ въ оперномъ или водевильномъ театрѣ, а я добылъ невольницу въ Константинополѣ, именно за изумрудъ, который я вамъ показывалъ.

— Невольницу? вскричалъ Дебрё: но вы забываете, что ваша невольница уже свободна съ той минуты какъ ступила на землю Франціи.

— Кто же ей скажетъ это? спросилъ Монте-Кристо.

— Какъ, кто? Первый встрѣчный.

— Она говоритъ только по-ромайски.

— А! это другое дѣло.

— Но мы по-крайней-мѣрѣ увидимъ ее? спросилъ Бошанъ: или, имѣя уже нѣмыихъ, вы держите также евнуховъ?

— О, нѣтъ! такъ далеко мой ориентализмъ не простирается, отвѣчалъ Монте-Кристо: всѣ окружающіе меня, свободно могутъ уйти, какъ-скоро имъ вздумается, но я полагаю, что никому не вздумается.

Завтракъ давно былъ конченъ. Дебрё первый замѣтилъ, что уже второй часъ, и собрался идти. За нимъ послѣдо-

вали и другіе. Монте-Кристо одинъ остался у Альбера, который намѣревался представить его отцу и матери, а въ ожиданіи показывалъ свои собранія оружія, рѣдкостей и картинъ. Монте-Кристо былъ хорошею знатокомъ въ живописи и съ перваго взгляду на произведенія опредѣлялъ и называлъ мастеровъ. Въ кабинетѣ Альбера его особенно поразилъ портретъ работы Леопольда Робера. Это была женщина лѣтъ двадцати-пяти, смугловатая, съ огненными черными глазами и длинными рѣсницами, въ живописномъ костюмѣ каталонскихъ рыбацекъ. Она смотрѣла на море и прекрасная профиль ея отдѣлялась отъ двойной лазури волнъ и неба.

На минуту воцарилось молчаніе, впродолженіи котораго Монте-Кристо пристально смотрѣлъ на портретъ и чело-вѣкъ, по-наблюдательнѣе Альбера, могъ бы примѣтить, что блѣдное лицо его на мгновеніе озарилось слабымъ румянцемъ, а по плечамъ и груди пробѣжалъ легкій трепеть.

— Прекрасный портретъ! Чей это? спросилъ онъ потомъ совершенно спокойно.

— Моей матери, отвѣчалъ Альберъ: онъ такъ похожъ, что и теперь, мнѣ кажется, маменька ни сколько не измѣнилась противъ него.

— Чтò это за костюмъ на ней?

— Такъ, фантазія. Портретъ этотъ написалъ въ отсутствіе батюшки. Маменька, конечно, хотѣла сдѣлать ему пріятный сюрпризъ, но странно какъ-то случилось, что портретъ ему не понравился. Ни даже превосходная работа Робера не помирила его съ нимъ... Правду сказать, между нами, любезный графъ, батюшка одинъ изъ самыхъ усердныхъ перовъ въ Люксамбургѣ и почтенный генералъ, но весьма посредственный знатокъ въ художествахъ. Зато маменька сама примѣчательно пишетъ масляными красками. Она слишкомъ цѣнила эту работу, не хотѣла кинуть совершенно и потому велѣла повѣсить здѣсь, по-дальше отъ глазъ папеньки. Извините, графъ, что я вамъ рассказываю такія домашнія подробности. Но я буду имѣть удовольствіе представить васъ отцу моему, такъ, пожалуйста, не вздумайте при немъ хвалить этотъ пор-

треть. Эта картина и безъ того производитъ всегда очень сильное впечатлѣніе на маменьку: она рѣдко видитъ ее безъ того, чтобъ не заплакать. Впрочемъ, появленіе этого портрета — единственное облако, которое на минуту омрачило союзъ батюшки и матушки: они до-сихъ-поръ живутъ такъ же согласно, какъ въ первый день брака.

Въ эту минуту воротился человекъ, посланный съ докладомъ, и сказалъ, что графъ де-Морсерфъ готовъ принять гостя. Они пошли.

Въ передней графа, надъ дверьми въ залу, находился лѣпной работы гербъ, который имѣлъ не маловажную цѣну въ глазахъ хозяина, какъ то можно было заключить по всей сообразно разсчитанной отдѣлкѣ комнаты. Монте-Кристо остановился передъ этимъ гербомъ и рассмотрѣлъ его со вниманіемъ.

— Это гербъ вашей фамиліи? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ Альберъ: этотъ голубой щитъ съ семью птицами отцовскій гербъ, а этотъ, съ серебряною башней—фамиліи моей матери. Она Испанка, но фамилія Морсерфъ французская и, какъ говорятъ, одна изъ самыхъ старинныхъ въ южной Франціи.

— Да, это доказываютъ птицы, замѣтилъ Монте-Кристо: почти всѣ вооруженные пильгримы, которые были въ Святой Землѣ, принимали въ гербъ или крестъ, символъ обѣта, или перелетныхъ птицъ, символъ далекаго пути, который надѣялся совершить на крыльяхъ вѣры. Одинъ изъ вашихъ предковъ, вѣроятно, былъ въ крестовыхъ походахъ, положимъ съ Людовикомъ Святымъ, такъ и это уже поведетъ вашъ родъ до тринадцатаго столѣтія. Порядочная древность!

— Я навѣрное не знаю.... забылъ. Но у отца гдѣ-то есть родословное дерево. Тамъ все обстоятельно выведено.

Они вошли въ залу и Монте-Кристо опять остановился передъ другимъ портретомъ, который изображалъ мужчину лѣтъ тридцати осми, въ генеральскомъ мундирѣ, съ командорскимъ крестомъ Почетнаго Легіона на шеѣ и съ нѣсколькими другими орденами. Монте-Кристо еще разъ

смотрѣлъ портретъ, когда вошелъ самъ графъ де-Морсеръ.

Ему было лѣтъ сорокъ-пять; но онъ казался гораздо старше. Черные его усы и брови рѣзко отличались отъ совершенно сѣдыхъ волосъ, обстриженныхъ наподобіе щетки. На немъ былъ черный фракъ съ разноцвѣтною лентой въ петлицѣ. Обращеніе его было довольно благородно и предупредительно. Монте-Кристо, не трогаясь съ мѣста ждалъ, пока онъ подойдетъ, и устремилъ на него свой пристальный, магнитическій взоръ.

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, графъ де-Морсеръ просилъ гостя сѣсть и самъ сѣлъ противъ него. Монте-Кристо, разговаривая, продолжалъ внимательно всматриваться въ лицо хозяина и какъ-будто старался разобрать слѣды, проведенные утомленіемъ и заботами: онъ находилъ въ этихъ преждевременныхъ морщинахъ цѣлую исторію тайныхъ терзаній.

— Жена моя была занята своимъ туалетомъ, когда Альберъ увѣдомилъ ее о вашемъ посѣщеніи, сказалъ Морсеръ: черезъ десять минутъ она будетъ здѣсь.

— Много чести для меня, отвѣчалъ Монте-Кристо съ поклономъ: съ перваго дня пріѣзду въ Парижъ тотчасъ вступить въ сношеніе съ человѣкомъ, котораго заслуги равняются его славѣ и котораго счастье справедливо отличило. Но, я думаю, на равнинахъ Метиджи или въ горахъ Атласа еще найдется маршальскій жезлъ, который оно можетъ предложить искусному и храброму генералу?

— О! возразилъ Морсеръ, слегка покраснѣвъ: я оставилъ военную службу и, будучи перомъ, совершенно предаю политикѣ; изучаю промышленность и полезныя искусства. Виродолженіи двадцати-лѣтней моей службы я, конечно, имѣлъ желаніе, но не имѣлъ времени на это.

— Да, такіа идеи поддерживаютъ превосходство вашей націи надъ другими народами, сказалъ Монте-Кристо: будучи дворяниномъ изъ древняго, знатнаго дому и обладавъ богатѣйшимъ имѣніемъ, вы служили съ первыхъ чиновъ. Это уже рѣдкость. Потомъ, сдѣлавшись генераломъ, перомъ Франціи и командоромъ Почетнаго Легіона, вы принимаете снова за ученье съ единственною цѣлію и надеждой

быть современемъ полезнымъ своимъ ближнимъ.... Вотъ, это истинно прекрасно! это истинно благородно и высоко!

Альберъ слушалъ съ удивленіемъ: онъ никогда не видывалъ Монте-Кристо въ подобномъ энтузіасмѣ. У графа Морсерфа по лицу промелькнула тѣнь.

— Увы! продолжалъ Монте-Кристо: мы, въ Италіи, не такъ поступаемъ. Мы растемъ, каковы уродились, и продолженія всей жизни сохраняемъ ту же зелень, тотъ же ростъ и часто ту же бесплодность, какою отличались наши предки.

— Но для человѣка, такого какъ вы, Италія не отечество, возразилъ графъ де-Морсерфъ: Франція протягиваетъ къ вамъ руки. Примите ея призывъ. Она, можетъ-быть, не будетъ неблагодарна къ вамъ. Своихъ дѣтей она иногда обижаетъ, но иностранцевъ всегда уважаетъ.

— Ахъ, батюшка! вскричалъ Альберъ съ улыбкой: видно, что вы не знаете графа Монте-Кристо. Его удовольствія—въ мірѣ фантазій. Онъ не ищетъ почестей и принимаетъ ихъ лишь столько, сколько нужно для свободнаго пропуску на заставѣ.

— Вотъ самое вѣрное опредѣленіе, какое мнѣ когда-либо удавалось слышать обо мнѣ! сказалъ Монте-Кристо съ улыбкой.

— Вы были господиномъ своей будущности и избрали путь, усѣянный цвѣтами, сказалъ графъ де-Морсерфъ со вздохомъ.

— Именно, отвѣчалъ Монте-Кристо съ улыбкою, которой не передалъ бы ни одинъ живописецъ и не объяснилъ бы ни одинъ фізіологъ.

— Если бы я не опасался утомить васъ, графъ, продолжалъ генералъ: я пригласилъ бы васъ съ собою въ палату. Сегодня засѣданіе довольно любопытное для тѣхъ, кто еще не знаетъ нашихъ новѣйшихъ сенаторовъ.

— Я буду вамъ очень благодаренъ, генералъ, если вы повторите это приглашеніе въ другой разъ, отвѣчалъ Монте-Кристо: но сегодня мнѣ польстила надеждою видѣть графиню де-Морсерфъ и я подожду.

— А вотъ и матушка! вскричалъ виконтъ.

Обернувшись, Монте-Кристо увидѣлъ графиню Мор-

серѣѣ на порогѣ гостиной. Она была блѣдна и неподвижна и какъ-будто опиралась на золоченую ручку двери, когда гость вдругъ взглянулъ на нее.

Монте-Кристо всталъ и низко поклонился. Она отвѣчала также безмолвнымъ и важнымъ поклономъ.

— Чтѣ съ тобою, моя милая? спросилъ генераль: не жарко ли здѣсь? Тебѣ дурно?

— Чтѣ съ вами, маменька? вскричалъ виконтъ, бросившись къ Мерседесъ.

Она обомъ поблагодарила улыбкой.

— Нѣтъ, сказала она, мнѣ не дурно, но я не могла безъ нѣкотораго волненія увидѣть въ первый разъ человѣка, безъ великодушнаго защиты котораго мы теперь, можетъ-быть, были бы въ слезахъ и въ отчаяніи. Я обязана вамъ жизнью моего сына, графъ, продолжала она, подошедши къ Монте-Кристо съ величіемъ королевы: я благословляю васъ за это и благодарю отъ всего сердца за то, что доставили мнѣ случай высказать вамъ мою признательность.

Монте-Кристо поклонился еще ниже. Онъ былъ еще блѣднѣе нежели Мерседесъ.

— Графиня, сказалъ онъ, и вы, генераль, слишкомъ щедро награждаете меня за поступокъ, который въ сущности очень простъ. Спасти человѣка, избавить отца отъ скорби и предохранить сердце матери отъ сокрушенія — долгъ человѣколюбія.

— Счастливъ мой сынъ, что пріобрѣлъ въ васъ друга. Я благодарю Бога, что Онъ такъ устроилъ! сказала графиня де-Морсерѣ съ глубокимъ выраженіемъ, поднявъ взоръ къ небу.

Гостю показалось, что въ ея прекрасныхъ глазахъ заблестѣли слезы.

Графъ де-Морсерѣ еще разъ извинился, и, поручивъ гостя женѣ, отправился въ палату. Послѣ непродолжительнаго общаго разговору и обязательныхъ, настоятельныхъ приглашеній со стороны хозяйки, Монте-Кристо тоже ушелъ. Виконтъ Альберъ проводилъ его до крыльца, гдѣ уже стояла великолѣпная городская коляска съ графскимъ гербомъ.

Воротившись, Альберъ нашелъ свою мать въ будоарѣ.

Она сидѣла въ глубокихъ бархатныхъ креслахъ и лицо ея тонуло въ облакъ бѣлой дымки, которою она обернула голову. Будоарь освѣщался слабо сквозь опущенную сторону, такъ, что блѣдность была не слишкомъ примѣтна. Но по голосу виконтъ замѣтилъ, что графиня разстроена. Сверхъ-того, между благоуханіемъ розъ и геліотроповъ, который разливался съ жардиньерки, онъ примѣтилъ слѣды остраго запаха солей. На каминѣ стоялъ вынутый изъ туалетнаго прибора флаконъ.

— Вы не здоровы, маменька? спросилъ молодой человекъ съ безпокойствомъ.

— Я?... нѣтъ, мой другъ. Но.... эти цвѣты такъ сильно пахнутъ....

— Надобно приказать вынести ихъ, сказалъ Альберъ и позвонилъ: вы, кажется, не совсѣмъ здоровы. Вы давеча уже были такъ блѣдны, когда вошли въ гостиную.

— Я была блѣдна?

— Блѣдность эта удивительно шла вамъ къ лицу, маменька; но она тѣмъ не менѣе испугала и батюшку и меня.

Вошелъ лакей. Альберъ приказалъ ему вынести всѣ цвѣты и покуда это приказаніе исполнялось, мать и сынъ молчали.

— Какая это фамилія Монте-Кристо? спросила графиня, когда лакей ушелъ: родовая, или по имѣнію, или просто титулъ?

— По имѣнію, кажется, отвѣчалъ Альберъ: у графа есть небольшой островъ этого имени въ Тосканскомъ Архипелагѣ. Впрочемъ, графъ не имѣетъ ни какихъ претензій на древность рода и самъ называетъ себя случайнымъ графомъ, хотя въ Римѣ всѣ почитаютъ его очень знатнымъ дворяниномъ.

— Манеры его прекрасны, сказала графиня: по-крайней-мѣрѣ, сколько я могла замѣтить въ короткое время его визита.

— О! они превосходны! такъ превосходны, что я не видывалъ ничего изящнѣе во всѣхъ аристократіяхъ Европы.

Графиня подумала съ минуту и потомъ сказала:

— Ты видѣлъ, Альберъ.... Это вопросъ матери, ты по-

внимаешь, мой другъ.... ты видѣлъ графа Монте-Кристо въ его домѣ. Ты довольно проникателенъ и привыченъ къ свѣту; у тебя болѣе такту нежели обыкновенно бываетъ у молодыхъ людей твоихъ лѣтъ.... Какъ ты думаешь, дѣйствительно ли графъ то, чѣмъ онъ кажется?

— Чѣмъ же онъ кажется?

— Ты самъ сейчасъ сказалъ: очень знатнымъ дворяниномъ.

— Я вамъ сказалъ, что въ Римѣ всѣ въ этомъ увѣрены.

— Но что ты самъ думаешь объ немъ, Альберъ?

— Признаюсь вамъ, у меня нѣтъ совершенно положительнаго мнѣнія объ немъ. Я думаю, онъ Мальтіецъ.

— Я не о происхожденіи его спрашиваю. Я спрашиваю объ немъ самомъ.

— А! объ немъ самомъ! Это нное дѣло. Я видѣлъ въ немъ столько страннаго, столько необыкновеннаго, что готовъ считать его однимъ изъ Байроновыхъ героевъ, каковы-нибудь Ларою или Вернеромъ, однимъ изъ тѣхъ, на которыхъ несчастіе наложило свое роковое клеймо и которые, силою своего генія вышедши изъ борьбы побѣдителями, покоряютъ себѣ и судьбу и счастье и становятся выше всѣхъ условій общества.

— Ты говоришь, что у него есть островъ?

— Да, необитаемый, пустынный островъ, который не имѣетъ ни жилья ни гарнизону и служитъ пристанищемъ контрабандистамъ всѣхъ націй, пиратамъ всѣхъ странъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, эти достойные промышленники платятъ ему дань за пристанище.

— Можетъ-быть! отвѣчала графиня задумчиво.

— Но какая до этого надобность! продолжалъ Альберъ: будь онъ контрабандистъ, будь онъ пиратъ, всё-таки, согласитесь, маменька, что графъ Монте-Кристо человекъ замѣчательный и будетъ имѣть величайшій успѣхъ въ парижскихъ гостиныхъ.

— А сколько ему лѣтъ? спросила Мерседесъ, очевидно придавая большую важность этому вопросу.

— Лѣтъ тридцать пять или тридцать шесть.

— Такъ молодъ! Это невозможно! сказала Мерседесъ,

отвѣчая въ одно время на то, что говорилъ сынъ, и на собственную свою мысль.

— Однако жъ это правда. Три или четыре раза графъ говорилъ мнѣ, конечно, безъ всякаго особеннаго умыслу: тогда-то мнѣ было пять лѣтъ, тогда-то было десять, тогда двѣнадцать. Мнѣ самому было очень любопытно знать настоящія его лѣта. Я подмѣчалъ эти подробности и свѣрялъ показанія. Выходило всегда вѣрно. Ему именно лѣтъ тридцать пять. Притомъ же, замѣтьте, маменька, какъ свѣтлы его огненные глаза, какъ черны волосы, какъ гладокъ лобъ. Это человѣкъ не только здоровый, но и молодой.

Графиня опустила голову на грудь, какъ-будто подъ тяжестью горькихъ мыслей.

— И этотъ человѣкъ друженъ съ тобою, Альберъ? спросила она боязливо.

— Я такъ полагаю, маменька.

— А ты.... тоже любишь его?

— Онъ мнѣ нравится, несмотря на то, что Францъ д'Эпвнѣ хотѣлъ увѣрить меня, будто графъ Монте-Кристо существо страшное, чуть ли не выходецъ съ того свѣта.

Мерседесъ затрепетала отъ ужасу.

— Альберъ, сказала она дрожащимъ голосомъ: я всегда предостерегала тебя отъ новыхъ знакомствъ. Теперь ты мужчина. Ты самъ уже можешь подать мнѣ совѣтъ, однако жъ я повторяю тебѣ, будь благоразуменъ и остороженъ.

— Милая маменька, чтобы съ пользою употребить этотъ совѣтъ, мнѣ еще нужно бы знать, чего именно остерегаться. Графъ никогда не играетъ; пьетъ онъ только воду, чуть подкрашенную испанскимъ виномъ; богатъ онъ такъ, что и у индѣйскаго набоба занимать не станетъ: чего же вы хотите, чтобы я остерегался въ знакомствѣ съ нимъ?

— Ты правъ, Альберъ, отвѣчала графиня: мои опасенія смѣшны.... особенно если вспомнить, что этотъ человѣкъ спасъ тебѣ жизнь. Кстати, какъ принялъ его отецъ твой? Мы должны принимать графа болѣе нежели пристойно. Де-Морсерфъ бываетъ такъ занятъ.... дѣла иногда наводятъ мрачное расположеніе духа. Онъ нехотя можетъ....

— О, не беспокойтесь! Папенька былъ любезенъ какъ-нибудь болѣе. Ему очень польстили два или три тонкіе комплимента, которые графъ умѣлъ сказать такъ мѣтко и искусно, какъ-будто зналъ батюшку лѣтъ тридцать. Каждая изъ этихъ льстивыхъ стрѣлочекъ пріятно пощекотала папеньку,—прибавилъ Альберъ улыбаясь: такъ, что они разстались чуть не друзьями. Батюшка хотѣлъ даже везти графа съ собою въ палату, слушать рѣчь, которую будетъ говорить.

Графиня не отвѣчала. Она погрузилась въ такую задумчивость, что глаза ея мало-по-малу закрылись. Молодой человекъ, стоя, смотрѣлъ на нее съ тою болѣе нѣжною и болѣе горячею дѣтскою любовью, которую обыкновенно питаютъ дѣти къ матерямъ красавицамъ. Потомъ, видя, что глаза сомкнуты совсѣмъ, онъ прислушался къ ея спокойному дыханію и думая что она уснула, тихонько, на цыпочкахъ ушелъ и осторожно затворилъ дверь.

— Какой бѣсъ этотъ Монте-Кристо! проворчалъ онъ, вышедши: не даромъ я ему предсказывалъ, что онъ произведетъ впечатлѣніе въ нашемъ обществѣ. Я измѣряю его дѣйствіе по непогрѣшимому термометру: матушка обратила на него вниманіе, значить, онъ замѣчателенъ.

Между-тѣмъ Монте-Кристо пріѣхалъ въ свой домъ. Онъ употребилъ шесть минутъ на дорогу, но этихъ шести минутъ было достаточно на то, чтобы двадцать молодыхъ щеголей могли примѣтить новый экипажъ работы Келлера и пару лошадей, за которыя мистеръ Дрекъ два дня назадъ не соглашался взять двадцати тысячъ франковъ.

Домъ, который Бертуччо купилъ для графа Монте-Кристо, стоялъ по правую сторону Елисейскихъ Полей, между дворомъ и садомъ. Группа большихъ деревьевъ, посреди двора, маскировала часть фасада. По сторонамъ этой группы, подобно рукамъ, простирались двѣ аллеи отъ рѣшетчатыхъ воротъ до двойнаго подъѣзду, на каждой ступени котораго стояли фарфоровыя вазы съ цвѣтами. Домъ этотъ, уединенный на довольно большомъ пространствѣ, кромѣ главныхъ воротъ имѣлъ другой выходъ на улицу Понтё.

Прежде нежели кучеръ кликнулъ привратника, чугун-

ныя крылья воротъ распахнулись, экипажъ не убавляя ходу подлетѣлъ къ подъѣзду. Но еще не успѣлъ остановиться, какъ ворота опять затворились. Графу Монте-Кристо служили съ быстротою молніи.

Когда экипажъ остановился, у дверейъ явились два человѣка. Одинъ былъ Али. Онъ улыбался своему господину съ неописанною простодушною радостью и былъ достаточно награжденъ однимъ взглядомъ Монте-Кристо. Другой почтительно поклонился и подалъ руку, чтобы помочь графу выйти изъ кареты.

— Благодарю, мосьё Бертуччо, сказалъ Монте-Кристо, съ легкостью соскочивъ съ подножки: а нотариусъ?

— Въ приемной, ваше сіятельство, отвѣчалъ Бертуччо.

— А визитныя карточки, на которыхъ я приказалъ выставить номеръ этого дому?

— Отпечатаны, ваше сіятельство. Я былъ у лучшаго гравера въ Пале-Рояль. Онъ при мнѣ вырѣзалъ доску и первую карточку, какъ изволили приказать, я тотчасъ же отправилъ къ барону Данглару. Остальныя лежатъ на каминѣ, въ спальнѣ.

— Хорошо. Который часъ?

— Четыре часа.

Монте-Кристо отдалъ шляпу, перчатки и трость лакею, который стоялъ у двери въ переднюю, а самъ съ Бертуччо пошелъ въ залу.

— Какіе жалкіе мраморы! сказалъ онъ, проходя черезъ переднюю: надѣюсь, что будутъ найдены другіе.

Бертуччо поклонился.

Въ приемной, недалеко отъ двери, стоялъ худенькій старичокъ, въ черномъ истертомъ фракѣ и пожелтѣвшемъ бѣломъ галстухѣ.

— Вы нотариусъ, которому поручена продажа загороднаго дому, который я покупаю? спросилъ графъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ нотариусъ.

— Купчая съ вами?

— Со мною.

— А гдѣ этотъ домъ, который я покупаю? продолжалъ графъ небрежно и обращаясь вполовину къ Бертуччо, вполовину къ нотариусу.

Управляющій отвѣчалъ жестомъ, который значилъ «не знаю».

Нотариусъ посмотрѣлъ на графа съ удивленіемъ.

— Какъ, ваше сіятельство! Вы не знаете, гдѣ находится домъ, который вы намѣрены купить?

— Право, не знаю. Какъ же мнѣ знать? Я сегодня пріѣхалъ изъ Кадиса и никогда не бывалъ въ Парижѣ, въ первый разъ посѣщаю Францію.

— А, это другое дѣло! сказалъ нотариусъ: домъ, который вашему сіятельству угодно купить, находится въ Отелѣ.

При этомъ словѣ Бертуччо видимо поблѣднѣлъ.

— А гдѣ это — Отелъ? спросилъ Монте-Кристо.

— Въ двухъ шагахъ отсюда, отвѣчалъ нотариусъ: неможно по-дальше Пасся. Мѣстоположеніе прекрасно: посреди Булонскаго Лѣсу.

— Такъ близко! Но развѣ это можно назвать дачей, загороднымъ домомъ? Чтѣ это тебѣ вздумалось, Бертуччо, выбрать для меня загородный домъ у самыхъ воротъ Парижа?

— Мнѣ? вскричалъ управляющій съ страннымъ выраженіемъ: нѣтъ, право, нѣтъ!... Ваше сіятельство мнѣ не изволили поручать покупки дачи. Извольте припомнить, ваше сіятельство.... это кто-нибудь другой, не я.

— Ахъ, да! правда. Теперь помню. Я прочелъ объявленіе въ газетахъ и меня соблазнило лживое названіе *дача*.

— Теперь еще можно перемѣнить, съ живостью подхватилъ Бертуччо: если вашему сіятельству угодно будетъ приказать мнѣ, я пойду въ другихъ мѣстахъ и найду хорошую дачу въ Англенѣ или въ Фонтенѣ или въ Бельвю.

— Нѣтъ, не нужно! небрежно возразилъ Монте-Кристо: я куплю этотъ домъ, каковъ есть, потому что уже такъ сказалъ однажды.

— И не ошибетесь, ваше сіятельство, замѣтилъ нотариусъ, который опасался лишиться своего вознагражденія, если покупка не состоится: имѣніе прекрасное: есть своя вода; ронца частая; домъ со всѣми удобствами, хотя съ давнихъ поръ необитаемъ. Я уже не говорю о мебели: она

старинная, по и это самое может придать ей цѣны нынче, когда древности въ такой модѣ.

— Такъ дача хороша?

— Прекрасна, ваше сіятельство.

— Ну, такъ надобно воспользоваться удобнымъ случаемъ. Гдѣ купчая?

Нотариусъ подалъ бумагу и Монте-Кристо подписалъ, взглянувъ напередъ на имена владѣльцевъ и на планъ строенія.

— Бертуччо, сказалъ онъ потомъ: выдай господину нотариусу пятьдесятъ пять тысячъ франковъ.

Бертуччо нетвердыми шагами вышелъ и скоро воротился съ пучкомъ банковыхъ билетовъ, которые нотариусъ пересчиталъ и удержалъ въ рукѣ.

— Всѣ ли формальности кончены? спросилъ Монте-Кристо.

— Всѣ, ваше сіятельство.

— А ключи у васъ?

— Они отданы привратнику, и ему приказано ввести ваше сіятельство въ домъ, какъ хозяина.

— Хорошо.

И Монте-Кристо кивнулъ нотариусу такъ, что это значило: «вы можете идти; вы мнѣ не нужны больше».

— Позвольте, ваше сіятельство, скромно замѣтилъ нотариусъ: вы, кажется, ошиблись. По этой продажѣ мнѣ слѣдуетъ получить всего пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— А ваше вознагражденіе?

— Оно подразумѣвается въ той же суммѣ.

— Это вамъ дастъ тотъ, кто продаетъ. Но надобно же, чтобы и я далъ вамъ что-нибудь за труды, возразилъ графъ и рукою сдѣлалъ прощальный знакъ.

Нотариусъ вышелъ изъ залы, отступая задомъ и низко кланяясь. Онъ никогда еще не видывалъ такихъ покупателей.

— Проводи господина нотариуса, сказалъ графъ управляющему.

Бертуччо пошелъ проводить.

Оставшись одинъ, Монте-Кристо вынулъ изъ кармана портфель съ замкомъ, отворилъ ключикомъ, который все-

гда носилъ на шеѣ, вынулъ нѣсколько бумагъ и сталъ слычать съ купчимъ документомъ.

— Отѣль, Фонтанная улица, номеръ тридцатый. Такъ. Теперь надобно еще удостовѣриться; надобно пополнить признание, которое вырвалось въ минуту страха наказанія и отчаяннiя. Бергуччо! вскричалъ онъ, три раза ударивъ молоточкомъ по металлическому бубну, который издавалъ звонкій, и продолжительный звукъ: Бергуччо!

Управляющій явился на порогъ.

— Ты, кажется, говорилъ когда-то, что ты бывалъ во Франціи?

— Въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи бывалъ, ваше сіятельство.

— Такъ тебѣ, конечно, знакомы окрестности Парижа?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, нѣтъ, отвѣчалъ управляющій съ нервическимъ трепетомъ, который не могъ ускользнуть отъ наблюдательности такого знатока въ ощущеніяхъ, каковъ былъ Монте-Кристо.

— Жаль! сказалъ графъ: очень жаль, если ты никогда не бывалъ въ окрестностяхъ Парижа, потому что я хочу сегодня вечеромъ свѣдѣть, посмотрѣть мой новый загородный домъ, и ты могъ бы доставить мнѣ нѣкоторые необходимыя свѣдѣнія.

— Въ Отѣль! вскричалъ Бергуччо, поблѣднѣвъ совершенно: мнѣ ѣхать въ Отѣль?

— Что жъ тутъ удивительнаго, что ты поѣдешь въ Отѣль, Бергуччо? Если я буду жить въ Отѣлѣ, такъ и ты, конечно, будешь жить тамъ же, потому что у меня слышишь.

Бергуччо склонилъ голову передъ повелительнымъ взглядомъ господина и не отвѣчалъ ни слова.

— Чтò съ тобою? Не угодно ли позвонить, чтобы подавали карету? сказалъ Монте-Кристо такимъ тономъ, какимъ Людовикъ Четырнадцатымъ произнесъ знаменитое: «Мнѣ чуть не пришлось дожидаться!»

Бергуччо выскочилъ въ переднюю и хриплымъ голосомъ закричалъ:

— Карету его сіятельства!

Въ ту же минуту экипажъ подалъ.

Т. LXXIII. — Отд. II.

1/2

— А твоя шляпа? спросилъ графъ, надѣвая свою.

— Я тоже поѣду, ваше сіятельство? отвѣчалъ управляющій.

— Безъ-сомнѣнія. Вѣдь я буду жить въ Отѣлѣ, такъ ты долженъ распорядиться.

Не бывало еще примѣру, чтобы приказаніе графа не исполняли. Бертуччо безъ малѣйшаго замѣчанія последовалъ за своимъ господиномъ въ карету и почтительно сѣлъ противъ него на переднемъ мѣстѣ. Волненіе его съ каждою минутой возрастало. Онъ, очевидно, чувствовалъ неодолимое отвращеніе и ужасъ къ тому мѣсту, куда неволею ѣхалъ.

Въ двадцать минутъ они пріѣхали въ село. Монте-Кристо примѣтилъ, что Бертуччо украдкою перекрестился и про себя читалъ молитву.

— Вели остановиться въ Фонтанной улицѣ, у номера двадцать-осьмаго, сказалъ Монте-Кристо, устремивъ свой неумолимый взглядъ на управляющаго. У Бертуччо холодный потъ выступилъ на лбу, однако жъ онъ повиновался, высунулся изъ кареты и крикнулъ кучеру:

— Въ Фонтанной улицѣ, номеръ двадцать-осьмой!

Этотъ двадцать-осьмой номеръ стоялъ на краю села. Время шло къ вечеру, который стемнѣлъ тѣмъ болѣе, что небо заволоклось громовыми тучами. Карета остановилась. Лакей соскочилъ и отворилъ дверцы.

— Что жъ ты, Бертуччо? Развѣ ты не хочешь выйти изъ кареты? Кой чортъ! Что съ тобою сегодня сдѣлалось?

Бертуччо поспѣшно выскочилъ изъ кареты и подставилъ графу свое плечо. На этотъ разъ Монте-Кристо оперся и медленно, по одной, спускался съ трехъ ступенекъ каретной подножки.

— Постучись, Бертуччо, сказалъ онъ потомъ.

Бертуччо постучалъ; привратникъ вышелъ.

— Что угодно? спросилъ онъ.

— Новому хозяину, его сіятельству графу Монте-Кристо, угодно посмотреть свой домъ, сказалъ Бертуччо.

— А! такъ онъ уже проданъ?

— Да, любезный другъ, и я постараюсь сдѣлать такъ, чтобы ты не жалѣлъ о прежнихъ хозяевахъ.

— О! я и такъ не имѣю причинъ жалѣть объ нихъ. Я почти не видалъ прежнихъ хозяевъ. Въ послѣдніе пять лѣтъ они ни разу не бывали и, право, хорошо сдѣлали, что продали домъ, который имъ ровно ни къ чему не служить и не приноситъ ни какого дохода.

— А какъ звали прежняго хозяина? спросилъ Монте-Кристо.

— Маркизъ де-Сенъ-Меранъ, отвѣчалъ привратникъ.

— Маркизъ де-Сенъ-Меранъ! повторилъ Монте-Кристо: кажется, это имя мнѣ знакомо..... Маркизъ де-Сенъ-Меранъ.....

И онъ, казалось, припоминалъ.

— Старинный дворянинъ, очень преданный дому Бурбоновъ, прибавилъ привратникъ: у него была единственная дочь замужемъ за москѣ Вильфоромъ, который былъ королевскимъ прокуроромъ сперва въ Нимъ, а потомъ въ Версали.

Монте-Кристо какъ-будто нечаянно взглянулъ на Бергуччо. Тотъ былъ блѣденъ какъ полотно и прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

— Эта дочь умерла? кажется, я слышалъ! спросилъ опять Монте-Кристо.

— Давно! уже двадцать-второй годъ тому. И съ-тѣхъ-поръ мы три раза, не больше, видѣли бѣднаго маркиза.

Монте Кристо взглянулъ опять на Бергуччо и, удосто- вѣрившись, что этой струны нельзя болѣе натягивать, безъ того, чтобы она не лопнула, прервалъ разговоръ и потребовалъ у привратника свѣчи, чтобы итти въ покои. Привратникъ побѣжалъ въ свою комнату, пошарилъ по угламъ и воротился съ отвѣтомъ, что свѣчи у него нѣтъ: есть только лампа, которую неудобно носить.

— Ну, такъ не нужно. Бергуччо, возьми каретный фонарь и посвѣти мнѣ.

Бергуччо повиновался безпрекословно, но по трепету всѣхъ членовъ примѣтно было, чего это стоило ему.

Они прошли по довольно обширному нижнему этажу, потомъ поднялись во второй, который состоялъ изъ гостиной, уборной, ванной и двухъ спаленъ. Изъ одной спальной круглая лѣстница вела прямо въ садъ.

— Какая прекрасная лѣстница! замѣтилъ Монте-Кристо: какъ это удобно. Посиѣти мнѣ, Бертуччо. Ступай впередъ. Посмотримъ, куда ведетъ эта лѣстница.

— Въ садъ, ваше сіятельство, сказалъ Бертуччо.

— А ты почему знаешь, Бертуччо?

— То есть, я полагаю, что она ведетъ въ садъ....

— А вотъ посмотримъ.

Бертуччо вздохнулъ и пошелъ впередъ. У внѣшней двери онъ остановился.

— Ну, что жъ? спросилъ Монте-Кристо.

Но тотъ, къ кому относился вопросъ, былъ оглушенъ, обезсиленъ, уничтоженъ. Глаза его блуждали вокругъ, какъ будто искали слѣдовъ ужаснаго минувшаго, а судорожно сведенныя руки какъ-будто отталкивали страшныя воспоминаія.

— Ну, что же, Бертуччо? повторилъ графъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Бертуччо, поставивъ фонарь въ уголь: нѣтъ, ваше сіятельство, я не пойду далѣе! это невозможно!

— Это отчего?

— Это невозможно! это ненатурально, и не можетъ произойти случайно. Отчего вы, покупая домъ въ окрестностяхъ Парижа, вздумали купить именно въ Отѣлѣ и купили именно номеръ двадцать-осьмой, въ Фонтанной улицѣ? Ахъ, зачѣмъ я раньше не признался вамъ во всемъ! Тогда вы, конечно, не потребовали бы, чтобы я пришелъ сюда. Я надѣялся, что домъ, который вы покупаете, не этотъ, а другой какой-нибудь. Какъ-будто въ Отѣлѣ нѣтъ другаго продажнаго дому кромѣ этого, гдѣ совершилось убійство!

— Ого! вскричалъ Монте-Кристо, вдругъ остановившись: что это ты, какое-то гадкое слово произносишь, Бертуччо? Этакая голова! Всё какія-нибудь тайны или суевѣрія! Что это такое? Изволь взять фонарь и пойдѣмъ посмотрѣть садъ. Со мною, я надѣюсь, ты не будешь бояться.

Бертуччо взялъ фонарь и дрожащими руками открылъ дверь. Небо было мрачно. Луна будто силывалась пробиться сквозь осаждающую тьму, но, безирестанно одолевъаемая, исчезала и только изрѣдка освѣщала края черныхъ тучъ,

которые потомъ становились еще чернѣе и уходили въ глубину безпредѣльности.

Бертуччо хотѣлъ поворотить влѣво.

— Нѣтъ, сказалъ Монте-Кристо: зачѣмъ идти въ аллею? Вотъ прекрасный лужокъ. Пойдемъ прямо.

Бертуччо отеръ лобъ и пошелъ по лугу, но все клонилъ влѣво. Монте-Кристо, напротивъ, держалъ вправо и, поросившись съ группою деревьевъ, остановился. Управляющій не выдержалъ.

— Уйдите, ваше сіятельство! вскричалъ онъ: уйдите, умоляю васъ! Это именно то мѣсто....

— Какое мѣсто?

— Гдѣ онъ упалъ.

— Любезный другъ, опомнись, возразилъ Монте-Кристо, смѣясь: вспомни, что мы здѣсь не въ Сартене и не въ Корте. Притомъ, это не лѣсъ, а садъ, хотя и запущенный, однако жъ за это еще не должно клеветать на него.

— Умоляю васъ, не стойте здѣсь! умоляю васъ!

— Ты, кажется, съума сошелъ, Бертуччо! холодно сказалъ графъ: если правда, то такъ и скажи: я отправлю тебя до бѣды въ больницу.

— Ваше сіятельство! вскричалъ Бертуччо, сложивъ руки въ такомъ положеніи, что графъ расхохотался бы, если бъ важное намѣреніе не побуждало его къ внимательному наблюденію за малѣйшими выраженіями терзаемой совѣсти.

— Мосьё Бертуччо, сказалъ онъ, пощадите свои руки. К чему вы ихъ такъ ломаете? И глаза у васъ выворачиваются, словно у бѣснующагося, изъ котораго бѣсъ не хочетъ выйти. А я всегда замѣчалъ, что самый упорный въ этомъ отношеніи бѣсъ — тайна. Я знаю, что вы Корсиканецъ; я знаю, что вы мрачны и что у васъ всегда на умѣ вертѣлась старинная исторія мести. Въ Италіи я не обращалъ на это ни какого вниманія, потому что тамъ эти вещи въ ходу. Но во Франціи убійство вообще не принято. Здѣсь есть полиція, которая преслѣдуетъ этого роду вещи; есть судьи, которые осуждаютъ ихъ, и палачи, которые наказываютъ.

Бертуччо опять съ мольбою сложилъ руки и, поднявъ ихъ съ фонаремъ, неволью освѣтилъ свое искаженное

ужасомъ лицо. Монте-Кристо посмотрѣлъ на него впродолженіи минуты съ такимъ же дико-радостнымъ выраженіемъ, какъ на казнь Рондоло въ Римѣ, потомъ продолжалъ голосомъ, отъ котораго новый трепетъ пробѣжалъ по жиламъ управляющаго:

— Такъ аббатъ Буссони солгалъ мнѣ, когда послѣ своего путешествія по Франціи, въ 1829 году, послалъ васъ ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ рекомендовалъ драгоцѣнныя ваши качества? Хорошо; я напишу къ аббату. Пусть онъ отвѣчаетъ за васъ, когда поручился. Я узнаю, что это за убійство. Только прошу помнить, синьоръ Бертуччо, что живя въ какой-нибудь странѣ я имѣю обыкновеніе сообразоваться съ ея законами, и что я совѣмъ не намѣренъ за тебя ссориться съ французскимъ правосудіемъ.

— О! не дѣлайте этого, ваше сіятельство! вскричалъ Бертуччо въ отчаяніи: вѣдь я служилъ вамъ вѣрно и честно! Я у васъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ! Я даже дѣлалъ добро, когда могъ.....

— Не спорю, отвѣчалъ Монте-Кристо: но отчего же ты въ такомъ ужасѣ? Это дурной знакъ: отъ чистой совѣсти лицо у человѣка не искажается, какъ теперь у тебя, и руки не дрожать.

— Ваше сіятельство..... вы вѣдь сами сказали мнѣ, что аббатъ Буссони, который слушалъ мое признаніе въ темницѣ, въ Римѣ, предупредилъ васъ о томъ, что на совѣсти моей лежитъ укорь!

— Да; но какъ онъ писалъ мнѣ, что ты можешь быть хорошимъ управляющимъ, такъ я полагалъ, что ты украдъ что-нибудь и только.

— О! помилуйте! вскричалъ Бертуччо съ презрѣніемъ.

— Или, зная что ты Корсиканецъ, слѣдовательно, мститель, и не могъ устоять противъ искушенія «сдѣлать шкурку,» какъ у васъ говорится, — хотя это, собственно, совершенно превратное выраженіе, потому что вы не дѣлаете, а уничтожаете и человѣка и его шкурку.

— Да! это правда, ваше сіятельство! это правда! вскричалъ Бертуччо, упавъ на колѣни, да, я убилъ человѣка.... изъ мщенія, клянусь изъ одного мщенія!

— Гдѣ же это убійство совершено?

— Здѣсь, здѣсь, ваше сіятельство..... на этомъ мѣстѣ.

— Какъ! въ моемъ домѣ?

— Тогда онъ еще не принадлежалъ вамъ, ваше сіятельство, простодушню возразилъ Бертуччо.

— Но кому же онъ принадлежалъ? Маркизу де-Сенъ-Меранъ..... Зачтò же ты мстилъ маркизу де-Сенъ-Меранъ?

— О! нѣтъ, не ему, а другому.

— Вотъ странная встрѣча! замѣтилъ Монте-Кристо, повидному задумываясь: надобно же, чтобы такъ случилось! чтобы я совершенно нечаянно купилъ домъ, въ которомъ мой управляющій лѣтъ двадцать назадъ совершилъ убійство!

— Это судьба! это роковое предопредѣленіе! я увѣренъ: иначе быть не можетъ. Мало того, что вы купили именно этотъ домъ: вы пошли именно по той лѣстницѣ, по которой онъ сошелъ въ садъ; вы остановились именно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ рылъ могилу для ребенка..... Все это не можетъ быть дѣломъ простаго случая.....

— Хорошо; пусть это судьба, пусть это предопредѣленіе. Но расскажи же мнѣ, какъ было дѣло.

— О! нѣтъ, нѣтъ! не могу, не могу! Я однажды уже рассказывалъ аббату Буссонн..... но это было тамъ, въ Нимѣ, въ темницѣ..... далеко отсюда..... Здѣсь я не могу рассказывать..... Такіе рассказы не повторяются.

— Въ такомъ случаѣ, любезный другъ, я отправляю тебя къ твоему покровителю. Толкуй съ нимъ о своихъ тайнахъ. Мнѣ не нуженъ слуга, который въ моемъ домѣ боится привидѣній и своей совѣсти. Ктому же, признаюсь тебѣ, я не желаю, чтобы полицейскій комиссаръ вдругъ какъ-нибудь пожаловалъ ко мнѣ въ гости. Чортъ возьми! я зналъ, что вы немножко Корсиканецъ, синьоръ Бертуччо; я зналъ, что вы старинный контрабандистъ, и видѣлъ, что вы хорошій управляющій. Но это еще не все: у васъ есть еще какія-то тайныя качества. Мнѣ не нужно таинственныхъ. Вы уже не служите у меня, синьоръ Бертуччо.

— Q! ваше сіятельство, простите! вскричалъ Бертуччо со страхомъ: не гоните меня! ради Бога, не гоните отъ

себя! Я все скажу, все! и тогда уйду отъ васъ не иначе какъ на казнь, если хотите.

— А! это другое дѣло. Но если ты собираешься лгать, такъ подумай напередъ: лучше вовсе ничего не говорить.

— Нѣтъ, клянусь вамъ, я не солгу! все скажу по правдѣ. Я скажу вамъ все, — больше нежели сказалъ самому Буссони. Онъ узналъ только часть моей тайны. Но, напередъ, умоляю васъ, уйдите съ этого мѣста..... Такъ, какъ вы теперь стоите, освѣщенные луной, закутанные въ плащъ, съ вашимъ ростомъ, который похожъ на ростъ де-Вильфора.....

— Де-Вильфора? вскричалъ Монте-Кристо: бывшего прокурора въ Нимѣ!

— Да, онъ самый.

— Тотъ, который женился на дочери маркиза де-Сенъ-Мерана?

— Да.

— И который славился, какъ самый честный, самый строгій и самый добросовѣстный судья?

— Да, ваше сіятельство, этотъ-то человекъ съ неукоризненнымъ именемъ.....

— Ну?

— Былъ подлый негодяй!

— Ба! вздоръ! невозможно! возразилъ Монте-Кристо.

— Между-тѣмъ оно такъ, какъ я вамъ говорю.

— Неужели!... И у тебя есть доказательства?

— Были по-крайней-мѣрѣ.

— И ты потерялъ ихъ? Глупо.

— Да. Но, выясавши, можно опять найти.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ Монте-Кристо: расскази же, снѣгоръ Бертуччо. Это начинаетъ занимать меня.

Графъ вышелъ на дорожку и сѣлъ на скамью. Бертуччо сталъ передъ нимъ.

=

ГРАФЪ МОНТЕ-КРИСТО.

РОМАНЪ АЛЕКСАНДРА ДЮМА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

— Съ чего прикажете начать, ваше сіятельство? спросилъ Бертуччо, приступая къ разсказу.

— Съ чего хочешь, отвѣчалъ Монте-Кристо: я ничего не знаю.

— Я думаю однако жъ, что аббатъ Буссони говорилъ нашему сіятельству....

— Да, конечно, говорилъ кое-что, но съ тѣхъ поръ прошло семь или осемь лѣтъ. Я ничего не помню. Говори съ начала.

« Это было въ 1815 году, началъ разсказывать Бертуччо: у меня былъ братъ. Онъ находился на службѣ у императора, въ полку, набранномъ изъ однихъ Корсиканцевъ. Послѣ ватерлооскаго сраженія, когда армию распустили, онъ, раненый и съ чиномъ поручика, отправился въ Нимъ

и писалъ мнѣ, чтобы я выслалъ ему денегъ на проѣздъ на родину. Я тогда жилъ въ деревнѣ Рольано, занимаясь своимъ промысломъ....

— Контрабандиста, прибавилъ графъ.

— Да, что жъ дѣлать? Надо чѣмъ-нибудь жить. Денегъ у меня было тогда франковъ съ тысячу. Я взялъ пять сотъ и, чтобы не пересылать, отправился къ брату самъ. Въ то время, какъ вамъ извѣстно, во всей южной Франціи совершались страшныя убійства, разбои и опустошенія. Шайки разбойниковъ, прикрываясь именемъ роялистовъ и приверженцевъ Бурбоновъ, рѣзали и губили, въ-особенности, всѣхъ тѣхъ, на кого падало хотя малѣйшее подозрѣніе въ бонапартизмъ. Въ Немъ надобно было пройти, буквально, по лужамъ крови. На каждомъ шагу попадались обезображенные трупы и пожарища. При видѣ этихъ опустошеній, я содрогнулся.... не за себя: мнѣ, простому корсиканскому рыбаку, нечего было бояться, но за брата, бонапартиста, который возвращался изъ лоарской арміи, въ эполетахъ наполеоновскаго офицера. Я побѣжалъ къ трактирщику, которому братъ просилъ меня прислать деньги для передачи. Предчувствіе не обмануло меня. Братъ только-что накануне прибылъ въ Немъ и былъ уже убитъ у самаго порогу трактира. Я всячески старался отыскать убійцъ, но никто не могъ или не смѣлъ назвать мнѣ ихъ. Я обратился къ правосудію и явился къ нѣмецкому королевскому прокурору.

— Мосьё де-Вильфору?

— Точно какъ. Вильфоръ тогда только-что занялъ это мѣсто. Прежде онъ былъ помощникомъ прокурора въ Марсели и получилъ это мѣсто за усердіе къ службѣ: онъ, говорятъ, первый донесъ правительству о высадкѣ императора....

— Далѣе. Такъ ты пришелъ къ прокурору?

— Да, и говорю: братъ мой убитъ вчера на одной изъ улицъ Нима; я не знаю, кѣмъ, но вы можете узнать: это ваше дѣло, вы здѣсь глава правосудія.

— Кто былъ твой братъ? спросилъ прокуроръ.

— Поручикъ корсиканскаго баталіона.

— То есть, на службѣ у Похитителя.

— На службѣ во французской арміи.

— Ну, такъ что жъ? Онъ носилъ шнагу и погибъ отъ шнаги.

— Нѣтъ, онъ погибъ не отъ шнаги, а отъ нежа убійца.

— Что жъ мнѣ дѣлать?

— Вы должны отъискать убійца и судить ихъ.

— Это невозможно, да и бесполезно. Твой братъ, вѣроятно, дрался съ кѣмъ-нибудь на дуели. Всѣ эти отставные солдаты склонны къ своеволю и занальчивости; во время имперіи, это сходило имъ съ рукъ, а теперь не всегда удается, потому что наши «Южные» не любятъ ни солдатъ ни своеволія.

— Господинъ прокуроръ, возразилъ я: не для себя прошу, а за бѣдную жену моего брата. И ей собственно нужно не мщеніе, а обезпеченіе. Если теперь со мной тоже случится какое-нибудь несчастіе, она умретъ съ-голоду. Доставьте ей хоть какой-нибудь пансіонъ отъ правительства.

— Твой братъ сдѣлался жертвою политическаго переворота, такъ же какъ и многіе другіе. Правительство вовсе не виновато въ его смерти, не говоря уже о томъ, что онъ служилъ другому правительству. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, если бы мы стали судить всѣ насмлія, какія совершены партизанами Похитителя надъ приверженцами короля, когда власть была въ ихъ рукахъ, то твой братъ, можетъ-быть, давно уже былъ бы приговоренъ къ смертной казни. Онъ убитъ безъ суда. Это очень естественно: это совершилось по закону и праву сильныхъ.

— Возможно ли? вскричалъ я: и это вы мнѣ говорите?... вы, судья?

— Какой съумасшедшій народъ эти Корсиканцы! вскричалъ Вильфоръ съ усмѣшкою: они всё-еще полагаютъ, что ихъ соотечественникъ царствуетъ во Франціи. Ты немножко опоздалъ, любезнѣйшій: надобно было прійти по-крайней-мѣрѣ двумя мѣсяцами раньше. Теперь уже поздно. Ступай же, по-добру по-здорову, убирайся отсюда; а нето прикажу проводить. Мнѣ нѣкогда съ тобой разговаривать.

«Что мнѣ было дѣлать? Я попытался-было упросить его, сдѣлать что-нибудь для несчастной вдовы. Нѣтъ! Ни ка-

кія просьбы не трогали этого человѣка. Я замолчалъ, потому подошелъ къ нему по-ближе и сказалъ вполголоса:—
Послушайте же, господинъ прокуроръ: вы, кажется, знаете Корсиканцевъ, такъ стало-быть знаете также, что они крѣпки на слово. Вы находите, что братъ мой убить посправедливости, потому что онъ былъ бонапартистъ, а вы роялистъ. Такъ я же вамъ скажу, что я, такой же бонапартистъ, я убью васъ. Съ этой минуты я объявляю вамъ вендетту. Берегитесь же, какъ можете, потому что когда мы съ вами встрѣтимся еще разъ, такъ вамъ уже не долго жить.

«Сказавъ это, я убѣжалъ прежде нежели прокуроръ успѣлъ опомниться.

— О-го! прошу покорно! вскричалъ Монте-Кристо: ты, Бертуччо, съ своею честною и степенною рожей, изволишь дѣлать такія штуки, и съ кѣмъ же? Съ королевскимъ прокуроромъ! Зналъ ли онъ по-крайней-мѣрѣ, что такое вендетта?

— Вѣрно, зналъ, потому что съ той минуты уже не выходилъ со двора одинъ, окружилъ себя всѣми возможными предосторожностями и выпустилъ на меня цѣлую стаю същичковъ. Но найти меня имъ не удалось. Вильфоръ началъ трусить. Онъ опасался долѣе оставаться въ Парижѣ и перепросился въ Версаль. Но для Корсиканца, который поклялся отомстить врагу, разстоянія не существуютъ. Важно для меня было не только убить Вильфора: на это я нашелъ бы сотни случаевъ; но надобно было ухитриться такъ, чтобы самому не попасться. Цѣлые три мѣсяца я непрерывно всё слѣдилъ за нимъ. Онъ не слѣлалъ въ это время ни шагу, безъ того, чтобы взоръ мой не проводилъ его. Наконецъ я примѣтилъ, что онъ тайно посѣщаетъ Отѣль, и именно этотъ домъ. Онъ обыкновенно пріѣзжалъ сюда верхомъ и оставлялъ лошадь въ трактирѣ, а самъ входилъ черезъ эту садовую калитку.... Вонъ, тамъ, въ углу.

Монте-Кристо кивнулъ, въ знакъ, что различаетъ въ темнотѣ указанную калитку.

«Мнѣ уже не зачѣмъ было жить въ Версали, продолжалъ Бертуччо: я переселился въ Отѣль. Здѣсь, въ

этомъ домѣ, я положилъ исполнить обѣтъ мести. Домъ этотъ принадлежалъ тестю Вильфора, маркизу де-Сент-Мерану, который самъ жилъ въ Марсели, а отѣльскій домъ, какъ ненужный, отдавалъ въ наемъ какой-то молодой баронессѣ. Однажды вечеромъ, глядя черезъ заборъ, я увидѣлъ ее въ саду. Она прогуливалась одна и часто поглядывала на калитку. Я понялъ, что она ждетъ Вильфора. Когда она прошла мимо меня довольно близко, я успѣлъ разсмотрѣть ея черты и увидѣлъ, что это была молоденькая женщина лѣтъ девятнадцати или двадцати, высокаго росту, очень хорошенькая и бѣдокурая. Я примѣтилъ также, что она была въ послѣднихъ дняхъ беременности. Черезъ нѣсколько минутъ калитка отворилась. Вошелъ мужчина. Молодая женщина побѣжала къ нему на-встрѣчу; они нѣжно поцѣловались и пошли вмѣстѣ въ домъ. Этотъ мужчина былъ Вильфоръ.

— А женщина? спросилъ Монте-Кристо: ты не узналъ, какъ ее звали?

— Нѣтъ, некогда было. Я могъ бы убить Вильфора въ ту же ночь, когда онъ одинъ возвращался черезъ садъ, но я еще не довольно хорошо зналъ расположеніе сада и дому и опасался, что не успѣю скрыться, если неравно мнѣ не удастся убить врага сразу и на крикъ его сбѣгутся люди. Черезъ три дня потомъ я увидѣлъ, какъ откуда въѣхалъ верховой слуга и поскакалъ во всю прыть по дорогѣ къ Севру. Я догадался, что онъ посланъ въ Версаль, и не ошибся: часа черезъ три онъ воротился, весь въ пыли. Вслѣдъ за нимъ, человѣкъ въ плащѣ, пѣшкомъ, подошелъ къ садовой калиткѣ и затворилъ ее за собою. Хотя я не разглядѣлъ лица, однако по біенію своего сердца узналъ Вильфора и перелѣзъ черезъ заборъ въ садъ. Калитка была заперта изнутри, но ключъ остался въ замкѣ. Я могъ уйти свободно. Удоставившись въ этомъ, я вынулъ изъ кармана ножъ, ощущалъ острее и скрылся въ кустарникъ, мимо котораго Вильфоръ долженъ былъ возвращаться.

«Это было въ концѣ сентября. Вѣтеръ дулъ холодный. Луна изрѣдка просвѣчивала сквозь быстро пронесившіяся облака и освѣщала песчанья дорожки, но не могла проник-

нуть въ тѣмнѣистый кустарникъ, гдѣ я сидѣлъ. Только вѣтеръ шумѣлъ въ листьяхъ надъ моею головою. Вдругъ вѣсерединѣ этого шума мнѣ послышались стоны. Но я вспомнилъ, что, говорятъ, всякому, кто замышляетъ недоброе, въ послѣднія минуты чудятся глухія степенія въ воздухѣ. Прошло два часа, въ продолженіи которыхъ я почти непрерывно слышалъ таинственные злобшіе звуки. Наконецъ пробило двѣнадцать. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ окно надъ потаенною лѣстницею, по которой мы сошли сюда, слабо освѣтилось. Дверь отворилась и Вильфоръ вышелъ. Онъ былъ одинъ. Настала страшная минута. Но я такъ давно приготовился къ ней, что ни сколько не смутился. Я ждалъ Вильфора; но онъ отправился не къ калиткѣ, а миновавъ кустарникъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, пошелъ прямо черезъ этотъ лужокъ. При свѣтѣ луны мнѣ показалось, что онъ вооруженъ, но послѣ я разсмотрѣлъ, что у него былъ просто заступъ. У куртины, посерединѣ луга, Вильфоръ остановился, откинулъ плащъ, положилъ что-то на землю и началъ рыть яму. Покуда онъ работалъ, я тихонько подползъ и увидѣлъ, что онъ зарываетъ небольшой сундучекъ, фута въ два длины и въ одинъ ширины. Я далъ ему кончить и, когда онъ сталъ затапывать и разравнивать землю, чтобы уничтожить слѣды, бросился на него, вонзилъ ножъ ему въ грудь и вскричалъ: — Вендетта! Я Джованни Бертуччо! Смерть тебѣ за смерть моего брата, а твое сокровище бѣдной его вдовѣ.

«Не знаю, разслышалъ ли онъ эти слова. Онъ не испустилъ ни одного крику. Въ одну минуту я отрылъ сундучокъ, опять засыпалъ яму, уничтожилъ слѣды и забросилъ заступъ, чтобы не примѣтили похищенія, потомъ поспѣшно ушелъ и, запереувъ за собою калитку, увезъ ключъ.

— Хорошо! замѣтилъ Монте-Кристо: значитъ, синьоръ Бертуччо украсилъ свое мщеніе маленькимъ воровствомъ.

— Я сдѣлалъ это похищеніе не для себя, ваше сіятельство: я думалъ облегчить участь бѣдной вдовы.

— Что жъ, много было денегъ въ сундучкѣ?

— Это были не деньги, а ребенокъ.

— Ребенокъ?... Ахъ, да! ты, кажется, говорилъ мнѣ, что у тебя былъ воспитанникъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство. Я сперва отдалъ его въ парижскій воспитательный домъ, но потомъ Ассунта, моя невѣстка, захотѣла взять его къ себѣ. Отдавая его, я, на всякій случай, разрѣзалъ одну пеленку на-двое, напокошь, чтобы одна половина мѣтки осталась у меня. Мѣтка состояла изъ двухъ буквъ, Н и N, съ баронскою короной. По этой мѣткѣ мы отыскали мальчика, взяли къ себѣ и назвали, по желанію Ассунты, именемъ Бенедетто. Ассунта надѣялась, что за спасеніе жизни младенца Богъ проститъ мнѣ убіеніе врага и благословитъ нашъ домъ. Вышло напротивъ. Богъ, казалось, избралъ этого мальчишку именно на то, чтобы наказать меня. Можетъ-быть, и Ассунта виновата, потому что избавала его, но, какъ бы то ни было, Бенедетто вышелъ негодяй изъ негодяевъ. Едва началъ говорить, онъ началъ лгать, а шести лѣтъ отъ-роду уже укралъ у сосѣда червонецъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ искалъ себѣ товарищей только между осьмнадцатью и двадцатилѣтними и, разумѣется, между величайшими негодьями въ Бастин и Корте. Многія шалости его въ то время уже заслуживали болѣе строгаго названія, такъ, что наконецъ и полиція слѣдила мнѣ замѣчаніе. Я испугался розысковъ, въ случаѣ если Бенедетто попадется въ какомъ-нибудь проступкѣ, и рѣшился оставить Корсику, а его насильно отдать на какой-нибудь корабль, который бы отправился въ далекое путешествіе. Добромъ заставилъ Бенедетто работать или учиться было невозможно, хотя онъ обладалъ прекрасными способностями и, когда, бывало, вздумаетъ, выучивался въ часъ тому, на что другимъ нужны цѣлыя недѣли. Наказывать его я не могъ: рука не поднималась на мальчишку, у котораго я убилъ отца. А Ассунта любила его съ какою-то безумною, нелѣпою страстью и покорялась всѣмъ прихотямъ этого негоднаго мальчишки. Я рѣшился избавиться отъ него, услатъ куда-нибудь по-дальше. Между тѣмъ самъ я продолжалъ заниматься ремесломъ контра-

бандиста, которое было довольно выгодно во время войны и смуты, но по утверждённiи новаго правительства стало хуже, потому что надзоръ сдѣлался правильнѣе и строже. Главныя дѣйствiя мои я производилъ въ Лионскомъ Заливѣ и по берегамъ Роны до Арля, Бокёра и далѣе. Въ окрестностяхъ у насъ было много складочныхъ мѣстъ и довѣренныхъ людей, особенно между трактирщиками. Въ двадцать-девятомъ году, во время ярмарки, мы только-что прибыли съ товарами къ Бокёру и не успѣли приняться за выгрузку, какъ таможенныя окружили нашу лодку. Я успѣлъ уйти и скрылся у одного изъ главныхъ моихъ повѣренныхъ, бывшаго портнаго, по имени Кадрусъ, который на половинѣ дороги отъ деревни Бельгардъ въ Бокёръ содержалъ гостиницу подъ фирмою «Гардскаго Моста». Чтобы ни съ кѣмъ не встрѣтиться, если въ гостиницѣ есть постояльцы, я перелѣзъ черезъ заборъ и отправился прямо въ чуланъ, въ которомъ мы обыкновенно складывали контрабанду и который отдѣлялся отъ общей гостиной тонкою перегородкой. Въ перегородкѣ именно для насъ были сдѣланы небольшiя дыры, чтобы мы могли видѣть, когда есть постороннiе.

Только-что засѣвши въ чуланъ, я увидѣлъ черезъ отверстие въ перегородкѣ, что Кадрусъ воротился откуда-то съ гостемъ. Потомъ изъ ихъ разговору я узналъ, что это былъ бриллианщикъ, прѣхавшiй на бокёрскую ярмарку по своимъ торговымъ дѣламъ. Кадрусъ продавалъ ему большой бриллиантъ, полученный отъ кого-то въ наследство. Почему они не порѣшили свой торгъ именно въ Бокёрѣ, я не знаю. Вѣроятно, бриллианщикъ побоялся купить дорогую вещь у невзвѣстнаго и хотѣлъ удостовѣриться, что трактирщикъ продаетъ свою собственность. Но, видно, бѣдность дома и всей утвари еще больше привела купца въ сомнѣнiе и онъ надѣялся воспользоваться подозрѣнiемъ, чтобы выторговать нѣсколько тысячъ. Кадрусъ просилъ за свой бриллиантъ пятьдесятъ тысячъ. Купецъ давалъ только сорокъ. Я видѣлъ, какъ онъ вынулъ его изъ перстня и тщательно взвѣшивалъ на маленькиxъ вѣскахъ.

— Сорокъ пять, пожалуй, дамъ, такъ и быть! сказалъ

онъ потомъ, отдавая камень Кадрусу: у меня именно столько денегъ съ собою. Хотите, такъ берите.

— Это не бѣда, что у васъ только сорокъ пять тысячъ съ собою. Я ворочусь съ вами въ Бокеръ и тамъ получу остальные пять тысячъ.

— Нѣтъ, больше не дамъ; и то много. Въ камнѣ есть грѣшокъ, котораго я прежде не замѣтилъ. Но если ужъ я сказалъ сорокъ пять тысячъ, такъ не хочу отъ слова отступаться.

— По-крайней-мѣрѣ вставьте камень-то въ перстень, съ горечью сказала Карконта, жена трактирщика.

— Справедливо, справедливо, отвѣчалъ бриллианщикъ; онъ вставилъ камень на мѣсто и опять отдалъ Кадрусу.

— Хорошо, сказалъ тотъ, положивъ коробочку въ карманъ: другому продадимъ.

— Конечно, можно другому продать, возразилъ купецъ: но не всякой такъ скоро купить. Другой не удовольствуется объясненіями, которыя вы дали мнѣ насчетъ пріобрѣтенія этой драгоценности. Согласитесь, что глядя на вашу бѣдность трудно повѣрить, чтобы у васъ могъ быть пятидесяти-тысячный бриллиантъ. Покупатель имѣетъ право потребовать ясныхъ доказательствъ, можетъ увѣдомить полицію; захотятъ, чтобы вы представили лицо, черезъ которое получили это наслѣдство. Вы говорите, что это какой-то аббатъ Буссопи? Но найдете ли вы этого аббата Буссопи? А если и найдете, такъ дѣло всё-таки можетъ затянуться. Пока будутъ производиться справки и розыски, васъ продержатъ подъ арестомъ. Потомъ, мѣсяца черезъ три, когда оправдаютъ, вамъ выдадутъ вашъ перстень, конечно; но можетъ случиться, что настоящій камень затеряется какъ-нибудь, а вмѣсто его вамъ вставятъ какое-нибудь трехъ-франковое стеклышко. Вотъ вамъ и выгода.

Кадрусъ и Карконта переглянулись.

— Нѣтъ, сказалъ потомъ Кадрусъ: мы люди бѣдные. Намъ не изъ чего терять пять тысячъ франковъ.

— Какъ хотите, любезный другъ. А денежки-то, право, хороши. Сорокъ пять тысячъ не шутка!

Онъ вынулъ изъ кармана горсть червонцевъ и звеня поднесъ ихъ подъ сверкающіе глаза трактирщика. Въ душѣ

Кадруса видимо происходила жестокая борьба. Онъ вертѣлъ и перевертывалъ въ рукахъ корбочку, которая уже казалась ему не столь цѣнною, когда онъ увидѣлъ наличныя деньги.

— Чтѣ ты скажешь? спросилъ онъ шепотомъ у жены, отвѣдя ее всторону.

— Отдай, отвѣчала она такъ же: если этотъ жидъ воротится въ Бокеръ безъ брилліанта, онъ донесетъ на насъ и, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ бѣды наживемъ. Гдѣ теперь найдешь аббата? Можетъ-быть онъ уже уѣхалъ.

— Ну, хорошо, сказалъ Кадрусъ воротившись къ купцу: возьмите за сорокъ пять тысячъ, только дайте чтѣ-нибудь въ придачу. Женѣ хочется серьги, а мнѣ дайте часовую цѣпочку.

— Пожалуй; за этимъ дѣло не станетъ! отвѣчалъ купецъ и вынулъ изъ кармана ящичекъ, въ которомъ у него было нѣсколько золотыхъ вещей: выбирайте любое.

Трактирщикъ и жена его выбрали себѣ пару серегъ и цѣпочку, которыя вмѣстѣ стоили франковъ двѣсти. Потомъ купецъ отсчиталъ пятнадцать тысячъ франковъ золотомъ и тридцать тысячъ банковыми билетами и почти насильно взялъ перстень изъ рукъ Кадруса. Всѣ трое усѣлись за столъ, къ лампѣ. Покуда они торговались, стемпѣло совершенно и на дворѣ начала собираться гроза, слышался отдаленный громъ. Но ни брилліантщикъ, ни Кадрусъ, ни Карконта не примѣчали этого: они были слишкомъ занаты своими выгодами. Одинъ повертывалъ передъ огнемъ перстень и вглядывался въ блескъ дорогого камня, другіе считали и пересчитывали деньги. Никогда я не видывалъ такого выраженія жадности, какъ на этихъ трехъ лицахъ, освѣщенныхъ скудною лампой и отблесками камня и золота, надъ которыми они не примѣчали блеску молніи, освѣщавшей по временамъ окно свѣватыми струями.

— Ну, чтѣ? вѣрно? спросилъ брилліантщикъ, когда Кадрусъ и Карконта пересчитали деньги по два раза.

— Вѣрно, отвѣчалъ Кадрусъ: жена, подай бумажникъ, да поящи мѣшечка.

Они спрятали деньги. Брилліантщикъ собрался идти.

— Хотя вы выторговали у насъ тысячъ десятокъ или по-крайней-мѣрѣ пятокъ, сказалъ Кадрусъ, однако жъ мы не сердимся, просимъ отъужинать съ нами, если угодно.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣчалъ брилліантщикъ: должно быть ужъ поздно. Надобно поторопиться въ Бокёръ.... Девять часовъ! вскричалъ онъ посмотрѣвъ на часы: о-го! какъ мы заговорились! До полуночи едва поспѣешь въ Бокёръ. Прощайте, мои любезные. Если случится опять получить наслѣдство, вспомните меня.

— Что жъ толку? возразилъ Кадрусъ: черезъ недѣлю васъ не будетъ въ Бокёрѣ. Ярмарка кончится.

— Правда. Но это не бѣда. Напишите ко мнѣ въ Парижъ: брилліантщику Жоаннесу, въ Пале-Рояль, номеръ сорокъ-пятый. Я нарочно приѣду, если будетъ стоить труда.

Въ эту минуту ударилъ сильный громъ и молнія ярко освѣтила комнату.

— О-го! сказалъ Кадрусъ: неужели вы думаете идти въ такую погоду?

— Я грозы не боюсь, отвѣчалъ купецъ.

— А воровъ? спросила Карконта: бокёрская дорога не совсѣмъ-то безопасна бываетъ во время ярмарки.

— О! для воровъ у меня вотъ что есть! отвѣчалъ Жоаннесъ показывая пару пистолетовъ.

Кадрусъ и жена его помѣнялись мрачнымъ взглядомъ. У нихъ, по-видимому, въ одно время мелькнула какая-то страшная мысль.

— Ну, счастливаго пути, сказалъ Кадрусъ.

— Благодарю васъ; прощайте, сказалъ купецъ и пошелъ.

Когда онъ отворилъ дверь, въ комнату подулъ такой вѣтеръ, что лампа едва не погасла.

— Ну, пройти двѣ мили по большой дорогѣ въ такую пору, конечно, не очень пріятно, сказалъ онъ остановившись на порогѣ.

— Оставайтесь, переночуйте у насъ, сказалъ Кадрусъ.

— Да, право, оставайтесь, чѣмъ идти такую даль, прибавила Карконта какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; мнѣ завтра нужно рано быть на ярмар-

кѣ. Прощайте. Кадрусь медленно подошелъ къ порогу.

— Темень, хотъ глазъ выколи, говорилъ купецъ за дверьми: куда итти? направо или налѣво?

— Направо, отвѣчалъ Кадрусь: заблудиться нельзя: дорога усажена по обѣимъ сторонамъ деревьями.

— Хорошо; найду. Прощайте, сказалъ купецъ, и голосъ его уже терялся въ отдаленіи.

— Затвори же! вскричала Карконта: я не люблю отворенныхъ дверей, когда на дворѣ гроза.

— И когда въ домѣ есть деньги, прибавилъ Кадрусь, запирая дверь на замокъ. Потомъ онъ вынулъ изъ шкафа мѣшокъ и бумажникъ, усѣлся съ женою за столъ передъ лампою и они опять принялись считать свои деньги. Чѣмъ больше они считали, тѣмъ больше у нихъ трепегали руки и разгорались глаза. Каждая черточка на лицѣ выражала алчность. Особенно жена, при болѣзненной своей бѣдности и худобѣ, была отвратительна, когда ее обуревала страсть къ деньгамъ.

— Зачѣмъ ты предлагалъ ему остаться ночевать? спросила она глухимъ голосомъ.

— Какъ зачѣмъ? возразилъ Кадрусь: развѣ не видишь, какая погода? Пусть бы переночевалъ. Завтра воротился бы въ Бокѣръ.

— А! вскричала Карконта съ выраженіемъ, котораго невозможно передать: а я думала, ты не даромъ приглашаешь.

— Жена, жена! вскричалъ Кадрусь съ трепетомъ: откуда у тебя такія мысли и зачѣмъ ты не держишь ихъ про себя, если онѣ родятся невольной?

— Ты не мужчина, ты трусъ, отвѣчала Карконта, молчавъ.

— Отчего такъ?

— Если бъ ты былъ не трусъ, онъ не вышелъ бы отсюда.

— Жена!

— Или по-крайней-мѣрѣ не дошелъ бы до Бокѣра.

— Жена! полно!

— Дорога идетъ крюкомъ. Онъ пойдетъ по дорогѣ, а отсюда есть тропинка, по которой можно опередить....

— Жена, ты Бога искушаешь!.... Чу! слышишь....

«Въ самомъ дѣлѣ страшный ударъ грома разразился у нихъ надъ самою головой; синеватая молнія озарила всю комнату и гроза, медленно стихая, какъ-будто нѣхотя удалась отъ проклятаго дому.

«Карконта въ испугѣ перекрестилась.

«Въ то же самое время, посреди мертвой тишины, которая слѣдовала за громовымъ ударомъ, послышался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ? вскричалъ Кадрусъ, вскочивъ и сгребая банковые билеты и золото въ одну кучу.

— Я! отвѣчалъ голосъ.

— Кто же ты?

— Да я, Жоаннесъ, бриллианщикъ!

— Ну, что? шепнула Карконта съ ужасной улыбкой..... Видишь, купецъ самъ пришелъ!

Кадрусъ, блѣдный, задыхаясь, упалъ на стулъ. Карконта, напротивъ, встала и спокойно отперла дверь.

— Войдите, мосьё Жоаннесъ, сказала она.

— Нечего дѣлать, надобно воспользоваться вашимъ предложеніемъ, сказалъ бриллианщикъ входя: просто, нѣтъ ни какой возможности итти. Дождь льетъ, какъ изъ ведра; темень; дорога грязна и скользка. Я разсудилъ, что лучше переночевать у васъ.

«Кадрусъ отирая потъ со лба пробормоталъ какое-то невнятное привѣтствіе. Карконта опять заперла дверь на замокъ и принялась разводить въ каминѣ огонь, чтобы обсушить гостя, съ котораго вода лила ручьями.

— Чтò вы, кажется, всё-еще опасаетесь, что я обсчиталъ васъ? сказалъ купецъ съ улыбкой, увидѣвъ деньги на столѣ.

— Нѣтъ, совсѣмъ не оттого, отвѣчалъ Кадрусъ: но богатство это досталось намъ такъ неожиданно, что мы только до-тѣхъ-поръ вѣримъ въ его существованіе, покуда оно у насъ передъ глазами. Намъ всё-еще кажется, что мы видимъ сонъ.

«Купецъ разсмѣялся.

— Есть у васъ постояльцы? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кадрусъ: у насъ почти никогда не

останавливаются на ночь, потому что отсюда недалеко до города.

— Стало-быть у васъ и постелей лишншихъ нѣтъ? Я предлагаю вамъ хлопоты!

— О! нѣтъ, нисколько! возразила Карконта.

— Гдѣ же вы меня уложите?

— На верху у насъ есть комната.

«Купецъ расположился у камина и старался обсушиться. Кадрусъ убралъ деньги, а Карконта принялась собирать на столъ остатки тощаго обѣда, къ которымъ прибавила нѣсколько свѣжихъ яицъ и бутылку вина.

— Не угодно ли? сказала она потомъ, приглашая гостя.

— А вы-то что же? спросилъ Жоаннесь, замѣтивъ, что приборъ только одинъ.

— Я не хочу, я рѣдко ужинаю, отвѣчалъ Кадрусъ.

— Мы сегодня поздно обѣдали, поспѣшно прибавила Карконта.

— Стало-быть мнѣ приходится одному ужинать? сказалъ Жоаннесь, усаживаясь за столъ.

— Мы будемъ услуживать вамъ, отвѣчала Карконта съ любезностью, которой не оказывала даже такимъ гостямъ, которые платили.

«Кадрусъ по временамъ бросалъ на нее взглядъ, быстрый какъ молнія.

«Громъ продолжалъ гремѣть.

— Слышите, слышите? говорила Карконта: вы, право, хорошо сдѣлали, что воротились.

— Это не помѣшаетъ мнѣ опять пуститься въ дорогу, если гроза утихнетъ; покуда я ужинаю.

— Нѣтъ, эта гроза до утра не кончится, возразилъ Кадрусъ и вздохнулъ.

— Ну, такъ нечего дѣлать, останемся.

«Гость принялся ужинать. Хозяйка, обыкновенно брюзгливая и дикая, была такъ любезна и предупредительна, что непременно возбудила бы подозрѣнія во всякомъ, кто знавалъ ее прежде и могъ замѣтить необычайную перемену. Бриллианщикъ ничего не замѣчалъ. Кадрусъ молча ходилъ изъ угла въ уголъ и, казалось, не смѣлъ взгля-

зуть на гостя. Когда ужинъ кончился, онъ подошелъ къ двери и отворилъ.

— Кажется, погода разгуливается, сказалъ онъ.

«Но гроза какъ-будто нарочно хотѣла изобличить его во лжи. Страшный громовый ударъ потрясъ весь домъ и вѣтеръ съ дождемъ, ворвавшись въ комнату, задулъ лампу.

«Кадрусъ поспѣшно затворилъ дверь. Карконта снова за-свѣтила лампу и свѣчу для гостя.

«Удоставрившись, что гроза не скоро прекратится, Жоаннесъ отправился наверхъ, въ комнату, которую ему указала трактирщица, и скоро я услышалъ, какъ онъ легъ въ постель. Комната эта находилась надъ чуланомъ, въ которомъ я сидѣлъ.

«Всѣ эти подробности уже послѣ живо напечатлѣлись на моей памяти. Но покуда дѣло происходило у меня на глазахъ, онѣ не поражали меня и казались совершенно естественными, кромѣ развѣ наслѣдства, которому я не совсѣмъ вѣрилъ. Я думалъ тогда, что Кадрусъ продаетъ перстень по какой-нибудь комиссiи, какъ часто продавалъ и мои товары, и это меня нисколько не удивило. Самъ я былъ такъ утомленъ, что не хотѣлъ сказываться хозяину, а рѣшился проспять нѣсколько часовъ и по-раньше, на зарѣ, тихонько уйти.

«Вдругъ, среди ночи, меня разбудилъ выстрѣлъ и страшный крикъ. Въ комнатѣ надо мною послышались стукъ и торопливые шаги, потомъ что-то тяжелое съ грохотомъ упало съ деревянной лѣстницы. Я открылъ глаза, но ничего не видѣлъ въ темнотѣ. Шумъ продолжался, какъ-будто отъ борьбы, и крикъ мало-по-малу превратился въ стоны и хрипѣнiе. Тутъ я принужденъ былъ встать и обтереть лобъ, потому что сквозь тонкій потолокъ на меня по-лился теплый дождь. Въ то же время съ лѣстницы сошелъ человекъ. Это былъ Кадрусъ. Онъ прицѣлъ въ столовую и досталъ огня. Лицо его было блѣдно, руки и одежда въ крови. Засвѣтивъ свѣчу, онъ опять поспѣшно пошелъ наверхъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился съ коробкою, въ которой находился перстень и съ другими золотыми вещами Жоаннеса. Открывъ коробочку и удостовѣрившись, что перстень тутъ, онъ завернулъ ее въ

платокъ и повязалъ на шею. Потомъ вынулъ изъ шкафа мѣшокъ съ деньгами и бумажникъ, спряталъ въ карманы поспѣшно одѣлся и ушелъ.

«Тутъ только я опомнился и понялъ въ чемъ дѣло. Ужасъ обуялъ меня. Я укорялъ себя за все, что случилось, какъ будто самъ сдѣлалъ. Стоны всё-еще продолжались, какъ мнѣ казалось. Я подумалъ, что несчастный бриллианщикъ, можетъ-быть еще живъ, и хотѣлъ поспѣшить къ нему на помощь; уперся плечомъ въ тонкую перегородку, выломилъ одну доску, схватилъ свѣчу и побѣжалъ на верхъ. Внизу лѣстницы лежало мертвое тѣло Карконты. Выстрѣлъ достался ей: пуля прошла у нея на-выметъ черезъ горло. Кровь клубами лила изъ раны.

«Я перешагнулъ и побѣжалъ наверхъ. Тамъ мнѣ представилось еще ужаснѣйшее зрѣлище. Несчастный бриллианщикъ лежалъ посреди полу, въ лужѣ крови, которая лила изъ трехъ широкихъ ранъ въ груди. Въ четвертой торчалъ поварской ножъ, всаженный по самую рукоять. Я подошелъ къ несчастному. Онъ еще хрипѣлъ. Услышавъ мои шаги, онъ открылъ мутные глаза, уставилъ на меня, зашевелилъ губами, какъ-будто хотѣлъ что сказать и умеръ.

«Я обезумѣлъ отъ ужасу. Увидѣвъ, что уже не могу никому помочь, я чувствовалъ только потребность скорѣе бѣжать, и съ крикомъ схвативъ себя за волосы, бросился внизъ по лѣстницѣ.

«Въ столовой меня окружила толпа таможенныхъ объѣзчиковъ и жандармовъ. Меня схватили. Я не думалъ защищаться: я былъ безъ памяти, хотѣлъ говорить, но произнесъ только нѣсколько безсвязныхъ криковъ. Одинъ таможенный указалъ на меня пальцомъ. Я осмотрѣлся и увидѣлъ, что вся грудь у меня въ крови, которая протекла сквозь полъ и потолокъ мнѣ на голову.

«Я указалъ на мѣсто, гдѣ скрывался.

— Вотъ онъ гдѣ прошелъ сюда! сказали солдаты, осмотрѣвъ мѣсто.

«Тогда я понялъ, что меня считаютъ убійцей. Голосъ мой воротился. Я началъ объяснять, оправдываться; но

миѣ отвѣчали, что допрашивать будутъ судьи; связали и повели. Всякое сопротивленіе было бесполезно.

«Во время моего побѣгу, одинъ таможенный гнался за мною. Потерявъ меня изъ виду близости трактира, онъ предположилъ, что я переночую въ этомъ домѣ, и пошелъ увѣдомить своихъ товарищей. Они подоспѣли, вѣроятно, въ то самое время, когда раздался выстрѣлъ, окружили домъ и застали меня въ такомъ положеніи, что я повялъ, какъ трудно миѣ будетъ оправдаться, если по моимъ показаніямъ не успѣютъ отыскать аббата Буссони, о которомъ говорилъ Кадрусъ, или если не поймутъ самаго Кадруса.

«Прошло три мѣсяца, впродолженіи которыхъ мои судьи, надобно отдать имъ справедливость, употребляли, кажется, всѣ средства къ отысканію аббата, котораго я требовалъ. Но аббатъ не отыскивался. Я уже терялъ всякую надежду, какъ-вдругъ, осьмага сентября, то есть, черезъ три мѣсяца и пять дней послѣ происшествія, въ тюрьму ко миѣ пришелъ аббатъ Буссони.

«Можно представить себѣ, съ какимъ восторгомъ я его принялъ! Я рассказалъ ему все происшествіе, котораго былъ свидѣтелемъ, и съ радостію увидѣлъ, что исторія брилліанта была не вымышленная и что аббатъ вѣритъ миѣ изъ слова въ слово. Тогда увлеченный кроткимъ челоуѣколюбіемъ аббата и замѣтивъ въ немъ глубокое знаніе нравовъ моей рѣдины, я признался ему, какъ на исповѣди, и въ дѣйствительномъ убійствѣ, которое совершилъ изъ мщенія, въ Отѣлѣ. Я надѣялся, что онъ черезъ это, вовсе непринужденное признаніе, скорѣе повѣритъ моей невинности въ томъ убійствѣ, въ которомъ меня подозрѣваютъ, и не ошибся. Аббатъ обнадежилъ меня, успокоилъ и ушелъ съ обѣщаніемъ хлопотать обо миѣ. Онъ сдержалъ слово. Съ того же дня жизнь моя въ тюрьмѣ стала сносна. Судъ надо мною отложили еще на нѣсколько времени, а между-тѣмъ поймали Кадруса, который во всемъ признался и взвалилъ всю вину на жену, которая его подстрекнула. Кадруса осудили на вѣчную каторгу, а меня освободили.»

— И тогда ты явился ко миѣ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ аббата Буссони? спросилъ Монте-Кристо.

— Точно такъ, ваше сіятельство. Аббатъ совѣтовалъ мнѣ оставить опасное ремесло контрабандиста и обѣщаль доставить хорошее мѣсто, вѣроятно, самъ не зная, до какой степени превзойдетъ мои желанія и надежды. Но и ваше сіятельство тоже, кажется, никогда не имѣли повода быть недовольнымъ мною.

— Конечно, нѣтъ. Я всегда съ удовольствіемъ скажу, что ты хорошій слуга, Бертуччо, хотя въ тебѣ и недостаетъ довѣрчивости, которую я люблю. Отчего ты никогда не говорилъ мнѣ, что у тебя есть невѣстка и приемный сынъ?

— Оттого, ваше сіятельство, что ихъ давно нѣтъ. Вопротившись послѣ того происшествія въ Рольяно, я нашелъ свой домъ опустѣлымъ. Бенедетто обокралъ меня и свою вторую мать, обобралъ совершенно и пропалъ безъ вѣсти. Ассунта съ горя и скуки умерла. Послѣ этого и мнѣ тамъ нечего было дѣлать. Я поспѣшилъ къ вашему сіятельству.

— Хорошій же мальчикъ былъ это Бенедетто!

— Да, я и смотрю на него какъ на наказаніе Божіе за мое преступленіе. Эти Вильфоры — проклятое племя.

— Вѣрю, сказалъ Монте-Кристо съ мрачнымъ выраженіемъ.

— Теперь вы понимаете, ваше сіятельство, отчего видъ этого дома и сада такъ испугалъ меня. Кто знаетъ? можетъ-быть на томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, скоронень Вильфоръ подъ тѣми самыми деревьями, подъ которыми онъ хотѣлъ скоронить своего сына.

— Конечно, все возможно, возразилъ Монте-Кристо, вставая съ скамьи, на которой сидѣлъ: а можетъ-быть даже, что прокуроръ вовсе не умеръ. Аббатъ Буссони хорошо слѣдвалъ, что прислалъ тебя ко мнѣ, а ты хорошо слѣдалъ, что рассказалъ мнѣ свою исторію. Теперь по-крайней-мѣрѣ я не стану подозрѣвать тебя ни въ чемъ. А о Бенедетто ты ничего не слыхалъ съ-тѣхъ-поръ какъ онъ пропалъ?

— Ничего. Я надѣюсь, что его уже нѣтъ въ-живыхъ.

— Не надѣйся, Бертуччо. Злые не такъ легко умираютъ. Очень можетъ случиться, что ты еще увидишь его.

— Избави Богъ! Но мнѣ, ваше сіятельство, что же вы скажете мнѣ? Вѣдь вы мой судья здѣсь на землѣ.

— Что тебѣ сказать? Я скажу, что сказалъ бы аббатъ Буссонно Прокуроръ Вильфоръ виноватъ во многомъ. Бенедетто, если онъ живъ, послужить въ рукахъ Провидѣнія орудіемъ для наказанія другихъ злодѣевъ, и потомъ будетъ наказанъ въ свою очередь. Ты виноватъ еще и въ томъ, зачѣмъ не возвратилъ матери ребенка, когда спасъ его отъ смерти. Это еще преступленіе!

— Да, да! правда! вскричалъ Бертуччо: но я такъ опасался открытія, что мнѣ на мысль не приходило воротиться на мѣсто убійства; а потомъ я не посмѣлъ подавать поводу къ розъяскамъ. Я былъ малодушень.... у меня нѣтъ благороднаго мужества моего добраго брата!

Бертуччо закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Монте-Кристо устремилъ на него долгій, сострадательный взглядъ и потомъ сказалъ съ необыкновенною кротостью: 1

— Утѣшься, Бертуччо. Время и молчаніе изглаживаютъ всякую скорбь. Молчи и терпи. Теперь поѣдемъ въ Парижъ.

Въ одиннадцать часовъ того же вечера Монте-Кристо ходилъ по своей комнатѣ въ новомъ своемъ домѣ на Елисейскихъ Поляхъ и поглядывая на часы кого-то поджидалъ. Скоро у воротъ послышался стукъ экипажа. Графъ вышелъ на встрѣчу. Дверцы уже были отворены. Онъ подалъ руку молодой женщинѣ, закутанной въ зеленый шелковый, шитый золотомъ бурнусъ. Женщина схватила поданную руку и, вмѣсто-того чтобы опереться, почтительно поцѣловала и они помѣнялись нѣсколькими словами, нѣжными со стороны женщины и заботливыми со стороны графа, на звучномъ языкѣ, который старикъ Гомеръ вложилъ въ уста своимъ героямъ и богамъ. Али пошелъ впередъ со свѣчою изъ розоваго воску. Монте-Кристо проводилъ прѣвзжую въ приготовленные для нея покои, гдѣ ее ожидали три горничныя, потомъ ушелъ въ свой кабинетъ.

На другой день около двухъ часовъ по полудни, у воротъ дома Монте-Кристо остановилась коляска съ баронскимъ гербомъ, запряженная парой прекрасныхъ сѣрыхъ лошадей. Въ каретѣ сидѣлъ господинъ въ синемъ фракѣ,

съ широкою лентой въ петлицѣ; въ бѣломъ жплетѣ, украшенномъ претолстою золотою цѣпочкой, и въ панталонахъ орѣховаго цвѣту. Волосы его были такъ черны и ниспадали такъ низко до бровей, что трудно было счесть ихъ природными, а всё-таки они не совсѣмъ скрывали морщины на лбу. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пять, которому хотѣлось казаться тридцатипятилѣтнимъ. Онъ послалъ своего грума спросить у привратника, дома ли графъ Монте-Кристо, а самъ между-тѣмъ со вниманіемъ разсматривалъ домъ и ливренъ слугъ, которые проходили по двору.

— Здѣсь живетъ графъ Монте-Кристо и у себя ли онъ? спросилъ грумъ, постучавшись въ окошко къ привратнику.

— Его сіятельство у себя, отвѣчалъ привратникъ, но...

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на Али. Тотъ отрицательно кивнулъ головой.

— Чтò же? спросилъ грумъ.

— Его сіятельство не изволитъ принимать сегодня.

— Въ такомъ случаѣ вотъ карточка моего господина, барона Данглара. Отдайте графу Монте-Кристо и скажите, что баронъ Дангларъ, отправляясь въ палату депутатовъ, заѣзжалъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

— Я не говорю съ его сіятельствомъ, отвѣчалъ привратникъ: камердинеръ исполнитъ порученіе.

Грумъ покраснѣлъ и пошелъ передать своему господину отвѣтъ привратника. Дангларъ съ вѣкоторою досадою дослушалъ и потомъ закричалъ кучеру такъ громко, чтобы слышно было на всю улицу:

— Пошелъ въ палату депутатовъ!

Между-тѣмъ Монте-Кристо сквозь рѣшетчатую стору окна видѣлъ Данглара и разсматривалъ его въ превосходную подзорную трубку съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ баронъ разсматривалъ домъ и ливренъ.

— Право, гадкая тварь этотъ человѣкъ, сказала Монте-Кристо съ отвращеніемъ, свинчивая трубку: какъ можно не узнать съ перваго взгляду змѣю по этому приплюснутому лбу и коршуна по этому высокому круглому черепу и острому клюву?

Когда коляска уѣхала, Монте-Кристо ударилъ въ металлическій гонгъ сперва разъ, потомъ три раза.

Али и Бертуччо въ одно время явились на порогѣ.

— Бертуччо, видѣлъ ты экипажъ, который сейчасъ останавливался у воротъ?

— Видѣлъ, ваше сіятельство.

— Не правда ли хорошія лошади? продолжалъ Монте-Кристо, нахмуривъ брови: какъ же это случилось, что въ Парижѣ остались лошади лучше моихъ, когда я приказалъ купить самыхъ лучшихъ?

— Эти лошади не продаются, ваше сіятельство. Баронъ Дангларъ самъ недавно купилъ ихъ для своей жены.

— Не продаются! повторилъ Монте-Кристо, пожавъ плечами: знайте, синьоръ Бертуччо, что за деньги все можно купить: нужно только умѣть цѣну назначить. Заплатить барону Данглару вавое противъ того, что онъ заплатилъ, и лошади будутъ продаваться.

Управляющій поклонился.

— Въ пять часовъ я поѣду со двора и хочу, чтобы эти лошади были запряжены въ мою коляску.

— Позвольте замѣтить, ваше сіятельство, что теперь уже четверть третьяго, почти шопотомъ возразилъ Бертуччо.

— Знаю! отвѣчалъ Монте-Кристо.

Бертуччо еще разъ поклонился и вышелъ.

Въ шестомъ часу Монте-Кристо подѣхалъ къ дому банкира Данглара на тѣхъ самыхъ лошадяхъ, на которыхъ Дангларъ утромъ подѣзжалъ къ его дому. Графа ввели въ гостиную, въ которой не было ни какого цвѣту, кромѣ бѣлаго съ золотомъ. Вся мебель была изъ золоченаго дерева съ бѣлыми атласными подушками.

Черезъ минуту вошелъ хозяинъ. Онъ слегка поклонился гостю и просилъ сѣсть.

— Я имѣю честь говорить съ господиномъ Монте-Кристо? спросилъ онъ.

— А я имѣю честь видѣть господина барона Данглара, кавалера ордена почетнаго легіона и члена палаты депутатовъ?

Монте-Кристо проговорилъ весь титулъ, какой нашель

на визитной карточкѣ барона. Дангларъ прикусилъ губы.

— Извините, что я не назвалъ титула, подѣ котораго мнѣ доложили о вашемъ прїѣздѣ, сказалъ онъ: но вы знаете, что мы живемъ въ такой землѣ, гдѣ титулы начинаютъ выходить изъ моды.

— Такъ, что вы, называясь сами барономъ и кавалеромъ ордена почетнаго легіона, забываете называть другаго графомъ.

— О! я и для себя вовсе ни во что ставлю титулъ, небрежно отвѣчалъ Дангларъ: меня сдѣлали барономъ и пожаловали крестъ за кое-какія услуги государству, но....

— Но вы отреклись отъ этихъ почестей, какъ нѣкогда Монморанси и Лафайеттъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ.... Вы понимаете, что для слугъ....

— Да, да! понимаю. Передъ своими слугами вы называете себя барономъ Дангларомъ, передъ журналистами господиномъ Дангларомъ, а передъ вашими избирателями гражданиномъ Дангларомъ.

Дангларъ опять прикусилъ губы. Онъ видѣлъ, что на этомъ полѣ долженъ былъ уступить графу Монте-Кристо, и старался перенести дѣло на другое, на которомъ чувствовалъ себя сильнѣе.

— Графъ, сказалъ онъ поклонившись: я получилъ уведомленіе отъ торговаго дому Томсона и Френча.

— Очень радъ, баронъ.... Позвольте мнѣ называть васъ такъ, какъ васъ называютъ ваши слуги.... Очень радъ, что вы получили письмо. Это избавляетъ меня отъ труда рекомендоваться лично.

— Да, я, конечно, получилъ письмо, продолжалъ Дангларъ, но, признаюсь, не совсѣмъ понялъ его содержаніе.

— Это какимъ образомъ?

— Я даже имѣлъ честь заѣзжать къ вамъ, чтобы попросить объясненія.

— Говорите, баронъ. Я готовъ отвѣчать.

— По этому письму.... Оно, кажется, со мною.... Да, вотъ оно. По этому письму графу Монте-Кристо открытъ на мой домъ неограниченный кредитъ.

— Чтò же тутъ непонятнаго, баронъ?

— Все очень понятно, графъ, кромѣ слова *неограничен-
ный*.

— Такъ вы не понимаете значенія этого слова, баронъ?

— О, по части синтаксиса оно совершенно понятно, но по счетной не такъ-то.

— Вы думаете, что домъ Томсона и Френча не совершенно надеженъ? спросилъ Монте-Кристо съ самымъ простодушнымъ выраженіемъ, какое могъ принять: ахъ, торгъ возьми! Это было бы досадно. У меня есть тамъ кое-какія суммы.

— Домъ Томсона и Френча совершенно надеженъ, возразилъ Дангларъ съ насмѣшливою улыбкой: но только слово «неограниченный» кредитъ до такой степени неопредѣленно....

— Что оно совершенно неограничено, неправда ли? спросилъ Монте-Кристо.

— Именно. Я такъ и хотѣлъ сказать. Поэтому нѣкоторое сомнѣніе, конечно, простительно.

— Конечно, конечно; особенно для людей, у которыхъ обороты не столь неограниченны какъ у Томсона и Френча.

— Позвольте вамъ замѣтить, графъ, что моей кассы никто не считалъ, съ гордостью возразилъ банкиръ.

— Стало-быть, мнѣ ври́дется начать, холодно сказалъ Монте-Кристо.

— Съ чего вы это взяли?

— Объясненія, которыхъ вы требуете, очень похожи на нерѣзительность, но невозможности удовлетворить мои требованія.

Дангларъ готовъ былъ откусить себѣ языкъ. Онъ вторично потерпѣлъ пораженіе отъ этого человѣка и въ этотъ разъ уже на такомъ полѣ, гдѣ считалъ себя хозяиномъ.

— Наконецъ, сказалъ онъ помолчавъ, я попытаюсь говорить яснѣе и попрошу васъ самихъ назначить сумму, которую вамъ угодно будетъ получить отъ меня.

— Помилуйте, отвѣчалъ Монте-Кристо, я потому и требовалъ неограниченнаго кредиту, что самъ навѣрное не знаю, сколько мнѣ понадобится.

Банкиръ вообразилъ, что настала наконецъ минута

взять верхъ. Онъ опрокинулся на креслахъ и съ надменною, хвастливою улыбкой вскричалъ:

— О! не опасайтесь, пожалуйста, пожелать слишкомъ много! Вы можете на опытъ убѣдиться, что домъ банкира Данглара, при всей ограниченности своихъ средствъ, можетъ удовлетворить самыя обширныя требованія. Потребуйте хоть миллионъ....

— Сколько? спросилъ Монте-Кристо.

— Я говорю, потребуйте хоть миллионъ! повторилъ Дангларъ съ глупымъ самодовольствомъ.

— А что мнѣ въ миллионъ? спросилъ графъ: если бы мнѣ нуженъ былъ только одинъ миллионъ, я не потребовалъ бы неограниченнаго кредиту. Миллионъ у меня всегда есть въ бумажникѣ или въ дорожной шкатулкѣ.

И Монте-Кристо, развернувъ маленькій бумажникъ, гдѣ у него были визитныя карточки, вынулъ два банковыхъ билета по пяти сотъ тысячъ франковъ.

Такого человѣка, какъ Дангларъ, нужно было не колоть, а разбивать. Ударъ былъ удаченъ. Банкиръ зашатался на стулѣ. Голова у него закружилась. Онъ разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза.

— Признайтесь лучше, баронъ, что вы недоумѣваете дому Томсона и Френча, сказалъ Монте-Кристо: Боже мой, это очень просто и не удивительно. Я предвидѣлъ этотъ случай и принялъ свои мѣры. Вотъ два другіе кредитива, подобные тому, какой вамъ доставленъ: одинъ отъ Арштейна и Эскелеса, изъ Вѣны, на барона Ротшильда; другой отъ Беринга, изъ Лондона, на Лафитта. Скажите одно слово, баронъ, и я избавлю васъ отъ труда имѣть дѣло со мною.

Это доканало Данглара. Онъ дрожащими руками развернулъ письма, которыя Монте-Кристо подалъ ему кончиками пальцевъ, и разсмотрѣлъ подписи со вниманіемъ, которое могло бы показаться оскорбительнымъ, если бы не было предвидѣно и ождано.

— О! вотъ, это..... вотъ это подписи, которыя стоятъ многихъ миллионновъ! сказалъ Дангларъ вставая, чтобы отдать честь олицетворенному могуществу золота, которое стояло передъ нимъ въ видѣ графа Монте-Кристо: три не-

ограниченныхъ кредитива на трехъ парижскихъ банкировъ!

— Извините, ваше сіятельство; но, переставъ сомнѣваться, можно еще продолжать удивляться.

— О! удивиться можетъ и не такой домъ какъ вашъ! сказалъ Монте-Кристо со всею своею учтивостью: такъ вы можете прислать мнѣ нѣсколько денегъ?

— Приказывайте, графъ, я къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо. Теперь, когда мы поладили.... несправда ли, мы поладили?

Дангларъ молча поклонился.

— И вы уже не сомнѣваетесь? продолжалъ Монте-Кристо.

— О! какъ можно! Я никогда не сомнѣвался! вскричалъ банкиръ.

— Нѣтъ, вы только желали видѣть доказательство, вотъ и все. Ну, хорошо. Теперь, когда мы поладили и когда вы уже ни въ чемъ не сомнѣваетесь, мы можемъ, если вамъ угодно, напередъ приблизительно опредѣлить сумму на первый голъ. Шесть милліоновъ, наприимѣръ.

— Шесть милліоновъ!... Хорошо-съ, сказалъ Дангларъ, задыхаясь.

— Если мнѣ понадобится больше, равнодушно продолжалъ Монте-Кристо: такъ я возьму и больше. Но я не располагаю больше одного году оставаться во Франціи и думаю, что шести милліоновъ достаточно будетъ.... Впрочемъ, увидимъ.... Такъ, сдѣлайте одолженіе, для начала прищлите мнѣ завтра пятьсотъ тысячъ франковъ. Я буду дома до полудня, а если и не буду, такъ оставлю расписку моему управляющему.

— Деньги будутъ доставлены вашему сіятельству завтра въ десять часовъ утра, отвѣчалъ Дангларъ. Чтò вамъ угодно? Золота, банковыхъ билетовъ или серебра?

— На-половину билетами, на-половину золотомъ.

И графъ всталъ.

— Я долженъ сознаться вамъ, графъ, что былъ въ большомъ заблужденіи, сказалъ Дангларъ: я думалъ, что имѣю точныя свѣдѣнія обо всѣхъ хорошихъ состояніяхъ въ Европѣ; а между-тѣмъ ваше, какъ кажется, значительное,

признаюсь, было мнѣ совершенно неизвѣстно. Оно недавнее?

— Нѣтъ, баронъ, напротивъ, оно очень старинное. Это родъ завѣтнаго сокровища, къ которому не позволено было прикасаться и которое утронлось отъ процентовъ. Срокъ, назначенный завѣщателемъ наступилъ нѣскольکو лѣтъ назадъ и потому ваше невѣдѣніе въ этомъ отношеніи совершенно простительно.... Впрочемъ, вы въ скоромъ времени узнаете лучше, прибавилъ онъ съ улыбкой демона.

— Съ такими средствами, продолжалъ Дангларъ, и съ вашимъ вкусомъ вы развернете у насъ въ столицѣ такую роскошь, что разобьете въ прахъ всѣхъ насъ, бѣдныхъ миллионеровъ. Но всё-таки я попрошу васъ, сдѣлайте мнѣ честь, взгляните на мою картинную галерею..... все старинныя картины, лучшихъ мастеровъ, приобретенныя за поручительство. Я не люблю новѣйшихъ.

— И хорошо дѣлаете, баронъ. Новѣйшія произведенія всѣ имѣютъ одинъ общій большой недостатокъ: они еще не успѣли сдѣлаться старинными.

— Позвольте показать вамъ также нѣсколько статуй Торвальдсена, Бартолини, Кановы.... все иностранныя. Ни одного французскаго художника.

— Вы имѣете право быть несправедливымъ къ нимъ: они ваши соотечественники.

— Но на все это вы взглянете послѣ когда-нибудь. Сегодня я только осмѣлюсь вамъ предложить, не позволите ли представить васъ баронессѣ Дангларъ. Извините мою торопливость, графъ. Но такой клиентъ, какъ вы, необходимо становится почти членомъ семейства.

Монте-Кристо поклонился въ знакъ, что принимаетъ честь, которую ему оказываетъ банкиръ.

Дангларъ позвонилъ. Явился лакей въ яркой ливреѣ.

— Баронесса у себя? спросилъ Дангларъ.

— У себя, господинъ баронъ, отвѣчалъ лакей съ низкимъ поклономъ.

— Одна?

— Нѣтъ, баронесса не одна. Есть гость.

— Я думаю, можно представить васъ и при чужихъ, неправда ли, графъ? Вѣдь вы не храните никогнито?

— Нѣтъ, баронъ, отвѣчалъ Монте-Кристо: я не имѣю на это никакого права.

— А кто же у баронессы? Мосьё Дебрё? спросилъ Дангларъ съ добродушіемъ, которое вызвало новую улыбку у Монте-Кристо, уже посвященнаго въ прозрачныя домашнія тайны банкира.

— Точно такъ, отвѣчалъ слуга.

Дангларъ кивнулъ головой, потомъ обратился къ Монте-Кристо.

— Люцій Дебрё, сказалъ онъ, старинный нашъ другъ, секретарь министра иностранныхъ дѣлъ. Чтò жъ касается до жены моей, то она, вышедши замужъ за меня, нѣсколько уклонилась отъ породы: она происходитъ изъ старинной фамиліи де-Сервіеръ и въ первомъ бракѣ была за полковникомъ, маркизомъ де-Наргонномъ.

— Я не имѣлъ чести знать маркизы де-Наргоннъ, но я уже встрѣчался съ господиномъ Дебрё.

— Гдѣ же это?

— У виконта де-Морсерфа.

— А! вы знакомы съ виконтомъ?

— Мы встрѣтились въ Римѣ, во время карнавала.

— Ахъ! да, да, кажется, слышалъ чтò-то такое. Виконтъ рассказывалъ моей женѣ и дочери о какомъ-то приключеніи съ бандитами, кажется.

— Баронесса проситъ пожаловать, сказалъ воротившійся лакей.

— Я иду впередъ, чтобы указать дорогу, сказалъ Дангларъ поклонившись.

Дангларъ провелъ графа черезъ длинную анфиладу пышно убранныхъ комнатъ въ будоаръ баронессы, которая, несмотря на свои тридцать шесть лѣтъ, еще могла назваться красавицей.

Мадамъ Дангларъ сѣла за великолѣпнымъ піано. Люцій Дебрё за рабочимъ столикомъ перелистывалъ альбомъ.

Люцій успѣлъ уже рассказать баронессѣ о Монте-Кристо множество вещей, которыя будучи прибавлены къ прежнимъ рассказамъ Морсерфа, возбуждали ея любопыт-

ство до высшей степени. Равнодушное положеніе за пiано и за альбомомъ было ни что иное какъ маленькая свѣтская хитрость, за которою скрывалось нетерпѣніе. Доказательствомъ этому могло служить то, что баронесса приняла своего супруга съ не совсѣмъ обыкновенною улыбкой. На поклонъ графа она отвѣчала церемоннымъ, но чрезвычайно граціознымъ реверансомъ. Люцій поклонился графу какъ полу-знакомецъ, а Данглара привѣтствовалъ подружески.

— Баронесса, сказалъ Дангларъ, позвольте вамъ представить графа Монте-Кристо, котораго римскіе корреспонденты адресуютъ ко мнѣ съ самымъ живѣйшимъ усердіемъ и внимательностью. Вирочемъ, мнѣ стѣнь только одно слово сказать и графъ сдѣлается идоломъ всѣхъ нашихъ дамъ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ съ намѣреніемъ пробыть здѣсь одинъ годъ и прожить шесть милліоновъ. Это предвѣщаетъ вамъ рядъ баловъ, обѣдовъ и праздниковъ, на которыхъ, я надѣюсь, графъ не забудетъ и насъ, такъ же какъ и мы будемъ помнить объ немъ на нашихъ маленькихъ вечеринкахъ.

Баронесса съ трудомъ скрыла свое изумленіе.

— Давно вы пріѣхали, графъ? спросила она.

— Вчера утромъ, сударыня.

— И по обыкновенію, какъ говорятъ, съ краю свѣта?

— На этотъ разъ просто, изъ Кадиса.

— Но вы выбрали ужасное время. Парижъ несносенъ лѣтомъ. Нѣтъ ни баловъ, ни собраній, ни праздниковъ. Италіанская опера въ Лондонѣ; французское вездѣ кромѣ Парижа, а театра французскаго, какъ вамъ извѣстно, уже нигдѣ нѣтъ. Единственнымъ развлеченіемъ у насъ остаются несчастныя скачки на Марсовомъ Полѣ и у Саторп. Вы будете пускать своихъ лошадей на скачку, графъ?

— Я, сударыня, буду дѣлать все, что другіе дѣлаютъ въ Парижѣ, если только буду такъ счастливъ, что найду настоящихъ, которые бы научили меня здѣшнимъ обычаямъ.

— Вы любите лошадей?

— Я провелъ долгое время на Востокѣ; баронесса, а вы знаете, что Восточные уважаютъ только двѣ вещи въ мірѣ: благородную породу лошадей и красоту женщинъ.

— О! графъ, вы, кажется, могли бы быть столько любезны, чтобы поставить женщинъ на первое мѣсто! вскричала баронесса.

— Ну, вотъ! видите, что я правду говорилъ: мнѣ нужны наставники, которые бы посвятили меня въ тонкости французскихъ нравовъ и обычаевъ.

Тутъ вошла любимая горничная баронессы и сказала своей госпожѣ нѣсколько словъ на-ухо. Мадамъ Дангларъ поблѣднѣла.

— Не можетъ быть! вскричала она.

— Право, такъ, сударыня! отвѣчала горничная.

— Неужели это правда? спросила баронесса, обращаясь къ мужу.

— Что? спросилъ Дангларъ смутившись.

— То, что мнѣ говорятъ.

— Что же тебѣ говорятъ?

— Будто мой кучеръ, собираясь по моему приказанію запрягать экипажъ, не нашелъ моихъ лошадей въ конюшнѣ. Что это значить, я васъ спрашиваю?

— Баронесса, выслушай меня! возразилъ Дангларъ.

— О! я слушаю, баронъ, потому что мнѣ очень любопытно знать, что вы мнѣ скажете. Я попрошу этихъ господъ быть судьями между нами и начну съ того, что объясню; въ чемъ дѣло. Господа, продолжала она обращаясь къ графу и къ Дебрѣ: у барона Данглара десять лошадей на конюшнѣ. Въ числѣ этихъ десяти лошадей двѣ мои.... прекрасныя лошади, лучшія лошади въ Парижѣ.... Вы знаете ихъ, мосье Дебрѣ.... мои сѣренькія. И что же! Въ ту самую минуту, когда мадамъ де-Вильфоръ занимаетъ у меня экипажъ, чтобы съѣздить завтра въ Булонскій Лѣсъ, мои лошади исчезли. Баронъ Дангларъ, вѣроятно, нашелъ случай выиграть на нихъ нѣсколько тысячъ франковъ, и продалъ. Боже мой, какая гадкая порода эти промышленники!

— Баронесса! возразилъ Дангларъ: эти лошади были слишкомъ бѣшены, слишкомъ молоды.... Я не могъ быть спокоенъ, я всегда боялся за васъ....

— И! помилуйте, баронъ! вы знаете, что лучше моего

вечера нѣтъ въ цѣломъ Парижѣ, если только вы не продали и его вмѣстѣ съ лошадьми.

— Другъ мой, я найду тебѣ такихъ же лошадей и еще лучше, если есть, но лошадей смирныхъ, спокойныхъ, которыя бы не приводили меня ежедневно въ ужась.

Баронесса пожала плечами съ глубокимъ презрѣніемъ. Дангларъ, казалось, не примѣталъ этого, болѣе нежели супружескаго, движенія и обратился къ Монте-Кристо.

— Право, я сожалью, что не познакомился съ вами раньше, графъ, сказалъ онъ: вы устраиваете свое хозяйство, неправда ли?

— Да, конечно, отвѣчалъ графъ.

— Я вамъ предложилъ бы этихъ лошадей. Вобразите, я отдалъ ихъ почти даромъ. Но мнѣ нужно было только сбить ихъ съ рукъ: это лошади для молодого человѣка, а не для дамы.

— Покорно васъ благодарю, баронъ. Я сегодня купилъ пару хорошихъ лошадей и не очень дорого. Взгляните, мосьё Дебрё. Вы, кажется, любитель?

Дебрё подошелъ къ окну, а Дангларъ къ женѣ.

— Представьте себѣ, моя милая, шепнулъ онъ: мнѣ предложили за этихъ лошадей цѣну огромную. Не знаю, какой сѹмасшедшій расточитель прислалъ ко мнѣ сегодня своего управляющаго и въ ту же минуту взялъ. Я выигралъ на нихъ шестнадцать тысячъ франковъ. Не сердись, я отдамъ четыре тысячи тебѣ, да еще двѣ Евгеніи.

Мадамъ Дангларъ бросила на мужа убійственный взглядъ.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Дебрё.

— Чтò такое? спросила баронесса.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь: это ваши лошади, баронесса... ваши сѣрья запряжены въ карету графа.

— Мои сѣрья! вскричала мадамъ Дангларъ и бросилась къ окну: въ самомъ дѣлѣ, это онѣ!

Дангларъ остолбенѣлъ.

— Возможно ли? вскричалъ Монте-Кристо съ удивленіемъ.

— Это невѣроятно! пробормоталъ банкиръ.

Баронесса сказала два слова на-ухо Дебрё и тотъ подошелъ къ Монте-Кристо.

— Баронесса желаетъ знать, сказалъ онъ, за сколько вамъ продали ея лошадей?

— Не знаю навѣрно, отвѣчалъ графъ: это мой управляющій сдѣлалъ мнѣ сюрпризъ. Кажется, тысячь тридцать.

Добрѣ воротился къ баронессѣ, которая уже слышала отвѣтъ. Нахмуренныя брови ея предвѣщали супружескую грозу. Примѣтивъ это, Монте-Кристо, изъ приличія, раскланялся и ушелъ. Добрѣ также нашелъ предлогъ оставить смущеннаго банкира одного на жертву разгнѣванной жены.

Черезъ два часа потомъ мадамъ Дангларъ получила отъ графа Монте-Кристо очень милое письмо, въ которомъ онъ объявлялъ, что не хочетъ начинать своего вступленія въ парижскій свѣтъ огорченіемъ прекрасной женщины и просить принять лошадей обратно. Онѣ были приведены въ той самой сбруѣ, съ которою графъ выѣзжалъ, только въ розеткахъ полъ ушами было вставлено по брилліанту. Дангларъ также получилъ записку, въ которой Монте-Кристо просилъ его позволить женѣ принять эту бездѣлку. Вечеромъ Монте-Кристо отправился въ Отѣмъ.

На другой день, около трехъ часовъ, онъ призвалъ своего Нубійца и сказалъ:

— Али, ты часто хвалился своею ловкостью метать арканъ.

Али сдѣлалъ утвердительный знакъ и гордо выпрямился.

— Остановишь ты своимъ арканомъ быка?

Али отвѣчалъ тѣмъ же знакомъ.

— А тигра?

Тотъ же знакъ.

— А льва?

Али сдѣлалъ движеніе мечущаго арканъ и испустилъ залушенный ревъ.

— Хорошо. Я понимаю. Ты охотился за львами. Но остановишь ты пару вѣбъсившихся лошадей?

Али улыбнулся.

— Хорошо; слушай же, сказалъ Монте-Кристо: сейчасъ намъ дастъ промчится пара сѣрыхъ лошадей.... тѣ самыя,

на которыхъ я вчера выѣзжалъ..... понесутъ коляску. Ты хоть умри, но останови ихъ передъ моими воротами.

Али выѣзжалъ на улицу и поперѣгъ ея провелъ пальцемъ черту, потомъ воротился и указалъ ее графу. Тотъ потрепалъ его по плечу и ушелъ въ свой кабинетъ. Нубиецъ закурилъ трубку и усѣлся на углу дома, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ воротъ. Онъ просидѣлъ такимъ образомъ съ часъ и, по-видимому, занимался только клубами дыму, которые пускалъ изо рта и изъ носу.

Вдругъ послышался отдаленный стукъ колесъ. Онъ приближался съ быстротою грома. Явилась коляска, на козлахъ которой кучеръ напрасно употребилъ всѣ усилія чтобы сдержать взбѣсившихся, разъяренныхъ лошадей. Въ коляскѣ лежала молодая женщина, обнявъ мальчика лѣтъ семи или осьми и въ такомъ ужасѣ, что не имѣла силъ вскрикнуть. Достаточно было бы маленькому камню или попасть подъ колесо и экипажъ разлетѣлся бы въдребезги. По улицѣ слышались крики ужасу тѣхъ, кто видѣлъ какъ несчастные неслись.

Между-тѣмъ Али оставилъ трубку, вынулъ изъ кармана арканъ, метнулъ, три раза обвилъ одной лошади переднія ноги, пробѣжалъ три или четыре шага, увлеченный быстротою стремленія, и лошадь упала на переломленное дышло. Другая лошадь начала метаться. Кучеръ воспользовался случаемъ и соскочилъ съ козелъ, но Али уже успѣлъ и другую лошадь схватить желѣзною рукою за ноздрю. Она завизжала отъ боли и судорожно вытянулась подлѣ подруги.

На все это потребовалось столько времени, сколько нужно пулѣ, чтобы долетѣть до цѣли. Однако жъ въ это же время Монте-Кристо успѣлъ выѣхать изъ дому и явиться у коляски съ нѣсколькими слугами. Испуганная дама всё-еще одной рукою держалась за подушки экипажа, а другою судорожно обвивала мальчика, который находился въ совершенномъ обморокѣ. Ихъ обоихъ подняли, снесли въ гостиную и положили на диванъ.

— Успокойтесь, сударыня, говорилъ Монте-Кристо: прійдите въ себя: вы спасены.

Дама, вмѣсто отвѣту указала на сына взглядомъ, красно-

рѣчивѣ всѣхъ словъ. Мальчикъ всё-еще былъ въ обморокѣ. Монте-Кристо, продолжая успокоивать мать, которая сулила все свое имущество за жизнь сына, приказалъ принести шкатулку, досталъ оттуда стклянку съ какою-то красною жидкостью и пустилъ мальчику въ ротъ одну каплю. Ребенокъ тотчасъ же открылъ глаза. Мать едва не обезумѣла отъ радости.

— Гдѣ я? вскричала она потомъ: кому я обязана такимъ счастьемъ послѣ столь жестокаго испытанія?

— Вы у человѣка, который почитаетъ за величайшее счастье, что имѣлъ случай избавить васъ отъ огорченія.

— Скажите, отъ ужаснаго несчастія и смерти, которой я подвергла свое дитя изъ безумнаго любопытства! Весь Парижъ говорилъ объ удивительныхъ лошадяхъ мадамъ Дангларъ и я имѣла глупость выпросить ихъ, чтобы прокататься.

— Какъ! это лошади баронессы Дангларъ? вскричалъ Монте-Кристо съ удивленіемъ.

— Да. А вы знаете баронессу?

— Баронессу Дангларъ?... Знаю. И теперь я тѣмъ болѣе радъ вашему избавленію отъ опасности, что вы могли бы нѣкоторымъ образомъ приписать мнѣ причину. Я вчера купилъ этихъ лошадей у барона, но баронесса, казалось, такъ сожалѣла о нихъ, что я вчера же попросилъ позволенія возвратитъ ихъ и возвратилъ.

— Стало-быть, вы графъ Монте-Кристо, о которомъ Эрмина такъ много насакала мнѣ вчера?

— Точно такъ, сударыня. Я графъ Монте-Кристо.

— А я мадамъ Элонза де-Вильфортъ.

Графъ поклонился съ видомъ человѣка, который слышитъ совершенно незнакомое имя.

— О! какъ мужъ мой будетъ признателенъ вамъ! продолжала Элонза: онъ обязанъ вамъ спасеніемъ жизни своей жены и сына, потому что безъ вашей помощи мы непременно были бы убиты.

— Не приписывайте мнѣ заслуги, которой я не могъ оказать, сударыня, возразилъ Монте-Кристо: васъ спасъ собственно не я, а мой слуга.

— Да, да, можетъ-быть.... Я не знаю. Я не видала, кто

остановилъ лошадей. Но я надѣюсь, вы позволите мнѣ достойнымъ образомъ наградить этого великодушнаго слугу.

— Нѣтъ, сударыня, прошу васъ, не балуйте моего Али, ни наградою ни похвалою. Я не хочу, чтобъ онъ приучался къ подобнымъ вещамъ. Али — мой невольникъ. Спасая васъ, онъ служилъ мнѣ, и, слѣдовательно, только исполнилъ свою обязанность.

— Но онъ подвергалъ свою жизнь опасности, замѣтила мадамъ Вильфоръ, которую видимо поражалъ повелительный тонъ графа.

— Я спасъ эту жизнь, сударыня, слѣдовательно, она принадлежитъ мнѣ, возразилъ Монте-Кристо.

Мадамъ Вильфоръ замолчала и обратилась къ своему сыну. Мальчикъ былъ маленькій, худенькій, чрезвычайно бѣлый. Черные какъ смоль, густые и жесткіе волосы его, не покоряясь ни какой прическѣ, рассыпались по крутому, выпуклому лбу, и удваивали живость лукавыхъ и злыхъ глазъ. Потомъ онъ вдругъ вырвался изъ объятій матери, побѣжалъ къ шкапулкѣ и началъ откупоривать стклянки.

— Не троньте стклянокъ, любезный другъ, съ живостью сказалъ графъ: нѣкоторыя изъ этихъ жидкостей опасно понюхать, не только пить.

Мадамъ Вильфоръ поблѣднѣла и отдернула сына за руку. Успокоившись насчетъ сына, она бросила на шкапулку короткій, но выразительный взглядъ, который не укрылся отъ Монте-Кристо.

Тутъ вошелъ Али.

— Не это ли нашъ избавитель, графъ? спросила мадамъ Вильфоръ и, видя, что графъ готовъ отвѣчать утвердительно, продолжала, обращаясь къ сыну:— Эдуардъ, поблагодари этого добраго слугу: онъ съ опасностью своей жизни остановилъ лошадей, которымъ безъ того разбила сы и коляску и насъ съ тобою. Поблагодари же его.

— Фи, какой гадкій! сказалъ мальчикъ, презрительно вытянувъ губы, и отвернулся.

Графъ улыбнулся, какъ-будто ребенокъ вспоминалъ одну изъ его надеждъ.

Мадамъ Вильфоръ сдѣлала сыну выговоръ, но очень умеренный.

— Видишь ты, сказалъ графъ Нубійцу по-арабски: эта дѣла велитъ своему сыну поблагодарить тебя за жизнь, которую ты спасъ имъ обоимъ, но любезный малютка говоритъ, что ты слишкомъ гадокъ.

Али взглянулъ на мальчика безъ всякаго видимаго выраженія, но легкій трепетъ позрѣй показалъ графу, что Нубіецъ раненъ въ сердце.

— Вы здѣсь всегда живете, графъ? спросила мадамъ Вильфоръ, вставая, чтобы идти.

— Нѣтъ, сударыня, это у меня родъ привала на перепутьѣ. Въ городѣ я живу на Елисейскихъ Поляхъ, номеръ тридцатый.

Потомъ Монте-Кристо предложилъ ей свой экипажъ и она поѣхала домой. Въ тотъ же вечеръ весь Парижъ говорилъ о графѣ Монте-Кристо и о чудесномъ спасеніи жены и сына королевскаго прокурора. Самъ прокуроръ черезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ къ Монте-Кристо, въ городской его домъ на Елисейскихъ Поляхъ.

Монте-Кристо только въ такомъ случаѣ могъ бы вполне оцѣнить важность этого посѣщенія, когда бы долгое время жилъ въ парижскомъ большомъ свѣтѣ. Вильфоръ былъ очень хорошо принятъ при Дворѣ, имѣлъ многихъ враговъ, но и сильное вліяніе и вообще пользовался уваженіемъ какъ человѣкъ важный, могущественный и умный. Гостиная его, возрожденная молодою женой и осмнадцатилѣтнею дочерью отъ перваго брака, была одною изъ тѣхъ строгихъ парижскихъ гостиныхъ, гдѣ сохраняются аристократическія преданія и поддерживается вся важность этикета. Объявленные правила частной и общественной жизни Вильфора были холодная учтивость, безусловная преданность историческимъ правамъ, глубокое презрѣніе къ теоріямъ и теоретикамъ и неменѣе глубокая ненависть къ идеологамъ. Друзьямъ своимъ Вильфоръ былъ могущественный покровитель; недругамъ—противникъ молчаливый, но шумолиный. Для равнодушныхъ это была живая статуя закона: обращеніе гордое, физіономія безстрастная, взглядъ или тусклый, холодный, или дерзко прови-

цательный и пытливый. Свѣтскихъ визитовъ онъ никогда не дѣлалъ: эту обязанность за него исполняла жена и это было принято: прокурора извинили многочисленныя трудныя занятія, но въ самомъ дѣлѣ это былъ расчетъ гордости, квинтэссенція аристократической, сановнической важности. Вильфоръ ежегодно давалъ балъ, на которомъ самъ появлялся на четверть часа, то есть на сорокъ пять минутъ меньше нежели король на своихъ. Никогда его не выдвигали ни въ театрахъ, ни въ концертахъ, ни въ публичныхъ собраніяхъ. Очень рѣдко игралъ онъ въ вистъ, но и тогда подбирали ему приличную партію, какого-нибудь посланника, архіепископа, князя, президента или какую-нибудь вдовствующую герцогиню.

Когда лакей доложилъ о пріѣздѣ мосье де-Вильфора, Монте-Кристо, опираясь колѣнками на стулъ, лежалъ на раскинутой на столѣ большой географической картѣ и чертилъ какой-то маршрутъ.

Королевскій прокуроръ вошелъ такъ же осанисто и важно, какъ обыкновенно входилъ въ судилище. Это былъ тотъ же человѣкъ или, лучше сказать, продолженіе того человѣка, котораго мы видѣли въ Марселя. Онъ только изъ тонкаго сдѣлался худощавымъ, изъ блѣднаго желтымъ, да впалые глаза загородилъ золотыми очками, которые теперь уже составляли неотъемлемую принадлежность его физиономіи. Одежда на немъ была вся черная, за исключеніемъ только бѣлаго галстука, бѣлыхъ перчатокъ и узенькой ордеиской ленты, которая едва выглядывала изъ петлицы, точно кисточкою проведенная полоска крови.

— Милостивый государь, сказалъ онъ такимъ же взглядымъ тономъ, какимъ обыкновенно начиналъ рѣчь въ судѣ: важная услуга, которую вы вчера оказали моему женѣ и моему сыну, обязываетъ меня къ благодарности. Я пришелъ исполнить эту обязанность и выразить вамъ всю мою признательность.

Говоря это, Вильфоръ совершенно сохранялъ то неподвижное положеніе плечъ и головы, за которое у льстецовъ заслужилъ сравненіе съ статуею закона.

— Милостивый государь, отвѣчалъ Монте-Кристо въ

свою очередь съ ледяною холодностію: я почитаю себя чрезвычайно счастливымъ, что могъ сохранить матеря сына, потому что, говорятъ, материнское чувство самое могущественное, точно такъ же какъ и самое священное изъ всѣхъ. Это счастье, доставшись на мою долю, избавляетъ васъ, милостивый государь, отъ обязанности, которой исполненіе, конечно, очень лестно для меня, потому что, я знаю, мосье де-Вильфоръ не расточителенъ на благосклонность, какой я удостоиваюсь. Но, какъ бы драгоценна ни была эта благосклонность, она не можетъ быть для меня дороже собственнаго удовольствія совѣсти.

Вильфоръ, изумленный этою неожиданною выходкою, вздрогнулъ какъ солдатъ, который, несмотря на непроницаемую кирасу, почувствовалъ вражескій ударъ. Онъ повелъ глазами вокругъ, отыскивая средства прицѣпить разговоръ, который оборвался и, казалось, совершенно расхлябся въ паденіи. Онъ увидѣлъ карту и продолжалъ:

— Вы занимаетесь географіей? Прекрасная наука, особенно для васъ, потому что, говорятъ, вы видѣли столько же земель, сколько ихъ начерчено на этихъ картахъ.

— Да, отвѣчалъ графъ, я пытался дѣлать надъ челоуѣчествомъ въ массѣ такія же наблюденія, какія вы ежедневно дѣлаете надъ нѣкоторыми исключеніями, то есть наблюденія физиологическія. Я полагалъ, что мнѣ потомъ легче будетъ нисходить отъ общаго къ частному, чѣмъ восходить отъ частнаго къ общему.... Но, садитесь, пожалуйста.... покорно прошу.

И Монте-Кристо указалъ королевскому прокурору кресло, которое тотъ самъ принужденъ былъ придвинуть себѣ, тогда какъ хозяинъ просто опустился на стулъ, подлѣ котораго стоялъ, и облокотился на карту.

— А! вы философствуете! продолжалъ Вильфоръ послѣ короткаго молчанія, въ продолженіи котораго собирался съ силами какъ боецъ, завидѣвшій сильнаго противника: что касается до меня, такъ я вамъ скажу, если бы мнѣ такъ же нечего было дѣлать какъ вамъ, я выбралъ бы занятіе менѣе грустное.

— Правда, что грустное, возразилъ Монте-Кристо: челоуѣкъ очень гадкій червякъ для того, кто разсматриваетъ

его въ солнечный микроскопъ. Но вы, кажется, сказали, что мнѣ нечего дѣлать? Позвольте, неужели вы думаете, что вы дѣлаете что-нибудь? или, чтобы выразиться, ясите, неужели вы думаете, что то, что вы дѣлаете, стоитъ названія труда?

Вильеоръ чуть не вскочилъ отъ изумленія. Такой колоссальной негѣности никто еще не говорилъ королевскому прокурору.

— Вы иностранецъ, графъ, сказалъ онъ, собравшись съ духомъ: вы, какъ слышно, провели большую часть вашей жизни на Востокѣ, въ земляхъ варварскихъ, гдѣ правосудіе очень расторопно и очень сѣбно; поэтому вы, можетъ-быть не вполне знаете, какъ осторожны его дѣйствія у насъ.

— Напротивъ, судебная часть мнѣ очень хорошо известна во всѣхъ странахъ. Я именно, и въ-особенности, занимался изученіемъ правосудія и судопроизводства, и долженъ признаться вамъ, что по моему личному мнѣнію, во всякомъ случаѣ выходитъ лучше всѣхъ законъ первобытныхъ народовъ, то есть законъ возмездія.

— Если бы этотъ законъ былъ принятъ, онъ очень упростилъ бы наши кодексы и тогда вамъ, судьямъ, конечно, небольшой остался бы трудъ, какъ вы сейчасъ замѣтили.

— Можетъ-быть, это современемъ еще и будетъ, отъѣчалъ Монте-Кристо: вы знаете, что всѣ человѣческія изобрѣтенія подвигаются отъ сложнаго къ простому, а въ простомъ всегда заключается совершенство.

— Но теперь пока еще существуютъ наши кодексы съ своими противорѣчащими статьями, извлеченными изъ гальскихъ обычаевъ, римскаго права и франкскихъ постановленій. Знаніе всѣхъ этихъ законовъ, согласитесь, приобрѣтается не безъ труда: нужно долговременное и настойчивое изученіе, чтобы приобрѣсти это знаніе, и нужна большая сила головы, чтобы сохранить его.

— Съ этимъ я совершенно согласенъ. Но все, что вы знаете въ отношеніи къ вашему французскому кодексу, я такъ же знаю, и не только въ отношеніи къ французскимъ, но и въ отношеніи ко всѣмъ законамъ цѣлаго свѣта. За-

языкъ англійскіе, турецкіе, японскіе и индусскіе знакомы вамъ такъ же какъ вамъ французскіе. Поэтому я справедливо сказалъ, что, относительно.... вы знаете, что на свѣтѣ все относительно..... что относительно къ тому, что я сдѣлалъ, вы дѣлаете очень не много и что относительно къ тому, что я научалъ, вамъ еще многому предстоитъ учиться.

— Съ какою же цѣлю вы учились всему этому? спросилъ Вильфоръ съ удивленіемъ.

Монте-Кристо улыбнулся.

— Я вижу, сказалъ онъ, что вы, господинъ прокуроръ, несмотря на вашу славу человѣка высшаго порядка, смотрите на вещи съ той же матеріальной, пошлой точки зрѣнія, какъ и все общество, съ точки, которая начинается человѣкомъ и человѣкомъ оканчивается, то есть, съ точки самой ограниченной, какую человѣческому уму дозволено обнять.

— Объяснитесь, сказалъ Вильфоръ съ возрастающимъ изумленіемъ: я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Я говорю, что, уставивъ глаза на общественную организацію народовъ, вы видите только пружины машины, а не примѣчаете дивнаго мастера, который приводитъ ее въ движеніе. Я говорю, что вы видите передъ собою и вокругъ себя только чины и титулы, а не примѣчаете людей, которымъ самъ Богъ назначилъ призваніе и постановилъ цѣль, которой они должны достигнуть. Но это свойственно слабости человѣка и немощи, несовершенству его органовъ. Товія принималъ ангела за обыкновеннаго молодого человѣка; народы принимали Аттилу за обыкновеннаго завоевателя. И тотъ и другой самъ долженъ былъ открыть свое происхожденіе, чтобы его узнали: одинъ долженъ былъ сказать: я ангелъ Божій; другой — я бичъ Божій.

Вильфоръ подумалъ, что графъ или иллюминатъ или сѹмасшедшій.

— Такъ вы считаете себя однимъ изъ этихъ необыкновенныхъ существъ? спросилъ онъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Отчего жъ нѣтъ? холодно возразилъ Монте-Кристо.
 — Извините, продолжалъ Вильфоръ съ смущеніемъ: являясь къ вамъ, я не полагалъ найти въ васъ человека, котораго познанія и умъ такъ далеко превосходятъ всѣ обыкновенныя познанія и обыкновенныя умы людей. Въ нашемъ несчастномъ, испорченномъ обществѣ не водятся, чтобы знатные люди, подобно вамъ владѣющіе огромнымъ состояніемъ, тратили время на философскія и филантропическія мечты, которыя созданы, по-видимому, только для щемущихъ и лишенныхъ благъ земныхъ.

— Позвольте, продолжалъ графъ, неужели вы достигли важнаго положенія, которое теперь занимаете, и не встрѣтили ни одного исключенія? Вамъ такъ необходима проникательность и вѣрность взгляду: неужели же вы никогда не пытались съ разу проникнуть, на какого рода существо упалъ вашъ взглядъ? Не долженъ ли судья быть лучшимъ исполнителемъ закона; не только самымъ хитрымъ изслѣдователемъ коварства, но зондомъ для раскрытія сердець, камнемъ для испытанія золота, которое находится въ каждой душѣ въ бѣльшемъ или мѣньшемъ смѣшеніи съ другими веществами?

— Вы удивляете меня.... я долженъ признаться, отвѣчалъ Вильфоръ: я никогда еще не слыхивалъ такихъ рѣчей, какъ отъ васъ.

— Это оттого, что вы постоянно оставались въ тѣсномъ кругу мелочныхъ условій и никогда не осмѣливались орлинымъ взмахомъ крылъ вознестись въ высшія сферы, которыя Богъ населилъ существами незримыми и исключительными.

— И вы полагаете, что эти сферы существуютъ и что такія незримыя и исключительныя существа сообщаются съ нами?

— Отчего же нѣтъ? Развѣ вы видите воздухъ, которымъ дышете и безъ котораго жить не можете?

— Такъ мы не видимъ этихъ существъ, о которыхъ вы говорите.

— Конечно видите, когда они осуществляются материально. Вы осязаете ихъ, говорите съ ними, и они вамъ отвѣчаютъ.

— Признаюсь, вскричалъ Вильфортъ съ улыбкой: это очень любопытно! Мнѣ очень хотѣлось бы встрѣтиться съ такимъ существомъ.

— Ваше желаніе исполнено, господинъ прокуроръ. Я уже предупреждалъ васъ и теперь еще разъ предупреждаю.

— Такъ вы сами....

— Да, я одно изъ этихъ исключительныхъ существъ и, думаю, до-сихъ-поръ еще ни одинъ человекъ въ мірѣ не находилъ въ положеніи, подобномъ моему. Царства царей ограничены или горами, или рѣками, или измѣненіями правотъ, или различіями языковъ. Мое царство обширно какъ міръ, потому что я ни Италіанецъ, ни Французъ, ни Индѣецъ, ни Американецъ: я космополитъ. Ни какой край не можетъ сказать, что видѣлъ мое рожденіе. Одинъ Богъ знаетъ, какая земля увидитъ мою смерть. Я усвоиваю себѣ всѣ обычаи, я говорю на всѣхъ языкахъ. Вы считаете меня Французомъ, не правда ли, потому что я говорю на вашемъ языкѣ точно такъ же легко и хорошо какъ вы? Али, мой Нубіецъ, считаетъ меня Арабомъ; Бергуччо, мой управитель, считаетъ меня Италіанцемъ; Гандѣ, моя невольница, считаетъ меня Грекомъ. Между тѣмъ я не принадлежу ни одной странѣ, и потому меня не останавливаютъ ни какія условія, связывающія сильныхъ, ни какія препятствія, сокрушающія слабыхъ. У меня есть только два противника... я не говорю—два побѣдителя, потому что съ настойчивостью я покоряю ихъ: это—разстояніе и время. Есть еще третій, самый страшный: это—моя участь какъ смертнаго человека. Только этотъ одинъ противникъ можетъ остановить меня на пути, по которому я иду; этотъ одинъ можетъ недопустить меня до цѣли, къ которой я стремлюсь: все, что люди называютъ ударами судьбы,—разореніе, пережѣна обстоятельствъ, случайности,—все остальное, у меня рассчитано и предусмотрено. Нѣкоторые изъ этихъ ударовъ, можетъ-быть, и могутъ постигнуть меня, но ни одинъ не сразитъ. Если только не умру, я всегда буду тѣмъ, что я теперь. Вотъ, отчего я говорю вамъ вещи, которыхъ вы никогда не слыхивали даже отъ самыхъ знатныхъ и могущественныхъ людей, потому что

и они могут имѣть нужду въ васъ и даже васъ бояться. Кто въ вашемъ обществѣ не скажетъ себѣ: «Почемъ знать, можетъ-быть и мнѣ случится имѣть дѣло съ королевскими прокурорами!»

— Но вы сами развѣ не можете сказать этого? возразилъ Вильфоръ: съ той минуты какъ живете во Франціи, вы естественно подчинены французскимъ законамъ.

— Знаю, отвѣчалъ Монте-Кристо: но намѣреваюсь отправиться въ какую-нибудь страну я напередъ, известными мнѣ средствами, изучаю не только ея нравы и обычаи, но и людей, которыхъ могу опасаться или отъ которыхъ могу надѣяться чего-нибудь. Я узнаю ихъ такъ же хорошо, а можетъ-быть и лучше нежели они сами себя знаютъ. Изъ этого всегда выходитъ, что королевскій прокуроръ, каковъ бы онъ ни былъ, въ случаѣ дѣла со мною, будетъ всегда смущенъ больше меня.

— Вы хотите сказать, что, по слабости человѣческой природы, всякій человѣкъ знаетъ за собой какой-нибудь проступокъ? нерѣшительно спросилъ Вильфоръ.

— Проступокъ или преступленіе, небрежно отвѣчалъ Монте-Кристо.

— И что вы одни между людьми, которыхъ не признаете братьями, продолжалъ Вильфоръ слегка дрожащимъ голосомъ: вы одни совершенны!

— Нѣтъ, не совершенны, а непонимаемъ, вотъ и все. Но оставимъ этотъ разговоръ, если онъ вамъ не нравится. Конецъ тотъ, что мнѣ точно такъ же вѣчно опасаться вашего суда, какъ вамъ моего двойного зрѣнія.

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью возразилъ Вильфоръ, вѣроятно опасаясь показаться уступающимъ поле: нѣтъ! на своимъ блестящимъ и высокимъ разговоромъ подняли меня на уровень обыкновеннаго: мы уже не разговариваемъ; мы разсуждаемъ. А вы знаете, какъ еологи на каедрахъ въ Сорбоннѣ иногда говорятъ другъ другу самыя жесткія истины. Предположимъ, что мы разсуждаемъ о богословіи или философій, и я вамъ скажу вотъ какую правду: братъ мой, вы поклоняетесь гордости. Вы выше другихъ, но выше васъ есть Богъ.

— Выше всѣхъ есть Богъ, возразилъ Монте-Кристо съ

такимъ глубокимъ выраженіемъ, что Вильсоуръ несколько затренилась: я гордъ передъ людьми, то есть передъ змѣями, которые всегда готовы подняться на того, кто прошелъ мимо и не раздавилъ ихъ подъ натою; но я слагаю свою гордость передъ Богомъ, который вызвалъ меня изъ ничтожества и сдѣлалъ тѣмъ, что я теперь.

— Въ такомъ случаѣ я удивляюсь вамъ, графъ, сказала Вильсоуръ, въ первый разъ употребивъ аристократическій титулъ, котораго дотогѣ избѣгалъ въ разговорѣ съ иностранцемъ: да, я вамъ говорю, если вы дѣйствительно тверды, дѣйствительно высоки, дѣйствительно невредимы или непроницаемы, то будьте горды, графъ: это законъ господства. Однако жъ у васъ есть же какое-нибудь желаніе?

— Ни какого. Я исполняю свое предназначеніе и стараюсь исполнить его безстрастно.

— Какое же это предназначеніе?

— Это тайна.

Вильсоуръ посмотрѣлъ на графа съ изумленіемъ и подозрительностью и потомъ спросилъ:

— Есть у васъ родственники?

— Нѣтъ, я одинъ на свѣтѣ.

— Тѣмъ хуже!

— Отчего такъ?

— Оттого, что вы могли бы увидѣть зрѣлище, способное сломить вашу гордость. Вы боитесь только смерти, говорите вы?

— Я не говорю, что боюсь ея: я говорю только, что она одна можетъ остановить меня.

— А старость?

— Назначеніе мое будетъ исполнено прежде нежели я состарѣюсь.

— А съумасшествіе?

— Я однажды едва не сошелъ съума, а вы знаете аксіому *non bis in idem*, то же не повторяется. Это аксіома уголовная, следовательно, по вашей части.

— Но есть еще другія опасности, кромѣ смерти, дряхлости и безумія: есть, напримѣръ, параличъ, этотъ грозный ударъ, который сражаетъ васъ не уничтожая и по-

слѣ котораго однако жъ все для васъ кончено. Вы всё тотъ же, но уже не тотъ. Вы достигали подобно Аріелю до высотъ, недоступныхъ людямъ, а тутъ вы становитесь неподвижною массою, которая подобно Калибану касается животнаго. Это, какъ я вамъ сказалъ, на человѣческомъ языкѣ просто называется параличомъ. Пожалуйте, если угодно продолжать этотъ разговоръ, ко мнѣ, когда вамъ захочется встрѣтить противника способнаго понимать васъ и жаждущаго возражать вамъ; пожалуйте ко мнѣ, я покажу вамъ моего отца, Ноартиѣ де-Вильфора, человѣка, въ которомъ самая блестящая отважность имѣла въ своемъ распоряженіи самый могучій организмъ; человѣка, который такъ же какъ и вы считалъ себя посланникомъ судьбы. Прийдите посмотрѣть на него. Разрывъ одного ничтожнаго кровеноснаго сосуда въ мозгу сломилъ все это не въ день, не въ часъ, а въ одну секунду. Наканунъ, Ноартиѣ де-Вильфоръ, бывший якобинецъ, бывший сенаторъ, бывший карбонаръ; смѣявшійся надъ гильотиною, смѣявшійся надъ пушками и кинжалами; Ноартиѣ, игравшій революціями; Ноартиѣ, которому Франція казалась большою шахматною доскою, а люди пѣшками; страшный и сильный Ноартиѣ въ одну секунду сдѣлался *бѣднымъ старикомъ Ноартиѣ*, неподвижнымъ калѣкой, преданнымъ власти слабѣйшаго существа въ домѣ, то есть, своей внуки, Валентины; однимъ словомъ, сталъ нѣмымъ и неподвижнымъ трупомъ, который безъ радости и надежды живетъ только для того, чтобы дать материн время достигнуть предѣловъ разложенія.

— Увы! это зрѣлище не чуждо ни глазамъ ни мысли моеи, отвѣчалъ Монте-Кристо: я немножко медикъ и, подобно собратамъ моимъ, неразъ искалъ души въ живой и въ мертвой материн и душа, такъ же какъ и Провидѣніе, оставалась незримою моимъ глазамъ, хотя всегда присутствовала для сердца. Сто авторовъ, отъ Сократа до Сенеки, отъ Августина до Галля, въ прозѣ и въ стихахъ дѣлали то же сближеніе, которое вы дѣлаете, однако жъ я понимаю, что страданія отца могутъ произвести большую перемену въ умѣ сына. Я воспользуюсь вашимъ приглаше-

нѣмъ и прійду посмотрѣть на это страшное зрѣлище, которое должно очень огорчать ваше семейство.

— Оно, конечно, очень огорчало бы меня, если бы Богъ не далъ мнѣ богатаго вознагражденія. Подлѣ старика, который такъ грустно влачится къ могилѣ, у меня двое дѣтей вступаютъ въ жизнь: Валентина, дочь отъ перваго моего брака съ мадамъазель Ренатою де-Севъ-Меранъ, и Эдуардъ, сынъ, котораго вы спасли.

— Чтò же вы заключаете изъ этого вознагражденія? спросилъ Монте-Кристо.

— Я заключаю, что отецъ мой, увлеченный страстями, совершилъ какой-нибудь прòступокъ, ускользящій отъ правосудія человѣческаго, но не скрытый отъ правосудія Божьяго.... и что Богъ караетъ, но только его одного.

Монте-Кристо съ улыбкою на устахъ, въ глубинѣ сердца испустилъ ревъ, отъ котораго Вильфоръ убѣжалъ бы далеко, если бы могъ слышать.

— Прощайте, графъ, продолжалъ прокуроръ: вы внушили мнѣ уваженіе, которое, надѣюсь, будетъ вамъ пріятно, когда вы узнаете меня по-короче. А въ женѣ моей вы пріобрѣли себѣ вѣчнаго друга.

Графъ поклонился и проводилъ прокурора только до дверей своего кабинета. Оттуда два лакея проводили гостя до кареты.

— Довольно! сказалъ Монте-Кристо, давъ стѣсненной груди дохнуть свободнѣе: довольно этого яду. Сердце полно. Пора поискать противоядія.

Онъ стукнулъ въ металлическій гонгъ. Али явился..

— Долженъ Гандѣ, что я желаю видѣть ее, а черезъ часть, чтобъ была готова карета.

Невольница графа Монте-Кристо, молодая Гречанка Гандѣ, пріѣхавшая наканунѣ вечеромъ въ сопровожденіи одной греческой рабы, нашла ожидавшихъ ее трехъ горничныхъ Француженокъ и роскошно по-восточному убранную квартиру, совершенно отдѣльную отъ покоевъ графа.

Гандѣ находилась въ своемъ будоарѣ, когда служанка пришла сказать, что графъ проситъ позволенія войти. Комната эта освѣщалась только сверху черезъ розовыя стекла. Молодая Гречанка лежала на полу, на голубыхъ

атласныхъ подушкахъ; опираясь на диванъ, перекинувъ одну руку черезъ голову, а другою поддерживая гибкій чубукъ великогубнаго кальяна. Эта поза могла бы показаться принужденною у Француженки, но была совершенно естественна у восточной женщины. Костюмъ ея составляли бѣлыя атласныя шальвары съ розовыми цвѣточками, крошечныя остроконечныя туфли, шитыя золотомъ и жемчугомъ; атласный же камзолъ бѣлый съ синими полосами, съ широкими разрѣзными рукавами, съ серебряными петлицами и жемчужинами вмѣсто пуговиць; родъ корсета, который застегивался на груди тремя алмазами и оставалъ всю шею и верхнюю часть груди непокрытою; наконецъ пестрый, широкій, мягкій поясъ, съ длинными шелковистыми бахромами. На головѣ, надъ правымъ ухомъ, по-видимому едва держалась золотая шапочка, унизанная жемчугомъ и съ краю украшенная алою розой, отъ которой черные какъ смоля волосы казались черно-синими. Красота Ганде была совершенно греческая, во всемъ совершенствѣ типа, — руки, плечи и дѣтскіи ножки изъ каррарскаго мрамору, высокій лобъ такой же бѣлый и чистый; коралловыя губы и большіе, черные бархатные глаза. И все это въ первомъ цвѣту юности, въ полномъ блескѣ и благоуханіи. Гречанкѣ Ганде было лѣтъ осмнадцать или девятнадцать.

Служанка подняла дверную драпировку, Монте-Кристо вошелъ.

Ганде приподнялась и съ улыбкою протянула руку.

— Отчего это, спросила она на звучномъ языкѣ жень спартанскихъ и аѳинскихъ: отчего это ты просишь позволенія войти ко мнѣ? Развѣ ты уже не господинъ мой? развѣ я уже не раба твоя?

Монте-Кристо въ свою очередь улыбнулся.

— Ганде, вы знаете....

— Отчего ты не говоришь мнѣ *ты*, какъ обыкновенно? перебила Гречанка: если я провинилась въ чемъ-нибудь, накажи меня, но не говори *вы*.

— Ганде, ты знаешь, что мы во Франціи и что, следовательно, ты свободна.

— Свободна? Чтѣ же я могу сдѣлать при этой свободѣ?

— Ты можешь покинуть меня.

— Покинуть?... На что же?

— Почему я знаю. Мы будемъ выѣзжать въ общество.

— Я не хочу никого видѣть.

— Если бы въ числѣ прекрасныхъ молодыхъ людей, съ которыми встрѣтишься, найдешь кого-нибудь, кто тебѣ понравится, я не буду столько несправедливъ, чтобы....

— Я никогда не видывала человѣка прекраснѣе тебя и никого не любила кромѣ тебя и отца.

— Бѣдняжка! Это оттого, что ты ни съ кѣмъ не говорила кромѣ меня и отца.

— А зачѣмъ мнѣ говорить съ другими? Мой отецъ называлъ меня своею *радостью*, ты называешь меня своею *любовью*, оба—вашимъ *дитятею*.

— Ты помнишь отца, Гайдѣ?

— Онъ у меня здѣсь и здѣсь, отвѣчала она, указавъ на глаза и на сердце.

— А гдѣ же я? спросилъ Монте-Кристо съ улыбкой.

— Ты?... И ты тоже!... Ты вездѣ.

Монте-Кристо, садясь на низенькій диванъ, взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать. Гайдѣ отдернула руку и подставила лобъ.

— Теперь ты знаешь, Гайдѣ, что ты вольна дѣлать, что хочешь: ты здѣсь въ домѣ господжа и повелительница. Ты можешь носить костюмъ, какой хочешь; выѣзжать, когда и куда вздумашь. Экипажъ твой всегда готовъ. Алм и Мирта будутъ провожать тебя и исполнять всѣ твои приказания. Только объ одномъ прошу тебя.

— Говори.

— Сохрани тайну своего рожденія, не говори ни слова о своемъ прошедшемъ, и ни по какому поводу не произноси имени твоего славнаго отца, ни имени бѣдной матери.

— Я тебѣ сказала, вѣнди, я не хочу никого видѣть.

— Слушай, Гайдѣ, можетъ-быть, это восточное удивленіе не совсѣмъ будетъ возможно въ Парижѣ. Продолжай изучать жизнь нашихъ сѣверныхъ странъ, какъ ты изучала жизнь въ Римѣ, Флоренціи, Миланѣ и Мадридѣ. Это пригодится тебѣ вездѣ, даже тогда, когда воротись на Востоку.

— Ты хочешь сказать, когда мы воротимся на Востокъ, эфенди? спросила дѣвушка, обративъ на графа глаза, на которыхъ навернулись слезы.

— Да, дитя мое, отвѣчалъ Монте-Кристо: ты вѣдь знаешь, что я никогда не оставлю тебя. Не дерево покидаетъ цвѣтъ, а цвѣтъ покидаетъ дерево.

— Я никогда не покину тебя, эфенди, потому что знаю, я не могу жить безъ тебя, простодушно возразила Гандѣ.

— Бѣдняжка! черезъ десять лѣтъ я буду старикомъ, а ты будешь еще въ полномъ цвѣтѣ молодости.

— У отца моего была длинная сѣдая борода, но это не мѣшало мнѣ любить его. Отцу моему было шестьдесятъ лѣтъ, а онъ казался мнѣ красавцемъ.... краше всѣхъ мужчинъ, которыхъ я видѣла.... до тебя.

— Но скажи мнѣ, Гандѣ, ты привыкнешь ли здѣсь жить?

— Я буду видѣть тебя?

— Каждый день.

— Такъ о чемъ же ты спрашиваешь, эфенди?

— Я боюсь, чтобы ты не соскучилась.

— Нѣтъ, эфенди; утромъ я буду думать, что ты придешь; вечеромъ буду вспоминать, что ты приходишь. Кому же, когда я бываю одна, со мной остаются великія воспоминанія: я вижу огромныя картины, широкій горизонтъ съ Пиндомъ и Олимпомъ вдали. Потомъ, у меня въ сердцѣ живутъ три чувства, съ которыми невозможно соскучиться: грусть, любовь и признательность.

— Ты достойная дочь Эпира, Гандѣ, граціозная и поэтическая. Видно, что ты происходишь изъ семейства олимпійскихъ богинь, что родилась въ твоей землѣ. Будь спокойна, моя милая; я постараюсь устроить такъ, чтобы юность твоя не пропала. Если ты любишь меня какъ отца, зато и я люблю тебя какъ дочь.

— Ты ошибаешься, эфенди. Я не такъ любила отца какъ тебя люблю. Отецъ мой умеръ, я осталась жива. Но если ты умрешь, и я умру.

Графъ съ улыбкою глубокой вѣжности подалъ дѣвушкѣ руку и Гандѣ впечатлѣла на ней горячій поцѣлуй.

Черезъ часъ потомъ Монте-Кристо пріѣхалъ въ улицу Мелѣ и остановился у дому подъ номеромъ седьмымъ, ко-

горькій принадлежалъ Эммануэлю Эрбѣ и сестрѣ Максимилиана Мореля.

Максимилианъ, съ сигарою въ зубахъ, стоялъ въ калиткѣ сада и смотрѣлъ, какъ слуга на дворѣ чистилъ верховую лошадь, когда доложили о графѣ Монте-Кристо.

— Графъ Монте-Кристо! вскричалъ онъ, бросивъ сигару, и побѣжалъ на встрѣчу: ахъ! благодарю, тысячу разъ благодарю васъ, графъ, что вы не забыли вашего обещанія! продолжалъ онъ, пожимая гостю руку съ такимъ жаромъ, что тотъ не могъ усомниться въ искренности радостнаго привѣта: пожалуйста, пожалуйста черезъ садъ. Я проведу васъ къ сестрѣ. Она тамъ срѣзываетъ увядшія розы. Братъ въ шести шагахъ отъ нея читаетъ газеты, потому что гдѣ мадамъ Эрбѣ, тамъ стѣишь только провести радіусы на шесть шаговъ въ окружности и нѣрное найдется Эммануэль, и обратно.

Юлія, въ шелковомъ утреннемъ капотѣ, съ большимъ вниманіемъ обрѣзывала великолѣпный розовый кустъ. Шумъ шаговъ заставилъ ее оглянуться. Увидѣвъ гостя, она вскрикнула. Максимилианъ разсмѣялся.

— Ахъ, братецъ! вскричала она: это просто измѣна!... Какъ это можно! у тебя нѣтъ ни малѣйшаго кокетства за сестру.... Пенетонъ! Пенетонъ! бѣги, скажи мосьѣ Эрбѣ, что гость пріѣхалъ.

— Сейчасъ, сударыня, бѣгу, отвѣчалъ съдой старикъ, воткнувъ въ землю заступъ, которымъ перекапывалъ рабату.

— Покуда братъ проводитъ васъ въ гостиную, графъ, продолжала Юлія обращаясь къ гостю: вы позвольте мнѣ скрыться на минуточку.

И, не дождавшись согласія, она бросилась за кусты и убѣжала.

— Ахъ, Боже мой, любезный мосьѣ Морель! сказалъ Монте-Кристо: мнѣ жаль, что я произвожу такую тревогу въ вашемъ домѣ.

— Ничего! возразилъ Морель со смѣхомъ: посмотрите! посмотрите! вотъ и Эммануэль побѣжалъ одѣваться! Вы видите, что васъ знаютъ въ улицѣ Мелѣ. О васъ уже давно доложено.

— У васъ здѣсь, кажется, счастливая семья, сказалъ графъ, отвѣчая на собственную свою мысль.

— О, да! за это я вамъ ручаюсь! отвѣчалъ Морель: да и какъ быть иначе? У нихъ все есть, что нужно для счастья: они молоды, веселы, любятъ другъ друга и со своимъ двадцатью-пятью тысячами дохода воображаютъ себя богаче Ротшильдовъ.

— Это не много, двадцать пять тысячъ франковъ. Но, конечно, они не остановятся на этомъ: вѣдь они молоды: могутъ нажить. Вашъ зять адвокатъ.... медикъ....

— Нѣтъ, онъ былъ негоціантомъ и принялъ-было домъ моего бѣднаго отца. Батюшка умеръ и оставилъ пятьсотъ тысячъ франковъ всего-на-всѣ. Половина досталась мнѣ, половина сестрѣ. Эрбъ не получилъ ни какого наследства промѣ благородной честности, первостепеннаго ума и безукоризненнаго имени. Но онъ хотѣлъ нажить по-крайней мѣрѣ столько же, сколько пилъ жена, и нажилъ втеченіи шести лѣтъ постояннымъ и совѣстливымъ трудомъ. Потомъ привелъ въ окончательный порядокъ всѣ дѣла по торговлѣ, сдалъ контору другому и живетъ доходами.

Едва Морель кончилъ, Эммануэль явился, прилично одѣтый, привѣтствовалъ гостя съ радушнымъ почтеніемъ и просилъ въ гостиную, гдѣ ихъ приняла Юлія, которая также успѣла принарядиться.

Домъ у нихъ былъ расположенъ и убранъ не роскошно, но удобно, изящно, и все въ немъ, отъ благоуханія цвѣтовъ, до улыбки хозяевъ, дышало спокойствіемъ и счастіемъ.

Эта атмосфера дотого очаровала графа, что онъ въ молчаніи задумался и забылъ, что всѣ на него смотрятъ и ожидаютъ, чтобы продолжать разговоръ, прерванный послѣ первыхъ привѣтствій.

Наконецъ онъ сказалъ, обращаясь къ хозяйкѣ: — Простите мнѣ волненіе, хотя оно должно удивлять васъ, привычныхъ къ этому міру, къ этому счастью, которое я здѣсь вижу. Для меня зрѣлище довольства на человѣческомъ лицѣ вещь такая новая, что я не могу насмотрѣться на васъ и вашего мужа.

— Да, мы въ самомъ дѣлѣ очень счастливы, графъ, съ

вѣчала Юлія: но прежде этого мы довольно долго страдали и немногіе люди, можетъ-быть, купили свое счастье такъ дорого какъ мы.

Въ чертахъ лица графа выразилось любопытство.

— О, это цѣлая исторія! сказалъ Морель: вы, графъ, видѣли много страшныхъ бѣдствій и великихъ радостей: такъ для васъ наша маленькая семейная картина едва-ли можетъ быть интересна; однако жъ и мы въ этой тѣсной рамѣ перенесли много тяжелыхъ горестей.

— И Богъ наконецъ послалъ вамъ утѣшеніе? спросилъ Монте-Кристо.

— Да! вскричала Юлія: Богъ сдѣлалъ для насъ столько, сколько дѣлаетъ для своихъ избранныхъ: онъ послалъ намъ одного изъ своихъ ангеловъ.

Графъ слегка покраснѣлъ и заманлился, чтобы имѣть случай прикрыть лицо платкомъ, поднесеннымъ ко рту.

— Тѣ, которые родились въ багрянницѣ и никогда ничего не желали, прибавилъ Эммануэль, тѣ не знаютъ, какое счастье—жить. Точно такъ же и тотъ не знаетъ цѣны ясному небу, кто никогда не ввѣрлялъ свою жизнь утѣлѣнъ доскамъ, брошеннымъ въ бурное море.

Монте-Кристо всталъ и ни слова не говоря началъ ходить изъ угла въ уголъ. Онъ опасался, что по дрожанію голоса замѣтно будетъ его волненіе. Онъ былъ очень блѣденъ.

— Наша роскошь вамъ кажется забавною, графъ, не правда ли? спросилъ съ улыбкою Морель, провожая его глазами.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Монте-Кристо, стараясь одной рукою установить біеніе сердца, а другою между-тѣмъ указывая на хрустальный колпакъ, подъ которымъ лежалъ старый шелковый кошелекъ на черной бархатной подушкѣ: я только хотѣлъ посмотреть, [что у васъ подъ этимъ колпачкомъ. Кошелекъ, кажется.... и въ одномъ концѣ канато-бумага, а въ другомъ брилліантъ.

— Это самое драгоценное сокровище въ нашемъ домѣ, графъ, отвѣчалъ Морель съ важностью.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, брилліантъ, кажется, хорошъ, замѣтилъ Монте-Кристо.

— О! вѣтъ, графъ! возразила Юлія: братъ говорить не о цѣнѣ этого камня, хотя его цѣнить во сто тысячъ франковъ: онъ только хочетъ сказать, что этотъ кошелекъ заключаетъ въ себѣ святыню, оставленную намъ ангеломъ, о которомъ мы сейчасъ говорили.

— Извините, этого я не понялъ, отвѣчалъ графъ, съ поклономъ: простите также нескромный вопросъ мой.

— Нескромный, говорите вы! О, напротивъ, графъ! вы счастливите насъ тѣмъ, что доставляете случай поговорить объ этомъ предметѣ. Если бы мы скрывали какъ тайну великодушный поступокъ, о которомъ напоминаетъ этотъ кошелекъ, мы не выставили бы его такимъ образомъ на показъ. О! мы желали бы объявить объ этомъ въ цѣломъ свѣтѣ, чтобы благодѣтель нашъ, вздрогнувъ можетъ-быть, обнаружился передъ нами.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Монте-Кристо, задыхаясь.

— Графъ, сказалъ Максимилианъ, поднявъ стеклянный колпакъ и благоговѣнно поцѣловавъ кошелекъ: къ этой вещи прикасалась рука человѣка, который спасъ нашего отца отъ смерти, насъ отъ разоренія и наше имя отъ позору; человѣка, благодаря которому, мы, нѣкогда осужденные на нищету и слезы, можемъ теперь слышать, какъ люди выхваляютъ наше счастье. Эта записка (Максимилианъ вынулъ изъ кошелька бумажку и подалъ графу) написана въ такой день, когда отецъ мой уже готовился къ самому отчаянному поступку, а этотъ брилліантъ данъ Юліи въ приданое тѣмъ же великодушнымъ незнакомцемъ.

Монте-Кристо развернулъ и съ неописаннымъ выраженіемъ счастья прочиталъ записку, которую Юлія получила отъ Синдбала-Морехода.

— Незнакомецъ, говорите вы? Такъ вы не знаете человѣка, который оказалъ вамъ эту услугу?

— Къ сожалѣнію, намъ не суждено было познать ему руку. Между-тѣмъ я не мало просилъ у Бога этой милости. Но во всемъ этомъ происшествіи было такое таинственное направленіе, что мы его до-сихъ-поръ не понимаемъ.

— О! я еще не потеряла надежды когда-нибудь поцѣлю-

вать эту благодѣтельную руку, какъ цѣлую кошелекъ, къ которому она прикасалась, сказала Юлія: года четыре назадъ Пенетонъ былъ въ Триестѣ и видѣлъ на набережной Англичанина, который приходилъ къ батюшкѣ пятого іюня 1829 и который потомъ, пятого сентября, написалъ мнѣ эту записку. Пенетонъ увѣряетъ, что узналъ его, только не посмѣлъ заговорить.

— Англичанинъ? спросилъ Монте-Кристо, задумываясь и безпокойно избѣгая взглядовъ Юліи: Англичанинъ, говорите вы?

— Да, отвѣчалъ Максимилианъ: Англичанинъ, который приходилъ къ намъ подъ именемъ повѣреннаго отъ дому Томсона и Френча. Вы говорите, что Томсонъ и Френчъ ваши банкиры, графъ. Ради Бога, скажите, знали вы этого Англичанина? Это было въ 1829 году....

— Но вы вѣдь говорите, что домъ Томсона и Френча постоянно отрекался отъ оказанной вамъ услуги?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ этотъ Англичанинъ, подъ предлогомъ комиссія, вѣроятно, просто дѣйствовалъ отъ себя, можетъ-быть изъ признательности къ вашему отцу за какое-нибудь благодѣяніе, о которомъ отецъ вашъ и самъ позабылъ.

— Въ такихъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ Морель, конечно, можно предполагать, все—даже чудо.

— Какъ звали этого Англичанина? спросилъ Монте-Кристо.

— Онъ не сказалъ другаго имени кромѣ того, которое подписалъ на запискѣ, отвѣчала Юлія пристально глядясь въ графа: подписано Сандбадъ-Мореходъ.

— Это, очевидно, вымышленное имя.

Юлія всё внимательнѣе и внимательнѣе вглядывалась въ гостя и видимо старалась схватить на-лету и собрать звуки его голосу.

— Пойдите, продолжалъ графъ: не съ меня ли ростомъ былъ этотъ Англичанинъ?.... немножко по-выше, можетъ-быть, и немножко по-тоньше, погруженный въ высокій бѣлый галстухъ; сверху до-низу застегнутый, затянутый и всегда съ марашакомъ въ рукѣ?

— О! да вы его знаете? вскричала Юлія съ сверкающими отъ радости глазами.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Монте-Кристо: я только догадываюсь. Я знавалъ одного лорда Вильмора, который такимъ образомъ сыпалъ много великодушныхъ благодѣяній.

— И все тайно?

— Онъ странный человѣкъ: онъ не вѣритъ въ признательность.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Юлія, всплеснувъ руками: чему же онъ вѣритъ, несчастный?

Этотъ голосъ, вырвавшійся изъ глубины души, насквозь проникъ сердце Монте-Кристо и потрясъ въ немъ каждую струнку.

— Онъ не вѣрилъ по-крайней-мѣрѣ въ то время, когда я его зналъ, возразилъ онъ: можетъ-быть, послѣ того онъ нашелъ какое-нибудь доказательство, что признательность существуетъ.

— И вы знали этого человѣка, графъ? спросилъ Эммануэль.

— О! если вы его знали! вскричала Юлія: скажите! скажите, не можете ли вы свести насъ къ нему, показать намъ его или сказать, гдѣ онъ? Скажи же, Максимилианъ; скажи, Эммануэль, что, если мы когда-нибудь найдемъ его, онъ долженъ будетъ повѣрить въ память сердца.

Монте-Кристо почувствовалъ, что у него на глазахъ навертываются слезы и сдѣлалъ опять нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Ради Бога, графъ, сказалъ Максимилианъ, если вы знаете что-нибудь объ этомъ человѣкѣ, скажите намъ.

— Если вашъ благодѣтель лордъ Вильморъ, отвѣчалъ Монте-Кристо, побѣждая дрожаніе голоса: то, я думаю, вы не найдете его. Я разстался съ нимъ, два или три года назадъ, въ Палермо, откуда онъ отправился въ страны самыя баснословныя, такъ, что едва-ли воротится.

— Ахъ! вы жестоки, графъ! вскричала Юлія со слезами на глазахъ.

— Сулариныя, съ важностью отвѣчалъ Монте-Кристо, пожирая глазами двѣ свѣтлыя жемчужины, которыя катились по щекамъ молодой женщины: если бы лордъ Виль-

моръ видѣлъ, что я теперь вижу, онъ снова полюбилъ бы жизнь: ваши слезы помирили бы его съ человѣчествомъ.

Онъ протянулъ къ Юліи руку и она, увлеченная его взглядомъ и голосомъ, подала ему свою.

— Но у этого лорда Вильмора, сказала она, хваталась за послѣднюю надежду: есть же родина, есть семейство, родные, знакомые?... Развѣ мы не можемъ....

— О, не ищите его, возразилъ графъ, не основывайте обманчивыхъ надеждъ на одною словѣ, которое я обронилъ необдуманно. Нѣтъ, лордъ Вильморъ, вѣроятно, не тотъ человѣкъ, котораго вы ищите. Онъ былъ мнѣ другъ; я зналъ всѣ его тайны. Онъ, вѣрно, разсказалъ бы мнѣ и эту.

— А онъ вамъ ничего не говорилъ? вскричала Юлія.

— Ничего.

— Ни слова, по которому бы можно было найти слѣдъ?...

— Никогда.

— Однако вы же его назвали?...

— Это была просто первая догадка, необдуманная.

— Графъ правъ, сестрица, замѣтилъ Максимилианъ: вспомни, что такъ часто говаривалъ намъ отецъ: «не Англичанинъ осчастливилъ насъ».

Монте-Кристо вздрогнулъ.

— Что же говорилъ вашъ батюшка? спросилъ онъ съ живостью.

— Батюшка видѣлъ чудо въ этомъ происшествіи: онъ полагалъ, что благодѣтель нашъ вышелъ изъ гроба. О! это суевѣріе было такъ трогательно, что я не пытался разрушать его. Сколько разъ онъ погружался въ мечты, шопотомъ произнося дорогое имя потеряннаго друга. И когда онъ умиралъ, когда приближеніе вѣчности произошло его разумъ новымъ, веземнымъ свѣтомъ, эта мысль, бывшая дотолѣ одною догадкою, вдругъ превратилась въ убѣжденіе: послѣднія слова его передъ кончиной были: «Максимилианъ, это былъ Эдмонъ Дантесъ!»

Возраставшая съ нѣкотораго времени блѣдность графа при этихъ словахъ стала ужасна. Вся кровь у него прилила къ сердцу. Онъ не могъ говорить; носивъшио посмо-

трѣлъ на часы, взялъ шляпу, торопливо, съ замишательствомъ поклонился Юліи, пожалъ руки Максимилиану и Эммануэлю и сказалъ:

— Вы позволите мнѣ иногда засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе? Я полюбилъ вашъ домъ и признателенъ вамъ за вашъ пріемъ. Мнѣ уже давно не случалось, какъ сегодня, чувствовать истинную отраду въ бесѣдѣ съ людьми.

И онъ скорыми шагами вышелъ.

— Какой странный человѣкъ этотъ графъ Монте-Кристо! сказалъ Эммануэль.

— Да, отвѣчалъ Максимилианъ: но, я думаю, что у него прекрасное сердце, и увѣренъ, что онъ любитъ насъ.

— Странное дѣло, сказала Юлія: голосъ его проникъ мнѣ въ сердце и мнѣ казалось, что я слышу его уже не въ первый разъ.

Дня черезъ два потомъ графъ Монте-Кристо сдѣлалъ визитъ госпожѣ де-Вильфоръ.

Она была одна въ гостиной, когда доложили о посѣтителѣ, и тотчасъ же приказала позвать Эдуарда, чтобы онъ могъ повторить графу изъясненіе своей благодарности. Эдуардъ прибѣжалъ, но не изъ послушанія къ матери и не изъ признательности къ избавителю, а просто изъ любопытства, потому что втеченіи трехъ дней только и слышалъ рѣчей, что о знатномъ иностранцѣ, и потому что надѣялся пайти случай сказать что-нибудь такое, за что мать обыкновенно называла его шалуномъ, злымъ мальчишкой и прибавляла: «Но нельзя не простить ему: онъ такой остроумный!»

Послѣ обычныхъ привѣтствій Монте-Кристо освидомился о Вильфорѣ.

— Мой мужъ сегодня обѣдаетъ у канцлера, отвѣчала мадамъ де-Вильфоръ: онъ сейчасъ только уѣхалъ, и, конечно, будетъ очень сожалѣть, что не имѣлъ удовольствія васъ видѣть..... Кстати..... Эдуардъ, гдѣ твоя сестра? Поди, скажи ей, что я хочу познакомиться ее съ графомъ Монте-Кристо.... если позволите, графъ.

— Такъ у васъ еще есть дочь? спросилъ Монте-Кристо: но это долженъ быть ребенокъ?

— Это дочь моего мужа отъ первой жены, отвѣчала мадамъ де-Вильфоръ: Валентина большая, прекрасная дѣвушка.

— Но очень склонная къ меланхоліи, прибавилъ Эдуардъ, дергая у несчастнаго понугая перья изъ хвоста, чтобы украсить свою шляпу.

— Полно, Эдуардъ..... шалишь. Впрочемъ, онъ правъ, продолжала де-Вильфоръ, обращаясь къ графу: онъ только повторяетъ то, что я перазъ говорила съ прискорбіемъ. Валентина, несмотря на все, что мы дѣлаемъ для ея развлеченія, сохраняетъ печальное и мрачное гасположеніе духа, которое часто вредитъ дѣйствию ея красоты.... Но она не идетъ. Эдуардъ, поди же, посмотри, гдѣ она.

— Сейчасъ, отвѣчалъ мальчикъ продолжая кормить понуга живыми мухами, въ утѣшеніе за ущербъ въ хвостѣ.

Мадамъ Вильфоръ уже хотѣла позвонить, чтобы еще разъ послать за падчерицей, но Валентина пришла сама.

Она въ самомъ дѣлѣ была печальна и можно было замѣтить даже слѣды слезъ на глазахъ. Мадамъ де-Вильфоръ сказала правду. Валентина была прекрасная девятнадцати-лѣтняя дѣвушка, высокая, стройная, съ свѣтло-каштановыми волосами, темно-синими глазами, съ томными, но чрезвычайно благородными движеніями. Ея тонкія, бѣлыя руки, алебастровая шея и блѣдно-розовыя щеки съ перваго взгляду давали ей видъ одной изъ тѣхъ прекрасныхъ Англичанокъ, довольно поэтически сравненныхъ съ лебедями, которые осматриваются въ зеркалѣ пруда.

Она поклонилась графу безъ малѣйшаго дѣвичьяго жеманства и съ изящнымъ достоинствомъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ графъ, возобновля прерванный разговоръ и поглядывая то на мадамъ Вильфоръ, то на Валентину: мнѣ кажется, что я уже имѣлъ честь гдѣ-то видѣть васъ, если не ошибаюсь. Я сейчасъ только думалъ объ этомъ и, когда мадамозель де-Вильфоръ вошла, воспоминаваніе мое приобрѣло новую силу.

— Это неѣроятно, графъ, возразила мадамъ де-Вильфоръ: Валентина не любитъ посѣщать общество и мы очень рѣдко встрѣчаемъ.

— Я и не утверждаю, что видѣлъ васъ въ обществѣ. Ктому же парижское общество мнѣ самому до-сихъ-порѣ еще совершенно незнакомо. Нѣтъ, если позволите, я вспомню.... кажется.... нѣтъ..... да, да! точно! Это воспомина- ние что-то неразлучно съ прекраснымъ лѣтнимъ днемъ и какимъ-то церковнымъ праздникомъ.... У мадамъ де-Вильфоръ были въ рукахъ цвѣты, этотъ малютка гоня- ся за павлиномъ въ саду, а вы, сударыня, сидѣли въ бе- сѣдкѣ... Помогите же мнѣ, сударыня! Развѣ всѣ эти вещи ничего не напоминаютъ вамъ?

— Нѣтъ, право, нѣтъ! отвѣчала мадамъ де-Вильфоръ: притомъ, мнѣ кажется, если бы я видѣла васъ гдѣ-ни- будь, я этого не позабыла бы.

— Графъ, можетъ быть, видѣлъ васъ въ Италиі, скром- но замѣтила Валентина.

— Въ самомъ дѣлѣ, въ Италиі..... это можетъ быть, сказалъ Монте-Кристо: вы изволили путешествовать по Италиі?

— Мы были тамъ два года назадъ. Доктора опасались за мою грудь и предписали мнѣ неаполитанскій воздухъ. Мы проѣзжали черезъ Болонью, Перузу и Римъ.

— Ахъ, теперь я вспомнилъ! вскричалъ графъ: это бы- ло въ Перузѣ, въ день Праздника-Господня, въ саду тра- тира на почтовой станціи. Да, да, именно тамъ я васъ и видѣлъ.

— Я очень хорошо помню Перузу, и гостиницу на стан- ціи, и праздникъ, о которомъ вы говорите, возразила ма- дамъ де-Вильфоръ: но, сколько ни стараюсь, къ стыду мо- ей памяти, не могу припомнить, что видѣла васъ.

— Это странно, я тоже не помню, сказала Валентина, поднося въ графа свои прекрасные глаза.

— А я такъ помню! вскричалъ Эдуардъ.

— Я помогу вамъ, сударыня, продолжалъ Монте-Кристо: день былъ очень знойный. Вы ожидали лошадей, которые долго не являлись по причинѣ праздника. Мадамъ де-Вильфоръ ушла въ глубину сада, а съюрокъ вашъ убѣ- жалъ за птицей.

— И я догналъ ее, маленька, ты помнишь? вскричалъ Эдуардъ: я даже вырвалъ у нея три пера изъ хвоста.

— Вы, сударыня, сидѣли въ бесѣдкѣ и, помните ли, еще довольно долго разговаривали съ однимъ незнакомцемъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ..... да, отвѣчала молодая женщина, слегка покраснѣвъ: теперь я помню: это былъ человекъ, закутанный въ широкій плащъ.... докторъ, кажется....

— Этотъ человекъ въ плащѣ былъ я, сударыня. Я тогда жилъ недѣли двѣ въ той гостинницѣ, вылечалъ тамъ своего лакея отъ лихорадки и трактирщика отъ желтухи, такъ, что меня сочли великимъ врачомъ. Теперь я помню даже, о чемъ мы говорили съ вами, сударыня..... Сначала о Перуджино, о Рафаэлѣ, потомъ о мѣстныхъ обычаяхъ и нравахъ, наконецъ о знаменитой аква-тофанѣ, тайна которой, какъ вамъ сказали, будто бы до-сихъ-поръ еще сохраняется въ нѣкоторыхъ семействахъ, въ Перузѣ.

— Ахъ, да, правда, отвѣчала мадамъ де-Вильфоръ съ беззаботностью: теперь и я помню.

— Я уже не помню подробностей нашего разговору, спокойно продолжалъ графъ: но помню очень хорошо, что вы спрашивали моего мнѣнія насчетъ здоровья вашей прекрасной падчерицы.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ врачъ, графъ? сказала мадамъ де-Вильфоръ: вы исцѣляли больныхъ.

— Молиеръ или Бомарше отвѣчалъ бы вамъ, что больные мои исцѣлялись именно потому, что я не врачъ. Я же скажу вамъ только, что я довольно основательно изучалъ химию и вообще естественныя науки, но только какъ любитель.... вы понимаете.

Въ эту минуту пробило шесть часовъ.

— Шесть часовъ! сказала мадамъ де-Вильфоръ, видимо взволнованная: Валентина, посмотри, не хочетъ ли дѣдушка обѣдать?

Валентина встала, раскланялась съ графомъ и вышла.

— Боже мой! ужъ не я ли причиною, что вы уехали надбазель де-Вильфоръ? спросилъ Монте-Кристо, когда Валентина ушла.

— О, нѣтъ, вовсе нѣтъ! съ живостию возразила мадамъ де-Вильфоръ: но въ это время мы обыкновенно подаемъ старику Ноартіе пищу, которая поддерживаетъ его груст-

ное существованіе. Вы знаете, графъ, въ какомъ печальномъ положеніи отецъ моего мужа?

— Да, мосьё де-Вильфоръ говорилъ мнѣ. Параличъ, кажется?

— Да. Несчастный старикъ совершенно безъ движенія... Но к чему говорить о такихъ печальныхъ семейныхъ обстоятельствахъ! Извините, графъ, я прервала васъ, когда вы сказали, что вы искусный химикъ.

— Этого я вовсе не говорилъ, сударыня, возразилъ Монте-Кристо съ улыбкою: я изучалъ химию потому только, что, намѣреваясь жить преимущественно на Востокъ, хотѣлъ послѣдовать примѣру царя Митридата.

— *Mitridates, rex ponticus*, прибавилъ Эдуардъ, продолжая вырѣзывать ножницами картинки изъ великолѣпнаго альбома: тотъ самый, который каждое утро, за завтракомъ кушалъ чашку яду со сливками.

— Эдуардъ! ты опять шалишь? вскричала мадамъ де-Вильфоръ, вырывая у мальчика испорченный альбомъ: ты несносный баловень, все бы тебѣ портить что-нибудь! Ступай вонъ.... пойдь къ сестрѣ: она у дѣдушки. Подай.

— Дай альбомъ.

— Зачѣмъ ты изрѣзалъ картинки?

— Такъ, я хочу играть.

— Ступай же, ступай.

— Не пойду, если не дашь альбома, отвѣчалъ мальчишка, усѣвшись въ креслахъ.

— На, возьми и оставь насъ въ покоѣ, сказала мадамъ де-Вильфоръ, отдавая книгу и провожая его за дверь, которую потомъ плотно затворила.

— Какъ вы строги къ этому милому ребенку! добродушно замѣтилъ Монте-Кристо, когда мадамъ де-Вильфоръ, безпокойно осмотрѣвшись, опять усѣлась противъ него.

— Нельзя не быть иногда и строгою, отвѣчала она съ достоинствомъ матери.

— Но вашъ малютка, говоря о Митридатѣ, только цитировалъ своего Корнелия Непота, а это доказываетъ, что учитель не даромъ тратитъ съ нимъ время и что сынъ вашъ далеко ушелъ для своихъ лѣтъ.

— Правда, отвѣчала мать, которой это замѣчаніе польстило: онъ очень понятливъ и скоро выучивается всему, чему захочетъ. У него только одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ своеволенъ. Но..... кстати, о томъ, что онъ говорилъ..... Вы думаете, графъ, что предосторожность царя Митридата могла быть полезна?

— Очень. Я самъ употреблялъ ее, чтобы не быть отравленнымъ, въ Неаполѣ, въ Палермо и въ Смирнѣ, то есть, въ трехъ случаяхъ, когда безъ этой предосторожности непременно погибъ бы.

— И средство удалось вамъ?

— Какъ-нельзя лучше.

— Да, правда..... помню; вы уже рассказывали мнѣ что-то подобное въ Перузѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ графъ съ очень натуральнымъ изумленіемъ: я этого не помню.

— Я еще спрашивала васъ, одинаково ли дѣйствуютъ яды на организмъ людей жаркихъ и холодныхъ климатовъ.

— Ахъ, да, да! правда. Я видѣлъ, что сѣверные жители безвредно глотаютъ такія вещества, которыя неминуемо убили бы Неаполитанца или Араба.

— Такъ вы думаете, что у насъ, посреди тумановъ, еще легче можно привыкнуть къ ядамъ нежели на Востока?

— Да, конечно.

— Но какимъ же образомъ вы приучитесь къ такому противоядію?

— Очень легко. Предположите только, что вамъ извѣстно, какимъ ядомъ васъ хотятъ отравить..... какимъ-нибудь растительнымъ наприкладъ..... и принимайте этого яду сегодня одинъ миллиграммъ, завтра два, послѣ завтра три, и такъ далѣе. Въ двадцать дней вы, дойдете такимъ образомъ до трехъ сантиграммовъ, то есть, до приема, который убьетъ всякаго кромѣ васъ. Черезъ мѣсяцъ вы можете пить воду изъ одного графина съ человѣкомъ, который втеченіи дня неминуемо умретъ, тогда какъ вы останетесь невредными.

— А другаго противоядія вы не знаете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Монте-Кристо.

— Я часто читала эту исторію царя Митридата, продолжала мадамъ де-Вильфоръ; но всегда принимала ее за сказку.

— Нѣтъ, это справедливо: на этотъ разъ исторія разсказала не сказку, а истину. Но вопросъ вашъ, очевидно, не случайный, потому что мы уже два года тому назадъ разговаривали о Митридатѣ.

— Правда, графъ, отвѣчала мадамъ де-Вильфоръ: этотъ вопросъ очень занимаетъ меня, потому что ботаника и минералогія — любимыя мои науки. Я часто сожалѣла, что я не мужчина: кто знаетъ, можетъ-быть я сдѣлалась бы какинь-нибудь Фламельемъ, Фонтаной или Кабанисомъ.

Они долго еще бесѣдовали о химіи, ботаникѣ и минералогіи, и любознательная мадамъ де-Вильфоръ слушала графа съ напряженнымъ вниманіемъ и горящими глазами, а во уходѣ его еще долѣе просидѣла въ глубокой задумчивости.

Черезъ нѣсколько дней потомъ къ графу Монте-Кристо, въ домъ на Елисейскихъ Поляхъ, пріѣхали Альберъ де-Морсеръ и Люцій Дебрѣ, — послѣдній съ тайнымъ порученіемъ отъ мадамъ Дангларъ, которой очень хотѣлось знать, каково въ домѣ у челоуѣка, который даритъ тридцати-тысячныхъ лошадей съ прибавкою украшеній на сто-тысячъ и обращается съ своею гречанкой-невольницей какъ съ принцессой. Монте-Кристо наканунѣ возилъ Гандѣ въ оперу, гдѣ чудесная красавица, въ живописномъ костюмѣ, залитомъ брилліантами, обращала на себя больше вниманія нежели нормандскій герцогъ Робертъ на сценѣ. Даже въ корридорѣ, передъ дверьми ложи, гдѣ стоялъ Нубіецъ Али, въ антрактахъ проходу не было отъ любовныхъ. Монте-Кристо заходилъ также въ ложу мадамъ Дангларъ, которая была въ восторгѣ отъ этой внимательности. Альберъ также являлся туда, по обязанности.

Дебрѣ, совѣстливо исполняя порученіе, принималъ мало участія въ разговорѣ и со вниманіемъ осматривалъ убранство некоевъ. Предлогомъ ему служили картины.

— Вы въ постоянныхъ сношеніяхъ съ барономъ Дангларомъ? спросилъ Монте-Кристо Альбера де-Морсерфа.

— Да, конечно, отвѣчалъ тотъ: и вы знаете, почему.

— Такъ дѣло всё-еще идетъ?

— Увы! больше чѣмъ когда-нибудь.

— Отчего же—увы! Мадмоазель Евгенія Дангларъ очень хороша собой, сколько я могъ примѣтить вчера.

— Да, она красавица, но я не способенъ оцѣнить эту красоту: я недостойный.

— Прекрасный высокій ростъ, черные волосы, черные глаза, правильныя черты.....

— Да, да, но все это немножко слишкомъ строго, слишкомъ мужественно. Я люблю въ женщинахъ женскость. Притомъ мадмоазель Дангларъ слишкомъ богата для меня. Ея милліоны пугаютъ меня.

— Забавный страхъ! Вѣдь вы и сами богаты.

— У моего отца десятковъ пять тысячъ доходу. Онъ даетъ мнѣ тысячъ десять или двѣнадцать.

— Ну, это, конечно, скромно, особенно въ Парижѣ. Но не всё же заключается въ богатствѣ и на этомъ свѣтѣ: знатное имя и хорошее положеніе тоже что-нибудь значать. Ваше имя знаменито, ваше положеніе завидно. Мадмоазель Дангларъ васъ обогатитъ, а вы ее облагородите. Я нахожу, что этотъ бракъ очень приличенъ. Я не понимаю вашего отвращенія отъ такой богатой и притомъ молодой и прекрасной невѣсты.

— Я не говорю, что чувствую именно отвращеніе. Но, впрочемъ, и не я одинъ желалъ бы миновать этотъ бракъ.

— Кто же еще?

— Маменька. Она, не знаю за что, не любитъ Дангларовъ.

— О! это понятно! вскричалъ Монте-Кристо, немножко принужденнымъ тономъ: графиня де-Морсерфъ, олицетворенная аристократія, благородство и изящество, очень естественно, неохотно прикоснется къ грубой и жесткой рукѣ промышленника.

— Я не знаю, это ли причина, но знаю, что бракъ ей не нравится. Между-тѣмъ, шесть недѣль тому назадъ, уже назначенъ былъ день для формальныхъ совѣщаній; но у меня случилась такая мигрень, что отложила еще на два мѣсяца.

— Настоящая мигрень? спросилъ графъ съ улыбкой.

— Настоящая, не шутя.... отъ страху, вѣроятно. Дѣло отложили, потому что торопиться собственно не-зачѣмъ: мнѣ еще нѣтъ двадцати-одного году, а Евгенія только-что минуло семнадцать. Но на будущей недѣль срокъ двумъ мѣсяцамъ минеть. Надобно будетъ идти на жертву. Вы можете себѣ представить, любезный графъ, въ какомъ я замѣшательствѣ.... Ахъ, какъ вы счастливы, что вы свободны!

— Чтò жъ? будьте и вы свободны. Кто вамъ мѣшаетъ?

— Нѣтъ, это слишкомъ огорчить отца.... если я не жуюсь на мадмоазель Дангларъ.

— Ну, такъ женитесь.

— Хорошо; но это опять огорчить мою мать.

— Такъ не женитесь, сказалъ графъ пожавъ плечами.

— Да, я тоже думаю, что это будетъ лучше. Я готовъ лучше прогнѣвить отца нежели огорчить мать.

Монте-Кристо отворотился и взглянулъ на Дебрѣ, который сидѣлъ въ другомъ концѣ залы и чтò-то чертилъ карандашомъ въ записной книжкѣ.

— Чтò это вы, мосьѣ Дебрѣ, дѣлаете? очеркъ съ Пуссена? спросилъ графъ.

— Я? спокойно отвѣчалъ Дебрѣ: нѣтъ, я слишкомъ уважаю живопись и черчу совершенно противоположное, цифры.

— Цифры?

— Да; я рассчитываю, сколько домъ Данглара долженъ былъ выиграть отъ послѣдняго повышенія гантскихъ фондовъ. Съ двухъ-сотъ-шестидесяти они въ три дня поднялись до четырехъ-сотъ-девяноста. А закуплено было много. Дангларъ выигралъ непремѣнно тысячу триста. Это для васъ статья любопытная, виконтъ.

— Это еще не самый важный оборотъ барона Данглара, отвѣчалъ Морсерфъ: онъ въ нынѣшнемъ году выигралъ около милліона на испанскихъ фондахъ. Вчера онъ триста тысячъ положилъ въ карманъ, а подождалъ бы до сегодня, такъ проигралъ бы столько же, потому что сегодня гантскіе фонды упали опять до двухъ-сотъ-пятидесяти.

— Отчего же это?.... съ четырехъ-сотъ-девяноста вдругъ

до двухъ-сотъ-пяти? спросилъ Монте-Кристо: извините меня, господа, я совершенный невѣжда въ биржевыхъ интригахъ. Отчего же фонды такъ упали?

— Оттого, что новости однѣ за другими слѣдуютъ, но однѣ на другія не походятъ, отвѣчалъ Альберъ со смѣхомъ.

— Стало-быть, баронъ Дангларъ въ самомъ дѣлѣ очень богатъ, когда онъ играетъ на триста тысячъ выигрышу или проигрышу.

— Онъ еще не такъ бойко играетъ, какъ его жена.

— Мадамъ Дангларъ?

— Да, подтвердилъ Дебрé: мадамъ Дангларъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ иногда даже слишкомъ отважна.

— Но вы человекъ разсудительный, Люцій, сказалъ Альберъ съ улыбкой: притомъ вы знаете переменчивость извѣстій, потому что сидите у источника. Вы бы поудержали ее.

— Какъ я удержу, когда мужъ не можетъ удержать? возразилъ Люцій: вы знаете характеръ баронессы, — никто не имѣетъ вліянія на нее: она дѣлаетъ рѣшительно, что хочетъ.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы зналъ, что сдѣлать.

— Что же?

— Я вылечилъ бы ее, и это была бы истинная услуга будущему ея зятю.

— Какъ же бы вы это сдѣлали?

— Очень легко. Я проучилъ бы ее.

— Но какими же образомъ?

— А вотъ какъ. Ваше положеніе въ качествѣ секретаря у министра даетъ вамъ большой вѣсъ во всемъ, что касается до новостей. Вы едва откроете ротъ, какъ мнѣяны и спекуляторы уже стенографируютъ ваши слова. Сообщите баронессѣ Дангларъ такихъ извѣстій, чтобы она потеряла въ два три пріема къ-ряду тысячъ сто и она будетъ осторожнѣе.

— Я не понимаю васъ, отвѣчалъ Дебрé.

— Какъ не понимаете? это прозрачно! возразилъ молодой человекъ съ совершенно непринужденнымъ простодушіемъ: увѣдомьте ее въ одно прекрасное утро о какой-

нибудь неслыханной вещи, о телеграфической депешѣ, которую вы одни можете знать, о томъ, напимѣръ, что Генриха Четвертаго видѣли вчера у Габріели. Отъ этого фонды подвигнутся, мадамъ Дангларъ на этомъ рассчитаетъ операцію и, конечно, проиграетъ, когда Бошанъ на другой день напечатаетъ въ своей газетѣ: «Разнесшіеся вчера слухъ, будто короля Генриха Четвертаго видѣли третьяго дня у Габріели, оказался совершенно неосновательнымъ. Король Генрихъ Четвертый не покидалъ Новаго-Моста».

Люцій разсмѣялся, но принужденно. Монте-Кристо, по-видимому, совершенно равнодушный, не проронилъ однако жъ ни одного слова изъ этого разговору и пронацательный взоръ его даже прочелъ тайну въ смущеніи министерскаго секретаря, который поспѣшилъ сокрыть свой визитъ и скоро уѣхалъ.

Монте-Кристо проводилъ его до дверей и воротился къ Альберу.

— Хорошо ли вы дѣлаете, виконтъ, сказалъ онъ, что въ присутствіи мосьё Дебрё разсуждаете такъ вольнодумно о будущей вашей тѣщѣ?

— Пожалуйста, графъ, возразилъ Альберъ, прошу васъ, не называйте ее такъ прежде времени, особенно при моей матери, если случится.

— Такъ графиня въ самомъ дѣлѣ до такой степени расположена къ этому браку?

— До такой степени, что баронесса очень рѣдко бываетъ у насъ, а маменька, кажется, не была и двухъ разъ у Дангларовъ.

— Въ такомъ случаѣ я могу говорить съ вами откровенно. Дангларъ мой банкиръ; Вильфоръ осыпалъ меня учтивостями и благодареніями за услугу, которую неожиданнѣйшій случай далъ мнѣ возможность оказать ему. Изъ всего этого предвидится цѣльнѣйшій потокъ обѣдовъ и раутовъ. Такъ, чтобы не подать виду, будто хочу покрыть все подъ конецъ своею роскошью, или, если хотите, чтобы взять верхъ съ самаго начала, я вздумалъ пригласить къ себѣ въ отѣльскій домъ барона и баронессу Дангларъ и мосьё и мадамъ де-Вильфоръ. Если я приглашу на этотъ

обѣдъ и васъ и графа и графиню де-Морсерфъ, те встрѣча ваша будетъ имѣть видъ семейнаго собранія: по-крайней-мѣрѣ графинѣ такъ можетъ показаться, особенно если баронъ Данглъ привезетъ дочь. Тогда ваша матушка возненавидитъ меня, а этого я никакъ не хочу: напротивъ, я желаю..... говорите ей это при всякомъ удобномъ случаѣ... я очень желаю быть у нея на хорошемъ счету.

— Искренно благодарю васъ, графъ, за вашу откровенность. Вы говорите, что хотите быть у моей матушки на хорошемъ счету? Ваше желаніе давно уже исполнилось какъ-нибудь лучше.

— Вы думаете? спросилъ Монте-Кристо.

— О! я увѣренъ. Послѣ того, какъ вы ушли отъ насъ, мы цѣлый часъ говорили о васъ.... Но воротимся къ нашему предмету. Если бы маменька знала о вашей теперешней ей тонкой внимательности.... я постараюсь сообщить ей объ этомъ.... она будетъ вамъ чрезвычайно благодарна... Зато, правда, батюшка будетъ взбѣшонъ.

Монте-Кристо захохоталъ.

— И такимъ образомъ вы предупреждены, сказалъ онъ: но я думаю не одинъ графъ де-Морсерфъ будетъ сердиться: баронъ и баронесса Данглъ тоже сочтутъ меня за человѣка незнающаго приличій. Они знаютъ, что мы съ вами живемъ довольно дружно, что вы даже первый мой знакомецъ въ Парижѣ, и не нашедши васъ у меня, непременно спросятъ, что это значитъ. Придумайте какое-нибудь средство, найдите себѣ другое приглашеніе, которое бы могло служить достаточнымъ оправданіемъ вашего отсутствія, и сообщите мнѣ объ этомъ письменно. Вы знаете, что у банкировъ только писанное имѣетъ цѣну и вѣсъ.

— Я найду лучше этого, графъ. Маменькѣ хочется подышать морскимъ воздухомъ. Въ какой день у васъ будетъ обѣдъ?

— Въ субботу.

— Сегодня вторникъ. Хорошо. Завтра вечеромъ мы уѣдемъ, а послѣ-завтра будемъ въ Трепòрѣ. Право, графъ, вы человѣкъ удивительно любезный! Можно ли лучше

вась заботиться объ удовольствіи и спокойствіи своихъ друзей?

— Вы слишкомъ высоко цѣните меня, любезный виконтъ. Я желаю только не быть для васъ причиною неприятности, вотъ и все.

— А когда вы разослали приглашенія?

— Сегодня утромъ.

— Хорошо. Я сейчасъ ѣду къ Данглару и скажу ему, что мы съ маленькой завтра уѣзжаемъ. Васъ я не видалъ и объ обѣдѣ ничего не знаю.

— Чтѣ вы? чтѣ вы? А Дсбрѣ, который сейчасъ былъ здѣсь?

— Ахъ, да! правда.

— Напротивъ, вы видѣлись со мной, я васъ приглашалъ, но вы отказались, потому что поѣздка ваша уже была назначена раньше.

— Хорошо; такъ и сдѣлаемъ. А вы не навѣстите матушку до отъѣзду?

— До отъѣзду? Это трудно. Ктому же, я попалъ бы прямо въ тревогу сборовъ.

— Ну, хорошо; такъ сдѣлайте лучше этого. Вы до-сихъ-поръ человекъ любезный. Сдѣлайтесь очаровательнымъ.

— Чтѣ же я долженъ сдѣлать, чтобы достигнуть такой выспренности.

— Вотъ, чтѣ. Вы сегодня свободны какъ воздухъ. Пріѣзжайте къ намъ обѣдать. Насъ будетъ трое: вы, я и матушка, — только. Вы едва примѣтили маленьку. Увидите ближе. Она женщина очень примѣчательная и я сожалью только о томъ, что нѣтъ подобной ей, двадцатью годами помоложе. Если бы нашлась такая, божусь вамъ, вы скоро увидѣли бы виконтессу де-Морсерфъ. Отецъ сегодня дома не обѣдаетъ. Пріѣзжайте, мы потолкуемъ о путешествіяхъ. Вы видѣли весь свѣтъ, вы намъ расскажете ваши приключенія. Мы будемъ говорить по-италіянски, по-испански. Пріѣзжайте. Маленька будетъ очень рада.

— Тысячу разъ благодарю васъ, отвѣчалъ графъ: приглашеніе ваше чрезвычайно мило и любезно и я очень сожалью, что не могу принять его. Я вовсе не такъ свобо-

день, какъ вы полагаете: напротивъ, у меня назначено сегодня очень важное свиданіе.

— Смотрите, графъ, вы сейчасъ сами научили меня, какъ избѣгать непріятныхъ встрѣчъ! Мнѣ нужно доказательство. Я, къ-счастью, не банкиръ какъ Дангларъ, но, предупреждаю васъ, я такъ же недоувѣрчивъ какъ онъ.

— Я представлю вамъ доказательство, отвѣчалъ графъ и позвонилъ.

— Вотъ уже второй разъ, что вы отказываетесь отъ обѣда у маменьки. Это, кажется, ужъ такъ положено у васъ, графъ.

Монте-Кристо вздрогнулъ.

— О, нѣтъ! вскричалъ онъ: но вотъ вамъ доказательство.

Каммердинеръ графа стоялъ на порогѣ и ждалъ приказанія.

— Я не зналъ, что вы пріѣдете ко мнѣ, неправда ли?

— Почему знать! Вы человѣкъ такой необыкновенный, что и за это поручиться нельзя.

— Такъ по-крайней-мѣрѣ я не могъ предвидѣть, что вы сегодня пригласите меня обѣдать?

— Да, это еще вѣроятно.

— Ну, такъ хорошо же, слушайте. Батистъ, что я сказалъ тебѣ, когда призвалъ сегодня утромъ въ кабинетъ?

— Ваше сіятельство изволили приказать въ пять часовъ запереть дверь, отвѣчалъ каммердинеръ.

— Потомъ?

— Довольно, довольно, графъ! возразилъ Альбѣръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я непременно хочу избавиться отъ славы таинственности, которую вы мнѣ приписываете, любезный виконтъ. Вѣчно играть Манфреда слишкомъ трудно. Я хочу жить въ стеклянномъ домѣ. Потомъ.... Продолжай, Батистъ.

— Потомъ вы приказали не принимать никого кромѣ маіора Бартоломео Кавальканти и его сына.

— Слышите, виконтъ? Маіоръ Бартоломео Кавальканти, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ италіанскихъ фамилій, о которой даже Данте говоритъ, если вы помните, въ десятой пѣснѣ «Ада». Его сынъ прекрасный молодой

человѣкъ, вашихъ лѣтъ, также вѣкомъ. Онъ вступаетъ въ парижскій свѣтъ съ милліонами своего отца. Маіоръ привезетъ его ко мнѣ сегодня и отдастъ подъ опеку. Мы его выведемъ въ люди; если онъ стонетъ чего-нибудь. Вы поможете мнѣ, неправда ли?

— Безъ-сомнѣнія! отвѣчалъ Альбертъ: маіоръ Кавальканти, вѣроятно, старинный вашъ пріятель?

— Вовсе нѣтъ. Это почтенный господинъ, очень учтивый, очень скромный, какихъ много въ Италіи. Я видѣлъ его нѣсколько разъ во Флоренціи, въ Болоньѣ и въ Луккѣ и онъ извѣстилъ меня о своемъ прибытіи. Люди, съ которыми знакомиться въ путешествіи, вообще довольно навязчивы: они все въ васъ объявляютъ притязанія на дружбу, которую вы однажды случайно оказали имъ. Почтенный маіоръ Кавальканти никого не знаетъ въ Парижѣ и потому обращается ко мнѣ. Пожалуй. Я накормлю его обѣдомъ, онъ мнѣ поручитъ своего сына; я дамъ ему обѣщаніе смотрѣть за молодымъ человѣкомъ, а тотъ потомъ пусть себѣ шалитъ, какъ хочетъ, и мы будемъ квиты.

— Прекрасно! Я вижу, вы безцѣнный менторъ, графъ. Такъ прощайте же.... Кстати, я получилъ извѣстіе о Францѣ д'Эпневѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же, гдѣ онъ? Все-еще въ Италіи?

— Собирается пріѣхать къ намъ, и жениться.

— Ну жели? На комъ же?

— Его хотятъ женить на мадмоазель де-Вильфоръ, точно такъ же какъ меня на мадмоазель Дангларъ.

— Точно такъ же? При такомъ же расположеніи?

— Да.

— Вы шутите!

— Увѣрю васъ.... Но прощайте, графъ; мнѣ, право, совѣстно, что я такъ долго задержалъ васъ.

Когда Альбертъ уѣхалъ, Монте-Кристо три раза ударилъ молоточкомъ въ металлическій гонгъ. Бергуччо явился.

— Бергуччо, ты знаешь, что у меня въ субботу будутъ гости въ отѣльскомъ домѣ.

Бергуччо вздрогнулъ.

— Слушаю, ваше сіятельство, сказалъ онъ.

— Смотри же, чтобы все было приготовлено. Домъ очень хорошъ намъ, на-крайней-мѣрѣ, можетъ быть хорошъ.

— Для этого нужно будетъ всю мебель перемѣнить и обои тоже.

— Перемѣни все, исключая одной комнаты, той спальни, что обита красною камкой. Ее оставить совершенно такъ, какъ есть.

Бертуччо поклонился.

Садъ тоже не тронь. Но изъ двора можешь сдѣлать все, что хочешь. Я желалъ бы даже, чтобы его нельзя было узнать.

— Слушаю-сь. Но.... насчетъно обѣда ничего не можете приказать?

— Ничего.

— Однако жь.... Я не знаю.... что вашему сіятельству будетъ угодно....

— Право, сеньоръ Бертуччо, съ-тѣхъ-поръ какъ ты въ Парижѣ, ты становишься несноснымъ, совсѣмъ потерялся, сбился съ толку. Развѣ ты не знаешь меня?

— Извольте только сказать, ваше сіятельство, кто будетъ къ обѣду.

— Да я и самъ еще не знаю. Но это все равно. Лукуллъ обѣдаетъ у Лукулла, вотъ и все.

Бертуччо поклонился и вышелъ.

Около семи часовъ къ воротамъ подъѣхалъ въ фіанрѣ пожилой человекъ лѣтъ пятидесяти-двухъ, съ маленькою, угловатою сѣдою головой и большими сѣдыми усами, въ поношенной шляпѣ, въ зеленой венгеркѣ съ черными шнурками, въ широкихъ синихъ панталонахъ и съ галстукомъ въ видѣ аркана на шеѣ. Батистъ, стоя на подъѣздѣ, завидѣлъ посетителя изъ-дали и тотчасъ побѣжалъ доложить графу. Гости ввели въ гостиную. Монте-Кристо съ веселымъ лицомъ пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Ахъ, почтеннѣйшій маіоръ, добро пожаловать! скажите мнѣ: я васъ давно жду.

— Въ самомъ дѣлѣ! отвѣчалъ Итальянецъ съ удивленіемъ: ваше сіятельство изволили ждать меня?

— Конечно; вѣдь я зналъ, что вы прїѣдете сегодня въ семь часовъ. Меня извѣстили.

— А!... Тѣмъ лучше. Я, признаюсь, опасался, что эта маленькая предосторожность будетъ забыта.

— Вѣдь я имѣю честь говорить съ отставнымъ маіоромъ австрійской службы, маркизомъ Бартоломео Кавальканти?

— Бартоломео Кавальканти, точно такъ, ваше сіятельство.

— Васъ адресовалъ ко мнѣ аббатъ Буссони и вы имѣете отъ него письмо?

— Точно такъ, ваше сіятельство. Вотъ оно.

Монте-Кристо взялъ письмо и сталъ читать вслухъ. Итальянецъ съ безпокойствомъ озирался въ комнатѣ и опять останавливалъ глаза на хозяинѣ съ нѣкоторымъ страхомъ.

— Такъ, такъ, говорилъ Монте-Кристо, продолжая читать: «Маіоръ Кавальканти, достойный патрицій Лукскій, потомокъ Кавальканти Флорентійскихъ... имѣеть полмилліона дохода».

Монте-Кристо поднялъ глаза надъ письмомъ и поклонился.

— Полмилліона доходу! сказалъ онъ,—недурно.

У посѣтителя зашевелились плечи.

«И которому, продолжалъ Монте-Кристо, недостаетъ только одного...»

— Да, именно, только одного недостаетъ! прошепталъ Итальянецъ со вздохомъ.

«Найти своего обожаемаго сына».

— Обожаемаго сына? спросилъ Итальянецъ съ изумленіемъ.

«Похищеннаго въ дѣтствѣ или врагами благородной фамиліи Кавальканти или цыганами».

— Да, да, точно такъ, ваше сіятельство. По пятому году! сказалъ маіоръ съ глубокимъ вздохомъ, поднимъ глаза къ небу.

— Бѣдный отецъ! сказалъ Монте-Кристо и продолжалъ читать: «Я возвращаю ему надежду, я возвращаю ему жизнь, графъ, извѣщая его, что этотъ сынъ, котораго онъ впро-

долженіи пятнадцати лѣтъ ищеть напрасно, будетъ возвращенъ ему вами.»

Италіянецъ съ смущеніемъ и безпокойствомъ не сводилъ глазъ съ графа.

— Да, да, сказалъ тотъ: я возвращу вамъ вашего сына.

— Ваше сіятельство.... вы.... вы, кажется, не вся изволили дочитать?...

— Не все? Ахъ, да! Тутъ есть приписка. «Чтобы избавить маіора Кавальканти отъ хлопотъ и переводу суммъ на парижскихъ банкировъ, я посылаю ему банковый билетъ въ двѣ тысячи франковъ, и кредитивъ на ваше имя въ сорокъ-осемь тысячъ франковъ, которые мнѣ слѣдовало получить отъ васъ».

Маіоръ слѣдилъ за чтеніемъ этой приписки тревожнѣе чѣмъ за всѣмъ прочимъ.

— Хорошо, сказалъ Монте-Кристо.

— И такъ, ваше сіятельство?...

— И такъ?...

— Эта приписка?...

— Чтò же эта приписка?

— Вы согласны принять ее?

— Разумѣется. У насъ съ аббатомъ такіе счеты, что за нѣсколькими банковыми билетами дѣло не станетъ. А вы, кажется, интересуетесь этою припиской, любезный маіоръ?

— Да, признаюсь, отвѣчалъ Италіянецъ: положившись совершенно на слова аббата Буссоня, я не запасся другими деньгами и былъ бы въ нѣкоторомъ затрудненіи здѣсь, въ Парижѣ.

— Развѣ такой человекъ какъ вы, можетъ быть въ затрудненіи? Полноте!

— Да ... но.... я вѣдь никого не знаю въ Парижѣ.

— Такъ чтò жъ? Зато васъ знаютъ.

— Конечно... но всё-таки лучше... Вы выдадите мнѣ эти сорокъ осемь тысячъ, ваше сіятельство?

— Непремѣнно; по первому требованію.

Лицо маіора прояснилось.

— Но садитесь же, пожалуйста, сказалъ Монте-Кристо:

я совсѣмъ забылъ, что дѣлаю.... я четверть часа держу васъ на ногахъ!

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство, ничего.

Маіоръ придвинулъ кресло и сѣлъ.

— Теперь, сказалъ Монте-Кристо, не угодно ли вамъ выпить чего-нибудь? Рюмку хересу, портвейну, аликанте?

— Аликанте, если позволите. Это мое любимое вино.

— У меня есть отличное. Съ бисквитами, не правда ли?

— Съ бисквитами, если позволите.

Монте-Кристо позвонилъ. Батистъ явился. Графъ подошелъ къ нему.

— Ну, что, молодой человекъ? спросилъ онъ шопотомъ.

— Пришелъ.... въ голубой комнатъ, отвѣчалъ Батистъ также шопотомъ.

— Хорошо. Принеси малаги и бисквитъ.

Батистъ вышелъ и черезъ минуту воротился съ виномъ и бисквитами. Графъ налилъ въ одну рюмку нѣсколько капель яхонтовой жидкости, а другую наполнилъ. Маіоръ не ошибся въ дѣлежѣ: взялъ полную рюмку, прихлебнулъ, сдѣлалъ довольную гримасу и осторожно обмакнулъ бисквиту въ вино.

— И такъ, маіоръ, сказалъ Монте-Кристо: вы живете въ Луккѣ. Вы богаты, вы пользуетесь общимъ уваженіемъ. У васъ есть все, что нужно для счастья человека.

— Все, ваше сіятельство, отвѣчалъ маіоръ, проглатывая бисквитъ: рѣшительно все..

— И вамъ для полноты счастья недостаетъ только одного?

— Только одного.

— Найти любезнаго сына?

— Конечно.... да.... этого тоже недостаетъ, отвѣчалъ маіоръ положивъ въ ротъ вторую бисквиту, поднимая глаза къ небу и стараясь вздохнуть.

— Но какъ же это у васъ есть сынъ? продолжалъ Монте-Кристо: мнѣ говорили, будто вы холосты.

— Да, такъ полагали,.... и я самъ....

— И вы сами подтверждали это мнѣніе. Вы желали скрыть грѣхъ юности.

— Да, да... я хотѣлъ скрыть грѣхъ юности....

— Разумѣется, не для себя, продолжалъ графъ: для мужчины эти вещи ничего не значать.

— Да, да, конечно.... не для себя....

— А для матери вашего сына.

— Да, для бѣдной матери моего сына, сказалъ Италіанецъ, макая въ рюмку третью бисквиту: для бѣдной матери моего сына!

— Пейте, пожалуйста, любезный синьоръ Кавальканти, сказалъ Монте-Кристо, наливая другую рюмку: волненіе заглушаетъ васъ.

— Для бѣдной матери! повторилъ Италіанецъ, пробуя слюю воли выжать изъ слезныхъ желѣзокъ хоть каплю влажности.

— Которая принадлежала къ одной изъ первыхъ семей въ Италіи?

— Фіезольская патриціанка, ваше сіятельство, фіезольская патриціанка.

— Ее звали?

— Вы желаете знать, какъ ее звали?

— О! мнѣ вовсе не нужно ждать, пока вы назовете: я знаю. Олива Корсинари, не правда ли?

— Точно такъ, ваше сіятельство, Олива Корсинари.

— Маркиза?

— Маркиза.

— И вы наконецъ женились на ней?

— Какъ же! женился.

— И вы привезли ваши бумаги?

— Какія бумаги?

— Брачное свидѣтельство ваше съ Оливою Корсинари и метрическое свидѣтельство вашего сына?

— Метрическое свидѣтельство?

— Метрическое свидѣтельство Андрея Кавальканти, вашего сына.

— Виноватъ, ваше сіятельство. Къ-сожалѣнію, я не догадался взять эти бумаги съ собой.

— А! это не хорошо.

— Такъ онѣ нужны?

— Совершенно необходимы.

Италіанецъ почесалъ лобъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ: совершенно необходи-
мы!

— Безъ-сомнѣнiя. Если здѣсь усомнятся въ подлинно-
сти вашего брака и законности сына!

— Справедливо. Конечно, могутъ усомниться.

— Это было бы непрiятно для молодаго человѣка.

— Разумѣется, непрiятно.

— Отъ этого онъ можетъ лишиться возможности соста-
вить хорошую партiю.

— Досадно!

— Во Францiи, вы знаете, люди на этотъ счетъ очень
разборчивы. Недостаточно того, какъ въ Италiи, чтобъ
прiйти къ священнику и сказать: мы любимъ другъ дру-
га, вѣнчай насъ. Необходимы свидѣтельства, документы.

— Какое несчастiе! Вѣдь у меня нѣтъ этихъ бумагъ.

— Къ-счастию, у меня есть! отвѣчалъ Монте-Кристо.

— У васъ?

— Да. Аббатъ Буссони за васъ позаботился и прислалъ
все, что нужно. Вотъ бумаги. Возьмите, отдайте ихъ ва-
шему сыну, и скажите, чтобы берегъ. Молодые люди обы-
кновенно бываютъ небрежны. Что жъ касается до исто-
рiи о похищенiи и о Цыганахъ, то вы понимаете, что
этого роду вещи не могутъ быть въ модѣ въ Парижѣ.
Слѣдовательно, вы лучше сдѣлаете, если никому не скаже-
те, что были пятнадцать лѣтъ въ разлукѣ съ сыномъ. Вы
въ послѣднее время были разлучены съ нимъ потому толь-
ко, что онъ оканчивалъ свое образованiе въ римской ака-
демии. Теперь вы сами проводили его въ Парижъ и вско-
рѣ возвращаетесь въ Вiа-Реджiо, гдѣ до-сихъ-поръ жили
безвыѣздно.

— Слушаю, ваше сiятельство.....

— Что?

— То есть я говорю , точно такъ , правда..... я
жилъ въ Вiа-Реджiо.

— Ну, и такъ, все кончено. Воспомнанiя ваши освѣ-
жены и не пзмѣнятъ вамъ. Теперь вы, конечно, догады-
ваетесь, что я приготовилъ вамъ сюрпризъ.

— Прiятный? спросилъ Италiянецъ.

— Я думаю , родительское сердце ваше уже сказала

вамъ, что вы сегодня же, сейчасъ, увидите вашего сына.

— Да, да.... сказало, сказало.

— Повремените нѣсколько минутъ, пока я приготовлю молодаго человѣка къ этому радостному свиданію, котораго онъ, конечно, ждетъ съ такимъ же истерпѣніемъ какъ и вы.

— Я думаю, я думаю..... Но позвольте.... Вы знаете, ваше сіятельство, что я взялъ съ собою только двѣ тысячи франковъ, которые получилъ отъ аббата Буссона. Изъ этого я изстратилъ на дорогу и.....

— Вамъ нужны деньги? Извольте, извольте, почтеннѣйшій синьоръ Кавальканти. Вотъ, не угодно ли получить осемь тысячныхъ банковыхъ билетовъ. Теперь я останусь вамъ долженъ еще сорокъ..... Кстати, не худо бы было, знаете, если бы вы покинули эту венгерку. Въ Парижѣ это давно уже вышло изъ моды. Въ вашемъ гардеробѣ, конечно, найдутся другія платья.....

— Въ моемъ гардеробѣ!..... Я, ваше сіятельство.....

— Знаю, знаю; военные люди любятъ ѣздить на-легкѣ. Но вашъ камердинеръ.....

— Мой камердинеръ?.....

— Отправился съ вещами впередъ и занялъ для васъ квартиру въ Hôtel des Princes, въ улицѣ Ришліе. Тамъ у васъ есть и фраки и мундиръ, для торжественныхъ случаевъ. Не забудьте также вашихъ орденовъ. Во Франціи смѣются надъ ними, однако жъ носить..... Ну, теперь, приготовьте ваше родительское сердце къ радостному свиданію съ любезнымъ сыномъ, съ вашимъ милымъ Андреемъ.

И Монте-Кристо, сдѣлавъ Италіянцу прощальный знакъ, исчезъ за драпировкой.

Графъ пошелъ въ голубую комнату, гдѣ дождался молодой человѣкъ высокаго росту, развязный, краєивый, бѣлокурый, съ рыжими усами и черными глазами. Онъ сидѣлъ, небрежно развалившись на софѣ и разсѣянно хлопалъ себѣ по сапогу тросточкой съ золотымъ набалдашникомъ. Увидѣвъ графа, онъ вскочилъ.

— Графъ Монте-Кристо? спросилъ онъ.

— Да. А я, кажется, имѣю честь говорить съ графомъ Андреа Кавальканти?

— Андреа Кавальканти, отвѣчалъ съ поклономъ молодой человѣкъ.

— У васъ есть письмо ко мнѣ?

— Я не говорю вамъ объ этомъ письмѣ, потому что подпись казалась мнѣ немножко странною.

— Синдбадь-Мореходъ?

— Именно.

— Это одинъ изъ короткихъ моихъ пріятелей, Англичанинъ, чудакъ, почти сумасшедшій. Настоящее имя его лордъ Вильморъ.

— А! это другое дѣло! Теперь я все понимаю. Такъ это тотъ самый Англичанинъ, который.... да, да!.... очень хорошо.... Я къ вашимъ услугамъ, графъ.

— И я также къ вашимъ, отвѣчалъ графъ, съ мрачнымъ удовольствіемъ вглядываясь въ смѣлую физиономію и демонскую красоту молодого человѣка: вы очень хорошо сдѣлали, что послѣдовали совѣту моего друга, Синдбада. Вы найдете вашего отца, котораго такъ давно ищете. Вашъ отецъ дѣйствительно здѣсь.

— Мой отецъ дѣйствительно здѣсь? вскричалъ Андреа съ ужасомъ.

— Безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ Монте-Кристо съ улыбкой: вашъ отецъ, маркизъ Бартоломео Кавальканти.

Выраженіе ужаса вмгъ пропало у молодого человѣка.

— Да, продолжалъ, Монте-Кристо: онъ у меня въ домѣ. Я сейчасъ отъ него. Исторія о потерянномъ сынѣ, которую онъ разсказалъ мнѣ, очень трогательна. Его скорбь, опасенія, надежды по этому случаю могли бы составить цѣлую повѣсть, чрезвычайно чувствительную. Наконецъ онъ узналъ похитителей и послалъ имъ выкупъ, за который они согласились выдать васъ и вамъ самимъ открыть ваше благородное происхожденіе. Нѣжный отецъ не пощадилъ ни какихъ суммъ. Вы находились въ южной Франціи, кажется.... около Тулова?

— Да, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: да, я находился въ южной Франціи.

— Мнѣ о васъ говорилъ и писалъ другъ мой, лордъ

Вильморъ, продолжалъ Монте-Кристо: я узналъ, что онъ нашелъ васъ въ неприятномъ положеніи.... не знаю, въ какомъ именно: объ этомъ я не спрашивалъ: я не любопытенъ. Ваши несчастія заинтересовали его, следовательно, вы интересны. Онъ говорилъ мнѣ, что изъ чело­вѣколюбія хочетъ возвратитъ вамъ въ свѣтѣ приличное по­ложеніе, котораго вы лишились. Онъ взялся отыскать вашего отца и отыскалъ. Однимъ словомъ, онъ совершенно устроилъ ваше счастье. Онъ проситъ меня ввести васъ въ парижское общество, гдѣ вы должны занять мѣсто, приличное вашему званію и богатству. Я обѣщалъ сдѣлать все, что отъ меня будетъ зависѣть, и такимъ образомъ, следовательно, становлюсь немножко вашимъ опекуномъ. Такъ не оскорбитесь же моимъ вопросомъ: я желаю знать, не отучили ли васъ отъ этого природнаго вашего общества и свѣта несчастія, которыя вы потерпѣли и которыя ни сколько не ушибаютъ васъ въ моихъ глазахъ?

— На этотъ счетъ вы можете быть спокойны, графъ, отвѣчалъ молодой чело­вѣкъ: похитители, разлучившіе меня съ отцомъ, конечно, съ самаго начала уже имѣли въ виду выкупъ, который наконецъ получили съ моего отца, какъ вы сами изволили сказать. Они разсчитали, что для того чтобы получить хорошій барышъ, нужно не умень­шить, а увеличить мою цѣнность и потому дали мнѣ до­вольно порядочное воспитаніе. Они поступили со мной по­добно тому какъ поступали торгаши въ Малой-Азій, ко­торыя изъ своихъ невольниковъ образовали грамматиковъ, врачей и философовъ, для того, чтобы потомъ по-дороже продать ихъ на римскомъ рынкѣ.

Монте-Кристо улыбнулся съ довольствомъ: онъ, по-ви­димому, меньше ожидалъ отъ сеньора Андреа Каваль­янти.

— Впрочемъ, продолжалъ молодой чело­вѣкъ: если во мнѣ и найдутся какіе-нибудь недостатки воспитанія или несовершенное знаніе свѣтскихъ обычаевъ, то, я думаю, свѣтъ снисходительно проститъ мнѣ ихъ, зная несчастія, которыя преслѣдовали меня отъ самаго рожденія.

— Конечно, отвѣчалъ Монте-Кристо: поступайте въ этомъ, какъ вамъ угодно, графъ, вы самъ себѣ госпо-

день. Однако жъ, я совѣтовалъ бы вамъ не говорить ни слова обо всѣхъ этихъ приключеніяхъ. Ваша исторія цѣлый романъ. А свѣтъ, который чрезвычайно любитъ романы въ желтой оберткѣ, всегда недовѣрчиво смотритъ на живой, ходячій, какъ бы вызолоченъ ни былъ его переплетъ. Замѣтите, что если вы расскажете кому-нибудь вашу трогательную повѣсть, она тотчасъ же разнесется по городу въ совершенно обезображенномъ видѣ. Вы дитя похищенное и найденное, изъ васъ сдѣлаютъ во-первыхъ, — подкидыша, а потомъ и еще Бѣгъ знаетъ что. Черезъ это вы, конечно, можете быстрѣе успѣть въ свѣтѣ, то есть, вы можете сдѣлаться предметомъ любопытства. Но не всякій это любитъ; не всякому пріятно на каждомъ шагу подвергаться наблюденіямъ, изслѣдованіямъ, объясненіямъ.

— Да, конечно.... вы правы, графъ, сказалъ молодой человѣкъ, невольно блѣднѣя подъ пронизательнымъ взглядомъ Монте-Кристо.

— Ну, теперъ, продолжалъ графъ, неуждно ли вамъ обнять вашего почтеннаго родителя? Онъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

Андреа низко поклонился и пошелъ въ указанную гостиную. Монте-Кристо проводилъ его глазами, потомъ подошелъ къ большой картинѣ и посредствомъ скрытой пружины открылъ въ стѣнѣ отверстіе, черезъ которое могъ видѣть и слышать все, что происходило въ гостиной.

— Ахъ! любезный батюшка! вскричалъ Андреа, подходя къ маіору Кавальканти: вы ли это?

— Здравствуй, сынъ мой, съ важностью отвѣчалъ маіоръ.

— Какое счастье свидѣться послѣ такой долговременной разлуки! продолжалъ Андреа, поглядывая на дверь.

— Да, разлука была очень долговременна.

— Обнимитесь же, батюшка!

— Какъ вамъ угодно, сынъ мой.

И они обнялись какъ актеры на сценѣ, то есть, положивъ другъ другу подбородки на плечи.

— И такъ, судьба опять соединила насъ!

— Соединила, сынъ мой.

— И мы никогда уже не разстанемся?

— Нѣтъ, сынъ мой, разстанемся. Ты будешь жить въ Парижѣ, а я отправлюсь назадъ въ Лукку.

— Но прежде отъѣзду, любезный батюшка, вы отдадите мнѣ документы, которыми бы я могъ доказать свое происхожденіе отъ вашей благородной крови?

— Безъ-сомнѣнія. Я затѣмъ только и пріѣхалъ. Вотъ они.

Андреа поспѣшно схватилъ бумаги и пробѣжалъ ихъ со скоростью, которая доказывала проницательный взглядъ и долговременную опытность. На лицѣ его выразилась радость. Потомъ онъ взглянулъ на маіора съ странною улыбкой и вскричалъ по-италіански:

— Скажите, неужели въ Италіи нѣтъ галерей?

— Чтò это за вопросъ? отвѣчалъ маіоръ, выпрямившись.

— Неужели тамъ безнаказанно можно дѣлать такія штуки? За половину этого, любезный мой батюшка, во Франціи, васъ послали бы лѣтъ на пять пользоваться свѣжимъ воздухомъ въ Тулонѣ.

— Чтò? чтò такое? спросилъ Италіанецъ, стараясь сохранить свой важный видъ.

— Скажите откровенно, любезнѣйшій сирьоръ Кавальканти, продолжалъ молодой человѣкъ, взявъ его за руку: сколько вамъ дадутъ, за то, что вы мой родитель?

Маіоръ хотѣлъ говорить.

— Полноте, полноте, перебилъ Андреа: я покажу вамъ примѣръ откровенности. Мнѣ дадутъ пятьдесятъ тысячъ въ годъ, за то, что я вашъ сынъ. Слѣдовательно, вы понимаете, что я отъ васъ не отрекусь.

Маіоръ съ безпокойствомъ оглянулся.

— Будьте спокойны, продолжалъ молодой человѣкъ: мы одни и, ктому же, говоримъ по-италіански. Сколько же вамъ дадутъ?

— Пятьдесятъ тысячъ одновременно.

— Кто вамъ даетъ это?

— Право, не знаю.... не могу сказать навѣрное. Какой-

то аббатъ Буссонн, кажется. А, можетъ-быть, в другой кто-нибудь черезъ него.

— Вѣроятно другой, возразилъ Андреа, потому что я получаю все это и, въ-добавокъ, нахожу любезнаго родителя черезъ какого-то чудака Англичанина. Но.... скажите, вы вѣрите во все, что вамъ обѣщаютъ?

— Какъ же не вѣрить, когда есть убѣдительныя доказательства? отвѣчалъ Италіанецъ, вынувъ изъ кармана горсть золота: но вы понимаете, любезный сынонь мой, что за это мы должны съ своей стороны сыграть наши роли добросовѣстно.

— Разумѣется!

— Я долженъ быть нѣжнымъ отцомъ....

— А я почтительнымъ сыномъ.

— Тутъ, конечно, дѣло идетъ о томъ, чтобы провести кого-нибудь.

— Надобно полагать. Но, конечно, не меня.

— И не меня.

— Можетъ-быть, этого графа?

— Можетъ-быть. Какое намъ дѣло!

— Разумѣется. Такъ будемъ же играть до конца и дружно, любезный батюшка.

— Будемъ, милый сынонь мой.

Въ эту минуту вошелъ Монте-Кристо. Услышавъ его шаги, отецъ и сынонь бросились другъ другу въ объятія.

— Ну, что, маркизь? спросилъ Монте-Кристо: кажется, вы нашли сына по-сердцу?

— Ахъ! ваше сіятельство! я задыхаюсь отъ радости.

— А вы, молодой человекъ?

— Ахъ! я внѣ себя отъ счастья!

— Счастливыи отецъ! счастливыи сынонь!

— Только одно немножко печалитъ меня, сказалъ майоръ: я скоро принужденъ буду уѣхать изъ Парижа и опять разстаться съ милымъ сыномъ.

— О! почтеннѣйшій синьоръ Кавальканти! возразилъ Монте-Кристо: я надѣюсь, вы не уѣдете прежде, чѣмъ я представлю васъ нѣкоторымъ друзьямъ моимъ. Вы сами знаете, что вамъ, какъ отцу, всего приличнѣе ввести сына въ свѣтъ. Я готовъ подать вамъ случай къ этому, со-

гласно желанію почтеннаго аббата Буссонн. Но, вы согласитесь, что я слишкомъ мало имѣю правъ на то, чтобы быть совершеннымъ опекуномъ вашему сыну.

— Конечно, конечно, ваше сіятельство. Мы и такъ много обязаны вамъ.

— Такъ не угодно ли вамъ будетъ пожаловать ко мнѣ въ субботу? У меня будетъ обѣдъ, въ моемъ домѣ, въ Отѣлѣ, въ Фонтанной Улицѣ, номеръ двадцать-осьмой. У меня будетъ нѣсколько человѣкъ гостей и, между прочимъ, баронъ Данглартъ, вашъ банкиръ, черезъ котораго вы посылаете вашему сыну содержаніе. Пріѣжайте. Я бы желалъ, чтобы вы пожаловали въ мундиръ. Оно, знаете, важнѣе.

— А я? спросилъ Андреа.

— Вы? Вы должны одѣться какъ-можно проще: черный фракъ и черные панталоны, лакированные сапоги, бѣлый жилетъ, длинный галстухъ. Вы человѣкъ богатый. Чѣмъ меньше покажете претензій, тѣмъ больше произведете эффекта. Поѣзжайте къ Блену или Веронику: оба хорошіе портные. Если будете покупать лошадей, возьмите у Деведѣ. Фаэтонъ купите у Батиста.

— А въ которомъ часу мы можемъ явиться въ субботу? спросилъ молодой человѣкъ.

— Около половины седьмого.

— Будемъ, сказалъ маіоръ, приложивъ руку къ шляпѣ, по-военному.

Оба Кавальканти раскланялись съ графомъ и вышли.

Монте-Кристо подошелъ къ окну и посмотрѣлъ, какъ они шли черезъ дворъ. Лице его, обыкновенно спокойное и безстрастное, выражало глубокое отвращеніе и презрѣніе.

Позади великолѣпнаго дому, въ улицѣ Сентъ-Онорѣ, гдѣ жилъ королевскій прокуроръ, простирается обширный тѣнистый садъ. За этимъ садомъ есть пустопорожнее мѣсто, отдѣленное отъ саду желѣзною рѣшеткой съ каменными столбами и забранное досками. Это мѣсто когда-то принадлежало къ саду, потомъ было продано. Купившій хотѣлъ строить на другую улицу, параллельную улицѣ Сентъ-Оно

рѣ, но, разорившись, не могъ исполнить своего намѣренія и сталъ отдавать мѣсто въ наемъ подлѣ огородъ, который такъ же, вѣроятно, не удался, потому что мѣсто черезъ нѣсколько времени по-прежнему осталось безъ употребленія. На этомъ одичавшемъ огородѣ стоялъ молодой человѣкъ, въ старой бархатной фуражкѣ, въ простой холщевой блузѣ и съ заступомъ въ рукахъ. По одеждѣ онъ могъ быть принятъ за огородника, но бѣлыя, мягкія руки, прекрасное, благородное лицо и изящные черные усы могли бы подать поводъ къ нѣкоторымъ сомнѣніямъ насчетъ настоящаго его ремесла. Онъ черезъ щель въ заборѣ смотрѣлъ въ садъ королевскаго прокурора, гдѣ въ это время прогуливалась Валентина объ-руку съ мадамозель Евгеніей Данглартъ. Валентина, какъ видно, не безъ намѣренія водила свою гостью именно въ этой части сада: она украдкою отъ Евгеніи по-временамъ взглядывала на заборъ. Погулявъ съ полчаса такимъ образомъ, дѣвушки ушли и черезъ нѣсколько минутъ потомъ Валентина воротилась одна. Не дошедши нѣсколькихъ шаговъ до забора, она остановилась, осмотрѣлась кругомъ и потомъ подошла.

— Морель, вы здѣсь? шепнула она.

— Здѣсь. Здравствуйте, Валентина.

— Вы долго ждали... но вы видѣли отчего.

— Баронесса Данглартъ была у мадамъ Вильфоръ съ визитомъ, а мадамозель Евгенія у васъ. Вы, кажется, очень дружны съ нею? Я этого не зналъ.

— Почему же вы полагаете, что мы очень дружны?

— Да это видно было изъ того, какъ вы держались подлѣ-ручку, и изъ того, какъ разговаривали: можно было подумать, что двѣ пансіонскія подруги сообщаютъ другъ другу свои сердечныя тайны.

— Мы въ самомъ дѣлѣ говорили о сердечныхъ дѣлахъ. Она говорила мнѣ о своемъ отвращеніи къ браку съ викарѣмъ Морсерфомъ, а я ей призналась, что смотрю какъ на величайшее мое несчастье на предположенный союзъ съ барономъ Францомъ д'Эпннѣ.

— Милая Валентина!

— Говоря о человѣкѣ, котораго я не могу любить, я

могла думать о томъ, котораго люблю. Понимаете ли вы теперь мою короткость съ мадамозель Дангларъ?

— Понимаю, понимаю. А вы не знаете, отчего мадамозель Дангларъ не хочетъ выйти за Морсерфа? Она любитъ кого-нибудь другаго?

— Вѣдь я вамъ говорю, что дружба наша не доходитъ до такой короткости.

— Правда, правда. Да и какое мнѣ дѣло до мадамозель Дангларъ! Я не объ ней пришелъ поговорить съ вами.

— Я думаю. Притомъ, вамъ остается минутъ десять не больше.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Морель съ отчаяніемъ.

— Бѣдный Максимилианъ! печально сказала Валентина: какую жизнь вы ведете пзъ-за меня! вы, столько достойный счастья! Вѣрьте, что я очень, очень упрекаю себя за это.

— Вы? упрекаете себя? За что же? Вѣдь я счастливъ, Валентина! Вѣдь я не ропщу на это вѣчное ожиданіе. Я награжденъ за него пятью минутами, впродолженіи которыхъ вижу васъ; двумя словами, которыя слышу отъ васъ, и глубокимъ, неизмѣннымъ убѣжденіемъ, что Богъ не затѣмъ создалъ два столь согласныхъ сердца какъ наши, и не затѣмъ почти чудеснымъ образомъ свелъ ихъ, чтобы потомъ разлучить.

— Хорошо. Максимилианъ; благодарю васъ. Надѣйтесь, надѣйтесь за насъ обоихъ: это дастъ и мнѣ хоть немножко счастья.

— Но что же у васъ опять случилось, что вы такъ скоро оставляете меня сегодня, Валентина?

— Не знаю. Маламъ Вильфоръ велѣла прійти: говоритъ, что имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто важное, о моемъ имѣніи. Ахъ, Боже мой!... пусть бы они взяли у меня это имѣніе и потомъ по-крайней-мѣрѣ оставили бы меня въ покоѣ и на свободѣ. Вѣдь вы не разлюбите меня, когда я буду бѣдна? не правда ли, Морель?

— Валентина! вы знаете, что я скажу и что я думаю. Бросьте, бросьте все, если можете, и будьте моею..... Но что такое хочетъ сообщить вамъ мадамъ Вильфоръ? Вѣроятно, что-нибудь о сватовствѣ?

— Не думаю.

— Послушайте. Я вчера встрѣтилъ Морсерфа.

— Такъ что же?

— Францъ ему другъ и пріятель; вы знаете?

— Знаю.

— Онъ получилъ письмо, которымъ Францъ извѣщаетъ его о скоромъ своемъ возвращеніи.

Валентина поблѣднѣла и оперлась на рѣшетку.

— Боже мой!... неужели! шептала она: по нѣтъ, нѣтъ! Объ этомъ мадамъ Вильфоръ не станетъ говорить.

— Отчего вы такъ думаете?

— Отчего? Не знаю. Но мнѣ кажется, что мадамъ Вильфоръ, хотя видимо не противится, однако жъ не расположена къ этому браку.

— Неужели, Валентина? О! да я за это буду обожать мадамъ Вильфоръ!

— О! не торопитесь, возразила Валентина съ печальною улыбкой.

— Отчего же? Если она нерасположена къ этому браку, такъ можетъ разстроить его и тогда надежда наша вышрывается.

— Не много, другъ мой. Если мадамъ Вильфоръ нерасположена къ одному жениху, такъ это оттого, что нерасположена вообще къ браку.

— Какъ? къ браку! Отчего же она сама вышла замужъ?

— Вы не понимаете меня, Максимиліанъ. Когда, годъ тому назадъ, я говорила, что хочу идти въ монастырь, она, хотя сдѣлала по обязанности нѣсколько возраженій, однако жъ видимо была рада моему намѣренію. Батюшка давалъ свое согласіе тоже по ея убѣжденіямъ, я увѣрена. Только одинъ дѣдушка удержалъ меня. Вы не можете себѣ представить, Максимиліанъ, какъ выразительны глаза этого бѣднаго старика: онъ, въ цѣломъ мірѣ, любитъ одну меня и оставленъ, забыть всѣмъ кромѣ меня. Если бы вы видѣли, какъ онъ посмотрѣлъ на меня, когда узналъ о моемъ намѣреніи; сколько укоризны было въ отчаянномъ взорѣ и слезахъ, которыя безъ жалобы, безъ вздоху текли по неподвижнымъ щекамъ! Ахъ, Максимиліанъ! я почувствовала что-то похожее на угрызение

совѣсти, бросилась къ ногамъ дѣдушки и кричала: Прости! прости, дѣдушка! Пусть пзъ меня дѣлають что хотятъ; пусть отецъ забываетъ обо мнѣ; пусть мачиха преслѣдуетъ меня..... Я тебя не покину. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу. Я могу много страдать, Максимиліанъ: этотъ взглядъ впередъ заплатилъ мнѣ за все, что я перенесу.

— Милая Валентина! вы ангелъ! Но, наконецъ, скажите, какая же польза для мадамъ Вильфоръ, если вы не выйдете замужъ?

— Я богата, Максимиліанъ. У меня отъ маменьки около пятидесяти тысячъ доходу. Дѣдушка и бабушка, маркизъ и маркиза де-Сенъ-Меранъ, оставятъ мнѣ столько же. Дѣдушка Ноарті, какъ по всему видно, намѣренъ сдѣлать меня единственною своею наслѣдницею. Поэтому, сравнительно со мною, братъ Эдуардъ бѣденъ. Мадамъ Вильфоръ любитъ этого мальчика до безумія. Если бы я вошла въ монастырь, все мое имѣніе, доставшись отцу, перешло бы къ Эдуарду.

— Какъ это странно! корыстолюбіе въ молодой и прекрасной женщинѣ! вскричалъ Морель.

— Замѣйте, что она корыстолюбива не для себя, Максимиліанъ, а для своего сына. То, въ чемъ вы ее упрекаете, какъ въ пороки, — почти добродѣтель, потому что происходитъ отъ материнской любви.

— Но, послушайте, Валентина..... если бы вы уступили часть своего имѣнія брату?

— А какъ мнѣ сдѣлать подобное предложеніе, особенно женщинѣ, у которой безпрестанно на языкѣ безкорыстіе и строгая справедливость?

— Валентина, моя любовь всегда была мнѣ священна и, какъ все священное, она соединяется съ почтеніемъ. Никто въ мірѣ, ни даже сестра моя не знаетъ объ этой любви. Валентина, позвольте мнѣ поговорить объ этой любви съ однимъ другомъ.

Валентина затрепетала.

— Случалось ли вамъ, Валентина, чувствовать къ кому-нибудь одно изъ тѣхъ неодолимыхъ влеченій, отъ которыхъ человѣкъ съ перваго взгляду кажется вамъ давно,

давно знакомымъ и роднымъ, хотя вы не можете опредѣлить ни мѣста ни времени, гдѣ видѣли его, такъ, что наконецъ принуждены предположить, что это было въ иномъ мѣрѣ и что ваше влеченіе только пробужденіе воспоминавія? Скажите, чувствовали вы это когда-нибудь?

— Чувствовала.

— Ну, это самое чувствовалъ я при первой встрѣчѣ съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ.

— А давно ли вы съ нимъ сошлись?

— Дней десять назадъ.

— И вы называете другомъ человѣка, съ которымъ познакомились десять дней назадъ? О! Максимилианъ, я не полагала, чтобы вы были такъ щедры на прекрасное имя друга.

— Вы правы по логикѣ, Валентина. Но говорите, что хотите: ни что не заставитъ меня усомниться въ первомъ моемъ чувствѣ. Я вѣрю, что этотъ человѣкъ вмѣшается во все, что со мной случится хорошаго въ будущемъ, которое, какъ мнѣ иногда кажется, глубокой взоръ его видитъ и которымъ могущественная рука его, можетъ-быть, управляетъ.

— Такъ это какой-нибудь чародѣй? спросила Валентина съ улыбкой.

— Да..... не знаю почему, но мнѣ иногда кажется, что онъ чародѣй.

— О! познакомьте меня съ этимъ человѣкомъ, Максимилианъ, сказала Валентина съ грустію: пусть онъ скажетъ мнѣ, буду ли я столько любима, что найду вознагражденіе за всѣ мои страданія.

— Бѣдный другъ мой! Но вы знаете его: это тотъ самый, что спасъ жизнь вашей мачихѣ и ея сыну.

— Графъ Монте-Кристо?

— Онъ самый.

— О! вскричала Валентина: онъ никогда не можетъ быть моимъ другомъ. Онъ слишкомъ друженъ съ моей мачихой.

— Графъ друженъ съ вашей мачихой, Валентина! Нѣтъ, мой инстинктъ не можетъ обмануть меня до такой степени. Я увѣренъ, что вы ошиблись.

— О! если бы вы знали, Максимилианъ!.... Я вамъ скажу только одно: у насъ въ домѣ господствуетъ уже не Эдуардъ, а графъ Монте Кристо. Мадамъ Вильфоръ чуть не обожаетъ его, видитъ въ немъ сводъ всѣхъ человѣческихъ знаній; папенька удивляется, слышите, удивляется ему, его уму и краснорѣчію; Эдуардъ отъ него въ восхищеніи: несмотря на страхъ, который внушаютъ ему большіе черные глаза графа, онъ бѣжитъ къ нему навстрѣчу, лишь-только увидитъ, и хватается за руки, гдѣ всегда находитъ какую-нибудь новую удивительную игрушку. Монте-Кристо здѣсь уже не въ гостяхъ у папеньки или у мадамъ Вильфоръ: Монте-Кристо здѣсь у себя дома.

— Ну, если такъ, Валентина, если дѣла въ такомъ положеніи, какъ вы говорите, то вы уже должны были почувствовать или скоро почувствуете вліяніе его присутствія. Онъ встрѣтилъ Альбера Морсерфа въ Италіи и освободилъ его изъ рукъ бандитовъ. Онъ увидѣлъ мадамъ Дангларъ одинъ разъ и сдѣлалъ ей царскій подарокъ. Ваша матица и вашъ братъ только проѣхали мимо его дому и его Нубиецъ спасъ имъ жизнь. Этому человѣку, очевидно, дана власть надъ событіями и людьми. Взгляните только на него и вы убѣдитесь въ этомъ. Его улыбка такъ вѣжна, такъ пріятна, что я не понимаю, какъ иные могутъ находить ее горькою. Его взглядъ созданъ на то, чтобы читать въ сердцахъ и открывать все доброе и прекрасное. О! скажите, Валентина, улыбался онъ вамъ? Если улыбался, вы, вѣрно, были счастливы.

— Я? О, Боже мой! онъ и не смотрѣлъ на меня. Напротивъ, онъ какъ-будто отворачивается отъ меня, когда нечаянно встрѣтитъ. Я не понимаю отчего онъ кажется вамъ такимъ добрымъ. Если бы у него былъ взглядъ, который вы такъ выхваляете, онъ увидѣлъ бы, что я несчастна; если бы онъ былъ добръ, онъ, увидѣвши, что въ этомъ домѣ я одна печальна, употребилъ бы свое вліяніе сколько-нибудь и въ мою пользу. Вы говорите, что онъ любитъ васъ, Максимилианъ? Но почему вы это знаете? Люди часто показываютъ дружбу именно тѣмъ, кого ненавидятъ или боятся.

— О! Валентина, вы ошибаетесь, клянусь вамъ!

— Если бы я что-нибудь значила въ домѣ, у него, можетъ-быть, и для меня нашлась бы одна изъ тѣхъ улыбокъ, о которыхъ вы говорите. Но онъ видитъ, что я ему ни на что не гожусь, что я слаба и несчастна, и онъ не обращаетъ на меня ни какого вниманія. Кто знаетъ? можетъ-быть, чтобы угодить мадамъ Вильфоръ, онъ станетъ преслѣдовать меня, сколько будетъ можно.... Ахъ, Максимилианъ! простите! вскричала Валентина, замѣтивъ впечатлѣніе, которое эти слова произвели на Мореля: простите! Я шучу: я говорю вамъ объ этомъ человѣкѣ вещи, которыхъ у меня нѣтъ въ душѣ. Я не отрицаю, что вліяніе, о которомъ вы говорите, существуетъ. Я даже сама чувствую это вліяніе; но что жъ мнѣ дѣлать, если я чувствую также, что это вліяніе для меня злое?

— Хорошо, Валентина, полно объ этомъ, сказалъ Морель со вздохомъ: я ему ничего не скажу.

— Другъ мой! я огорчаю васъ, я вижу. Но что мнѣ дѣлать, если я такъ чувствую? Скажите мнѣ, убѣдите меня. Скажите, что для васъ сдѣлалъ этотъ графъ Монте-Кристо.

— Признаюсь, Валентина, вы приводите въ замѣшательство. Онъ для меня ничего не сдѣлалъ. Я вамъ говорю, что привязанность моя къ нему совершенно инстинктивна, безъ всякаго разсужденія. Развѣ солнце сдѣлало для меня что-нибудь? Нѣтъ. Оно только грѣетъ меня; при его свѣтѣ я вижу; вотъ и все. Развѣ аромать цвѣтка сдѣлалъ для меня что-нибудь? Нѣтъ. Онъ услаждаетъ меня точно такъ же какъ и всякаго прохожаго. Таково по началу и чувство мое къ графу, съ тою разницею, что я вижу, какъ онъ явно отдастъ мнѣ предпочтеніе передъ другими. Я вижу, что онъ иначе смотритъ на меня, иначе говоритъ со мною, и тайный голосъ шепчетъ мнѣ, что въ этой непредвидѣнной, неожиданной дружбѣ больше нежели одна случайность. Въ самыхъ простыхъ его поступкахъ, въ самыхъ обыкновенныхъ его словахъ я нахожу какое-то тайное соотношеніе съ моими поступками и съ моими мыслями. Вы посмѣетесь надо мной, Валентина, но съ-тѣхъ-поръ какъ я узналъ этого человѣка, мнѣ пришла странная, даже пелѣвая мысль, будто все, что со

мною случалось и случается хорошаго, происходитъ отъ него. Между-тѣмъ я прожилъ тридцать лѣтъ и никогда не имѣлъ нужды въ чьемъ бы то ни было покровительствѣ. Однако жъ теперь я чувствую, что Монте-Кристо какъ-будто покровительствуетъ мнѣ. Примѣръ я покуда могу указать вамъ одинъ. Онъ приглашаетъ меня въ субботу на обѣдъ. Это, кажется, очень просто въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ мы съ нимъ находимся. Но погодите. На этотъ обѣдъ приглашенъ вашъ отецъ, и маича ваша будетъ. Я встрѣчусь съ ними и кто знаетъ, что можетъ послѣдовать изъ этой встрѣчи. Вы сказали мнѣ, что одно имя мое произвело на вашего отца непріятное впечатлѣніе и что онъ довольно немилостиво отозвался обо всемъ нашемъ семействѣ зато только, что будучи въ Марселѣ зналъ моего отца какъ бонапартиста. Эта странная ненависть, слѣдствіе давно потухшей вражды политическихъ партій, составляетъ единственную важную причину сомнительности нашего положенія, единственную причину того, что мы должны скрывать нашу любовь и ждать исполненія надеждъ отъ будущихъ случаевъ, которые одинъ Богъ можетъ предвидѣть. Но вотъ случай представляется: я встрѣчусь съ вашимъ отцомъ. Повторяю вамъ, что случай этотъ очень простъ, но я вижу въ немъ необыкновенную надежду. Кто же устроилъ этотъ случай? Графъ Монте Кристо. Я говорю себѣ, что этотъ удивительный человѣкъ, который угадываетъ все, прочиталъ въ моихъ глазахъ, разгадалъ мою любовь и нарочно сводитъ меня съ Вильфоромъ и его женой.

— Любезный другъ, возразила Валентина, я сочла бы васъ за духовидца и не шутя боялась бы за состояніе вашего мозга, если бы слышала отъ васъ только подобные сужденія. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ видите въ этой встрѣчѣ что-нибудь больше чѣмъ случайность? Подумайте только. Папенька, который такъ рѣдко выѣзжаетъ, десять разъ уже отказался бы отъ этого приглашенія, безъ мадамъ Вильфоръ, которой страхъ-хотѣлось по-смотреть, каково живетъ у себя этотъ роскошный набабъ. Она съ большимъ трудомъ уговорила папеньку дать слово.

— Что же, Валентина? Это может служить только къ подтвержденію моей мысли!

— Нѣтъ, нѣтъ, Максимиліанъ, побѣрьте мнѣ, что, кромѣ васъ, мнѣ не у кого искать совѣта, помощи и опоры, развѣ у дѣдушки, у существа почти мертваго, и у матушки, у мертвой, у тѣни.

— Я вижу, что вы правы, Валентина: логика за васъ. Но вашъ милый голосъ, всегда столь могущественный надо мной, сегодня не убѣждаетъ меня.

— Другъ мой, Максимиліанъ, вы слишкомъ восторжены и склонны къ фантастическому. Вы не долго будете любить меня.... Человѣкъ, который такъ изобрѣтаетъ поэзію, скоро соскучится въ страсти такой однообразной, какова должна быть наша.... Но.... ахъ, Боже мой! меня клочутъ! Слышите?

— О! Валентина! вскричалъ Морель: вашъ мизинчикъ... просуньте вотъ здѣсь въ отверстіе.... дайте поцѣловать!

— Максимиліанъ, мы дали слово быть двумя голосами, двумя тѣнями, не больше!

— Ну, какъ хотите, Валентина.

— Вы будете довольны, если я исполню вашу просьбу?

— О, да! я буду счастливъ.

Валентина попробовала просунуть пальчикъ сквозь щель между досками. Но это было невозможно. Она встала на скамѣйку и протянула руку черезъ заборъ. Морель вскрикнулъ, схватилъ ее и напечатлѣлъ горячій поцѣлуй. Рука тотчасъ же ускользнула и онъ слышалъ, какъ дѣвушка торопливо побѣжала по саду, можетъ-быть, испуганная новымъ ощущеніемъ, которое испытала.

Между-тѣмъ, въ домѣ прокурора, послѣ визита мадамъ Дангларъ, происходила другая сцена.

Вильфоръ съ женою вошелъ въ комнату къ своему отцу, старику Ноартіе. Поклонившись ему, они выслали его стараго камерлипера и усѣлись.

Ноартіе сидѣлъ въ подвижныхъ креслахъ противъ большаго зеркала, въ которомъ могъ видѣть всю комнату и всѣхъ входящихъ. Разбитый параличомъ, онъ не владѣлъ ни однимъ членомъ кромѣ умныхъ и живыхъ глазъ. Онъ остановилъ ихъ на своихъ дѣтяхъ съ недовѣрчивостью:

церемонный ихъ поклонъ предвѣщалъ нѣчто важное и неожиданное.

Зрѣніе и слухъ оны только, подобно двумъ искрамъ, оживляли еще эту груду органической матеріи, видимо готовую для могилы. И изъ этихъ органовъ только одинъ былъ способенъ обнаруживать внутреннюю жизнь неподвижной статуи. Взглядъ старика походилъ на отдаленный огонекъ, который посреди ночи, въ пустынь, показываетъ блуждающему путнику, что въ этомъ мракѣ, въ этомъ безмолвіи еще бодрствуетъ живое существо. Въ большихъ черныхъ глазахъ, накрытыхъ густыми черными бровями, при совершенно сѣдыхъ волосахъ, рассыпанныхъ по плечамъ, у Ноартіе сосредоточивалась вся сила, вся твердость, вся дѣятельность, весь умъ, нѣкогда одушевившіе цѣлый организмъ. Взглядъ замѣнялъ у него и движеніе руки, и звукъ голосу, и положеніе тѣла. Онъ повелѣвалъ взоромъ и взоромъ благодарилъ. Это былъ мертвецъ съ живыми глазами. И мраморное лицо это было ужасно, когда взоръ изъ-подъ густыхъ бровей мегалъ молніи гнѣва. Оно было страшно для непривычнаго даже тогда, когда озарялось радостью. Только три человекъ понимали рѣчь старика: Вильфоръ, Валентина и старый камердинеръ Барроа, который уже двадцать пять лѣтъ служилъ ему. Но Вильфору было некогда заниматься со старикомъ: онъ посѣщалъ его рѣдко. Вся отрада несчастнаго Ноартіе заключалась въ Валентинѣ, которая силою преданности, любви и терпѣнія научилась понимать каждую мысль и малѣйшее желаніе дѣда. На его рѣчь, нѣмую или непонятную для другихъ, она отвѣчала всѣмъ своимъ голосомъ, всюю физиономіей, всюю душой, такъ что между доброю дѣвушкой и полумертвецомъ, обладавшимъ однако жъ обширными знаніями, глубокою проникательностью и желѣзною волей, нѣрадо завязывалась самая оживленная бесѣда, какую можно себѣ представить. Поэтому истолкованіе обыкновенныхъ желаній и мыслей старика не представляло ей ни малѣйшей трудности. Если же случалось что-нибудь новое, необыкновенное, то и на это у нея былъ способъ: она употребляла словарь. Что же касается до Барроа, то онъ втеченіи двадцати-пяти лѣтъ

такъ хорошо изучилъ всѣ привычки своего барина, что Ноартіе очень рѣдко имѣлъ поводъ спросить что-нибудь. Вильфоръ, какъ мы сказали, тоже не нуждался въ переводчикѣ, и потому оставилъ Валентину въ саду и выслалъ камердинера.

— Батюшка, сказалъ онъ, усѣвшись противъ старика съ одной стороны, между-тѣмъ какъ мадамъ Вильфоръ сѣла съ другой: мы пришли къ вамъ съ важнымъ дѣломъ.

Взоръ старика оставался безстрастнымъ. Вильфоръ, при всемъ стараніи заглянуть въ его душу, ничего не увидѣлъ.

— Мы пришли сообщить вамъ новость, продолжалъ прокуроръ обыкновеннымъ своимъ ледянымъ голосомъ: и мы съ женою увѣрены, что эта новость порадуетъ васъ.

Глаза Ноартіе оставались тусклыми. Онъ только слушалъ.

— Мы выдаемъ Валентину замужъ, продолжалъ прокуроръ.... Свадьба назначена черезъ три мѣсяца.

Старикъ не подавалъ ни какого знака жизни.

— Мы полагали, что это извѣстіе будетъ вамъ пріятно, прибавила мадамъ Вильфоръ: кому же, Валентина, кажется, всегда пользовалась вашимъ расположеніемъ. Намъ остается только сказать вамъ имя молодаго человѣка, котораго мы ей назначили. Это одна изъ лучшихъ партій, на какія Валентина можетъ имѣть притязанія. Это — Францъ де-Кенель баронъ д'Эпинё.

Неподвижныя вѣки старика раздвинулись, зрачки дрогнули. Но Вильфоръ какъ-будто не примѣтилъ этой молніи, и продолжалъ:

— Вы, конечно, понимаете, что Валентину уже пора пристроить, потому что ей девятнадцать лѣтъ. Мы нашли ей партію и порѣшили дѣло, однако жъ не хотѣли сдѣлать этого безъ вашего согласія. Мы устроили такъ, что молодые будутъ жить, если не въ одномъ домѣ съ нами, — это было бы для нихъ неудобно, — то по-крайней-мѣрѣ подлѣ васъ. Вы будете жить съ ними, такъ что можете сохранить всѣ ваши привычки. У васъ кромѣ внучки будетъ еще внукъ. Францъ человѣкъ добрый: онъ будетъ беречь васъ такъ же какъ Валентина.

Молнія глазъ Ноартіе стала кровавою. Въ душѣ старика, очевидно, происходило нѣчто ужасное. Крикъ боли и гнѣву видимо подступилъ къ горлу и, не будучи въ состояніи вырваться, задушалъ старика. Лицо его побагровѣло, губы посинѣли.

Вильфоръ спокойно всталъ и открылъ окно.

— Здѣсь жарко, сказалъ онъ: батюшкѣ душно.

Потомъ онъ воротился, но не сѣлъ.

— Этотъ бракъ пріятель барону д'Эппнѣ и его роднымъ, продолжала мадамъ Вильфоръ: впрочемъ, у него всей родни только тѣтка и дядя. Мать его умерла въ тотъ день, когда онъ родился, а отецъ убитъ черезъ два года потомъ. Слѣдовательно, баронъ совершенно независимъ.

— Настоящая причина этого таинственнаго убійства, прибавилъ Вильфоръ, и исполнители его остались неизвѣстными, хотя подозрѣніе падало на многихъ.

Ноартіе слѣзла такое усиліе, что губы его скорчились, какъ-будто для улыбки.

— Настоящіе убійцы, продолжалъ прокуроръ, тѣ, которые знаютъ за собою это преступленіе, которыхъ правосудіе человѣческое можетъ постигнуть при жизни и правосудіе Божіе по смерти, тѣ, на нашемъ мѣстѣ, были бы счастливы, если бы могли предложить Францу д'Эппнѣ руку своей дочери, чтобы отклонить даже тѣнь подозрѣнія.

Ноартіе успокоился съ твердостью, которой нельзя было ожидать отъ этого разрушеннаго организма.

— Да, я понимаю, отвѣчалъ онъ Вильфору взглядомъ.

Этотъ взглядъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ и глубокое презрѣніе и гнѣвъ.

Вильфоръ пожалъ плечами и сдѣлалъ женѣ знакъ, чтобы она встала. Они поклонились и пошла.

— Не угодно ли вамъ приказать чтѣ-нибудь?

• Старикъ не отвѣчалъ.

— Не позволите ли Эдуарду прійти къ вамъ?

Старикъ съ живостію замычалъ. Это значило — нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Мадамъ Вильфоръ прикусила губы и вышла. Черезъ минуту потомъ вошла Валентина. Одного взгляду для нея

было достаточно, чтобы понять какъ страдаетъ ея дѣдъ и какъ много онъ хочетъ сказать ей.

— Дѣдушка! что съ тобой? вскричала она: тебя огорчили? ты сердился?

Старикъ закрылъ глаза. Это значило — да.

— На кого же? На папеньку?

Старикъ мигнулъ два раза.

— Нѣтъ. На мадамъ Вильфоръ? Нѣтъ. На меня?

Ноартиѣ сдѣлалъ знакъ — да.

— На меня? повторила Валентина съ изумленіемъ.

— Да.

— Что же я сдѣлала, дѣдушка?

Отвѣту не было.

— Тебѣ сказали что-нибудь обо мнѣ?

— Да, отвѣчали глаза съ живостью.

— Что же такое?... Боже мой! я, право, не знаю.... чѣмъ я огорчила тебя, дѣдушка? Что тебѣ сказали?... Ахъ! папенька и мадамъ Вильфоръ были здѣсь?

— Да.

— Они говорили обо мнѣ? Что же такое? Ты хочешь, чтобы я спросила ихъ и чтобы потомъ могла извиниться передъ тобой!

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчали глаза.

— О! ты пугаешь меня. Что же они сказали тебѣ? Ахъ, Боже мой!... А! нашла! сказала она подошедши ближе: они, вѣрно, говорили о моемъ замужствѣ?

— Да, отвѣчали глаза съ сердцемъ.

— Я понимаю. Ты сердился, что я не говорила тебѣ объ этомъ. Но они мнѣ запретили. Они и мнѣ еще не сказали ничего положительнаго, такъ, что я почти сама угадала тайну. Вотъ отчего я не говорила тебѣ. Прости мнѣ, добрый дѣдушка!

Глаза, снова сдѣлавшись мутными и неподвижными, казались, отвѣчали только, что не одно молчаніе сердцѣ старика.

— Что же такое? спросила дѣвушка: ты думаешь, можеть-быть, что я покину тебя? что замужство сдѣлаетъ меня забывчивою?

— Нѣтъ.

— Такъ тебѣ сказали, что баронъ д'Эпиннѣ согласенъ жить съ тобою?

— Да.

— Такъ зачѣмъ же ты сердился?

Глаза старика приняли выраженіе безпредѣльной вѣжливости.

— Я понимаю. Ты любишь меня, дѣдушка?

— Да.

— И ты боишься, что я буду несчастна?

— Да.

— Ты любишь Франца?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Такъ это сватовство огорчаетъ тебя?

— Да.

— О! слушай же, дѣдушка! вскричала Валентина, упавъ на колѣни передъ Ноартіе и заложивъ его руки себѣ за шею: мнѣ тоже грустно и больно! Я тоже не люблю Франца д'Эпиннѣ.

Въ глазахъ старика сверкнула молнія радости.

— Ты помнишь, дѣдушка, какъ ты сердился на меня, когда я хотѣла уйти въ монастырь!

Слеза овлажила сухія вѣки старика.

— Это я хотѣла уйти отъ брака, который приводитъ меня въ отчаяніе.

Дыханіе Ноартіе участилось. Грудь его быстро вздымалась.

— Этотъ бракъ очень огорчаетъ тебя, добрый дѣдушка! Ахъ, если бы ты могъ помочь мнѣ! Если бы мы могли разрушить это предположеніе! Но ты безсиленъ противъ нихъ, хотя умъ твой свѣтелъ и воля тверда. Ты ничего не можешь сдѣлать. О! если бы ты былъ здоровъ! Какой бы ты былъ могучій покровитель твоей бѣдной Валентины! Но теперь ты можешь только печалиться и радоваться вмѣстѣ со мною. Бѣдный дѣдушка!

При этихъ словахъ въ глазахъ Ноартіе выразилась такая насмѣшливая и сострадательная самоувѣренность, что дѣдушка ясно прочитала слова:

— Ты ошибаешься: я еще много могу сдѣлать для тебя.

— Ты можешь, дѣдушка?

— Да.

Потомъ Ноартіс поднялъ глаза къ небу. Это значило, что онъ желаетъ чего-то.

— Чего же ты хочешь, дѣдушка?

Валентина нѣсколько времени пыталась догадаться и высказывала свои мысли по-мѣрѣ-того какъ они являлись у нея. Но старикъ на все отвѣчалъ — нѣтъ. Тогда она взяла словарь и начала называть всѣ буквы азбуки, отъ А до Н, на которой взглядъ дѣда остановилъ ее.

— Н. Хорошо, сказала она, и продолжала прибавлять къ этой буквѣ гласныя: на...не....ни....но....

— Да, да, да! сказали глаза.

— Но?

— Да.

Тогда Валентина разложила словарь на пюпитрѣ передъ дѣдомъ и провела пальцемъ по всѣмъ словамъ, которыя начинались этими буквами, пока Ноартіс не остановилъ ее на словѣ *нотаріусъ*.

— Нотаріусъ? Ты хочешь, чтобы позвали нотаріуса?

— Да.

— А папенькѣ сказать объ этомъ?

— Да.

— Скорѣ нужно нотаріуса?

— Да.

Валентина побѣжала къ колокольчику и приказала вошедшему слугѣ позвать Вильфора.

— Доволенъ ты, дѣдушка? спросила Валентина: да?... Я думаю! Это не легко было найти!

И она улыбнулась дѣду, какъ улыбнулась бы ребенку. Баррета воротился съ Вильфоромъ.

— Чтѣ вамъ угодно? спросилъ Вильфортъ.

— Дѣдушка требуетъ нотаріуса, отвѣчала Валентина.

Вильфортъ съ удивленіемъ взглянулъ на старика.

— Да, отвѣчалъ тотъ съ твердостью, которая показывала, что при помощи Валентины и стараго камердинера, которыхъ уже извѣстно его желаніе, онъ готовъ выдержать борьбу.

— Вы требуете нотаріуса? повторилъ Вильфортъ.

— Да.

— На что?

Старикъ не отвѣчалъ.

— Но на что же вамъ нотаріусъ?

Глаза оставались неподвижны. Это значило — я стою на своемъ.

— Я полагаю, что это совершенно ненужная прихоть, продолжалъ Вильфоръ.

— Однако жъ, замѣтилъ Барроа съ настойчивостью старыхъ слугъ: если баринъ приказалъ позвать нотаріуса, такъ, стало-быть, что ему нужно. Я сейчасъ позову.

И Барроа ушелъ. Онъ не признавалъ другой власти, кромѣ старика Ноартіе и нетерпѣлъ, чтобы какое-нибудь желаніе барина осталось неисполненнымъ.

— Да, я требую нотаріуса, сказалъ старикъ глазами съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: посмотримъ, кто осмѣлится неисполнить моего желанія!

— Ну, хорошо, нотаріусъ придетъ, если вы непремѣнно хотите, сказалъ Вильфоръ: но я долженъ буду извиниться передъ нимъ за себя и за васъ, потому что мы съиграемъ съ нимъ очень смѣшную сцену.

Ноартіе краснорѣчиво взглянулъ на Валентину. Дѣвушка поняла этотъ взглядъ и Вильфоръ тоже, потому что лобъ его омрачился, брови нахмурились. Онъ съ досадою придвинулъ стулъ и сѣлъ. Ноартіе смотрѣлъ на него совершенно равнодушно, а Валентинѣ украдкою велѣлъ успокоиться и остаться.

Черезъ три четверти часа потомъ явился нотаріусъ.

— Милостивый государь, сказалъ Вильфоръ, указывая на отца: вы призваны сюда по волѣ господина Ноартіе де-Вильфора. Общій параличъ отнял у него движеніе членовъ и голосъ. Онъ въ такомъ состояніи, что мы съ большимъ трудомъ едва можемъ схватить и растолковать нѣсколько обрывковъ его мыслей....

Ноартіе сдѣлалъ Валентинѣ вызовъ такой важный и повелительный, что она тотчасъ же сказала:

— Я понимаю все, что хочетъ сказать дѣдушка.

— Это правда, прибавилъ Барроа: мы понимаемъ все, рѣшительно все, какъ я уже имѣлъ честь докладывать до-рогою.

— Позвольте, милостивый государь, и вы, сударыня, сказалъ нотаріусъ, обращаясь къ Вильфору и Валентинѣ: это такой случай, въ которомъ должностной человѣкъ не можетъ поступить необдуманно безъ того, чтобы не подвергнуться опасной отвѣтственности. Для законности всякаго акта прежде всего необходимо, чтобы нотаріусъ былъ убѣжденъ, что въ строгой точности исполняетъ волю совершителя. А какъ я не могу быть увѣренъ ни въ согласіи ни въ несогласіи кліента, который не говоритъ, и какъ предметы его желанія и нерасположенія, по причинѣ ослабленнаго состоянія, не могутъ быть доказаны мнѣ ясно, то дѣйствія мои были бы здѣсь не только бесполезны, но и незаконны.

Нотаріусъ собрался идти. Чуть примѣтная улыбка торжества нарисовалась на губахъ королевскаго прокурора.

Ноартіе съ своей стороны взглянулъ на Валентину съ такимъ выраженіемъ скорби, что она загородила нотаріусу дорогу.

— Позвольте, господинъ нотаріусъ, сказала она: дѣдушка говоритъ такимъ языкомъ, который понимать скоро можно научиться. Я васъ сейчасъ научу. Скажите, что вамъ нужно, чтобы вы могли дѣйствовать съ совершенно спокойною совѣстью?

— Для законности акта, сударыня, отвѣчалъ нотаріусъ, нужно чтобы я зналъ въ точности, чего совершитель желаетъ и чего не желаетъ. Актъ можно совершить въ болѣзненномъ состояніи тѣла, но здравье умственныхъ способностей совершенно необходимо.

— Ну, въ этомъ вы легко можете убѣдиться, возразила Валентина: посредствомъ двухъ знаковъ вы увидите, что умъ у моего дѣдушки въ полной силѣ. Онъ лишенъ голосу и движенія, но говоритъ глазами. Когда хочетъ сказать да, онъ медленно закрываетъ глаза; когда нѣтъ, — мигаетъ. Теперь вы знаете довольно, для того, чтобы разговаривать съ нимъ. Попробуйте.

Взглядъ, брошенный старикомъ на Валентину, былъ такъ влаженъ отъ вѣжности и признательности, что и нотаріусъ понялъ его.

— Вы слышали и поняли, что сказала ваша внучка? спросилъ нотариусъ.

Ноартіѣ тихонько закрылъ глаза и опять открылъ.

— И вы подтверждаете то, что она говоритъ? то есть, она назвала именно тѣ знаки, посредствомъ которыхъ вы выражаете ваши желанія?

— Да, отвѣчали глаза.

— Вы посылали за мною?

— Да.

— Вы хотите сдѣлать завѣщаніе?

— Да.

— И вы не хотите, чтобы я ушелъ не сдѣлавши этого завѣщанія?

Старикъ нѣсколько разъ мигнулъ съ необычайною живостью.

— Ну, понимаете ли вы его теперь? спросила Валентина: можете ли вы исполнить волю господина Ноартіѣ законнымъ образомъ?

Но прежде нежели нотариусъ успѣлъ отвѣчать, Вильфортъ отвелъ его всторону.

— Послушайте, сказалъ онъ: вы думаете, что человѣкъ можетъ испытать такое страшное физическое потрясеніе, какъ мой отецъ, и при этомъ не потеряетъ никакого нравственнаго расслабленія?

— Нѣтъ, тутъ вопросъ вовсе не объ этомъ! возразилъ нотариусъ: я сомнѣваюсь только, успѣемъ ли мы разгадать его мысли, чтобы предложить вопросъ, какой нужно.

— Вы видите, что это невозможно, сказалъ Вильфортъ.

Валентина и Ноартіѣ слышали этотъ разговоръ. Взглядъ старика настоятельно требовалъ, чтобы внучка сдѣлала возраженіе.

— Объ этомъ не беспокойтесь, сказала Валентина: какъ бы трудно вамъ ни казалось открыть мысль дѣдушки, я растолкую вамъ каждую. Я уже шесть лѣтъ при немъ ежедневно. Пусть онъ самъ скажетъ, осталось ли во все это время неисполненнымъ хоть одно желаніе, по невозможности объяснить его.

— Нѣтъ, сказали глаза.

— Такъ попытается, сказалъ нотаріусъ: вы согласны, чтобы внучка ваша толковала ваши мысли?

— Да.

— Хорошо. Чего же вы желаете отъ меня? Какой актъ я долженъ совершить?

Валентина стала называть буквы алфавита, потомъ прибавила гласныя, и отыскала въ словарь слово *завѣщаніе* по тому же способу какъ слово *нотаріусъ*.

Нотаріусъ съ удивленіемъ внимательно слѣдилъ за этимъ процессомъ.

— Завѣщаніе! вскричалъ онъ, когда слово было отыскано: завѣщаніе! Дѣло ясно: господинъ Ноартіе хочетъ сдѣлать завѣщаніе!

— Да, да! сказали глаза.

— Вотъ удивительно! Согласитесь, что это очень удивительно! сказалъ нотаріусъ, обращаясь къ смущенному Вильфору.

— Да, конечно, отвѣчалъ тотъ: но еще удивительнѣе будетъ самое завѣщаніе, потому что я не думаю, чтобы статьи могли уложиться на бумагу, слово за словомъ, безъ остроумнаго объясненія моей дочери. А какъ Валентина, можетъ-быть, слишкомъ заинтересована въ этомъ завѣщаніи, то законъ едва-ли можетъ признать ее приличною истолковательницей темной воли господинна Ноартіе-де-Вильфора.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сказали глаза.

— Какъ! Валентина не заинтересована въ этомъ завѣщаніи? спросилъ Вильфоръ.

— Нѣтъ.

— О! теперь, сказалъ съ живостью нотаріусъ, который уже воображалъ, какъ будетъ въ городѣ рассказывать объ этомъ живописномъ эпизодѣ: теперь я вижу, что нѣтъ ничего легче совершенія этого акта, который я считалъ невозможнымъ. Завѣщаніе это, просто, будетъ мистическое, то есть предвидѣнное и допускаемое закономъ, лишь бы только оно было прочитано въ присутствіи семи свидѣтелей, признано передъ ними завѣщателемъ, и совершенно нотаріусомъ передъ ними же. Что жъ касается до времени, то на это завѣщаніе его пойдетъ не много больше чѣмъ

на совершение всякаго другаго. Общія черты остаются всё тѣ же, а изъ подробностей большая часть, по состоянію дѣла, должна быть извѣстна. Чтобы актъ этотъ имѣлъ всю законную силу, мы выполнимъ всѣ нужныя условія. Для большей вѣрности я приглашу еще одного изъ моихъ товарищей, себѣ въ помощники. Довольны ли вы, сударь? приближалъ онъ, обращаясь къ Ноартіе.

— Да, отвѣчали глаза, прояснившись отъ удовольствія.

— Что же онъ хочетъ дѣлать? сказалъ Вильсортъ, который по положенію своему долженъ былъ соглашаться на всѣ законныя требованія отца, а между-тѣмъ не зналъ, къ какой дѣли они клонятся. Онъ послалъ за женою. Барроу, не дождавшись приказанія, уже побѣжалъ за вторымъ нотаріусомъ. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ собрались и второй нотаріусъ явился. Законники въ немногихъ словахъ объяснились. Потомъ старику прочтали форму завѣщанія и, наконецъ, первый нотаріусъ, чтобы начать дѣло, обратился къ Ноартіе и сказалъ:

— Вы знаете, милостивый государь, что завѣщаніе всегда дѣлается въ чью-нибудь пользу или въ ущербъ кому-нибудь?

— Да.

— Вамъ извѣстно, какую сумму составляетъ ваше имущество?

— Да.

— Я назову вамъ нѣсколько цифръ въ восходящемъ порядкѣ. Вы остановите меня, когда я дойду до вашей.

— Да.

Въ этомъ допросѣ было нѣчто торжественное. Никогда борьба разума съ матеріею не была такъ очевидна какъ тутъ, и эрлангъ становилось если не величественнымъ, такъ по крайней мѣрѣ очень любопытнымъ. Всѣ расположились въ кружокъ противъ Ноартіе. Первый нотаріусъ, допрашивая, стоялъ передъ нимъ. Второй сидѣлъ за столомъ и записывалъ, что нужно.

— У васъ нѣтъ больше денегъ на триста тысячъ франковъ? спросилъ нотаріусъ.

— Да.

— У васъ четыреста тысячъ?

Глаза Ноартиё оставались неподвижны.

— Пятьсотъ тысячъ?

Та же неподвижность.

— Шестьсотъ..... семьсотъ.... осемьсотъ..... девять-
сотъ.....

— Да.

— У васъ девятьсотъ тысячъ франковъ?

— Да.

— Въ недвижности?

— Нѣтъ.

— Въ государственныхъ облигаціяхъ?

— Да.

— Эти облигаціи въ вашихъ рукахъ?

Ноартиё взглянулъ на Барроа. Старый слуга вышелъ и черезъ минуту воротился съ небольшою шкатулкой.

— Вы позволите открыть эту шкатулку? спросилъ нота-
риусъ.

Ноартиё позволилъ. Шкатулку открыли и нашли на де-
вятьсотъ тысячъ облигацій.

— Точно такъ, сказалъ нотариусъ, пересчитавъ биле-
ты: очевидно, что умственные способности и память за-
вѣщателя въ полной силѣ и въ здоровомъ состояніи. И
такъ, продолжалъ онъ обращаясь къ Ноартиё: у васъ де-
вятьсотъ тысячъ наличнаго капитала, который доставля-
етъ вамъ около сорока тысячъ доходу?

— Да.

— Кому вы намѣрены завѣщать это имѣніе?

— О! это не подлежитъ сомнѣнію! вскричала мадамъ
Вильфоръ: мосьё Ноартиё любить только одну свою вну-
ку, мадамозель Валентину де-Вильфоръ. Валентина седь-
мой годъ ходитъ за нимъ; она, своими неусыпными попе-
ченіями заслужила нѣжную привязанность и почти призна-
тельность дѣда. Справедливость требуетъ, чтобы она бы-
ла награждена за свои труды.

Глаза Ноартиё метнули молнію, которая показывала, что
онъ очень хорошо понимаетъ настоящій смыслъ рѣчи ма-
дамъ де-Вильфоръ.

— Такъ вы мадамозель Валентинѣ де-Вильфоръ завѣ-
щаете свое имѣніе? спросилъ нотариусъ.

Валентина отступила шага на два и заплакала. Старикъ посмотрѣлъ на нее нѣсколько секундъ съ выраженіемъ глубокой нѣжности, потомъ, обратившись къ нотаріусу, мигнулъ какъ-нельзя выразительнѣе.

— Нѣтъ? спросилъ нотаріусъ: какъ! вы не мамоазслъ Валентину де-Вильфоръ назначаете своею наследницею?

— Нѣтъ, отвѣчали глаза.

— Вы не ошибаетесь? спросилъ нотаріусъ съ удивленіемъ: вы говорите—нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!

Валентина подняла голову. Ее пзумило не лишніе наследства, а то, что она могла возбудить такое чувство, которое обыкновенно бываетъ причиною подобныхъ поступковъ. Но дѣдъ взглянулъ на нее съ такою нѣжностью, что она вскричала:

— О! дѣдушка! добрый дѣдушка! Я вижу, что ты лжшаешь меня только своего имѣнія, а не любви.

— О, да, да! конечно! сказали глаза закрываясь съ выраженіемъ, въ которомъ Валентина не могла ошибиться.

— Благодарю! благодарю! шептала дѣвушка.

Между-тѣмъ этотъ отказъ породилъ въ сердцѣ мамамъ де-Вильфоръ неожиданную надежду. Она подошла къ старику.

— Такъ вы оставляете ваше имѣніе вашему внуку, Эдуарду, любезный батюшка? спросила она.

Отвѣтное молчаніе было ужасно: оно выражало почти ненависть.

— Нѣтъ? спросилъ нотаріусъ: стало-быть, вашему сыну, господину де-Вильфору?

— Нѣтъ! было отвѣтомъ Ноартіе.

Нотаріусы переглянулись. Прокуроръ и его жена чувствовали, что краснѣютъ, одинъ отъ стыда, другая съ досады.

— Но чтѣ же мы сдѣлали, дѣдушка? спросила Валентина: за чтѣ же ты разлюбилъ насъ?

Взглядъ старика быстро коснулся сына и невѣстки и потомъ съ нѣжностью остановился на внучкѣ.

— Ты любишь меня, дѣдушка! Но согласи же эту любовь съ тѣмъ, чтѣ ты теперь дѣлаешь. Ты знаешь меня,

ты знаешь, что я никогда не думала о твоём выѣздѣ. Я сама богата наследствомъ отъ маменьки. Обрядись же.

Ноартиѣ остановилъ взглядъ на рукѣ Валентины.

— Моя рука? спросила она.

— Да.

— Ея рука! повторили всѣ присутствующіе.

— Ахъ, господа! сказалъ Вильфортъ: вы видите, что всѣ наши труды напрасны и что мой отецъ, очевидно, слабоумнѣлъ.

— О! вскричала вдругъ Валентина: я помню! Мой бракъ, не правда ли, дѣлушка?

— Да, да, да! повторилъ старикъ и съ каждымъ разомъ глава его метала молнію.

— Ты сердешься на насъ за этотъ бракъ?

— Да.

— Но это несправедливо! сказалъ Вильфортъ.

— Извините, милостивый государь, возразилъ нотаріусъ: я, напротивъ, нахожу, что все это очень естественно.

— Ты не хочешь, чтобы я вышла за Франца д'Эппвѣ?

— Нѣтъ.

— И вы лишаете свою внучку наследства, за то, что она выходитъ замужъ противъ вашей воли? спросилъ нотаріусъ.

— Да.

— Такъ, что, безъ этого брака, она была бы вашей наследницею?

— Да.

Тутъ вокругъ старика водворилась глубокая тишина. Нотаріусы совѣщались. Валентина, сложивъ руки, смотрѣла на дѣла съ признательною улыбкой. Вильфортъ кусалъ свои тонкія губы. Жена его не могла скрыть радостнаго чувства, которое неволью озарило ея лицо.

— Но мнѣ кажется, сказалъ наконецъ Вильфортъ, что я вѣдь одинъ имѣю право судить, должна или не должна дочь моя выйти замужъ за того, кого я ей назначаю. Я одинъ властенъ въ этомъ. Я хочу, чтобы Валентина вышла за барона д'Эппвѣ, и она будетъ за нимъ.

Валентина рыдая упала въ кресло.

— Милостивый государь, сказалъ нотаріусъ, обращаясь

къ Ноартіе: что вы намѣрены сдѣлать, въ случаѣ, если маркиза Валентина выйдетъ замужъ за барона д'Эпва? Вы намѣрены сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?

— Да.

— Въ пользу котораго-нибудь изъ членовъ вашего семейства?

— Нѣтъ.

— Стало-быть, въ пользу бѣдныхъ?

— Да.

— Но вы знаете, что законъ не позволяетъ вамъ безъ причины совершенно лишить сына наслѣдства?

— Да.

— Такъ вы располагаете по произволу только тою частью, которую назначаетъ законъ?

Ноартіе оставался неподвиженъ.

— Вы хотите располагать всѣмъ?

— Да.

— Но по смерти вашей завѣщаніе могутъ уничтожить.

— Нѣтъ.

— Мой отецъ знаетъ меня, милостивый государь, скажетъ Вильфоръ: онъ знаетъ, что воля его всегда будетъ для меня священна. Ктому же, онъ знаетъ также, что я, по моему положенію, не могу идти въ тяжбу съ бѣдными.

Взоръ Ноартіе выражалъ торжество.

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ нотариусъ у Вильфора.

— Ничего, отвѣчалъ прокуроръ: я знаю, что мой отецъ не перемѣнитъ своихъ намѣреній и потому покоряюсь. Эти девятьсотъ тысячъ франковъ уйдутъ отъ моего семейства, чтобы обогатить больницъ. Но и я также не отступлю отъ своихъ намѣреній изъ-за ребяческой прихоти старика: я поступаю по своей совѣсти.

Вильфоръ съ женою вышелъ и предоставилъ отцу сдѣлать завѣщаніе какое хочетъ. Нотариусы составили актъ, пригласили свидѣтелей, совершили, подписали и отдали на сохраненіе, кому слѣдуетъ.

Воротавшись въ свои покои, Вильфоръ и мадамъ Вильфоръ узнали, что въ гостиной ихъ дожидается графъ Монте-Кристо, который только-что пріѣхалъ. Мадамъ Виль-

Форъ была слишкомъ взволнована; она нерѣшилась тотчасъ же встрѣтиться съ гостемъ и зашла напередъ въ свою спальню. Прокуроръ, будучи болѣе увѣренъ въ себя, прешелъ прямо въ гостиную.

Но какъ ни владѣлъ Вильфоръ своими чувствами, какъ ни хорошо умѣлъ составлять себѣ лицо, онъ не могъ долго стереть мрачное выраженіе, чтобы взгляды графа не примѣтили его.

— Ахъ, Боже мой! что съ вами? спросилъ Монте-Кристо послѣ первыхъ привѣтствій: я пріѣхалъ, вѣроятно, въ ту самую минуту, когда вы составляли какой-нибудь обвинительный актъ, господинъ прокуроръ?

Вильфоръ попробовалъ улыбнуться.

— Нѣтъ, графъ, отвѣчалъ онъ: сегодня я самъ жертва суда: я проигралъ процессъ. Случай, упрямство и безуміе вели дѣло.

— Что же это такое? спросилъ Монте-Кристо съ превосходно сыгранннмъ участіемъ: неужели съ вами въ самомъ дѣлѣ случилось какое-нибудь важное несчастіе?

— О! ничего, отвѣчалъ Вильфоръ съ горькимъ спокойствіемъ: не стоить говорить. Почти ничто: просто денежная потеря.

— Ну, небольшая потеря денегъ, конечно, не несчастіе, при вашемъ состояніи и возвышенномъ, философскомъ умѣ.

— Да меня и беспокоитъ собственно не денежный вопросъ, хотя девятьсотъ тысячъ франковъ, правда, стоятъ сожалѣнія и досады. Но меня особенно огорчаетъ расположеніе судьбы, случая, рока, — не знаю, какъ назвать силу, которая направляетъ на меня ударъ, опрокидывающій мои надежды и разрушающій, можетъ-быть, будущность моей дочери для удовлетворенія прихоти старика, который выжилъ изъ ума.

— Ахъ, Боже мой! что же это такое? вскричалъ графъ: девятьсотъ тысячъ франковъ, сказали вы? Но такая сумма стоить даже сожалѣнія философа. Кто же причинилъ вамъ такое огорченіе?

— Мой отецъ, о которомъ я говорилъ вамъ.

— Моссьё Ноарти? въ самомъ дѣлѣ? Но вы, кажется,

говорилъ мнѣ, что онъ совершенно разбитъ параличомъ и что всѣ его способности уничтожены?

— Да, силы физическія: онъ не можетъ ни говорить, ни двигаться. Однакожъ онъ мыслить, онъ имѣетъ волю и дѣйствуетъ, какъ видите. Я сейчасъ отъ него: онъ дѣлаетъ завѣщаніе.

— Стало-быть, онъ говоритъ?

— Глазами. Одни глаза у него продолжаютъ жить, и, вы видите, они убиваютъ.

— Другъ мой, ты, можешь-быть, преувеличиваешь невыгоды нашего положенія, сказала мадамъ Вильфоръ входя въ гостиную.

Монте-Кристо раскланялся. Она приняла его съ самою привѣтливою улыбкой.

— Скажите, пожалуйста, что это рассказываетъ мнѣ мосье де-Вильфоръ? спросилъ графъ: что за непостижимая немилость?

— Именно, непостижимая! сказалъ Вильфоръ: стариковскій капризь.

— И нѣтъ средства отклонить его отъ этого намѣренія?

— Есть, отвѣчала мадамъ Вильфоръ: отъ моего мужа зависитъ обратитъ это завѣщаніе въ пользу Валентины.

Видя, что супруги начинаютъ говорить загадками, графъ принялъ разсѣянный видъ и съ выраженіемъ одобренія сталъ любоваться на Эдуарда, который наливалъ птицамъ чернилъ въ воду.

— Милая, сказалъ Вильфоръ женѣ: ты знаешь, что я не люблю разыгрывать роль патріарха и что я никогда не воображалъ, будто судьбы міра зависятъ отъ мановенія моей головы. Однако жъ нужно, чтобы рѣшенія мои были сколько-нибудь уважасмы въ моемъ домѣ и чтобы безуміе дряхлаго старика и капризь дѣвочки не опрокидывали предположеній, которыя, я обдумывалъ втеченіи многихъ лѣтъ. Баронъ д'Эннэ былъ мнѣ другъ и союзъ моей дочери съ его сыномъ какъ-нельзя болѣе приличенъ.

— Ты думаешь, что Валентина согласилась съ дѣдомъ?... Въ самомъ дѣлѣ.... вѣдь она всегда сопротивлялась этому сватовству. Я не удивлюсь, если мы увидимъ,

что все, что сегодня происходило, просто — исполненіе условленнаго между ними плана.

— Нѣтъ, не думаю, возразилъ Вильфортъ: отъ десяти-сотъ тысячъ франковъ такъ легко не отказываются.

— Да вѣдь она отказывалась же отъ всего свѣта, когда хотѣла идти въ монастырь!

— Ну, всё-равно, возразилъ Вильфортъ: я говорю, что этотъ бракъ долженъ состояться.

— Несмотря на сопротивленіе батюшки? спросила мадамъ Вильфортъ, затрогивая другую струну.

Монте-Кристо подавалъ видъ, будто не слушаетъ, а между-тѣмъ не проронилъ ни одного слова.

— Я могу сказать, продолжалъ Вильфортъ, что я всегда уважалъ батюшку, потому что къ естественному чувству, родственному, у меня присоединилось сознаніе его нравственнаго превосходства. Но теперь я уже не могу признавать этого превосходства, не могу признавать ума въ старикѣ, который по простому воспоминанію ненависти къ отцу преслѣдуетъ сына. Смѣшно было бы съ моей стороны сообразовать свои поступки съ подобными капризами. Я и теперь продолжаю оказывать батюшкѣ величайшее почтеніе. Я безъ жалобы снесу денежное наказаніе, которому онъ подвергаетъ меня, однако жъ волю мою не перемигну и пусть свѣтъ судить, на чьей сторонѣ былъ здравый разумъ. Я выдамъ Валентину за барона д'Эпиннѣ, потому что, по моему разумѣнію, этотъ бракъ приличекъ и, наконецъ, потому что я отецъ и могу выдать свою дочь, за кого хочу.

— Какъ! сказалъ графъ, у котораго прокуроръ взглядами постоянно выпрашивалъ одобренія: мосье Ноартіе лишаетъ мадамозель Валентину наслѣдства, потому что она выходитъ замужъ за барона д'Эпиннѣ?

— Да, да! именно по этой причинѣ! вскричалъ Вильфортъ, пожимая плечами.

— Или по-крайней-мѣрѣ подъ этимъ предлогомъ, прибавила мадамъ Вильфортъ.

— Это истинная причина, подтвердилъ мужъ: повѣрьте мнѣ, я знаю моего отца.

— Но, понагну ли это? вскричала жена: чѣмъ, а вамъ

спрашиваю, баронъ д'Эпинё хуже для шельмъ Ноартіё не желя другой кто-нибудь?

— Я зналъ одного Франца д'Эпинё, замѣтилъ Монте-Кристо: не тотъ ли это?... Сынъ генерала де-Кевёля, котораго король Карлъ Десятый сдѣлалъ барономъ д'Эпинё.

— Тотъ самый, отвѣчалъ Вильфоръ.

— Да онъ вѣрхрасный молодой человекъ!

— Поэтому-то я и полагаю, что ния его служить только поведемъ, а не причиною, сказала мадамъ Вильфоръ: старикъ—тираны въ своихъ привязанностяхъ. Ноартіё вообще не хочетъ, чтобы его внучка выходила замужъ.

— И вы не знаете причины этой ненависти? спросилъ Монте-Кристо, обращаясь къ Вильфору.

— Не знаю..... вовсе не понимаю.

— Можетъ-быть, какая-нибудь политическая антипатія?

— Это можетъ быть, отвѣчалъ Вильфоръ: батюшка и генералъ д'Эпинё жили въ такое смутное и тревожное время, когда вражда партій и политическіе расколы были очень обыкновенны.

— Вашъ батюшка былъ бонапартистъ, кажется, вы говорили?

— Да; а генералъ д'Эпинё принадлежалъ къ роялистамъ.

— Ну, вотъ, видите! вскричалъ Монте-Кристо: они, вѣроятно, встрѣтились на политическомъ поприщѣ: вотъ и вражда. Это не тотъ ли генералъ д'Эпинё, который былъ тайно убитъ, ночью, по выходѣ изъ клуба бонапартистовъ, куда его завлекли въ надеждѣ завербовать?

Вильфоръ посмотрѣлъ на графа почти съ ужасомъ.

— Не тотъ? спросилъ Монте-Кристо.

— Тотъ самый, отвѣчала мадамъ Вильфоръ: моему мужу именно потому и пришла мысль женить дѣтей, что отцы ненавидѣли другъ друга. Онъ хотѣлъ погасить эту вражду союзомъ любви.

— Идея высокая! вскричалъ Монте-Кристо: мысль, исполненная человѣколюбія, мысль героическая, достойная удивленія всего свѣта. Въ самомъ дѣлѣ удивительно было бы видѣть мадамъ Валентину де-Вильфоръ замужемъ за барономъ Францомъ д'Эпинё.

Вильфортъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на Монте-Кристо, какъ-будто хотѣлъ въ глубинѣ сердца прочесть намѣреніе, съ какимъ сказаны эти слова. Но на губахъ графа была обыкновенная улыбка, а въ глазахъ неподдѣльное удовольствіе.

— Да, сказалъ прокуроръ: хотя для Валентины потеря дѣдовскаго имѣнія составляетъ несчаствіе, однако жъ я не думаю, чтобы этотъ бракъ не состоялся.... я не думаю, чтобы д'Эпиннѣ черезъ это отступился. Онъ увидать, можетъ-быть, что я стѣю этой суммы, я, который жертвую ею, чтобы сдержать ему слово. Онъ разсчитаетъ, что Валентина и безъ того довольно богата имѣніемъ матери, которымъ управляютъ маркизъ и маркиза де-Сенъ-Меранъ.

— А они стѣютъ ся любви, вполне заслуживаютъ, чтобы Валентина угождала имъ такъ же, какъ угождаетъ дѣдушкѣ Ноартіе, прибавила мадамъ Вильфортъ. Они въ будущемъ мѣсяцѣ пріѣдутъ въ Парижъ. Тогда Валентина, послѣ такого огорченія, можетъ избавиться отъ обязанности живо хоронить себя въ комнатѣ дряхлаго старика.

Монте-Кристо съ тайнымъ наслажденіемъ слушалъ нестройные голоса оскорбленныхъ самолюбій и обиженнаго корыстолюбія.

— Но мнѣ кажется, замѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: мнѣ кажется, что, если мадамозель Валентина виновна въ томъ, что выходитъ замужъ противъ воли мосье Ноартіе, такъ это однако жъ не касается до Эдуарда! За что же онъ и его лишаетъ наслѣдства?

— Не правда ли, графъ! вскричала мадамъ Вильфортъ съ выраженіемъ, котораго невозможно описать: не правда ли, что это несправедливость, вопіющая несправедливость? Бѣдный Эдуардъ точно такъ же близокъ мосье Ноартіе какъ и Валентина; а между-тѣмъ, если бы Валентинѣ не предстоило выйти за Франца д'Эпиннѣ Ноартіе оставилъ бы ей все свое имѣніе! Не говоря уже о томъ, что Валентина кромѣ всего этого втрое богаче Эдуарда.

— Полно, полно! сказалъ Вильфортъ: оставимъ этотъ разговоръ. Извините, графъ, что мы занимаемъ васъ такими семейными дразгами. Пусть батюшка дѣлаетъ что.

ему угодно. Я поступлю, какъ мнѣ велитъ совѣсть и долгъ и какъ обязанъ поступить, потому что далъ слово.

— Однако жъ, возразила мадамъ Вильфоръ, возвращаясь къ единственной мысли, которая шевелелась въ глубинѣ ея души: можетъ-быть, лучше будетъ сообщить барону д'Эпиннѣ объ этомъ обстоятельстве, чтобы онъ самъ отказался.

— О! это было бы большое несчастіе! вскричалъ Вильфоръ.

— Большое несчастіе? повторилъ Монте-Кристо.

— Безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ Вильфоръ по-тише. Разошедшаяся свадьба, хотя бы и по денежнымъ причинамъ, всегда бросаетъ невыгодную тѣнь на дѣвушку. Ктому же старинные слухи, которые я хотѣлъ заглушить, отъ этого могутъ возобновиться еще сильнѣе. Но нѣтъ, нѣтъ; этого не будетъ. Если д'Эпиннѣ честный человекъ, онъ черезъ это лишеніе наслѣдства сочтетъ себя еще болѣе связаннымъ нежели прежде. Иначе можно будетъ заключить, что онъ дѣйствовалъ изъ одного корыстолюбія. Нѣтъ, это невозможно.

— Я согласенъ съ мосье Вильфоромъ, сказалъ Монте-Кристо, устремивъ взглядъ на мадамъ де-Вильфоръ и если бы я могъ ему совѣтовать, я предложилъ бы связать это дѣло—и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, — такъ крѣпко, чтобы уже невозможно было развязать; я совѣтовалъ бы непременно заключить союзъ, который приноситъ столько чести уму и сердцу мосье де-Вильфора.

Прокуроръ всталъ съ видимымъ восхищеніемъ. Жена его слегка поблѣднѣла.

— Прекрасно! сказалъ Вильфоръ: вотъ все, чего я желаю. Я съ удовольствіемъ держусь совѣта такого человека какъ вы, графъ, прибавилъ онъ подавая ему руку: на все, что сегодня происходило, я смотрю какъ на небывалое. Планъ мой ни сколько не перемѣняется.

— Будьте увѣрены, отвѣчалъ Монте-Кристо, что свѣтъ, какъ онъ ни несправедливъ, отдастъ вамъ справедливость за такой поступокъ: за это я вамъ ручаюсь. Ваши друзья будутъ гордиться этимъ, а д'Эпиннѣ, — хотя бы ему пришлось взять Валентину безъ приданого, — долженъ почестъ

себя счастливымъ, что вступаетъ въ семейство, гдѣ умѣютъ возвыситься до подобнаго пожертвованія, для того чтобы сдержать свое слово и исполнять долгъ.

Говоря это Монте-Кристо всталъ и приготовился идти.

— Вы уже хотите оставить насъ, графъ? спросила леди Вильфортъ.

— Принужденъ, сударыня. Я пріѣхалъ только напомянуть вамъ ваше обѣщаніе на субботу.

— Неужели вы думали, что мы позабудемъ?

— Вы слишкомъ добры, сударыня. Но мосье де-Вильфортъ такъ занятъ.....

— Мой мужъ далъ слово, графъ, перебила прокурорша: а вы видѣли, что онъ держитъ свое слово даже тогда, когда все теряетъ. Какъ же не сдержать тамъ, гдѣ можно только выиграть?

— А гдѣ у васъ будетъ обѣдъ? спросилъ Вильфортъ: въ вашемъ домѣ, на Елисейскихъ Поляхъ?

— Нѣтъ. И это-то еще болѣе возвышаетъ цѣму вашего самопожертвованія: вы обѣщали пріѣхать ко мнѣ на дачу.

— На дачу?

— Да.

— Гдѣ же это? Близко отъ Парижа?

— У самыхъ воротъ. Въ полу-миль отъ заставы. Въ Отѣль.

— Въ Отѣль? вскричалъ Вильфортъ: ахъ, да! правда. Жена говорила мнѣ, что вы живете въ Отѣль. Вѣдь ее подлѣ вашего дому спасли. Въ какомъ же мѣстѣ въ Отѣль?

— Въ Фонтанной улицѣ. Номеръ двадцать-осьмой.

Вильфортъ ничего не сказалъ. Онъ задыхался.

— Вообрази, сказала ему жена: вѣдь это домъ маркиза де-Сенъ-Мерана! Графъ купилъ его. Неправда ли, оченъ хорошенькій домъ, графъ?

— Прелестный! Я доволенъ имъ.

— Представьте же себѣ! Мужъ мой никогда не хотѣлъ жить въ немъ!

— Неужели? Отчего же?

— Я не люблю Отёла, отвѣчалъ прокуроръ, побѣдникъ свое волненіе.

— Но, возразилъ Монте-Кристо съ безпокойствомъ: неужели я буду такъ несчастенъ, что это предубѣжденіе лишить меня удовольствія видѣть васъ у меня въ домѣ?

— Нѣтъ, графъ..... я надѣюсь..... будьте увѣрены, что я сделаю все, что будетъ отъ меня зависѣть.

— О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Монте-Кристо: я не принимаю ни какихъ отговорокъ. Если вы въ субботу въ шесть часовъ не пріѣдете, я Богъ знаетъ что подумаю.

— Пріѣду, графъ, пріѣду! съ живостью возразилъ Вильфоръ.

— Благодарю васъ, сказалъ Монте-Кристо и опять собрался идти.

— Куда же вы такъ торопитесь, графъ? спросила мадамъ Вильфоръ: вы, кажется, хотѣли что-то сказать, но вамъ помѣшали другимъ вопросомъ.

— Право, я не знаю, сударыня, сказать ли?

— Скажите!

— Я, въ качествѣ истиннаго зѣваки, ѣду посмотрѣть на вещь, которая часто по цѣлымъ часамъ занимала меня грезами.

— Что же это такое?

— Телеграфъ.

— Телеграфъ? повторила прокурорша.

— Именно. Часто я видѣлъ изъ-дали эти бѣлыя башни съ длинными черными руками, подобными лапамъ огромнаго жука, и всегда онѣ производили на меня странное впечатлѣніе. Видя, какъ эти непонятные знаки съ строгою точностью равсѣкаютъ воздухъ, и рисуются то на сѣрыхъ облакахъ, то на свѣтлой лазури, я воображалъ, какъ они на сотни миль перебрасываютъ невѣдомую волю человѣка, сидящаго за однимъ столомъ, къ другому человѣку, за другимъ столомъ, въ противоположномъ концѣ линіи. Я удивлялся могуществу мысли, которая управляетъ всѣмъ этимъ, и хохоталъ. Я вѣрилъ тогда въ гениевъ, сильфовъ, въ демоновъ и никогда мнѣ не приходило на мысль вблизи посмотрѣть на этихъ бѣлыхъ насѣкомыхъ съ тощими черными лапами: я боялся найти у нихъ

подъ крыльями маленькаго человѣческаго духа, очень важнаго, надутаго педантизмомъ и напичканнаго наукой, витригой и политикой. Но представьте же себѣ! Въ одинъ прекрасный день я узнаю, что двигатель каждаго телеграфа—бѣднякъ, который получаетъ тысячу двѣсти франковъ жалованья, а за двадцати-пяти-лѣтнюю службу триста франковъ пенсіону, и котораго все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы цѣлый день смотрѣть на своего товарища, на такое же насѣкомое съ черными лапами, и бессмысленно повторять знаки, которыхъ самъ вовсе не понимаетъ. Тогда мнѣ любопытно стало посмотреть на такую улитку и присутствовать при комедіи, которую она изъ середины своей раковины разыгрываетъ съ сосѣдкой, перелерывая нѣсколько снурковъ одни за другими.

— И вы за этимъ-то и ѣдете?

— За этимъ.

— На какой же телеграфъ? Въ министерство внутреннихъ дѣлъ или на обсерваторію?

— О, нѣтъ! Тамъ я нашелъ бы людей знающихъ. Они, пожалуй, принудятъ меня понять вещи, которыхъ я не хочу знать, и противъ моей воли растолкуютъ мнѣ тайны, которыхъ сами не понимаютъ. Нѣтъ! я хочу [сохранить мои мечты о насѣкомыхъ. Довольно и того, что я потерялъ мечты о людяхъ. Поэтому я не пойду ни на министерскій телеграфъ, ни на обсерваторію. Мнѣ нуженъ телеграфъ загородный, телеграфъ въ чистомъ полѣ, такой, гдѣ я могу найти настоящаго двигателя телеграфовъ, совершенно окаменѣлаго человѣка.

— Вы странный человѣкъ! сказалъ Вильфортъ съ улыбкой.

— На какую линію вы присовѣтуете мнѣ отправиться? спросилъ Монте-Кристо.

— Разумѣется, на ту, которая теперь больше всего занята, отвѣчалъ Вильфортъ.

— Стало-быть, на испанскую.

— Разумѣется. Не угодно ли, я достану вамъ записку отъ министра, чтобы вамъ показали....

— Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь я говорю вамъ, что не хочу слышать ни какихъ объясненій. Съ той минуты какъ я пой-

ну что-нибудь, телеграфъ перестанетъ существовать для меня: останется только такое-то приказаніе отъ москѣ Дюшателя или москѣ Монтаживѣ байонскому или другому префекту. Напротивъ, я хочу сохранить чернолапое насѣкомое во всей чистотѣ и въ полномъ уваженіи.

— Такъ побѣжайте же. Черезъ два часа стемнѣетъ и вы ничего не увидите.

— Ахъ! вы пугаете меня. Который же телеграфъ самый ближайшій?

— По байонской дорогѣ шатиліонскій.

— А потомъ?

— Монлерійскій, кажется.

— Благодарю васъ. До свиданія. Въ субботу я вамъ разкажу мои впечатлѣнія.

Монте-Кристо не въ тотъ вечеръ, какъ говорилъ, а на другой день, утромъ, побѣжалъ въ Монлері, изучать нравы насѣкомыхъ, называемыхъ телеграфами.

Въ то же утро Дебрѣ прискакалъ къ баронессѣ Дангларъ.

— У вашего мужа много облигацій испанскаго займа? спросилъ онъ.

— Много.

— Пусть сбывается скорѣе какъ можно, по какой бы то ни было цѣнѣ.

— Отчего такъ?

— Оттого что Донъ-Карлосъ бѣжалъ изъ Буржа и воротился въ Испанію.

— Почему вы знаете?

— Почему я знаю! возразилъ Дебрѣ, пожавъ плечами: спросите, для чего я вамъ даю знать объ этомъ прежде чѣмъ другимъ.

Баронесса побѣжала къ мужу. Дангларъ побѣжалъ продавать облигацій. Лишь-только объ этомъ разнесся слухъ, фонды упали. Дангларъ потерялъ пятьсотъ тысячъ франковъ, но былъ радъ, что избавился отъ облигацій.

Вечеромъ въ газетахъ было напечатано.

«Телеграфическое извѣстіе:

«Король Донъ-Карлосъ скрылся изъ Буржа и воротился въ Испанію черезъ каталонскую границу. Барселона возстала за него.»

Во весь тотъ вечеръ только и рѣчей было, что о предусмотрительности и счастья банкира, который потерялъ только пятьсотъ тысячъ франковъ въ такомъ оборотѣ. Тѣ, которые сохранили свои купоны или купили у Данглара, считали себя разоренными и провели непріятную ночь.

На-утро въ другой газетѣ было напечатано:

«Сообщенное вчера извѣстіе о тайномъ отъѣздѣ донъ-Карлоса и возстаніи Барселоны, не имѣетъ никакого основанія. Король донъ-Карлосъ не выѣзжалъ изъ Буржа и Полуостровъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ. Къ этой ошибкѣ подало поводъ ложное истолкованіе телеграфическаго знака, по причинѣ тумана.»

Фонды опять поднялись гораздо выше прежняго. Для Данглара это составило всего убытку милліонъ франковъ.

— Бѣдный Дангларъ! вскричалъ Монте-Кристо съ состраданіемъ, когда Бошанъ разсказалъ ему объ этомъ приключеніи.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

АНГЛІЙСКІЯ
ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ.

=

Долго одни мужчины пользовались въ Англіи привилегіей умирать отъ скуки въ своемъ отечествѣ и, для отвращенія этого горя, странствовать по разнымъ частямъ свѣта подъ названіемъ «туристовъ», а воротясь на родину издавать описанія своихъ странствованій подъ названіемъ «Tour», «Notes», «Sketches», «Journal», «Diary», и прочая. Они странствовали, вообще, такъ смѣшно и описывали походы свои такъ безвкусно, что наконецъ уронили ремесло: никто впоследствии не сталъ читать ихъ Tours, Sketches и Notes. Женщины взялись исправить дѣло. И это уже не впервые. То же самое было нѣкогда съ романами: когда мужчины, послѣ Вальтеръ-Скотта, испортили романъ, англійскія женщины своимъ тонкимъ и пахучимъ перомъ поддержали его въ славѣ долгое время, до самой смерти романа и погребенія его въ фельетонѣ. Впоследствии романъ имъ наскучилъ: порядочная леди, у которой миллионъ годового дохода, прилично не можетъ писать романа, потому что уже перчатчицы и башмачницы нынче пишутъ романы. Писать романъ, ничего не стоить: състь да и писать; предметъ и всѣ его подробности въ головѣ и въ сердцѣ у каждой. Путешествіе—

дѣло другое: чтобы издать описаніе путешествія, надо сперва путешествовать,—надо истратить огромныя деньги, — надо оставить домъ, семейство, родину; не каждая въ состояніи сдѣлать это. И, вообще, описаніе путешествія гораздо благороднѣе романа: вы посѣщаете иностранныя столицы; васъ принимаютъ, окружаютъ, привѣтствуютъ, изъ того съ кѣмъ вы водите знакомства и дружбы, тотчасъ видно кто вы таковы; приглашенія ко дворамъ свидѣтельствуютъ о вашей знатности; балы и праздники, данные въ честь вамъ, становятся памятниками торжествъ вашей красоты; разговоры съ знаменитыми людьми, приведенные съ должнымъ искусствомъ, выказываютъ всё прелести вашего ума. Вы танцуете съ принцами, съ герцогами, съ маркизами, графами, великіе поэты, знаменитые писатели всѣхъ народовъ, стекаются слушать поэмы вашей души, драмы вашего сердца, понимаютъ никѣмъ непонятое и пишутъ вамъ въ альбомъ премилыя вещи въ стихахъ и въ прозѣ. Кромѣ-того вы имѣете случай, да и право, безпрестанно говорить читателю о себѣ. Это очень пріятно. Постигнувъ такія неопытныя преимущества описаній путешествій, благородныя ladies, honorable и right honourable mistresses, бросились толпами на поприще странствованій, подорвали и уничтожили туристовъ, и сдѣлались туристками сами, въ полномъ значеніи слова *туристками*. Всѣ части туристическаго свѣта поступили въ нихъ вѣдомство: о Парижѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ и говорить нечего: пошлость!—тамъ всё бывають. Россія для нихъ также не въ счетъ: и это очень близко. Онѣ берутъ съ собою собачку, мужа, альбомъ, и отправляются въ Турцію, Грецію, Сирію, Египетъ, Тунисъ, Марокко, Испанію, даже въ Америку, даже въ Индію и Австралію, чтобы имѣть удовольствіе издать въ свѣтъ свое «путешествіе», свой tour, гдѣ все очень искусно сказано, рассказано, не досказано что видѣли глаза, что слышали уши, что чувствовало сердце, словомъ, гдѣ видно какъ на ладони, все, кромѣ шума, о которомъ говорить не стоить.

Число таяхъ «путешествій», вышедшихъ въ послѣдніе годы въ Англіи, неслѣроятно. Мы не беремся составлять изъ статистику. Между ними, мистриссъ Meredith путе-

шествовать по Нове-южному-Валлису, мистриссъ Рооле по Виппу, другая леди по Индiи, третья по Мексикѣ; мистриссъ Houston по Техасу, мистриссъ Roper по Испанiи, мистриссъ Damer по Греции, Турции и Египту, откуда удалось ей привезть въ Европу драгоценную незабудку, *бороду египетскаго лани*; леди Egerton по Палестинѣ, маркиза Londonderry по Турции и Африкѣ, графиня Grosvenor, на своей заколдованной яхтѣ — повсюду. Довольно, если на первый случай мы расскажем, какъ эти дамы путешествовали и что такое онѣ пишутъ.

Новѣйшія англійскія путешественницы могутъ быть раздѣлены на три класса: первый, куда принадлежатъ путешественницы, дѣлающія изъ своей страсти къ движенію нить, къ которой прицѣпляютъ общую исторію страны, пробѣгаемой нии, или рассказъ, созданный ихъ воображеніемъ; второй, состоитъ изъ тѣхъ путешественницъ, которыя провели значительно долгое время въ какой-нибудь землѣ или въ какомъ-нибудь городѣ, и, слѣдовательно, приобрѣли такія свѣдѣнія, которыя сообщаютъ ихъ рассказамъ живѣйшій интересъ; и, наконецъ тѣ, которыя, выйдя изъ общей колѣи, получили привилегію выдавать всякое описаніе, какъ бы оно старо ни было, за новость. Образчикъ перваго рода, мы имѣемъ въ «Письмахъ изъ Италии» миссъ Тельръ (Taylor), книгѣ большого достоинства по правильности изъисканной и очаровательной простотѣ изложенія; «Прогулкѣ верхомъ черезъ Францію и Швейцарію до Флоренціи» мистриссъ Далькентъ (Dalkeet), исполненной новыхъ свѣдѣній, веселости и женской граціи; и въ «Письмахъ мистриссъ Антонъ изъ Швейцаріи къ своимъ дѣтямъ.» Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ проглядываетъ характеръ англійскихъ женщинъ — умъ, высоко образованный воспитаніемъ и привычки простодушной домашней жизни. «Гробницы Этрурии» мистриссъ Гемилтонъ Грѣ (Gray) — превосходный образецъ англійской женской образованности и особенной утонченности вкуса.

Списокъ путешественницъ, прожившихъ долгое время на одномъ мѣстѣ, заслуживаетъ большаго вниманія. Не говоря уже о прекрасныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ, начиная съ «Жизни въ Бразиліи» ле-

ди Колькотъ (Colcott) до «Letters from the shores of the Baltic», можно указать на самыя новѣйшія книги, въ которыхъ описаны совершенно противоположныя страны свѣта, именно, разныя части Индіи, Австраліи и Америки.

Ни въ одномъ изъ этихъ сочиненій нѣтъ рѣзкихъ признаковъ женскаго пера — легкаго слогу, блистательныхъ мыслей, мѣткаго такту, тонкаго ума, — какъ въ «Очеркахъ (Sketches and notes) Ново-южнаго-Валлиса», госпожи Мирдигъ (Meredith). Истинное наслажденіе — сопровождать такую милую писательницу въ ея странствованіяхъ по сушѣ и морямъ. Книга мистриссъ Мирдигъ замѣчательна своими естественно-историческими подробностями. Мистриссъ Мирдигъ извѣстная уже въ садоводственной англійской литературѣ, какъ авторъ прелестнаго сочиненія объ англійской флорѣ «Our wild flowers, romance of nature», наполнила свою новую книгу чрезвычайно занимательными подробностями о другихъ явленіяхъ природы. Птицы, звѣри, рыбы, насѣкомыя, пресмыкающіеся — одинаково привлекаютъ ея вниманіе. Простота и точность описанія сдѣлали бы честь опытному зоологу. Тутъ не видно ни малѣйшаго слѣда педантизма, ни микроскопа, ни гербаріума; простые глаза, пальчики и дѣятельный наблюдательный умъ. Вотъ маленькій образчикъ прелестнаго слогу этой писательницы. Это — истинная поэзія лягушекъ.

«Въ Макваріи, около Батурста, я въ первый разъ видѣла чудесную зеленую австральскую лягушку. Рѣка въ это время года почти совершенно высохла. Только въ глубочайшихъ мѣстахъ образовались болота, въ которыхъ, между множествомъ водяныхъ растений и конфервъ, водятся эти великолѣпныя пресмыкающіяся. Формою и величиною они похожи на самыхъ большихъ англійскихъ лягушекъ, но цвѣтъ ихъ превосходитъ всякое описаніе. Ни между растеніями, ни между драгоценными камнями я не видала ничего, что бы имѣло такіе блестящіе цвѣта. Живая желто-зеленая краска составляетъ основной цвѣтъ одежды животнаго, расписаннаго тысячами отѣнковъ изумруднаго, оливковаго и желтовато-зеленаго цвѣта, съ тончайшими ярко-желтыми жилками, которыя кажутся золотымъ шитьемъ на цвѣтномъ бархатѣ. Эти животныя,

сидя на влажныхъ листьяхъ водяныхъ растеній, преспокойно смотрятъ на васъ своими большими глазами, въ которыхъ выражается самое совершенное наслажденіе. Въ этомъ вы легко можете убѣдиться, смотря съ какимъ удовольствіемъ они бросаются въ прохладную воду и тихо подвигаются впередъ, медленно раздвигая свои длинные члены, въ то время, когда проходятъ между густо переплетенными вѣтвями водяныхъ растеній, покрывающихъ дно рѣки, и, наконецъ, исчезаютъ въ густой массѣ красивыхъ колеблющихся листьевъ. Смотри на эту картину, когда палашее жгучее солнце иссушаетъ ваше тѣло, когда ни малѣйшее дуновеніе вѣтру не прохладждаетъ душевой атмосферы, и когда солнечные лучи, отражаясь отъ голой земли ослѣпляютъ ваши утомленные глаза, нѣтъ ничего легче какъ пожалѣть о томъ, что мы люди, и пожелать быть лягушкою».

Превращеніе саранчи — другой образецъ описательнаго таланту госпожи Мирдиль.

«Въ лѣтніе вечера обыкновенно можно видѣть на вѣтвяхъ деревьевъ, или кустарниковъ, неповоротливую, бурую съ горбатою спинкою, гусеницу, длиною дюйма въ полтора, покрытую чешуйчатою кожею, съ когтистыми ногами, похожими на клешни рака. Я часто приносила ихъ домой и проводила цѣлые часы, глядя съ величайшимъ вниманіемъ, какъ блѣдная тварь эта сбрасывала съ себя смертное или, лучше, земное покрывало, для того, чтобъ возродиться къ новой жизни. Первый признакъ превращенія, это—появленіе небольшой трещины на тѣлѣ между плечъ, сивозъ которую можно видѣть блѣдную, мягкую, подобную шелку, ткань новаго животнаго. Сначала выходитъ наружу тоненькая кубическая головка съ двумя свѣтло-красными глазами, и затѣмъ постепенно прочія части туловища. Потомъ животное освобождаетъ свои бурыя ноги. Блѣдное, блѣлое какъ сливки, слабое, мягкое твореніе выходитъ изъ самого себя, оставляя свою прежнюю оболочку, которая остается цѣлою подобно латамъ древяго воина. На задней части тѣла новаго животнаго лежатъ двѣ крошечныя перепонки, сложенныя въ тысячи складокъ. Вотъ онѣ начинаютъ постепенно расти и въ вашихъ глазахъ преобра-

зовываются въ два широкія, красныя, оловяного пѣту крыла. На слѣдующее утро они становятся прозрачными, между-тѣмъ какъ тѣло приобретаетъ свою твердость и темный цвѣтъ. Положенное на листикъ, это нѣжное твореніе вскорѣ начинаетъ свою однообразную пѣсню, которую продолжаетъ до конца своей беззаботной, счастливой жизни.»

Предѣлы этой статьи не позволяютъ намъ прибавить другихъ выписокъ; мы можемъ только сказать, что никто такъ хорошо не умѣетъ описывать тарантуловъ, скорпионевъ, муравьевъ, пауковъ, крабовъ, тлю, и другихъ маленькыхъ тварей. Впрочемъ, судя по остальной части ея книги, ясно видно, что естественно-историческія наблюденія составляли единственную отраду мистриссъ Мирдл въ Новомъ-южномъ-Валлисѣ.

«Англичанка въ Египтѣ», *The English woman in Egypt*, by Mrs Poole, сочиненіе совершенно другаго рода. Мистриссъ Пуль посѣтила Египетъ изъ привязанности къ своему брату, извѣстному ориенталисту господину Лане, и ея книга — скромное прибавленіе къ его сочиненію «Нынешніе Египтяне.»

Въ прошедшемъ этой древней страны — столько величія, что только высокому знанію, глубокому почтенію къ древности, или простодушному удивленію путешественника можемъ мы извинить то, что онъ осмѣливается пожимать взоры на вѣчные памятники павшаго величія. Безискусственное простодушіе мистриссъ Пуль совершенно оправдываетъ ее въ томъ, что она имѣетъ немного учености, немного чувства; но столько восприимчивости, чтобы понять, что ей нѣтъ нужды умпичать въ такой странѣ, гдѣ самыя памятники, разрушенныя временами года, представляютъ разуму неразрушенное единство. Хотя ея описанія нилотской Нила, разнообразія климата, скотскаго задема, туши и другихъ заравъ въ Египтѣ слишкомъ подробны и не нужны, но имѣютъ достоинство вѣролности: вы убѣждаетесь, что она видѣла все это собственными глазами. Ея описанія правленія и народа не отличаются ни новостію, ни свѣжестію идей, это правда, зато она убѣдительно доказываетъ вамъ, что въ самыхъ жалкихъ лачугахъ обитаетъ

«...старших работ можно еще встретить счастье, и что посред-
ством невежества и суеверия уважают старость и бедуги,
почитают родителей и вбруютъ въ благость и Божіе
Пресидѣніе. Число людей, почти совершенно слѣпыхъ,
особенно стариковъ, поразило меня чрезвычайно; но мнѣ
въ то же время доставило чрезвычайное удовольствіе явное
уваженіе къ нимъ народомъ, всегда уступавшаго имъ мѣсто,
когда они проходили. Я думаю, что всѣ посѣщавшіе Егип-
етъ замѣтили какое уваженіе оказываютъ тамъ къ стар-
шимъ лѣтами, и что это уваженіе отдается одинаково
низкому и знатному. Въ самомъ дѣлѣ народъ воспитывает-
ся въ томъ убѣжденіи, что имѣть сѣдую голову — честь.»

Самую замѣчательную часть книги мистриссъ Пуль со-
ставляетъ описаніе домашняго быту Египтянъ. Мистриссъ
Пуль вступила въ эту страну съ мудрымъ и твердымъ у-
бѣжденіемъ въ томъ, что мы только тогда можемъ найти
удовольствіе посреди чуждаго намъ народу, когда сами бу-
демъ стараться ему понравиться. Она, сколько было возмож-
но, старалась сообразоваться съ привычками и нравами сво-
ихъ хозяевъ, не только изъ уваженія къ образу мыслей на-
рода, но и твердаго убѣжденія въ томъ, что тѣ же самыя ус-
ловія климата и почвы, которыя дѣлаютъ эти обыкновенія
необходимыми для туземцевъ, непременно должны быть
полезны и для ея собственнаго семейства. Уваженіе и лас-
ковый пріемъ, съ которыми она была принята въ глав-
ныхъ гаремахъ Каира, были справедливымъ вознагражде-
ніемъ ея уму и обращенію. Они составляютъ рѣзкую про-
тивоположность съ любопытствомъ и настойчивостью мно-
гихъ новѣйшихъ путешественницъ, которыя втираются
въ восточные гаремы, не для того чтобъ описывать нра-
вы или обычаи ихъ жителей, оказавшихъ имъ госте-
пріимство, что несколько не было бы удивительно, а для
того, чтобы критиковать и осмѣивать ихъ невежествен-
нымъ и глупымъ сравненіемъ съ европейскимъ образомъ
жизни. Мистриссъ Пуль вовсе не удивляется тому, что
египетскія дамы сами приготовляютъ себѣ шербеты, стра-
шаютъ кушанье, или моютъ полы, потому только, что ан-
глійскія леди этого не дѣлаютъ.

«Главное занятіе женщинъ въ гаремахъ — вышиванье

въ пальцахъ, но также и пазворъ за кухню, невольницами и прислужницами; а часто видѣла, что жены важнѣйшихъ лицъ сами страпають свои любимыя кушанья. Шербеты всегда приготовляются ими самими. Фиалковый шербетъ готовится слѣдующимъ образомъ: фиалковыя цвѣты приносятся къ нимъ въ широкихъ серебряныхъ кадкахъ, и рабыни отбирають широкіе внѣшніе лепестки. Потомъ сами барыни кладутъ среднія части фиалковаго цвѣтка въ небольшія ступки и толкутъ ихъ до-тѣхъ-поръ, пока не выжмутъ всего соку, который смѣшиваютъ съ мелкимъ сахаромъ и составляютъ такимъ образомъ шарики сухаго варенья. Приготовленный изъ этого варенья шербетъ имѣетъ яркій зеленый цвѣтъ и превосходный вкусъ. Фиолетовый шербетъ дѣлается изъ розъ, желтый изъ апельсина, абрикосовъ и такъ далѣе.

«Вась удивитъ, что дочь паша, въ присутствіи которой ея прислужницы не смѣютъ поднять глазъ, сама смотритъ какъ моютъ и полируютъ полы въ ея дворцѣ. Въ этомъ случаѣ она съ босыми ногами стоитъ на небольшомъ коврикѣ, и держитъ въ рукахъ серебряную палочку. Около двадцати женщинъ окружають ее; десять льютъ воду, а другія моютъ и полируютъ полъ мягкими камнями.»

Въ «Письмахъ изъ Мадраса» неизвѣстной дамы, находится множество новыхъ свѣдѣній о состояніи общества въ Индіи. Первое, что поразило нашу неизвѣстную путешественницу, это—разница между беззаботнымъ и равнодушнымъ характеромъ мадрасскихъ дамъ и ея собственной живостью. Онѣ не могли ничего сообщить ей, онѣ ни чего не знали, не заботились ни о чемъ. Ихъ умъ, казалось, испарился отъ дѣйствія индійскаго солнца длатого, чтобъ никогда уже не сгущаться снова. Семилѣтній сонъ красавицы въ лѣсу—ничто въ сравненіи съ семилѣтнею летаргіею мадрасскихъ красавицъ.

Книга начинается описаніемъ огромныхъ палатъ, въ которыхъ живутъ Европейцы, продолжительныхъ, скучныхъ обѣдовъ, утомительныхъ разговоровъ о переиѣнахъ по службѣ, препровожденіи времени дамъ, которое преимущественно состоитъ въ утомленіи и отдыхѣ. Больше всего поразили нашу путешественницу, тамошнія при-

служивцы, которыя доставляют ей случаи къ смѣху, но никогда къ жалобѣ.

«Въ Индіи каждый прїѣзжій тотчасъ заводится собственною прислугою, для того, чтобъ ни сколько не беспокоить хозяина. Слуги заботятся о себѣ самымъ страннымъ образомъ. Гдѣ они спятъ и что они ѣдятъ, я не умѣю сказать; потому что они не спятъ въ нашихъ домахъ и не ѣдятъ нашихъ припасовъ. Они, кажется, спятъ на своихъ рогожахъ въ сѣняхъ домовъ и питаются однимъ рисомъ. Но зато и работаютъ очень мало, и каждый дѣлаетъ только свое дѣло. У меня была анхе или служанка и портниха, потому что анхе не умѣютъ шить. Одинъ слуга мететъ комнаты, другой носитъ воду, одинъ чиститъ платья, другой подаетъ обѣдъ, третій засвѣчаетъ свѣчи, другіе прислуживаютъ за столомъ. У каждой лошади есть прислужникъ и прислужница; при каждой собакѣ находится мальчикъ. Этого мало, при каждомъ слугѣ есть еще помощникъ».

Когда настаютъ жары, и начинается дуть постоянный вѣтеръ съ земли, воздухъ становится знойнымъ, какъ въ раскаленной печи. Несмотря на вышину комнатъ, на безпрестанныя обмахиванія и обмакиванія, температура не понижается ниже девяноста градусовъ. Наша путешественница сидѣла на мокрыхъ коврахъ, съ руками, опущенными въ воду. Листья на деревьяхъ засыхаютъ, трава хруститъ подъ ногами какъ снѣгъ въ морозный день; море принимаетъ мертвенный желтый цвѣтъ, воздухъ и свѣтъ—бурый отливъ, какъ-будто бы всѣ элементы страдаютъ желтухою; люди едва двигаются и плачутъ. Но это не продолжается болѣе десяти дней.

Небольшіе доходы въ Индіи — истинная бѣда: то, что было бы въ Англіи роскошью, напримѣръ: огромное помѣщеніе, экипажъ, цѣлый домъ слугъ,—въ Индіи необходимость, неизбежное условіе для здоровья, не говоря уже о комфортѣ.

Взглянемъ теперь на сцену, болѣе сносную. А^{***} назначенъ судьей въ Раджамундра, въ самой индѣйской части Индіи. Онъ отправляется туда съ цѣлымъ грузомъ жинія, арміею слугъ и куклой женой. Здѣсь они вмѣ-

отъ съ раджей посѣщаютъ окрестности, учредляютъ школы для туземцевъ, прокладываютъ дороги, устроятъ мосты на рѣкахъ, оживятъ словомъ, дѣлаютъ добро, сколько могутъ.

Мы могли бы привести еще нѣсколько мѣстъ изъ этой интересной книги, какъ-то: посѣщеніе раджи, сдѣланное между собакою Дашъ и семействомъ обезьянъ, но мы свѣдѣнны перейти къ сочиненію Madame Кальдеронъ де ла Барка.

Сочинительница Англичанка, вышедшая замужъ за испанскаго дипломата, — посланника мадридскаго двора въ Мексикѣ. Книга ея, подъ названіемъ «Жизнь въ Мексикѣ» начинается отъѣздомъ посольства изъ Нью-Йорка. Въ Гавани, первомъ испанскомъ владѣніи, гдѣ вышла на берегъ мадамъ Кальдеронъ, она была принята съ большимъ торжествомъ. Передъ нею мелькаютъ балы, обѣды, оперы, Кресы въ юбкахъ и мужчины миллионеры. Изъ Гаваны новый утомительный переѣздъ на кораблѣ до Вера-Крусъ, гдѣ начинаются новыя прелестности. Отсюда они на мулахъ отправляются въ Мекенку. Забираютъ въ дорогу съ генераломъ Санта-Ана, и потомъ вступаютъ въ пустынные лѣса *torra saliente*, наполненные ананасами, помаранцами, лимонами, бананами, гранатами, розами, муртами, гвоздиками и жасминами. Вдали видѣются волшебныя горы, плодородныя равнины, вымочайшія горы, волны отдаленнаго моря и сафирное небо; и ни одного человеческого существа для одушевленія этой волшебственной картины! И все это въ половинѣ декабря. Прибавьте къ этому дороги, гдѣ можно сломать шею и каждагодневные разбои и грабежи. Наконецъ, отдаленныя волнаны и горы возмущаютъ о близости Меккико. Здѣсь снова начинаются балы, вечера, веренады, маскерады, бой блэкболъ, — все въ честь посланнику. Вышиты моднаго меккикискаго общества, описаніе одежды, брилліантовыхъ украшеній, этикету и скверныхъ слугъ — составляютъ любопытную часть книги госпожи Кальдеронъ.

Нѣтъ никакой возможности сдѣлать за нашу невнимательщицею, которая, кажется, не знаетъ ни страха, ни усталости, ни покою. Все съ утра до вечера возбуждаетъ

онъ любовалъство: постриженіе монахины, крестный ходъ, политическое возмущеніе, гдѣ до основанія разрушаютъ дома, вѣтушня бѣн и бѣн быковъ, балы на воздухѣ, балы во двордахъ, и тысячи другихъ развлеченій доставляемыхъ южнымъ климатомъ и необходимыхъ для жителей юга.

Слѣдующая сцена характеризуетъ и писательницу и страну. Дѣло вѣсть о Нептадегес или клейменіи быковъ.

«На слѣдующее утро ны разо вѣхали на Plaza de Toros. День былъ свѣтлѣй и яснѣй. Всѣ окружающіе жители собрались на это празднество. Деревья до самой ихъ верхушки были усыпаны бронзовыми лицами и черными глазами Индейцевъ. Платформа противъ насъ была набита женами и дочерьми чиновниковъ и мелкихъ владѣльцевъ. Небольшой оркестръ музыкантовъ воздѣлся на возвышеніи, устроенномъ самою природою. Вернардо со своими служителями развѣшалъ кругомъ, приготовляя все нужное для дѣйствія. Я ничего не видала живописнѣе этой сцены. Семь сотъ быковъ были пригнаны на арену съ равнищъ. Глушительное мычанье ихъ навлекло воздухъ ужасными звуками. Пристрастіе Мексиканцевъ къ этому роду охоты — доходить до страсти. Всѣ свои деньги они берутъ къ этому дню, для покупки новаго платья, галушочъ или шляпу, замшевыхъ панталонъ, или вѣнчатаго камзола. Частые несчастные случаи не останавливаютъ ихъ рвенія. Самая необыкновенная часть этого зрѣлища искусство съ какою они бросаютъ своей «лассе», кричать. Быки, повернувъ вгоняютъ въ загородку по одному или по два и по три вдругъ, привѣтствуются рукоплескательни, если они входятъ бодро и свѣжо и шканьомъ и насмѣшками, если побѣгутъ назадъ, что случается не рѣдко. Вотъ вбѣгаютъ три быка. Они останавливаются на минуту, чтобъ осмотрѣть врага. Охотники приближаютъ верхомъ, вооруженные однимъ только «лассо», и криками «Ah Toro» выталкиваютъ ихъ на бѣн. Быки роютъ землю когачи и вдругъ бросаются на лошадей, и часто съ перваго удара нанесуть имъ рану. Быки и всадники ичтатъ голономъ посреда крикомъ и восклицаніи зрителей. Всадникъ бросаетъ «лассо», быкъ освобождаетъ свои рога и свѣжо кидается на нава-

дающего неприятеля; но его участь неизбежна. Нетая вьотся въ воздухъ и затыгиваетъ шею животнаго. Оно падаетъ на землю, въ ярости и отчаяніи, удушасное арканомъ. Неградегов бросается къ быку, спутываетъ ему ноги, и прикладываетъ къ тѣлу его кусокъ раскаленнаго желѣза, имѣющаго форму буквы. Нѣкоторые быки переносятъ эту муку съ спартавскимъ героизмомъ; но другіе, когда раскаленное клеймо проникаетъ вмѣ въ тѣло, выпускаютъ жалобные вопли, оглушающіе всю окрестность. Послѣ этого ихъ развязываютъ, ставятъ на ноги и потомъ выгоняютъ снова въ поле».

Эта картина поразительная и мастерски написанная, была бы превосходна, если бы вышла изъ-подъ пера мужчины. Но въ ней мы не видимъ ни женской руки, ни женскаго сердца. Новѣйшіе философы могутъ говорить и писать что имъ угодно насчетъ моральнаго равенства обонхъ половъ; мы всё-таки не согласимся съ ними. Женщины могутъ быть ораторами и героями въ необыкновенныхъ случаяхъ; мы не отрицаемъ у нихъ способности словомъ и дѣломъ защищать родственника, мужа, ребенка; но внѣ этихъ священныхъ предметовъ, внѣ случаевъ, которые придаютъ высшую степень мужества женскому характеру, какъ бы ни былъ чудесенъ или прекрасенъ предметъ, — женщина можетъ быть увѣрена, что мы, мужчины, всегда съ тайнымъ неудовольствіемъ будемъ смотрѣть на ея усилія.

Описаніе боя быковъ столько же живо и одушевленно, и столько же мало заключаетъ въ себѣ женскаго, несмотря на состраданіе ея къ бѣднымъ животнымъ, помѣщенное тутъ, какъ кажется, изъ приличія.

«Послѣ обѣда мы поѣхали верхомъ на Plaza de Toros. Вечеръ былъ теплый, лошади прекрасны, дорога прелестная и тѣнистая, plaza живописна и окружена деревьями. Для насъ поставлены были стулья на платформѣ. Ярво зеленый цвѣтъ листьевъ, пестрые одежды тореадоровъ, ревъ быковъ, ржаніе лошадей, музыка и крики, ружейныя выстрѣлы Индѣйцевъ, вскарабкавшихся на вѣтви деревьевъ, составляли прелестную сцену, исполненную дикаго величія. Бернардо былъ одѣтъ въ платье изъ голубаго атласу съ золотомъ; пикадоры — въ черномъ съ серебромъ, прочіе

въ фиолетовомъ съ золотомъ. Торeadоры, сражающіеся пѣшкомъ, были въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, въ маленькой шляпѣ съ лентами, сзади которой висѣлъ небольшой пучокъ волосъ. Лошадн, казалось, раздѣляли одушевленіе своихъ всадниковъ. Искусство этихъ людей по истинѣ изумительно; но самое любопытное, это—смѣлость одного кучера, сильнаго, красиваго Мексиканца. Сидя верхомъ на быкѣ, который бѣгалъ и скакалъ, какъ-будто бѣшеный, онъ заставилъ его нѣсколько разъ обскákat кругомъ арены. Быка сначала ловятъ посредствомъ лассо, потомъ сваливаютъ на землю; тореадоръ садится на него въ то время, когда онъ лежитъ. Тогда отпускаютъ петлю, быкъ вскакиваетъ на ноги, и приходитъ въ неистовство, чувствуя на спинѣ непривычную тяжесть. Сойти съ него можно только тѣмъ же путемъ, иначе яростное животное въ одно мгновеніе уничтожитъ дерзкаго всадника. Эта прудѣля чрезвычайно опасна; если всадникъ не усидитъ, смерть его неизбежна. Но Мексиканцы отличные ѣздоки. Увеселеніе было вдругъ прервано наступившимъ мракомъ, ужасною бурей съ дождемъ и громомъ. Мы съѣли на лошадей и поскакали домой.

«Вчера я была еще разъ на боѣ быковъ! Это — какъ мулке; сначала морщишься, а потомъ не можешь безъ него обойтись.»

Мы нисколько не сомнѣваемся въ необыкновенной крѣпости нервовъ мадамъ Кальдеронъ, и увѣрены, что она столь же мужественно простояла бы на мѣстѣ казни. Но мы ее оставляемъ и переходимъ къ книгѣ мистриссъ Ронеръ, «Рона, Дарро, и Гвадалъквивиръ.» Эта прекрасно-написанная книга—образчикъ книгъ нашего третьяго классу. Книга воспоминаній о дальнемъ пути, предпринятомъ для удовольствія и изъ любопытства, требуетъ много времени и денегъ, и слѣдовательно книга, которую могутъ написать только тѣ, у кого то и другое готово къ услугамъ. Къ этому классу писательницъ принадлежатъ исключительно женщины высшаго полету, которыя издавіемъ своего журнала неволью знакомятъ многихъ изъ своихъ читателей съ образомъ жизни и фразеологією общества, совершенно для нихъ чуждаго. Намъ, разумѣется, очень хочет-

си знают какимъ образомъ люди, которые ходятъ въ шелкъ и золото, ѣздить цѣлый день въ изыщной каретѣ, могутъ переносить трудность и лишения страннической жизни. Несмотря на то, что яхта можетъ помѣщать въ себя всё выдумки роскоши, и воздухъ набиты подушками и горничныхъ дѣвушекъ, и чайный приборъ, и дорожныя палатки, и складные стулья, однимъ словомъ, все, что только можно достать за деньги, но всё-таки вѣтеръ можетъ разыгрываться, море волноваться, солнце жечь, пыль подыматься столбами, дождь почить до костей, голодъ, жажда и утомленіе, однимъ словомъ, тысячи вещей, о которыхъ онѣ до этого не имѣли никакого понятія, дѣйствовать на нихъ точно такъ же, какъ-будто бы онѣ были составлены изъ такихъ же мяса и крови, какъ и другіе люди. Со всѣмъ тѣмъ самая взыскательная нынѣшняя дама проѣзжаетъ вдоль и поперекъ Европу, не жалуясь на дурныя дороги, ни на прокислое кушанье, ни на сомнительную постель. Но что такое Европа для нынѣшняго путешественника? Франція, Германія, Швейцарія и Италія занимаютъ очень небольшое мѣстечко въ ихъ дневникѣ. Онѣ отдыхаютъ не въ Дуврѣ, а въ Триестѣ; Константинополь, Иерусалимъ, Каиръ, вотъ города, которые онѣ желаютъ видѣть и потомъ умереть, или возвратиться домой и издать свое путешествіе. Ызда верхомъ замиляется ѣздою на верблюдахъ, дромадерахъ; гондолы уступили мѣсто канкамъ, шарабаны—арбамъ, лонъ-лакен—кавашамъ; пирамиды затмили Везувій. Вмѣсто графовъ и бароновъ онѣ болтаютъ съ бѣлыми и пашами.

При этомъ случаѣ невольно рождается горестная мысль: какаѣ судьба ожидаетъ будущаго туриста? Геологи уверяютъ насъ, что каменнаго угля достанетъ на нѣсколько столѣтій; но кто снабдитъ насъ новыми странами, когда старыя будутъ изъѣзжены вдоль и поперекъ? Хорошо говорить: мѣръ обширенъ; поможетъ ли это, когда у насъ нашихъ современницъ еще обшириѣе? Мы не думаемъ, чтобъ онѣ могли удовольствоваться водопадами или пустынями второй руки. Къ счастью, источники Нила еще не изъѣданы; остаются еще двѣ, три пустыни, гдѣ-то въ Татаріи, и множество острововъ на Тихомъ Океанѣ; мало еще

кто посѣщалъ дварей сѣверной Америки; да и о центральной Америкѣ не написано еще ручной книги. Намъ остается однако жъ благодарить судьбу за то, что она предоставила дамамъ нашего времени разрѣшить многія спорныя мѣста высокой важности въ классическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

Одна изъ нихъ находитъ, что рѣка Иорданъ не очень пріятна по своимъ окрестностямъ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, она очень довольна мѣстоположеніемъ Іерихона. Другая увѣряетъ, что храмъ Тезея въ Афинахъ—настоящая *иришка*, и что храмъ Юпитера Олимпійскаго ей меньше нравится. Но самое важное открытіе, сдѣланное ею то, что одна изъ скалъ Акрополиса имѣетъ большое сходство съ профилемъ лорда Веллингтона.

Леди Гросвиноръ, ни въ какомъ отношеніи не должна быть помѣщаемъ въ число этихъ извѣженныхъ путешественницъ. Ея «Разсказъ о поѣздкѣ на яхтѣ»—чувствительная, хорошо написанная книга, безъ всякой претензіи. Тотчасъ видно, что она написана высоко-образованною, умною женщиною, слишкомъ гордою, чтобъ тщеславиться, женщиною, которая много читала, много и хорошо думала, окруженною съ дѣтства людьми высокаго ума, и предметами художественно-изящными. Книга ея интересна, несмотря на то, что это простой разсказъ ежедневной жизни. Путешествіе ея, совершенное на яхтѣ, принадлежащей ея мужу, ограничивалось посѣщеніемъ Ионическихъ Острововъ, береговъ Африки, Испаніи и Греціи. Это забавляетъ насъ отъ безконечныхъ описаній худыхъ трактировъ. Леди Гросвиноръ энтузіастически любитъ природу, разсказываетъ—чудесно, кое-гдѣ говоритъ правду. Отъ долгой привычки къ жизни на морѣ, почтенная леди подробно ознакомилась съ анатомією своего корабля и техническою частію мореплавательной фразеологій.

Возвращаясь къ мистрисъ Демеръ, мы возвращаемся къ будоарамъ свѣтскихъ женщинъ. Несмотря на то, что свѣтъ закрытъ занавѣсками, воздухъ отягощенъ благовошіемъ, что на каждомъ шагѣ встрѣчаете слѣды мелочности, безотчетности, вустаконъ, всюду проглядываетъ

чистое чувство, истинная веселость, и добродушіе. Она путешествуетъ со всею аристократіею, съ цѣлою ватагою лакеевъ и горничныхъ, съ французскимъ поваромъ, курьеромъ, докторомъ и живописцемъ, но сама дѣлаетъ себѣ постель въ Рамлѣ, сама съ веселостью нарываешь себѣ хворосту въ пустынь. Французскій поваръ ея въ отчаяніи, что не можетъ достать индѣйки для вторичной поѣдки на вершину горы Хореба: мистриссъ Демеръ очень довольна пятью цыпленками, которыми онъ долженъ былъ замѣнить ее. У ней тысячи маленькихъ желаній и прихотей: ей хочется имѣть толпу невольниковъ и чтобы у каждаго изъ нихъ была въ рукахъ свѣча, какъ она видѣла въ гаремѣ у Шами-Бея, потому что «это самый очаровательный способъ освѣщать комнату»; ей хочется купить небольшое мѣстечко, на островѣ Родосѣ, хоть бы для того только, чтобы получать оттуда апельсины и лимоны для своего десерта.

Мистриссъ Демеръ очень остроумно описываетъ Мегемта-Али.

«Я никогда не встрѣчала человѣка такой замѣчательной, умной наружности, никогда не видала такого выразительнаго лица. Взоръ его, за минуту исполненный истинной доброты, становится, если какая-нибудь малость разсердитъ его, дикимъ и суровымъ. Его костюмъ былъ очень простъ: коричневый кафтанъ, опушенный вытертымъ мѣхомъ и красный фесъ. На ногахъ его были надѣты гороховаго цвѣту шелковые чулки. Шубу его держалъ на рукахъ невольникъ. Капитанъ-паша находился съ лѣвой стороны; Богосъ-бей, его первый министръ, и еще пять или шесть человѣкъ недалеко позади; впрочемъ въ положеніи ихъ не было ни малѣйшаго слѣда этикету. Одна только хорошая вещь, принадлежавшая ему, былъ зонтикъ, съ золотою бахромою; имъ завѣдывалъ дурию одѣтый Арабъ.

«Мнѣ сказывали, что, исключая мистриссъ Лайтъ, которая присутствовала при его Іевѣ въ мужскомъ платьи, ни одна изъ европейскихъ женщинъ не видѣла его такъ близко, какъ я. Казалось, что наше желаніе его видѣть доставило ему много удовольствія. Онъ даже замѣтилъ, что

моя Милемп (дочь госпожи Демеръ) должна быть самая молоденькая путешественница его времени. Мы разговаривали съ нимъ посредствомъ переводчика, по-турецки. Онъ хочетъ увѣрить всѣхъ, что не разумѣетъ другаго языка, но я замѣтила, что онъ понималъ наши отвѣты на французскомъ языкѣ, прежде чѣмъ переводчикъ успѣвалъ передать ихъ.»

Но вотъ самое любопытное обстоятельство. Мистриссъ Демеръ придумала совершенно новый родъ коллекцій. Въмѣсто-того, чтобъ наполнять свой альбомъ автографами или портретами замѣчательныхъ людей, она довольствуется локонами ихъ волосъ. Ей удалось въ послѣднее время похитить послѣдніе шесть волосковъ съ одной изъ величайшихъ головъ Европы, поэтому понятно, что она смѣло рѣшилась не упустить такого удобнаго случая, дополнить свою коллекцію волосами изъ подъ тюрбана, нѣтъ, изъ подъ фески египетскаго паша. Мегеметь-Али былъ пораженъ ужасомъ. Но пара прелестныхъ франкскихъ глазокъ смягчала его сердце и хотя онъ сначала хотѣлъ-было отдѣлаться, ссылаясь на какой-то законъ пророка, но наконецъ согласился и даже сдѣлалъ болѣе.

«Онъ отвѣчалъ мнѣ, что для его волосъ слишкомъ много чести находиться въ коллекціи, заключающей въ себѣ волоса Нельсона; но что если потомство разсудитъ иначе, то онъ завѣщаетъ Ибрагиму-пашѣ прислать мнѣ на память свою бороду, а если я не переживу его, то его правѣйшая борода будетъ передана моему сыну, дочери, или тому, кто наслѣдуетъ мою коллекцію волосъ. Онъ разпросилъ меня объ именахъ моихъ дѣтей и велѣлъ записать ихъ своему секретарю.»

Нисколько не удивительно, если потомки мистриссъ Демеръ будутъ клясться бородою паша!

Маркиза Лондондерри, еще одна путешественница изъ высокаго общества, составила эпоху въ лѣтописяхъ турецкой исторіи; мы разумѣемъ здѣсь представленіе ея Оттоманскому Двору. При этомъ случаѣ, она входитъ въ такія подробности, что вы, вѣрно, не слышали ничего подобнаго и даже едва-ли бы имъ повѣрили. Портретъ маркизы Лондондерри въ полномъ придворномъ нарядѣ, по-

мѣщенный въ англійскомъ Альманахѣ «Book of Beauty», представляетъ только прелестное изображеніе аристократической пышности и женской граціи; но для Турковъ такое откровеніе было слишкомъ быстро. Они издали слышали о богинѣ цивилизаціи, но не знали еще, что она ходить безъ покрывала, а еще болѣе *decolletée*. Сначала они выпучили глаза отъ удивленія, но потомъ поворотились къ ней спиною отъ смущенія; говоря цвѣтистымъ языкомъ востока, бѣдные мусульмане побѣжали вспять, лишь-только увидѣли блистательную супругу англійскаго пера; потомъ стали поглядывать на нее изъ за занавѣсокъ, однимъ словомъ, стали дурно вести себя. Даже оправившись отъ паническаго страху, они очевидно не знали что дѣлать, потому что водили ея честь, по дворамъ и террасамъ, какъ-будто бы она была.... что-нибудь другое, а не высокая, могущественная принцесса. Для довершенія всего, когда наконецъ вышелъ Абдуль-Меджидъ, онъ такъ мало обратилъ вниманія на свою гостью, и ушелъ такъ скоро, что кто незнакомъ съ секретнымъ источникомъ политики, которая поддержала благородную маркизу, конечно, почелъ бы все это дѣло глупостью въ высочайшей степени и даже невѣжествомъ.

Представленіе бею тангерскому нѣсколько приличнѣе. Костюмъ маркизы въ этомъ случаѣ, конечно, не могъ бы дать правильнаго понятія объ англійскомъ придворномъ нарядѣ, потому что она явилась въ дорожномъ капотѣ и старой соломенной шляпѣ, на которую навѣсила всѣ свои брилліанты. Но великій Хашъ-Хашъ былъ слишкомъ занятъ считаніемъ своихъ пальцевъ, чтобъ обратить вниманіе на несоотвѣтственность туалета благородной маркизы. «Исключая четырехъ или пяти грубыхъ дѣвокъ, которыя хохотали безъ памяти,» церемонія прошла довольно прилично.

По случаю всего этого, вѣроятно страннаго и, нерѣдко, очень смѣшнаго, невольно приходитъ въ голову мысль о томъ, что и Нѣмки также иногда путешествуютъ. «*Orientalische Briefe*», графини Иды Ганъ-Ганъ, и *Thegesen's Briefe aus dem Süden*, сдѣлали въ послѣднее время впечатлѣніе въ германской публикѣ, — чѣмъ они его сдѣлали, о томъ вѣдаютъ одни Нѣмцы, — другіе народы не могутъ ни рѣчь, и

угадать. Несмотря на великія странности, которыя видѣли мы въ твореніяхъ великобританскихъ туристокъ, надо признаться, что, какъ-скоро дѣло идетъ о настоящей образованности ума, о свѣдѣніяхъ, о наукѣ, объ учености, Англичанки затѣмъваютъ женщинъ всѣхъ прочихъ народовъ,—почти всѣхъ. Странное дѣло! въ ученой Германіи, гдѣ геллертеровъ не оберешься, гдѣ докторовъ философій болѣе чѣмъ у насъ ямщиковъ, гдѣ все помѣшалось на Wissenschaft'ѣ, женщины ничего не знаютъ, что можно и должно знать женщинѣ высоко образованнаго народа. Эти прелестныя Нѣмки—самыя невѣроподобныя невѣжды между всѣми Европейками, исключая можетъ-быть однѣхъ Француженокъ. Всѣ познанія ихъ заключаются въ сердцахъ; вся наука состоитъ въ мечтахъ сентиментальнаго воображенія. Кромѣ стиховъ и романовъ онѣ ничего не читаютъ. О высшихъ свѣдѣніяхъ, о лучшихъ вкусахъ, о знакомствѣ съ *романами природы*, съ естественными науками, съ астрономіей, съ исторіей, съ художествами, не заводите и рѣчи съ ними. Мужчины, въ Германіи, поглотили всю нижнюю мудрость, и на долю женщинъ приходится двойная скука,—ученье мужа и собственное свое незнаніе ничего любопытнаго. Графиня Ида Ганъ-Ганъ извѣстна читателямъ этого журнала какъ сочинительница романовъ и повѣстей, которые являлись въ свѣтъ, съ быстротою, обнаруживающею въ сочинительницѣ творческую дѣятельность. Изданіе этихъ повѣстей было прерываемо иногда разказами о поѣздкахъ въ сосѣднія государства для удовольствія или для здоровья. Наконецъ графиня Ганъ-Ганъ приняла характеръ туристки.

Трудно отдать отчетъ о *фрау графини* Ганъ-Ганъ какъ о путешественницѣ. Достоинства и недостатки въ ея сочиненіяхъ такъ перепутаны между собою, что трудно произнести приговоръ, не будучи несправедливымъ къ однимъ и слишкомъ снисходительнымъ къ другимъ. Она нѣчто въ родѣ Пюхлеръ-Мускау, съ тою разницею, что въ женщинѣ достоинства его гораздо явственнѣе и недостатки отвратительнѣе; и что тѣ и другіе она пишетъ въ высшей степени. Германцы думаютъ, будто главное достоинство графини то, что она пишетъ, такъ, какъ-будто разгова-

риваетъ съ вами; а въ самомъ дѣлѣ, она говоритъ только о себѣ, подобно всѣмъ великимъ говорунамъ, и потому чрезвычайно утомительна. Какъ большая часть ея пишущихъ соотечественницъ, графиня Гауъ-Ганъ дѣлаетъ величайшую ошибку, изливая на бумагу все что думаетъ, и не только то, что думаетъ, но даже почему она думаетъ и какъ думаетъ. Правда, что большая часть этихъ сочиненій имѣетъ форму писемъ къ семейству, не созданному воображеніемъ для того, чтобъ служить посредникомъ между стыдливою женщиною и неумолимою публикою, а къ дѣйствительнымъ братьямъ, сестрамъ и маленькѣ, которые акуратно получаютъ ихъ съ почты и, собравши порядочную коллекцію, издають въ свѣтъ *точно въ томъ видѣ какъ они были написаны*. Но встаетъ этимъ способомъ никакъ невозможно скрыть преобладанія въ сочиненіи перваго лица единственнаго числа. Мы всѣ знаемъ, что существуетъ особеннаго рода эгоизмъ, самый близкій нашему сердцу, къ которому чужіе гораздо снисходительнѣе своихъ, а графиня Гауъ-Ганъ именно принадлежитъ къ эгоистамъ этого рода. Несмотря на это, въ графинѣ-путешественницѣ множество достоинствъ: живость наблюденія, правильность идей, обдуманная свобода выраженія.

Изъѣздивъ всѣ пробитыя дороги въ Европѣ, попиравъ въ Испаніи, обсудивъ Францію, поворчавъ на Швецію, графиня рѣшается на отчаянное для Нѣмки дѣло, ѣхать на Востокъ. Для образчика мы беремъ нѣсколько словъ изъ ея «Писемъ съ Востока».

Говоря о константинопольскихъ собакахъ, стадахъ живыхъ, и остаткахъ околѣвшихъ, непрерывно оскорбляющихъ всѣ чувства, она продолжаетъ:

«Довольно! Не говоря уже о собакахъ, вамъ было бы порядочно трудно пройти черезъ городъ, гдѣ груды падали, нечистотъ и навозу останавливаютъ васъ на каждомъ шагу и въ-особенности запужаютъ углы улицъ. Но не одни собаки обитатели улицъ. Берегитесь! Вотъ идетъ цѣнь лошадей, нагруженныхъ съ каждой стороны мѣшками съ масломъ, которое находится не только внутри, но и снаружи. Берегитесь! сзади васъ идетъ нѣсколько десятковъ воловъ, нагруженныхъ черепицею, досками и другими строительны-

ми матеріалами. Посторонитесь, вотъ справа идутъ люди съ корзинами, наполненными угольями, слѣва идутъ пять, шесть, десять человекъ, несущихъ различные товары, отъ тяжести которыхъ гнется колъ, толщаною въ вашу руку. Не теряйте головы отъ реву ословъ, лаю собакъ, крикомъ носильщиковъ, зазываній продавцовъ сластей и каштановъ, но слѣдуйте за драгоманомъ, который, привычный къ этому шуму, летитъ передъ вами какъ вѣтеръ и потеряется въ толпѣ или исчезнетъ за угломъ. Наконецъ вы на кладбищѣ. Известно, какъ Турки уважаютъ могилы умершихъ, и что они не позволяютъ, подобно намъ Европейцамъ, разрушать гробницъ. Издали это кажется величественнымъ, но вблизи совсѣмъ другое: памятники обрушились и развалились, здѣсь пасутся овцы, тутъ кричатъ гуси, поютъ пѣтухи, въ одномъ мѣстѣ на землѣ сушится бѣлье, въ другомъ плотники стругаютъ доски, изъ одного угла идетъ караванъ верблюдовъ, изъ-за другаго приближается похоронная процессія; дѣти играютъ, собаки бѣгаютъ, однимъ словомъ, здѣсь собрано все что только можетъ быть неприлично для этого мѣста.»

Ея замѣчанія съ пирамидъ едва-ли имѣютъ себѣ подобныхъ:

«Любезный братъ, если бъ кто-нибудь сказалъ мнѣ, въ то время когда я стояла на вершинѣ пирамиды, что между временемъ построения ея и временемъ постройки желѣзной дороги въ Вѣнѣ прошло столько же тысячъ лѣтъ, сколько есть миль отъ нашей планеты до Сириуса, я бы отвѣчала: да! это такъ. Мнѣ казалось, что она стоитъ на островѣ, окруженная эфиромъ, безъ малѣйшей связи со всѣмъ что заставляетъ биться сердца тамъ, внизу. Время, казалось, дало трещинамъ, образовавшимся въ пирамидѣ, большую мрачность нежели какая бываетъ въ самой глубокой изъ разсѣянныхъ высочайшихъ горъ на Альпахъ. На безконечной равнинѣ, разстилающейся подъ вами, нѣтъ ни малѣйшей возвышенности. Это географическая карта, съ дѣвятистыми полосками сине-зелеными, желто-зелеными; и между ними пальмовые лѣса и темныя мѣста садовъ, серебряныя струйки каналовъ. Вдали видится буроватая масса города, покрытая туманными испареніями. И, наконецъ, сравнительно чрезвычайно близко, пустыня, здѣсь уже не

ужасная. Если въ самомъ времени мы находимъ такіа безконечныя пустыни, гдѣ сотни лѣтъ остаются безъ жизни, и только кое-гдѣ возвышается подобно оазису, умственное зданіе, вмѣстѣ съ его строителемъ, почему жъ на землѣ не лежать степи въ нѣсколько сотъ миль? Подобно гению, пирамида попираетъ все лежащее въ ея сосѣдствѣ. Даже Нилъ становится незначущимъ. Какъ горы притягиваютъ облако, такъ пирамида привлекаетъ мысли и заставляетъ ихъ безпрерывно кружиться вокругъ себя».

Въ этихъ письмахъ есть одно обстоятельство, на которое мы невольно должны обратить вниманіе. Мы разумѣемъ случайныя обращенія къ нѣкоторому барону Бистрому, изъ которыхъ должно заключить, что онъ былъ постояннымъ ея спутникомъ, и слѣдовательно, единственнымъ товарищемъ. Съ нашей стороны было бы столько же нечеловѣколюбиво задѣвать репутацію жевщицы, которая во всей книгѣ въ этомъ отношеніи не подаетъ ни какого повода къ преслѣдованію, сколько было бы безразсудно защищать германскую *divorcée*, которая написала «Фаустину».

Наконецъ между путешественниками мы упоминали о прелестной Терезѣ, объ ея «*Therese's Briefe aus dem Süden*». Это—произведеніе госпожи Бахерахтъ, сочинительницы романа «Лидія». Тереза терлется въ такихъ неопредѣленныхъ желаніяхъ, въ такихъ мистическихъ сѣтованіяхъ, въ ея книгѣ такое множество бесѣдъ съ собственною душою, столько страницъ, наполненныхъ описаніемъ сценъ, созданныхъ ея воображеніемъ, что читатель рѣшительно теряетъ изъ виду дорогу, по которой она идетъ, и составляетъ себѣ не слишкомъ лестное понятіе о домѣ путешественницы, откуда она поѣхала. Она молода, богата, здорова и счастлива замужемъ. Несмотря на это, ея письма адресованы къ какому-то другу ея сердца въ мужскомъ платьѣ, который, можетъ—быть, такъ старъ, что годился бы ей въ дѣдушки, и достаточно хладнокровенъ, чтобъ быть ея Менторомъ, но совсѣмъ тѣмъ безпрестанная мысль объ немъ одномъ, безпрестанныя обращенія къ нему одному, заставляютъ подозрѣвать въ этомъ чувствѣ нѣчто болѣе великаго дружбу.

ПИСАТЕЛИ

И УЧЕНЫЕ ПРЕДЪИДУЩАГО ПЯТИДЕСЯТИ-ЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ ЛОРДА БРУМА.

=

ВОЛЬТЕРЪ и РУССО.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Собственно, это знаменитое сочиненіе, которымъ въ настоящее время съ любопытствомъ и нерѣдко со страстью занимается журнальная литература всѣхъ европейскихъ языковъ, имѣетъ заглавіемъ: «Жизнеописанія писателей и ученыхъ, славившихся во время Георга Третьяго» *. Въ книгѣ благороднаго лорда содержатся біографіи Вольтера, Руссо, Юма, Робертсона, Блека, Пристли, Кевендиша, Ватта, Симсона и Дэви, и часть ея, относящаяся къ первымъ двумъ лицамъ, писана авторомъ по-французски и издана въ Парижѣ. Слава и талантъ лорда Брума возлагаютъ на насъ обязанность познакомить русскихъ читателей съ содержаніемъ его творенія. Нельзя не удивляться необыкновенному уму, который успѣлъ собрать и усвоить себѣ такое множество разнообразныхъ свѣдѣній о подробностяхъ жизни людей, столь различныхъ характеровъ, об-

*Lives of men of letters and science who flourished in the time of George III. By lord Brongham. London. 1848.

раза мысли, образованности и роду занятій. Лордъ Брумъ, кажется, хорошо знакомъ съ изящною словесностью, математикой и химіей, какъ и съ личными привычками бѣльшей части героевъ своей книги. Нѣкоторыя мѣста въ этой книгѣ обнаруживаютъ въ авторѣ глубокаго мыслителя, котораго заключенія суть плоды зрѣлаго сужденія и размышленія, а не сдѣланные на скорую руку выводы изъ матеріаловъ, собранныхъ для этой цѣли. Къ несчастію, этого нельзя сказать о всѣхъ его біографіяхъ. Всего неудачнѣе — жизнеописаніе одного изъ блистательнѣйшихъ умовъ прошедшаго столѣтія, именно Вольтера. Все что лордъ Брумъ говоритъ объ его сочиненіяхъ, рассматривая ихъ съ литературной точки зрѣнія, то есть, объ ихъ умственномъ и артистическомъ достоинствѣ, во многомъ справедливо. Но намъ кажется, что достопочтенный лордъ слишкомъ поверхностно изучалъ Вольтера, какъ человека: рисуя его характеръ, лордъ Брумъ просмотрѣлъ многіе хорошо извѣстные факты, и не потрудился оцѣнить какъ слѣдуетъ тѣ, которые самъ приводитъ.

Это тѣмъ удивительнѣе, что знаменитый авторъ строго упрекаетъ всѣхъ предшествовавшихъ ему жизнеописателей Вольтера въ поверхностности сужденій. Онъ очень справедливо замѣчаетъ, что ни одинъ изъ французскихъ біографовъ Вольтера, не потрудился прочесть отъ доски до доски двадцати томовъ его «Переписки». Должно бы надѣяться, что лордъ Брумъ самъ сдѣлаетъ то, чѣмъ пренебрегли его предшественники, и просмотритъ внимательно многочисленныя записки и собранія писемъ приверженцевъ и противниковъ Вольтера, которыя появились въ свѣтъ со времени полнаго изданія собственныхъ писемъ этого остроумца прошлаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи книга лорда Брума далеко не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Новый біографъ совершенно упустилъ изъ виду многія пріключенія и случаи изъ жизни Вольтера, которые достоверно доказаны и объяснены въ сочиненіяхъ, изданныхъ послѣ Кондорсетовой Жизни «патріарха», и которые чрезвычайно важны для того, кто хочетъ понять характеръ и блистательный карріеръ Вольтера. Во всей книгѣ лорда Брума ни одна строчка не доказываетъ, чтобъ онъ когда-нибудь читалъ

Гримиа. Если же онъ и читалъ *Madame Grafigny*, то на-вѣрное ея книга была уже совершенно забыта, прежде не-жели онъ приступилъ къ сочиненію своей собственной.

Лордъ Брумъ, надобно замѣтить, преимущественно ос-новывался на Кондорсетъ, и поэтому его «Жизнь», есть апологія Вольтеру. Совсѣмъ тѣмъ, лордъ Брумъ вовсе не обнаруживаетъ сочувствія къ анти-христіанскимъ мнѣ-ніямъ своего мелочнаго и занятаго собою предшествен-ника.

Вольтеръ, сынъ господина Аруэ, человѣка благород-ной фамиліи, занимавшаго мѣсто казначея въ Счетной Палатѣ, *Chambre des Comptes*, родился двадцатаго февраля 1694 году, въ небольшомъ помѣстьи Вольтеръ, принадле-жавшемъ отцу его. Какъ младшій сынъ, молодой Аруэ обратилъ въ фамилію названіе своего имѣнія. Онъ ро-дился такимъ слабымъ, что хотя былъ окрещенъ немедлен-но, но имя Франца-Мари дано ему было только двадцать-второго ноября. Замѣчательно, что два знаменитые пи-сателя, Фонтнель и Вольтеръ, по слабости своего здо-ровья не подававшіе при рожденіи ни какой надежды на долгое существованіе, прожили между-тѣмъ необыкновен-но долгое время, — сохранивъ большую часть своихъ ум-ственныхъ силъ до послѣдней минуты: Вольтеръ умеръ осьмидесяти-четырехъ лѣтъ, а Фонтнель ста лѣтъ съ нѣсколькими недѣлями.

По тринадцатому году Вольтеръ уже отличился сочине-ніемъ небольшихъ просительныхъ стиховъ къ Дофину, отъ имени одного инвалида, служившаго подъ началь-ствомъ этого принца. Стихи эти довольно хороши и идея въ нихъ счастлива. Они доставили ему случай познако-миться съ знаменитою Ниноюю де-Ланклѣ, которой въ то время было уже девяносто лѣтъ, и которой онъ былъ представленъ своимъ дѣдомъ, аббатомъ Шатонёфъ. Нинона де-Ланклѣ вскорѣ умерла и оставила Вольтеру двѣ тысячи франковъ на покупку книгъ. Испуганный успѣхами сына въ модномъ обществѣ, старикъ Аруэ поспѣшилъ опредѣ-лить его въ школу правовѣдѣнія, надѣясь со временемъ купить для него мѣсто президента. Несмотря на это, Вольтеръ пристрастился къ классическимъ занятіямъ, и по-

стоянно жилъ въ обществѣ своего дѣла, который былъ человѣкъ весьма не строгихъ нравовъ и имѣлъ скептическія мнѣнія. Чрезвычайное ханжество, введенное при Версальскомъ Дворѣ господомъ Ментенонъ, когда ослабѣвшій умомъ и здоровьемъ Людовикъ Четырнадцатый сдѣлался жертвою суевѣрнаго страху, и черезъ то орудіемъ евангелическаго духовенства, породило въ веселыхъ парижскихъ кругахъ сильное противодѣйствіе вторженію мрачнаго аскетизма, которымъ отставная любовница «великаго короля» знаменовала свое послѣднее раскаяніе. Конти, Шолье, Сюлли, ла-Феръ, простерли свое сопротивленіе далѣе, нежели сколько, можетъ-быть, предполагали, и даже далѣе, чѣмъ позволила бы осторожность: они поддерживали всеобщіе споры, даже о предметахъ самыхъ священныхъ, о мнѣніяхъ всѣми принятыхъ, покуда не ввели въ моду «свободномыслія». Въ этомъ-то обществѣ Вольтеръ, еще ребенкомъ, сталъ постепенно забывать свою юриспруденцію и свои религіозныя правила. Надѣясь спасти сына, возвративъ его къ ученымъ занятіямъ и церкви, старикъ Аруэ рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, и нашелъ ему мѣсто чиновника при французскомъ посланникѣ въ Гагъ, близкомъ родственникѣ аббата Шатонёвъ. Здѣсь Вольтеръ влюбился въ дочь одной развратной женщины, госпожи Дюнойе, которая, не находя его хорошимъ женихомъ для своей дочери, успѣла черезъ посланника отослать его обратно во Францію и издала его любовныя письма, которыя, правду сказать, не имѣютъ никакого достоинства. Старикъ Аруэ соглашался принять его иначе, какъ съ условіемъ поступить въ службу къ нотаріусу. Одинъ изъ друзей его семейства, де-Комартенъ, соболѣзнуя къ страданіямъ, которые причиняло Вольтеру такое распоряженіе, выпросилъ ему у старика, позволеніе провести нѣсколько мѣсяцевъ въ своемъ замкѣ, Сентъ-Анжъ. Разговоры съ епископомъ Комартеномъ, въ то время человекомъ уже очень пожилымъ, о Сюлли и Генрихѣ Четвертомъ, подали молодому Вольтеру первую мысль написать свою знаменитую эпическую поэму и исторію.

Смерть Людовика Четырнадцатаго, случившаяся въ то самое время, когда Вольтеръ только-что воротился въ Па-

рижъ, произвела въ высшихъ обществахъ неприличную радость, и породила нѣсколько памфлетовъ, оскорбительныхъ для памяти короля. Одинъ изъ нихъ безъ всякаго основанія былъ приписанъ Вольтеру, и его засадили въ Бастилію. Здѣсь онъ набросалъ первые очерки своей поэмы «Лига», впоследствии названной имъ «Генріадою», и исправилъ трагедію «Эдипъ», которая была уже написана нѣсколько лѣтъ прежде, то есть, когда ему было не болѣе осмнадцати лѣтъ. Заключение его, продолжавшееся нѣсколько недѣль, было найдено совершенно незаконнымъ, почему Регентъ приказалъ немедленно освободить его и въ вознагражденіе выдать небольшую сумму денегъ. Трагедія была однако жъ представлена, спустя два года, въ 1718 году. Чрезвычайно замѣчательно, что когда, въ 1713, Вольтеръ отдалъ ее въ ея необработанномъ видѣ просмотрѣть Дасіе, то этотъ педантъ совѣтовалъ ему прибавить хоры, которые бы пѣлись по примѣру греческой трагедіи. Письмо Дасіе, содержащее въ себѣ этотъ благо-разумный и практической совѣтъ, — сохранилось.

До какой степени сильно было въ Вольтерѣ чувство самоувѣренности, это видно не изъ того, что онъ, будучи осмнадцати лѣтъ, взялся прямо за трагедію, а изъ того, что онъ рѣшился писать поэму на задачу Французской Академіи, еще за два года до этого. Ода была однако жъ отвергнута и премію получило смѣшное сочиненіе аббата Дюжарри. Странно, что первымъ трудомъ Вольтера была поэма религіознаго содержанія.

«Эдипъ» имѣлъ большой успѣхъ. Ламоттъ, пользовавшійся тогда уже репутаціею, объявилъ, что эта трагедія обѣщала въ авторѣ достойнаго наслѣдника Корнелию и Расину. Предразсудки театра заставили Вольтера, вопреки собственному убѣжденію, ввести любовную сцену въ эту трагедію, исполненную ужасовъ. Рассказываютъ, что онъ до такой степени мало заботился о возможности паденія своей пьесы, что самъ хохоталъ надъ свитою перваго жреца. Мадамъ де-Вильяръ, супруга маршала Вильяра, занимавшая первое мѣсто въ тогдашнемъ парижскомъ обществѣ, обратила вниманіе на молодого человѣка, который, казалось, далъ себѣ слово во что бы ни стало уронить траге-

дію; узнавъ, что это самъ авторъ, она до того была поражена этою странностью, что пожелала познакомиться съ Вольтеромъ. Попадъ въ ся общество, Вольтеръ почувствовалъ къ ней первую и, вѣроятно, самую истинную страсть. Его любовь была неуспѣшна; но она отвлекла его отъ занятій. Впослѣдствіи онъ не иначе вспоминалъ объ этой любви, какъ съ чувствомъ сожалѣнія, переходившимъ въ раскаяніе.

Отличительную красоту «Эдипа» составляетъ сильный, пламенный, правильный языкъ. Несмотря на то, что самыя блистательныя мѣста заимствованы изъ Софокла, въ этой трагедіи есть прекрасныя сцены, принадлежащія самому Вольтеру. Невзирая на многія несообразности въ завязкѣ, въ которыя онъ впалъ придерживаясь греческаго оригинала, всѣ хорошія мѣста въ этой завязкѣ принадлежать ему; кто видѣлъ на сценѣ или читалъ эту трагедію, тотъ не можетъ забыть глубокаго впечатлѣнія, которое она оставляетъ въ умѣ. Нѣкоторые мѣста замѣчательны своими намѣками на католическое духовенство того времени; особенно слѣдующее изъ нихъ считается первымъ объявленіемъ войны этому сословію:

Nos prêtres ne sont point ce qu'un vain peuple pense —
Notre crédulité fait toute leur science.

Достоинства «Эдипа» неоспоримы. Сорокъ шесть представлений сряду и, наконецъ, единодушный восторгъ, который эта трагедія производила на всѣхъ театрахъ втеченіи ста лѣтъ, — приговоръ, противъ котораго нѣтъ возраженія.

Если бъ Вольтеръ свои сатирическія, но вмѣстѣ справедливыя выходки въ этой трагедіи противъ языческихъ предрасудковъ, не подкрѣпилъ своими дальнѣйшими сочиненіями, то, вѣроятно, никому не пришло бы въ голову, находить въ нихъ неприличныя намеки на римскую іерархію. Въ 1814 году при представленіи этой трагедіи во время перваго возстановленія Бурбоновъ, она произвела необыкновенный восторгъ. Дворъ Людовика Осмнадцатаго подозрѣвалъ въ покровительствѣ духовенству, и потому стихъ:

Un prêtre quel qu'il soit, quelque Dieu qui l'inspire,
Droit prier pour ses rois, et non pas les maudire

были покрыты рукоплесканіями.

Нѣтъ спору, трагедій Вольтера—созданія необыкновеннаго гевія; только великій поэтъ могъ произвестъ ихъ; но несомнѣнно и то, что имъ недостаесть главнаго основанія всякой могущественной драмы—истиннаго пагоса, страстнаго въ нѣжномъ, страшномъ или ужасномъ. Завязка во многихъ изъ нихъ—удивительна; слогъ вездѣ чистъ и одушевленъ; въ большей части мѣстѣ онъ колокъ, въ остальныхъ рѣзокъ, величественъ, поразителенъ; характеры часто хорошо придуманы, и вѣрно списаны съ природы, хотя недостаточно очерчены, и повтому часто впадаютъ одинъ въ другой, отъ однообразія рѣчи, гладкой, эпиграмматической, сильной, какую Вольтеръ вложилъ въ уста всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ своихъ трагедій. Въ нихъ есть множество эффектныхъ сценъ, нѣсколько пассажей очень трогательныхъ, но вообще, въ его трагедіяхъ не видно сердца; рѣдко замѣтно глубокое чувство, безъ котораго нѣтъ ни истиннаго краснорѣчія, ни истинной поэзіи, исключая дидактической и сатирической, или лучше, въ этихъ піесахъ больше краснорѣчія, чѣмъ поэзіи. Это декламація въ речахъ, а не истинное драматическое произведеніе: періоды льются изъ устъ, а не вытекаютъ изъ груди; тутъ больше блеску, чѣмъ теплоты; работаетъ голова, а не сердце.

Въ этомъ отношеніи должно однако жъ исключать «Занру» лучшую изъ трагедій Вольтера, хотя она и написана въ двадцать два дня. Завязка, которую, по увѣренію автора, онъ создалъ въ одинъ день, одна изъ самыхъ удивительныхъ, когда-нибудь являвшихся на сценѣ, — произведеніе чистой фантазіи. Она исполнена жизни, занимательности и ума; ходъ дѣйствія и положенія дѣйствующихъ лицъ придуманы чрезвычайно умно, и совсѣмъ тѣмъ совершенно просты, натуральны, понятны. Нельзя счастливо и умнѣе придумать способа, которымъ авторъ вводитъ насъ въ срединудѣйствія. Характеры очерчены мастерскою рукою, и выдержаны въ словѣ и на дѣлѣ съ изумительнымъ совершенствомъ. Оросманъ, соединяющій въ себѣ чувства

образованнаго европейца, съ неукротимыми страстями жителя Востока, честолюбивый и воинственный, но вмѣстѣ съ тѣмъ великодушный и простосердечный; самовластный съ мужчинами, нѣжный и обходительный съ женщинами, не способный искоренить въ себѣ восточную ревность, и какъ Европейецъ слишкомъ гордый, чтобъ равнодушно смотрѣть на униженіе, до котораго доводитъ эта страсть, онъ удерживаетъ ее до-тѣхъ-поръ пока азіатскій характеръ выводитъ его изъ себя и заставляетъ нанести роковой ударъ, который нисколько не уменьшаетъ нашего удивленія и не можетъ поколебать нашего уваженія къ герою драмы. Благородные характеры Перестана и Люэниана привлекаютъ вниманіе зрителя. Но всего занимательнѣе характеръ Запры. Ничего невозможно придумать нѣжнѣе, чувствительнѣе этой женщины: борьба между страстью къ султану и привязанностью къ своему семейству, между благодарностію къ полумѣсяцу и наследственною привязанностью къ кресту, изображена превосходно. Прекрасныхъ мѣстъ въ этой трагедіи множество. Мы укажемъ только на самыя занимательныя. Рѣдко въ повѣи можно найти вещь превосходнѣе простаго отвѣту Люэниана Шатиліону, который рассказываетъ ему, что онъ не могъ спасти его дѣтей.

— Mon bras chargé de fers ne les put secourir. .

— Helas! et j'étais père et je ne puis mourir.

Гордые чувства Оросмана къ женщинамъ выражены также превосходно.

Mais il est trop honteux de craindre une maltraitance —

Aux mœurs de l'Occident laissons cette bassesse!

Ce sexe dangereux qui vent tout asservir,

S'il règne dans l'Europe, ici doit obéir.

Послѣ Запры, Меропа, безъ-сомнѣнія, лучшая трагедія Вольтера: сначала она имѣла еще болѣе успѣха чѣмъ Запра. Восторгъ зрителей былъ до того силенъ, что авторъ долженъ былъ выйти на сцену. Въ другой разъ публика потребовала, чтобы прелестная дочь маршала де-Вильяръ публично поклонилась ему.

Что «Меропа» имѣетъ большое достоинство, этого нельзя отвергать, но несомнѣнно также, что она гораздо ни-

же «Занры». Завязка превосходно придумана и выдержана, но не оригинальна, характеры выбраны неудачно, особенно характеръ самой Меровы, которая до такой степени тревожитъ чувство любви и заботливости о пропавшемъ сынѣ, что зритель съ трудомъ принимаетъ участіе въ главномъ лицѣ этой пьесы. Въ ней множество мѣстъ прекрасныхъ, трогательныхъ, изумляющихъ, возвышенныхъ; но многія изъ нихъ подражаніе «Меропѣ» Маффен.

Любимою пьесою Вольтера была однако жъ «Катилина или Спасенный Римъ». Онъ всегда съ самодовольствіемъ говорилъ, что этой трагедіи, при первомъ представленіи аплодировали гораздо больше, чѣмъ «Занръ». Но и въ этой пьесѣ краснорѣчіе беретъ верхъ надъ истинной поэзіей. Можно было бы допустить, что въ этой трагедіи, гдѣ главное дѣйствующее лицо—Цицеронъ, это было необходимо; согласны, если бъ это краснорѣчіе было выспаго роду, если бъ оно пронстекало изъ сердца, и обращалось къ чувствамъ. Но эта трагедія, кромѣ другихъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что состоитъ изъ декламаціи, часто счастливой, остроумной, эпиграмматической, но холодной и искусственной. Характеръ Цицерона, Катилины, Катона и Цезаря совершенно не согласны съ исторіею. Катилина изображенъ человѣкомъ, слѣпо привязаннымъ къ своей жемѣ, котораго она упреками и слезами заставляетъ отказаться отъ своего предпріятія. Вольтеръ имѣшиваетъ Цезаря въ заговоръ, и даетъ Каію Антонину и Петрею главное начальство надъ войскомъ въ сраженіи, гдѣ убить Катилина. Хвастливыя выходки Цезаря, его клятвы, или умереть, или оправдать хорошее мнѣніе о себѣ первого консула, совершенно несообразны съ настоящимъ его характеромъ. По нашему мнѣнію, совершенно не въ характерѣ Катона увѣрять Цицерона, что Римъ называетъ его отцомъ отечества и своимъ мстителемъ и что зависть у ногъ его, трепещетъ и обожаетъ его,

Et l'envie à tes pieds t'adore avec terreur.

Главный недостатокъ пьесы тотъ, что на сцену выведенъ Цицеронъ. Брутъ и Антоній были съ успѣхомъ выведены на сцену Шекспиромъ, но въ исторіи они дѣй-

ствовал; Цицеронъ, болѣе ораторъ, не можетъ быть геро-смъ трагедіи: краснорѣчіе, торжество рѣчи, совершенно несовмѣстно съ условіями драмы. Вольтеръ самъ видѣлъ этотъ недостатокъ и потому заставляетъ Катилину убить не зятя своего, какъ въ исторіи, а своего тестя, какого-то Нонніуса, о которомъ ни одному поэту не приходило въ голову; и жена этого Нонніуса въ своемъ отчаяніи и ярости убиваетъ себя на сценѣ.

Нельзя впрочемъ не согласиться, что нѣкоторыя мѣста въ этой трагедіи—удивительны, особенно слѣдующія слова, которыя авторъ заставляетъ произносить Цицерона.

Romains, j'aime la gloire, et ne veux point m'en taire,
Des travaux des humains c'est le digne salaire.
Sénat, en nous servant il la faut acheter;
Qui n'ose la vouloir n'ose la mériter.

Изъ прочихъ драмъ Вольтера, «Альзира» и «Магометъ», безъ сомнѣнія лучшія: но онѣ далеко ниже «Завры» и «Меропы», хотя превосходятъ «Катилины». Предметъ ихъ изображеніе фанатизма въ его самыхъ опаснѣйшихъ формахъ, то есть, въ соединеніи съ высокими и даже благородными качествами души. Вольтеръ прекрасно достигъ своей цѣли; нѣжность характеровъ Альзиры и Пальмиры составляютъ противоположность съ грубостью характеровъ Магомета, Гусмана и Замора. Въ обѣихъ трагедіяхъ множество прекрасныхъ стиховъ; картины вѣнстоваго и грубого характера Испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ, отвратительной смѣси жестокостей съ фанатизмомъ, обмановъ и алчности ихъ, которою начинается Альзира—не имѣетъ подобнаго себѣ въ описательной поэзіи. Первые представленія «Альзир» были чрезвычайно успѣшны. «Магометъ» былъ представленъ въ первый разъ въ Лиллѣ. Въ Парижѣ представленіе было запрещено кардиналомъ Флери, котораго устрашали нѣкоторыя мѣста. Вольтеръ посвятилъ эту трагедію папѣ Бенедикту Четырнадцатому, присоединивъ къ ней два ничтожные латинскіе стиха, въ видѣ надписи къ портрету его святѣйшества. Отвѣтъ римскаго первосвященника былъ самый учтивый и ласковый.

Кребиліонъ, бывшій въ то время директоромъ парижскаго театра, былъ менѣе снисходителенъ къ Магомету, неже-

ли римскій первосвященникъ, и не позволялъ давать его чтенію десяти лѣтъ. Не ранѣе какъ въ 1751 году д'Аржансонъ поручилъ разсмотрѣть эту пьесу д'Аламберу, который съ свойственною себѣ смѣлостію сдѣлалъ объ этой трагедіи самое выгодное донесеніе. Успѣхъ ея былъ блистательный, но, подобно «Альзирѣ», она не долго удержалась на сценѣ.

Многія изъ пьесъ Вольтера упали съ перваго разу. Такая участь была «Артемиры», второй написанной имъ трагедіи. Измѣненная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, она подъ именемъ «Маріаммы» принята была публикою съ восторгомъ. Впрочемъ и «Завра» была не что иное, какъ переделанная «Эрифилла», которая тоже упала. «Аделаида» упала, но имѣла нѣкоторый успѣхъ подъ названіемъ «Гастонъ де-Фуа».

Что касается до комедій Вольтера, то всѣ онѣ никуда не годятся. Ихъ очень рѣдко давали. Лучшая изъ нихъ «Шотландка», которая нигдѣ не была представлена. Это ѣдкая сатира на Фрерона, выведеннаго на сцену подъ именемъ «Frelon» — трутня. Этотъ человекъ былъ безстыдный продажный либерлистъ, который, подобно многимъ изъ своихъ собратіи, существующихъ и въ наше время, добывалъ свой насущный хлѣбъ, продавая ядъ своего пера низкой злобѣ однихъ и свою снисходительность презрительной робости другихъ. Комедія «Блудный сынъ» имѣла порядочный успѣхъ; она была дана тридцать разъ сряду; но никто не зналъ, что она принадлежитъ Вольтеру, покуда онъ самъ нѣсколько лѣтъ спустя не призналъ себя ея авторомъ. Это самая обработанная попытка его въ комическомъ родѣ, потому что состоитъ изъ пяти актовъ.

Изъ этого видно, что если между трагедіями Вольтера и грубою, но величественною простотою Сиды, высокимъ паэосомъ и совершенною гармоніею «Федры» и «Геолиа», находится не слишкомъ большое разстояніе, то въ комическомъ родѣ Вольтеръ далеко отсталъ отъ Корнелия и Расина, которыхъ комедіи *Le menteur* и *Les Plaideurs* занимаютъ равное мѣсто съ комедіями самаго Мольера, хотя первая есть подражаніе испанскому, а вторая комедія Аристофана «Осы».

За «Эдипомъ», представленнымъ въ 1718 году, последовали въ 1722 «Артемира» и въ 1724 «Маріамма». Въ концѣ же 1724 года Вольтеръ окончилъ и издалъ свою поэму «Лига», которую впослѣдствіи назвалъ «Генриадою». Къ этому сочиненію можно отнести то же замѣчаніе, которое мы сдѣлали относительно трагедіи Вольтера, именно, что оно превосходно написано, изобилуетъ блистательными мѣстами, что цѣль его — сдѣлать фанатизмъ ненавистнымъ; но что совсѣмъ тѣмъ это трудъ философа и ратора, а не вдохновеніе поэта. Сравнить ее съ «Илліадою» или «Одиссеєю» было бы смѣшно; она имѣетъ нѣкоторое сходство съ «Энеидою», но какъ всё-еще далеко Вольтеръ отъ *Виргилія*! Даже *Лукавъ* гораздо величественнѣе; *Тассъ* во всѣхъ отношеніяхъ превзошелъ его; о *Мильтонѣ* нельзя даже говорить, не только сравнивать его съ *Вольтеромъ*; у *Данте* гораздо болѣе поэтического огня, болѣе ужасу, чудесь, даже жалости въ одной строфѣ, нежели въ десяти пѣсняхъ «Генриады». Въ ней — отличный слогъ, прекрасная версификація, благородныя мысли, удивительныя чувства, но нѣтъ поэзіи.

Поэма не имѣетъ драматическаго интересу, характеры не выдержаны въ дѣйствіи и еще менѣе въ рѣчахъ, да и вообще дѣйствующія лица поэмы рѣдко говорятъ. Авторъ не ведетъ дѣйствіе, а рассказываетъ его. Характеры развиваются не сами собою, а въ описаніяхъ автора. Но главный недостатокъ поэмы тотъ, что авторъ безпрестанно у васъ передъ глазами; это не поэма, а исторія, исторія въ стихахъ, которые прекраснѣе нежели многія мѣста у *Тита Ливія* или *Саллюстія*. Упреки, дѣлаемые авторомъ въ томъ, что онъ ввелъ въ свою поэму философію несправедливы, если не ошибочны. Вольтеръ имѣлъ превосходный образецъ этому въ *Виргиліевой Космогоніи*, въ шестой пѣснѣ *Энеиды*. То же самое можно сказать и тѣмъ, которые упрекаютъ Вольтера въ томъ, что онъ всегда дѣлаетъ описаніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Примѣры этому у *Виргилія* и *Лукава*. Несмотря однако жъ на всѣ достоинства этихъ мѣстъ въ *Генриадѣ*, мы должны сказать, что они могутъ быть допущены только какъ сред-

ства, при пособіи которыхъ авторъ осуществляетъ свои помышленія.

Несмотря однако жъ на недостатки главнѣйшихъ мѣстъ этой поэмы, каковы напримѣръ: смерть Колиннъ въ описаніи «Вареоломеевской ночи», очень слаба, исключая того мѣста, гдѣ поэтъ изображаетъ его какъ царя, обожаемаго народомъ, передъ которымъ самые убійцы его, пораженные его присутствіемъ, падаютъ на колѣна. Картина голода изображена словами, возбуждающими идею страданій и отвращенія, а не образами, несмотря на странную развязку — обращеніе Генриха къ католицизму, черезъ представление передъ Богомъ Святаго Людовика, — гдѣ авторъ, забывая знаменитое вступленіе Массиліона къ слову на погребеніе Людовика Четырнадцатаго, назвалъ своего героя «Великимъ Генрихомъ», невозможно не признать изумительныхъ красотъ въ другихъ мѣстахъ Генриады. Описаніе Храма Любви, которымъ начинается пятая пѣснь, богато и роскошно; картина явленія Святаго Людовика для удержанія руки побѣдителя въ шестой; сильно и остроумно описанные характеры многихъ лицъ, особенно Мазарини и Ришліе въ седьмой; изображенія Гюиза въ третьей,

Connaissant le peril, et ne redoutant rien
Heureux guerrier, grand prince, et mauvais citoyen;

Морнэ въ шестой:

Il marche en philosophe où l'honneur le conduit,
Condamne les combats, plaint son maître et le suit,

въ высокой степени прекрасны въ своемъ родѣ, несмотря на то что этотъ родъ не эпическій и едва-ли поэтический.

Его Discours sur l'homme можно смѣло поставить въ главѣ его серьезныхъ поэтическихъ произведеній. Предметъ этой поэмывнушить чистыя правила челоуѣколюбія, терпимости и добродѣтели. Чтобы показать благородную цѣль поэмы, мы приведемъ изъ нея нѣсколько строкъ.

Mortel, en quelque état que le ciel t'ait fait naître,
Sois soumis, sois content, et rends grace à ton maître.

ИЛИ

Ferme en tes sentiments et simple dans ton coeur,
 Aime la vertu, mais pardonne l'erreur;
 Fuis les emportemens d'un zèle atrabilaire;
 Ce mortel qui s'égare est un homme, est ton frère;
 Sois sage pour toi seul, compatissant pour lui
 Fais ton bonheur enfin par le bonheur d'autrui.

Прекрасно также окончание третьей пьесы.

Qu'il est grand, qu'il est doux de se dire à soi-même:
 Je n'ai point d'ennemis, j'ai des rivaux que j'aime;
 Je prends part à leur gloire, à leurs maux, à leur biens;
 Les arts nous ont unis, leur beaux jours sont les miens;
 C'est ainsi que la terre avec plaisir rassemble
 Ces chaînes, ces sapins qui s'élèvent ensemble:
 Un suc toujours égal est préparé pour eux;
 Leur pied touche aux enfers, leur cime est dans les cieux,
 Leur tronc inébranlable, et leur pompeuse tête
 Resiste, en se touchant, aux coups de la tempête:
 Il vivent l'un par l'autre, ils triomphent du temps;
 Tandis que sous leur ombre en voit de vils serpens
 Se livrer, en sifflant, des guerres intestines,
 Et de leur sang impur arroser leurs racines.

«La Loi Naturelle» хотя не безъ значительныхъ красотъ, однако жъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже *Les Discours sur l'homme*. Le désastre de Lisbonne въ этомъ же родѣ. Заключение этой поэмы имѣетъ чисто релігіозный характеръ.

Le passé n'est pour nous qu'un triste souvenir
 Le présent est affreux s'il n'a point d'avenir,
 Si la nuit du tombeau détruit l'être qui pense.
 Un jour tout sera bien — voila notre espérance!
 Tout est bien aujourd'hui — voila l'illusion.

Грустно думать о недостойномъ употребленіи, которое иногда дѣлается изъ такихъ бластательныхъ способностей, и о томъ какое благо могли бы принести человечеству мудрое и умѣренное распоряженіе такими сокровищами.

Возвратимся однако жъ къ исторіи жизни Вольтера.

Успѣхъ «Эдипа», поставилъ его, при всей его молодости, въ число знаменитостей того времени. Онъ сдѣлался другомъ и даже повѣреннымъ герцога Ришліе, и вмѣстѣ

съ нимъ впасть въ немилость при Регентѣ, долженъ былъ на нѣкоторое время удалиться изъ Парижа. Послѣ представленія «Маріамны», ему позволено было воротиться, и онъ вскорѣ поѣхалъ въ Нидерланды съ мадамъ Рюпльмондъ, для которой онъ написалъ въ 1722 году *Epilete à Uganie*. Въ Брюсселѣ онъ познакомился съ Жанъ-Батистомъ Руссо и положилъ первыя основанія той неумолкнувшей вражды, съ которою этотъ посредственный писатель и раздражительный человекъ преслѣдовалъ его до послѣдней минуты. Поводомъ къ этому была слѣдующая насмѣшка: прочитавъ оду къ Потомству Руссо, Вольтеръ сказалъ, что она никогда не достигнетъ своего назначенія.

Несчастная ссора съ Роганомъ, по поводу какой-то колкости на счетъ послѣдняго, навлекла на него неудовольствіе Двора и ему снова угрожало заключеніе въ Бастилію. Онъ рѣшился бѣжать въ Англію, страну, куда привлекли его духъ вѣротерпимости. Онъ прожилъ два года въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, и особенно въ Вайдворсѣ, въ домѣ пріятеля своего господина Фальконера, богатаго торговца, впоследствии сдѣлавшагося посланникомъ въ Турціи и секретаремъ герцога Кормберлендскаго. Втеченіи этого времени Вольтеръ выправилъ «Генріаду», которую въ первый разъ издалъ подъ этимъ именемъ, по подпискѣ. Изданію этой поэмы много покровительствовала королева Каролина, въ то время принцесса Валлійская. Эта книга принесла Вольтеру много денегъ. Въ то же время онъ, съ свойственнымъ себѣ жаромъ и успѣхомъ занялся изученіемъ Ньютоновской философіи. Вольтеръ проводилъ время болѣею частію въ обществѣ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ литераторовъ. Онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Пэппомъ и Конгревомъ. Пребываніе Вольтера въ Англіи имѣло два важныя послѣдствія. Большая сумма, которую онъ получилъ за свою книгу, и которую увеличилъ выигрышемъ въ лотерею, и двумя или тремя счастливыми торговыми спекуляціями, доставила ему доходъ на всю остальную жизнь, такъ что онъ мало заботился о выгодахъ отъ своихъ трудовъ, и въ самомъ дѣлѣ, болѣшую часть своихъ сочиненій онъ отдавалъ книгопродавцамъ и актерамъ даромъ. Такимъ образомъ онъ не только приобрѣлъ независимость, которая ос-

вобождаетъ сочинителя отъ необходимости работать на скорую руку, но и доставила ему возможность выбирать то что ему нравилось и удовлетворять любимей своей страсти—покровительствовать молодымъ достойнымъ писателямъ, и помогать несчастнымъ. Къ стыду чело́вчества, есть доказательства, что благодѣтельствованные имъ люди заплатили ему самую черною неблагодарностью.

Но главнѣйшимъ результатомъ его пребыванія въ Англіи было то, что онъ вывезъ оттуда Ньютоновскую систему, или лучше удивительныя открытія сэръ Исаака Ньютона. Философія Картезіанская пустила во Франціи такіе глубокіе корни, что Фонтнель, въ похвальномъ словѣ Ньютону, произнесенномъ въ Академіи Наукъ отдаетъ преимущество Декарту. Даже спустя десять лѣтъ, государственный канцлеръ d'Aguesseau не позволилъ напечатать сочиненіе Вольтера, потому только, что въ немъ онъ отвергалъ Декартовы вихри. Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Англіи, Вольтеръ издалъ *Lettres sur les Anglais*, скромное и умное сочиненіе. Въ трехъ изъ этихъ писемъ помѣщенъ правильный, но очень общій популярный очеркъ открытіи Ньютона. Въ 1738 году онъ издалъ полное и удовлетворительное изложеніе Ньютонovýchъ открытіи. Происхожденіемъ своимъ это сочиненіе обязано не столько пребыванію автора въ Англіи, сколько дружеской связи, сдѣланной имъ послѣ возвращенія во Францію, около 1730 года съ семействомъ du Châtelet.

Въ жизни знаменитыхъ людей почти всегда является на сцену привлекательная фигура женщины, на которую биографы, занятые главнымъ лицомъ, рѣдко обращаютъ должное вниманіе. Историки и моралисты обращаются съ женщинами, какъ съ покореннымъ народомъ, то есть, личность ихъ уничтожается, исчезаетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, сливается въ личность чело́вѣка, который господствовалъ надъ ними. Ихъ собственная оригинальность, воля, и даже иногда гений, считаются отблескомъ ума знаменитаго чело́вѣка, котораго онѣ любили.

Но и безъ блеску славы Вольтера Эмилиа-Габріель, маркиза дю-Шатлѣ урожденная де-Бретель, была бы женщиною необыкновенная по своему уму и сердцу. Она родилась

въ Парижѣ, въ 1706 году. Одаренная большими способностями, она, шута, выучилась по-италіянски и по-латынѣ. Пятнадцати лѣтъ, она начала переводить *Виргилія*. Отрывки изъ этого перевода, сохранившіеся до нашего времени, показываютъ, что она въ это время уже понимала всѣ красоты подлинника. Она выучилась музыкѣ, декламациі, танцованію, верховой ѣздѣ и даже играть въ карты, одной изъ модныхъ забавъ, которой женщины того времени предавались тотчасъ по выходѣ въ замужство. Деятнадцати лѣтъ она вступила въ бракъ съ генералъ-лейтенантомъ, маркизомъ дю-Шатлѣ-Ломонъ', происходившимъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамиліи лорренскихъ.

Эта молодая женщина вступила въ свѣтъ въ эпоху самато развратнаго образа жизни; не увлекаясь этимъ потокомъ, она не могла однако жъ совершенно пзбавиться отъ него. Въ эти-то годы увлеченія и неопытности, маркиза дю-Шатлѣ встрѣтилась съ блистательнымъ маршаломъ де-Ришліѣ, человѣкомъ необыкновеннымъ, который двадцати лѣтъ отъ-роду, два раза сидѣлъ уже въ Бастиліи за дерзость своихъ любовныхъ похожденій. По остроумному выраженію, женщины тогдашняго времени считали за честь быть нмъ обезчещенными «tenaient à honneur d'être deshonorées par lui». Мадамъ дю-Шатлѣ имѣла слабость полюбить молодого, любезнаго, предприимчиваго Ришліѣ, и предалась всѣмъ сердцемъ этой минутной связи. Она много терпѣла отъ вѣтренности блистательнаго обольстителя, и вскорѣ прекратила нѣжныя отношенія съ нмъ, заставивъ его питать къ себѣ дружбу и уваженіе, котораго онъ рѣдко удостоивалъ женщинъ его любившихъ.

Придворныя празднества, куда призывало маркизу ея происхожденіе, и гдѣ она блистала умомъ и талантами, были недостаточны для сердца молодой женщины; она часто оставяла свѣтъ, чтобъ предаваться наукамъ. Впрочемъ, всѣ знаменитые люди этого времени дѣлали то же: они съ одушевленіемъ стремились къ удовольствіямъ, но если эти удовольствія не удовлетворяли ихъ, обращались къ наукамъ. Въ эту-то минуту возвращенія къ ученымъ занятіямъ, Вольтеръ встрѣтился съ мадамъ дю-Шатлѣ. Естественно, что они были въ восторгѣ другъ отъ друга. Въ той

и другомъ соединились въ удивительной гармоніи легкомысліе и степенность, умъ и духъ ихъ вѣка, и, кромѣ-того, еще чувство. По прелести и глубокости своего ума, Вольтеръ былъ въ обществѣ мадамъ дю-Шатлѣ совершенно на своемъ мѣстѣ. Ему не большаго труда стоило заставить полюбить себя; втеченіи четырнадцати лѣтъ онъ былъ все для мадамъ дю-Шатлѣ.

У мадамъ дю-Шатлѣ былъ другъ, герцогиня Сень-Піеръ, съ которою она иногда посѣщала Вольтера въ скромномъ его жилищѣ, противъ церкви Сень-Жервѣ. Герцогъ Форкалкіѣ, любовникъ герцогини Сень-Пьеръ, сопровождалъ молодыхъ жещинъ. Онѣ отвлекали Вольтера отъ работы и оставались у него ужипать.

Это была любовь того времени, полускрываемая интрига, волокитство, перемѣшанное со стихками и завтраками; но между мадамъ дю-Шатлѣ и Вольтеромъ, любовь должна была имѣть сторону болѣе серіозную. Взаимная склонность къ наукамъ должна была укрѣплять чувство. Парижская жизнь вскорѣ ихъ утомла, и въ началѣ 1734 года, они вмѣстѣ отправились въ Монжеу, близъ Отѣна. Здѣсь мадамъ дю-Шатлѣ начала читать Локка и переводить Ньютона. Она стала брать уроки у Мопертюи, которому писала: «Не для себя хочу я сдѣлаться геометромъ, а изъ любви къ вамъ. Я чувствую, что тотъ кто имѣеть васъ учителемъ, не долженъ дѣлать посредственныхъ успѣховъ и потому не умѣю рассказать вамъ, какъ мнѣ стыдно за себя. Во всякомъ случаѣ я буду имѣть предъ вами то преимущество, что изучу самаго глубокаго и, въ то же время, любезнаго математика на свѣтѣ.» Такимъ образомъ она мѣшала чувство съ удовольствіемъ.

Преслѣдованіе, возбужденное издавіемъ «Философическихъ писемъ» заставило Вольтера удалиться изъ Парижа. Онъ поѣхалъ въ Шампаню и поселился въ замкѣ Сирѣ, имѣніи маркиза дю-Шатлѣ, совершенно необитаемомъ съ давняго времени. Во время этой короткой разлуки, между любовниками происходила очень дѣятельная переписка. Вскорѣ и мадамъ дю-Шатлѣ пріѣхала въ Сирѣ.

Замокъ Сирѣ, находящійся на границахъ Лоррена и

Шампаньи, подобно бѣльшей части французскихъ загородныхъ домовъ, былъ въ очень запущенномъ состояніи. Тотчасъ по прибытіи туда гостей, были припаты мѣры къ исправленію зданія: подъ надзоромъ Вольтера придѣлана была галерея, устроены лабораторія и кабинетъ естественной исторіи. На эти расходы Вольтеръ далъ въ займы маркизѣ дю-Шатлѣ сорокъ тысячъ франковъ, и кромѣ того на свой счетъ снабдилъ лабораторію приборами и книгами.

Любовники вели въ Сирѣ жизнь уединенную, наполненную занятіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ веселую и разнообразную. Въ это время они сдѣлали нѣсколько поѣздокъ въ Парижъ, Брюссель и Гагу, гдѣ Вольтеръ печаталъ свои «Elements».

Сирѣ посѣщали величайшіе математики того времени и они давали уроки маркизѣ. Кенигъ и братъ его, ученики Бернульи, провели тамъ два года; даже самъ Бернульи иногда посѣщалъ Сирѣ, также какъ и Клеро. Мопертюи, которому путешествіе въ Лапландію для измѣренія градуса доставило большую извѣстность, тоже часто бывалъ гостемъ маркизы дю-Шатлѣ. Занятая своими комментаріями на Ньютона и переводомъ его «Началъ», маркиза дю-Шатлѣ любила однако жъ заниматься также и музыкой и театромъ. Вольтеръ, приглашая въ Сирѣ одного изъ друзей своихъ, пишетъ: «Мы каждый день играемъ какую-нибудь пьесу, а ночью наблюдаемъ спутниковъ Юпитера». Вольтеръ представляетъ намъ здѣсь примѣръ необыкновеннаго разнообразія своихъ талантовъ. Втеченіи четырехъ лѣтъ онъ написалъ: «Ньютоновы начала», свое «Разсужденіе объ огнѣ.» Запру, Альвиру, Магомета, Discours sur l'homme», исторію Карла Двѣнадцатаго, не считая безконечнаго множества мелкихъ пьесъ и нѣсколькихъ томовъ переписки въ стихахъ и прозѣ.

Чтобы понять какъ должно достоинства сочиненій Вольтера объ открытіяхъ Ньютона, необходимо разсмотрѣть сначала въ какомъ состояніи находилась тогда система Ньютона въ Европѣ.

-Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Клеро, гораздо раньше Воль-

тера принялъ Ньютонову философію, потому что ему было уже пятнадцать лѣтъ, когда Вольтеръ издалъ свои письма объ Англіи, а въ тринадцать, онъ началъ уже свое удивительное сочиненіе о кривыхъ линіяхъ втораго порядка, и издалъ его очень скоро послѣ появленія въ свѣтъ «Писемъ». Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ ничего не издалъ въ свѣтъ о теоріи тяготѣнія. Мопертюи въ ученыхъ кругахъ того времени, вѣроятно, распространилъ слухъ о своемъ обращеніи, и о неправильности картезіанской системы; но даже по возвращеніи своемъ изъ Лапландіи, онъ никогда не обнаруживалъ публикѣ своего мнѣнія, потому что его комментарий, изданный въ 1732 году, ограничивается разборомъ динамическаго вопросу двѣнадцатаго отдѣленія Началъ. Поэтому, «Письма» Вольтера, изданныя въ 1732 году, въ которыхъ онъ бросаетъ общій взглядъ на новую систему, и его «Elements», изданныя въ 1738, гдѣ онъ объясняетъ подробности этой системы удивительно просто и популярно, даютъ ему право считаться писателемъ, который первый познакомилъ европейскихъ читателей съ Ньютоновою системою, первый доказалъ ошибку Декарта и первый возсталъ противъ ученія Аристотелевой философіи, удерживавшей въ заблужденіи умнѣйшихъ людей того времени; и въ самомъ дѣлѣ предубѣжденіе въ пользу «вихрей», подобно предубѣжденію въ пользу Аристотелевыхъ началъ, было чрезвычайно сильно. Фонтенель, въ своемъ похвальномъ словѣ Ньютону, показываетъ приверженность къ Декарту. Канцлеръ d'Aguesseau не могъ рѣшиться позволить напечатать книгу Вольтера; онъ продержалъ у себя рукопись осемь мѣсяцевъ, и, наконецъ, отказалъ въ позволеніи. Ту же участь имѣли «Письма объ Англіи», частію, потому что въ нихъ Вольтеръ возставалъ противъ ученія Декарта, но болѣе потому что онъ, слѣдуя Локку, отвергалъ существованіе врожденныхъ идей. Слѣдствіемъ успій католическаго духовенства за то было — приказаніе посадить Вольтера въ Бастилію, и его побѣгъ изъ Парижа. Другимъ послѣдствіемъ было публичное отреченіе автора отъ этихъ писемъ: онъ увѣрялъ, что онъ писаны его прежнимъ покровителемъ, аббатомъ Шолье. Письма объ Англіи были изданы въ Лондонѣ на

англійскомъ языкѣ, пріятелемъ его Тьерд. Впослѣдствіи Вольтеръ далъ одному книгопродавцу въ Руанѣ позволеніе издать ихъ въ переводѣ по-французски, но тотчасъ же взялъ свое позволеніе обратно, какъ скоро замѣтилъ, что изданіе ихъ произведетъ волненіе. Письмо его пришло поздно; книга уже вышла въ свѣтъ и это навлекло ему множество непріятностей.

Очевидно, что Вольтеръ началъ заниматься изученіемъ физики съ небольшимъ запасомъ математическихъ свѣдѣній. Ясно также, что онъ изучалъ естественную философію съ мадамъ дю-Шатлѣ, которая имѣла особенную наклонность къ математикѣ. Она, какъ сказано выше, брала уроки у Мопертюи, и взяла нѣсколько уроковъ у Клерд, до пріѣзду Мопертюи изъ Лапландіи. Онъ познакомилъ ее съ Ньютоновой философіею и съ методою выводить аналитически заключеніе;—неоцѣненная услуга для учащихся того времени, когда еще не были изданы въ свѣтъ комментаріи на езуитовъ Лессюэра и Жаккѣ. Мадамъ дю-Шатлѣ записывала лекціи Мопертюи, и они изданы въ числѣ ея посмертныхъ сочиненій. Ея *Institutes de Physique*, изданныя въ 1740 году, содержатъ въ себѣ подробное изложеніе Ньютоновой системы. Изъ переписки Вольтера видно, что это сочиненіе было готово до начала 1740 года; поэтому несомнѣнно, что она была уже знакома съ Ньютоновой философіею въ то время, когда онъ писалъ еще свои *Eléments*, которыхъ печатаніе началось только въ 1737 и продолжалось почти два года. Свѣдѣнія свои объ этомъ предметѣ Вольтеръ получилъ отъ Клерд и, вѣроятно, Кенигъ, во время пребыванія своего въ Сирѣ, просматривалъ рукопись прежде нежели она поступила въ типографію. Вольтеръ самъ въ письмахъ своихъ къ Фридриху Второму говоритъ, что мадамъ дю-Шатлѣ участвовала въ сочиненіи этой книги.

Les Eléments гораздо выше нежели «Письма». Цѣль этой книги была изложить великія истины, заключающіяся въ *Principia* и *Optica* Ньютона, такъ чтобы читатель, знакомый съ математикою самымъ поверхностнымъ образомъ, могъ понять основныя положенія этой величественной истины. Такова цѣль книги, и цѣль эта достигнута. Изложе-

ніе до такой степени просто и ясно, что заставляет сожалѣть, почему авторъ, одаренный такими изумительными способностями, не обратилъ своего генія на всѣ вопросы естественной философіи. Кромѣ объясненій Ньютоновой философіи, Вольтеръ изобразилъ ясную картину состоянія науки, до совершенія въ ней этихъ великихъ переворотовъ. Онъ разобралъ систему Декарта. Во второй части заключаетъ изложеніе свойствъ и дѣйствія свѣту; въ третьей система міра, а въ первой общія понятія о разумѣ, матеріи, силѣ, движеніи и даже о естественной религіи.

Въ 1737, Вольтеръ, вмѣстѣ съ маркизою дю-Шатлѣ, написалъ сочиненіе на вопросъ заданный академіею: «Свойства огня его и распространеніе». Объ этомъ разсужденіи академія положила сдѣлать похвальный отзывъ, и напечатать его. Премію получилъ Эйлеръ; уступить торжество такому знаменитому сопернику не составляло безчестія. Впрочемъ, сочиненіе само по себѣ имѣетъ достоинства; оно заключаетъ въ себѣ много новыхъ, остроумныхъ взглядовъ, и описаніе такихъ опытовъ, которые если бы были продолжасмы съ болѣе постоянствомъ, вѣроятно поставили бы автора въ число величайшихъ изслѣдователей природы того времени. Описывая опытъ надъ чугуномъ, Вольтеръ говоритъ: «Очень можетъ быть, что такое умноженіе вѣсу зависитъ отъ какого-нибудь вещества, разлитого въ атмосферѣ: следовательно, и во всѣхъ прочихъ операціяхъ, при которыхъ сгорающія тѣла становятся тяжелѣе, это умноженіе вѣсу можетъ зависѣть отъ той же причины, а не отъ огненной матеріи, флогистона.» Спустя пятьдесятъ лѣтъ, это предположеніе подтвердилось, когда Лавоазіе открылъ составъ атмосфернаго воздуха. Сдѣлай Вольтеръ еще два, три опыта, и онъ можетъ-быть открылъ бы кислородъ и процессъ окисленія, который онъ и описалъ впрочемъ въ общихъ выраженіяхъ.

Онъ былъ также очень близокъ къ истинной теоріи расплавленія и даже къ открытію скрытой теплоты. Говоря объ измѣненіи температуры при смѣшеніи амміаку съ уксусомъ, онъ прибавляетъ: «Въ этихъ двухъ жидкостяхъ вѣроятно есть «огонь», потому что безъ этого онъ не бы-

ли бы жидкими». Далѣе, разсуждая объ отношеніи между теплотою и постоянною или гасовою упругостію, онъ говоритъ: Не ясно ли, что воздухъ не имѣетъ уже въ себѣ той степени «огню», которая необходима для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ его частей, и для освобожденія его изъ атмосферы, которая его заключаетъ въ себѣ?»

Въ такихъ-то занятіяхъ философіею, исторіею и поэзіею проходило время въ Сирѣ. Единственная сестра Вольтера, которую онъ очень любилъ, умерла въ то время какъ онъ былъ въ Лондонѣ, оставивъ послѣ себя сына и двухъ дочерей. Вольтеръ воспиталъ ихъ и дочерей выдалъ замужъ. Одна изъ нихъ въ 1737 году вышла за капитана Дені, который умеръ въ 1744. Вдова его перешла жить къ дядѣ и провела почти тридцать лѣтъ въ его домѣ. Сестра ея, спустя нѣсколько лѣтъ вышла замужъ за господина де-Фонтенъ. Во время пребыванія Вольтера въ Сирѣ, наслѣдныи принцъ прусскій, впоследствии Фридрихъ Великій, желая съ нимъ познакомиться, первый написалъ ему письмо, и между ними началась переписка, которая продолжалась до вступленія Фридриха на престолъ, въ 1740 году. Въ это время онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ привлечь Вольтера къ своему Двору, но напрасно: покуда была жива мадамъ дю-Шатлѣ, Вольтеръ откровенно и прямо отказывался отъ такой чести. Когда Вольтеръ случайно находился неподалеку отъ Брюсселя, Фридрихъ Второй, бывшій тоже въ окрестностяхъ этого города хотѣлъ самъ пріѣхать къ Вольтеру; но его удержала сильная лихорадка, такъ что Вольтеръ поѣхалъ къ нему и первое свиданіе ихъ происходило при постелѣ царственнаго больного. Фридрихъ предложилъ Вольтеру принять на себя изданіе перваго его сочиненія «Анти-Махиавелъ.» Къ несчастію, въ то время когда книга эта печаталась, смерть Карла Шестаго оставила дочь его Марію-Терезію въ такомъ затруднительномъ положеніи, которое ввело въ искушеніе противника Махиавелевскихъ началъ и заставило его сдѣлать на ея силезскія владѣнія одно изъ самыхъ несправедливыхъ въ лѣтописяхъ исторіи вторженій. Странно, что самъ Фридрихъ въ своей исторіи этой войны, причиною ея выставляетъ чудесную армію и огромныя сокровища, доставшіяся ему

послѣ отца, а также невозможность устоять противъ со-
блазна. Вольтеръ, просматривавшій сочиненіе, выкинулъ
это мѣсто; но сохранивши рукопись, упомянулъ объ немъ
въ своихъ «Запискахъ».

Дружба, оказываемая ему Фридрихомъ, подала француз-
скому правительству мысль, употребить его для тайнаго
порученія, которое онъ исполнилъ успѣшно. Онъ пріѣ-
халъ въ Берлинъ подъ предлогомъ свиданія съ королемъ,
и успѣлъ получить отъ него увѣреніе, что въ случаѣ объя-
вленія Франціею войны Англии, которая держала сторону
Маріи-Терезіи, онъ присоединится къ Франціи. За это Вол-
теръ попалъ въ милость не только министерства, но и ма-
дамъ де-Помпадуръ. Ему позволено было вступить въ ака-
демію, куда его дотога не допускали интриги противниковъ;
онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и получилъ двѣ тысячи
франковъ пенсіи.

Тихія удовольствія, которыми Вольтеръ наслаждался въ
Сврѣ, были однако жъ часто прерываемы появленіемъ въ
свѣтъ памфлетовъ, которые сильно раздражали его тре-
вожный характеръ. Судя по рѣзкому языку, которымъ
онъ описываетъ эти нападенія, можно бы думать, что эти
памфлеты дѣйствительно оскорбительны, и что обвини-
тели—люди важные, между-тѣмъ и памфлеты и сочините-
ли ихъ были ничтожны.

Онъ находилъ утѣшеніе въ этихъ непріятностяхъ, въ
дружбѣ господина Сидвиля, графа д'Аржантала и его су-
руги, въ привязанности д'Аржансона, статсъ-секре-
таря и его брата, военнаго министра, и герцога Риш-
ліё. Знакомство съ такими важными лицами было не-
обходимо, чтобъ удерживать въ предѣлахъ его раз-
дражительный характеръ. Вольтеръ глубоко презиралъ
зависть, онъ былъ всегда готовъ поощрять и покрови-
тельствовать рождающіеся таланты, и радоваться успѣ-
хамъ своихъ друзей; но онъ легко оскорблялся, былъ
готовъ вѣрить, что на него нападаютъ, принималъ къ
сердцу всякую насмѣшку, и не могъ утерять, чтобъ
не заплатитъ за нее тѣмъ же. Онъ былъ чрезвычай-
но добръ съ тѣми, которые отъ него завистливы; откровенъ
и ласковъ съ низшими. Поступокъ Мопертюмъ, пра-

ва, не заслуживаетъ извиненія; но безразсудное поведеніе Жанъ-Жака Руссо, не стоило бы той войны на жизнь и на смерть, которую Вольтеръ велъ противъ него. Причину ненависти къ нему Жанъ-Батиста Руссо мы уже видѣли.

Другая причина его непрерывныхъ размолвокъ съ своими друзьями: онъ былъ человѣкъ открытый, пылкій, раздражительный какъ всѣ гении, теплой души, но не умѣвшій удерживать своихъ чувствъ. Его выраженія, безъ-сомнѣнія, были сильнѣе его чувствъ; но извѣстно, что сила выраженія производитъ противодѣйствіе и вызываетъ чувства въ свою очередь. Ни что не можетъ быть страннѣе техническихъ выраженій чувствъ Вольтера: «дражайшій другъ» самое слабое; «дорогой и обожаемый другъ», «ангелъ-хранитель»; «обожаемый другъ» и въ письмахъ къ д'Аржанталямъ «обожаемые ангелы» встрѣчаются на каждомъ шагу. Всѣ философы у Вольтера—Ньютоны; всѣ поэты—Виргилин; всѣ историки—Саллустин; всѣ генералы—Цесари. Книга президента Гендъ—«ваше прелестное, ваше безсмертное сочиненіе»—самая сухая, самая ничтожная исторія, какая когда-нибудь была написана. Выраженія привязанности вѣчной, глубокой, страстной встрѣчаются у Вольтера безпрестанно. Несмотря на эту пылкость чувствъ, на эту легкость изъявленія, и даже преувеличенія ихъ, раздражительность характера часто поселяла между нимъ и его друзьями холодность и даже ненависть. При всей своей нѣжности къ племянницѣ, мадамъ Дени, онъ вѣроятно часто оскорблялъ ее, иначе она не писала бы къ нему въ 1754: «Ne me forcez pas à vous haïr»; или «Vous êtes le dernier des hommes par le cœur»;—«Je cacherais autant que je pourrais les vices de votre cœur». Впрочемъ, эти слова относятся скорѣе къ его характеру, нежели къ сердцу. Впослѣдствіи мы подробно расскажемъ объ его спорахъ съ Мопертюи, Фридрихомъ Вторымъ и Руссо. Въ первой главная вина лежитъ на Мопертюи; во второй виноватъ самъ король; въ третьей порицанія заслуживаетъ самъ Вольтеръ.

Такое же преувеличеніе въ словахъ мы замѣчаемъ и во всемъ, что онъ писалъ о самомъ себѣ, о своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданіяхъ. Онъ былъ очень слабого

тѣлосложенія, и какъ онъ мало берегъ свое здоровье въ первые годы своей молодости, то остальные дни жизни провелъ совершеннымъ инвалидомъ, особенно между сорока и шестидесятью годами. Дѣйствительно, онъ сильно страдалъ желудкомъ; но пишетъ, будто жизнь его находится въ безпрерывной опасности: онъ всегда на краю гроба. Замѣчательно, что чѣмъ сильнѣе былъ какой-нибудь оскорбительный для него споръ, и чѣмъ больше онъ имѣлъ поводовъ жаловаться на обиды, тѣмъ чаще и тѣмъ сильнѣе онъ описываетъ опасное или, лучше, смертельное состояніе своей болѣзни. Въ такомъ случаѣ, у него никогда не бываетъ недостатку въ словахъ для округленія періода; для извиненія своихъ ошибокъ и усиленія притѣсненій со стороны своихъ противниковъ.

Онъ провелъ такимъ образомъ около четырнадцати лѣтъ. Въ концѣ этого времени случайныя обстоятельства сблизили семейство дю-Шатлѣ съ Станиславомъ Лещинскимъ, бывшимъ королемъ польскимъ и отцомъ царствовавшей королевы французской. Мѣстопробываніе его было въ Люневиллѣ, гдѣ онъ велъ жизнь скорѣе богатаго барина, нежели принца. Онъ любилъ литературу. Въ февралѣ 1748, маркиза дю-Шатлѣ, вмѣстѣ съ Вольтеромъ, пріѣхала посѣтить короля, и дотого были обворожены его ласковостію, что послѣ нѣсколькихъ дней проведенныхъ въ Спрѣ, снова пріѣхали въ Люневиллѣ, который сдѣлался любимымъ ихъ мѣстопробываніемъ до тѣхъ-поръ пока, въ сентябрѣ слѣдующаго года, роковое происшествіе не прекратило всѣхъ этихъ связей. Четвертаго сентября 1749 году маркиза родила дочь и такъ скоро, что не успѣла даже лечь въ постель; спустя нѣсколько дней ся уже не было на свѣтѣ. Маркизь дю-Шатлѣ и Вольтеръ пріѣхали въ Парижъ, гдѣ мадамъ Дені печалилась съ поэтомъ. Она всячески старалась отвести его отъ мысли объ ужасной потерѣ, которая безпрестанно его занимала. Можно представить себѣ, какъ это было ей трудно. Первая вещь, которою онъ занялся, было исправленіе комедіи, написанной мадамъ Дені «*La Coquette ripée*». Черезъ три или четыре мѣсяца его дѣятельный умъ пришелъ въ свое прежнее состояніе и онъ занялся постановкою «Оре-

ета», который сначала, по просякамъ Крекшльона, былъ принятъ очень холодно, но впоследствии имѣлъ большой успѣхъ.

Прусскій король, узнавъ о кончинѣ маркизы дю-Шатлѣ, тотчасъ пригласилъ Вольтера въ Берлинъ. Сначала Вольтеръ не хотѣлъ объ этомъ и слышать; но когда французское духовенство и правительство начали снова дѣлать на него свои нападенія, то онъ въ надеждѣ найти при прусскомъ дворѣ *otium cum dignitate*, рѣшился переселиться въ Берлинъ и пріѣхалъ туда въ концѣ іюля 1750 года.

Восхищенный Фридрихъ Второй назначилъ ему тотчасъ двадцать тысячъ франковъ въ годъ и четыре тысячи его племянницъ, если переживетъ дядю; пожаловалъ его въ камергеры, далъ ему орденъ, и квартиру во дворцѣ въ Потсдамѣ, гдѣ монархъ проводилъ десять мѣсяцевъ въ году. Служба Вольтера состояла въ томъ, чтобъ читать и поправлять сочиненія короля, проводить съ нимъ свободные часы и, главное, присутствовать при ужинахъ, за которыми онъ отдыхалъ отъ дневныхъ трудовъ. Что общество государя, одареннаго рѣдкими способностями, было чрезвычайно занимательно, это несомнѣнно. Фридрихъ Второй обладалъ разнообразными свѣдѣніями, умомъ веселымъ и оригинальнымъ, нѣсколько въ родѣ Вольтерова, былъ человѣкъ простой и бездеремонный и умѣлъ сообщать свою веселость окружающимъ. Не мудрено, что человѣкъ, на котораго онъ преимущественно обращалъ свое вниманіе, былъ отъ него въ восторгѣ.

Цѣлый годъ продолжался этотъ прекрасный сонъ, и въ самомъ дѣлѣ, впоследствии это оказалось сномъ. Почти тотчасъ по пріѣздѣ Вольтера въ Берлинъ случилось одно обстоятельство, которое должно было показать ему непрочность его положенія. Маркиза де-Помпадуръ вздумала свидѣтельствовать Фридриху, черезъ Вольтера, свое глубокое почтеніе. Отвѣтомъ короля было не очень лестныя слова: *Je ne la connais pas*.

Несчастный повѣренный поступилъ бы гораздо лучше, если бъ схоронилъ въ душѣ такой отвѣтъ, а не написалъ этой жещинѣ фальшиваго донесенія, въ которомъ Ахилъ

лесь представленъ принимающимъ учтивымъ образомъ комплименты Венеры.

Едва прошли тринадцать мѣсяцевъ въ этихъ удовольствіяхъ, какъ до Вольтера дошло, что нѣкто ла-Метри, умный, веселый, по больше придворный врачъ, разговаривая съ Фридрихомъ упомянулъ между прочимъ о зависти возбужденной Вольтеромъ въ ученыхъ; король-философъ отвѣчалъ на это: «онъ мнѣ понадобится еще одинъ годъ: а потомъ я выброшу его, какъ высосанный лимонъ». Съ той минуты Вольтеръ понялъ, что положеніе его не твердо, и скорѣ увидѣлъ, что эти страшныя слова короля, которыя онъ принималъ только къ себѣ, относились обыкновенно ко всѣмъ объ которыхъ король имѣлъ не важное мнѣніе. Несмотря на это, очарованіе продолжалось и, вѣроятно, протянулось бы до главной отставки, если бъ ссора, въ которую завлекъ его завистливый интриганъ Мопертюи, не заставила Вольтера стараться уѣхать изъ Берлина, какъ-можно скорѣе.

Мопертюи былъ довольно учепый математикъ, но не глубокий и не гениальный. Сначала онъ былъ кавалерійскимъ капитаномъ, но вышедши въ отставку занялся наукамъ. Онъ приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность и былъ посланъ въ Лавландію президентомъ комиссіи для измѣренія градуса меридіана. Клеръ былъ членомъ этой комиссіи, но, по молодости своей, былъ поставленъ подъ начальство Мопертюи, тогда уже человѣка лѣтъ за сорокъ. Успѣшное окончаніе этого труда, требовавшаго только заботливости и постоянства, доказало, что земля—сплюсченный у полюсовъ сферондъ. Мопертюи такъ возгордился своимъ открытіемъ, что велѣлъ изобразить себя на картинѣ съ земнымъ шаромъ въ рукахъ, который онъ сплюсчиваетъ у полюсовъ. Фридрихъ, очень мало знакомый съ физическими науками, былъ обманутъ шумомъ, который нмѣя или, лучше, языкъ этого человѣка надѣлалъ въ ученомъ мѣрѣ и пригласилъ его въ Берлинъ, гдѣ ему дано было мѣсто президента академіи, основанной королемъ. Нисколько не удивительно, что такой человѣкъ, какъ Мопертюи, долженъ былъ завидовать Вольтеру. Черезъ мѣсяцъ по прибытіи его въ Берлинъ, Вольтеръ писалъ уже, что съ

Мопертюи нѣтъ никакой возможности ужиться. Черезъ годъ они совершенно поссорились. Какъ интриганъ, Мопертюи не упускалъ никакого случая разсказывать королю самыя цѣлѣбныя сказки насчетъ Вольтера. Нѣкто ла-Бомель, выгнанный изъ Копенгагена, гдѣ онъ былъ проповѣдникомъ, пріѣхавшій въ Берлинъ подъ чужимъ именемъ, человекъ, который во Франціи укралъ письма госпожи Ментенонъ и напечаталъ ихъ, поступилъ, по протекціи Мопертюи въ академію, и они вдвоемъ ругали Вольтера, обкрадывая его сочиненія и распуская слухъ о томъ, что онъ злословитъ короля. Въ это время вышло въ свѣтъ сочиненіе Кенига, голландскаго профессора и члена берлинской академіи, въ которомъ онъ опровергалъ любимую идею Мопертюи о безконечно маломъ дѣйстви, и доказывалъ, ссылаясь на письмо Лейбница, что эта идея не новая. Это озлобило Мопертюи; онъ созвалъ академиковъ, изложилъ имъ дѣло и удалился изъ присутствія. Одинъ изъ его приверженцевъ предложилъ изгнать Кенига изъ академіи, на томъ основаніи будто онъ выдумалъ письма Лейбница. Невозможно представить себѣ ничего оскорбительнѣе, какъ этотъ поступокъ со стороны общества, котораго всѣ члены получали жалованье по назначенію президента. Но Мопертюи пошелъ еще далѣе: онъ показывалъ видъ, будто хлопочетъ о прощеніи Кенига и о принятіи его вповь въ члены академіи. Благородный Швейцарецъ не допустилъ его однако жъ до этого: онъ потребовалъ отставки, и послалъ изъ Голландіи свою просьбу прежде нежели могъ узнать о рѣшеніи академіи. Другая несправедливость Мопертюи состоитъ въ томъ, что онъ употреблялъ свое вліяніе на принцессу Оранскую, чтобъ лишить Кенига мѣста бібліотекаря при дворѣ этой государыни.

Большую честь дѣлаетъ Вольтеру то, что онъ всегда становился защитникомъ всякой жертвы преслѣдованія или несправедливости, какой бы видъ она ни принимала. Чувства его къ Мопертюи, котораго онъ сначала очень любилъ, а впослѣдствіи возненавидѣлъ, заставили его взять сторону Кенига. Мопертюи, какъ-будто потерявъ разсудокъ, только-что издалъ книгу, наполненную самыхъ величайшихъ глупостей, каковы наприимѣръ, проектъ про-

вникнуть до центра земли, проект изслѣдованія сущности человѣческихъ способностей, посредствомъ анатомическаго изслѣдованія мозговъ различныхъ породъ людей. Она открывала обширное поприще для сатиры, и ни какой бы остроумный человѣкъ не упустилъ воспользоваться случаемъ; Вольтеръ менѣе всякаго другаго. Онъ началъ свою защиту Кенига ѣдкою сатирою на президента, которая обошла всѣ литературные круги въ Европѣ. *Diatrise de doutes Akakia*, самое жалкое, самое неудачное изъ произведеній Вольтера. Къ-несчастью Мопертюи, стоя слишкомъ высоко, не имѣя на то никакого права, своими преслѣдованіями скромнаго, способнаго и ученаго человѣка, онъ вооружилъ противъ себя публику и осрамился изданіемъ книги, о которой только-что было сказано.

Фридрихъ сдѣлалъ вторую ошибку относительно этого несчастнаго. Онъ самъ вышелъ на бой, не запасясь средствами. Онъ издалъ памфлетъ противъ Кенига и Вольтера, въ которомъ обнаруживаетъ совершенное незнаніе предмета. Вся ученая Европа приняла сторону Кенига. Прискорбно видѣть, что человѣкъ съ такой головой, какъ Эйлеръ, сталъ въ главѣ партіи президента, и рѣшился подписать протоколъ объ исключеніи Кенига изъ академіи. Его авторитетъ не имѣлъ однако жъ никакой силы; общій голосъ ученаго свѣта былъ противъ президента. Фридрихъ приказалъ сжечь памфлетъ Вольтера.

Ясно, что такая буря не могла успокоиться. Вольтеръ прислалъ обратно свой камергерскій ключъ и орденъ, и отказался отъ пансіона. Все это онъ послалъ при вѣжныхъ стихахъ, которые и были однако жъ приняты. Онъ разсыпался въ изъясненіяхъ своей невинности въ отношеніи сочиненія памфлета, и между прочими шутками на свой счетъ, сравнилъ свою обязанность выправить французскій языкъ короля съ должностію прачки королевскаго бѣлья. Его увѣренія въ своей невинности, его странныя доказательства своего горя, раздосадовали одну партію, не укротя другой. Король отвѣчалъ, что его удивляетъ наглость Вольтера, который, вмѣсто-того чтобъ признаться въ винѣ, отпирается отъ фактовъ, ясныхъ какъ солнце, и что если его сочиненія стоятъ монумента, то по-

веденіе заслуживаетъ тюрьмы. Вольтеръ однако жъ продолжалъ писать безконечныя увѣренія въ своей признательности, привязанности и дѣлать воззванія къ нѣжному, благосклонному расположенію Фридриха.

Спустя два мѣсяца, гнѣвъ короля нѣсколько поутихъ; позволеніе уѣхать было дано, и Фридрихъ Второй пожелалъ видѣть Вольтера передъ отъѣздомъ. Свиданіе ихъ было продолжительно и затѣмъ послѣдовало примиреніе. Всю недѣлю передъ отъѣздомъ Вольтеръ каждый вечеръ ужиналъ у короля и выѣхалъ изъ Берлина, втораго марта 1753 года. До пріѣзда во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ его ожидала мадамъ Дени, Вольтеръ цѣлый мѣсяць провелъ при дворѣ Саксенъ-Готскомъ. Во Франкфуртѣ они оба были задержаны по настоянію прусскаго агента, который именемъ короля потребовалъ отъ Вольтера томъ стихотвореній Фридриха. Эти стихотворенія были отпечатаны въ небольшомъ числѣ экземпляровъ для друзей, и въ нихъ между-прочимъ содержалась поэма «Le Palladium», касавшаяся нѣкоторыхъ существовавшихъ тогда особъ. Какъ багажъ Вольтера былъ отправленъ по другой дорогѣ, то онъ оставался подъ арестомъ, покуда книга не была получена. Это задержаніе сильно оскорбило Вольтера. Онъ написалъ какую-то хроникку о жизни и характерѣ Фридриха, которая осталась въ рукописи, и была уничтожена только по вторичномъ примиреніи ихъ, въ 1757 году.

Мадамъ Дени разсталась съ дядею и возвратилась въ Парижъ, оставивъ его въ Альзасѣ, гдѣ онъ имѣлъ доходное мѣсто во владѣніяхъ герцога Виртембергскаго. Вольтеръ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кольмарѣ, болѣею частію въ постелѣ, больной. Вообще онъ прожилъ въ Альзасѣ около двухъ лѣтъ, исключая нѣсколькихъ недѣль проведенныхъ въ Пломбьерѣ на водахъ, куда его племянница пріѣзжала къ нему съ Аржанталемъ. Вольтеръ ѣздилъ въ Ліонъ, гдѣ видѣлся съ кардиналомъ Тенсеномъ, который считалъ однако жъ своею обязанностію избѣгать его общества, несмотря на то что былъ дядею лучшаго друга Вольтера — госпожи д'Аржанталъ. Народъ принялъ знаменитаго поэта и остроумца совсѣмъ иначе: онъ былъ нѣсколько разъ приглашенъ въ театръ, гдѣ разыгрывались его пье-

сы, при громѣ рукоплесканій. Ему предписано было врачами употреблять савойскія воды и онъ долженъ былъ проѣзжать черезъ Женеву. Здѣсь онъ совѣтовался о своемъ здоровьѣ съ знаменитымъ Троншеномъ, который запретилъ ему употребленіе этихъ водъ. Вольтеръ купилъ себѣ шестьдесятъ акровъ земли подлѣ города. Впослѣдствіи онъ купилъ также виллу Турне, во французскихъ владѣніяхъ и назвалъ ее Фернѣ. Лѣтомъ онъ жилъ въ домѣ, называемомъ Монье, который онъ имѣлъ близъ Лозанны. Въ этихъ-то мѣстахъ провелъ онъ остальные дни своей жизни.

Фридрихъ помирился съ нимъ въ 1757. Въ августѣ этого года, онъ написалъ Вольтеру письмо, спустя нѣсколько недѣль послѣ неудачной битвы подъ Коллиномъ. Съ этого времени переписка ихъ возобновилась. Въ сентябрѣ Фридрихъ писалъ Вольтеру, что онъ придетъ въ совершенное отчазніе, если проиграетъ еще одно сраженіе. Но вскорѣ успокоился, и въ своей поэмѣ, присланной Вольтеру девятаго октября, пишетъ

Je dois, en affrontant l'orage,
Penser, écrire et mourir en Roi.

Вскорѣ послѣ этого онъ одержалъ побѣду подъ Росбахомъ, гдѣ французская армія, подъ предводительствомъ Субиза, постыднымъ образомъ бѣжала съ поля сраженія.

Втеченіи двухлѣтняго пребыванія своего въ Альзасѣ, Вольтеръ занимался только выправленіемъ своихъ сочиненій и изданіемъ *Annales de l'Empire*, предпринятыхъ по желанію великой герцогини саксенъ-готской, по плану президента Генд. Въ Берлинѣ онъ началъ свое сочиненіе *Siècle de Louis Quatorze*, для котораго матеріалы были собраны еще въ Парижѣ. Въ это же время онъ началъ свою переписку съ Дидро и д'Аламберомъ, занимавшимися изданіемъ знаменитой Энциклопедіи, предпріятіемъ, которому онъ содѣйствовалъ всѣми средствами. Энциклопедія, какъ извѣстно, не могла появиться публично во Франціи. Въ 1751-мъ году, и слѣдующихъ годахъ, въ Парижѣ вышли только семь первыхъ томовъ, подъ именемъ Дидро и д'Аламбера. Въ 1758 году изданіе остано-

вилось, именно въ то время, когда число подписчиковъ умножилось до трехъ тысячъ. Остальные десять томовъ вышли въ Невшателѣ, въ 1762, подъ именемъ одного Дидро. Четыре дополнительные тома изданы были въ Амстердамѣ, въ 1776 и 1777 годахъ. Одиннадцать томовъ рисунковъ вышли между 1762 и 1772 въ Парижѣ; дополнительный томъ рисунковъ появился въ свѣтъ въ 1777 году. Нѣкоторые изъ статей Вольтера написаны превосходно и изобилуютъ прекрасными мыслями.

Во время пребыванія въ Сирѣ, онъ написалъ *Voyage de Scarmentado* и «Задига». «Микромегастъ» былъ написанъ по возвращеніи во Францію. Въ Женевѣ, въ 1757 году, издалъ онъ самое оригинальное свое сочиненіе *Essai sur les moeurs des nations*, написанное еще въ Сирѣ, и вслѣдъ затѣмъ въ 1759 «Кандида».

До Вольтера исторія была, болѣе или менѣе, хронологическими описаніями войнъ, завоеваній, мирныхъ договоровъ, браковъ, общественныхъ несчастій, какъ напримѣръ моровыхъ язвъ, наводненій, пожаровъ. Изложить факты, описать сцены, актеровъ, сдѣлать оцѣнку ихъ характеровъ, съ нѣкоторыми нравственными размышленіями, — вотъ что требовалось отъ историка. Древніе наши образцы во всѣхъ отрасляхъ литературы, списывали и сцены и людей живыми красками. Въ рѣчахъ, которыя они вкладывали въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ, они болѣею частію излагали свои мнѣнія о происшествіяхъ, или изображали чувства людей, которые имѣли вліяніе на ихъ поступки. Тому же самому подражали и новѣйшіе историки.

Вольтеръ, гений, который никогда не запутывался въ сѣтяхъ своихъ предшественниковъ, тотчасъ увидѣлъ эти недостатки и рѣшился написать исторію народовъ, изображая, въ разсказѣ происшествій, болѣе ихъ духъ и направленіе, нежели ихъ подробности. Его *Essai sur les moeurs des nations* есть исторія обществъ. Онъ, правда, начинаеть свою исторію временами Карла Великаго. Въ пространствѣ времени, съ половины осьмаго столѣтія до половины семнадцатаго, то есть, въ пространствѣ девяти столѣтій, онъ обозрѣваетъ всѣ совершившіяся перемѣны, всѣ знамени-

тия происшествія, случившіяся между людьми, исторію значительнѣйшихъ лицъ, всѣ перевороты, имѣвшіе вліяніе на судьбы народовъ или государей, пренебрегая всѣми ничтожностями, какъ бы они достовѣрны ни были. Онъ не упоминаетъ ни объ одномъ происшествіи, которое возбуждало только обыкновенное, невѣжественное удивленіе. Хотя свой трактатъ о философіи исторіи онъ помѣстилъ въ предисловіи, однако жъ вся книга его можетъ быть названа этимъ именемъ.

Изъ прочихъ историческихъ сочиненій Вольтера «Карлъ Двѣнадцатый» самое лучшее, «Исторія Петра Великаго» — самое худшее. «Вѣкъ Людовика Четырнадцатаго» занимаетъ средину между ними.

Пребываніе Вольтера, сначала въ помѣстьи Les Delices, близъ Женевы, а потомъ, когда его изгнало преслѣдованіе кальвинистовъ, въ Фернѣ, въ предѣлахъ Франціи, было для него самымъ пріятнымъ и покойнымъ временемъ, послѣ преслѣдованій и неудовольствій, которыя онъ терпѣлъ прежде. Кромѣ второстепенныхъ своихъ поэмъ, большая часть его философическихъ и критическихъ сочиненій были написаны въ это время. Свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ кругу друзей или въ небольшомъ театрѣ, устроенномъ въ замкѣ. Актерами были его племянница, друзья и иногда онъ самъ. Для жевевскихъ пуристовъ казалось соблазнительнымъ существованіе частнаго театра вблизи города; но они сами иногда бывали въ числѣ зрителей, несмотря на выходы Руссо противъ драматическихъ представленій. Они даже безъ церемоніи посѣщали Вольтера въ Фернѣ. Онъ былъ гостепріимный хозяинъ и принималъ всякаго порядочнаго человѣка, и, разумѣется, что его умъ и ученость доставляли гостямъ большое наслажденіе. Какъ уже было сказано, онъ всегда готовъ былъ помогать несчастнымъ, но въ особенности молодымъ людямъ съ талантами. Въ 1760 году онъ пригласилъ въ Фернѣ племянницу Корнелию, оставшуюся въ бѣдности. Она провела тамъ нѣсколько лѣтъ, и Вольтеръ далъ ей воспитаніе. Но больше всего онъ былъ покровителемъ всѣхъ угнетенныхъ. Слава его, какъ писателя, непоколебима; къ несчастію, эти права на

наше уваженіе очень ослабляются вреднымъ направленіемъ бѣльшей части его сочиненій.

Втеченіи зимы 1761 и 1762 года, въ Лангдокѣ, одинъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати-осми, нѣкто Маркъ-Антонъ Каласъ, сынъ почтеннаго стараго кальвинниста, былъ найденъ мертвымъ, и, какъ казалось, повѣсилъ самъ. Одному изъ тамошнихъ судей, по имени Давиду, человекъ фанатическому, пришла мысль, что этотъ молодой человекъ повѣшенъ отцомъ, для предупрежденія перехода его въ католицизмъ. У этого старика былъ другой сынъ, незадолго передъ этимъ перешедшій въ католическую религію; между-тѣмъ отецъ не только не изгналъ его изъ дому, а, напротивъ, далъ ему хорошее состояніе. Старикъ Каласъ былъ разбитъ параличомъ; погибшій сынъ его былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ людей въ Лангдокѣ, ростомъ въ шесть футовъ. Онъ велъ развратную жизнь, имѣлъ пропасть долговъ, и очень любилъ читать книги, одобряющія самоубійство. Наконецъ, всѣмъ было извѣстно, что онъ никогда не думалъ перемѣнять религію. Несмотря на все это, старикъ Каласъ со всѣмъ семействомъ, какъ сообщниками убійства, были посажены въ тюрьму. Братство Бѣлыхъ Кающихся, отслужило обѣдню объ упокоеніи души умершаго. Распустили слухъ, будто протестанты считаютъ обязанностію убивать дѣтей своихъ, если они оставляютъ протестантскую религію и будто, собравшись въ тайномъ мѣстѣ, они по жребію назначаютъ исполнителя этой казни. Судъ, разсматривавшій это дѣло, приговорилъ стараго Каласа къ колесованію. Тулузскій парламентъ утвердилъ приговоръ и несчастный старикъ умеръ на колесѣ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, утверждая до послѣдней минуты, что умираетъ невиннымъ. Прочіе члены семейства были оправданы.

Отягченное горемъ, несчастное семейство Каласа пріѣхало въ Женеву, главное мѣстопробываніе ихъ секты, и немедленно обратилось къ Вольтеру. Онъ тотчасъ взялъ на себя ихъ защиту и, черезъ содѣйствіе благороднаго герцога де-Шоазёля, выхлопоталъ повелѣніе пересмотрѣть это дѣло въ особенной судной комиссіи. При производствѣ изслѣдованія, Вольтеръ все дѣлалъ самъ: изготовлялъ за-

писки, разбиралъ показанія свидѣтелей, ведъ перепишу со всѣми мѣстами, просматривалъ защитительныя рѣчи адвокатовъ, дѣлалъ къ нимъ важныя прибавленія. Въ 1765 г. состоялось рѣшеніе по этому дѣлу; Каласъ былъ объявленъ невиннымъ, ему возвращено было доброе имя, семейству его дано было денежное вознагражденіе. Все это случилось весною 1766 года. Успісія Вольтера, уничтоженныя такимъ блестящимъ успѣхомъ, заслужили всеобщее одобреніе. Со временъ уничтоженія Нантскаго Эдикта, протестанты не имѣли ни какого обезпеченія отъ преслѣдованій. Послѣ Каласова дѣла они поняли, что у нихъ есть ревностный, сильный защитникъ. И, дѣйствительно, рѣшеніе его было безпредѣльно: онъ всею душою преданъ этому дѣлу. Лангдокъ не забылъ этого. Когда весною 1778 года Вольтеръ шелъ по Королевскому Мосту, кто-то спросилъ: кто этотъ человѣкъ, за которымъ идетъ такая толпа? Одна простая женщина отвѣчала: «Кажъ, вы не знаете спасителя Каласовъ?» Говорить, что эта простая дѣвушка его слава, тронула его больше нежели восторгъ, съ которымъ его встрѣчали всюду какъ писателя.

Почти въ одно время съ Каласомъ, фанатическая партія въ Лангдокѣ хотѣла обвинить нѣкоторыхъ Сирвенъ, мужа и жену, въ убійствѣ ихъ дочери, которая бѣжала изъ монастыря, куда была заключена, по провансамъ католическихъ монаховъ, и найдена утопшею въ рѣкѣ. Услышавъ объ обвиненіи своемъ, Сирвенъ и жена его бѣжали и были приговорены заочно къ смертной казни. Жена умерла въ дорогѣ, а мужъ прибылъ въ Женеву. Вольтеръ сдѣлалъ для него то же, что для Каласовъ, и хотя было необходимо, чтобы Сирвенъ рискнулъ подвергнуться несправедливому обвиненію, явившись лично на судъ въ Тулузу, однако жъ онъ былъ оправданъ. Это случилось въ 1762 году.

Мы разсмотрѣли исторію двухъ знаменитыхъ ссоръ Вольтера съ Фридрихомъ и Мопертюи; другія ссоры, напримѣръ съ Руссо, не дѣлаютъ ему большой чести. Руссо, который былъ осмнадцатью годами моложе Вольтера, ослабленный блестящею репутациею французскаго

онъ осозналъ, называлъ ему самое глубокое уваженіе, однако жъ безъ малѣйшей лести. Вольтеръ платилъ ему тѣмъ же. По выходѣ въ свѣтъ Вольтеровою поэмы, «Разрушеніе Лиссабона», Руссо написалъ къ нему длинное, краснорѣчивое письмо, которое было напечатано, однако жъ безъ вѣдѣнія автора. Въ отвѣтъ своемъ, нѣсколько насмѣшливомъ, но очень учтивомъ, Вольтеръ уклонился отъ пренія, намъ уклонился прежде отъ пренія съ Руссо по поводу вопроса о выгодахъ цивилизаціи и просвѣщенія. Руссо, съ появленіемъ еще въ свѣтъ письма, написалъ жестокую выходку противъ театра и, по мнѣнію Вольтера, вооружилъ этимъ противъ него женеvскую чернь. Руссо, въ 1760 году написалъ къ нему письмо, исполненное самыхъ горькихъ жалобъ, обвиняя его въ моральномъ развращеніи Женевы, намѣкая этимъ на французской театр, и въ томъ, что онъ изгоняетъ его изъ родины, которая для него сдѣлалась нестерпимомъ по причинѣ сосѣдства съ Ферне. Это письмо Вольтеръ, разумѣется, оставилъ безъ отвѣта: онъ считалъ его произведеніемъ большаго ума; но онъ всегда утверждалъ, что вовсе не имѣетъ намѣренія оскорбить тѣмъ сочинителя. Какъ бы то ни было, Вольтеръ впоследствии немилосердно преслѣдовалъ Руссо. Въ глупой, но ядовитой повѣсти *Guêgue civile de Genève*, Вольтеръ нападаетъ на Руссо гораздо сильнѣе и жесточе, нежели на кого-нибудь другаго въ своихъ сатирахъ. Надобно замѣтить, что постоянное униженіе генія Руссо должно быть приписано единственно зависти, не къ его талантамъ, а къ его успѣхамъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ Руссо, исключая *Profession de Foi*, «Эмиля», Вольтеръ не видитъ ни малѣйшаго достоинства. Поступки Руссо въ отношеніи къ Вольтеру были совершенно противоположны. До конца его жизни, Руссо обнаруживалъ неограниченное къ нему удивленіе. Онъ былъ въ числѣ лицъ, подписавшихся на сооруженіе памятника Вольтеру. Наконецъ, когда за нѣсколько дней до смерти Вольтера была дана «Ирена», послѣдняя изъ его трагедій, Руссо, незамѣчаніе одной особы, что въ этой драмѣ видѣтъ уже упадокъ генія автора, великодушно отвѣчалъ: несправедливо и неблагодарно говорить такіа вещи публично, даже

и въ такомъ случаѣ, если бы это было неоспоримою истиною.

Что гений поэта въ самомъ дѣлѣ много потерпѣлъ отъ времени, это не подлежитъ сомнѣнію. Несмотря на то, Вольтеръ кончилъ «Ирену», за два мѣсяца до своей смерти и «Агаѳоклесъ», который остался недоконченнымъ, заключаютъ въ себѣ мѣста блестящія и прекрасныя.

Въ началѣ 1778 года Вольтеръ пріѣхалъ въ Парижъ, послѣ двадцати-семилѣтняго отсутствія. Онъ только-что окончилъ «Ирену» и желалъ видѣть ее на сценѣ. Въ Парижѣ онъ былъ принятъ съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ: онъ пережилъ всѣхъ своихъ враговъ, всѣхъ своихъ хулителей, всѣ свои ссоры. Академія, которая, подъ вліяніемъ интригъ, давно уже забытыхъ, долгое время не принимала его въ свои члены, теперь употребила всѣ средства, чтобы загладить свою вину и приняла его скорѣе какъ завоевателя, нежели какъ скромнаго гражданина ученой республики. Все, что было знаменитаго въ управленіи, въ наукахъ, замѣчательнаго въ обществѣ или при дворѣ, все это бѣжало на встрѣчу къ Вольтеру. Единственное удовольствіе каждаго было сказать: «Я видѣлъ Вольтера». Но главное торжество его было въ театрѣ. Во все время третьяго представленія «Ирены», при которомъ онъ присутствовалъ, взоры всей публики постоянно были обращены на ложу поэта. Бюстъ его былъ вынесенъ на сцену и увѣнчанъ гирляндю цвѣтовъ, при рукоплесканіяхъ и слезахъ толпы. Когда онъ вышелъ изъ театра, тысяча людей провожали его до кареты. Безчисленная толпа ожидало его на дому. «Да здравствуетъ Вольтеръ!» «Да здравствуетъ Заира!» «Ура! Генриада!» раздавались въ воздухѣ. Сердце поэта было глубоко тронуто. «*On veut me faire mourir de plaisir!*» провизнесъ онъ слабымъ голосомъ. «*On m'étouffe sous des roses!*»

Франклинъ въ это время находился въ Парижѣ. Когда эти два человѣка сошлись въ академіи и подали другъ другу руку, единодушный порывъ рукоплесканій раздался въ залѣ.

Во время короткаго пребыванія своего въ Парижѣ, Вольтеръ обнаруживалъ необыкновенную дѣятельность

своего ума. Онъ трудился надъ «Агаооклесомъ», поправляя свои историческія сочиненія и уговорилъ академію приступить къ изданію «Словаря» по новому плану. Онъ предложилъ, чтобы каждый академикъ взялся обработать одну букву и самъ выбралъ букву А. Эти усиленные труды, вмѣстѣ съ волненіемъ отъ приему въ театрѣ, сильно разстроили его здоровье: у него сдѣлалось кровохарканіе. Душевное безпокойство, происшедшее отъ нѣкоторыхъ споровъ въ академіи, относительно измѣненій въ его планѣ «Словаря», произвело бессонницу, и Вольтеръ долженъ былъ принять опиуму. Кондорсэ увѣряетъ, что онъ по ошибкѣ принялъ слишкомъ большую порцію, и что эта ошибка была причиною его смерти, которая послѣдовала тридцатаго мая 1778 года. Вольтеръ умеръ осмидесятипяти лѣтъ отъ-роду.

Нѣсколько строкъ, которыя онъ за четыре дня до смерти написалъ Лалли-Толендалю, о томъ, что онъ умираетъ совершенно счастливымъ, услышавъ, что вышло повелѣніе пересмотрѣть несправедливый приговоръ противъ отца Толендала, которымъ онъ занимался втеченіи двѣнадцати лѣтъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и настойчивостію; и нѣсколько стиховъ, къ аббату Летеньяну, писанныхъ за десять дней до кончины, доказываютъ, что онъ сохранилъ до послѣдней минуты необыкновенную силу своихъ умственныхъ способностей.

Изложивъ такимъ образомъ подробности жизни Вольтера, намъ остается рассмотретьъ его характеръ, какъ свѣтскаго человѣка и его качества какъ собесѣдника. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ удивительный. Онъ былъ живаго, веселаго характера; въ обществѣ онъ выказывалъ большую терпѣливость, только дома давалъ волю своей раздражительности, желчь его разливалась только съ кончика пера. Обширныя свѣдѣнія Вольтера обо всѣхъ предметахъ, и острый умъ, дѣлали его общество въ высшей степени пріятнымъ. Его быстрые, неожиданные отвѣты даютъ ему право считаться первымъ остроумцемъ своего времени. Многіе изъ нихъ сохранились въ печатныхъ анекдотахъ, многіе дошли до насъ по преданіямъ.

Когда дижонскіе академики, поднося ему дипломъ на званіе члена, замѣтили ему, что ихъ академія — дочь парижской. — «Да, да, отвѣчалъ онъ: и дѣвушка прекрасная, прескромная: никто объ ней не говоритъ». Сентъ-Анжъ, который тщеславился утонченностію своей лести, пріѣхавши однажды въ Фернандъ, сказалъ Вольтеру: «сегодня я видѣлъ Гомера, завтра увижу Соэокла и Эврипида, послѣ завтра — Тацита, потомъ Ливія». Остроумный хозяинъ уstraшенный длиннымъ рядомъ посѣщеній, отвѣчалъ: «Милостивый государь, я очень старъ, нельзя ли вамъ увидѣть всѣхъ этихъ господъ въ одинъ день». Одинъ англійской путешественникъ, слыша, что Вольтеръ отлично отзывался о Галлерѣ, замѣтилъ ему что Галлеръ не говоритъ такъ хорошо объ немъ самомъ. «Увы! отвѣчалъ Вольтеръ, можетъ-быть, мы ошибаемся оба».

=

ПИСАТЕЛИ

И УЧЕННЫЕ ПРЕДЪИДУЩАГО ПЯТИДЕСЯТИ-ЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ ЛОРДА БРУМА.

=

ВОЛЬТЕРЪ и РУССО.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Жизнь Руссо не заслуживаетъ такого изслѣдованія какъ жизнь Вольтера, и не представляетъ для этого такихъ обильныхъ матеріаловъ. Объ его характерѣ и его достоинствахъ нѣтъ разнообразныхъ мнѣній. Всѣ согласны, что онъ былъ человѣкъ съ гениемъ, но съ гениемъ, ограниченнымъ, воображеніемъ живымъ, безъ всякой разсудительности, человѣкъ способный ко всѣмъ порокамъ и ко всѣмъ добродѣтелямъ, съ умомъ болѣзненно-разстроеннымъ: таково мнѣніе всѣхъ его современниковъ, которое подтверждается и его собственнымъ свидѣтельствомъ, явившимся въ свѣтъ послѣ его смерти. Исторія его жизни и его твореній возбуждаетъ въ насъ истинный интересъ; но не въ состояніи удержать долго нашего вни-

манія, первая потому, что она представляет не слишкомъ много происшествій, а другія слишкомъ мало разнообразія.

Жанъ-Жакъ Руссо родился въ Женевѣ, двадцать-осмаго іюня 1712 года. Отецъ его былъ часовщикъ; мать—дочь протестантскаго пастора Бертрана. Братъ ея, инженеръ, былъ женатъ на сестрѣ стараго Руссо, который былъ человѣкъ примѣрнаго поведенія, очень умный, довольно образованный и очень благороднаго сердца. Лѣтъ черезъ семь по рожденіи старшаго и въ то время единственнаго своего сына, онъ отправился въ Константинополь, но скоро воротился, узнавъ, что за женою его волочится французскій резидентъ, господинъ де-ла-Клозюръ, на искательства котораго она отвѣчала однако жъ всею возможнымъ равнодушіемъ. Господинъ де-ла-Клозюръ втеченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, послѣ этого показывалъ большую привязанность къ сыну ея и не иначе какъ со слезами на глазахъ говорилъ объ матери, которая скончалась, произведя его на свѣтъ, черезъ десять мѣсяцовъ по возвращеніи мужа съ Востоку. Господинъ де-ла-Клозюръ читалъ съ молодымъ Руссо оставшіяся послѣ матери книги, которыя большею частію были романы и повѣсти. Въ этомъ занятіи они часто проводили цѣлыя ночи. Истощивъ этотъ запасъ, они перешли къ пищѣ болѣе питательной: по смерти отца господина де-ла-Клозюра имъ досталась вся его библіотека, состоявшая по большей части изъ историческихъ и другихъ полезныхъ книгъ. Слѣдствіемъ этого чтенія было развитіе въ юномъ Руссо энтузіазма къ героямъ греческой и римской исторіи, особенно же, къ героямъ Плутарха и Тита Ливія. Онъ не могъ оторваться отъ этого занятія, и однажды за обѣдомъ перепугалъ все свое семейство тѣмъ, что рассказывалъ исторію Муція Сцеволы, вдругъ подбѣжалъ къ жаровнѣ и сталъ держать надъ нею свою руку. Когда Руссо было не болѣе осми лѣтъ, отецъ его, вслѣдствіе ссоры съ однимъ французскимъ офицеромъ, набѣгалъ заключенія въ тюрьму, покинулъ Женеву и переселился въ Лозанну, гдѣ впоследствии вступилъ во второй бракъ съ женщиною довольно пожилою, но у которой не было своихъ дѣтей. Старшій

сынъ его, осемью или девятью годами старше Жанъ-Жака, никогда не былъ любимцемъ отца, хотя и обучался отцовскому ремеслу. Онъ велъ развратную жизнь, бросилъ свое мѣсто и переселился въ Германію. Никто не заботился о томъ куда онъ дѣвался; онъ никому не писалъ послѣ своего побѣга изъ Лозанны, и неизвѣстно что съ нимъ случилось. Вѣроятно, онъ умеръ, прежде нежели дядя брата его сдѣлалось-извѣстнымъ: иначе онъ, вѣрно, далъ бы о себѣ знать.

Кромѣ пристрастія къ романамъ и древней исторіи, Жанъ-Жакъ Руссо случайно пристрастился къ музыкѣ. Его тѣтка, которая пеклась объ немъ, часто пѣвала небольшимъ, но пріятнымъ голосомъ простыя мелодіи, болѣею частію народныя. Эти простыя звуки, вмѣстѣ съ привязанностію его къ ней, произвели на него сильное впечатлѣніе, и образовали его вкусъ въ пѣніи. Послѣ переселенія отца въ Лозанну, онъ остался на попеченіи своего дяди Бертрана, который опредѣлилъ его въ школу въ Боасси, близъ Женевы, гдѣ онъ занимался науками подъ надзоромъ пастора Ланберсіе, и, какъ кажется, сдѣлалъ нѣкоторыя успѣхи въ латинскомъ языкѣ; однако же аббатъ Гувонъ, къ которому онъ нанялся въ услуженіе, и который, обращаясь съ нимъ скорѣе какъ съ секретаремъ, чѣмъ, какъ съ слугою, заставлялъ его читать по-латынѣ, замѣтивъ, что онъ не получилъ хорошаго основанія. Руссо самъ сознается, что никогда не зналъ порядочно этого языка, хотя говоритъ, что употреблялъ всѣ средства изучить его. Въ доказательство этого онъ указываетъ на свой переводъ первой книги Тацита, переводъ очень не дурной, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правильный, во многихъ очень удачный. Это одинъ изъ примѣровъ, доказывающихъ какъ онъ любилъ преувеличивать и свои достоинства и свои недостатки. Надобно замѣтить, что все что онъ зналъ, всему этому онъ выучился относительно очень поздно. И въ самомъ дѣлѣ, можно себѣ представить что могло быть хуже образованности человѣка, который избралъ цѣлію своей жизни кричать противъ образованности, не потому что онъ никогда не имѣлъ ея, а потому что она казалась ему вредною для характера и не-

совмѣстимою съ тлубокою мудростью и истинною добродѣтелью.

Оставивъ школу въ Боассѣ, Жанъ-Жакъ Руссо вступилъ въ ученіе къ граверу, который обращался съ нимъ грубо. Но и онъ велъ себя очень дурно. Онъ имѣлъ привычку лгать при всякомъ случаѣ, что бы ни побуждало его, страхъ ли наказанія за какой-нибудь дурной проступокъ или желаніе удовлетворить какому-нибудь дурному побужденію. Сильная наклонность къ воровству была также въ числѣ его дурныхъ качествъ. Онъ не могъ совершенно отвыкнуть отъ этого порока даже и въ юношескихъ лѣтахъ. Сверхъ-того Руссо былъ запальчивъ, но вѣстѣ и трусливъ. Однажды вечеромъ, возвращаясь съ загородной прогулки, онъ нашелъ городскія ворота закрытыми, и тотчасъ же рѣшился бѣжать. Опъ явился къ одному савоярскому священнику, въ Карогу, въ двухъ лѣхъ отъ Женевы, который принялъ его очень ласково, надѣясь обратить его въ католицизмъ и далъ ему рекомендательное письмо къ мадамъ де-Варренъ, одной швейцарской дамѣ, которая, оставивъ мужа, сдѣлалась католичкой, и жила небольшимъ пенсіономъ, который получала отъ набожнаго сардинскаго короля. Мадамъ де-Варренъ приняла его ласково и послала въ Туринъ, гдѣ онъ поступилъ въ семинарію новообращенныхъ. Въ этомъ духовномъ училищѣ онъ нашелъ нравы самыя развращенныя и ужасныя. Кажется, что начальники этой семинаріи мало заботились объ искорененіи въ немъ заблужденій протестантскаго исповѣданія; и дѣйствительно, обращеніе его не было искренне; но такъ какъ въ перспективѣ у него было доходное мѣсто, то онъ публично принялъ католическую религію. Начальники инквизиціи однако жъ вскорѣ открыли, что онъ недостаточно убѣжденъ въ правилахъ принятаго имъ исповѣданія, потому что онъ хотѣлъ вѣрить, чтобы мать его находилась въ числѣ осужденныхъ на вѣчныя муки. Поэтому онъ вскорѣ былъ изгнанъ изъ семинаріи, съ двадцатью франками, которые были собраны по случаю отреченія его отъ прежняго исповѣданія.

Проживъ нѣсколько времени въ Туринѣ въ самомъ жал-

комъ положеніи, проводя ночи на постоялыхъ дворахъ между самымъ чернымъ народомъ, онъ поступилъ лакеемъ въ службу графини де-Версельё, и носилъ ливреку наравнѣ съ другими слугами. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ графиня умерла и слуги ея были распущены. При описи ея имущества замѣтили, что пропала лента; стали допрашивать слугъ и Руссо, у котораго она была найдена, и который дѣйствительно укралъ ее; имѣлъ низость сложить всю вину на одну бѣдную, невинную служанку: онъ настаивалъ въ томъ, что она украла ленту, чтобъ подарить ему, потому будто, что между ними была любовная связь. Слѣдствіемъ этого была погибель несчастной дѣвушки. Въ своихъ *Confessions*, онъ горько оплакиваетъ свое преступленіе. Онъ старается самымъ тонкимъ, страннымъ, и живымъ образомъ оправдать свой низкій поступокъ, рассказывая будто причиною всего была его любовь къ Марианѣ, и будто эта любовь заставила его украсть ленту, чтобъ подарить ей, что и подало ему мысль сложить всю вину на нее. Онъ никогда не рѣшился бы обвинить мужчину. Вообще онъ старается убѣдить, будто дѣйствовалъ какъ ребенокъ, и пишетъ будто между 1766 и 1767 годами ему было сорокъ лѣтъ, но это несправедливо: когда въ 1728, убѣжавъ изъ Женевы въ іюль или августъ, онъ прибылъ въ Аннеси, ему было шестнадцать лѣтъ; пребываніе его въ Туринѣ въ семинаріи и въ домѣ графини продолжалось около году, слѣдовательно, ему должно было быть семнадцать, когда она умерла, а не четырнадцать или пятнадцать, какъ выходитъ по его счету.

Въ семействѣ Соларовъ, куда онъ вступилъ лакеемъ, тотчасъ замѣтили, что онъ гораздо болѣе начитанъ нежели другіе слуги. Аббатъ де-Гувонъ, человѣкъ чрезвычайно образованный и добрый, слѣлалъ его секретаремъ своимъ и самъ занялся его воспитаніемъ, и хотя Руссо всё-таки не слѣлался латинистомъ, зато хорошо выучился по-италіянски. Вскорѣ ему вздумалось перессориться со всѣмъ этимъ домомъ, и воротиться пѣшкомъ въ Женеву; въ обществѣ съ однимъ молодымъ негодяемъ, по имени Баклеромъ, съ которымъ онъ познакомился и котораго грубое шутовство ему чрезвычайно нравилось и возбу-

Ждало въ немъ даже зависть: ему нравилось все чѣмъ можно было обратить на себя вниманіе толпы. Въ отношеніи къ Соларамъ онъ показалъ себя самымъ дерзкимъ и самымъ низко благодарнымъ человѣкомъ. Онъ былъ выгнанъ изъ дому, гдѣ его любили какъ роднаго сына, и гдѣ ему представлялись вѣрныя средства устроить свою судьбу. Господинъ де-Соларъ подарилъ ему однажды дѣтскій театръ: восхищенію его не было предѣловъ, и онъ надѣлся, показывая этотъ театръ на дорогѣ, пройти девятнадцать миль, не имѣя ни гроша въ карманѣ. Въ этомъ предположеніи онъ пустился въ дорогу съ своимъ новымъ знакомцемъ. Но подходя къ Аннеси, онъ вспомнилъ, что не можетъ привести къ мадамъ де-Варренъ своего дорожнаго товарища, и поэтому расстался съ нимъ довольно холодно. Мадамъ де-Варренъ приняла его ласково и онъ вскорѣ сдѣлался у нея домашнимъ человѣкомъ.

Изъ разсказа Руссо объ ея образѣ жизни, въ которомъ описано во всей подробности ея легкомысленное поведеніе, — единственная награда за оказанное ему добро, — можно заключить, что она была женщина довольно хорошо образованная, очень красивая, привлекательная, добрая и ласковая, но вмѣстѣ и очень развратная. Она имѣла связи со всѣми своими слугами, не считая интригъ съ лицами высшаго разряда. Правда, онъ старается увѣрить, будто она дѣлала это съ цѣлью привязать къ себѣ своихъ слугъ, но въ то же время упоминаетъ, что его предшественникъ, дожій, необразованный, грубый молодчина, самаго низкаго званія, цирюльничій ученикъ, обращался съ нею самымъ недостойнымъ образомъ, управлялъ всѣмъ домомъ и разорилъ ее совершенно своимъ безразсуднымъ мотовствомъ.

Къ Руссо она питала постоянную и самую нѣжную привязанность, а онъ отплатилъ ей еще болѣе черною неблагодарностію; даже не постыдился повѣрить бумаги всѣ подробности своей связи съ нею. Правда, онъ желалъ, чтобы книга его была издана не прежде 1800 года; но она вышла въ свѣтъ, хотя и противъ его воли, въ 1788 году. Но члены семейства этой женщины были бы еще въ живыхъ, даже въ 1800 году; ея память стояла же како-

каждь вниманїа въ глазахъ сентименталиста, который отдавалъ на позоръ вѣковъ исторїю собственнаго стыда и безславїа, для того только, чтобъ имѣть случай похвастаться своею развратною связью съ умершею уже женщиною.

Мадамъ де-Варренъ старалась доставить Жанъ-Жаку Руссо мѣсто пастора, и послала его учиться на свой счетъ, въ семинарію, гдѣ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ убѣдились, что онъ никогда не будетъ знать по-латыни столько, сколько нужно католическому священнику. Послѣ этого она уговорила ле-Метра, директора соборной музыки, взять его въ ученики и помощники. У ле-Метра онъ пробылъ около году. Нѣкто Воссюръ де-Вильнёвъ, молодой человекъ развратный и безъ всякихъ правилъ, явился въ Аннесси, и своимъ умомъ, искусствомъ въ музыкѣ и невѣроятною наглостію успѣлъ произвестъ въ обществѣ нѣкоторое впечатлѣніе. Онъ совершенно очаровалъ Руссо, и уговорилъ его ѣхать въ Ліонъ. Выѣсть съ ними отправился и ле-Метръ, поссорившійся съ соборными священниками. Онъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни. Однажды, когда припадокъ случился съ нимъ на улицѣ, Руссо бросилъ его на произволъ судьбы и скрылся въ толпѣ. Вотъ какимъ образомъ заплатилъ онъ своему учителю за всѣ его благодѣянія! Руссо воротился въ Аннесси, и нашелъ, что мадамъ де-Варренъ тайно уѣхала въ Парижъ.

Послѣ этого онъ долго странствовалъ по Швейцарїи и, наконецъ, поселился въ Лозаннѣ, въ качествѣ учителя музыки. Онъ назвался Воссюръ де-Вильнёвомъ, по имени негодыя, съ которымъ былъ друженъ. Руссо съ необычайною дерзостію взялся за свое ремесло; не имѣя никакихъ познаній въ композиціи, онъ написалъ концертъ, который былъ данъ въ присутствїи многочисленной публики, въ домѣ одного профессора правъ, и самъ управлялъ оркестромъ. Ужасная разноголосица, совершенное отсутствїе смыслу въ пьесѣ, произвели всеобщій, неустержимый смѣхъ. Руссо лишился всѣхъ своихъ учениковъ. Онъ однако жъ началъ учиться музыкѣ, и сдѣлалъ въ ней нѣкоторые успѣхи, когда другой, подобный ему шарлатанъ, явился въ Лозаннѣ, и взялъ его къ себѣ въ секретари и переводчики. Этотъ шар-

латанъ называлъ себя архимандритомъ греческой церкви и собиралъ подавнiя на исправленiе Гроба Господня. Руссо всюду сопровождалъ этого плута, и однажды сказалъ за него рѣчь въ бернскомъ сенатѣ, который назначилъ ему значительную сумму денегъ. Французскiй посланникъ, бывшiй на Востокъ, открылъ обманъ, и далъ Руссо порученiе въ Парижъ. Возвращаясь оттуда, и проѣзжая черезъ Шанбери, онъ нашелъ тамъ мадамъ де-Варренъ, или какъ онъ называлъ ее, свою маменьку.

Принятый по-прежнему ласково, онъ по-прежнему надѣлалъ глупостей. Мадамъ де-Варренъ достала ему выгодное мѣсто при кадастрѣ. Руссо держался два года, но наконецъ вышелъ въ отставку, чтобъ опять сдѣлаться учителемъ музыки. Онъ въ самомъ дѣлѣ лучше познакомился съ этимъ искусствомъ и нашелъ довольно много учениковъ. Въ это время мадамъ де-Варренъ возвела его въ званiе своего любовника, не отставляя однако жъ отъ этой должности своего слуги Клодъ-Анѣ. Этотъ былъ человѣкъ съ достоинствами и хорошаго поведенiя и сдѣлался дядькою Руссо. Мѣсто его заступилъ парикмахерскiй подмастерье, который успѣлъ замѣнить для мадамъ Варренъ и Клодъ-Анѣ и Руссо, и былъ любовникомъ этой женщины, до тѣхъ поръ, пока она не умерла въ нищетѣ, разоренная мотовствомъ своего любовника и своими собственными проектами. Руссо свидѣлся съ нею спустя пятнадцать лѣтъ, въ 1754 году, въ Шалль; она сама прiѣзжала повидаться съ нимъ въ послѣднiй разъ въ Женеву. Онъ помогалъ ей деньгами, сколько могъ. Принимая эту милостыню, она показала новыи примѣръ нѣжностц своего сердца, котораго не могла измѣнить никакал нужда. Прощаясь съ Руссо, она сняла съ пальца единственное оставшесся у ней кольцо, и падѣла его на руку женщины, съ которою были ей присланы деньги. Руссо обвиняетъ самого себя въ томъ, что не послѣдовалъ за нею и не спасъ ее отъ нищеты: онъ не могъ разстаться съ новою любовницею, и говорить, что за этотъ поступокъ совѣсть терзала его гораздо сильнѣе нежели за какой бы то ни было другой.

Но мы ушли слишкомъ далеко впередъ. Изъ Шанбери

онъ отправился въ Лионъ, гдѣ покровительница его достала ему мѣсто въ домѣ Мабиліонъ. По своему обыкновенію, онъ скоро оставилъ это мѣсто, воротился въ Шанбери, но, найдя, что ему безпокойно жить въ домѣ мадамъ де-Варренъ, поѣхалъ искать счастья въ Парижъ, съ «Рѣчью о новой теоріи музыки», или лучше музыкальной нотации. Эта рѣчь была благосклонно принята Академіею. Онъ получилъ доступъ ко многимъ значительнымъ лицамъ; принялъ мѣсто секретаря при графѣ Монтегю, венеціанскомъ посланникѣ, и, какъ онъ увѣряетъ, вскорѣ былъ сдѣланъ секретаремъ посольства. Здѣсь его поведеніе въ первый разъ въ жизни было довольно осторожно: онъ удовлетворительно исполнялъ обязанности своей службы, которую впрочемъ дѣлала чрезвычайно тяжелою совершенная неспособность самого посланника. Несносный характеръ посланника, дошедшій наконецъ до неистовства и бѣшенства, заставилъ Руссо выйти въ отставку. Въ этомъ бѣшенствѣ была однако жъ метода, потому что посланникъ не только не выдалъ Руссо заслуженнаго жалованья, но взвелъ на него множество самыхъ нелѣпыхъ обвиненій. Сенатъ, совѣтъ, всѣ Французы, жившіе въ Венеціи, всѣ дипломаты взяли сторону Руссо; онъ пріѣхалъ въ Парижъ искать удовлетворенія, но всѣ его жалобы были оставлены безъ отвѣту, подъ тѣмъ предлогомъ, будто иностранецъ не имѣетъ права обвинять французскаго чиновника въ несправосудіи.

По прибытіи въ Парижъ, онъ поселился въ самой бѣдной гостинницѣ, близъ Люксамбурга. Обѣдая съ семействомъ трактирщика онъ познакомился съ служанкою, дѣвушкою изъ Орлеана, гдѣ отецъ ея имѣлъ мѣсто при мопетномъ дворѣ, а мать содержала лавку, но жила въ крайней бѣдности. Эту дѣвушку звали Терезой ле-Вассеръ. Въ это время ей было около двадцати трехъ лѣтъ. Она была очень скромнаго поведенія, но дотога необразована, что даже проживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, не умѣла иначе считать, какъ по пальцамъ и не знала какой мѣсяцъ за какимъ слѣдуетъ. Она прижила съ Руссо пятерыхъ дѣтей, которыхъ всѣхъ онъ отослалъ въ воспитательный домъ, не смотря на слезы несчастной матери. Черезъ двадцать

пять лѣтъ онъ однако жъ на ней женился. Мать Терезы, простая, но добрая женщина, жила съ нимъ; отецъ, котораго жена не терпѣла, а Тереза очень любила, былъ подъ предлогомъ экономіи, на осмидесятомъ году его жизни, помещенъ въ богадѣльню, гдѣ онъ и умеръ, пораженный такимъ недостойнымъ обращеніемъ.

Послѣ побѣды подъ Фонтеноа, въ 1745 году, при Дворѣ было нѣсколько театральныхъ представленій. Вольтеръ далъ свою «Princesse de Navarre», для которой Рамо написалъ музыку. Писца Вольтера была измѣнена въ «Fête de Ramire». Постановка этой оперы была поручена Руссо, который многое долженъ былъ передѣлать и въ словахъ и въ музыкѣ. Вольтеру очень понравился этотъ трудъ и льстивое письмо, которое Руссо написалъ къ нему по этому случаю. Въ этомъ же году Руссо сочинилъ свою собственную оперу «Les muses galantes»; но замѣтивъ на репетиціяхъ, что она не будетъ имѣть успѣху, взялъ ее обратно. Смерть отца доставила ему небольшую сумму денегъ, которая принадлежала его матери, но которыми отецъ пользовался до смерти. Онъ послалъ небольшую часть этой суммы въ Шанбери, къ мадамъ де-Варренъ; но плуты, которые ее окружали, и жили тѣмъ, что ее грабили, скоро промотали эти деньги.

Черезъ посредство искренняго друга своего, господина Франсёйля, главнаго сборщика податей, Руссо получилъ мѣсто кассира; мѣсто очень важное, принесившее значительное жалованье. Онъ однако жъ скоро отказался подъ тѣмъ предлогомъ, будто должность его очень скучна, и мѣшаетъ ему предаваться удовольствіямъ. Снисходительность къ самому себѣ онъ принялъ правиломъ своего поведенія. Онъ принялся за переписку нотъ, что дѣлалъ прилежно, но чрезвычайно плохо.

Въ 1749 году онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе «О вредѣ наукъ» на тему, заданную дижонскою академіею, и въ слѣдующемъ году получилъ премію. Онъ самъ очень справедливо говорить, что расположеніе его рѣчи и силлогизмы — плохи, но она привлекла общее вниманіе частію блескомъ и силою слогу, частію остроуміемъ нарядковъ. Въ своихъ «Confessions» Руссо описываетъ на-

кимъ образомъ онъ сочинялъ эту книгу. Онъ ложился въ постель и, съ закрытыми глазами, обдумывалъ и округлялъ свои періоды, что онъ обыкновенно дѣлывалъ очень медленно и съ большимъ трудомъ. Онъ спалъ мало, и во время одѣванья записывалъ то что было въ головѣ. Для этого онъ обыкновенно заставлялъ мать Терезы писать подъ диктовку. За «*Essay*» послѣдовало другое сочиненіе, имѣвшее блистательный успѣхъ. Въ шесть недѣль онъ написалъ небольшую оперу «*Le devin du village*», которая въ 1751 году съ большимъ успѣхомъ была разыграна въ присутствіи короля на Фонтенблѣскомъ театрѣ. На другой день поутру къ нему прибылъ посланный отъ короля съ приглашеніемъ явиться во дворецъ, гдѣ разнесся слухъ, будто ему назначается пенсіонъ; но онъ такъ былъ напуганъ этимъ приглашеніемъ, и имѣлъ такъ мало надъ собою власти, или силы побѣдить свои наклонности, что совершенно неприличнымъ образомъ въ то же утро бѣжалъ изъ Парижа. Отъ Двора и отъ издателей нотъ онъ получилъ однако жъ около трехъ сотъ ливровъ, почти столько же, сколько въ послѣдствіи доставилъ ему «*Эмиль*», плодъ двадцатилѣтнихъ трудовъ. Піеса дѣйствительно заслуживала своего успѣху: планъ чрезвычайно ясенъ, веселье и простота; арии прелестны, живы и исполнены граціи. Въ слѣдующемъ году на Французскомъ Театрѣ была представлена его драма «*Нарциссъ*». Онъ такъ былъ увѣренъ въ паденіи этой піесы, что не могъ досидѣть до конца представленія, побѣжалъ въ ближайшій трактиръ, и тамъ рассказывалъ о несомнѣнномъ ея паденіи, объявивъ въ то же время, что онъ сочинитель, а это тщательно скрывали отъ публики. Въ 1753 и 1754 годахъ, онъ написалъ второй «*Essai sur l'inégalité des conditions humaines*», тоже для дижонской академіи. Это сочиненіе имѣетъ всѣ недостатки перваго, гораздо болѣе парадоксально, и лучше составлено, но мысль не новая, изложеніе не столь краснорѣчиво. Поэтому новое его сочиненіе не удостоилось преміи.

Лѣтомъ 1754 года Руссо вмѣстѣ съ Терезою и господиномъ Гофкурмомъ, ѣздилъ въ Женеву и пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Проѣзжая черезъ Шанбери, онъ заѣхалъ повидаться съ мадамъ де-Варренъ. Приближаясь къ

Женевъ, Руссо ясно почувствовалъ въ какое невыгодное положеніе поставилъ себя, потерявъ гражданскія права своимъ отреченіемъ отъ протестантской Церкви. Вслѣдствіе этого онъ отрекся отъ католицизма, и снова сдѣлался женеvскимъ гражданиномъ. Въ числѣ причинъ, побудившихъ его не остаться въ Женевѣ навсегда, было соудство съ Вольтеромъ, на котораго онъ смотрѣлъ, какъ на развратителя нравовъ женеvскихъ жителей.

Д'Аламберъ и Дидро, приступая къ изданію Энциклопедіи, предложили Руссо написать нѣсколько статей. Это еще болѣе сблизило его съ Дидро, который ввелъ его къ Гриму, литератору, находившемуся въ службѣ герцога саксен-готскаго. Гриммъ былъ употребленъ герцогомъ въ качествѣ литературнаго и философическаго резидента въ Парижѣ. Какъ человѣкъ остроумный, Гриммъ, по прибытіи въ Парижъ, тотчасъ получилъ доступъ во всѣ лучшіе круги. Руссо увѣряетъ однако жъ, будто онъ ввелъ Гримма въ лучшія парижскія общества и между прочимъ къ мосью д'Эпиннѣ главному сборщику податей, въ домѣ котораго собирався всѣ энциклопедисты. Гриммъ скоро сдѣлался явнымъ любовникомъ мадамъ д'Эпиннѣ, которой невѣстка мадамъ д'Удстѣ, произвела глубокое впечатлѣніе на сердце Руссо; но признаннымъ ея любовникомъ былъ его другъ Сень-Ламберъ. У мадамъ д'Эпиннѣ былъ въ долинѣ Монморанси загородный домъ Шенеттъ; Руссо чрезвычайно понравилась находившаяся въ сосѣдствѣ маленькая хижинка съ садикомъ, называемая Эрмитажемъ. Онъ поселился тамъ весною 1756 года, и прожилъ около шести лѣтъ. Первые два года онъ очень скучалъ отъ недостатка общества, къ которому привыкъ. Руссо рассказываетъ, что здѣсь воображеніе его было возбуждено воспомнаніемъ о наслажденіяхъ юности, и что пустоту, оставленную въ сердцѣ этими наслажденіями, онъ старался пополнить вымыслами. Таково было происхожденіе «Новой Элоизы», самаго знаменитаго изъ его сочиненій; самаго лучшаго изъ всѣхъ, кромѣ его посмертныхъ записокъ. Отвергать достоинства въ этой книгѣ было бы вѣрно. Планъ сочиненія простой и естественный, придуманъ чрезвычайно счастливо, исключая неестественнаго положенія

любовниковъ, встрѣчающихся послѣ выхода замужъ Юліи, скучной сцены при постелѣ умирающей, и приключеній англійскаго лорда. Описанія естественныхъ сценъ — удивительны, гораздо превосходнѣе его нравственныхъ картинъ. Интересъ романа хорошо выдержанъ; исторія мастерски рассказана въ письмахъ. Любовь героевъ романа есть смѣсь чувственности съ декламаціею; первая довольно груба, вторая слишкомъ преувеличена. Это сочиненіе было прочтано всю Европою. Оно производитъ глубокое впечатлѣніе на сердца, незнакомыя еще съ истинною страстью, и гедовы неопытныя въ общественныхъ сношеніяхъ. «Новая Элоиза», безъ-сомнѣнія, не имѣетъ никакой прелести для человѣка опытнаго и разсудительнаго и равнымъ образомъ заслуживаетъ осужденіе за недостатокъ строгаго вкуса въ созданіи, и чистоты въ нравственномъ отношеніи.

Безполезно было бы доказывать это примѣрами. Разсмотримъ однако жъ мѣста, которыми восхищался самъ авторъ, именно *Elysée* и *Voyage sur le lac* въ концѣ четвертой части, письма одиннадцатое и семнадцатое. «*Quiconque, en lisant ces lettres, говоритъ онъ въ своихъ Confessions: ne sent pas amollir, et se fondre son coeur dans l'attendrissement qui me les dicta, doit fermer le livre; il n'est pas fait pour juger les choses de sentiment.*»

Большая часть одиннадцатаго письма состоитъ въ описаніи мѣста: это ландшафтная, а не историческая живопись. Исключая совершенно неестественнаго выговору отъ господина де-Вольмара Сень-Прё, за то что онъ завелъ рѣчь о лѣскѣ, гдѣ онъ съ Юліею обыкновенно прогуливался, и куда она не приходила еще со времени своей свадьбы, во всемъ письмѣ нѣтъ и тѣни чувства. Письмо хорошо написано, но слогъ слишкомъ изысканъ, чувства холодны, даже неестественны.

Въ семнадцатомъ письмѣ тѣ же недостатки, которые падаютъ во всей «Элоизѣ», именно что въ немъ больше риторики, чѣмъ краснорѣчія; это декламація, а не истинное выраженіе чувства. Лучшее всѣхъ обработано то мѣсто гдѣ Сень-Прё обращаетъ рѣчь къ Юліи, описывая утесы и горы, гдѣ онъ проводилъ свою жизнь въ разлукѣ съ

нею, думая только объ ней. Это исполненная фразъ рѣчь о горныхъ ледникахъ и снѣжныхъ фестопахъ деревьевъ длинное разсужденіе объ орнитологіи и метеорологіи, оканчивающееся подобными выходками: «Fille trop constamment aimée! Oh toi, roug qui j'étais né, и такъ далѣе. Юлія перерываетъ его словамъ: «Allons-pous-en; l'air de ce lieu n'est pas bon roug moi.» Приключеніе въ лодкѣ гораздо лучше описано, особливо окончаніе разсказа. Сень-Прё такъ пораженъ, что сначала хочетъ броситься въ воду, но потомъ бѣжитъ на носъ лодки, и тамъ горячо плачетъ. Все это ничего, и въ самомъ дѣлѣ сцена ужасна, но назъ вознаграждаетъ окончаніе: Сень-Прё возвращается и садится подлѣ Юліи; «она держала свой платокъ, я чувствовалъ, что онъ былъ очень мокръ. Ахъ, сказала я ей очень тихо, я вижу, что сердца наши никогда не переставали понимать другъ друга!» Она соглашается съ этимъ и желаетъ, чтобъ этого впередъ не было. Они продолжаютъ говорить безъ волненія, и онъ замѣчаетъ, приближаясь къ свѣту, что она плакала: глаза ея были красны и распухли. Руссо вводитъ здѣсь эпиграмму и даже насмѣшку: когда Сень-Прё говоритъ Юліи, что сердца ихъ никогда не переставали слышать и понимать другъ друга, она отвѣчаетъ репликою, то есть, вмѣсто-того, чтобъ отвѣчать коротко: «это правда», или не отвѣчать ничего, что было бы гораздо лучше, она прибавляетъ: «но чтобъ мы въ послѣдній разъ говорили такимъ тономъ».

Остальныя части сочиненія гораздо ниже. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть менѣе утонченно, и болѣе грубо, какъ описывать любимой женщинѣ, восторги, произведенныя ея паденіемъ. Съ «перваго поцѣлуя любви», во все продолженіе переписки, Сень-Прё безпрестанно напоминаетъ Юліи объ ея слабости. Онъ старается возвысить ея поведеніе, для того, чтобъ быть меньше оскорбительнымъ. «Я въ упоеніи, чувства мои разстроены этимъ убійственнымъ поцѣлуемъ. Я млѣю. Твой розовый ротикъ—ротикъ Юліи, покоился на моихъ устахъ»... Можно представить себѣ, какова молоденькая дѣвушка, которая въ первый разъ въ жизни допустила такіа вольности безъ сопротивленія. Послѣ этого натурально, мы должны ожидать письма, въ

которомъ она говоритъ, что препятствіа только раздражаютъ ея умъ и хитрость. Потомъ она восклицаетъ: «Нѣтъ, милый другъ, мы не разстанемся съ этою краткою жизнію, не испытавъ счастья хоть на мгновеніе.» Затѣмъ слѣдуютъ два письма: пѣль одного неописанно нелѣпа, чего не можетъ вознаградить никакое совершенство слогу; что можетъ быть сумасброднѣе такихъ выраженій: «O desirs! O crainte! O palpitations cruelles! — C'est elle, c'est elle! Mon faible coeur, tu succombes!—Ah! cherche des forces pour supporter la félicité qui t'accable!» О второмъ письмѣ, гдѣ бѣдная дѣвушка рѣшительно обругана, не стоить и говорить.

Нечего скрывать истину: любовныя письма, естественно, должны быть очень утомительны, по чрезвычайно простой причинѣ: они не должны быть читаемы. Весь ихъ интересъ для любовниковъ состоитъ въ томъ, что они вовсе не интересны для постороннихъ. Поэтому и «Новая Элонза», составленная въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ изъ такого роду матеріаловъ необходимо должна казаться скучною, если бъ въ ней не было нѣкоторыхъ отступленій: брака Юліи, пребыванія Сень-Прё въ Парижѣ, возвращенія въ Мельёръ, смерти Юліи и тому подобнаго.

Въ Эрмитажѣ Руссо влюбился въ мадамъ д'Удто, сестру госпожи д'Эпинё. Онъ говоритъ, что это была единственная истинная любовь въ его жизни. Какъ часто то же самое онъ говорилъ прежде, семи или осьми другимъ женщинамъ! Мадамъ д'Удто смотрѣла на него какъ на ребенка. Эта страсть, не слишкомъ нравилась его другу Сень-Ламберу. Открытая ссора произошла вскорѣ между Руссо и госпожею д'Эпинё, подобно многимъ его ссорамъ, безъ всякой основательной причины, исключая оскорбленія въ чемъ-то, что ему показалось. Онъ написалъ госпожѣ д'Эпинё оскорбительное письмо, въ которомъ уведомлялъ ее, что долженъ будетъ оставить Эрмитажъ. Она отвѣчала, что предоставляетъ это на его волю. Послѣ этого черезъ недѣлю, онъ переѣхалъ въ Монморанси. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ разойтись съ старухою лѣ-Вассеръ, которую несмотря на просьбу дочери, никакъ не хотѣлъ оставить у себя въ домѣ. Съ Гриммомъ и Дидро онъ рассорился окончательно, и книга

его наполнена напаками на ихъ обоихъ, но особенно на Гримма.

Въ Монморанси онъ написалъ письмо къ д'Аламберу, по поводу статьи «Женева», помѣщенной въ энциклопедіи. Предметъ этого письма есть нападеніе на театральныя представленія. Написанное въ три недѣли, оно надѣлало много шуму и дѣйствительно написано очень бойко. Продажа этого сочиненія и «Новой Элонзы», дала ему средство отложить въ сторону три тысячи франковъ. «Новая Элонза», за два года передъ этимъ была напечатана въ Голландіи, и была читана въ рукописи многимъ значительнымъ лицамъ, между прочимъ маршалу Люксанбуру. Супруга маршала, которой принадлежалъ Монморанси, очень полюбила Руссо и предложила ему лѣтній домикъ близъ оранжереи, гдѣ онъ иногда и жилагъ. Жадность, съ которою публика читала «Новую Элонзу», была такова, что книгопродавцы брали по рублю въ часъ за чтеніе.

«Эмиль» былъ изданъ весною 1762 года, а *Contrat Social* нѣсколькими недѣлями раньше. *Contrat Social*, который Руссо ставитъ выше всѣхъ своихъ сочиненій, и которое обработано лучше прочихъ, есть неопровержимое доказательство его неспособности ко всѣмъ политическимъ разсужденіямъ, также какъ *Discours sur l'économie politique*, помѣщенной въ энциклопедіи, доказательство его незнанія простыхъ началъ политической экономіи. Достоинства «Эмиля» гораздо выше, потому что, несмотря на самыя ложныя теоріи, самыя фантастическія бредни о воспитаніи, онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько поразительно прекрасныхъ, хотя не всегда чистыхъ, мѣстъ, правда немного сентиментальныхъ и декламаторскихъ; но вообще оно богато замѣчаніями, результатомъ личной опытности автора, и его наблюденій, и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія. Религиозная часть *Professions de foi d'un Vicair Savoyard* естественнымъ образомъ должна была обратить на себя вниманіе людей того времени. Появленіе ея въ печати произвело бурю. Мазербъ, предсѣдатель ценсурнаго совѣта, оффиціально одобрилъ эту книгу, и поэтому она въ одно время была издана и въ Парижѣ и въ Амстердамѣ. Гражданскій судъ

однако жъ вмѣшался въ это дѣло; книга была запрещена и автора ея велѣно было арестовать. Руссо узналъ объ этомъ черезъ друзей своихъ Луксабуровъ и съ помощью ихъ тайно уѣхалъ въ Невшатель, гдѣ прусскій губернаторъ, фельд-маршалъ Кейтъ, оказалъ ему покровительство и защиту. За нимъ послѣдовала и Тереза, но кажется не прибавила ничего къ удобству его жизни: нравы жителей не позволяли ему жить съ незамужнею женщиною, и потому онъ принужденъ былъ выѣхать изъ Невшателя. Графъ д'Эшри, одинъ изъ страстныхъ обожателей Руссо, описываетъ Терезу, какъ самую грубую, необразованную, злую женщину, которой все достоинство состояло въ томъ, что она хорошо стряпала кушанье. Но Руссо никогда не позволялъ ей садиться съ собою за столъ, хотя считалъ всё ея глупости за доказательство ея здраваго смысла. Здѣсь можно замѣтить, что, какъ онъ самъ говоритъ, онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшей любви къ этой женщинѣ, «*pas la moindre étincelle d'amour*». Послѣ Невшателя, Руссо прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ на островѣ Сенъ-Піеръ, въ большомъ островкѣ на Биенскомъ Озерѣ, принадлежавшемъ бернской больницѣ. Здѣсь онъ занялся ботаникою, и увѣрялъ себя, что ведетъ покойную жизнь, сообразную съ законами природы. По приглашенію Юма, черезъ посредство мадамъ де-Буффлѣ, онъ рѣшился ѣхать въ Англію, и отправился туда вмѣстѣ съ англійскимъ философомъ. Юмъ, черезъ связи свои съ фамиліею Конвѣ, доставилъ ему сто фунтовъ стерлинговъ пенсїи и, кажется, что это было единственнымъ дѣломъ, на которомъ Руссо основалъ свое подозрѣніе объ участіи Юма въ заговорѣ, имѣвшемъ будто бы цѣлю испортить его характеръ. Другою причиною неудовольствїа Руссо на Юма была шутка Гораса Вальполя, очень забавлявшая высшее прусское общество: Руссо получилъ будто бы отъ Фридриха Втораго письмо съ приглашеніемъ въ Берлинъ; но король предупреждалъ Руссо, что онъ ни какимъ образомъ не сдѣлаетъ ему милости подвергнуть его преслѣдованїямъ, которыя ему такъ нравятся. Руссо показалось будто это письмо сочинилъ Юмъ, что совершенно несправедливо. Истинною причиною всему этому, какъ вскорѣ обнаружилось, было по-

мѣшателство ума. Самыя обыкновенныя вещи Руссо обращалъ въ доказательства заговора, котораго цѣль осталась для всѣхъ и для него тайною, такъ же какъ и цѣль много заговору Гримма и Дидро. Въ своихъ Confessions, онъ упоминаетъ объ этомъ англійскомъ заговорѣ, и говоритъ, что «онъ видитъ, какъ этотъ черный, страшный заговоръ, безпрепятственно приближается къ развѣлкѣ». Ему показывалось также, что и правительство участвуетъ въ этомъ заговорѣ, и для того только даю ему пенсію, чтобъ лишить его права возвратиться на родину. Онъ даже писалъ къ генералу Конвѣ, будто навѣрное знаетъ, что ему не позволятъ выѣхать изъ Англіи. Это письмо истинное произведеніе съумасшедшаго. Оно описано изъ Дувра, гдѣ онъ находился пробѣдомъ изъ Вутона въ Спадингъ, въ Липкольншайрѣ. Изъ Вутона, помѣстья Конвѣ, онъ уѣхалъ, чтобъ спастись отъ своихъ враговъ и агентовъ правительства. Проведя десять мѣсяцевъ въ Англіи, Руссо вернулся во Францію и подъ именемъ Рену, пріѣхалъ въ Амьенъ, гдѣ, невзирая на лестный пріемъ жителей, и даже мѣстныхъ властей, не покидалъ своей подозрительности. Осенью 1767 года онъ прибылъ въ Труе ле Шатеау, помѣстье принца Конти, гдѣ пробылъ цѣлый годъ въ томъ же подозрительномъ и раздражительномъ состояніи ума. Въ доказательство того, что онъ дѣйствительно былъ въ это время помѣшанъ, можно привести то, что спустя много лѣтъ послѣ этого, онъ самъ сознавался, что былъ боленъ. Разговаривая съ Бернарденомъ де-Сенъ-Пьерромъ, онъ сказалъ: «Я слишкомъ горячился въ моихъ ссорахъ съ Юмомъ; но климатъ Англіи, состояніе моихъ дѣлъ, и преслѣдованія, которыя я претерпѣвалъ, все это располагало меня къ меланхоліи.»

Руссо оставилъ Труе въ іюнѣ 1768 года и пріѣхалъ сначала въ Гренобль, а потомъ въ Бургуанъ. Что честолюбіе было основою его болѣзни, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя и не имѣетъ явныхъ доказательствъ. Проѣзжая черезъ Ліонъ, онъ на дверяхъ своей спальни написалъ нѣсколько правоученій, и копию съ нихъ послалъ къ одной тамошней дамѣ. Изъ нихъ можно замѣтить, что для него міръ былъ населенъ жабъ и жорляки, еписко-

панн и другихъ важными лицами, его испрѣтелями. Изъ Бургуана онъ перѣхалъ въ Монгуенъ, небольшую соседнюю деревню, въ началѣ 1769 и здѣсь познакомился съ нѣкоторымъ Сенъ-Жерменемъ, который прямо сказалъ ему, что видя разстроенное состояніе его воображенія, предпочитаетъ свой простой здравый смыслъ всей его философіи. Этотъ достойный и очень религіозный человѣкъ, совершенно другаго характера нежели Руссо, привязался къ нему самою искреннею дружбою, преимущественно изъ состраданія къ его болѣзненному, жалкому состоянію, частію же любя дѣтскую откровенность его сердца. Переписка его втеченіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Монгуенѣ, чрезвычайна скучна. Онъ не могъ однако жъ просуществовать безъ пищи, которую Парижъ предлагалъ его тщеславію. Посѣтивъ Шанбери, чтобъ, какъ онъ говоритъ, не плакать надъ гробомъ мадамъ де-Варренъ, которая умерла въ то время какъ онъ жилъ въ Нёвшателѣ, и чтобъ скрыться отъ мнимыхъ своихъ враговъ, Руссо прѣхалъ въ Парижъ, гдѣ появленіе его произвело сильное впечатлѣніе, особенно когда онъ сталъ читать свою «Исповѣдь» въ нѣкоторыхъ избранныхъ обществахъ. Онъ пробылъ въ Парижѣ съ іюня 1770 до марта 1778, когда перѣхалъ въ Эрменонвиль. Съ Сенъ-Жерменемъ у него не было ни малѣйшаго неудовольствія. Эрменонвиль ему очень понравился, и онъ опять принялся за сочиненія. Онъ умеръ скорострѣжно, втораго іюля 1778 года, по-видимому отъ апоплексическаго удара. Въ Эрменонвилѣ Руссо прожилъ только шесть недѣль. По его желанію онъ былъ похороненъ на островѣ, находящемся на Эрменонвильскомъ Озерѣ. Слухъ, что онъ самъ себя лишилъ жизни, не имѣетъ никакого основанія.

Національное Собраніе въ 1790 году назначило вдовѣ его тысячу двѣсти франковъ пенсіи, которую Конвенція въ 1793 увеличила до полутора тысячи и положено было воздвигнуть ему статую. Въ слѣдующемъ году прахъ его былъ перенесенъ въ Пантеонъ, вмѣстѣ съ прахомъ Вольтера. Примѣру Парижа послѣдовали и другіе города, которые онъ иногда удостоивалъ своимъ мѣстопробываніемъ. Его статуя явилась въ Женевѣ, Ліонѣ, Греноблѣ, Монпелье.

Пенсія и проценты съ значительнаго капитала (около сорока тысячъ Франковъ), который былъ у него въ долгахъ на многихъ книгопродавцахъ, совершенно обезпечивали вдову его. Но эта гнусная женщина тотчасъ послѣ его смерти свела связь съ однимъ Ирландцемъ, грумомъ господина де-Жарарделя, владѣльца Эрменонвиля. Она прожила съ своимъ любовникомъ всѣ свои деньги и въ старости дошла до нищеты. Въ этомъ состояніи она просила милостыни у входовъ въ театръ: она умерла въ 1801 году, осьмидесяти лѣтъ отъ-роду.

Мы разсмотрѣли выше большую часть сочиненій Руссо, исключая его, посмертныхъ записокъ, или Исповѣди «Les Confessions». Безъ всякаго сомнѣнія, это лучшее изъ всѣхъ его произведеній. Во французской литературѣ нѣтъ сочиненія, въ которомъ бы слогъ былъ болѣе твердъ и такъ классически чистъ, оставаясь между тѣмъ совершенно французскимъ. Живя довольно долго въ Женевѣ, Руссо отвыкъ отъ провинціализмовъ того мѣста, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвыкъ и отъ педантской отчетливости: онъ писалъ не только со всею точностью и изяществомъ Француза, но и съ свободнымъ остроуміемъ и гениемъ, даже весело и шутивно; портретъ деревенскаго парня, который смѣнилъ его у мадамъ де-Варрентъ, показываешь въ Руссо большія способности къ карриатурѣ; очеркъ его собственнаго смѣшнаго положенія во время концертовъ въ Лозаннѣ, служитъ доказательствомъ, что онъ также былъ безпристрастенъ и къ себѣ въ этомъ отношеніи. Предметъ книги очень часто утомителенъ. Онъ описываетъ большею частію свои собственные страданія, свой гений, свои чувства; и иногда, на что нельзя жаловаться, свои приключенія; но насъ привлекаетъ явная истина и чистосердечіе разсказу, волшебный слогъ, полный естественности, но обработанный искусствомъ. Предметъ скученъ не только потому, что авторъ безпрестанно говоритъ о себѣ; но и потому что сумасбродное поведеніе автора и его мнѣнія и чувства возбуждаютъ отвращеніе. Предметъ не только скученъ вообще и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвратителенъ, но очень часто низокъ, грубъ, подлъ; между-тѣмъ насъ, какъ мы сказали, удерживаешь очаровательный языкъ автора. Въ этомъ от-

пошеніи книга Руссо не имѣетъ себѣ подобной и дай Богъ, чтобъ онъ не имѣлъ подражателей.

О характерѣ Руссо можно сказать то же, что и объ его сочиненіяхъ: ни въ комъ гений не былъ соединенъ съ такимъ удивительнымъ слабодушіемъ. Причиною жалкаго состоянія, а можетъ-быть даже дурнаго поведенія Руссо, было наслѣдственное расположеніе къ меланхоліи, и привычка увлекаться созданіями воображенія. Но это еще не все: онъ составилъ себѣ самыя нелѣпыя правила, имѣвшія самыя опасныя послѣдствія. Онъ былъ того мнѣнія, что снисходительность къ чувствованіямъ—обязанность и привилегія чловѣка, и что чувствованія, рождающіяся естественнымъ образомъ въ сердцахъ, по этому самому невпны, естественны. Единственнымъ зломъ, которое онъ допускалъ, было укрощеніе ихъ: управленіе чувствами онъ считалъ не только излишнимъ, но и вреднымъ. Потокъ страстей казался ему честнымъ и безвреднымъ: препятствія, прерывающія ихъ теченіе, каналы дающіе имъ направленіе, были для него предметомъ ужасу и порицанія. Спрашивается, онъ, который написалъ цѣлую книгу о воспитаніи, наблюдалъ ли дѣйствіе природы въ дѣтяхъ? Эту вѣтвь знанія онъ кажется никогда не изучалъ, иначе убѣдился бы, что въ этомъ возрастѣ преимущественно господствуютъ животныя побужденія. Ребенкомъ руководитъ сначала самолюбіе и стремленіе удовлетворить каждому своему побужденію, и это служитъ для дитяти правиломъ. Между прочимъ и любовь къ правдѣ есть принужденіе, налагаемое воспитаніемъ, которое, подобно всѣмъ принужденіямъ, —насиліе противъ естественныхъ склонностей. Главнымъ правиломъ поведенія Руссо была снисходительность къ самому себѣ, противъ которой возстаютъ и законы разума и законы добродѣтели.

Онъ не терпѣлъ безвѣрія, господствовавшаго въ кругу барона Гольбаха, ни даже нѣсколько измѣненнаго безвѣрія Вольтера. Онъ ни какъ не рѣшался прочитать «Кандида».

Въ обществѣ, когда Руссо былъ совершенно здоровъ умомъ и не раздраженъ, онъ былъ пріятный собесѣдникъ. Онъ очень унижаетъ самъ себя въ этомъ отношеніи.

Доказательство тому, что разговоры его были восхитительны, мы имѣемъ въ словахъ почтенной особы, господина Дессо (Dessau), который описывая вечеръ, проведенный въ обществѣ Руссо, въ 1771 году, говоритъ: «Боже мой! какъ былъ онъ милъ въ этотъ день! то веселый, то возвышенный! Передъ обѣдомъ онъ рассказывалъ нѣкоторые анекдоты, описанные уже въ его «Исповѣди». Многимъ изъ насъ они уже были извѣстны, но онъ умѣлъ дать имъ совсѣмъ новую, другую фязіономію, и гораздо болѣе жизни нежели въ книгѣ. Я смѣло утверждаю, что онъ дурно знаетъ себя, если говорить, будто природа отказала ему въ дарѣ слова. Уединеніе, безъ-сомнѣнія, сосредоточило этотъ талантъ внутри его; но въ минуты увлеченія, когда ничто его не беспокоило, онъ изливался стремительнымъ потокомъ, которому ничто не можетъ противостоять».

ЮМЪ и РОБЕРТСОНЪ.

Англія, которая по справедливости могла похваляться многими знаменитыми именами во всѣхъ отрасляхъ наукъ и литературы, до половины осемнадцатаго столѣтія не имѣла отличнаго историка. Родина Ньютономъ, Локкомъ, Нэннровъ, родина Мильтона, Шекспира, Буханаана, Драйда, Свифта, Болинброка до этого времени не произвела ничего, что могло бы соперничествовать въ славу съ древними историческими твореніями, ничего промѣ необработанныхъ, пристрастныхъ лѣтописей Буханаана, великаго, какъ поэта, и исторія Кларендона, которая—просто, политическія записки. Между-тѣмъ какъ Италия имѣла своего Давила и Гвичардини, Франція—своего Дету, исторію Англія писалъ иностранецъ, Французъ Каріа де Тейгас. Пополнить этотъ странный недостатокъ въ англійской литературѣ предоставлено было двумъ Шотландцамъ. Юмъ первый явился на этомъ поприщѣ, съ талантомъ остроумнаго писателя и глубокаго философа.

Юмъ родился въ Единбургѣ, въ апрѣлѣ 1711 года. Онъ былъ младшій сынъ мистера Юма Наннельскаго, помѣ-

щика въ Бервикѣ, находившагося въ родствѣ съ графини Юмами или Омами. Мать его была дочь сэръ Дэвида Фальконра, лорда-президента, и племянница лорда Халькертстона, одного изъ судей суда присяжныхъ. По смерти отца, опекуны намѣревались сдѣлать Юма адвокатомъ; но, какъ онъ самъ рассказывалъ, въ то время какъ другіе думали будто онъ прилежно сидитъ надъ Воэціемъ или Виннингомъ, онъ тайкомъ пожиралъ страницы Виргилія и Цицерона. Въ юности онъ вовсе не занимался греческимъ языкомъ, и уже впоследствии съ большимъ трудомъ пополнилъ этотъ недостатокъ.

Состояніе его отца, которое впоследствии досталось старшему брату, Иосифу Юму, было незначительно; и какъ слѣдующая ему часть была очень мала, а онъ рѣшительно не хотѣлъ учиться законовѣдѣнію, то отецъ въ 1743 году съискалъ ему мѣсто на купеческой конторѣ въ Бристолѣ. Эти занятія сдѣлались для него невыносимо скучными и онъ отправился въ Реймсъ, на сѣверѣ Франціи. Изъ Реймса онъ переѣхалъ въ Лафлешъ, въ Анжу, и здѣсь написалъ свой «Treatise on Human Nature» Трактатъ о природѣ человѣка. Этотъ трактатъ былъ изданъ въ 1737 году, и какъ Юмъ самъ говоритъ, скончался, только-что выйдя изъ-подъ станка. Впоследствии Юмъ раздѣлилъ свой «Трактатъ» на отдѣльныя «Essays» Опыты, которые будучи изданы въ 1742 году съ нѣкоторыми прибавленіями, имѣли гораздо болѣе успѣху.

Послѣ выхода въ свѣтъ «Трактата», Юмъ переселился въ домъ своего брата, и жилъ очень спокойно, до женитьбы его. Въ Шотландіи въ это время жилъ нѣкто маркизъ Анпендалъ, человѣкъ слабоумный отъ природы, но не помѣшанный и не совершенный идиотъ. Ему необходимо было имѣть компаньона, и Юмъ въ 1745 году рѣшился принять это мѣсто за большое жалованье. Онъ однако жъ не могъ долго перенести такого образа жизни, и черезъ годъ отказался отъ мѣста, тѣмъ болѣе, что въ это время ему открывалось другое, болѣе выгодное. Генералъ Сенъ-Клеръ, дядя лорда Лоуборо, въ семействѣ ко-

тораго Юмъ былъ всегда принимаемъ дружески, предложилъ ему быть своимъ секретаремъ. Генералу Сень-Клеру поручено было командовать экспедиціею, сначала назначенною для завоеванія Канады, но впоследствии получившаго неблагоуразумное назначеніе сдѣлать высадку на берега Франціи. Въ 1747 году, Юмъ сопровождалъ генерала въ Вѣну и Туринъ. Юмъ рассказывалъ, что онъ былъ не только секретаремъ, но и адъютантомъ своего генерала, вмѣстѣ съ капитаномъ, впоследствии генераломъ, Грентомъ и сэръ-Генри-Эрскиномъ, который сдѣлался послѣ тоже генераломъ, и женился на сестрѣ Сень-Клера. Втеченіе 1746 и 1747 годовъ Юмъ вовсе не занимался науками, но при своемъ чрезвычайно скромномъ образѣ жизни, успѣлъ накопить порядочное состояніе, которое несмотря на насмѣшки друзей своихъ, называлъ независимымъ. Однимъ словомъ, у него была тысяча фунтовъ стерлинговъ.

Въ то время какъ онъ былъ въ Туринѣ, въ Лондонѣ вышла его книга «Inquiry concerning the Human Understanding — Исслѣдованіе человѣческаго ума», — Treatise on Human Nature въ новомъ видѣ. Несмотря на то, эта книга не имѣла большаго успѣху, хотя идеи Юма и начали распространяться въ «лучшемъ обществѣ», какъ ему говорилъ докторъ Варбуртонъ. По возвращеніи въ Шотландію онъ снова поселился у брата, и написалъ свои «Political Discourses — Политическія Разсужденія»; они изданы были въ 1752 году и тотчасъ обратили на себя общее вниманіе, какъ въ Шотландіи, такъ и за границею. Изданное имъ въ томъ же году «Inquiry concerning the Principles of Morals» осталось незамѣченнымъ, несмотря на то, какъ онъ самъ говоритъ, что было лучшимъ изъ всѣхъ его сочиненій историческихъ, философическихъ и литературныхъ. Надобно замѣтить, что ни въ своей первоначальной формѣ, три раза измѣненной, ни въ видѣ отдѣльныхъ разсужденій, его метафизическія и богословскія умствованія не произвели особеннаго впечатлѣнія. Это тѣмъ болѣе странно, что всѣ они проникнуты необыкновеннымъ скептициз-

момъ, который долженъ бы былъ возбудить по крайней мѣрѣ негодованіе, и тѣмъ спасти книгу отъ забвенія.

Отказывать его «Исзауэ», въ точности, умной аргументаціи, удачивомъ сарказмѣ, въ большой оригинальности — невозможно; но въ сочиненіи видна постоянная претензія на оригинальность, отвращеніе думать, какъ думаютъ другіе люди. Юмъ находитъ ошибочными общепринятые мнѣнія о предметахъ нравственныхъ, и метафизическихъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ даетъ слишкомъ большую цѣну своимъ собственнымъ взглядамъ. Такимъ образомъ онъ доказываетъ, что мы знаемъ связь между происшествіями по ихъ послѣдовательности во времени одного за другимъ, и что то что мы называемъ причинною связью «causation» — то есть, отношеніе причины и слѣдствія, есть не что иное, какъ постоянное «предшествіе» «precedentia» одного происшествія дѣйствія или вещи, другой. Но онъ не останавливается на этомъ, онъ отвергаетъ всякую причинную связь и доказываетъ, что нѣтъ возможности, чтобы какая-нибудь вещь, поступокъ или происшествіе были причинною другаго: слѣдовательно, что нѣтъ силы. Онъ отвергаетъ всякую связь, всякое вліяніе. Различіе, которое онъ дѣлаетъ между впечатлѣніями памяти и впечатлѣніями воображенія основательно, но это не удовлетворяетъ его: ему кажется будто вѣрованіе преимущественно основывается на этомъ различіи, и что мы вѣримъ или не вѣримъ, въ какое-нибудь происшествіе или вещь, смотря потому, получаетъ ли умъ нашъ болѣе или менѣе живую идею отъ памяти и чувствованія, или отъ воображенія.

Его «Political Discours» написаны довольно хорошо: умышленно ясны, не запутаны словами; видно, что авторъ много читалъ, и глубоко обдумывалъ прочитанное. Предметы удачно выбраны, слогъ изящень, ясень и силенъ; въ немъ нѣтъ сухости, почти неизбѣжной въ разсужденіяхъ о такихъ важныхъ предметахъ. Главное достоинство этого сочиненія оригинальность и новая система политической экономіи и политикъ, которая въ немъ развита. Юмъ, безъ

сомнѣнія — основатель новѣйшихъ ученій, господствующихъ нынѣ въ ученомъ свѣтѣ.

Что касается до его «*Inquiry concerning the Principles of Morals*», то должно сказать, что эта книга въ самомъ дѣлѣ прекрасное произведеніе. Этотъ трактатъ изобилуетъ многими счастливыми идеями, исполненъ ученыхъ намековъ, и ссылокъ, показывающихъ, что авторъ много читалъ. Но главное достоинство сочиненія то, что оно не содержитъ въ себѣ скептическихъ мнѣній. Напротивъ, Юмъ порицаетъ всякую мораль, основанную на самолюбіи, и дѣлается ревностнымъ защитникомъ той нравственной философіи, которая признаетъ основаніемъ добродѣтели, чувство снисхожденія, и цѣлью человѣческихъ поступковъ полагаетъ стремленіе удовлетворить этому чувству. Онъ даетъ важное значеніе пользѣ, но только какъ главному руководителю, а не какъ единственному источнику нашихъ поступковъ и сужденій.

Въ этомъ же самомъ году, когда онъ издалъ свои *Political Essays*, именно въ 1752, Юмъ былъ избранъ бібліотекаремъ сословія адвокатовъ. Онъ получилъ это мѣсто послѣ сильной борьбы съ партією, которая держала сторону Кеннета Мекензи, профессора гражданского права въ эдинбургскомъ университетѣ. Доходы отъ этого мѣста составляли только пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ; но оно доставляло ему, какъ ученому, доступъ въ превосходную бібліотеку. Юмъ предпринялъ написать сочиненіе, котораго не доставало въ англійской литературѣ, именно классическую исторію Англій. Устрашенный обширностью своего плана, онъ не рѣшился прямо начать ее съ самыхъ отдаленныхъ періодовъ и продолжать до семнадцатаго столѣтія. Поэтому онъ ограничился исторією Стюартовъ, со вступленія на престолъ Іакова Перваго до изгнанія его внука, Іакова Втораго, во время революціи 1688. Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей. Первая была издана въ 1754, вторая въ 1756. Онъ вполне былъ увѣренъ, что первая часть, содержащая въ себѣ исторію Іакова Перваго и Карла Перваго, будетъ принята публи-

кою съ одобреніемъ; по ожиданіи его былъ жестоко обмануты. «Меня поразило, говорить онъ, всеобщій крикъ упрековъ, негодованія и даже отвращенія. Англичане, Шотландцы, Ирландцы, виги и тори, духовные и свѣтскіе, вольнодумцы и ханжи, патриоты и придворные соединились противъ человѣка, котораго хотѣлъ выжать изъ нихъ слезу соучастія къ несчастной судьбѣ Карла Перваго и герцога Страффорда.» Но всего замѣчательнѣе, и всего обиднѣе для автора, было то, что эти всеобщіе крики, вся эта буря не спасли книгу отъ пренебреженія; они прекратились такъ же скоро какъ и начались, и исторія Юма была предана забвенію. Втеченіи году было продано только сорокъ экземпляровъ, и то въ Лондонѣ. Уныніе, въ которое это привело Юма, было ужасно; онъ почти возненавидѣлъ страну, гдѣ тираннія партій и крики толпы имѣютъ такую силу, и рѣшился было вовсе покинуть свое отечество, переимѣнить имя и поселиться въ какомъ-нибудь провинціалномъ городѣ Франціи. Отъ исполненія такого намѣренія его удержали тогдашнія военныя обстоятельства. Единственное одобреніе онъ получалъ со стороны двухъ прелатовъ, Герринга и Стока, которые послали книгу прекрасною, и совѣтовали ему не унывать отъ временной неудачи.

За нѣсколько времени до выхода въ свѣтъ второй части исторіи, Юмъ издалъ свою *Natural History of Religion*, которая произвела такое вліяніе, что епископъ Гардъ написалъ на нее отвѣтъ, довольно слабый, чего и должно было ожидать отъ пера такого скромнаго прелата. Вторая часть «Исторіи Стюартовъ», оскорбила виговъ нѣсколько менѣе, и потому была принята лучше. Три года спустя, онъ издалъ свою «Исторію Тудоровъ». Содержащійся въ ней рассказъ о положеніи церковныхъ дѣлъ при Елизаветѣ и королевѣ Маріи, возбудилъ такое же негодованіе въ публикѣ, какъ и первая часть «Исторіи Стюартовъ», и, подобно ей, книга эта была вскорѣ забыта. Въ 1764 году Юмъ окончилъ свой трудъ изданіемъ двухъ томовъ, содержащихъ въ себѣ первые періоды исторіи.

«Успѣхъ ея, говорить Юмъ, былъ порядочный, но только-что порядочный».

По окончаніи изданія своей «Исторіи», въ 1761 году, Юмъ, которому было тогда уже пятьдесятъ лѣтъ отъ-роду, рѣшился-было никогда не разставаться съ Англіею. Несмотря на это, спустя два года онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ британскимъ посланникомъ, лордомъ Герфордомъ, въ Парижъ, въ качествѣ секретаря посольства. Въ 1765 году, когда посланникъ былъ назначенъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи, Юмъ остался въ Парижѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Его положеніе въ свѣтѣ, его пріятное обращеніе и въ-особенности его философическое — что тогда значило, скептическое—направленіе ума, сдѣлали глубокое впечатлѣніе на тогдашнее парижское общество. Имя его приобрѣло такую же популярность между тогдашними остроумцами, философами и женщинами, какую впоследствии имѣлъ Франклинъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ забавно рассказываетъ о томъ, какъ тогдашній дофинъ, впоследствии Людовикъ Шестнадцатый, еще ребенокъ, во время представленія его ко Двору, заговорилъ съ нимъ о его сочиненіяхъ, и какъ этому же примѣру послѣдовалъ меньшой братъ дофина, впоследствии Людовикъ Осьмнадцатый. Наслажденія, которыя представляло парижское общество того времени, пріятное обращеніе и простодушная веселость Парижанъ, совершенная свобода отъ всѣхъ грубыхъ развлеченій, и въ-особенности отъ ссоръ съ партіями, естественно должны были составлять очаровательную противоположность съ тѣмъ, что Юмъ оставилъ дома. Ничто не было такъ несогласно съ его характеромъ и образомъ мыслей, какъ буйство англійской политики, нетерпимость религіозныхъ мнѣній и грубость манеры Англичанъ. Поэтому Юмъ считалъ себя счастливымъ, находясь въ учтивой, снисходительной Франціи, гдѣ его любили и уважали. Онъ рѣшился-было навсегда остаться въ Парижѣ, но предположеніе его не состоялось, по случаю назначенія его помощникомъ статсъ-секретаря во время министерства генерала Конвэ, брата лорда Гертфорда. На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ два года, и въ 1769 году

воротился въ Эдинбургъ, съ тысячею фунтовъ стерлинговъ годового доходу.

Во время пребыванія своего въ Парижѣ, онъ сблизился съ однимъ изъ друзей Руссо, который намѣревался выѣхать изъ Франціи и поселиться въ Англіи. Юмъ изъявилъ готовность принять на себя заботы объ «интересномъ нустышникѣ», какъ тогда называли Руссо, и сочиненіямъ котораго онъ удивлялся наравнѣ со всѣмъ свѣтомъ. Онъ написалъ къ Руссо письмо и предложилъ ему взять его съ собою въ Англію. Предложеніе было немедленно принято съ изъявленіемъ живѣйшей признательности. Получивъ позволеніе правительства проѣхать черезъ Францію, Руссо прибылъ въ Парижъ, въ декабрѣ 1765 года, и какъ-нарочно чтобъ обратить на себя вниманіе, сталъ являться на улицахъ въ странномъ армянскомъ костюмѣ. Такое дерзкое поведеніе со стороны чловека, котораго правительство терпѣло только изъ милости, заставило французскую полицію приказать ему немедленно выѣхать изъ столицы, и Руссо, вѣстѣ съ Юмомъ, поѣхалъ въ Лондонъ въ началѣ января. Руссо самъ говоритъ, что Юмъ употребилъ всѣ средства, чтобъ сдѣлать для него пріятнымъ пребываніе въ Англіи. Онъ ввелъ его къ Девенпорту, который предложилъ ему для жительства домъ свой въ Вутонѣ, въ Дербишайрѣ. По глупой, неумѣстной гордости, Руссо не рѣшился жить даромъ въ чужомъ домѣ и потому Девенпортъ бралъ съ него по тридцати фунтовъ стерлинговъ въ годъ за квартиру.

Исключая временныхъ отлучекъ въ Гаррогетъ и въ Батъ, гдѣ онъ скончался, Юмъ постоянно жилъ въ Эдинбургѣ въ кругу старыхъ друзей своихъ. Весною 1775 года онъ почувствовалъ первые припадки болѣзни въ желудкѣ. «Сначала это нисколько меня не испугало, говоритъ онъ: по послѣ я увидѣлъ, что болѣзнь моя неизлечима и смертельна. Я увѣренъ въ скорой смерти. Болѣзнь мало меня беспокоила, но что всего страннѣе, несмотря на сильное расслабленіе, я ни мало не чувствую ни малѣйшаго упадку духа, такъ что если бъ меня попросили указать въ жизни моей періодъ, къ которому бы я желалъ возвратиться вновь,

я указалъ бы на это время. Я имѣлъ такое же рвеніе къ занятіямъ и такое же расположеніе къ веселому обществу, какъ прежде. По моему мнѣнію шестидесяти-пяти-лѣтній человѣкъ, умная, освобождаетъ себя отъ нѣсколькихъ лишнѣхъ страданій, и хотя я вижу ясно, что моя литературная репутація постепенно увеличивается, однако жъ знаю, что мнѣ не долго придется наслаждаться ею. Трудно быть менѣе меня привязаннымъ къ жизни».

Невзирая на постепенно увеличивающійся упадокъ силъ, Юмъ не переставалъ собирать вокругъ себя друзей. Приближающаяся смерть ни мало не помрачала его обычной веселости. За нѣсколько недѣль до смерти, онъ обѣдалъ съ двумя или тремя искренними друзьями. Одинъ изъ нихъ, докторъ Смитъ, сталъ жаловаться на злобу и недоброжелательство людей. «Нѣтъ, нѣтъ», сказалъ Юмъ: я всегда писалъ о такихъ предметахъ, которые постоянно возбуждаютъ ненависть нравственную, политическую и религіозную, но не имѣю враговъ, исключая впрочемъ всѣхъ вигговъ, всѣхъ торп, всѣхъ католиковъ и всѣхъ протестантовъ». Наконецъ онъ не могъ уже выходить изъ комнаты, но сохранилъ свои умственные силы и спокойствіе духа до послѣдней минуты. До насъ дошло письмо, писанное имъ за пять дней до смерти къ мадамъ де-Буфлеръ, по случаю смерти принца де-Конті, ея лучшаго друга. «Мнѣ остается жить нѣсколько недѣль, можетъ-быть даже нѣсколько дней, говорятъ онъ: но я не могъ не быть пораженъ кончиною принца, потерю важною во всѣхъ отношеніяхъ. Я смотрю на постоянное приближеніе смерти безъ страха и сожалѣнія и привѣтствую васъ отъ всей души, въ послѣдній разъ въ жизни». Это было писано двадцатаго августа, а двадцать-пятаго его уже не было на свѣтѣ. Онъ скончался безъ страданій, шестидесяти-пяти лѣтъ отъ-роду. Тѣло его погребено на Кальтонъ-Гильскомъ кладбищѣ, и надъ могилою его воздвигнутъ монументъ.

Передъ смертію онъ оцель заботился объ изданіи своихъ Dialogues on Natural Religion, и завѣщалъ ихъ вмѣстѣ со многими другими рукописями доктору Смигу, съ условіемъ непремѣнно напечатать ихъ, по безъ малѣй-

шихъ выпускъ. Дѣсти фунтовъ стерлинговъ, завѣщан-
ные Смиту, онъ распачилъ выдать ему по изданіи кни-
ги, между-тѣмъ какъ прочія завѣщанья суммы прика-
залъ выдать немедленно послѣ своей смерти, то есть, въ
день Святаго Мартына, въ который Шотландцы обыкно-
венно приводятъ къ концу свои денежныя дѣла. Смитъ от-
казался отъ изданія рукописей Юма, и даже остановилъ
печатаніе всѣхъ Юмовыхъ Essays, потому что въ одномъ
заключалось разсужденіе о безсмертіи души. Dialogues
были изданы въ 1779 году барономъ Юмомъ, племянни-
комъ философа.

Намъ остается теперь прибавить, что какъ бы ни были
разнообразны мнѣнія о твореніяхъ Юма, и особенно фи-
лософическихъ, относительно его характера было и не
могло быть иначе, какъ одно. Всѣ согласны, что онъ
имѣлъ необыкновенныя способности; и тѣ, которые были
различныхъ съ нимъ мнѣній, и тѣ, которые находятъ,
что онъ употреблялъ во зло свои дарованія, всѣ согласны,
что геній его былъ высокаго разряду—смѣлый, проница-
тельный, оригинальный. Его способности къ политиче-
скимъ разсужденіямъ были такъ блистательны, онъ
умѣлъ сдѣлать изъ нихъ такое удивительное и полезное
употребленіе, что донынѣ ничто не можетъ сравниться съ
его политическими твореніями.

Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени честный, про-
стосердечный, добрѣйшій, постоянно веселаго нраву. Въ
спорахъ, которые больше всего портятъ характеръ, онъ
не измѣнялъ своего спокойствія, Юмъ остался доб-
рымъ, благороднымъ человѣкомъ, несмотря на всѣ свои
неудачи въ жизни, которыя отравляютъ жизнь большей
части людей и почти у всѣхъ ожесточаютъ сердце. Онъ
часто позволялъ себѣ нѣсколько ѣдкія выходки и намски,
которые отчасти было причиною паденія его «Исторіи»;
но онъ употребилъ бы ихъ и тогда, когда бы его книга
имѣла успѣхъ: потому что онъ употреблялъ тотъ же языкъ
и въ той части своихъ сочиненій, которая была издана
въ то время, когда онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ: да и
впослѣдствіи онъ никогда не бралъ на себя труда писать

противъ враговъ своихъ что-нибудь, кромѣ веселыхъ восклицаній и невинныхъ шутокъ насчетъ людей, которые дѣлались орудіемъ другихъ, будучи рабами своихъ собственныхъ предразсудковъ и наклонностей.

Человѣкъ, связанный дружбою и славою съ Юмомъ, котораго характеръ и сочиненія мы описали и, подобно ему, основатель англійской исторической литературы, былъ Вильямъ Робертсонъ, тоже шотландскій уроженецъ. Отецъ его былъ ученый, благочестивый и краснорѣчивый священникъ, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ, въ званіи пастора шотландской Церкви. Онъ возвратился въ Шотландію до жепитъбы своей на миссъ Питкайрсъ и поселился въ Бервикъ въ годъ рожденія нашего героя, которое случилось девятнадцатаго сентября 1721 года. Плачѣвная кончина отца и матери, умершихъ почти въ одно время въ 1733 году отъ гнилой горячки, произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ ихъ дѣтей, шестерыхъ дочерей и двухъ сыновей, изъ которыхъ Вильямъ былъ старшій. Первое образованіе Робертсонъ получалъ въ школѣ въ Далькейтѣ, подъ руководствомъ нѣкотораго Лизля, извѣстнаго своею ученостію. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ университетъ, гдѣ провелъ осемь лѣтъ, занимаясь науками съ неутомимымъ рвеніемъ. Онъ самъ начерталъ для себя строгій планъ чтенія. Вся его жизнь была посвящена ученію. Переводы классиковъ и въ-особенности съ греческаго языка, который онъ зналъ въ совершенствѣ, составляли небольшую часть его трудовъ. Онъ приготовилъ-было къ печати переводъ «Размышленій Антонина», но появленіе жалкаго перевода этой книги въ Глазго остановило его предпріятіе. Впрочемъ рукопись Робертсона сохранилась. Онъ образовалъ свой разговорный языкъ, посѣщая общество, которое собиралось каждую недѣлю для разсужденія о литературныхъ и философическихъ вопросахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя это общество было посѣщаемо почти всѣми знаменитостями Шотландіи того времени: Юмомъ, Смитомъ, Виддерборномъ, Фергусономъ, Гомомъ. Но жажда къ знанію у Робертсона не ограничивалась этими легкими, пріятными за-

нтіями: онъ глубоко изучалъ многія болѣе серьезныя отрасли знанія, математику и физику.

Въ 1741 году, на основаніи законоположеній шотландской Церкви, онъ получилъ отъ пресвитеріанскаго собранія позволеніе проповѣдывать. Черезъ два года послѣ этого онъ получилъ мѣсто пастора въ Гладсмуйрѣ, одномъ изъ приходоу Сѣвернаго Лотріана. Здѣсь онъ провелъ пятнадцать лѣтъ, въ занятіяхъ науками и исполненіи священныя своихъ обязанностей. Онъ вставалъ очень рано и все утро посвящалъ книгамъ. Время около обѣда онъ употреблялъ на посѣщеніе бѣдныхъ или больныхъ своихъ прихожанъ. Во время возмущенія 1745 года, когда пришло извѣстіе, что бунтовщики идутъ къ Эдинбургу, Робертсонъ оставилъ свой приходъ и присоединился къ столичнымъ волонтерамъ. Когда Эдинбургъ* былъ окруженъ, Робертсонъ присоединился къ небольшому числу городскихъ жителей, которые предложили свои услуги главнокомандующему въ Гаддингтонѣ. Какой былъ успѣхъ этого похода, неизвѣстно, но они вѣроятно доходили до горъ и нѣсколько времени оставались подъ ружьемъ, что видно изъ того, что Робертсонъ часто говорилъ о дѣйстви, которое запахъ каменнаго угля производилъ на его голову, послѣ того какъ онъ привыкъ къ дыму отъ пороку.

Вскорѣ послѣ женитьбы на двоюродной сестрѣ своей, миссъ Небитъ, въ 1751 году, Робертсонъ воротился въ Эдинбургъ членомъ общаго собранія пресвитеріанъ. Онъ ревностно занялся дѣлами этого собранія и, благодаря своимъ строгимъ и яснымъ мнѣніямъ въ пользу церковной іерархіи, важнаго вопроса, раздѣлявшаго шотландскую Церковь, вскорѣ сдѣлался главою приверженцевъ этой мѣры. Сначала эта партія была очень малочисленна; но послѣ-того здравый разумъ и краснорѣчіе взяли верхъ, и онъ одержалъ полную побѣду надъ своими противниками.

Преслѣдованіе, которому подвергся Джонъ Гомъ, со стороны фанатической партіи, за написанную имъ нравственную, невинную и даже набезную трагедію «Дугласъ», дало Робертсону новый случай обнаружить свое благородство и справедливость. Такому же преслѣдованію противниковъ

подверглись и всѣ духовныя лица, находившіяся въ театрѣ, во время представленія. Гомъ принужденъ былъ отказатья отъ своего приходу. Благоразумная и одушевленная защита Робертсона спасла часть остальныхъ отъ строгаго выговору, а прочихъ отъ временнаго удаленія отъ должности.

Въ это самое время онъ сталъ издавать въ свѣтъ первыя свои труды. Его историческія статьи начали появляться въ журналѣ основанномъ Смптомъ, Виддерборномъ, Джарденомъ, Блеромъ, Росселемъ и другими, подъ именемъ сдѣлавшимся впоследствии знаменитымъ «Эдинбургскаго Обзорнія». Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ также рѣчь, которую произнесъ въ январѣ 1755 года передъ Обществомъ для распространенія христіанства. По выходѣ второй книжки издатели должны были отказатья отъ своего предпріятія, по причинѣ неистовыхъ криковъ фанатической партіи, раздраженной чрезвычайно справедливою критикою на глупыя произведенія богословскаго ханжества и нетерпимости ультра-пресвитеріанской партіи шотландской Церкви.

Какъ проповѣдникъ, Робертсонъ имѣлъ большіе успѣхи. Его чистый языкъ, прекрасное расположеніе рѣчи, убѣдительность доводовъ, не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на слушателей. По обыкновенію шотландскихъ пасторовъ, онъ всегда говорилъ изъ головы и обыкновенно избиралъ нравственные вопросы, преимущественно передъ богословскими или евангелическими предметами.

Съ 1752 до 1758 года онъ прилежно занимался своею «Исторією Шотландіи», которая явилась въ печати въ 1759. Успѣхъ этого удивительнаго творенія былъ необыкновенный. Все изданіе разошлось менѣе нежели въ мѣсяць. Эта книга возбудила однако жъ ропотъ якобинской партіи, которая не довольствовалась тѣмъ, что онъ оправдалъ Марію Стюартъ въ заговорѣ Госвингтона, сдѣлалъ сомнительнымъ ея участіе въ убійствѣ Дарнли, и строго осудилъ поведеніе Елизаветы въ-отношеніи Шотландцевъ и ихъ королевы; но непремѣнно хотѣла, чтобы Марія, не смотря на ея воступки и слова, была совершенно оправ-

дама въ томъ, что вступила въ бракъ съ убійцею своего супруга и укрыва его сообщниковъ отъ наказанія. Ихъ возгласы, породившіе двѣ или три книги въ защиту этого отчаяннаго дѣла, не нашли отголоска въ Шотландіи; напротивъ, народному самолюбію чрезвычайно польстилъ этотъ необыкновенный успѣхъ творенія Робертсона. Передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ его исторіи, Робертсонъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Лондонъ, и встрѣтилъ самый ласковый пріемъ со стороны людей, извѣстныхъ своею ученостью, достоинствами и хорошимъ вкусомъ.

Робертсонова «Исторія Шотландіи» по справедливости занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторической литературѣ Англіи. Духъ философіи, которымъ она проникнута, обширные взгляды на политическія учрежденія, скромныя и благоразумныя, но вмѣстѣ сильныя разсужденія, которыми она наполнена, постоянныя указанія на достовѣрные источники, ставятъ это твореніе Робертсона наравнѣ съ лучшими древними произведеніями этого рода. Искусныя и рѣзкіе очерки историческихъ лицъ и ссылки на исторію другихъ странъ, тамъ гдѣ это было необходимо, составляютъ другое достоинство Робертсоновой книги. Нельзя не удивляться описательному таланту, съ которымъ авторъ начертываетъ картину суроваго и бурнаго періода шотландской исторіи; странную смѣсь грубой простоты у однихъ классовъ и искусственной утонченности у другихъ; нищету народа, и роскошь двора и главныхъ вождей; великія преступленія и великія доблести; нравственность необразованныхъ и жестокосердыхъ простолюдиновъ и буйныя релігіозныя мнѣнія фанатиковъ; націю полуобразованную, едва выходящую изъ первобытнаго невѣжественнаго состоянія, находящуюся подъ властью людей со всею утонченностью и испорченностью государственныхъ мужей, воспитанныхъ въ развращенной школѣ италіянскихъ Дворовъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до выхода въ свѣтъ этой книги, Робертсонъ получилъ въ эдинбургскомъ университетѣ степень доктора богословія; въ 1759 году онъ былъ назначенъ въ число королевскихъ капеллановъ. Въ 1762 онъ

былъ возведенъ въ званіе прінципала университета; въ это же время ему сдѣлано было отъ короля предложеніе написать исторію Англіи, и обѣщаны всѣ средства, какія только могли быть въ распоряженіи правительства. Къ несчастію, удаченіе лорда Бюта изъ министерства воспрятствовало ему приступить къ исполненію этого важнаго предпріятія. Ему оставлено было однако жъ званіе исторіографа Шотландіи, которое онъ получилъ въ 1764 году. Въ 1769 онъ издалъ своего «Карла Пятаго», а въ 1777 «Америку». Мнѣніе большинства ставятъ «Карла» выше другихъ его сочиненій, и въ самомъ дѣлѣ, если взять въ соображеніе обширность и важность предмета и дать большую цѣну ясности и отчетливости разсказа, объемлющаго исторію Европы, втеченіи того времени, когда различныя государства начали принимать положеніе, относительно другъ друга, въ которомъ они теперь находятся, то между этою книгою и другими сочиненіями не можетъ быть сравненія.

Послѣднее произведеніе Робертсона, которое онъ издалъ за два года до своей смерти, есть его «Disquisition concerning India». Это глубокое и ученое, критическое и историческое изслѣдованіе свѣдѣній, которыя имѣли объ Индіи древніе народы, обитавшіе по берегамъ Средиземнаго Моря. Чрезвычайно несправедливо утверждаютъ многіе, будто эта книга содержитъ въ себѣ неправильныя понятія, основанныя на свѣдѣніяхъ, которыхъ ошибочность доказана новѣйшими изслѣдованіями путешественниковъ. Правда, описанія народовъ и обыкновеній, помѣщенныя въ прибавленіи, сдѣлались менѣе полезными, со времени появленія въ свѣтъ болѣе богатыхъ подробностей; но его точность, его глубокое знаніе древнихъ авторовъ, его основательныя сужденія и замѣчанія, ставятъ эту книгу наравнѣ съ его прочими сочиненіями.

Втеченіи десяти лѣтъ, протекшихъ между изданіемъ «Карла Пятаго» и выходомъ «Америку» въ жизни Робертсона не случилось никакого особенно замѣчательнаго обстоятельства. Онъ занимался единственно обязанностями своими, какъ глава университета. Онъ иногда посѣщалъ

Лондонъ, гдѣ замѣчательнѣйшіе государственные мужи и литераторы принимали его съ высокимъ уваженіемъ. Прелесть его разговора, простаго, оживленнаго, веселаго, не совершенно сообразнаго съ достоинствомъ его духовнаго званія, увеличивала еще болѣе интересъ, естественнымъ образомъ соединенный съ его литературною славой.

Уступки, сдѣланныя парламентомъ въ 1788 году въ пользу англійскихъ и ирландскихъ католиковъ, уничтоженіемъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ уголовныхъ законовъ, подали и шотландскимъ католикамъ мысль требовать и для себя подобной же справедливости. Робертсонъ сильно поддерживалъ ихъ требованія. Пуританская партія главнаго собранія наставляла, чтобъ были приняты чрезвычайныя мѣры противъ католиковъ, но, благодаря усиліямъ Робертсона, всѣ предложенія пуританъ были отвергнуты. Тревогу эту старались однако жъ усилить всѣми средствами, къ какимъ бываетъ способно бѣшенство религіозной партіи, и довели ее до такой степени, что шотландскіе католики принуждены были отказаться наконецъ отъ своего намѣренія. Но это случилось уже слишкомъ поздно, для того, чтобъ утишить народное волненіе, возбужденное пуританами. Фанатическая чернь бросилась на протестантскія часовни, нѣкоторыя сожгла, другія разрушила до основанія. Отсюда она двинулась къ университету и, окруживъ домъ гдѣ жилъ Робертсонъ, осыпала его проклятіями и ругательствами. Къ счастью, онъ заранее узналъ о приближеніи враговъ, и успѣлъ удалиться съ своимъ семействомъ. Отрядъ солдатъ спасъ его домъ и прочія зданія университета отъ разрушенія. Въ слѣдующемъ собраніи въ 1790 году, онъ произнесъ замѣчательно-краснорѣчивую рѣчь, въ которой объявлялъ, что мнѣніе его относительно этой мѣры осталось неизмѣннымъ, но прибавилъ, что считаетъ нужнымъ отложить исполненіе ея дотѣхъ-поръ пока время не просвѣтитъ понятія народа и не покажетъ ему всей безразсудности ихъ поведенія.

Осенью 1791 года здоровье Робертсона начало ослабѣвать; желтуха, развившаяся въ 1793 году вслѣдствіе пераженія печени, привела его въ такую слабость, которая

не оставила никакой надежды на выздоровленіе. Онъ терпѣливо переносилъ свои страданія и съ неизмѣнною твердостью духа смотрѣлъ на приближеніе смерти. Онъ умеръ, одиннадцатаго іюня 1793, на семьдесятъ-второмъ году отъ рожденія.

Робертсонъ былъ человѣкъ благочестивый и безукорызненной нравственности, безъ малѣйшей суровости или фанатизма. Въ его поведеніи, какъ христіанина, члена общества, родственника, друга, нѣтъ ни малѣйшаго пятна. Его чувства могли казаться менѣе сильными и живыми нежели онѣ были, но это потому что онъ имѣлъ неодолимое отвращеніе отъ всякихъ крайностей. Онъ вообще держался того мнѣнія, что должно удерживать свои чувства и никогда не давать имъ свободы; въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ правиламъ философіи стоиковъ, которыми придерживался также въ-отношеніи обнаруживанія печали и радости. Онъ былъ того мнѣнія, что эти душевныя движенія должны быть выражаемы сколько можно умѣреннѣе въ частной жизни, и что они вовсе неумѣстны и неприличны въ обществѣ. Онъ думалъ, и очень основательно, что человѣкъ, который, имѣя душевное горе, имѣетъ столько силъ, чтобъ явиться въ общество, тѣмъ самымъ уже показываетъ, что горестъ не довольно сильна, или по-крайней-мѣрѣ, что онъ такъ умѣетъ скрыть свои страданія, чтобъ вести себя подобно прочимъ. Онъ утверждалъ, что мы должны посѣщать общество не для того, чтобъ жаловаться на свои несчастія или кричать о своихъ радостяхъ, а для того чтобъ образовывать и улучшать другъ друга посредствомъ умныхъ, веселыхъ разговоровъ. И въ самомъ дѣлѣ, его разговоръ былъ веселый и разнообразный. Обширныя свѣдѣнія, богатый запасъ анекдотовъ, умѣнье рассказывать и описывать вещи, безъ всякаго педантизма или сухости, большая живость, остроуміе и юморъ, расположеніе пользоваться минутами веселости, вотъ въ чемъ состояли главныя достоинства его бесѣды. Онъ не могъ терпѣть злословія и всегда защищалъ отсутствующаго.

Образъ мыслей о многихъ предметахъ общаго интересу, гражданскихъ и религіозныхъ, никогда не былъ причи-

ною разрыву между нимъ и друзьями, имѣвшими другія понятія. Съ своимъ товарищемъ, докторомъ Эркиномъ, главою его противниковъ по дѣламъ Церкви, онъ жилъ въ самой дружеской ногѣ. Дружба его съ Юмомъ очень хорошо извѣстна. Робертсонъ былъ средняго росту и довольно плотенъ. Лобъ у него былъ высокій и открытій. Въ выраженіи его лица было что-то покойное, мечтательное и добродушное.

=

IV.
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
и
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

УСПѢХИ ТЕОРИИ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

=

Во времена первоначальнаго образованія обществъ, небольшое число людей занимало огромныя пространства земли; въ ней вѣками скоплялись всѣ сокровища растительнаго царства; жатва была обильна и стоила мало усилій человѣку; удобрительныя вещества оставались безъ употребленія; а орудія земледѣльцевъ были далеки до нынѣшняго своего совершенства. Люди сѣяли сначала только тамъ, гдѣ земля была плодоносна, и не представляла затрудненія при вспашкѣ. Истощивъ одно мѣсто, переходили къ другому, потомъ къ третьему и такъ далѣе. Такая система, которую приняли сначала въ Соединенныхъ Штатахъ, и которая сохранилась до сихъ поръ въ большей части Россіи и Польши. Въ этихъ странахъ удобрительныя вещества, даже въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, или считаются вредными нечистотами, или остаются въ совершенномъ пренебреженіи. Волга, по вскрытіи льда, уноситъ въ море огромныя количества этого сокровища, непризнаннаго русскимъ землепашцемъ.

Но народонаселеніе увеличилось, и отъ земли стали требовать больше прежняго; поля раздѣлялись на три части:

Т. LXXIII. — Отд. IV.

1/1

одна назначалась въ постоянное пастбище скоту, другія двѣ попеременно употреблялись подъ посѣвы. Скоро стада умножились, и хлѣбопашцы замѣтили удобительное свойство навоза: убѣдились, что помощію его съ небольшого клочка земли можно получать тѣ же доходы, какіе получались прежде съ пространства гораздо бѣльшаго. Стали обращать вниманіе на скотоводство; тогда возстановилась существующая круговая зависимость между нѣмъ и хлѣбопашествомъ.

Песчаныя и неплодныя почвы начали покрываться жирнымъ навозомъ, и превращаться въ почвы плодородныя. Такимъ образомъ обширныя, неплодныя пустыни въ Норфолкѣ и въ Линколнширѣ покрылись нивами, и лугами, питающими огромныя стада. Ободренные усѣхои, земледѣльцы начали осушать болота, пруды, переводить ихъ воды въ мѣста сухія; стали ограничивать берега рѣкъ и озеръ, понижать ихъ уровни, и на новыхъ поляхъ сѣять хлѣбъ. Тогда значительно увеличилась поверхность полей, употребляемыхъ подъ посѣвы. Можно себѣ представить какихъ неусыпныхъ трудовъ и издержекъ стоило это человѣку, еще непосвященному въ таинства науки. Многочисленныя болота, покрывающія нынѣ Англію, Ирландію, Россію, Швецію будутъ служить обширнымъ прищемъ трудолюбивому земледѣльцу.

Эти усѣхи повлекли за собой другіе: поля, удаленныя отъ населенныхъ мѣстъ, не могли быть достаточно снабжаемы навозомъ; нашли новыя вещества, способныя къ удобренію земли: стали употреблять остатки животныхъ и тому подобное.

Затѣмъ рѣшились глубже пахать землю; недостатки ея поверхности вознаградились глубиною вспашки, и растенія получили новую жизнь, черпая ее на глубинѣ осмнадцати и двадцати дюймовъ. Выѣстъ съ тѣмъ начали совершенствоваться орудія земледѣльцевъ. Твердость глинистой почвы требовала орудій сильно дѣйствующихъ, а для удобства управленія ими надобно было сдѣлать ихъ легкими. Земледѣлецъ долженъ былъ согласовать эти условія, подчиняя ихъ кромѣ-того тысячѣ мѣстныхъ обстоятельствъ, и особеннымъ свойствамъ почвы. Такимъ

образомъ изобрѣтены нѣтки для земли рыхлой; бороны для почвы глинистой; бородавки и сѣпавки для полей, покрытыхъ длинными растеніями. Кромѣ-того явились сѣльные, вѣяльныя и молотильныя машины. Въ наше время приложенія наукъ къ хлѣбопашеству столько же обширны, какъ и къ другимъ отраслямъ промышленности.

Когда съ возрастаніемъ народонаселенія, удобрительныхъ веществъ, доставляемыхъ намъ землею, оказалось недостаточно, обратились къ наукѣ. Она должна была открыть, а въ случаѣ нужды создать, новыя вещества; показать намъ мѣру и правила для выгоднаго, и вмѣстѣ экономнаго ихъ употребленія. Это стремленіе къ ученымъ выводамъ есть доказательство истиннаго успѣха хлѣбопашества. Человѣкъ, пока не ознакомится съ наукой, боятся ея; она противорѣчитъ его предрасудкамъ, и выставляетъ его невѣжество. Земледѣлецъ въ этомъ случаѣ — человѣкъ, болѣе чѣмъ кто-нибудь.

Теперь, когда хлѣбопашество обратилось къ наукѣ, необходимо показать все что она донинѣ сдѣлала для него, и что ей остается сдѣлать.

Возрастаніе народонаселенія, а слѣдовательно и потребностей его, ведетъ за собою дороговизну удобрительныхъ веществъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и дороговизну хлѣбнаго зерна. Это неизбѣжное возрастаніе въ цѣнѣ кажется съ перваго взгляду вреднымъ для выгодъ хлѣбопашества; но мы постараемся доказать, что оно, напротивъ, полезно для него, поставивъ его между двухъ необходимостей: получать доходъ по-больше, и ограничивать свои издержки.

Дороговизна хлѣба заставляетъ хлѣбопашца съ жадностію собирать удобрительныя вещества. Являются общества азеристовъ, которые, привлеченные большимъ требованіемъ, бросаются на поиски этого золотаго руна: разрываютъ землю, собирая останки животныхъ; истощивъ одно мѣсто, переходятъ на другое, и теперь, по волнамъ Атлантическаго Океана, огромные нараваны судовъ перевозятъ въ Европу останки животныхъ, собираемые въ Америкѣ. Такимъ образомъ возрасла цѣнность безчисленныхъ стадъ въ Буэносъ-Айресѣ и въ Монтевидео. Прежде привозилась въ Европу только ихъ кожа, а теперь и ихъ останки, какъ удобрительныя вещества.

Любопытный предмет для изученія представляет извѣстная зависимость хлѣбопашества и торговли; но еще любопытнѣе видѣть какъ предпріятія европейскихъ земледѣльцевъ пробуждаютъ отъ сна жителей Новаго Свѣта, рождая въ нихъ новыя желанія и новыя нужды. Они съ рвеніемъ начали засѣвать свои поля, и теперь вопросы хлѣбопашества рѣшаются въ одно время въ Англіи и въ провинціи Огайо и въ Парагваѣ. Въ этомъ обширномъ распространеніи теоріи хлѣбопашества есть что-то великое и заманчивое, бросающее поэтическій свѣтъ на чисто коммерческія отношенія народовъ.

Дороговизна удобрительныхъ веществъ заставляетъ употреблять ихъ съ большою бережливостію, и съ большимъ умѣньемъ. Хлѣбопашецъ, пожертвовавшій частью своего капитала на удобреніе земли, знаетъ нынче, что самая незначительная потеря въ этихъ веществахъ, есть уже потеря денежная.

Человѣкъ образованный, съ прискорбнымъ удивленіемъ смотритъ на эти несмѣтныя груды навозу, которыя, съ открытіемъ льдовъ, Волга и Днѣпръ уносятъ далеко отъ вспаханныхъ полей. Сколько сокровищъ потерялъ такимъ образомъ русскій земледѣлецъ отъ первыхъ дней хлѣбопашества до нашего времени! Впрочемъ это самое зрѣлище представляютъ намъ нѣкоторыя провинціи Англіи, напримѣръ Нортумберлендъ; только, вмѣсто обширныхъ приволжскихъ и украинскихъ полей, представьте себѣ нѣсколько десятинъ; вмѣсто Волги и Днѣпра—небольшой ручей. Не менѣе плачевныя послѣдствія влечетъ за собою пренебреженіе удобрительныхъ жидкостей. Въ Тувезидѣ и въ Йоркшейрѣ они со всѣхъ концовъ стекаютъ въ болота и пруды, и тамъ гниютъ безъ пользы подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей.

Разсудительно ли дѣйствуетъ земледѣлецъ, который, издержавъ на свое поле пять бочекъ гуано, костей и органическихъ останковъ, позволяетъ утечь въ болота двадцати бочкамъ удобрительной жидкости?

Собирая оплодотворяющія вещества, которыхъ цѣнность возрастаетъ ежедневно, земледѣлецъ будетъ стараться усиливать ихъ полезныя свойства, и извлекать изъ

нихъ по-возможности болѣе оплодотворяющаго начала. Это приведетъ его ко многимъ практическимъ улучшеніямъ. Напримѣръ, вмѣсто-того чтобъ унавоживать землю осенью, онъ будетъ это дѣлать весной, во время самыхъ посѣвовъ; отъ чего вещества, которыми онъ старался обогатить свою землю, не будутъ уноситься въ растворѣ весеннихъ стоковъ, какъ это бываетъ при осеннемъ унавоживаніи. Увеличивъ такимъ образомъ вліяніе навоза на посѣвы, земледѣлецъ будетъ имѣть возможность наблюдать въ употребленіи его экономію, и, вмѣсто-того чтобы безъ различія разсыпать его по всему полю, будетъ обогащать имъ только засѣяныя борозды.

Наконецъ рвеніе земледѣльца къ улучшеніямъ возрастетъ, когда химія откроетъ ему въ хлѣбопашествѣ новые чудесные источники. Онъ скажетъ себѣ: «Если химики говорятъ правду, что корни растений питаются только жидкостями, то вліяніе жидкихъ, или удоборастворимыхъ веществъ должно быть значительнѣе и быстрѣе, чѣмъ вліяніе веществъ сухихъ, которыя для своего растворенія требуютъ много времени. Конечно, нерастворившаяся часть ихъ можетъ остаться для будущихъ посѣвовъ; но дожди и весенніе разливы разнесутъ ее по озерамъ и болотамъ. Слѣдовательно, скажетъ земледѣлецъ, я буду стараться употреблять удобрительныя вещества не иначе, какъ приводя ихъ сначала въ жидкій видъ».

Теорія и наблюденія оправдываютъ эту мысль. Многочисленные опыты, дѣланные надъ растворомъ костей въ сѣрвой кислотѣ, разлили на этотъ вопросъ новый свѣтъ. Хотя нынче преувеличиваютъ важность полученныхъ и ожидаемыхъ отъ этого результатовъ, однако можно смѣло сказать, что употребленіе жидкаго начала будетъ выгодно для земледѣльцевъ и принесетъ большую пользу наукѣ.

Употребленіе удобрительныхъ веществъ распространилось, и теперь для ихъ обработыванія явились мануфактуры. Нечистоты въ большихъ городахъ и человѣческія испражненія стали превращаться посредствомъ химіи въ драгоценныхъ и дѣятельныхъ агентовъ. Явились многочисленные объявленія, заманивающія земледѣльцевъ къ

покупкѣ новооткрытыхъ веществъ; но сюда, какъ и всюду, вкрались обманы, и земледѣлецъ вынужденъ былъ записаться химическими свѣдѣніями, чтобъ быть въ состояніи самому наблюдать за пропитаніемъ земли, какъ правительство наблюдаетъ за пропитаніемъ народа.

Впослѣдствіи замѣтили, что въ землѣ есть вещества, которыя, не принадлежа ни къ царству животному, ни къ царству органическому, имѣютъ сильное вліяніе на произрастаніе. Такъ нашли, что соль въ однихъ почвахъ, зола въ другихъ, селитра въ Индіи и Малороссіи, гипсъ въ Германіи и въ Сѣверной Америкѣ, известь, остатки раковинъ, что всѣ эти вещества, въ изобиліи разсыяныя по земной поверхности, имѣютъ большое вліяніе на плодотворность почвы. Сначала смотрѣли на нихъ какъ на вещества раздражающія, придающія растенію чрезвычайное и только временное развитіе. Говорили, что земля отъ нихъ приходитъ въ истощеніе, подобно человѣку принимающему опиумъ; что, обогащая въ настоящемъ, эти вещества разоряютъ насъ въ будущемъ; и потому совѣтовали или совершенно ихъ не употреблять, или употреблять съ осторожною умѣренностію. Это мнѣніе было такъ сильно, что даже извѣстіе о прекрасныхъ результатахъ, полученныхъ отъ употребленія азотно-кислаго натра, привезеннаго изъ Перу, не могло побѣдить его; и потому удобрительныя минеральныя вещества до-сихъ-поръ остаются болѣею частію безъ употребленія.

Это отвращеніе отъ удобренія импъ земли, породило много споровъ. Благодаря имъ, теперь открыты важныя физиологическіе законы, которые бросаютъ новый свѣтъ на науку хлѣбопашества.

Нашли, что гипсъ, селитра, обыкновенная соль, и другія минеральныя вещества, которыхъ вліяніе на нѣкоторыхъ почвахъ такъ сильно, на другихъ или не дѣйствуютъ ни сколько, или дѣйствуютъ весьма слабо. Спрашивается, гдѣ причина этого явленія? Если эти вещества только раздражающія, то почему они не вездѣ имѣютъ способность оживлять одно и то же увядающее растеніе? Ясно, что эта способность ихъ зависитъ отъ состава почвы.

Химики принялись за ихъ разложеніе. Больше всѣхъ

въ этомъ дѣлѣ успѣлъ нѣмецкій химикъ Шпренгель. Онъ вывелъ изъ своихъ опытовъ слѣдующія положенія. Всѣ почвы содержатъ въ своемъ составѣ нѣкоторое количество веществъ органическихъ. Легкія земли содержатъ ихъ до шестидесяти процентовъ; земли глинистыя не болѣе одного. Неорганическая часть въ плодотворныхъ почвахъ состоитъ изъ десяти или одиннадцати различныхъ минеральныхъ веществъ. Почва, содержащая въ составѣ своемъ не всѣ эти вещества, или не въ должной пропорціи, бесплодна. Придавъ бесплодной почвѣ вещество не достигающее въ ней, можно превратить ее въ плодотворную. Если одно вещество находится въ ней въ излишкѣ, то оно пагубно для растенія. Въ такомъ случаѣ нужно извѣстную почву отъ этого излишка, для возвращенія ей плодотворной силы.

Эти пять истинъ, подтвержденные Джонсономъ и Либихомъ, мы принимаемъ за основаніе въ нашемъ изученіи неорганической части почвы. Этимъ опытомъ Шпренгеля разрѣшается вопросъ, о которомъ мы говорили выше: вещества, называемыя раздражающими, составляютъ необходимый составъ почвы.

Химія помогли другія науки: геологія, которая показала, что всѣ наши почвы суть не что иное какъ остатки горнокаменныхъ породъ, измѣненныхъ или рукою времени, или великими земными переворотами. Такимъ образомъ, мы, при первомъ взглядѣ на геологическую карту, знаемъ какія вещества должны преобладать въ извѣстной почвѣ, потому что составныя ея части должны быть одинаковы съ составными частями породы, которую она покрываетъ и изъ которой образовалась.

Если на такомъ-то мѣстѣ такое-то удобрительное вещество оказалось полезнымъ, или такой-то способъ вспашки былъ удобенъ, то это же вещество и этотъ способъ вспашки могутъ быть приняты на всѣхъ мѣстахъ, обозначенныхъ на картѣ одною краскою съ мѣстомъ выше сказаннымъ, независимо отъ его долготы и широты. Эти открытія произвели общіе выводы, которыхъ приложеніе возможно на всѣхъ мѣстахъ, потому что опираясь на вѣрныхъ данныхъ, они вездѣ справедливы.

Плодотворность почвы зависит также отъ географическаго положенія земли, имѣющаго вліяніе на климатъ и на атмосферу, которая составляетъ середину для жизни животныхъ и растений. На равнинахъ, въ долинахъ и на высокихъ горахъ растительная сила различна. Даже мелкія топографическія неровности имѣютъ вліяніе на химическій составъ почвы, а потому и на способы обработыванія земли. Дождь, падающій на равнину, распространяется одинаково по всей ея поверхности, и одинаково оплодотворяетъ или опустошаетъ ее. Въ мѣстахъ же, покрытыхъ горами, дожди привлекаются ихъ вершинами. Вода, стекая въ глубину долинъ, или на мѣста болѣе ровныя, уноситъ въ растворѣ своемъ составныя начала почвъ; отъ чего случается, что почвы низкихъ мѣстъ бывають богаты плодотворнымъ началомъ, тогда какъ мѣста возвышенныя совершенно безплодны. Эти же явленія можно замѣтить на двухъ противоположныхъ скатахъ холма: сторона, обращенная къ сильнымъ постояннымъ вѣтрамъ и дождямъ, бываетъ бѣдна растеніями; тогда какъ растенія стороны противоположной, наслаждающіяся теплымъ дуновеніемъ вѣтру и умеренною влажностію, находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Эти различія въ провзрастаніи особенно замѣтны на островахъ. Морскіе вѣтры несутъ влажную соляную пыль, которою они осыпають и оплодотворяють обращенные къ нимъ скаты прибрежныхъ холмовъ. Спрашивается, кѣкимъ образомъ эта соляная пыль можетъ дѣйствовать на плодотворность почвы? Отвѣчать на это легко. Мы знаемъ, что плодотворная почва должна содержать въ составѣ своемъ десять или одиннадцать различныхъ, и въ извѣстной пропорціи соединенныхъ между собою неорганическихъ веществъ. Морская же вода одна заключаетъ въ себѣ шесть или семь этихъ веществъ, которыми она снабжаетъ землю. Можетъ случиться, что скаты холмовъ, обращенные къ морскому вѣтру, содержатъ сами въ почвѣ своей приносимыя имъ вещества, то есть, обыкновенную соль, гипсъ, и сѣрно-кислую магнезію; въ такомъ случаѣ эти дары вѣтру остаются здѣсь бесполезными, тогда какъ на скатахъ противоположныхъ, куда они не достигають, ихъ дѣйствіе было бы благодѣтельно.

Вода, стекающая съ горъ, не всегда останавливается въ долинахъ и въ низкихъ мѣстахъ; увлеченная быстротою стока, она иногда продолжаетъ свое теченіе, унося въ моря и въ рѣки плодотворныя начала горпстыхъ мѣстъ. Эта потеря почвы вознаграждается, и часто съ избыткомъ, обратнымъ испареніемъ этихъ морей и рѣкъ, возвращающимъ ей отнятыя сокровища.

Впослѣдствіи замѣтили, что вещество, придающее жизнь растеніямъ одного роду, напримѣръ гипсъ, дѣйствуя благотѣльно на трилистникъ, не оказываетъ ни какого вліянія на пшеницу. Эта зависимость между удобрительнымъ веществомъ, и родомъ растеній представляеть въ наукѣ явленіе, обѣщающее естествоиспытателямъ цѣлый міръ новыхъ открытій и истинъ. Долговременные и многотрудные опыты показали, что растенія, подобно почвамъ, содержатъ въ составѣ своемъ вещества органическія и неорганическія; количество первыхъ въ растеніяхъ доходить отъ девяноста до девяноста осьми процентовъ, тогда какъ въ почвахъ оно не превосходитъ трехъ; что неорганическая часть, или пепель растеній, содержитъ въ себѣ отъ осьми до одиннадцати различныхъ веществъ, содержащихся также въ плодотворныхъ почвахъ; что нѣкоторыя изъ этихъ веществъ встрѣчаются въ однихъ растеніяхъ больше чѣмъ въ другихъ; нѣкоторыя же составляютъ исключительную принадлежность извѣстныхъ органовъ растеній.

Эти истины не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; онѣ открыты Рукертомъ, объяснены Соссюромъ, и, наконецъ, окончательно приняты и распространены Шпренгелемъ.

Стары или новы эти истины, въ нихъ есть все что нужно, чтобъ доказать, что вещества, называемыя раздражающими, не только не истощаютъ ни земли ни растеній, но необходимы для нихъ; и что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, они должны быть созданы. Если и случалось, что при употребленіи этихъ веществъ послѣдующія жатвы были менѣе богаты, то это происходило отъ того, что растенія поглощали изъ земли болѣе благотворнаго начала, чѣмъ сколько было сообщено ей удобрительнымъ веществомъ.

Мы уже видѣли, какимъ образомъ сравненіе почвъ съ горнокаменными породами, отъ которыхъ онѣ произошли, позволяютъ намъ, взглянувъ на геологическую карту, судить о химическомъ составѣ этихъ почвъ. Ботанисты, основываясь на этой же теоріи, и замѣтивъ, что различнымъ формаціямъ соотвѣтствуютъ различные роды растений, придумали и послѣднимъ геологическое подраздѣленіе. Такимъ образомъ, вслѣдствіе чудеснаго сцѣпленія фактовъ и идей, растения послужили земледѣльцу для изслѣдованія общаго характера и химическаго состава почвъ; геологу для опредѣленія горнокаменныхъ породъ, образовавшихъ эти почвы; и, наконецъ, ботанику для узнанія какіе роды растений соотвѣтствуютъ различнымъ почвамъ.

Изъ этого видно, что возрастающая потребность въ удобрительныхъ веществахъ привела къ химическимъ и геологическимъ открытіямъ, которыя опровергаютъ застарѣлые предразсудки, ведутъ къ безчисленнымъ улучшениямъ, и ставятъ хлѣбопашество на степень точной науки.

Цѣль нашей статьи—доказать необходимость удобрительныхъ веществъ въ дѣлѣ хлѣбопашества. Но эта важная отрасль промышленности граничитъ съ другою, не менѣе ея достойною ученыхъ изслѣдованій, и которая ожидаетъ только опредѣленія отношеній между геологическимъ составомъ почвы и растениями ей соотвѣтствующими, для того чтобъ самой стать на высотѣ точныхъ наукъ. Мы говоримъ о скотоводствѣ.

Хлѣбныя зерна, плоды и картофель составляютъ главную пищу человѣка; но, чтобъ удостоиться великой чести питать обладателя природы, они часто должны переходить черезъ рядъ превращеній, принимать видъ молока, масла, сыру и даже видъ животныхъ, какъ на примѣръ рогатаго скота, свиней и тому подобныхъ. Эти превращенія породили новую отрасль промышленности, которая имѣетъ цѣлью получать, изъ извѣстнаго количества растений, наибольшее количество молока, сыру, коровъ, свиней, и тому подобнаго, точно такъ какъ хлѣбопашество заботится объ обильной жатвѣ, при маломъ количествѣ удобрительныхъ веществъ.

Не трудно было замѣтить, что одни роды растений и корней способствуютъ болѣе другихъ утучненію живот-

ныхъ; придаютъ имъ лучшій ростъ и болѣе силы, и щедрѣе другихъ надѣляютъ ихъ молокомъ и масломъ. Эта болѣе или мѣншая питательность растений находится въ прямой зависимости отъ состава почвы, отъ свойствъ удобрительныхъ веществъ, и отъ способовъ обработки земли. Рождается вопросъ: какимъ образомъ этими путями способствовать питательности растений, и можно ли, смотря по-необходимости, придавать имъ то тѣ, то другія свойства?

Растительное вещество, какъ мы уже сказали, заключается въ составѣ своемъ отъ девяноста до девяноста осьми веществъ органическихъ. Разложеніе показало, что первый классъ между ними составляютъ: крахмалъ, смола, сахаръ и нѣкоторыя другія. Второй классъ состоитъ изъ тѣлъ жирныхъ, имѣющихъ въ составѣ своемъ различныя масла, воскъ, каучукъ. Наконецъ третій классъ содержитъ въ себѣ клейковину, бѣлковину, творожину и нѣсколько другихъ, еще неизслѣдоваемыхъ началъ.

Всѣ эти вещества находятся въ большомъ количествѣ во всѣхъ растеніяхъ; но пропорція ихъ измѣняется до безконечности, находясь въ зависимости отъ природы растеній, отъ состава почвы и отъ свойствъ удобрительныхъ веществъ. Эта пропорція бываетъ различна не только въ разнородныхъ, но даже и въ однородныхъ растеніяхъ. Такъ горохъ бываетъ иногда твердъ и не соченъ, картофель мучнистъ и безвкусенъ. Замѣтивъ, что вліяніе питательныхъ веществъ на животный организмъ измѣняется сообразно съ измѣненіемъ этихъ веществъ, обратили вниманіе на химическій составъ животныхъ органовъ; стали рыться въ желудкѣ, разлагать мускулы, толочь кости, и скоро сдѣлалось понятнымъ, какими путями природа превращаетъ грубую матерію почвы, сначала въ тонкія ткани растеній, въ нѣжные и блестящіе цвѣты, потомъ облагораживаетъ ее до человѣческаго организма.

Всѣ животныя вещества, мясо, кости, молоко и другія, подобно почвѣ и растеніямъ, состоятъ изъ веществъ органическихъ и неорганическихъ. Мускулы, сухія жилы и кровь содержатъ въ себѣ послѣднихъ не болѣе двухъ процентовъ; молоко, выпаренное до-суха не болѣе семи, а кости шестьдесятъ шесть.

Часть органическая состоитъ изъ фибрины и жиру. Строгія изслѣдованія показали, что фибрина составомъ своимъ сходна съ клейковинною пшеницы, и что изъ жиру въ некоторыхъ животныхъ можно получить вещество совершенно сходное съ маслами, заключающимися во многихъ растеніяхъ. Такъ же точно нашли, что неорганическая часть содержитъ въ себѣ растворимыя соли и совершенно нерастворимыя вещества, заключающіяся также въ пеплѣ растеній, но въ другой пропорціи. Стебли и листья имѣютъ въ себѣ больше растворимыхъ солей, а зерна и семена больше землястыхъ, фосфористыхъ веществъ.

Эта зависимость, существующая между пищею и ея вліаніемъ на животныхъ, показываетъ, что чѣмъ пища будетъ жирнѣе, тѣмъ и животное даетъ больше жиру и масла; чѣмъ больше будетъ она содержать клейковины, тѣмъ мускулы животного будутъ сильнѣе; наконецъ, чѣмъ больше будетъ въ ней неорганическихъ веществъ, тѣмъ болѣе развита, тѣмъ сильнѣе будетъ система костей.

Зная вліаніе почвы на свойства растеній, легко опредѣлить также свойства помета животныхъ, питающихся этими растеніями. Зная свойства различнаго роду помету, можно, удобряя имъ землю, придавать желаемыя свойства растеніямъ и, по произволу, снабжать ихъ или болѣе большимъ количествомъ жирныхъ веществъ, или клейковинной. Многочисленные опыты, дѣлаемые по этому предмету, безъ сомнѣнія, приведутъ насъ къ важнымъ результатамъ, если земледѣлецъ въ своихъ попыткахъ будетъ руководствоваться указаніями науки.

Мы сказали, что растенія содержатъ въ себѣ много крахмалу и смолы, которые нигдѣ не встрѣчаются въ животномъ организмѣ. Что жъ происходитъ съ ними въ процессѣ питанія? Для чего растенія содержатъ ихъ въ такомъ количествѣ, и какое ихъ назначеніе въ жизни животныхъ?

Съ другой стороны мы видимъ, что животныя постоянно выдыхаютъ въ атмосферу углеродъ въ видѣ угле-кислоты. Откуда же получаютъ они этотъ углеродъ?

Онъ образуется изъ крахмалу и сахару питательныхъ веществъ. Растенія, поглощая угле-кислоту изъ атмосферы, превращаютъ ее въ крахмалъ, смолу и сахаръ; въ легкихъ

животного происходит обратный процесс: въ нихъ эти вещества превращаются снова въ углеродъ, который мы выдыхаемъ въ атмосферу въ видѣ угле-кислоты.

Представивъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ вопросъ хлѣбопашества, мы достаточно объяснили вліяніе химіи на его теорію и доказали важность полученныхъ и еще ожидаемыхъ результатовъ; но для науки недостаточно собрать виѣствѣ всѣ возможныя открытія, всѣ формулы, всѣ истины ея составляющія. Необходима систематическая связь между ними, такъ, чтобъ умъ незамѣтно могъ перейти отъ самыхъ элементарныхъ понятій до самыхъ высокихъ истинъ науки. Это вполне поняли и отчасти исполнили во Франціи, въ Англіи, Германіи, Голландіи, Швеціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавъ сочиненія Либиха, Мюллера, Джонсона и Дюма.

Прискорбно видѣть, что эти сокровища познаній остаются только между немногими избранными. Ни одна теорія не распространялась такъ медленно, какъ теорія хлѣбопашества. Земледѣльцы составляютъ упрямый классъ людей, витающій благоговѣніе къ обветшалымъ предрассудкамъ. «Солнце всегда золотило наши нивы, говорить большая часть земледѣльцевъ, а земля давала растеніямъ соки и жизнь. Это было вчера, это будетъ и завтра: потому наши заботы напрасны; онѣ не помогутъ ни солнцу ни землѣ!» Вотъ разсужденіе, которое изъ хлѣбопашцевъ дѣлаетъ людей совершенно невѣжественныхъ. Странно! На всѣхъ фабрикахъ любой работникъ объяснитъ вамъ подробно устройство находящихся на нихъ машинъ; но вы рѣдко встрѣтите земледѣльца, который бы могъ разсказать вамъ химическій составъ почвы на его поляхъ. Причиною этого невѣжества отчасти недостатокъ средствъ для образованія земледѣльцевъ. Ни въ одномъ университетѣ, ни во Франціи ни въ Англіи, однимъ словомъ, нигдѣ, не преподаютъ вполне науку хлѣбопашества.

Теперь предстоитъ слѣдующія заботы: ускорить распространеніе между хлѣбопашцами существующихъ уже свѣдѣній; содѣйствовать приобрѣтенію новыхъ; и наконецъ по-возможности облегчить приложеніе этихъ свѣдѣній; то

есть, уничтожить преграды, разделяющія книгу ученаго отъ поля земледѣльца.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ обществѣ, образовавшемся въ Шотландіи подъ именемъ Общества Земледѣльческой Химіи. Состоя изъ самыхъ образованныхъ практическихъ агрономовъ Шотландіи, оно вмѣнило себѣ въ обязанность всѣми средствами стараться о быстромъ распространеніи ученыхъ открытій, особенно по части химіи, которая болѣе другихъ наукъ можетъ способствовать успѣхамъ хлѣбопашества. Предсѣдатель этого общества смотритъ на свою обязанность какъ на священное призваніе. объѣзжая провинціи Шотландіи, онъ всюду посѣщаетъ земледѣльцевъ; занимается съ ними изысканіями; собираетъ ихъ къ своей страннической кафедрѣ, устраивая ее то на полѣ, то въ церквѣ, то въ ригахъ. Такимъ образомъ онъ даетъ народу необходимость приложенія къ хлѣбопашеству высшихъ знаній, предсказывая отъ того въ будущемъ великіе успѣхи. Его усилія не остаются тщетными. Земледѣльцы стали съ жадностію раскупать книги и устраивать библіотеки. Для большаго успѣху составленъ для дѣтей земледѣльческой катехизисъ; умы стали возвышаться, облагороживаться наукой, и теперь земледѣльческіе клубы приняли видъ болѣе строгій, болѣе ученый. Прежде они походили скорѣй на клубы гастрономическіе, на которыхъ думали вполне разрѣшать вопросы хлѣбопашества и скотоводства, распивая портеръ и сѣдая жареныхъ быковъ и телятъ. Вторая обязанность общества, искоренять обманы при продажѣ удобрительныхъ веществъ. Съ этой цѣлью въ Единбургѣ устроена обширная лабораторія, въ которой, за незначительную плату, производятся разложенія по желанію земледѣльцевъ. Эта лабораторія оказала уже Шотландіи значительныя услуги.

Окончимъ нашу статью желаніемъ скорого распространенія науки хлѣбопашества. Сдѣлавшись достояніемъ не однихъ избранныхъ, она быстрыми шагами пойдетъ къ дѣйствительнымъ успѣхамъ; потому что терпѣніе, неунынные труды и безчисленныя изысканія, которыя необходимы въ этой наукѣ, превосходятъ силы одного или немногихъ людей.

О. КОМСТАДИУСЪ.

САМОЙ ПРОСТОЙ

САМЫЙ ВЫГОДНЫЙ СПОСОБЪ ОБДѢЛКИ ПРЯДИЛЬНЫХЪ РАСТЕНІЙ.

=

Въ настоящее время, когда много занимаются способами простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений, весьма любопытно было бы для публики знать тѣ способы, которые достаточно испытаны и уже принадлежатъ ей. Въ числѣ этихъ способовъ одинъ въ-особенности заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ сельскихъ хозяевъ: простѣе и выгоднѣе его невозможно ничего придумать, и онъ представляетъ еще то преимущество, что ему можно тотчасъ же выучиться практически: изобрѣтатель его, господинъ Юдинъ (Николай Ильичъ) живетъ во Второй Ротѣ Семеновскаго Полка и преподаетъ уроки всего производства обдѣлки, котораго опи-

саніе представилъ онъ Императорскому Вольному Экономическому Обществу и Императорской Академіи Наукъ.

Способъ этотъ изобрѣтенъ господиномъ Юдинымъ и сотрудникомъ его господиномъ Бочкаревымъ еще въ 1841 году. Въ іюнѣ 1843 года онъ уже дотога былъ усовершенствованъ, что изобрѣтатели заключили-было домашнее условіе съ однимъ вильманстрандскимъ купцомъ для разработки своего изобрѣтенія на общій счетъ. Но проектъ этотъ не состоялся. Впослѣдствіи они безкорыстно пожертвовали имъ на пользу всей Россіи и господинъ Юдинъ рѣшился обучать ему желающихъ. Мы передадимъ нашимъ читателямъ то, чему сами у него выучились.

Способъ господъ Юдина и Бочкарева называется *протыкальнымъ*, отъ главной манипуляціи, составляющей основаніе всѣхъ его удивительныхъ результатовъ. Онъ равно прилагается къ льну, пенькѣ, пѣскони, крапивѣ, какъ и шерсти. Мало этого: посредствомъ его старый смоленый канатъ и гнилая веревка превращаются въ волокно чистое, тонкое и годное для пряденія. Протыкальный способъ раздѣляется на *зорячій* и *холодный*. Холодный раздѣляется еще на два производства, *мокроработное* и *сухоработное*. Мы займемся, на этотъ разъ, только производствами холоднаго способа, какъ самаго простаго и самаго выгоднаго изъ всѣхъ, доннынѣ выдуманыхъ.

Но сперва опредѣлимъ съ точностію, что такое въ обществѣ прядильныхъ растений можетъ называться *самымъ простымъ и самымъ выгоднымъ* способомъ. Посредствомъ вымочки и мялки вы отдѣляете отъ ствола растений все прядильное волокно, составляющее ихъ оболочку. Полученный такимъ образомъ сырецъ льну или пеньки вы треплете, чтобы выбить изъ него кострику, то есть, остатки ствола, и подвергаете ческѣ, посредствомъ щетокъ, чтобы раздѣлить длинное волокно, еще толстое и жесткое на множество тонкихъ и мягкихъ, болѣе способныхъ къ пряденію. При этомъ дѣйствіи извлекаете вы изъ сырца на щеткахъ огромное количество коротенькихъ и спу-

танныхъ волоконцевъ, считаемыхъ за негодныя и извѣстныхъ подъ названіями *очесокъ* или *охлокковъ*. Изъ нуды продажнаго сыраго льну добывается нынче на фабрикахъ не болѣе осми или десяти фунтовъ хорошаго прядильнаго волокна: все остальное, если тутъ не было кострики—охлокковъ, матеріалъ потеранный для пряжи, чистая убыль, причиняемая щетками и чесаніемъ, которыя, раздробляя толстое волокно на тонкія, сильно рвутъ ихъ, укорачивая длину волокна. Какой же теперь, по существу дѣла, можетъ быть *самый выгодный* способъ обдѣлки прядильнаго растенія? На этотъ вопросъ каждый изъ васъ отвѣтитъ: естественно, тотъ, который раздробитъ *все* толстое волокно на тонкое и мягкое, ничего отъ нихъ не отрывая, не производя ни какихъ охлокковъ. Возможно ли это? Господа Юдинъ и Бочкаревъ доказали, что возможно, и—мало этого—это возможно *самымъ простымъ* средствомъ, не требующимъ ни какихъ особенныхъ издержекъ.

Какъ-скоро *все* грубое волокно, содранное со ствола растенія, можно легко и дешево превратить въ отличное прядильное волокно, тонкое, мягкое и длинное, такъ скоро способъ господъ Юдина и Бочкарева прилагается въ равной мѣрѣ ко всѣмъ прядильнымъ растеніямъ, и сверхъ-того, къ шерсти, къ старымъ канатамъ, веревкамъ, и прочая, такъ это долженъ быть не только самый простой и самый выгодный, но еще и *самый совершенный* изъ всѣхъ возможныхъ способовъ. Онъ долженъ составить настоящую эпоху въ промышленности и народномъ богатствѣ. Мы сейчасъ объяснимъ въ чемъ сила.

Только-что говорили мы о длинѣ волокна, какъ объ его преимуществѣ. Къ длинѣ, нужно еще присоединить крѣпость. Чѣмъ длиннѣе и крѣпче прядильное волокно, въ то же время тонкое и мягкое, тѣмъ оно драгоцѣннѣе. Волокно пеньковаго растенія и длиннѣе и несравненно крѣпче волокна льнянаго. Отчего же ленъ дороже пеньки? Оттого, что стволъ льнянаго растенія товшее, оболочка его вѣжнѣе, оно меньше напитано вязкими веществами,

и легко раздробляется на тонкія и мягкія волоконца: нитка черезъ это выводитъ ровнѣе и гибче; ткань пріятнѣе на обшиваніе. Напротивъ, въ волокнѣ пеньковаго растенія фибры крѣпко связаны этими веществами, которыя придаютъ ему жесткость и дѣлаютъ почти неспособнымъ къ пражѣ. Пенька, по причинѣ этого недостатку, продается за безцѣнокъ и служитъ только для грубыхъ употребленій. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ входитъ она въ тонкія ткани, то обдѣлка ея для этой цѣли такъ затруднительна, охлопковъ столько, что ткань становится чрезвычайно дорога. Найдите простое и дешевое средство вывести изъ пеньковаго сырца вязкія вещества, такъ чтобы грубое волокно, и притомъ еще все волокно, легко раздроблялось на тонкія и мягкія волоконца, не лишаясь своей длины и крѣпости, не давая охлопковъ, вы произведете переворотъ въ промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ. Ковопляная нитка будетъ тогда такъ же гибка какъ и льняная, но она всегда превзойдетъ льняную крѣпостью и будетъ ей предпочитаема. Другими словами, пудъ пеньки, которая теперь продается на рынкѣ по полтора рубля серебромъ, приобрететъ при передѣлкѣ въ нитки цѣнность въ шестьдесятъ рублей серебромъ и болѣе. Это простое и дешевое средство окончательно найдено господами Юдинымъ и Бочкаревымъ. Оно валялось подъ ногами: никто не умѣлъ подобрать его.

Снятое съ растенія волокно пеньки, льну, поскони или крапивы, господа Юдинъ и Бочкаревъ погружаютъ сперва въ растворъ синеватой глины, которая находится повсюду въ Россіи. Растворъ этотъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ: онъ не только разлагаетъ вязущія начала, безъ вреда для прочности фибры, но и совершенно уничтожаетъ отвратительное зловоніе при первой вымочкѣ стволонъ, зловоніе столь вредное для здоровья, столь убійственное для рыбъ. Волокно выходитъ изъ раствору мягкое; нѣжное и прочное. Грубая русская шерсть приобретаетъ въ немъ точно такую же мягкость и вязкость. Сила его такова, что смоленый канатъ и старая

веревка очищается въ печь отъ смолы и другихъ жидкихъ прикисовъ и даютъ, при протыкальной обработкѣ, вполне хорошаго достоинства, годное для пряденія.

Послѣ того изобрѣтатели подвергаютъ скрученный сырецъ ударамъ желѣза до степени разгоряченія.

Наконецъ волокно поступаетъ подъ протыкальныя гребенки особенныхъ формъ и различныхъ назначеній. Щетки и чесаніе совершенно устранены, какъ причина порчи и источникъ охлопковъ. Чесать отнюдь не должно: надо *проткнуть* волокно въ сердце. Это совершенно ручная и совершенно женская и дѣтская работа. Подъ быстрыми и легкими ударами протыкальныхъ гребенковъ, волокно размельчается на тончайшія фибры безъ разрывовъ, безъ порчи, и если работницы опытны, искусны, совсѣмъ безъ охлопковъ, то есть, безъ всякой убыли прядильнаго матеріалу. Всѣ выбитыя гребенками и обращенной въ пыль конструкции, если она находилась въ сырцѣ, составляетъ единственную разницу между его вѣсомъ и вѣсомъ отличнѣйшаго прядильнаго волокна. Даже при менѣе тщательномъ протыканіи и посредственномъ сортѣ сырцу, получается изъ пуда тридцать фунтовъ прядильнаго волокна самаго высокаго достоинства и пять фунтовъ охлопки, совершенно похожей на хлопчатую бумагу и также годной для пряденія. Когда такъ обдѣланное волокно еще выбѣлено простыми средствами изобрѣтателей, тогда пенька совершенно похожа на шелкъ: различить нельзя! Образцы результатовъ этой чудной обдѣлки можно видѣть въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина: заглядѣніе и удивленіе!

Безъ рисунковъ, которые не могли быть изготовлены къ нынѣшней книжкѣ, напрасно было бы подробнѣе описывать производство. Но Январская книжка «Библіотеки для Чтенія» вполне удовлетворитъ любопытство читателей. Между-тѣмъ, желающіе ближе познакомиться съ самыми простымъ и самымъ выгоднымъ способомъ обдѣлки прядильныхъ растений, которому во всякомъ случаѣ нужно учиться практически, могутъ обратиться къ господину

Юдину. Преподаваемые имъ уроки стоить за весь курсъ не болѣе десяти рублей серебромъ. Онъ также принимаетъ къ себѣ въ ученіе крестьянъ и крестьянокъ и не отказывается, для кого угодно, ѣхать на-мѣсто въ деревню съ тою же цѣлью.

=

О РАЗВИТІИ ТОРГОВОГО СООБЩЕНІЯ МЕЖДУ ОБЬЮ И ПЕЧОРОЮ.

=

Нѣ-разъ уже были снаряжаемы морскія экспедиціи для торговаго пути между Обью и Бѣлымъ Моремъ, но всѣ онѣ оставались безъ успѣху, потому что проѣздъ черезъ Вайгацкій Проливъ сопряженъ съ большими затрудненіями отъ полярныхъ льдовъ, загромождающихъ всегда почти оба рукава Пролива, Карскія Ворота, и Югорскій Шаръ. Правда, нѣкоторымъ морякамъ удавалось проходить черезъ эти опасныя мѣста, но это морскіе подвиги, которые не могли служить примѣромъ для торговыхъ сообщеній.

Бассейны рѣкъ Оби и Печоры лежатъ недалеко одинъ отъ другаго, но ихъ раздѣляетъ неодолимая для гидравлическихъ работъ преграда — каменистый гребень Урала. Такимъ образомъ для сообщенія между двумя рѣками, остается одно средство: *сѣверные олени*. Силы ихъ можно употребить съ пользою для развитія торговаго сообщенія между пустоозерскимъ портомъ и центральной Сибирью, черезъ печорскія тундры и хребетъ Уральскій до Березова, а оттуда по Оби и обскому притоку Кети, въ хлѣбородныя губерніи енисейскую и томскую.

Это предположеніе основано на слѣдующихъ данныхъ. Въ мезенскихъ тундрахъ пасется до двухъ сотъ тысячъ, теперь праздныхъ, ручныхъ оленей; между-тѣмъ, что эти животныя способны къ извозу, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія. На нихъ зимою казна перевозить спиртъ, соль и хлѣбъ, изъ мезенскихъ магазиновъ въ печорскія дальнія волости; нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что черезъ ущелья Уральскихъ Горъ пролегаетъ путь, удобный для ѣзды на оленяхъ, потому что Ижемскіе Зыряне на оленяхъ проѣзжаютъ ежегодно черезъ Уралъ съ тяжелыми нартами въ Сибирь, для торгу съ Обдорскими Самоѣдами и Березовскими Остяками, а оттуда безъ всякихъ дорогъ по горамъ, по тундрамъ и вѣковымъ лѣсамъ, быстро развозятъ товары свои на сельскія ярмарки, существующія въ уѣздахъ яренскомъ и устьсысольскомъ вологодской губерніи.

Для такихъ летучихъ транспортовъ, не нужны ни постоянныя дворы, ни даже фуражныя издержки, потому что на роздыхъ, олени повсюду находятъ кормъ подножный, а хозяева ихъ, привыкшіе къ бродячей жизни, подъ открытымъ небомъ раскладываютъ свой чумъ, и живутъ не хуже чѣмъ дома.

Въ торговомъ отношеніи, какъ двигатели народнаго богатства, ни аравійскіе верблюды, ни перуанскія ламы, не могутъ сравниться съ нашими оленями: чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно только сравнить перевозку на оленяхъ съ перевозкою на лошадяхъ. Ямская лошадь стѣитъ двѣсти рублей ассигнаціями; она свезетъ тридцать пудовъ клади, и нерѣдко платою, полученною за извозъ, едва окупаетъ путевое продовольствіе. На тѣ же деньги въ мезенскихъ тундрахъ, можно купить двадцать оленей, а полагая по малой мѣрѣ восемь пудовъ на каждое, эти олени свезли бы сто шестьдесятъ пудовъ тяжести безъ всякихъ расходовъ: слѣдственно, извозъ на лошадяхъ обходится дороже оленьяго по-крайней-мѣрѣ въ пять-шесть разъ; то есть, что перевозка товаровъ гужомъ съ известнаго пункта внутри Россіи на двѣсти верстъ, стѣитъ то же самое, что въ тундрахъ на тысячу верстъ.

Для большей ясности сравнимъ еще перевозку морскую съ перевозкою на оленяхъ. Бѣломорская ладь, поднимающая четыре тысячи пудовъ груза, стѣитъ обыкновенно пять тысячъ рублей. На эти деньги можно купить пять сотъ оленей, которые свезутъ въ одинъ рейсъ то же количество тяжести; но ладь подвержена крушенію, требуетъ ежегоднаго ремонта, а отъ времени приходитъ въ ветхость; между-тѣмъ какъ стадо оленей отъ приплода обновляется съ прибыткомъ, и послѣ лѣтнаго приволя съ новой бодростью готово на зимнюю службу. А притомъ на извѣстномъ пространствѣ, ладь втеченіи короткой навигаціи, не совершитъ столько рейсовъ лѣтомъ, сколько ихъ сдѣлаютъ олени зимою. Уходъ же за стадомъ стѣитъ не дороже содержанія на суднѣ матросовъ.

При такихъ сильныхъ средствахъ для сообщенія съ Березовымъ, какъ не подумать о торговлѣ съ Томскомъ и Енисейскомъ, Эльдорадомъ Сибири, гдѣ туземныя произведенія въ застоѣ, и ждутъ только торговаго истоку, для обогащенія смѣтливой предприимчивости!

Но кто первый предприметъ этотъ благодѣтельный подвигъ? Для частнаго человѣка это невозможно. Остается прибѣгнуть къ средству, которымъ въ наше время совершается такъ много великаго. Чтѣ недоступно для частнаго человѣка, то легко для общества акціонеровъ.

Для приведенія въ дѣйствіе такого предпріятія, потребуется капиталъ не болѣе четырехъ сотъ тысячъ рублей серебромъ: на первоначальное производство торга сибирскими произведеніями съ иностранными государствами, на заведеніе бригговъ, шкунъ, и другихъ транспортныхъ судовъ, для каботажнаго плаванія, и перевозки товаровъ, по Большой Печорѣ, наконецъ на устройство оленьяго торговаго пути.

Вотъ примѣрный расчетъ издержекъ, на ассигнаціи. На покупку тринадцати тысячъ оленей потребуются 130,000 рублей. Такое стадо купить не трудно, потому что въ мезенскихъ тундрахъ убивается ежегодно до пятидесяти тысячъ оленей для продажи шкуръ; сверхъ-то

го, на восточной сторонѣ Урала водятся также многочисленныя стада этихъ животныхъ, у Остяковъ и Самоѣдовъ.

Къ оленямъ надобно приставить пастуховъ изъ бѣдныхъ и «безоленныхъ» Самоѣдовъ, полагая по одному семейству при каждой сотнѣ оленей, съ производствомъ жалованья въ годъ по двѣсти рублей на семейство, а всего, на сто тридцать семействъ 26,000 рублей.

Набрать пастуховъ будетъ весьма легко, потому что въ лапландскихъ и мезенскихъ тундрахъ, «безоленныхъ» инородцевъ теперь множество: нерѣдко они изъ одного хлѣба живутъ у Зырянъ и Русскихъ; — а здѣсь будутъ получать хорошее жалованье, и кромѣ-того, въ лѣтнее время, надзирая за стадами, могутъ еще заниматься своими промыслами и работами.

Въ архангельской губерніи Лопари и Карелы сами ѣздить, и тяжести перевозятъ на такъ-называемыхъ керѣжахъ, небольшихъ лодкахъ, скользящихъ по снѣгу, а Самоѣды и Зыряне на санкахъ, съ легкими, какъ лыжи, березовыми полозьями, которые подбиваются тюленьими шкурами шерстью внизъ, для того, чтобы въ раскатахъ не скользили, а въ горахъ назадъ не подавались.

Нельзя не отдать преимущества самоѣдскимъ нартамъ передъ лопарскими керѣжками; но упряжь тѣхъ и другихъ, вообще никуда не годится. Вотъ въ чемъ состоитъ она. Къ санкамъ привязывается ремень, который проводится между ногами оленя, и обвивши кольцомъ шею, застегивается на груди деревяннымъ костылькомъ. Этотъ ремень въ ѣздѣ третъ брюхо, шею животного и хлещетъ его по ногамъ.

Извѣстно, что ручныя олени добродѣтельны, и къ тресировкѣ очень способны. Въ лѣсу они сбѣгаются на кликъ своего вожатаго, а въ ѣздѣ смиренны и послушны; а потому весьма легко можно приучить ихъ ходить въ шорахъ и въ дышлѣ. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ кемскихъ мѣщанъ начали запрягать оленей какъ ло-

шадой, въ обыкновенныя сани, съ легкимъ хомутомъ и дугою. Авторъ этой статьи самъ ѣздилъ на такомъ оленѣ до шуйской станціи, и несмотря на то, что въ сѣдокѣ съ дюжимъ ямщикомъ было по-крайней-мѣрѣ нудовъ десять, олень везъ ихъ бодрою рысью, и въ полтора часа пробѣжалъ двадцать четыре версты. На-легкѣ инородцы дѣлаютъ версть по сту, и по полтора ста въ упряжку. Ижемскіе Зыряне, напримѣръ, разъ только на пути перемѣняютъ оленей, посиѣвають на нихъ въ Березовъ въ четвертую упряжку, а отъ Ижмы до Березова шесть сотъ верстъ!

Въ обозахъ съ кладью, олени идутъ тихо, версть по тридцати въ день. Причиною этого то, что олени нерѣдко везутъ тяжести не по-силамъ: напримѣръ, ихъ запрягаютъ тройку и пару даже, подъ сорокаведерную бочку свирту, что составитъ тридцать или двадцать нудовъ на оленя, между-тѣмъ какъ безъ натуги онъ везетъ только девять. Негодная упряжь умалетъ сверхъ-того его силы. Въ бураны на ночлегахъ, нарты запоситъ сиѣжными сумѣтами; и въ такихъ случаяхъ ямщики теряютъ много времени, выгребая грузы изъ-подъ снѣгу. Во всѣхъ разѣздахъ, олени довольствуются подножнымъ кормомъ, а потому въ пути выбираютъ не прямую и ровную мѣстность, а такую, гдѣ водится олений мохъ. Много также тратится времени на устанавливаніе на ночлегахъ чумовъ, и на уборку ихъ съ мѣста при отправленіи въ путь каравановъ. Не мало времени проходитъ и въ сборѣ разсѣяннаго на пастбищѣ стада. Словомъ, такъ ѣздить можетъ только одна Чудь, а въ торговомъ сообщеніи на оленяхъ, необходимо ввести нѣкоторыя усовершенствованія. Напримѣръ, для того чтобы товаровъ не заносило на ночлегахъ снѣгомъ, надобно построить по дорогѣ сарай; чтобы Сажомѣды не теряли времени на поставку и уборку своихъ чумовъ, устроить для нихъ готовые на всякой станціи; и, наконецъ, улучшить упряжь, и чтобы олени у пастуховъ всегда были подъ рукою, а на ночлегахъ находили готовую пищу; завести шалаши съ запасомъ оленьяго моху.

Бѣлый мохъ (*сенопусе rangiferina*) единственная пища

ручных оленей. Онъ водится изобильно въ сѣверныхъ лѣсахъ и тундрахъ, покрывая почву на большихъ пространствахъ такъ густо, что никакое растеніе между мохомъ прозябать не можетъ. Вѣломорскіе крестьяне заготавливаютъ бѣлый мохъ въ большомъ количествѣ на зиму, и кормятъ имъ не только оленей, но даже овецъ и рогатый скотъ, для подспорья сѣну. Отъ лежанія оленій мохъ ни сколько не портится, и хранится обыкновенно на открытомъ воздухѣ. Само собою разумѣется, что отъ частой ѣзды каравановъ по одной чертѣ, образуется дорога, по которой олени будутъ ходить легче и скорѣе чѣмъ по снѣжнымъ сугробамъ.

Но возвратимся къ нашему примѣрному вычисленію. На заготовленіе десяти тысячъ самоѣдскихъ санокъ или нартъ, съ приборомъ, потребуется пятнадцать тысячъ рублей. На ближайшемъ судоходномъ пунктѣ печорскаго бассейна, на примѣръ отъ Березова, близъ устья рѣки Колвы въ Усу, надобно устроить складочные для товаровъ амбары; такіе же амбары построятъ и въ другихъ пунктахъ пути, а именно: въ пустоозерской гавани, и въ Березовѣ, на обскомъ притоцѣ, Сосвѣ. Судя по дешевизнѣ въ тѣхъ мѣстахъ лѣсныхъ матеріаловъ—амбары будутъ стоить десять тысячъ рублей.

Для надзора за стадами и амбарами надобно имѣть трехъ приказчиковъ, и положить имъ жалованья всѣмъ тремъ двѣ тысячи рублей. Караульщиками могутъ быть пастухи по очереди. Три тысячи оленей необходимо отдѣлать въ запасъ, для замѣны въ пути усталыхъ, и размѣститъ между Усть-Колвою и Березовымъ въ десяти пунктахъ, по триста головъ на каждой станціи, съ тремя чумами запасныхъ пастуховъ. На всѣхъ станціяхъ слѣдуетъ устроить деревянные сараи, для нартъ съ товарами, и шалаши съ запаснымъ мохомъ. Мохъ этотъ надрать и навозить на мѣста, могутъ свои пастухи до начала зимней перевозки, а устройство сараевъ и шалашей будетъ стоить десять тысячъ рублей.

Всего расходу съ вкладочнымъ капиталомъ потребуется около двухъ сотъ тысячъ рублей.

Отъ Березова до Усть-Колвы, черезъ прорѣзы Урала, будетъ около двухъ сотъ верстъ. Этотъ путь можно еще сократить, подымая грузы изъ Оби, вверхъ по рѣкѣ Сынь, или Сосвѣ, до возможнаго судоходнаго пункта, ближе къ восточному скату Урала. На этой оси протяженія, олени караваны втеченія пяти зимнихъ мѣсяцевъ, легко могутъ сдѣлать десять рейсовъ, съ раздыхомъ по пяти дней, послѣ каждой поѣздки. Слѣдовательно, если употребить для перевозки товаровъ десять тысячъ оленей, то они свезутъ въ одну зиму осемь сотъ тысячъ пудовъ клади, а считая по двадцати пяти копѣекъ ассигнаціями съ пуда, заработаютъ двѣсти тысячъ рублей, то есть окупятъ свою стоимость, всѣ расходы, и сверхъ-того доставятъ на непредвидимыя надобности шесть тысячъ шесть сотъ рублей ассигнаціями.

Изъ Усть-Колвы до пустоозерскаго рейда, по тундрамъ, оленьимъ путемъ, двѣсти пятьдесятъ верстъ, а водою, по Большой Печорѣ и частью по Усѣ, пятьсотъ. И такъ, изъ Усть-Колвы на морскую пристань, можно двигать товары или на другой партіи олепей, или на плотяхъ, и парусныхъ своихъ судахъ, какъ выгодноѣе окажется.

Для иностранцевъ пустоозерской портъ удобнѣе архангельскаго, потому что отъ Нордъ-Капа къ устью Печоры ходъ прямой, однимъ вѣтромъ, а для плаванія оттуда въ Архангельскъ, нужно ихъ четыре. Притомъ горло Бѣлаго Моря часто загромождается льдами до іюня; а въ Сѣверномъ Океанѣ навигація начинается гораздо ранѣе. Наконецъ для починки кораблей на Печорѣ, лѣсные матеріалы будутъ дешевле, и самое продовольствіе матросовъ будетъ стоять менѣе въ краю отдаленномъ, но изобилующемъ всякаго роду рыбою, дичью и мясомъ.

Впрочемъ извѣстно, какихъ усилій стоило Петру Первому привлечь иностранное мореходство къ санктпетербургскому порту. Можетъ-быть, и въ настоящемъ случаѣ, иностранцы, по непривычкѣ, затруднятся посылать свои корабли на Печору. Тогда товары можно будетъ отправлять на своихъ каботажныхъ судахъ, въ попутныя

для нихъ гавани; напримѣръ на Кильдинъ Островъ, или въ бухту Юканку, гдѣ есть отличныя якорныя мѣста, безопасныя отъ всѣхъ вѣтровъ.

Примѣръ новой каботажной флотиліи, возникшей изъ бесполезныхъ до нынѣ печорскихъ лѣсовъ, благотѣльно подѣйствуетъ на закоснѣлое упрямство бѣломорскихъ земляковъ, которые еще не покинули норманнского способа постройки и оснастки своихъ ладей. Русскому только первый шагъ труденъ; а тамъ отъ брига до корабля, и отъ Нордъ-Капа до Шѣмецкаго Моря, онъ и самъ найдеть дорогу.

Центральная Сибирь, щедро одаренная изобиліемъ во всѣхъ царствахъ природы, по чрезвычайной отдаленности своей отъ приморскихъ рынковъ, доставляетъ туда одни лишь цѣнные товары; а продукты громоздкіе и малоцѣнные, пшеницу, шерсть, кожи, сало, масло, и прочее, по дороговизнѣ перевозки, остаются на мѣстѣ. Но, если произведенія изъ этого дальняго края, не могутъ доставляться къ черноморскимъ и балтійскимъ портамъ, то ихъ весьма удобно можно привозить по обской системѣ въ Березовъ, на плотахъ, баркахъ, флашкоутахъ, павозкахъ, или другаго рода судахъ, принаровленныхъ къ тамошнимъ водамъ. Для удостовѣренія въ этомъ, взглянемъ на сообщеніе сибирскихъ рѣкъ съ Березовымъ, и на разстояніе различныхъ городовъ отъ этого пункта, и отъ петербургскаго порта.

Березовъ, какъ извѣстно, лежитъ на обскомъ притока къ Сосвѣ, въ двадцати верстахъ отъ Оби, которая происходитъ отъ слиянія двухъ рѣкъ, Бии и Катуньи. Эта величественная рѣка на всемъ протяженіи, отъ южныхъ предѣловъ Сибири до впаденія своего въ Ледовитое Море, не имѣетъ пороговъ; вездѣ судоходна, и мѣстами въ узкихъ берегахъ, течетъ такъ быстро, какъ Волга. Обь принимаетъ въ себя много важныхъ притоковъ: Иртышъ, Кеть, Томь; а сообщаясь черезъ нихъ съ другими рѣками, удобно можетъ доставлять въ Березовъ произведенія и тяжести не только изъ всей Сибири, но если

бы развитіе дѣль торговыхъ того потребовало, то и произведенія Китая, и самой Индіи, черезъ Бухарию, или Джиддѣтай.

Сравнительное разстояніе сибирскихъ городовъ отъ Березова водозъ, а отъ С. Николаевга по почтовому тракту.

	Отъ Березова верстъ.	Отъ С. Николаевга верстъ.
Сургутъ, по Оби.....	500.	3810.
Нарынъ, по Оби.....	1100.	4937.
Томскъ, по Оби и верстъ шестьдесятъ по Томѣ.....	1500.	4467.
Колывань, по Оби.....	1700.	4255.
Енисейскъ, по Оби и Кети, включая тутъ же и не- большой маковской во- локъ, лежащій между бас- сейнами рѣкъ Кети и Ени- селъ.....	1800.	5360.
Кузнецкъ, по Томѣ и Оби...	1850.	4740.
Ачинскъ, который стоить на обскомъ притоцкѣ, Чулымѣ, впадающемъ въ Обь ниже Томска.....	1900.	4853.
Барнаулъ, по Оби.....	2000.	4491.
Тобольскъ, по Иртышу и Оби.....	1000.	2948.
Тара, по Иртышу и Оби....	1350.	3525.
Ишимъ, по Ишимѣ, Ирты- шу и Оби.....	1400.	3353.
Омскъ, по Иртышу и Оби..	1600.	3550.
Семикалатинскъ, по Ирты- шу.....	2300.	4230.
Бійскъ, по Оби.....	2200.	4643.
Красноярскъ, по Енисею, до Енисейска, а отгуда черезъ маковскую при- стань по Оби.....	2200.	5019.
Бухтарма, по Иртышу и по Оби.....	2600.	4527.

Слѣдовательно, полагая вынѣзъ по теченію рѣкъ по сѣмидесяти верстѣ хода въ сутки, караваны судоходныя могутъ поспѣвать въ Березовъ, изъ ближайшихъ уѣздовъ, въ двѣ и три недѣли, а изъ южныхъ концовъ Сибири съ небольшими въ мѣсяцъ, и при пособіи парохоловъ, которые уже появились на сибирскихъ водахъ, развозить обратно въ ту же навигацію по мѣстамъ товары заграничные, доставленные зимою на оленяхъ. Перевозка водная съ пуда, будетъ стоить, приблизительно, двадцать и тридцать копѣекъ ассигнаціями изъ ближней полосы Сибири къ Березову и сорокъ или пятьдесятъ изъ дальней, судя потому что изъ ношульской пристани, отстоящей отъ Архангельска почти въ такомъ же разстояніи какъ Томскъ отъ Березова, доставка товаровъ къ архангельскому порту на баркахъ, стоить не болѣе двадцати копѣекъ ассигнаціями съ пуда. При такомъ сравненіи на сторонѣ сибирскаго судоходства будетъ еще и та выгода, что суда тамъ строятся безъ платы попенныхъ денегъ, и рѣки обильнѣе водою, чѣмъ Югъ и Луза, по которымъ идутъ архангельскія барки.

Этотъ выводъ подкрѣпляется слѣдующими фактами. Обьская барка шестиугольная, имѣющая въ длину пятнадцать, въ ширину пять сажень, подымаетъ грузу пятнадцать тысячъ пудовъ, служитъ на одинъ рейсъ и стоить, со снарядомъ, не дороже тысячи рублей ассигнаціями. На ней рабочихъ бываетъ до пятидесяти человекъ, за сплавъ до Березова имъ платится пять тысячъ рублей; всего расхода шесть тысячъ: слѣдовательно, по сорока копѣекъ ассигнаціями съ пуда отъ Барнаула, близъ котораго строятся такія барки. На Иртышѣ, въ окрестностяхъ Семипалатинска, строятся барки длиною въ двадцать пять сажень, а въ ширину шесть. Эти барки ходятъ до низовья Иртыша, подымаютъ до тридцати осьми тысячъ пудовъ грузу, служатъ на нѣсколько лѣтъ и со снарядомъ стоятъ около трехъ тысячъ рублей ассигнаціями. Рабочихъ на нихъ бываетъ до ста человекъ; за сплавъ платятъ десять тысячъ, всего расходу тринадцать тысячъ рублей.

Слѣдовательно, за перевозку съ пуда изъ Семипалатинска это составитъ около тридцати-пяти копѣекъ ассигнаціями съ пуда.

Изъ всѣхъ сибирскихъ рѣчныхъ судовъ, для нашей цѣли, удобнѣйшими будутъ обьскіе флашкоуты, и коряковскія барки, которыя казна употребляетъ для перевозки соли отъ коряковского форпоста до Тобольска и Тюмени; потому что при дешевизнѣ и крѣпкой конструкціи, суда эти ходятъ на парусахъ, и противъ теченія, слѣдовательно, доставивъ товары въ Березовъ, могутъ перевозить и оттуда обратно.

И такъ перевозка сибирскихъ товаровъ на Печору, водянымъ и оленьимъ путемъ, будетъ стоить отъ сорока-пяти до семидесяти-пяти копѣекъ ассигнаціями съ пуда.

Здѣсь надобно замѣтить, что этимъ путемъ могутъ доставляться не только сырыя произведенія сельскаго хозяйства Сибири, но и самые кяхтинскіе товары, потому что изъ Кяхты до Березова, есть сообщеніе водяное: по Байкалу, Ангарѣ, и Енисею до Енисейска въ тысячу пятьсотъ верстъ; а оттуда, какъ выше сказано, тысячу осемьсотъ; всего три тысячи триста верстъ.

Можетъ-быть, современемъ Норвежцы, Шведы, или другіе народы, которые получаютъ теперь ремень, шелкъ и чай, изъ Англіи и Соединенныхъ-Штатовъ, найдутъ для себя полезнымъ доставать обьскимъ путемъ эти товары прямо отъ Китайцевъ, съ платежемъ справедливой пошлины за транзитъ черезъ Россію. Но ужъ не говоря объ этомъ, довольно и того, что изъ Сибири можно доставлять весьма сходно и удобно, оленьимъ путемъ, на Печору для заморскаго отпуска: кожи, сало, масло, отличную пшеницу, льняное сѣмя, крупу, мамонтовую кость, бѣлку, и прочее и обратно оттуда пересылать на оленяхъ въ Березовъ для отправленія въ Сибирь: деревянное масло, кофе, сахаръ, индиго, пряныя коренья, вина, издѣлія шелковыя, шерстяныя, льняныя, бумажныя; словомъ, всѣ тѣ потребности, которыя обьская часть Сибири выписываетъ теперь дальнимъ путемъ, и съ дорогою пла-

тою за провозъ, между-тѣмъ какъ архангельскія гавани несравненно ближе къ этому краю и для сообщенія съ ними есть отличные пути — водяные и оленьи.

Объ этомъ стоитъ подумать.

Г. ВОСКРЕСЛАВЪ.

=

V.

КРИТИКА.

=

ИНКВИЗИЦІЯ. Сочиненіе Галлуа, перевелъ съ французскаго В. Модестовъ. Сп.-бургъ, въ тип. Военно-Учебныхъ заведеній, 1845 года, въ 16, стр. XII—220—152.

Есть нѣкоторыя слова, которымъ приданъ какой-то всеобщій, простионародный смыслъ, и которыя въ этомъ смыслѣ, перешли во всѣ языки. Ихъ произносятъ не зная хорошо, что ими выражается и что собственно они значатъ. Таковы, на примѣръ слова: *Макиавель* и *Инквизиція*. Подъ именемъ перваго разумѣютъ какого-то злодѣя, который явно проповѣдывалъ разрушеніе всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, и котораго проклинали народы и властители ихъ. Если бывали злодѣи, то всё-таки они совѣстились признаться въ своихъ злодѣйскихъ правилахъ. Макиавель, напро-

тивъ, безстыдно сознавался въ нихъ, и написалъ книгу о томъ, какъ плутовать и мошенничать. Такъ «инквизицію» воображаютъ какимъ-то страшлищемъ католической религiи, чудовищнымъ созданиемъ изувѣрства, адскимъ изобрѣтенiемъ, которое ругалось надъ всѣми правами, надъ всѣми священными связями общества и человѣчества, жгло на кострахъ, душило въ темницахъ, пытало неслыханными пытками людей, и истребило ихъ безсчетное множество. *Макиавелизмъ, инквизиція!* попробуйте разуверить людей въ ошибочномъ смыслѣ этихъ словъ, и вы увидите, какъ не легко подобное дѣло, какъ трудно заставить людей разстаться съ тѣмъ, въ чемъ они издавна увѣрились. Попытайтесь изъяснить, что Макиавель былъ одинъ изъ генiальныхъ людей своего вѣка, что жизнь его протекала въ скорбяхъ, страданiяхъ, трудахъ на пользу отечества, бѣдности, что уединясь наконецъ отъ людей, онъ посвятилъ себя наукѣ, оставилъ нѣсколько великихъ созданий, что общее добро и благо руководило имъ въ сочиненiи, которое считаютъ позорнымъ не только для его имени, но даже для Италiи, даже для цѣлаго человѣчества, и что, наконецъ, духъ и сущность творенiя Макиавелева изъясняются вѣкомъ его, какъ вѣкомъ изъясняются творенiя Монтескьё и Беккаринъ — вамъ не повѣрять, какъ ни ясны будутъ ваши доказательства. Такъ, если вы скажете, что «инквизиція» было одно изъ учрежденiй среднихъ вѣковъ, ни чуть не страшнѣе другихъ, и отнюдь не болѣе, но гораздо менѣе другихъ губившее человѣчество; что вовсе не должно приписывать зла, имъ причиненнаго, религiи, но должно отвести бѣдствiя, какiя произвело оно, къ злоупотребленiю политическому; что учрежденiе «инквизицiи» изъясняется духомъ времени, когда, и мѣстностью, гдѣ утвердилось оно — вы разрушите одну изъ любимыхъ сказокъ народнаго воображенiя, и вамъ не захотятъ вѣрить.

Зачѣмъ линаете вы насъ романтическихъ, закутаныхъ въ черныя платья, закрытыхъ маснами доминиканцевъ; мрачныхъ подземельевъ, гдѣ при звукахъ цѣпей, раздаются вопли жертвъ, обвиненныхъ невидимыми судьями; торжественныхъ процессій аутодафе, гдѣ съ восковыми свѣчами въ рукахъ, въ платьяхъ, испещренныхъ чертами и изображениями огня, въ савакахъ, идутъ на костры тысячи, десятки тысячъ народа! Что можете придумать воображеніе страшнѣе, безчеловѣчнѣе; что-нибудь болѣе торжественное, болѣе романтическое, какъ инквизиція! Болѣе романтическое — вотъ гдѣ вся загадка! Впрочемъ, инквизицію сдѣлали народною идеею французскіе философы осмнадцатаго вѣка. Она была любимымъ конькомъ, на которомъ они въздили; вѣрнымъ оружіемъ противъ того, съ чѣмъ они сражались. Можете ли вы защитить то, что проназвало инквизицію? спрашивали они, и начинали изображать ужасы инквизиціонныя, разумѣется, прибавляя все, что было нужно для темнаго колорита картины. Тогда люди вѣрили еще на-слово печатному. Счастливыя вѣкъ, который танцевалъ, когда земля дрожала у него подъ ногами, который въ будоарѣ красавицъ разрешалъ тайны философин, и такъ же важно спорилъ о Глюкѣ и Пиччини, о красныхъ каблукахъ, и модной прическѣ, какъ о правахъ чловѣка; не вѣрилъ ни чему, и давалъ себя дурачить Сень-Жерменамъ, Месмерамъ, Кальіостро, и соглашался съ Жанъ-Жакомъ Руссо, что люди развратились съ-тѣхъ-поръ, какъ перестали ходить на четверенькахъ, съ важностью рассуждая о томъ, что было бы съ людьми, если бы у нихъ, вмѣсто кистей руки, были копыта?

Нашъ вѣкъ взыскательнѣе, время романовъ пережито. На слова требуютъ доказательствъ, на идею математическихъ выкладокъ.

Критической исторіи «инквизиціи», еще не написано. Все, что было говорено объ ней прежде, состояло въ сборникахъ нѣсколькихъ фактовъ, въ разказахъ людей, изображавшихъ свои страданія въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ, описаніяхъ путешественниковъ, выдавшихъ испанскія аутодафе, и въ романахъ, которые составляла досужая литературная промышленность. Первыя достовѣрныя извѣстія далъ намъ Донъ Жуанъ Антоніо *Llorente*. Родившійся въ 1756 году, въ Старой Кастиліи, онъ поступилъ въ духовное званіе, и въ 1785 году сдѣлался комиссаромъ логроньской инквизиціи. Философія французская проникла тогда въ Испанію, и благочестивый комиссаръ инквизиціи сдѣлался жаркимъ ея приверженцемъ, до того, что обратилъ на себя вниманіе, и даже преслѣдованіе инквизиціи, получивъ за нѣсколько лѣтъ прежде позволеніе писать ея исторію, вслѣдствіе чего открыты были ему всѣ инквизиціонныя архивы. Либералы испанскіе спасли Лоренте. Онъ отбѣжался тѣмъ, что просидѣлъ десять дней въ тюрьмѣ монастыря доминиканцевъ, пробылъ мѣсяць на покаяніи въ Калагорскомъ Монастырѣ, былъ отставленъ отъ своей должности, и лишился всѣхъ составленныхъ имъ выписокъ изъ инквизиціонныхъ архивовъ. Покровители постарались вознагражить его званіемъ каноника толедскаго собора и канцлера тамошняго университета, выпросили ему крестъ ордена Карла Третьяго, и должность корреспондента мадритской академіи, съ которою соединены были права на должность королевскаго камердинера. Въ 1808 году Испанія перешла въ руки Наполеона, и Лоренте сдѣлался важнымъ лицомъ, приверженцемъ Іосифа; онъ не только получилъ всѣ забранныя у него инквизиціею выписки, но ему позволено перебрать всѣ тайныя архивы таинственнаго судилища, и описать ужасы суда его. Онъ объявилъ инквизиціи свирѣлую войну, писалъ противъ нея, и за

то принужденъ былъ бѣжать во Францію съ Юсифомъ. Онъ поселился въ Парижъ. Здѣсь, въ 1817 году издалъ онъ свою: *Histoire critique de l' Inquisition d'Espagne* (*Критическую исторію испанской инквизиціи*), которая надѣлала тогда много шума, была переведена на испанскій, англійскій, италіянскій, нѣмецкій языки, и возбудила гоненія католическаго духовенства на автора во Франціи, и особенно въ Испаніи. Противъ нея писали, доказывали автору многія ошибки и пристрастіе, даже невѣрность выписокъ. Зато Лоренте съ торжествомъ принятъ былъ въ Испаніи въ краткое правленіе кортесовъ, и, къ счастью, успѣлъ умереть въ Мадридѣ, въ 1823 году. Инквизиція, возстановленная Фердинандомъ Седьмымъ, не расплатилась бы съ Лоренте дешево.

Книги Лоренте, какъ почти всѣ замѣчательныя книги, не переведены на русскій языкъ. *Четыре огромные тома!* Кто станетъ переводить, печатать и читать ихъ! Въ 1823 году Леонъ Галлоа (Gallois) издалъ въ Парижѣ сокращенную Исторію инквизиціи (*Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne*), легкую выборку изъ книги Лоренте — *un joli petit volume in-18*, какъ говорятъ Французы. Вотъ это по плечу русскимъ переводчикамъ. Книжечка Галлоа дождалась чести перевода. Жаль, что переводчикъ не подождалъ немного: въ Парижѣ выходятъ теперь «*Тайны Инквизиціи*», съ красивыми иллюстраціями. Эта книженка нашла бы себѣ много читателей, если бы издать ее, по-русски, иллюстрированную. Разсказъ — точно романъ, а на картинки страшно смотреть: костры, пытки, санъ-бенито, аутодафе — золото для охотниковъ до сильныхъ впечатлѣній; а кто нынѣ не охотникъ до нихъ?

Вопросъ объ инквизиціи не могъ быть рѣшенъ, даже и по сочиненію Лоренте, и еще менѣе можно рѣшить его по выборкѣ Галлоа. Явное пристрастіе Лоренте не-

оспоримо. Вопреки названію *критической*, книга ея, достойная особеннаго уваженія за многіе драгоценныя факты, вовсе не представляет критики, и далека отъ безпристрастія историческаго.

Начало инквизиціи относятъ къ началу тринадцатаго вѣка, и почитаютъ Доминика Гусмана, учредителя ордена доминиканцевъ, первымъ инквизиторомъ. Но такимъ образомъ начало инквизиціи, какъ преслѣдованія еретиковъ, и удержанія вѣрныхъ страхомъ наказанія, восходитъ гораздо далѣе. Къ прискорбію истинныхъ христіанъ, изуверство и страсти успѣли помрачить чистоту и святость религіи, едва Церковь восторжествовала, владыки Церкви западной тотчасъ пріяли мечъ казни. Преслѣдованія, какія прежде испытывала Церковь, обратились на враговъ и противниковъ ея. Надобно согласиться, что глубочайшее невѣжество и изуверство, породившія пагубную мысль, что силою можетъ и должна быть поддержана Церковь, оправдывалось безчисленнымъ множествомъ ересей, проникнувшихъ въ ученіе христіанское. Преслѣдованіе еретиковъ породило съ ихъ стороны упорное сопротивленіе и возмездіе. Кровь была безпощадно проливаема съ обѣихъ сторонъ. Казни, при описаніи которыхъ нельзя не содрогнуться, употреблялись обоюдно. Зло не ограничилось истребленіемъ явныхъ противниковъ Церкви. Хотѣли истребить тайныхъ участниковъ и покровителей каждой ереси. Подозрѣніе падало на обращающихся, и нерѣдко подтверждалось при изслѣдованіи. Съ другой стороны, личное мщеніе, корыстолюбіе и властолюбіе находили средства удовлетворять себя, прикрываясь защитою церкви и христіанства. Свѣтскіе власти видѣли средство противиться папѣ и католическому духовенству, покровительствуя еретиковъ. Ихъ соперники извлекали выгоды изъ охраненія Церкви, и напрасно стали бы приписывать божественному ученію

Спасителя то, что происходило отъ расчетовъ мірской корысти.

Еще продолжались крестовые походы на Востокъ, когда мысль о крестовомъ походѣ противъ Альбигойцевъ, еретиковъ провансальскихъ, подвигла защитниковъ католической Церкви. Предшествуемые монахами, въ числѣ которыхъ былъ Доминикъ, увѣщевая покориться и уничтожая противниковъ мечомъ и казнями, шли защитники Церкви. Но главною цѣлью крестовосцевъ было уничтоженіе знаменитаго графа Раймона Тулузскаго, владѣнія котораго хотѣли раздѣлить французскій король и другіе властители, между которыми отличался свирѣпый Симонъ Монфортскій. Почти тридцать лѣтъ продолжалась война, гдѣ погибли сотни тысячъ народа. Вспомнимъ для убѣжденія въ томъ, что *шестьдесятъ тысячъ* жителей несчастнаго города Безіера были обречены на казнь, всѣ безъ исключенія! Доминиканцы, послѣдователи Доминика, отличались своею изувѣрною ревностью въ войнѣ противъ альбигойцевъ. Папа Иннокентій Третій рѣшился употребить ихъ орудіемъ преслѣдованія еретиковъ, но назначеніе къ тому доминиканцевъ всё-еще нельзя было почесть настоящею инквизиціею, то есть, постояннымъ судилищемъ, введеннымъ въ число правительственныхъ мѣстъ въ какомъ-либо государствѣ, какимъ были впоследствии испанская и португальская Inquisicion, или Tribunale del Santo-Oficio. Доминиканцы съ 1232 года получили въ Испаніи право открывать еретиковъ, и, по уличеніи, подвергать церковному наказанію, или предавать гражданскому суду. Они ѣздили по Испаніи, останавливались въ каждомъ городѣ, и по сдѣланнымъ доносамъ, призывали обвиненныхъ къ отвѣту. Не одни еретики подвергались ихъ преслѣдованію. Они судили всѣхъ, кого обвиняли въ богохуленіи, чародѣйствѣ, сообщеніи съ дьяволомъ, въ неисполненіи наложенной эпити-

ми, въ сомнѣннн о власти папы. Главное зло заключалось въ таинственности обвиненн и суда, и отобранн имѣнн. Обвиненному не сказывали имени доносчика, требовали признанн, держали его въ тюрьмѣ, никого къ нему не допуская, а между-тѣмъ имѣнн было отбираемо и управлялось особенными комиссарами. За осужденн слѣдовала рѣшительная конфискацн имѣнн; но если бы обвиняемый былъ объявленъ невиннымъ, онъ не смѣлъ, ни требовать вознагражденн, ни искать утраченнаго изъ его имѣнн. Злоупотребленн, изъ того происходившн; были причиною ненависти народной къ инквизиторамъ. Нерѣдко народъ возставалъ противъ нихъ, освобождалъ обвиняемыхъ и осуждаемыхъ, и убивалъ инквизиторовъ.

Едва успѣвали замить кровью и задушить казнями одну ересь, возставала другая. Позорныя событн въ послѣдней четверти четырнадцатаго, и первой половинѣ пятнадцатаго вѣка, борьба двухъ, трехъ папъ, избираемыхъ въ одно время, и взаимно проклинавшихъ другъ друга и послѣдователей своего противника, нанесли сильный ударъ папской власти и гоненнмъ на еретиковъ. Констанскнй соборъ, старавшнйся примирить раздоры, смѣннвшнй трехъ папъ, и избравшнй четвертаго, сжегъ въ то же время Гусса, и не успѣлъ ни въ чемъ. Кровавая война Гусситовъ послѣдовала за казнью начальника ереси, и была предвѣстникомъ Реформацн. Въ это время политика короля Фердинанда, сражавшагося съ остаткомъ Мавровъ въ Испанн, дала возможность папѣ распространить гоненн еретиковъ въ Испанн. Торквемада, духовникъ королевы Изабеллы, подалъ первую мысль объ учрежденн постоянного судилища для преслѣдованн еретиковъ. Папа и Фердинандъ хорошо поняли выгоды предложенн изуверъ, и въ 1481 году, за годъ до рожденн Лютера, положено было первое основанн трибуналу настоящей инквизицн.

Главное гоненіе устремилось прежде всего на Жидовъ. Ненавидимые подъ именемъ *Марраносовъ*, напрасно думали они спасти себя обращеніемъ въ христіанскую вѣру. Въ полгода Торквемада сжегъ ихъ 2,300 человекъ, и подвергъ различнымъ наказаніямъ 17,000 обвиненныхъ. Оснадцать лѣтъ продолжалось владычество Торквемады, обогащавшее папу и короля, и по вѣрному счету онъ погубилъ огнемъ *десять тысячъ* жертвъ, не считая *семи тысячъ* успѣвшихъ укрыться, и сожженныхъ заочно; *сто тысячъ* осуждено было имъ на различныя покаянія. Изгнаніе Жидовъ изъ Испаніи, въ 1492 году, увеличило добычу конфискацій. Торквемада объявилъ войну книгамъ, и тысячами повергалъ въ костры инквизиціи все письменное. Онъ ввелъ пытки осуждаемыхъ, учредилъ полки вооруженныхъ прислужниковъ, и ѣздилъ по Испаніи, окружаемый своею гвардіею. Посты и праздники означались «дѣйствіями вѣры», *auto da fé*, то есть, казнью преступниковъ. На городскія площади, въ присутствіи начальниковъ города, а въ Мадритѣ короля, королевы и всего Двора, при совершеніи молитвъ и объеденъ, выводили осужденныхъ, читали имъ приговоры, и при радостныхъ восклицаніяхъ народа, обреченныхъ на сожженіе везли на квемадеро, или особенное мѣсто казни за городомъ.

Инквизиція, конечно, составляетъ одну изъ печальныхъ страницъ въ лѣтописяхъ заблужденій человеческихъ. Мы не будемъ, ни описывать подробностей дѣлъ этого знаменитаго судилища, ни излагать его исторію. Довольно будетъ сказать, что папы старались ввести инквизицію повсюду, но добровольно принятая, или насильно введенная, она нигдѣ не могла удержаться, кромѣ Португаліи и Испаніи. Здѣсь продолжалась она до Наполеона, уничтожившаго самое имя ея послѣ покоренія Испаніи въ 1808 году. Время величайшаго свирѣпства инквизиторовъ составляли цар-

ствованія Карла Перваго, или Пятаго, и мзувѣрнаго сына его, Филиппа Втораго, первые сто лѣтъ по учрежденіи инквизиціи, когда болѣе тридцати тысячъ человекъ погибло на кострахъ, до пятнадцати тысячъ сожжено заочно, двести пятьдесятъ тысячъ подверглись различнымъ наказаніямъ, сотни тысячъ бѣжали изъ Испаніи, и Жиды и Мавры были изъ нея изгнаны. Въ царствованіе Филиппа Третьяго сожгли тысячу осемь сотъ сорокъ человекъ, при Филиппѣ Четвертомъ двѣ тысячи осемьсотъ пятьдесятъ два человека, при Карлѣ Второмъ тысячу шесть сотъ тридцать два человека. Воцарился внукъ Людовика Четырнадцатаго, и въ сорокъ шесть лѣтъ его правленія инквизиція сожгла тысячу шесть сотъ человекъ. Въ шесть лѣтъ царствованія Фердинанда Шестаго сожгли десять человекъ; въ тридцать лѣтъ при Карлѣ Третьемъ *четыре* человекъ. При Карлѣ Четвертомъ костры потухли. Инквизиція довольствовалась другими наказаніями, но погубила еще до пяти сотъ сорока трехъ человекъ. По возвращеніи изъ Франціи, въ 1814 году Фердинандъ Седьмой спѣшилъ возстановить инквизицію, но она была уже только политическою мѣрою, тайною полиціею, преслѣдовавшею либераловъ и жозефиносовъ, беспощадно наполняя ими тюрьмы. Не менѣе свирѣпствовала инквизиція въ Португаліи, и во всѣхъ владѣніяхъ Португальцевъ и Испанцевъ въ другихъ частяхъ Свѣта. Конечно, въ *полмилліона* можно положить весь итогъ жертвъ инквизиціи, со времени ея основанія до конечнаго истребленія ея существованія и имени. *Полмилліона!* можно задуматься надъ этимъ числомъ; но должно ли послѣ того осуждать инквизицію, какъ самое проклятое изобрѣтеніе изуверства, какъ самое гибельное заблужденіе человеческое? Должно ли обвинять Испанію въ кровавадомъ суевѣрїи передъ всеми другими страна-

ни? Къ прискорбію, надобно согласиться, что при соображеніи бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ человѣчествомъ, инквизиція не покажется страшнѣе другихъ. Завоеванія Римлянъ, разрушеніе владычества римскаго, походы Чингисовъ и Тамерлановъ, открытіе Америки губили не сотни тысячъ, но миллионы. Чего стоили людямъ черная смерть и холера? Чего стоила Революція и войны Французовъ, даже одинъ походъ 1812 года, погубившій сотни тысячъ? Противъ укора Испаніи, она могла бы отвѣчать, указывая на Крестовые Походы, на походъ противъ Альбигойцевъ, на Варооломеевскую Ночь, на войну Гусситовъ, на бѣдствія Реформации въ Германіи, Англіи, во всѣхъ странахъ, гдѣ она появлялась. Не будемъ укорять; станемъ только радоваться, что святое имя религіи христіанской не помрачается болѣе клеветою суевѣрія и изуверства, и что торжество просвѣщенія и образованности предало позору безуміе фанатизма.

Намъ кажется любопытнѣе всего того что представляетъ намъ исторія инквизиціи, — изслѣдованіе о причинахъ, породившихъ и поддерживавшихъ ее, и противорѣчіяхъ непрерывно встрѣчаемыхъ въ ея исторіи. Мы называемъ противорѣчіями безпрестанное сопротивленіе Испанцевъ и противоборство ихъ инквизиціи, между-тѣмъ какъ лютое изуверство непрерывно подвигало Испанцевъ на истребленіе еретиковъ. Гонимая одними, инквизиція всегда видѣла пособіе и защиту другихъ. Ея отвратительныя аутодафѣ были праздникомъ народнымъ. Они совершались въ присутствіи королей, королевъ, двора, вельможъ, народа, соединявшаго клики проклятія противъ еретиковъ съ пѣснопѣніями инквизиторовъ. Знатнѣйшее дворянство испанское ставило въ честь участіе въ инквизиціонныхъ должностяхъ. Герцоги Медина-Селли долго

оспоривали у другихъ вельможъ испанскихъ право носить знамя инквизиціи въ торжественныхъ процессіяхъ.

Все объясняется изслѣдованіемъ началъ и причинъ инквизиціи. Они были двоякія. Съ одной стороны изувѣрство, увѣренное, что христіанская церковь требуетъ человѣческой защиты, и ненависть, какую возбуждали еретики, не щадившіе въ свою очередь противниковъ. Злоба изувѣра, въ безуміи своемъ думающаго, что его ничтожная, презрѣнная помощь надобна для охраненія Святой Религіи, о которой Самъ Божественный установитель ея сказалъ, что «врата адовы не одолютъ ея», злоба изувѣра не сравнится ни съ какою другою человѣческою злобою. Ни науки, ни просвѣщеніе, ничто не истребило людей готовыхъ возжечь костры на враговъ Церкви, дѣйствительныхъ, или мнимыхъ—изувѣръ о томъ не думаетъ. Перенесите же эту изувѣрную злобу въ Испанію, всегдашнее мѣсто борьбы съ еретиками, съ Маврами, съ Аравитянами, въ Испанію, отдѣленную отъ Европы, палимую солнцемъ Африки, гдѣ тѣлесная праздность должна возбуждать душевную мечтательность, гдѣ всѣ страсти кипятъ огнемъ, и скрываемя подъ безпечною наружностью, лишеныя другихъ, болѣе высокихъ, побужденій, тѣмъ страшнѣе вырываются, едва дадутъ имъ какой-нибудь случай и предметъ. Кинжалъ при пѣжной серенадѣ, бой быковъ для потѣхи—любовь и смерть рядомъ—такова Испанія! Читайте описанія войны Испанцевъ съ Наполеономъ, столь не справедливо представляемой какою-то высокою борьбой за независимость отечества, за честь народную, за права государственныя. Это война, возбужденная изувѣрствомъ и невѣжествомъ, война, походившая на лютую, ожесточенную борьбу дикаго звѣря

съ человекомъ: она пояснить вамъ приверженность Испанцевъ въ инквизиціи.

Противоборство объясняется другою причиною инквизиціи — корыстными расчетами, которые руководили при ея введеніи, и поддерживали потомъ инквизицію. Власти жаждали захватить богатства жертвъ, и прикрытіе хищенія именемъ Религіи и Церкви, казалось имъ всего безопаснѣе, всего надежнѣе. Самая постыдная торговля производилась такъ же явно, какъ торговля индульгенціями. Обвиняемый могъ выкупать себя заплатя какую-нибудь сумму денегъ инквизиціи. Правительство требовало такой платы себя. Папа позволялъ подавать апелляцію въ Римъ, гдѣ платили деньги за разрѣшеніе. Иногда инквизиція откупала себя цѣлыя области у короля; иногда области откупались взносомъ королю какой-либо подати, или единовременными подарками. Въ числѣ наказаній были денежныя штрафы, и прикрывали всякое злоупотребленіе. Фердинандъ и его преемники имѣли еще особенную цѣль — уничтоженіе противниковъ своей власти. Соединеніе различныхъ племенъ, раздѣленное на нѣсколько королевствъ, подраздѣленныхъ на множество феодальныхъ владѣній, среди которыхъ оставались мѣста и званія съ особенными правами, сословія ивольные города—таково было испанское королевство. Соединеніе частей его подъ властью одного короля производилось съ уступками, ограниченіемъ его власти, оставленіемъ мѣстныхъ правъ, и собственно то, что называли *королевствомъ испанскимъ*, былъ союзъ подъ условною властью нѣсколькихъ королевствъ, различныхъ нравами, обычаями, законами, даже языкомъ, и враждебныхъ между собою. Фердинандъ, Карлъ, Филиппы старались уничтожить мѣстныя различія, и оставляли ихъ, стремясь пріобрѣсть безуслов-

ное верховное владычество. Все средства были употребляемы ими, но Карлъ Пятый, страннившій Европу своимъ могуществомъ, не могъ, ни усмирить горделивыхъ кортесовъ Кастиліи и Арагона, ни уничтожить фуэросовъ Бискаіи. Здѣсь были главные причины возстанія Испаніи противъ Наполеона, паденія либераловъ при Фердинандѣ Седьмомъ, успѣхъ войны Донъ Карлоса, и даже вынѣшнихъ волненій Испаніи. Инквизиція въ рукъ короля была губительнымъ мечомъ, посѣжавшимъ головы надменныхъ грандовъ, смѣло говорившихъ: «Я и король», и буйныхъ горожанъ, готовыхъ приняться за кинжалы и ружья при первомъ спорѣ объ ихъ привилегіяхъ. Такимъ образомъ объяняется, что при внуку Людовика Четырнадцатаго, Французъ, воспитанникъ Версальскаго Двора, современникъ Фенелона, инквизиція могла еще отпраздновать семьсотъ осемдесятъ два аутодафѣ, съжечь тысячу шестьсотъ человекъ, и погубить кромѣ-того *десять тысячъ* человекъ. Людовикъ Четырнадцатый прежде всего совѣтовалъ внуку употребить главнымъ орудіемъ власти инквизицію. Филиппъ Пятый и его совѣтники исполнили совѣтъ стараго монарха столь хорошо, что разбору инквизиціи подвергнуты были все приверженцы соперника Филиппова, Карла Австрійскаго. Духовникамъ предписано было на исповѣди спрашивать о присягѣ Филиппу, и предавать суду инквизиціи непослушныхъ. Потомъ отдали ей въ жертву масоновъ и молинистовъ. Такъ послѣ 1814 года инквизиція сдѣлалась страшнымъ орудіемъ въ рукахъ Фердинанда Седьмаго, и ее употребили средствомъ преслѣдованія *агравіодосовъ*, послѣ паденія испанскихъ либераловъ въ 1823 году.

Отсюда являлось противоборство народа, городовъ, областей и частныхъ лицъ, готовыхъ жечь ере-

тика вмѣстѣ съ инквизиціею, но защищавшихъ его, и сражавшихся съ инквизиторами, потому что въ нихъ видѣли представителей ненасытнаго корыстолюбія и своевластнаго властолюбія. Вспомните, какъ, отвергая установленіе Германдады, Испанцы хотѣли лучше быть жертвою бандитовъ и разбойниковъ, нежели допустить новое средство къ стѣсненію правъ своихъ, хотѣли лучше не имѣть дорогъ отъ одного города до другаго, нежели дать черезъ нихъ возможность быстро сообщенія военныхъ силъ короля. Кто не пойметъ всѣхъ этихъ отношеній Испаніи, тотъ не пойметъ ни прошедшей, ни настоящей ея исторіи. Здѣсь объясненіе той безпечности дворянства и народа, которая допускала владычество Альберона, Лерма, Оливареса, Фаринелли, Годон, допускала полное своевластіе ихъ въ дѣлахъ внѣшней политики, гибель, паденіе государства, но возставала, едва королевскій солдатъ становился на томъ мѣстѣ улицы, гдѣ долженъ былъ стоять солдатъ городской стражи. Благоговѣя передъ костромъ инквизиціи, Испанецъ угрожалъ кинжаломъ инквизитору, и сопротивленіе было такъ страшно, что его не могли сломить всѣ силы Наполеона съ 1808 до 1814 года. И эта сила смирилась въ полгода, въ 1823 году, такъ, что герцогу Ангулемскому стоило только прогуляться отъ Бидасои до Кадиса, и хотѣ для вида выстрѣлить гдѣ-нибудь изъ пушки.

Исторія инквизиціи, написанная съ этой точки зрѣнія, гдѣ говорили бы не объ однихъ *аутодафѣ*, *санъ-бенито* и пыткахъ инквизиціи, гдѣ безпристрастно изложили бы ея политическія причины, и облекли ихъ живописью мѣстныхъ подробностей и характеристикою Испаніи, была бы одною изъ важнѣйшихъ книгъ, однимъ изъ самыхъ назидательныхъ поученій, которыя донинѣ прибавило изученіе исторіи въ новѣйшія времена. Такой исторіи инквизиціи еще нѣтъ. Въ ожи-

даши ея, читайте Галлоа, и *Тайны Инквизиции* — они стоятъ другихъ тайнъ, хоть описатели ихъ и не вездѣ могутъ дать отчетъ, гдѣ взяли онъ ключъ, которымъ отперли «тайники» инквизиции и узнали «тайны ея?»

=

NOTATKI, etc. (Замѣтки изъ музыкальнаго путешествія по Германіи, совершенаго въ 1844 году Викторомъ Кажинскимъ. Санктпетербургъ, 1845).

Авторъ этихъ «Замѣтокъ», изданныхъ въ видѣ писемъ къ другу, не требуетъ нашей рекомендаціи публикѣ. Всѣмъ вамъ извѣстенъ онъ лично, по сочиненіямъ, или по репутаціи. Это — молодой, но весьма ученый и даровитый капельмейстеръ, и литераторъ съ разнообразными и прекрасными познаніями: играетъ онъ пріятно, а пишетъ точь-въ-точь какъ играетъ; аккомпанируетъ неподобно и путешествуетъ понятно; одной рукою сочиняетъ чудесныя польки, а другою занимательныя письма, и умѣетъ, въ игрѣ, выдержать ноту со вкусомъ, а въ дорогѣ замѣтить любопытное со вниманіемъ. Тайны контрапункта в литературнаго слогу равно извѣстны господину Кажинскому. Это — такое рѣдкое явленіе въ артистическомъ мірѣ, что мы считаемъ своимъ долгомъ отдать почестъ его книгѣ правильнымъ разборомъ ея содержанія. Съ другой стороны, и самый предметъ ея чрезвычайно интересенъ въ настоящее время для всѣхъ насъ, Русскихъ: смотри Лѣтопись, статью «Петербургское цвѣтобѣсіе». Дѣло идетъ о музыкѣ, на которой мы, Петербургъ, теперь помѣшаны, а за нами должна помянуться и провинція.

Авторъ книги былъ веравдѣльною частью интерес-

наго путешествующаго тріо, состоявшаго изъ генерала Алексѣя Федоровича Львова, сестры его, дѣвицы Маріи Федоровны Львовой, фрейлины Двора Ея Императорскаго Величества, и самого господина Кажинскаго. Пріѣзжая въ незнакомый себѣ городъ, онъ прежде всего идетъ осматривать сокровища литературнаго и художественнаго ума, библіотеки, собранія картинъ и статуй, и прочая; потомъ отправляется въ театръ, посѣщаетъ артистовъ и композиторовъ и занимается музыкальными вопросами. Этою частью сочиненія мы намѣрены заняться здѣсь предпочтительно. Берлинская опера была первымъ предметомъ ихъ учетаго музыкальнаго любопытства: послѣ петербургской италіанской, трудно, чтобы какая-нибудь изъ нынѣшнихъ европейскихъ оперъ показала чудесною; берлинская немецкая однако жъ удостоилась большихъ похвалъ автора «Замѣтокъ»: театръ — прекрасное зданіе и госпожа Тучекъ — премилая молодая дѣвушка, съ пріятнымъ голоскомъ, чистою интонаціей, большою легкостью въ пассажахъ и особенною нѣжностью во взглядахъ. Другая берлинская пѣвица, госпожа Марсъ, изъ дѣвицъ, пользуется также расположеніемъ публики: голосъ ея, довольно неровный, обработанъ прекрасно. Госпожи Линдъ, «новой Зонтагъ», не было тогда въ Берлинѣ. Басъ, Пеллегрини, обладаетъ хорошимъ, не мало обдѣланнымъ голосомъ: авторъ предпочитаетъ ему нашего Ферзинга. Хоры превосходные. Оркестръ богатый и отборный, и — главное — охъ!.. (меня что-то укололо въ бокъ)... дирижируется господиномъ Геннингсомъ умно, одушевленно, съ толкомъ, съ чувствомъ, со вкусомъ. Кстати: Берлиозъ отправился изъ Парижа въ Вѣну, а оттуда, въ январѣ или февралѣ, пріѣдетъ въ Петербургъ. Вотъ дирижёръ!.. О, если бы онъ остался у насъ, и, для совершенства здѣшней италіанской оперы, которая такъ близка къ совершенству, принялъ въ свои руки оркестръ!

железъ оркестра! Оставайтесь у насъ, monsieur Nestor. Не будете въ убытокъ : возъ букетовъ вамъ, послѣ перваго разыгранія увертюры «Допъ-Жуана». Гдѣ вамъ дадутъ столько?

Италянская опера очень слаба, какъ въ Берлинѣ такъ и въ другихъ столицахъ Германіи, хоть и попадаются голоса и дарованія, заслуживающіе уваженія. Несмотря на это несовершенство итальянской оперы, зависящее преимущественно отъ несовершенства нѣмецкихъ кармановъ, изрядно пустыхъ, публика повсюду оказываетъ ей рѣшительное предпочтеніе передъ нѣмецкою. Германскіе музыканты и записные дилеттанты, исповѣдующіе вообще контрапунктный фатализмъ и вѣчное блаженство фуги, народъ неподвижный, упрямый, фанатическій, для котораго — *нѣтъ Аллаха кромѣ Баха и Мендельсона-Бартольди про-рокъ его*, весь этотъ народъ, который присвоилъ себѣ исключительное право на музыкальную критику, потому что залѣпилъ себѣ уши предразсудками и суевѣрїями школы, бѣсится на публику, бранить ее, вопіетъ объ упадкѣ вкусу и истинной музыки. Это разпогласіе между публикою и артистами съ товарищи и сообщники въ самомъ гнѣздѣ деспотизма гармонической школы, объясняется однако жъ очень естественнo: по невольному влеченію человека, не сбитаго съ толку мудрствованіями школы, германская публика чувствуетъ, что единственная и настоящая истинная музыка въ природѣ для нашихъ ушей — нашъ собственный голосъ, его страстная рѣчь, его пѣніе; что этого удивительнаго инструмента, невозможно замѣнить никакими дудками и ящиками, какъ ни сочетай ихъ между собою, какія ни подбирай комбинаціи высшихъ и низшихъ звуковъ сухаго дерева и мертваго металла; что ставить инструментальную музыку, нособіе къ голосу, его подкладку, аккомпаниментъ, въ ровень съ пѣніемъ, и еще

выше пѣнія, низводитъ голосъ человѣческой, чудеснѣйшей звукъ во всей природѣ, на недостойную ступень одного изъ дрянныхъ оркестрныхъ орудій, дѣлать царя звуковъ, безсмертный отголосокъ неба, повелѣвающій всѣмъ твореніемъ посредствомъ своей магіи, рабомъ искусственнаго писку и шуму струвъ и трубокъ, не только противно цѣли искусства, но и нелѣпо. И какъ, благодаря этимъ осоловѣлымъ понятіямъ и ученіямъ педантизма объ *абсолютной самостоятельности инструментальной музыки* такъ-называемая «нѣмецкая музыка» никогда не понимала человѣческаго голоса и, следовательно, не умѣла владѣть имъ и пѣть по-человѣчески., то нѣмецкая публика инстинктивно стремится къ тѣмъ, которые, до-сихъ-поръ, одни въ Европѣ *пѣть умѣютъ*, къ Италіяицамъ и ихъ оперѣ, предпочитая посредственное италіянское пѣніе, съ ничтожнымъ аккомпаниментомъ, самымъ искуснымъ нѣмецкимъ аккордамъ живаго голосу и мертвыхъ инструментальныхъ звуковъ. Чтò ни дѣлайте, а жизни со смертью не сведете никогда въ одно цѣлое. Отсюда, никому еще не удалось донинѣ удовлетворительно соединить вокальную италіянскую школу съ гармоническою нѣмецкою, пѣтую рѣчь, мелодію, которой сущность такъ же какъ и краспорѣчія, *солю*, съ хитросплетеніями контрапункта и фуговаго стиля, — никому, — ни даже Мейерберу, главѣ и свѣтлу школы эклектиковъ въ музыкѣ.

Нѣмцы не умѣютъ пѣть, сказалъ я. Мнѣ вѣдали уже кричать махая париками, всѣ тѣ, которые забрали себѣ въ голову, будто на свѣтѣ есть музыка нѣмецкая, музыка италіянская, музыка французская, не дѣлая различія между «музыкаю» и «школою», — А Моцартъ!... а Моцартъ! — Моцартъ? Да чтò Моцартъ за Нѣмецъ? Если, въ музыкѣ, «Нѣмецъ» значитъ искусный гармонистъ-контрапунктъ, такъ и Пеллегрини — Нѣмецъ, Салиѣри — Нѣмецъ, Чимароза, Паизіелло, Керубини,

Спонтани — всё Нѣмцы. Новѣйшая гамма, гармонія, контрапунктъ, fuga, камошь, все что составляетъ отличіе европейской музыки, вышло изъ Италіи, все изобрѣтено и усовершенствовано ею, все италіянское. Даже — оставивъ въ сторонѣ національныя мелодіи, какъ основанныя вообще на особенныхъ, мѣстныхъ гаммахъ, нынѣшняя общая европейская мелодія — италіянская; она, какъ самая пріятная, самая умная, самая разнообразно-выразительная, взяла перевѣсъ передъ всеми другими и вся Европа ей подражаетъ по мѣрѣ силъ и способностей. Музыка нѣмецкая — какой парадоксъ! какая бессмыслица! Скажите — музыка *пятнадцатого столѣтія* и музыка *нынѣшняя*, такъ это дѣло: гамма была другая и, слѣдовательно, мелодія другая, гармонія другая, весь характеръ другой. Но и музыка прежняя, безстрастная, и музыка нынѣшняя, страстная, которая началась съ введенія малыхъ септимъ, малыхъ квинтъ, большихъ секстъ, нонъ и всѣхъ подобныхъ средствъ выраженія страстей, обѣ онѣ италіянскія школы различныхъ временъ и мѣстъ, различно употреблявшихъ и ту и другую италіянскую музыку. Драматическая музыка по превосходству италіянская, вся — италіянская, потому что и гамма мелодіи, и способъ развивать мелодію и самая мелодія, со всею своею одеждою — италіянская. Моцартъ писалъ свою драматическую музыку для Италіянцевъ и въ духъ тогдашней италіянской школы, въ которую его гениі внесъ важныя измѣненія и до-сихъ-поръ не много понимаемые нѣмецкою школою. Между-прочимъ онъ умѣрилъ гармоническій гулъ, господствовавшій тогда въ Италіи, и замѣнилъ его, при болѣе простой гармоніи, разнообразіемъ инструментациі, единственнымъ средствомъ согласить пріятно мертвыя звуки съ живыми. Моцартъ и великъ за то, что и угадалъ это средство и умѣлъ употреблять его съ толкомъ, со вкусомъ. Школу, которую *продолжалъ* Моцартъ, какъ продолжаетъ гениі, и которая вовсе

не была нѣмецкая, тѣмъ болѣе что и оперы нѣмецкой не существовало, никому хорошую только въ рукахъ одного Моцарта, да еще единственнаго удачнаго подражателя его, Вебера, но опасную во всякихъ другихъ, потому что она ведетъ прямо ко всеобщимъ злоупотребленіямъ инструментальной музыки въ человѣческой драмѣ, опрокинувшись въ Италиі окончателно другой геніальный человѣкъ, Россини. Россини торжественно возвратилъ въ драмѣ скипетръ и законное владычество вокальному элементу, именно, мелодіи, не забывъ, разумеется, умно воспользоваться открытіями Моцарта въ области прелестей умѣренной, натуральной гармоніи и разнообразной инструментации. Люди съ дарованіемъ, Беллини и Доницетти, продолжали Россини, какъ съумѣли, какъ продолжаютъ люди, не геніальные, а только даровитые, но у нихъ было то преимущество, что они шли по пути природы, которымъ такъ блистательно прошелъ ихъ наставникъ: они сохранили въ своихъ драмахъ вокальный элементъ въ полной силѣ, пѣли пріятно, и нѣмецкая публика охотнѣе идетъ слушать ихъ, слушать *посредственность*, какъ говорятъ закоренѣлые гармонисты, мечтающіе еще о самостоятельности инструментальной музыки возлѣ музыки голоса, возлѣ мелодіи, чѣмъ произведенія тѣхъ, которые очень учено продолжаютъ злоупотребленія старой италіанской школы, полагая будто они Моцарты и Бетговеы, или которые силятся, еще ученѣе, согласить вещи несогласимыя, самостоятельность гармоніи и инструментальной музыки съ самостоятельностью мелодіи. Самъ Бетговеы, настоящій чортъ гармоніи, не спѣлъ ничего путнаго въ драмѣ, несмотря на весь свой геній. Бетговеы, если угодно, Нѣмецъ, и только если угодно. Но Моцартъ никогда Нѣмцемъ не былъ, — не могъ быть, — онъ умѣлъ пѣть какъ Италіанецъ, чего Нѣмцы вовсе не умѣютъ. Веберъ то же не Нѣмецъ: онъ той же школы какъ и Моцартъ, но онъ, по-несча-

стью, пьль съ Пивцами и оттого одного уже пьнье его не поётъ. Настоящій Пивецъ, пивецкая оперная школа, это—Шпоръ, у котораго оркестръ гудитъ органомъ, а голоса поютъ фуги à la Sebastian Bach. Ну, развъ это пьнье?... драматическое пьнье?... Развъ это называется «умить пьть»? Италия! Италия!... три воза букетовъ ей!... Самъ мессеръ Джакомо Мейерберъ пьль изрядно, пока былъ Италианцемъ: онъ разучился пьнью именно съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался Французомъ-Пивцемъ, новизны ради. Вердй, вспомнивъ, что, собственно, неваго подъ солнцемъ нѣтъ ничего кромѣ того что забыто. Вердй, теперь на-часто возвращается къ школѣ, которую измѣнилъ геній Моцарта и уничтожилъ геній Россини, къ школѣ Салѣри и Чимарозы. Опять пустая попытка! Хотите ли, чтобы человекъ слушалъ васъ съ настоящимъ восторгомъ? — пойте ему по-человѣчески, какъ велѣла природа, а не какъ велѣтъ школа, говорите его уму и сердцу какъ-можно болѣе и какъ можете умѣе на чудномъ инструментѣ земли и неба, людей и ангеловъ, родномъ голосѣ нашемъ, умѣйте владѣть великимъ инструментомъ созданія, не забывайте, также, что ораторъ говорить убѣдительно и потрясаетъ собранія тогда только, когда говоритъ одинъ, соло: два, три или четыре оратора, говорящіе вмѣстѣ, какъ бы они согласно и умно ни разговаривали, могутъ только доставить удовольствіе собранію, в то не на долго, но никогда не убѣдятъ и не взволнуютъ его. Гдѣ многіе разсуждаютъ въ одно время, тамъ слушатели скоро начинаютъ зѣвать. Фуга — музыкальный фокусъ, болѣе или менѣе остроумная потѣха, а не музыка. Сила мелодіи въ устахъ искуснаго и умнаго солиста непреодолима.

Однимъ изъ первыхъ знакомствъ господина Кажинскаго въ Берлинѣ былъ, по-принадлежности, Мейерберъ. Авторъ описываетъ его человекомъ низкаго роста, съ прекрасными глазами и съ умнымъ выраженіемъ

лица, примѣтно израильтяскаго. Мейерберу около сорока-пяти лѣтъ: въ обществѣ онъ чрезвычайно милъ, приятель, занимателенъ, говоритъ скоро, за словами въ карманъ не ходитъ, хватается на лету первое, какое навернется, и оно почти всегда живописно выражаетъ мысли его, безъ помощи жестовъ, къ которымъ онъ мало прибѣгаетъ. Нельзя по этому случаю, не привести, для любознѣтства и удовольствія читателей, одного изъ прелестнѣйшихъ писемъ книги, именно, письма М. Ф. Львовой къ самому господину Кажинскому, изъ Берлина въ Дрезденъ. Оно такъ мило, что стоить труда быть выписано безъ сокращеній.

«Любезный маэстро! Арія, которую вы оставили графинѣ Росси, чудесна въ устахъ ея. Я часто вижу съ нею. Мнѣ легко на сердцѣ отъ одного уже ея присутствія. Какая прелестная женщина! Природа сдѣлала для нея все: больше и нельзя было сдѣлать—добра какъ ангелъ—хороша какъ картина—восторженная, какъ-только можетъ быть Нѣмка—она, вѣрно, была идеаломъ поэта, мечтою двадцати-лѣтняго воображенія. Въ ней есть та неотразимая сила очарованія, которою надѣляетъ одна только грація и она проявляется во всемъ, что эта женщина дѣлаетъ, во всемъ, что говоритъ. Самый даже взглядъ ея говоритъ прямо душѣ; но когда она поетъ, всѣ, кто ея слушаетъ, безотчетно подвергаются этому сладкому и необъяснимому очарованію, которое невольно увлекаетъ васъ къ ней... Я еще хорошо помню, саго шаэстро, какое глубокое впечатлѣніе сдѣлала она и на васъ, въ Берлинѣ, когда вы аккомпанировали ей въ арію изъ «Фрейшюца»: я думала, прости Господи, что вы просто сойдете съ ума..... берегитесь, восторженный молодой человекъ!.... право, берегитесь!.... потому что мы ни зачѣмъ въ свѣтѣ не оставимъ васъ здѣсь.

«Великій маэстро (Мейерберъ) шлетъ вамъ поклонъ. Онъ—такой добрый, такой любезный, такой ласковый и, въ то же время такой непринужденный въ своемъ быту и обращеніи!.... Вчера задалъ онъ намъ обѣдъ—обѣдъ совершенно министерскій—можно было подумать, что мы не

въ Германіи: кухня превосходная, столовое убранство и прислуга барскіе. Наши любезные, добрые Росси—нѣсколько мужчинъ—нѣсколько дамъ, очень холодныхъ, очень затанутыхъ, въ нарядахъ порой изрядно жеманныхъ.... признаюсь вамъ откровенно, что я была очень рада увидѣть, наконецъ, начало конца обѣда. Германское общество обладаетъ дивнымъ даромъ утомлять меня несказанно, тѣмъ, что оно разоряется для васъ на любезность и, просто, выбивается изъ силъ, чтобы дать вамъ замѣтить это. Остроты дорогого Мейербера одинъ развеселили меня въ моментъ уныніи. Великій маэстро спрашивалъ меня, бываю ли я въ берлинской италіанской оперѣ. Я отвѣчала, что она того не стоитъ. «Вы правы, сказалъ Мейерберъ: опера плоха и плохо поставлена—у нихъ нѣтъ хорошихъ пѣвцовъ—однако жъ я посѣщаю ихъ иногда, потому что они даютъ хорошія сочиненія. Завтра вы услышите II *Matrimonio segreto*, Чимарозы—предственное сочиненіе—любите ли вы эту оперу?—что вы объ ней думаете?»—Признаюсь вамъ, отвѣчала я, что, послѣ нынѣшнихъ, эта опера показалась мнѣ немножко блѣдною: я ожидала сильнѣйшаго эффекта.—«Ахъ, нѣтъ! не говорите такой хулы! вскричалъ Мейерберъ: увѣрю васъ, что это - *chef-d'oeuvre des chefs-d'oeuvres*. Италіанцы долго будутъ ждать второго Чимарозы. II *Matrimonio segreto*, это дѣва чистая, прямодушная, безъ натяжки, безъ жеманства. Дѣвушка показала вамъ блѣдноватую, потому что вы увидѣли ее рядомъ съ наруганнымъ бабѣмъ—но у ней есть натуральный румянецъ—да что прикажете дѣлать, когда мы, нынѣшніе, такъ жестоко инструментуемъ наши музыкы, что и сравненію мѣста не остается. II *Matrimonio segreto*, повѣрите мнѣ, прекрасное твореніе.... Блаженъ, кто еще можетъ чувствовать красоты великихъ прежнихъ учителей!

«Послѣ обѣда Мейерберъ рассказывалъ намъ, какимъ обыкновенно образомъ добываетъ онъ свои вдохновенія. Повѣрите ли?—онъ дѣлаетъ какъ Моцартъ—садется въ карету и велитъ возить себя: тогда музыкальныя мысли приходятъ къ нему толпами. «Я не могу удержать себя отъ двухъ вещей, говорилъ онъ: отъ тошноты, когда я съ часъ

на пароходѣ, въ морѣ, и отъ композиторства, когда я съ частъ въ каретѣ; это ужъ *непреодолимо*. Какъ-скоро я въ каретѣ, я долженъ сочинять, идеи лѣзутъ ко мнѣ отвсюду, я слышу звуки, вижу оркестръ передъ собою.... и повинень я задуманное набросать тотчасъ же на доскутокъ бумаги: иначе оно душитъ меня за горло жесточайшими образами. Это дотога, что, если, въ нвой разъ, нва очень понуждають къ поставкѣ новаго сочиненія, я отправляюсь въ какое-нибудь маленькое путешествіе, и средство почти всегда мнѣ удается. И прочая, и прочая.»

Въ другое время, Мейерберъ, бесѣдуя въ Дрезденѣ съ господиномъ Кажинскимъ, жаловался на бездарность Нямцевъ къ пѣнію. «Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ пѣвцами и пѣвицами разныхъ народовъ, говорилъ онъ: великіе артисты всегда кротки и уступчивы. Посредственность — вещь самая твердая и неподатная. Итальянцы всѣ вообще — добрые малые, уступчивы, готовы понять своего маэстро и угодить ему, особенно когда имѣють къ нему довѣріе. Французовъ труднѣе воротить на толкъ, но и съ этими пѣвцами можно сладить, убѣдивъ ихъ резонами, ясно растолковавъ дѣло. Французъ всегда уступаетъ логическому доказательству и очевидности. Вотъ съ нмемцкими пѣвцами, которые всѣхъ меньше понимаютъ пѣніе, такъ ужъ просто беда: горды, упрямы какъ козлы, неговорчивы. У нихъ свой взглядъ на вещи, свой образъ понимать ихъ: съ этимъ народомъ нерѣдко потернешь, не только терпѣніе, но и надежду на возможность добиться когда-либо до толку. Они все хотять дѣлать по-своему, будучи убѣждены, что они поють и понимаютъ дѣло лучше всѣхъ на свѣтѣ. Они болѣе думаютъ, нежели чувствуютъ, а это въ музыкѣ не очень прибыльно.»

Вотъ чистая характеристика «школы»! Вотъ прямое слѣдствіе педагогическихъ ученій, основанныхъ на странномъ убѣжденіи, будто есть гдѣ-то на свѣтѣ *нмемцкая музыка*, отдѣльная отъ итальянской, то есть, отъ все-

общей европейской, отъ той, которой Италия научила всю Европу вмѣстѣ съ своей гаммою и ея мелодіей. Забрали себя въ голову чучело «нѣмецкой музыки», увѣрили себя въ его превосходствѣхъ, и не только не хотѣли знать того, что составляетъ сущность новейшей музыки, но и понимать ничего не способны. Такіе же «Нѣмцы», съ тѣми же идеями о мнимой «нѣмецкой музыкѣ», встрѣчаются и за предѣлами Германіи: нѣтъ ни чѣмъ не урезонишь; они умѣе всѣхъ, оттого-де что *знаютъ нѣмецкую музыку*, то есть, сами не знаютъ, что такое они знаютъ. Этими немногими словами — они больше думаютъ чѣмъ чувствуютъ въ музыкѣ — Мейерберъ превосходно выразилъ всю сущность нѣмецкой школы: она только думаетъ, разсуждаетъ, ищетъ, подбираетъ, корпится, сидитъ, и наконецъ, высиживаетъ ряды хитрыхъ сочетаній звуковъ, въ которыхъ все есть, исключая того, что составляетъ музыку, пѣнія. *Lieder*, въ которыхъ нѣтъ ничего, выдумала эта же школа. Еще прежде, Себастьянъ Бахъ сочинилъ все свои фуги для четырехъ и трехъ голосовъ на музыкальныя фразы, въ которыхъ нѣтъ ни признаку мотива, то есть, мысли выражающей чувство, или мелодію. «Все дары уметвенныя, какіе Провидѣніе разсыпало другимъ народамъ, говоритъ Лейбницъ, въ Нѣмцѣ замѣнило однимъ терпѣніемъ». Лейбницъ, говоря это, навѣрное думалъ о «нѣмецкой музыкѣ». Рязкій отзывъ Мейербера напоминаетъ недавнюю наивность великаго музыкальнаго теоретика и практика въ Германіи, доктора Шиллинга: въ одномъ изъ своихъ сочиненій, признавшись, что Россини — величайшій музыкальный геній новѣйшаго времени, — въ этомъ, по совѣсти, нельзя было не признаться, — онъ прибавляетъ: «Спору нѣтъ, что мелодіями, съ которыхъ требуются дума, чувство, вкусъ, Италияны очень богаты; но я утверждаю, что во остальныя прочія (значить — во всѣхъ мелодіяхъ бездушныхъ, безчувственныхъ и безвкусныхъ: это неподобно!....) осо-

бенно въ мелодіяхъ ученыхъ, мы, Нѣмцы, стоимъ выше всѣхъ извѣстныхъ народовъ». Въ мелодіяхъ ученыхъ!.... подите толкуйте со школою!... вѣдь сказать-ученая мелодія — то же что сказать — ученое чувство, ученая страсть, выученное вдохновеніе. Но школа этихъ не тревожится: она преспокойно питается подобными безсмыслицами и поглаживаетъ свой парикъ. Ученая мелодія!.... Послѣ этого, каждому должно быть понятно, какъ пришло въ голову Мендельсону переложить совершенную тишину, морскую тишь, на звучные аккорды и какъ послѣдователи школы приняли это за музыку, за «нѣмецкую музыку», которая, какъ доказано, превосходитъ всѣхъ музыкъ въ мірѣ.

Многое изъ того, что здѣсь сказано о нѣмецкой музыкальной школѣ, не совсѣмъ согласно съ понятіями автора «Замѣтокъ». Музыкальная образованность Германіи обворожила его, и онъ часто погружается съ удовольствіемъ въ идеи школы, удивляясь вмѣстѣ съ нею тому, что скорѣе можетъ быть названо aberrациями искусства нежели его чудесами. Музыка, самое младшее изъ европейскихъ искусствъ, еще такъ молода! Инструменты этой музыки еще такъ грубы, такъ несовершенны! Теоріи еще такъ шатки! Самая даже исторія ея еще мало приведена въ ясность. Мудрому не подобаетъ принимать того, что существуетъ, за крайнее слово ни науки, ни искусства. Все это еще тысячу разъ измѣнится съ теченіемъ времени, такъ, что нынѣшніе «верхи совершенства» навѣрное будутъ казаться грядущимъ людямъ верхами варварства. Но, оставивъ Германію, господинъ Кажинскій, вѣроятно, уже и самъ оставилъ многія изъ мѣстныхъ идей, прилипающихъ непримѣтно къ путешественнику въ германскихъ артистическихъ обществахъ, припомнивъ на-досугъ, что члѣвъкъ съ его умомъ, чувствомъ и познаніями, долженъ быть выше всѣхъ школъ, всѣхъ этихъ гнѣздъ исключительности, односторонности, педантизма, и обнимать

предметъ обширнѣе, философически, во всемъ историческомъ цѣломъ. Давно замѣчено, что самыя плохіе судьи въ художествахъ—художники: почему? — да потому что каждый изъ нихъ принадлежитъ къ какой-нибудь школѣ и смотритъ на искусство и произведеніе, ея глазами, сквозь ея же страсти, предрасудки и предпочтенія, занимаясь болѣе условными красотами, чѣмъ сущностью дѣла, болѣе ремесленными подробностями, чѣмъ нравственнымъ цѣлымъ. Между артистами и произведеніями ихъ искусства пужень всегда другой, болѣе безпристрастный, независимый и верховный судья, и этотъ великій неизбѣжный судья — здравый смыслъ публики, сама публика. Когда публика, по зрѣломъ разсмотрѣніи, сказала — Скучно! — будьте увѣрены, что произведеніе неудачно, что цѣль искусства не достигнута, что вы трудились въ ложномъ направленіи и что школа, которая дала вамъ это направленіе, никуда не годится. Господинъ Ганка, въ Прагѣ, назидалъ автора мудрымъ поученіемъ, яко *артисты обязаны образовать вкусъ публики*. Это что такое! Какъ господарь Ганка смѣетъ цитать подобныя мысли?... Чтобы артисты образовали вкусъ публики!... то есть, чтобы они совращали его съ пути и натягивали къ ученіямъ своихъ школъ?... Сохрани насъ, публику, Богъ отъ такого несчастія!... Да и васъ, господа артисты, тоже! Знаете ли, что случится, когда — ежели — буде — отъ чего Боже упаси — образуете вы насъ, публику, по-своему, по идеямъ и теоріямъ вашихъ школъ? Да съ вами будетъ еще хуже чѣмъ съ нами. Мы, публика, только заснемъ, бормоча сквозь зѣвки—прекрасно! прекрасно! — а вы, господа, вы пропадете, сгинете съ ушей и съ ума сойдете на своихъ школьныхъ теоріяхъ, лишась единственнаго вашего свѣту въ этихъ мечтаніяхъ, здраваго смыслу публики — массы — толпы—называйте насъ какъ угодно—мы всё-таки вашъ верховный судья и по-

валитель. Образовать намъ вкусъ!... вотъ что вполнѣ надумать почтенная школа!... Образовать вкусъ публики—дѣло общаго просвѣщенія, общей образованности, и философіи прекраснаго, а не ваше: и сами вы должны свой собственный вкусъ образовать у тѣхъ же великихъ учителей. Превращать нашъ здравый смыслъ, съ тѣмъ чтобы, наконецъ, сталъ онъ точно такъ же уменъ какъ какая-нибудь школа,—хорошо образованіе!.. Заражать изъ, чистыхъ и невинныхъ, безпристрастныхъ и благомыслящихъ, предразсудками и художественными суевѣрїями школъ!... Сбить общественный разумъ съ толку!.... Да вы, кажется, уже.... тово.... немножко—наше мѣсто свято—немножко и сбили его съ толку своими разглагольствованїями о *музыкѣ нѣмецкой* и *музыкѣ италїанской*, такъ что значительная часть публики не знаетъ что дѣлать—вѣрить своему слуху и внутреннему чувству, своему впечатлѣнію и здравому смыслу, или вамъ?... Звать ли, когда скучно, или аплодировать?... Многіе дѣйствительно боятся звать, опасаясь, что можетъ-быть эта скука—очень ученая, очень искусная скука—пунктъ на пунктъ—и въ закричите имъ: «Невѣжды!» Вотъ плоды перваго опыту вашего вліянія на вкусъ публики! Возгласы артистовъ на ея сужденія, на ея вкусъ—безразсудны. Жалобы на приговоры природныхъ органовъ публики, журналовъ, неумѣстны. Въ одномъ случаѣ только вы имѣете право возставать на приговоры журналовъ: когда они судятъ о вашихъ произведенїяхъ очень учено, по правиламъ вашей науки, въ духъ которой-нибудь изъ вашихъ теорїй. Тогда-то имѣете вы право сказать имъ: «Молчите! наука, художественныя средства, подробности ремесла—не ваше дѣло: это наши секреты, и мы разотчемся въ нихъ между собою. Вашъ статутъ—здравый смыслъ, и другихъ законовъ для своего суда не извольте искать. Говорите намъ, вы, человекъ образованный и умный, вы, журналъ со здравымъ и тонкимъ вку-

самъ, говорите намъ одна только ваши впечатлѣнія. Забудьте всю чепуху, которую мы поремъ о нѣмецкой музыкѣ, объ италіанской и французской: музыка въ Европѣ одна—одна гамма, одинъ музыкальный языкъ, одна логика мелодіи—аккорды одни и тѣ же—другихъ и въ природѣ нѣтъ — инструменты одни и тѣ же: такъ двухъ или трехъ музыкъ тутъ быть не можетъ. Не нускайтесь въ ненужныя различія, а лучше скажите намъ по чистой совѣсти—не скучно ли вамъ было?... тронули ль мы васъ? взволновали ль? потрясли ли мы ваши нервы? Что чувствовали вы въ такомъ-то мѣстѣ? Намъ нужно непременно знать это, потому что мы боимся не заврались ли мы. Въ музыкѣ это такъ легко! Можетъ—статься, мы и увлеклись ложною идеею? Можетъ—быть ученіе школы обмануло насъ? Говорите откровенно все, что думаете: будьте судьей между нами и школою; пролейте на насъ свѣтъ здраваго смысла, отъ котораго мы такъ часто уклоняемся. Только такіе приговоры истинно полезны искусству, и они ваше неотъемлемое право, ваша великая привиллегія. Для того чтобы произносить такіе полезные и назидательные приговоры, вамъ довольно знать только одно: въ музыкѣ, мысль и выражаемая ею чувство, страсть, состояніе души, называется «мелодія»: это—смыслъ музыкальной рѣчи, содержаніе ея, а гармонія, аккорды, модуляціи, контрапунктъ, это—слогъ. Не замѣтили ли вы, случайно, что мы кое-гдѣ надѣлали слогу безъ мысли? навалили груды аккордовъ, модуляцій и контрапунктныхъ тонкостей безъ всякаго содержанія? что это очень звучно, очень пріятно для уха, а смыслу тамъ нѣтъ никакого, какъ-то обыкновенно дѣлаетъ великій герръ.....»

Но полно объ этомъ. Не надо обижать никого.

Возвращаясь къ артистическимъ обществамъ Германіи, мы находимъ въ книгѣ другое письмо того же миллаго пера, которое описывало графиню Росси и Мейербе-

ра, письмо о знакомствѣ съ Мендельсономъ-Бартольди. Этотъ поклонникъ Баха по-крайней-мѣрѣ десятью годами моложе Мейербера: онъ тоже не высокъ ростомъ, но очень красиво сложенъ—глаза черные, блестящіе, полные священнаго огня таланта — губы прелесть, словно кистью написанныя—носъ орлиный, волосы темнорусые, падающіе шелковистыми кудрями около прекраснаго лица съ чистыми и примѣчательно правильными чертами. Обращеніе его напечатлѣно милою непринужденностью, съ нѣкоторою небрежностью. Говорить онъ скоро, съ увлеченіемъ, съ жаромъ, особенно, когда говоритъ объ искусствѣ, идеи слѣдуютъ одна за другой съ необыкновенною быстротою. Походка у него также очень скорая и составляетъ противоположность съ важностью движеній Мейербера. Съ дамами онъ весьма любезенъ и умѣетъ наговорить имъ, шутя, тысячу вещей, самыхъ любезныхъ и самыхъ остроумныхъ. Какъ піанистъ, онъ стоитъ въ ряду первыхъ и искуснѣйшихъ, но когда играетъ только для себя и для друзей, и тогда онъ—*irrésistible*.

Спонтини, знаменитый продолжатель школы Чимарозы и поклонникъ Глюка, великаго учителя въ музыкѣ, но въ то же время и единственнаго учителя, которому никто не послѣдовалъ, потому что одинъ онъ училъ дѣлу—а онъ училъ, что музыка, особенно драматическая музыка, должна всегда говорить правду, одну чистую правду, и всѣ композиторы нашли, что гораздо удобнѣе врать: на этомъ порѣшилась вся новѣйшая европейская музыка—она вретъ что есть мочи, — но передъ Глюкомъ каждый разъ снимаетъ шляпу, — Спонтини пріѣзжалъ въ 1844 году изъ Парижа въ Берлинъ, и господинъ Кажинскій сообщаетъ объ немъ многія любопытныя подробности. Въ разговорѣ съ авторомъ, Спонтини признался, что, по его разумѣнію, «Весталка» и «Кортесъ»—дрянь, неудавшіяся сочиненія, и что выше всѣхъ своихъ оперъ онъ ставитъ

»Агнесу фонъ-Гогенштауфенъ», потомъ «Олимпію», потомъ «Нурмагалъ». Господинъ Кажинскій не зналъ «Агнесы», потому что она не напечатана. «Эта партиція будетъ напечатана не прежде какъ по моей смерти, сказалъ Спонтини: *теперь этой музыки, можетъ-быть, никто бы не понялъ*. Я не пишу, какъ пишутъ спекулянты, для денегъ и мгновеннаго успѣху: въ «Агнесъ» я развернулъ мою *собственную мысль, мысль исполинскую*—опытъ оперы величественной, великой, въ широкихъ размѣрахъ—такой оперы, о какой мечталъ я всегда, какую желалъ бы видѣть оперу. Вы непременно должны пересмотрѣть эту партицію: войдите въ духъ сочиненія, такъ можетъ-бы и вы сами найдете его менѣе плохимъ прочихъ моихъ оперъ». Онъ присѣлъ къ столу и быстро написалъ записочку къ бібліотекарю Королевскаго Института: «*Monsieur le bibliothécaire Behrend est autorisé à faire lire dans une chambre de l'Institut Royal mes partitions d'Agnès von Hohenstaufen, d'Alcidor et de Nurmahal, a M. Kazynski. Le Directeur de la musique de sa Majesté le Roi, Spontini*». Разумѣется, что авторъ воспользовался такою лестною довѣренностью, и очень жаль, что долгъ скромности не позволяетъ ему нарушить великій музыкальный секретъ. Каждому изъ насъ любопытно было бы имѣть понятіе объ этомъ таинственномъ дивѣ — что за такая мусикія, «которой теперь никто бы и не понялъ»?—въ чемъ, примѣрно, можетъ состоять музыка для будущихъ ушей? — Когда авторъ воротился къ Спонтини, знаменитый композиторъ желалъ знать его мнѣніе. «Говорите откровенно, сказалъ онъ: какъ вы ее находите?» Нашъ путешественникъ сталъ разсуждать о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ, которыя постарался онъ нарочно затвердить въ памяти, приводя порою цѣлыя фразы и даже важнѣйшія черты инструментациіи. «Такъ вы, сударь, видно, списали себѣ всѣ эти мѣста, о которыхъ говорите?» вскричалъ испуганный законо-

датель будущей музыки. «Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ путешественникъ: я только читалъ ихъ, и то однажды. Я не осмѣлился бы списывать безъ вашего позволенія, да притомъ этого и нельзя было бы сдѣлать: господинъ библіотекаръ Берендъ ни на одну минуту не отлучался изъ комнаты, которую отвелъ мнѣ для чтенія.» — Правда, правда.... сказалъ Спонтини: но этакая память.... это почти невѣроятно!» Разсужденіе о разныхъ мѣстахъ партіици, послѣ этого, пошло спокойнѣе. Въ заключеніе бесѣды, Спонтини сказалъ, пожавъ руку путешественнику: *Bravo, mon jeune ami! vous m'avez compris*. На другой день онъ прислалъ господину Кажинскому свой портретъ и печатный экземпляръ «Олимпіа» для фортепіано.

Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ другія подробности, сообщаемыя авторомъ объ знаменитомъ творцѣ «Весталки» и относящіяся преимущественно къ извѣстнымъ его ссорамъ съ прусскими артистами, критиками и музыкальными властями, ссорамъ, рѣшившимъ недавно окончательное переселеніе его въ Парижъ.

Всѣ музыкальныя знаменитости Германіи точно такимъ же образомъ проходятъ передъ читателемъ въ книгѣ ученаго нашего путешественника. Письмо о Глюкѣ, по случаю отзывовъ объ немъ Спонтини, одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ его сочиненія. Чрезвычайно занимательны также страницы о представленіи, въ Берлинѣ, трагедіи Софокла, «Антигоны», въ древнемъ греческомъ видѣ, и о музыкѣ, которую придѣлалъ къ ней Мендельсонъ.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы встрѣчи господина Кажинскаго съ прославленнымъ нѣмецкимъ теноромъ, Тихачекомъ, для котораго германскіе журналы не наберутся похвальныхъ эпитетовъ и котораго ставятъ они выше Рубини: наконецъ авторъ познакомился съ нимъ въ Дрезденѣ и имѣлъ даже случай извѣдать та-

лантъ его вдоль и поперегъ. Мнѣніе автора объ этомъ талантѣ далеко отстало отъ нашихъ ожиданій. Оно также не совсѣмъ идетъ и къ удивленію его «музыкальной образованности Германіи». Гдѣ поютъ плохо и превозносятъ выше небесъ посредственныхъ пѣвцовъ, тамъ музыкальная образованность, очевидно, подвержена ложному направленію и господствуетъ ложная музыка: это такой вѣрный признакъ, такая аксіома, которая никогда не обманываетъ, и все что почтенный Липинскій, погрязшій въ одностороннія понятія своей «нѣмецкой музыки», наговорилъ автору о певѣжествѣ и тупости Италіянцевъ въ музыкальномъ дѣлѣ, не заслуживало упоминанія, какъ мечты старика, оставшагося на vierstimmiger Satz. Господинъ Кажинскій находитъ голосъ Тихачека прекраснымъ, сильнымъ, отличнымъ, но, отдавъ полную справедливость голосу, прибавляетъ: «Жаль, право, что, при такомъ чудесномъ голосѣ, этотъ человекъ *не умѣетъ пѣть*. Въ звучныхъ и сильныхъ мѣстахъ, онъ производитъ большой эффектъ, но объ искусствѣ отънять ноту, придать выпуклость фразѣ, онъ и понятія не имѣетъ. Я почти никогда не слышалъ въ его пѣніи *piano* и — что еще хуже — онъ почти всегда переводитъ дыханіе не въ попадь, такъ что иногда трудно понять музыкальную фразу». Какъ Петербургъ знаетъ уже Рубини, то Германія намѣрена отпустить къ намъ Тихачека; чтобы мы, певѣжды, наконецъ узнали, что такое истинно великій пѣвецъ, образцовый тенористъ. Тихачекъ, по словамъ автора, собирается въ Петербургъ.

Прославленная нѣмецкая пѣвица, госпожа Шрёдеръ-Девріенъ, при всѣхъ похвалахъ автора, выходитъ не лучше прославленнаго Тихачека.

Господинъ Кажинскій былъ свидѣтелемъ восторгу дрезденской публики при представленіяхъ «*Vianca e Gualtiero*», оперы А. Ѳ. Львова и описываетъ ихъ подробно. По этому случаю, онъ даетъ музыкальную

біографію генерала Львова, которая составляет одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ его любопытной книги. Да позволено будетъ надѣяться, что господинъ Кажанскій издастъ книгу свою и на русскомъ языкѣ: мы увѣрены, что она нашла бы себѣ цѣлыя толпы читателей, жаждущихъ просвѣщенія по такимъ важнымъ и интереснымъ вопросамъ, каковы пѣвцы, пѣвицы, опера, музыка, оркестры, композиторы, Беллини, До-ницетти, Верди, и прочая, и прочая.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

ОКТАВРЬ, 1845.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

Новыя книги производить геній: это уже вамъ извѣстно. Но знаете ли вы что такое *геній*?

«Взгляните на горный источник!
Онъ свѣтлится, блещетъ во мракъ,
Расплавленный будто кристалль.

Земли благотворная сила
Живыми соснами вспоела
Его межъ утесовъ и скалъ!

Въ высотѣ, у тучи,
Силы набрался
И, какъ вихрь летучій,
Въ бездну сорвался... ..

Вотъ, сгибался межъ раздѣлишь,
Онъ играетъ и журчитъ,
То пробьется стороною,
И сочится.... то помчитъ,
Словно звѣрь оторопѣлый....

— Сгибнешь, дерзкій! — Что за дѣло —
Вѣтеръ свистеть, боръ шумить!

Братя пелѣдь; онъ вырастаетъ.
Онъдохнетъ, и оживаетъ
Помертвѣлая земля —
Зноимъ выжжена она.

Онъ плыветъ, долина рѣбѣтъ,
Лугъ смѣется и, пестрѣя,
Рой цвѣтовъ ему во слѣдъ:
«Отдохни, останься съ нами!»
Но ему покоя нѣтъ;
Онъ усталости не знаетъ,
На равнину выплываетъ
Серебристой головой.
Змиевиднo извиваясь
Между терномъ и травой...
— Братъ и другъ! — Къ нему въ объятя
Братя и друзья бѣгутъ;
За-одно и жизнь и силу
Полной грудью отдають!

— Всѣ за мною! — Вотъ онъ выросъ,
И торжественъ и могучъ!

Люди въ радости ликуютъ,
Нива вешняя тучна,
И стону его цѣлуютъ
Пашни, села, города!

И плыветъ, неукротимый,
Онъ всё дальше, всё впередъ...
Вотъ ужъ близко, вотъ онъ слышитъ
Океанъ его зоветь.

Путь оконченъ, и въ объятяхъ
Сѣдовласаго отца,
Старца вѣчно-молодаго,
Вѣчной жизнью онъ живетъ...»

Такова-то чудная сила, — если вѣрять господину Струговщикову, — которая производитъ новыя книги. Ликуютъ же, читательницы и читатели. Пашни, села, города, цѣлуютъ стону нашего гениа! — За что? — Какъ, за что? За то.

что онъ для насъ дѣлаетъ!... За чудеса, которыя произво-
дитъ!... за прелесть, за свѣтъ, за наслажденіе!... за но-
выя книги!... во-первыхъ, за стихотворенія господина
Струговщикова.

«Онъ плыветъ, неукротимый,
Всѣ подальше, всѣ впередъ,»

и неукротимо всѣ чужимъ щеголяетъ. Онъ—то есть, нашъ
геній, а не господинъ Струговщиковъ. А впрочемъ и го-
сподинъ Струговщиковъ точь-въ-точь какъ нашъ геній:
онъ тоже неукротимо, всѣ дальше, всѣ впередъ, предпо-
читаетъ думать чужою думою, или, по новому и удивительно
удачному выраженію, которое отнынѣ впродъ будетъ без-
смертно, *заимствовать*. Слово это первый выдумалъ гос-
подинъ Струговщиковъ, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ за-
главная страница прекраснаго томика:

стихотворенія Александра Струговщикова, *заим-
ствованныя изъ Гёте и Шиллера. С П.-бургъ, въ тип.
Военно-учебныхъ Заведеній, 1845, въ-8., стр. 225.*

Если бы господинъ Струговщиковъ болѣе ничего и не
выдумалъ какъ одно это слово, онъ уже былъ бы великій
писатель. *Заимствовать!*... какое чудесное слово! какъ это
хорошо сказано! Многіе напрасно ломали себѣ голову,
чтобы угадать, что такое дѣлаемъ мы, когда пишемъ и
издаемъ новыя книги. Одни называли это *сочинять*, дру-
гіе *творить*, нныя *подражать*. Были даже люди, грубо во-
спитанные, которые прибѣгали къ чернымъ словамъ —
обирать — *выкрадывать*. Явился умный человекъ, и од-
нимъ геніальнымъ словомъ рѣшилъ задачу. «Господа! ска-
залъ онъ: да мы просто *заимствуемъ*, когда мы сочиня-
емъ или пишемъ или творимъ или издаемъ новыя книги!
Сочинять... да это и есть—*заимствовать!* Нашъ геній ни-
чего болѣе и не дѣлаетъ. Сочиняетъ ли онъ, переводитъ
ли, онъ все только заимствуетъ. Заемъ — основаніе нашей
натуры. Мы не можемъ не занимать, не заимствовать. И
отнынѣ впродъ не говорите — *сочиненіе* такого-то, а *заим-
ствование* такого-то. Если угодно, я первый подамъ вамъ
примѣръ: на моихъ стихотвореніяхъ, которыя вотъ уже
выходятъ изъ печати, я выставлю: *Заимствование Алек-*

сандра Струговщикова, или, что всё-равно, Стихотворенія Александра Струговщикова, — потому что они дѣйствительно мои, — заимствованныя имъ самими. Когда я занялъ у кого-нибудь, такъ это уже мое неотъемлемое! Я сдѣлаю еще болѣе: назову по имени моихъ кредиторовъ; скажу у кого я заимствовалъ, чего сочинителя, донынѣ, никогда не говорили; выставлю на заглавной страницѣ — Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя у Гёте и Шиллера — и буду, увѣрю васъ, такой же сочинитель какъ и всѣ вы!» Такъ сказалъ господинъ Струговщикова, и должно признаться, что ничего умнѣе нельзя было сказать. Заглавный листокъ его книги останется незабвеннымъ въ исторіи русской литературы. Онъ будетъ составлять эпоху. Стихотворенія заимствованы, но они господина Александра Струговщикова, и онъ — поэтъ, — поэтъ какъ всѣ мы — какъ вы — какъ я — какъ самыя лучшія наши поэты. Дѣло это такъ ясно, что тутъ и говорить нечего. Задача рѣшена однимъ удачнымъ и совершенно народнымъ словомъ — заимствовать. Нашъ геній можетъ заимствовать что ему угодно, гдѣ угодно и сколько угодно: что онъ заимствовалъ, все это — его, его собственное и онъ — настоящій геній, и отнюдь не бѣднѣе другихъ, —

«И торжествовъ и могучь!» —

и смѣло подаетъ стопу свою, для цѣлованія пашнямъ, седамъ и городамъ, преимущественно губернскимъ. Да и зачѣмъ намъ сочинять! Посмотрите какъ это мило, когда мы не сочиняемъ, а просто и откровенно заимствуемъ! Вотъ наприимъ гимнъ къ Радости:

голосъ.

Радость, дщерь благаго неба,
Радость, искра божества!
Ангель, мы тебя встрѣчаемъ
Съ лирой, съ чашей торжества!

Мы летимъ въ твои объятія,
Въ твой радушный, свѣтлый домъ;
Люди тамъ — друзья и братья,
Гдѣ коснешься ты крыломъ!

ХОРЪ.

Обнимитесь люди-братья,
Ангель радости зоветь:
Тамъ Любовь! въ ея объятяхъ
Добрый нашъ Отецъ живетъ!

ГОЛОСЪ.

Кто предъ Богомъ, не красиѣя,
Брата братомъ можетъ звать,
Кто хотя одну своею
Можетъ душу здѣсь назвать —

Тотъ прили, къ кружку прикинся,
Мы тому — любви вънокъ!
Кто не можетъ — удалися
И очисти нашъ кружокъ....

ХОРЪ.

Все, что ния друга носить,
Пусть ее своей зоветь,
Нашъ она туда уносить,
Гдѣ нашъ общій Другъ живетъ!

ГОЛОСЪ.

Всѣ живущія созданья
Радости источникъ пьютъ,
Отъ начала мірозданья
Всѣ для радости живутъ!

Въ небѣ и въ шатрѣ убогомъ
Жизни путь она прядетъ:
Херувимъ стоитъ предъ Богомъ,
Сладострастьемъ червь живетъ!

ХОРЪ.

Гибнуть царства, гибнуть братья!
Узнаешь ли Божій перстъ?
Тамъ Любовь! въ ея объятяхъ
И для нихъ шатеръ отверзтъ!

ГОЛОСЪ.

Радость сердце освящаетъ.
Радость расширяетъ грудь,
И надеждой озаряетъ
Горькій труженика путь!

У креста свята Вѣры
 Знамя радости шумить,
 Добродѣтель торжествуя,
 Въ соннѣ ангеловъ стоять!

ХОРЪ.

Труженикъ, ты скажешь братьямъ,
 Что твоя звезда взойдетъ,
 Что святой Любви въ объятяхъ
 Добрый нашъ Отецъ живетъ!

ГОЛОСЪ.

Радость въ чашѣ бьетъ струею
 Каждому изъ насъ, но тотъ
 Трижды чти ее своею
 Кто съ ней въ Господѣ живетъ!

Въ честь Его! друзья, вставайте!
 Раздавайся имъ гласъ!
 Чаши къ небу подымайте,
 Въ честь Того, Кто любитъ насъ!

ХОРЪ.

Въ честь Того, къ Кому зываетъ
 Златокрылый серафимъ,
 И Кого стопу лобзаетъ
 Сердцемъ чистый херувимъ!

ГОЛОСЪ.

Твердость — въ искушеньяхъ свѣта,
 Воздаяніе — добру,
 Вѣрность вѣчная — обѣту,
 Правда — другу и врагу.

Мужество — предъ царскимъ трономъ,
 Злобѣ и враждѣ — конецъ,
 Съ кликомъ и бокаловъ звономъ,
 Добродѣтели въпецъ!

ХОРЪ.

Братья, Богъ владѣетъ смѣлымъ,
 Совершайте сей обѣтъ!
 Тамъ, за облачнымъ предѣломъ,
 Тамъ вражды и злобы нѣтъ!

Г О Л О С Ъ .

Ну теперь, друзья, сомкнитесь,
И объѣта своего
Долгъ исполнить покланитесь
Грознымъ именемъ Того —

Въ чьихъ рукахъ святая воля,
Кто вселенную блюдетъ,
Кто любви на вѣчномъ трепѣ
Для дѣтей своихъ живетъ!

Х О Р Ъ .

Ну друзья, теперь въ объѣты,
Поцѣлуй — изъ рода въ роды!
Тамъ Отецъ нашъ добрый, братья,
Тамъ Богъ Радости живетъ!»

Право, очень хорошо! Стань мы *сочинять*, мы тотчасъ сочинили бы что-нибудь такое что, просто изъ рукъ вонъ..... что-нибудь къ дѣвѣ или къ лунѣ. Такія вещи намъ бы и въ голову не пришли. А посредствомъ займа, мы можемъ заимствовать всѣ умственные сокровища Европы, которыя послѣ того ужъ—извините!—наши. Отдавать мы не горазды. И мы можемъ заимствовать столько, что наконецъ разоримъ нашихъ заимодателей и одинъ будемъ кутить геніемъ!

Всѣ мы бываемъ въ Римѣ: и что жъ особеннаго сочинили мы объ этомъ чудномъ городѣ? Между-тѣмъ посмотрите, что можно заимствовать о Римѣ; какъ хорошо можно въ виду его говорить въ заемъ:

Камни, отвѣтствуйте мнѣ! обелески, дворцы, отзовитесь!
Каинца, молвите слово! Геній, вѣдь ты недвижимъ?
Все наслаждается жизнью въ стѣнахъ вѣковѣчнаго Рима;
Я лишь напрасно взываю: мнѣ отъѣзъ вѣтъ одному!
Гдѣ она? кто назоветъ мнѣ ее? кто мнѣ укажетъ
Ту, которая нѣкогда приметъ въ объѣты меня?
Гдѣ тотъ навѣдомый путь, по которому я ежечасно
Мимо свѣтлицы твоей, очарованный, буду ходить?
Нынѣ, покорный обычаю путешественника созерцаю
Храмы, столпы и развалины, даромъ не трачу минутъ;
Быстро однако жъ промчатся онѣ: моя посвященная
Приметъ единственный храмъ — и надолго въ себя заключитъ

Такъ всемогуща любовь! безъ тебя, всемогущая, самый
Миръ не былъ бы миромъ, и Римъ былъ бы не Римъ. . .

Любящимъ намъ подобаеъ смиреніе; каждому богу
Мы въ тишинѣ поклоняемъ, свято всегда исполняя
Заповѣдь римскихъ владыкъ. Намъ доступны кумиры
Всѣхъ народовъ, хотя бъ изъ базальта грубо и рѣзко
Ихъ изваялъ Египтянинъ, или Грекъ утонченный изящно,
Мягко и нѣжно изъ бѣлаго мрамора создалъ, обители
Наши отверзты всегда и для всѣхъ. Одну лишь особенно
Чествуемъ, любимъ, одной предпочтительно служимъ богинѣ:
Ей—наши заветныя жертвы, нашъ ладанъ и миро;
Съ нею—что встрѣча, то праздникъ, гдѣ гости веселье и ша-
лосты!

Други, познайте прелестную; это богиня Случая:
Будто дочь Протей, она намъ является часто,
Въ образѣ новомъ всегда; словно Фетиды питомица,
Насъ испытуетъ и нами играетъ. Неопытный, робкій
Ею обмануты; дерзкій—наказанъ; милоу уклончиво
Смѣлыхъ, она съ умысломъ медлитъ и дразнитъ сонливца;
Хитрая, только дѣлательно-ловкому мужу подвластная,
Съ нимъ лишь она весела, игрива, ручна и любезна.
Помяну, однажды и мнѣ эта богиня явилась
Въ образѣ смугленькой дѣвы; вокругъ шейки ея, ожерельемъ,
Въ мелкихъ колечкахъ вились природныя кудри; волнистой
Темной струею волосы на чело ниспадали до персей,
Всю закрывая головку. «Случай» шепнулъ я, мгновенно
Неуловимую принялъ въ надежныя руки—и помяну,
Живо я помяну.... но пусть минувшее будетъ минувшимъ
Римскія чары могучи, а я надъ собою не властенъ!

Были бы только мысли, снабжалъ бы только кто-ни-
будь насъ этимъ матеріаломъ, а ужъ длинные гексаметры
выкроить мы сумѣемъ. Никто не напишетъ такихъ
длинныхъ гексаметровъ какъ мы: въ этомъ всѣ отдадутъ
намъ справедливость.

Замѣштаніе, кромѣ всѣхъ исчисленныхъ здѣсь вы-
годъ, представляетъ еще одно важное удобство, что вы все-
гда, во всякое время, когда вамъ что-нибудь вздумается, можете
сдѣлаться поэтомъ, хотя бы прежде стихи вамъ и не да-
вались. Вотъ, наримѣръ, я, Литературная Летопись, бо-
жусь вамъ, стиховъ никогда въ жизни не писывала: а те-

перь чувствую страшный позывъ на поэзію и, сейчасъ, не запинаясь, не думая, напишу вамъ — что прикажете? — пѣснь къ читателю? — извольте!

ПѢСНЬ КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Прости, мой покой!

Ты прости навсегда.

Не знать мнѣ тебя

Никогда, никогда!

Съ нимъ (съ читателемъ) все мое счастье,

Вся радость моя,

Ему бы и душу

И жизнь отдала!

Въ разлукѣ ужасно,

Въ разлукѣ — нѣтъ силъ!

И жизнь мнѣ послала

И день мнѣ не милъ!

Прости, мой покой!

Ты прости навсегда,

Не знать мнѣ тебя

Никогда, никогда!

На что ни смотрю я —

Все чудится онъ,

О чемъ ни задумаю —

Онъ же и онъ!

Какъ онъ благороденъ,

И ловокъ въ движеньяхъ,

Какое въ улыбкѣ,

Въ устахъ выраженье!

Волшебная сила

Любозныхъ рѣчей.

Руки пожиманье

И прелесть очей...

Въ немъ все такъ чудесно,

Все такъ хорошо,

Къ нему бы; за нимъ бы,

Обнять бы его!

Прости, мой покой!
 Ты прости навсегда,
 Не знать мнѣ тебя
 Никогда, никогда!
 О, если бь могла я
 По волѣ ласкать,
 Могла бы по волѣ
 Его цѣловать —
 Его обняла бы,
 Его бы ласкала.
 Ласкала бь, и вѣчно
 Его цѣловала!

Что жъ вы скажете о моей пѣснѣ? Право, очень мила!... Нѣжна, трогательна, страстна. Признайтесь, читатель, что съ-тѣхъ-поръ какъ вы опредѣлялись въ читатели, еще ни одинъ авторъ не написалъ къ вамъ такого посланія. А стихи-то, стихи, каковы? Просто, прелесть! Это — мои собственные стихи, — мое родное стихотвореніе, — *Стихотвореніе Литературной Летописи, заимствованное у господина Александра Струговщикова*, — который заимствовалъ его у.... Да впрочемъ мнѣ какое дѣло, у кого онъ заимствовалъ! Теперь — оно мое, и я почтеннѣйше подвожу его моему читателю.

Посмотримъ теперь другія заимствованія. Вотъ кто-то въ Москвѣ — несчастный человѣкъ! ему ужъ видно никто не вѣрнуть въ долгъ ни одной мысли — обратился къ Поль-де-Коку и заимствовалъ у него — совѣстно сказать —

оцѣненнѣйшій любовникъ. Романъ *К. Поль де-Кока*. (L'Amougeux (ransi.) Москва, въ тип. Н. Степанова, 1845, въ-16. Четыре части, стр. 188—166—176—202.

Что за заемъ! Наслу заимствователь (переводчикъ уже не говорится, послѣ открытія господина Струговщикова) наслу, говоримъ мы, бѣдный заимствователь добился, какъ назвать то, что получилъ. Наконецъ однако жъ свѣтлая мысль блеснула въ умъ его, и онъ назвалъ этотъ вздоръ *Оцѣпеннѣвшимъ любовникомъ*. По моему разумнью, онъ поступилъ прекрасно: толковѣе и называть его не стоило. Но я, на мѣстѣ заимствозателя, никогда бы не занялъ такой скуп. Начинается свадьбою старика маркиза

на сорока-лѣтней грезѣтѣ; потомъ слѣдуетъ сейсереркъ; потомъ маркизу отрываютъ ухо сковородой; потомъ является красноносый слуга маркиза; и такъ даже.

Въ Петербургѣ, когда нѣтъ своихъ мыслей, заимствователи гораздо смышленѣе. У насъ, въ большой нуждѣ, обращаются, не къ Поль-де-Коку, но къ Александру Дюма. У этого, по-крайней-мѣрѣ, можно иногда позаимствоваться остроуміемъ и слогомъ. И вотъ—

КОРОЛЕВА МАРГО. Романъ Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1845, въ 8, шесть частичекъ, стр. 69—85—88—76—73—87.

На этотъ разъ однако жъ заимодатель провелъ заимствователя. Пьютъ, дерутся, рѣжутся, нарѣзываются; самыя высшія лица говорятъ какъ мѣщане, самыя изящныя женщины—какъ торговки; и главный рыцарь повѣсти—палачъ! Можете судить какъ это интересно! Героевъ романа колотятъ, душатъ, давятъ, пытаются, и наконецъ казнятъ. Грунтомъ картины служить Варооломеевская Ночь. По этому кровавому грунту, размашистою кистью, изображены сцены пьяныхъ завтраковъ, волокитства, тайныхъ свиданій, харчевень, и прочая.

Но, погодите! съ перваго декабра монсъ Александръ Дюма станетъ писать всѣ славные романы; до-сихъ-поръ ему было нѣкогда не только обдѣлывать и даже сочинять большую часть своихъ твореній: онъ производилъ по тридцати шести томовъ въ годъ! Но теперь его прижали. Трехъ-лѣтнимъ контрактомъ съ газетами *La Presse* и *Siècle* обязался онъ не сочинять болѣе осемнадцати томовъ романовъ въ годъ, — комедій и трагедій воленъ онъ, Дюма, въ это время, сочинять въ-волю: это — не въ счетъ, не литература, — и если сдержитъ условіе, то заимствователи будутъ нѣкоторымъ образомъ обезпечены отъ помяненій подъ его именемъ болѣею частью топорной чепухи.

ИЛЛЮСТРАЦІЯ. Еженедѣльное изданіе, подъ главною редакціей Н. В. Кукольника. Сп.-бургъ, 1844—1845, въ листъ. Томъ первый, стр. 464, съ 500 гравюрами и выгравированными.

Мы долго не хотѣли говорить ничего ни про ни contra

объ этомъ столь примѣчательномъ у насъ художественно-литературномъ предпріятіи: прежде чѣмъ хвалить или порицать такое дорогое изданіе, начатое въ столицѣ, до нынѣ еще такъ бѣдной граверскими талантами и заведеніями, надлежало дать время, чтобы оно устроилось совершенно, утвердило свое существованіе, развило свои средства. Мы знали всѣ затрудненія; съ которыми придется редакторамъ бороться, и, признаемся, боялись, что усердіе ихъ не выдержитъ этой борьбы. Теперь мы первые радуемся ихъ побѣдѣ. Между тѣмъ, не соображающіе предстоящихъ затрудненій или менѣе терпѣливые, различно судили объ «Иллюстраціи», и, вѣтъ сомнѣнія, что приговоры ихъ часто бывали неосновательны, — во всякомъ случаѣ, преждевременны. Не надо забывать, прежде всего, что подобное изданіе могло быть предпринято въ Россіи изъ одной только любви къ художествамъ, искусствамъ и наукамъ. У насъ оно не могло, и не должно было, походить на иностранныя «Иллюстраціи», потому что съ одной стороны политика не вошла въ составъ изданія, а съ другой, общихъ предметовъ, занимательныхъ своею современностью, очень мало. Французская Иллюстрація живетъ своимъ французскимъ Альжиромъ и карикатурами Парижанъ. Общіе предметы, всегда немного численные, заимствуетъ она изъ англійской. Нѣмецкая иллюстрируетъ свои германскіе города и своихъ пѣвицъ, актеровъ, ученыхъ: а все остальное наполняется французскими клишѣ. Одна англійская, издаваемая въ Лондонѣ, столицѣ гравернаго искусства, дѣйствуетъ самостоятельно. Но и англійская стоитъ всеинакѣ какъ мѣстнымъ интересомъ, предметами, занимательными болѣею частью для однихъ Англичанъ. Русской Иллюстраціи предстояло слѣдовать той же методѣ, подъ опасеніемъ лопнуть на первыхъ нумерахъ. Но тутъ предстояло согласить законныя требованія публики съ возможностями. Имѣя въ виду небольшое число рисовальщиковъ и очень мало граверовъ, редакция должна была двинуться въ путь, на которомъ каждый шагъ — опытъ. Первые опыты почти всегда неудачны. Но кто умѣетъ переносить неудачи и пользоваться ихъ указаніями, тотъ несомнѣнно и вѣрно достигаетъ сво-

ей цѣли. Любопытно сравнить первые нумера русской Иллюстраціи съ послѣдними. Это сравненіе совершенно къ чести редакціи. При началѣ она съ трудомъ могла помѣщать десять гравюръ; размѣры ихъ были мелки, исполненіе не всегда удачно. Въ послѣднихъ нумерахъ число это достигаетъ до двадцати и болѣе, размѣръ больше, и исполненіе несравненно лучше, часто даже превосходно, такъ, что многія послѣднія гравюры можно назвать образцовыми. Таковы, въ-особенности, виды Алтая, Финляндіи, Ревеля, Гапсала, Старой-Руссы, Великаго Новгорода, Академіи Художествъ, Букареста, Яссы. Портретами Русская Иллюстрація можетъ похвастать. Портреты адмирала Мордвинова, графа Васильева, графа Гурьева, графа Канкринна, Татищева, Княжевича, Хмѣльницкаго, Жени Линдъ, Плесси, Віардо-Гарсія, Кастелланъ, Тамбурина и другіе, мало уступаютъ, а многіе рѣшительно могутъ сравниться, какъ напримѣръ, портретъ адмирала Мордвинова, съ лучшими портретными гравюрами на мѣди. Во всемъ этомъ видны необыкновенная старательность, совѣстливость, знаніе дѣла. Неподражая спекуляціямъ, редакторы изъ первыхъ нумеровъ не составляли фальшивой афишки, которая обѣщаетъ показать слона, а показывасть на дѣлѣ росомаху. Русская Иллюстрація шла шагъ за шагомъ впередъ и послѣдніе нумера рѣшительно удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ. Неправильно было бы сказать: лучше не надо. Лучше нельзя: вотъ это такъ! А впрочемъ, нельзя ручаться, чтобы Н. В. Кукольникъ еще не умножилъ числа гравюръ, не придумалъ еще какихъ улучшеній на пользу своего похвального предпріятія. Да вотъ чего дальше! гравюры занимаютъ много мѣста, въ текстѣ нельзя помѣщать лучшихъ иностранныхъ романовъ, чѣмъ-нынче питается любознательность читающей публики, и русская Иллюстрація, на первый случай бесплатно, въ видѣ особаго прибавленія, даетъ своимъ подписчикамъ одинъ изъ занимательнѣйшихъ романовъ французскихъ. Въ скоромъ времени Иллюстрація и въ наружной гладкости вѣрно не отстанеть отъ другихъ. Распоряженія къ глаженію Иллюстраціи уже сдѣланы, какъ увѣряютъ насъ.

Обращая вниманіе на содержаніе русской Иллюстраціи,

нельзя не похвалить разнообразія и достоинства статей. Нѣсколько повѣстей самого Н. В. Кукольника, нѣсколько повѣстей другихъ авторовъ, какъ то, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, И. Н. Скобелева, Е. П. Ковалевскаго, А. П. Башуцкаго, Е. П. Гребенки, П. Р. Фурманна, и прочая, сами собою составляютъ уже не малую библіотеку интереснаго чтенія. Въ Иллюстраціи былъ помѣщенъ небольшой романъ «Зансадь», который во всѣмъ правдѣ, можно признать прекраснымъ. Она безспорно исполнила свое дѣло тщательно и совѣстливо. Она не ограничивается однимъ отечественнымъ. Лучшіе виды и зданія Парижа, Мюнхена, Гамбурга, Лейпцига, Фельберга, Базеля, Милана, Флоренціи, Стокгольма, Лондона, Мадрида, Малаги и Америки находятся въ вышедшихъ уже нумерахъ. По учено-практической части помѣщены подробныя статьи объ атмосферическихъ дорогахъ, о химическомъ заведеніи Либиха, о выдѣлкѣ сахара, табаку, серебра, о пневматическихъ печкахъ, о лугахъ и обработкѣ ихъ въ Сѣверной Россіи. О повѣрьяхъ и суевѣріяхъ русскаго народа была обширная и весьма занимательная статья Луганскаго. Вѣрная своему девизу, Иллюстрація въ полномъ смыслѣ старается соединять въ себѣ изящное съ полезнымъ. Въ разнообразной смѣси ея найдете и стихотворенія и хозяйственные рецепты, и моды, которыя помѣщаются почти въ одно время съ появленіемъ ихъ здѣсь въ парижской Иллюстраціи, и экипажи, мебель, бронзы, все и все. Игры, ученые задачи, загадки помѣщаются неизменно на концѣ каждого нумера для забавы и для утѣшенія читателей.

Возвратимся къ современности: много ли у насъ этой животрепещущей современности? Театръ? Но едва успѣли Италіянцы слѣть первую оперу, портреты главныхъ артистовъ, отлично исполненные, явились въ русской Иллюстраціи. Гунгль смѣнилъ Германна; и оба тутъ. Вердѣ сталъ входить въ моду; и Вердѣ явился. Случился интересный домашній театръ въ частномъ домѣ вельможи; и театръ перенесенъ на листы Иллюстраціи. Госпожа Плесъ сыграла въ первый разъ во вторникъ, а въ субботу на той же недѣли мы нашли отлично исполненный портретъ

ся въ Иллюстраціи. Чего? появилась у насъ какая-то вѣсельная пекарня на колесахъ; и пекарня—въ Иллюстраціи. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь съ наступленіемъ зимы, когда въ Петербургѣ больше и жизни, и движенія и новостей, русская Иллюстрація еще болѣе обогатится современными гравюрами. Не сомнѣваемся; потому что знаемъ трудолюбіе Н. В. Кукольника, и правило его—исполнить свое обѣщаніе какъ слѣдуетъ, во что бы то ни стало. При всѣхъ трудностяхъ, съ которыми у насъ сопряжено изданіе чего-бы то ни было съ картинами, исправность выходовъ Иллюстраціи насъ удивила. Теперь уже нѣчему удивляться; потому что и существованіе Иллюстраціи упрочено, и механизмы изданія получили окончательную организацію. Пріятно подумать, что кромѣ занимательнаго чтенія, подписчики въ нѣсколько лѣтъ получаютъ портреты всѣхъ достопримѣчательныхъ людей Россіи, сановниковъ, писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ бывшихъ и сущихъ; виды замѣчательнѣйшихъ мѣстъ въ Россіи и въ цѣломъ мірѣ; и, на придачу все то, что называется нашею столичною современностью. Нельзя не похвалить редакціи и за облегченіе въ подпискѣ. Кто не хочетъ подписываться на истекающіе уже девять мѣсяцевъ, можетъ подписаться на весь 1846 годъ сполна и получить статьи не разрозненные, потому что въ 36 номерѣ этого года всѣ статьи будутъ окончены и 36-мъ номеромъ составятъ вступительный, отдѣльный годъ изданія Иллюстраціи, изданія, въ настоящее время, истинно изящнаго, весьма полезнаго, которое въ будущемъ можетъ обѣщать только лучшее и лучшее. Русская Иллюстрація назадъ не пойдетъ. За это ручаются имя, образъ мыслей и характеръ Н. В. Кукольника, и самолюбіе русской публики, которая не откажетъ ему въ средствахъ для поддержанія и развитія полезнаго дѣла. Не надо забывать, что изданіе это—школа для русскихъ гравюровъ, разсадникъ ихъ, первое открытое имъ поприще. Когда русская Иллюстрація создастъ и образуетъ у насъ сословіе гравюровъ, котораго донынѣ вовсе нѣтъ, всѣмъ будетъ пріятно и удобно. И чтобы достигнуть этой важной цѣли, нашъ русскій читатель поддержитъ предпріятіе Нестора Васильевича: онъ не допу-

ститъ, чтобы иностранцыя Иллюстраціи были лучше нашей русской въ художественномъ отношеніи. Мы душевно бы желали, чтобы тѣ, которые нападаютъ на Иллюстрацію по литературнымъ враждамъ, хорошо поняли ее полезную сторону и соединились съ русскимъ читателемъ для оказанія ей уваженія. Пищу къ этимъ нападеніямъ подали нѣкоторые промахи Иллюстраціи, правду сказать не совсѣмъ и зависящія отъ редакціи, которая могла бытъ приведена въ заблужденіе легкомысліемъ другихъ. Какой журналъ безгрѣшенъ въ этомъ отношеніи? Кто можетъ остеречься отъ невольныхъ ошибокъ? Чьего довѣрія не употребляютъ во зло? Повременныя изданія, въ отношеніи къ такимъ случаямъ, не должны бы забывать словъ умнаго критика-поэта:

Hanc veniam damus, petimusque vicissim.

L'Étoile rouge, ou Six mois d'une vie privée. Nouvelle d'Arthur Dodley, dramatisée, en quatre actes, par Paul d'Ignel. Moscou, chez Sémen, 8-vo, pp. 164.

Псевдонимный авторъ этой драмы уже извѣстенъ однимъ интереснымъ опытомъ въ томъ же родѣ. Въ этотъ разъ онъ заимствовалъ себѣ нѣмецкую легенду и умѣлъ слѣзть изъ нея занимательную драматическую повѣсть, которая для читателей французскихъ книгъ будетъ приятною новостью.

ПАМЯТНИКЪ РУССКИХЪ ДОВОДЪТЕЛЕЙ древнихъ и новыхъ временъ, содержащій въ себѣ избранныя дѣянія изъ жизни знаменитыхъ государей, полководцевъ, министровъ, храбрыхъ воиновъ, купцовъ, поселянъ и женщинъ, отличившихся твердостью духа и самоотверженіемъ. Заимствованный изъ историческихъ трудовъ Карамзина, Глинка, Погодина, Снегирева, Арцыбашева, Михайловскаго-Денилевскаго, Бактыша-Каменскаго и другихъ, а также изъ газетъ и журналовъ, М—ломъ Т—ковымъ. Москва, в тип. Университетской, 1845, Двѣ части въ-8, стр. 158—220.

Какъ вы видите и это — заимствованіе. Говорятъ, что Англія тѣмъ и сильна, что все займы свои дѣлаетъ у самой себя. Но мы, если станемъ заимствоваться у себя дома, то

скоро разоримся. Доказательство—«Памятникъ», воздвигнутый господиномъ М - ломъ Т—ковымъ «древнимъ и новѣйшимъ русскимъ добродѣтелямъ», и состоящій изъ сорока семи драгоценностей, заимствованныхъ у своихъ капиталистовъ. Нѣкоторыя изъ дѣявій походятъ на небывлицы. Таковъ анекдотъ о «двухъ разбойникахъ изъ наполеоновыхъ полчищъ», которые отрѣзали ухо у сына дьячка, что весьма походитъ на сказку. Также небывлицею надобно почестъ анекдотъ о крестьянинѣ, котораго будто бы взяли въ войско Наполеоново, и *заклеймили*, а онъ выхватилъ топоръ изъ-за пояса и отрубилъ клейменую руку. Наполеонъ никого изъ русскихъ крестьянъ въ войско свое не бралъ, а если и бралъ, такъ не *клеимилъ*. Вотъ еще небывалое дѣявіе: «Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, въ 1813 году, Барклай де-Толли, подъ пулями, распорядился дѣйствіями войска, ему вѣреннаго. Въ самое жаркое время къ нему *прискакиваетъ* его адъютантъ и *докладываетъ*, что его сынъ убитъ. Барклай де-Толли отвѣчалъ ему: «Теперь для отечества *всп—дѣти*; скажите просто—убить офицеръ. Послѣ сраженія мы будемъ разбирать число и имена убитыхъ и раненыхъ». Если къ какому-нибудь русскому генералу *прискакивалъ* адъютантъ съ докладомъ о смерти его сына и слышалъ отъ него отвѣтъ такой, какой передаетъ господинъ М—мъ Т—ковъ, то ужъ, конечно, случилось это не съ Барклаемъ де-Толли, у котораго, ни въ лейпцигскомъ, ни въ какомъ другомъ, сраженіи, сына не убивали.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ бережливому хозяйству, или собраніе множества секретовъ, касающихся до разныхъ предметовъ хозяйства, которые можно дѣлать каждому дома и недорогоими средствами. Переводъ съ нѣмецкаго. С. П.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1843, въ-8., стр.94.

Вотъ дешевые секреты! За сто осемдесятъ секретовъ—семдесятъ пять копѣекъ: менѣе денешки за секреты! Хотите ли узнать изъ этого *заимствованія* хоть пару секретовъ, даромъ! Секретъ гипсовымъ изваяніямъ давать видъ мрамору: вымыть изваяніе мыльною водою. «Отъ этого гипсъ

получить видъ прекраснѣйшаго мрамору». Секретъ дѣлать отличное пиво: четыре фунта сыроу, лоть камеди, два лота янбирю, смѣшай вмѣстѣ, положи въ тридцать мъръ воды, повари съ четверть часа, прибавь дрожжей, дай перебродиться, и пей каждый день по мъръ. Отличное пиво! Но особенно интересенъ: «Секретъ дѣлать лёнъ такъ нѣженъ какъ шелкъ: продернуть нѣсколько разъ лёнъ сквозь свѣжій коровій помётъ и вымыть его потомъ въ чистой водѣ». Лёнъ сдѣлается такъ нѣженъ какъ шелкъ!»

Н О В Ы Я Б Р О Ш Ю Р Ы .

выводъ о томъ, что въ древней Россіи пороженско-украинскіе и дунайскіе Трояны валы построены были не римскими, а русскими Трояномъ. Киевъ, 1843.—Въ числѣ тѣхъ предметовъ, которыхъ никто не понимаетъ, и о которыхъ, слѣдовательно, всякій можетъ говорить что ему угодно, надобно помѣстить Трояны, земляныя валы, находящіяся въ Бессарабіи и Молдавіи. Народъ тамошній называетъ ихъ троями. Въ Римѣ жилъ-былъ царь, имени Траянъ, и воевалъ на Дунаѣ. Чего жъ тутъ далеко ходить? Трояны насыпалъ бессарабскіе валы, и оттого называютъ ихъ троями. Но другіе говорятъ.... Да дѣло не въ томъ что говорятъ другіе, а въ томъ что говорятъ Кіянскіи Дмитрій, какъ называетъ себя сочинитель брошюры, и какой «камушекъ приносить онъ на постройку зданія славы и пользы?» Кіянскіи Дмитрій истый Словено-Россъ: онъ бросаетъ маленькимъ камушкомъ, но попадаетъ нѣ ловко въ Шлёцера, а риконшетомъ отъ Шлёцера въ варяжское происхожденіе Руссовъ, проклятую, окаянную скандинавскую ересь, доселѣ порабоцавшую русскую исторію. Трояны тутъ еще не главное дѣло. Вокругъ Кіева есть какіе-то старинныя земляныя валы, которые между сословіемъ украинскимъ Полковъ, потомковъ древнихъ Россовъ, почитаются сооруженными «при какомъ-то Троянѣ, и называются доннынѣ Трояновыми». Вы пожелаєте можетъ-быть знать, что это за «сословіе украинскіихъ Полковъ», и идѣ

и когда кievскіе валы назывались и называются «Трояновыми?» Можете спросить обо всемъ этомъ у Кіянна Дмитрія. Мы пересказываемъ то, что онъ говоритъ. Утвердивши первый фактъ, онъ изясняетъ преданіе «слова украинскихъ Поляковъ» тѣмъ, что нѣкогда жилъ, въ Кіевѣ царь *Троянъ*, который насыпалъ кievскіе и бесарабскіе валы, и владѣлъ землями по Дунаю до Вѣны, называвшейся тогда *Видень*, и бывшій русскимъ городомъ.» Объ этомъ именно Троянъ говорится въ Словѣ о полку Игоревомъ. Кіевъ назывался тогда *Троя*, потому что его строили трое, Кій, Щекъ и Хозерь. *Кій* былъ титулъ Трояна, и значилъ то же, что нѣмецкій *кеннигъ*, или латинскій *пилатъ*, то есть, *палка*. Таковы славяно-русскія ученія изслѣдованія Кіянна Дмитрія, но къ слову о Троянѣ, онъ присовокупляетъ еще много любопытныхъ диковинокъ, отъ которыхъ пришелъ бы въ крайнее изумленіе Шлѣдгеръ, если бы дожилъ до нынѣшняго славянскаго преобразования русской исторіи. Знаете ли вы, что Пилатъ, губернаторъ палестинскій въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., былъ нашъ землякъ? Онъ назывался «Понтійскимъ, а Понтійское Море было русское: слѣдственно, онъ былъ Россъ!» Что Скифы были Русскіе, объ этомъ уже никто не сомнѣвается, но Кіяннъ Дмитрій открываетъ гораздо важнѣйшія тайны древности. Въ старину, когда-то, было русское царство, называвшееся *Вартъ*, а правильнѣе *Вартъ*, то есть, *достойное*. Доказательство: и нынѣ Малороссіянне говорятъ *вартъ*, «достойнъ». Царство это занимало половину Азіи. Слѣды его остаются въ мѣстныхъ названіяхъ; напримѣръ: *Кавказъ*; это чисто русское слово: *кавать*, значитъ *говорить*, и выходитъ, что *Кавказъ*—*кавою-азъ*, то есть, *я говорю*. Мидійцы разорили царство *Вартъ*. Часть жителей ушла въ Кіевъ, гдѣ жили *Россы*, и отсюда названіе *Варягъ*, сокращеніе изъ *Вартъ-Россъ*, или отъ словъ *Вартъ-азъ*, то есть, *вартъ-азъ*, *Варягъ*, *Варяги*, *Варягъ*. Кіяннъ Дмитрій обѣщаетъ продолжать свои историческія и археографическія изслѣдованія. Онъ хочетъ доказать, что Каспійское Море называлось *Кажстійское*, Кипчаки значило *Кажчаки*, а Монголы—*Манюлы*. Знаете ли, что вѣдь все это наши родные братья,

наши земляки, *Словене*? Вы не понимаете? Мы не виноваты, что у васъ нѣтъ словенской проникательности! Дѣло тутъ ясно: Каспійское—*Кажь-спійское*, то есть, *Кажется-спійское*, или, всё-равно, *спящее*. А Кипчакъ? *кажчакъ*, то есть, *Кажется-чайка*. Монголъ, Мавъ-голъ, *манить-голыхъ*. Кажчаки были большіе мореплаватели, и летали по *Кажется-спящему* Морю. Смотря на ихъ лады, «*Кажется-Чайка*, говорили сосѣди, *Голяки*, ходившіе въ землю *Манголовъ*, которая манила ихъ, *голыхъ*».

Никто не повѣрилъ бы прежде, что наши словенскіе археологи дойдутъ до такихъ великихъ результатовъ, и страшно подумать, до какихъ еще результатовъ дойдутъ они послѣ того. Сомнѣвайтесь же, прошу, въ безпредѣльномъ совершенствованіи ума человѣческаго! Что такое Шлёцеры и собратія ихъ! Скоро, скоро падутъ они подъ безопаснымъ мечомъ новыхъ историковъ! И гдѣ имъ, устоять противъ ратоборцевъ, яко Кіяннинъ Дмитрій! Дерзай убо, брате Дмитріе, рази, гони, руби ихъ, нечестивыхъ, и когда убѣгутъ они, аки елени робкіе, мы воскаваемъ тебѣ пѣснь побѣды и увѣнчаемъ тя, чадо, вѣнкомъ основнымъ. Лавръ бо—древу не русское, и лавроваго вѣнка ты не приѣмешь. А осина—древу таинственное, котораго боятся упыри и вѣдьмы, и всегда было въ особенной чести у истыхъ Словенъ.

ЗАКАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ. Ю. А. Гагемейстера. *СП.-бургъ., 1845.*—Отдѣльно отпечатанные экземпляры статьи, помѣщенной въ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», о промышленныхъ силахъ Закавказья, естественныхъ произведеніяхъ тамошнихъ, и промышленности жителей.

КА ВИНЕТЪ ДЛЯ ОСТАВЛЕНІЯ НОВЫХЪ И ПЕРИЖСКИХЪ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЗУБОВЪ, Давида Валленштейна. *СП.-бургъ., 1845.*—

Книжечка очень интересная для беззубыхъ. Господи Валленштейнъ обѣщаетъ возвратитъ имъ молодость, прелесть, хорошее пищевареніе, краснорѣчіе, остроуміе, и все это зависить отъ хорошихъ зубовъ.

По его убѣжденію заимствованные зубы, несравненно лучше тѣхъ, которыми надѣляетъ насъ природа. Она не въ состояніи сдѣлать такихъ зубовъ, какъ нынче дѣлаютъ въ Парижѣ.

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Исторія грузинскаго народа, весьма недавно раскрытая трудами ориенталистовъ, составляетъ донинѣ предметъ сомнѣній и споровъ между учеными, именно по недостатку въ достовѣрныхъ документахъ. И вотъ очень кстати является въ свѣтъ трудъ важный и совѣстливый, сборникъ подлинныхъ историческихъ памятниковъ того края: *«Нумизматическіе факты грузинскаго царства»*, изданные княземъ М. Баратаевымъ. Изданіе прекрасно, разысканія трудолюбивы, тщаніе во всемъ примѣрно. Все здѣсь любопытно для высшей исторической критики; вопросы, возникающіе изъ многихъ фактовъ, касаются весьма глубокой азіатской древности и первыхъ опытовъ человѣческой образованности. Мы крайне сожалѣемъ, что, по поводу поздняго выходу этого сочиненія, не можемъ войти въ нынѣшней же книжкѣ въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ; но, при первомъ удобномъ случаѣ, мы представимъ съ ними передъ читателей.

— Извѣстный капельмейстеръ, композиторъ и литераторъ, В. М. Кажинскій, котораго прелестныя польки вы знаете, издалъ здѣсь въ Петербургѣ, на польскомъ языкѣ, чрезвычайно любопытную книгу, подъ заглавіемъ *«Notatki, etc.»*, то есть, *«Дневныя записки музыкальнаго путешествія по Германіи, совершеннаго въ 1844 году.»* Господинъ Кажинскій путешествовалъ съ генераломъ А. А. Львовымъ, даровитымъ и хорошо извѣстнымъ любителемъ музыки. Всѣ музыкальныя тайны Германіи, всѣ ея гармоническія величія, всѣ вокальныя пересуды ея, были раскрыты передъ ними, и, господинъ Кажинскій, который слушаетъ, смотритъ и пишетъ такъ же ловко и мило какъ играетъ, составилъ изъ этихъ драгоценныхъ матеріаловъ и другихъ своихъ наблюденій, художественныхъ и литературныхъ, книгу въ высшей степени занимательную. Мы вовсе не знали, что господинъ Кажинскій, на-придачу ко всѣмъ своимъ талантамъ, еще такой пріятный писатель! Сочиненіе его читается еще съ большимъ интересомъ чѣмъ извѣстное того же роду *«Путешествіе»* Гектора Берліоза. Въ будущемъ мѣсяцѣ мы

непремѣнно познакомить нашихъ читателей съ примѣчательнѣйшими страницами этой книги. При столь вѣрной оказіи, надобно еще сказать, что господинъ Кажинскій сочинилъ и недавно издалъ въ свѣтъ прелестный романъ, для тенора или для сопрано, віолончели и фортепиано, съ русскими словами. Что касается до его продажъ, то собраніе ихъ, втеченіи одного года, достигло трехъ изданій. Последнее изданіе, вышедшее въ Одеонѣ, весьма красиво.

— Господинъ Эйверлингъ, которому покупатели книгъ обязаны уже большимъ числомъ весьма красивыхъ и полезныхъ изданій, издалъ теперь, такъ же прекрасно какъ всегда, извѣстный «*Географическій, историческій и хронологическій атласъ російской имперіи, Ахматова.*»

— Тринадцатая книжка «*Санктпетербургской флоры*», издаваемой господами Левинымъ и Селевневимъ вышла изъ печати. Она содержитъ въ себѣ санктпетербургскіе грибы.

— Вышла, еще, третья книжка «*Сельскаго чтенія*», составляемаго княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. Кромѣ трудовъ самихъ издателей, въ ней находятся статьи Д. С. Протопопова, В. М. Даля и графа Соллогуба.

— Докторъ Грумъ издалъ третій томъ своего общепольнаго «*Руководства къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей.*» Въ этомъ томѣ авторъ излагаетъ образованіе физическое, умственное и нравственное.

==

НОДЕРЬ, 1845.

=

НОВЫЯ КНИГВ.

Кочубей, генеральный судья, историческая повесть Николая Сементовскаго. С П.-буржъ, въ тип. Морскаго Кадетскаго Корпуса, 1845, въ-8, стр. 376.

Повѣсть, основа ея, нравы дѣйствующихъ лицъ, картины, изложеніе — все, все казацкое. Авторъ, — великій *Словеникъ*: въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Книжки, болѣе гетманской, нельзя и требовать. Едва вы раскрыли книгу, на васъ такъ и дуетъ Сѣчею. Дѣйствіе открывается въ самомъ сердцѣ казачины, въ самой утробѣ гетманскаго романтизма, Диканькѣ, въ будничкахъ генеральнаго писаря Кочубея.

Утро. Всѣ спятъ; не спитъ только самъ генеральный писарь, Василій Леонтьевичъ и благолѣпная супруга его, Любовь Федоровна. У нихъ бессонница отъ печали, которая, говоритъ авторъ, ясно выражалась въ потьмахъ на ихъ лицахъ.

Долго лежали они молча. Наконецъ Любовь Федоровна *начала*:

— Почему знать, можетъ-быть первая пуля попадетъ въево сердце, ты этого не знаешь.... да можетъ бы и умереть, не сегодня, такъ завтра: въ походѣ не на лежанкѣ спать. Ну, да что и говорить: будь умный, такъ и до-

будешь, а воронъ ловить начнешь, такъ самъ на себя жалѣй! Тогда, сдѣлай милость, и не показывайся мнѣ на глаза, иди-себѣ куда хочешь, не знай меня, живи-себѣ какъ вздумаешь! Лучше одно горе перенести, чѣмъ весь свой вѣкъ терпѣть и посмѣшищемъ быть для другихъ.

— Любовь Федоровна, Любовь Федоровна! *началъ* Кочубей, покачавши головой: какъ ты говоришь это! подумай сама! тебѣ хочется, чтобъ сейчасъ булава, бунчуки и все у ногъ твоихъ лежали!... Любонька, Любонька!... когда Богъ не дастъ (булавы), человекъ ничего не сдѣлаетъ!...

Въ отвѣтъ на это Любовь Федоровна *начала*:

— Я тебѣ не татарскимъ языкомъ говорю: какъ *начнешь* ловить воронъ, такъ Богъ и ничего по вѣкъ твой не дастъ!

— А! *началъ* съ своей стороны Кочубей, который былъ увѣренъ, что она говоритъ чисто по-татарски: а! *началъ* онъ, махнувъ рукой: что говорить! ты знаешь, я бы послѣдній кусокъ хлѣба отдалъ, лишь бы булава въ моихъ рукахъ была!... Ты знаешь сама это: да что и говорить!...

— Я тебѣ говорю на всякой случай, *начала* Любовь Федоровна, чтобъ зналъ свое дѣло!

— Да развѣ я не знаю! *началъ* Кочубей.

— Да, случается! *начала* жена.

— Не знаю, когда случилось? *началъ* мужъ.

— Было да прошло, *начала* жена: чтобъ не было только впередъ. Прошу тебя и заклинаю, Василій, не надѣйся ни на кого, самъ ухитрися да умудрися, не жалѣй ни золота, ничего другаго, обратайся со всѣми полковниками, со всѣми обозными, асаулами, угощай кавказовъ, ласкай гетмана, вотъ и вся мудрость!

— Дobre, добре! *началъ* генеральный писарь.

— То-то, смотри жъ! *начала* въ заключеніе генеральная писариха.

И такимъ образомъ *начинаютъ* они и прочія дѣйствующія лица во все продолженіе книги. Я нахожу, что эти

начинающаго отъ случая: но мое ли дѣло — «смыслъ свое сужденіе имѣть?» Я — простой лѣтописецъ и долженъ быть утайки и безъ прибавки, рассказать вамъ только что каково было и есть.

Василій Леонтьевичъ замышляетъ заговоръ, котораго дѣль — сверженіе Самойловича. По обычаю, принятому искони заговорщиками, онъ строитъ свои планы, предположенія, расчеты — ночью. Душою заговору — душенька Василія Леонтьевича Любонька. Любовь Федоровна главное дѣйствующее лицо, трибунъ въ юбкѣ, Ріенци казачины. Она — центръ и полюсъ всего. Она источникъ и пружина всѣхъ переворотовъ. Безъ нея свѣтъ нынче не былъ бы тѣмъ что онъ есть, казачина существовала бы до-сихъ-поръ, русская литература не обладала бы историческимъ романомъ господина Сементовскаго. Если вѣрить господину Сементовскому — отъ Любови Федоровны произошла и полтавская битва. Безъ Любови Федоровны не былъ бы сверженъ Самойловичъ, не сидѣлъ бы на гетманствѣ Мазепа, не припелъ бы въ Украину Карлъ Двѣнадцатый. Мадамъ Кочубей — настоящее *fatum* повѣсти господина Сементовскаго, его *ultima ratio*. Кочубей, котораго доселѣ почитали довольно примѣчательнымъ лицомъ, по открытіямъ автора былъ чистый нуль, червь подъ башмакомъ своей жены. Самовластная Любовь Федоровна, которой ужасно хотѣлось быть гетманшею въ ожиданіи этого блаженства таскала за чубъ своего генеральнаго писаря, самаго прозаическаго мужа въ поднебесной, и такимъ образомъ составила исторію Малороссіи, изъ которой исторіи господинъ Сементовскій, не зная что дѣлать, сдѣлалъ повѣсть.

Заговоръ, подстрекаемый Любовью Федоровною и поддерживаемый полковникомъ Мазепою, зрѣть. Картина казацкаго обоза, то есть лагеря, гдѣ авторъ представляетъ читателю великодѣйную панораму заговорщиковъ, занимательна въ высшей степени. Полковники и есаулы сидятъ и пьютъ венгерское, пьютъ по-казацки, бочками. За шатромъ раздастся пѣсня сторожеваго казака, кото-

рая у чувствительныхъ заговорщиковъ исторгаетъ слезы. Эта пѣсня — малороссійская: Чѣмъ тебя я огорчила?

«Ой чимъ мнѣ вась, панове,
 Чимъ вась привитати?
 Даровавъ мени Господь сына,
 Буду въ кумы брати.
 Ой мы не того до тебя пришли.
 Щобъ до тебе кумовати;
 А мы съ того до тебе пришли
 Щобы тебе разчитаты.»

Полковники долго прислушивались къ трогательной пѣснѣ; потомъ полковникъ съ краснымъ лицомъ спросилъ полковника со смуглымъ лицомъ:

— Чтò жъ ты думаешь, Дмитрій Григорьевичъ?

— Ничего!

— Какъ, ничего?

— Да такъ-таки, ничего!

— Нѣтъ, не ничего?

— Чтò жъ мнѣ думать, пане Лизогубе?

— Такъ-таки-такъ думай, пане Солонинно!

— Эге! чтò такъ?

— Да-таки-такъ!»

Малороссійскій юморъ—вещь удивительная: вотъ такъ-таки-такъ и хочется сказать—смертельная скука! И зачѣмъ авторъ въ кружокъ этихъ остроумныхъ государственныхъ людей такъ-таки-такъ и не ввелъ Любовь Федоровны, которая бы могла научить ихъ уму-разуму. Надобно сказать правду, Любовь Федоровна, которую такими черными красками описываетъ авторъ, самое умное лицо въ его повѣсти.

Татарскій походъ, походъ на Крымъ, предпринятый по совѣту царскаго воеводы князя Голицына, оканчивается весьма неудачно. Татары зажгли степь. По этому поводу авторъ яркими, совершенно огненными, красками, передъ которыми лучшія суздальскія краски кажутся темнѣе угля, описываетъ пожаръ степи. Дымъ выѣлъ казакамъ глаза: они воротились вспять, не упустивъ приписать неудачу похода Самойловичу. Самойловичъ свергнуть и

сосланъ въ Сибирь. Казаки выбираютъ Мазепу. Картина выборовъ дышетъ всюю оригинальностью пера господина Николая Семеновскаго: мы должны дать ей почетное мѣсто на нашей выставкѣ.

«Шумъ и говоръ, происходившій среди народа, прекратился; воцарилось безмолвіе. Голицынъ всталъ съ кресла, важно снялъ шапку, поднялъ вверхъ гетманскую булаву, такъ что всякій изъ стоявшихъ легко могъ ее видѣть, и громко сказалъ:

— Великіе цари-государи повелѣли мнѣ объявить вамъ, вѣрные и храбрые казаки, чтобы вы избрали среди себя новаго гетмана; Самуйловича же за измѣну и всякія неправды отставить! Кому вы желаете вручить сію булаву?...

Шумъ разлился въ народѣ, но ни одинъ голосъ не произносилъ имени избираемаго.

Голицынъ выше поднялъ булаву и громче прежняго спросилъ :

— Кому желаете вручить булаву?

— Борковскому! — раздался голосъ съ лѣвой стороны, и повторился двумя или тремя съ правой. Борковскаго! Борковскаго!

Налѣво закричало вдругъ десятка два голосовъ: Григорію Самуйловичу, Григорію!

Вокругъ столика, среди полковниковъ, послышалось довольно громко: тсъ-съ-съ-съ, тсъ-съ-съ-съ!

— Ивану Степановичу! — сказалъ кто-то, почти у самаго столика.

— Ивану Степановичу? спросилъ Голицынъ.

— Ивану Степановичу!

— Да! Мазепѣ!

— Нѣтъ, Борковскому!

— Григорію Самуйловичу!

— Мазепѣ!

— Борковскому!... Борковскому!...

Кричали въ разныхъ углахъ.

— Кочубею! произнесъ кто-то писклявымъ голоскомъ.

Полковники захохотали, а за ними и близъ стоявше Казаци.

— Борковскому! Борковскому!

— Мазепу! тихо произнесъ одинъ изъ полковниковъ.

— Ну! Мазепу, такъ и — Мазепу! — сказалъ Голицынъ.

— Борковского! Борковского! Борковского!...

— Ивана Степановича? такъ, паны полковники, Мазепу?

— Да хеть и такъ!

— Да-таки-такъ.

Мазепа стоялъ у стола, безпрестанно кланялся въ поясъ Голицыну, старшинамъ и народу.

Голицынъ подозвалъ Мазепу, и подавая булаву, сказалъ: генеральные старшины, полковники и вѣрные казаки единодушно желаютъ, чтобы ты былъ у нихъ гетманомъ!

По существовавшему обыкновенію Мазепа началъ отказываться и благодарилъ за честь; но Голицынъ вручилъ ему булаву и прибавилъ: «служи, гетманъ, вѣрою и правдою, Богу, Царю и храброму казачеству!»

Въ народѣ поднялся страшный шумъ и крикъ — сильчаки поминутно произносили имя Борковского, а вѣкеры Гамалѣя; войско окружавшее площадь вѣкоса по-сматривало на шумѣвшихъ, ожидая, не потѣшатся ли ихъ сабли на казачьихъ головахъ. Голицынъ, будто ничего не видя и не слыша, занимался Мазепой.

Мазепа принялъ булаву и поклонился на всѣ четыре стороны.

Тотчасъ же новый гетманъ присягнулъ въ вѣрности Царямъ; а за нимъ присягнули въ вѣрности ему старшины, полковники и прочіе чины.

Народъ долго еще шумѣлъ, водновался, многие были недовольны избраніемъ Мазепы.

Съ площади всѣ чины поѣхали къ Голицыну и окончили у него этотъ день бенкетомъ.

Полковникъ Солонина и Лизогубъ вѣхали вмѣстѣ и разговаривали:

— Вотъ, пане Солонино, и воля твоя, теперь дѣлай что хочешь... вотъ правда, такъ правда, что мы за свои гроши купили себѣ лыко.

— Да, похоже на то, пане Лизогубе!

— Да чтобы врагъ душу мою взялъ, если я не правду говорю.

— Что жъ дѣлать!

— А кто?... спросилъ Солонина покачавши головою.

— Да кто!

— Самн!

— Да-таки всѣ не безъ грѣха.

— А все Кочубей.... онъ больше всѣхъ....

— Да и новобранецъ не дурень: всѣхъ обошелъ.

— Да и судья....

— Да и тотъ такн....

— А жаль старика!...

— Жаль! добрый батько былъ....

— Промѣняли голубя на ястреба....

— Повыклюеть же онъ имъ слѣпныя очи....

— Чтобъ всѣмъ имъ сто вороговъ за пазуху.

— Да хоть и двѣсти вмѣстѣ.

— Отъ-то еще лучше!

— Да-таки-такъ!

— Да хоть и такъ!

Такъ-то вотъ оно и сплошь и рядомъ на бѣломъ свѣтѣ, послѣ всякой человѣческой неправды: и близко къ локотъ, да не укусишь!...

Надо было видѣть бѣднаго Кочубея на бенкетѣ у Геллицына: стыдъ, страхъ, досада, обманутыя надежды, укоры совѣсти, поминутно смѣнялись на лицѣ его: онъ ничего не могъ вѣсть, вино не забирало его; напрасно Мазепа, торжествующимъ голосомъ зывалъ къ нему: «куме, а куме!» — Куму легче бы вынести сто ударовъ татарской нагайки-дротянки, чѣмъ одинъ торжествующій взглядъ Мазепы. Кочубею чудилось, что всѣ присутствующіе переминаются и нерешаются на его

счетъ. Оно-таки и было такъ. Онъ сидѣлъ какъ на ножахъ. Стремглавъ умчался съ бенкета, когда всѣ встали. Дорогою и дома преслѣдовали его два грозные призрака: Самойловичъ благословлявшій всѣхъ, и Любовь Федоровна, — ужасная Любовь Федоровна!!!»

Бѣдный Василій Леонтьевичъ!... Достанется же ему отъ Любови Федоровны! Гетманская булава, которую онъ уже воображалъ видѣть въ своихъ рукахъ, отдана его куму, Мазепѣ, и онъ остался ни съ чѣмъ. Такое несчастіе, и даже послѣдовавшая за нимъ потасовка отъ Любови Федоровны, не охолодили честолюбія Кочубея. Онъ задумалъ свергнуть Мазепу. Начинаются новые заговоры, новыя козни, новыя ухищренія обоихъ супруговъ.

Между-тѣмъ авторъ переноситъ читателя въ высокій и крѣпкій замокъ подъ Кіевомъ, настоящій критскій лабиринтъ повѣсти. Въ этомъ лабиринтѣ есть и чудовище, есть минотавръ, польскій графъ Іозефъ Замббушъ, который, какъ настоящій мифологическій минотавръ, беретъ съ окрестностей дань *дѣвицами*. Этотъ панъ, какъ всѣ паны въ нашихъ повѣстяхъ и романахъ, страшный обжора, забіяка, рубака, но только на словахъ. Само собою разумѣется, что Казакъ и Жидъ для него не люди, но несмотря на это онъ, какъ панъ, умѣетъ извлекать изъ нихъ всю возможную пользу и удовольствіе. Съ этою цѣлью пріютилъ онъ у себя въ замкѣ двухъ горлицъ; двухъ голубокъ, двухъ ангеловъ, двухъ Казачекъ, двухъ дѣвицъ, мать и дочь, Анну и Юлію. Дѣвица-дочь—дочь самого графа Замббуша, какъ всякій изъ васъ навѣрное угадалъ заранѣе. Это—идеальная красавица гетманщины, дѣва чудная украинскаго Парнасса.

«Густые, свѣтлые шелковистые волосы ея были перевиты назадъ, въ видѣ корзинки, зелеными листьями плюща и барванкомъ; бѣлое нѣжное лицо ея отгѣнялось румянцемъ, едва замѣтнымъ на щекахъ; прямой носикъ, маленькія коралловыя губки скрывали ряды перломутровыхъ зубовъ, черные глаза, освѣсненные черными же длинными рѣсницами, по большей части были опущены въ землю—знакъ скромности и сознаніе собственнаго де-

стѣнства; ростъ ея не много выше средняго. *Вотъ, во возможности, яркое изображеніе прелестной карусельности Юліи, но душа и сердце ея были еще прелестнѣе.*

Дѣвица Юлія и дѣвица мать ея, какъ водится, тоскуютъ по родинѣ, совѣщаясь по временамъ съ какимъ-то таинственнымъ старцемъ. Это дотога раздражаетъ пана Замббуша, что онъ, въ одно свѣтлое утро, на охотѣ, вѣшаетъ на суку Жмда, который подвернулся ему на глаза, собаку коханку, которая заставила его проиграть парі, и несчастную Анну, также кожанку, что значитъ — любовницу. Несчастной Юліи остается одно средство, — бѣжать. Она это и дѣлаетъ, при помощи таинственнаго старца, до котораго давно уже добирается панъ Замббушъ. Бѣглецы скрываются въ какихъ-то развалинахъ, въ какомъ-то безконечномъ подземельѣ, гдѣ напрасно ищеть ихъ разъяренный ясновельможный панъ Замббушъ.

Вотъ и Батуричъ. Старый Мазепа гетманствуетъ, хитритъ передъ казаками, хитритъ передъ Москвою, хитритъ даже передъ Любовью Федоровной, которая гораздо умнѣе его, какъ уже сказано. Ея дочка *Мотренька*, крѣпко ему приглянулась. Она ему крестная дочь, но это не бѣда, по-крайней-мѣрѣ такъ увѣряетъ его езуитъ Зеленскій, *Rodin* нашей исторической повѣсти. *Мотренька* на бѣду свою — вся въ матушку: ей тоже страхъ хочется быть гетманшею. На каковомъ основаніи она и влюбляется въ стараго Мазепу, вздыхаетъ объ немъ на берегу хрустальнаго озера, при серебристомъ свѣтѣ луны, — пишетъ къ нему любовныя записочки сентиментальнымъ казацкимъ слогомъ, подкрѣпляемымъ казацкою орографіей. Занятый этой сердечной пинтригою и честолюбивыми замыслами, Мазепа задаетъ въ своемъ замкѣ, Гончаровкѣ, пиръ, банкетъ, или *бенкетъ*, какъ называетъ авторъ, банкетъ на-славу. Гостей съѣхалось тма. Пили, ѣли, плясали, пѣли до-упаду. Польскія графини, послѣ мазурки, очемъ благоразумно оставили балъ, потому что тутъ уже пошелъ настоящій казацкій банкетъ.

На другой день утром, у Мазепы болѣла съ похвѣльнѣя голова, но езунтъ донесъ ему, что привезли какую-то черницу. Черница эта ничто инымъ какъ дѣва чудная, Юлія. Старому Мазепѣ она не на шутку понравилась: такой волокита! Не отирадая дѣла въ долгій щипкъ, всемогущій гетманъ тутъ же объявляется ей въ своихъ чувствахъ, но жестокосердая идеальная красавица и слышать не хочетъ. Пресѣбы, угрозы, обѣщаніе, даже «*спириска*», ничтѣ не помогло; *дѣвица* оставалась непреклонною дѣвицею. Толкая дѣвичья добродѣтель породила въ Мазепѣ самую сильную платоническую любовь, о какой только сохранилось преданіе въ казачьихъ. Старый гетманъ перерождается: изъ свирѣпаго и жестокаго онъ становится сладкимъ, добродушнымъ, ласковымъ, изъ тигра овечкою, изъ тонкаго паута круглымъ дуракомъ: такова-то сила истинной любви. Все это однако жъ мало дѣйствуетъ на *дѣвицу*: она по-прежнему остается непреклонною дѣвицею. Комната *дѣвицы* подгѣ спальни Мазепы, но—*hopni soit qui mal у pense*—*дѣвица* помышляетъ только о нравственномъ исправленіи гетмана и исправляетъ его до того, что онъ о пустякахъ и занкнуться не смѣетъ.

«Прошелъ годъ со дня пребыванія *дѣвицы* въ Бахмачѣ», говоритъ краснорѣчивый авторъ, и въ замкѣ Мазепы является таинственный чернецъ, старецъ, который помогъ *дѣвицѣ* убѣжать отъ отца своего, Замбѣуша. Видно, что и теперь онъ помышляетъ о такомъ же подвигѣ, потому что очень часто бесѣдуетъ съ *дѣвицею* наединѣ. Въ этой таинственной бесѣдѣ застаеъ ихъ однажды польскій графъ Жабакршевецкій, пріятель Замбѣуша, у котораго онъ видѣлъ *дѣвицу*—дочь, еще при жизни дѣвицы-матушки. Графъ узнаеъ ее и открываеъ Мазепѣ исторію узницы... Дѣвица и старецъ скрываются, а Мазепа, какъ сталъ дуракъ силою истинной любви, такъ-таки-такъ дуракомъ и остается до конца повѣсти. Сначала онъ былъ въ отчаяніи послѣ неудачныхъ попытокъ отыскать *дѣвицу*; ему же остается ничего болѣе какъ броситься въ бездну страстной любви Мотренки, дочери Кочубеевой, которую онъ потомъ выдаетъ замужъ за казака Чуйкевича.

Повѣсть тянется еще долго, очень долго, но судьба гетмана рѣшена: онъ ужъ никогда не станетъ умнымъ и до послѣдней страницы будетъ дѣлать однѣ только глупости. Казню Кочубея и заточеніемъ Любови Федоровны она оканчивается. Полтавская битва, смерть Мазепы въ Бендерахъ и заключеніе Мотренки въ монастырь составляютъ эпилогъ.

Такова «историческая повѣсть» господина Сементовскаго. Но не должно судить объ ней по этому краткому изложенію, начертанному во всей лѣтописной простотѣ нашей. Кто не знаетъ слогу господина Сементовскаго, тотъ ничего не знаетъ. Вся сила повѣсти его — въ слогѣ, слогъ истинно неподражаемъ. Каждая глава начинается описаніемъ украинской природы. Востокъ каждый разъ *румянится*; солнце *золотитъ* все, на что ни паднутъ лучи его; луна съ своей стороны *серебритъ* все; между-тѣмъ какъ небо всегда *сапфирное*. Нѣкоторыя описанія особенно оригинальны. «Тысячи кузнечиковъ неумолкая пронзительно кричатъ въ сухой травѣ, а перестрая перепелка сидитъ у корня подъ тѣнью шелковистаго ковыля съ раствореннымъ носикомъ, отъ зноя и жажды.» (стр. 8.) «Казакъ спитъ; въ селеніи Коломакъ слышится лай собаки, въ полѣ громко кричитъ перепелъ, а у рѣки свиститъ пастушокъ», (стр. 33), и все это составляетъ очаровательный аккордъ. Объ юморѣ, которымъ проникнуто все произведеніе, нечего и говорить: сало и юморъ, Украина составляетъ на весь свѣтъ.

путешествіе по солнцу. Демокрита Терпиновича.
III. *буря*, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1845, въ-8., стр. 78, *сээниграфомъ*:

«Ma plume me sert parfois de lance;
Bonny soit qui mal y pense.»

Остроуміе это немпожко запоздало; оно прошло цензуру еще въ 1841 году, но является на свѣтъ только въ настоящемъ.

Демокритъ Терпиновичъ — мизантропъ. Несправедливости и угнетенія, пресѣдовавшія его на землѣ, пробудили

въ немъ желаніе съѣздить на солнце. Какъ онъ туда взобрался? Очень просто!... верхомъ на своемъ остроуміи. Остроуміе — конёкъ его. Мистеръ Демокритъ Терпиновичъ, отираваясь путешествовать на этотъ небесный шаръ, позаботился прочесть предварительно путешествіе мистеръ Гулливера, изъ чего, по мѣрѣ силъ и возможности, вышло очень скучное замѣстоуваніе. Вхвать на солнце въ Гулливеровой колымагѣ: вогуь странная идея! Да кто нынче ѣздитъ на солнце? Это было хорошо въ прошломъ столѣтіи, когда солнце только-что открыли, когда дуня почиталась странною дѣвственною, неизвѣданною и весьма любопытною, когда Юпитеръ, Сатурнъ, Меркурій, Марсъ славились своею новостью, воздушные шары возбуждали удивленіе и почта на притягательной силѣ едва учреждалась. Въ то счастливое время, человекъ, не зная куда отправиться съ своимъ остроуміемъ, отправлялся прямо на солнце, на дуну или на какую-нибудь планету для наблюденій надъ тамошними жителями. Но теперь!... Что теперь можно сказать особеннаго объ этихъ изъѣженныхъ и забытыхъ краяхъ? Нынче солнце не стоитъ Костромы. Въ Порховѣ предметовъ замѣчательныхъ во сто разъ болѣе чѣмъ на всѣхъ отдаленныхъ планетахъ. Охота же въ 1845 году скакать на солнце! Но мистеръ Демокритъ Терпиновичъ увѣренъ, въ могущество своего остроумія: онъ смѣло ѣдетъ на солнце, въ томъ убѣжденіи, что будетъ его Свифтомъ. Счастливый путь!

Мистеръ Терпиновичъ поскакалъ на солнце изъ Африки, съ горъ Атласа, куда заманили его семейныя дѣла и личное остроуміе. Съ Атласа, извольте видѣть, онъ могъ обнять однимъ взглядомъ всю землю и даже рассмотреть въ подробности все, что на ней ни происходитъ. Господинъ Демокритъ Терпиновичъ увѣряетъ, что видѣлъ много любопытнаго и забавнаго и обѣщаетъ описать все видѣнное въ особой тетради, для своихъ правнучатъ, которые вѣроятно уже не стануть читать журналовъ, потому что въ ихъ время, можетъ-быть, не будутъ издавать журналовъ и каждый изъ нихъ самъ по себѣ будетъ знать болѣе нежели все журналы вмѣстѣ. Изъ этого вы видите, что

господинъ Демокритъ Терпиновичъ журналовъ не любитъ, недоволенъ ими, сердится на нихъ, и колеть ихъ своимъ остроуміемъ. Остроуміе господина Демокрита Терпиновича—очень обидчивое остроуміе.

На Атласъ остроуміе господина Демокрита Терпиновича напиталось росой, и какъ оно совершенно похоже на пустое курное яйцо, то было притянуто солнцемъ, вмѣстѣ съ своей скорлупою. Это остроумное происшествіе требуетъ, конечно, нѣкотораго поясненія. Солнечные лучи схватили господина Демокрита Терпиновича и тащали его непреодолимою силою по своему направленію. Господинъ Демокритъ Терпиновичъ летѣлъ всё выше и выше, удивляясь что это значитъ и не понимая, почему и куда летитъ онъ. Наконецъ остроуміе *нашло его на истину:*

«Я вспомнилъ, что въ дѣтствѣ забавлялся иногда тѣмъ, что пустую личную скорлупу наполнялъ росой, и залѣпивъ потомъ дырочки по обѣимъ концамъ воскомъ, выставлялъ ее на солнце, которое силою своихъ лучей притягивало это яйцо, и мы съ товарищами моего дѣтства всегда любовались, когда оно такимъ образомъ поднималось по воздуху, до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ терялось изъ виду: теперь случилось со мною почти то же что съ яйцомъ; я цѣлую недѣлю пилъ одну росу, которою, слѣдовательно, весь былъ проникнутъ; какъ-же скоро солнце взшло на горизонтъ, то силою своихъ лучей притянуло меня къ себѣ, хотя я не былъ съ обѣихъ концовъ залѣпленъ воскомъ.

«Гляжу: земля уже стала казаться не больше шампанской бутылки, а я всё-еще летѣлъ; наконецъ ввалился въ солнечную сферу, и тогда уже замѣтно сталъ опускаться на солнечный шаръ: чрезвычайно странное, невзъяснимое чувство, летѣть такимъ образомъ по воздуху; безъ всякой опоры, и одною притягательною силою солнечныхъ лучей! Къ этого не испыталъ, тому трудно и понять.»

Такимъ образомъ остроумный авторъ наконецъ ввалился и на самое солнце. Солнце совсѣмъ ему не понравилось. Солнечные люди—существа безъ тѣни остро-

умія. Господинъ Демокритъ Терпиновичъ увидѣлъ себя, къ великому изумленію своему, умнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ на солнцѣ: на землѣ, земныя журналы вовсе не приучили его къ такому лестному вѣщанію о самомъ себѣ. Зато, пользуясь случаемъ, все солнечное населеніе онъ смѣшалъ съ грязью... Солнечные люди вѣрять въ переселеніе душъ; ученыхъ между ними пропасть и они раздѣляются на разные степени: дѣйствительно-ученые, полу-ученые, четверть-ученые, мнимо-ученые и неученые; литераторовъ и журналистовъ безъ счету. Вотъ что говоритъ о нихъ остроумный путешественникъ:

«При такомъ изобиліи литературнаго ума, и при такомъ общемъ стремленіи читать все что ни попадетъ, читатели журналовъ, казалось бы, должны жить между собою въ ладу, не имѣя основательной причины ссориться; но напротивъ-того, они живутъ между собою въ безпрестанной ссорѣ, ругаютъ другъ друга на-пропалую, цыганятъ, критикуютъ, и безпрестанно стараются уронить другъ друга въ мнѣніи публики: одни только истинно умные, благонамѣренные сочинители никогда не откѣчуютъ на такія литературныя ругательства, смѣются надъ ними, и продолжаютъ писать по-прежнему.

«Сильные временщики ласкаютъ обыкновенно модныхъ журналистовъ, кормятъ ихъ до-сыта, и даже платятъ имъ значительное жалованье; за это журналисты помѣщаютъ по временамъ въ своихъ изданіяхъ приторныя похвалы своимъ меценатамъ, выставляя воѣ ихъ дѣянія съ самой похвальной стороны, хотя бы дѣйствительно онѣ подлежали сильному порицанію. Ежели какой-нибудь правдивый человѣкъ вздумаетъ написать справедливыя свои замѣчанія противъ такихъ подкупныхъ похвалъ, то никто не посмѣетъ ихъ помѣстить въ своемъ журналѣ, отговариваясь важностью лица, до котораго могутъ касаться такія замѣчанія: этия публика вводятся въ заблужденіе насчетъ этихъ лицъ, и приписываютъ имъ достоинства, которыхъ оны (?) вовсе не имѣютъ.»

Давѣ господинъ Демокритъ Терпиновичъ описываетъ нравы и обычая солнечныхъ жителей, систему солнечна-

го воспитанія, солнечное правленіе, солнечную полетку, словомъ, все изъ чего могло извлечь для себя пищу его неисчерпаемое остроуміе.

Женщины на солнцѣ ростомъ въ четыре сажени. Несмотря на эту длину, онѣ очень любезны и, по увѣренію господина Демокрита Терпиновича, который для нихъ былъ немножко ниже подвязки — большія кокетки. Онѣ были безъ памяти отъ остроумнаго малютки, путешествовавшаго между пими или, правильнѣе, между ихъ башмаками, влюблялись въ него, даже списывали съ него амура *in naturalibus*. Наконецъ онѣ женили его на карлицѣ Бинзи, престестной крошкѣ ростомъ въ четыре аршина и два вершка. Поговорка — женишься переменяешься, но сколько не предлагается къ господину Демокриту Терпиновичу: послѣ свадьбы, особенно въ медовый мѣсяцъ, онъ становится еще остроумнѣе. Остроуміе не даетъ ему покою. Вольтеровъ Микромегасъ, въ сравненіи съ нимъ, ничто. Онъ заглядываетъ всюду, куда другіе и заглядывать не хотятъ, рассуждаетъ обо всемъ, во все виѣшивается, наконецъ дѣлается другомъ и совѣтникомъ правителя солнечнаго государства Брршъ-Гника, котораго онъ не свѣщаетъ въ наши земныя тайны. Въ заключеніе остроумію его наскучило на солнцѣ и оно пожелало съѣздить на Меркурій, гдѣ, по всей вѣроятности, обитаютъ, въ противоположность солнцу, Лиллипуты. Для этого ему, то есть; остроумію господина Демокрита Терпиновича, стоило только влѣзть въ носъ къ любому солнечному жителю, а тому — хорошенько чихнуть, глядя на Меркурія. Такимъ образомъ нашъ путешественникъ очутился на Меркуріи. Что онъ тамъ видѣлъ и что съ нимъ происходило, это — тайна, которая откроется во второй части его остроумнаго творенія. Авторъ, вѣроятно, боится, чтобы его остроуміе не обладало чуднымъ свойствомъ опіуму, который развеселяетъ въ маломъ количествѣ, повергаетъ въ летаргическое усыпленіе при сильномъ,⁵ двойномъ приемѣ.

Каждый въ правѣ ѣхать куда ему угодно: но кто не хочетъ тратить времени и денегъ для того чтобы наводить зѣвоту на читателей, тотъ въ нашемъ вѣкѣ, отправляется,

ше на солнце, гдѣ всегда господствовала скука, а кудя-нибудь на землю, въ земное государство, въ край историческій, въ избранный уголокъ мысли или красоты, въ страну наукъ, художествъ или вещественныхъ успѣховъ. Въ тысячу разъ лучше сдѣлалъ бы господинъ Демокритъ Терпиновичъ, если бы, отказавшись отъ остроумія, написалъ книгу, подобную слѣдующей:

РИМЪ И ИТАЛІЯ СРЕДНИХЪ И НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ, въ историческомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Сочиненіе князя А. Волконскаго, члена Римской Аркадской Академіи. Москва, въ тип. Университетской, 1845, въ-8. Двѣ части, стр. 334—260.

Для русскаго путешественника по Италіи — а кто изъ русскихъ не путешественникъ по Италіи, въ дѣйствиіи или въ надеждѣ! — Италія и ея солнце естественныя въ природѣ прибавленія къ Россіи и ея морозу! — это наша страна, наша обѣтованная земля, наша вторая родина! — для русскаго путешественника по Италіи книга эта будетъ имѣть живой интересъ. При недостаткѣ у насъ руководствъ по части путешествій, подобное сочиненіе даже находка. Замѣтно, что авторъ жилъ долго въ Италіи и изучилъ ее на мѣстѣ, а не по дорожникамъ и путеводителямъ. Римъ занимаетъ его преимущественно. Иначе и быть не могло, потому что Римъ — живая хроника цѣлой страны. Сочиненіе состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ. Сначала авторъ говоритъ о древнемъ Римѣ и бросаетъ мимоходомъ взглядъ на Римъ современный, исчислилъ его замѣчательнѣйшіе памятники. Потомъ проходитъ опъ средніе вѣка, говоритъ объ искусствахъ, литературѣ, великихъ людяхъ, народныхъ празднествахъ. Наконецъ переходя ко временамъ новѣйшимъ, читатель находитъ обзоръ ученыхъ и литературныхъ трудовъ Италіи, полный интересу и занимательности. Вторая часть состоитъ изъ «историческихъ разсказовъ»: они относятся къ нѣсколькимъ замѣчательнымъ историческимъ процессамъ. Въ концѣ помѣщены три быльи, которыхъ героинями — Беатриче Ченчи, импринзатрисса Климента Четвертаго и графиня Сильвія С... , по-

свѣдѣнія отрасль одной изъ первыхъ аристократическихъ римскихъ фамилій.

Языкъ и слогъ «Рима и Италия», конечно, могли бы быть болѣе русскіе, болѣе изящные и художественные. Но это недостатокъ, болѣе важный для читателя, нежели какъ полагають сочинители серьезныхъ книгъ, почти окупается интересомъ и полезною цѣлью сочиненія, которая, безспорно, найдетъ себѣ читателей несравненно болѣе путешествія по солнцу. Охъ ужъ это путешествіе по солнцу!... *questo viaggio benedetto!*... Господинъ Демокритъ Терпиновичъ думалъ, что онъ встанетъ очень высоко, когда залѣзетъ на солнце: а между-тѣмъ всякой второй этажъ въ Петербургѣ гораздо выше солнца! О третьихъ и четвертыхъ этажахъ и говорить нечего: оттуда уже видна вся вселенная. И вотъ, напримѣръ, книжка, которой пришла счастливая мысль—мы знаемъ откуда пришла она, но не въ томъ сила — мысль взлетѣть на эту любопытную высоту, и которую каждый изъ насъ прочтаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЕРШИНЫ, описанныя Я. Бутковымъ.
СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1845, въ-8., стр. 168.

Авторъ, котораго имя встрѣчается въ литературѣ впервые, этимъ опытомъ рекомендуетъ себя съ весьма лестной стороны. Господинъ Яковъ Бутковъ, миновавъ солнце, планеты и звѣзды, поднимается на незримую высоту четырехъ и пятыхъ этажей Петербурга, на *петербургскія вершины*, и описываетъ этотъ новый невѣдомый міръ, умно, остро, занимательно. Этотъ звѣздный міръ очень хорошо извѣстенъ господину Буткову: онъ тамъ выросъ и не стыдится этого, и оттого описаніе его такъ натурально, такъ наивно, съ непринужденнымъ юморомъ, съ рѣдкой наблюдательностью. Теперь спустился онъ долу, въ міръ вторыхъ этажей, но всегда вздыхаетъ о томъ, вышемъ, лучшемъ мірѣ, гдѣ душа его такъ свободно расправляла свои золотыя крылья въ блаженствѣ веселаго дѣтства.

Въ предисловіи, которое авторъ назвалъ *назидательнымъ*
Т. LXXIII. — Отд. VI.

словами, еще рѣшнѣе и выразительнѣе чертами раскрыть обитателей петербургскихъ вершинъ, знакома читателю съ ними впередъ: мы приведемъ нѣсколько изъ этихъ прекрасныхъ строкъ:

«Эти-то странные обитатели полъ-облачныхъ вершинъ занимаютъ первое мѣсто въ моихъ очеркахъ и очеркамъ этимъ сознательно не дано названія «Очерковъ Петербурга», или даже, стесняясь, къ Петербургу вообще. Здѣсь дѣйствуютъ особенные люди, которыхъ, можетъ быть, Петербургъ и не знаетъ, люди, составляющіе, на обществѣ, а толпу; но хотя это и толпа, однако толпа самобытная, не безстрастная, не безмысленная, движимая чувствомъ, а смиренная въ себѣ страсти и желанія положительнымъ началомъ мудрости, — опытомъ и повседневною заведенностью отъ среднихъ и низовыхъ обитателей, отъ чужихъ страстей и чужихъ обстоятельствъ. Въ этой толпѣ есть люди, которыхъ скорби и радости опредѣляются тавсомъ на говядину, которыхъ мечты летаютъ по дровянымъ дворамъ, надежды сосредоточиваются на первомъ числѣ мѣсяца, честолюбіе стремится къ казенной квартирѣ, самолюбіе къ пожатію руки экзакутора, или начальника отдѣленія, сластолюбіе къ кондитерскую; есть тутъ люди, многіе люди, гордящіеся знакомствомъ съ хористкою, хвастающіе обѣдомъ въ два рубля ассигнаціями, приходящіе въ восторгъ отъ екатерингофскаго гулянья, упалающіе духомъ отъ неожиданнаго возрожденія самихъ себя въ образѣ маленькаго ребенка.

«И такъ же, во мракѣ невѣдомой Петербургу сущности, иногда пронзительною молніею блещетъ мысль, которая, будучи выражена не нашими словомъ, низведена долу, въ среду общества, обитающаго ближе къ землѣ, сочувствующаго земнымъ интересамъ, быть-можетъ, благотворно дѣйствовала бы на самое общество; но здѣсь ей суждено коснѣть и исчезать въ томъ же мракѣ. А если взрѣдка и проскользаетъ она въ произведеніи литературномъ, то проскользаетъ не иначе какъ преслѣдуемому контрабандою, облеченная въ странные образы, и въ этихъ образахъ, то фантастическихъ, невѣроятныхъ, то ску-

вытъ отъ частаго позволенія, она недоступна не только равнодушному читателю, который не разумѣя *особыхъ обстоятельствъ*, требуетъ отъ книги мысли и ясности мысли, но и строгому судѣ, торопливо пробѣгающему книгу, по обязанности отъискать въ ней безсмыслицу, и даже тому, кто съ постояннымъ вниманіемъ наблюдаетъ, чтобы въ ней не было ничего кромѣ безсмыслицы!»

Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто написалъ эти строки — человекъ съ большимъ дарованіемъ и, едва начиная писать, уже *писать умѣетъ*. А если бы вы знали, о! читатели, какая это рѣдкость на свѣтѣ! Все пишутъ; но только немногіе умѣютъ написать страницу. Еще менѣе такихъ, которые изъ хорошо написанныхъ страницъ *умѣютъ сочинить книгу*. Кто соединилъ въ себѣ эти два великія условія искусства, тотъ и — великій писатель. Поздравьте же себя со встрѣчею такой страницы въ нашей литературѣ и поздравьте господина Якова Буткова: онъ заслуживаетъ вашего одобренія.

На второмъ планѣ рассказовъ его стоитъ купецъ, не тотъ купецъ, которымъ живетъ въ воскресеніе русскій полевиль, но потомокъ его, купецъ новаго поколѣнія, въ модномъ фракѣ, въ палевыхъ перчаткахъ, въ лакированныхъ сапогахъ, купецъ, котораго вы встрѣчаете на гуляньяхъ, въ кондитерскихъ и въ модныхъ трактирахъ, гдѣ онъ проматываетъ золотую бороду своего родителя, давшего ему образованіе. Типъ такого купца совершенно новый въ нашей словесности и господинъ Бутковъ превосходно очертилъ его въ фигурѣ Чубукова, въ рассказѣ «*Порядочный человекъ*». Въ мѣрѣ верхнихъ этажей порядочнымъ человекомъ называется тотъ, кто умѣетъ по-скорѣе развиться и считать ближняго. Поэтому нѣрѣдко самые маленькіе, самые ничтожные люди попадаютъ въ этотъ разрядъ, какъ скоро обзаведутся хорошимъ домкомъ, который приноситъ десять или двадцать тысячъ дохода, жалеются и заминутъ себѣ на-славу, подсмѣиваясь надъ до-вѣрчивостію и глупостію ближнихъ. Такой-то порядочный человекъ выведетъ на сцену авторомъ. Прочіе рассказы носятъ названія *Лепточки*, *Почтенный человекъ*,

Битка и Сто рублей. «Ленточка» и «Сто рублей» — самые занимательные в этом томике. В «Ленточке» прекрасно обрисованы всепокорившее лицо чиновника Ивана Анисимовича и семейство немецкого булочника. Иванъ Анисимовичъ — мелкій чиновникъ, влюбляется въ дочь своего хозяина, булочника, Минхенъ, по поводу разстроенныхъ клавикордъ, на которыхъ бряцать она, вздыхаетъ и молчитъ. Служба везетъ ему: Ивану Анисимовичу даютъ награду въ петличку, и съ этой вождѣленной обновкой является онъ къ Минючкѣ.

«Никогда честолюбіе не мучило безмятежной души его. Онъ бы и не порадовался этой наградѣ, если бы получилъ ее однимъ днемъ раньше. Но теперь, когда въ головѣ его роятся идиллическія мечты, когда онъ можетъ сказать Вильгельмнѣ, она же и Минючка: «я получилъ ленточку,» когда она, Минхенъ, можетъ порадоваться, что онъ получилъ ленточку, можетъ подумать, что такой чиновникъ, у котораго ленточка въ петлицѣ, достоинъ ея вниманія... Теперь онъ цѣнилъ это украшеніе дороже всего на свѣтѣ, кромѣ Минхенъ.

«И вотъ онъ опять у герръ Германа, за чайнымъ столикомъ, и бѣлая ручка Минхенъ подаетъ ему стаканъ чаю. Тотъ же посторонній Нѣмецъ сидитъ по-прежнему въ темномъ углу комнаты, и уже не кашляетъ, а дремлетъ.

«Минхенъ снова садится за фортепіано, и играетъ, и поетъ, и улыбается Ивану Анисимовичу. Иванъ Анисимовичъ готовъ смѣяться и плакать отъ восторгу. Онъ садится къ ней ближе, перевертываетъ передъ нею ноты, и такъ ему хочется схватить эту ручку и поцѣловать!...

«Но, что же эта шалуныя, Минхенъ, не замѣчаетъ, что у Ивана Анисимовича ленточка въ петлицѣ? Онъ ждетъ, долго ждетъ, и наконецъ потерявъ терпѣніе, говоритъ ей:

— Я вамъ похвастаю, Вильгельмина Гермаповна..... Я только сегодня получилъ, имѣлъ счастье получить отъ начальства въ награду.... не знаю, впрочемъ, за что..... вотъ эту маленькую вещицу..... во всякій се имѣсть!

— А! ленточка! отвѣчала Минхенъ, разсѣянно взглянувъ на предметъ, къ которому Иванъ Анисимовичъ по-

чтительно прикоснулся пальцемъ. «Ну, что жъ? Кто нынче безъ ленточки? Всякій чиновникъ съ ленточкою. А вотъ я вамъ похвастаю ленточкою.... Вотъ это ленточка!...

«И Мнихенъ поспѣшно вынула изъ-за корсета и развернула передъ Иваномъ Анисимовичемъ длинную, голубую ленту. Сѣлась и прыгая вокругъ него, она говорила: «Вотъ ленточка! Не правда ли, прелесть!» И она поцѣловала ленточку съ такимъ жаромъ, такъ живо, что Ивану Анисимовичу стало какъ-то пеловко и совѣстно. Шалуныя!

— Да что жъ это за ленточка такая? спросилъ онъ въ недоумѣннн: это обыкновенная лента для дамскаго наряда, больше ничего; что въ ней особеннаго?

— Особеннаго? Это *онъ* мнѣ подарилъ, сію минуту передъ тѣмъ какъ вы пришла. Это *его* первый подарокъ!

— Его? Чей? Кто же вамъ подарилъ? спросилъ опять Иванъ Анисимовичъ.

— Опъ, мой женихъ, Готлибъ!

«Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Ивана Анисимовича. Чувство непріятное, тоскливое, въ которомъ онъ самъ себѣ не могъ дать отчету, поразило его душу. Онъ взглянулъ въ темный уголъ и замѣтилъ, что безсловесная нѣмецкая фигура улыбается самодовольно и даже насмѣшливо....

— Прощайте, Германъ Францовичъ. Мое почтеніе, Вильгельмина Германовна!

— Куда же вы торопитесь? Посидите!

— Извините, я только на минутку зашелъ.... у меня много работы.... Прощайте; пойду *переписывать*.

«Такъ же какъ вчера, сѣлъ онъ у стола и молчаливо созерцалъ потолокъ своей комнаты. Лицо его было блѣдно, дыханіе тяжело.... Крошечная Гретхенъ, весело пригнувшая къ нему на колѣни, видя печаль его, долго смотрѣла на него съ дѣтскимъ соболѣзнованіемъ, и въ ея острыхъ глазкахъ засверкали слезы.... А онъ не замѣчалъ участія своей крестницы, томимый однимъ чувствомъ.... И много, много тоски и мѹки выражалось въ словахъ, которые онъ произносилъ шопотомъ: «Мнихенъ... Миночка.... *Ленточка!*...»

Чрезвычайно пріятно было бы всѣмъ намъ, читателямъ,

если бы «Петербургскія вершинны» не останавливались на этой первой книжкѣ; но еще пріятнѣе, если бы онѣ были предназначениемъ и предтечами другихъ, болѣе совершенныхъ, болѣе сильныхъ созданиемъ и планомъ, произведеній того же пера. Господинъ Вутковъ, ободренный вниманіемъ своихъ первыхъ читателей, вѣроятно постарается удовлетворить ихъ ожиданія, не забывая, что первый успѣхъ долженъ служить человѣку съ дарованіемъ только побужденіемъ къ новымъ усиліямъ постигнуть искусство и совершенствоваться свой вкусъ, свой талантъ, свои средства, подъ надзоромъ собственной своей критики, строгой и велицеиѣрной.

1. ВУКЕТЫ, или ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЦВѢТОВАСІЕ. *Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. С. П.-бургъ, 1845, въ тип. И. Академіи Наукъ, въ-12, стр. 63.*

2. впц-мундиръ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Каратыгина. С. П.-бургъ, 1845, въ тип. Глазунова, 1845, въ-12, стр. 99.*

3. воля за гробомъ. *Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Инолита Александрова. С. П.-бургъ, 1845, въ-12, въ тип. Крайя, стр. 64.*

Изящный и серіозный авторъ «Тарантаса» пишетъ водевили, какъ-будто не бывалъ ни изящнымъ ни серіознымъ! Что это ему вздумалось? Что такое случилось въ Петербургѣ, требующее непремѣнно особеннаго водевиля? заслуживающее нещаднаго наказанія куплетами! стоящаго того, чтобы надъ этимъ бѣднѣмъ Петербургомъ, темнымъ, сырымъ и унылымъ, насмѣхались фальшиво распѣваемыми стихами?... Необыкновеннаго ничего не случилось. Дѣло само по себѣ очень просто. Петербургъ, прокутивъ свою молодость, предвѣременный старикъ съ юнымъ лицомъ, вѣчно простуженный, вѣчно фыркающій насморкомъ, давно боленъ хроническою и неизлечимою болѣзнью, скукою. Разсѣяться ему негда и некогда: всё дождь и грязь, однообразіе без-

человек. Если ирландка случится верная жена или новое развлеченіе, онъ бросается на нихъ съ жадностью, съ жаромъ, съ энтузіазмомъ, наслаждается и умиляется вплоть до безсмысленства. Дали ему желѣзную дорогу и Павловскъ: онъ возмечалъ, олушествовалъ, и сталъ гнѣшиться желѣзною дорогою и Павловскомъ пока не пошли деньги. Бѣдѣлись Итальянцы, съ музыкаю, съ пѣніемъ, съ аршиадоньями: онъ накинулся на нихъ съ тою же бѣшеною жадностію развлеченія, послѣдствіемъ непереносимой скуки, онъ сталъ пѣть на всѣ тоны и заглушалъ самихъ Итальянцевъ; слышалъ онъ, что гдѣ-то бросаютъ пѣвцамъ цвѣты, и въ невинной рѣзвости своей, онъ принялся швырять въ Итальянцевъ цвѣтами, сначала въ видѣ букетовъ, потомъ—вѣнковъ, потомъ корзинами, наконецъ цѣлыми цвѣточными лавками. Очень было весело! Этотъ моціонъ оказывалъ большую пользу здоровью Петербурга: цѣлыя двѣ осени и двѣ зимы онъ не вспоминалъ даже о своемъ сплинѣ и мачкалъ уже примѣтно вымечиваться отъ сплетней. Жаль, что блескъ италіанской оперы значительно потускъ подъ тучею розъ и камелій. Петербургъ началъ зѣвать: скука представилась ему снова во всѣхъ своихъ ужасахъ; въ это время смѣтливая и нѣкогда пригожая кухарка поднесла ему фламандскихъ вафель,—онъ бросился точно такимъ же образомъ на вафли и остатки своихъ музыкальныхъ букетовъ бросилъ на сковороду голландской кухарки. Чѣмъ же виноваты Петербургъ? Вы видите, что онъ довольствуется немногимъ, готовъ веселиться бездѣлицей, хочетъ отъ чистаго сердца быть всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Но общественныхъ развлеченій у него такъ мало: Виандоты тутъ немножко тѣ же самыя, которые нынче весьма остроумно насмѣхаются надъ его невинными странностями: имъ бы стоило только употребить свое остроуміе, свои дарованія, на общественное развеселеніе Петербурга, и онъ, изъ чувствительнейшей благодарности за спасеніе себя отъ скуки, остатками вафель своихъ увѣнчалъ бы чела своихъ благодѣтелей; даже хотѣлъ бы для нихъ свѣжихъ цвѣтовъ. Доказательство — водевиль автора «Тарантаса», водевиль

очень изучил, очень приятный, — шумка, какъ называютъ авторъ, — *злая насмѣшка*, какъ назовутъ читатели. Петербургъ знаетъ, что тутъ жестоко насмѣхаются надъ нимъ, но — добрый малый! — въ восхищеніи отъ того, что ему хоть разъ дали маленькій водевиль, съ хорошенякими куплетами, безъ пошлостей, опъ бѣжить смотрѣть какъ его передразниваютъ, смѣется отъ души вмѣстѣ съ тѣми, которые надъ нимъ насмѣхаются, и безъ памяти рукоплещетъ остроумному автору. Чиновникъ Тряпка, пришедшій въ цвѣточную лавку, покупать букеты по порученію своего начальника, «по службѣ», поетъ:

• Весь Петербургъ старается,
Хлопочетъ о цвѣтахъ,
И столько ихъ бросается,
Что зелено въ глазахъ!
Сперва — пѣвцовъ Италіи
Всѣ стали осыпать,
А тамъ, пошло и далѣе,
Во всѣхъ пошли швырять.
Оцѣнку всѣмъ назначили,
И, даже, а прогос —
Бросать букеты начали
Всѣмъ статуямъ Раицъ;
Таланты всѣ подвинули!
Я видѣлъ самъ, ей-ей!
Букетъ въ Ризлея кинули
Чтобъ не кидалъ дѣтей.
Одинъ — пылая рвеніемъ,
Цѣнящій красоту,
Воткнулъ букетъ съ почтениемъ
Въ носъ мертвому Китаю!
Во всемъ видна прогрессія;
И нынѣ на Руси
Такое цвѣтобѣсіе,
Что Боже унаси!

А я, человекъ мирный, ненасиѣшливый, — грѣшный человекъ, — потому что, кажется, и я тоже бросалъ въ Италіанцевъ цвѣтами, — или по крайней мѣрѣ хотѣлъ бро-

Сать, для поддержанія энтузіазма въ душѣ Петербурга, да не досталъ цвѣтовъ, — я такъ душевно сожалѣю, что это *цельтобъсіе* кончилось. Я съ истиннымъ наслажденіемъ видѣлъ этотъ энтузіазмъ, это *fuogo* Петербурга, и молилъ небо, чтобы подобно истерическое раздраженіе наше красотами искусства продолжалось безконечно. Энтузіазмъ—отецъ и кормилецъ прекраснаго. Всѣ великіе таланты и великія творенія создались въ эпохи сильныхъ энтузіастическихъ раздраженій. Апатія, хладнокровіе, равнодушіе, разсудительность, расчетъ приличій, производятъ только посредственность, скуку и спянь. Пока мы пѣли на разные тоны *Fa roso*, настроенные на восторгъ и звучно раскаченные искусствомъ, мы готовы были восхищаться всѣмъ прекраснымъ, мы занимались художественными вопросами, жили въ умственной атмосферѣ, карты и лотто были почти забыты, сплетни пролетали мимо ушей нашихъ неразслышанными, страшный болѣзненный стонъ Петербурга — *Скучно!* — не раздиралъ намъ слуха и не повергалъ даже и самыхъ веселыхъ изъ насъ въ спянь непрерывнымъ напоминаніемъ, что умственная пища наша въ самомъ дѣлѣ скудна и что намъ дѣйствительно скучно среди баловъ и обѣдовъ: мы чувствовали себя совершенно счастливыми! — Но мы были смѣшны? скажете вы: мы выходили изъ приличій, дѣлали несообразности?—Велика бѣда! Всѣ счастливые смѣшны. Разсчитывать приличія, быть разсудительными — исключительная привилегія скучныхъ. Мы для Италіянцевъ, не надѣлали въ Петербургѣ и сотой части тѣхъ энтузіастическихъ несообразностей, которыя она, въ своей землѣ, надѣлала для нашего Карла Брюллова: дѣлые города ходили за нимъ; ему пѣли серенады, его вѣнчали лавромъ въ театрахъ, незнакомыя рюмки писали ему пахучія записочки съ адресомъ: *All'uomo orgoglioso, il signor Russo*. Зато Италія—отечество всѣхъ искусствъ и рай художниковъ. Ластъ, сдѣлался Ластомъ, среди бѣшеннаго восторгу Флорентинцевъ. Пожалуйста будемте смѣшны!... но будемте въ восторгѣ! Восторгъ—счастіе. Восторгъ—всесотрашающее эхо прекрасна-

го въ душѣ; ея опьяненія прекрасны. Неужели глупости, вырывающіяся у насъ въ этомъ состояніи, неблагороднѣе, приличнѣе и достойнѣе уваженія глупостей, которыя люди дѣлаютъ въ опьяненіи отъ шампанскаго, что надъ тѣмъ насмѣхаются, а эти прикрываютъ снисходительностью! Разсудите сами!... Не все что выходитъ изъ урны приличій заслуживаетъ порицанія или насмѣшки: есть особобразности, мнимыя, сумасбродства, передъ которыми мудрый почтительно снимаетъ свой бумажный колпакъ, потому что онѣ улучшаютъ человѣческую природу и, часто, подвигаютъ ее на великое. Жаль, очень жаль, что упустили Альбони: я никогда не былъ въ энтузіазмѣ отъ ея пѣнія,—она пѣтъ еще не умѣла,—но голосъ ея возбуждалъ изумленіе и многіе думали, что она поетъ чудеса. Выбитіе ея, уничтоживъ соперничество, разстроивъ партію, нанесло страшный ударъ восторгу и блаженству Петербурга. Если синьорина Альбони къ намъ воротится, я, на первый дебютъ ея, куплю самъ цѣлочный вѣнокъ,—но не такой какъ тотъ что ей бросили, не полуаршинный въ діаметрѣ,—а такой, который бы, упавъ ей на голову, прошепелъ свободно по цѣлой ея особѣ и легъ бы на языкъ, у величественныхъ ногъ ея. Раворюсъ—дѣлать ничего—но куплю непременно, чтобы подать поводъ къ новому взрыву энтузіазма, партіи, вражды, соперничества: изъ нихъ, можетъ-быть, родятся русскія примадонны и русскіе композиторы.

Все это будь сказано безъ малѣйшаго ущерба остроумной «шуткѣ» автора «Тарантаса», котораго прекрасный талантъ всегда находилъ себѣ на этихъ страницахъ, и полное уваженіе и живое сочувствіе. Шутка очень остра, очень мила, исполнена жестокой правды во всѣхъ подробностяхъ, отъ перваго до послѣдняго слова. Я, подписавшійся, самъ рукоплескалъ ей при представленіи. Разногласіе выходитъ у насъ съ авторомъ только по предмету шутки: авторъ находить, что я, агонъ Петербурга,—пожалуй! и Петербургъ въ цѣломъ,—какъ агонъ, обладаю свойствами цѣлой массы, не законенъ. Иностранцы, и могу говорить собирательно,—что я, Петербургъ, съ во-

нѣ цѣлѣобъсіемъ, смѣшновъ, а я, утверждаю, что нѣ весело быть смѣшнымъ: позвольте же мнѣ имѣть какія-нибудь образованныя страсти!—не заключайте же меня навсегда въ предѣлахъ чувствъ канцелярскихъ, клубныхъ и бальныхъ!—разрѣшите съ ума сходить отъ прекраснаго, и сходить по моему разумѣнію, пока я не выучусь сходить съ ума согласно съ правилами художественной критики. Онъ говоритъ, что я, Петербургъ, дѣлаюсь при этомъ случаѣ смѣшнымъ: а я отвѣчаю — правда! я счастливъ и безъ этихъ шалостей я умеръ бы отъ скуки: притомъ же я дѣлаю глупости совершенно изъяснимыя, художественныя, весьма полезныя для успѣховъ ума и таланта. Подстрекайте меня, напротивъ, къ такимъ глупостямъ. Дайте время: пусть я, Петербургъ, получу навѣкъ приходить въ восторгъ по случаю умственныхъ красотъ: при появленіи перваго вашего сочиненія—обѣщаю вамъ — я выльзю изъ кожи. Оно, я думаю, будетъ вамъ чрезвычайно пріятно.

Водевиль господина Петра Каратыгина также «шутка», но совсѣмъ въ другомъ родѣ: это шутка «заимствованная», и потому въ ней нѣтъ ни природы, ни правды. Господинъ Каратыгинъ взялъ старую французскую комедію, «Разсѣянный», и соорудилъ изъ нея водевиль, приспособленный къ русскимъ нравамъ. Круглымъ счетомъ, «это — тысяча-первая передѣлка сказанной старой комедіи. Разсѣянный господина Каратыгина — русскій чиновникъ, котораго, вслѣдствіе своей разсѣянности, теряютъ невѣсту и мѣсто, потому что, понавъ въ чужую квартиру, онъ налѣзъ на себя вице-мундиръ другаго министерства, вмѣсто своего. Что тутъ остраго или забавнаго, гдѣ встрѣчаются въ русскихъ нравахъ такіе чиновники, каковы Разсѣянный или экзекуторъ, дѣйствующіе въ подлежащемъ водевилѣ, это извѣстно только господину Каратыгину и его вѣрной публикѣ. Авторъ драмы, въ которой намъ остается говорить — господинъ Ипполитъ Александровъ. Въ этой драмѣ, именуемой «Воля за гробомъ», нѣтъ нѣтъ ничего ни особенно новаго, ни чрезвычайно замѣтельнаго, но написана она довольно гладко, и это уже

большой прогрессъ въ нашей, такъ-сказать, *драматичности*. Дѣйствіе происходитъ въ Ригѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія. Адольфъ Бауманъ собирается жениться на богатой вдовѣ, госпожѣ Иденштраль. Въ женитьбѣ этой онъ видитъ единственное средство поправить дѣла своего торговаго дому, близкаго къ паденію. Онъ любитъ Мери, молодую дѣвушку, съ которою вмѣстѣ воспитывался, но долженъ своей склонностью жертвовать чести дому и фамиліи. Въ ту минуту когда Адольфъ готовится подписать контрактъ, является нѣкто, и объявляетъ о банкротствѣ Адольфа. Бракъ разорванъ. Во второмъ актѣ мы узнаемъ, что это было ни болѣе, ни менѣе, какъ мистификація.— Варнеръ, главный приказчикъ покойнаго отца Адольфа, сплутоваль: зная расточительность своего сына, покойный Бауманъ распорядился при жизни—дать послѣ своей смерти урокъ сыну, и, по его наставленію, Варнеръ скупалъ векселя молодаго человѣка подъ чужимъ именемъ. Исторія, какъ вы видите, могла бы кончиться очень просто въ этомъ мѣстѣ, но авторъ, ради драматическаго эффекта, нашелъ пужнымъ немножко пугать зрителей ужасомъ, чтобы имъ веселѣе было въ концѣ, на свадьбѣ Адольфа и Мери. Убитый горемъ Адольфъ хочетъ наложить на себя руку, но вдругъ вспоминаетъ о письмѣ покойнаго отца, которое долженъ онъ, Адольфъ распечатать только въ минуту крайняго несчастія. Дрожащею рукою достаетъ онъ письмо изъ шкафа, распечатываетъ, читаетъ и узнаетъ изъ него новую тайну: въ заколдованной и никому неизвѣстной комнатѣ, скрытой за картиною, *mein lieber Adolphus*, найдете вы послѣдній совѣтъ, послѣднюю волю вашего родителя: поищите только хорошенько. Мери помогаетъ Адольфу отыскать пружину въ деревянной рамѣ картины. Адольфъ увѣренъ, что тамъ спрятанъ кладъ. Мери вспоминаетъ о брилліантахъ матери Адольфа, и о золотѣ, которое отецъ его берегъ въ какомъ-то тайникѣ на черную godzinu. Нѣтъ сомнѣнія, что за картиною лежатъ несмѣтныя сокровища. Представьте же себѣ ужасъ Адольфа, когда отворивъ дверь, находитъ въ таинственной комнаткѣ черный табуретъ, и на немъ опять письмо.

— уже третье, — покойникъ Бауманъ страхъ любилъ писать письма, — а на потолокъ, прямо надъ письмомъ, веревку съ петлею. Смыслъ письма, которое онъ читаетъ вслухъ, безбожно ясенъ: «Любезный сынъ мой, послѣ всего того, что ты надѣлалъ, тебѣ остается одно средство, — повѣситься!» Непонятно, какъ этотъ молодой Шѣмецъ не вспомнилъ, что умирающіе отцы — самый шутивый народъ въ мірѣ, по-крайней-мѣрѣ, драматическомъ, что они не могутъ умереть не выкинувъ какой-нибудь штуки къ счастью и благу своего возлюбленного потомства: онъ, напротивъ, принимаетъ послѣднюю волю отца въ буквальномъ смыслѣ. Самъ-то онъ, по своимъ личнымъ соображеніямъ, хотѣлъ-было застрѣлиться; но мудрый и опытный родитель совѣтуетъ лучше повѣситься, — воля родительская священна, — и Адольфъ, какъ добрый сынъ, исполняетъ ее съ шѣмецкою аккуратностью. Онъ становится на табуретъ, хватается за веревку, но, вдругъ, раздаётся громовый ударъ колокола. На звонъ сбѣгаются всѣ домо-чадцы: они удерживаютъ Адольфа отъ самоубійства, а, на вопросъ матери Мери, что значить этотъ набатъ, Варнеръ торжественно объявляетъ, что это значить — призвъ всѣхъ и каждаго на праздникъ по поводу вступленія герра Адольфа Баумана въ управленіе всѣмъ его имѣніемъ и въ законный бракъ съ Фрейлейнъ Мери Иденштралъ. Этакіе обманщики, эти покойники-отцы въ драмахъ. На ихъ слова и письма всегда опасно было полагаться. Но старшій Бауманъ рѣшительно подорвалъ послѣдніи кредитъ, которымъ еще пользовалось сословіе ихъ у зрителей и читателей: послѣ него, согласитесь, ни одному покойнику-отцу въ драмѣ нельзя будетъ вѣрить, даже, что онъ изволилъ умереть и что въ виду есть какое-нибудь наследство.

Какъ мы только-что разсуждали о цвѣтахъ, пѣвцахъ, пѣвицахъ, оперѣ, и другомъ прочемъ тому подобномъ, то, кстати, я припоминаю, что въ прошломъ мѣсяцѣ лежала у меня на столѣ прелюбопытная книга по этой части. Я сейчасъ отыщу ее вамъ. Вотъ она:

НОТАТЦИ, ВТС. (то есть, Замѣтки изъ музыкальнаго

путешествія по Германіи. Сочиненіе Виктора Кажинскаго. Сп.-бургъ, 1845, въ 8., стр. 243.)

Въ то самое время какъ мы бросили здѣсь букеты Италіянамъ, господинъ Кажинскій, накупивъ цвѣтовъ, поѣхалъ бросать ихъ Нѣмцамъ. Но нѣтъ!... не хочу я говорить здѣсь объ этой книгѣ: передадимъ ее въ другое отдѣленіе, въ «Критику». Нѣмцы, нѣмецкая музыка, Германія, Мейерберъ, Бахъ, Мендельсонъ, это предметы такіе темные, такіе запутанные.... Перейдемъ лучше къ географіи.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, составленное Ѳ. Соколовымъ. Москва, въ типогр. Семена, 1845, въ-8., стр. 390.

Этой учебной книги не должно смѣшивать съ другою книгою, схожею съ ней по заглавію, именно, съ «Всеобщемою географіею», составленною покойнымъ господиномъ Соколовымъ, Соколовымъ 1-мъ, для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Господинъ Соколовъ живой, или Соколовъ 2-й, при составленіи своей книги, имѣлъ въ виду воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые уже извѣстны первыя основанія науки, и его географія отличается болѣею подробностью. Видно, что авторъ трудился съ любовью, что онъ обожаетъ географію, наслаждается ею такъ же страстно какъ другіе наслаждаются италіанскою оперою. Смотритъ-то онъ на нее немножко съ-высока, но это не приноситъ ей ни какого вреда: когда жъ начнетъ исчислять города, рѣки, горы какой-нибудь страны, такъ это, словно, мелодія—просто, соловей щелкаетъ!—или Гарсія поетъ! Авторъ пользовался хорошими источниками, и преимущественно нѣмецкими: Риттеръ, Берггаузъ, Ровъ, Блавкъ, Брюккеръ и Реденъ были его руководителями. Букетъ господину Соловьеву 2-му!

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ. Сочиненіе Э. Рудольфа. Сп.-бургъ, въ типогр. Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1845, въ-8.

Прекрасная книга. Преполненная. Агрономы угѣраютъ,

что это не календарь, а музыка. Букетъ, букетъ в господину Рудольфу!... Собственно, это только перепечатка. Авторъ, известный обширными свѣдѣніями въ рациональномъ сельскомъ хозяйствѣ, издаетъ теперь, въ видѣ книги, по совѣту члена Ученаго Комитета министерства государственныхъ имуществъ, А. П. Заблоцкаго, статьи свои, помещенныя въ журналѣ этого министерства подъ рубрикою «Земледѣльческій календарь». Къ нимъ присоединились еще любопытныя замѣчанія о жизни и содержаніи домашнихъ птицъ, и о хмѣлѣ и его воздѣлываніи. «Земледѣльческій календарь» господина Рудольфа составленъ для сѣверной Россіи. Желательно, чтобъ онъ нашелъ подражанія себѣ въ другія полосы обширной и разнообразной русской имперіи.

ТЕОРІЯ САДОВОДСТВА, или *Опытъ изясненія главнѣйшихъ производствъ садоводства изъ началъ растительной физиологій.* Сочиненіе І. Линдлея. Переводъ съ англійскаго. Издавъ съ разными дополненіями и примѣчаніями И. Шиховскій. СПб.-бургъ. въ тип. министерства государственныхъ имуществъ, 1845, стр. 417.

Тоже книга очень полезная, особенно въ настоящее время: она, между прочимъ, учитъ искусствѣ разводить цвѣты для букетовъ. Ученый переводчикъ ея оказалъ большую услугу любителямъ оперы и десертовъ изданіемъ на русскомъ языкѣ книги извѣстнаго ботаниста, Линдлея, жившей полный и заслуженный успѣхъ за границею. Директоръ Императорскаго Ботаническаго Саду, О. Б. Фишеръ, обогатилъ переводъ господина Шиховскаго своими замѣчаніями, которыя придаютъ книгѣ новую цѣну. Теперь, это лучшая у насъ книга по части садоводства. Кроме множества примѣчаній, какъ автора, такъ и переводчика, текстъ поясненъ прекрасными полетными и въ концѣ помѣщенъ алфавитный указатель предметовъ. Сочиненіе разделено на двѣ части: въ первой говорится о жизни растительной, объясняющей процессы производства, а во второй, — о физиологическихъ процессахъ, на которыхъ они основываются. Эта часть обра-

ботана съ особеннымъ тщавіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что книга будетъ имѣть много читателей, не только между любителями садоводства, но и между людьми образованными, для которыхъ успѣхъ и развитіе науки — вопросы не чуждые.

1. СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ, *составляемое княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ, и прочая.*

2. ВОСКРЕСНЫЯ ПОСИДѢЛКИ. *Книжка для добраго народа русскаго. Сп.-бургъ, 1845, въ тип. Жернакова.*

Въ третьей книжкѣ «Сельскаго чтенія» издаваемаго княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ, главные статьи принадлежатъ князю Одоевскому, графу В. А. Соллогубу и В. И. Далю (Казаку Луганскому). Статья графа Соллогуба — какъ и должно быть — имѣетъ не только сельское, но и литературное достоинство. Она очень коротка.

Успѣхъ «Сельскаго чтенія» породилъ болѣе или менѣе неудачныя подражанія. Отсюда родились на свѣтъ и «Воскресныя посидѣлки», раздѣленныя на пять *платковъ*. Изданіе, какъ кажется, нынѣ совершенно кончено. Дѣло все не литературное и до насъ не касающееся.

О ДѢЙСТВІЯХЪ ПРИРОДЫ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО, или *О стремленіи одного пола къ другому, о плодотвореніи, зачатіи, зарожденіи и сохраненіи младенцевъ, для произведенія на свѣтъ здоровыхъ дѣтей и для сохраненія собственныхъ силъ и здоровья, съ показаніемъ безвредныхъ и испытанныхъ средствъ къ укрѣпленію ослабѣвшихъ органовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, въ тип. Университетской, 1845, въ-8, стр. 116.*

Заглавіе этого мудраго творенія такъ нещадно ясно, что излагать содержаніе значило бы только затѣмѣвать дѣло. Прочтутъ книгу тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Если же читателю или переводчику потребуется наше личное объ ней мнѣніе, то оно готово къ услугамъ и такъ же ясно какъ это заглавіе. Сущій вздоръ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи. Москва, 1845. — Крошечная брошюрка, изданная непремѣннымъ секретаремъ московскаго общества сельскаго хозяйства С. А. Масловымъ. Перепечатка, изъ «Журнала Сельскаго Хозяйства», письма господина министра внутреннихъ дѣлъ къ С. А. Маслову, извлечение изъ письма къ нему же члена общества князя А. А. Ширинскаго-Шихматова, и статья Н. С. Стремоухова.

1. ОВЪ ИСТОЧНИКАХЪ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ, по ученію православно-каволической церкви, сравнительно съ ученіемъ Лютеранъ о семъ предметѣ. Сочиненіе бакалавра Санктпетербургской Духовной Академіи Евграфа Бенескриптова. СПб., 1845. — 2. СКАЗАНІЕ О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ СТАРЦА СЕРАФИМА, іеромонаха Саровской Пустыни и затворника, съ изображеніемъ его въ пустынножизнелюбствѣ. СПб., 1845. — Первая изъ двухъ брошюръ кажется академическимъ «разсужденіемъ» на заданную тему. Вторая можетъ доставить душеспасительное чтеніе людямъ всякаго возраста. Старецъ Серафимъ, іеромонахъ Саровской Пустыни, скончался 2 января 1833 года на семьдесятъ-четвертомъ году благочестивой своей жизни и погребенъ въ церкви той же пустыни. Многимъ еще памятно благочестіе отшельника, посвятившаго себя съ юныхъ лѣтъ молитвѣ и служенію Богу, и христіанскіе совѣты, которыми онъ надѣлялъ всѣхъ, искавшихъ утѣшенія.

ОПЫТЪ НАВЛЮДЕНІЙ НАДЪ ЧУМОЮ РОГАТАГО СКОТА, (pestis bovilla), съ изложеніемъ способа ея леченія, произведенный старшимъ лекарскимъ ученикомъ Миною Бурковымъ. С.-П. буръ, 1845. — Въ длинномъ предисловіи, къ коротенькому сочиненію, господинъ Миша Бурковъ знакомитъ насъ съ разными отвлеченными предметами. Отсюда переходя къ своему предмету, излагаетъ онъ, пра-

вила, которымъ самъ слѣдовалъ при леченіи заражен-
ныхъ животныхъ. Всѣ эти правила превосходны. «Неуто-
нимые труды мои, говорить онъ, по этому предмету,
стоившіе мнѣ немаловажной потери здоровья и прочаго...
будутъ съ избыткомъ вознаграждены, когда они окажут-
ся стоящими вниманія хоть въ сотую часть того, сколь-
ко я предполагаю.»

**НАБИВНОЕ ПОСТРОЕНИЕ или Рукóводство строить изъ
обыкновенной земли весьма дешевые, прочные, отъ огня без-
опасные и теплые дома, съ описаніемъ новѣйшихъ опы-
товъ, произведенныхъ въ Швейцаріи, и четырьмя чертежа-
ми. Сочиненіе инженера Даффнера, переводъ Ивана Ар-
гольда. Вильно, 1845:—** Въ Швейцаріи года три тому,
начали строить дома изъ земли. Господинъ Дафнеръ
одматривалъ на-мѣстѣ способъ этой постройки и написалъ
о немъ книжонку, которая дошма до втораго изданія. Эту-
то книжечку перевелъ въ Вильнѣ господинъ Аргольдъ.
Какъ-скоро время достаточно докажетъ прочность такого
роду строеній, изобрѣтеніе это будетъ драгоценно для
бѣднаго класса, особенно, въ странахъ безлѣсныхъ.

**СПОСОБЪ УЗНАВАТЬ РОДЫ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬ-
НЫХЪ Французскаго языка. С.-П.бургъ, 1845.—** Остро-
уміе русскихъ грамматиковъ—первое остроуміе въ свѣтѣ:
въ трудномъ искусствѣ узнавать родъ людей и вещей, по-
думавъ немножко, они изобрѣли удивительно замысло-
ватое средство, легкое до пошлости, но вѣрное до-нельзя:
когда къ чему-нибудь можно приложить частичку *ей*,
такъ оно мужескаго полу; когда — частичку *сіа*, такъ
женскаго. Можно ли выдумать что-нибудь умнѣе? *Сей* и
сіа, рѣшаютъ все: они—ultima ratio герм. По невѣжью
такихъ чудныхъ частичекъ, или по тупоумію своихъ грам-
матиковъ, всѣ прочіе народы принуждены прибѣгать къ
тысячѣ различныхъ ухищреній, чтобы угадать родъ сво-
ихъ именъ. Французы, напримѣръ, судятъ о родахъ сво-
ихъ существительныхъ именъ преимущественно по ихъ
окончаніямъ, и эта книжечка представляетъ довольно

полный словарь нарицательныхъ, раздѣленныхъ по окончательнымъ буквамъ. Ну, что бы имъ занять, хоть напрокатъ, у нашихъ безсмертныхъ грамматиковъ, двѣ пробырыя, легкія, вѣрныя, испытанныя «частички», сей ли сія? Вѣдь не догадаются!

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Нѣсколько романовъ, переводныхъ и оригинальныхъ, поступило въ исходѣ мѣсяца въ книжную торговлю. Оригинальный романъ называется — «*Коварство, сочиненіе М. Чернявскаго*»; переводные — «*Софія, послѣдняя изъ княженъ Слуцкихъ*», съ польскаго, — «*Записки полковника Дювара, побочнаго (или, если угодно, посторонняго), сына Наполеона Бонапарте*», съ французскаго, — и тому подобное.

— «*Обозрѣніе главнѣйшихъ отраслей мануфактурной промышленности въ Россіи*» — книга необыкновенно любопытная, тщательно составленная и умно написанная, совершенно заслуживаетъ вниманія серьезныхъ русскихъ читателей. Мы не успѣли познакомиться съ ней вполне, и потому не могли войти въ нынѣшней книжкѣ въ разборъ ея содержанія.

— Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ въ Москвѣ, издало, въ одномъ томѣ, каталогъ своей библіотеки, подъ заглавіемъ «*Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и древностей*». Изслѣдователи отечественной исторіи, русскіе архсологи и владѣльцы библіотекъ того же роду съ любопытствомъ будутъ разсматривать содержаніе этого каталога, одни для того чтобы воспользоваться пособіями библіотеки Общества, другіе — чтобы мѣняться съ нимъ дублетами, которыхъ списокъ приложенъ къ каталогу.

— Въ Москвѣ изданіе, на русскомъ языкѣ, «*Руководств-*

се къ патологической анатоміи, Рокитанскіеъ продолжается. Переводчики издали въ послѣднее время третій выпускъ третьяго тома. Извѣстно, что они начали изданіе свое съ третьяго тома.

=

VII.

СМѢСЬ,

=

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦИИ. *Послѣдніе французскіе фельетоны.*—Пора! романъ господина Суліе.—*Львица, романъ ея же.* Какъ французская словесность, да и другія иностранныя словесности сосредоточиваются теперь въ фельетонахъ и вообще въ временныхъ изданіяхъ, то Редакція приняла мѣры, чтобы читатели этого журнала впередъ могли найти здѣсь всѣ новости этихъ словесностей, разумѣется, новости примѣчательныя и заслуживающія ихъ любопытства. Во второмъ отдѣленіи «Библиотеки для Чтенія», здѣсь въ Смѣси, въ статьяхъ «Литературныя новости» и въ Прибавленіяхъ, которыя щедрый М. Д. Ольхинъ даетъ даромъ, будутъ отнынѣ помѣщаемы всѣ фельетонные и журнальные иностранныя романы, которые въ видѣ книгъ являются уже впоследствии времени за границею, *въ, исключая скучныхъ и ничтожныхъ.* Чтобы сейчасъ же поравняться съ послѣдними этого роду новостями, намъ слѣдовало бы дать здѣсь два новѣйшіе романа господина Суліе (послѣдніе романы Сю, Жоржа-Санда и Дюма — *Вѣрный Жидъ — Теверино — Монжибускій мельникъ и Графъ ди Монте-Кристо* — уже находятся въ рукахъ нашихъ читателей): эти два послѣдніе романа называются *Пора!* и *Львица*; но какъ второй изъ нихъ уже переведенъ въ одномъ изъ здѣшнихъ по-

временныхъ изданій, то мы только перескажемъ его содержаніе въ короткихъ словахъ, а первый, то есть *Пора* представляемъ здѣсь вполнѣ.

I.

ПОРА!

или

НѢТЬ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

=

ПОВѢСТЬ ФРЕДЕРИКА СУЛІЪ.

=

Однажды вечеромъ, въ павильонѣ, который соединялся длинною липовою аллею съ довольно красивымъ домомъ, сидѣла молоденькая женщина, лѣтъ двадцати, не больше. Красота ея уже развилась вполнѣ, но между-тѣмъ она еще не утратила простодушнаго выраженія шестнадцатилѣтней дѣвочки. Павильонъ, гдѣ она сидѣла, выходилъ на большую дорогу, которая раздѣлялась на двѣ у подножія террасы, составлявшей основаніе павильона, такъ что оттуда далеко можно было видѣть путешественниковъ, ѣхавшихъ изъ Парижа.

Въ стѣнѣ террасы, господствовавшей надъ большою дерегою, была выходная дверь; маленькая лѣстница вела отъ дверей къ павильону.

Молоденькая женщина сидѣла у стола, на которомъ было разбросано шитье. Она, по-видимому, только-что покинула свою работу, и сидѣла, облокотившись на мраморъ стола и положивъ голову на руку. Въ другой рукѣ былъ у нея ключъ, какъ надобно полагать, отъ дверей въ террасѣ. Эта женщина кого-то ждала и ожидаемый, вѣроятно, ниѣлъ почему-нибудь, право явиться тотчасъ къ ней. Нѣсколько разъ, по легкому трепету этой женщины, можно было подумать, что желаніе ея исполняется. Какъ-скоро вдали, на пустынной дорогѣ, показывалась едва замѣтная точка, зоркіе глаза ея съ беспокойствомъ начинали вглядываться въ нее. Но точка еще не приняла опредѣленной формы, какъ лучъ надежды уже погасалъ въ этихъ

глазахъ; они, казалось, сжимались въ своей неподвижности, въ своемъ ожиданіи.

То былъ не тотъ, кого прекрасная женщина ожидала. Но видно, глаза ея были очень зорки, когда она такъ хорошо, такъ скоро угадывала, что надежда ея не сбылась; потому что другой, на ея мѣстѣ, не легко бы угадалъ, что такое появилось въ концѣ дороги: человекъ или карета. Увы! она видѣла такъ хорошо не потому, чтобы глаза ея вооружились взглядомъ болѣе прежняго проницательнымъ, а потому что она уже два мѣсяца, снав каждый вечеръ на томъ же мѣстѣ, всё ждала одного и того же путника и научилась угадывать по незамѣтнымъ для другаго признакамъ появленіе того, кого ждала и въ этотъ вечеръ; притомъ у сердца есть своя зоркость, какъ у глазъ, свой слухъ, какъ у ушей — чувства таинственныя, возбуждаемыя только однимъ видомъ, однимъ голосомъ. Мать узнаетъ своего сына, который высунулся изъ дверецъ кареты — на такомъ разстояніи, гдѣ другой не разглядитъ кареты и услышитъ жалобные или веселые крики своего ребенка, когда стукъ колесъ по мостовой не долетѣлъ еще до ея слуху. Чтобы видѣть такъ зорко, надобно, чтобы эта женщина сильно любила.

Ожиданіе ея было уже нѣсколько разъ обмануто, а между-тѣмъ, покорная и терпѣливая, она ни малѣйшимъ движеніемъ не показывала, чтобы несбывшіяся надежды производили на нея прискорбное впечатлѣніе. Взоръ на минуту вспыхивалъ и потомъ потухалъ: вотъ все, почему можно было узнать, что эта женщина не статуя, бѣлая и прекрасная. Вся жизнь ея, вся душа улетали на лучѣ свѣту къ краю горизонта, чтобы сладкимъ поцѣлуемъ привѣтствовать ожидаемаго, и потомъ возвращались, такъ же быстро, но печальнѣе.

На небѣ было еще свѣтло, но лучи солнца, падая косвенно на землю, озаряли ее уже не съ прежнимъ блескомъ, когда на горизонтѣ показалась новая точка. Глаза молодой женщины съ жадностью впились въ нее: но, видно, надежда ея была снова обманута, потому что она вздохнула и даже хотѣла-было уйти, но замѣтила, что путникъ тоже узналъ ее, потому что пустилъ коня своего во

всю прить. Уйти нельзя; показать человѣку, что его боишься, для женщины такъ же опасно какъ показать, что его любишь. Это могло также значить, что ей неспрiятно его видѣть; но зачѣмъ же лгать? Мельхиоръ де-Лесли чловѣкъ молодой, прекрасный, храбрый, добрый, снисходительный, скромный; сосѣд вѣжливый и услужливый: за что жъ не любить его? Онъ ничего не сдѣлалъ, ни въ чемъ не виноватъ. Амаля де-Фремеръ потушила глаза и осталась на мѣстѣ, какъ оставалась, когда проходилъ или проѣзжалъ незнакомый. Она готовилась поклониться ему какъ-можно равнодушно, когда онъ проѣдетъ мимо террасы; но онъ осадилъ своего усталого коня прямо подъ окномъ, у котораго сидѣла Амаля.

— Вы сегодня что-то поздно ѣдете домой, сказала она, высунувшись изъ окна: батюшка вашъ и герцогиня, вѣрно, уже беспокоятся.

— Видно Альжибюсъ, отвѣчалъ онъ указывая на своего коня: воспользовался обыкновенной моей разсѣянностію и шелъ шагомъ, потому что я выѣхалъ изъ Парижъ очень рано и торопился; у меня есть письмо къ вамъ.

— Ко мнѣ? отъ мужа! Боже мой, что же такое случилось?

— Ничего; только онъ заваленъ работою: вы знаете, что онъ производитъ слѣдствіе по дѣлу заговорщиковъ. Я встрѣтилъ его: у него вся карета была наполнена бумагами. Онъ, кажется, работаетъ и тогда когда дѣлаетъ визиты....

— Однако жъ, визиты онъ успѣваетъ дѣлать?...

Мельхиоръ поднялся на стременахъ, подаль письмо, Амаля высунулась изъ окна, но достать было невозможно.

— Извините, сказалъ онъ смѣясь: я сейчас поѣду къ дому и отдамъ письмо вашимъ людямъ.

— Боже мой! что со мною, сказала она: у меня въ рукахъ ключъ отъ калитки, а я и забыла о немъ.

Она побѣжала внизъ, а онъ между-тѣмъ соскочилъ съ лошади и подошелъ къ самой двери, такъ что Амаля, отворивъ калитку, очутилась прямо лицомъ къ лицу съ Мельхиоромъ. Она покраснѣла, дрожащей рукой взяла

письмо и тотчасъ распечатала, даже не поблагодаривъ его. Въ запискѣ были только двѣ строки: «Милая Амалія, не жди меня сегодня: у меня пропасть дѣла....» Прочитавъ, Амалія подняла глаза на Мельхиора, какъ-бы спрашивая: не имѣетъ ли онъ что-нибудь прибавить къ этой запискѣ, столь сухой и лаконической? Мельхиоръ потупилъ глаза.

— Очень благодарна вамъ, сказала она дрожащимъ голосомъ.

Де-Лесли молча поклонился и медленно уѣхалъ. Амалія стояла на мѣстѣ и молча смотрѣла на письмо. Крупныя слезы текли по лицу ея; губы поблѣднѣли и дрожали какъ обыкновенно передъ рыданіемъ; она закрыла лицо руками и вскричала: — О, онъ меня больше не любитъ!

Удалившись въ свою комнату, Амалія написала и разорвала нѣсколько писемъ: одни изъ нихъ были наполнены горькими упреками, другія дышали притворнымъ равнодушіемъ. Полчаса спустя, она получила слѣдующую записку:

«Братъ мой говоритъ, что вы сегодня одинъ дома. Знаю, что вы и одинъ не скучаете, но знаю также, что уединеніе превращаетъ скуку въ печаль. Если вы этого боитесь, то не пожалуете ли къ намъ? У насъ никого не будетъ. Развѣ только вечеромъ пріѣдетъ изъ Парижа нотариусъ Бальби. Онъ очень милый, любезный человекъ... и сколько ума! сколько душевной теплоты... А это вещь рѣдкая всегда, еще болѣе рѣдкая въ дѣловомъ человекѣ, неоцѣнимая въ человекѣ съ сѣдыми волосами... Я бы очень рада была, если бъ вы съ нимъ познакомились и если бъ онъ полюбилъ васъ. Это человекъ, съ которымъ можно совѣтоваться какъ съ отцомъ... Но к чему я вамъ это говорю?... Пріѣзжайте только. Любить васъ за это больше прежняго мы не можемъ, но по-крайней-мѣрѣ намъ можно будетъ сказать вамъ, что мы васъ любимъ....»

«Леонія де - Фезанзакъ.»

Это приглашеніе было очень непріятно Амаліи де-Фремерш. Отказать неловко, а ѣхать она никакъ не хотѣла. Чтобы написать отвѣтъ, она перечитала письмо герцогини де-Фезанзакъ и съ удивленіемъ остановилась на словахъ: «уединеніе превращаетъ скуку въ печаль». Такъ они знаютъ, догадываются, что у ней есть печаль? И к чему эти похвалы нотариусу Бальби? Что значать слова: «это человекъ, съ которымъ можно совѣтоваться какъ съ от-

домъ?» Только больнымъ даютъ адреса врачей. Развѣ герцогиня имѣетъ причину думать, что въ положеніи Амаліи ей не худо бы посоветоваться съ такимъ человѣкомъ, какъ Бальбій?

Эти мысли начали бродить въ головѣ мадамъ де-Фремері. Неясныя ея сомнѣнія начали принимать опредѣленную форму, сожалѣнія превратились въ важныя обвиненія. Наконецъ она совершенно убѣдилась, что мужъ забылъ ее, покинулъ, и ей пришелъ въ голову вопросъ очень обыкновенный у замужнихъ женщинъ: «Неужели я должна жить въ сукѣ и одиночествѣ, когда онъ веселится?» Въ это самое время горничная доложила, что человѣкъ герцогини де-Фезанзакъ дожидается отвѣта. — Скажи, что я сейчасъ буду, отвѣчала Амалія.

Намѣреніе ѣхать къ герцогинѣ де-Фезанзакъ было важнымъ событіемъ, почти переворотомъ въ жизни мадамъ де-Фремері. Вотъ почему. Альфредъ де-Фремері имѣлъ связь съ мадамъ де-Канталъ, мачихой Амаліи. Дѣло дошло дотого, что дуэль между нимъ и отцомъ Амаліи была почти неизбежна. Амалія, чтобы отвратить это несчастіе, приняла чужую вину на себя и вышла за Альфреда. Въ то же самое время де-Фремері, который былъ адвокатомъ въ Поатье, получилъ мѣсто генеральнаго адвоката въ Парижѣ.

Кажется, нельзя быть мужемъ женщины молоденькой, прекрасной, нѣжной, остроумной, не почувствовавъ къ ней привязанности, похожей на любовь. Но любовь страсть такая прихотливая, что ее часто убиваетъ именно то, что, казалось бы, должно сдѣлать ее вѣчною. Альфредъ, человѣкъ съ умомъ пылкимъ, легкомысленный, страстный къ движенію, къ преніямъ, былъ недоволенъ всегдашней кротостью, уступчивостью Амаліи, неизмѣнной ясностью души ея. Она всегда соглашалась съ его мнѣніями, всегда уступала. Это наскучило Альфреду и, наконецъ, никогда не встрѣчая сопротивленія, онъ привыкъ объявлять женѣ свою волю, не объясняя причинъ ея. Такъ напримѣръ, онъ однажды сказалъ ей, чтобы она старалась быть какъ-можно лучше съ старымъ маркизомъ де-Лесліи и его сыномъ Мельхіоромъ, но избѣгала дружескихъ связей съ дочерью

маркиза де-Леслі, двадцатилѣтней вдовою, герцогинею де-Фезанзакъ. Дѣло въ томъ, что онъ, по своимъ честолюбивымъ видамъ, имѣлъ нужду въ маркизѣ де-Леслі, человѣкѣ, который былъ въ милости при дворѣ и пользовался большимъ вліяніемъ въ палатѣ перовъ. Что касается до герцогини де-Фезанзакъ, то Альфредъ слышалъ о ней такія вещи, которыхъ, изъ уваженія къ женѣ не могъ открыть ей.

Въ ту минуту, какъ Амалія вошла въ гостиную маркиза де-Леслі, между отцомъ и сыномъ происходилъ довольно жаркій споръ. Послѣ первыхъ привѣтствій, старикъ съ живостью сказалъ: — Я попрошу мадамъ де-Фремери быть нашимъ судьей....

— Батюшка, возразилъ Мельхіоръ, съ нетерпѣливой кротостію: это дѣло семейное; оно не можетъ интересовать мадамъ де-Фремери.

— Нѣтъ, нѣтъ, я непремѣнно хочу, чтобы кто-нибудь разсудилъ между нами. Позвольте васъ спросить, продолжалъ онъ, обращаясь къ Амаліи: что бы вы отвѣчали вашему мужу, если бы онъ сказалъ вамъ: «Мнѣ двадцать три года; я знатенъ, богатъ, храбръ, уменъ, благороденъ; несмотря на все это я покидаю службу, не хочу ничего знать и намѣренъ жить въ глуши, въ уединеніи?»

— Если бы мужъ мой желалъ этого для того, чтобы укрыть наше счастье отъ людей, отвѣчала Амалія улыбаясь: то, признаюсь, я изъ эгоизма одобрила бы его намѣреніе.

— Видите, батюшка, сказалъ Мельхіоръ.

— Позволь, позволь, возразилъ маркизъ. Но если бы вмѣсто вашего мужа, это говорилъ вамъ молодой человѣкъ, совершенно свободный, котораго родные желаютъ, чтобы онъ шелъ какъ-можно далѣе по службѣ? Что бы вы о немъ подумали?

Тутъ только мадамъ де-Фремери догадалась, что дѣло идетъ о Мельхіорѣ и это чрезвычайно смутило ее: по какому-то инстинкту, Амалія чувствовала, что она сама причиною такого намѣренія.

— Я бы подумала, сказала она, что у этого молодого человѣка есть какое-нибудь тайное несчастье, какал-ни-

будь несбыточная надежда и что потому свѣтъ ему опротивѣлъ.

Между-тѣмъ какъ Амалія говорила, герцогиня де-Фезанзакъ устремила на нее тревожный взглядъ, а какъ скоро она кончила, Мельхиоръ вскричалъ: — Мадамъ де-Фремеръ какъ-нельзя лучше поняла причины моего намѣренія.

При этихъ словахъ, герцогиня потупила глаза и погрузилась въ кресла, на которыхъ сидѣла. Старикъ де-Лесли не замѣтилъ этого и продолжалъ съ бѣльшей живостью, обращаясь къ сыну:

— Такъ позвольте васъ спросить, отчего у васъ вдругъ родилось такое отвращеніе къ свѣту и людямъ?... Вѣрно, какая-нибудь обманутая любовь?...

— Клянусь честью, нѣтъ! вскричалъ Мельхиоръ.

— Ну такъ, вѣрно, сказалъ старикъ, пожимая плечами: какая-нибудь безнадежная любовь, какая-нибудь платоническая, нечестательная страсть, въ которой нѣтъ ни капли здраваго смысла!

— Батюшка, отвѣчалъ Мельхиоръ, развѣ не можетъ быть, что мое намѣреніе происходитъ отъ причинъ, которыхъ мнѣ нельзя сказать вамъ?

— Да какія тутъ могутъ быть причины! вскричалъ съ досадою маркизъ.

Мельхиоръ бросилъ на сестру печальный, отчаянный взглядъ и сказалъ съ прискорбнымъ выраженіемъ: — Батюшка.... сдѣлайте милость.... мы поговоримъ объ этомъ послѣ....

— Ну, если ты не хочешь говорить при этихъ дамахъ, такъ пойдемъ теперь же ко мнѣ въ кабинетъ, потому что я завтра ѣду къ министру: я, по совѣсти, не могу допустить, чтобы тебѣ дали новый чинъ, когда ты не намѣренъ больше служить.

— Вамъ не зачѣмъ ѣхать къ министру, сказалъ Мельхиоръ съ робостію человѣка, который предвидитъ, что слова его произведутъ страшный взрывъ: вамъ не зачѣмъ ѣхать къ министру, потому что моя просьба объ отставкѣ уже у него....

— Просьба объ отставкѣ! вскричалъ съ бѣшенствомъ старикъ.

— Поидемте, батюшка, поидемте, сказалъ Мельхиоръ, уводя его: мнѣ надобно поговорить съ вами наединѣ.

Когда они ушли, Амалія обратилась къ герцогинѣ, которая во все время не говорила ни слова. Прекрасное лицо Леонія было, какъ всегда, чрезвычайно блѣдно, запечатлѣнно мертвенной неподвижностью, и двѣ слезы катились по щекамъ ея.

— Боже мой! что съ вами? вскричала Амалія, испуганная этою безмолвной горестію.

— Бѣдный братъ! проговорила вполголоса герцогиня де-Фезанзакъ. Потомъ она принялась смотрѣть на мадамъ де-Фремері; глаза ея, устремленные на Амалію, казалось, искали пути къ ея уму или сердцу. Наконецъ она вдругъ сказала:

— Амалія, хотите ли вы сдѣлать доброе дѣло и оказать мнѣ большую услугу?

— Очень рада, отвѣчала Амалія съ нервѣшительностію челоуѣка, который боится принимаемой на себя обязанности.

— Ну, такъ скажите брату, чтобы онъ исполнилъ волю батюшки и взялъ назадъ свою просьбу отъ отставкѣ. Васъ онъ послушается, я увѣрена.

Амалія чрезвычайно смутилась. — Какъ же вы можете думать, сказала она, что братаецъ вашъ сдѣлаетъ по моему убѣжденію то, въ чемъ отказалъ отцу и, вѣроятно, вамъ; потому что вы, вѣрно, требовали отъ него этой жертвы?

— Да, вы правы, отвѣчала герцогиня послѣ нѣкотораго молчанія: я не могу требовать отъ васъ такой услуги.

Амалія была сначала чрезвычайно удивлена тѣмъ, что герцогиня такъ скоро отказалась отъ надежды, которую полагала на нея. Но женщины чрезвычайно проникательны во всемъ что касается до любви. Мадамъ де-Фремері тотчасъ поняла что хотѣла сказать Леонія:

«Васъ онъ послушается, потому что онъ васъ любитъ; но я не могу требовать отъ васъ такой услуги, потому что для этого вамъ надобно было бы употребить свою власть надъ нимъ, о которой вы не должны и знать.»

Если любовь является честной женщиной, вооруженная всеми своими желаниями и требованиями, она всегда льстит самолюбию женщины, но пугает ее добродетелью; если же эта любовь, нежная и почтительная, тщательно скрывается, и об ней узнають случайно, то это приношение и красота и добродетели; такой любви нельзя отвергать; за нее нельзя сердиться. Ее существование, ее безмолвие льстят и тщеславию и благородной гордости.

Съ часть послѣ этого не происходило ничего важнаго для Амаліи. Герцогиня де-Фезанзакъ не возвращалась болѣе къ предмету, который такъ скоро покинула; Мельхиоръ скоро пришелъ и, казалось, совсѣмъ забылъ о прежнемъ разговорѣ. Но Амалія внимательнѣе прежняго смотрѣла на человѣка, о которомъ теперь уже знала, что онъ влюбленъ въ нея; и, что всего хуже, видя съ какою нежностью Мельхиоръ заботится о больной сестрѣ своей, она невольно дѣлала между нимъ и своимъ мужемъ сравненія, невыгодныя для послѣдняго. Она не могла не восхищаться милымъ простодушіемъ очень молодаго человѣка, который выказываетъ отеческую нежность.

Черезъ нѣсколько времени воротился и маркизъ; онъ не говорилъ болѣе о прежнемъ предметѣ спору, но по всему было замѣтно, что онъ ничего не добился отъ сына. Разговоръ не вязался, не клеился, какъ обыкновенно случается, когда у каждаго изъ собесѣдниковъ есть своя тайная мысль. Никому не пришло въ голову велѣть подать огню, такъ что въ гостиной было почти совсѣмъ темно, когда человѣкъ пришелъ доложить, что пріѣхалъ москѣ Бальби. Маркизъ де-Лесли и Мельхиоръ вошли къ нему на встрѣчу, и Мельхиоръ тотчасъ отвелъ его всторону, въ тотъ самый уголокъ, гдѣ сидѣла мадамъ де-Фремері.

— Вотъ вамъ ваша просьба, сказалъ Бальби: я со всѣми видѣлся и все уладилъ. Я вамъ говорилъ, что у меня есть подъ рукой человѣкъ, который всѣхъ усмирить. У всякаго есть свои слабости, продолжалъ онъ по-тише: всякаго можно заставить молчать о чужихъ тайнахъ, погрозивъ ему разгласить его собственныя. Москѣ де-Фремері было бы очень не весело, если бъ я сталъ рассказывать все что о немъ знаю и я ему обязанъ тѣмъ, что мнѣ, если

не обѣщали вѣчно молчать, то по крайней мѣрѣ возвратили всѣ улики, такъ что теперь, что бы ни говорили, все можно назвать клеветою, потому что доказательствъ никакихъ нѣтъ.

Амалия не поняла и не могла понять фразы Бальби, которая касалась до ея мужа, но поняла то, что относилось къ ней самой. Она узнала, что у Альфреда есть тайны, посредствомъ которыхъ его заставляютъ дѣлать то, чего бы онъ не хотѣлъ. Мельхиоръ, маркизъ и Бальби почти тотчасъ послѣ этого ушли въ садъ и Амалия осталась одна съ герцогинею де-Фезанзакъ. Любопытство мучило мадамъ де-Фремері, но она, боясь узнать что-нибудь страшное, не рѣшилась бы разспрашивать Леонию, если бы та сама не начала разговора.

— Слышали вы что мосьё Бальби сказалъ брату? спросила герцогиня.

Амалия повторила что слышала.

— О, какой добрый, прекрасный человекъ! вскричала Леонія. Я знала, что онъ спасетъ насъ!

Амалия нѣсколько обидѣлась тѣмъ, что имя ея мужа не обратило на себя вниманія герцогини, и отвѣчала довольно сухо:— Я очень рада, что мужъ мой содѣйствовалъ услугѣ, за которую вы такъ благодарны мосьё Бальби.

Герцогиня, которая изъ всей рѣчи Бальби поняла только то что касалось собственно до нея, то есть, что просьба Мельхиора взята назадъ и дѣло улажено, сказала, какъ человекъ, который старается что-то припомнить:— Да, да, я понимаю, какимъ образомъ мосьё де-Фремері могъ вытребовать эту просьбу назадъ.

Потомъ, какъ-бы новая мысль блеснула въ умѣ ея, она прибавила:— И понимаю какимъ образомъ Бальби могъ принудить къ этому мосьё де-Фремері.

— Принудить? сказала съ гордостью Амалия.

— Виновата: я хотѣла сказать: «упросить» мосьё де-Фремері.

Говоря это, она взяла Амалию за руку. Рука была холодная и дрожала.

— Что съ вами? вскричала герцогиня де-Фезанзакъ.

— Ничего, отвѣчала Амалия. Извините, прибавила она

черезъ минуту: я должна уйти; мнѣ что-то очень нездоровится.

Мадамъ де-Фремері встала, пошла за своей шляпкой, и услышала, что герцогиня говоритъ про себя печальнымъ голосомъ:— Бѣдняжка!

Она вдругъ остановилась. Объ пей жалѣють. Чѣмъ же она можетъ возбуждать сожалѣніе? Здоровье, богатство, красота, людское уваженіе, всѣ эти элементы обыкновеннаго счастья, у нея есть. Чего же недостаетъ ей? Можетъ-быть любви мужа? И она убѣдилась, что мужъ ей нзмѣняется.

Мадамъ де-Фремері велѣла своему кучеру пріѣхать гораздо позже и потому рѣшилась пройти черезъ паркъ маркиза де-Леслі, отдѣлявшійся отъ ея парка только узкою тропинкою. Леонія не удерживала своей сосѣдки. Ей самой хотѣлось поговорить съ братомъ и съ Бальбій.

Амалия проворно шла по темной каштановой аллеѣ съ высокими шпалерами. Около половины этой аллеи она услышала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя разговоръ. Въ другое время это заставило бы ее удалиться; но теперь, какъ она была взволнована, разстроена, теперь, когда сомнѣніе поселилось въ ея сердцѣ, этотъ разговоръ привлекалъ ее, какъ бездна притягиваетъ несчастнаго, который повисъ на краю ея. Она остановилась, потомъ осторожно подошла и услышала слѣдующія слова:— Нѣтъ, любезный Бальбій (это говорилъ Мельхіоръ), я не возьму своей просьбы назадъ. Теперь, какъ благодаря вамъ, честь герцогини въ безопасности, мнѣ непремѣнно надобно уѣхать съ нею изъ Франціи. Если бы ее обвиняли, я бы остался, чтобы опровергать обвиненіе; но теперь, можно надѣяться, что тѣ, которые знаютъ эти ужасныя тайны, будутъ молчать; я не хочу, чтобы случайная встрѣча побудила ихъ сказать какое-нибудь слово, которое могло бы произвести соблазнительную исторію. Пока насъ съ сестрою здѣсь не будетъ, злоба утихнетъ и когда мы воротимся во Францію, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда другіе интересы, другія событія будутъ занимать вниманіе свѣта, объ насъ никто и не вспомнитъ.

— Но какимъ же образомъ вы объясните свой отъѣздъ маркизу? спросилъ Бальби.

— Я приму все на себя; онъ и не догадается, что я дѣлаю это столько же для сестры, какъ и для себя самого. Я не скажу ему причинъ, которыя принуждаютъ сестру покинуть Францію, но скажу почему я долженъ уѣхать.

— Но онъ будетъ смѣяться надъ вашими причинами.

— Знаю; онъ не пойметъ, что я не могу излечиться отъ своей любви, а если и пойметъ это, то не пойметъ отчего я не ищущу успѣха въ любви.

— Такъ вы, видно, страстно любите мадамъ де-Фремері?

При этихъ словахъ Амазія вздрогнула и покраснѣла, какъ-будто Мельхиоръ ей самой признался въ любви. Она хотѣла бѣжать, но женское любопытство преодолѣло стыдливость и она осталась, чтобы слышать отвѣтъ Мельхиора.

— О, да, сказалъ онъ, да, я люблю ее какъ существо чистое, святое, и я почелъ бы преступленіемъ разрушить непорочность души ея, показавъ ей, что она можетъ возбуждать желанія, страсть, въ которыхъ нельзя признаться передъ Богомъ.

— Это прекрасно, благородно съ вашей стороны, сказалъ съ живостію нотаріусъ: и тѣмъ болѣе прекрасно, что теперь у васъ нашлись бы два сильныхъ союзника, чтобы восторжествовать надъ этой бѣдной женщиною: горе, которое губитъ самыя непорочныя души, и жажда мести, которая увлекаетъ умы самыя рѣдкіе.

Невыразимая радость засіяла на лицѣ мадамъ де-Фремері; но въ ту же минуту она испугалась своей радости, и потомъ ее поразили послѣднія слова Бальби. Такъ ей угрожаетъ горе? Такъ она вправѣ мстить за себя? Горестныя извѣстія возбуждаютъ въ душѣ жгучую жажду, какъ спиртные напитки во рту. Мадамъ де-Фремері захотѣла вполне узнать, какое горе ей угрожаетъ, за что она имѣетъ право мстить.

Между-тѣмъ Мельхиоръ продолжалъ:—Такъ это правда, что мосьё де-Фремері совершенно отдался въ руки мадамъ де-Фавіеръ? Примѣръ его пріятеля, Люсіена де-Бо-

Видь, долженъ бы былъ показать ему, что у этой женщины нѣтъ ни сердца ни чести; холодный умъ, шепотѣрное тщеславіе и самые гнусные расчеты управляютъ всѣми ея поступками.

— Э, полноте, отвѣчалъ Бальбй: тутъ не мадамъ де-Фавіёръ всѣхъ больше заслуживаетъ порицанія; вы очень хорошо знаете, что если она охотно слушаетъ изъясненія въ любви всѣхъ молодыхъ людей, которые ее окружаютъ, такъ потому что мужъ всегда лишалъ ее этой пищи. Когда мадамъ де-Фавіёръ вышла замужъ, она любила мужа, любила, правда, по-свѣдому, но всё-таки любила; а онъ, напротивъ, никогда не любилъ ея.

— Однако жъ мнѣ кажется.... возразилъ Мельхіоръ.

— Знаю что вы хотите сказать, отвѣчалъ Бальбй, прерывая его: правда, онъ всегда очень хорошо обходился съ нею; никто лучше его не умѣлъ прикрывать недостатки привязанности къ женѣ нѣжной заботливостью. Но женское сердце не легко обмануть. Вотъ почему женщина, которая чувствуетъ, что мужъ ее любитъ, хотя и обходится съ нею дурно, всегда бываетъ вѣрна ему, а та, которая подъ личиною нѣжности видитъ равнодушіе, иногда обманываетъ мужа. Мадамъ де-Фавіёръ попался молодой человѣкъ, который влюбился въ нее какъ безумный и она предается этой страсти; это довольно понятно; но любовь мосьё де-Фремеря ничѣмъ извинить невозможно. Жена его въ тысячу разъ прекраснѣе, милѣе мадамъ де-Фавіёръ; жена его образецъ добродѣтели и преданности: такъ онъ кругомъ виноватъ, и только онъ одинъ и виноватъ. Но полно объ этомъ, поговоримъ лучше о васъ. Такъ вы непременно хотите ѣхать?

— Что вы мнѣ посоветуете?

— Это чрезвычайно огорчить вашего батюшку....

— Что вы посоветуете?

— Я очень понимаю, что эта поѣздка нужна для здоровья вашей сестрицы....

— Что вы мнѣ посоветуете?

— Ну, если вамъ непременно хочется знать мое мнѣніе, такъ я совѣтую вамъ ѣхать.... Да, уѣзжайте.... Вы любите мадамъ де-Фремеря и она васъ полюбитъ....

— Никогда! вскричалъ Мельхиоръ.

— Да, она будетъ любить васъ, и борьба съ добродѣтелью только усилить ея несчастіе. Избавьте ее отъ этого.

— Уѣду, печально сказалъ Мельхиоръ: но только для того чтобы избавиться отъ страсти, которая меня губитъ. Мадамъ де-Фремеръ никогда не будетъ любить меня....

— Напротивъ, она непремѣнно васъ полюбитъ, если узнаетъ какъ почтительно, какъ благоговѣнно вы ее любите, а современемъ она бы это, по какому-нибудь случаю, непремѣнно узнала.... Представьте себѣ, напримѣръ, что кто-нибудь пересказалъ бы ей нашъ разговоръ, или что она сама бы его слышала: могла ли бы она не полюбить васъ?...

Можно представить себѣ, какое дѣйствіе эти слова произвели на Амалію. Она не выдержала такого сильнаго потрясенія, и безъ чувствъ упала на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ скрывалась.

Опамятовавшись, она увидѣла, что лежитъ въ чужой комнатѣ и узнала спальню герцогини; узнала Леонію, которая стояла подлѣ нея вмѣстѣ со многими другими женщинами. Постель была забрызгана кровью: дѣло въ томъ, что Амалію пустила кровь. Больная сначала не узнала врача, который дѣлалъ ей эту операцію, хотя и видѣла человѣка, который обтиралъ ланцетъ и разсматривалъ вышущенную кровь. Этотъ человѣкъ обернулся: то былъ Мельхиоръ.

— Она приходитъ въ себя, сказала вполголоса Леонія.

Мельхиоръ вышелъ, Бальби за нимъ. Все это однако жъ не объяснило Амалію какимъ образомъ она очутилась въ этой комнатѣ. Она спросила герцогиню; та выслала своихъ женщинъ и отвѣчала: — Черезъ часъ послѣ того, какъ вы ушли, пріѣхала ваша карета. Я велѣла сказать кучеру, что вы дома и что ему, вѣрно, забыли сказать это. Онъ поѣхалъ домой; вслѣдъ затѣмъ ваша горничная пріѣхала въ испугѣ и объявила, что дома васъ нѣтъ. Мы перепугались.... Всѣ побѣжали въ паркъ.... Наконецъ Мельхиоръ нашелъ васъ.... Вы лежали въ обморокѣ въ большой аллеѣ, и онъ принесъ васъ сюда на рукахъ.

Тутъ Амалія вспомнила все что слышала.... и она зарыдала. Она была въ отчаяніи, предвидя что ее станутъ разспрашивать о причинѣ этого обморока; но герцогиня тотчасъ ее успокоила.

— Въ гостиной у насъ было чрезвычайно жарко; вы вышли вдругъ на холодъ: не мудрено, что съ вами сдѣлался обморокъ.

— О, благодарю васъ, милая Леонія! сказала Амалія, подавая ей руку.

Она благодарила Леонію не за попеченія, а за то, что она не хотѣла знать причинъ ея обморока. Эти двѣ женщины какъ-нельзя лучше поняли другъ друга.

— Но нельзя ли мнѣ теперь воротиться домой? спросила Амалія.

— О, невозможно.... Братъ строго запретилъ....

— Вашъ братецъ?...

Герцогиня смутилась.—Вы его еще не знаете!... Кавалерійскій офицеръ, франтъ, страстный танцоръ.... и учился медицинѣ, умѣетъ въ случаѣ нужды пустить кровь.... Это рѣдкость.... Не правда ли?

Такъ Амалія не ошиблась: кровь пускалъ ей Мельхіоръ, и онъ на рукахъ ее принесъ въ замокъ. Она была въ объятіяхъ человѣка, который такъ страстно ее любитъ и котораго любви она боится. Краска оскорбленной стыдливости бросилась ей въ лицо, и проговоривъ: — «О, это ужасно!» она снова лишилась чувствъ. Испуганная герцогиня начала звонить. Мельхіоръ и женщины прибѣжали. Вспрыскиваніе холодною водою привело Амалію въ чувство; она открыла глаза и увидѣла, что Мельхіоръ стоитъ вагнувшись къ ней, и жадно слѣдитъ оживленіе ея лица. Онъ держалъ ее за руку и шупалъ пульсъ. Только Амалія могла видѣть, что на щекахъ у него слезы и одна изъ этихъ слезъ упала ей на лицо. Она затрепетала всѣмъ тѣломъ и отворотилась. Кто-то подаль Мельхіору питье, которое онъ велѣлъ приготовить; но онъ сказалъ вполголоса: — «Если бъ она заснула, это было бы всего лучше.» Амалія, воспользовавшись этимъ, притворилась спящею. Черезъ нѣсколько минутъ она услышала удаляющіеся шаги и подумала, что ее оставили одну; но могла

ли она спать! Она проходила въ умѣ своемъ все что слышала, что узнала: измѣну мужа, любовь Мельхіора, и тутъ она поняла состояніе своего сердца. Женщины, которыя любили, знаютъ какое блаженство, въ подобномъ положеніи, сказать самой себѣ то, чѣмъ полна душа, и Амалія проговорила, но такъ тихо, что сама себя не слышала: — «И я люблю его.... люблю.... люблю.» Уста ея не произвели ни малѣйшаго звука и какъ-бы только рисовали слова: «люблю.... люблю!» Бѣдняжка сама испугалась своихъ словъ, какъ-будто ихъ слышалъ тотъ, до кого они касались, и она вскричала: — «О, я несчастная!» Она съ живостію обернулась и увидѣла, что въ комнатѣ кромѣ ея, еще два человѣка: Леонія и Мельхіоръ. Она снова закрыла глаза какъ-будто этотъ крикъ вырвался у нея во снѣ, и опять притворилась спящею. Но она лежала теперь лицомъ къ Мельхіору и чувствовала, что глаза его впивались въ нея. Ей стало стыдно; она не смѣла болѣе притворяться и рѣшилась сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы какъ-нибудь по-скорѣе вырваться изъ этого дому. Она открыла глаза, какъ-будто только-что проснулась, и кивнула. Герцогиня, которая сидѣла въ креслахъ, тотчасъ подошла къ ней, а Мельхіоръ вышелъ изъ комнаты.

— Мнѣ, право, совѣстно, что я васъ такъ беспокою, сказала Амалія. Отпустите меня домой.

— Какъ это возможно! отвѣчала Леонія: и не стыдно ли вамъ извиняться!

— Но я отнимаю у васъ вашу комнату, мѣшаю вамъ спать.

— Вы знаете, что у насъ комнатъ много, а не сплю я совсѣмъ не по этому, а потому что не хочу отойти отъ васъ.

— Ну, такъ видите!

Герцогиня печально покачала головою и сказала: — Вамъ нечего совѣститься: я дѣлаю это изъ эгоизма. О! если бы вы знали какъ ужасны мои безсонныя ночи!... Теперь я увѣрю себя, будто не сплю потому только, что не хочу покинуть васъ; а если бы я была одна, то принуждена была бы признаться, что только отчаяніе гонитъ отъ меня сонъ....

Амалія съ изумленіемъ посмотрѣла на герцогиню, кото-

рам походила на мраморную статую. Это была одна из тѣхъ горестей, въ которыхъ сомнѣваться невозможно. Амалія не знала что отвѣчать ей и молча пожала ей руку. Герцогиня де-Фезанзѣкъ машинально сѣла на постель и погрузилась въ мечтаніе. Она какъ-бы отчуждилась отъ всего окружающаго. Черезъ минуту она нагнула голову и, казалось, смотрѣла на человека, который сидѣлъ или стоялъ на колѣняхъ противъ нея. Она ласково глядѣла на это видѣніе, еще ласковѣе ему улыбнулась и, наконецъ, вздохнувъ сказала:

— Бѣдный братъ!

Амалія вздрогнула. Это движеніе привело герцогиню въ себя; она взглянула на Амалію, и та съ смущеніемъ потупила глаза.

— Да, вы правы, сказала герцогиня: я виновата; не стану больше говорить о немъ.

Эти двѣ женщины ничего не говорили между собою, а между-тѣмъ другъ друга понимали. Амалія смутилась еще болѣе. Ей казалось, что теперь у ней есть повѣренная ея тайны. Иначе почему же герцогиня знаетъ, что опасно говорить Амаліи про Мельхіора? Она не отвѣчала. Новая погрѣшность: это значило показать, что она понимаетъ и одобряетъ осторожность Леоніи.

Обѣ молчали и это безмолвіе, можетъ-быть, не скоро бы кончилось; но у рѣшетки замка вдругъ раздался сильный шумъ. Вскорѣ послышались поспѣшные шаги, которые приближались къ комнатѣ Амаліи. Она узнала его походку, его голосъ. Онъ говорилъ:

— Но развѣ она такъ больна, что для нея вы не ложитесь спать?

Мельхіоръ отвѣчалъ: — У нея былъ продолжительный обморокъ и я жлу, чтобы она заснула. Это для нея было бы теперь всего лучше.

— Я не сплю, Альфредъ, сказала Амалія.

Всякой другой, кромѣ любящей женщины, былъ бы обманутъ нѣжностями Альфреда; но Амалія очень хорошо чувствовала, что онѣ не проистекаютъ изъ глубины сердца. Ихъ оставили однихъ. Нѣжность, которую Альфредъ выказывалъ, пока герцогиня была тутъ, совершенно исчез-

ла, какъ-скоро она ушла. Онъ ходилъ большими шагами по комнатѣ и, казалось, былъ чѣмъ-то очень занятъ.

— Что съ тобою, Альфредъ? спросила Амалія.

— Дѣло въ томъ, что тебѣ нельзя здѣсь оставаться; надобно какъ-можно скорѣе воротиться домой.

Женщины не любятъ, чтобы ихъ заставляли дѣлать даже и то что онѣ сами намѣревались сдѣлать. Притомъ, что же это вздумалось Альфреду? Неужели онъ се подозрѣваетъ? Вся благородная гордость Амаліи возмутилась при этой мысли, и потому она съ живостью спросила мужа, зачѣмъ же ещѣ непремѣнно нужно тотчасъ воротиться домой.

— Затѣмъ, что намъ надобно поговорить о весьма важномъ дѣлѣ.

— О какомъ же?

— Тебѣ нужно подписать одну бумагу, моя милая. Я уже говорилъ, что тебѣ надобно продать отцовскую ферму, чтобы употребить капиталъ какъ-можно выгоднѣе.... Ну, такъ я нашелъ покупателя и прекрасный случай употребить капиталъ съ большою пользою, но для этого надобно, чтобы ты подписала бумагу....

— Теперь же?.... ночью?....

— Да.... потому что я обѣщалъ отвѣтъ къ завтрашнему утру.... Я прискакалъ сюда какъ-можно скорѣе.... карета ждетъ меня.... я хотѣлъ тотчасъ воротиться; но...

Амалія посмотрѣла на мужа, который говорилъ, не смѣя взглянуть на нея. Сердце ея разрывалось на части. Она вѣрила тому что говорилъ Альфредъ, но это-то ее и огорчало. Она въ опасности, а онъ думаетъ о денежныхъ дѣлахъ! Все что говорилъ Бальби, снова пришло ей въ голову и она убѣдилась, что мужъ больше ея не любитъ. Она позвонила. Вошла горничная. — Дайте мнѣ перо и черниль, сказала Амалія.

— Ахъ, какъ ты добра и мила! вскричалъ Альфредъ. Я этого и ожидалъ отъ твоего прекраснаго сердца!

К чему тутъ это священное слово? Амалія не отвѣчала на восклицаніе мужа, но спросила дрожащимъ голосомъ:

— Ты, вѣрно, привезъ бумагу, которую мнѣ надобно подписать?

— Вотъ она, отвѣчала Альфредъ, подавая женѣ бумагу и перо.

Она подписала.

— О, какъ я тебя благодаренъ! вскричалъ Альфредъ съ выраженіемъ живѣйшей нѣжности.

— Теперь, сказала Амалія приподнимаясь: мнѣ, какъ ты и говорилъ, надобно воротиться домой.

— О, нѣтъ! Къ чему тебѣ ѣхать ночью? Это опасно. Останься здѣсь. Я сейчасъ ѣду въ Парижъ и завтра ранѣ утромъ привезу доктора. Я хочу быть здѣсь, когда ты пойдешь домой.... Прощай! Прощай! До завтра!

И онъ ушелъ. Амалія опустила на постель, заливаясь слезами. Альфредъ много потерялъ въ глазахъ жены. Женщина прощаетъ мужа, который измѣнилъ ей; она иногда еще болѣе прежняго прилѣпляется къ благу, котораго лишается; но она никогда не проститъ человека, который предпочитаетъ ей деньги, потому что это убиваетъ идеаль ея.

На другой день, на разсвѣтѣ, мадамъ де-Фремері рѣшилась воротиться домой, тотчасъ, чтобы не извиняться, не давать никакихъ объясненій. Она одѣлась, сошла внизъ какъ-можно тише и послала горничную разбудить привратника, а сама вошла въ нижнюю гостиную. Жалюзі были закрыты и въ комнатѣ едва видно. Амалія хотѣла сѣсть и вдругъ замѣтила, что на диванѣ кто-то лежитъ. Она подошла по-ближе. То былъ Мельхіоръ. Онъ спалъ, держа въ рукѣ окровавленный платокъ. Мадамъ де-Фремері посмотрѣла: платокъ ея. Какимъ образомъ онъ попался въ руки Мельхіору? Отчего этотъ платокъ въ крови? Зачѣмъ онъ его не отдалъ ей? Ей было досадно.

— Зачѣмъ я узнала, что этотъ платокъ у него! говорила она сама себѣ. Я бы думала, что платокъ пропалъ. А теперь, какъ я могу оставить его у мосье де-Лесля? Невозможно.... Да, если онъ узнаетъ, что я его видѣла.... Но если я потихоньку уйду, онъ не будетъ знать и можетъ оставить платокъ у себя. Ну, что жъ! если это ему пріятно, пусть оставитъ.

О женское сердце! Какъ быстро оно скользитъ внизъ, когда находится на покатости! Первое несчастіе, то есть,

первое что женщина дѣлаетъ для мужчины и есть начало ея погибели. Остальное все уже не что иное какъ послѣдствія, болѣе или менѣе быстрыя. Маламъ де-Фримера ушла послѣ этого соглашенія между своей добродѣтелью и состраданіемъ къ Мельхіору.

Уединеніе самый опасный врагъ женщины, у которой любовь прокрадывается въ сердце. Амалия проходила въ умѣ все что случилось съ нею въ послѣднее время, и выводы были неблагопріятны для мужа. Наконецъ она позвонила. Вошла горничная. Амалия никогда не любила этой женщины, не потому, чтобы та дурно служила, но потому что была ужасная болтунья. Тутъ, какъ всегда, эта женщина принялась рассказывать что дѣлается въ кухнѣ, въ саду, въ сосѣднихъ домахъ, и вдругъ сказала:

— Прибирая ваше платье, сударыня, я не нашла носоваго платка, который вы вчера изволили взять съ собой.

— Видно пропалъ; не стоить объ этомъ говорить, отвѣчала съ досадою Амалия.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пропалъ, и если онъ не у васъ, такъ я знаю у кого.

— Если знаешь, такъ спроси.

— Да, да, непременно, я сегодня же схожу къ молодому мосьё де-Лесли и спрошу.

Амалия притворилась будто не слыхала. Ей было очень досадно. Горничная ушла. Черезъ нѣсколько времени человекъ пришелъ доложить, что пріѣхалъ мосьё Мельхіоръ де-Лесли, и лакей прибавилъ глухимъ голосомъ:— Цецилія велѣла напомнить вамъ, сударыня, чтобы вы не забыли спросить у него свой платокъ.

— Я пришелъ по порученію сестры, извиниться передъ вами, сказалъ Мельхіоръ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Извинитесь? Въ чемъ же это?

— Вѣрно, вамъ было очень не хорошо у насъ, что вы уѣхали такъ рано.

— Я, конечно, виновата, что уѣхала не поблагодаривъ васъ за ваши попеченія обо мнѣ.

Мельхіоръ сконфузился какъ ребенокъ, который сказалъ глупость. Въ это самое время герцогиня де-Фезанзакъ вошла въ комнату, въ сопровожденіи нотариуса Бальби.

Она тотчасъ замѣтила, что Амалія недовольна, а Мельхіоръ въ смущеніи, и сказала, подходя къ мадамъ де-Фремері:

— Я вижу, что Мельхіоръ таки сдѣлалъ что хотѣлъ. Вообразите, что онъ цѣлое утро ссорился со мною, утверждая, что мы не довольно заботились о васъ, и что вы потому именно такъ рано уѣхали; наконецъ онъ убѣждалъ, сказавъ, что идетъ извиниться передъ вами за меня, и, какъ я вижу, вышло именно то что я ему предсказывала: вы приняли это извиненіе за эпиграмму.

— Немножко, отвѣчала улыбаясь Амалія. А вы, вѣрно, собрались гулять?

— Нѣтъ, не гулять; я ѣду и не хотѣла уѣхать, не простившись съ вами, печально отвѣчала герцогиня.

— Такъ прощайте, вѣроятно до завтра.

— Надолго, можетъ-быть навсегда! Врачи посылаютъ меня въ Италію. Вы знаете, безнадежныхъ всегда посылаютъ въ Италію.

— Боже мой! Что вы это говорите! вскричала Амалія.

— Если Богу угодно, чтобы я жила, я останусь въ живыхъ: но я ѣду.... это рѣшено.

— Да еще вчера объ этомъ не было ни слова!

— Да, но совчерашняго дня многое измѣнилось: братъ хотѣлъ выйти въ отставку и ѣхать со мною; теперь онъ остается во Франціи, а ко мнѣ, мѣсяца черезъ два, пріѣдетъ батюшка... Какъ-можно позже? не правда ли? прибавила она, обращаясь къ брату.

Мельхіоръ смотрѣлъ на сестру съ выраженіемъ живѣйшей горести и отчаянія.—Мадамъ де-Фремері! вскричалъ онъ, уговорите ее остаться! Она хочетъ уѣхать, чтобы умереть вдалекѣ отъ насъ.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что вы напрасно меня не послушались, сказалъ Бальбінъ, который до-тѣхъ поръ молчалъ. Всего лучше было уѣхать, не простившись съ братомъ, а если ужъ вы непременно хотѣли повидаться еще разъ съ нимъ, то не надобно-было говорить ему такихъ вещей.

— Я сдѣлала, что надобно, отвѣчала герцогиня. Я хоту,

чтобы Мельхиоръ проводилъ меня до Парижа.... Это необходимо.

Мадамъ де-Фремері была чрезвычайно удивлена этою семейною сценой.

— Вы извините меня, милая Амалія! сказала герцогиня. Батюшка думаетъ, что я уѣзжаю на нѣсколько дней и что поѣздка моя въ Италію отложена на долгое время. У меня достало духу уѣхать, не сказавъ ему ни слова; но проѣзжая мимо вашего дому, я не утерпѣла, чтобы не зайти сюда, повидаться еще разъ съ братомъ. Прощайте, прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія..... Мосьё Бальбѣ, дайте мнѣ вашу руку.... Ты проводишь меня до Парижа, Мельхиоръ?.... Не правда ли?

Амалія хотѣла обнять ее, но герцогиня отворотилась. Мадамъ де-Фремері вскрикнула отъ удивленія. Леонія поспѣшно обернулась къ ней: изъ глазъ ея текли обильныя слезы. Она взяла Амалію за голову, поцѣловала ее въ лобъ и сказала вполголоса: — Милая моя, укрѣпитесь противъ горя и заботъ, и особенно противъ своего сердца.

И она ушла. Мельхиоръ и Бальбѣ за нею. Черезъ минуту послышался стукъ колесъ. Амалія выглянула изъ окна. Герцогиня, какъ полумертва я, лежала въ коляскѣ; Бальбѣ и Мельхиоръ сидѣли противъ нея.

Для бѣдной мадамъ де-Фремері начались скучныя, опасныя часы одиночества и ожиданія. Мужъ не пріѣзжалъ, и Амалія напрасно просидѣла цѣлый день въ павильонѣ. Наступилъ вечеръ. Люди уже нѣсколько разъ приходили ей докладывать, что столъ готовъ. Она не обращала на это вниманія и всё ждала. Наконецъ объявила, что не хочетъ обѣдать.

Мрачныя мысли, горестныя предчувствія толпились въ головѣ и терзали сердце бѣдной покинутой. Она вышла изъ павильона, долго ходила по парку, наконецъ опять воротилась въ павильонъ. Такъ прошла вся ночь. Ахъ! если бы Альфредъ хоть теперь пріѣхалъ, Амалія все бы забыла! Несчастная была совершенно измучена и душевными терзаніями, и холодомъ, и усталостью. Наконецъ уже на разсвѣтѣ издали показался экипажъ; но она тотчасъ увидѣла, что это не Альфредъ. Коляска герцогини возвращалась домой; въ

коляскѣ сидѣлъ Мельхюръ. Амалія пустилась бѣжать, какъ-будто ей угрожало какое-нибудь страшное несчастіе. Дверь ея дому была отворена, но никто изъ людей не ждалъ ея. Она не обратила на это никакого вниманія и прошла прямо въ свою спальню. Сбирался лечь въ постель, Амалія позвонила: горничная не приходила. Она позвонила еще разъ. Цецилія наконецъ пришла.

— Надо же вѣдь одѣться! сказала она самымъ наглымъ тономъ.

Амалія съ удивленіемъ посмотрѣла на нея. — Что жъ это вы меня не дожидались? сказала она.

— Я ходила въ павильонъ.... Васъ тамъ не было.

— Я была въ паркѣ....

— Можетъ-быть.... Не мое дѣло.... Я не изъ тѣхъ, которыя имѣютъ привычку присматривать за своими господами.... Миѣ всё-равно, гдѣ бы вы ни были.

Амалія была внѣ себя отъ изумленія и досады. Но потомъ ей пришло въ голову, что слова горничной, конечно, не имѣютъ того смысла, который бы можно было придать имъ. Увлеченная потокомъ своихъ мыслей, она уже совсемъ забыла объ этомъ и молча раздѣвалась, какъ-вдругъ горничная сказала:—Вѣрно, вы, сударыня забыли о платкѣ.

— Есть миѣ время думать о платкѣ! отвѣчала съ досадою Амалія. Да притомъ, кто же знаетъ, что онъ, точно, у мосье де-Леслі?

— Ну, ужъ это-то я знаю навѣрное.

— Ну, такъ, вѣрно, онъ отдалъ его кому-нибудь изъ людей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сейчасъ видѣла какъ онъ пріѣхалъ, въ коляскѣ. Платокъ вашъ былъ у него въ рукахъ и онъ изволилъ обходиться съ нимъ какъ съ своимъ собственнымъ.... Обтиралъ имъ глаза.... Будто плачетъ!

Амалія была дотога взволнована, что не могла выговорить ни слова. Жалюзіи были затворены и потому на столѣ горѣли свѣчи. Она задула ихъ и сказала:— Ступай.... Я спать хочу.

Горничная вышла, но у дверей сказала вполголоса:— Этакъ я служить не намѣрена.

Новая буря поднялась въ сердцѣ бѣдной Амазіи, когда она осталась одна. Ясно, что эта дѣвка подозрѣваетъ ее въ тайныхъ сношеніяхъ съ Мельхіоромъ..... и какихъ же!... Она цѣлую ночь провела внѣ дома.... Но вѣдь это ужасно! гнусно! невозможно! Въ душѣ ея забушевала уже ненависть, не гнѣвъ, а ненависть къ тому, кто оставилъ ее на жертву подобнымъ подозрѣніямъ; минутная ненависть и къ тому кто подавалъ поводъ къ подозрѣніямъ. Мадамъ де-Фремері понимала, что ей невозможно оставаться въ подобномъ положеніи. Мельхіоръ воротился въ замокъ: она не хотѣла оставаться въ сосѣдствѣ. Спустя нѣсколько часовъ, она позвонила.

— Вели закладывать. Я ѣду въ Парижъ.

— А, га!... сказала горничная.

Цецилія вышла. Мадамъ де-Фремері, припеденная въ негодованіе тономъ этого «А, га!» подошла къ дверямъ, чтобы послушать какъ горничная повторитъ ея приказаніе.

— Эй, Жозефъ! вскричала горничная, вели закладывать карету. Ѣдутъ въ Парижъ....

Потомъ она прибавила вполголоса:

— Ну чтò, не говорила ли я тебѣ? Если уѣхалъ въ Парижъ.... и она за нимъ.

И она воротилась въ комнату госпожи своей. Амазія, блѣдная, трепещущая, стояла у дверей; глаза ея сверкали гнѣвомъ.

— Боже мой! чтò это съ вами, сударыня? спросила встревоженная горничная.

— Чтò со мною! вскричала мадамъ де-Фремері. Я слышала чтò ты сказала и теперь понимаю отчего ты такъ грубо отвѣчала мнѣ утромъ. Ты сиѣшь думать.... ты говоришь.... О, ты злая, гнусная тварь!... О, Боже мой! До чего я дожила!...

— Такъ это неправда? сказала горничная съ грубымъ, но совершенно искреннимъ изумленіемъ.

— Неправда?... Чтò, несчастная?... вскричала Амазія съ такимъ помѣшательствомъ, что горничная перепугалась.

— Ахъ! вскричала она, падая на колѣна: такъ Жозефъ

правду говорилъ! Простите меня, сударыня, не гнѣвайтесь на меня!

Амалия молча смотрѣла на плачущую Цецилію. — Что дѣлать, сударыня, продолжала та, рыдая. Мудрено ли подумать!... Вы такъ несчастны!... Мужъ игрокъ.... Мосѣ Лесли васъ такъ любить, а онъ такой добрый, прекрасный!...

Амалия была слишкомъ оскорблена. Она не могла простить. — Прочь отсюда, сказала она, и чтобы черезъ два часа тебя не было въ моемъ домѣ.

Горничная съ горестію удалилась. Вздохновенная мадамъ де-Фремері совсѣмъ и забыла что велѣла закладывать, когда человѣкъ пришелъ доложить, что карета подана.

— Не нужно: я не ѣду, отвѣчала она.

Это была большая погрѣшность съ ея стороны: она сама себя осудила на лишній день одиночества и размышленій. Горестныя мысли и всѣ потрясенія, которыя она испытала въ послѣднее время, подѣйствовали на нея чрезвычайно сильно. Наканунѣ она не обѣдала, ночь провела безъ сна, потомъ опять цѣлый день въ ужаснѣйшемъ волненіи и все это послѣ удара, отъ котораго она лишилась чувствъ. Не мудрено, что ночью у ней открылась ужасная лихорадка. Кухарка, которая временно исправляла должность горничной и раздѣвала барыню, испугалась ея волненія и кликнула прочихъ людей. Лакей и кучеръ на цыпочкахъ подкрался къ дверямъ спальни. Они услышали жалобные стоны и прерывистыя слова, которыя мадамъ де-Фремері произносила въ бреду:

— О, я несчастная.... Лучше умереть.... Обманута.... Осрамлена..... Батюшка....

И множество другихъ словъ, которыя въ точности соотвѣтствуютъ мыслямъ, пробѣгающимъ въ головѣ больного, а постороннимъ кажутся безсмысленными. Люди начали совѣтоваться между собою и рѣшили, что надобно послать за баринномъ и докторомъ. Кучеръ тотчасъ поѣхалъ. Тогда была полночь: онъ могъ воротиться часу въ пятьтомъ.

Всю ночь у бѣдной Амалии былъ сильный жаръ и бредъ.

Пробило пять, потомъ шесть часовъ. Люди были въ ужасномъ безпокойствѣ. Наконецъ послышался стукъ колесъ. То была карета де-Фремері. Изъ нея выскочили — Мельхіоръ и потомъ какой-то незнакомецъ. Они побѣжали въ комнату больной, Амалия не узнала Мельхіора, не удивилась присутствію незнакомца. Докторъ тотчасъ пустилъ ей кровь. Бредъ почти вслѣдъ за тѣмъ прекратился, и больная уснула. Докторъ ушелъ въ другую комнату, и сказалъ Мельхіору:—Я свое дѣло сдѣлалъ. Теперь вамъ надобно объяснить бѣдной больной, отчего ни мужъ ея, ни его докторъ не пріѣхали. Иначе она, вѣрно, будетъ безпокоиться, и ей опять сдѣлается хуже.

— Конечно, отвѣчалъ де-Леслі; но, я думаю, теперь опасно сказать ей всю правду: это будетъ ударъ слишкомъ сильный.

— Да, если дѣло таково, какъ я догадываюсь, то, конечно, надобно скрыть, во что бы то ни стало.

Мельхіоръ подумалъ и потомъ сказалъ: — Нѣтъ, я не могу принять этого на себя.

— А мнѣ и подавно нельзя; она меня не знаетъ, отвѣчалъ докторъ....

Онъ остановился и потомъ прибавилъ:—Впрочемъ, развѣ я не могъ пріѣхать сюда случайно? Что могло случиться разъ, можетъ быть и въ другой. Однажды, я часа въ четыре утра пошелъ на охоту. Дорбгой встрѣчаю карету и слышу, кучеръ рассказываетъ какому-то мужику, что его послали за докторомъ для его барыни, которая при смерти. Я подумалъ, что онъ еще съ часъ не доѣдетъ до Парижа, часа два прощеть тамъ доктора, потомъ ему надобны еще два часа, чтобы воротиться домой.... всего пять часовъ.... бѣдняжка могла между-тѣмъ десять разъ умереть.... Я сказалъ кучеру, что я докторъ, и поѣхалъ съ нимъ....

Мельхіоръ съ какимъ-то ужасомъ слушалъ рассказъ доктора.

— Когда это съ вами случилось? вскричалъ онъ.

— Годъ и мѣсяца три назадъ.

— По дорогѣ въ Фонтенблô?

— А вы почему знаете?

— Гдѣ же ребенокъ, котораго вамъ вѣрили?

— Здѣсь недалеко, въ какой-нибудь лѣѣ отсюда, у моей доброй кузаны, которая его и воспитываетъ.

— О Боже мой! Благодарю тебя!... Теперь я спасу ее! вскричалъ Мельхиоръ. Скорѣе, докторъ, поѣдьте въ Парижъ....

— Пожалуй.... А больная? ..

— Ну, такъ оставайтесь у нея.... и подождите меня... Дождитесь же, докторъ....

— Но почему же вы принимаете такое участіе въ этомъ ребенкѣ?

— Послѣ, докторъ.... послѣ узнаете.

Мельхиоръ убѣждалъ, и докторъ остался одинъ въ домѣ больной, которой онъ совсѣмъ не зналъ. Черезъ нѣсколько времени люди пришли сказать ему, что мадамъ де-Фремеръ ихъ спрашиваетъ, а они не знаютъ, что отвѣчать, и просили его пойти къ ней. Докторъ почесалъ за ухомъ и пошелъ. Амалія пристально посмотрѣла на него и спросила еще дрожащимъ голосомъ: — Скажите мнѣ, какимъ образомъ....

— Не говорите: вамъ это вредно, отвѣчалъ докторъ; я самъ все расскажу вамъ.

И онъ принялся рассказывать выдуманную исторію; но тотчасъ увидѣлъ, что ему не вѣрятъ.

— Но какимъ же образомъ вы пріѣхали съ мосье де-Леслі?

Докторъ началъ—было лгать, но Амалія сказала ему съ такимъ волненіемъ, что онъ испугался: — Вы меня обманываете! Отчего же мужъ мой не пріѣхалъ? Отчего онъ не прислалъ своего доктора?

— Я объясню вамъ все это послѣ, отвѣчалъ докторъ.

— Я хочу знать теперь же, возразила Амалія, а нето я сейчасъ ѣду.

— Нѣтъ, это невозможно, и хоть я здѣсь чужой, но ужъ извините,—я васъ не пушу.

— Такъ попросите ко мнѣ мосье де-Леслі.

— Мосье де-Леслі уѣхалъ.

Амалія дотога испугалась, что докторъ почелъ за нужное открытъ ей всю истину.

— Хорошо. Я ничего отъ васъ не скрою, сказалъ докторъ, и увѣряю васъ честнымъ словомъ, что вамъ нечего беспокоиться о вашемъ супругѣ.

Онъ сѣлъ по-ближе къ ней и взялъ ее за руку.—Мосьё де-Фремеріи не могъ пріѣхать, потому что онъ раненъ....

— Раненъ!...

— Да, слегка, и онъ не знаетъ, что вы больны, а вамъ нельзя къ нему ѣхать. Не беспокойтесь, онъ скоро оправится.

— Но какимъ же образомъ онъ раненъ?

— На дуели....

— На дуели?... Съ кѣмъ?... За что?...

— Съ мосьё Габарономъ, а за что, этого я не знаю.

— Быть не можетъ! Вы, вѣрно, знаете....

— Ну, если вамъ непремѣнно угодно знать: они поссорились за картами.

— Какимъ же образомъ вы попали сюда? спросила Амаля послѣ горестнаго молчанія, въ продолженіи котораго докторъ внимательно смотрѣлъ на нее.

— Вы меня было ужасно напугали; но теперь вы въ состояніи меня выслушать: я скажу вамъ всю правду. Нынче утромъ, вашъ кучеръ пріѣхалъ къ вашему мужу въ то самое время какъ мосьё де-Фремеріи отправился къ мосьё де-Лесліи просить его къ себѣ въ секунданты. Кучеръ поѣхалъ туда же, и узналъ, что они оба у вашего доктора Б. Кучеръ подумалъ, что мосьё де-Фремеріи уже знаетъ о вашей болѣзни и поѣхалъ туда же. Тамъ только онъ узналъ, что они втроемъ отправились въ Венсенскій Лѣсъ и догадался въ чемъ дѣло. Кучеръ поскакалъ туда и поспѣлъ на мѣсто въ то самое время, когда мосьё де-Фремеріи упалъ.

— О Боже мой! онъ вѣрно убитъ! вскричала мадамъ де-Фремеріи.

— Я уже говорилъ вамъ, что онъ только слегка раненъ и что вамъ не о чемъ беспокоиться. Вашъ докторъ не могъ отойти отъ него. Я былъ тамъ съ мосьё Габарономъ и мосьё де-Лесліи просилъ меня ѣхать съ нимъ сюда.

— Гдѣ же теперь мосьё де-Лесліи? спросила мадамъ де-Фремеріи.

— Онъ уѣхалъ и просилъ меня подождать здѣсь.

— Когда онъ воротится, потрудитесь сказать ему, что я желала бы съ нимъ поговорить.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора, Амалія уснула и докторъ, отъ бездѣлья, отправился въ паркъ. Онъ дошелъ до павильона, гдѣ мадамъ де-Фремеръ обыкновенно ждала мужа. Тамъ ему попался подъ ноги камень, вокругъ котораго была обернута бумажка. Докторъ поднялъ, догадавшись, что это должно быть письмо. На бумажкѣ была надпись: «Амалія». Докторъ былъ человѣкъ скромный; но ему чрезвычайно хотѣлось знать, что въ этомъ письмѣ и онъ можетъ быть, не устоялъ бы противъ искушенія, если бы не пришелъ Мельхиоръ. — Любезный докторъ, сказалъ онъ, вамъ надобно будетъ пробыть здѣсь дня два или три.

— Но что жъ скажутъ мои другіе больные?

— Это нужно, необходимо нужно, по дѣлу величайшей важности.

Докторъ былъ не слишкомъ заваленъ работой. Онъ разсудилъ, что за эти два дня ему, вѣрно, порядочно заплатить и, потому, послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, сдѣланныхъ для формы, согласился. Потомъ докторъ лукаво улыбаясь, разсказалъ о своей находкѣ и прибавилъ:—Вы очень неосторожны, молодой человѣкъ.

— Я! возразилъ Мельхиоръ.

— Если не вы, такъ тотъ, кто написалъ эту записку. Согласитесь сами, что если чужой называетъ молоденькую даму просто по имени и отправляетъ свои письма такимъ не общепринятымъ способомъ, такъ этотъ чужой долженъ быть.... какъ бы это по-учтивѣе выразить?... счастливый обожатель. Дѣло, кажется, ясное.

Разсужденіе доктора было довольно основательно, и съ его стороны такое мнѣніе было понятно; но непостижимо, что то же самое подумалъ и Мельхиоръ, когда онъ зналъ, навѣрное, что мадамъ де-Фремеръ ни съ кѣмъ не знакома и что, кромѣ него, у нея не бываетъ ни одного молодого человѣка; но нельзя же требовать отъ влюбленнаго, чтобы онъ разсуждалъ, какъ человѣкъ безпристрастный! По смущенію Мельхиора, докторъ догадался, что

письмо не отъ него и что эта переписка ему не совсѣмъ нравится. Изъ всего этого добрый докторъ вывелъ такое заключеніе, что у мадамъ де-Фремері любовниковъ не одинъ, а два.

— Вы короче меня знакомы съ мадамъ де-Фремері, сказалъ онъ Мельхіору: такъ не примете ли вы на себя трудъ передать ей эту записку?

— Я совсѣмъ не увижу мадамъ де-Фремері.

— Она однако жъ просила, чтобы вы зашли къ ней, какъ-скоро воротитесь.

Это чрезвычайно изумило Мельхіора. Онъ принялся разсуждать о томъ, для чего мадамъ де-Фремері желаетъ его видѣть и вообразилъ себѣ, что ему предстоитъ играть одну изъ самыхъ затруднительныхъ ролей въ любовной комедіи, роль великодушнаго любовника, которому любимая женщина вѣряется, когда другой ее скомпрометировалъ. Вслѣдствіе такого мудраго рѣшенія, онъ очень холодно поклонился мадамъ де-Фремері, когда вошелъ въ ея спальню. А между-тѣмъ Амалія была прекрасна. Она уже встала съ постели и была одѣта. Прелестное лицо ея было подчернуто томною блѣдностью, которую придаютъ женщинѣ недавнія страданія, когда они еще не иссушили тѣла, не сгубили молодости и красоты. Она тоже приняла Мельхіора съ довольно принужденнымъ видомъ.

— Мосѣ де-Леслі, сказала Амалія, я знаю васъ еще недавно; вы носите благородное имя, вы военный; а отецъ мой всегда говорилъ мнѣ, что отличительныя качества военнаго—честь и великодушіе. Притомъ вы вѣжно любите вашу сестрицу; она васъ тоже. Все это подаетъ мнѣ доброе мнѣніе о васъ.

Эти слова еще болѣе утвердили бѣднаго Мельхіора въ его предположеніи и потому онъ довольно холодно отвѣчалъ:—Очень благодаренъ вамъ за это мнѣніе, и надѣюсь, что оправдаю вашу надежду.

— Я въ этомъ увѣрена. Притомъ какая вамъ надобность обманывать меня! Позвольте же мнѣ спросить васъ: что такое случилось? Какимъ образомъ мужъ мой поссорился съ какимъ-то мосѣ Габарономъ? За что они дрались?

— Я знаю что говорилъ вамъ докторъ. Могу васъ увѣрить, что все это совершенная правда.

— Когда мужъ мой пріѣзжалъ приглашать васъ въ секунданты, вы не замѣтили по его словамъ, нѣтъ ли какой-нибудь другой причины этой ссоры, кромѣ той, о которой мнѣ говорили?

— Извините меня, отвѣчалъ де-Лесли: я не имѣю привычки стараться узнавать чужія тайны, когда мнѣ ихъ не довѣряютъ.

Амалия съ изумленіемъ посмотрѣла на Мельхіора. Она надѣялась найти друга въ человѣкѣ, который, какъ она знала навѣрное, былъ влюбленъ въ нея. Это ее огорчило. Она опустила голову, долго молчала и, казалось, совсѣмъ забыла, что Мельхіоръ тутъ, потому что сказала вполголоса, какъ-будто говоря сама съ собою: — Боже мой, какая я несчастная! Всѣ противъ меня! Куда ни обращаюсь, вездѣ враги!

— Враги! вскричалъ Мельхіоръ, котораго притворная холодность въ минуту исчезла: о, говорите, мадамъ де-Фремеръ, приказывайте, и вы увидите, что есть люди, которые готовы все на свѣтѣ для васъ сдѣлать, всѣмъ для васъ пожертвовать.

Амалии показалось, что она поняла его. Чѣмъ же онъ могъ ей пожертвовать, кромѣ своей любви?

— Такъ будьте откровенны со мною, сказала она. Докторъ, который былъ здѣсь, сказывалъ мнѣ какимъ образомъ вы его привезли. Благодарю васъ за то, что вы обо мнѣ позаботились; но, кажется, кромѣ васъ никто обо мнѣ и не подумалъ.

Мельхіоръ потупилъ глаза.

— Я очень понимаю, что Альфреду нельзя было сказать, что я больна; но нашъ докторъ?... Какъ онъ ко мнѣ не пріѣхалъ? Надобно вамъ сказать, что докторъ Б... старинный другъ моего отца. Сполгода назадъ, если бъ дочь его и я захворали въ одно время, оно можетъ-быть, послѣшилъ бы сначала ко мнѣ; а теперь онъ прислалъ мнѣ чужаго человѣка, и даже не написалъ, не велѣлъ ничего сказать.... Или мужъ мой въ опасности....

— Клянусь вамъ, что нѣтъ.

— Ну, такъ тутъ что-нибудь кроется.

Мельхиоръ задумался. Ему представлялось неясное воспоминаніе. Онъ, какъ-бы всматривался въ него и наконецъ испугался того что увидѣлъ. Амалія старалась разгадать по лицу его тайну, которую отъ нея скрывали, и сказала съ живостію: — Говорите, говорите, мосьё де-Лесслі: я все въ состояніи выслушать.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ, хорошо ли, что я вамъ это сообщу; не знаю даже, что все это значить, но, если вамъ непремѣнно угодно, я перескажу вамъ что слышалъ. На мѣстѣ, назначенномъ для дуэли, мы, секунданты, старались уладить дѣло. Въ это время я услышалъ, что мосьё де-Габаронъ говорилъ вашему доктору: «Объявляю вамъ рѣшительно, что я ни за что въ свѣтъ не отдамъ письма мадамъ де-Фремері....»

Амалія съ изумленіемъ посмотрѣла на Мельхиора. Тотъ продолжалъ.

— Мосьё де-Фремері отвѣчалъ: «А я заставлю васъ отдать его, потому что....»

Мельхиоръ остановился.

— Продолжайте, продолжайте, сказала Амалія.

— Извольте: я повторю собственныя слова мосьё де-Фремері: «Потому что я ничѣмъ не хочу быть обязанъ этой женщинѣ!» сказалъ Мельхиоръ, потупивъ глаза.

— Этой женщинѣ? вскричала мадамъ де-Фремері. Быть не можетъ! Мужъ мой пересталъ любить меня, но чтобы онъ сталъ говорить обо мнѣ съ презрѣніемъ!...

Тутъ внезапная мысль какъ-бы озарила своимъ свѣтомъ сомнѣнія мадамъ де-Фремері и она вскричала: — Развѣ только клевета, которую мнѣ осмѣлились сказать въ глаза....

Она остановилась, посмотрѣла на Мельхиора и потомъ сказала: — Но вѣдь вы были его секундантомъ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я тутъ ничего не понимаю.

Письмо, которое Мельхиоръ взялся передать Амаліи, такъ и жгло его съ самаго начала разговору. Наконецъ онъ рѣшился.

— Есть еще обстоятельство, которое, я увѣренъ, ни-

сколько не касается до вчерашней дуэли, сказалъ онъ; но, можетъ-быть, оно пособитъ вамъ разгадать всѣ эти тайны. Докторъ нашелъ въ вашемъ павильонѣ письмо, адресованное къ вамъ. Вотъ оно.

Амалия съ изумленіемъ взглянула на записку, потомъ посмотрѣла на Мельхіора. Де-Леслі стоялъ, потупивъ глаза. Наконецъ она развернула записку и пока она читала, на лицѣ мадамъ де-Фремері изображались попеременно гнѣвъ, негодованіе, отчаяніе.... Дочитавъ, она вскрикнула.

— Чтѣ же это такое? спросилъ Мельхіоръ.

Она знакомъ показала ему, чтобы онъ вышелъ.

— Но позвольте васъ спросить....

— Оставьте меня....

— Но клянусь вамъ честью, отвѣчалъ Мельхіоръ: я ничего не знаю объ этомъ письмѣ, кромѣ того чтѣ вамъ сказалъ.

— Послѣ оскорбленія.... ложь!... Стыдитесь! сказала Амалия.

— Неужели же вы думаете, что это письмо отъ меня?

— Кто жѣ кромѣ васъ могъ знать всѣ эти обстоятельства? Посмотрите.

Онъ началъ читать: «Амалия»....

— Какъ же вы могли подумать, чтобы я началъ письмо свое такимъ образомъ, если бѣ и рѣшился къ вамъ писать!... Это должна быть какая-нибудь интрига.... гнусное преступленіе.... И онъ продолжалъ:

«Амалия, я люблю тебя.... и ты это угадала.... О, когда я поднялъ тебя полумертвую, когда я несъ тебя на рукахъ, мнѣ хотѣлось унести тебя далеко, далеко отъ людей.... Съ какимъ восторгомъ я думалъ о вольной жизни въ дѣсахъ, гдѣ можно похитить такимъ образомъ ту, которую любишь!»

Мельхіоръ поблѣднѣлъ и голосъ его понизился.

«А потомъ, когда ты лежала на постели, когда я долженъ былъ прорѣзать твою бѣлую, прекрасную ручку! Въ глазахъ у меня потемнѣло.... Руки дрожали.... Дѣло шло о спасеніи твоей жизни, и я вооружился на минуту, мужествомъ... Но когда полилась кровь, мнѣ казалось, что съ нею вытекаетъ жизнь моя.... и мнѣ надобно было собрать всѣ свои силы, чтобы удержаться и не закрыть поцѣлуями рану, которую я самъ сдѣлалъ.... Тутъ былъ платокъ твой, обогрѣнный этой драгоценной кровью....»

Тутъ голосъ Мельхіора совершенно прервался и онъ уже только глазами дочитывалъ письмо, въ которомъ выражалась любовь самая безумная, безстыдная, и которое оканчивалось слѣдующими словами:

«Ахъ, въ эту ночь, которую ты провела внѣ дома, я понялъ, что и твоему сердцу нужна любовь, которая бы помогла тебѣ забыть измѣну мужа.... Я слышалъ, какъ сердце твое говорило въ минуты отчаянія, отнимавшія у тебя, совѣтъ.... Амалія блаженство принадлежитъ тому кто посмѣетъ овладѣть имъ.... Амалія.... И эту ночь я буду близъ тебя, если ты рѣшишься для своего счастья на то, на что рѣшилась, чтобы оплакивать свое горе.»

Во время чтенія этого письма, Мельхіоръ оправился и, окончивъ его, сказалъ:

— Однѣ послѣднія строки могли бы показать вамъ, что это гнусная, преступная выдумка.... Чтò жъ это за ночь, которую вы будто бы провели внѣ дома?

— Это правда.... Я ждала мужа.... всю ночь.... въ отчаяніи.... въ безпамятствѣ... зная, что онъ измѣнилъ мнѣ.

— О, не думайте....

— Мосьё де-Леслі, я слышала вашъ разговоръ съ мосьё Бальбѣ, когда вы сказали....

Амалія остановилась. Странность положенія заставила ее забытья; но вдругъ она вспомнила, что въ этомъ самомъ разговорѣ, который открылъ ей измѣну мужа, Мельхіоръ говорилъ и о любви своей къ ней. Она покраснѣла, потупила глаза и залилась слезами.

Мельхіоръ смотрѣлъ на нее съ тревожнымъ волненіемъ, исполненнымъ надежды. Амалія молчала. Сердце ея было полно. Мельхіоръ не въ состояніи былъ молчать долѣе.—Простите мнѣ все чтò вы слышали, сказалъ онъ, простите мою любовь, о которой вы никогда не узнали бы безъ этого несчастнаго случая.

— О, молчите, молчите, отвѣчала мадамъ де-Фремері, внѣ себя.

— О, будьте спокойны.... повѣрьте, я никогда не стану говорить вамъ объ этой любви; но позвольте мнѣ поблагодарить васъ за довѣренность, которая счастливитъ меня, которою я горжусь: зная о моей любви, вы обратились въ несчастія ко мнѣ, какъ къ другу.... О, только прекрасныя

души способны къ такой благородной довърчивости!... Любовь моя къ вамъ всегда была почтительна, а теперь уваженіе заставитъ се молчать. Вы никогда не услышите отъ меня даже ни малѣйшей жалобы... Да и чего жъ мнѣ желать болѣе, когда я буду вашимъ другомъ?

Амалия слушала, потупивъ глаза, на которыхъ навернулись слезы; она принуждена была выслушать это признаніе, которое въ другое время отвергла бы съ негодованіемъ, но которое теперь было, такъ сказать, вынуждено обстоятельствами. Но не обстоятельства породили радость, которою билось ея сердце, радость тѣмъ болѣе опасную, что она была совершенно спокойна. Амалия вполне вѣрила почтительности, которою Мельхіоръ облекалъ любовь свою.

— Да, сказала она, я до того уважаю вашъ характеръ, что вполне вѣряться вамъ въ моемъ несчастіи, прошу вашихъ совѣтовъ, вашего содѣйствія, вашего покровительства.... Теперь скажите мнѣ все что вы знаете.... Это необходимо. Мужъ мой любить мадамъ де-Фавіеръ?

— Нѣтъ, онъ ошибается на счетъ своихъ чувствованій къ ней. Мадамъ де-Фавіеръ хорошенькая женщина, но какъ далека она отъ васъ!... Блистательный свѣтъ, въ которомъ мосье де-Фремеріи принимаютъ какъ одну изъ надеждъ, изъ опоръ роялистской партіи, упоеваетъ, увлекаетъ его.... Мадамъ де-Фавіеръ, которая непременно хочетъ играть роль въ этомъ свѣтѣ, прославляетъ вашего мужа.... и связь ихъ основана на чувствахъ, чуждыхъ любви....

— Однако жъ эта связь такъ сильна, что удаляетъ его отъ меня и что онъ въ состояніи повѣрить клеветѣ, потому что это письмо....

— Это письмо дѣло какого-нибудь хитраго врага, котораго вы однѣ можете знать....

— Но какіе же у меня враги?.... Кому же я сдѣлала зло?.... Кромѣ развѣ только одной служанки.... Конечно, это писала не служанка, но она могла сообщить той, которая сочинила письмо, всѣ нужныя свѣдѣнія.... Горничная, которую я прогнала отъ себя, видѣла, какъ вы взяли мой платокъ....

Амалія остановилась. Она ступала по жгучей почвѣ и не могла сдѣлать въ этомъ лабиринтѣ ни шагу, не встрѣтившись съ любовью, о которой не должна была, не хотѣла говорить. Мельхиоръ поспѣшилъ къ ней на помощь. — Такъ вы думаете, что это писала женщина? спросилъ онъ.

— Да, да, мадамъ Канталь, моя мачиха, женщина, которая свела въ гробъ моего бѣднаго отца.... О, она ненавидитъ меня, она никогда не проститъ мнѣ, что я, спасая старика-отца отъ позора и дуэли, вышла за Альфреда.... А эта горничная, которую я прогнала отъ себя, служила прежде у нея.... Могла ли же я думать, что она приставила ко мнѣ шпиона!...

— А, если такъ, то это, вѣрно, мадамъ де-Канталь: эта женщина на все способна.... но я заставлю ее молчать.

— О, благодарю васъ, вскричала Амалія; но будьте осторожны: если она знаетъ какую-нибудь тайну, которая касается до васъ....

— Да, она, можетъ-быть, знаетъ тайны, которыя касаются, если не до меня, то по-крайней-мѣрѣ до моего семейства, но я знаю объ ней многое, чѣмъ могу заставить ее молчать..... Теперь, какъ другъ вашъ, я долженъ рассказать вамъ еще нѣкоторые прискорбныя обстоятельства, чтобы, если можно, избавить васъ отъ бѣдствій, которыя вамъ угрожаютъ.

Мельхиоръ былъ бы въ отчаяніи, если бъ кто могъ только подумать, что онъ для успѣху своихъ сердечныхъ дѣлъ, старается очернить въ глазахъ Амаліи ея мужа; и между тѣмъ, увлеченный желаніемъ оказать услугу, доказать ей свою преданность, онъ рассказалъ ей, что всѣ смѣются надъ страстью Альфреда къ мадамъ де-Фавіеръ, что эта связь можетъ лишить его уваженія въ глазахъ судебного ссловія, которое очень дорожитъ нравственною репутаціею своихъ членовъ; что онъ предается непомѣрной роскоши; что у него одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ Парижѣ экипажей; что онъ славится своими обѣдами; что для покрытія издержекъ, несоизмѣрныхъ съ состояніемъ, онъ прибѣгаетъ къ средствамъ, если не преступнымъ, то по-крайней-мѣрѣ предосудительнымъ; что онъ сдѣлался игрокомъ

и теперь въ такомъ положеніи, что если счастливый случай не выручитъ его изъ бѣды, то ему и несчастной жень его угрожаетъ нищета. — Но я спасу васъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Вы?

— Да. Вѣдь вы позволили мнѣ быть вашимъ другомъ?... О, Амалія, сказалъ онъ со слезами на глазахъ: забудьте, что я васъ люблю, что вы случайно объ этомъ узнали: смотрите на меня какъ на друга, на брата, который готовъ пожертвовать вамъ всѣмъ, жизнью, сердцемъ, имѣніемъ, чтобы избавить васъ отъ несчастія, которое вамъ угрожаетъ.

Амалія долго думала, наконецъ сказала: — Послушайте, мосьё де-Лесля: вы знаете, что законы свѣта, снисходительные къ мужчинамъ, безжалостны къ женщинамъ.... Эти законы справедливы.... Никто не повѣритъ, чтобы между человѣкомъ такимъ какъ вы и женщиною въ мосьё положеніи, была одна дружба.... Позвольте: я говорю не о томъ, возможно ли это или нѣтъ; довольно, что свѣтъ не повѣритъ. Чтò жъ изъ этого выйдетъ? Что на меня стануть клеветать....

— Амалія! вскричалъ Мельхіоръ, предвидя заключеніе этой рѣчи.

— О, не говорите, что вы будете питать ко мнѣ одну дружбу, сказала она со слезами: я по себѣ чувствую, что это невозможно.

Мельхіоръ робко вскрикнулъ и взялъ ее за руку.

— Вотъ видите, сказала она, заливаясь слезами. О, будьте добры, будьте великодушны.... Чтò вы можете для меня сдѣлать? Совѣтовать моему мужу? Но можетъ ли онъ принимать совѣты отъ человѣка, который любитъ жену его?... а объ этомъ ему ужъ, вѣрно, дали знать. Оставьте меня; никто кромѣ меня самой не можетъ удержать моего мужа, а если это мнѣ не удастся, то я готова переносить все, даже нищету.

— И вы думаете что я это потерплю!

— Мосьё де-Лесля, сказала Амалія съ гордостью: я не принимаю милостей ни отъ кого, и не такая женщина, чтобы стала платить за благодѣянія, чьи бы то ни было.

— О, какая ужасная мысль! вскричалъ Мельхіоръ. Неужели же вы не вѣрите, что можно любить васъ безъ всякихъ преступныхъ надеждъ! Неужели вы не знаете, что есть любовь, которая преклоняется передъ своимъ кумиромъ и не смѣетъ поднять глазъ на него! О, не гоните меня, Амалія. Вамъ угрожаетъ несчастье: вамъ нуженъ другъ.

— Но вы не можете быть моимъ другомъ: вы меня любите.

— Чтò нужды, когда эта любовь не опасна для васъ, когда вы считаете ее безразсудствомъ, смотрите на нее совершенно равнодушно....

— Кто знаетъ?

— О, чтò вы сказали! вскричалъ Мельхіоръ.

— Ахъ, вы не добры, сказала Амалія, снова заливаясь слезами. Вы видите, что я больна, разстроена, несчастна, не знаю чтò мнѣ дѣлать, на чтò рѣшиться..... и вы мучите меня своими признаніями, своей любовью.... Мужчины безжалостны.... Лучше ли вамъ будетъ, если я все скажу?... Ну, да, я боюсь вашей любви.... ненавижу ее.... Я чувствую, она меня погубитъ....

Амалія закрыла лицо руками и въ совершенномъ отчаяніи, зарыдала. Мельхіоръ, въ восторгѣ, внѣ себя, боясь раздражить эту огорченную душу, сталъ тихонько на колѣни и сказалъ:— Не бойтесь ничего, Амалія. Я счастливъ выше мѣры... Теперь я имѣю все чего только желаю. Положитесь на меня, какъ на друга и будьте спокойны: я спасу вашего мужа.

— Ну да, другъ мой, да, сказала Амалія: ступайте, спасите моего мужа и сердце мое наградитъ васъ за ваше великодушіе.

Амалія вышла замужъ за человѣка, къ которому ничего не чувствовала, который не любилъ ее, и она не знала любви. Она воображала себѣ, что можно любить, слушать признанія въ любви и всегда быть твердою противъ нея; она не знала, что женщины иногда такъ же трудно защищаться отъ себя самой, какъ и отъ своего обожателя. Мельхіоръ тоже искренно думалъ, что любовь его всегда останется въ границахъ почтительности, что онъ никогда

не будетъ желать ничего кромѣ увѣренности, что Амалія его любитъ. Со стороны Амаліи это очень понятно; съ его стороны довольно удивительно: дѣло въ томъ, что онъ имѣлъ много любовныхъ интригъ, но это была его первая, истинная страсть.

Мельхіоръ ушелъ и прислалъ къ Амаліи доктора. Ей было уже гораздо лучше: отчаяніе повергло ее въ болѣзнь, надежда излечила. Этотъ докторъ, какъ мы уже видѣли, былъ охотникъ рассказывать исторіи. Онъ рассказалъ и Амаліи исторію женщины подъ вуалемъ; эта исторія ее встревожила. Ей пришло въ голову, что этотъ потерянный и снова найденный ребенокъ, можетъ-быть Мельхіора, и она спрашивала сама себя, можетъ ли холодная любовь, которую она ему оказываетъ, замѣнить въ его сердцѣ любовь счастливую, любовь съ жертвованіями и окруженную таинственностію? Она уже ревновала. Она еще размышляла объ этомъ, какъ пріѣхалъ докторъ Б***. Старикъ вошелъ съ довольно угрюмымъ видомъ, посмотрѣлъ на мадамъ де-Фремері и сказалъ сердито:

— Изъ какого-нибудь ничтожнаго женскаго припадка не стоило таскать меня осемь лѣтъ.

— Во-первыхъ, докторъ, отвѣчала Амалія: не я за вами посылала; а когда люди мои за вами ѣздили, я была въ такомъ положеніи, что, можетъ-быть, не дожидаясь до-сихъ-поръ, если бы другой докторъ не помогъ мнѣ.

— Такъ докторъ Морель былъ здѣсь?

— Я даже не знала его имени. Я думала, вы сами послали его, чтобы остаться съ моимъ раненымъ мужемъ.

— Такъ вы знаете, что мужъ вашъ раненъ, и не спрашиваете объ немъ?

— Вы меня обвиняли, докторъ, и я оправдывалась, отвѣчала Амалія самымъ холоднымъ тономъ. Теперь потрудитесь сказать мнѣ: каковъ онъ?

Докторъ посмотрѣлъ на мадамъ де-Фремері. Она была блѣдна отъ негодованія. Докторъ испугался.—Ну, ну, что это съ вами? Вы совсѣмъ поблѣднѣли, вскричалъ онъ. Ему лучше, гораздо лучше; рана совсѣмъ не важная, просто царапина. Да вѣдь онъ такой нѣженка: никакъ не можетъ видѣть крови! Онъ падалъ въ обморокъ всякій

разъ, какъ я приближался къ его рукѣ съ ланцетомъ. Ну, а вы, моя милая, какъ себя чувствуете?

— Я теперь совсѣмъ здорова, благодаря стараніямъ доктора Мореля, отвѣчала Амалія тѣмъ же холоднымъ тономъ. Я не падала въ обморокъ, когда мнѣ пускали кровь: у меня былъ тогда страшный бредъ.

— И докторъ Морель вылечилъ васъ въ сутки! Ну, видно съ нимъ былъ другой докторъ, по-искуснѣ его въ леченіи женскихъ болѣзней. :

При этомъ оскорбленіи Амалія устремилась на доктора взглядъ, исполненный такого негодованія и презрѣнія, что докторъ опустилъ голову и покраснѣлъ.

— Я знаю, сказала Амалія, что меня оклеветали передъ мужемъ; но я не стану оправдываться ни передъ нимъ, ни еще менѣе передъ вами. Только я не думала, чтобы мужъ мой сталъ полагаться въ подобномъ случаѣ на показанія слугъ. Впрочемъ, онъ, можетъ-быть, въ положеніи тѣхъ людей, которые ищутъ проступковъ въ другихъ, чтобы оправдать свои собственные.

— Такъ видно и вамъ кто-нибудь сообщилъ объ его проступкахъ, слуги или маркизъ.... если только за нимъ есть какіе-нибудь проступки.

— Я думаю, что намъ съ вами разсуждать объ этомъ бесполезно, докторъ, проводите меня въ Парижъ: я сейчасъ ѣду къ мужу.

— А я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы удержать васъ.

— Это почему?

— Потому что онъ.... не расположенъ принимать васъ. Онъ, можетъ-быть, вѣритъ проступкамъ, въ которыхъ вы не хотите оправдываться.

— Моимъ проступкамъ? Да что же я сдѣлала?

— А вы забыли о платкѣ, который остался въ рукахъ маркиза де-Лесли и о почтѣ, которую вы провели въ дома?

— Докторъ, вскричала Амалія впѣ себя отъ негодованія: вы забываете, что вы у меня въ домѣ и что вы говорите со мною!

— Нѣтъ, мадамъ де-Фремеръ, я этого не забываю; но

не забывайте и вы, что съ вами говорить другъ вашего покойнаго батюшки и говорить отъ имени вашего мужа.

— Я не могу прійти въ себя отъ изумленія; не понимаю что со мною дѣлается! Вы ли это, докторъ, говорите со мною такимъ тономъ?... Но нѣтъ, это все комедія, гнусная комедія.... Альфредъ долженъ былъ получить донось на меня еще прежде своей дуели.... Какъ же онъ выбралъ мосьё де-Леслі въ секунданты?

— Въ самомъ дѣлѣ это довольно странно, сказалъ докторъ, и потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ съ смущеніемъ:—Правду вамъ сказать, я пріѣхалъ сюда съ пресквернымъ порученіемъ: заставить васъ угрозами признаться въ тайнѣ, которой мужъ вашъ будто бы вѣритъ.

— Но вы знаете ли положеніе моего мужа? знаете ли его проступки?

— Я знаю за нимъ только тотъ проступокъ—вина, въ вашихъ глазахъ, конечно, важная: онъ слишкомъ часто оставляетъ васъ одну и любитъ службу болѣе чѣмъ васъ.

— Службу? А можетъ-быть и кого-нибудь другаго. Знаете ли вы мадамъ де-Фавіеръ?

— Мадамъ де-Фавіеръ? Какъ же, знаю! Я разъ десять встрѣчалъ вашего мужа у нея.... И вы думаете?... Невозможно, моя милая, невозможно! Да если бы маркизъ узналъ, что онъ только осмѣлился посмотреть на его жену, то онъ его, какъ-разъ бы отправилъ на тотъ свѣтъ. Вы знаете, что онъ чуть не убилъ одного изъ вашихъ знакомыхъ, Люсьена Дебовиля за то, что тотъ задумалъ дѣлать его женѣ глазки. Невозможно!...

— Какъ же вы, докторъ, не знаете того что знаетъ весь Парижъ?

— А впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ.... быть можетъ.... Я и забылъ, что маркиза де-Фавіеръ уже три мѣсяца нѣтъ въ Парижѣ.... Но я всё-таки не понимаю, почему онъ выбралъ въ секунданты мосьё де-Леслі, если онъ что-нибудь слышалъ объ васъ.

Мадамъ де-Фремеръ задумалась, и лицо ея постепенно измѣнялось. Отгадала ли она настоящую причину поведенія своего мужа или приписывала ему гнусныя побужде-

нія, только она вдругъ вскричала:—Нѣтъ, я не хочу знать почему онъ это сдѣлалъ.... Довольно, что моя совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ. Я буду ждать его рѣшенія.

— Но.... вы поѣдете къ нему? спросилъ докторъ.

— Это будетъ зависѣть отъ того, что вы напишете мнѣ, когда повидаетесь съ нимъ.

Докторъ Б... уѣхалъ. Докторъ Морель не возвращался. Мельхиоръ два дня не приходилъ, и бѣдная Амалия жила въ совершенномъ одиночествѣ. Отсутствіе Мельхиора казалось ей непостижимымъ, послѣ того что между ними происходило и ей пришло въ голову, что она лишилась его уваженія, что это первое наказаніе за ея проступокъ. Тутъ она обратилась—было снова къ мужу; но въ это самое время получила отъ него письмо. Письмо было очень нѣжное, даже страстное; но видно было, что это сочиненіе человѣка, привыкшаго выражать чувствованія притворныя: во всемъ письмѣ не нашлось ни одного изъ тѣхъ сердечныхъ словъ, которыя проникаютъ прямо въ душу. Это письмо обдало бѣдную Амалию холодомъ. Въ-особенности оскорбило ее то, что Альфредъ приводилъ множество причинъ, и болѣею частію, самыхъ пустыхъ, по которымъ ей не слѣдовало прѣзжать къ нему въ Парижъ. Амалия отвѣчала въ томъ же тонѣ, нѣжно, но принужденно.

Мадамъ де-Фремері находилась въ это время въ состояніи нравственнаго утомленія, расслабленія, унынія, состояніи весьма опасномъ для женщины, потому что тогда она даже не защищаетъ своего сердца, идетъ куда ее вѣдутъ, и не имѣетъ уже силы сопротивляться. Однажды, Амалия пошла въ павильонъ, гдѣ бывало ждала мужа, пошла безъ мысли, безъ желанія, безъ страху и надежды, такъ, чтобы перемѣнить мѣсто. Она даже едва слышала стукъ приближающагося экипажа, оглянулась совершенно машинально, по привычкѣ, и увидѣла въ коляскѣ Мельхиора де-Лесли и герцогиню де-Фезанзакъ. Притвориться будто она ихъ не видѣла, было уже нельзя, поздно. Она поклонилась и герцогиня отвѣчала ей съ такимъ довольнымъ, веселымъ выраженіемъ, какого она никогда не за-

вѣчала на ея лицѣ. Что касается до Мельхіора, то онъ поклонился, вотушивъ глаза, и слегка покраснѣлъ. Колика повернула мимо павильона, и Амалія увидѣла, что напередѣ сидитъ горничная и держитъ на колѣняхъ ребенка. Что жъ это за ребенокъ?... Мельхіоръ, вѣроятно, за нимъ ѣздилъ....

Она вспомнила разсказъ доктора Мореля, и подозрѣнія ея превратились въ увѣренность. Мельхіоръ поквнулъ ее, чтобы съѣздить за этимъ ребенкомъ.... и когда жъ? послѣ перваго ея признанія. Онъ забылъ ее для прежней, угасшей любви! Да и кто знаетъ, угасла ли эта любовь? Можетъ-быть онъ оживилъ ее снова надъ колыбелью этого ребенка. Въ первый разъ въ жизни Амалія почувствовала жестокою, непримиримую злобу; она возненавидѣла Мельхіора и рѣшилась тотчасъ уѣхать, показать ему, что она не хочетъ его видѣть. Мадамъ де-Фремері пошла домой; но въ аллеѣ увидѣла Мельхіора, который спѣшилъ къ ней на встрѣчу.

— Надѣюсь, сказалъ онъ, что вы сообщите мнѣ радостныя извѣстія о вашемъ здоровьѣ, потому что и счастье, какъ бѣда, одно не приходитъ.

— Благодарю васъ, я совсѣмъ здорова, холодно отвѣчала Амалія:— Удвиненіе принесло мнѣ большую пользу.

Мельхіоръ, надѣясь разогнать ея досаду пріятными вѣстями, сказалъ: — Я видѣлся съ мосьё де-Фремері. Его оклеветали. Мнимая страсть его къ мадамъ де-Фавіёръ не что иное какъ честолюбіе; любви тутъ очень мало.

— Знаю.

— Разстройство его дѣлъ, о которомъ я вамъ говорилъ....

— Это тоже клевета, я увѣрена, сказала Амалія такимъ оскорбительнымъ тономъ, что Мельхіоръ пристально посмотрѣлъ на нея. Она хладнокровно выдержала этотъ взглядъ и продолжала: — Много благодарна вамъ за всѣ ваши заботы. Я увѣрена, что Альфредъ возвратился къ своему долгу, послушавшись вашихъ совѣтовъ.

— Я напомнилъ ему о законахъ чести, сказалъ Мельхіоръ съ достоинствомъ.

— И, вѣрно, очень живо представилъ ему всё опасности преступной страсти?

Мельхиоръ не зналъ что и думать. — Это былъ мой долгъ, сказалъ онъ, и я думалъ что вы этого желали.

— Вамъ это легко было сдѣлать: вы человекъ опытный.

— Я? вскричалъ Мельхиоръ, внѣ себя отъ изумленія.

Амалія была въ эту минуту въ томъ состояніи раздраженія, когда женщина забываетъ всякое благоразуміе, чтобы только заставить другаго испытать хотя часть того, что сама вытерпѣла. Она продолжала: — Замужняя женщина, какъ мадамъ де-Фавіеръ, иногда можетъ быть принуждена скрывать рожденіе ребенка....

— Мадамъ де-Фремері, вскричалъ Мельхиоръ внѣ себя: мужъ вашъ визкій человекъ!

— Вы забываетесь! сказала Амалія съ надмѣнностію женщины, которой имя попосятъ.

— Мосьё де-Фремері знаетъ одну тайну и клялся мнѣ честью не сказывать ея никому на свѣтѣ. Онъ вамъ открылъ ее.

— А я клянусь вамъ честью, что Альфредъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Но кто же измѣнилъ своему слову?... Мадамъ де-Канталя?... Она бы не посмѣла....

Онъ остановился, съ отчаяніемъ поднялъ глаза къ небу и вскричалъ: — Бѣдная сестра! Они убьютъ ее!

Мадамъ де-Фремері остолбенѣла.... Эти слова были лучомъ свѣту, который вдругъ проникаетъ въ глубокой мракъ. Теперь всегдашняя печаль герцогини де-Фезанзакъ, ея отъѣздъ, возвращеніе, необыкновенно веселый видъ, когда она раскланялась съ Амаліей, все объяснялось.—Ваша сестрица! сказала она, Леонія!...

— Да развѣ вы не знали? сказалъ Мельхиоръ, пораженный удивленіемъ Амалія.

— Ничего не знала.

— А! вскричалъ Мельхиоръ съ отчаяніемъ: я первый открылъ тайну....

— Она умретъ въ груди моей, торжественно сказала

Амалія: я ничего не знаю, ничего не слыхала, вы мнѣ ничего не говорили.

— Но если вы ничего не знали, что жъ это были за намеки?

Амалія покраснѣла.—Такъ, я сама не знаю, что говорила, глупости, пустяки, отвѣчала она.

— О нѣтъ, печально сказалъ Мельхиоръ: что бы вы ни говорили, для меня всегда важно. Вы говорили съ такой живостію, съ такимъ огорченіемъ, что вы, вѣрно, слышали о моей сестрѣ....

— Увѣряю васъ, что я объ ней и не думала.

— Но о комъ же вы говорили?

— Боже мой! что вамъ до этого! Я такъ несчастна, что, право, можно простить мнѣ минутную досаду.

— Но на кого же? Извините, что я говорю объ этомъ; но все что касается до этой несчастной исторіи, меня ужасно пугаетъ. Вы не знаете какъ добра ко мнѣ Леонія и какую странность я сдѣлалъ чтобы спасти ее! Чтобы она могла держать этого ребенка при себѣ, не подавая поводу къ толкамъ, я призналъ его своимъ. Такъ вы можете вообразить, какъ мнѣ больно будетъ, если послѣ всѣхъ этихъ предосторожностей, тайна наша откроется..... а между тѣмъ вы подозрѣвали сестру мою....

— Не еѣ, увѣряю васъ.

— Но кого же?

— Васъ.

— Меня? Такъ развѣ вы знали уже что мы придумали?

— Ахъ нѣтъ, отвѣчала Амалія печально и съ нѣкоторымъ истерпѣніемъ: я ничего не знала, но мнѣ пришло въ голову.... я подумала.... потому что я знала вашъ разговоръ съ докторомъ Морелемъ.... Я думала, что вы ѣздили за этимъ ребенкомъ.... Что.... Говорятъ вамъ, что я съ ума сходила....

— И вы по этому-то приняли меня такъ холодно?

— О, это меня ужасно огорчало, сказала Амалія.

— Но отчего же? вскричалъ Мельхиоръ, который съ нѣкотораго времени слушалъ ее съ восторгомъ.

— Дѣло въ томъ, что я очень ревнива, отвѣчала она со вздохомъ.

— Ревнивы! сказалъ Мельхиоръ, взявъ ее за руку.

Амалия молчала и долго смотрѣла на Мельхиора; глаза его искрились любовью; она не отворачивалась, но постепенно становилась печальною и сказала ему съ кроткимъ упрекомъ: — Вы не добры.... вы меня мучите.... Вы радуетесь, что я вамъ говорю то.... чего бы не должна была говорить.... О, это не хорошо.... я на васъ сердита.

— Это награда мнѣ за то, что вы сначала такъ огорчили меня.

— Вы забываете, что я три дня пробыла одна, печально сказала Амалия.

— Развѣ вы не знали что я занимаюсь вами?

— И сестрою.

— Развѣ мнѣ и ее нельзя любить?

— О нѣтъ, отвѣчала Амалия улыбаясь: я еще не такъ ревнива.

О, неосторожная! она уже шутитъ любовью, какъ вещью, которой и отъ себя самой не скрываетъ.

— Мужъ писалъ къ вамъ? сдержалъ свое слово?

— Да. Развѣ вы съ нимъ видѣлись?

— Я это вамъ прежде всего и сказалъ.

— Ахъ да, я и забыла.

Она забыла! О, мосьё де-Фремері занималъ очень мало мѣста въ этомъ разговорѣ, въ которомъ только объ немъ должна была и рѣчь идти. Однако жъ и пмъ тоже занимались. Мельхиоръ очень скромно разсказалъ какіе совѣты подавалъ ему.

— А дѣла его дѣйствительно такъ разстроены, какъ вы говорили?

— Опасенъ только ущербъ репутаціи, потому что это вознаградимо, отвѣчалъ Мельхиоръ; а ущербъ состоянія ничего не значить; это мужчина всегда можетъ вознаграждать, особенно когда у него есть друзья, готовые помогать ему.

Амалия поняла и въ первомъ порывѣ признательности, сказала:—О, благодарю васъ, вы благородный человекъ; я это знала.

Потомъ Амалия и Мельхиоръ разговаривали о дѣлахъ Альфреда де-Фремері, какъ разговариваютъ о дѣлахъ об-

шаго знакомаго. Они двое были уже съ одной стороны, онъ съ другой. Пути пройдено много.

Съ этого времени свиданія Амаліи съ Мельхіоромъ сдѣлались ежедневными, почти непрерывными. Любовь ихъ остановилась на блаженномъ, довѣрчивомъ спокойствіи. Они чувствовали взаимную любовь свою, но никогда не говорили о ней. Амалія почти забыла, что у ней мужъ, а если иногда и вспоминала объ немъ, то безъ раскаянія, потому что не сдѣлала ничего такого, что обыкновенно называется проступкомъ. Такимъ образомъ прошло двѣ недѣли: Альфредъ не пріѣзжалъ изъ деревни и не приглашалъ жену въ Парижъ, хотя неразъ писалъ къ ней. Въ другое время Амалія, конечно, захотѣла бы во что бы то ни стало, проникнуть тайну такого страннаго поведенія; но теперь ей было хорошо, и она молчала.

Можетъ-быть, влюбленные и долго бы оставались въ этомъ положеніи, если бы его не измѣнилъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, какіе любовь всегда встрѣчаетъ на пути своемъ и которыми она пользуется. Однажды Мельхіоръ засталъ мадамъ де-Фремері въ совѣщаніи съ своими людьми.

— Что это такое? спросилъ онъ.

— Я цѣлый день замѣчаю, что около дома все бродятъ какіе-то подозрительные три или четыре человѣка.

— Это не воры, сударыня, сказалъ смѣясь кучеръ.

— Воры или нѣтъ, но если это беспокоитъ вашу барыню, то вы должны смотрѣть хорошенько, сказалъ Мельхіоръ съ такимъ взглядомъ, что люди, которые, по видимому, хотѣли возражать, замолчали и разошлись.

— Такъ вы думаете, что это воры? сказала Амалія, когда они усѣлись вдвоемъ въ гостиной.

— О нѣтъ, отвѣчалъ Мельхіоръ: воры не заберутся въ домъ, гдѣ есть мужчины, а у васъ лакей, кучеръ, садовникъ.

Но когда Амалія объяснила ему, что это были не мужики, а тѣ оборванные люди, которые составляютъ самый низкій классъ парижской черни, Мельхіоръ тоже задумался. Вечеромъ они сидѣли въ саду передъ домомъ. Разговоръ затихъ посреди общей тишины природы.

Воздухъ былъ теплый, наполненный благоуханіями, уютный. И онъ и она молчали, можетъ-быть потому, что ни тотъ ни другой не смѣли сказать что думаютъ. Вдругъ Амалія вздрогнула, вскрикнула и въ испугъ прижалась къ Мельхіору.

— О, посмотрите, вонъ тамъ, кто-то прошелъ, сказала она, не замѣчая, что находится почти въ объятіяхъ Мельхіора.

— Быть не можетъ, когда еще никто въ домѣ не спитъ, когда мы въ паркѣ! Впрочемъ, я пойду посмотрю. Оставайтесь здѣсь.

— Но если это воръ, такъ онъ можетъ-быть вооруженъ, сказала Амалія.

— За этимъ дѣло не станетъ, отвѣчалъ Мельхіоръ, вытаскивая толстую подпорку одной далія: вотъ и я вооруженъ, такъ что могу потягаться съ любымъ разбойникомъ. Если у васъ достанетъ духу, обойдите весь паркъ и вы увидите, что бояться нечего.

— Хорошо; мнѣ непременно надобно излечиться отъ напраснаго страха; иначе я не рѣшусь оставаться здѣсь.

Они весело пошли. Мадамъ де-Фремері шутила и смѣялась, чтобы не выказать своего тайнаго страха. Такимъ образомъ добрались они до входу въ довольно темный лѣсъ. Амалія остановилась.

— О, нѣтъ, сказалъ Мельхіоръ, надобно идти дальше: иначе вы будете бояться еще больше, чѣмъ если бы со всѣмъ не ходили.

— Пожалуй, отвѣчала Амалія, и, по инстинктивному движенію, подала ему руку. При каждомъ шелестѣ листа на деревѣ или трескѣ сухаго сучка подъ ногами, мадамъ де-Фремері пугалась и прижималась къ Мельхіору. Онъ, къ несчастію, не боялся и былъ счастливъ, чувствуя біеніе сердца Амаліи. Вдругъ она вскрикнула и отбросилась назадъ, такъ что Мельхіоръ долженъ былъ удержать ее, чтобы она не упала.

— Что съ вами? вскричалъ онъ.

— Тамъ.... тамъ.... посмотрите, сказала она, трепеща всѣмъ тѣломъ.

— Ну что жъ! Тамъ два прекрасные свѣтающаея чарьяка.

— Я съ ума схожу.... итѣ дурно.... сказала Амалия.

Она дѣйствительно едва держалась на ногахъ. Мельхиоръ отвелъ или, лучше сказать, снесъ ее на дѣрновую скамью у подошвы дерева и самъ сталъ передъ нею на колѣни, держа ея руку.

— Я съума сошелъ, что уговорилъ васъ рѣшиться на дѣло слыше вашихъ силъ, сказалъ Мельхиоръ: я забылъ, что вы недавно были больны.

— Какая я трусиха!.... сердце у меня бьется такъ, что духъ захватываетъ.... Посмотрите....

И она приложила его руку къ своему сердцу. Онъ нагнулся такъ, что касался грудью до колѣнъ Амалии.

— Да и вы не храбрѣ меня.... У васъ сердце бьется еще сильнѣ моего, сказала она.

Мельхиоръ взялъ обѣ ея руки въ свои.—О, да, я боюсь лишиться своего счастья, отвѣчалъ онъ.

Амалия отодвинулась и молчала. Вдругъ она встала. Мельхиоръ остался на колѣняхъ.

— Пойдемте, сказала она отрывистымъ, дрожащимъ голосомъ.

Мельхиоръ не вставалъ и покрывалъ руки ея поцѣлуями. Она снова опустилась на скамью.

— О, останьтесь такъ, Амалия, сказалъ де-Лесли.

— Мельхиоръ, не наказывайте меня за мою слабость. Я испугалась; тепѣрь успокоилась. Пойдемте домой.

— Амалия, вы говорили, что вы меня любите.

— Говорила.... вы сами знали.

Мельхиоръ положилъ голову на колѣна Амалии. Она высвободила одну изъ своихъ рукъ и играла его шелковистыми волосами. Мало-по-малу Мельхиоръ приподнял голову и взоры ихъ встрѣтились; несмотря на тѣноту, они видѣли другъ друга.

— О, сказалъ Мельхиоръ дрожащимъ голосомъ: я люблю, люблю тебя, Амалия.

И ему показалось, будто слышѣ какой едва слышно повторилъ:—Люблю тебя!

— Амалия! продолжалъ онъ, о моя прекрасная Амалия!

И тоже едва слышимый голосъ произнесъ:—Я тебѣ правлюсь?

Настала минута молчанія, во время которой Мельхіоръ нагнулся къ лицу Амаліи. Она не трогалась съ мѣста. Вдругъ она опять встала, оттолкнула Мельхіора, пустилась бѣжать по аллеѣ и остановилась тогда только, когда уже вышла изъ лѣсу. Тутъ было тоже не свѣтло, но по-крайней-мѣрѣ не совсѣмъ темно. Мельхіоръ догналъ ее. — А, вы убѣжали отъ меня! сказалъ онъ.

— Вы знаете, что я люблю васъ.... О, ради Бога, не будете больше подвергаться опасности....

Она подала ему руку и молча воротилась домой. На часахъ пробило десять. Де-Десліи обыкновенно уходилъ въ это время домой.—Десять часовъ, сказала Амалія. Мельхіоръ взялъ шляпу и печально подошелъ къ мадамъ де-Фремеріи, чтобы раскланяться съ нею.

— Вы на меня сердитесь?

— О нѣтъ, но мнѣ больно....

— До завтра! сказала она, подавая ему руку.

Онъ нагнулся, чтобы поцѣловать ея руку и изъ глазъ его капнула слеза. Амалія держала руку Мельхіора. Она тихонько притянула его къ себѣ; сердца ихъ на минуту прижались другъ къ другу, и она убѣжала.

Мельхіоръ ушелъ. Амалія воротилась въ свою спальню. Послѣ-того что сдѣлала, она не смѣла никому показаться на глаза. Дорога, по которой долженъ былъ идти Мельхіоръ, проходила подъ окнами ея комнаты. Она отворила окно и хотѣла посмотрѣть на него сквозь отверстіе жалюзіи. Въ комнатѣ огня не было, слѣдовательно, увидать ее никто не могъ. Вскорѣ она услышала шаги его. Онъ подошелъ къ окну: она едва дышала.... онъ остановился: сердце ея радостно забилось.... Онъ стоялъ и смотрѣлъ на окно. Въ петлицѣ у него былъ рѣдкій цвѣтокъ, который она дала ему. Онъ вынулъ его, отошелъ по-дальше, вдругъ кинулся, припрыгнулъ, уцѣпился рукою за рѣшетку подъ окномъ, и повисъ. Другой рукой онъ просунулъ цвѣтокъ сквозь отверстіе жалюзіи. Черезъ минуту онъ соскочилъ на землю. Тутъ только Амалія осмѣлилась

открыть окно.—Благодарю, благодарю! сказала она, вызывая ему этотъ цвѣтокъ.

— Ахъ, вы были тутъ? Отдайте же мнѣ его теперь.

— Нѣтъ, я его люблю.

— Ну, такъ дайте другой.

На лѣстницѣ послышались шаги.

— Идутъ. Уйдите, сказала она.

— Безъ всего?

— Ну, такъ вотъ вамъ.

И она бросила ему снурокъ изъ своихъ волосъ, на которомъ висѣлъ крестикъ, данный ей матерью. Мельхиоръ убѣжалъ. Дверь отворилась. — А я васъ всё искала, сударыня, сказала горничная. Вы не изволите еще ложиться!

— Да, отвѣчала Амалія. Она положила драгоценный цвѣтокъ на каминъ и стала раздѣваться, не спуская съ него глазъ. Она не смѣла взять цвѣтокъ, но не теряла его изъ виду. Горничная ходила по комнатѣ, убирая кое-что и нѣсколько разъ трогала драгоценный цвѣтокъ; наконецъ взяла его. Амалія испугалась и спросила платокъ. Горничная подала платокъ, а цвѣтокъ всё не выпускала изъ рукъ.— Сдѣлай мнѣ стаканъ воды съ сахаромъ, сказала Амалія.

Горничная принуждена была положить цвѣтокъ, чтобы исполнить это приказаніе. Амалія вздохнула свободнѣе: цвѣтокъ былъ спасенъ. Горничная подала воды.— Теперь ступай, сказала Амалія. Горничная воротилась къ столику, гдѣ оставила кое-какія вещи и цвѣтокъ, который хотѣла унести съ собою.— Да Боже мой, оставь все это, ступай скорѣе, я спать хочу! сказала Амалія.

Горничная ушла. Какъ-скоро шаги ея перестали слышаться на лѣстницѣ, Амалія вскочила съ постели, схватила цвѣтокъ, цѣловала его, прижимала къ своему сердцу, и съ нимъ заснула....

Ахъ, мадамъ де-Фремеръ, берегитесь! Теперь между вами и Мельхиоромъ только одна честь.

Проснувшись на другой день, Амалія была совершенно счастлива, но она боялась Мельхиора. Ей бы хотѣлось видѣть его, такъ чтобы онъ ее не видалъ. Она не знала что

дѣлать. Наконецъ позвонила. Пришла горничная и подала ей письмо.

Письмо было отъ Мельхіора. — «Милостивая государыня, писалъ онъ: дѣла, касающіеся до вашего супруга, заставляютъ меня ѣхать въ Парижъ. Я надѣюсь, что всѣ эти хлопоты скоро кончатся и вамъ нечего будетъ бояться любопытныхъ, которые такъ напугали васъ.» За тѣмъ слѣдовали обыкновенныя увѣренія въ почтеніи и преданности. Это письмо обдало Амалію холодомъ. — Кто принесъ это письмо? спросила она.

— Маркизь де-Леслі, проѣзжая мимо рѣшетки, самъ отдалъ его садовнику.

Это письмо должно было пройти черезъ нѣсколько рукъ. Надобно было написать его такъ, чтобы не вышло бѣды, еслибъ кто чужой и прочелъ. Амалія это очень хорошо понимала. Однако жъ ей стало грустно. Притомъ, за чѣмъ же это Мельхіоръ поѣхалъ? Вотъ уже второй разъ, что онъ увѣщаетъ послѣ новаго доказательства любви Амаліи. Она печально встала съ постели. — Старикъ де-Леслі былъ тоже съ маркизомъ? или герцогиня де-Фезанзакъ? спросила она.

— Нѣтъ, сударыня, маркизь былъ одинъ; онъ прошелъ черезъ паркъ и сѣлъ въ коляску у дверей павильона.

— Хорошо.

Она надѣла шляпку и пошла въ павильонъ. Поднимала тамъ всѣ подушки, раскрывала всѣ альбомы: нигдѣ ничего. Ей было и стыдно и больно. Она со слезами на глазахъ вышла изъ павильона. Черезъ минуту Амалія очутилась у той аллеи, гдѣ наканунѣ чувствовала біеніе сердца Мельхіора. Въ сердцѣ ея еще таилась надежда; но она боялась обмануться. Однако жъ не вытерпѣла и пошла къ дерновой скамьѣ, гдѣ наканунѣ сидѣла. Она издали увидѣла, что надъ скамейкою, на деревѣ, срѣзана была кора, и, очевидно, недавно. Глаза ея заблестали; она пошла по-ближе: на скамейкѣ ничего не было; она поискала въ высокой травѣ: тоже ничего. Наконецъ она замѣтила, что передъ скамейкою, песокъ собранъ въ кучку. Она разрыла ее зонтикомъ. Подъ пескомъ былъ камень; подъ камнемъ мохъ; подъ мохомъ письмо — письмо отъ Мель-

хіора. На-верху было написано: «Амалія, если ты меня любишь, ты прійдешь сюда; если ты меня любишь, ты сугадаешь знакъ на деревѣ; если ты меня любишь, ты найдешь это письмо.»

Письмо дышало пламенной, безумной любовью. Амалія съ восторгомъ читала и перечитывала то, что выслушать не рѣшилась бы. Она упоевалась восторгомъ....

Воротившись домой, мадамъ де-Фремері получила нѣсколько писемъ. Одно было отъ Альфреда. Онъ писалъ, что дня черезъ два или три будетъ. Амалія вздохнула. Потомъ она распечатала другое письмо неизвѣстной руки. Въ немъ было сказано: «Маркизь де-Леслі воображаетъ, что онъ дѣйствуетъ очень хитро: платитъ долги за мужа, чтобы добратъся до жены. Хитрость не новая; но врядъ-ли мадамъ де-Фремері стѣдитъ трехъ-сотъ-тысячъ франковъ.»

Какъ ни говорите, что безъмянные письма ничего не значать, а всё-таки непріятно получить такое письмо, тѣмъ болѣе, что оно подтверждало еще ея догадку, что за ней присматриваютъ. Притомъ, правда ли это? Неужели таково было намѣреніе Мельхіора? Неужели онъ надѣялся получить отъ благодарности то, въ чемъ одна любовь отказала бы ему.... или что даровала бы ему в одна любовь? Это было бы оскорбленіе невыносимое. Любовью платятъ за одну любовь. Бѣдная Амалія провела несносный, ужасный день. Наконецъ вечеромъ послышался стукъ экипажа. Она подумала, что это ея мужъ и маркизь де-Леслі и приготовилась встрѣтить обоихъ очень холодно. Вошелъ одинъ Мельхіоръ. Ей показалось, что у него именно торжественный видъ триумфатора, которому остается только предписать побѣжденному условія. Дѣйствительно, во всемъ видѣ его было что-то необыкновенное, принужденное. Съ холодной вѣдѣ жливостію освѣдомился онъ о здоровьѣ мадамъ де-Фремеріи даже не выслушалъ ея отвѣту. Онъ пристально смотрѣлъ на нея до того, что это показалось ей довольно наглымъ, и она бросила на него такой гордый, надменный взглядъ, что онъ потупилъ глаза. Наконецъ онъ сдѣлалъ усиленнадъ самимъ собою и печально сказалъ:

— Я долженъ былъ предвидѣть, что такъ будетъ. Нужды нѣтъ. Я хотѣлъ быть вашимъ другомъ, мадамъ де-Фре-

мері... то есть другомъ вашего мужа. Я исполню обязанность мою до конца.

— Я ничего не требую, маркизъ, отвѣчала Амалія и если новыя пожертванія для васъ слишкомъ тягостны....

— Я не дѣлалъ никакихъ жертвованій, гордо отвѣчалъ де-Лесли: а если и сдѣлаю, то они будутъ стоить что-нибудь только моему сердцу. Но я не объ этомъ хотѣлъ поговорить съ вами. Я пріѣхалъ сюда, по просьбѣ вашего супруга.

— По просьбѣ моего мужа?

— Онъ хотѣлъ бы самъ сообщить вамъ пріятную вѣсть; но важныя дѣла удержали его въ Парижѣ. Онъ, противъ всякаго ожиданія, получилъ мѣсто, котораго такъ желалъ.

Амалія удивилась, но тотчасъ отвѣчала: — Это показываетъ, что у васъ большой кредитъ.

— Я тутъ ничего не сдѣлалъ. Мосьё де-Фремері обязанъ этимъ только случаю.

Мельхиоръ говорилъ съ такою искренностію и съ такимъ достоинствомъ, что Амалія захотѣлось узнать какимъ образомъ мужъ ея получалъ повышение, между-тѣмъ какъ ему угрожала отставка. Она спросила Мельхиора.

Онъ отвѣчалъ:—Бумага объ отрѣшеніи мосьё де-Фремері отъ должности была уже подписана. Причиною этого было всѣмъ извѣстное разстройство его дѣлъ. Онъ узналъ объ этомъ въ то самое время, какъ устроилъ ихъ вполне и самымъ благороднымъ образомъ. Мосьё де-Фремері тотчасъ явился къ министру, увѣрилъ, даже доказалъ, что его оклеветали. И дѣйствительно, онъ уплатилъ всѣ свои долги. Министру жаль и совѣстно было, что онъ напрасно удалилъ челоуѣка съ талантомъ и совершенно преданнаго роялистской партіи. Но тотъ кто назначенъ былъ на мѣсто мосьё де-Фремері, уже получилъ увѣдомленіе о своемъ назначеніи и отнять у него мѣсто было невозможно. Къ счастью, въ королевскомъ судѣ была вакансія прокурора, и министръ, чтобы загладить свою вину, назначилъ на это мѣсто вашего мужа.

— Хороша справедливость! сказала Амалія, съ видимымъ отвращеніемъ.

— О, не говорите этого, отвѣчалъ де-Лесли. Желаніе

министра загладить несправедливость, очень естественно, и тѣмъ, которые этимъ пользуются, не слѣдовало бы винить его.

— Кто жъ этимъ пользуется? съ гордостью спросила Амалія.

— Да по-крайней-мѣрѣ мосьё де-Фремері, если ужъ дѣла вашего мужа не касаются до васъ.

Мадамъ де-Фремері закусила губы и, чувствуя всю праведливость этого замѣчанія, не могла однако жъ оставить его безъ отвѣту.

— Да, это правда, сказала она: и очень понятно, что тѣ, которые видятъ, что всѣ ихъ труды и услуги не приносятъ имъ того, что они ожидали, негодуютъ на тѣхъ, кто получаетъ незаслуженное.

Мельхіоръ съ невыразимымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на мадамъ де-Фремері; въ глазахъ его блеснулъ гнѣвъ; но онъ тотчасъ удержался и сказалъ: — Тѣ, о которыхъ вы говорите, были бы очень глупы, если бъ досадовали на то, что имъ не удалось. Человѣкъ, который добивается только одной награды, благородной, искренней признательности, и, можетъ-быть дружеской привязанности, этотъ человѣкъ, просто, сумасшедшій; но онъ былъ бы глупецъ, если бъ сталъ жаловаться на неблагодарность.

Амалія поблѣднѣла отъ негодованія: — Вы меня оскорбляете! сказала она.

— Вы забываете, холодно отвѣчалъ де-Лесли: что я здѣсь по порученію вашего мужа, и не могу требовать ни благодарности, ни...

— Довольно! Довольно! Не заставляйте меня унижаться до роли, которую вамъ вздумалось играть! Мы другъ друга понимаемъ. Я васъ знаю; вы ожидали не такого приему.

— Я? Напротивъ. Я зналъ объ этой сценѣ заранѣе..... и даже, если вамъ угодно, я могу предсказать что еще случится.....

— Но этого вы, вѣрно, не предвидѣли, вскричала она, подавая ему письмо, которое получила.

— А, га! сказалъ Мельхіоръ, не принимая письма: это письмо, въ которомъ вамъ говорятъ, что я негодаю, что

я помогать вашему мужу для того, чтобы имѣть право потребовать отъ васъ награды.

— Какъ, вы знаете это письмо? вскричала мадамъ де-Фремері въ величайшемъ изумленіи.

— Знаю; знаю и то, какую пользу можно извлечь изъ него. Я зналъ, съ какими негодованиями примутъ человѣка, который питалъ дерзкія надежды, основанныя на такихъ гнусныхъ расчетахъ. Этому человѣку презирають, выгоняють отъ себя, и имѣють на то полное право, особенно, когда онъ уже ни на что не нуменъ.

— Ужасъ!.... Что вы это говорите?.... Что это значить?

— Это значить, что одинъ другъ открылъ мнѣ глаза и предсказалъ все что будетъ. Вотъ что онъ мнѣ пишетъ: «Вы попали въ добрыя руки. Васъ обворожать, позволять «вамъ вѣрить, надѣяться; будутъ даже и невольные порывы страсти и минуты сладкаго забытья, которыя заставляютъ вѣрить любви. Все это будетъ продолжаться до тѣхъ-поръ, пока дѣла мосье де-Фремері устроятся. Потомъ начнутъ противиться; защищаться, убѣгать отъ «васъ.... кто знаетъ, можетъ-быть и употребить хитрость «заранѣе придуманную. Получать письмо, въ которомъ «гнусное ваше поведеніе будетъ изобличено и величественно «укроются отъ васъ въ свое добродѣтельное негодование. Вы будете не только обмануты, но провозглашены «низкимъ, гнуснымъ человѣкомъ».

Амалия глядѣла на Мельхіора съ какимъ-то помѣшательствомъ. Она была совершенно уничтожена. — Это писалъ вамъ другъ? Но кто же! мужчина? спросила она наконецъ.

— Я не стану лгать: это писала женщина, отвѣчала Мельхіоръ.

— Моя мачиха.... мадамъ де-Канталь....

— Да.

Амалия вздохнула съ отчаяніемъ. Онъ хотѣлъ уйти. — Пойдите, пойдите на минутку, вскричала она.

Она ушла. Мельхіоръ съ полчаса оставался одинъ. Горестъ Амалии была такъ сильна, такъ искренна, что ему не вѣрилось, чтобы это все была хитрость заранѣе придуманная.

манная. Долгое отсутствіе Амаліи начинало уже его беспокоить, когда она наконецъ пришла. Она подала ему письмо и сказала:—Прочтите и рѣшите.

Амалія была въ ужаснѣйшемъ волненіи, въ лихорадкѣ. Мельхіоръ хотѣлъ развернуть письмо, но она сказала:— «О, нѣтъ.... не здѣсь.... не при мнѣ...!» и сдѣлала ему знакъ чтобы онъ ушелъ. Уходя, Мельхіоръ видѣлъ, что она упала на диванъ и закрыла лицо руками, чтобы заглушить свои рыданія.

Хитрая интригантка до такой степени возстановилъ Мельхіора противъ несчастной Амаліи, что онъ совсѣмъ не расположенъ былъ вѣрить. Однако жъ ему очень хотѣлось по-скорѣе прочесть ея письмо; но у нея этого нельзя было сдѣлать, чтобы не возбудить подозрѣнія людей. Онъ принужденъ былъ идти домой. Тамъ, наконецъ, онъ развернулъ эту странную записку и прочелъ слѣдующее: «Мельхіоръ, клянусь вамъ душою и Богомъ, что я точно получила письмо, о которомъ я вамъ говорила. Той, которая сего писала, не мудро было угадать, что я покажу его вамъ: его тоже писала, безъ-сомнѣнія, мадамъ Кавталь. «Мельхіоръ, клянусь вамъ, что я васъ любила..... Не знаю, что бы изъ этого вышло, но надѣюсь, что Богъ «предохранилъ бы меня отъ любви преступной..... Теперь судьба моя рѣшена: Мельхіоръ, я жду васъ въ полночь, у того самага окна, гдѣ....»

Мельхіоръ былъ внѣ себя отъ изумленія и радости; но вдругъ лицо его сдѣлалось мрачнымъ, горькая улыбка появилась на устахъ. Онъ взялъ перо и написалъ:— «Я забылъ вамъ сказать (да вы, вѣрно, знали), что въ полночь пріѣдетъ вашъ мужъ». И не давъ себѣ времени оуматься, онъ отправилъ это обидное письмо къ Амаліи.

Эта записка поразила бѣдную мадамъ де-Фремеръ такою горестію, что она на минуту лишилась самосознанія. — Онъ вѣритъ ей! вскричала она наконецъ, и эта мысль возбуждала въ душѣ ея жестокое негодованіе противъ Мельхіора. Но потомъ ей пришло въ голову, что и она сама повѣрила письму, въ которомъ его представляли такимъ неважнымъ негодяемъ. Амалія была въ отчаяніи; чтобы оправдаться въ его глазахъ, она охотно бы пожертвовала те-

перь жизнию, но уже не честью. Минутное помѣшательство, въ которомъ она писала къ Мельхиору, теперь прошло. Но изъ отвѣта его она видѣла, что Альфредъ скоро прїѣдетъ, и она не могла подумать объ этомъ безъ ужасу. Душа ея кипѣла гнѣвомъ при мысли объ этомъ человѣкѣ, который, своимъ дурнымъ поведеніемъ и невниманіемъ къ женѣ, предалъ ее на жертву клеветѣ, и даже, можетъ-быть, былъ такъ низокъ, что, имѣя подозрѣнія противъ Мельхиора, принялъ отъ него пособіе. Голова у ней кружилась. Амалія вспомнила, что въ Парижѣ у ней есть давнишняя прїятельница, которая, по своему независимому положенію, можетъ дать ей убѣжище и оказать покровительство. Она велѣла заложить карету и въ десять часовъ уѣхала въ Парижъ. Часа черезъ два послѣ этого кто-то сильно позвонилъ у рѣшетки замка де-Лесля, и Альфредъ де-Фремернъ, въ сильномъ волненіи, вошелъ въ комнату Мельхиора.

— Вы еще не уѣхали? сказалъ онъ.

— Какъ видите.

— Я и хотѣлъ узнать точно ли вы еще здѣсь.

— Какая жъ вамъ надобность, здѣсь я или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Я все знаю! вскричалъ съ бѣшенствомъ де-Фремернъ. Вы не поѣдете!

— Не забудьте съ кѣмъ вы говорите, отвѣчалъ Мельхиоръ. Я поѣду, когда и куда мнѣ вздумается.

— Вамъ не ѣхать вслѣдъ за нею!

— Да позвольте васъ спросить, о комъ вы это говорите?

— О женѣ моей, вы знаете.

— Да развѣ она уѣхала?

— Вы этого, вѣрно, не знали?

— Клянусь вамъ.

— Э, полноте! Я же вѣдь не такой глупецъ, чтобы меня такъ легко было обманывать.

Мельхиоръ былъ внѣ себя отъ изумленія. Потомъ вдругъ спросилъ: — Вы видѣлись сегодня съ мадамъ де-Канталъ?

— Видѣлся.

— А, вскричалъ Мельхиоръ: такъ это она вамъ сказала.....

— Она сказала мнѣ правду!

— О, какая гнусная тварь! вскричалъ Мельхиоръ.

— Вѣдь не она же писала это письмо, которое жена мнѣ оставила. Прочтите:

Мельхиоръ взялъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Сердце мое вамъ болѣе не принадлежитъ: вы должны знать почему. Когда вы получите это письмо, я буду уже въ безопасности отъ вашихъ преслѣдованій. Не старайтесь отыскать меня: я васъ уже не люблю. Я любила другаго. Онъ меня презрѣлъ. Я этого не переживу. Вы виною всѣхъ моихъ несчастій: такъ дайте же мнѣ по-крайней-мѣрѣ умереть спокойно.»

— Несчастливая Амалия! вскричалъ Мельхиоръ.

— А, такъ жена моя для васъ Амалия! сказалъ де-Фремеръ. Это оскорбленіе... .

— Мосъё де-Фрей, меротвѣчалъ Мельхиоръ: клянусь вамъ честью, что жена ваша не виновата. Позаботьтесь только о томъ, какъ бы спасти ея.

Альфредъ де-Фремеръ, конечно, не удовольствовался бы подобной клятвой Мельхиора, если бь могъ свободно дѣйствовать противъ человѣка, который избавилъ его отъ разоренія и безчестія. Онъ ушелъ. Мельхиоръ былъ въ отчаяніи, не отъ того, что оттолкнулъ отъ себя жевчану, которая въ минуту самозабвенія предавалась ему, но оттого, что не понялъ ее, что оскорбилъ это чистое, гордое, благородное сердце. Онъ тотчасъ поѣхалъ. Мельхиоръ догадывался куда Амалия переселилась. И дѣйствительно, часа черезъ два онъ былъ уже у ея ногъ и говорилъ ей:— Не бойтесь ничего отъ мѣня, Амалия. Вы уже сказали, что не вѣрите гнусному расчету, который мнѣ приписывали.... Для меня этого довольно.... Но между-тѣмъ мы наговорили другъ другу много горькаго. Этого вы никогда не забудете, да и меня воспоминаніе объ этомъ всегда будетъ обдавать холодомъ. Мы разлучены навсегда. Я прошу васъ только объ одномъ: позвольте мнѣ никогда не видаться съ вами. О, я не въ состояніи видѣть васъ и непрерывно заглушать любовь, которая меня пожираетъ!

— Мельхиоръ, отвѣчала Амалия: душой я ваша. Чтобы

избавиться отъ вашего презрѣшя, я сдѣлала бы тогда то что вамъ писала, сдѣлала бы и теперь, если бъ вы не вѣрили, что я васъ люблю. Но въ этомъ вы не сомнѣваетесь. Кчему же убѣгать отъ меня?... Отчего вамъ не быть моимъ другомъ?

Мельхиоръ не отфѣчалъ и черезъ минуту сказалъ: — Мнѣ надобно просить васъ еще объ одной милости.

— Говорите.

— Вернитесь къ мужу.

— Никогда! Черезъ часъ я уѣзжаю изъ Парижа.

— Уѣзжайте, пожалуй, на вѣсколько мѣсяцевъ, чтобы успокоиться. Но повѣрьте мнѣ, замужняя женщина можетъ жить только въ домѣ своего мужа. Иначе, какъ бы она чиста ни была, на нее всегда будутъ клеветать. Вы не можете покинуть мужа, не сказавъ свѣту причинъ такого поступка.

— Я скажу ихъ.

— Такъ вы его погубите.

— Ну, такъ я буду молчать.

— Тогда вы погубите себя. Если я не могу надѣяться что вы будете счастливы, то по-крайней-мѣрѣ хотѣлъ бы знать, что вы пользуетесь общимъ уваженіемъ; это первое счастье женщины. Спасая вашего мужа, я думалъ не о немъ, не о любви своей, а о томъ, чтобы спасти честь имени, которое вы носите. Забудьте оскорбленіе, котораго виновю не сердце, а тщеславіе вашего мужа. Вернитесь къ нему.

— Хорошо; но только не теперь. Со временемъ.

— Только не слишкомъ поздно.

— Когда вы хотите.

— Черезъ мѣсяць. Вы общаете?

— Клянусь вамъ.

Черезъ часъ послѣ-того, мадамъ де-Фремери выѣхала изъ Парижа. Черезъ мѣсяць она воротилась, а Мельхиоръ уѣхалъ. Пріятельница Амалія свезла се къ мужу. Она знала всѣ подробности этой исторіи.

— А что вы думаете, случилось бы, спросилъ Альфредъ: если бы я не былъ виноватъ передъ женою, не имѣлъ связи съ мадамъ де-Фавіеръ.

— Она любила бы Мельхиора, защищалась бы съ отчаяніемъ, погибла бы съ раскаяніемъ, но! погибла бы въпрямь.

— А если бы, провинившись передъ нею, я не разо-
рился?

— Они любили бы другъ друга, ни онъ, ни она не почувствовали бы благородной совѣстливости, которая теперь ихъ удержала, и вы были бы какъ многіе другіе.

— Такъ вотъ что меня ожидало?

— Да, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей.

— Ну, такъ нѣтъ худа безъ добра, весело сказалъ де-
Фремері.

==

II.

ЛЪВИЦА.

романъ его же.

(La Presse.)

Въ большомъ магазинѣ, окруженные фарфоровыми сервизами всѣхъ возможныхъ сортовъ и размѣровъ, сидѣли съ одной стороны важный негоціантъ, москѣ Торѣ, и его старшій приказчикъ Лун Вильсонъ, съ другой мадамъ Торѣ и дочь хозяевъ магазина, богатая невѣста, осмнадцати-лѣтняя красавица, Юлія. Всѣ они занимались счетами. Пробыло пять часовъ, и всѣ пошли одѣваться. У москѣ и мадамъ Торѣ въ этотъ день были гости и между прочимъ они ждали учителя своего сына, Карла, знаменитаго живописца Виктора Амаба. Тутъ намъ надобно остановиться, чтобы познакомить васъ съ москѣ Амабомъ, героемъ романа. Викторъ былъ сынъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей, какъ говорится въ какомъ-то русскомъ романѣ. Оставшись по девятому году сиротой, онъ жилъ у маляра, который, изъ состраданія къ бѣдному малюткѣ, посвящалъ его въ таинства своего ремесла; но Викторъ, лѣтъ съ двѣнадцати, началъ чувствовать, что рожденъ не для того, чтобы расписывать лѣстницы голѣ

мраморъ и гранитъ. Онъ сталъ ходить, по вечерамъ, въ всеобщую школу рисованія, потомъ въ академію и росъ въ искусствѣ не по днямъ, а по часамъ. Но по вечерамъ живописью заниматься невозможно, такъ онъ учился рисовать на камнѣ; набилъ руку и опредѣлился въ литографію. Тамъ онъ получалъ по пяти франковъ въ день. Счастливое было время! Онъ составилъ себѣ, такимъ образомъ, небольшой капиталъ, чтобы можно было днемъ заниматься живописью; а по вечерамъ, при свѣтѣ лампы, онъ всё-таки дѣлалъ литографіи, чтобы было чѣмъ жить, и работалъ по пятнадцати часовъ въ сутки. Онъ завтракалъ рѣдко, обѣдалъ не всякой день, спалъ мало; но здоровье молодого человѣка не выдержало такихъ усиленныхъ трудовъ; онъ слегъ въ постель и, когда оправился, у него опять не было ни гроша.... Надобно было опять приняться за поленную работу. Другой упалъ бѣгдухомъ, но у Амаба была жѣлезная воля. Онъ рѣшилъ, что будетъ знаменитымъ живописцемъ и богатымъ человѣкомъ. Амабъ сдѣлалъ двѣ или три картины, которыя и были приняты на выставку; но никто не обратилъ на нихъ вниманія, и бѣдный Викторъ принужденъ былъ продать ихъ за безцѣнокъ. Наконецъ, ему помогло счастливый случай. Онъ сдѣлалъ даромъ портретъ своего пріятеля изъ пишущей братіи; тотъ, въ знакъ признательности, написалъ объ немъ статью. Пошли заказы и, сверхъ-того, это доставило ему мѣсто учителя рисованья въ дѣвичьемъ пансіонѣ. Мать одной изъ ученицъ, жена богатаго банкира, заказала ему свой портретъ и для этого ѣздила всякое утро къ нему въ мастерскую. Амабъ работалъ цѣлый мѣсяцъ и портретъ вышелъ превосходный; но когда дѣло дошло до расплаты, банкирша начала торговаться, и вмѣсто тысячи франковъ давала только пять сотъ.—Вы заплатите за портретъ тысячу франковъ или я попрошу васъ принять его даромъ, сказалъ Амабъ.—«Ни того ни другаго, отвѣчала банкирша: вы еще не составили себѣ имени, и я хотѣла оказать вамъ услугу. Мой портретъ доставитъ вамъ извѣстность. Возьмете шесть сотъ франковъ?»—Тысячу или ничего.—«Ну, такъ можете оставить портретъ у себя.» Амабъ взялъ ножъ, прехладнокровно разрѣзалъ портретъ

на-четверо и сказалъ: «Теперь вы мнѣ ничего не должны.» Эта песторія разнёслась по городу (а Виктору только этого и хотѣлось). Однажды объ ней говорили въ фойе опернаго театра. Одинъ молодой человекъ сказалъ, что все это сказка, и что дама ѣздила къ Амабу совсѣмъ не за тѣмъ. Амабъ возразилъ: «Эта дама поступила со мной очень дурно, но я никому не позволю клеветать на нея. Я точно писалъ портретъ ея; а кто говоритъ противное, тотъ лжетъ.» Разумѣется, что слѣдствіемъ этого была дуэль. Викторъ ранилъ своего противника. И этотъ случай еще болѣе увеличилъ извѣстность Амаба.

Исторія Виктора сильно подѣйствовала на пылкое, немножко романпческое воображеніе Юлія, тѣмъ болѣе, что онъ часто засматривался на нея. Бѣдняжка воображала себѣ, что въ пламенномъ взорѣ его горитъ любовь, а онъ восхищался ею какъ художникъ, какъ прекрасною картиной. У него была только одна страсть, или лучше сказать двѣ страсти: честолюбіе и любовь къ искусству; для любви обыкновенной холодная, эгоистическая душа его была недоступна.

Амабъ сдѣлалъ портреты мосье и мадамъ Торѣ и Юлію, и однажды, подмѣтивъ минуту, когда Юлія подняла къ нему глаза, увлажненные слезами, онъ схватилъ карандашъ и на слѣдующей выставкѣ явился портретъ плачущей Юліи. Эта картина произвела *furore*. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отъ одной страстной любительницы художествъ, письмо, въ которомъ она изъявляла желаніе познакомиться съ творцомъ «Красавицы въ слезахъ». Письмо было подписано «Леона де-Камбюръ.» Викторъ съ презрѣніемъ бросилъ эту странную записку на столъ. Карлъ Торѣ выпросилъ ее себѣ, и полъ имени Виктора Амаба отправился на назначенное свиданіе. На другой день шалунъ много рассказывалъ о великолѣпнн дома Леоны де-Камбюръ, о красотѣ хозяйки и многозначительно молчалъ о томъ, что между ними происходило. Товарищи стали надъ нимъ смѣяться. — Увидите, сказалъ онъ: я придумалъ прекрасную «штуку». Леона де-Камбюръ скоро пріѣдетъ. — «Сюда?» — Я назначилъ ей свиданіе здѣсь, у меня въ домѣ, отвѣчалъ Карлъ Торѣ. — «Я надѣ-

юсъ, что ты не задумашь виѣшнвать меня въ свои шало-
сти?» строго сказалъ Викторъ. — О, нѣтъ! только когда она
спроситъ вы ли Викторъ Амабъ, скажите: «да! больше
я отъ васъ ничего не требую».

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ послышался
стукъ кареты. Карлъ взглянулъ въ окно, вскричалъ
«Она!» и скрылся. Викторъ перешелъ въ свою гостиную.
Вслѣдъ за тѣмъ въ мастерскую вошла дама высокаго ро-
сту, подъ воалемъ, прекрасно одѣтая. Ученики, видѣ себя
отъ удивленія, проводили ее въ гостиную. Амабъ сидѣлъ
задомъ къ двери, когда она вошла, и обернулся въ то самое
время, когда незнакомка поднимала воаль. Онъ остолбе-
нѣлъ отъ удивленія при видѣ гордой красоты, какой даже
никогда и не создавалъ въ художескихъ мечтахъ своихъ.
— Я бы желала видѣть мосьё Амаба, сказала она твердымъ,
звучнымъ голосомъ. — Я Амабъ, къ вашимъ услугамъ.
— «Вы!» вскричала дама дрожащимъ голосомъ. Она опу-
стила воаль, обернулась и сверкающими отъ гнѣву глаза-
ми окинула всю мастерскую; ноги у нея подкашивались;
она зашаталась. — Подайте стулъ! закричалъ Амабъ. Стулъ
подалъ Карлъ Торё. Несчастнѣй нарядился лакеемъ. Ле-
она де-Камбюръ взглянула на него и отшатнулась съ
глухимъ стономъ. — Кто это? сказала она, указывая дро-
жащей рукою на Карла. — Простите, сударыня, я камерд-
инеръ мосьё Амаба, отвѣчалъ плаксивымъ голосомъ Торё.
— Это мой ученикъ, Карлъ Торё! вскричалъ сердито Вик-
торъ. Леона подошла къ Амабу и сказала съ жестокимъ
выраженіемъ: — «Вашъ ученикъ! И вы отдали ему пись-
мо, которое безумная написала къ вамъ?» Она приподняла
воаль, посмотрѣла на учителя и ученика, и ушла, сказавъ:
«До свиданія, господа!»

Драма — потому что, романъ или повѣсть, что бы Сулиё
ни писалъ, у него вездѣ драма — драма завязывается не
дурно; но за этимъ слѣдуетъ рядъ приключеній, столь же
невѣроятныхъ какъ и невозможныхъ. Графъ де-Монри-
онъ, обожатель Леоны де-Камбюръ — вы понимаете, что
«Львица». она и есть — предлагаетъ Амабу за его «Красави-
цу въ слезахъ», то есть за портретъ Юліи Торё, сто,
двѣсти тысячъ франковъ. Амабъ отказывается. Замѣтьте,

что этотъ человѣкъ хочетъ только славы и денегъ и что онъ нисколько не влюбленъ въ Юлію. Леона де-Камбюръ похищаетъ Карла Торё, держитъ его въ заключеніи, шутитъ и терзаетъ, чтобы свести его съ ума. Забудьте, что это дѣлается не въ глуши гдѣ-нибудь, а въ Парижѣ. Леона, думая, что Амабъ влюбленъ въ дѣвушку, которую изобразилъ подъ видомъ «Красавицы въ слезахъ» непремѣнно хочетъ, чтобы де-Монридонъ добылъ ей эту картину; бѣднякъ даетъ Амабу на выборъ, или продать ему «Красавицу» или драться съ нимъ. Амабъ говоритъ, что не продастъ и не станетъ драться. — Такъ я нанесу вамъ публичное оскорбленіе. — «Попробуйте. Завтра я буду въ такомъ-то часу, верхомъ, въ Булонскомъ Лѣсу.» На другой день Амабъ является въ назначенномъ мѣстѣ и тщетно ждетъ своего противника. Наконецъ подъѣзжаетъ молодой человѣкъ, ударяетъ Виктора хлыстомъ по лицу и скачетъ прочь отъ него. Амабъ его преслѣдуетъ. Лошадь оскорбителя падаетъ. Амабъ бросается къ нему: этотъ молодой человѣкъ — Леона. Такое нѣжное доказательство любви наконецъ трогаетъ холодную душу Амаба. Онъ попадаетъ въ когти Львицы. Между-тѣмъ она отдала де-Монридону приказъ обворовать Юлію. Но этому бѣдняку ничто не удастся. Леона, не надѣясь болѣе за него, сама принимается за дѣло. Разными подложными письмами и другими хитростями она привлекаетъ несчастную Юлію на свиданіе къ Амабу, который между-тѣмъ просилъ руки ея. Вѣсте Амаба она попадаетъ въ руки де-Монридона, котораго Леона опоняла какимъ-то зельемъ. Въ это самое время она выпускаетъ Карла Торё, который, по ея же хитростямъ, свистаетъ Амаба виною всѣхъ своихъ несчастій. Львица распоряжается такъ, чтобы Карлъ узналъ, гдѣ сестра его. Онъ является туда съ отцомъ и матерью, выламываетъ дверь; Юлія съ растрепанными волосами бросается къ нимъ на встрѣчу; Карлъ, принимая, въ темнотѣ, Монридона за Амаба, наноситъ ему нѣсколько ударовъ книжкой.

Де-Монридонъ созываетъ къ своему смертному одру все семейство Торё, объявляетъ, что Юлія совинна и предлагаетъ ей свою руку. Львица отпустила Амабу: вышла за него замужъ. Новобрачные, Леона и Амабъ, оба молодые,

оба прекрасные, окруженные вельями друзьями, выходят изъ парка въ то время, какъ туда вносятъ полумертваго де-Монрїона, подлѣ котораго идетъ блѣдная Юлія. Въ одномъ эпизодѣ танцуютъ на свадьбѣ Амаба, въ другомъ Юлія плачетъ у востела того, который далъ ей свое имя, чтобы оправдать ее въ глазахъ свѣта. Ночью графъ умеръ. Въ то же самое время, Амабъ, войдя въ комнату жены, увидѣлъ надъ своей брачной постелью — портретъ Юліи. Это было оскорбленіе и угроза Амабу. Такъ по-крайней-мѣрѣ онъ понялъ. Фредерикъ Суліе общается съ современнымъ разсказателемъ, угадалъ ли Амабъ.

—

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. La Soeur du Muletier, Сестра погонщика муловъ, мелодрама въ пяти актахъ, господина Бушардѣ.

По заглавію можно предполагать, что эта мелодрама испанская или каталонская; но во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія спѣшимъ уведомить, что дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи и что муловъ нѣтъ ни на сценѣ, ни за кулисами. Мулы вообще не имѣютъ ничего общаго съ сестрою своего погонщика. Эта сестра, по заглавію, конечно, должна быть принята за первое лицо, за героиню мелодрамы, хотя въ ней, то есть въ мелодрамѣ господина Бушардѣ, всѣ лица имѣютъ почти одинаковое право на высокоблагородное званіе героевъ, особенно мужъ Катерины, сестры погонщика шотландскихъ муловъ. Начинается съ того, что этотъ мужъ оказывается не тѣмъ, чѣмъ кажется съ перваго взгляду. Его зовутъ Генрихомъ, но онъ не Генрихъ, а Яковъ, и не просто мужъ сестры погонщика шотландскихъ муловъ, а побочный сынъ шотландскаго короля Якова Третьяго. Онъ долгое время самъ не зналъ этого страннаго обстоятельства, но и узнавши смолчалъ, потому что Яковъ Третій уже ищетъ его съ намѣреніемъ женить по политическому расчету на де-

пришлось бы развестись съ сестрою погонщика муловъ, а Генрихъ-Яковъ не хочетъ: онъ слишкомъ много любитъ жену свою Катерину и дочку Генриетту. И такъ онъ молчитъ. Катерина очень счастлива, но немножко ревнива. Она примѣчаетъ въ своемъ супругѣ нѣкоторую таинственность, подозрѣваетъ его въ измѣнѣ и попадаетъ на слѣдъ, находитъ ларчикъ съ секретомъ, подъ которымъ хранится тайна, то есть, пучокъ волосъ и нѣсколько очень нѣжныхъ писемъ женской руки. Катерина, въ отчаяніи, оплакиваетъ невѣрность мужа. Погонщикъ клянется убить измѣнника. Мужъ принужденъ признаться, что письма писаны двадцать лѣтъ назадъ, его матерью къ его же отцу, къ королю Якову Третьему. Какими-то судьбами является самъ король Яковъ Третій и уговариваетъ сестру погонщика муловъ отрѣчься отъ союза съ наслѣдникомъ шотландскаго престола; Катерина великодушно соглашается и тотчасъ же собирается уѣхать въ Ирландію. Но прежде нежели она успѣваетъ уѣхать, на нее взводять подозрѣніе въ смерти Якова Третьяго и угрожаютъ эшафотомъ. Но между тѣмъ у погонщика украли малолѣтнаго сына, а ему подбросили записку съ приказаніемъ убраться по-скорѣй въ Новый Свѣтъ, если не хочетъ, чтобы сынъ былъ немедленно отправленъ на тотъ свѣтъ. Патрикъ изъ чадолюбія покоряется судьбѣ и убирается, куда приказано. Проходитъ оснадцать лѣтъ. Малолѣтныя подростаютъ. Когда начинается второй актъ, въ Шотландіи царствуетъ Яковъ Четвертый и свирѣпствуетъ чума. Подлѣ Эдинбурга, на небольшомъ островѣ, учрежденъ лазаретъ для зачумленныхъ. Старшимъ могильщикомъ при этомъ лазаретѣ — Ральсъ, повѣренный герцога Роберта, покровительству котораго онъ обязанъ этимъ важнымъ званіемъ. Въ этомъ же лазаретѣ за несчастными ходитъ Катерина въ качествѣ Сестры Милосердія. Она успѣла укрыться подъ этимъ превращеніемъ отъ преслѣдованій гонителей и отъ незаслуженной смертной казни. Въ этотъ же лазаретъ является изъ Америки погонщикъ муловъ, Патрикъ, который ничего стараго не забылъ, но и ничего новаго не узналъ. Онъ не знаетъ, что украденный сынъ его, Генрихъ, слыветъ за сына герцога Роберта; не знаетъ даже

что сестра его, Катерина, была обвинена въ чемъ-то и пошла или, лучше сказать, бѣжала къ Сестрамъ Милосердія. Однимъ словомъ, онъ ничего не знаетъ. Въ лазаретъ зачумленныхъ отправляютъ всѣхъ, кого постигаетъ страшная болѣзнь, и знатныхъ и не знатныхъ. Патрикъ надѣется тамъ найти какого-то безрукаго барина и добивается мѣста сторожа или могильщика. Почему онъ ищетъ его между больными и мертвыми, а не между живыми и здоровыми, это мелодраматическая тайна, не подлежащая разбирательству логики. Мѣсто Патрикъ получаетъ, но ничего не находитъ: въ числѣ больныхъ и мертвыхъ нѣтъ ни одного безрукаго, и естественно: вѣронъ вѣрону глазъ не выключетъ. Чума не тронетъ такого злодѣя, каковъ герцогъ Робертъ: они родные, они оба исчадія ада. И Патрикъ напрасно надѣется и ждетъ безрукаго. Между тѣмъ, въ томъ же лазаретѣ.... Надобно замѣтить, что чумные лазареты должны быть не такъ страшны, какъ ихъ обыкновенно описываютъ: по-крайней-мѣрѣ въ лазаретѣ господина Бушардъ тѣма всякаго народу разгуливаетъ, точно какъ-будто въ какомъ-нибудь воксалѣ. И такъ, въ томъ же лазаретѣ выздоравливаетъ дѣвушка, Генриетта, которая находится подъ особеннымъ покровительствомъ короля Якова Четвертаго, потому что она ни больше ни меньше какъ его дочь отъ Катерины Патрикъ. Катерина ухаживаетъ за этою дѣвушкой съ особеннымъ усердіемъ, потому что ихъ привлекаетъ другъ къ другу голосъ крови. Въ дѣвушку влюбленъ и сю взаимно любимъ Генрихъ, сынъ погонщика Патрика, усыновленный герцогомъ Робертомъ. Генрихъ приходитъ навѣдаться о здоровьи своей милой и застаетъ какого-то высокаго господина въ маскѣ, который пришелъ съ тѣмъ же намѣреніемъ и, по праву покровителя, очень нѣжно обнимаетъ Генриетту. Генрихъ, въ припадкѣ ревности срываетъ съ незнакомца маску и узнаетъ короля. Король признается, что Генриетта его дочь и соглашается выдать ее за молодаго герцога Роберта. Между тѣмъ.... Извините, ради Бога, за беспоследовательность фазсаза. Мы, право, не виноваты. Не виновата и мелодрама, не виноватъ и авторъ. Мелодрама написана сообраз-

но съ требованіемъ вѣка, который непремѣнно хочетъ, чтобы во всякой драмѣ и мелодрамѣ было какъ-можно больше *d'actions*. Господинъ Бушардъ удовлетворяетъ это требованіе какъ-нельзя удовлетворительнѣе: дѣйствія у него столько, что не успѣешь всего пересказать, и дѣйствія такіа разнообразныя, что нѣтъ ни какой возможности рассказывать систематически: кто хочетъ получить совершенно удовлетворительное понятіе, долженъ самъ видѣть, какъ они совершаются.... Ревнивый Генрихъ, подсматривая за покровителемъ своей любезной, печально подсмотрѣлъ и подслушалъ другое свиданіе, въ томъ же лазаретѣ. Герцогъ Робертъ находитъ и узнаетъ Катерину, которую ему нужно истребить, потому что... потому что этого требуетъ его мелодраматическая, злодѣйская натура. Онъ грозитъ несчастной позорною казнію и предлагаетъ, какъ единственное спасеніе, ядъ. Катерина соглашается принять яду. Генрихъ думаетъ, что рѣчь идетъ объ отравленіи его Генриетты, и запасается противоядіемъ, которое спасаетъ Катерину. Тутъ дѣйствіе дотога увеличивается въ массѣ, разнообразіи и живости, что разобрать его рѣшительно нѣтъ возможности. Вѣкъ и публика, въ неописанномъ восторгѣ, рукоплещутъ. Конецъ мелодрамы выходитъ тотъ, что мнимомертвую Катерину несутъ на кладбище хоронить, и опускаютъ въ могилу; но при пособіи брата, бывшаго погонщика и сущаго могильщика, она выходитъ изъ могилы при тѣхъ же самыхъ декораціяхъ, какъ Джуліетта Капулетти и мадамозель Лафайль. При выходѣ ее встрѣчаетъ Яковъ Четвертый, который разгуливаетъ не только по лазарету зачумленныхъ, но и по кладбищу. Добродѣтель торжествуетъ, преступленіе наказывается. Катерина садится съ мужемъ на шотландскій престолъ. Патрикъ срываетъ у герцога Роберта перчатку съ обрубленной руки, изобличаетъ этого злодѣя въ преступленіи, которое взводили на Катерину и герцога четвертують. Генрихъ женится на Генриеттѣ, какъ и быть слѣдуетъ. Само собою разумѣется, что господинъ Бушардъ ничего не заимствовалъ изъ исторіи, а все самъ сочинилъ.

2. *Corneille et Rotrou, Корнель и Ротру*, комедія въ одномъ актѣ, господъ Delaboullaye и Cormon'a.

Анекдотъ въ лицахъ, о томъ какъ Корнель, другъ Ротрү, женился по повелѣнію кардинала Ришліе и по своему желанію на дѣвицѣ Ламперіеръ, дочери мелкопомѣстнаго французскаго дворянина, который не соглашался на унизительный союзъ своей дочери съ безсмертнымъ авторомъ «Сиды». Происшествіе это такъ просто, что и рассказывать нечего. Вся важность пьесы заключается въ афишкѣ, на которой выставлены имена двоихъ знаменитыхъ поэтовъ-друзей..... не Демабулэ и Кормона, а Корнеля и Ротрү.

3. On demande des professeurs, *Нужны учителя*, воевши въ одномъ актѣ, господь Logroу и Jaime'a.

Изображеніе, какъ четверо молодыхъ шалуновъ, прочтавъ въ газетахъ объявленіе содержательницы дѣвичьяго пансіона, которой нужны учителя, забираются подъ этимъ предлогомъ въ пансіонъ и начинаютъ преподавать дѣвкамъ всевозможныя науки, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ программа. Обманъ открывается и шалуны страшно наказываются... женитьбою на старшихъ воспитанницахъ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

ФРАНЦУЗСКІЯ.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ комиссіонера библіотеки Гвардейскаго Корпуса Я. А. Исакова въ Гостиномъ Дворѣ, № 22. Цѣны на серебро, и безъ пересылки.)

ŒUVRES DE TERTULLIEN, traduites en français. Apologetique. Prescriptions contre les gentils. Du Baptême. De l'enseignement des femmes. Un vol., 12., Paris, 1845 (25 c.).

ŒUVRES COMPLETES DE ST. CYRILLE, trad. du grec, sur l'édition du P.

- Toutée**, avec des notes historiques et critiques, par Falvre. 2 vol., 8. Paris, 1843 (3 r. 40 c.).
- TRAITÉ DES ACTIONS**, ou Exposition historique de l'organisation judiciaire et de la procédure civile chez les Romains, par Bonjean. 2 vol., in-8., Paris, 1843 (4 r. 30 c.).
- HISTOIRE DU DROIT CRIMINEL DES PEUPLES ANCIENS**, depuis la formation des sociétés jusqu' à l'établissement du christianisme, par A. Duboys. Un gr. vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 57 c.).
- HISTOIRE DE L'ÉCONOMIE POLITIQUE**, depuis les anciens jusqu' à nos jours, par Blanqui. 2 vol., 12., Paris, 1845 (2 r.).
- DES PROGRÈS DE L'INDUSTRIE DANS LEURS RAPPORTS** avec le bien-être physique et moral de la classe ouvrière, par le Baron de-Gerando. in-18., Paris, 1845 (15 c.).
- DE LA FÉCONDATION NATURELLE** et artificielle des végétaux et de l'hybridation, par Lecoq. Un vol., 12., Paris, 1845 (1 r.).
- LECONS SUR LES PHÉNOMÈNES PHYSIQUES** et chimiques des corps vivants professées à Pise, en 1844, par Matteucci. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r.).
- TRAITÉ DE JARDINAGE EN PLEINE TERRE**, en orangerie, en serre froide ou chassis, par Adanson. Un vol., 12., Paris, 1845 (1 r.).
- SCIENCE DU BIEN VIVRE** ou Monographie de la cuisine à l'usage de la maîtresse de maison. Suivie de 1000 nouv. recettes, par Ben et A. D. Un vol., gr. 8., à 2 col. Paris, 1844 (1 r. 30 c.).
- EXPOSITION DES ATRIBUTS DU SYSTÈME NERVEUX**, réfutation de la doctrine de Ch. Bell, et explication des phénomènes de la paralysie, par Castet. 10 édit. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 15 c.).
- ÉTUDES D'OCULISTIQUE**, par Guepin. Un vol., in-8., Paris, 1845 (1 r.).
- L'HOMÉOPATHIE** appliquée aux maladies des femmes, par Dulac, brochure. (25 c.).
- TRAITÉ DE LA SYPHILIS**, par Hunter, trad. de l'anglais par Richelot et annoté par Ruord. Un gr. vol., 8., avec planche, Paris, 1845 (2 r. 57 c.).
- APPENDICE À TOUS LES TRAITÉS D'ANALYSE CHIMIQUE**, par Barreswill et Sobrero. Un vol., 8., avec pl. Paris, 1845 (3 r.).
- THÉORIE DES COURBES ET DES SURFACES DU SECOND ORDRE**, ou Traité complet d'application de l'algèbre à la géométrie, par Bouchariat. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 57 c.).
- MANUEL DU NAVIGATEUR ANGLAIS FRANÇAIS**, en cinq parties séparées, savoir: Conversations nautiques, conseils aux débutans dans la marine militaire, explication théorique et pratique sur la machine à vapeur etc., par Gerin-Boze. Un vol., 12., avec pl., Paris, 1845 (3 r. 40 c.).
- ÉTAT ACTUEL DE L'ARTILLERIE DE CAMPAGNE EN EUROPE**, par Jacobi. in-8., Paris, 1845. Savoir: Artillerie Wurtembergeoise. Un vol., (1 r. 65 c.). — Artillerie Bavaoise. 2 vol., (3 r. 30 c.). — Artillerie Française. Un vol., (1 r. 65 c.). — Artillerie Néerlandaise. Un vol., (1 r. 65 c.).

- FORMULES, TABLES ET RENSEIGNEMENTS PRATIQUES**, aide-memoire des ingénieurs, des architectes etc., par Claudel. Un gr. vol., 8., avec pl. Paris, 1845 (3 r. 40 c.).
- OEUVRES CHOISIES DE GAVARNI**, revues, corrigées et nouvellement classées par l'auteur, publiées dans le format du Diable à Paris. Paris, 1845 (2 r. 85 c.).
- EXPOSITION DE L'INDUSTRIE FRANÇAISE**. Année 1844, description méthodique accompagnée d'un grand nombre de planches, etc., texte par M. Barat. 2 vol., in-4., Paris, 1845 (17 r.).
- MEMOIRE SUR LES EBOULEMENTS**, par Button Gregory, trad. de l'anglais. Paris, 1845 (1 r.).
- LITTÉRATURE DU NORD**. Langues Allemande, Slave, Scandinave, des Pays-Bas et Anglaise, par Lefranc. Un vol., 12., Paris, 1844 (4 r. 15 c.).
- CHRONIQUE DU ROYAUME D'ASSAM**, écrite en persan, par Schahab-Uddin-Talish, sous le regne de l'Empereur Aurang-Zèb, trad. sur version hindoustani de Mir-Hucaini, par Th. Pavie. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- INTRODUCTION A L'HISTOIRE GÉNÉRALE DES LITTÉRATURES ORIENTALES**, par F. Nève. Un vol., 8., Paris, 1845 (85 c.).
- NOUVELLES RUSSES DE NICOLAS GOGOL**, traduction française, publiée par Louis Viardot. Un vol., 12., Paris, 1845 (1 r.).
- FRANÇOIS PREMIERE ET LA RENAISSANCE**, par Capéfigue. 4 vol., 8., Paris, 1845 (8 r.).
- PRÉCIS HISTORIQUE DES ORDRES DE CHEVALERIE**, décorations militaires et civiles reconnues et conférées actuellement par les souverains régnants en Europe et dans les états des autres parties du monde, par J. Bresson. Un gr. vol., gr. in-8., orné de 106 planches, coloriées et retouchées à la gouache, carton. Paris, 1844 (34 r.).
- LA FRANCE AU TEMS DES CROISADES**, ou Recherches sur les moeurs et coutumes des français aux 12 et 13 siècles, par le comte de Vaublanc. 2 vol., 8., Paris, 1845 (4 r.).
- HISTOIRE DE L'ÉCOLE D'ALEXANDRIE**, par Simon. 2 vol., 8., Paris, 1845 (4 r. 50 c.).

=

- Toutée, avec des notes historiques et critiques, par Faivre. 2 vol., 1. Paris, 1843 (3 r. 40 c.).
- TRAITÉ DES ACTIONS, ou Exposition historique de l'organisation judiciaire et de la procédure civile chez les Romains, par Bonjean. 2 vol., in-8., Paris, 1843 (4 r. 30 c.).
- HISTOIRE DU DROIT CRIMINEL DES PEUPLES ANCIENS, depuis la formation des sociétés jusqu' à l'établissement du christianisme, par A. Duboy. Un gr. vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 57 c.).
- HISTOIRE DE L'ÉCONOMIE POLITIQUE, depuis les anciens jusqu' à nos jours, par Blanqui. 2 vol., 12., Paris, 1845 (2 r.).
- DES PROGRÈS DE L'INDUSTRIE DANS LEURS RAPPORTS avec le bien-être physique et moral de la classe ouvrière, par le Baron de-Gerando. in-18., Paris, 1845 (15 c.).
- DE LA FÉCONDATION NATURELLE et artificielle des végétaux et de l'hybridation, par Lecoq. Un vol., 12., Paris, 1845 (1 r.).
- LECONS SUR LES PHÉNOMÈNES PHYSIQUES et chimiques des corps vivants professées à Pise, en 1844, par Matteucci. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r.).
- TRAITÉ DE JARDINAGE EN PLEINE TERRE, en orangerie, en serre froide en chassis, par Adanson. Un vol., 12., Paris, 1845 (1 r.).
- SCIENCE DU BIEN VIVRE ou Monographie de la cuisine à l'usage de la maîtresse de maison. Suivie de 1000 nouv. recettes, par Ben et A. D. Un vol., gr. 8., à 2 col. Paris, 1844 (1 r. 30 c.).
- EXPOSITION DES ATRIBUTS DU SYSTÈME NERVEUX, réfutation de la doctrine de Ch. Bell, et explication des phénomènes de la paralysie, par Castet. 10 edit. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 15 c.).
- ÉTUDES D'OCULISTIQUE, par Guepin. Un vol., in-8., Paris, 1845 (1 r.).
- L'HOMÉOPATHIE appliquée AUX MALADIES des femmes, par Dulac, brochure. (25 c.).
- TRAITÉ DE LA SYPHILIS, par Hunter, trad. de l'anglais par Richelot et annoté par Ruord. Un gr. vol., 8., avec planche, Paris, 1845 (2 r. 57 c.).
- APPENDICE À TOUS LES TRAITÉS D'ANALYSE CHIMIQUE, par Barreswil et Sobrero. Un vol., 8., avec pl. Paris, 1845 (2 r.).
- THÉORIE DES COURBES ET DES SURFACES DU SECOND ORDRE, ou Traité complet d'application de l'algèbre à la géométrie, par Bouchariat. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 57 c.).
- MANUEL DU NAVIGATEUR ANGLAIS FRANÇAIS, en cinq parties séparées, savoir: Conversations nautiques, conseils aux débutans dans la marine militaire, explication théorique et pratique sur la machine à vapeur etc. par Gerin-Roze. Un vol., 12., avec pl., Paris, 1845 (3 r. 40 c.).
- ÉTAT ACTUEL DE L'ARTILLERIE DE CAMPAGNE EN EUROPE, par Jacobi. in-8., Paris, 1845. Savoir: Artillerie Wurtembergcoise. Un vol., (1 r. 65 c.). — Artillerie Bavaroise. 2 vol., (3 r. 30 c.). — Artillerie Française. Un vol., (1 r. 65 c.). — Artillerie Neerlandaise. Un vol., (1 r. 65 c.).

- FORMULES, TABLES ET RENSEIGNEMENTS PRATIQUES**, aide-memoire des ingénieurs, des architectes etc., par Claudel. Un gr. vol., 8., avec pl. Paris, 1845 (3 r. 40 c.).
- OEUVRES CHOISIES DE GAVARNI**, revues, corrigées et nouvellement classées par l'auteur, publiées dans le format du Diable à Paris. Paris, 1845 (2 r. 85 c.).
- EXPOSITION DE L'INDUSTRIE FRANÇAISE. Année 1844**, description méthodique accompagnée d'un grand nombre de planches, etc., texte par M. Barat. 2 vol., in-4., Paris, 1845 (17 r.).
- MEMOIRE SUR LES EBOULEMENTS**, par Hutton Gregory, trad. de l'anglais. Paris, 1845 (1 r.).
- LITTÉRATURE DU NORD. Langues Allemande, Slave, Scandinave, des Pays-Bas et Anglaise**, par Lefranc. Un vol., 12., Paris, 1844 (1 r. 15 c.).
- CHRONIQUE DU ROYAUME D'ASSAM**, écrite en persan, par Schahab-Uddin-Talish, sous le regne de l'Empereur Aurang-Zèb, trad. sur version hindoustani de Mir-Hucaini, par Th. Pavie. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- INTRODUCTION A L'HISTOIRE GÉNÉRALE DES LITTÉRATURES ORIENTALES**, par F. Nève. Un vol., 8., Paris, 1845 (85 c.).
- NOUVELLES RUSSES DE NICOLAS COGOL**, traduction française, publiée par Louis Viardot. Un vol., 12., Paris, 1845 (1 r.).
- FRANÇOIS PREMIÈRE ET LA RENAISSANCE**, par Capéfigue. 4 vol., 8., Paris, 1845 (8 r.).
- PRÉCIS HISTORIQUE DES ORDRES DE CHEVALERIE**, décorations militaires et civiles reconnues et conférées actuellement par les souverains régnants en Europe et dans les états des autres parties du monde, par J. Bresson. Un gr. vol., gr. in-8., orné de 106 planches, coloriées et retouchées à la gouache, carton. Paris, 1844 (34 r.).
- LA FRANCE AU TEMS DES CROISADES**, ou Recherches sur les moeurs et coutumes des français aux 12 et 13 siècles, par le comte de Varblanc. 2 vol., 8., Paris, 1845 (4 r.).
- HISTOIRE DE L'ÉCOLE D'ALEXANDRIE**, par Simon. 2 vol., 8., Paris, 1845 (4 r. 50 c.).

=

НОВЫЯ

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11. Цѣны на серебро.)

Оперы для фортепiano, въ дѣль руки.

- AUBER. La Sirène (6 г.).
 DONIZETTI. Belisario (7 г. 72 с.). Don Pasquale (6 г. 85 с.).
 — Dom Sebastian (8 г. 58 с.). La favorite (8 г. 58 с.).
 — Linda di Chamounix (8 г. 58 с.).
 — Maria di Rohan (6 г. 85 с.).
 FLOTOW. Alessandro Stradella (6 г.).
 HALEVY. Guido et Ginevra (8 г. 58 с.).
 LORTZING. Der Wildschütz (6 г. 85 с.). Hans Sachs (6 г. 85 с.).
 MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Lobgesang, Symphonie-Cantate (8 г. 15 с.).
 — Ein Sommernachtstraum (4 г. 29 с.).
 MERCADANTE. Le illustre rivali (6 г. 85 с.).
 — La vestale (6 г. 85 с.).
 REISSIGER. Adèle de Foix (7 г. 72 с.).
 RICCI. Chiara de Rosenbergh (7 г. 73 с.).
 — Corrado d'Altamura (7 г. 72 с.).
 VERDI. Ernani (8 г. 58 с.). Due Foscari (8 г. 58 с.).
 WAGNER. Rienzi der letzte der Tribunen (13 г. 72 с.).

Оперы для фортепiano, въ четыре руки.

- AUBER. La Sirène (8 г. 58 с.).
 BEETHOVEN. Christus am Oelberge, oratoire (4 г. 29 с.).
 BELLINI. Beatrice di Tenda (11 г. 43 с.). La Norma (11 г. 43 с.).
 — La Sonnambula (9 г. 43 с.). La Straniéra (6 г.).
 DONIZETTI. Anna Bolena (11 г. 15 с.). Belisario (11 г. 15 с.).
 — Don Pasquale (12 г. 58 с.). Dom Sebastian (13 г. 72 с.).
 — L'Elisire d'amore (10 г. 29 с.). La Favorite (8 г. 58 с.).
 — Linda di Chamounix (13 г. 72 с.). Lucrezia Borgia (8 г. 58 с.).
 — Maria di Rohan (8 г. 58 с.). Marino Falliero (11 г. 15 с.).
 — Roberto Devereux (10 г. 29 с.).
 HAUENDEL. Judas Maccabäus, oratoire (11 г. 43 с.).
 — Le Messie, Oratoire (11 г. 43 с.).
 LORTZING. Der Wildschütz (10 г. 29 с.).

MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Lobgesang, symphonie-cantate (6 r. 85 c.).

— Antigone des Sophocles (4 r. 85 c.).

— Die erste Walpurgisnacht (5 r. 72 c.).

— Ein Sommernachtstraum von Shakespeare (8 r. 59 c.).

OSLOW. Guise ou les états de Blois (6 r.).

VERDI. Ernani (12 r.). Due Foscari (12 r.).

WEBER. Oberon, König der Elfen (11 r. 15 c.).

Для фортепiano, въ двѣ руки.

AUBER. Choix d'airs favoris de l'opéra: Les Diamants de la couronne. (1 r. 15 c.).

BERNARD. Collection d'airs favoris de l'opéra Italien à St. Petersburg.

№ 10 Air favori de Balfe, chanté par M-me Viardot (75 c.). № 11 Nocturne de Don Pasquale (30 c.).

№ 12 Quatuor favori de Don Pasquale (30 c.). № 13 Sérénade favorite de Don Pasquale (30 c.). № 14 Cavatine à la polacca de Linda di Chamounix (30 c.).

№ 15 Trio favori de la Lucrezia Borgia (75 c.). № 16 Romance de la Linda di Chamounix (chantée derrière la scène) (30 c.).

№ 17 Air «casta diva» de la Norma (30 c.). № 18 Trio favori du Barbier de Seville (50). № 19 Ballade de la Lucrezia Borgia, chantée par M-lle Alboni (30 c.).

BURGMUELLER. Six pièces nouvelles, op. 89. № 1 Rondino sur la polka favorite. № 2 Tirolienne variée. № 3 Fantaisie sur un chant neapolitain.

№ 4 Valse brillante. № 5 La clochette, galop brillant. № 6 Caprice en forme d'étude (chaque № à 85 c.).

— Première mazurka en forme de rondo (1 r.).

— Nouvelle mazurka en forme de quadrille et valse (70 c.).

— La Reine des campagnes, valse (30 c.).

CZEZNY. L'art de delier les doigts en 50 études brillantes, op. 740 (6 r. 85 c.).

— Le même ouvrage divisé en 6 cahiers, op. 740, 1 à 6 (chaque à 1 r. 70 c.).

— Vingt-cinq études faciles et progressives, op. 748 (3 r. 43 c.).

— Le progrès. Vingt-cinq études servant d'introduction à celles de Cramer, op. 749 (3 r. 43 c.).

— Exercice d'ensemble. Cinquante exercices de gammes à quatre mains. op. 751 (3 r. 43 c.).

— Le progrès (2-e livre) Trente études servant d'introduction à celles de Cramer, op. 753 (3 r. 43 c.).

— Six études ou amusemens de salon, op. 754 № 1. Etude. № 2. Toccata. № 3. Tarantellas. № 4. Impromptu à l'ecossaise. № 5. Romance. № 6. Impromptu passionné (chaque à 60 c.).

— Le perfectionnement. Vingt-cinq études caractéristiques, op. 755 (3 r. 15 c.).

- Le style. Vingt-cinq études de salon, op. 756 (6 r. 85 c.).
- Etudes general. Encyclopédie des passages brillants tirées des oeuvres des pianistes anciens et modernes (3 r. 43 c.).
- DAVID. Pensée. Mélodie (30 c.).
- Marche de la caravane de l'ode-symphonie Le Désert (30 c.).
- DOEHLER. Douze romances sans paroles, op. 57 cah. 1 (1 r. 43 c.), cah. 2 (1 r. 50 c.), cah. 3 (1 r. 50 c.), cah. 4 (1 r. 72 c.).
- Barcarolle tirée de l'op. 57 (85 c.).
- La Carlotta et Elisa. 2 Polkas originales (1 r.).
- HELLER. Pensée fugitive (30 c.), Eclaire (58 c.).
- HERZ. Les plaisirs de l'Allemagne. Valses de Strauss variées, op. 244 (1 r. 43 c.).
- Lutine, valse brillante, op. 245 (60 c.).
- Les Ramiers. Valses variées (75 c.).
- HUENTEN. Fantaisie arabe sur l'air Kradoudja, op. 126 (1 r. 15 c.).
- KALKBRENNER. La Solitude. Nocturne (43 c.).
- Veritable mazurka (30 c.).
- LISZT. Marche funèbre de Dom Sebastian variée (1 r. 43 c.).
- MAYER. Romance sans paroles (50 c.).
- La gentille. Valse nouvelle (50 c.).
- Nocturne nouveau, op. 81 (75 c.).
- MEYER (L.). Machmudier. Air guerrier des Turques, op. 22 (1 r. 15 c.).
- Bajazeth. Air national des Turques, op. 23 (1 r. 15 c.).
- KULLAK. La gazelle. Pièce caractéristique (1 r.).
- Pièce de salon sur un air allemand (60 c.).
- LACOMBE. Douces pensées. Méthode (60 c.).
- LASKOVSKY. Mazurka nouvelle (30 c.).
- PANOFKA. Pardon! Réverie (43 c.).
- ROSELLEN. Fantaisie élégante sur l'opéra: Les Puritains, op. 73 (1 r. 15 c.).
- ROSENHAIN. Polka de concert. Morceau brillant (1 r.).
- THALBERG. Nocturne nouveau (60 c.). Romance (50 c.).
- WOLFF. Grande valse de salon (75 c.).

Танцы для фортепиано.

- BERNARD. Contredanses françaises d'après l'opéra: Ольга, дочь князя — ка (60 c.).
- BURGMUELLER. La gracieuse. Polka (30.).
- BECKEL. Amazonen-Galop (nouvelle édition, augmentée d'une nouvelle coda) (60 c.).
- GUNG'L. Tonmärchen, Walzer (75 c.).
- Mädchenträume, Walzer (75 c.).
- Ein Sträuschen, Walzer (75 c.).

LONDRES. Quadrille fashionable sur des polkas favorites (avec vignette à 3 couleurs) (75 c.).

OSTRAVA. Polonaise favorite (30 c.)

STRAUSS. Marianna-Polka. (30 c.). Ferdinand Quadrille (60 c.)

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣ трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентоѹ уступки, а выписывающіе на пять-надцать рублей серебромъ, пользуясь такою же уступкою, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгода эта предоставлена только тѣмъ, кто обращается съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать изъ его магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы онѣ ни были изданы или въ чьемъ бы каталогѣ ни были объявлены.

Въ магазинѣ господина Бернарда вышла перваго Ноября, одиннадцатая тетрадь музыкальнаго журнала «*Musicaliste*», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы:

KALKREUTHNER. Galop éternel de Labitzky. — **MENDELSSOHN-BARTHOLODY.** Chanson sans paroles. — **DAVID.** Pensée, mélodie. — **БЕРНАРДЪ,** кадрилъ изъ оперы: «Ольга», дочь изгнанника (inédit). — **WITZLEBEN.** Gardes-Nisagen-Polka. — **ГЕРТМАНЪ.** Новый романсъ. — **DONIZETTI.** Le Page, romanse. — Литературное прибавленіе.

(Годовая цѣна этого изданія 10 рублей серебромъ, а съ пересылкою 11 рублей 50 коп. серебромъ.)

=

МОДЫ.

=

Наконецъ, о зимнихъ модахъ можно сказать нѣчто положительное. Перемѣна въ фасонахъ шляпокъ занимаетъ всѣхъ; но кажется не многія съ удовольствіемъ покинуть прелестныя и скромныя фасоны прошлогоднихъ шляпокъ. Нынѣшнія шляпки, хотъ всё-еще маленькія, имѣютъ отвернутыя поля и такъ открыты, что кажутся гораздо больше прежнихъ: ихъ убираютъ болѣе всего перьями, бѣлыми, черными и цвѣтными. Много видно бранныхъ чернымъ кружевомъ. Атласныя убираютъ бархатными цвѣтами. Очень милы атласныя сборчатыя темеры англійскаго короля Генриха Осьмага. Для этого

ныхъ цвѣтовъ; нѣкоторыя изъ нихъ бывають подбиты атласомъ другаго цвѣту: именно, изъ темно-зеленаго атласу подбиваются розовымъ, изъ сѣраго синимъ, изъ гранатнаго голубымъ, изъ чернаго розовымъ. Для бархатныхъ предпочитаютъ цвѣта свѣтлые, лилово-розовой, голубой съ бѣлымъ отливомъ, свѣтло-зеленый, нѣжно-палевой также съ бѣлымъ отливомъ. Такіе же цвѣта идутъ и для неразрѣзнаго бархату.

— Фасоны послѣднихъ платьевъ, о которыхъ здѣсь было говорено, болѣе и болѣе утверждаются модою: тальи дѣлають или высокія по горло, или открытыя съ бертой изъ той же матеріи, а иногда изъ кружева, пришитаго кругомъ плечъ легкими сборками; рукава—гладкіе, длинныя, чуть покрывающіе кисть руки; юбки съ широкимъ рубцомъ и, выше колѣна, съ одной очень широкой складкой; такая уборка очень эффектна для платьевъ изъ прозрачныхъ матеріи. Шелковыя и плотныя шерстяныя матеріи убирають складкой, положенной выше колѣнъ шириною въ полтора вершка, и обшитой бахрамою такой же ширины.

— Шубы, или *мѣховыя бурнусы*, дѣлають короткіе, какъ обыкновенные лѣтніе плащи и—бурнусы.

ПЛАНЕТА МАРСЪ. *Измѣненіе въ ея наружномъ видѣ.* Въ наукахъ бывають такіе же мѣсяцы засухи и голоду, какъ и въ словесности или политикѣ: ни какихъ новыхъ замѣчательныхъ фактовъ, ни какихъ любопытныхъ или примѣчательныхъ открытій! Вторая половина текущаго года особенно бѣдна въ этомъ отношеніи. Даже послѣдній съѣздъ Англійскихъ Ученыхъ не обнаружилъ любопытству образованной Европы ни какого важнаго приобрѣтенія въ области положительнаго. Нѣсколько ничтожныхъ новыхъ кислотъ, нѣсколько еще неизвѣстныхъ и безволезныхъ солей, нѣсколько старыхъ ипотезъ, передѣланныхъ на другой ладъ, вотъ все, о чемъ говорятъ и пишутъ въ учебномъ свѣтѣ. Самое любопытное извѣстіе едва ли не то, которое получено изъ Индіи. Оно относится къ планетѣ Марсу.

На поверхности этой планеты телескопы показывали у полюсовъ два бѣлые пятна, которые умозрительная астрономія объясняла тѣмъ, что около полюсовъ Марса лежать ледяные льды и снѣга, какъ и на нашей Землѣ, и что они-то представляются намъ сквозь сильныя стекла въ видѣ бѣлыхъ пятенъ. Предположеніе казалось тѣмъ болѣе возможнымъ на истину, что пятна эти попеременно уменьшались у того или другаго полюса съ наступленіемъ лѣта на томъ или другомъ полушарьѣ Марса. Но мадрасскій астрономъ господинъ Таулетъ нашелъ, что, съ нѣкотораго времени, Марсъ, наблюдаемый сквозь просвѣтлую индійскую атмосфѣру, представляется бѣлымъ на всей своей поверхности: бѣлыя полярныя пятна, съ начала нынѣшняго года, стали быстро увеличиваться и, наконецъ, по-

крыли собою цѣлый шаръ. Что это значить? Неужел Марсъ замерзъ? неужели весь онъ покрылся льдомъ, и снѣгомъ? неужели ужасы, которые Байронъ пророчилъ для Земли, когда она лишится послѣдней искорки тепло-ты, уже начались для несчастнаго Марса?... Самое груст-ное обстоятельство въ этомъ случаѣ, конечно, то, что мы на Землѣ такъ прекрасно объяснили себѣ бѣлыя пятна Марса полярнымъ льдомъ и снѣгомъ, такъ были доволь-ны нашимъ остроуміемъ, такъ много хвастали этимъ любопытнымъ открытіемъ, а теперь надо отъ всего отка-заться: оказывается, что мы ничего не объяснили, ниче-го не открыли, и что пятна эти были странная загадка!

Вотъ еще другое новѣстіе въ томъ же непріятномъ ро-дѣ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТАЯ НЕВЕСЕЛАЯ ОБЛАЧНОСТЬ ГЕРШЕЛА,
видимая въ телескопъ лорда Росса. На Сѣвѣдѣ Англій-скихъ Ученыхъ, лордъ Россъ и самъ баръ Джонъ Гер-шель говорили о видѣ, какой эта круглая облачность (во Гершелеву каталогу 25, по каталогу Maassig 61) предст-авляетъ въ стекла колоссальнаго телескопа лорда Росса. Она особенно замѣчательна была, при прежнихъinstru-ментахъ, центромъ своимъ, состоявшимъ изъ блестящей точки, отъ котораго бѣловатая свѣтлая облачность рас-пространялась во все стороны полукругомъ, а волею волея видѣлась еще бѣловатая дуга. Этотъ видъ внушилъ ас-трономамъ чрезвычайную замысловатую мысль, что два-дцать-пятая Гершелова облачность — второй экземпляръ та-кой солнечной системы: блестящій центръ облачности — солнце и планеты, той вселенной, бѣловатая колеца-образная ея земля, предѣль свѣту и дѣйствія этого солнца, а бѣловатая дуга — млечный путь системы. Если бы на-мъ нашу собственную солнечную систему изобразить въ от-даленности изъ такой же отдаленности, то и она съ своими планетами в своемъ млечномъ пути, представляла бы видѣвшееся такое же круглое, колецаобразное облаче-ние, съ блестящимъ центромъ и бѣловатой дугой волею волея. Это даже лопь лопь. На — у — у — облачность — прет

страдалась намъ поконше какъ два камня воды на нашу слабую елестому потому только, что телеснымъ инструментамъ были не довольно сильны. Въ могучій инструментъ лорда Росса она является совсѣмъ иначе, — скоплениемъ безчисленнаго множества заѣдающихъ, очень облитыхъ между собою, безъ кольца, — кольцо совсѣмъ пропадаетъ, — безъ боковой дуги, вращая дуга принимаетъ видъ какой-то спирали, соединяющей эту облачность съ другою, оплетною, — такъ что нѣчто бывшая круглая, кольцеобразная облачность представляется въ видѣ улитки. Сэръ Джозъ Гершель говоритъ, что это ужъ совсѣмъ ни на что не похоже!

НОВЫЕ МЕТАЛЛЫ. *Орбій и тербій. Ниобій. Пелоній. Рутеній.* Число металловъ, съ нѣкотораго времени, быстро умножается въ химіи. Недавно мы извѣщали объ открытіи лантана и диамія господиномъ Мозандеромъ. Вскорѣ потомъ открылъ онъ въ вттриа, измеченной изъ чернища, еще два новыхъ металла, орбій и тербій, въ снѣженномъ видѣ. Почти въ то же время господинъ Россъ нашелъ ниобій и пелоній въ базарскомъ танстальтѣ. Наконецъ господинъ Клаузеъ, профессоръ казанскаго университета, открылъ седьмой новый металлъ, въ платиновой рудѣ. Это будетъ нашъ русский металлъ: господинъ Клаузеъ назвалъ его *руменій*, отъ *Ruthenia*, Русь.

Какое, что этотъ металлъ былъ уже нѣсколько разъ открываемъ. Въ тридцать тому назадъ, Андрей Силецкій, профессоръ химіи въ Вильнѣ, издалъ было брошюрку: «Sur le nouveau métal découvert dans le platine». Металлу этому, если мы не ошибаемся, давалъ онъ имя — *сапурій*. Доны и другіе химики оспоривали тогда самостоятельность новаго металла. Въ снѣгомъ видѣ, хлористымъ соединеніемъ металла, открытаго теперь господиномъ Клаузеюъ, такъ похожи на хлористый вридій, что самъ Берцелиусъ долгое время принималъ ихъ за простые и двойныя соли вридія. Но теперь онъ отказывается отъ своего мнѣнія, и совершенно согласенъ съ господиномъ Клаузеюъ, что между двумя металлами существуютъ полнѣй-

толстые разлитія. Легко, по этому можно сказать, что рутеній и сатурній—одна и та же металл, открытій дважды.

ИНФУЗОРИИ ВЪ КАМЕННЫХЪ ПОРОДАХЪ, НАЗЫВАЕМЫХЪ ВУЛКАНИЧЕСКИМИ. Какъ извѣстно, вулканическия породы геологія называетъ каменныя массы, которыя, по ея мнѣнію, образовались черезъ огонь, содержащій яко бы внутренность Земнаго Шара въ состояніи расплавленной лавы. Разумѣется, что инфузорій тутъ не должно быть. Однако жъ господинъ Эренбергъ уже прежде нашель-было остатки микроскопическихъ животныхъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ камней, именно въ ирландскомъ кремнѣ и охотской землѣ, которую туземцы употребляютъ въ пищу и которая очень похожа на разсыпавшуюся въ пыль пемзу, на произведеніе, какъ говорятъ въ геологіи, въ высшей степени огненное, вулканическое. Въ послѣднее время, господинъ Эренбергъ, разсматривая такъ-называемыя вулканическия породы возвышеній Гекзиммера, близъ Лаахенскаго Озера, открылъ тридцать два рода инфузорій въ тамошнемъ туфѣ. Въ чистой немѣй каммербюльской и въ траппѣ или туфѣ «вулканическомъ» брультадскомъ найдены имъ также скорлупки микроскопическихъ животныхъ. Въ американскихъ пемзахъ тоже много инфузорій, но не во всѣхъ: въ нѣкоторыхъ едва примѣтны одна только ихъ остатки, а въ иныхъ и ничего различить нельзя. Зато перувіанскій порфиръ, изъ окрестностей волкана Арекипы, состоитъ весь изъ труповъ незыримыхъ животныхъ, такъ же какъ и многіе кварцы.

ПРУССКАЯ ГЕРОИНИА. Въ прусскихъ журналахъ находится интересное извѣстіе о героинѣ въ совершенно особенномъ родѣ. Катерина Клейнфельдтъ живетъ въ Пиллау. Ейъ тому двадцать, была она женою одного матроса, съ которымъ совершила многія и дальнія путешествія. Когда мужъ утонулъ, она, въ память своего супруга, посвятила себя свесцію утопающихъ. Днемъ или ночью, лишь-только подымается буря, Катерина садится въ лодку

и плыветъ въ море вслѣдъ кораблекруженій. На сороксидьмомъ году своего возраста, она уже спасла-было болѣе трехъ сотъ человѣкъ отъ вѣрной гибели. Пулаускій народъ оказываетъ ей всякое уваженіе, а матросы и того болѣе. Всѣ снимаютъ шапки, когда она проходитъ на улицѣ. Разныя правительства украсили ее медалями, а прусское пожаловало ей крестъ «Pour le mérite». Магистратъ города поднесъ ей дипломъ на гражданство. Природа дала ей атлетическія формы и совершенно мужскую фззіономію, которая смягчается кроткимъ женскимъ взглядомъ.

ПРОЕКТЪ ПАРОВОЙ ПОЧТЫ И ПАРОВЫХЪ ТЕЛЕГРАФОВЪ. Между множествомъ проектовъ, поражаемымъ первою удачею воздуходвижныхъ желѣзныхъ дорогъ, одинъ особенно, предложенный недавно англійскому правительству, заслуживаетъ любопытства. Почта можетъ, посредствомъ паровъ и давленія воздуха, доставлять письма *за пятьсотъ верстъ въ часъ времени*. На землѣ кладется чугунная труба, съ шомполомъ, въ который заключаются письма. Съ одного конца трубы, паровая машина вытягиваетъ воздухъ, съ другаго конца пускаютъ шомполъ съ корреспонденціей: если бы можно было вытянуть весь воздухъ и совсѣмъ уничтожить треніе шомпола о внутренность трубы, то онъ пробѣгалъ бы въ часъ болѣе полторы тысячи верстъ: но за этими неизбѣжными неудобствами, полагается только треть скорости, пятьсотъ верстъ. Издержки на устройство, незначительны въ сравненіи съ тѣмъ, чего стоить устройство почтовыхъ станцій и телеграфовъ, которые дѣлаются рѣшительно не нужными. Англійское почтовое управленіе, которому этотъ проэктъ былъ представленъ, отвѣчало, что если бы изобрѣтатели явились съ нимъ прежде чѣмъ Англія покрылась желѣзными дорогами, оно приняло бы его съ восхищеніемъ.

КНИГОПЕЧАТАНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ. По исчисленію какого-то библіофила, въ 1589 году напечатано во всей Германіи 362 книги, въ 1617 году 371, въ 1717 году 558, въ 1789 году 2,115, въ 1831 году 6,389, въ 1840 году 9,778, а въ прошломъ 1844 году безъ малаго 11,000!

ИЗДАНІЕ АЛМАЗОВЪ ВЪ БРАЗИЛІИ. Золотое руно Аргонштейнъ, Пектолъ, токущій червоныши, ланна Аледина, орлы Свидбада-Морехода, тугель Нарацельса, Эльдорадо, милліоны «Вѣчнаго Жидя», всѣ чудеса древности, Тысячи и Одной Ночи и новѣйшаго времени, немеркли однимъ разомъ, передъ великими чудомъ, открытымъ въ Бразиліи. Съ половины лѣта, все что въ Америкѣ дышетъ, ѣдетъ и идетъ въ Багію, гдѣ въ пустынномъ мѣстѣ, называемомъ Синкура, найдены алмазные горы. Въ октябрѣ прошедшаго года, одинъ бѣглый невольникъ, скрывавшійся въ синкурской пустынѣ, набралъ подъ своими ногами семьсотъ каратовъ алмазовъ и пошелъ продавать ихъ въ городъ. Его схватили, посадили въ тюрьму и старались всѣми мѣрами выпытать у него признаніе, гдѣ нашелъ онъ эти сокровища. Невольникъ не открывалъ своей тайны. Тогда придумали мудрое средство—отнять у него алмазы и самого выпустить на волю, наблюдая потаенно, куда пойдетъ онъ. Новая Гольконда найдена такимъ образомъ. Втеченіи десяти мѣсяцевъ, область, доселѣ безлюдная, дикіе берега рѣки Парагуасу, наполнились селеніями, даже городами; въ синкурской области считается нынче болѣе сорока тысячъ постоянныхъ жителей, которые то-и-дѣло цѣлый день подбираютъ алмазы пригоршнями. Можно себѣ представить несмѣтное количество этого блестящаго добра, сообразивъ только то, что въ первые десять мѣсяцевъ, для почину, найдено круглымъ числомъ по тысячѣ триста каратовъ въ день. Цѣна на алмазы вдругъ упала. Каратъ въ Багіи продается по двадцати пяти и по тридцати рублей серебромъ. Полагаютъ, что первые поиски доставили торговлѣ уже на пятнадцать милліоновъ рублей серебромъ алмазовъ, такъ что на первыхъ пароходахъ, отправлено въ Англію вдругъ на полтора милліона. Всѣ европейскіе брилліантчики въ десять лѣтъ не отполируютъ того, что въ Синкурѣ собрано въ десять мѣсяцевъ. До сихъ поръ мѣстное правительство не приняло никакихъ мѣръ: каждый идетъ въ Синкуру, набиваетъ карманы алмазами и отправляется во-своихъ.

Бразилія донынѣ ежегодно поставляла торговлѣ не бо-

лѣтъ пятнадцать или двадцать фунтовъ алмазовъ въ годъ. Обработка ихъ обходилась въ Европѣ въ триста тысячъ рублей серебромъ. Всѣ алмазы, найденные донынѣ въ Сиакурѣ, принадлежатъ къ разряду «малыхъ». Извѣстно, что «большими» алмазами называются тѣ, которыхъ вѣсъ превосходитъ четыре съ половиною золотника. Самый большой изъ всѣхъ извѣстныхъ, аргскій, вѣситъ около тридцати золотниковъ, но французскій алмазь, le Régent, имѣетъ не болѣе шести золотниковъ вѣсу, и между-тѣмъ числится уже «большимъ» и пользуется знаменитостью.

Алмазы, находимые по берегамъ Парагуасы имѣютъ темную воду и очень неправильную форму. Но тѣ, которыхъ слои найдены по-дальше отъ рѣки, въ Ланозшѣ, въ нѣсколькихъ аршинахъ подъ поверхностью земли, бѣлы, съ зеленоватымъ отливомъ, и прозрачны уже при добытїи изъ рудника.

МОСКВА. О существованїи Москвы знаютъ въ Россїи всѣ, въ томъ числѣ даже многіе изъ жителей самой Москвы, слышавшіе объ ней, мимоходомъ, между партїей лотто и томомъ «Вѣчнаго Жида.» Но знаютъ ли всю Москву? знаютъ ли ее жители другихъ русскихъ городовъ? Знаютъ ли собственные ея жители? Нѣтъ! О Москвѣ есть какое-то преданїе, что она старушка, что она аристократическій городъ отставныхъ и устарѣлыхъ вельможъ, что вообще она отсталая столица, съ древними понятїями, и потому, можетъ-быть, называютъ ее старухю. Это понятїе, подтвержденное нѣсколькими сценами и стихами Грибоѣдова, остается непреложнымъ для самой бѣльшей части Русскихъ, и Москву всѣ-еще представляютъ себѣ Грибоѣдовскою, тогда какъ въ послѣднія двадцать лѣтъ она совершенно измѣнила свой характеръ, и живетъ новою, сильною, самобытною жизнью. Но гдѣ вы узнаете объ этомъ? Развѣ изъ одного журнала московскаго, гдѣ увѣряютъ насъ только въ томъ, что мы Славяне, что Славяне лучше Франковъ и Готовъ? Но станутъ ли заниматься современною Москвою Славяне? Имъ гораздо любопытнѣе узнать, точно ли къ Руриковой дружинѣ принадлежали

Аскольдъ и Диръ, и кто именно, Иванъ или Василій, продолжалъ Несторову Лѣтопись? Но куда они остаются еще въ славянской эпохѣ, мы не найдемъ у нихъ извѣстій и о *Московитѣ*, а не только о Москвѣ.... Московскіе феодотонасты извѣщаютъ раза два въ годъ, что на театрѣ осыпали цвѣтами какого-нибудь пѣвца или пѣвицу, или что какой-нибудь стихотворецъ скоро напишетъ новую элегію противъ развратнаго вѣка, непризнающаго въ немъ поэтическаго дарованія; но далеко ли подвинулся отъ этого наши свѣдѣнія о Москвѣ?

«Въ каждомъ городѣ для меня любопытнѣе всего самый городъ,» сказалъ Карамзинъ въ качествѣ путешественника; а Русскіе знаютъ Москву почти столько же какъ путешественникъ знаетъ новый для него городъ, и потому самая фizioномія Москвиты, то есть наружный видъ ея, для многихъ можетъ быть сегодняшнею новостью. Отъ всякаго услышите и даже найдете въ учебныхъ географіяхъ, что Москва, послѣ историческаго пожара своего въ 1812 году; выстроилась лучше прежняго; но сохранила ли она свою прежнюю фizioномію, объ этомъ еще не удостоилъ поговорить никто. Начнемъ же съ наружности города и потомъ перейдемъ къ внутренней его характеристикѣ.

Прежде Москва представляла странное соединеніе вѣдикошпныхъ палатъ и деревянныхъ домиковъ, всего чаще раздѣленныхъ обширными пустыми мѣстами, гдѣ при большихъ домахъ въ лѣтніе мѣсяцы зеленѣли деревья (*сады*, какъ называютъ у насъ липовыя и березовыя аллеи), а при маленькихъ красовались капуста и другія огородныя овощи. Такое сближеніе встрѣчалось не только въ отдаленныхъ частяхъ города, но и на самыхъ лучшихъ, проѣзжихъ улицахъ. Отчего? оттого, что Москва дѣйствительно была населена множествомъ богатыхъ вельможъ и бояръ, для которыхъ существовалъ весь остальной городъ, можетъ-быть за исключеніемъ богатыхъ купцовъ, также принадлежащихъ къ аристократіи особеннаго рода, когда они занимаются не мелочною торговлею. Вотъ отъ чего и было такъ много рѣзкихъ про-

тиположностей богатства и бѣдности. Вблизи города не утѣшали глазъ милонидныя дачи и сельскіе домики: о нихъ не было и мысли; зато, вѣкругъ всей Москвы, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, были загородныя дома почти всѣхъ знатныхъ фамилій русскихъ: Шереметевыхъ, Юсуповыхъ, Разумовскихъ, Нарышкиныхъ, Голицыныхъ, Воронцовыхъ, Демидовыхъ и множества другихъ. Эти дома или загородныя дворцы были окружены садами, со всѣми затѣями южнаго вкуса, и наполнены изящными произведеніями художествъ.

Постепенно перемѣнилось все, и теперь наружность Москвы сообразна внутреннему ея характеру.

Изъ городскихъ домовъ старинныхъ вельможъ, весьма немногіе остаются у прежнихъ владѣльцевъ, и только въ одномъ старинномъ своемъ домѣ живетъ истинный русскій бояринъ.... всѣ другіе перемѣнили своихъ хозяевъ или свое назначеніе. Исчислимъ нѣкоторые изъ нихъ. Домъ, бывшій графа Разумовскаго, занятъ англійскимъ клубомъ. Въ домѣ, бывшемъ князя Прозоровскаго—аптека, а залы верхняго этажа отдаются зимою проѣзжимъ фокусникамъ. Въ домѣ бывшемъ фельдмаршала Солтыкова — кушеческое собраніе или клубъ, и магазины. Домъ Брюса передѣланъ и не остается слѣдовъ его, хотя еще существуетъ *Брюсовскій* Переулокъ. Знаменитый домъ Пашковыхъ принадлежитъ дворянскому институту; въ другомъ домѣ Пашковыхъ—аудиторіи московскаго университета. Домъ графа Анраксина, нѣкогда славный своею неизмѣримою и числомъ жителей, передѣланъ и занятъ александровскимъ институтомъ, которому и принадлежитъ. Въ домѣ графа Остермана, совершенно передѣланномъ изъ развалинъ—духовная семинарія. Въ домѣ бывшемъ князя Юсупова, гдѣ было знаменитое собраніе произведеній искусства — комитетъ для разбора нищихъ. Въ домѣ князя Куракина, на Басманной, сиротское училище, въ домѣ Мусина-Пушкина—вторая гимназія; въ домѣ Демидова—училище дома трудолюбія..... Этотъ списокъ можно было бы распространить на нѣсколько страницъ, но довольно для доказательства, что московскіе дома старин-

ныхъ вельможъ пережѣнили свое назначеніе, и пережѣнили отъ того, что знаменитые хозяева ихъ и наследники не живутъ въ Москвѣ; а если нѣкоторымъ изъ знатныхъ фамилій еще принадлежать тамъ дома, то они пустѣютъ: трава растетъ на широкихъ дворахъ ихъ, и развѣ въ нѣкоторыхъ немногія части заняты насмщками новыхъ поколѣній.

Можно представить себѣ, какъ это должно было пережѣнить фязіономію Москвы! Прежде, сотни истинно-вельможескихъ, боярскихъ домовъ, наполненные тысячами прислужниковъ и всею возможною роскошью, были открыты для званыхъ и не званыхъ; теперь нѣтъ ни одного такого дома, и самыя имена старинныхъ вельможъ московскихъ существуютъ только въ преданіи! Прежде, все, казалось, для того только и жило, чтобы пировать и веселиться: и всѣхъ жителей можно было раздѣлить на угощаемыхъ и угощающихъ, а остальные, мелкіе Москвичи, были только принадлежностью ихъ;—теперь, прїѣзжій въ Москву встрѣчаетъ, какъ и вездѣ, звонокъ у дверей, и много, много если приглашеніе отобѣдать вмѣстѣ въ клубѣ; на балъ можетъ ѣхать въ какое-нибудь танцевальное собраніе, и если нѣтъ у него семейнаго или дружескаго общества, то остальное время свое поневолѣ посвятить дѣловымъ занятіямъ, или обикновеннымъ странствованіямъ путешественниковъ по городу и окрестностямъ его.

Но пережѣнивъ свою фязіономію и образъ жизни, Москва не перестала быть дѣятельнымъ, богатымъ, цвѣтущимъ городомъ, и если сравнить прежнее значеніе ея съ настоящимъ, то едва-ли преимущество не останется на сторонѣ нашего времени. Такъ и должно быть, потому что соединеніе въ одномъ городѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ чело-вѣкъ не можетъ быть безъ какихъ-нибудь сильныхъ побужденій, и если притомъ городъ улучшается, умножается населеніемъ, богатствомъ, то, конечно, дѣятельность его лучше и во всѣхъ отношеніяхъ выше праздной жизни нѣсколькихъ сотенъ богатыхъ вельможъ. Посмотрите только на улучшенія, какими украсилась самая наружность города.

Приближаясь къ Москвѣ по петербургской дорогѣ, видите, что приближаетесь къ богатому и многолюдному городу. Вась встрѣчаетъ не пустыня, какая прежде на нѣсколько верстъ тянулась до самаго города, а отгнѣнное двойными аллеями, превосходное шоссе, по сторонамъ котораго раскинуты множество красивыхъ домиковъ, образующихъ миловидное Петровское. Прежде на всемъ этомъ пространствѣ возвышался только Петровскій Дворецъ, прославленный пребываніемъ въ немъ Наполеона во время пожара Москвы, и послѣ сожженный Французами, которые стояли бивуаками подлѣ него. Нынѣ царствующій Государь Императоръ повелѣлъ возобновить дворецъ, роздать мѣста вокругъ него, до самой заставы (на разстояніи четырехъ верстъ), желающимъ выстроить тутъ дачи, и посерединѣ назначилъ быть парку, лѣтнему театру и разнымъ народнымъ увеселеніямъ. Въ нѣсколько лѣтъ образовался изящный городокъ, а рощи и сады посреди него, несмотря еще на слабую тѣнь ихъ, сдѣлались любимымъ лѣтнимъ гуляньемъ Москвичей. Государь Императоръ не ограничилъ тѣмъ своего вниманія къ предмѣстію Москвы. Онъ благоволилъ назначить большія пособія жителямъ ямской слободы, составляющей начало Тверской улицы, отъ заставы до Триумфальныхъ Воротъ, и теперь, вмѣсто прежнихъ полуразвалившихся хижинъ, все протяженіе слободы застроено большими каменными домами. Нельзя не замѣтить этого, потому что прежде, то есть до Французовъ *, и даже лѣтъ двадцать послѣ нихъ, вся эта часть города представлялась пустынею. Далѣе, по Тверской и по другимъ главнымъ улицамъ, идущимъ отъ Кремля радиусами во всѣ стороны, пустыя мѣста застраиваются, и каждая улица представляетъ болѣе или менѣе красивый рядъ домовъ, гдѣ уже рѣдко встрѣчаются гро-

* Замѣтимъ мимоходомъ, что выраженія: *до Французовъ*, *послѣ Французовъ*, употребляются въ Москвѣ всѣми и указываютъ извѣстную эпоху сожженія Москвы Французами въ 1812 году. Это такой же общепотребительный терминъ здѣсь, какъ въ Одессѣ: *во время Дюка* или *при графѣ* (то есть, *во время герцога Ришиля*, или *при графѣ Веронцовѣ*), и какъ у Французовъ: *du temps de l'Empereur*.

мадные дома, какъ феодалныя замки въ зелени рощей, но исчезаютъ и тѣ избытки на курьихъ ножкахъ, которыми прежде пестрилась Москва. Нѣсколько лѣтъ назадъ обнародовано постановленіе, которымъ запрещено строить деревянные дома на главныхъ улицахъ: слѣдовательно хижины подлѣ громадныхъ домовъ исчезнутъ навсегда, а силъ Москвы достаточно для постройки домовъ во правильнымъ размѣрамъ и фасадамъ. Еще важное улучшение—новые тротуары. Москва издревле славилась своими тротуарами, гдѣ смѣлые пѣшеходцы ломали себѣ ноги, а осторожные предпочитали идти по неровной мостовой. Теперь устроены и постепенно устроиваются тротуары изъ дикаго камня (недавно открытаго въ окрестностяхъ Москвы), или изъ путиловской плиты, и вскорѣ наша древняя столица не позавидуетъ петербургскимъ тротуарамъ: конечно, лучшимъ въ цѣломъ свѣтѣ. Чистота, опрятность, даже щеголеватость въ наружности домовъ, также достойны столичнаго города, и если еще не во всѣхъ углахъ Москвы, особливо отдаленныхъ, видна одинаковая требовательность, то иначе и быть не должно: бѣдные обыватели всздѣ имѣютъ привилегію жить какъ Богъ велитъ и нигдѣ не принуждаютъ ихъ жить иначе. Напротивъ, въ Москвѣ заботливость о бѣдныхъ и безпомощныхъ проявляется такими подвигами благотворенія, какими могутъ похвалиться не всѣ великолѣпнѣйшіе европейскіе города. Душа радуется, когда сообразишь, что сдѣлано въ Москвѣ для просвѣщенія и благотворенія въ послѣднія двадцать лѣтъ; благословенія окружаютъ Монарха, и многихъ незабвенныхъ для Москвы благотворителей. Теперь воздвигаются у насъ громадныя палаты не для пировъ и веселій праздноя роскоши, а для бѣдныхъ, для больныхъ, и для учебныхъ заведеній. Мы видѣли, что многіе дома старинныхъ вельможъ заняты въ Москвѣ училищами и благотворительными заведеніями. Кромѣ того, возвысились огромныя зданія, убѣжища бѣдныхъ, больныхъ и учащихъся. Въ числѣ ихъ не можемъ не вспомнить о нѣсколькихъ подобныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ господиномъ Горихвостовымъ, первост-

Тѣмиши купцами Набилковыми и московскимъ градскимъ обществомъ. Одни эти заведенія могли бы составить порядочный городъ, гдѣ находить пищу духовную и вещественную, тысячи бѣдныхъ, больныхъ и дѣтей.

Въ которую сторону Москвы ни обратились бы вы, въ какомъ отношеніи ни стали бы разсматривать ее, вездѣ и во всемъ видны улучшенія, вездѣ возвышеніе, а не пониженіе. Китай-городъ, то есть, торговые ряды, гостящій дворъ, и нѣсколько прилежащихъ къ нимъ улицъ, этогѣ вѣчно движущійся рынокъ цѣлой Россіи, заключаютъ въ себѣ неисчислимыя богатства въ товарахъ и въ капиталахъ всякаго рода. Все, что можно было сдѣлать для наружной красоты его, сдѣлано или дѣлается. Вообще торговля и промышленность, которыя придали совершенно новый характеръ Москвѣ, помѣщаются теперь совсѣмъ иначе нежели прежде. Все приняло размѣры обширныя, можно сказать гигантскіе. Каждый годъ устрояются множество новыхъ помѣщеній для торговли и промышленности, и все это тотчасъ занято, наполнено, набито товарами, оживлено толпами людей, движеніемъ, дѣятельностью. Кроме Китай-города, Тверская почти вся превратилась въ лавки, магазины, гостиницы, а прежде не было ничего и похожаго на это. Кузнецкій Мостъ раздвинулся во всѣхъ отрасляхъ улицъ и переулковъ, и не переставая быть колонією Французовъ, занятъ магазинами всякаго рода. Въ богатѣйшихъ домахъ помѣщены теперь кондитерскія и магазины. На всѣхъ другихъ главныхъ улицахъ, промышленность вытѣсняетъ все и ей всё-еще тѣсно. Слѣдуетъ строить новые дома, и въ нихъ тотчасъ является торговая дѣятельность.

При такой новой жизни, новой дѣятельности, явились и новыя потребности. Человѣкъ, своею промышленностію приобретающій себѣ не только необходимое, но и излишнее, хочетъ насладиться плодами трудовъ своихъ и ищетъ страды и отлѣху. Прежде могъ онъ ѣхать развѣ въ загородныя дома вельможъ, въ Кусково, Останьково, Кундаво, Петровское-Разумовское, Архангельское, гулять тамъ во увеселеніяхъ слугъ и садовниковъ и иногда ѣсть даро-

ныя апартаменты, которые высылала посылителямъ барский щедрость. Теперь, когда эти пріюты роскоши опустѣли, самый простой горожанинъ переселается на все лѣто за-городъ въ какой-нибудь свой уголокъ, и вѣтъ отсюда возникло кругомъ Москвы безчисленное множество дачъ, которыхъ и названія не было навѣстно въ старыя годы. До Французова — имѣть дачу казалось недосигаемымъ блаженствомъ бедноты, и того нечли бы беззутнымъ мотомъ, кто поумалъ бы завести себѣ дачу: полагали, что только Шереметевы, Голицыны и подобные имъ бояре могутъ имѣть загородныя дома. Теперь, напротивъ, учителя, чиновники, небогатыя купцы, всѣ имѣютъ дачи или навиваютъ ихъ на лѣто. Богачи помѣщаются на раду съ ними; но у многихъ есть свои богатыя дачи, да и то болышею частью приобретенныя случайно; живутъ всѣ очень скромно, но крайней-мѣрѣ безъ всякой вышности и чванства. Этотъ добрый, прекрасный и здоровый обычай надѣлилъ окрестности Москвы множествомъ прекрасныхъ загородныхъ домовъ и доминовъ, и всѣхъ ихъ-то образовались цѣлыя предмѣстья въ Сокольникахъ, на Бутырякахъ, въ Петровскомъ. Кроме-того повсюду разбѣяны дачи, и въ лѣтнее время многія семейства живутъ даже въ крестьянскихъ домахъ, но ближнимъ деревнямъ. Не проявляется ли въ этомъ доволство средняго класса и вкусъ его къ наилучшимъ образованной жизни?

Вообще, отличительный характеръ Москвы нашего времени, жизнь и дѣятельность средняго класса общества, почти безъ всякаго помину о роскоши и великолѣпнн домомъ. Теперь вся аристократія русская въ Петербургѣ — тамъ ей и должно быть, потому что въ нашу вѣкъ великоша отказываются отъ празности, а службу и даже закѣте найдеть онъ только въ Петербургѣ. Москва городъ торговый, фабричный, промышленный, средоточіе государства, куда и при насущной бѣдности нутельныхъ сообразній стекаются, какъ къ сердцу Россіи, всѣ дѣятельныя силы Имперіи — вотъ настоящее значеніе Москвы, главнѣйшій ея характеръ, и причина всѣхъ ея успѣховъ и процвѣтанія. Какъ въ болыномъ, многолюдномъ городѣ,

въ ней необходимо есть всѣ принадлежности такихъ городовъ: надобно напорить, нашить, рассудить, успокоить во всѣхъ отношеніяхъ триста пятьдесятъ тысячъ постоянныхъ жителей, а въ зимніе мѣсяцы, когда со всѣхъ сторонъ стекаются новыя тысячи, можетъ-быть и до полумилліона разныхъ людей. Но какъ въ Петербургъ принадлежатъ самую большую часть народонаселенія Дворъ и высшія правительственныя мѣста, такъ въ Москву собираютъ его промышленность и торговля. Оттого различіе въ жителяхъ и въ жизни ихъ. Старинный провинціалецъ московскій, барство и чванство, Фамусовы и Хлестовы — теперь исключенія, какія встрѣчаются въ цѣлой Россіи. И досугъ ли питать пражнія идеи посредности и слагу паровыхъ машинъ, маховыхъ колесъ, жидкихъ станковъ, милліона веретенъ, посреди скрышу отъ уходящихъ и приходящихъ обозовъ, посреди соображеній и дѣятельности торговли и промышленности? Трудно вообразить и еще труднѣе исчислить, какіе огромные обороты капиталовъ производится въ Москвѣ ежегодно и ежедневно. Большая часть заграничной торговли Петербурга, Риги, Архангельска, Одессы, азіатской границы, производится черезъ Москву, для которой портовые и пограничные города служатъ только отверзтіями, дверями для сообщенія съ иностранными государствами; но главная торговля ея внутренняя, въ сравненіи съ которою заграничная составляетъ только небольшую часть. Впродолженіи цѣлаго года, почти непрерывно пріѣзжаютъ въ Москву торговцы изъ всѣхъ городовъ Россіи, Сибири, за-Кавказья, покупать или продавать товары, и оттого-то непрерывно, по всѣмъ направленіямъ тянутся къ Москвѣ или изъ Москвы обозы, нагруженные всѣми возможными предметами. Суда по старымъ преданіямъ, многіе до сихъ поръ думаютъ, что московскіе товары большею частію посредственные, дешевые, и что въ Москвѣ держутъ товары только средней доброты, а все лучшее надобно выписывать изъ Петербурга, или изъ-за границы. Но теперь, когда Москва сдѣлалась средоточіемъ торговли, въ ней можно купить все, для чего прежде надобно было по-

сылать за тридцать земель. Всѣ петербургскіе торговые дома выѣютъ здѣсь своихъ корреспондентовъ, и, сверхъ того въ Москвѣ завелись сотни иностранныхъ конторъ, которыя вывезываютъ сюда произведенія всѣхъ странъ свѣта. Московскіе торговые дома слѣзались посредниками ихъ и всѣхъ фабрикантовъ русскихъ, для снабженія провинцій какъ русскими, такъ и иностранными товарами. Кромѣ-того, они же снабжаютъ товарами всѣ аристокри, гдѣ производятся миллионныя обороты, и покупаютъ тамъ сырые матеріалы для фабрикъ, которыми усѣяна Москва и ея ближняя и дальняя окрестность. О фабричной промышленности, которая возрасла до такихъ огромныхъ размѣровъ въ Москвѣ и вокругъ нея на двѣсти, триста верстъ, мы надѣемся поговорить въ особой статьѣ. Здѣсь это вывело бы насъ изъ границъ, которыя мы себѣ назначили, да и не кстати было бы дѣлать замолкъ изъ такого важнаго предмета, говоря о характеристикѣ нынѣшней Москвы. Мы желаемъ показать здѣсь только общій характеръ и наружность Москвы, которыхъ у насъ вовсе не знаютъ или знаютъ невѣрно.

По всему чтѣ мы сказали, ясно, что искать въ нынѣшней Москвѣ стариннаго-ея аристократическаго, или лучше сказать барскаго характера, можетъ только тотъ кто проспалъ Эпименидовымъ сномъ двадцать лѣтъ. Кто станетъ удивляться, не находя въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ англійскихъ лордовъ и удобствъ лондонской жизни? Точно въ такомъ отношеніи теперь Москва къ русскимъ барамъ и къ комфорту петербургской жизни. Конечно, и купцы и приказчики ихъ любятъ театръ и общественныя удобства; но у нихъ во всемъ свой вкусъ и свои потребности, не похожія на потребности аристократовъ. Городъ всегда принимаетъ характеръ большинства своихъ жителей; а теперь въ Москвѣ главные жители—купцы и фабриканты. Для нихъ существуетъ все остальное, какъ прежде существовало все для нѣсколькихъ сотъ барскихъ домовъ.

Но тѣточень ошибся бы, кто видѣлъ бы въ Москвѣ толь-

ко русскій Манчестеръ или Ливерпуль. То города новые, возникшіе единственно отъ промышленности, а Москва, прежде всего, древняя столица Россіи, мѣсто величайшихъ воспоминаній нашей Исторіи, освященное множествомъ незабвенныхъ, святыхъ для русскаго сердца событій. Москва столица Россіи не потому только, что первенство оставляетъ за нею священная воля русскихъ Монарховъ, но и потому, что воля ихъ основана на высокомъ историческомъ значеніи Москвы, которая была и останется сердцемъ Россіи. Народъ, какъ отдѣльный человѣкъ, живетъ столько же нравственною, сколько вещественною жизнію, и если въ современную жизнь входитъ, какъ главный элементъ, вещественная дѣятельность, то жизнь историческая, событія прошедшаго даютъ направленіе нравственной жизни. Все воспитаніе Россіи совершилось въ Москвѣ, и ни одинъ Русскій этого не забудетъ. Если образованный человѣкъ любитъ Москву какъ родину славы своего отечества, то простолюдинъ знаетъ по преданію и сроднилъ съ собою, какъ воздухъ, которымъ дышетъ, мысль, что Москва старѣйшій, славнѣйшій городъ въ Россіи. Если бы современная жизнь не поддерживала и не улучшала Москвы во многихъ отношеніяхъ, то Русскіе приходили бы на развалины своего древняго города, питаться воспоминаніями и учиться любить свое отечество, какъ народы цѣлой Европы приходятъ въ Римъ — поклоняться старой славі и великимъ воспоминаніямъ древней жизни. Этого характера въ такой степени, не имѣетъ для Россіи ни Великій-Новгородъ, ни Кіевъ, ни Владиміръ, потому что они, и то временно, были главными городами частной жизни Россіи; но съ тѣхъ поръ какъ Россія начала истинную, историческую жизнь свою, жизнь великаго царства, возвысившагося до неслыханнаго величія и могущества, всѣ воспоминанія и памятники наши въ Москвѣ. Москва—Римъ Россіи.

Историческая жизнь и памятники придаютъ особенный характеръ современной Москвѣ. Это не можетъ ускользнуть отъ внимательнаго наблюдателя и чувствуется серд-

деиъ Русскаго. Каждое урочище Москвы напоминаетъ какое-нибудь историческое событіе. Вотъ Воробьевы Горы, гдѣ во время междоусобія стоялъ польскій лагерь, откуда устремлялись враги на Москву и были сокрушены дружинами защитниковъ отечества; вотъ Новодѣвичій Монастырь, при взглядѣ на который тотчасъ пробуждаются въ душѣ мысли объ избраніи Годунова на царство, о царевнѣ Софіи, о Петрѣ, и множествѣ другихъ историческихъ событій; вотъ Дѣвичье Поле, искони славное историческими зрѣлищами, какія въ разныя годины представляло оно, и гдѣ совершалась казнь стрѣльцовъ; вотъ Дорогомилловская Слобода, гдѣ Наполеонъ тщетно ждалъ встрѣчи, и откуда принужденъ былъ двинуть свои полчища въ оставленную Москву; съ другой стороны, Донской Монастырь напоминаетъ нѣсколько побѣдъ Россіи надъ врагами ея.... Такъ со всѣхъ сторонъ, когда подвигаетесь отъ заставъ Москвы къ центру и сердцу ея, Кремлю, почти на каждомъ шагѣ останавливаютъ васъ воспоминанія объ историческихъ событіяхъ, часто имѣвшихъ вліяніе на всю судьбу Россіи.

Можно ли, чтобы такое прошѣдшее не имѣло вліянія на значеніе Москвы и на нравственный характеръ ея жителей? Конечно, современное вытѣсняетъ всѣ впечатлѣнія, и человекъ, бѣгушій по своимъ дѣламъ мимо памятника Минина и Пожарскаго, мимо Лобнаго Мѣста, къ Москворѣцкому Мосту, не вспоминаетъ о величайшемъ подвигѣ въ нашей исторіи, подвигѣ освобожденія Москвы и Россіи, и на Лобномъ Мѣстѣ замѣтитъ онъ развѣ продажу саскъ и баранокъ, не думая, что тутъ было мѣстоказней при Іоаннѣ Грозномъ, что тутъ былъ положенъ на плаху Василій Шуйскій, что вся Красная Площадь кипитъ и дышетъ историческими событіями.... Но не всегда же самый занятой человекъ бываетъ погруженъ въ свои дневныя заботы; иногда, хоть изрѣдка, посреди тревогъ и тягостей жизни, грудь его подымается отъ облегчительнаго вздоху, умъ свѣтлѣетъ и глаза падаютъ внимательнѣе на окружающіе его предметы. Что же видимъ мы въ фабричномъ или промыш-

своимъ горедѣ? Фабрики и магазины, груды товаровъ и дѣловое движеніе.... и сегодня и завтра, и всю жизнь одно и то же.... И вотъ отъ чего манчестерскіе и ливерпульскіе жители дѣлаются эгоистами, находятъ развлеченіе только въ прогулкахъ и пирушкахъ по новымъ своимъ владѣніямъ, и какъ-бы разъединяются съ прошедшимъ.... Зовѣтъ иное въ Москвѣ: въ первую свободную для ума и души минуту, житель ея видитъ себя въ древнемъ Цалладумѣ своей славы, посреди святыни Церкви и Истории, и невольно обращается къ прошедшему. Нельзя предположить такой безчувственности даже въ одномъ Москвитчѣ, чтобы онъ хоть иногда, хоть въ немногіе часы и минуты своей жизни, не вошелъ съ умиленнымъ сердцемъ въ Кремль, не остановился передъ древнимъ храмомъ, передъ великимъ памятникомъ прошедшаго. А въ Москвѣ встрѣчается на всякомъ шагу что-нибудь вызывающее воспоминаніе. Представьте себѣ самаго грубаго простолюдина: и онъ знаетъ, что вотъ, священный Кремль, жилище и колыбель русскихъ Царей, видѣвшій чудную замѣтную преобразованіи Великаго Петра; Успенскій Соборъ, гдѣ вѣнчались на царство наши Государи, гдѣ покоются ющи угодниковъ Божіихъ; вотъ Архангельскій Соборъ, гдѣ гробницы русскихъ князей и царей за нѣсколько столѣтій; вотъ Мининъ и Пожарскій, освободители Россіи отъ иноплемениковъ; онъ знаетъ, хоть и не умѣетъ указать того, что въ Москвѣ вся исторія, вся святыня Старой Россіи.... Нѣсколько часовъ въ жизни его заняты священными воспоминаніями, и въ сердце его брошены сѣмена любви къ отечеству и благородной самолюбности.... Вотъ отъ чего не только Москвитчи, но и всѣ Русскіе любятъ равно Москву и гордятся ею, говорятъ о ней съ чувствомъ, и всегда сѣдѣютъ въ Кремль, въ монастыри, въ историческія ея окрестности.... Но каково же должно быть чувство человѣка сколько-нибудь образованнаго, сколько-нибудь знающаго исторію своего отечества? Кто не плакалъ, не умилился душой надъ могилою отца, надъ памятникомъ друга или великаго человѣка? А что ближе къ намъ живыхъ памятниковъ исто-

рин! Это наше лучшее прошедшее, наши родные, наша кровь, любовь, жизнь, гордость народа русскаго!...

Можетъ-быть вамъ случалось слышать вопросъ, который можно назвать по-крайней-мѣрѣ необдуманнѣмъ: почему Москва называется и остается столицей, когда истинная столица Россіи Петербургъ? Но развѣ можно оторвать прошедшее отъ настоящаго?... Мы не дикари того племени, которое убиваетъ стариковъ, когда они не въ силахъ больше работать. Москва столица Россіи по праву первородства, и, какъ въ благородныхъ аристократическихъ родахъ, дѣятельная жизнь юнаго поколѣнія только возвышаетъ достоинства поколѣнія заслуженнаго, такъ блестящій царственный Петербургъ только возвышаетъ достоинства Москвы. «Гдѣ Царь, тамъ и народъ,» говоритъ русское изрѣченіе, и если бы историческія событія побудили Государей нашихъ основать еще третью столицу и избрать ее своею резиденціею, мы наполнили, оживили бы этотъ городъ своею любовью, своею преданностью и усердіемъ къ славѣ его. Москва же всё-таки осталась бы первопрестольнымъ городомъ, древнею столицею, Палладиумомъ чести и славы Россіи.

Ни одинъ изъ русскихъ государей не сдѣлалъ для Москвы такъ много, какъ нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ. Онъ возвысилъ и непрерывно возвышаетъ не только нынѣшній блѣскъ ея, но и нравственную силу жителей. Въѣствъ съ монументальными зданіями, которыя украшаютъ Москву по волѣ Его, въѣствъ съ милліонами, которые назначаетъ Онъ для улучшенія разныхъ частей ея, слава и дѣла Его, выражающія благоволеніе къ жителямъ древней столицы, придали новую жизнь Москвитчамъ. Они видятъ себя въ числѣ любимыхъ сыновъ Его, и какъ-бы оживляемые лучами славы повелителя Россіи, съ какою-то особенною преданностью, увѣренностью въ своемъ будущемъ, стремятся къ успѣхамъ на всѣхъ указанныхъ имъ путяхъ. Конечно, не одни Москвитчи замѣтили, что къ нимъ въ числѣ первыхъ обращается Государь съ каждою вѣстью радости или великаго

событія для Россіи и Царственнаго Дома Его; къ нимъ спѣшить онъ *дѣлать труды, прискорбія*, и торжествовать счастливыя событія. Такое высокое вниманіе Повелителя Россіи къ Москвичамъ не могло не произвести благотворнаго дѣйствія на ихъ характеръ. Они уже не провинціальныя жители, предоставленныя прозябению: они дѣятельныя, любимыя дѣти общаго Отца Россіи.

Таковъ новый характеръ Москвы и ея жителей. Всегдашняя, ежедневная жизнь ея — торговля и промышленность; но притомъ нѣтъ въ ней эгоистическаго, мрачнаго характера городовъ исключительно промышленныхъ, и атмосфера столицы, чувство великаго историческаго города замѣтны во всемъ. Иначе и быть не можетъ. Недавно Москва была аристократическимъ или вельможнымъ городомъ, а теперь характеръ ея рѣшительно торговый и фабричный; при новомъ оборотѣ дѣлъ и обстоятельствъ, она опять можетъ переимѣнить свое *временное* направленіе — нока только будетъ существовать — хранящимъ всѣхъ воспоминаній Старой Руси, сердцемъ, столицею величайшаго и славнѣйшаго изъ царствъ земныхъ. Такой характеръ въ самой природѣ ея: онъ поддерживается всѣми событіями современными.

Не смѣшно ли, не досадно ли послѣ всего этого невѣдѣніе многихъ милыхъ нашихъ соотечественниковъ? Для нихъ Москва всё-еще какое-то допотопное созданіе, и они ищутъ въ ней чего уже давно в слѣда нѣтъ! Прекратятся ли наконецъ эти пошлыя и безтолковыя названія *старушки, аристократки*, эти повторенія о милліонахъ тѣтушекъ и бабушекъ, о чванствѣ московскихъ баръ? Гдѣ они видятъ все это?... Неужели неизлечимъ нашъ недостатокъ — знать всѣ закоулки и сплетни Парижа, и хвастать незваніемъ своего отечества? У насъ осмѣяли бы во всѣхъ *салонахъ* того, кто сталъ бы говорить о фавориткахъ французскаго короля, о маленькихъ домикахъ, о фижмахъ, робронахъ и красныхъ каблукахъ, о маркизахъ и откупщикахъ *нынѣшняго* Парижа! Жалкимъ невѣждою показался бы тотъ, кто воображалъ бы, что все это есть

теперь въ Парижѣ!... А не таково ли понятіе многихъ о Москвѣ? Не стыдятся писать, не только говорить о ней въ настоящее время то, что было во времена отцовъ нашихъ и чего нѣтъ и слѣда въ наше время!...

Причина такого невѣдѣнія—наше невниманіе къ тому, что у насъ передъ глазами, и всѣхъ виноватѣе въ этомъ наши писатели. Дѣло очень простое: Парижане каждодневно присылаютъ намъ цѣлыя книги о себѣ и обо всѣхъ мелочахъ своего быту, и мы, въ лѣности нашей, пытаемся ихъ разсказами, вѣтверживаемъ чуждые намъ нравы, обычаи, анекдоты, а на свое не глядимъ, или не умѣемъ глядѣть. О немъ слышимъ иногда мимоходное замѣчаніе умнаго человѣка, и повторяемъ слова его двадцать лѣтъ, не соображая, что въ это время выросли новыя поколѣнія и все перемѣнилось, по естественному ходу образованнаго общества. Наши правописатели только сбиваютъ съ толку людей ненаблюдательныхъ, потому что всего чаще пишутъ по преданіямъ или подмѣчаютъ какія-нибудь исключенія. Не такъ давно было издано о Москвѣ два тома разныхъ замѣчаній, и что же? Не только въ нихъ нѣтъ Москвы, но нѣтъ людей, которые живутъ подъ солнцемъ Божиимъ! Это какіе-то уроды съ того свѣта! Подъличій мерзавецъ, глупая барыня, невѣжда купецъ, пошлый резонёръ—будто это Москва и ея жители! Уроды существуютъ въ природѣ, но они есть вездѣ, а не въ Москвѣ исключительно. Есть также вездѣ оригиналы, чудачки, люди стараго вѣку, но заключать по этимъ нѣсколькимъ лицамъ о нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ жителей—черезъ-чуръ неосновательно.

Мы боимся сами впасть въ пошлость, если станемъ доказывать, что *мнимые московскіе нравы*, обыкновенно описываемые въ извѣстіяхъ и замѣчаніяхъ о Москвѣ, больше всего способствовали укорененію ложнаго понятія о нашей древней столицѣ. Все печатное дѣйствуетъ на умъ, особливо если какая-нибудь мысль повторяется безпрестанно. Наконецъ человѣкъ предубѣжденный видитъ все глазами предубѣжденія. Самая ничтожная мѣстность ка-

жется ему особымъ отпечаткомъ. Предсѣдатель какой-нибудь палаты кажется ему аристократомъ, о какнхъ на твердили московскіе правоописатели. Сплетни и пересуды въ нѣкоторыхъ домахъ кажутся ему принадлежностью Москвы, какъ-будто нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не сплетничаютъ и не пересуждаютъ!... Но такое мнѣніе раздѣляютъ многіе, разсуждающіе по печатнымъ сужденіямъ, и наконецъ, дѣйствительно, изъ этого составляется предубѣжденіе.

Скажемъ лучше, что не во всѣхъ городахъ общество представляетъ столько разнообразія и пріятности, какъ въ Москвѣ. Въ ней найдете вы точно такое общество, какое находите въ петербургскихъ салонахъ, и въ то же время можете увидѣть современниковъ — мало сказать царя Алексѣя Михайловича! Прихожане Рогожскаго Кладбища, староверы по убѣжденію, это современники царя Ивана Васильевича. Это чистая, неподдѣльная Старая Русь, со всѣми ея недостатками и хорошими сторонами. Общество торговое и промышленное, отъ вторженія въ него множества иностранцевъ не имѣетъ общаго постоянного характера, хотя русскій оттѣнокъ переселяется въ немъ всѣ другіе; но при чрезвычайномъ расширеніи этого сословія нельзя и искать въ немъ единства нравовъ. Тутъ можно увидѣть образчики всѣхъ вѣковъ и народовъ; но Русскіе остаются Русскими. Въ высшемъ кругу, въ дворянствѣ, есть дома истинно аристократическіе по образованности; но именно нѣтъ того, чѣмъ обыкновенно клепаютъ Москву—домовъ стариннаго вельможескаго быту. Чиновники и вообще служащіе таковы же какъ и въ другихъ городахъ Россіи. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, отличительнаго.

Чего недостаетъ теперь въ Москвѣ? Общества литературнаго, какъ было оно при Карамзинѣ, Жуковскомъ, Дмитріевѣ. Есть люди ученые, образованные, даже пишущіе; но литература не составляетъ для нихъ занятія исключительнаго, единственнаго, которому бы они посвящали всю жизнь. Литераторы наши прежде всего чиновни-

ки, судьи, профессоры и служба, совѣстливо отправляемая, занимаетъ ихъ такъ много, что для литературы не остается времени, и если что пишется, то пишется мимоходомъ, урывками, и ужъ вовсе не по страсти къ занятію и не для славы. Вотъ отчего въ Москвѣ не видно литературной дѣятельности, нѣтъ журналовъ и почти не появляется книгъ, кромѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ, должностныхъ или спекуляціонныхъ изданій. Само собою разумѣется, что писатель, почитая себя чиновникомъ и больше всего дорожа своимъ должностнымъ занятіемъ, находится и въ сношеніи съ чиновниками, съ дѣловыми людьми, иногда по неволѣ; но съ-тѣхъ-поръ какъ разстроился кругъ литературный, гдѣ сталъ бы онъ проводить свое время? Только Нѣмцы способны жить въ кабинетѣ: для русскаго человѣка, необходимо оживленіе общественное, и писатель идетъ къ знакомымъ ему чиновникамъ, или къ людямъ какого бы ни было занятія, но не къ литераторамъ; а тамъ усаживаютъ его за зеленый столъ, и время, которое посвятилъ бы онъ пріятной, оживительной для ума бесѣдѣ, проходитъ за картами, или въ мимоходныхъ разговорахъ о ежедневныхъ городскихъ новостяхъ.

Въ наше время въ Москвѣ нѣтъ исключительной привязанности къ литературѣ и совсѣмъ другіе интересы занимаютъ тѣхъ, кто посвящаетъ ей не многіе часы. Нѣтъ безкорыстной любви, съ какою Карамзинъ писывалъ о Москвѣ и такъ умно знакомилъ съ нею Россію. Въ наше время пишутъ только по заказу какого-нибудь издателя; но какъ заказовъ на современность Москвы нѣтъ, то она и предоставлена описателямъ небывалыхъ нравовъ; а эти истощаютъ свои юмористическія дарованія разыгрывая старинную тему, что Москва—старуха, городъ вельможескихъ нравовъ. Грибоѣдовъ, нѣсколькими стихами своей комедіи, далъ имъ матеріалу на двадцать лѣтъ, и вѣроятно еще станетъ его имъ лѣтъ на двадцать. Нужды нѣтъ, что истинная Москва походитъ на описываемую ими, столько же какъ на Пскинъ или Нангазаки. Только въ преферансѣ видать они нововведеніе.

В. И.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. Въ послѣднее время въ главныххъ французскихъ газетахъ не появлялось никакой замѣчательной новости по части литературной. Въ *Journal des Débats* продолжался «Монте-Кристо»; въ *la Presse*, послѣ «Львицы», съ которою мы познакомили нашихъ читателей въ прошлой книжкѣ, былъ помѣщенъ довольно плохой романчикъ, по имени *Genève*, сочиненіе начинающаго писателя, который и не обѣщаетъ многого. Но въ самомъ концѣ октября началась въ той же газетѣ вещь очень интересная, новый романъ Мишеля-Масона, который уже и конченъ. Сообщаемъ его нашимъ читателямъ.

=

ВРАКИ ДЛЯ ТОГО СВѢТА.

=

РОМАНЪ ГОСПОДЪ МИШЕЛЛА-МАСОНА И ФРЕДЕРИКА ТОМА.

=

Не многіе знаютъ, что ночь на двадцать-третье марта гѣта отъ Рождества Христова 1720 была темна, холодна и дождлива, какъ ненастная зимняя ночь. Дождь лилъ на кровли, падалъ съ крышъ катился потоками по улицамъ и уносилъ съ нихъ грязь въ желтоватыя воды Лоары. Нѣсколько орудій, за которыми слѣдовала тяжелая колымага, сопровождаемая нѣсколькими тысячами солдатъ конныхъ и пѣшихъ, вступали въ эту ночь въ городъ Нантъ, какъ будто въ завоеванную землю.

Никто изъ жителей домовъ, мимо которыхъ проходили эти орудія, скоты и люди, и не подозрѣвалъ такого нашествія. Шумъ шаговъ людей и лошадей, стукъ колесъ, все это поглощалось въ журчаньи воды и завываніи вѣтру, отъ котораго вывѣски скрипѣли на своихъ желѣзныхъ прутьяхъ и дрожали оконныя стекла въ свинцовыхъ переплетахъ.

Грозный кортежъ направился въ замокъ уже и безъ того наполненный войсками и безпрерывно угрожавшій го-

роду своимъ пушкани. Свѣтлыя точки, которыя, отдѣляясь отъ темнаго грунта горизонте, сіяли вѣстами на платформѣ, показывали, что ночью, какъ и днемъ, пушкаря съ замкнутыми фитилями стояли подлѣ своихъ орудіи.

Подирѣшеніе артиллерією и солдатами прислано было для того, чтобы въ случаѣ нужды поддержать приговоры верховнаго суда, который собрался въ Нантъ подлѣ шпиемъ Королевскаго или Пламеннаго. Это чрезвычайное судилище созвано было въ Нантъ Регентомъ, чтобы судить уголовнымъ судомъ множество дворянъ, которые придерживались партіи бретанскаго парламента. Надобно было полагать, что готовились не слишкомъ дорожить староемъ бретанскою кровью и благородными головами, потому что въ тяжелой колымагѣ, предшествуемой, окруженной и сопровождаемой войсками, преважно сидѣли три палача, выбранные изъ тѣхъ, которые ловче умѣли превращать человѣка въ трупъ.

Мы сказали, что колымага и грозный ея кортежъ пробрались черезъ городъ, не возбуждая вниманія жителей, потому что тысячи другихъ звуковъ заглушали этотъ шумъ. Мы ошиблись.

Въ самую верхнюю этажъ дому, стоящаго на пути къ замку, кто-то не спавъ всю ночь, прислушивался къ вѣшному шуму и старался объяснить себѣ все что на улицахъ происходитъ. Такъ отъ него ничто не могло укрыться: ни легкій звукъ штыковъ, столкнувшихся между собою въ темнотѣ, ни келу нѣхотинцевъ, ни даже глухой стукъ пистолетовъ, которые прыгаютъ въ чушкахъ при каждомъ шагѣ лошади.

На разсвѣтѣ, наблюдатель, который до-тѣхъ-поръ сидѣлъ неподвижно, запершись въ своей мансардѣ, рѣшился приподнять окно, продѣланное въ склонѣ крыши, и въ отверстіи показалась голова молодаго человѣка.

Сосѣдніе дома были всѣ заперты и безмолвны. Время пробужденія еще не наступило для рабочей части нантскаго народонаселенія; только по улицамъ пробирались немногіе поселяне, кто въ деревянныхъ башмакахъ, кто верхомъ на ослѣ: эти добрые люди ранехонько везли и несли на рынокъ сѣстные припасы.

Хотя робкому наблюдателю, помѣстившемуся въ самую верху дома, ноль углемъ промаи, и ничего было бояться нескромныхъ взглядовъ, однако жъ онъ со стратегіей, всматривалъ одинъ за другимъ всѣ окрестные дома, какъ будто думалъ, что въ каждомъ отверстіи могутъ засвѣтиться глаза шпіона. При каждомъ шумѣ, который слышалъ или только подозрѣвалъ, онъ пряталъ голову въ окно, какъ пловецъ нырнуть, чтобы его не видалъ; потомъ, когда опасеніе раясьалось, онъ снова являлся на своемъ наблюдательномъ постѣ.

Въ мужественномъ лицѣ молодого человека было такъ много благородства, что страннымъ казалось, какимъ образомъ окно такое высокое и плетейское могло служить рѣзкою такой дворянской головѣ. И точно, красивое лицо молодого человека было такъ совсѣмъ не у мѣста, потому что эта мазанка не достойна была помѣщать знатнаго человека, даже и въ почетномъ своемъ этажѣ.

Домъ былъ дрянной, старый даже въ то время, а между тѣмъ онъ еще не повалился и донинѣ. Тогда этотъ домъ принадлежалъ бѣдному веревочнику Лорану; ле-Налѣ. Пробравшись къ нему, надобно было шагнуть голову, чтобы не стукнуться объ вторую этажъ, который выдвигался изъ-за перваго и составлялъ выступъ съ поклономъ, какъ носъ у стариковъ.

Но обратившись къ мансардѣ, гдѣ сидѣлъ нашъ молодой человекъ.

Тотъ, который наблюдалъ такими образомъ черезъ крыши, мучился, по-видимому, двойнымъ безпокойствомъ. Вглянувъ украдкой на улицу, онъ тотчасъ оборачивался и смотрѣлъ назадъ въ комнату. Тревожное выраженіе лица сто, когда онъ смотрѣлъ на улицу, замѣнялось отъиномъ ероткой, такъ сказать масковой печали, когда онъ обращалъ глаза къ мансардѣ. Онъ съ невыразимымъ состраданіемъ и нѣжностію посматривалъ на другаго молодого человека, который, во всемъ платьѣ спалъ на тонкомъ матрацѣ въ самомъ темномъ углу комнаты. На спящемъ было богаче платье, обличавшее дворянина, а между тѣмъ товарищъ его, съ такими благороднымъ лицомъ, былъ въ простой одеждѣ матроса.

По заботливости матроса о томъ, чтобы не сдѣлать ни малѣйшаго шума, который бы могъ разбудить другаго, во сострадательному, ласковому виду, съ которымъ онъ смотрѣлъ какъ тотъ спитъ, надобно было подумать, что онъ мысленно говоритъ ему:—Спи, спи, добрый молодой человѣкъ: когда бы ты ни проснулся, все будетъ слышкомъ рано!

Дождь пересталъ, но день занимался холодный и скучный. Въ это время мимо дому прошелъ отрядъ отсталыхъ солдатъ, принадлежащихъ къ войску, которое вступило въ городъ ночью. Шумъ шаговъ солдатъ, отяжелѣвшихъ отъ усталости и съ трудомъ пробиравшихся по грязной мостовой, заставилъ наблюдателя вздрогнуть.

Видя-то-го, чтобы слѣдовать глазами за отсталымъ отрядомъ, онъ внимательно устремилъ взоры на своего товарища и пока шумъ не затихъ, казалось, что на груди у него лежала какая-то тяжесть и мѣшала ему дышать. Онъ вздохнулъ свободно тогда уже, когда убѣдился, что солдаты далеко.

Тутъ онъ сказалъ самъ себѣ:—По-крайней-мѣрѣ онъ не слыжалъ! Проспалъ всю ночь! Какое блаженство спать, когда можно надѣяться счастья развѣ только во снѣ!

Утомленный долгимъ бдѣніемъ, онъ опустился на единственный въ комнатѣ стулъ; отяжелѣвшія его вѣки закрылись и онъ вскорѣ заснулъ. Но сонъ его былъ такъ некрѣпокъ, что при малѣйшемъ движеніи молодого человѣка, который лежалъ на матрацѣ, этотъ открывалъ глаза и съ беспокойствомъ озирался.

Между-тѣмъ свѣтало и число прохожихъ на улицахъ увеличивалось. Двери отворялись и оттуда выходили хозяйки и кухарки, которыя отправлялись на рынокъ за провизіей, и рабочій народъ, который расходился по мѣстамъ. Наконецъ и граждане стали появляться посередѣ толны. У этихъ видъ былъ принужденный, таинственный, озабоченный. Они украдкой другъ къ другу подходили и говорили не иначе какъ шопотомъ; потомъ каждый продолжалъ нуть свой, обмѣнявшись съ знакомымъ новостями, отъ которыхъ одни блѣднѣли со страху, другіе краснѣли отъ гнѣву.

Матросъ, или тотъ, который былъ одѣтъ матросомъ, какъ мы уже говорили, уступилъ необходимости успокоенія, но его вдругъ разбудилъ бой барабановъ, за которыми послѣдовалъ трикратный призывъ трубы.

Онъ всталъ и снова помѣстился у окна.

На сосѣднемъ перекресткѣ, прямо противъ стараго дому, сидѣлъ на кривоногой лошади, публичный глашатай, гордо подбоченясь, съ надменнымъ видомъ самаго мелкаго чиновника, на котораго возложено немаловажное порученіе. При звукахъ трубы и барабановъ, народъ собрался вокругъ него. Когда тройственный призывъ, положенный закономъ, былъ конченъ, присяжный глашатай торжественно развернулъ пергамень и медленно прочелъ слѣдующее заглавіе:

«Опредѣленіе судебной палаты, учрежденной въ Нантѣ по королевскому повелѣнію».

Это опредѣленіе, которое мы сообщимъ только въ сущности, состояло изъ двухъ статей.

Первою, городскимъ обывателямъ запрещалось, безъ крайней надобности, выходить днемъ изъ домовъ своихъ, да и въ случаѣ доказанной необходимости, они ни подъ какими предлогами не должны были появляться на улицѣ позже осьми часовъ вечера.

Второю, подъ смертною казнію повелѣвалось тѣмъ, которые припали къ себѣ кого-либо изъ обвиненныхъ дворянъ, немедленно объявить о томъ господину Оноре Фовелю, совѣтнику парламента, прикомандированному членамъ «Пламенной Палаты» для ускоренія производства дѣла и управленія розысканіями.

Вѣчно на-сторожѣ, матросъ съ высоты своей мансарды, не проронилъ ни слова изъ этого опредѣленія, которое поражало ужасомъ слушателей, собравшихся вокругъ глашатая. Прочитавъ общія постановленія, тотъ провозгласилъ имена дворянъ, обвиненныхъ въ преступленіи оскорбленія величества въ первой степени. Юстиція уже наложивъ руку на трохъ изъ нихъ: маркиза Понкалека, Дюкуэдика и кавалера Талуэ. Но оставалось еще девятнадцать человѣкъ, которыхъ судьи искали и палачи ждали.

Когда публичный глашатай, читая посреди мертваго

молчанія, роковой списокъ, произнесъ имя кавалера Розмадѣна, наблюдатель, смотрѣвшій изъ окна мансарды, невольно вздрогнулъ, какъ-будто не въ силахъ былъ не отозваться на этотъ призывъ; но почти велѣдъ затѣмъ легкая улыбка мелькнула на устахъ его; онъ взглянулъ на свой костюмъ и тихомолкомъ посмѣялся надъ тѣмъ, что на минуту забылся. Потомъ, публичный гласнаты бросилъ въ пораженную страхомъ толпу имя виконта де-Монлуи. Матросъ тотчасъ захопнулъ окно и проворно обернулся къ своему товарищу, чтобы посмотреть не слышалъ ли тотъ. Онъ сдѣлалъ это съ такой торопливостью, что окно стукнуло. Спавшій пробудился.

— Чтò тамъ такое? Кто меня кличетъ, шевадье? сказалъ онъ.

— Никто, виконтъ, никто, отвѣчалъ тотъ, поспѣшно подходя къ постели и дѣлая какъ-можно болѣе шуму, чтобы развлечь вниманіе своего пріятеля. Потомъ промолчалъ съ смиреннымъ видомъ:—Это проклятое окно оустилось мнѣ прямо на пальцы.

— Неужели! сказалъ Монлуи, приподнимаясь и садясь на постелю: такъ, видно, тебѣ было очень больно, что ты меня кликнулъ. Покажи ка мнѣ, гдѣ ты ушибъ....

Матросъ, запутавшись въ своей лжи, вмѣсто-того, чтобы протянуть руку, спряталъ ее; виконтъ сказалъ:—Полно, мой добрый другъ, ты меня не обманешь! Я очень ясно слышалъ свое имя и не ты произнесъ его, я увѣренъ.

Онъ вскочилъ съ постели, на которую бросился наизуанъ, полуодѣтый, подошелъ къ окну и сказалъ:— Вотъ гдѣ, Розмадѣкъ, произнесли мое имя, тамъ на улицѣ, посреди этой толпы, и кликнулъ меня именно вотъ этотъ человекъ въ черномъ, который говоритъ теперь съ народомъ. Ты скажешь исправа, чтò ли?

Розмадѣкъ взялъ своего пріятеля за руки, пожалъ ихъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Я сердитъ на тебя, продолжалъ виконтъ: ты отъ меня все тавшься. К чему? Развѣ я ребенокъ, что ты боишься испугать меня? Впутавшись въ эту борьбу, я долженъ былъ предвидѣть всѣ ея шансы. Я знаю чтò я слѣ-

даже и что насъ ожидаетъ. Ты меня никогда хорошо не знаешь, поварь, если думаешь, что я буду не такъ же терять генерла, какъ былъ бы нылокъ посреди пальбы на полѣ битвы.

Розмадѣкъ съ усиленіемъ согналъ тѣнь съ лица своего, и, стараясь придать своему голосу спокойствіе, котораго не было въ душѣ его, онъ отвѣчалъ:— Полно тебѣ толковать о началѣ; отчаяваться еще нечего: мы еще не въ рукахъ господъ членовъ Пламенной Палаты!...

— Да, да, продолжай, сказалъ виконтъ, старайся успокоить меня безумными надеждами, которымъ самъ не вѣришь. Неужели ты надѣнешься увѣрить меня, что за нами не гоняются какъ за дикими звѣрями? Неужели ты думаешь, что насъ рано или поздно не отыщутъ въ домѣ добраго человѣка, которой далъ намъ пристанище?

— Да, разумѣется, нѣтъ; я увѣренъ.

— Ты совсѣмъ не увѣренъ! ты потерялъ всю надежду! возразилъ виконтъ де-Монлуи, и ты совершенно правъ, потому что теперь смѣшно было бы надѣяться, что намъ еще удастся укрыться отъ нашихъ враговъ. Послушай: ночью, когда ты прислушивался къ шуму артиллеріи, которая проходила по набережной....

— Какъ, ты слышалъ? вскричалъ Розмадѣкъ.

— Мудрено не слышать: лошади и пороховые ящики дѣлали шумъ порядочный.

— И ты не тронулся съ мѣста?

— Изъ уваженія къ твоей бесполезной заботливости. Я думалъ: этотъ добрый малый такъ хлопочетъ, чтобы я не услышалъ то что ему мѣшаетъ заснуть; ему такъ хочется, чтобы я спалъ, что, право, жалко было бы показать ему, что и я слышу такъ же хорошо какъ онъ, шумъ, отъ котораго онъ раздражается. Такъ ты видишь: я отплатилъ тебѣ вѣжливостью за вѣжливость; обманулъ обманщика и притворился будто сплю и храплю.

— Добрый другъ мой! сказалъ Розмадѣкъ....

И друзья, увлеченные одинаковымъ порывомъ сердца, бросились другъ къ другу въ объятія.

— Перестань, продолжалъ Монлуи, обратясь къ окну и указывая на улицу: если бы я и не слышалъ прокламація

этого чернаго человѣка, те стояло бы только взглянуть на уныніе его слушателей и на торопливость, съ которою каждый изъ нихъ возвращается домой, чтобы видѣть, что этимъ добрымъ людямъ прочія приказъ не выходить изъ своихъ домовъ. Для насъ это еще бѣда не большая, весело прибавилъ виконтъ: вотъ ужъ двадцатый день какъ мы съ величайшей точностью исполняемъ этотъ приказъ; но это опредѣленіе, я не хуже тебя знаю, не только ищшаетъ свободѣ ихъ движеній, но оскорбляетъ въ нихъ чувство человѣколюбія. Оно заставляетъ нашихъ покровителей раздѣлять нашу злую участь и теперь, мы, на основаніи законовъ, сдѣлались опасными гостями. Манценью умерщвляетъ тѣхъ кто поконтся надъ его тѣнью; а мы напротивъ, приносимъ смерть тѣмъ, кто далъ намъ убійство.

— И не благородно было бы съ нашей стороны, подвергать долѣ этого честнаго ремесленника гнѣву юстиціи. То ли ты хочешь сказать, Монлуи? спросилъ Розмадэкъ.

— Именно, шевадье, и если ты согласишь со мною, то вечеромъ, какъ-скоро стемнѣетъ, мы, не сказавъ ни слова нашему великодушному веревочнику, пустимся на Божию волю.

— Согласенъ, отвѣчалъ Розмадэкъ; если потомъ насъ и схватятъ, такъ вѣдь улица не принадлежитъ никому: по-крайней-мѣрѣ мы никого не компрометируемъ.

Розмадэкъ проговорилъ это съ веселой рѣшимостію; но потомъ какъ волна, только поднавшись, опускается, онъ опять сдѣлался печаленъ и прибавилъ: — Схватятъ! засудятъ!... Я ждалъ развязки по лучше этой....

— Да и я тоже, отвѣчалъ Монлуи съ совершенной преданностію судьбѣ своей: «чтожъ дѣлать! Въ игрѣ вѣдь не одинъ выигрышь, бываетъ и проигрышь: надобно брать карты какія случай посылаетъ. Честь не въ томъ, чтобы выиграть, а чтобы играть благородно.

— И мы проиграли, Монлуи!

— Иначе и не могло быть, Розмадэкъ: проигрываетъ обыкновенно тотъ кто честиѣе; пораженіе часто бываетъ удѣломъ храбрѣйшаго. Пусть такъ! По-крайней-мѣрѣ никто не скажетъ, чтобы мы, бѣдные бретавскіе де-

рше, подняли оружіе нѣзъ честолюбія, а не по чувству долга. Мнѣ, да и тебѣ тоже, не было надобности, чтобы Филиппъ Пятый, король испанскій, сдѣлался регентомъ Франціи. Герцогиня Мэнская, кардиналь Альберони, князь де-Селламаръ, герцогъ д'Ормонъ, который хотѣлъ прійти къ нашимъ берегамъ съ флотомъ, все это наши начальники, а мы ихъ даже и не знаемъ. Они воображаютъ себѣ, что мы трудились для того, чтобы они могли исполнить свои планы, удовлетворить своей зависти и ненависти, а мы въ заговорѣ не участвовали и только старались законными средствами защищать свою честь, наши права и преимущества..... Неужели же насъ можно считать преступниками?

Говоря такимъ образомъ, виконтъ гордо приподнималъ голову и голосъ его противъ воли становился звучнымъ. Сверкающіе глаза его казались искали въ дружественныхъ взорахъ Розмадека доказательства, что сердца ихъ, исполненные одной мыслью, бьются одинаково и одинъ сильно чувствуетъ то что другой съ жаромъ выражаетъ.

— Регентъ ничего не уважаетъ! продолжалъ Молдунъ: ни нашей вѣры, ни нашей чести, ни нашихъ правъ. Не значить ли это оскорблять религію и святое величіе церкви, что онъ, по просьбѣ Англіи, назначаетъ аббата Дюбоа въ камбрійскіе архіепископы? Можетъ ли что быть чудовищнѣе этого? Вотъ что регентъ сдѣлалъ для религіи. А развѣ онъ хоть сколько-нибудь заботится о нашей чести? Напротивъ, онъ позволилъ честолюбію и всѣмъ низкимъ порокамъ насыщаться добычсью Франціи; предалъ народное богатство въ руки какого-то шотландскаго промиса и, знаешь-ли ты, любезный другъ? Между-тѣмъ какъ депутаты нашего дворянства, краснѣя объявляютъ регенту, что половина бретанскихъ дворянъ доведена до нищенства, между-тѣмъ какъ благородныя фамиліи угасаютъ въ ужасахъ нищеты, наглый торгашъ, виновникъ всѣхъ бѣдствій нашего отечества, покупалъ въ это самое время помѣстье маркизы де-Бёаронъ; у Сюлли маркизство де-Росни, у принца Кариньянъ Соассонскій отелъ и у графа д'Эрре княжество Танкардильское! Нашему парламенту зажали ротъ; собраніе бретанскихъ чиновъ распу-

судили; совѣтниковъ, которые осмѣлялись говорить по шире правосудія, наказали познаніемъ за ихъ справедливыя представленія.

— Одинъ изъ этихъ совѣтниковъ, замѣтилъ Розмадѣкъ съ горькой улыбкою: одинъ изъ этихъ совѣтниковъ не имѣлъ неудовольствія, то есть славы раздѣлять опалу, въ которую вѣдали его товарищи. Этого, напротивъ, пользуются милостями начальства, и одинъ изъ всѣхъ заслуживая, чтобъ его выбрали въ члены, или лучше сказать, въ постановщики этой ужасной «Пламенной Палаты», которая преслѣдуетъ насъ съ такимъ ожесточеніемъ.

— Ты говоришь объ Онопѣ Фовелѣ, отвѣчалъ виконтъ. Фовель! повторилъ онъ съ презрѣніемъ: для чести бретанскаго парламента я бы хотѣлъ забыть о немъ. И между-тѣмъ онъ дотога прославился своею честностію, что и теперь еще народное мнѣніе, которое не ободряетъ его поступковъ, не отнимаетъ у него однакожъ этой репутаціи.

— Да, сказалъ Розмадѣкъ, онъ, говорятъ, человѣкъ честный и твердо убѣжденъ въ необходимости строгихъ мѣръ.

— Но, возразилъ виконтъ, онъ какъ членъ бретанскаго парламента, знаетъ, не можетъ не знать, что мы повинны, и между-тѣмъ, изъ честолюбивыхъ видовъ, преслѣдуетъ насъ съ ожесточеніемъ; во горе Фовелю, если онъ отрубитъ намъ головы! Если хоть только одинъ изъ тѣхъ, которыхъ погибелю онъ требуетъ, останется въ живыхъ, то и тогда горе ему, Розмадѣкъ; за кровь онъ заплатитъ кровью и это будетъ мщеніемъ за всѣ другія.

— Прекрасно! вскричалъ Розмадѣкъ! поддавался торженности своего друга.

— Чтобы ни вышло, продолжалъ виконтъ споконѣице: я убѣжденъ, что исполнилъ долгъ свой и не раскаиваюсь. Такъ все къ лучшему, и въ томъ что мы сдѣлали и въ томъ что насъ ожидаетъ; если бы побѣда осталась на нашей сторонѣ, мы бы остановили зло; теперь, какъ мы побѣждены, по-крайней-мѣрѣ не увидимъ его.

— К чему же укрываться отъ нашихъ враговъ? Лучше бымо бы отдаться въ ихъ руки. Тогда по-крайней-мѣрѣ мы бы до конца имѣли удовольствіе доказывать, что не боимся ихъ, замѣтилъ Розмадѣкъ.

— Ты правду говоришь, отвѣчалъ виконтъ: если ужъ мы не можемъ защищать нашихъ братьевъ, то всего лучше раздѣлять судьбу ихъ.

— Это можно еще и теперь сдѣлать, сказалъ Розмадѣкъ.

— Такъ пойдемъ къ нимъ! Имъ весело будетъ встрѣтить насъ! вскричалъ Монлуи.

И, разгоряченный идеями, которыми кипѣли въ головѣ его, виконтъ пошелъ къ дверямъ. Розмадѣкъ, увлекаясь такимъ же энтузіазмомъ, послѣдовалъ за нимъ; но въ двухъ шагахъ отъ дверей, оба вдругъ остановились и вѣрбшительно посмотрѣли другъ на друга.

— А сестра твоя? Ты объ ней и не подумалъ? сказалъ виконтъ.

— А матушка твоя? Ты и забылъ объ ней! возразилъ Розмадѣкъ.

Воспоминаніе о священныхъ привязанностяхъ, погасило въ душахъ обоихъ друзей восторженность, которой они поддавались; они поняли, что не имѣютъ права ускорить часть своей казни.

Въ эту самую минуту въ дверяхъ заскрипѣлъ ключъ, и оба вздрогнули. Они каждую минуту подвергались опасности внезапнаго нападенія и теперь оно казалось имъ неизбежнымъ, потому что они не слыхали, чтобы кто два раза поцарапалъ дверь, такъ дѣлалъ ихъ хозяинъ, давая знать, что это онъ.

Они трепетали не за себя, а за существованіе, воспоминаніе о которыхъ снова привязало ихъ къ жизни. Страхъ не всегда любовь къ самому себѣ.

Замокъ щелкнулъ и дверь мансарды отворилась.

Дрожь, отъ которой и самый храбрый человѣкъ не можетъ удержаться, послышавъ звонъ роковаго часа, напала и на обоихъ друзей, когда они слышали скрипъ замка, но эта дрожь тотчасъ прекратилась и молодые люди успокоились при видѣ доброй фигуры, которая показалась въ дверяхъ.

Вместе страшнаго незнакомца, котораго Монлуи и Розмадѣкъ ожидали, глазамъ ихъ представился хозяинъ, Леранъ де-Палѣ.

Этотъ добрый молодой человѣкъ (потому что веревот-

никъ былъ еще молодъ), казалось былъ чѣмъ-то очень занятъ. Это показало его пестояльцамъ, почему онъ не поцарапалъ, по обыкновенію, два раза двори, чтобы предварительно дать знать о своемъ приходѣ. Монлуи и Розмадѣкъ, обмѣнялись улыбкою, которую возбудила неосновательность ихъ страху, и потомъ, какъ дѣлывали каждое утро, дружески подали Лорану руки. Тотъ не замѣтилъ, вѣкъ притворился, что не замѣчаетъ этого привѣтствія, на которое обыкновенно отвѣчалъ съ величайшею готовностію в самыми успокоительными словами.

Опустивъ голову, съ безпокойствомъ въ глазахъ, съ печалью на лицѣ, сталъ онъ выкладывать на столъ изъ закрытой корзинки, съѣстные припасы, которые приносилъ каждое утро. Онъ исполнялъ эту обязанность съ какою-то неловкою торопливостію, чего въ немъ прежде никогда не замѣчали. Завтракъ, какой онъ ежедневно приносилъ своимъ пестояльцамъ, нисколько не походилъ на тотъ, какой онъ теперь, молча, приготовлялъ.

Двое друзей, которые внимательно слѣдили за всѣми его движеніями, вскрикнули отъ удивленія, увидѣвъ, что онъ принесъ по два стакана на каждого изъ нихъ и поставилъ бутылку ликера между двумя бутылками вина, покрытыми пылью, которая очевидно доказывала, что онъ уже давно живутъ въ погребѣ. Наконецъ Монлуи спросилъ: — Что это сегодня, праздникъ что ли какой, что вы такъ разодрались, мастеръ Лоранъ?

— Да, господа, у меня сегодня праздникъ, сказалъ хозяинъ глухимъ голосомъ. И потомъ прибавилъ: — Развѣ вы ничего не слышали нынче ночью?

— Да, слышали, отвѣчалъ Размадѣкъ, полагая, что покровитель ихъ говорить о войскахъ, которые проходили черезъ городъ и не понимая отчего хозяину вздумалось праздновать по случаю этого увеличенія опасности.

— Если вы слышали, что дѣлалось внизу, продолжалъ хозяинъ, то вы знаете, что жена моя Агнеса Лоранъ много страдала, бѣдняжка, въ эту ночь. Но теперь слава Богу, все кончено: у меня родился сынъ, господа, прибавилъ онъ, въ первый разъ поднявъ глаза на своихъ пестояльцевъ.*

— Въ такомъ случаѣ, привѣтствуемъ новоприбывшаго! вскричалъ Монлуй.

— И я утверждаю, что онъ добрый христіанинъ, если похожъ на отца, прибавилъ Розмадѣкъ.

Лоранъ снова опустилъ голову и вздрогнулъ.

— Но скажите, ради Бога, что жъ это съ вами, любезный Лоранъ? Право, подумаешь, что вы стыдитесь своего счастья и что этотъ новорожденный вамъ не слишкомъ пріятель.

— О, не говорите этого, господа! вскричалъ съ живостию добрый ремесленникъ. Если слова и поступки мои имѣютъ такое значеніе, то я очень виноватъ, потому что оскорбляю воплощенную добродѣтель.

— Избави насъ Богъ сомнѣваться въ добродѣтели мадамъ Лоранъ, отвѣчалъ Розмадѣкъ; но мы удивляемся только, что такое счастливое происшествіе не веселитъ васъ.

— Не веселитъ? повторилъ Лоранъ: о, у меня въ сердцѣ столько радости, сколько можетъ помѣститься тамъ. Посмотрите, правду ли я говорю.

И онъ взглянулъ на нихъ. Лицо его было уже не столь мрачно и на глазахъ навернулись слезы.

— Я плачу, продолжалъ онъ, плачу отъ радости! Не мудрено. Я женатъ четыре года и уже не надѣялся имѣть дѣтей; четыре года завидовалъ другимъ.... а теперь я самъ такъ богатъ, что мнѣ уже не кому завидовать.... О, это хоть съ ума сойти отъ радости!.... Да, прости Господи, я и точно сошелъ съ ума!

Послѣднія слова онъ произнесъ какимъ-то глухимъ голосомъ. Сжавъ кулаки онъ давилъ ими себѣ грудь; какъ будто внутреннее терзаніе противорѣчило словамъ его; огонь, которой на минуту блеснулъ въ глазахъ его, потухъ и взоры, въ которыхъ снова выразились стыдъ и горестъ, опустились къ землѣ.

— Вотъ человекъ, которому счастье совсѣмъ не пристало: онъ отъ него становится печальнѣе, подумалъ Монлуй.

— Онъ веселѣе этого принялъ насъ, когда мы пришли къ нему просить убѣжища, сказалъ самъ себѣ Розмадѣкъ,

а между-тѣмъ наше прибытіе надѣлало ему больше заботъ, чѣмъ рожденіе сына.

И дѣйствительно, Лоранъ де-Палё принялъ обоихъ бѣглыхъ дворянъ съ величайшею, самой искреннею готовностію, ни на минуту не задумавшись, и съ-тѣхъ-поръ, какъ Моилуи и Розмадѣкъ находились подъ его покровительствомъ, расположеніе его къ нимъ никогда не мѣнялось. Ихъ преслѣдовали; они чуть не попались въ руки своихъ гонителей и, на-удачу, постучались въ первую попавшуюся дверь. Они не имѣли никакого права требовать покровительства отъ ремесленника, въ домѣ котораго искали убѣжища; по благородству своего характера, они не въ состояніи были обмануть его насчетъ опасности, которую онъ навлекаетъ на себя, принимая ихъ въ свой домъ. Риска получить отказъ или попасться въ руки непріятеля своего дѣла, они тотчасъ сказали ему и имена свои и признались, что принадлежать къ числу обвиненныхъ. Веревочникъ, не занимавшійся политическими дѣлами, изъ одного состраданія къ несчастію, отвѣчалъ имъ: — Войдите, у меня найдется для васъ мѣсто.

Сначала появленіе двухъ незнакомцевъ испугало молодую жену Лорана, но потомъ она не менѣе мужа была гостеприимна къ несчастнымъ, которыхъ Провидѣніе вѣрило ея попеченіямъ и скромности. Бѣглецы просили убѣжища только на одну ночь и жили у Лорана уже двадцать дней: онъ всё не рѣшался отпустить ихъ, потому что чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ болѣе увеличилась опасность, въ которой находились всѣ защитники провинціальныя правъ Бретаніи и ея парламента.

Всякій вечеръ Лоранъ де-Палё говорилъ гостямъ своимъ съ самымъ ободрительнымъ простодушіемъ: — Спите спокойно, господа: я надѣюсь, что завтра мы какъ-нибудь удастся выпроводить васъ отсюда.

На другой день добрый мальи, встрѣчая новое препятствіе, говорилъ своимъ гостямъ: — Неудобно потерпѣть еще немножко; только не пытайтесь уйти; потому что если вы уйдете и попадетесь въ руки недобрыхъ людей, то я буду обвинять себя въ томъ, что не удержалъ васъ, а ста-

ну думать, что Богъ за это не дастъ женѣ моей счастливыхъ родовъ.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда Лоранъ надѣялся снати своихъ постояльцевъ, онъ принесъ Розмадѣку матросское платье, которое тотъ съ-тѣхъ-поръ носилъ; общался достать такое же виконту Монлуи и принималъ всѣ мѣры, чтобы обезпечить ихъ бѣгство; но какое-нибудь новое препятствіе принуждало добраго ремесленника еще на нѣкоторое время задержать ихъ плѣнниками въ своей мансардѣ. Они горевали о томъ, что надежда снова обманула ихъ. Лоранъ сказалъ имъ:

— Чего же вамъ недостаетъ? Можетъ-быть, домъ мой не довольно хорошъ для васъ? Оно, конечно, такъ; но мы съ Агнесой постараемся, чтобы вамъ было по-лучше.

Можно ли не любить такого хозяина?

Размадѣкъ и его товарищъ чрезвычайно привязались къ великодушному ремесленнику. Лоранъ былъ человѣкъ не отличнаго ума, не очень тонкаго обхожденія; но какая добрая душа! Притомъ онъ былъ такого веселаго, открытаго характера, что съ нимъ было легко жить. Каждый, съ кѣмъ онъ знакомился, съ перваго же часу дѣлался его прітелемъ, а съ перваго дня почти роднымъ.

Поэтому Розмадѣкъ и Монлуи принимали, можно сказать, родственное участіе въ счастливомъ событіи въ домѣ Лорана. Они не постигали что значить эта мрачная тѣнь, которая пробѣгала по лицу добраго веревочника и стараясь развеселить его, они перемигнулись между собою: потомъ одинъ взялъ бутылку, другой стаканъ и Розмадѣкъ сказалъ:—Чокнемтесь, любезный Лоранъ: выпьемте за здоровье вашего наслѣдника!

Пробужденный этими словами отъ своей задумчивости, Лоранъ взялъ стаканъ, который подавалъ ему Розмадѣкъ; но рука его дрожала.

— Э, Боже мой, да успокойтесь же, сказалъ Монлуи, стараясь не пролить, потому что рюмка шаталась въ дрожащей рукѣ Лорана. Если ребенокъ родился благополучно, то чего же вамъ больше болѣться?

— Я не за сына боюсь, проговорилъ Лоранъ.

— Э, думайте только о немъ, любезный другъ, больше.

вамъ теперь нечего дѣлать, сказалъ Розмадѣкъ. Ну, къ верху стаканъ и выпьемъ за его здоровье!

Лоранъ, котораго волненіе ежеминутно усиливалось, протянулъ-было руку, чтобы чокнуться со своими посто-
ляльцами, но тотчасъ отступилъ на шагъ, поставилъ стаканъ
на столъ, бросился, со всѣми знаками отчаянія, къ ногамъ
молодыхъ людей и вскричалъ:—Простите, простите меня!

Имъ пришло въ голову, что счастливый отецъ, отъ из-
бытка радости, съума сошелъ.

— Простать васъ! Но, Боже мой, въ чемъ же вы вино-
ты? Полноте, любезный Лоранъ, ветаньте, посмотрите
на насъ; вы съума сходите и, вѣрно, не узнаете насъ;
мы тѣ, кого вы приняли подъ свое покровительство.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы у негодяя, который погубилъ васъ!
Не дотрогивайтесь до моихъ рукъ; не смотрите на меня
съ такимъ дружескимъ выраженіемъ. Вы должны прези-
рать меня; я это заслужилъ. Я сейчасъ донесъ на васъ!

— Вы! вскричали Розмадѣкъ и Монлуъ съ величайшимъ
изумленіемъ.

— Вотъ отчего, продолжалъ Лоранъ, все стоя на ко-
лѣняхъ и ударяя себя въ грудь: вотъ отчего я плачу, му-
чусь и проклиная себя. О, клянусь вамъ Богомъ, вскри-
чалъ онъ: я не для того принялъ васъ къ себѣ въ домъ, что-
бы потомъ погубить; напротивъ, я хотѣлъ спасти васъ. Но
въ эту ночь, когда у меня родился сынъ, котораго я такъ
давно желалъ, я испугался своего добраго дѣла, мнѣ
пришло въ голову, что меня разлучать съ женою и сы-
номъ. Рожденіе сына, счастье, которое должно было вну-
шать мнѣ однѣ добрыя мысли, повело меня къ предатель-
ству. Мнѣ показалось, что меня уже ведутъ въ тюрьму,
что судьи приговорили уже меня къ казни, наконецъ, стра-
шная прокламація суда совсѣмъ помутила мой рассу-
докъ; чтобы сохранить себя для жены и сына, я сдѣлалъ
подлость. О, простите, простите меня!

Признаваясь въ своемъ проступкѣ, несчастный Лоранъ
билъ головою объ полъ, и слова его прерывались рыда-
ніемъ.

— Встаньте, сказалъ Розмадѣкъ; вы ничѣмъ не были
обязаны намъ и вы много для насъ сдѣлали; теперь опасностьъ

еще больше прежняго и очень натурально, что великодушнѣе ваше истощилось. Впрочемъ, не расказывайте въ томъ, что вы сдѣлали: такъ, видно, было угодно судьбѣ, чтобы мы сегодня попались въ руки судей: за минуту передъ тѣмъ, какъ вы пришли, мы рѣшились сами отдаться въ ихъ руки? Гдѣ солдаты. Мы готовы.

Молодые люди взяли за руки и пошли къ дверямъ. Доранъ, не поднимаясь, смотрѣлъ на нихъ глазами, въ которыхъ изображались горестъ и состраданіе, но когда Розмадѣкъ и Монлуи готовы уже были выйти, онъ вскричалъ, останавливая ихъ: — Оба! о, нѣтъ, нѣтъ, не оба, а донесъ только на одного.

Они съ изумленіемъ остановились.

— Отчего же это вы сдѣлали только половинное признаніе? спросилъ Розмадѣкъ.

— Оттого, что для моей безопасности больше и не нужно было. Я не хочу оправдывать своего поступка; но сегодня мнѣ бы не миновать бѣды, если бъ я не донесъ на одного изъ васъ. Я не говорилъ вамъ этого, чтобы не пугать васъ напрасно: но вотъ уже два дня какъ вокругъ моего дому непрерывно бродятъ шпионы, а судья Фовель знаетъ, что я укрываю у себя одного бѣглеца. Слышите ли? Одного. Юстиція только одного и ждетъ. Такъ ради Бога, именемъ моего ребенка умоляю васъ, не предавайте ей двухъ жертвъ вмѣсто одной.

— Кого же изъ насъ вы назвали?

— Я не сказалъ никакого имени. О, Боже мой! могъ ли я выбирать между вами, когда вы оба должны мнѣ быть священны! Знаютъ только, что у меня укрывается бѣглецъ; рѣшите сами, господа, который изъ васъ долженъ быть спасенъ; но рѣшите скорѣе, потому что стрѣльцы скоро придутъ; черезъ минуту они будутъ здѣсь.

Ему казалось, что полиція уже приближается, и онъ сталъ прислушиваться.

— Нѣтъ еще, сказалъ онъ, оглянувшись и увидѣвъ, что молодые люди держатся за руки и хотятъ идти вмѣстѣ.

— Вотъ нашъ отвѣтъ, сказалъ Розмадѣкъ: вдвоемъ пришли мы къ вамъ, вдвоемъ отсюда и выйдемъ. Друзья, такіе какъ мы, не разлучаются, особенно когда оба служили од-

тому дѣлу и обонимъ угрожаетъ одна и та же опасность.

— Такъ мнѣ остается только проститься съ женою и сыномъ, господа, сказалъ Лоранъ съ мрачными отчаяніемъ: несчастіе, которое я хотѣлъ отвратить отъ себя предательствомъ, всё-таки падеть на мою голову; а это заслужилъ.

— Что жъ это значитъ? Что такое вы говорите? вскричалъ виконтъ.

— Точно, сказалъ Розмадѣкъ, отдаться обонимъ въ руки правосудія, значитъ показать, что онъ солгалъ, что онъ хотѣлъ спасти одного изъ насъ.

— Да, это правда, и ему бѣднику не мнѣнвать плахи, отвѣчалъ Монлуи. Но кто же изъ насъ рѣшится сказать: я согласенъ пережить моего друга?

— Тотъ, которому меньше терять, сказалъ Розмадѣкъ, тотъ и соединится съ нашими друзьями. У тебя есть мать; а я сирота.

— А у тебя есть сестра, возразилъ Монлуи.

— Ну, для молоденькой дѣвушки женихъ гораздо важнѣе брата, а ты будешь любить мою Агату и утѣшай ее. Снимай-ка свое дворянское платье, надѣвай матросскую куртку и позволь мнѣ отдаться въ руки нашихъ вѣдѣвъ.

Виконтъ печально улыбнулся и покачалъ головою: Ты знаешь, Розмадѣкъ, сказалъ онъ, что ты требуешь отъ меня невозможнаго.

Тотъ отвѣчалъ ему на-ухо: — Но если мы всё уйдемъ, кто же отмститъ за насъ, кто заставитъ нашего непримиримаго врага Фовеля заплатить за пролитую кровь?

Виконтъ задумался.

— Подите отсюда, продолжалъ Розмадѣкъ, обращаясь къ веревочнику: сидите внизу и когда увидите солдатъ, придите сказать намъ. Будьте спокойны; ручаюсь вамъ, что мы васъ не компрометируемъ: только одинъ изъ насъ отдастся въ руки юстиціи. Вы сейчасъ узнаете который.

Лоранъ, который въ мрачномъ отчаяніи стоялъ въ углу каморки, получивъ приказаніе, со стыдомъ опустил голову и вышелъ. Какъ-скоро онъ скрылся, Розмадѣкъ бросился на шею Монлуи. — О, другъ мой, сказалъ онъ, по-

думай объ этомъ торжественно: неужели мы должны отказаться отъ мщенія?

Глаза его засверкали, и онъ прибавилъ звучнымъ голосомъ: — Вспомни, Монлуи, ты самъ говорилъ: если эшафотъ будетъ воздвигнутъ, если благородныя головы падутъ, горе гнусному Фовелю! Теперь, когда только одинъ изъ насъ долженъ пережить всѣхъ другихъ, поклянемся исполнить нашу месть, поклянемся, что послѣдній изъ насъ будетъ преслѣдовать преступнаго судью до тѣхъ поръ, пока тотъ не умретъ, прося прощенія у несчастныхъ жертвъ своихъ.

Виконтъ обнажилъ свою шпагу, подавъ ее Розмадѣку и оба поклялись на эфесѣ, сдѣланномъ въ видѣ креста.

— Теперь, продолжалъ Розмадѣкъ, не спуская глазъ со шпаги виконта, какъ-будто видъ этого оружія внушилъ ему идею, которую онъ намѣревался предложить своему другу: теперь пусть судьба рѣшитъ кому изъ насъ умирать, кому оставаться въ-живыхъ.

— Какимъ же образомъ мы узнаемъ рѣшеніе судьбы? спросилъ виконтъ.

— Я придумалъ средство, отвѣчалъ Розмадѣкъ. Отцы наши называли поединкомъ судомъ Божиимъ; прибѣгнемъ и мы къ нему: онъ рѣшитъ нашъ споръ. У тебя есть шпага, моя спрятана въ матрацъ; я сейчасъ достану ее; мы станемъ драться и тотъ, кто первый дотронется до своего противника, тотъ и выигралъ: онъ не предастся въ руки юстиціи.

— Помилуй, какъ это возможно! вскричалъ Монлуи, между-тѣмъ, какъ Розмадѣкъ тормозилъ соломенный матрацъ, чтобы достать свою шпагу. Я никакъ не могу согласиться; шансы не ровны; ты фехтуешь гораздо лучше меня.

— Полно скромничать, отвѣчалъ Розмадѣкъ, который наконецъ добылъ свою шпагу: я дерусь нисколько не лучше тебя. Притомъ у насъ нѣтъ ни костей, ни картъ, ничего кромѣ шпагъ, а времени терять нельзя. Защищайся.

— Пожалуй; однако жъ это не великодушно съ твоей стороны; ты принуждаешь меня пережить тебя.

— Это мы сей часъ увидимъ, отвѣчалъ Розмадѣкъ, по-

махивая шпагой и постукивая ногой. Виконтъ отвѣчалъ тѣмъ же и оба, съ сверкающими глазами, съ трепещущей грудью, вытянувъ руки, начали бой, въ которомъ каждый старался выиграть смерть съ такимъ же жаромъ, какъ другіе защищаютъ жизнь свою. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, искусно сдѣланныхъ, но столь же искусно отпарированныхъ, виконтъ вдругъ выпалъ, отвелъ шпагу Розмадѣка и задѣлъ ему плечо.

— Попалъ! вскричалъ онъ съ восторгомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Розмадѣкъ; я ничего не чувствую; начнемъ снова.

— Нѣтъ, ужъ извини, возразилъ Монлуи: я выигралъ; а вотъ и доказательство: куртка твоя продрана. Да посмотри ка: кровь, прибавилъ онъ, подходя къ Розмадѣку.

Онъ вынулъ изъ кармана бѣлый платокъ и отеръ кровь, которая текла изъ руки его друга. — Это, просто, царапина, сказалъ онъ; но все-таки ты равенъ: слѣдственно я выигралъ, и ты обязанъ остаться въ живыхъ.

Розмадѣкъ былъ въ отчаяніи отъ этого результата. — Я не разстанусь съ тобой, повторялъ онъ.

— Вспомни о нашей клятвѣ, отвѣчалъ Монлуи.

Между тѣмъ на лѣстницѣ слышались звукъ оружія и гулъ нѣсколькихъ голосовъ. Лоранъ вбѣжалъ въ мансарду, говоря съ видомъ мрачнаго отчаянія:

— Идутъ! Идутъ!

Онъ остановился, пораженный изумленіемъ при видѣ двухъ обнаженныхъ шпагъ и крови, которая текла изъ раны Розмадѣка.

— Его надобно спасти! сказалъ побѣдитель, указывая на своего друга.

— Спасти?.. повторилъ Лоранъ... Но теперь уже поздно!

— Тѣмъ лучше! вскричалъ Розмадѣкъ: мы не разлучимся.

Монлуи схватилъ его за руку и сказалъ ему на-ухо:

— Вспомни о Фовелѣ, не забудь о мщеніи!

Розмадѣкъ вздрогнулъ и съ горестію опустилъ голову. Шумъ шаговъ, голосовъ и оружія всё приближался; стрѣльцы уже поднимались къ верхнему этажу.

— Дайте мнѣ только волю, сказалъ виконтъ: я ручаюсь, что они возьмутъ только меня одного.

Онъ толкнувъ цогою шпагу Розмадека подъ тюфякъ; поднявъ свою окровавленную шпагу и обратилъ ее концомъ къ груди мнимаго матроса. Въ эту самую минуту полицейскій со своими солдатами, вошелъ въ мансарду. Испуганный этотъ зрѣлищемъ, онъ обратился къ своему отряду и вскричалъ нетвердымъ голосомъ.—Спротивленіе! Шпаги на-голо, господа!

— Не трудитесь, сказалъ виконтъ де-Монлуи, уткнувъ кончикъ шпаги въ полъ и положивъ руку на эфесъ. Васъ такъ много, что защищаться я не намѣренъ; но безъ этого проклятаго мужика, вамъ бы не застать меня здѣсь. Онъ посмѣлъ останавливать меня; зато, видите, какъ я его отдѣлалъ. О! онъ во всю жизнь меня не забудеть. Теперь, вотъ вамъ мой шпага, и я готовъ слѣдовать за вами.

Полицейскій съ нѣкоторой недовѣрчивостью взялъ шпагу, которую подавалъ ему Монлуи. Потомъ уже, когда шпага была у него въ рукахъ, онъ обратился къ Розмадеку и сказалъ:—Хорошо, любезный другъ, ты добрый малый. Спасибо, что помогъ намъ. Я донесу объ этомъ мессирю Фовелю, и ты можешь быть увѣренъ, что онъ тебя безъ награды не оставитъ.

Розмадекъ поблѣднѣлъ и вздохнулъ. Полицейскіе подумали, что это отъ боли въ ранѣ.

— А вы, продолжалъ полицейскій, обращаясь къ виконту: вы, вѣрно, знаете зачѣмъ мы пришли. Именемъ короля, я беру васъ подъ стражу.

— Я уже сказалъ вамъ, что я готовъ повиноваться, отвѣчалъ Монлуи.

Многіе изъ стрѣльцовъ вошли въ мансарду; другая часть отряда оставалась внизу. Командиръ ихъ пошелъ впередъ, показавъ виконту знакомъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ; стража заключала шествіе, чтобы сдѣлать побѣгъ совершенно невозможнымъ.

Когда виконтъ, выходя изъ комнаты, очутился въ двухъ шагахъ отъ Розмадека, который, видя себя отъ горести, стоялъ молча и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, Монлуи бро-

силъ на друга взглядъ, который полицейскіе могли принять за угрозу; тѣмъ болѣе, что Лоранъ держалъ на выге матроса, который какъ-будто хотѣлъ броситься на своего противника: бѣднику хотѣлось еще разъ обить его.

Въ эту роковую минуту, виконту хотѣлось проститься въ послѣдній разъ съ своимъ другомъ такъ, чтобы тотъ одинъ могъ это понять. Прижать его къ груди своей, было невозможно: онъ вынулъ изъ кармана платокъ, обрызанный кровью Розмадека и украдкой поднесъ его къ губамъ своимъ.

Потомъ, какъ-будто онъ командовалъ этимъ отрядомъ, виконтъ махнулъ рукою и страшный конвой отправился по дорогѣ къ тюрьмѣ.

Въ это время въ Нантѣ, въ старомъ домѣ, самой строгой наружности, жили отецъ и дочь. У нихъ была одна только служанка, старуха глупая, неговорливая, но усердная, если не по привязанности къ господамъ, то по крайней мѣрѣ изъ страха. Отецъ и дочь, живя въ одномъ домѣ, видались однако жъ рѣдко, не встрѣчались иногда по нѣсколько дней сряду, потому что дочь не смѣла прійти къ отцу, пока онъ не позоветъ. Такимъ образомъ жизнь Морисетты у отца своего Оноре Фовеля была очень односторонна, но не скучна; потому что жила, веселая дѣвушка скуки не знала и во всемъ находила разсѣяніе. По утрамъ она ходила въ сопровожденіи служанки въ церковь; остальную часть дня занималась хозяйствомъ, или пользовалась познаніями и талантами, которые пріобрѣла въ монастырѣ Бенедиктинокъ, откуда только-что вышла. По вечерамъ служанка Шарлотта приходила взять въ комнату своей барышни и если не поддерживала разговоръ, то въ крайней мѣрѣ охотно слушала веселую болтовню дѣвушки. Въ монологахъ своихъ — въ разговорахъ нельзя сказать въ монологахъ своихъ Морисетта толковала о свѣтѣ монастырскихъ подругахъ, о томъ чему училась, что видѣла и слышала, а всего болѣе объ одномъ молодомъ человѣкѣ, Дюнѣ. Слѣдшимъ замѣтить, что этотъ молодой

человѣкъ, а повергать она безъ восторгу не могла надеяться, быть братъ ея.

Такимъ образомъ у суроваго совѣтника нантской Судебной Палаты было двое дѣтей. Онъ страстно любилъ старшаго изъ нихъ, сына, Немвогія нѣжными чувствами, которыя могли помѣститься въ груди строгаго судьи, недрогательно принадлежали молодому Діоні. Только воспоминаніе объ немъ или портретъ его—единственное украшеніе кабинета Оноре Фовеля,—могли развеселить всегда задумренное лицо совѣтника. Діоні обучался правамъ въ Парижѣ. Пока онъ былъ дома, отецъ не бралъ къ себѣ дочь, которая воспитывалась въ монастырѣ Бенедиктинскѣ, въ пятнадцати лѣтъ отъ Нанта; потомъ, когда Діоні уѣхалъ въ Парижъ, отецъ призвалъ къ себѣ Морисетту. Оноре Фовель страстно любилъ жену свою, но она умерла, подаривъ ему дочь. Фовель не влюбилъ несчастную малютку съ самаго ея рожденія. Когда Морисетта подросла, онъ отдалъ ее въ монастырь и десять лѣтъ съ нею не видался. Теперь онъ думалъ, что антипатія его, къ несчастной дѣвушкѣ прошла, но увидѣвъ снова Морисетту, убѣдился что это отбращеніе было только усывлено. Строгимъ взглядомъ его остановилъ дѣвушку, когда она въ порывѣ дѣтской радости, при первомъ свиданіи съ отцомъ, бросилась было къ нему на шею. Онъ постыдился отослать ее обратно въ монастырь; но домъ его, но прежнему былъ чуждымъ для него. На другой день, когда живая Морисетта приближалась въ комнату отца, чтобы поздороваться съ нимъ, онъ сказалъ ей: — Я такъ занятъ, у меня бываетъ такъ много разнаго народа, что ты не должна входить ко мнѣ безъ спросу. Когда мнѣ можно будетъ повидаться съ тобою, я пришлю Шарлотту сказать тебѣ. Не забывай этого.

Какъ-бы стыдился своей суровости, онъ старался смягчить строгость этого приказанія ласками, такъ что Морисетта ушла отъ него, не слишкомъ огорченная. Притомъ монастырское воспитаніе приучило ее къ безпресловому повиновенію. Впрочемъ, иногда, какъ-бы въ припадкѣ нѣжности, Оноре Фовель посылалъ за дочерью и она обѣдала вдвоемъ. Въ эти дни Морисетта была совершенно счастлива. За десертомъ они разговаривали объ общемъ

предметъ своей нѣжности, о Дюни, и Фовелю это было такъ пріятно, что онъ намѣревался по-чаще приглашать къ себѣ дочь; но на другой же день забывалъ о своемъ намѣреніи, и опять проходило много дней, въ которые семнадцатилѣтняя пустышница жила въ совершенномъ одиночествѣ.

Чтобы оправдать или хотя только объяснить отвращеніе, которое Опоре Фовель чувствовалъ къ дочери, надобно сказать нѣсколько словъ о его прежней жизни. Молодость его была волнуема бурями, которыя порождаетъ страстная душа и горячая голова. Увлеченный вихремъ страстей, онъ былъ уже на краю гибели, какъ одна женщина, которую онъ обожалъ, но на которую не смѣлъ и глазъ поднять, потому что чувствовалъ себя совершенно недостойнымъ ея, сказала ему:—«Жалѣю объ васъ, потому что я люблю васъ». Эти сладостныя слова образумили его, и онъ началъ жить новою жизнью. Наградой за его трудное преобразованіе было счастье. Сначала эта женщина сказала ему—«Я люблю васъ»; потомъ: «Я жду васъ»; наконецъ: «Я ваша».

Рожденіе сына Дюни дополнило блаженство молодыхъ супруговъ. Семь лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ и они любили другъ друга всё еще какъ въ первые дни брака. Потомъ у нихъ родилась дочь; но рожденіе Морисетты стоило жизни ея матери. Бѣдняжка такъ много отпла у отца, что онъ возненавидѣлъ несчастную, съ первой минуты, и сожалѣніе его о женѣ было такъ сильно, что антипатія къ дочери, которая была невинной причиною ея смерти, не прошла еще и черезъ семнадцать лѣтъ.

Въ тотъ самый день, когда предательство Лорана Палѣ подало поводъ къ рыцарской борьбѣ между Розадѣкомъ и Монлуи, въ которой послѣдній остался побѣдителемъ, въ домѣ Опоре Фовеля происходила слѣдующая сцена. Вечеромъ, совѣтникъ прислалъ Шарлотту за дочерью. Морисетта, обрадованная этимъ неожиданнымъ приглашеніемъ, поправила платье, и весело побѣжала къ отцу; но остановилась, какъ-скоро вошла въ его кабинетъ. На лицѣ строгаго судьи выражались неудовольствіе и негодованіе. Морисетта задрожала и стояла молча, поту-

ннѣ глаза. Фовель не говорилъ ни слова
 ннѣ строгій, ннѣтливый взглядъ. Она не
 ру, но чувствовала его на себѣ. Наконецъ
 сетта не выдержала этой пытки и робко
 я сдѣлала, батюшка?

— Ты не исполнила моей воли, холо
 вель.

Онъ всталъ, держа въ рукѣ разверну
 лннѣ подошелъ къ дочери и вскричавъ
 шннѣ голосомъ: «Ты не исполнила моей
 бдннѣжку этимъ письмомъ по обвиниъ щѣ

Слезы брызнули изъ глазъ бдннѣй д
 еще въ первый разъ подверглась такомъ
 наказанію; и у ней достало духу сказать:
 мною, батюшка; съ вами, я вижу, лучш
 шннѣмъ чѣмъ дочерью: судья покрайней-мѣ

— И ты еще жалуешься! вскричалъ
 братъ твой, какъ ты, поступилъ вопреки
 приказанію, я бы не только наказалъ его
 его изъ дому.

— Братъ мой покорный сынъ, я знаю
 сетта: но, можетъ-быть, онъ никогда не п
 вамъ, потому что всегда могъ свободно с

Этотъ отвѣтъ поразилъ Фовеля, и ему
 Голосомъ уже менѣ сердитымъ, онъ вел
 и потомъ самъ усѣлся въ кресла.

— Я не намѣренъ разсуждать съ тобо
 Посмотри на это письмо и скажи мнѣ, со
 приказаніемъ, которое я далъ тебѣ ког
 домой. Развѣ ты забыла его?

— О нѣтъ, вы приказывали мнѣ такъ
 могла этого забыть.

— Строго! строго! У тебя только и н
 не довольно строго, когда ты осмѣлялась
 Я запрещалъ тебѣ переписываться, съ кѣмъ
 кромѣ брата. Мнѣ некогда читать твои
 тѣмъ въ свѣтъ всегда думаютъ, что доч
 сать къ кому бы то ни было, безъ позво
 нынѣшнія безпокойныя времена на мнѣ.

искала отъбѣтственности, что я не найброу еще свѣтъ передъ свѣтомъ за твои поступки. Поэтому те я и приказала тебѣ продрать всякія сношенія съ своими ирландскими пансіонскими подружками.

— Увѣрю васъ, батюшка, что я не писала.

— Но ты приняла письмо. Заваша ли, что для редотенниковъ тѣхъ, которыхъ мы теперь преслѣдуемъ, весьма важно быть въ перепискѣ съ моею дочерью. Я поставилъ себѣ за правило, не слушать никакихъ просьбъ, не принимать писемъ, написанныхъ неизвестной мнѣ рукою, а ты, безъ моего вѣдома, нарушаешь правило, которое я считю своею обязанностію.

— Увѣрю васъ, батюшка, что я не принимала этого письма.

— Какъ же оно къ тебѣ попало?

— Недѣля двѣ назадъ, воротившись изъ церкви, яшла его въ мѣшкѣ, въ который прячу свой молитвенникъ.

— Но ты знаешь ту, которая его писала?

— Знаю ли я Агату де-Розмадѣкъ!... Это моя первая учительница.

— Сестра мятежника!

— Она такъ страстно любитъ брата! Не зная, что съ нимъ случилось, она полагала, что онъ, можетъ-быть, уже въ вашихъ рукахъ и думая, что я имѣю какое-нибудь млініе на васъ, умоляла меня попросить за него.

— Этого-то я и не хочу. Никто не имѣетъ права просить судью за подсудимаго. Это значитъ посягать на его совѣсть.

— Батюшка, я и не говорила вамъ ни слова въ пользу Розмадѣка.

— Этого не довольно. Если бъ ты была покорная дочь, ты бы отдала мнѣ это письмо, не распечатывая; а я бы отослалъ его къ безумной, которая осмѣлилась писать къ тебѣ такія вещи.

— Простите меня, батюшка. Привязанность къ Агатѣ заставила меня забыть мою обязанность. Я узнала ея руку и подумала, что безъ важной причины она не рѣшилась бы передать мнѣ свое письмо такимъ необыкновеннымъ образомъ. У Агаты нѣтъ никого, кромѣ этого брата, и ея.

она, можетъ-быть, должна лишиться. Миѣ стало жаль ее. Я не вытерпѣла и отвѣтила ей: «Надѣйся».

— Ты отвѣчала! вскричала Фовель, въ бѣшенствѣ вскочивъ съ кресла.

— Батюшка, вы меня пугаете! сказала Морисетта, отступая къ дверямъ.

— Такъ для тебя нѣтъ ничего священнаго? Ты не побоялась компрометировать мое имя! Что-нибудь одно: или ты дѣлаешь это съ моего позволенія, или я не знаю съ кѣмъ дочь моя переписывается. Во всякомъ случаѣ ты унижаешь или судью или отца. Эта одна мысль должна была бы остановить тебя.

— Батюшка, я подумала о Діоніи и миѣ пришло въ голову, въ какомъ бы отчаяніи была я, если бъ не знала что случилось съ братомъ. И, признаюсь вамъ, когда я написала Агатѣ, чтобы она надѣялась, я думала, что миѣ удастся исполнить ея надежду; я двадцать разъ собиралась просить васъ за ея несчастнаго брата.... О, батюшка, видите какъ меня пугаетъ ваша строгость: несмотря на всю мою любовь къ бѣдной Агатѣ, я не рѣшилась на это!

— Видно, ты очень интересуешься этимъ молодымъ человекомъ?

— Я интересуюсь Агатой. Его я совсѣмъ не знаю, никогда не видала. Я за нея радуюсь, что ему до-сихъ-поръ удалось укрыться отъ всѣхъ поисковъ; за нея боюсь, чтобы онъ не попалъ въ руки враговъ своихъ....

— Своихъ судей, строго сказалъ Фовель. Такъ сестра не знаетъ что случилось съ ея братомъ, мятежникомъ?

— Нѣтъ, иначе бы она, вѣрно, опять написала ко миѣ.

— Ну, такъ ты можешь сообщить ей, что братъ ея сегодня взятъ подъ стражу, что завтра его будутъ судить и что твое вмѣшательство въ это дѣло заставитъ меня быть еще строже того, какъ я былъ бы безъ твоей преступной переписки.

— Онъ подъ стражей! вскричала дѣвушка, всплеснувъ руками и потомъ, протягивая ихъ съ умоляющимъ видомъ, прибавила: — Батюшка, по-крайней-мѣрѣ будьте только справедливы!

Въ это самое время на улицѣ послышался сильный шумъ и стукъ молоткомъ въ ворота. Шарлотта, въ испугъ, побѣжала отворить. Оноре Фовель вышелъ на балконъ и увидѣлъ, что нѣсколько стрѣльцовъ въ безпорядкѣ устремились во дворъ его дому. Нѣкоторые изъ нихъ окружали и тащили молодаго человѣка въ матросскомъ платьѣ; другіе отбивались штыками отъ народа, который, по-видимому, хотѣлъ освободить плѣнника. Наконецъ ворота захлопнули. Вслѣдъ затѣмъ камни посыпались на окна дома и нѣсколько стеколъ разлетѣлись въ дребезги.

Не обращая большаго вниманія на буйство черни, которая въ эти времена безпорядковъ нерѣдко нападала на дома судей, Оноре Фовель велѣлъ дочери идти и запереться въ своей комнатѣ. Поблѣднѣвъ, дрожа отъ страху, Морисетта пошла изъ кабинета; но на лѣстницѣ она нѣсколько разъ останавливалась, потому что ноги у ней подкашивались и притомъ неодолимое любопытство удерживало ее на мѣстѣ. Она нагибалась черезъ перилы лѣстницы, чтобы посмотреть что дѣлается внизу. Но вскорѣ послышались шаги начальника стрѣльцовъ; Оноре Фовель вышелъ къ нему на встрѣчу и бѣдная дѣвушка, которая совсѣмъ не имѣла причины надѣяться на родительскую снисходительность, пошла къ себѣ, стараясь, чтобы ее не замѣтили. Но она не въ состояніи была вполне повиноваться отцу. Вѣсто-того, чтобы запереть свою дверь, она оставала ее отворенною и съ безпокойствомъ прислушивалась. На улицѣ еще раздавались крики; на дворѣ слышался стукъ оружія о мостовую; еще ближе два человѣка разговаривали вполголоса. До нея долетѣли только отрывчатые слова начальника стрѣльцовъ: «Взять подъ стражу.... народъ хотѣлъ отбить.... принуждены были отступить и искать убѣжища»....

Что касается до Фовеля, то онъ говорилъ такъ тихо, что она ничего не могла разслушать; наконецъ онъ сказалъ громко:—Я отвѣчаю за него. Завтра на лавкахъ подсудимыхъ будетъ однимъ больше.

Потомъ онъ отдалъ сержанту какое-то приказаніе и воротился въ кабинетъ. Морисетта по-тихоньку затворила

свою дверь, подошла къ окну и украдкой приподняла занавѣски. На дворѣ солдаты окружали своего плѣнника, но тогда было уже такъ темно, что она не могла разсмотрѣть его. Черезъ нѣсколько времени Морисетта вынесла фонарь и двѣ охапки сухихъ дровъ. Солдаты зажгли ихъ, составили ружья въ козлы и усѣлись вокругъ огня, намѣреваясь, по-видимому, остаться тутъ довольно долго. При всемъ своемъ стараніи, Морисетта никакъ не могла разсмотрѣть лица плѣнника и только замѣтила съ ужасомъ, что руки у него стянуты веревкою и ноги перевязаны.

Плѣнникъ, по-видимому, не унывалъ, потому что запѣлъ какую-то пѣсню. На улицѣ раздались восторженные рукоплесканія. Тѣ, которые пытались освободить его, хотѣли показать, что они не отказались еще отъ своего намѣренія, что они ждуть его. Но какъ ни силенъ былъ этотъ шумъ, а Морисетта его почти не слыхала: до такой степени поразила ее пѣсня узника. Эти слова, эта мелодія, были ей хорошо извѣстны: пѣсню, которую она теперь слышала, часто пѣвала Агата Розмадѣкъ. Эта пѣсня сочиненія ея брата. Но онъ ли это? Не другой ли кто поеть его пѣсню? Морисетта не имѣла никакой возможности удостовѣриться въ этомъ. Она тихонько отворила окно и нагнулась на дворъ. Въ это самое время два солдата вели плѣнника къ черной лѣстницѣ дому Фовеля. Передъ ними шелъ сержантъ съ фонаремъ. Шарлотта съ другимъ фонаремъ ждала ихъ внизу лѣстницы. Черезъ нѣсколько времени солдаты сошли внизъ и присоединились къ своимъ товарищамъ, которые сидѣли вокругъ огня, а Шарлотта пошла къ своему барину, но оставалась тамъ не долго. Когда старуха вышла изъ кабинета Фовеля, Морисетта, затворивъ окно, стояла уже на лѣстницѣ. — Шарлотта, Шарлотта, поди сюда на-минутку, сказала она шопотомъ, чтобы другой кто не услышалъ.

— Некогда, барышня.

— На одну только минутку: у меня свѣча погасла.

Дѣло въ томъ, что она ее и не зажигала. Шарлотта, не говоря ни слова, медленно поднялась на лѣстницу, вошла въ комнату дѣвушки и стала зажигать свѣчу.

— Скажи пожалуйста, Шарлотта, какое происшествіе!

вскричала дѣвушка, досадуя, что старуха ничего не говоритъ.

— Чтò такое?

— А какъ же? Неужели тебѣ не странно? Я, право, думала, что начнутъ осаждать нашъ домъ.

— Э, шѣтъ!

— Бѣдный молодой человѣкъ! Куда жъ его заперли, Шарлотта?

— Кого?

— Ну, да этого молодого человѣка, Розмадѣка.

Она произнесла это имя на всякой случай, въ надеждѣ, что если пѣвникъ не Розмадѣкъ, то Шарлотта скажетъ. Но та отвѣчала:—Ну, ужъ этому, видно, не сдобровать.

— Да о комъ же ты говоришь?

— Какъ о комъ? О томъ же, о комъ и вы.

— О Розмадѣкѣ?

— Ну, да.

— Такъ это онъ? Ты почему знаешь?

— Да вѣдь вы же знаете!

— Я не знала, а только догадывалась.

Старуха начала дрожать какъ въ лихорадкѣ.—Господи Боже мой, помилуй меня, грѣшную! вскричала она въ ужасѣ. А баринъ—то вѣдь приказывалъ не сказывать!.... Боже мой, Боже мой!.... Пропала моя головушка!....

Ноги у нея подкосились и она принуждена была сѣсть. Морисетта воспользовалась разстройствомъ старухи и выспросила у нея все что было можно. Такимъ образомъ она узнала, что за Розмадѣкомъ уже съ самаго утра слѣдовали и схватили его, когда онъ пытался выйти изъ города. Народъ, который не очень любилъ стрѣльцовъ, напалъ на нихъ, чтобы отбить узника. Одинъ человѣкъ при этомъ былъ раненъ. Шарлотта сказала его имя. Но Морисетта не обратила никакого вниманія на то, что этотъ человѣкъ былъ Лоранъ ле-Палѣ. Стрѣльцы вошли въ домъ Фовеля. Пѣвникъ долженъ былъ оставаться тутъ, пока толпа разоидется; потомъ, часа въ два или три утра его отвели бы въ тюрьму, а между-тѣмъ заперли въ комнату, въ которую сѣсть предѣлалъ съ верку. Эта комната выходила на

тешный корридоръ, который тянулся вокругъ всего дому. Кромѣ этого и вверхъ на лѣстницу изъ нея не было другаго выхода. Внизу лѣстницы поставили часоваго, а ключъ отъ комнаты Шарлотта отдала Фовелю.

Шарлотта высказала все это потому, что почти обезумѣла отъ страху. Наконецъ, услышавъ, что бѣсъ десять часовъ, она встала, убѣдилась, что ноги ея кое-какъ держатъ и поползлась изъ комнаты, умоляя свою барышню не говорить объ этомъ ни слова.

Такимъ образомъ Морисетта знала, что несчастный узналъ — братъ ея Агата, и что завтра онъ явится передъ судьями, которые заранѣе расположены признать его виновнымъ. Въ другое время Морисетта только пожалѣла бы о несчастномъ; но теперь строгость отца придавала ей необыкновенную энергію. Она думала о томъ что было бы съ нею, если бъ ея братъ находился въ подобномъ положеніи и, въ какомъ-то восторженномъ состояніи, она почти вслухъ сказала:—Будь спокойна, Агата: я спасу его! Она сѣла на постель, взяла голову въ обѣ руки и принялась размышлять, какъ-бы исполнить свой замыселъ. Въ тишинѣ ночи умъ дѣйствуетъ быстро, особенно когда имъ управляетъ сердце, а лихорадочное волненіе мѣшаетъ видѣть препятствія. Минуть въ десять она совершенно обдумала свой планъ, дотога смѣлый, что надобны были вся теплота ея души, вся отважная неопытность ея лѣтъ, чтобы рѣшиться на подобное предпріятіе. Ее не оставалась ни страхъ отцовскаго гнѣву, ни мысль, что ей придется имѣть тайныя сношенія съ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ совсѣмъ не знаетъ. Впрочемъ она это дѣлала не для него и думала только объ Агатѣ, которая ввѣрилась ей дружбѣ. Но время дѣйствовать еще не наступило. Морисетта сама боллась, чтобы размышленія не поколебали ея рѣшимости и потому продолженіи двухъ долгихъ часовъ, пока оставалась одна въ своей комнатѣ, она старалась забыть объ этомъ и думала только о братѣ, представляя себѣ его въ томъ положеніи, въ которомъ находился теперь Розмадѣкъ. Она была твердо увѣрена, что Агата, на ея мѣстѣ, сдѣлала бы для Діонита же самое, что теперь она напѣревалась сдѣлать для Розмадѣна. Наконецъ

пробыло двѣнадцать часовъ. Морисетта помолилась, подошла къ окну и взглянула на дворъ. Одинъ изъ солдатъ стоялъ у черной лѣстницы, другіе стрѣльцы сидѣли на мостовой между потухающимъ огнемъ и своими ружьями. Легкій отблескъ на противоположной стѣнѣ, прямопротивъ окна кабинета ея отца, отблескъ очевидно происшедшій отъ ночника, показалъ ей, что Фовель уже легъ. Морисетта сказала сама себѣ:—Теперь пора.

Боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ шаговъ ея, она сняла башмаки и вышла изъ комнаты босикомъ. Довольно, что она отворила дверь своей комнаты; затворить она уже не рѣшилась. Лампа на лѣстницѣ уже потухла; но темнота не страшна была для дѣвушки. Она какъ тѣнь соскользнула до нижняго этажу. Тутъ только начинались опасности ея невѣроятнаго предпріятія. Передъ нею была дверь: дверь кабинета отца ея. Надобно было отворить эту дверь, проникнуть въ эту комнату. Морисетта поручила душу свою Богу и черезъ нѣсколько секундъ была уже въ кабинетѣ Фовеля. Но она не одна была тамъ. Она пришла туда за ключемъ, который Шарлотта принесла своему барину, когда плѣнника заперли. Морисетта чуть не упала въ обморокъ и едва-едва не вскрикнула отъ ужасу, когда, отворивъ дверь кабинета, увидѣла, что суровый судья сидитъ въ своихъ креслахъ. У ней не достало силъ ни двинуться впередъ, ни итти назадъ: она опустилась на колѣна и протянула съ умоляющимъ видомъ руки. Только сердцемъ мѣгла она закричать: «Простите!» потому что страхъ сковалъ ей уста.

Она стояла, поникнувъ головою и ожидая смерти. Между тѣмъ ничто вокругъ нея не шевелилось; ничто не показывало, чтобы тутъ, передъ преступной дочерью, былъ строгій отецъ, готовый поразить ее своимъ проклятіемъ.

Удивленная этимъ безмолвіемъ, Морисетта удвоила вниманіе и ей послышалось спокойное, ровное дыханіе. Она медленно подняла глаза и увидѣла, что Фовель спитъ. Кровь съ такою силою бросилась ей въ голову, что въ глазахъ у ней потемнѣло. Надежда ожила въ ея сердцѣ, съ надеждой возвратилось и мужество, съ мужествомъ сила. Морисетта встала. Гроза не разразилась, но она еще не

миновала. Ключъ, за которымъ пришла жалъ на столъ, подлѣ котораго Фовель добыть этотъ ключъ, надобно было сдѣлать ко шаговъ, надобно было взятьего такъ-сидеи руки отца. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ и шуда руку. Наконецъ ключъ былъ у нея, выбралась изъ страшной комнаты. Главной

Морисетта пошла осторожно по корридору. Извороты были ей давно знакомы, ощупывая безъ шуму отперла ее.

— Гдѣ вы? спросила она.

— К чему вы меня будите? сказалъ плѣнникъ, говоря. Я видѣлъ такой прекрасный домъ!

— Встаньте и идите за мною.

— Зачѣмъ?

— Именемъ сестры вашей говорю вамъ,

— А, это дѣло другое! Но чтобы идти сюда бы васъ видѣть, а я ровно ничего не знаю.

— Возьмите мою руку, сказала Морисетта, идите больше, не старайтесь узнать кто я, и о сестрѣ и да хранить васъ Богъ, когда вы отсюда!

Розмадѣкъ догадывался по голосу, что Морисетта чувствовала, что женская рука ведетъ его. Они молча дошли до дверей сада, которая была высокой стѣною отъ переулка. Морисетта требовала, чтобы онъ молчалъ и пошелъ по самой темной аллею. Дойдя до стѣны, Морисетта сказала, что она была изъ палатки, по которымъ Розмадѣкъ и вѣдалъ. Во имя Агаты, Ивъ де-Розмадѣкъ посвящая которую вы спасли, сказалъ молодой человекъ стѣнѣ. Морисетта долго прислушивалась къ его и успокоилась тогда только, когда онъ въ отдаленіи.

На другой день изъ трактира въ бѣдномъ Парижѣ отъ Нанта, отправилось въ Парижъ письмо, адресованное на имя Діоннѣ Фовель.

«Братецъ, я вѣдываю, но, видно, вина моя очень прѣстительна, когда я нисколько не раскаяваюсь. Между-тѣмъ эта вина такъ важна, что я принуждена покинуть отцовскій домъ. Батюшка не простилъ бы мнѣ моей вины. А я его такъ боюсь, что не знаю на какую крайность не рѣшилась бы, если бъ тебя у меня не было. Ты, я уверена, простишь меня, ты будешь моимъ судьбою и оправдаешь, утѣшишь меня. Не пугайся: совѣсть не укрекаетъ меня и я смѣло говорю тебѣ: прими меня въ свое объятіе. Парижская карета прѣѣзжаетъ здѣсь нынче вечеромъ. Каждая минута будетъ приближать меня къ тебѣ, и если ты встрѣтишь меня при выходѣ изъ кареты, то я буду плакать уже только отъ радости».

Въ это время добрый городъ Парижъ дотога наполненъ былъ бродягами и нищими, безпокойными днемъ и опасными ночью, что регентъ принужденъ былъ возобновить строгія мѣры принятія противъ неисправимыхъ ветодействъ его предшественниками. Однако жъ ихъ не клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, какъ бывало при королѣ Іоаннѣ, и не душили, какъ водилось при Францискѣ Первомъ. Въ 1720 году съ преступниками обращались гораздо снисходительнѣе. Ихъ наказывали только тюрьмою, бичомъ, изгнаніемъ и работами на галерахъ. Но, чтобы обуздать бродяжничество и защитить мирныхъ гражданъ отъ непокорной и буйной толпы, необходимы были силы, побольше тѣхъ, которыми могъ располагать д'Аржансонъ, начальникъ полиціи города Парижа. Королевскій совѣтъ помогъ ему и съ разрѣшенія регента д'Аржансонъ сформировалъ четыре новыя роты стрѣльцовъ (archers), которыя такъ горячо принялись за дѣло, что черезъ нѣсколько дней обширныя пріюты нищеты и преступленій, называемыя Сальметрёръ и Бисетръ, оказались слишкомъ тѣсными для помѣщенія всѣхъ бродягъ, собранныхъ туда усердіемъ ночныхъ дезоровъ.

Но стрѣльцы иногда встрѣчали сильное сопротивленіе не отъ однихъ бродягъ. Часто, въ минуту поимки кого-либо, ремесленники выходили изъ своихъ домовъ, купцы изъ лавокъ и съ помощію прохожихъ нападали на стрѣльцовъ и отбивали у нихъ добычу. Впрочемъ, это дѣлалось не потому, чтобы ремесленники, купцы или горожане были за-одно съ нищими и не боялись бродягъ. Они

хотѣно подали бы помощь съищникамъ, если бы увѣрены были, что эти люди отъискивали только однихъ бешпокойныхъ; но подл предлогомъ истребленія бродяжничества, новые съищники д'Аржансона не считали противозаконнымъ останавливать невинныхъ провинціаловъ, дѣтей благородныхъ семействъ, даже богатыхъ гражданъ, чтобы взять съ нихъ выкупъ, напугавъ ихъ возможностью провести ночь въ тюрьмѣ.

Какъ бы то ни было, если столица государства не была совершенно охраняема этими строгими мѣрами, по крайней мѣрѣ она была довольно очищена отъ бродягъ и подозрительныхъ женщинъ, въ чемъ легко было убѣдиться, видя, какимъ шумнымъ народонаселеніемъ наполнилась въ самое короткое время Публичная Больница.

Цѣль нашего разсказа приводитъ насъ къ дому, который собственно носилъ это имя.

Публичная Больница, въ просторѣчин Сальпетріеръ, заключала въ своихъ стѣпахъ отдѣленіе, называвшееся общимъ, куда полиція ежедневно стогнала всѣхъ несчастныхъ или презрѣнныхъ женщинъ, которыхъ находила на парижскихъ улицахъ. Ихъ бросали сюда безъ разбору, безъ уваженія къ истинной бѣдности, безъ различія лѣтъ; омѣнивали несчастье съ развратомъ, дряхлость, угасавшую въ своемъ униженіи, съ юностью, не знавшею даже имени пороковъ, въ которыхъ ее обвиняли.

Смотрителямъ заведенія трудно было сохранять дисциплину въ этой безпорядочной толпѣ; но имѣя власть наказывать, они, сколько могли, наблюдали за тишиной въ этихъ длинныхъ дортуарахъ, гдѣ четыреста женщинъ спали по осьми на каждой изъ пятидесяти кроватей, между тѣмъ какъ четыреста другихъ ждали на полу залы, когда первая проведутъ половину ночи подъ одеяломъ, чтобы согнать ихъ и заступить ихъ мѣсто до разсвѣту.

Во время этихъ печальныхъ часовъ, когда ожидающія сидѣли у обѣщанной постели, онѣ разсказывали другъ другу на-ухо много ужасныхъ повѣстей.

Въ одну изъ ночей, когда въ большой снѣгѣ заключенныя разсказывали о своихъ подвигахъ, одна молодая дѣвушка, наканунѣ приведенная въ Сальпетріеръ, говори-

за старой нищей, которой взглядъ былъ кротокъ и улыбка ласкова:

— Божусь вамъ, сударыня, что я здѣсь по ошибкѣ.

— Быть-можетъ, моя милая; это говорятъ такъ часто, что иногда должно быть и правда.

— Это такъ вѣрно, какъ то, что вы вѣрите въ Бога.

Старуха покачала головой; но дѣвушка не замѣтила этого движенія и продолжала:

— Я пришла въ Парижъ отыскивать брата.

— Прекрасно, моя милая, я понимаю; ты говоришь: брата, какъ другая бы сказала: дялю или кузена; брата, конечно, лучше, какъ-то приличнѣе.

— Неужели Господь совсѣмъ оставилъ меня, продолжала молодая дѣвушка: когда вы, — единственная женщина, достойная довѣрія и уваженія, которую я нашла здѣсь, — сомнѣваетесь въ моихъ словахъ!

Старуха опять кивнула головою и сдѣлала странную гримасу, которой дѣвушка не замѣтила при тускломъ свѣтѣ дынной лампы, висѣвшей въ концѣ залы.

— Ну, ну, хорошо, отвѣчала нищая: братъ такъ братъ, но какимъ же образомъ онъ позволилъ взять тебя?

— Я не скажу вамъ, продолжала дѣвушка, какая важная причина заставила меня оставить родительскій домъ: эта причина благородна, и никто, кромѣ обиженнаго мною отца, не осудитъ меня за поступокъ, который заставилъ меня искать пріюта внѣ нашего дому. Вѣрите ли вы тому, что я говорю, прервала она: скажите, вѣрите ли вы? потому что если вы сомнѣваетесь, я замолчу.

— Говори, моя милая: но говори тише. Въ этотъ часъ говорить запрещено. Ежели сторожиха покажется, что мы шѣшаемъ другимъ спать, такъ достанется нашимъ плечамъ, да еще, пожалуй, поставятъ на ночь на холодный дворъ, въ колодку.

Трепетъ пробѣжалъ по членамъ старухи и дѣвушка невольно вздрогнула. Она продолжала еще тише:

— Я отправилась въ дилижансъ, который ходитъ изъ Нанта въ Парижъ. Пріѣхавъ, я надѣялась, что братъ ждетъ меня. Я искала его въ толпѣ любопытныхъ, окружающихъ карету, и хотя я не видѣла брата цѣлые десять

лѣтъ, я бы его легко узнала, если бѣ онъ былъ тутъ; по тому что каждый день любовалась на его портретъ, который онъ прислалъ изъ Парижа. Каждого изъ моихъ спутниковъ встрѣтила родные, или друзья; всѣ весело развѣхались, я одна осталась на дворѣ дплижанса, ужъ боясь моего одиночества въ этомъ огромномъ городѣ, куда я пріѣхала въ первый разъ. Однако, я еще не совсѣмъ потеряла надежду; я полагала, что письмо мое не дошло до брата и что потому только онъ и не пришелъ меня встрѣтить. Я знала названіе улицы, въ которой онъ жилъ; протомъ указала мнѣ дорогу, и смѣло пошла впередъ.

Когда я подходила къ его дому, моему единственному убѣжищу, грусть, налегшая мнѣ на сердце, снова развѣлась, и довѣрчивость, съ которою я вѣхала въ Парижъ оживляла всѣ мои мысли. Наконецъ я прочитала имя улицы, и потомъ нумеръ дому гдѣ онъ жилъ. Я какъ-будто обезумѣла отъ счастья. Все тѣло мое дрожало, я едва держалась на ногахъ. Я прислонилась на минуту къ двери чтобы нѣсколько превозмочь мое волненіе; я не хотѣла чтобы голосъ измѣнилъ мнѣ при встрѣчѣ съ братомъ онъ такъ любить меня! Я боялась испугать его.

Привратница, которая въ это время мела дворъ, подошла къ самымъ воротамъ и замѣтя мою физиономію, безъ сомнѣнія странную, спросила что мнѣ нужно, и не дурно ли мнѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала я:— я сейчасъ войду.

— Въ домъ?... А къ кому вы идете?

— Кажется здѣсь живетъ мой братъ?

— Вашъ братъ? повторила она, а кто вы такіа? Что вамъ нужно? Какъ зовутъ вашего брата?

Я гордо отвѣчала:

— Діоні Фовель. Я всегда произносила это имя съ гордостію.

Эта женщина, тотчасъ взяла меня за руку, взглянула на меня предезко и сказала:

— А! вы сестра Діоні Фовеля; ну! миленькая, войдите ко мнѣ въ каморку; мы поговоримъ о молодцѣ вашемъ братцѣ.

Оглушенная этими словами, обезпокоенная смысломъ,

который она старалась мнѣ придать, я поняла за этою женщиною, и скоро узнала все свое несчастіе. Уже двѣ недѣли, какъ братъ мой тайно скрылся изъ этого дому, оставя долги въ сосѣдствѣ. Увлеченный не знаю какими вихремъ свѣта, онъ велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ мы предполагали. Эта женщина обвиняла его въ тысячахъ проступковъ, которыхъ я не могла понять. Въ первомъ порывѣ негодованія, я думала, что она лжетъ, и смѣло сказала ей это. Чтобы доказать мнѣ, что братъ мой бѣжалъ, какъ она говорила, она показывала мнѣ нѣсколько писемъ на его имя, которыя оставались у нее съ отъѣзда и между ними я узнала то, въ которомъ писала ему о моемъ пріѣздѣ. Брань, которую эта женщина смѣшивала съ воспоминаніемъ о моемъ братѣ, постыдныя имена, которыми она осыпала его за забытые долги, до такой степени возволновали меня, что не подумавъ о критическомъ положеніи, въ которомъ оставляла меня неизвѣстность его пребыванія, я высыпала свой кошелекъ на столъ и сказала:

— Возьмите эти деньги и раздайте ихъ, кому хотите; послѣ вамъ заплатятъ и остальные, но не говорите болѣе, что Діонъ Фовель безчестный человѣкъ.

Я ушла, сама не зная, куда идти, что дѣлать. Возвратиться къ отцу, убѣжавъ изъ его дому, значило подвергнуться гнѣву больше того, отъ котораго я бѣжала. Притомъ я нанесла бы ему жестокой ударъ, сказавъ почему не нашла въ Парижѣ того сына, котораго онъ столько любилъ и которымъ такъ гордился. Нѣтъ, уже столько обидѣвъ отца, я не имѣла права отнимать у него послѣдняго пріятнаго заблужденія. Однако мнѣ необходимо было найти пріютъ. Я знала одинъ, но онъ былъ такъ далеко, что я не могла подумать о разстояніи безъ ужаса. Этотъ пріютъ, на который указывали мнѣ мои воспоминанія, былъ монастырь, гдѣ я воспитывалась. Вспомнивъ о немъ, я рѣшилась возвратиться въ контору дилижансовъ, но не знала названія улицы гдѣ останавливались дилижансы. Наконецъ, идя впередъ по разпросамъ, я попала на настоящую дорогу.

Ѥ нѣсколько часовъ уже блуждала по городу и такъ

часто выходила на одно мѣсто, что стала осторожнѣе. Вдругъ, осматриваясь кругомъ, я увидѣла въ открытой каретѣ, проѣзжавшей мимо, молодого человѣка, богато одѣтаго, котораго я не могла не узнать.

— Ба! это былъ вашъ братецъ? прервала старуха.

— Да, глаза мои, волненіе, инстинктъ, все говорило мнѣ, что это онъ. Я стала звать его; но экипажъ катился такъ скоро, что онъ не могъ меня слышать. Несмотря на усталость и отчаяніе, которыя томилъ меня, надежда дала мнѣ столько силы, что я побѣжала за каретою. Слѣдуя за нею, я махала платкомъ, потому что не могла уже кричать. За угломъ улицы экипажъ скрылся. Однако я не переставала бѣжать. Мнѣ казалось, что небо хотѣло наградить мое мужество, потому что прибѣжавъ къ повороту улицы, скрывшей мои надежды, я увидѣла карету у воротъ отѣла. Изъ нея вышелъ ловкій молодой человѣкъ и сдѣлавъ рукою привѣтливый знакъ швейцару, который почтительно посторонился.

Я остановилась, чтобы перевести духъ и потомъ подошла къ швейцару.

— Я хотѣла бы, сказала я ему, поговорить съ молодымъ человѣкомъ, который сейчасъ пріѣхалъ сюда въ каретѣ.

— Это очень легко, отвѣчалъ мнѣ швейцаръ: онъ только-что пріѣхалъ и вѣрно не разсердится, увидѣвъ такую гостью.

— Я сестра его, отвѣчала я швейцару, во взглядѣ котораго было что-то оскорбительное.

Онъ усмѣхнулся на мой отвѣтъ и потомъ закричалъ огромному лакею, стоявшему въ передней:

— Скажи шеваље де-Глоріетту, что его спрашиваетъ сестра.

При этомъ имени, которое было мнѣ неизвѣстно, я издрогнула и отвѣчала:

— Я спрашиваю не шеваље де-Глоріетта, а брата моего, Діоні Фовелла.

— Мы такихъ не знаемъ, грубо отвѣчалъ швейцаръ. Сюда пріѣхалъ сейчасъ въ зеленой каретѣ шеваље де-

Глоріеттѣ: въ этомъ я увѣренъ, потому что онъ живетъ здѣсь, у его сіятельства венеціанскаго посланника.

— Славно! въ игорномъ домѣ, прошептала старуха: знаешь.

— Такимъ образомъ, продолжала Морисетта, я обманулась. Сходство, которое такъ поразило меня, существовало только въ моемъ воображеніи. Я могла бы лучше въ томъ удостовѣриться: но что бы сказала я этому молодому человѣку, если бы онъ не былъ мой братъ!

Оставалось обратиться къ прежнему средству и съ помощію прохожихъ отыскать контору дилижансовъ. Но наступила ночь и мнѣ стало труднѣе пробираться по темнымъ и глухимъ улицамъ. Меня дерзко преслѣдовали и даже обижали. Страхъ выгналъ меня изъ людныхъ улицъ, и я бросилась въ улицы пустыя. Страхъ посѣдовалъ за мною туда и представлялъ мнѣ призракъ въ каждой тѣни, угрозы въ самомъ безмолвіи. Были минуты, когда разсудокъ мой помрачался; я упала на колѣни на мостовую, и изъ-дали кричала такъ громко: «Прости'...» моему отцу, что онъ долженъ былъ вздрогнуть.

Въ эту самую минуту проходилъ вечерній дозоръ, продолжала Морисетта съ выраженіемъ ужаса, какъ-будто эта страшная минута была безпрестанно у ней передъ глазами: При шумѣ шаговъ, которые я услышала вдалекѣ, я встала и спряталась въ уголъ двери. Боязнь, съ которою я старалась спрятаться, только увеличила опасность моего положенія. Стража схватила меня, утверждая, что я пряталась потому что считала себя виновною. Я пыталась сказать имъ мое имя, объяснить, почему они меня здѣсь нашли, но они ничего не хотѣли слушать, и въ ту же ночь привели меня сюда съ другими женщинами, быть-можетъ также несчастными, но которыя вѣрно болѣе меня заслуживали это несчастіе.

Такъ говорила Морисетта, и окончивъ, удивилась молчанію своей повѣренной, потому что бѣдная молодая дѣвушка избрала ее между другими, будучи привлечена ея пріятною фізіономіею и благородствомъ ея разговора.

— Но, спросила она: вы молчите, вы не поняли вполнѣ, какъ ужасна моя участь?

— Я понимаю только то, отвѣчала ни ихъ лѣтъ ты не дурно выдумываешь исте ше нравятся рассказы той бѣлокурой, съ те на одной кровати; то, что рассказываете сказки; да только по-занимательнѣе. Одна тать-то: мнѣ спать хочется.

Морисетта, напрасно думавшая найти сердце среди этой испорченности нравов ренесла новый ударъ и осудила себя на шимостью безпорочной души, которая ш себя, опасаясь нечистаго столкновенія.

На другой день она попыталась говор тельницей, которая имѣла товъ менѣе гр гія.

— Я хотѣла бы исповѣдаться, сказала шка.

Надзирательница, не привыкшая слыша ланія, съ недоувѣрчивостью посмотрѣла отвѣчала:

— Знаемъ мы эти исторіи: если у тебь будь грѣхъ на совѣсти, то сюда призову ховника.

— Да, отвѣчала Морисетта, пусть онь возвратитъ мнѣ жизнь.

Намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобы впку свое затруднительное положеніе и шскать Фовеля.

Наконецъ патерь явился; но когда на порогѣ, когда Морисетта, видя его, я къ нему, какъ къ своему избавителю, буи гремѣли изъ устъ осьмисотъ женщинъ, с дворѣ.

Узнавъ, что придетъ патерь, заключени ему этотъ приѣмъ, чтобы посреди безпоря вать бѣгству нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Плеть сторожей засвистала; двѣ несчас часть привязаны къ столбу на дворѣ, други тюрьму, остальныхъ загнали въ комнаты. какъ все это происходило, патерь спѣшил

Три дня спустя, излишняя часть заключенныхъ наполнила тюрьмы, между-тѣмъ какъ другія, выбранныя между самыми молодыми, отправлялись въ Гавръ, откуда онѣ должны были ѣхать на военномъ суднѣ въ Новый Орлеанъ.

Между изгнанницами была и Морисетта.

Когда ее посадили на одну изъ повозокъ, скованную съ пятью другими женщинами, когда она увидѣла себя за стѣнами смиреннаго дому, она испустила вопль, который обратилъ на нее вниманіе толпы, сбѣжавшейся смотрѣть на поѣздъ конвоя. Тогда Морисетта бросила въ толпу любовитныхъ письмо, которое тихонько написала. Это письмо адресовано было къ Фовелю, который могъ наконецъ узнать, гдѣ находится его дочь.

— Ради Бога, кричала она человѣку, который поднимал бумагу: бросьте это письмо на почту; это къ моему отцу.

Человѣкъ этотъ взглянулъ на нее; онъ взвѣсилъ на рукѣ пакетъ, какъ-бы желая узнать, если тутъ ему за работу, но видя что тутъ одно письмо, подошелъ къ кофейной, смаялъ письмо, поднесъ его къ огню и закурилъ трубку.

Мы прибавимъ, что въ тотъ же день, въ Нантъ, сѣкира палача провожала съ этого Свѣта шесть человѣкъ, приговоренныхъ Пламенную Палату. Въ числѣ жертвъ былъ виконтъ де-Монлуи. Передъ смертью онъ вскричалъ: «Пусть пережившіе насъ—вспомнятъ!» Слова эти были благоговѣнно выслушаны молодымъ человѣкомъ въ монашеской рясѣ, который, стоя у угла стѣны, смотрѣлъ на кровавую казнь. Онъ прошепталъ имя Оворе Фовеля.

Перенесемся теперь въ Гавръ-де-Грасъ.

У входа въ городъ, на самой гавани, подъ башнею, построенною Францискомъ Первымъ, стояло низкое деревянное строеніе, тщательно запертое снаружи, и освещавшееся сверху. Двое часовыхъ мѣрно расхаживали съ мушкетонемъ на плечѣ, съ саблею на перевязи.

Далѣе, на площади, среди народу, сбѣжавшагося толпами, стояли въ безпорядкѣ, повозки подобныя тѣмъ, которыя выѣзжали изъ смиреннаго дому. Выпряженные лошади привязаны были къ колесамъ; извозчики разлеглись на солнцѣ, иные спали, другіе съ трубкою во рту

валялись на кучахъ сѣна. Эта картина, при всей неполнотѣ своей, сильно возбуждала любопытство зѣвакъ, и они любовались ею за немѣнѣемъ лучшаго, потому что хотя и не показывали многого, но о многомъ можно было догадываться. Люди, жаждавшіе новостей, толпились около повозокъ; они разсматривали ихъ въ подробности и каждый старался угадать число женщинъ, привезенныхъ изъ Парижа въ Гавръ въ этихъ тяжелыхъ колымагахъ. Конвой пришелъ ночью, пробывъ семь дней въ дорогѣ. Горожане не могли вполне удовлетворить своему любопытству, стали бродить около сарая, откуда слышался нестройный шумъ голосовъ ссыльныхъ.

До сихъ поръ мы говорили только о женщинахъ, взятыхъ парижскою полиціею; но бродяги, за одно только бродяжничество, заранѣе и безъ суда были приговорены къ ссылкѣ, такъ что въ сараѣ, выстроенномъ у воротъ Гавра, помѣщены были негодяи обоихъ половъ, собранные со всѣхъ угловъ государства.

Торговцы, пользуясь общимъ любопытствомъ, расположились, одни на чистомъ воздухѣ, другіе въ палаткахъ. Стражи прохаживались или садились у столовъ съ горожанами, крестьянами, рыбаками и матросами. Вездѣ разсуждали о кораблѣ и о ссыльныхъ.

— Славная новость! говорили одни: Совгрѣнъ, знаменитый бандитъ, опустошавшій Нормандію, пойманъ; его отправятъ вмѣстѣ съ другомъ.

— Я удивляюсь, замѣтилъ купецъ, что его не повѣсили: это было бы вѣрнѣе, чѣмъ посылать его на Миссисипи. Но, кажется, бездѣльникъ былъ не безъ покровителей.

— Онъ самъ себя покровитель, отвѣчалъ матросъ: онъ обѣщаль отдаться съ тѣмъ, чтобы его оставили въ-живыхъ.

— Надобно было принять это условіе и всё-таки повѣсить, отвѣчалъ купецъ: съ такимъ разбойникомъ нечего церемониться.

— А что фрегатъ «Изумрудъ», который избавляетъ насъ отъ всѣхъ этихъ разбойниковъ, точно отправляется нынче?

— Да, отвѣчалъ съ увѣренностію купецъ: въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что «Изумрудъ» съ утра поднялъ путевой флагъ.

Между-тѣмъ, какъ онъ говорилъ, около него столпилось множество любопытныхъ и онъ продолжалъ:

— Этихъ женщинъ, которыхъ привозятъ сюда въ крытыхъ повозкахъ, скованныхъ по шести, выдаютъ замужъ передъ отправленіемъ въ море, и потомъ посылаютъ въ Америку съ мужьями расплосать честныхъ людей. Мы называемъ это «браками для того Свѣта». Вотъ какъ это обыкновенно дѣлается: забравъ изъ смиренныхъ домовъ и другихъ мѣстъ женщинъ, отправляемыхъ на суда, освобождаютъ изъ тюрьмы, больницъ и галеръ, воровъ, нищихъ, зажигателей и даже убійцъ. Ихъ также привозятъ въ Гавръ и помѣщаютъ въ этотъ сарай. Внутри это строеніе раздѣлено на два отдѣленія, которыя называютъ «свадебною корзинкою»: съ одной стороны мужчины, съ другой женщины. Перегородка раздѣляетъ два пола, такъ, что они не могутъ видѣться. Когда наступаетъ часъ церемоніи, мужчинъ и женщинъ считаютъ. Если излишекъ на сторонѣ мужчинъ, то менѣе опасныхъ изъ нихъ отвозятъ назадъ въ тюрьмы. Если число женщинъ болѣе, то оставляютъ самыхъ дурныхъ. Потомъ, удостовѣрившись, что число женщинъ и мужчинъ одинаково, ихъ ставятъ въ одну линію, но такъ, что они всё-еще не видятъ другъ друга. Послѣ этого отворяютъ въ концѣ обѣихъ залъ единственную дверь, составляющую двойной выходъ, которой обѣ половины соединяются на перегородкѣ. Тогда съ каждой стороны выпускаютъ мужчину и женщину, по порядку ихъ мѣста въ линіи. Пара идетъ вдоль перегородки и выходитъ къ павильону на чистомъ воздухѣ, гдѣ матросы экипажа и нѣсколько стрѣльцовъ составляютъ кругъ; посреди этого круга находится корабельный священникъ. Къ нему подводятъ жениха и невесту, они взглядываются, узнаютъ или не узнаютъ другъ друга, вправятся другъ другу или не вправятся, какое до этого дѣло? Патеръ спрашиваетъ у нихъ имена: — Меня зовутъ Жавотта. — Меня зовутъ Люстикрю. Имя тутъ ничего не значитъ, согласіе еще менѣе. Потомъ писецъ, стоявшій

возлѣ, записываетъ въ городскія книги съ Люстюкю; патеру подносятъ тарелъ кольцами. Онъ даетъ одно изъ нихъ (тотъ передалъ невѣстѣ, говори ему: — имѣть Жавотту женой? Бандитъ отвѣча благоразсудится; Жавотта говоритъ, что до между-тѣмъ переходить изъ рукъ лецъ дѣвнцы, и патеръ благословляетъ. Потомъ канитанъ кричитъ: — Слѣдующи какъ новобрачные садятся въ шлюпку и п раблю.

Когда купецъ окончивалъ свой разск зазвонилъ колоколъ.

— Вотъ, сказалъ онъ: сейчасъ начнутс Свѣта».

Войдемъ теперь въ это странное зданіе графическій планъ, обычан и церемоніи— Досчатая перегородка, болѣе прочная, чѣм дла павильонъ на два огромныя отдѣл сторонъ была страшная суматоха, шумъ отъ которыхъ можно было оглохнуть и обонхъ отдѣленіяхъ вся мебель состояла и скамей и соломы. Скамьи служили то сто ми, солома замѣняла постель, потому ч комната была спальною, столовою и зал ныхъ.

Здѣсь, среди всего, что только порок тельнаго и нищета ужаснаго, Морисетта о своей несчастной судьбы. Сердце бѣдной мирало при воспоминаніяхъ о послѣдних щая минута была для нея ужасною казни томъ она казалась сносною, когда ея испу ніе представляло ей страшную будущност невинную дѣвушку, судьба готовилась бр первому бродягѣ: въ этой преступной те вокругъ нея, были только люди, исторги темницъ.

Казалось, что одна только Морисетта: несчастіе и униженіе; другія были безза

Оба пола, вѣранные причесотру стрѣльцовъ, были въ восхищеніи отъ ожидавшей ихъ участи; эти страннѣе люди, подъ грязными лохмотьями, на сырой и воиочей селомѣ, находили еще оглушительный смѣхъ и золотыя мечты, которыя разглаживали даже морщины на суровыхъ лицахъ ихъ сторожей.

Бѣдная Морисетта, несмотря на время, проведенное посреди этой безумной толпы, ничего не понимала въ ея цинизмѣ; ей казалось только возможнымъ плакать и ужасаться страннымъ словамъ, возбуждавшимъ нескончаемый хохотъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ ее заключили въ смиренномъ домѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ письмо ея, такъ безжалостно сожженное, отняло у нея послѣднюю надежду, несчастная дѣвушка отказалась отъ пищи, и блѣдная, изнеможенная призывала смерть, которая не приходила. А между-тѣмъ вокругъ нея шумѣли неустояныя пляски, разгульныя пѣсни и роскошь, смѣшиваясь съ нищетою, поражала глаза, но печалила душу. Старыя кружева и изорванныя ленты, измаранныя или недопштыя платья, шляпки съ опущенными перьями, все это волновалось въ залѣ, какъ лохмотья вѣдьмъ на шабашѣ.

Нищету у мужчинъ не такъ ужасно было видѣть; плащъ скрываетъ многое, шляпу нѣтъ надобности носить на головѣ, а сапоги могутъ какъ-нибудь существовать и безъ подошвъ. Въ такомъ видѣ была большая часть сосѣдей этихъ дамъ. И что жъ! несмотря на это, когда раздались удары колокола и бандиты увидѣли, что минута ихъ женитьбы приближается, каждый поправлялъ свои волосы, разгладилъ усы, и привелъ въ порядокъ платье, чтобы въ лучшемъ видѣ встрѣтить невѣсту. Женщины съ своей стороны весело занимались своимъ туалетомъ, и съ покетявою миною смотрѣлись въ осколки зеркала, которые несли въ карманахъ. Всѣ поправляли костюмъ, разглаживали кружева, выправляли перья, сдували пыль съ мѣсто. Но нѣкоторые бандиты не трогались съ мѣста: приближеніе брака не могло прервать игры въ кости или карты. Только одинъ изъ нихъ не смѣшивалъ своего смѣху съ веселымъ хохотомъ толпы; онъ стоялъ въ глубинѣ залы, безмолвный и одинокій. Человѣкъ этотъ былъ для всѣхъ

предметомъ зависти и уваженія, потому что никто не надѣялся достигнуть до его извѣстности. Доминикъ Совгрень избѣгъ казни, сдѣлавшись съ условіемъ, что ему будетъ сохранена жизнь.

Шумъ извѣстїи и новые удары колокола дали знать, что церемонія начинается. Тотчасъ обѣ двери открылись, всѣ кое-какъ стали въ линію; потомъ мужчина и женщина, по порядку, выходили вмѣстѣ пзъ каждой залы. Наконецъ, мало-по-малу, всѣ прошли. Въ свадебной корзинкѣ остались только мужчина и женщина.

— Послѣдній, закричалъ сторожъ изъ мужскаго отдѣленія.

— Какъ, еще одинъ? спросилъ сержантъ: въ такомъ случаѣ мы худо разсчитали, потому что для него уже нѣтъ ни одной женщины. А! прибавилъ онъ, окинувъ взглядомъ залу, вонъ что-то бѣлое, это именно то, что намъ нужно.

Это что-то, старавшееся укрыться отъ взглядовъ, была Морисетта.

Сержантъ поднялъ ее, но безъ грубости. Бѣдная дѣвушка остановила на немъ грустный взглядъ, котораго смыслъ онъ понялъ.

— Понимаю, понимаю, красавица, у насъ есть страстишка: жаль, но зачѣмъ онъ также не попалъ сюда? Судьба могла бы васъ свести.

Морисетта опустила голову и не отвѣчала; поддерживаемая двумя солдатами, она съ трудомъ прошла галерею, къ мѣсту, гдѣ происходило вѣнчаніе. Тамъ она ничего не видѣла, ничего не слыхала, только съ трепетомъ чувствовала, что положили въ ея руку другую, и надѣли ей на палецъ кольцо.

Но когда патеръ произнесъ имя мужа, дочь Оноре Фовеля испустила вопль, и упала на-взничъ. Это имя было для нея ужасно. Она слышала какъ его произносили съ удивленіемъ въ тюрьмѣ, во время переѣзда и даже въ залѣ, изъ которой она только-что вышла. Это имя принадлежало бандиту, прославившемуся злодѣяніями; это имя было—Доминикъ Совгрень.

Когда Морисетта Фовель пришла въ чувство, она съ

трудоу открыла глаза, изсушенные слезами и бросила кругомъ себя блуждающій, нерѣшительный взглядъ. Горестъ, къ которой она была такъ чувствительна въ первые дни своего одиночества, заставила ея чувства огрубѣть, истощивъ ея мужество. Слабая натура дѣвушки какъ-будто отвердѣла отъ продолжительности мѹки. Она страдала, но сама не могла отдать себѣ отчету въ своихъ страданіяхъ. Минутный отдыхъ, послѣдовавшій за обморокомъ, какъ-будто оживилъ ея умственные силы, и пробудясь отъ долгаго забытїя, она такъ хорошо поняла свое настоящее положеніе, что первымъ движеніемъ ея было чувство ужасу при мысли о несчастіи, которое снова ей предстояло. Она удивилась, не находя его. Морисетта лишилась чувствъ при яркомъ свѣтѣ, посреди людей, которые казались ей демонами, пришедшими любоваться зрѣлищемъ ея казни. Теперь она была одна, почти въ темнотѣ, на жесткой постелѣ, въ тѣсной деревянной келліѣ; она съ трудомъ подняла голову. Не узнавая мѣста, бѣдная дѣвушка не смѣла ни кого звать, разучать слышать въ отвѣтъ на свой голосъ утѣшенія и помощь. Удостоверясь, что она одна, Морисетта встала, но при первомъ шагѣ она замѣтила, что полъ колебался подъ ея ногами и предметы двигались передъ глазами, какъ въ фантастической пляскѣ. Она облокотилась на постель, и стала прислушиваться. Надъ головою ея послышался шумъ тяжелыхъ и невѣрныхъ шаговъ; голоса перекликались, передавая одно в то же приказаніе. Потомъ раздался скрипъ желѣзной цѣпи, которую достаютъ съ усиленіемъ; стукъ бочекъ, перекладываемыхъ съ одного мѣста на другое, глухой шумъ связки бросаемыхъ веревокъ и, наконецъ, совсѣхъ сторонъ непрерывный трескъ, заставлявшій думать, что стѣны этого страннаго жилища разлетятся подъ напоромъ какой-то невидимой силы.

Не понимая этого шуму и сотрясенія, она стала на колѣни на свою постель и взглянула въ узкое отверстіе, служившее ей окномъ. Безпредѣльность горизонта заставила ее въ ужасѣ отброситься назадъ. Небо изгибалось свой сводъ надъ легкимъ туманомъ, разостлавшимся по морю съ осеннею зарею, и бѣлая струя цѣны, сверкая на синихъ

волнахъ, ослѣпывала бока корабля. Надъ головою, съ боковъ и подъ ногами, Морисетта видѣла только воздухъ небо и волны. Съ минутоу она смотрѣла на эту дивную картину, но при мысли, что эти бездны отдѣляютъ ее отъ вселенной, затрепетала всѣмъ тѣломъ.

Снова, еще съ болѣею горечью, бѣдная дѣвушка стала сожалѣть о монастырской жизни, гдѣ сонъ былъ такъ покойнъ и пробужденіе такъ радостно. Съ какою любовью вспомнила она о дѣвственной комнатѣ въ строгомъ домѣ гдѣ родилась; о глупой служанкѣ, которая повиновалась ей и любила ее по привычкѣ! И все исчезло, все истребилось; отъ прошедшаго не осталось даже тѣни!

Морисетта, столько страдавшая посерединѣ ужаснаго общества, куда бросила ее судьба, почувствовала облегченіе, очутясь одна, далеко отъ нечистаго сосѣдства, которое ее оскверняло, отъ безстыдныхъ взглядовъ, которые ее оскорбляли, и словъ, которыхъ она не могла слышать безъ трепету. Не была ли она наконецъ исторгнута изъ этой страшной бездны? Не сжалилось ли наконецъ надъ нею Провидѣніе? Не рука ли друга перенесла ее на эту постель, гдѣ она пришла въ себя?... Быть-можетъ корабль этотъ идетъ въ Нантъ?... въ Нантъ!...

И схватясь за эту мысль, которая оживляла ее, бѣдная дѣвушка упала на колѣни и благодарила Бога. Чувствуя себя тверже, она встала, и чтобы убѣдиться въ справедливости своихъ догадокъ хотѣла выйти наверхъ. Однако страхъ всё-еще ее удерживалъ. Вдругъ она вспомнила, что во время заключенія она слышала, что ссыльныхъ отправляютъ на фрегатѣ «Изумрудъ». Морисетта видѣла довольно судовъ въ нантской гавани и знала, что имена ихъ всегда бываютъ написаны на кормѣ. Каюта ея была въ кормовой части, и высунувшись за бортъ, она могла убѣдиться въ томъ, чего искала съ такимъ истерпѣніемъ и безпокойствомъ.

Найдя это средство, она удивилась, чувствуя, какъ трепещетъ ея сердце и дрожатъ колѣна. Увы! приближалась къ истинѣ, она боялась ее встрѣтить.

— Нѣтъ, сказала она, я не могу взглянуть въ эту минутоу; меня обмануть чувства. Меня пугаетъ страшное

днѣ; оно написано для меня кровавыми буквами, какъ смертный приговоръ. Подожду, пусть уймется мой нелепый бредъ.

И, чтобы не уступить терзавшему ея желанію, Морисетта закрыла лицо руками; потомъ, какъ-будто опасаясь, что этого еще мало, чтобы защитить ее отъ ужаснаго видѣнія, она схватилась за доски, служившія ей постелью; припала лицомъ къ подушкѣ, и не могла заглушить вопля, который съ рыданіями вырвался изъ ея груди.

На этотъ звукъ отвѣчалъ другой, заставившій ее вздрогнуть; она начала прислушиваться, и съ безпокойствомъ встала. Кто-то постучался въ перегородку у ея изголовья; потомъ стали стучать тише, какъ-будто затѣвъ, чтобы привлечь ея вниманіе. Въмѣсто-того, чтобы отвѣчать на этотъ сигналъ, уstraшенная Морисетта свиряталась въ противоположный уголъ и стала ждать, притавивъ дыханіе.

— Эй! душа моя, кричалъ мужской голосъ: вы уже, кажется, тамъ ссоритесь?

Послѣ этого воззванія, любопытный замолчалъ, какъ-бы ожидая отвѣта. Морисетта, ухватясь за перекладину, стояла неподвижно, слушая, но не въ-состояніи будучи отвѣчать.

— Что жъ, отвѣчайте же! продолжалъ тотъ же голосъ: неужели вы не можете ничего сказать пріятелю?

— И хорошо дѣлають, говорилъ со смѣхомъ женскій голосъ: это научить тебя не въшиваться въ чужія дѣла; неправда ли, какое ему до этого дѣло? Неправда ли, сосѣдка, что лучше, если онъ замолчитъ? Вели ему молчать.

Морисетта молчала по-прежнему. Женщина, находившая прекраснымъ, что не отвѣчали ей мужу, хотѣла, чтобы разговаривали съ нею. Она наконецъ вышла изъ себя и стала колотить обѣими руками въ перегородку.

— Уймется ли вы! закричалъ матросъ сверху; если вы даете балъ, то капитанъ заставитъ васъ илдеать.

Эта угроза прекратила адскій шумъ, гремѣвшій кругомъ Морисетты. Послѣ нѣсколькихъ минутъ тишины, чело-вѣкъ, начавшій этотъ шумъ, сказалъ своей «подопытѣ»:

— Странно, что сосѣдка какъ-будто не дышетъ съ тѣхъ

поръ, какъ она закричала: неужели пріятель вздумалъ угомонить ея!

— Равенство, отвѣчала женщина. И какъ-будто тронутая замѣчаніемъ мужа, она прибавила, возвысивъ голосъ: скажи же что-нибудь, иначе мы подумаемъ, что ты умерла, мадамъ Совгрэнъ.

При этомъ имени новый крикъ вылетѣлъ изъ сердца Морисетты, крикъ ужасу и отчаянія. Несчастливая дочь Фовеля, съ блуждающимъ взглядомъ, задыхающимся голосомъ повторила:

— Мадамъ Совгрэнъ! Мадамъ Совгрэнъ!

Она съ ужасомъ бросила взглядъ на лѣвую руку, потомъ вдругъ спрятала ее и отвернула голову; минуту спустя, какъ-бы недоумѣвая глазамъ, она тихонько протянула правую руку, чтобы схватить предметъ, который жегъ и ужасалъ ее. Почувствовавъ подъ пальцами мѣдное кольцо, — этотъ неоспоримый знакъ ея страшнаго брака, она судорожно сжала губы и едва могла произнести эти слова:

— Кольцо! кольцо!

Несчастливая бросилась къ дверямъ каюты, и легла на полъ, поперегъ двери, чтобы преградить дорогу тому, кто захочетъ войти.

— О, Боже мой! вскричала она, видя послѣдній блескъ зари: о Боже мой! ночь, ночь приближается! Если бы онъ хотѣлъ убить меня, я не молилась бы Тебѣ, Господи. Дай, о дай мнѣ умереть прежде, чѣмъ онъ придетъ!

Много прошло времени въ этомъ тягостномъ ожиданіи; наконецъ тяжелые шаги послышались по лѣстницѣ сверху. Морисетта подняла голову. Шаги приближались.

— Это онъ! онъ! шептала она задыхающимся голосомъ.

Тогда, передъ этою опасностью, вдругъ принявъ невѣроятную рѣшимость, Морисетта поднялась какъ фурія, съ отуманеннымъ взглядомъ, съ растрепанными волосами, дрожащими руками она отворила дверь каюты, и ошупью, руководимая страхомъ и опасностью, стала подниматься по лѣстницѣ, ведущей на палубу. Идя на верхъ, она видѣла человѣка, который сходилъ внизъ.

Онъ остановилъ ее за руку и спросилъ твердымъ голосомъ:

— Куда это ты идешь?

Морисетта прошептала нѣсколько безсвязныхъ словъ.

— На палубу нельзя, продолжалъ онъ. Ночью запрещено тамъ оставаться; мнѣ сейчасъ велѣли идти внизъ.

Но не обращая вниманія на эти слова, Морисетта хотѣла пройти.

— Говорятъ тебѣ, что тамъ нечего дѣлать! сказалъ онъ. Принужденная найти какой-нибудь предлогъ, она отвѣчала:

— Оставьте меня; я ищу мужа.

— Мужа? А какъ его зовутъ?

Хотя это имя возмущало ея сердце и жгло губы, однако жъ она безъ замѣшательства отвѣчала:

— Его имя Доминикъ Совгрѣнь.

— Въ такомъ случаѣ не зачѣмъ идти дальше. Совгрѣнь—я!

Крикъ ужасу былъ ему отвѣтомъ, и быстрая, какъ стрѣла, Морисетта вырвалась изъ рукъ Совгрѣна. Говимая страхомъ, она скоро очутилась на палубѣ. Вахтенные матросы едва успѣли замѣтить тѣнь, проскользнувшую мимо, какъ она уже перекрестилась и бросилась въ волны, сказавъ:

— Прости мнѣ, Боже мой!

Въ ту же минуту Совгрѣнь, не выпускавшій ея изъ виду, не говоря ни слова, кинулся вслѣдъ за нею.

Между-тѣмъ паденіе двухъ тѣлъ было замѣчено. Поднялась тревога, и черезъ минуту весь экипажъ былъ на ногахъ. Капитанъ, взбѣшенный этимъ смѣлымъ бѣгствомъ, громко отдавалъ приказанія.

— Разбойникъ! говорили матросы: онъ хочетъ уйти отъ насъ; у него прежде все было приготовлено.

И какъ-бы подтверждая слова ихъ, вдали показалась лодка съ огнемъ, шедшая навстрѣчу фрегату.

— Бездѣльники! вскричалъ капитанъ, что не смотрите за ними! Зачѣмъ выпускали ихъ на палубу? Лейтенантъ, накажите всѣхъ вахтенныхъ, но, прежде, нужно поймать разбойника и засадить его въ трюмъ.

Шлюпку спусти ли на воду. Гребцы и лейтенантъ тотъ

часть соскочивъ въ нее, и она удалилась, между-тѣмъ какъ оставшіеся на фрегатѣ не сводили съ нея глазъ.

— Проклятый бандитъ, ворчалъ лейтенантъ, которому досталась честь ловить бѣглеца: ты не доплывешь до этой лодки, которая дѣлаетъ тебѣ сигналы. Дружней, ребята! Я его вижу.

Капитанъ между-тѣмъ кричалъ въ рупоръ:

— Ловите его; женщина пусть себѣ тонетъ.

Въ то же самое время судно, державшее огонь, шло къ той же точкѣ, куда направлялась шлюпка съ «Изумруда».

— Дружней! повторялъ лейтенантъ, виѣ себя; онъ увидетъ отъ насъ, судно подходитъ къ нему. Смотрите, онъ цѣпляется, его вытаскиваютъ, но еще не все пропало. Мы завладѣемъ этимъ судномъ; смѣлѣе, смѣлѣе, ребята!

Матросы напрягли всѣ силы и шлюпка полетѣла по волнамъ.

— Славно, славно, молодцы; мы догонимъ ихъ, говорилъ лейтенантъ.

И дѣйствительно, они были уже въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ неизвѣстнаго судна, какъ-вдругъ огонь потухъ, и шлюпка съ «Изумруда», потерявъ маякъ, по которому направляла свой путь, стала блуждать на-удачу.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, она возвратилась на фрегатъ, который пошелъ далѣе прежнимъ курсомъ.

Въ полчаса ходьбы отъ Ингувиля, въ тѣнистой ложбинѣ, лежитъ простенькая деревенька Сентъ-Адрессъ; нѣсколько по-далѣе на берегу моря стоитъ рыбацья хижина. Хозяинъ ея, въ нѣсколькихъ льѣ отъ берегу, занимался своимъ опаснымъ ремесломъ и онъ-то спасъ Совгрѣна и Морисетту.

Уцѣпившись одной рукой за бордъ лодки, разбойникъ другою поддерживалъ женщину.— Берн! не удержу! сказалъ онъ рыбаку. Тотъ вытащилъ несчастную изъ воды и положилъ въ лодку. Доминикъ Совгрѣнъ вскочилъ туда же и тотчасъ сбросилъ въ море факелъ рыбака. Хозяинъ хотѣлъ-было противиться, но разбойникъ схватилъ уже весла и вскричалъ:—Ни слова! нето убью!

Рыбакъ въ страхѣ молчалъ; лодка, не удерживаемая бо-

дѣе веслаши, стала поддавать, и люди, посланные съ фрегата за бѣглецами, потеряли ее въ темнотѣ. Мало-по-малу шумъ голосовъ и веселье затихъ въ отдаленіи; тогда разбойникъ сказалъ съ чувствомъ пожимая руку рыбака:

— Спасибо, любезный другъ: вы спасены, теперь спешь на берегъ. Ты вѣдь, вѣрно, не захочешь, чтобы твое доброе дѣло осталось незаконченнымъ.

Рыбакъ взялъ весла и лодка полетѣла по волнамъ. Перѣздъ продолжался два часа. Пловцы молчали; рыбакъ гребъ, Доминикъ Совгрѣнъ правилъ, и слышались только гудъ волнъ и стукъ веселъ.

Наконецъ лодка дотронулась до прибрежнаго песку. Тутъ только Доминикъ Совгрѣнъ вспомнилъ о своей подругѣ. Онъ нагнулся къ ней. Морисетта, промокшая, прозябшая, дрожала, полумертвая, на днѣ лодки. Между-тѣмъ чувство стыдливости въ ней еще не погасло. Она съ ужасомъ приподнялась, когда Доминикъ Совгрѣнъ къ ней приблизился. Тотъ, не обращая вниманія на это движеніе, взялъ ее на руки и идя по водѣ, понесъ на берегъ. Птичка въ рукахъ птицелова бьется не сильнѣе, чѣмъ сердце бѣдной Морисетты, касавшееся до груди ея мужа. На берегу онъ отдохнулъ немножко и потомъ пошелъ за рыбакомъ, все-прежнему безмолвный и равнодушный, какъ человѣкъ, который идетъ къ цѣли, не обращая вниманія ни на что другое.

Черезъ нѣсколько минутъ, рыбакъ, Совгрѣнъ и Морисетта были въ хижины. Разбойникъ осмотрѣлся и сказалъ:

— Спасибо, любезный другъ. Мы здѣсь ночуемъ.

Рыбакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Тотъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, хохочя, подумавъ, что украсть вѣдь у него нечего, сказалъ:— Ну, если вамъ здѣсь хорошо, такъ оставайтесь себѣ съ Богомъ. Только вы, я думаю, привыкли ужинать, а у меня ничего нѣтъ кромѣ хлѣба, черстваго сыру, да немножко водки, вонъ тамъ въ углу за доскою. Это мой шкафъ. Хотите, такъ возьмите.

Рыбакъ взялъ фонарь, зажегъ на свѣчѣ, которую Совгрѣнъ засвѣтилъ уже прежде, и хотѣлъ идти.

— Непстой, сказала ему Обгледь. Ты знаешь все что по-
чье случилось. Мы уйдемъ отсюда рано утромъ; но по-
клянись мнѣ, что до-тѣхъ-поръ не скажешь никому, что
спасъ мужчину и женщину, которые не хотѣли, чтобы
ихъ знали.

— Пожалуй, отвѣчалъ рыбакъ; да и кому мнѣ говорить:
я живу здѣсь одинъ-одинёхонекъ. Спите спокойно. Никто
не помѣшаетъ.

— Доброй ночи, отвѣчалъ разбойникъ, возвращаясь на
свое мѣсто.

Уходя, рыбакъ, изъ экономіи, задулъ свѣчу, такъ что
хижина была освѣщена только отблескомъ затопленной
печи. Вскорѣ шумъ гольшей подъ его ногами пересталъ
слышаться. Морисетта надѣялась было, что по-крайней-
мѣрѣ съ ними будетъ третій, и теперь съ невыразимымъ
ужасомъ увидѣла, что принуждена будетъ провести ночь
въ темнотѣ, одна съ разбойникомъ, котораго судьба сдѣ-
лала ее мужемъ. Холодная, безжизненная какъ мрамор-
ная статуя, несчастная дѣвушка не смѣла даже молиться
Богу, котораго оскорбила тѣмъ, что пыталась лишить се-
бя жизни. Разбойникъ всталъ: Морисетта задрожала. Но
онъ прошель мимо нея, заперъ дверь какъ-только можно
было; потомъ полежа въ на полу, противъ огня, сѣти, и
прикрылъ ихъ изорваннымъ парусомъ, который попался
ему подъ руку. Морисетта, сидя на лавкѣ, на которую онъ
опустилъ ее при входѣ въ хижину, съ ужасомъ слѣдила
глазами за всѣми его движеніями.

— Встань, сказалъ онъ глухимъ голосомъ, приподни-
мая обѣими руками конецъ скамьи: встань, скамья мнѣ
нужна.

Морисетта встала и, дрожа, отодвигалась какъ-можно по-
дальше. Разбойникъ приставилъ лавку къ дверямъ, под-
перъ ее боченкомъ и двумя изломанными веслами, кото-
рыя нашелъ въ углу, и такимъ образомъ заложилъ дверь.

Впродолженіи этихъ необыкновенныхъ приготовленій,
Морисетта стояла въ углу и дрожала всѣмъ тѣломъ. Кон-
чивъ свое дѣло, Доминикъ Совгрень растянулся передъ
огнемъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ паруса, который
прикрылъ сѣти, положилъ себѣ ногу подъ голову и, по-

видимому, хотѣлъ заснуть. Черезъ минуту онъ взглянул на парусъ и, видя, что Мориссетты тамъ нѣтъ, сказалъ: — Гдѣ жъ ты? что ты тамъ дѣлаешь?

— Я здѣсь, съ трудомъ проговорила несчастная.

— Что жъ ты не ложишься? Тебѣ всё надобно сказать! Ты видишь, что я приготовилъ тебѣ постель: она не очень хороша, но вѣдь здѣсь прихотничать-то нечего. Да мнѣ в самому не больно покойно. Впрочемъ въ тюрьмѣ-то, я думаю, ты къ роскоши не привыкла, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Да притомъ другой мнѣ взять негдѣ. Такъ дѣлать нечего. Ложись и спи.

— Спать! сказала Мориссетта. О, нѣтъ, я не буду спать! Я вамъ очень благодарна, прибавила она: но я не могу спать, потому что меня бьетъ лихорадка.

Разбойникъ, который лежалъ отвернувшись отъ нея, всталъ, пошелъ въ уголъ, досталъ тамъ бутылку, въ которой оставалось нѣсколько капель водки и нашелъ еще доску паруса, котораго прежде не замѣтилъ.

— Вотъ тебѣ одѣяло, сказалъ онъ. Оно не очень было, да по-крайней-мѣрѣ сухо. Выпей что тутъ есть. Это тебя согрѣетъ.

Видя, что бѣдная дѣвушка не беретъ бутылку, онъ прибавилъ: — Пстой, я тебѣ помогу. Ты такъ дрожишь, что не поднесешь бутылку ко рту.

Онъ нагнулся къ Мориссеттѣ.... Несчастная, со страху, закрыла глаза..... Онъ вылилъ ей на губы нѣсколько капель водки.

Со времени своей женитьбы, онъ въ первый разъ взглянулъ прямо на дѣвучку и удивился, видя, что она такъ молода и хороша. Казалось даже, что въ сердцѣ его родилось состраданіе; но потомъ, какъ-будто какая-то мысль мелькнула въ головѣ его: онъ отошелъ и легъ на свое мѣсто, подложивъ руку подъ голову. Такъ прошло нѣсколько времени. Не слыша ничего, Мориссетта осмѣлилась взглянуть на мужа, и увидѣла, что онъ лежитъ съ закрытыми глазами. Черезъ нѣсколько минутъ ровное его дыханіе показало ей, что онъ спитъ. Не много погодя, по чувству легко понятному всякой женщицѣ, она тихонько встала, взяла въ печи горящую головню и зажгла

свѣчу, которую рыбакъ потушилъ передъ только она рѣшилась посмотрѣть на и Страшный бандитъ, котораго судьба дадъ былъ молодъ и прекрасенъ. Важность и написанныя на благородномъ лицѣ его, и нять за свирѣпость изверга. Морисеттъ

Увѣрившись, что онъ крѣпко спитъ, лась Богу, чтобы самой не заснуть до разнѣскольکو времени, усталость превозмогастоль необходимый въ молодости, застави свои несчастія.

Прошло нѣскольکو часовъ. Занимающпробиваться сквозь тусклое окно хижиныспала, но легкій шумъ разбудилъ ее. Ои со страхомъ взглянула на то мѣсто гдѣникъ. Его тамъ не было. Неужели небоэтого злодѣя? Но бѣдняжка не успѣла втому что услышала слова, произносимыоглянулася: Доминикъ Совгрѣнъ стоялънахъ, сложивъ руки, поднавъ глаза къ неголоса молитву.

— Вы молитесь! сказала Морисетта, в смущенія.

— А развѣ человекъ не долженъ прдахъ своихъ къ Богу? отвѣчалъ разбойникъ некогда не молишься?

— О, да! вскричала она съ радостію: гочестивомъ домѣ, и въ моемъ несчастіи къ Богу.

— И хорошо дѣлала. Какъ бы ни нвѣкъ, онъ всегда долженъ воздѣвать руклонять колѣна передъ Богомъ. Притомготовить Онъ намъ въ Своемъ милосердютъ, а Онъ, можетъ-быть, помилуется.

Восхищенная Морисетта отвѣчала бы но онъ не далъ ей времени и грубымъ на минуту покинулъ-было, сказалъ:— такъ близко отъ моря в Гавра, что намъ

Сказавъ это, онъ отперъ дверь, отъ которой уже прежде отодвинулъ скамейку, и, не обращая на малѣйшаго вниманія на жену, вышелъ въ поле. Морисетта, повинуясь какому-то неодолимому влеченію, пошла за нимъ. Онъ шелъ скорыми шагами, не говоря ни слова и нисколько не заботясь о томъ, идетъ ли она за нимъ.

Утро было прекрасно. Солнце озаряло первыми своими лучами восхитительный ландшафтъ. Казалось, вся природа ликовала. Посреди всеобщаго веселья, бѣдная Морисетта завидовала полунагимъ дѣтямъ рыбаковъ, бѣгавшимъ по берегу: у нихъ по-крайней-мѣрѣ есть домъ, есть родня; завидовала птичкамъ, у которыхъ есть по-крайней-мѣрѣ гнѣздо.

Вдругъ Доминикъ Совгрѣнъ оборотился и спросилъ:— Ты здѣшная?

— Нѣтъ, робко отвѣчала Морисетта.

— Тѣмъ хуже! сказалъ онъ, покачавъ головою.

И молча продолжалъ идти. Морисетта, не понимая что значить этотъ вопросъ и это сожалѣніе, послѣ долгаго молчанія собралась съ духомъ и сказала:— Отчего вы это спрашиваете?

Разбойникъ обернулся, съ невыразимымъ презрѣніемъ окинулъ ее глазами съ головы до ногъ, и какъ-бы удивленный ея дерзостью, сказалъ строгимъ тономъ:— Развѣ я съ тобою говорю!

Въ эту самую минуту въ лѣсу, недалеко отъ дороги, слышались слабые жалобные крики. Доминикъ остановился и сталъ прислушиваться. Разслушавъ, что кто-то призываетъ къ себѣ на помощь, онъ поспѣшно пошелъ въ ту сторону. Морисетта слѣдовала за нимъ. Въ лѣску былъ оврагъ; Совгрѣнъ и Морисетта нагнулись и увидѣли, что тамъ сидитъ бѣдный мальчикъ и плачетъ.

— Что ты тамъ дѣлалъ? спросилъ Доминикъ.

— Я хотѣлъ достать на деревѣ гнѣздо, отвѣчалъ мальчикъ: поскользнулся, упалъ и разорвалъ платье. Отецъ прибьетъ меня.

Доминикъ подаль ему длинную жердь и сказалъ:— Держись, я тебя вытасну.

— Не могу, отвѣчалъ мальчикъ. Я не только изорва платье, да еще ногу сломалъ.

— О, неужели? вскричалъ Доминикъ съ состраданіемъ. Но быть не можетъ: ты, вѣрно, ошибаешься. Берись жердь. Не бойся; я силенъ, а тебя вытану.

Мальчикъ всталъ, но не могъ удержаться на ногахъ. Онъ вскрикнулъ отъ боли и упалъ. Доминикъ тотча спустился въ ровъ, взялъ мальчика на руки, вынесъ наверхъ и пошелъ съ нимъ. Мальчикъ всё продолжалъ жаловаться, повторяя, что отецъ прибьетъ его.

— Не бойся, мой милый, сказалъ Доминикъ Совгрэнъ, тебя не прибьютъ; напротивъ, станутъ ходить за тобой. Я расскажу твоему отцу что съ тобою случилось, и у него не достанетъ духу наказывать тебя.

Мальчикъ сказалъ гдѣ онъ живетъ, и Совгрэнъ пошелъ черезъ лѣсъ въ ту сторону. Морисетта была внѣ себя отъ изумленія, видя, что этотъ человекъ, извѣстный своимъ звѣрскими поступками, не только молится Богу, но и доступенъ состраданію. Она стояла у дерева и думала. — О, онъ, вѣрно, добръ. Быть-можетъ, Богъ послалъ меня къ нему, чтобъ я обратила его на путь истинный и тѣмъ искупила вину свою.

Морисетта сама себя не отдавала отчету въ своихъ чувствахъ; но отвращеніе уже погасало въ ея сердцѣ и замѣнилось нѣжнымъ влеченіемъ къ этому человеку, ея мужъ. Притомъ этотъ мужъ былъ молодъ, прекрасенъ и неустрашимъ: онъ спасъ ее отъ смерти. Этого мало; онъ человекъ великодушный, потому что пощадилъ ее, когда она въ его власти.

Черезъ четверть часа, Доминикъ Совгрэнъ воротился на то мѣсто, гдѣ ее оставилъ и, казалось, удивился, что она еще тутъ.

— Какъ, ты еще здѣсь! сказалъ онъ. Но намъ надо разойтись: иначе насъ узнаютъ и схватятъ. Забудемъ прошлое. Мы другъ друга не знаемъ. Мы оба свободны. Вотъ двѣ дороги: выбирай любую.

Эти слова были жестокимъ ударомъ для бѣдной Морисетты. Слезы навернулись на глазахъ ея, и она съ горстью взглянула на дорогу, которая тонула передъ нею.

Доминикъ, принявъ этотъ взглядъ за указаніе, сказалъ: —Пожалуй, ступай туда, а я сюда.

. И онъ пошелъ скорыми шагами. Морисетта, пригвожденная изумленіемъ къ мѣсту, стояла неподвижно, и съ горестію смотрѣла вслѣдъ за уходящимъ.—О, онъ обернется, онъ еще взглянетъ на меня, думала она: Я одна на свѣтѣ, я осуждена передъ Богомъ съ этимъ человѣкомъ; при малѣйшемъ его знакѣ, я пойду за нимъ и никогда съ нимъ не разстанусь. Это мой долгъ.

Тщетная надежда! Доминикъ не оглядывался. Дорога поворачивала всторону. На поворотѣ Совгрэнъ остановился и взглянулъ на несчастную. Морисетта бросилась къ нему съ простертыми руками и мольбою на устахъ. Но Совгрэнъ остановилъ ее повелительнымъ жестомъ; вынулъ изъ кармана монету, единственную кака у него была, бросилъ ее на дорогу и сказалъ: — Возьми, и ступай съ Богомъ.

Онъ указалъ на дорогу и ушелъ.

Невыразимый беспорядокъ царствовалъ въ то время во Франціи. Всякій день происходили превращенія, какихъ не бываетъ и на театрѣ, при всемъ искусствѣ машиниста. Вѣрили только невозможному. Ипой, проснувшись лакеемъ, дожился спать баринномъ; негодай, котораго вы накачувѣ отколотили палками, на другой день покупалъ у васъ ваши экипажи.

Вотъ въ какомъ бѣдственномъ положеніи былъ тогда Парижъ. Лоу, у котораго было четырнадцать помѣстьевъ съ титулами, правда, уже отправился въ Венецію, гдѣ послѣ умеръ въ нищетѣ; но движеніе, которое онъ придалъ заволнованному обществу, еще не прекратилось. Акціи банка улицы Quinсатьроіхъ замѣнились картами. Игра была страшная. Во многихъ домахъ плата за карты служила многочисленной прислугѣ вмѣсто жалованья. Въ этихъ домахъ играли честно, но во многихъ другихъ плутовали. Къ числу послѣднихъ принадлежали извѣстные тогда дома: отель Трансильванскій, отель Рагоцкій и въ-особенности отель д'Англадъ, куда мы перенесемъ нашихъ читателей. Его содержала мадамозель де-Монкларъ, къ которой недавно пріѣхалъ откула-то братецъ, баронъ де-Монкларъ, человѣкъ опытный

и притомъ—что также въ подобныхъ дѣлахъ не мѣшаетъ —одаренный геркулесовскою силою. Она ѣздилъ къ нему на встрѣчу въ Гавръ. На возвратномъ пути, мадамъ де-Монкларъ, остановила свою карету, увидѣвъ молоденькую дѣвушку, которая сидѣла у дороги и плакала. Дѣвушка рассказала, что она дочь нантскаго судьи, что легкій проступокъ заставилъ ее бѣжать изъ родительскаго дому и что теперь она идетъ въ Парижъ отыскивать брата. Баронесса де-Монкларъ, пораженная красотой этой дѣвушки, поговорила вполголоса съ братомъ и потомъ сказала Морисеттѣ:—Не плачьте, моя милая, поѣдьте съ нами. Вы будете жить у насъ въ Парижѣ и оттуда напишете къ батюшкѣ. Братъ мой, баронъ де-Монкларъ, отправитъ ваше письмо съ припискою отъ себя. Я надѣюсь, что это подѣйствуетъ на вашего батюшку и онъ проститъ васъ.

Вечеромъ они пріѣхали въ Парижъ и Морисетта съ удивленіемъ увидѣла, что отель д'Англадъ освѣщенъ сверху до-низу и что тамъ множество гостей. Сестра барона, замѣтивъ сея удивленіе, сказала, что это ихъ пріятель собрались, чтобы праздновать возвращеніе барона. Потомъ мадамъ де-Монкларъ проводила Морисетту по маленькой лѣстницѣ въ ея комнату и сказала:—Отдохните, моя милая. Я сейчасъ пришлю вамъ горничную.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, горничная принесла Морисеттѣ ночной костюмъ и прекрасное платье для утра.

Оставшись одна, Морисетта прежде всего поблагодарила Бога за то, что Онъ послалъ ей такихъ добрыхъ покровителей, потомъ принялась писать къ отцу и отдала письмо свое баронессѣ де-Монкларъ, когда та на другой день пришла поздороваться съ нею. Съ-тѣхъ-поръ она писала къ отцу каждую недѣлю, но ни разу не получила отвѣта: правда, что письма ея всегда проходили черезъ руки барона де-Монклара.

Праздникъ, который былъ въ отелѣ д'Англадъ, въ день пріѣзда барона де-Монкларъ, возобновлялся каждый день: домъ всегда былъ полонъ гостями; но Морисетта всё оставалась въ своей комнатѣ. Наконецъ, уступая усиленнымъ

просьбамъ своей покровительницы, она, однажды вечеромъ, одѣлась какъ та хотѣла и сошла съ нею въ гостиную. Взгляды, которые на нее бросали, шопотъ, который начался какъ-скоро она появилась, смутить скромную дѣвушку, но она приписала все это своему незнанію свѣта и подумала, что, вѣрно, въ обществахъ всегда такъ бываетъ. Однако жъ она не долго оставалась въ гостиной. Усѣвшись между другими дамами, подлѣ баронессы де-Монкларъ, она почти вслѣдъ за тѣмъ нагнулась къ уху своей покровительницы и сказала, что чувствуетъ себя дурно. Баронесса только хотѣлось показать ее, и потому она тотчасъ позволила ей уйти. Морисетта дѣйствительно чувствовала себя не хорошо, такъ что шла въ свою комнату, принуждена была остановиться у окна на лѣстницѣ. Это окно, такъ же какъ и окно ея комнаты, выходило въ иллюминированный садъ: прямо передъ нею шла широкая аллея, наполненная гуляющими; вдали слышалась музыка. Одинъ изъ бывшихъ тутъ мужчинъ привлекъ къ себѣ все вниманіе Морисетты, такъ что она не могла свести съ него глазъ. Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, котораго она уже однажды приняла за брата. Онъ пошелъ въ боковую аллею и Морисетта, чтобы хорошенько посмотреть на него, побѣжала въ галерею куда гости не ходили, и гдѣ даже не было свѣту. Оттуда она увидѣла этого молодого человѣка прямо въ лицо и сказала сама себѣ:—Боже мой! если это не Діоннъ, то какъ удивительно похожъ!

Она чуть не вскрикнула, чтобы позвать его, какъ-вдругъ услышала, что два человѣка разговариваютъ въ комнатѣ, которая отдѣлялась отъ галереи одною тонкой перегородкой. Въ другое время она тотчасъ бы ушла, чтобы не слышать чужаго разговора, но эти люди произнесли имя шевалье де-Глоріетта, и она невольно стала прислушиваться. Одинъ изъ разговаривавшихъ былъ баронъ де-Монкларъ. Онъ отдавалъ приказанія, излагалъ планъ своей, назначалъ мѣсто свиданія. Этотъ человѣкъ замышлялъ новое преступленіе.

Выслушавъ все это, Морисетта снова подошла къ окну: кто бы ни былъ этотъ молодой человѣкъ, Діоннъ Фоваль или шевалье де-Глоріеттъ, она считала долгомъ подслушать

ся съ нимъ; чтобы предупредить его. Молодой человекъ былъ еще тутъ, но уже не одинъ, а съ какой-то дамою

— Прекрасно, моя милая, говорилъ онъ: Я сегодня выиграю двѣ тысячи пистолей: этого слишкомъ довольно чтобы похитить тебя и увезти въ Голландію, и тамъ сщественный союзъ упрочить наше блаженство.

— Хорошо, отвѣчала она, но берегись барона.... Монкларъ человекъ такихъ строгихъ правилъ!... Оубѣетъ насъ обоихъ, если узнаетъ.

— Не бойся ничего, моя милая. Чтобы онъ не подозривалъ, я еще не уѣду. Но нынче ночью въ два часа я буду въ домѣ, что у моста Сень-Мишель.

Морисетта слышала, какъ въ сосѣдней комнатѣ то и-разъ говорили: «въ домѣ, что у моста Сень-Мишель». Ней не было еще никакого плана, она очень хорошо чувствовала, что не въ-силахъ бороться съ хозяевами этого разбойничьяго вертепа, однако жъ, вмѣсто-того чтобы идти въ свою комнату, пошла снова въ гостиную. Баронесса де-Монкларъ была уже тамъ; вскорѣ пришелъ и братъ ея.

Появленіе Морисетты въ гостиной обратило на нея особое вниманіе: она дѣйствительно была прекрасна, тѣмъ болѣе что теперь волненіе отъ того что она узнала, разлило по щекамъ ея легкой румянецъ. Баронъ де-Монкларъ вѣроятно, довольный впечатлѣніемъ, которое она производить, подошелъ къ ней и понюхивая табакъ, сказалъ

— Очень хорошо, моя милая. Вы сами опять пришли сюда. Надѣюсь, что вы, наконецъ, привыкнете къ свѣту не будете больше дичиться.

Морисетта, собравъ все свое мужество, отвѣчала ея улыбкою и, отвернувшись увидѣла, что шевалье де-Гристъ наконецъ пришелъ. Онъ снова сѣлъ за карточны столъ какъ-можно по-ближе къ своей любезной. Морисетта не теряла его изъ виду. Рѣшившись все открыть это несчастному молодому человеку, въ которомъ она приняла невольное участіе, Морисетта, сидя прямо противъ него старалась обратить на себя его вниманіе, но онъ не замечалъ ея. Наконецъ одинъ изъ игроковъ сироталъ кар

за маншетки и въ это самое время Морисетта сдѣлала движеніе, съ явнымъ намѣреніемъ привлечь вниманіе шеваляе де-Глоріетта. Это не укрылось отъ зоркихъ глазъ фальшиваго игрока и онъ уронилъ карту подъ столъ. Все это не укрылось и отъ Монклара. Онъ, какъ-бы безъ намѣренія, обошелъ вокругъ стола и очутившись подлѣ Морисетты, сказалъ ей:

— Милая моя, вы очень блѣдны.... Я боюсь, чтобы вамъ опять не сдѣлалось дурно.... Не хотите ли вы пройти со мною по саду?

При этихъ словахъ, онъ бросилъ на нея такой взглядъ, что блѣдняжка не посмѣла отказаться. Надобно замѣтить, что Монкларъ, подходя къ Морисеттѣ, не могъ не обезпокоить нѣкоторыхъ изъ сидѣвшихъ; фальшивый игрокъ принужденъ былъ подвинуться и когда Монкларъ ушелъ, брошенной карты подъ столъ уже не было. Онъ повелъ Морисетту не въ садъ, а въ ту самую комнату, гдѣ она слышала его разговоръ; толкнулъ ее на кресла, и заперъ дверь; потомъ, сложивъ руки на груди, нахмуривъ брови съ страшнымъ выраженіемъ, сталъ противъ трепещущей дѣвушки и сказалъ:—Негодная притворщица! Змѣя, которую я согрѣлъ у груди своей, вмѣсто-того чтобы раздавить погою. Ты вздумала выдавать насъ Глоріетту! Знай же, что здѣсь можно видѣть все, поговорить только то что я хочу! Я покажу тебѣ, куда дѣваются карты, которыя падаютъ подъ столъ; но знай: теперь ты наша сообщница и горе тебѣ, если ты вздумаешь говорить!

Онъ сѣлъ, стукнулъ ногою, и поднимая съ полу карту, сказалъ:—Она ли?

— Повѣрьте, что впередъ я не заслужу вашихъ упрековъ, робко сказала блѣдная дѣвушка.

— Упрековъ? Я два раза упрековъ не дѣлаю! Пошла въ свою комнату, и помни, что мы тебя взяли нагуо, голодную, а ты хотѣла разстроить операціи, которыя тебя кормятъ и одѣваютъ.

Когда Морисетта проходила мимо Монклара, онъ проговорилъ вполголоса:—Счастье твое, что ты такая хорошенькая!

Монкларъ слышалъ, какъ Морисетта вошла въ свою

комнату и затворила дверь. Между-тѣмъ не больше какъ черезъ четверть часа послѣ этого, проигравшійся игрокъ стоявшій у дверей этого вертена, привязался къ молодой жоннѣ, которая оттуда вышла. Въ то самое время какъ онъ осыпалъ ее ругательствами и уже поднималъ руку, другой молодой человѣкъ, который проходилъ мимо, онъ нажалъ шагу и заставилъ его обратиться въ бѣгство.

— Вы! Опять вы, Совгрѣнъ! вскричала Морисетта—птому что это былъ онъ. — О, я готова пожертвовать вамъ жизнью за ваше великодушіе!

— Что съ вами? Я васъ совсѣмъ не знаю, холодно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

И онъ исчезъ. Но эти слова: «Я васъ совсѣмъ не знаю!» жгли ему губы, и когда онъ ушелъ, на глазахъ у ней были слезы, его сердце билось негодованіемъ и—любовью. Это, дѣйствительно, былъ ея мужъ.

Кавалеръ де-Глоріеттъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ щеголей того времени, которые сами себя называли друзьями герцоговъ и любовниками герцогинь. Онъ былъ очень хорошъ собою и жилъ роскошно; но если б всю мебель и всѣ его вещи возвратилъ тѣмъ, кому онъ былъ долженъ за нихъ, то онъ остался бы въ состояніи вороны, украсившейся павлиньими перьями— послѣ-того какъ ее ощипали.

Ночью, послѣ происшествій, о которыхъ мы говорили шевадь де-Глоріеттъ сбирался въ дорогу и весело оживалъ свои приготовленія. Слепой, какъ всѣ влюбленные, онъ вѣрилъ чистотѣ и непорочности несчастной жетвы своего брата, прекрасной Арабеллы де-Монкларъ, которая согласилась бѣжать съ нимъ. Онъ былъ въ восторгѣ. Въ это самое время кто-то скромно поцарапалъ в дверь. Думая, что это можетъ-быть Арабелла, Глоріеттъ отворилъ самъ и увидѣлъ незнакомую даму.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ. Вы, вѣрно, ошиблись. Извините, я очень занятъ.

Морисетта не обратила вниманія на эти учтивыя формальности, которыми выпроваживаютъ приходящихъ не во-время.

— Нѣтъ, я не ошиблась, отвѣчала она. Я пришла къ вамъ изъ отѣла д'Англадъ.

— Такъ, вѣрно, отъ мадамъ де-Монкларъ?

— Нѣтъ, я пришла по собственному побужденію.

— Такъ извините: мнѣ некогда съ вами заниматься.

— Вы хотите ѣхать; но выслушайте меня, и вы убѣдитесь, что вамъ нельзя ѣхать.

— Ну, такъ говорите; только ради Бога по-скорѣе.

Морисетта указала глазами на лакеевъ, которые съ любопытствомъ прохаживались мимо дверей. Глоріеттъ тотчасъ вышелъ въ другую комнату, чтобы выслать ихъ въ переднюю. Какъ-скоро онъ вышелъ, Морисетта подбѣжала къ бюро, на которомъ лежало запечатанное письмо, взглянула на адресъ и поднявъ глаза къ небу, сказала:— О, благодарю тебя, Боже мой!..., Я спасу его.

Когда Глоріеттъ воротился, Морисетта уже сидѣла и играла съ кружевомъ своего носоваго платка.

— Теперь мы одни: что вамъ угодно? сказалъ Глоріеттъ.

Морисетта устремила на него пристальный взглядъ и сказала:— Черезъ часъ вы будете въ одномъ домѣ у миста Сень-Мишель.

— Быть-можетъ... Но почему вы это знаете?

— Туда придетъ одна дама, Арабелла де-Монкларъ, чтобы ѣхать съ вами въ Голландію.... Такъ, кажется?

— Видно вы навѣрное не знаете, когда спрашиваете.

— Вы общались ей взять съ собою какъ-можно больше денегъ—на путевыя издержки.

— Что это значитъ? Если вы пришли рассказывать мнѣ мою собственную исторію, такъ напрасно беспокоитесь. Я ее знаю.

— Вѣрю; но вотъ чего вы не знаете. Кромѣ сестры тамъ будетъ еще братъ, съ нѣсколькими родственниками и пріятелями. Они притворятся раздраженными тѣмъ, что вы хотѣли похитить Арабеллу. Послѣдствія угадать не мудрено. Васъ оберутъ, а можетъ-быть и убьютъ: Сена близко. Все это заранѣе условлено.

— Я не понимаю, что вамъ за охота рассказывать мнѣ такія— извините—глупыя сказки! отвѣчалъ Глоріеттъ, по-

жавъ плечами. Согласитесь сами, что все это очень невѣроятно и я, право, не достигаю.... Однакожь нѣтъ.... повольте, продолжалъ онъ, всматриваясь въ нее: кажется это вы давеча дѣлали мнѣ глазки въ отѣлъ д'Англадъ?. Теперь все конятно. Вы изъ ревности обижаете ту, которую я люблю, и я вамъ не вѣрю.

— Напрасно: я говорю правду, Діонн, сказала Морисетта, подходя къ бюро.

— Діонн! вскричалъ Флоріеттъ пораженный изумленіемъ, и внѣ себя, устремилъ на нея пылливый взглядъ. Между-тѣмъ она взяла съ бюро письмо и распечатала.

— Что это вы дѣлаете? вскричалъ Флоріеттъ.

— Получаю письмо, которое ты писалъ ко мнѣ передъ отъѣздомъ, отвѣчала Морисетта, бросивъ на него взглядъ который сіялъ радостью.

— Сестра! Морисетта! вскричалъ Флоріеттъ или, лучше сказать, Діонн Фовель, подбѣгая къ ней съ распростертыми объятіями.

И онъ долго, безъ словъ, прижималъ сестру къ своему трепещущему сердцу. Но потомъ руки его опустились, онъ сказалъ съ отчаяніемъ:—А я такъ любилъ ее!... с такой безпредѣльной довѣренностью!... О, неужели это все правда!

За отчаяніемъ послѣдовало бѣшенство. Онъ хотѣлъ убить Арабеллу, предать гнуснаго Монклара правосудію онъ самъ не зналъ что говорилъ и при угрозахъ, которыя шли изъ устъ его, изъ глазъ вырывались слезы. Морисетта, какъ ангель-утѣшитель, старалась успокоить его. Послѣ этого перваго взрыву эгонистической горести, онъ взялъ сестру за руки и рассказалъ ей, что для этой же не достойной женщины, онъ отказался отъ своей прежней честной, трудолюбивой жизни, отказался даже отъ своего имени, игралъ, обманомъ выманивалъ у легковѣрныхъ деньги, чтобы приблизиться къ своему кумиру. Потомъ онъ сталъ спрашивать Морисетту и она откровенно рассказала ему свою исторію. Діонн былъ въ отчаяніи и по справедливости, обвинялъ себя во всѣхъ несчастіяхъ Морисетты. Хорошая дѣвушка напрасно старалась утѣшить его.

— О нѣтъ, говорилъ онъ, я преступникъ, я недостойнъ ни тебя, ни отца: я обманулъ его довѣренность, отрекся отъ его имени. И я хотѣлъ бѣжать.... Ты не знаешь: онъ назначенъ совѣтникомъ въ здѣшній парламентъ и послѣ-завтра прїѣдетъ сюда.... Какъ мнѣ показаться къ нему?... И какъ, въ глазахъ прежнихъ моихъ прїятелей, признаться, что я присвоилъ чужое имя и титулъ, котораго не имѣю! Нѣтъ, я не могу здѣсь оставаться. Къ счастью, теперь въ Испаніи война; я поѣду туда и вступлю въ службу.

На другой же день онъ перебрался въ свою прежнюю квартиру и купилъ сестрѣ скромное платье, привличное дѣвушка въ ея званіи. И съ какою радостію Морисетта сбродила ливрею порока!

Въ тотъ же вечеръ прїѣхала Шарлотта, которую Онопре Фовель послалъ впередъ, чтобы прискать ему квартиру. Старуха легко отыскала своего молодого барина и была въ себя отъ радости, увидѣвъ Морисетту, которую считала умершею. Діонн написалъ къ отцу письмо, въ которомъ извинялъ какъ-только можно было, побѣгъ сестры, увѣрялъ, что она прїѣхала прямо въ Парижъ и все время жила у него, не смѣя написать къ раздраженному отцу, который, какъ она очень хорошо знала, ея не любилъ. Шарлотта увѣряла, что старикъ горько каялся въ своей строгости къ дочери и, при радостномъ свиданіи, конечно, тотчасъ проститъ ее. На третій день рано утромъ съ одной стороны выѣзжалъ изъ Парижа сынъ, съ другой въѣзжалъ туда отецъ.

Между-тѣмъ враги стараго нантскаго судьи не дремали. Товарищи молодыхъ людей, казенныхъ въ Нантѣ, считая ихъ чуждыми, а его ихъ губителемъ, рѣшились умертвить Онопре Фовеля и исполненіе казни досталось, по жребію, Розмадску. Принявъ на себя то, что считалъ страшнымъ долгомъ, Розмадскъ напомнилъ друзьямъ своимъ, что одна молоденькая женщина, которой онъ не знаетъ, вѣроятно изъ тѣхъ, которыя пытались отбить его у нантскихъ стрѣльцовъ, прибавилъ онъ, вывела его изъ дому Фовеля и тѣмъ спасла отъ смерти. Онъ просилъ ихъ, чтобы всѣ они были ей друзьями, если она когда-нибудь от-

кроемся, и, своею безиредѣльною преданностію, вознаградили его великодушную избавительницу.

Въ тотъ же самый вечеръ около полуночи, два человека украдкой пробрались въ тѣни, вдоль забора дому, гдѣ съ нѣкотораго времени Оноре Фовель жилъ съ своею дочерью. Одинъ, но-видимому, хорошо изучившій мѣстность, велъ своего товарища и сообщалъ ему нѣкоторыя объясненія. Путеводитель былъ маркизь д'Обаредъ, одинъ изъ нантскихъ обвиненныхъ; тотъ, котораго онъ велъ—шевалье де-Розмадѣкъ.

Они остановились, поговорили между собою; потомъ Розмадѣкъ, при помощи д'Обареда, влѣзъ на стѣну.

— На, тебѣ, сказалъ д'Обаредъ, подавая что-то товарищу.

— Спасибо, отвѣчалъ тотъ, взявъ у него изъ рукъ какую-то вещь, на которой игралъ лучъ мѣсяца.

— Такъ ты понялъ, сказалъ д'Обаредъ, поднимаясь на цыпочки, чтобы приблизиться къ своему товарищу, который, сѣдя верхомъ на стѣнѣ, нагибался къ нему. Я тебѣ говорилъ: въ концѣ сада-балконъ, потомъ комната направо.

— Да, да, помню, отвѣчалъ Розмадѣкъ, невольно вздрогнувъ, при мысли о томъ, что предстоитъ ему.

Д'Обаредъ долго стоялъ у стѣны, прислушываясь къ легкому шуму шаговъ Розмадѣка по песку въ саду, и ушелъ уже тогда, когда ничего не было слышно.

Очувтившись одинъ въ саду, готовясь совершить убійство, потаенное, какъ какой-нибудь злодѣй или разбойникъ, Розмадѣкъ остановился. Эта мысль возмущала его и онъ чувствовалъ, что рѣшимость его колеблется. Чтобы ободриться, придать себѣ, такъ-сказать, искусственную восторженность, онъ сталъ думать о другѣ своемъ, Монлуи и другихъ несчастныхъ, которые погибли жертвами честолюбія этого человѣка. Онъ рѣшительно пошелъ впередъ и влѣзъ на балконъ. Передъ нимъ была стекольчатая дверь. Онъ остановился и съ трепетомъ прислушивался къ безмолвію, которое царствовало вокругъ него. Но ничто въ домѣ не шевелълось. Отрывистымъ ударомъ рукоятки кинжала онъ разбилъ стекло и потомъ выбралъ его по кусочкамъ, чтобы можно было просунуть руку. Наконецъ

онъ отодвинулъ задвижку, отворилъ дверь и вошелъ. Тутъ онъ снова сталъ прислушиваться, боясь не разбудилъ ли кого стукомъ. Онъ не совсѣмъ ошибался. Стукъ дѣйствительно не разбудилъ никого, потому что Морисетта, которая въ сосѣдней комнатѣ тоже прислушивалась, дрожа такъ же какъ и онъ, еще не спала. Постолявъ не много, онъ сдѣлалъ два шага впередъ; но въ эту самую минуту дверь отворилась, и въ комнату вбѣжала дѣвушка со свѣчей въ рукахъ. Она хотѣла вскрикнуть, но вдругъ остановилась и глухимъ голосомъ сказала: — Вы! вы здѣсь, Доминикъ Совгрѣнъ!

Морисетта не ошибалась: человекъ стоявшій передъ нею, былъ тотъ самый, котораго она считала бандитомъ, который славился между разбойниками, но, по странному противорѣчію, этотъ же человекъ спасъ ей жизнь, когда она бросилась съ фрегата. Что касается до Доминика Совгрѣна, или Игъ де-Розмадѣка—съ этой минуты мы будемъ считать ихъ однимъ лицомъ—онъ тотчасъ узналъ дѣвушку, которую случай сдѣлалъ его женою.

Оба молчали, не трогаясь съ мѣста. Каждый изъ супруговъ не могъ понять присутствія другаго у совѣтника Оноре Фовеля. Впрочемъ, Морисеттѣ не трудно было найти причину таинственнаго прихода ея мужа въ богатый домъ, хотя сердце ея, тронутое его услугами, теперь отвергало эту жестокою мысль. Съ своей стороны, мужъ Морисетты не зналъ, чему приписать свою новую встрѣчу съ этою дѣвушкою въ такой часъ и въ такомъ мѣстѣ. Онъ не удивился, когда увидѣлъ, что она вышла изъ отѣла д'Англадъ; онъ думалъ, что тамъ она на своемъ мѣстѣ, и вотъ почему онъ разстался съ нею съ отчаніемъ въ сердцѣ и со слезами на глазахъ. Но здѣсь?... Какъ она пошла сюда, въ домъ строгаго судьи, человека безжалостнаго, но самой высокой нравственности? Наконецъ, не находя разгадки своимъ предположеніямъ, онъ спросилъ ее:

— Что вы здѣсь дѣлаете, сударыня?

— Но, отвѣчала она, я тамъ, гдѣ всегда должна бы быть...

— Я васъ не понимаю.

— Я у отца моего.

— А!... вы у вашего отца; сожалѣю объ немъ.

И полагая, что свѣдѣнія, полученные имъ отъ маркиза д'Обарда были ложны, онъ прибавилъ:

— Такъ развѣ Оноре Фовель не здѣсь живетъ?

— Здѣсь.

— Что жъ вы говорите? Но, можетъ-быть, есть два человека этого имени? Я спрашиваю васъ о нантскомъ со-
вѣтникѣ.

— Я его дочь, повторила Морисетта.

Она не могла видѣть, въ окружавшей ихъ темнотѣ, какое ужасное дѣйствіе произвели эти слова на ея мужа. Она услышала только крикъ удивленія, котораго онъ не могъ заглушить.

— Что съ вами? спросила она съ невольнымъ участіемъ.

— Ничего! ничего! отвѣчалъ онъ чуть слышнымъ го-
лосомъ.

Онъ самъ еще не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что чувствовалъ. Онъ обрадовался, увидавъ, какъ низко упала дочь человека, котораго общее уваженіе ставило такъ высоко; радовался, что вдвойнѣ отмститъ за друзей своихъ, убивъ ихъ губителя, и разгласивъ о безчестіи его дочери. Но эта дикая радость продолжалась только одну минуту; онъ вспомнилъ, что эта женщина жена его, и несмотря на униженіе, въ которомъ привыкъ ее видѣть, не хотѣлъ снова погружать ее въ бездну, изъ которой, быть-можетъ, она пыталась выбраться.

— Но, сказалъ онъ, если это правда, то какъ же вы попали туда, гдѣ я видѣлъ васъ въ первый разъ? Какимъ образомъ дочь Фовеля очутилась въ числѣ гаврскихъ сѣмьныхъ, въ числѣ безстыдныхъ гостей отѣла д'Ан-
гладъ?

— Вы хотите знать, кто я, сказала она: я дѣвушка, которая, нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, ничего не подозревая, была среди толпы, оскорблявшей ея взгляды, пугавшей ея воображеніе, но не запятнавшей чистоты ея сердца.

Удивленный этими словами, Розмадѣкъ, забывъ гдѣ онъ и зачѣмъ пришелъ, взялъ Морисетту за обѣ руки, принудилъ ее подойти къ окну, освѣщенному луною и,

стараясь прочесть въ глазахъ ея истину ея словъ, прошепталъ:

— Знаете ли, что это было бы ужасно думать, что виновная молодая дѣвушка могла быть вдругъ перенесена изъ дому отца туда, гдѣ я васъ встрѣтилъ? Но нѣтъ, это невозможно.

— Неужели вы не вѣрите испытаніямъ, которыя иногда посылаетъ намъ Богъ?

— Но такъ, какъ вы пріѣхали въ Гавръ, пріѣзжаютъ во вначо, какъ изъ больницъ или тюремъ; но всякая женщина, выходящая изъ отѣла д'Англеа уже заслужила всеобщее презрѣніе, потому что только безстыдная женщина могла войти туда.

— А если эта несчастная, отвѣчала Морисетта, попала въ этотъ домъ потому только, что мужъ покинулъ ее посреди дороги и она возбудила состраданіе людей, которыхъ считала благородными и великодушными? Когда не знаешь всѣхъ ужасовъ свѣта, когда отчаяніе и одиночество терзаютъ и губятъ, какъ оттолкнуть руку, которую къ вамъ протягиваютъ? Какъ не предполагать всѣ добродѣтели въ людяхъ, которые сжалились надъ вами?

— Но Гавръ, Гавръ, вы забываете, кто были ваши спутники на фрегатѣ?

— Я ничего не забываю, и не жалуясь на несчастія, если причина ихъ избавила отъ эшафота человѣка, котораго я хотѣла спасти. Нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, въ Нантъ, въ домъ моего отца, мнѣ стало жаль человѣка, котораго я не знала, но который долженъ былъ умереть. Объ немъ меня просила сестра его, Агата де-Розмадэкъ: я говорю вамъ внае, чтобы вы не сомнѣвались въ моихъ словахъ; но когда молодой человѣкъ, обязанный мнѣ своимъ спасеніемъ, ушелъ, я испугалась гнѣву отца, котораго обманула и котораго могла подвергнуть отвѣтственности, за бѣгство обвиненнаго.

Невозможно передать волненія, которое овладѣло при этихъ словахъ Розмадekomъ. Онъ слушалъ Морисетту какъ-будто въ лихорадочномъ снѣ. И такъ, эта неизвестная избавительница, которую за два часа передъ тѣмъ онъ поручалъ уваженію и благодарности своихъ друзей,

была его жена, — жена, которую онъ любилъ даже и тогда, когда считалъ ее погибшею, низкою тварью!

Морисетта, полагая, что онъ ей не вѣритъ, исчисляла всѣ подробности бѣгства Розмадѣка. Онъ не останавливалъ ее; слушая ея разсказъ, онъ былъ счастливъ, хотѣлъ отвѣчать, и не могъ.

Она разсказала мужу о своемъ путешествіи въ Парижъ и объ его ужасныхъ послѣдствіяхъ, какъ передъ тѣмъ разсказывала брату; онъ слушалъ ее съ такимъ же безпокойствомъ, какъ Діонн, будучи еще болѣе брата причиною несчастій Морисетты.

Увлеченный минутнымъ порывомъ души, онъ готовъ былъ сказать этой бѣдной дѣвушкѣ, которую печалило его молчаніе:

— Да, я вѣрю тебѣ, ангель-избавитель; никто лучше меня не можетъ тебя понять, потому что я обязанъ тебѣ спасеніемъ.

Онъ хотѣлъ назвать себя, и упасть на колѣни, прося прощенія, когда Морисетта сказала:

— Теперь вы знаете все; могу ли спросить васъ, въ свою очередь, зачѣмъ вы сюда пришли?

Вспомнивъ при этомъ вопросъ свою клятву и преступленіе, Розмадѣкъ онѣмѣлъ: не могъ ли онъ сказать дочери Февели:

— Тебя, которой я обязанъ жизнию, я хочу сдѣлать сиротою; я пришелъ сюда отмстить за казнь пантскихъ жертвъ.

Приписывая его молчаніе стыду другаго роду, Морисетта думала, что наступило время обратиться на путь истинны чловѣка, который, какъ ей казалось, готовъ раскаться. И она высказала ему все, что только нѣжная душа можетъ пойти милосердаго и кроткаго. Слушая ее, Розмадѣку казалось, что онъ становится лучшимъ. Но увлекался принятымъ на себя подвигомъ, невинная и чистосердечная дѣвушка высказала болѣе, чѣмъ нужно было для обращенія мнимаго разбойника. Ему не трудно было понять, что она старалась возвысить его, чтобы приблизить къ себѣ.

— О Боже мой, сказалъ онъ, неужели вы меня любите?

— Я желала бы, чтобъ вы сдѣлались достойнымъ любви женщины; но вы будете ее достойны, неправда ли? сказала она: и эта встрѣча заставитъ васъ навсегда отказаться отъ преступныхъ намѣреній, которыя привели васъ въ этотъ домъ. Клянитесь мнѣ, а потомъ идѣйтесь.... Да, я могу любить васъ, потому что раскаяніе для васъ не трудно....

— Вы любите меня! вы уже любите, сказалъ онъ, падая на колѣни. О, говорите, Морисетта, говорите безъ страха.

— На это я не могу отвѣчать вамъ, сказала она, но мнѣ кажется, что Богъ не допустилъ бы нашего брака, если бы вамъ не суждено было исправиться. Когда вы покинули меня на дорогѣ, я плакала не о своемъ одиночествѣ, но объ васъ, потому что, я думала, мнѣ предназначено было обратить васъ къ добру. Простите мнѣ сравненіе, котораго я, конечно, недостойна, но послѣ вашего ухода я осталась, какъ ангель-хранитель, у котораго грѣхъ отнял душу, ввѣренную ему Богомъ. Но, прибавила она, я снова нашла ее. Дай Богъ, чтобъ она болѣе не скрывалась отъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, шепталъ Розмадѣкъ: вся жизнь моя принадлежитъ вамъ.

Онъ опять готовъ былъ уступить влеченію сердца, и произнести имя, которое должно было привести въ восторгъ Морисетту, когда рука его, прикасаясь къ груди, встрѣтила рукоятку кинжала. Розмадѣкъ вздрогнулъ. Волнуемый мыслью о преступленіи, которое добровольно взялся исполнить, благодарностью и любовью, Розмадѣкъ могъ только отвѣчать Морисеттѣ, умолявшей его раскаться:

— Успокойтесь, вы побѣдили; но я приходилъ сюда не для воровства.

Сказавъ эти слова, онъ вышелъ на балконъ, спустился въ садъ и перескочивъ черезъ стѣну, бѣжалъ далеко отъ дому Онуе Фовеля.

Разсвѣтало, а Морисетта всё-еще стояла въ задумчивости на томъ мѣстѣ гдѣ оставилъ ее Розмадѣкъ.

Позутру она замѣтила, что отецъ ея еще болѣе встрево-

женъ чѣмъ прежде. Послѣ завтраку, никого не разспрашивая, судья велѣлъ вставить вмѣсто разбитаго стекла новое. Онъ сошелъ въ садъ и самъ изгладилъ поташи слѣды, оставшіеся на пескѣ отъ шаговъ Розмадѣка, поправилъ сломанную имъ вѣтку и отбросилъ далеко отпавшіе листья.

Это не укрылось отъ глазъ Морисетты, и когда отецъ снова вошелъ въ залу, она затрепетала при мысли, что ему извѣстно посѣщеніе незнакомца.

— Съ нынѣшняго вечера, спокойно сказалъ Фовель, ты не будешь болѣе спать въ первомъ этажѣ; я хочу устроить свой кабинетъ въ этой комнатѣ.

Морисетта подумала, что отецъ ея все слышалъ, и дѣлаетъ это перемѣщеніе для того, чтобы встрѣтиться съ человѣкомъ, который забрался къ нему въ домъ.

— Что жъ! сказалъ онъ, между-тѣмъ какъ она смотрѣла на него съ нерѣшительностью: неужели ты такъ привыкла къ этой комнатѣ, что не можешь съ нею разстаться?

— Нѣтъ, отвѣчала она робко: я готова исполнить ваше приказаніе.

— Ты говоришь это такимъ голосомъ, какъ-будто тебѣ жаль ея; отчего это?

При этомъ вопросѣ Морисетта спѣшила повиноваться съ веселымъ видомъ. Но она напрасно думала, что отецъ ея имѣлъ какой-нибудь подозрѣніе. Онъ зналъ однако, что ночью кто-то былъ въ домѣ, и могъ даже назвать его.

Утромъ онъ получилъ изъ полиціи записку, въ которой было слѣдующее:

« Должно полагать, что нѣкоторые изъ нантскихъ обвиненныхъ, избѣгнувъ правосудія, скрываются въ Парижѣ. Изъ нихъ узнали шеваље де-Розмадѣка. Правительство наблюдаетъ за ними, но считаетъ нужнымъ предостеречь господина Фовеля, что если въ прошедшую ночь какой-нибудь неизвѣстный былъ въ его домѣ, то это должно быть никто иной, какъ Розмадѣкъ или одинъ изъ его сообщниковъ. Господина Фовеля просятъ донести, кому слѣдуетъ, не замѣтилъ ли онъ въ домѣ какихъ-нибудь слѣдовъ.»

• На это извѣстіе, пришедшее немного поздно, совѣтникъ отвѣчалъ:

«Въ мою домъ незамѣтна никакихъ слѣдовъ почного посѣщенія».

На другой день вечеромъ, сидя вдвоемъ съ Морисеттою, и перелистывая книгу бумагъ, онъ сказалъ самъ себѣ, но довольно громко:

— Вотъ и этотъ наконецъ попался. Пора! Послѣ Картуша я не зналъ большаго угодила, какъ Доминикъ Совгрэнъ.

При этомъ имени, Морисетта подняла голову и повторила:

— Доминикъ Совгрэнъ!

— А! ты вѣрно наслышалась объ немъ здѣсь, въ Парижѣ, Морисетта; не мудрено: объ немъ вездѣ говорятъ.

— Что жъ, сказала она, его будутъ судить?

— На этотъ разъ ужъ не заочно, отвѣчалъ Оноре Фовель, потому что Совгрэна взяли вчера.

Морисетта вскрикнула. Фовель всталъ; подошла къ ней, онъ увидѣлъ, что дочь его лежитъ безъ чувствъ.

Оноре Фовель, встревоженный положеніемъ дочери, употреблялъ всѣ усилія, чтобы возвратить ее къ жизни; наконецъ она пришла въ себя, но горячка заставила ее слечь въ постель. Морисетта провела самую тревожную ночь. Мысль о взятіи Совгрэна приводила ее въ отчаяніе. Поздо вечеромъ, полагая, что въ домъ всѣ уже спятъ, она встала, сама не зная, что дѣлаетъ. Накинувъ мантилью, она пошла впередъ, и спустилась внизъ, очутилась въ залѣ, выходящей окнами въ садъ. Воспоминанія еще болѣе увеличили ея горестъ. Луна чуть сіяла, полузакрытая облаками; листья, шумя, слетали съ деревьевъ, срываемые холоднымъ вѣтромъ. Темнота испугала Морисетту; она пошла въ свою комнату, чтобы взять свѣчу и вошла въ залу точно такъ, какъ при появленіи Розмадѣка. Вспомнивъ все, что она объ немъ знала: его самоотверженіе, его слезы и это гордое величіе лица, которое она не могла согласить съ испорченностью сердца, Морисетта спрашивала сама себя, можетъ ли быть, чтобы этотъ человекъ дѣйствительно былъ виновенъ во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняли?

Съ этими мыслями она поднималась по каменной лѣ-

стѣнцѣ. Вдругъ внезапный свѣтъ бросился ей въ очи, слышались мѣрные шаги. Кто-то свускался внизъ свѣчою.

Итти назадъ было поздно; спрятаться некуда; Морисетта остановилась, какъ пригвожденная къ мѣсту.

Это былъ Оноре Фовель. Онъ шелъ въ свою спальню съ бумагами, которыя хотѣлъ просмотрѣть передъ сномъ. Онъ замѣтилъ дочь.

— Это что значитъ! Откуда ты? строго спросилъ онъ.

Но Морисетта не могла произнести ни слова; она шептала что-то, поблѣднѣла и замолчала. Судья взглянулъ на нее, и потомъ, не говоря ни слова, схватилъ за руку и увлекъ за собою.

Они пришли въ комнату судьи. Тамъ онъ освободилъ ее, и ударивъ рукою по бумагамъ, сказалъ:

— Наконецъ въ твоёмъ поведеніи ужъ слишкомъ много загадочнаго, Морисетта; сегодня ты упала въ обморокъ безъ причины, и эту причину я хочу знать. Я изнесъ только одно имя, которое не могло произвести тебя такого дѣйствія.

Морисетта опустила голову: это было началомъ признанія. Удивленный Фовель продолжалъ:

— Ты не говоришь, что я ошибаюсь; но дѣло идетъ о разбойникѣ! Надѣюсь, что ты объяснишь мнѣ, почему принимаешь такое участіе въ преступникѣ, котораго и скоро должны будемъ судить.

И въ то же время Оноре Фовель бросилъ на Морисетту одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые проникаютъ въ душу и тревожатъ совѣсть. Бѣдная дѣвушка, вмѣсто отвѣта упала къ ногамъ отца.

— Ты у ногъ моихъ, сказалъ онъ: ты вѣрно слишкомъ меня оскорбила, когда такъ унижаешься. Говори, говори все; я тебѣ приказываю.

— Умоляю васъ, сжальтесь надо мною, сказала она; братъ не все сказалъ вамъ. Чтобы вымолить мнѣ прощенья, онъ обманулъ васъ, онъ солгалъ.

— Что это значитъ? вскричалъ Фовель, вскакивая съ кресла: такъ ты хочешь заслужить прощенье, обвиняя брата!

— Батюшка, продолжала Морисетта прерывающимся голосомъ: Дюни обманулъ васъ изъ состраданія ко мнѣ. Но я должна вамъ признаться, хоть бы пришлось навлечь на себя вашу гнѣвъ, что въ продолженіи отсутствія моего изъ вашего дому, я только одинъ день была у Дюни.

— Боже мой! вскричалъ Фовель, закрывъ лицо руками, но тотчасъ же снова поднялъ голову: я вижу, прибавилъ онъ, что вы были много виновны оба, но ты болѣе чѣмъ Дюни. Скрываютъ только то, что стыдно высказать, и я боюсь думать о дняхъ, которые ты провела далеко отъ меня.... Но до-сихъ-поръ ничто не объясняетъ мнѣ твоего смущенія при имени разбойника, убійцы Совгрена.

— Не унижайте его, батюшка, смѣло прервала Морисетта; потомъ, опустивъ голову до земли, она тихо прошептала: *Этотъ человекъ мой мужъ!*

— Мужъ твой! повторилъ Фовель, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, и поднявъ ее, прошепталъ задыхающимся голосомъ: *Твой мужъ! твой мужъ!...*

Потомъ, чтобы лучше слышать отвѣтъ Морисетты, онъ сталъ на колѣни и шепталъ убитой дѣвушкѣ, судорожно сжимая ее:

— Ты съума сошла, Морисетта: я худо слышалъ, худо понималъ, не правда ли?... Ты не сказала, ты не могла этого сказать.... Нѣтъ, я краснѣю отъ стыда, повторяя эти слова.... Совгрень, твой мужъ?

Дѣвушка молчала и сложила руки.

— Ты не отвѣчаешь, несчастная! вскричалъ внѣ себя отецъ; и онъ упалъ въ кресла, и въ изступленіи прошепталъ: *Боже мой! Боже мой! Ты жестоко наказалъ меня!*

Тогда Морисетта поползла на колѣняхъ къ отцу, и схватила холодныя руки, которыя ее отталкивали; она покрыла ихъ слезами и поцѣлуями, и рассказала печальную повѣсть своихъ страданій.

Опоре Фовель съ отвращеніемъ отвернулъ голову, но при этомъ движеніи ему попались на глаза бумаги, лежавшія на столѣ. Съ судорожнымъ движеніемъ началъ онъ ихъ перелистывать.

— Но знаешь ли ты, несчастная, кто этотъ Домини Совгрень? вскричалъ онъ.

— Мой мужъ, отвѣчала Морисетта, вставая.

— Онъ разбойничалъ на большихъ дорогахъ, продолжалъ старикъ.

— Онъ подалъ мнѣ милостыню, отвѣчала дѣвушка. Онъ мужъ мой.

— Онъ нападалъ на беззащитныхъ.

— Онъ защищалъ меня отъ оскорбленій, охранялъ отъ обидъ.

— Это бандитъ, никого не щадившій.

— Это избавитель мой; онъ бросился въ море, чтобы спасти меня.

— Онъ не уважалъ чести женщинъ.

— Онъ пощадилъ меня, когда не имѣлъ другихъ прятствій, кромѣ моей слабости, другихъ свидѣтелей кромѣ уединенія и ночи. Вотъ, что я знаю, батюшка, другое я не хочу знать, и другому не вѣрю. Я знаю этого чловѣка только по однимъ благодѣяніямъ, я видѣла только одни его благородные поступки. Я ему обязана честью жизнью. Я никогда не отрекусь отъ него; онъ мужъ мой я люблю его.

Она была прекрасна, выдерживая гнѣвъ неумолимаго отца, гордясь любовью, которая возвышала въ глазахъ ея того, кто внушилъ ее. Оноре Фовель, убитый этою сценою, показалъ на дверь, сказавъ только эти слова:

— Сударыня, я васъ больше не знаю. Живая, вы для меня навсегда умерли. У меня нѣтъ болѣе дочери. Я за прецпаю вамъ показываться мнѣ на глаза.

Морисетта опустила голову, и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери; но остановясь у порогу, она бросила послѣдній, умоляющій взглядъ на старика и сказала:

— Я повинуюсь вамъ, батюшка. Теперь вы знаете, какіе узы связываютъ меня съ чловѣкомъ, котораго вы должны судить. Не забудьте, что какава бы ни была его участь я хочу и должна раздѣлить ее. Если его сошлютъ, я послѣдую за нимъ; если вѣчная тюрьма откроется для него я буду возаъ него; если наконецъ правосудіе приговоритъ

его къ казни, — о! въ этотъ день мы виѣсть предста-
немъ передъ Бога.

• Сказавъ это, она хотѣла подойти къ отцу, чтобы ска-
зать ему послѣднее прости; но взглялъ старика оледенилъ
молодую дѣвушку. Неумолимый судья снова показалъ на
дверь, и Морисетта удалилась.

Прошло нѣскольکو дней, впродолженіи которыхъ Оно-
ре Фовель выходилъ только въ судъ. День и ночь сидѣлъ
онъ въ своей комнатѣ, никого не принимая. Между-тѣмъ
печаль сгорбила его высокій станъ и измѣнила суровое ли-
цо, и если бѣ ночью кто-нибудь подошелъ къ его комна-
тѣ, то услышалъ бы глухіе стоны и жалобы. Всякій день,
выходя оттуда онъ встрѣчалъ дочь, которая, несмотря на
запрещеніе показываться на глаза отцу, становилась на
колѣни, когда онъ проходилъ мимо, и говорила ему со
слезами:

— Не забудьте, батюшка, что онъ защищалъ, уважалъ
меня, что онъ спасъ мнѣ жизнь. Помните, что онъ мужъ
мой, и что я люблю его.

Но старикъ проходилъ мимо, какъ-будто не замѣчая
дочери.

Однажды онъ позвалъ ее къ себѣ.

— Я также измѣнилъ своему долгу, сказалъ онъ: бан-
дить, болѣе всѣхъ достойный казни, обязанъ мнѣ жи-
зни. Совгрѣнъ свободенъ.

— Свободенъ! вскричала Морисетта. О, тысячу разъ
благословляю васъ, батюшка.

— Вы забываете, что я не знаю васъ, сударыня, прер-
валъ Фовель строгимъ голосомъ, даже не взглянувъ на
дочь. Совгрѣнъ освободился изъ темницы; онъ ждетъ васъ
недалеко отъ Парижа, и уѣзжаетъ въ Голландію. Вы мо-
жете проводить его до границы. Шарлотта скажетъ вамъ
гдѣ его найти, и дастъ деньги, необходимыя для дороги.
Потомъ вы можете остаться съ нимъ, или возвратиться въ
Нантъ, куда я также приѣду. Я навсегда оставляю Па-
рижъ.

Морисетта, виѣ себя отъ радости, не смѣла благодарить
отца. Она побѣжала къ Шарлоттѣ и забросала ее вопроса-
ми и ласками! Наконецъ судьба утомилась ее преслѣдовать:

она должна была найти человека, котораго любила, чтобы болѣе не покидать его. Она ѣдетъ, летитъ, приѣзжаетъ ночью; стучится у показаннаго ей трактира. Дверь открывается, Морисетта хочетъ броситься въ объятія мужа; но вдругъ отступаетъ въ ужасѣ..... Она узнаетъ барона де-Монклара.

— Вы! вскричала она въ ужасѣ.

— Я самъ, къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ баронъ съ странною улыбкою. Вы ищете Совгрена, вашего мужа? Такъ потрудитесь сѣсть, потому что Доминикъ Совгрень—я!

Какой ужасный удар! какое открытіе для бѣдной Морисетты! Найти барона де-Монклара, когда она искала Доминика Совгрена! Морисетта съ крикомъ бросилась къ дверямъ. Но баронъ де-Монкларъ все предвидѣлъ. Однимъ скачкомъ онъ очутился у двери, заперъ ее, и положилъ ключъ въ карманъ.

— Пойдите, милая, сказалъ онъ Морисеттѣ. Какъ вы скоро сердитесь. Но меня такъ не оставляютъ.

Морисетта бросилась къ окну; но голова ея и руки встрѣтили желѣзную рѣшетку. Баронъ стоялъ, сложивъ руки и смотрѣлъ на нее съ насмѣшливою улыбкою. Бѣдная дѣвушка, въ отчаяніи, схватилась руками за рѣшетку, и стала звать на помощь.

— Извините, сударыня, сказалъ баронъ, подходя къ ней и заставляя вынуть изъ рукъ рѣшетку: — вы кричите такъ громко, что намъ нельзя будетъ слышать друга друга. Ктому жъ, это совершенно бесполезно, потому что насъ никто не услышитъ. Въ этомъ трактирѣ мнѣ случилось *работать*, и здѣсь знаютъ, что мои разговоры бываютъ иногда очень шумны; и потому никогда меня не беспокоятъ.

Морисетта, полумертвая отъ страху, молчала. Баронъ де-Монкларъ взялъ стулъ, подвинулъ его къ маленькому столику, на которомъ стояли бутылка, стаканъ и лампа; потомъ наполнивъ и выпивъ стаканъ, онъ вынулъ изъ кармана красивую трубку, закурилъ ее, и началъ такъ:

— Прежде всего извините, что я пью и курю въ вашемъ присутствіи; но въ парижскихъ тюрьмахъ такъ скверно,

что не удастся ничего порадочнее сдѣлать. Теперь выслушайте меня, потому что я напѣршу раскрыть вамъ нечто интереснаго. Я говорилъ уже, что я Доминика Совгрэнъ, вашъ мужъ.

При этомъ имени, Морисетта не могла не выразить своего негодованія.

— Я понимаю вашъ жестъ, сказалъ Совгрэнъ, положивъ трубку: и буду продолжать. Я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ честные люди называютъ бодѣльниками. Я также учился, во выйдя изъ школы, взялся за ремесло, которое не признаетъ правъ собственности. Я рѣдился въ Кольмаръ, и первые опыты свои производилъ среди своихъ любезныхъ соотечественниковъ. Черезъ три года постоянной работы, я имѣлъ страшный успѣхъ, именно страшный, потому что мнѣ стало страшно. Я прошелъ Францію со своею свитою и поселился въ Нормандію, гдѣ моя извѣстность уже предупредила меня. Тамъ я увидѣлся съ женщиною, которую любилъ еще въ деревнѣ, и которая жила въ Парижѣ. Вы знаете ее: бѣдняжку засадили въ смиренный домъ... по ошибкѣ, потому что она заслуживала лучшую участь... это совершенство въ своемъ родѣ. Разумѣется, она освободилась изъ тюрьмы хитростью, о которой долго было бы рассказывать. Однимъ словомъ, изъ тюрьмы она пришла ко мнѣ, но на короткое время; она не любила деревни и безпрестанно звала меня въ Парижъ. Наконецъ я перебрався туда вмѣстѣ съ нею и въ самое короткое время вы о мнѣ столько не говорили, какъ обо мнѣ, хотя никто меня не видѣлъ. Однажды, когда я занимался своимъ промысломъ, посредствомъ дюжины рукъ, ко мнѣ привели молодого человѣка, того самого, который впоследствии сдѣлался вашимъ мужемъ.

— Ноже мой! вскричала Морисетта, забывши что Монкларъ тутъ: такъ мужъ мой не былъ разбойникомъ, какъ этого человѣка!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Монкларъ: онъ работалъ въ другомъ родѣ; но разными дорогами мы шли къ одной цѣли, только въ случаѣ неудачи ему отрубали бы голову...

— Овъ дворянинъ! подумала съ верстаемъ Морисетта.

— Между тѣмъ какъ я изъ такого дѣрева, которое сѣкира не рубить, продолжалъ Совгрѣнъ. Мнѣ убрали башню пеньковой веревкой и лишили бы жизни, не огнивая головы. Но обратимся къ вашему мужу. Этотъ бѣднякъ не ѣлъ три дня и въ одеждѣ монаха скрывался въ лесахъ и по дорогамъ отъ понсковъ. Наконецъ онъ нашелъ что съищакъ страшнѣе разбойника. Его положеніе тронуло меня и подало мнѣ странную мысль. Вы хотите жить вѣжливо спросилъ я его.

— Да, вскричалъ онъ съ жаромъ: я хочу жить для мести! жить, чтобы убить жестокаго Фовеля, который отдал моихъ братьевъ сѣкирѣ палача: Я поклялся отмстить за нихъ и не взмѣню своей клятвѣ. О! только бы жить! жить!

— Но во Франціи, это не такъ легко для васъ. Мы можемъ сдѣлать маленькую сдѣлку. Мнѣ хочется наконецъ бросить свое ремесло: но я оставляю послѣ себя славу, которая можетъ повредить мнѣ впоследствии. Я бы хотѣлъ совершенно исчезнуть, и начать новую жизнь подъ новымъ именемъ. Молодой человѣкъ не понималъ меня. Побѣдите ли вы добровольно въ Америку? спросилъ я.

— Но вы забываете, что я приговоренъ къ смерти, отвѣчалъ онъ, и что я пропаду, ежели меня найдутъ.

— Но, ради Бога, кто этотъ человѣкъ? вскричала Морисетта.

— Всего нельзя сказать вдругъ, продолжалъ Совгрѣнъ. Я предложилъ молодому человѣку, чтобы онъ принялъ мое имя и отдался въ руки полиціи. Сначала онъ колебался, но дѣло кончилось тѣмъ, что онъ очутился въ Гаврѣ, подъ именемъ Доминика Совгрѣна и тамъ женился на васъ. Вы знаете остальное; я встрѣтилъ васъ на дорогѣ и привезъ въ Парижъ: баронъ де-Монкларъ никакъ не предполагалъ, что везетъ мадамъ Совгрѣнъ. Теперь согласитесь, что вы и вашъ мужъ очень дурно поступили со мною. Мужъ вашъ, котораго я считалъ съ моимъ именемъ въ томъ свѣтѣ, является въ Парижъ, чѣмъ ставитъ на ноги всю полицію; меня узнаютъ и бросаютъ въ тюрьму. Вы, которую я осыпалъ благодѣяніями, возстаете противъ меня. Что касается до вашего отца, я на него не жалуюсь.

я ему обязанъ свободою и удовольствіемъ разговаривать теперь съ вами.

— Но кто вамъ сказалъ, спросила Морисетта, испугавшая тѣмъ, что тайна отца ея въ рукахъ этого человѣка: кто вамъ сказалъ, что отецъ мой способствовалъ вашему освобожденію?

— Извините, отвѣчалъ Совгрень съ притворною учтивостью: это до васъ не касается. Гораздо труднѣе мнѣ было узнать о нашей женитьбѣ въ Гаврѣ. Однажды турецкій подалъ мнѣ отличный обѣдъ и ласково заговорилъ со мною. Совѣтникъ парламента принимаетъ въ васъ участіе, пеннулъ онъ. — Кто? — Мосье Опоре Фовель. Тогда, основываясь на темныхъ догадкахъ, я просилъ сестру съѣздить въ Гаврѣ, гдѣ она нашла свидѣтельство о бракѣ Доминика Совгрена съ Морисеттою Фовель. Съ этой минуты я все поиялъ, и увидѣлъ, что положеніе мое прекрасно.

— Да, сказала Морисетта желая убѣдить бандита: ваше положеніе прекрасно, за молчаніе заплатятъ вамъ сколько вы потребуете; но вы понимаете, что вамъ нельзя быть моимъ мужемъ, какъ вы говорили, потому что выходятъ не за имя, а за человѣка, и какъ этотъ человѣкъ не вы, то онъ будетъ говорить, онъ объявитъ себя моимъ мужемъ.

— Этотъ человѣкъ ничего не скажетъ, отвѣчалъ Совгрень, и вы сами посоветуете ему молчать, когда узнаете, чему онъ подвергается; но прежде всего вамъ надобно сказать имя вашего мужа: его зовутъ шевадье Ивъ де-Розмадѣкъ.

— Ивъ де-Розмадѣкъ! вскричала Морисетта, съ полнымъ сердцемъ, съ энтузіазмомъ внезапной радости. Ивъ, братъ Агаты, моей монастырской подруги, Ивъ! благородный дворянинъ, котораго я освободила въ Нантъ, и который спасъ мнѣ жизнь! О, благодарю Тебя, Боже мой. Совгрень, говорите, требуйте что хотите! я жена Розмадѣка!

Совгрень хладнокровно продолжалъ:

— Теперь выслушайте мои условія. Я не могу выѣхать изъ Франціи: я слишкомъ люблю ее, и особенно баронессу де-Монкларъ. Я требую, чтобы вы позволили мнѣ носить титулъ вашего мужа, обязуюсь не пользоваться никакими

правами, и только проводить васъ къ отцу, гдѣ вы останетесь жить. О, не поднимайте глазъ, не пожимайте плечами, не говорите, что это невозможно. Отецъ вашъ приметъ меня, я вамъ ручаюсь.... Онъ найдетъ во мнѣ зятя, который знаетъ свѣтъ; я не сдѣлаю ему стыда.

— Но, вскричала съ негодованіемъ Морисетта: вы сами понимаете, что это невозможно, что ежели бы это завѣяло только отъ одной меня, то я не въ состояннн допустить такого постыднаго обмана.

— Вы совершенно свободны, спокойно отвѣчалъ Совгрѣнь: но и я также свободенъ, и вотъ, что я сдѣлаю: начну съ того, что выдамъ шевалле де-Розмадѣка, вашего мужа, приговореннаго къ смерти вашимъ отцомъ, и ежели мосье Фовель не расторгнетъ вашего гаврскаго брака по причинамъ, которыя легко понять, то онъ долженъ будетъ сдѣлать васъ вдовою, пославъ на эшафотъ человѣка, котораго приговоръ онъ уже подписалъ.

— О, сжальтесь, вскричала испуганная Морисетта: сжальтесь, не отвергайте моей просьбы! Чего вы хотите? богатства моего? оно ваше. Я подпишу сейчасъ, что вы хотите. Уѣзжайте изъ Франціи; пенсіонъ, какой вы сами назначите, будетъ высылаемъ къ вамъ съ точностію. Всѣ деньги, которыя я буду имѣть, все, что вы потребуете, я найду и перешлю вамъ. Но уѣзжайте, ради Бога, чтобы васъ опять не задержали. Возьмите, сказала она, вынимаемая портфель изъ кармана: вотъ всѣ деньги, которыя отецъ далъ мнѣ на наше путешествіе. Возьмите, прибавила она, срывая съ пальцевъ, шею и рукъ все что было у ней драгоценнаго. Возьмите, все это ваше; я отдаю вамъ съ радостью, съ благодарностію; возьмите и уѣзжайте.

— Беру, и остаюсь, отвѣчалъ Совгрѣнь.

На другой день послѣ-того, какъ Морисетта выѣхала изъ Парижа, чтобы видѣться съ Совгрѣномъ, новый совѣтникъ парламента просилъ и получилъ особенную аудіенцію у регента. Она продолжалась почти два часа, и когда Оноре Фовель вышелъ, онъ объявилъ одному изъ своихъ товарищей, что регентъ принялъ его отставку.

Черезъ недѣлю послѣ этого Оноре Фовель и старая Шарлотта отправились въ Нантъ.

Снова поселившись въ своемъ домѣ, старый судья, уверенный, что дочь его нашла съ мужемъ убѣжище въ Голландіи, осудилъ себя на совершенное уединеніе, и проводилъ большую часть дней въ молельнѣ, востроенной на концѣ того самаго сада, по которому шелъ Розмадукъ, слѣдуя за Морисеттою.

Эта молельня была такъ же стара, какъ самъ домъ. Шарлотта и Морисетта, до отъѣзда ихъ, ходили туда молиться утромъ и вечеромъ; но по возвращеніи Фовеля, старой служанкѣ запрещено было входить туда подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Къ дверямъ придѣлали височій замокъ, отъ котораго ключъ онъ всегда носилъ у себя на шеѣ.

Впослѣдствіи мы объяснимъ причину этихъ предосторожностей. Черезъ мѣсяцъ послѣ своего пріѣзда, Омере Фовель получилъ изъ Санли письмо слѣдующаго содержанія:

«Любезнѣйшій тестя,

«Я былъ бы слишкомъ неблагодаренъ, если бы не воспользовался первыми минутами покоя, чтобы выразить вамъ всю мою признательность. Безъ-сомнѣнія, вы часто спрашивали себя, отъ чего толкъ, который имѣетъ честь быть вашимъ зятемъ, такъ долго не вамъ не пишетъ. Я понимаю, какъ безпокоитъ васъ все молчаніе, и спѣшу загладить вину свою.

«Дѣло въ томъ, почтеннѣйшій батюшка, что волненіе жены моеѣ при свиданіи со мною было такъ велико, что у нея сдѣлалась горячка, и три недѣли она была между жизнью и смертью, такъ, что я чуть не заказалъ себѣ трауръ. Успокойтесь, однако жъ: опасность прошла, но Морисетта еще очень слаба, и здоровье ея требуетъ неусынныхъ попеченій. Вы думали, что мы поѣдемъ въ Голландію. Мы не ѣдемъ. Докторъ говоритъ, что родной воздухъ необходимъ для исправленія здоровья жены, и я расположилъ такъ, что мы пріѣдемъ въ Нантъ въ то самое время, какъ вы получите это письмо. Конечно, вы были бы довольнѣе, если бы она пріѣхала одна: но это будетъ неблагоуразумно, и неприлично. Кому же заботиться о ея драгоценномъ здоровьи во время утомительнаго перѣзда, какъ не мужу, для котораго она должна быть дороже всего на свѣтѣ? Наше первое свиданіе, конечно, не будетъ искреннимъ, съ вашей стороны, но со временемъ вы ко мнѣ привыкнете. Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ этой милости, я сталъ пользоваться свободою; съ тѣхъ поръ какъ

отноская строгость уступила сдвоенъ Морисеттѣ, и соединила меня съ женою, я выписалъ изъ Гавра коню съ моего брачнаго свадѣтельства; я храню его, чтобы при случай показать, если кто осмѣлится оспаривать у меня мои права. Безъ-сомнѣнія, почтеннѣйшій Оатюшка, мнѣ не придется употреблять ее противъ васъ; но если когда-нибудь васъ станутъ беспокоить насчетъ бѣгства бѣдняка, процессомъ котораго былъ недавно занятъ парижскій судъ, то съ этимъ свидѣтельствомъ мнѣ легко будетъ доказать, отчего вы приняли такое участіе въ этомъ несчастіи. Во всякомъ случаѣ отъ предетъ выисъ вамъ не подъ своимъ именемъ. Зятя, котораго къ вамъ пріѣдетъ дѣть, есть баварскій дворянинъ фонъ-Клингсталь. Я зналъ эту фамилію въ окрестностяхъ Мюнхена, и мнѣ извѣстно, какимъ образомъ она исчезла впоследствии. И такъ, баронъ фонъ-Клингсталь знатный Баварець, очарованный предестами мадамъ де-Фовель несмотря на небольшое сопротивление съ вашей стороны, имѣетъ честь быть вашимъ зятемъ. Ваши виновныя дѣти пріѣзжаютъ къ вамъ просить прошенія, котораго недостаетъ для ихъ счастья. Вы собираете друзей своихъ, или принимаете юную чету въ тиши семейнаго круга. Я ожидаю отъ васъ пріема, который внушаетъ вамъ ваше безразуміе и ваши выгоды, потому что, повторю вамъ, для вашей дочери необходимъ родной воздухъ: она слишкомъ любитъ свое мужа, чтобы я подумалъ ее оставить. Мнѣ остается сказать вамъ, что я ненавижу упреки, нетерплю семейныхъ сценъ, и остаюсь почитающимъ васъ зятемъ.

«Последній изъ Клингсталей».

Прочитавъ это наглое письмо, Оноре Фовель хотѣлъ было отослать его къ ближайшему начальнику полиціи съ тѣмъ, чтобы задержать на нантской дорогѣ экипажъ мнимаго баварскаго барона. Ничто въ свѣтъ, думалъ судья, не могло заставить его принять въ своемъ домѣ этого бездѣльника. Но взглянувъ еще разъ на письмо, онъ увидѣлъ только стыдъ, которымъ молва покроетъ его имя; онъ подумалъ о здоровьѣ дочери, и понялъ, какъ жестоко было бы отвергнуть ее.

Онъ впалъ въ какую-то безчувственность, и бросивъ въ огонь письмо, позвалъ Шарлотту, и приказалъ ей приготовить комнаты втораго этажа для Морисетты и ея мужа

— Никто не принудитъ меня видѣться съ нимъ и говорить съ этимъ негодяемъ, сказалъ онъ. Если жизнь моей дочери покупается этою цѣною, то пусть пріѣзжаютъ.

На другой день почтовая карета въѣхала на дворъ домъ

Ошере Фовеля, и вскорѣ потомъ бывшій баронъ де-Монкларъ высаживалъ изъ кареты больную, которая едва держалась на ногахъ.

Несмотря на свое обѣщаніе, старшій судья при стулкѣ кареты подошелъ къ окну, и поднявъ уголь занавѣски, съ безпокойствомъ смотрѣлъ. При видѣ человека, который такъ дерзко назвался его зятемъ, онъ готовъ былъ вскричать: Прочь! Но Морисетта, казалось, была такъ слаба, и пріѣхавъ къ отцу, бросила на его домъ такой грустный, умоляющій взглядъ, что старику было тронуть; онъ опустил занавѣску, поднесъ руку къ глазамъ, на которыхъ рѣдко наворачивались слезы, и невѣрнымъ шагомъ пошелъ на встрѣчу гостямъ. Онъ позволилъ Морисеттѣ поцѣловать себя обѣ руки, и поддерживая бѣдную больную, увелъ ее вмѣстѣ съ Совгреномъ въ свой домъ.

Совгрень безъ церемоній поселился въ указанной ему комнатѣ, но онъ не возражалъ ни слова, когда Морисетта просила у отца позволенія жить въ своей прежней комнатѣ.

Едва пріѣхавъ, Совгрень успѣлъ уже обѣгать весь городъ. Но передъ выходомъ, онъ просилъ позволенія поговорить съ судьею.

— Я знаю о чемъ вы хотите говорить со мною, сказалъ послѣдній и пришлю вамъ ключъ отъ шкафу, стоящаго у вашей постели, тамъ вы найдете удовлетворительный отвѣтъ.

Совгрень нашелъ въ шкафѣ двадцать лувдоровъ, прекрасное бѣлье и слѣдующую записку:

« Каждый мѣсяць вы будете получать такую же сумму; ежели этого будетъ для васъ недостаточно, извѣстите меня письменно.»

Несмотря на это, Фовель получилъ отъ своего зятя, черезъ Шарлотту слѣдующій отвѣтъ:

« Мнѣ надобно имѣть ключъ отъ дверей на улицу, чтобы выходить, когда мнѣ заблагоразсудится, и чтобы меня не ждали, если я вовсе не приду. Я требую права приглашать къ себѣ, когда мнѣ вздумается, друзей, которыхъ я, безъ сомнѣнія, буду имѣть въ городѣ, потому что для здоровья моего вредно жить медвѣдемъ. У меня долженъ быть

лакей: такой человекъ какъ я, не можетъ безъ него обойтись. Я принимаю двадцать лупдоровъ въ мѣсяць, но—считая со дня моей свадьбы. Съ нетерпѣніемъ ожидаю просроченнаго».

На всѣ эти требованія, Фовель взглянулъ съ негодованіемъ; онъ уступилъ однако, но тамъ, гдѣ бандитъ требовалъ позволенія принимать гостей своихъ въ его домъ написалъ: «Никогда!»

Старикъ часто навѣщалъ дочь, но находилъ ее всегда одну удивлялся странной привязанности, которую могъ внушить ей человекъ, такъ мало обращавшій на нее вниманія.

Разъ, вечеромъ, вошелъ въ свою комнату, Морисетта нашла кого-то, кто тайно туда пробрался. Она и онъ говорили такъ тихо, что въ двухъ шагахъ любопытные не могли бы ничего слышать. На другой день она сказала, что чувствуетъ себя лучше и вздумала прогуляться. Куда же шла она? Это нѣмало не безпокоило мнимаго баварскаго барона. Онъ также отправлялся къ прекрасной Испанкѣ синьорѣ Казильдѣ Моралесъ, недавно пріѣхавшей в Нантъ, не изъ Старой Кастиліи, но изъ Парижа, гдѣ она извѣстна была подъ именемъ баронессы де-Монкларъ.

Эти прогулки, возобновлявшіяся каждый день, поправили здоровье Морисетты и она казалась столь счастливою, что даже Фовель сталъ съ меньшимъ отвращеніемъ смотрѣть на ея мужа.

Однажды этотъ человекъ возвратился домой, когда отецъ и дочь сѣли за столъ.

— Я далъ пару оплеухъ, сказалъ онъ, негодяю, который позволилъ себѣ, въ кофейномъ домѣ, повторять клевету, которою наполнено это письмо.

Онъ бросилъ на столъ записку, адресованную на имя Фовеля.

— Какимъ образомъ это письмо попало въ ваши руки спросилъ старый судья: оно адресовано ко мнѣ.

— Его нынче ночью подсунули подъ двери, и какъ онъ было не запечатано, то я прочелъ его.

Въ этомъ письмѣ извѣщали отца о дурномъ поведеніи его дочери; ее обвиняли въ томъ, что она въ одно время

обманывает отца и мужа; наконецъ старались доказать, что цѣлью ея прогулокъ были любовныя свиданія.

— Я наказалъ дерзкаго, потому что онъ лжетъ! прибавилъ Совгрѣнъ.

Потомъ, оставшись наединѣ съ Морисеттою, онъ сказалъ строго:

— Видите, сударыня, что говорятъ объ васъ.... Я дѣлаю видъ, будто не вѣрю, но при всемъ томъ это правда. Бергисъ, Морисетта, мнѣ досталась трудная роль, и ежели я наказалъ одного за клевету, то могу убить другаго, чтобы отгнать за мою супружескую честь.

Нескромный, получившій оплеуху отъ того, кто въ Нантъ назывался барономъ Клингстаемъ, не совсѣмъ былъ неуравъ, обвиняя Морисетту въ тайныхъ свиданіяхъ. Ежели человекъ, бывшій у нея вчеромъ, не приходилъ болѣе, то это потому, что Морисетта, дрожа безпрестанно за него, дала обѣщаніе каждый день приходить съ нимъ видѣться. Но куда ходила она?

Недалеко отъ устья Лоары, близъ нантскихъ воротъ, лежала небольшая деревушка, называвшая Сенъ-Донасиѣнъ. Въ то время она состояла только изъ нѣсколькихъ хижинъ, далеко разбросанныхъ другъ отъ друга. Сюда ходила Морисетта подъ предлогомъ прогулки; Розмадѣкъ, изъ предосторожности, ожидалъ ее недалеко отъ хижины, махая бѣлымъ платкомъ, потомъ они шли вмѣстѣ до деревни, гдѣ онъ жилъ. •

Но прежде посмотримъ, какія мысли тревожили въ первый разъ Морисетту.

Эшафотъ ожидалъ Розмадѣка, если бы его узнали, но, избѣгая казни, онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы допустить тѣ мученія, которыя сносила для него Морисетта. Онъ могъ согласиться жить, полагая, что жена его спокойно живетъ у отца, но если бы онъ зналъ, что презрѣнный, подъ именемъ мужа, вошелъ въ домъ Фовеля и угнеталъ своею волею бѣдную дѣвушку, Розмадѣкъ пересталъ бы скрываться, и передъ судьями, и передъ палачомъ онъ сказалъ бы: пусть убьютъ меня, но избавятъ эту женщину отъ рукъ негодая; мужъ Морисетты, не разбойникъ Совгрѣнъ, но шевалье де-Розмадѣкъ.

Зная, что нѣтъ въ способѣ на такой поступокъ, Морисетта рѣшилась скрывать отъ него истину. Въ первый разъ увидя домикъ, гдѣ жила Розмадѣкъ, она почувствовала несомненное волненіе, но вмѣсто того, чего она надѣялась встрѣтить, на порогѣ показалась женщина въ одеждѣ бенедиктинскѣ. Рукою, она дѣлала знаки прежней монастырскѣ и шла къ ней на встрѣчу. Удивленная, счастливая Морисетта остановилась, и издали простирала руки къ Агатѣ Розмадѣкъ. Двѣ подружки обнялись со всею пылкостью юныхъ сердець.

Агата взяла за руку свою подругу, и онѣ вмѣстѣ вошли въ домъ.

— Любезная Морисетта, сказалъ Розмадѣкъ, если Богу угодно, будетъ, чтобы и пострадалъ, то вы будете вдвоемъ оплакивать смерть, въ которой нѣтъ ничего постыднаго. Невѣста Монлуи, прибавилъ онъ, показывая на сестру, объяснить вдовѣ Розмадѣкъ, какимъ уваженіемъ пользуются тѣ, которые носятъ этотъ славный трауръ.

— Нѣтъ, не нужно болѣе траура, сказала бенедиктинка: знаешь, пролилъ довольно крови. Прочь эти грустныя мысли; пусть ничто не омрачаетъ первый день вашей новой жизни.

— Я ничего не боюсь, весело сказала Морисетта: я всюду послѣдую за моимъ мужемъ.

Морисетта не могла не удивляться, что Розмадѣкъ въ Нантъ. На вопросъ ся, онъ отвѣчалъ ей:

— Я не скрою отъ васъ, что приходилъ къ мосьё Фовелю съ преступными намѣреніями. Я долженъ былъ отомстить ему за кровь, пролитую въ Нантъ. Встрѣча съ вами превратила эту мысль въ разговоръ, котораго, однако же, я не могъ сообщить друзьямъ моимъ. Оставя васъ, я рѣшился отыскать моихъ товарищей, и объявить имъ, что не хочу болѣе быть ихъ сообщникомъ, и чтобы они считали меня даже своимъ противникомъ, если захотятъ совершить то, отъ чего я отказался. Но полиція безпрестанно слѣдитъ за нами, и одинъ изъ товарищей тайно подалъ мнѣ совѣтъ бѣжать изъ Парижа до разсвѣта. Узнавъ, что батюшка вашъ вышелъ въ отставку, я предпочелъ въ Нантъ.

— По вѣдь, кроиѣ меня, вы здѣсь никого не знали?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я зналъ здѣсь человѣка, который скрывалъ меня и потомъ донесъ на меня: это нѣкто Лоранъ, веревочникъ. Я припелъ къ нему, какъ приходилъ прежде, но увы! въ этотъ разъ одинъ. — «Это опять я, сказалъ я ему: мое положеніе, не лучше прежняго; опасность для тебя та же: хочешь ли скрыть меня?»

— И онъ испугался? спросила Морисетта.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Розмадѣкъ: онъ встрѣтилъ меня со слезами на глазахъ. На другой же день онъ пришелъ для меня этотъ домикъ и взялся извѣстить сестру о моемъ прибытіи.

— Онъ сдѣлалъ болѣе, сказала Агата. Когда я получила позволеніе навѣстить брата, онъ проводилъ меня сюда. Теперь, прибавила она, мнѣ ничего не осталось болѣе желать. И въ мужъ Морисетты; онъ будетъ любимъ, какъ былъ бы Монлуи, если бы Господь не судилъ иначе.

Заходящее солнце напомнило Морисеттѣ, что ей предстоитъ еще далекій путь до отцовскаго дому. Надобно было разстаться. Они сказали другъ другу: до завтра; одна Агата сказала: Прощайте навсегда!

Уже около пяти мѣсяцевъ Морисетта жила такимъ образомъ, когда Совгрѣну вздумалось, чтобы поддержать достоинство мужа, наградить оплеухами сплетника.

Вспомня объ опасности, угрожавшей Розмадѣку, и боясь Совгрѣна, Морисетта нѣсколько дней не видѣлась съ мужемъ. Впродолженіи этого времени Лоранъ два раза являлся къ Фовелю, подъ предлогомъ ссоры съ купцомъ, которому онъ поставлялъ матеріалы. Онъ вынесъ изъ дому не одни совѣты судьи, но и вѣсти объ его дочери.

Наконецъ Морисетта, понимая нетерпѣніе и безпокойство мужа, рѣшилась еще разъ отправиться въ Сентъ-Донасиенъ.

Она пошла не въ обыкновенный часъ своей прогулки, и потому не ожидала встрѣтить Розмадѣка. Приближаясь къ знакомому домику, она поражена была странною сценою. Двери были заперты. Шестъ человѣкъ, завернутые въ плащи, тихонько пробирались къ дому, перелезая поочередно черезъ заборъ.

Холодный трепеть пробѣжалъ по ея тѣлу; но желая знать, какая опасность угрожаетъ мужу, она смѣло пошла впередъ.

Безинокойство ея было такъ велико, что она не слышала топота лошади, окруженной облакомъ пыли. Шумъ этотъ достигъ до ея ушей тогда только, когда лошадь была въ двухъ шагахъ отъ нея. Она посторонилась, чтобъ дать ей дорогу. Лошадь пробѣжала впередъ и вдругъ остановилась: Морисетта увидѣла передъ собою Совгрена.

— Я знаю, куда вы идете, сударыня, и клянусь, что вы туда не пойдете.

— Я иду въ послѣдній разъ, сказала она.

— Не пойдешь, а нѣто и подумаю, что тебѣ кажется, что онъ слишкомъ долго живетъ.

Съ этими словами онъ сошелъ съ лошади, и подавъ руку Морисеттѣ, довезъ ее до Нанта.

Молодые люди, такъ таинственно входившіе къ Розмадѣку, были его товарищи по нантскому дѣлу. Не найдя его дома, маркизь д'Обаредъ сказалъ своимъ друзьямъ:

— Это не должно насъ останавливать. Не будемъ ждать, чтобы несчастіе разсѣяло всѣхъ насъ. Въ слѣдующую же ночь мы отомстимъ за нашихъ товарищей.

— Да! да! оствѣчали всѣ.

Но уходя, они хотѣли дать знать Розмадѣку о своемъ намѣреніи. Вспомнилъ, что у него хранился книжка, отданный ему однимъ изъ казенныхъ, маркизь д'Обаредъ вынулъ его изъ ящика, и положилъ туда записку, въ которой было сказано:

«Въ эту ночь, съ тобою или безъ тебя!»

Послѣ этого молодые люди разошлись, условясь снова сойтись вечеромъ въ Нантъ.

Когда Розмадѣкъ возвратился, первымъ движеніемъ его было броситься къ ящику. Не найдя книжала, онъ понялъ все, и бумага подтвердила только несчастіе, въ которомъ онъ болѣе не сомнѣвался.

— О, Боже мой, Боже мой! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ: думая спасти, я погубилъ его. Но какъ отвратить это убійство, — теперь слишкомъ поздно!

Между-тѣмъ, въ назначенный часъ, товарища маркиза д'Обарёда сошлись въ условленномъ мѣстѣ.

Узкая улица, избранная молодыми людьми мѣстомъ свиданія, была мрачна и безмолвна. При наступленіи назначеннаго часу, какая-то тѣнь отдѣлилась отъ дому и пошла по срединѣ улицы. Иногда она останавливалась, тихо произносила какое-то слово, и тотчасъ, взглянувъ на нея, являлась другая тѣнь, и всѣ исчезали въ разныхъ направленіяхъ. Черезъ четверть часа всѣ они сошлись въ переулкѣ, образованномъ заборами садовъ, окружавшихъ богатые дома. Около середины этого переулка стоялъ одно-этажный павильонъ, и тутъ была таинственная молеельня, гдѣ совѣтникъ Фовель часто записывался впродолженіи дня, и куда всякій вечеръ онъ ходилъ молиться.

— Какъ, тихо сказалъ маркизь д'Обаредъ: Розмадекъ не пришелъ?

Всѣ отвѣчали, что никто не видѣлъ его. Не теряя времени, одинъ изъ заговорщиковъ перелѣзъ черезъ стѣну, и пробравшись въ садъ, отперъ небольшую дверь, черезъ которую вошли и всѣ другіе. Они спрятались въ темномъ углу, а маркизь д'Обаредъ пошелъ къ молеельнѣ. Свѣту не видно было внутри; но недовѣряя этому, онъ ошупью добрался до двери, и удостовѣрился, что замокъ на мѣстѣ.

— Никого нѣтъ! сказалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ.

— Что, ежели онъ не придетъ?

— Значить, его предупредили, потому что онъ каждый вечеръ ходитъ въ эту молеельню.

Дѣйствительно, Фовель ходилъ туда каждый день, но въ этотъ вечеръ не долженъ былъ притти. — Въ сумерки получилъ онъ слѣдующую записку, написанную неизвѣстной рукою:

«Всѣмъ, что есть святаго на этомъ и томъ свѣтѣ, заклиная косье Фовеля не ходить этою ночью въ молеельню: онъ не выйдетъ оттуда живымъ. Челсиѣкъ, писавшій эти строки, въѣрлетъ ихъ чести и суровости косье Фовеля; онъ надѣется, что не будутъ искать ни доносчи-

ка, ни заговорщиковъ. Зачѣмъ ему новыя жертвы? Попытка, неудавшаяся сегодня, не возобновится болѣе.»

Какимъ образомъ очутилась эта записка на столѣ судьи? Онъ не могъ понять, потому что никто не приходилъ къ нему, кромѣ веревочника Лорана.

Онъ сжегъ записку, и въ обыкновенный часъ заговорщики увидѣли свѣтъ около дому и услышали скрипъ садовой калитки. Она заперлась за челоуѣкомъ, который шелъ съ фонаремъ. Казалось, что судья отдавался беззащитный своимъ убійцамъ, потому что запертая калитка составляла преграду между ними и жителями дому.

— Это онъ, сказалъ д'Обаредъ.

И всѣ молодые люди спрятались, безмолвные какъ статуи, слѣдуя глазами за старикомъ, котораго каждый шагъ приближалъ къ смерти. Пройдя садъ, онъ подошелъ къ дверямъ моленной. У этой роковой двери онъ остановился, воднесъ руку къ глазамъ, къ сердцу, съ невыразимою грустью, и упалъ на скамью, какъ-будто ноги не въ состояніи были его болѣе поддерживать. Наконецъ онъ всталъ, дрожащею рукою отперъ замкъ и вошелъ въ таинственный павильонъ.

Между-тѣмъ молодые люди не терпели ни одного изъ его движеній.

— Онъ вошелъ! Слѣдуйте за мною, сказалъ шопотомъ д'Обаредъ, и вмѣстѣ съ друзьями пошелъ къ моленной.

Павильонъ, въ который вошелъ судья, состоялъ изъ одной комнаты, отдѣленной отъ дверей узкою переднею, въ которой входили уже въ моленную, куда Фовель ничего не пускалъ.

То была есьмиугольная комната, со всѣхъ сторонъ зашпательная чернымъ сукномъ. Посерединѣ налой, на которой стояло Распятіе изъ слоновой кости, между двумя зажженными свѣчами.

д'Обаредъ вошелъ въ павильонъ вслѣдъ за Фовелемъ.

Не слѣдуя за нимъ въ моленную, но держа кивчалъ въ рукѣ, онъ сталъ прислушиваться. Заглушаемые стоны заставляли его вдрогнуть; онъ тихо отворилъ дверь въ моленную, и остановился, пораженный ея трауромъ.

— Войдемъ и кончимъ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Слушайте! сказалъ маркизъ, останавливая его. Они услышали голосъ старика, шептавшій молитву.

— Онъ молится, сказалъ д'Обарель.

— Молится, повторили стоявшіе возлѣ, тѣмъ, которые не могли его слышать.

При этомъ простомъ словѣ, благочестивые бретонскіе дворяне сняли шляпы. Они не хотѣли прервать молитву челоуѣка, котораго однако собирались убить. Оноре Фовель лежалъ простертый передъ Распятіемъ, и обливался слезами. При видѣ этого печальнаго мѣста, при видѣ этой глубокой горести, дворяне безмолвно взглянули другъ на друга.

Судья Пламенной Палаты говорилъ вслухъ:

— Боже мой! помилуй меня грѣшнаго, сжался надо мною, призови меня къ Себѣ, избавь отъ тяжкой жизни! О, Боже мой! я долженъ быть слишкомъ преступень, когда Ты взялъ гнѣвъ Свой даже на дѣтей моихъ. И между тѣмъ одинъ я совершилъ преступленіе. Но Ты знаешь, Господи, что я думалъ исполнить долгъ свой. Мнѣ сказали: «Приговори, мы ихъ помилуемъ», и меня обманули! Бѣдныя жертвы моей ошибки, прибавилъ старикъ, рыдая: молитесь за меня!

Глухіе стоны вырвались изъ груди его; онъ съ отчаяніемъ ударился о землю, и продолжалъ внѣ себя: — «Кровь! кровь!... Шестъ невинныхъ жертвъ осуждены несправедливымъ приговоромъ. О, зачѣмъ я не возсталъ противъ всѣхъ? Зачѣмъ повѣрилъ я людямъ, которые требовали этого приговора, обѣщая простить ихъ? Меня ослѣпили громкими словами и я предалъ на жертву ложнымъ идеямъ, благородныхъ молодыхъ людей, которыхъ преступленіе было не доказано, людей, въ невинности которыхъ я самъ былъ убѣжденъ. О, Боже мой! самоубійство запрещено Твоимъ святымъ закономъ; я буду жить, по каждый день посвящу на искупленіе моей преступной слабости. Быть-можетъ, молитва, которую я каждый день возобновляю, смягчитъ гнѣвъ Твой, и дастъ мнѣ умереть подъ угасшими взглядами моихъ невинныхъ жертвъ.

Съ этими словами Фовель поднялся. Лицо его покрылось холоднымъ потомъ, тѣло дрожало, и онъ съ усиленіемъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Онъ судорожно отдернулъ сукно и вскричалъ въ безпамятствѣ:

— Губитель, взгляни на свои жертвы!

Свидѣтели этой страшной сцены увидѣли шесть головъ, украшенныхъ цвѣтами, шесть головъ тѣхъ, которые были казнены въ Нантѣ. Фовель сохранилъ ихъ въ своей мѣлельи.

Онъ склонилъ голову и упалъ на колѣни. При этомъ видѣ, пораженные благоговѣйнымъ ужасомъ, присутствующіе невольно склонили колѣни позади старика. Въ эту минуту ихъ стало однимъ болѣе. Тотъ, кто упалъ на колѣни ближе всѣхъ къ судѣ, какъ-бы защищая его своимъ тѣломъ, былъ шевалье Ивъ де-Розмадѣкъ.

Услышавъ шумъ, Оноре Фовель обернулся. При видѣ своихъ убійцъ, онъ не могъ удержать невольнаго движенія ужасу. Но потомъ грустная улыбка пробѣжала по его лицу, надежда заблестала въ глазахъ, и онъ сказалъ заговорщикамъ:

— Я узнаю васъ, господа; васъ привело сюда мщеніе. Вамъ нужна жертва: я готовъ.

Ни одна рука, не поднялась чтобы убить его, ни одинъ изъ молодыхъ людей, которые за минуту передъ тѣмъ дышали ненавистью и мщеніемъ, не бросился къ старику. Всѣ глаза устремились на д'Обарѣда, который перебиралъ въ рукахъ кинжалъ.

— Что жъ вы медлите, господа; что васъ останавливаетъ? продолжалъ старикъ. Вы боитесь ошибиться? Я Оноре Фовель, неумолимый судья, губитель вашихъ друзей и братьевъ. Не бойтесь, что васъ обвинять въ моей смерти; я не произнесу ни жалобы, ни крику.

И старикъ ближе подошелъ къ нимъ.

Д'Обарѣдъ взглянулъ на своихъ друзей, потомъ на головы жертвъ, и наконецъ на старика. Тяжелая минута наступила для всѣхъ. Всѣ молчали.

Кинжалъ выпалъ изъ рукъ маркиза.

— Нѣтъ! никогда! прошепталъ онъ съ усиленіемъ.

Никто не наклонился поднять кинжалъ.

— Довольно жертвы! сказалъ Розмадѣкъ. Какое мщеніе лучше расказаиія ихъ судьи?

— Другъ нашъ говоритъ правду, отвѣчалъ д'Обаредъ. Молитва Богу лучше мести. На колѣни, господа: помолимтесь за умершихъ.

И всѣ, молодые люди и старикъ, поверглись передъ Раешятіемъ. Послѣ молитвы, д'Обаредъ и товарищи его хотѣли удалиться, во судья сказалъ имъ:

— Господа, теперь вамъ опасно выйти изъ дому: за вами подсматриваютъ, и малѣйшая неосторожность можетъ повлечь за собою новыя несчастія, новыя преступленія. Прошу васъ, останьтесь у меня, пробудьте только два дня; я приму всѣ мѣры предосторожности. Быть-можетъ, я буду такъ счастливъ, что возвращу вамъ свободу. До тѣхъ поръ останьтесь здѣсь: въ моемъ домѣ васъ никто не тронетъ.

Съ этими словами онъ протянулъ руку къ д'Обареду, и какъ тотъ не рѣшался взять ее, старикъ сказалъ ему съ печальной улыбкой:

— Возьмите мою руку, маркизъ, не въ знакъ дружбы, на которую я не имѣю права, но въ знакъ того, что вы принимаете мое предложеніе.

д'Обаредъ сжалъ руку старика. Судья поднялъ глаза къ небу, обнялъ молодого человѣка, и уронивъ слезу, прошепталъ:

— Благодарю Тебя, о Боже мой!

Потомъ Фовель, взявъ за руку маркиза, пошелъ впередъ, указывая дорогу своимъ гостямъ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что сначала не могъ произнести ни слова, и только знакомъ просилъ ихъ слѣдовать за собою.

Въ домѣ Оноре Фовеля все уже давно спало, а Морисетта собиралась идти со двора. Съ тѣхъ поръ, какъ она изъ-дали видѣла таинственныхъ незнакомецъ, которые украдкой, одинъ за другимъ, пробирались въ домъ, гдѣ жилъ Розмадѣкъ, ее поминутно мучило невыразимое безпокойство. Недавнія угрозы бандита не въ состояніи были остановить ее и она рѣшилась, во что бы то ни стало, поглядѣться съ мужемъ. Убѣдившись, что въ домѣ все тихо, она осторожно спустилась съ лѣстницы и подошла къ

воротамъ. Она уже хотѣла отпереть, какъ-вдругъ казити какъ-бы сама собою отворилась и Морисетта во второе развѣ этотъ деиъ столкнулась съ Совгрѣномъ. Онъ раньше обыкновеннаго, воротился отъ Казильды Моралдеъ былъ очень не въ духѣ.

Морисетта отбросилась назадъ, въ надеждѣ, что онъ въ темнотѣ, не узнаетъ ея; но бандитъ очень хорошо видѣлъ и догадывался куда она хочетъ идти.

— Ты, вѣрно, шла ко мнѣ на встрѣчу? сказалъ онъ; и теперь холодно: воротись въ свою комнату.

И онъ заперъ за собою дверь. Потомъ, схвативъ и счастную Морисетту за руку такъ, что она чуть не вскринула, сказалъ:—Такъ ты не хочешь вести себя порядочно! Хорошо, что я сегодня проигрался, а то бы еще и воротился. А ты гдѣ бы была, честная женщина?

— Говорите по-тише, отвѣчала бѣдняжка умоляющимъ голосомъ: вы знаете, что въ моемъ поведеніи нѣтъ ничего предосудительнаго.

— А я говорю, что твое поведеніе меня компрометируетъ!

И онъ заставилъ ее воротиться. Въ залѣ еще горѣлъ ночникъ. Морисетта остановилась и собравшись съ духомъ, сказала тому, который считался ея мужемъ:—В безжалостно пользуетесь несчастной ошибкой, которой не могу открыть, не подвергнувъ опасности человѣка, который дороже мнѣ всего на свѣтѣ.

— Прошу покорно, да ты еще и жалуешься! отвѣчал Совгрѣнъ, сложивъ руки на груди и съ невыразимымъ безстыдствомъ посмотрѣвъ на несчастную. Положеніе твоё конечно, довольно неловко для тебя; да вѣдь не я же и этомъ виноватъ. Ты сама сказала отцу, что обожаешь меня; такъ надобно же, чтобы поведеніе твое было согласно съ словами. А нето я приму мѣры, чтобы ты вперед не могла компрометировать чести человѣка, котораго вы считаютъ твоимъ мужемъ.

Морисетта съ ужасомъ посмотрѣла на него. Чтобы притянуть всю бѣду на себя, она сказала:—Вы, вѣрно, хотите принести меня въ жертву супружеской чести, которую, по наружности, имѣете право защищать. Я согласна

Заставьте меня подписать какія хотите бумаги, чтобы упрочить вамъ все что я имѣю, и потомъ убейте меня. Я не дорожу жизнью. Она несносна въ моемъ положеніи.

— К чему мнѣ тебя убивать? Если кто мнѣ мѣшаетъ, такъ, конечно, не ты.

— Я понимаю, что вы хотите сказать; но к чему же вамъ губить его, когда такимъ образомъ вы можете получить тѣ же самыя выгоды?

— Это совершенно справедливо, отвѣчалъ онъ съ жестокимъ хладнокровіемъ: но тутъ есть маленькое препятствіе, о которомъ ты и не подумала.

Странный видъ, съ которымъ Совгрэнъ смотрѣлъ въ это время на Морисетту, еще болѣе напугалъ несчастную. — Я не понимаю, о чемъ вы говорите, сказала она.

— Я хочу сказать, что ты прескрасна, Морисетта, отвѣчалъ онъ, нагнувшись къ ней: что ты мнѣ очень нравишься, что я люблю тебя, и, конечно, имѣю на то полное право: я твой мужъ.

Морисетта до того была поражена этими словами, что едва не лишилась чувствъ. — О, это жестокая шутка, съ трудомъ проговорила она. О, ради Бога, скажите мнѣ, что это шутка.

— Нисколько не шутка. Ты несправедлива къ себѣ самой. Можно ли видѣть всякой день такую хорошенькую женщину какъ ты, и не замѣтить наконецъ, что ты достойна любви! Правда, я обѣщалъ не пользоваться своими правами, потому что ты вышла не за меня, а за мое имя; но я такой человѣкъ, что если кто-нибудь мнѣ мѣшаетъ, я его убиваю; если клятва мнѣ тягостна, я ее нарушаю.... Я далъ тебѣ слово.... забудь его, потому что я отъ него отказываюсь.

— Чего же вы надѣетесь? сказала Морисетта съ достоинствомъ и страхомъ.

— Я сегодня же приду къ тебѣ и надѣюсь, что ты, изъ благоразумія, не заставишь мужа ворваться. Однимъ словомъ, я надѣюсь, что ты изъ любви къ тому, будешь снисходительна и ко мнѣ.

— Ужасъ! ужасъ! вскричала она внѣ себя отъ негодованія.

— Не хочешь ли ты созвать людей, чтобы они съ оу жиемъ рукахъ помѣшали мнѣ исполнить мое намѣреніе? Берегись, Морисетта. Иначе я донесу на Розмадѣка.

Морисетта въ отчаяніи подбѣжала къ окну, отвори его и хотѣла броситься, но Совгрѣнъ удержалъ ее.

— Еще разъ говорю тебѣ: берегись, сказалъ злодѣй. Онъ отвѣчаетъ мнѣ за тебя, а если ты не станешь мнѣ повиноваться, ему не быть въ-живыхъ!

— Боже мой! Боже мой! Спаси меня! вскричала Морисетта.

Въ это самое время въ глубинѣ саду показался огонекъ. Это чрезвычайно удивило и Совгрѣна и Морисетту, потому что никто въ домѣ не зналъ, что Фовель почти всю ночь проводилъ въ своей молельнѣ. Морисетта обрадовалась, потому что это избавило ее отъ покушеній злодѣя. Совгрѣнъ подумалъ, что это Розмадѣкъ пробрается въ домъ своей женой и сказалъ: «О, если бъ это былъ онъ.» Вырженіе, съ которымъ бандитъ произнесъ эти слова, было такъ ясно, что Морисетта, видя себя, не зная что дѣлаетъ бросилась къ нему на шею, вскричавъ: — О, пощади его!

Но потомъ, почувствовавъ на лицѣ своемъ дыханіе этого изверга, она съ ужасомъ его оттолкнула и вскричала — Прочь!.... оставьте меня!...

— Нѣтъ, моя милая, ужъ извини, отвѣчалъ онъ. Условіе между нами заключено, и вотъ тебѣ задатокъ.

И скверныя его губы прильнули къ чистому лбу несчастной Морисетты. Вся кровь прилила у ней въ сердце и она убѣжала въ уголъ; онъ погнался—было недалеко, но остановился у окна: до такой степени поразило его то что онъ увидѣлъ въ саду. Нѣсколько человѣкъ шли въ домъ, громко разговаривая и въ числѣ этихъ голосовъ Морисетта узнала голосъ отца.

— Ба, ба, ба! Да, видно, нашъ старикъ назвалъ сегодня гостей! Постарайся же успокоиться, а нето могутъ подумать что мы не дружно живемъ между собою. Не забудь что вѣдь если отецъ твой спроситъ, такъ нельзя же сказать ему за что мы ссоримся.

— Да, ваша правда, отвѣчала Морисетта, иди въ свою комнату: я осуждена казаться счастливою и могу плакать только украдкой.

— Не забудь, я скоро приду къ тебѣ, сказалъ онъ, провожая ее: не вставь же меня стукомъ разбудить отца твоего и весь домъ.

Несчастливая Морисетта съ трудомъ дошла до своей комнаты: она душевно и физически изнемогла подъ бременемъ злополучія. Боясь, чтобы губитель ея не надѣлалъ тревоги, она не посмѣла запереть дверей своихъ, какъ дѣлала обыкновенно; но между-тѣмъ рѣшилась не отдаваться живой въ его руки. Она не легла, не раздѣвалась; сѣла въ кресла и на столъ подлѣ себя положила бумажку, на которой написала: «Я умираю, чтобы не измѣнить мужу. Имѣніе мое завѣщаю тому чье имя носила.» А на бумагу она положила ножъ, и стала ждать.

Совгрѣнъ оставался еще въ залѣ, когда Оморе Фовель вошелъ съ фонаремъ въ рукахъ и за нимъ нѣсколько чело-вѣкъ.

— Кто тутъ? спросилъ Фовель, съ удивленіемъ увидѣвъ, что въ залѣ кто-то есть, но не рассмотрѣвъ еще лица его.

— Не безпокойтесь, батюшка: это я, отвѣчалъ мнѣ-мый баронъ Клингсталь.

Фовель продолжалъ, обращаясь къ Совгрѣну:—Эти господа пробудутъ здѣсь день, а можетъ-быть и два. Я увѣренъ въ скромности своихъ слугъ. Надѣюсь, что я на васъ могу положиться.

Розмадѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на того, съ кѣмъ Фовель говорилъ; но какъ въ комнатѣ было довольно темно, то онъ не узналъ Совгрѣна. Но тотъ, привыкнувъ уже къ темнотѣ, очень хорошо распозналъ въ числѣ гостей Фовеля мужа Морисетты.

Часа черезъ два послѣ-того всѣ въ домѣ спали, по-крайней-мѣрѣ предполагалось, что всѣ спали. Между-тѣмъ, въ одно и то же время отворились двѣ двери, одна въ нижнемъ, другая въ верхнемъ этажѣ: Совгрѣнъ и Розмадѣкъ по-тихоньку вышли изъ своихъ комнатъ. Совгрѣнъ, услышавъ шаги внизу, подумалъ, что Розмадѣкъ идетъ къ нему; воротился въ свою комнату, зажегъ свѣчи,

исправляя огонь въ каминѣ и, принявъ важный видъ, сѣлъ въ большія кресла. Но Розмадѣкъ шелъ не къ нему, а къ женѣ: онъ зналъ гдѣ ея комната, потому что видѣлъ, откуда она выбѣжала, когда онъ приходилъ, чтобы убить Фовеля.

Можно вообразить себѣ ужасъ Морисетты, когда она услышала, что кто-то дотронулся до замка ея дверей. Блѣдность оледенила лицо ея. Но, готовясь умереть, она съ рѣшительностію подняла голову, чтобъ поразить гордымъ, презрительнымъ взглядомъ того, кого не могла умплощить. Наконецъ дверь тихонько отворилась, и явился—Розмадѣкъ.

Морисетта не вскрикнула при видѣ своего мужа, не сбѣжала ни малѣйшаго движенія: она не вѣрнула глазамъ своимъ и думала, что лишилась разсудка, въ ту самую минуту, какъ ей надобно было собрать всѣ свои силы.

— Нѣтъ, проговорила она вполголоса: нѣтъ, не можетъ быть, чтобы это былъ онъ.

Хотя она проговорила эти слова очень тихо, однако жъ Розмадѣкъ разслышалъ ихъ. Онъ тихонько затворилъ дверь, задвинулъ задвижку и подходя къ Морисеттѣ, сказалъ: — Да, да, моя милая, это я пришелъ къ тебѣ.

— О! какъ я счастлива! вскричала она, ливъ себя отъ радости. Потомъ, взявъ его за обѣ руки, она сказала, съ нѣжнымъ и вмѣстѣ стыдливимъ видомъ: — Садись, Ивъ, ты здѣсь дома.

Вдругъ она вспомнила о незнакомцахъ, которые пробирались въ домъ Розмадѣка, вспомнила о клятвѣ бретанскихъ дворянъ, приговоренныхъ отцомъ ея къ смертной казни, и съ трепетомъ спросила: — Ивъ, я не буду сиротою? Не правда ли? Ты не позволишь убить отца моего?

— Успокойся, моя милая, теперь все забыто и жизнь отца твоего въ безопасности. Теперь товарищи мои у него въ гостяхъ.

И онъ разсказалъ ей сцену, которая происходила въ молельнѣ Оноре Фовеля. Эта вѣсть дотога обрадовала Морисетту, что она совсѣмъ забыла о разговорѣ своемъ съ бандитомъ; но Розмадѣкъ самъ напомнилъ ей о томъ, сказавъ: — Я непременно хотѣлъ сообщить тебѣ объ этомъ

теперь же, моя милая, чтобы ты спокойно спала и чтобы завтра ты не измѣнила себя, вдругъ увидѣвъ меня въ домѣ твоего отца. Но, я думаю, всего лучше открыть ему нашу тайну. Онъ, вѣрно, обрадуется, узнавъ, что одинъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ безвинно преслѣдовалъ, сдѣлался его зятемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ивъ, вскричала съ ужасомъ Морисетта: не говори объ этомъ никому, никому на свѣтъ.... Слышишь ли?... иначе ты погибъ.

— Что съ тобою, моя милая? Я не понимаю тебя, сказала Розмадѣкъ. Кто же здѣсь донесетъ на меня? Неужели ты боишься брата?

Морисетта съ изумленіемъ посмотрѣла на него.

— Ну да, продолжалъ Розмадѣкъ, замѣтивъ ея удивленіе. Развѣ это не братъ твой былъ въ гостиной, когда мы вошли?

Морисетта боялась открыть ему свои несчастія, чтобы не произвести ссоры, которая могла бы погубить ея мужа, и съ радостію воспользовалась его ошибкою.

— О, нѣтъ, сказала она, но я всего боюсь, и какое-то страшное предчувствіе непрерывно меня мучить. Увези меня отсюда; уѣдемъ за-границу, куда-нибудь, гдѣ бы тебѣ нечего было бояться доносовъ. Я не въ-состояніи болѣе терпѣть, не могу болѣе переносить мученій.

— Что съ тобою, моя милая? Ты, вѣрно что-нибудь отъ меня скрываешь....

— О, ради Бога, не спрашивай меня, сказала она въ испугѣ: если ты меня любишь, сдѣлай такъ, чтобы мы завтра же могли отсюда уѣхать....

Она остановилась, схватила рукою за сердце и, какъ-бы къ чему-то прислушивалась. Потомъ глаза ея заблестали гордою радостію, она встала и сказала:—Ивъ, увези меня отсюда завтра же: я требую этого именемъ нашего ребенка, который бьется у меня подъ сердцемъ.

Розмадѣкъ въ невыразимомъ восторгѣ бросился къ ногамъ ея.

Воротившись въ свою комнату, счастливый Розмадѣкъ предавался сладостнымъ мечтамъ, какъ-вдругъ кто-то по-

стучался у его дверей. Думая, что это кто-нибудь изъ его товарищей, онъ всталъ и отперъ дверь.

— Извините, что я беспокою васъ такъ поздно; впрочемъ, я зналъ навѣрное, что вы не спите, сказалъ Совгрѣнъ, входя въ комнату.

Онъ заперъ за собою дверь и усѣлся въ кресла противъ того, съ котораго Розмадѣкъ всталъ, чтобы отворить дверь. Удивленный этими манерами, Розмадѣкъ сказалъ холодно: — Я къ вашимъ услугамъ, мосьё Фовель.

Тотъ оглянулся, подумавъ, что за нимъ кто-нибудь есть; но видя, что онъ одинъ, сказалъ улыбаясь: — Вы ошибаетесь, мой почтеннѣйшій: меня зовутъ не Фовелемъ.

— Такъ развѣ вы не сынъ мосьё Оноре Фовеля? съ удивленіемъ спросилъ Розмадѣкъ, всматриваясь въ лицо его.

— Сынъ, не сынъ, а родня близкая: я зять его.

— Зять! Да развѣ у него двѣ дочери?

— Только одна, мосьё Доминикъ Совгрѣнъ.

— Боже мой! Это имя...! Какъ вы его знаете? вскричалъ Розмадѣкъ съ удивленіемъ.

— Это имя ваше, и мнѣ нельзя не знать его, потому что я самъ и далъ вамъ его.

— Это ты, несчастный! вскричалъ Розмадѣкъ, узнавъ Совгрѣна. Какъ ты попалъ сюда?

— Я самъ къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Совгрѣнъ съ величайшимъ безстыдствомъ. А какъ я попалъ сюда, это вопросъ довольно забавный. Я здѣсь, потому что жена моя здѣсь. Да и не худо, что я за нею присматриваю: ее завтра же увезли бы, если бъ у меня не достало терпѣнія цѣлыхъ два часа подслушивать у дверей.

— Ты съ ума сошелъ! вскричалъ Розмадѣкъ.

— Напрасно вы это говорите, любезный другъ, отвѣчалъ Совгрѣнъ съ самымъ наглымъ хладнокровіемъ, съ умаспедшій тотъ, кто не можетъ говорить хладнокровно о дѣлахъ. И я бы вамъ совѣтовалъ не горячиться: не забудьте, что мнѣ стѣитъ только дать знать полиціи, и васъ какъ сътью здѣсь пакруютъ, да и не однихъ васъ, а и всѣхъ вашихъ пріятелей.

— Подлый злодѣй! вскричалъ Розмадѣкъ, видя себя.

— Злодѣй, пожалуй, а что я не подлець, вотъ вамъ доказательство: я бы могъ врсѣдать васъ, и такимъ образомъ очень легко избавиться отъ довольно докучнаго совѣстника, потому что я люблю хорошецкую Морисетту, а я ниѣсто-того прошу васъ покорно пожаловать завтра пораньше утромъ въ Ленеискій лѣсъ, что у парижской дороги. Тамъ мы съ вами раздѣляемся по-дворянски. Если я васъ убью, Морисетта останется баронессою Клингсталь (я нынче называюсь барономъ Клингсталемъ), если вы меня убьете, то пользуйтесь правами побѣды и тогда никто не будетъ знать, что Доминикъ Совгрѣнъ имѣлъ честь считаться зятемъ строгаго судьи Ояоре Фовеля.

— Чтобы я сталъ драться съ тобою! сказалъ Розмадекъ, бросивъ на него презрительный взглядъ.

— Э, полно те церемониться! Да притомъ, если кому-нибудь гордиться, такъ ужъ, конечно, не вамъ, а ниѣ: я баронъ Клингсталь, а вы для меня Доминикъ Совгрѣнъ. Не забудьте, что вы у меня въ долгу: вы обязались отпра-виться за меня на тотъ Свѣтъ; пора, кажется, сдержать слово.

Если бъ опасность угрожала только ему, то Розмадекъ не сталъ бы драться съ Совгрѣномъ, даже и для того, чтобы спасти свою голову; но отказавшись отъ дуэли, онъ подвергалъ опасности и всѣхъ своихъ пріятелей. Благородный молодой человекъ заглушилъ свою гордость и сказалъ: — Хорошо, я согласенъ.

— И прекрасно дѣлаете, отвѣчалъ Совгрѣнъ. Я думаю, что вамъ неудобно было бы взять въ секундаты кого-нибудь изъ своихъ пріятелей, потому что вначе пришлось бы рассказать о причинѣ нашей ссоры, а это набросило бы довольно неприятную тѣнь на Морисетту. Если хотите, я приведу вамъ секунданта.

— Пожалуй, я и на это согласенъ, отвѣчалъ Розмадекъ.

Совгрѣнъ всталъ, вѣжливо раскланялся и ушелъ. Но онъ недолго оставался въ своей комнатѣ. Пользуясь ключомъ, который вытребовалъ у Фовеля, когда поселился въ его домъ, онъ тихонько вышелъ изъ дому и отправился въ одинъ трактиръ, гдѣ жилъ давнишній его знакомый,

Накотилъ, трубочка шарлатана, который продавалъ разныя всеобщія лекарства и косметическія средства. Она съ часъ разговаривали между собою, сначала о прошедшемъ, потомъ о настоящемъ, о томъ что привело Совгрена къ Пакотилю. Тутъ неразъ было, прозвонно названіе Лонейскаго лѣсу, подробно описать какой-то человекъ и назначено извѣстное время. Наконецъ Совгрень бросилъ нѣсколько золотыхъ монетъ на замасленный столъ, у котораго сидѣлъ, и потомъ показалъ еще нѣсколько такихъ же монетъ, которыя обѣщавъ прибавить къ тѣмъ.

— Ну, такъ ты понялъ? сказалъ Совгрень, вставая.

— Не безпокойся, будетъ исполнено, отвѣчалъ Пакотиль.

Солнце только-что еще начинало всходить, какъ Розмадѣкъ, нетерпѣливо ожидавшій, чтобы люди въ домѣ проснулись, увидѣлъ, что Шарлотта идетъ по двору. Розмадѣкъ обрадовался: теперь и ему можно идти. Онъ надѣлъ шпагу, вынулъ ее изъ ноженъ, помахалъ, попробовалъ объ стѣну и, съ довольнымъ видомъ, снова вложилъ въ ножны. Потомъ Розмадѣкъ осторожно отворилъ дверь и, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ пріятелей, пошелъ черезъ корридоръ и заднюю лѣстницу. Но кто-то слышалъ какъ онъ украдкой пробирался. Въ концѣ корридора дверь одной комнаты немножко отворилась и оттуда высунулась бѣленькая ручка. Счастливецъ съ восторгомъ бросился на эту хорошенькую ручку. Морисетта воображала себѣ, что онъ идетъ похлопотать объ ихъ отъѣздѣ. Между-тѣмъ она увидѣла, что почти въ то же время и мнимый Клингсталь ушелъ со двора; это ее испугало; но къ счастью, онъ отиравился не по парижской дорогѣ, какъ Розмадѣкъ, а совершенно въ противоположную сторону. Бѣдняжка обрадовалась: она не могла себѣ представить, что это значить.

Чтобы добраться до Лонейскаго лѣсу, надобно было пройти черезъ одно мѣсто, гдѣ дорога прорыта между двумя возвышеніями и круто поворачиваетъ. Тутъ за плетнемъ, поддерживавшимъ землю съ обѣихъ сторонъ дороги, въ высокой травѣ лежалъ Пакотиль и курилъ трубку. При малѣйшемъ шорохѣ онъ поднимаясь на локоть, ощутилъ

валъ пистолетъ и кинжалъ, которые торчали у него за поясомъ и бросалъ косвенный взглядъ вдоль по дорогѣ.

— Видно, этотъ Доминикъ больно богатъ, говоритъ самъ себѣ Пакотиль: какъ можно давать пятьдесятъ пистолетовъ за такую пустую работу! Плѣвое дѣло! Всѣ-равно, что агненка зарѣзать. Мой молодецъ самъ придетъ сюда; какъ-скоро онъ поравняется съ этимъ мѣстомъ, я на него кинусь, накрою его плащомъ и онъ не успѣетъ пикнуть, какъ я уже спроважу его на тотъ свѣтъ. Мудреная штука! Ха, ха, ха!

Вдругъ онъ приподнялся, взглянулъ на дорогу и глаза его засверкали звѣрской радостью: жертва была уже близко. Пакотиль сталъ на одно колѣно, вытянулъ шею и, готовый кинуться внизъ, сталъ ждать. Розмадѣкъ, занятый своими мечтами, шелъ потупивъ глаза и опустивъ голову, такъ, что и не могъ видѣть смерти, которая парила надъ его головою. Онъ приближался къ роковому мѣсту.

Что же дѣлалъ въ это время Клингсталь? Мнимый баронъ весело прогуливался въ противоположной сторонѣ города, наслаждался свѣжимъ воздухомъ и прекрасной погодою; помахивая своимъ хлыстикомъ, разбилъ стекло въ какой-то лавкѣ и щедро заплатилъ за него; потомъ, выбравшись за-городъ, долго толковалъ съ рыбаками, перѣхалъ черезъ Лоару, весело шутилъ съ дѣвушкой, которая пасла овецъ, купилъ у ней барашка, чтобы сдѣлать сюрпризъ женѣ и далъ свой адрессъ, наиславъ его на лоскуткѣ, вырванномъ изъ портфеля. Никому, разумѣется, и въ голову не приходило, что хитрый злодѣй размножаетъ такимъ образомъ доказательства, что находился въ совершенно противоположной сторонѣ, когда Розмадѣкъ былъ убитъ на парижской дорогѣ.

Между-тѣмъ, долгое отсутствіе Розмадѣка повергло бѣдную Морисетту въ невыразимое безпокойство. При малѣйшемъ шумѣ она подбѣгала къ окну и смотрѣла на дворъ. Но обманутая надежда снова замѣнялась безпокойствомъ. Мрачныя, страшныя мысли бушевали въ головѣ бѣдной женщины и терзали ея сердце. Наконецъ, въ отчаяніи, видѣ себя, она бросилась на постель и посреди рыданій, крикивала:—Онъ убилъ, убилъ его!

Но она не могла долго оставаться на одномъ мѣстѣ; вскочила и побѣжала къ окну, повторяя:—Онъ убилъ его! Въ эту самую минуту на дворѣ показались носилки, окруженныя народомъ. На носилкахъ лежалъ человекъ. Несчастная бросилась на лѣстницу, подбѣжала къ носилкамъ Тамъ лежалъ Клиггсталь, блѣдный, весь въ крови.

— Вы! вскричала она съ ужасомъ, поглядывая на разбойника: а онъ? онъ?

— Онъ? Я его не видалъ! отвѣчалъ глухимъ голосомъ Совгрѣнъ.

— О, Боже мой! Ты спасъ его! проговорила Морисетта, сложивъ руки. Потомъ она отдала всѣ нужныя приказанія. Совгрѣна снесла въ его комнату. Старуха Шарлотта, слыша отъ людей, что онъ опасно раненъ, не спросившись побѣжала за священникомъ. Оноре Фовель разговаривалъ въ сѣняхъ съ дочерью, когда пришелъ священникъ. Тотъ почтительно поклонился судѣ, потомъ взглянулъ на Морисетту, которая въ это время уходила, и на лицѣ его изобразилось сильнѣйшее удивленіе.

— Извините, сказалъ онъ Фовелю: я не могъ скрыть своего изумленія. Позвольте васъ спросить, какимъ образомъ знаете вы эту женщину?

— Ту, которая сейчасъ ушла? Это дочь моя, отвѣчалъ удивленный Фовель.

— Ваша дочь! А, я очень радъ. Вообразите.... странное сходство!... я принялъ ее за одну несчастную, которую видѣлъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Она, бѣдняжка, упала безъ чувствъ ко мнѣ на руки, когда я вѣнчалъ ее. Это меня чрезвычайно поразило. Притомъ этотъ день для меня памятенъ и потому, что я тогда же принялъ мѣсто викарія въ Нантъ и выѣхалъ изъ Гавра.

— Изъ Гавра! повторилъ судья съ трепетомъ. Вы были въ Гаврѣ?

— Да, я былъ тамъ священникомъ адмиралтейства.

При этихъ словахъ Оноре Фовель опустилъ голову и краска стыда выступила на лицѣ его:— Вы не ошиблись, сказалъ онъ съ усміемъ: вы точно вѣнчали дочь мою съ человекомъ, котораго вы сейчасъ увидите.

Священникъ схватилъ оледенѣлую руку старика, и, не стараясь утѣшать его, не обѣщая ему молчанія, дружескимъ пожатіемъ выразилъ то, чего бы не могъ такъ хорошо объяснить словами.

Черезъ минуту они пошли къ раненому. Морисетта слѣдовала за нимъ изъ-дали. Книгсталь, у котораго врачъ тѣла уже былъ, отказался отъ посѣщенія врача души. Священникъ пристально посмотрѣлъ на него, потомъ, обращаясь къ Фовелю, сказалъ торжественно: — Клянусь передъ Богомъ, что это не тотъ человѣкъ, съ которымъ я обвѣнчалъ вашу дочь.

При этихъ словахъ мнимый Книгсталь приподнялся на постели и глаза его метали на священника молнію ярости. Морисетта, при этомъ открытіи, потушила глаза и молчала, боясь неосторожнымъ словомъ подвергнуть опасности жизнь своего настоящаго мужа. Оноре Фовель, пораженный изумленіемъ, не зная что и думать.

— Ажеть! ажеть онъ! говорилъ слабымъ голосомъ Книгсталь. Я ея мужъ. Она обвѣнчана съ Доминикомъ Совгреномъ, а Доминикъ Совгрень одинъ и есть на свѣтѣ, прибавилъ онъ съ звѣрскою улыбкою, думая, о томъ, что другаго Совгрена теперь уже нѣтъ въ-живыхъ. Если не я, такъ кто жъ ея мужъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Вотъ онъ! Я узнаю его! вскричалъ священникъ, бросааясь къ Розмадѣку, который въ это время вошелъ въ комнату.

Морисетта съ крикомъ восторгу кинулась въ объятія мужа. Розмадѣкъ былъ сильно взволнованъ. Книгсталь съ глухимъ стономъ устремилъ на него неподвижные глаза. — Онь! онь! онь! повторялъ разбойникъ глухимъ голосомъ, задыхаясь отъ ярости.

— Да, гнусный злодѣй, сказалъ Розмадѣкъ, подходя къ постели раненаго: ты, подъ предлогомъ дуэли, завлекъ меня въ западню; по Богу не угодно было, чтобы я палъ подъ рукою убійцы. Несчастный, которому ты поручилъ умертвить меня, былъ въ руанской тюрьмѣ, когда меня отдали туда подъ твоимъ именемъ. Я оказалъ ему тѣмъ небольшую услугу. Онъ этого не забылъ, узналъ меня и пощадилъ.

Услышавъ о страшной опасности, которой подвергался мужъ ея, Морисетта обвиняла его объими руками, какъ-будто стараясь защитить отъ кинжала, который угрожалъ ему. Розмадѣкъ тихонько высвободился изъ объятій жены и приблизился къ постели раненаго.

— Сжальтесь! сжальтесь! не убивайте меня! вскричалъ тотъ, съ ужасомъ отбрасываясь всторону, и цѣплялся судорожными руками за столбики кровати.

— Убить тебя! Я не унижусь до этого, сказалъ Розмадѣкъ. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся и вмѣстѣ съ священникомъ, тестемъ и женою, вышелъ изъ комнаты Совгрѣна.

Въ эту самую минуту на дворѣ послышался конскій топоть. Оноре Фовель, взволнованный предъидущими сценами, вздрогнулъ, ожидая новаго несчастія, и подбѣжалъ къ окну. Онъ тотчасъ узналъ главнаго экзекутора нантскаго парламента.

— Мы погвбли! вскричалъ Фовель съ ужасомъ. На вашихъ товарищей, вѣрно, донесли. Бѣгите, предупредите ихъ. Но скажите имъ, что я скорѣе умру, чѣмъ выдамъ васъ и вашихъ друзей.

И онъ побѣжалъ на встрѣчу къ экзекутору. Тотъ уже сошелъ съ своего воронаго мула и вынулъ изъ сумки большой пакетъ съ королевскою печатью, подавъ Фовелю.

— Первый президентъ поручилъ мнѣ доставить вамъ лично это королевское повелѣніе, сказалъ экзекуторъ.

Фовель дрожащими руками взялъ пакетъ, распечаталъ, бросилъ на него бѣглый взглядъ... и лицо старика просіяло радостью. Внѣ себя отъ восторгу, махая бумагой надъ головою какъ-бы знаменемъ, онъ вскричалъ задыхающимся голосомъ:—О, теперь я довольно жилъ! Помилуваніе или лучше сказать, оправданіе о которомъ я такъ настойчиво просилъ.... вотъ оно! Друзья! Братья! Сюда, сюда, ко мнѣ на грудь. Вы оправданы. Вы свободны! Да здравствуетъ регентъ!

При этихъ словахъ во всѣхъ этажахъ отворились окна, повсюду высунулись радостныя лица и восторженные крики огласили воздухъ. Въ минуту Морисетта, Розмадѣкъ,

д'Обаредъ и всѣ ихъ товарищи окружили Фовеля, и старикъ обвинялъ ихъ одного за другимъ, жалѣя, что не можетъ всѣхъ вмѣстѣ сжать въ своихъ объятіяхъ.

На порогѣ стоялъ молодой офицеръ и растроганный, смотрѣлъ на эту сцену.

— Діоні! вскричалъ старикъ, увидѣвъ его.

— Діоні! съ восторгомъ повторила Морисетта.

И они всѣ трое обнялись. Надобно сказать, что Діоні Фовель еще наканунѣ пріѣхалъ въ Нантъ. Но воротившись въ родной городъ, онъ сначала разспросилъ что дѣлается въ домѣ отца его. Узнавъ, что сестра его замужемъ за какимъ-то Клингсталемъ, человѣкомъ, довольно подозрительнымъ, онъ вспомнилъ о гаврскомъ «бракѣ для того Свѣта» и угадалъ въ чемъ дѣло. Діоні тотчасъ рѣшился избавить сестру отъ этого злодѣя. Увидѣвъ какъ тотъ рано утромъ вышелъ со двора, Діоні пошелъ за нимъ, вслѣдъ за Совгреномъ переправился черезъ Лоару, настигъ его въ уединенномъ мѣстѣ, вызвалъ на дуэль и нанесъ ему шагою страшный ударъ.

Однако жъ Совгрень не умеръ отъ своей раны. Оправившись, онъ укралъ у того, кого называлъ своимъ тестемъ, довольно значительную сумму и бѣжалъ въ Америку съ прекрасною Казильдою де-Моралесъ.

Лѣтъ черезъ девять послѣ-того, голландскіе матросы повѣсили на мачтѣ одного морскаго разбойника, который назывался Доминикомъ Первымъ, королемъ острова Галапагосъ. Одинъ Французъ, находившійся на этомъ кораблѣ, узналъ въ мнимомъ королѣ негодяя, который надѣлалъ множество преступленій во Франціи, подъ именами барона де-Монкларъ и потомъ барона фонъ-Клингсталь.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ, 1. *Les Mousquetaires*, *Мушкетеры*, мелодрама въ шести актахъ и двѣнадцати картинахъ, господъ Александра Дюма и Maquet.

Это сценическая передѣлка одного изъ романовъ даровитаго и весьма плодovitаго Александра Дюма; самая длинная драма, какую актерамъ когда-либо удавалось съиграть въ одинъ вечеръ: представленіе ея, при весьма ко-

роткихъ антрактахъ, тѣшется отъ половины седьмого до половины втораго и при всемъ томъ не наскучаетъ, потому что Дюма въ высокой степени обладаетъ искусствомъ заинтересовывать своихъ зрителей и читателей. Рассказать содержаніе этого романа не легко и требуетъ слишкомъ много мѣста, тѣмъ болѣе, что Дюма обыкновенно увлекаетъ именно эпизодами и подробностями. Любовь въ этомъ романѣ совсѣмъ нѣтъ: весь интересъ поддерживается дружбою и преданностью. Четыре мушкетера, Артаньянъ, Арамисъ, Атосъ и Портосъ составляютъ между собою союзъ братства и дружбы, соединяютъ свои мысли, свои сердца, свое мужество и свои силы для одной цѣли, образуютъ, по выбору, одно семейство, такое прекрасное и идеальное, что всякій изъ насъ желалъ бы быть его членомъ, хотя всякій долженъ сознаться, что такіе союзы Орестовъ и Пилладовъ, къ сожалѣнію, возможны только въ первомъ юношествѣ и въ воображеніи поэтовъ. Человѣкъ всегда чувствуетъ и сознаетъ, что союзъ увеличиваетъ его силы, но въ мирѣ, посреди котораго мы живемъ, элементы несогласія, по безконечной сложности отношений, такъ многочисленны и разнообразны, что Орестъ и Пилладъ обыкновенно разстаются если не при первомъ, такъ при второмъ столкновеніи противоположныхъ выгодъ въ опасности или соперничествѣ. Въ этомъ заключается тайна успѣха мелодрамы, которой предсказываютъ столько же представлений, сколько фельетоновъ занималъ романъ, а это не бездѣлица.

2. *Marie-Jeanne, ou La Femme du peuple, Марія-Жанна*, драма въ пяти актахъ и шести картинахъ, господъ Maillet и Dennery.

Эта драма начинается съ того, тѣмъ водевилъ обыкновенно оканчиваются, то есть, съ свадьбы, и даже съ двухъ свадебъ, которыя празднуются въ то самое время, когда поднимается занавѣсъ. Одну свадьбу празднуютъ швея Марія-Жанна и столяръ Бертранъ. Это бракъ по любви, бракъ безденежный. Другую свадьбу празднуютъ знатная дѣвица съ знатнымъ господиномъ де-Бюссіеромъ. Это бракъ по расчету, бракъ денежный. Марія-Жанна уже не молода, потому что до заведенія своего хозяйства она

хотѣла скопить небольшую сумму, которая бы могла обезпечить ее насчетъ случайностей будущаго. Съ большими усиліями и лиціями она накопила полторы тысячи франковъ и сѣла себѣ довольно богатою, на то чтобы выйти замужъ за Бертраиа, который немалюшко глѣнвалъ, немалюшко безнеченъ и немалюшко любилъ погулять и пожить, но обѣщалъ остепениться, когда женится. Но... ялгува пьяница! Марія-Жанна думала обезпечить себя на всѣ черные дни своей жизни, а любезный муженѣкъ, меньше нежели въ годѣ, протулялъ все ея богатство. Бѣдная женщина доведена до самой ужасной нищеты. Наврасно она работаетъ день и ночь, между-тѣмъ какъ мужъ сидитъ въ кабацѣ: долги страшно нарастаютъ, хлѣбикъ откавывается отнускать въ долгъ, домовый хозяинъ гонитъ съ квартиры. Къ довершенію бѣдствія, Марія-Жанна сдѣлалась матерью и обожаетъ своего ребенка, а между-тѣмъ принуждена разстаться съ нимъ, отдать его на воспитаніе въ деревню, потому что, будучи истощена и расслаблена голодомъ, не можетъ кормить сама. Чтобы занять корытцѣ за мѣсяць впередъ, она припрятала отъ мужа франковъ тридцать, изъ которыхъ не употребила бы ни копейки даже на выкупъ своей жизни: эти тридцать франковъ назначены для поддержанія жизни ея дитяти. И что же! Бертраиъ находитъ эти деньги, крадетъ у жены и ребенка, и пропажаетъ. Уничтоженная этимъ послѣднимъ ударомъ, лишенная всѣхъ средствъ и всякой надежды, Марія-Жанна со слезами закутываетъ свое дитя въ рубище и несетъ въ воспитательный домъ. Въ ту минуту, когда роковая дверь пріюта несчастныхъ отверженныхъ дѣтей затворяется, когда мать остается на улицѣ одна со своимъ отчаяніемъ, когда Марія-Жанна испускаетъ первый вопль раскаянія въ вынужденномъ поступкѣ, изъ грязной канавки поднимается пьяный человекъ, котораго разбухлая рыданія и вопли несчастной. Это Бертраиъ. Онъ узнаетъ свою жену; узнаетъ, что она сдѣлала и, понявъ все волею свое преступленіе, бросается къ ея ногамъ, молить о прощеніи. Но жена съ негодованіемъ и отвращеніемъ отталкиваетъ его. «Прощай, преступный мужъ, говори: она; прощай, безчеловѣчный отецъ! Между нами

уже нѣтъ ничего общаго. Я не хочу видѣть тебя или...
воротити мнѣ мое дитя!» Вотъ до чего дошла Марію-Жанна
въ одинъ годъ замужства. Мадамъ де-Бюссиеръ была сча-
стливѣе: она потеряла мужа, котораго не любила, и сохра-
нила сына, котораго доктора приговорили къ смерти.
Спаситель ея сына—нѣкто сеньоръ Анциани, болонскій
врачъ, который за избавленіе ребенка потребовалъ руки
молодой вдовы. Мадамъ де-Бюссиеръ, какъ добрая мать,
не рѣшилась отказать. Сеньоръ Анциани человекъ нетер-
пѣливый и потому бракъ долженъ совершиться скоро. Дѣ-
лаются приготовленія къ свадьбѣ. Мадамъ де-Бюссиеръ по
этому случаю ищетъ искусной швеи и ей присылаютъ
Марію-Жанну, которую она знала въ дѣвушкахъ. Несчаст-
ная швея рассказываетъ счастливой барынѣ свою горест-
ную повѣсть, получаетъ отъ растроганной значительную
сумму для выкупу и на воспитаніе покинутаго ребенка, и
въ восторгѣ бѣжитъ въ воспитательный домъ. Но скоро
она возвращается въ новомъ отчаяніи и въ слезахъ: ея
ребенокъ украденъ. Въ тотъ самый день, когда она отда-
ла своего сына, въ заведеніе явился какой-то незнакомецъ
и вытребовалъ его какъ свою собственность!... Мадамъ де-
Бюссиеръ старается утѣшить и обнадежить несчастную.—
Ты найдешь свое дитя, говоритъ она: Богъ милостивъ во
всякой нѣжной матери. Богъ и мнѣ возвратилъ ребенка,
котораго я уже не надѣялась видѣть. И она повела швею
къ колыбели, гдѣ невинное существо покоилось сладкимъ
сномъ....—Ахъ! это онъ! Это мой Шарль! кричитъ швея:
это мой сынъ!—Онъ? твой сынъ? Помилуй! что ты? какъ
это возможно?—Онъ! онъ! клянусь, это мой сынъ!...—Эта
женщина съумасшедшая, холодно говоритъ Анциани, кото-
рый присутствуетъ при этой сценѣ, и по его распоряже-
нію швею сажаютъ въ домъ умалишенныхъ. Несчастье
долго томится въ убійственной неволѣ и никакъ не мо-
жетъ доказать, что она не съумасшедшая, такъ, что нако-
нецъ и сама уже начинаетъ вѣрить въ свое помѣшательст-
во. Тутъ является Бертранъ. Онъ явился, потому что мо-
жетъ исполнить предложенное условіе, можетъ воротить
женѣ потеряннаго сына. Онъ открывъ, что Мадамъ де-
Бюссиеръ умеръ у кормилицы, на рукахъ

который подмѣнилъ мертвѣго живымъ сыномъ Марію-Жанны. Документы у Бертрапа въ рукахъ. Марію-Жанну освобождаютъ. Она бѣжитъ прямо въ домъ и дѣтскую господжи де-Буессіёръ и хватается за своего сына. Докторъ Анниани готовъ задушить ея, но Бертрапъ подоспѣваетъ на помощь, изобличаетъ злодѣя, который, какъ оказывается, вовсе не болонскій докторъ, а бѣжавшій неаполитанскій каторжникъ.

Въ этой драмѣ много поразительныхъ картинъ и вѣрно подмѣченныхъ подробностей и потому именно она производитъ чрезвычайное тягостное впечатлѣніе. Она имѣла рѣшительный успѣхъ.

3. *Jeanne de Flandre, ou Régner à tout prix, Иоанна Фландрская, или Царствовать, во что бы то ни стало*, историческая трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господина Ипполита Бисъ.

Драматическіе писатели имѣютъ право брать свое вездѣ, гдѣ найдутъ. Это аксіома, которая утверждается на слѣдующихъ, столь же достовѣрныхъ, истинахъ: человѣческая жизнь—траги-комедія, то есть болѣе или менѣе забавная, болѣе или менѣе невинная и скучная драма. Драммы же создаются драматическими писателями и, слѣдовательно, составляютъ неотъемлемую собственность драматическихъ писателей, потому что всякая вещь прежде всего принадлежитъ тому, кто ее создалъ. Господинъ Ипполитъ Бисъ, будучи драматическимъ писателемъ,—потому что когда-то создалъ какой-то водевилъ,—очень естественно владѣетъ всемъ драматическимъ міромъ, то есть жизнью и исторіей всего человѣчества, который имѣетъ право взять и представить на сценѣ, какъ и когда ему вздумается, съ усовершенствованіями и безъ усовершенствованій. Недавно, расхаживая по обширному своему владѣнію, онъ печально наткнулся на жизнь Иоанны, дочери фландрскаго графа Бодуэна, и разсудилъ, что съ нѣкоторыми усовершенствованіями эта жизнь годится на сцену. По увѣренію очевидцевъ, со времени изобрѣтенія драматическаго писательства, никому еще не удавалось сострять такую потѣшную пародію на исторію и драму, какую состряпалъ господинъ Ипполитъ Бисъ. При первомъ представленіи этой

трагедіи, зрители, отъ первой сцены до послѣдней, хохотали безъ умолку, до упаду, до судорогъ. Авторъ, удовольствовавшись произведеннымъ эффектомъ и считая повтореніе не нужнымъ, взялъ свое созданіе обратно и тѣмъ избавился отъ дальнѣйшаго разбирательства критики.

4. *Un Homme de bien*, *Почтенный человекъ*, комедія въ трехъ актахъ, въ стихахъ, господина Эмиля Ожіе.

Это—второе произведеніе молодаго даровитаго писателя который очень счастливо началъ свое поприще прелестною венскою комедіей *La Ciguë*.

Почтенный человекъ, мосьё Фелинь, принадлежитъ къ семейству почтенныхъ господъ Тартюфовъ, но онъ еще ловчѣе, еще тоньше и лукавѣ Тартюфа. Мошенничества его такъ замысловаты, что онъ по праву пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Мосьё Фелинь не дѣлаетъ зла: онъ даже даетъ дѣйствительно добрые совѣты, но все такъ, что они порождаютъ то зло, которое ему полезно и котораго ему самому совѣсть ни зачтò въ мірѣ не позволитъ сдѣлать. Мосьё Фелинну нужно овладѣть имѣніемъ, которое достанется въ наслѣдство его родственницѣ Жюльеттѣ, молоденькой неопытной дѣвушкѣ, если только она сохранитъ расположеніе старика-дяди, который очень строго смотритъ на нравственность, такъ же строго какъ самъ почтенный мосьё Фелинь, и совсѣмъ не такъ какъ молодой повѣса, Октавій, который смѣется надъ женскою добродѣтелью и въ котораго Жюльетта влюбляется, при незамѣтномъ пособіи почтеннаго человекъ и добросовѣстныхъ его предостереженій. Чтобы совершенно успокоить свою совѣсть и предупредить несчастіе, почтенный человекъ предостерегаетъ и дялюшку Бридена,—совѣтуетъ беречь Жюльетту. Рѣдкій примѣръ великодушія со стороны человекъ, который въ случаѣ гибели этой дѣвушки можетъ выиграть довольно завидное имѣніе! Но мало этого; Фелинь отправляется къ Октавію и умоляетъ его сжалиться надъ бѣвною дѣвушкою, которую можетъ спасти только великодушіе того, кто овладѣлъ ея сердцемъ и всѣми помышленіями; описываетъ, какъ она колеблется и плачетъ, оттого что принуждена выйти замужъ по принужденію дяди и проситъ повѣсу не писать къ ней. Октавій въ восхищеніи: онъ вовсе

не предполагалъ, что Жюльетта уже въ его рукахъ, какъ говоритъ Феливъ. Онъ вовсе не думалъ писать къ ней, а послѣ увѣщаній почтеннаго человѣка тотчасъ же садится и пишетъ страстныя завѣски, сперва къ Жюльеттѣ, а потомъ къ мадамъ Розѣ, супругѣ носѣ Фелина, въ расположеніи которой уже увѣренъ. Очевидно, что Октавій—отъявленный негодяй, который не совѣстится смѣяться даже надъ почтеннымъ человѣкомъ. Вся эта интрига ведена чрезвычайно искусно: Феливъ—почтенный человѣкъ не только въ глазахъ всѣхъ окружающихъ и въ глазахъ негодяя Октавія, но онъ даже оправдывается передъ своею собственною совѣстью. Негодяи только въ мелодрамахъ говорятъ себѣ во всеуслышаніе:—«Я злодѣй! я чудовище!» Истинные и совершенные мерзавцы всегда находятъ средства скрасить свои черныя дѣла какими-нибудь благовидными предлогами или необходимостью. Феливъ тоже, въ случаѣ необходимости, готовъ взять Жюльеттино наслѣдство,—не для себя, а ради своей жены и будущихъ дѣтей. Онъ надѣется быть отцомъ семейства и, слѣдовательно, неимѣетъ права пренебрегать богатствомъ, которое можетъ перейти въ его руки по винѣ другихъ. Фелиновъ не мало на свѣтѣ: не мало найдется людей, у которыхъ не хватитъ смѣлости рѣшиться на злодѣяніе и которые, однако жъ, охотно воспользуются плодами чужаго преступленія. Ихъ пугаетъ только форма. Но если бы имъ привелось тронуть какую-нибудь пружину въ Парижѣ, для того чтобы убить какого-нибудь богатаго Китайца въ Пекинѣ и черезъ это овладѣть порядочною суммой, они, вѣрно, не долго подумаютъ. И за благовидными причинами для успокоенія совѣсти дѣло также не станетъ.

Во второмъ актѣ, Октавій продолжаетъ свое двойное предпріятіе, оболъщенье Розы и Жюльетты. Онъ подъ руководствомъ почтеннаго человѣка проситъ у дяди Бридена руки Жюльетты, но такъ дерзко, что не можетъ не получить отказа. Этотъ отказъ имѣетъ двойное слѣдствіе: предаетъ беззащитную Жюльетту совершенно на произволъ надеженіямъ Октавія и успокоиваетъ ревнивую Розу, которая со бражаетъ себя одну любимую. Между тѣмъ Октавій на-

шелъ слухъ поговорить съ Жюльеттой и въ-концѣ кружить голову романтически-легическими тирадами, такъ, что она послѣ этого отбѣгаетъ рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе дяди, который самъ хочетъ жениться на племянницѣ. Старикъ бѣсится. Жюльетта советамъ готова на неслыханный поступокъ. Фелінъ молучитъ наследство.

Въ третьемъ актѣ, Роза, побѣжденная обманчивыми Октавія и презрѣніемъ къ мужу, котораго децембріо уже разгадала, является къ молодому человѣку, заволшебанная, трепещущая, какъ женщина, которая совершаетъ первый проступокъ. Фелінъ думая найти у Октавія Жюльетту, съ торжествомъ приводитъ дядю Бридена. Нашедши свою жену, онъ, натурально, сперва смущается, а потомъ, оправившись, раздражается добродѣтельнымъ негодованіемъ. Бриденъ утѣшаетъ его и веселится, но вдругъ переищляетъ лицо и тотъ, когда дверь отворяется и входитъ Жюльетта, которая съ довѣрчивостью невинности сбѣжитъ упрятаться у человѣка, котораго любитъ и который просилъ ея руки. Фелінъ, успокоенный по-крайней-мѣрѣ матеріально насчетъ своего супружескаго приключенія, падаетъ случаемъ высказать нѣсколько прекрасныхъ сентенцій и упрочить себѣ по-крайней-мѣрѣ часть наследства. Онъ является себя великимъ, великодушнымъ, дивнымъ, онъ прощаетъ и примиряетъ. Октавію женится на Жюльеттѣ. Всѣ хоромъ воспеваютъ хвалу Феліну. Онъ обманулъ всѣхъ и самого себя и заключаетъ словами: «Я вѣдь зналъ, что я честный человѣкъ!»

5. *La Grande Bourse et les Petites Bourses*, *Большая биржа и маленькіе карманы*, водевилъ въ одномъ актѣ, господъ *Clairville* и *Faulquemont*.

Этому маленькому водевилю достался на долю такой предметъ, изъ котораго, при нѣкоторомъ умѣньѣ, можно бы сдѣлать истинно аристофановскую комедію. Дѣло идетъ объ ажіотажѣ, о страсти къ обогащенію посредствомъ спекуляцій, страсти, которая во всѣ времена волновала сердце человѣка, которая то разжигаетъ лхорадочныя мечты объ Эльдорадо, вымощенномъ золотомъ и алмазами, то производитъ лотерейное бѣснованіе, и азардныя игры,

а въ наше время всѣмъ старымъ и молодымъ, богатымъ и бѣднымъ кружить голову чадомъ акціи на промышленныя и торговыя предиріятія, отъ которыхъ девять-десять акціонеровъ и спекулянтовъ разоряются. Водевиль, несмотря на свою ничтожность, имѣлъ успѣхъ, потому что идея его современна и всякому близка къ сердцу.

6. *Riche d'amour*, Богатъ одной любовью, водевиль въ одномъ актѣ, господъ *Duvert'a* и *Laussanne'a*.

Здѣсь изображены уморительныя бѣдствія молодого человѣка, не имѣвшаго въ карманѣ пяти франковъ, которыми можно купить счастье, блаженство, цѣлый міръ блаженства. Молодому человѣку представляется случай проводить домой съ балу молодую, прекрасную особу, и, слѣдовательно, провести нѣсколько незаплатимыхъ минутъ, наединѣ въ каретѣ, а судьбѣ угодно, чтобы у него въ карманѣ не было пяти франковъ на извозчика. Этотъ водевиль также имѣлъ успѣхъ, потому что идея его многимъ понятна.

7. *Les Compagnons du devoir*, водевиль въ двухъ актахъ, господъ *Lokroy* и *de-Vailly*.

8. *Le Pot aux Roses*, водевиль въ одномъ актѣ, господъ *Duvert'a* и *Boyer*.

9. *L'Enfant de la maison*, водевиль въ одномъ актѣ, господъ *Labiche'a* и *Nyon'a*.

10. *L'Île de Robinson*, водевиль въ одномъ актѣ, господъ *Duvert'a* и *Laussanne'a*.

Всѣ созданія, болѣе или менѣе понятныя и очень трогательныя по своей незлобивой невинности.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Въ Дрезденѣ давали новую оперу тамошняго капельмейстера Рихарда Вагнера, подъ заглавіемъ *Tannhäuser*. Опера эта чрезвычайно понравилась публикѣ. Послѣ каждаго опущенія занавѣса, композиторъ былъ вызываемъ на сцену съ оглушительными рукоплесканіями. По окончаніи спектакля королевская капелла, и всѣ оперные пѣвцы, отправились съ факелами въ рукахъ къ нему на-домъ, и большую часть ночи провели тамъ, распѣвая стихи, сочиненные въ честь композитору. Господинъ Вагнеръ любимый композиторъ дрезденской

публики: онъ написалъ уже нѣсколько оперъ, изъ числа которыхъ «Rienzi» имѣла въ-особенности большой успѣхъ въ Германіи. Въ похвалу этому композитору можно и то еще сказать, что самъ онъ пишетъ либретты для своихъ оперъ, которыя всѣ исполнены занимательности и истинно драматическихъ положеній!

— Въ послѣднее представленіе «Севильскаго Цирюльника» на Сен-Клудской Театрѣ, передъ королевскою фамиліею, толстый какъ бочка Лаблашъ, игравшій роль Бартоло, въ ту минуту, какъ синьора Персиани готовилась начать свой урокъ за фортепiano, схватываетъ ее за руку и говоритъ вслухъ: «Que vous chanterez vous, mademoiselle? Ce que vous me chantez tous les jours, m'ennuie déjà; est-ce que vous ne connaissez pas par hasard un joli air de la Persiani? je vous prie de me le chanter, car il est très joli. — Qu'est-ce que c'est que cette Persiani? спрашиваетъ у него съ любопытствомъ Розина. — La Persiani, отвѣчаетъ докторъ Бартоло: — c'est une petite femme très maigre, qui a un assez joli talent; je l'estime beaucoup, cette femme, j'aime beaucoup ceux qui sont maigres». — Cela fait votre éloge, monsieur, отвѣчаетъ Розина: cela prouve que vous n'avez pas d'amour-propre!» Эти выходки чрезвычайно какъ разсмѣшили всю высокую публику.

— Россини наконецъ овдовѣлъ. Онъ былъ нѣкогда женатъ на Кольбронѣ, одной изъ знаменитѣйшихъ итальянскихъ пѣвицъ. Синьора Россини скончалась недавно близъ Болоньи. Синьоръ Россини написалъ для нея множество оперъ, и именно «Елисавету», «Отелло», «Армиду», «Монсея», «Ричарда», «Эрміону», «Зельмиру», «Семипрамиду» и нѣсколько другихъ. Съ давнихъ поръ онъ съ нею не жилъ и не хотѣлъ ничего слышать о своей супругѣ. Но, узнавъ объ опасномъ положеніи ея здоровья, великій маэстро поспѣшилъ къ ней, примирился, и, до послѣдней минуты не отходилъ отъ ея постели.

— Вотъ списокъ рукописныхъ сочиненій Бетговена, которыя его величество король прусскій купилъ у господина Шинднера, въ Боннѣ, для своей библіотеки: 1. Первый планъ партіи *Fidelio*; 2. Сорокъ семь *Lieder*, на одинъ, два, три и четыре голоса, съ аккомпанпментомъ на форте-

пiано: всѣ эти *Lieder* никому еще не были извѣстны, и тѣмъ болѣе любопытны, что слова, болѣею частью, сложены самимъ Бетговенемъ; 3. Двадцать девять писемъ Бетговена къ его племянницѣ; 4. Сто тридцать шесть тетрадей, писанныхъ имъ собственноручно, подъ заглавiемъ *Conversations' Bücher*, въ которыхъ заключается вся его переписка съ разными знаменитыми лицами съ 1819 года по день смерти. Извѣстно, что Бетговень былъ глухъ, и тѣ, которые его посѣщали, должны были разговаривать съ нимъ письменно; онъ такимъ же образомъ имъ и отвѣчалъ. Господишъ Швиднеръ еще имѣетъ у себя писемъ съ шестьдесятъ, писанныхъ къ нему собственно; но не хочетъ ихъ продать никому, желая, чтобы наслѣдники сохранили навсегда эту драгоценную память его друга.

— Таліони—это также принадлежитъ къ музыкѣ... танцуетъ нынѣшнею зимою въ Римѣ: за двѣнадцать представлений она получитъ двадцать четыре тысячи франковъ. Фавни Эльсверъ танцуетъ тамъ же. Онѣ рѣшительно разматаютъ своими ногами вѣчный градъ по воздуху. Римъ въ страшномъ волненіи. Тѣни Граковъ и Катонъ выходятъ изъ классическихъ могилъ своихъ, чтобы любоваться на эти диковинки. Съ-тѣхъ—поръ какъ Римъ сталъ Римомъ, не описывали тамъ ногою такихъ высокихъ круговъ въ воздухѣ.

— Видя, какъ вы, о друзья мои, не понимаете пѣнья, какъ невѣ-попадъ бросаете цвѣты, какъ во зло употребляете страшную власть свою рукоплескать и шикать, чловѣкъ, который поетъ лучше соловья, уѣхалъ съ чуднымъ голосомъ своимъ, съ своей волшебною виолончелью, въ Москву, въ Кіевъ, въ Харьковъ, въ даль, въ провинцію, въ настоящую поющую Россію, не давъ въ Петербургѣ ни одного концерта. Провинція пристыдитъ Петербургъ: она пойметъ его несравненное пѣніе, она выроетъ цвѣты изъ подъ снѣгу и засыплетъ его букетами. Мы имѣли случай, передъ отъѣздомъ Сервѣ, слышать его новыя сочиненія, изъ числа которыхъ фантазія на извѣстную арію Бальфа особенно восхитила насъ и всѣхъ прочихъ слушателей. Эту чудную фантазію и другія піесы игралъ онъ въ тотъ

вечеръ съ аккомпаниментомъ клави-оркестра, новаго инструмента, о которомъ нынче много говорятъ въ Петербургѣ. Аккомпанировали попеременно господъ Шиллеръ и Кажинскій. Эффектъ несравненной игры Серве и этихъ безмонечно разнообразныхъ звуковъ могущественнаго инструмента, не можетъ быть описанъ никакими словами. Мы никогда не видали такого душевнаго восторгу гостей, собравшихся въ частномъ домѣ для слушанія музыки въ дружескомъ кругу.

— Этотъ клави-оркестръ принадлежитъ теперь къ самымъ занимательнымъ музыкальнымъ новостямъ Петербурга. Всѣ объ немъ спрашиваютъ, каждый желалъ бы услышать хоть одну его ноту. Владѣлецъ инструмента не хочетъ, чтобы о клави-оркестрѣ была рѣчь въ этомъ мѣстѣ или въ этомъ журналѣ. Любопытные могутъ найти весьма подробное описаніе его, съ рисунками, въ «Иллюстраціи», издаваемой Н. В. Кукольниковомъ.

— Кстати о господинѣ Кажинскомъ: онъ издалъ, въ Одеонѣ, двѣ новыя польки, *Краковскую* и *Арабскую*, говорятъ прекрасныя, но мы еще не знаемъ ихъ. Объ нихъ послѣ.

— Въ другомъ музыкальномъ магазинѣ, именно, въ магазинѣ Бернарда составился комитетъ изъ піанистовъ, для усовершенствованія содержанія извѣстнаго музыкальнаго ежемѣсячнаго изданія, *Le Nouvelliste*. Господинъ Бернардъ, не полагаясь на свой вкусъ и желая доставить удовольствіе ученицамъ различныхъ піанистовъ, предоставляетъ этому гармоническому комитету рѣшать каждый мѣсяцъ выборъ новыхъ пьесъ, помѣщаемыхъ въ «Нувеллистѣ». Такимъ образомъ, нотный журналъ этотъ будетъ представлять въ себѣ интересное собраніе самыхъ новыхъ фортепіанныхъ пьесъ всей Европы, во-первыхъ, наиболѣе одобряемыхъ здѣшними знатоками дѣла, во-вторыхъ, наиболѣе нужныхъ тѣмъ, кому они даютъ уроки. Мудрѣе этой мѣры не могъ бы придумать самъ Аполлонъ въ полномъ собраніи комитета Музъ. Качество пьесъ, слѣдовательно, совершенно обезпечено. Что касается до количества, то господинъ Бернардъ обѣщаетъ дать, втеченіи года, въ своемъ «Нувеллистѣ», за десять рублей сереб-

ромъ, различныхъ пьесъ на пятьдесятъ рублей серебромъ, которые нужно было бы издержать, если бы пришлось покупать пьесы эти порознь. Это также чрезвычайно мудро. Нельзя не отдать справедливости господину Бернарду, что онъ тѣмъ усерднѣе заботится объ усовершенствованіи своего нотнаго журнала, чѣмъ болѣе успѣхъ изданія возрастаетъ. Мы забыли сказать, что онъ, сверхъ условій подписки, даетъ еще каждый мѣсяць, даромъ, двѣ легкія пьесы для дѣтей, напечатанныя съ означеніемъ *doigté*, портреты, рисунки, и прочая. Условія подписки находятся въ концѣ статьи «Новыя музыкальныя сочиненія». Можно также подписываться въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта и въ Москвѣ у Ленгольда. Извѣстно, что при нотахъ «Нувелляста» находится еще журналъ музыкальныхъ новостей, въ видѣ «Литературнаго прибавленія». Это прибавленіе будетъ также улучшено въ 1846 году и объемъ его удвоенъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ФРАНЦУЗСКІЯ И АНГЛІЙСКІЯ.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ комиссіонера библіотекъ Гвардейскаго Корпуса Я. А. Исакова въ Гостиномъ Дворѣ, № 22. Цѣны на серебро, и безъ пересылки.)

FTENER'S DRAWING ROOM SCRAP-BOOK, for 1846. Un magnifique in-4., avec grav. sur acier, tel. plein maroq. (8 r.).

HEATH'S. BOOK OF BEAUTY. Keepsake for 1846. in-8., avec gravures, sur acier, magnifique vol. relié en soie. (8 r.).

KEEPSAKE (the) for 1846, avec gravures, sur acier, magnifiquement relié en soie (8 r.).

JUVENIL SCRAP-BOOK, for 1846. Un magnifique vol., in-8, relié. (3 r.).

ALMANACH DE GOTHА, pour 1846. Un vol. in-32., avec portraits (1 r.).

COLLECTION INTEGRALE ET UNIVERSELLE des orateurs sacrés du premier et du second ordre, et collection choisie de la plupart des orateurs du troisieme ordre, tomes 1 à 15, in-4., à 2 colon. Paris 1844—45, l'ouvrage aura de 50 à 60 vol., au prix de (2 r.).

HISTOIRE CHRONOLOGIQUE ET DOGMATIQUE des conciles de la Chretienité, depuis le concile de Jerusalem, tenu par les apôtres l'an 50 jusqu'au dernier concile, par Roisselet de Saucelières, tome 1 et 2, in-8., Paris 1844—45 (2 r. 15 c.).

- TRAITÉ DE L'INSTRUCTION CRIMINELLE**, ou Théorie du code d'instruction criminelle, par Faustin Hélic. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 57 c.).
- ESSAI SUR LA NATURE**, les différentes espèces, et les divers degrés de force des preuves; nouv. ed. par Gabriel, précédée d'un Essai historique sur les divers genres de preuves en usages depuis les premiers siècles jusqu' à nos jours, par Solou. Un fort-vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 70 c.).
- DES PENSÉES DE PASCAL**, par Cousta. Un vol., 8., Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- HISTOIRE DES SCIENCES DE L'ORGANISATION** et de leur progrès, comme base de la philosophie, avec notes et additions, par Maupier. 3 vol., in-8., Paris, 1845 (5 r. 15 c.).
- DE LA POLICE DE SURETÉ A PARIS**, par Berthou, in-8., Paris, 1845 brochure (30 c.).
- DU PAUPERISME**, par Marchand. Un vol., in-8., Paris 1845 (2 r. 15 c.).
- DICTIONNAIRE DU CONTENTIEUX COMMERCIAL**, etc. avec un supplément, contenant le législation et la jurisprudence jusqu' en 1845, par Deville-nouve et Mussé. Un gros vol., gr. in 8., Paris, 1845 (5 r. 70 c.).
- L'ART DE S'ENRICHIR** par l'agriculture en créant des prairies, par Pellault. Un vol., in-12., Paris, 1845 (85 c.).
- MANUEL DU VIGNERON**, exposé des divers procédés de culture de la vigne et de vinification dans les vignobles les plus renommés, par le comte Odart. 2 édit. Un vol., 12., Paris, 1845 (4 r.).
- L'ENCYCLOPEDIE DU DENTISTE** ou Répertoire générale de toutes les connaissances medico-chirurgicales sur l'anatomie et la pathologie des dents etc., par W. Rogers. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- FACULTÉ DE MEDICINE DE PARIS**, concours de l'agrégation, section d'accouchement, thèse sur cette question. Des Kistes de l'ovaire, par Cazeaux. Un vol., 8., Paris, 1845 (3 r.).
- PRÉCIS DE MEDICINE OPERATOIRE**, par Lisfranc. 3 gros vol., in 8., Paris, 1845 (8 r. 57 c.).
- TRAITÉ DE TOXICOLOGIE MEDICO-LEGAL** et de la falsification des alimens, des boissons et des medicamens, par Galtier. Tome premier. in-8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- GUIDE DU COMMANDANT DE NAVIRES A VAPEUR**, ou Résumé du principales connaissances théoriques et necessaires pour bien diriger ces sortes de navires, etc., par Vincent. Un vol., in-12., Paris, 1845 (4 r. 15 c.).
- MANUEL DES RECONNAISSANCES MILITAIRES** en ce qui concerne les officiers et les sous officiers d'infanterie et de cavalerie, par Lelouetrel. Un vol., Paris, 1845 (85 c.).
- DE L'ETAT DE LA QUESTION** sur le système d'ensemble des places fortes - brochure (60 c.).
- TRAITÉ HISTORIQUE ET DESCRIPTIF**, critique et raisonné des ordres d'architecture, avec un nouv. système simplifié, etc., par St.-Felix. Un vol., 4., de 32 pl., Paris, 1844 (7 r. 15 c.).

- DICTIONNAIRE POLONAIS-FRANÇAIS.** 3 vol., in-18., Paris, 1845 (6 r. 85 c.).
- FRAGMENS DU MANASSARATA,** trad. en français sur le texte sanscrit de Calcutta, par Pavie. Un vol., 8., Paris, 1845 (1 r. 40 c.).
- IVAN NIKITENKO,** le conteur russe, Fables, Historiettes et Legendes. Un vol., 12., Paris (1 r. 14 c.).
- HISTOIRE DE L'AFRIQUE,** par Mohamed-El-Keiroani, trad. par M. M. Pelliier et Remusat. Un vol. gr., in-8., Paris, 1845 (3 r. 40 c.).
- HISTOIRE DES CABINETS DE L'EUROPE,** pendant le Consulat et l'Empire, avec les documents réunis aux archives des affaires étrangères 1800—1815, par Lefevre. 2 vol., 8., Paris, 1845 (4 r. 25 c.).
- REVOLUTION DE BRUMAIRE,** ou Relation des principaux evenemens des journées de 18 et 19 brumaire, par Lucien Bonaparte, in-8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- LETTRES ET INSTRUCTIONS SECRÈTES DE LOUIS XVIII** au comte de St.-Pricz pendant l'émigration 1794—1807, par de Barante. Un vol., 8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).

ROMANS, à 60 cop. arg. le vol.

- CAROTIN,** par P. de Kock. 4 vol. 18.
- LE JUIF ERRANT,** par E. Sue. 10 vol. 18, complet.
- LE COMTE DE MONTE-CHRISTO,** par A. Dumas. Tomes 1 à 6, in-18.
- LES DRAMES INCONNUS,** par Soulié. 6 vol. in-18.
- ANTONIA,** par Bazancourt. 2 vol. in-18.
- VIOLETTE,** par Marryat. 3 vol. in-18.
- LE MEUNIER D'ANGIBAULT,** par G. Sand. 5 vol.
- LE CAPITAINE BEMY,** par Berthet. 2 vol.
- TOMBEAUX DE ST.-DENIS,** par Robert. 2 vol.
- VINGT ANS APRÈS,** par A. Dumas. 7 vol.
- SALANSTOË,** par F. Cooper. 2 vol.
- TEVERINO,** par G. Sand. Un vol.
- LES AMOURS DE PARIS,** par Féval. 5 vol.

Въ томъ же магазинѣ поступили въ продажу и выдаются подписавшимся 4-й и 5-й выпуски Атласа оперативной хирургии, составленнаго Г. Леонъ. Каждый выпускъ содержитъ въ себѣ 10 таблицъ въ 8-ю долю листа, и служитъ дополненіемъ къ Медицинскому Энциклопедическому Лексикону. Весь Атласъ будетъ состоять изъ 12 выпусковъ, по 1 руб. сер. за каждый.

Медицинскій Энциклопедическій Лексиконъ, выпуски 1 до 14, украшенные превосходными рисунками; цѣна за каждый выпускъ, изъ 10 печатныхъ листовъ, въ двѣ колонны, по 75 коп. сер. Последнее изданіе будетъ состоять изъ 24-хъ выпусковъ.

Господа желавшіе возобновить абонементы на французскіе журналы, приглашаются уведомить магазинъ заблаговременно.

НОВЫЯ

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11. Цѣны на серебромъ.)

Для всего Оркестра.

- CANTHAL.** Polka militaire, op. 80 (2 r. 58 c.).
 — Glocken-Galop nach Aubers «des Teufels Antheil», op. 81 (3 r. 43 c.).
GUNG'L. Ein Sträusschen, Walzer, op. 5 (2 r. 85 c.).
 — Vorwärts! Marsch, op. 6 (1 r. 43 c.).
 — Proteus-Polka et Faschingsstreiche, Galop, op. 9 (2 r. 58 c.).
GUNG'L. Die Berliner, Walzer, op. 6 (2 r. 58 c.).
 — Frühlingsfeier-Galop et Schach der Traurigkeit, Galop, op. 12 (2 r. 85 c.).
 — Ehestandsfreuden-Galop et Fest-Polonoise, op. 15 (3 r. 58 c.).
 — Ton-Mährchen, Walzer, op. 17 (2 r. 58 c.).
 — Ungarischer National-Tanz et Sirenen-Galop, op. 20 (2 r.).
 — Mazurka op. 21 et Carnevals-Traum-Galop, op. 22 (2 r. 58 c.).
 — Bachm-Freuden, Galop et Coliseums-Marsch, op. 25 (2 r. 58 c.).
 — Kriegers-Lust, Fest-Marsch et Münchner-Polka, op. 27 (1 r. 72 c.).
 — Hyazinthen-Polka et Der Fröhliche Uhlane, Mazurka, op. 34 (2 r. 29 c.).
 — Mein Gruss an Berlin, Marsch et Mai-Blümchen-Galop, op. 38 (1 r. 72 c.).
 — Mein erster Walzer in Berlin, op. 39 (2 r. 58 c.).
 — Une fleur de danse, Galop et Aurora-Fest-Marsch, op. 41 (1 r. 43 c.).
 — Der fünfzehnte October, Fest-Marsch et Gazellen-Polka, op. 43 (1 r. 43 c.).
 — Die Industriellen, Walzer, op. 44 (2 r. 85 c.).
 — Casino-Polka et Erinnerungs-Polka, op. 46 (2 r. 58 c.).
LABITZKY. Natalten-Walzer, op. 104 (3 r. 15 c.).
 — Die Orientalen, Walzer, op. 109 (2 r. 29 c.).
 — Gruss an Prag. 3 Polkas, op. 111 (2 r. 29 c.).
 — Militair-Galop, op. 112 (1 r. 43 c.).
 — Steinhof-Quadrille, op. 113 (2 r.).
 — Burlington-Walzer, op. 114 (2 r. 58 c.).
 — Kinder-Freuden. 3 Polkas, op. 115 (2 r. 29 c.).
 — Perlen-Walzer, op. 117 (2 r. 29 c.).
 — Clémentinen-Mazurka et Russalka-Galop, op. 118 (2 r. 29 c.).
 — Themis-Festklänge, Walzer, op. 110 (2 r. 58 c.).
 — Bronklaus-Walzer, op. 95 (2 r. 85 c.).
 — Essex-Walzer, op. 119 (2 r. 29 c.).

- LUMBYE.** Les souvenirs de Paris. Polka, Walzer et Galop. (3 r. 43 c.).
 — Eine Sommernacht in Dänemark, Galop (1 r. 72 c.).
 — Le Carnaval de Paris, Polka (1 r. 72 c.).
- STRAUSS.** Aurora-Festklänge, Walzer, op. 164 (2 r. 85 c.).
 — Rosen ohne Dornen, Walzer, op. 166 (3 r. 15 c.).
 — Wiener-Früchteln, Walzer, op. 167 (2 r. 85 c.).
 — Willkommen-Rufe, Walzer, op. 168 (2 r. 85 c.).
 — Haimonskinder-Quadrille, op. 169 (2 r. 85 c.).
 — Masken-Lieder, Walzer, op. 170 (3 r. 15 c.).
 — Eunomien-Tänze, Walzer, op. 171 (3 r. 72 c.).
 — Odeon-Tänze, Walzer, op. 172 (3 r. 15 c.).
 — Musen-Quadrille, op. 174 (2 r. 85 c.).
 — Faschings-Possen, Walzer, op. 175 (2 r. 85 c.).
 — Geheimnisse aus der Wiener Tanzwelt, Walzer, op. 176 (3 r. 15 c.).
 — Marianna-Polka, op. 173 (2 r. 20 c.).
- STRAUSS (Sohn).** Gunstwerber, Walzer, op. 4 (2 r. 85 c.).

Пьесы для скрипки съ акомпаниментомъ.

- ALARD.** Tarentelle. Duo concertant pour piano et violon, op. 14 (2 r.).
- ARTOT.** Concerto pour violon avec piano, op. 15 (2 r. 85 c.).
 — Idem avec orchestre, op. 18 (6 r. 85 c.).
 — Grande fantaisie sur Robert le Diable pour violon avec piano, op. 19 (2 r.).
- BAZZINI.** Grande fantaisie sur La Sonnambula pour violon avec piano, op. 19 (1 r. 72 c.).
 — Six morceaux de salon pour piano et violon, op. 20 № 1 Tendresse. № 2 Aux bords d'un ruisseau. № 3 Souvenir. № 4 Causeries. № 5 Prière. № 6 Capricciosa (chaque № à 1 r. 15 c.).
- ERNST.** Le Carnaval de Venise. Variations burlesques, pour le violon principal avec piano (1 r. 43 c.).
- GHYS.** Dixième air varié pour violon avec piano, op. 31 (1 r. 43 c.).
 — Triste pensée et pensée fixe pour violon avec piano, op. 37 (1 r. 72 c.).
 — L'orage. Pièce de concert pour violon seul (60 c.).
- HAUMANN.** Grande fantaisie sur Guido et Ginevra, pour violon avec piano (3 r. 29 c.) Idem avec orchestre, op. 10 (3 r.).
- MAUSER.** Chanson d'amour et chanson de berceau. Deux chants sans paroles, pour violon avec piano, op. 11 (85 c.).
- JANSÁ.** Six Duos pour violon et viola, op. 70 № 1 à 3 (à 1 r. 43 c.).
- KATSER.** Terpsichorens Lieblings-Klänge. Sammlung beliebter neuer Tänze für eine Violine. 6 Lieferungen (à 60 c.).
- MAYSIEDER.** Duo concertant pour violon et piano, op. 60 (4 r. 29 c.).
- MAZAS.** 6 duos de salon pour 2 violons, op. 83. Liv. 1 à 3 (à 1 r. 43 c.).
- MOLIQUE.** Duo concertant pour piano et violon, op. 20 (5 r. 15 c.).

- Deuxième grand duo concertant pour piano et violon, op. 24 (5 r. 72 c.).
- Cinquième concert pour violon avec piano, op. 21 (3 r. 43 c.), le même concert avec orchestre (5 r. 15 c.). Idem avec quatuor (3 r. 43 c.).

MULLER. Six polkas favorites de salon pour violon seul (50 c.).

PANOFKA. Bibliothèque du jeune violoniste. Mosaïque des opéras favoris Italiens pour le violon avec un second violon (ad libitum) № 1 Bellini, Norma. № 2 Donizetti, Anna Bolena. № 3 Donizetti, Elisire d'amore (chaque à 1 r. 72 c.).

PRUME. Air militaire pour violon avec piano, op. 6 (1 r. 72 c.).

VIEUXTEMPS. Six études de concert pour violon avec piano, op. 16 (2 r. 58 c.). Souvenir d'Amérique. Yankee doodle. Variations burlesques pour violon avec piano, op. 17 (1 r. 43 c.). Les mêmes variations avec quatuor (1 r. 72 c.).

Для одного фортепiano.

BEETHOVEN. Marche funèbre de la sinfonie héroïque transcrite, par Fr. Liszt (85 c.).

BERNARD. Collection d'airs favoris de l'opéra Italien à St. Petersburg. № 15. Donizetti. Trio de la Lucrezia Borgia (75 c.). № 16. Ballade de la Lucrezia Borgia (30 c.). № 17. Air Casta diva de la Norma. № 18. Trio favori du Barbier de Seville. № 19. Romance de la Linda (30 c.). № 20. Donizetti. Romance de l'Elisire d'amore (30 c.). № 21. Verdi. Air favori des Lombardi (50 c.). № 22. Donizetti. Cavatine de la Lucrezia (50 c.). № 23. Sextuor favori de la Lucrezia (30 c.).

GUNG'L. Die preussische Parade. Grosses Marsch-Potpourri, op. 47 (1 r. 43 c.).

KALKBRENNER. Fantaisie sur Richard en Palestine de A. Adam, op. 172 (1 r. 43 c.). Grand rondo brillant, op. 174 (1 r. 72 c.). Grande sonate brillante, op. 177 (2 r. 29 c.). Galop eternal de Labitzky (85 c.).

MEYER. Six Lieders ohne Worte, op. 67, sechstes Heft. (1 r. 50 c.).

MEYER (Leopold de). Le carnaval de Venise, varié, op. 31 (1 r. 15 c.).

- Fantaisie sur l'Elisire d'amore, op. 32 (1 r. 72 c.).
- Variations sur la Semiramis, op. 37 (1 r. 72 c.).
- Fantaisie orientale sur deux thèmes Arabes, op. 38 (1 r. 72 c.).
- Grande fantaisie sur la Norma, op. 40 (2 r.).
- Fantaisie sur les Hirondelles de David, op. 41 (1 r. 43 c.).

ROSELLEN. Fantaisie sur la Ste Cécile de Monfort, op. 74 (1 r. 43 c.).

- Fantaisie brillante sur la Muette de Portici, op. 75 (1 r. 72 c.).

TRALBERG. Decameron op. 57, № 3. Fantaisie sur le Pré aux clercs (1 r. 43 c.).

- Marche funèbre, op. 59 (1 г. 15 с.).
- Barcarolle, op. 60 (1 г. 43 с.).
- Valse mélodique, op. 62 (1 г. 43 с.).

WILLIERS. Il troubadore inspirato. Notturmo fantastico, op. 41 (1 г. 15 с.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятьдесятъ рублей серебромъ, пользуются такою же уступкою, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгода эта предоставлена только тѣмъ, кто обращается съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать изъ его магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы онѣ ни были изданы или въ чьемъ бы каталогѣ ни были объявлены.

Въ магазинѣ господина Бернарда вышла перваго Декабря, двенадцатая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллисте», которая содержитъ въ себѣ:

SCHUBERT. Les Plaintes de la jeune fille, transcrit par Heller. — OSBORNE. Romance sans paroles. — RAFF. Polonaise brillante de salon. — WOLFF. Mazurka originale. — Гурляевъ. — Внутренняя музыка. Романсъ. — MASINI. Une fille d'Eve, melodie. — Литературное приключеніе.

Нувеллисте будетъ выходить и въ 1846 году на тѣхъ же основаніяхъ. Къ каждой тетради онъ обѣщаетъ еще прилагать двѣ легкія пьесы для дѣтей. (Цѣна годоваго изданія 10 рублей серебромъ, а съ пересылкою 15 рублей серебромъ.)

МОДЫ.

— Парижскіе модные журналы не сообщаютъ ничего особенно замѣчательнаго, такъ, что новыхъ извѣстій нельзя прибавить ни какихъ къ тѣмъ, которыя были сообщены здѣсь въ прошломъ мѣсяцѣ. Всѣ фасоны платьевъ, всѣ уборки, тѣ же, которыя у насъ извѣстны еще съ прошлой зимы.

М. Д. Ольхинъ ждетъ изъ Парижя чудеснѣйшихъ модныхъ картинокъ, которыя съ Новаго Года будутъ прилагаться къ этому журналу. Изъ объявленія о подпискѣ извѣстно, что шесть этихъ картинокъ онъ дастъ подписчикамъ въ зимніе мѣсяцы даромъ, а кто хочетъ получать по двѣ картинки изъ *Moniteur de la mode* каждый мѣсяцъ, всего двадцать четыре въ годъ, тотъ доплачиваетъ ему пять рублей серебромъ.

MAY 6 - 1937

